



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES



3 3433 06992507 5

708160

Проф. Евгений Бобровъ.

ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ

ВЪ РОССІИ ХІХ В.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ТОМЪ I.

ЦѢна 1 руб.



КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1901.

Проф. Евгений Бобровъ.

ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ

ВЪ РОССІИ XIX В.



МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

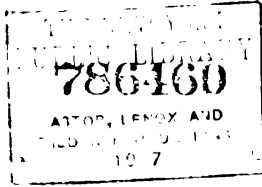
ТОМЪ I.



КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1901.



Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

ПРОФЕССОРУ, ДОКТОРУ

ПАВЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

Висковатову

благодарный ученикъ на память о былыхъ дняхъ.



*67

Оглавление.

	<i>Стр.</i>
I. Поэзія Д. В. Веневитинова въ связи съ его жизнью	3
II. Матеріалы для біографіи В. С. Печерина .	83



Къ стр. 90 и 105.

Александръ Павловичъ *Мансуровъ* (1788 + 13 окт. 1880 г.) съ 1818 г. состоялъ адъютантомъ при князѣ П. М. Волконскомъ, сопровождалъ Императора Александра I во всѣхъ заграничныхъ путешествіяхъ и снискалъ благоволеніе Монарха, который принималъ участіе и въ его интимной жизни, а именно, зналъ о привязанности его къ княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ Трубецкой (+ 26 ноября 1861 г.) ¹⁾ и выразилъ согласіе устроить ихъ бракъ, что стало извѣстно и его Премнику, который помогъ влюбленнымъ соединиться бракомъ ²⁾ въ 1826 г. Аграфена Ивановна была женщина незаурядная и пользовалась симпатіею знакомыхъ, между прочимъ, М. П. Погодина, которому рассказывала исторію своей любви съ А. П. Мансуровымъ (стр. 61—„Дневникъ“ 1826 г. 17 декабря—стр. 410).

Любопытно, что митрополитъ Филаретъ употреблялъ всѣ усилія расторгнуть этотъ бракъ двоюродныхъ (А. П. Мансуровъ по матери приходился А. И. Трубецкой двоюроднымъ бра-

¹⁾ Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская родословная книга, т. I (II изд.) СПб, 1895, Мансуровы, XIV, № 81, стр. 357 (дополнилъ П. П. Фонъ Вивклеръ).

²⁾ Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. II, гл. IX, стр. 60—62; указанія на чету Мансуровыхъ встрѣчаются не разъ и въ другихъ мѣстахъ и томахъ.

томъ); впрочемъ, противъ брака возставала и мать невѣсты. Филаретъ дѣйствовалъ чрезъ князя А. Н. Голицина, напрасно пытавшагося его успокоить, и даже подавалъ Всеподданѣйшее прошеніе объ увольненіи его въ отставку—на покой въ монастырь ¹⁾. Чтобы кончить „деликатное положеніе митрополита по оному дѣлу“, Государь приказалъ Мансурову не оставаться далѣе въ Москвѣ, а ѣхать въ Петербургъ и потомъ отправиться въ Берлинъ. 15 марта 1827 г. Трубецкіе и Погодинъ проводили навсегда изъ Москвы новобрачныхъ Мансуровыхъ ²⁾. Аграфена Ивановна Мансурова долго поддерживала сношенія съ Погодинымъ и по приѣздѣ въ Берлинъ написала ему письмо (см. его тамъ же, стр. 83).

А. П. Мансуровъ былъ въ это время флигель-адъютантомъ и военнымъ агентомъ въ Берлинѣ. Онъ дослужился до чина генерала отъ инфантеріи и генерала-адъютанта, былъ посланникомъ въ Ганноверъ и въ Гагъ ³⁾.

Печеринъ называетъ его „честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ“. Н. И. Пироговъ ⁴⁾, тоже состоявшій въ Берлинѣ профессорскимъ стипендіатомъ и находившійся въ вѣдѣніи А. П. Мансурова, сообщаетъ: „Съ отставкою князя Ливена и съ вступленіемъ въ министерство графа С. С. Уварова уволенъ былъ отъ насъ и Кранихфельдъ. Мѣсто его заступилъ генералъ Мансуровъ; при немъ мы получили прибавку жалованья и освободились совершенно отъ нравственной опеки“. (ср. ниже, стр. 189).

¹⁾ Тамъ же на стр. 62 приведено самое прошеніе.

²⁾ Тамъ же, стр. 82.

³⁾ Родословная книга, стр. 357.

⁴⁾ Н. И. Пироговъ, Сочиненія (II изданіе), т. II, стр. 409.

Проф. Евгений Бобровъ.

МАТЕРІАЛЫ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ

ПО ИСТОРИИ

русской литературы и просвѣщенія

въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.



I.

Поззія Д. В. Веневитинова въ связи съ его жизнью.

Рано пламень чувствъ, душевные порывы
Волшебной силою разрушили меня.

Стихотворенія, стр. 86 (изд. Пятковского).
«Сонетъ».

Предлагаемый обзоръ составляетъ извлеченіе изъ спеціальной монографіи, одна глава которой уже опубликована и вошла во II томъ моей книги „Философія въ Россіи“, стр. 1—18.

Предпошлемъ нашему очерку нѣсколько словъ объ издавіяхъ сочиненій Веневитинова.

1) Editio princeps (посмертное) вышло: Сочиненія Д. В. Веневитинова. Часть первая. Стихотворенія. М. въ типографіи Семена Селивановскаго. 1829—два титула (на оборотѣ ценз. разр. февр. 7 1828 г. Вас. Семенова, СПб.) + предисл. I—VI + огл. I и II стр. + тит. (отдѣленіе первое) + 1—37 + тит. (отдѣленіе второе. 1826) + 41—90 + тит. (отдѣленіе третье. Переводы изъ Гёте) + 93—129. Часть вторая. Проза. Москва 1831: 2 тит. (на обор. ценз. разр. С. Аксакова отъ 19 янв. 1831 г. М.) + „Предисловіе“ V—XVI + „оглавленіе“ + 5—120.

1*

2) Полное собраніе сочиненій російскихъ авторовъ. Сочиненія Василія Львовича Пушкина и Д. В. Веневитинова. Издавіе Александра Смирлина. 1855. Цenz. разр. В. Бекетова. СПБ, 20 мая 1855 г. Это перепечатка перваго изданія. 2 тит. + тит. (стихотворенія) + „предисловіе къ первому изданію etc“ (7—11) + 13—108 + тит. (проза) + „пред. къ п. изд. etc“ (111—120) + 121—225 (съ пустымъ обор.) + 2 венум. стр. „оглавленіе“.

3) Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изданное подъ редакціею А. П. Пятковскаго. Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ. СПБ. 1862. (cenz. разр. В. Бекетова, СПБ, 21 дек. 1861). Тит. + I. біографическій очеркъ 1—28 + II. 29—60 + тит. (стихотворенія) + 63—118 + тит. (переводы) + 121—148 + тит. (проза) + 151—226 + тит. (переводы) + 229—260 + огл. 261—263. Это самое полное изданіе. Отдѣлъ прозы дополненъ *нѣкоторыми статейками, напр., всюю полемикою съ Н. Полевымъ.*

4) Дешевая бібліотека. Полное собраніе стихотвореній Веневитинова съ біографіею и портретомъ его. СПБ. Издавіе А. С. Суворина.—въ 16-ую долю. Цenz. разр. СПБ, 5 марта 1884 г. Титулъ + „Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ“ III—VIII + 1—50 + тит. (переводы) + 53—84. Включено стихотвореніе „Импровизація“ (49), повидимому, не принадлежащее Веневитинову. Тексты испорчены.

Это изданіе вызвало указываемое ниже (стр. 7, прим. 1) письмо племянника поэта, М. А. Веневитинова, указывающее погрѣшности, какъ этого, такъ и изданія Пятковскаго.

5) Повтореніе изданія „Дешевой Библиотеки“ (cenz. разр. 30 апр. 1886 г.). Тит. + „Д. В. В.“ III—X + 1—54 + тит. (переводы) 57—90 + „оглавленіе“ I—II. Поправки М. А. Веневитинова не всѣ приняты къ исполненію. „Импровизація“ удѣлѣла (53—54). Кромѣ того, стих. XXXV. у Суворина—и въ

I изд. „Д. В.“ (стр. 44) и во II. (стр. 48) озаглавлено XXXIII. Тексты не исправлены.

Главнымъ біографическимъ трудомъ является работа А. П. Пятковского. Первый опытъ появился въ „Сборникѣ, издаваемомъ студентами Императорскаго Петербургскаго университета“. Выпускъ второй. СПб. 1860. V. О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова. Статья 1. Матеріалы для біографіи Веневитинова, стр. 213—234. Вторая обработка приложена въ сдѣланному имъ изданію сочиненій: I. Біографическій очеркъ, стр. 1—28 и II.—29—60. 3-я обработка (съ поправками племянника М. А. В.) вошла въ книгу: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Монографіи и критическія статьи А. П. Пятковского“. Въ 2 частяхъ (въ I изданіе СПб. 1876 г. о Веневитиновѣ не вошло). Второе дополненное изданіе. СПб, 1888. Часть II. 4) „О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова“, стр. 304—354. Пятковскій пользовался свѣдѣніями отъ Алексѣя Вл. Веневитинова (брата поэта), вн. В. Ѳ. Одоевскаго, друга поэта, и отъ А. П. Виноградской (по первому мужу, Кернъ), за которой поэтъ въ СПб ухаживалъ. Кромѣ того, А. П. Пятковскій пользовался письмами поэта, доселѣ не опубликованными.

Важные матеріалы содержатся еще въ статьѣ М. А. Веневитинова въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1885 г., I, ст. 8, стр. 113—131. „Къ біографіи поэта Д. В. Веневитинова. (Причины его рановой смерти“).



Дмитрій Владимирович Веневитиновъ родился 14-го сентября 1805 года въ Москвѣ, въ богатой и знатной семьѣ.

Родъ Веневитиновыхъ происходитъ отъ выходцевъ изъ города *Венева*, повидимому, давно поселившихся въ Воронежской губерніи въ числѣ служилыхъ людей, получившихъ въ XVII вѣкѣ помѣстья въ Заовскихъ городахъ, т. е. въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Тульской, Орловской, Курской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской. Этимологія фамиліи Веневитиновыхъ та же, что многихъ дворянскихъ и купеческихъ семействъ, понынѣ существующихъ въ Воронежской губерніи, имена которыхъ указываютъ на ихъ коренное происхожденіе изъ городовъ средней Россіи, откуда они переселились на югъ. Таковы напримѣръ: Болховитиновы (изъ Болхова), Масалитиновы (изъ Масальска), Тверитиновы (изъ Твери), Тулиновы (изъ Тулы), Переяславцевы (изъ Переяславля) и т. д.

Мать Д. В. Веневитинова, Анна Николаевна, была рожденная княжна Оболенская; по своей матери (въ дѣвицахъ Мусиной-Пушкиной) она считалась въ родствѣ и была въ сношеніяхъ съ семействомъ графа А. И. Мусина-Пушкина, извѣстнаго бібліофила и владѣльца единственной рукописи Слова о Полку Игоревѣ (погибшей при пожарѣ Москвы въ 1812 году) и съ родителями А. С. Пушкина. Эти родственныя связи Д. В. не остались, повидимому, безъ значенія для него. По крайней мѣрѣ, онъ занимался комментаріями на

Слово о Полку Игоревѣ, и знакомство его съ А. С. Пушкинымъ было отчасти облегчено ихъ взаимнымъ, хотя и дальнимъ родствомъ ¹⁾.

При самой благопріятной обстановкѣ долженъ былъ существовать Дм. Вл.; все ему улыбалось въ жизни—при его появленіи на свѣтъ: богатя матеріальныя средства, доставляемая обширною воронежскою вотчиною, и высокое общественное положеніе, занимаемое его семьєю, достаточно гарантировали ему спокойное, безмятежное дѣтство, давали ему возможность развиваться свободно и безпрепятственно, общая ему счастливое будущее. Словомъ, поэтъ родился подъ счастливымъ созвѣздіемъ, и первые его шаги въ жизни должны были совершаться при условіяхъ, дающихъ въ удѣлъ немногимъ счастливцамъ.

Такъ какъ онъ еще малымъ дитятей потерялъ отца, то заботы о его воспитаніи должна была взять на себя его мать, подъ надзоромъ которой и выросъ нашъ поэтъ. Женщина умная и добрая, но обладавшая и достаточно сильнымъ характеромъ, чтобы быть хорошею воспитательницею (такъ, она до 17 лѣтъ не пускала сына въ театръ), она сумѣла дать сыну прекрасное воспитаніе, не впадая ни въ баловство, ни въ чрезмерную строгость, но приучая ребенка къ „нравственной свободѣ“ и самостоятельности. За то и сынъ вплоть до самой смерти платилъ матери самую нѣжную и горячую любовь, и уже на смертномъ одрѣ горевалъ лишь о томъ, что не успѣлъ написать письмо матери ²⁾.

¹⁾ Историческій Вѣстникъ, за 1884 г., августъ, XV. Замѣтки и поправки къ біографіи Д. В. Веневитинова (письмо его племянника М. А. Веневитинова къ А. С. Суворову, издателю стихотвореній Д. В. В—ва), стр. 468—470.

²⁾ Стр. 28. Цитируемая пагинація принадлежитъ изданію *Пятковскаго*. Тексты этого изданія провѣрены мною по первому изданію стихотвореній Веневитинова—1828 г., цифры котораго приводятся въ скобкахъ. Въ скобкахъ же приводятся страницы біографіи по передѣланному изданію, вошедшему въ книгу Пятковскаго «Изъ исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія», Спб., 1888, т. II.

Отъ природы Д. В. былъ довольно веселый, рѣзвый, откровенный ребенокъ. Но главною отличительной чертою его характера, какъ натуры сильно нервной, была чрезмѣрная впечатлительность, отзывчивость, сильная и глубокая реакція на впечатлѣнія.

Первая видѣнная имъ на сценѣ пьеса, одна изъ многочисленныхъ оперъ *Россини*, положительно привела его въ какой-то экстазъ; онъ долго бредилъ тирадами изъ оперы и т. д. ¹⁾ Эта впечатлительность осталась за нимъ на всю жизнь, и разумѣется, должна была привести ему немало огорченій и разочарованій. Что весьма естественно,—при подобныхъ психическихъ задаткахъ рѣзвость часто смѣнялась серьезностью не по лѣтамъ, а впечатлѣнія виѣшнія, глубоко и рѣзко западая въ душу отзывчиваго ребенка, порождали въ ней несвоевременную, но чрезвычайно сильную наклонность къ размышленію, задумчивости, мечтательности. Словомъ, это былъ типъ рано развивающагося ребенка.

Женское воспитаніе, конечно, могло только усилить и развить всѣ эти задатки; но, несомнѣнно, оно всегда имѣло и имѣеть одну крайне цѣнную сторону. Сильное вліяніе матери отозвалось въ мальчикѣ извѣстною мягкостью и нѣжностью, сообщила ему нѣкоторую женственность, наложило на воспитаніе гуманвизирующій характеръ, что легло въ основаніе склада его убѣжденій и столь замѣтно въ его сочиненіяхъ.

Венеитинова жила открыто; ея домъ, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ въ Москвѣ, до извѣстной степени былъ салономъ, гдѣ собирались литераторы, художники, артисты, музыканты, какъ мѣстные, такъ и пріѣзжіе. Тамъ иногда происходили и литературныя чтенія. Такъ, впоследствии Пушкинъ читалъ

¹⁾ Стр. 6 (309)

тамъ своего „Бориса Годунова“¹⁾. Все это должно было дѣйствовать на мальчика сильно развивающимъ образомъ и побуждать его къ самостоятельному творчеству. И дѣйствительно, эстетическія наклонности рано проявились въ мальчикѣ. Онъ, какъ оказалось, обладалъ самыми разнообразными дарованіями. Съ большимъ усердіемъ и охотой онъ сталъ заниматься живописью и музыкой²⁾ и достигъ, по увѣренію³⁾ біографа, лично видѣвшаго его рисунки и ноты, въ обѣихъ этихъ областяхъ нѣкотораго совершенства; такъ, онъ впослѣдствіи перелазывалъ на музыку нѣкоторыя свои стихотворенія и былъ въ состояніи читать теоретическія сочиненія по музыкѣ, что въ ту пору было на Руси рѣдкостью.

Венеитинова не отдавали въ общее училище; онъ получалъ домашнее воспитаніе. Для преподаванія элементарныхъ предметовъ были приглашены особыя учителя; но они не имѣли на мальчика особеннаго вліянія, даже и учитель русской словесности⁴⁾. Но тѣмъ большее вліяніе на ребенка оказывалъ его гувернеръ, отставной капитанъ французской службы *Дорѣръ*, приглашенный, когда мальчику минуло 8 лѣтъ, и когда мать считала себя уже не въ силахъ руководить одна дальнейшимъ воспитаніемъ и образованіемъ ребенка. Выборъ былъ удаченъ, ибо Дорѣръ оказался славнымъ человѣкомъ, сумѣвшимъ пріобрѣсть себѣ любовь и уваженіе питомца⁵⁾. Гувернеръ былъ человѣкъ, воспитанный на строго-классическихъ образцахъ: по этому же пути онъ повелъ и своего ученика.

¹⁾ Стр. 21 (стр. 321), въ Суворинскомъ изд. стр. III.

²⁾ Впрочемъ, тогда было модѣ давать эстетическое воспитаніе. Ср. біографію Лермонтова, написанную *Висковатымъ* (VI томикъ сочиненій Л—ва).

³⁾ Стр. 4 и 3 примѣчаніе.

⁴⁾ Стр. 4 (307).

⁵⁾ Стр. 2 (305).

Прежде всего онъ занялся съ нимъ изученіемъ латинскаго языка, римской, и конечно, французской словесности. Латинская грамматика стала неразлучной спутницею мальчика, даже на дачѣ, лѣтомъ при прогулкахъ въ саду ¹⁾. Въ латинскомъ языкѣ Д. В., благодаря обычному прилежанію, съ какимъ онъ принимался за всякое дѣло, вскорѣ оказалъ большіе успѣхи; тогда онъ принялся за изученіе римской литературы. Но—интересно, что—въ противность большинству тогдашнихъ русскихъ писателей, возроставшихъ на французской литературѣ, и питавшихъ въ ней особое пристрастіе, Дм. Вл. не получилъ къ ней особой любви и не увлекался, напр., представителями „ложной“ классики. О французской философіи и эстетикѣ онъ всегда былъ низкаго мнѣнія и впоследствии. Сравни его отзывъ: „Давно ли *сбивчивыя* сужденія французовъ о *философіи* и *искусствахъ* почитались закономъ“? ²⁾

Для преподаванія греческаго языка и литературы былъ приглашенъ грекъ *Бейля*. Этотъ преподаватель тоже оказался мастеромъ своего дѣла и сумѣлъ пріохотить ребенка къ своему предмету. И здѣсь мальчикъ оказалъ замѣчательные успѣхи. Скоро Д. В. началъ уже специальное изученіе нѣкоторыхъ особенно любимыхъ писателей-классиковъ въ подлинникѣ. Такими были: *Платонъ*, *Эсхилъ* и *Софоклъ* ³⁾. Платонъ и впоследствии остался его любимцемъ. Вотъ его позднѣйшій отзывъ о „божественномъ философѣ“: „Въ немъ найдете вы столько же поэзіи, сколько глубокомыслія, столько же пищи для чувства, сколько для мысли ⁴⁾“—замѣчательныя слова, выражающія вкусы поэта; въ нихъ кратко и просто выразилась вся натура

¹⁾ Ср. стр. 3 (305).

²⁾ Стр. 166. «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала» (II, 27).

³⁾ Стр. 3 (306).

⁴⁾ Стр. 180. «Письмо» къ княгинѣ А. Н. Трубецкой (женѣ декабриста) (II, 14).

его—соединеніе глубокаго чувства со вдумчивостію. Увлекаясь образомъ Эсхилова «Прометей», онъ даже попытался перевести на русскій языкъ вѣсколько отрывковъ изъ этой величавой драмы аттическаго писателя ¹⁾, и это было первымъ его литературнымъ опытомъ. Къ сожалѣнію, эти отрывки не дошли до насъ.

Итакъ, мы видимъ, что Веневитиновъ получилъ строго эстетическое воспитаніе; искусства: живопись и музыка, и классическіе образы древней словесности—вотъ что съ раннихъ поръ исключительно составляло душевную пищу ребенка. Это не было беспорядочнымъ чтеніемъ французскихъ и итальянскихъ писателей, большею частью, эротическаго содержанія, каковы *Парни*, *Вольтеръ* (въ беллетристическихъ произведеніяхъ) *Ляфонтенъ*, *Аріостъ* и *tutti quanti*, на которыхъ развивался, напр., хоть бы *Пушкинъ*. Несомнѣнно, что различіе воспитанія, помимо уже природнаго различія натуръ, должно было принести и различныя плоды, различно отозваться на направленіи поэтическаго творчества обихъ. Классическій міръ, съ которымъ Д. В. ознакомился, гдѣ по его словамъ, „мысли и чувства“ ²⁾ соединялись въ одной очаровательной области, заключающей въ себѣ вселенную, гдѣ философія и всѣ искусства, тѣсно связанныя между собой, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ“ ³⁾, должны были наложить свою печать изящества и пластики на произведенія самого Веневитинова, а полное соответствіе между формою и содержаніемъ—сообщить гармонію и равновѣсіе впечатлительной душѣ поэта ⁴⁾. Этимъ тщательнымъ изученіемъ древне-классической

¹⁾ Стр. 3 (306).

²⁾ Стр. 188. Разборъ соч. Мерзлякова (стр. 67—68).

³⁾ Это—любимая мысль Д. В. о необходимости сочетанія мысли и чувства (стр. 10 выше).

⁴⁾ Ср. позднѣйшіи отзывы его о классическихъ произведеніяхъ: «Новѣйшія произведенія, безъ сомнѣнія, не могутъ сравниться съ древними въ разсужденія

литературы объясняется и позднѣйшее пристрастіе поэта къ *Гёте*, который навсегда остался любимѣйшимъ писателемъ Веневитинова, и изъ котораго онъ сдѣлалъ нѣсколько очень удачныхъ переводовъ. Вообще, изученіе классическихъ произведеній, если не заохотило его къ т. н. ложноклассической французской школѣ, за то на вѣки отвратило отъ легкаго французскаго направленія и направило его скорѣе къ изученію современной ему нѣмецкой литературы, которая въ лицѣ *Гёте* и *Шиллера* въ это время уже повернула къ античному направленію и къ его пропагандѣ. Кромѣ того, Д. В. рано ознакомился съ *Байрономъ* во французскомъ переводѣ и тоже увлекался имъ.

И между латинскими классиками Веневитиновъ имѣлъ своихъ любимцевъ: онъ съ особеннымъ увлеченіемъ занимался *Гораціемъ*, „который не сходилъ съ его письменнаго стола“¹⁾. Между тѣмъ онъ продолжалъ свои литературныя упражненія: сдѣлалъ изъ того же Горація нѣсколько переводовъ, которые не дошли до насъ. Въ это время Д. В. совершилъ и переводъ отрывка изъ „Георгикъ“ *Вергилия*, озаглавленный имъ „Знаменія предъ смертью Цезаря“. Переводъ очень старательный, но языкъ еще не выработанъ, и мѣстами отзывается „славянщицей“ и „высокимъ штилемъ“. Для образца приведемъ нѣсколько стиховъ²⁾:

Но все грозило намъ—и ревъ морскихъ валовъ,
И врановъ томный кликъ, и лай ужасный псовъ.
Колькраты (sic) зрѣли мы, какъ Этны горнъ кремнистой
Расплавленны скалы вращалъ рѣкой огнистой

полноты и подробнаго совершенства. Въ нихъ еще не опредѣлены отношенія частей къ цѣлому. (Разборъ разсужденія Мерзлякова, стр. 184). (II, 62).

¹⁾ Стр. 5 (307).

²⁾ Стр. 63—64 (3—5).

И пламя клубами на поле изрыгалъ...
....Земля отверзлася, Тибръ устремился вспять...
....Двукратно рокъ велѣлъ, чтобъ римскія дружины
Питали кровію еракійскія долины...

и т. д.

Замѣтимъ, впрочемъ, что тогда на русскую литературу пока еще не обращали большого вниманія: Дм. Вл., вѣроятно, не имѣлъ хорошаго учителя словесности, такъ что самъ принужденъ ¹⁾ былъ заботиться о пополненіи своихъ познаній въ этой области. Одною изъ первыхъ русскихъ книгъ, попавшихся ему, была „Исторія Государства Россійскаго“ *Карамзина*, которую онъ и поглотилъ, какъ большинство современниковъ, „съ жадностью“. Что же касается „славянщины“ въ языкѣ, то нужно вспомнить, что она попадалась и у лучшихъ тогдашнихъ поэтовъ, обновителей литературнаго языка, какъ то у *Жуковского*, даже у *Батюшкова* и *Пушкина* (въ начальную эпоху), такъ что нельзя бытъ слишкомъ требовательнымъ къ мальчику-поэту.

16 лѣтъ (въ 1821 г.) Веневитиновъ написалъ свое первое оригинальное стихотвореніе, маленькое посланіе „къ друзьямъ“, подъ коими, по объясненію біографа ²⁾, должно разумѣть (старшаго брата философа) *Ф. С. Хомякова*, до самой смерти поэта вѣрнаго его друга, — и художника *Скарятина*; съ обоими онъ сошелся чуть ли еще не въ дѣтствѣ. Стихотвореніе написано въ буколико-идиллическомъ тонѣ, очевидно, навѣянномъ Гораціемъ ³⁾:

¹⁾ Стр. 4 (307).

²⁾ Стр. 5 (308).

³⁾ Стр. 64—65 (1—2).

Къ друзьямъ.

Пусть искатель гордой славы
Жертвуетъ покоемъ ей!
Пусть летитъ онъ въ бой кровавый
За толпой богатырей!

.
. пѣвецъ *тѣсовъ*(?),
Я счастливъ и безъ вѣнцовъ
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

(Послѣдній стихъ служитъ рефреномъ)

Пусть богатства страсть терзаетъ
Алчущихъ рабовъ своихъ!

.
Я безъ золота богатъ
Съ лирой, съ вѣрными друзьями.

Пусть веселій рой шумящій
За собой толпы влечетъ!...

.
Я... Весель участью своей
Съ лирой, съ вѣрными друзьями!

Впрочемъ, и въ этомъ произведеніи до извѣстной степени можно уже прослѣдить природную склонность поэта къ тихой, трудовой жизни среди *тѣснаго кружка друзей* и его отвращеніе отъ шумнаго, свѣтскаго образа жизни. Пока въ немъ сквозитъ довольство жизнью юноши, еще не видѣвшаго серьезныхъ житейскихъ огорченій, не страдавшаго сильно, и не встрѣчавшаго еще непреодолимыхъ препятствій. Конечно, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства съ реальною жизнью, подобный идиллическій взглядъ, да притомъ, еще отчасти замѣствованный, навѣянный, долженъ былъ мало по малу ис-

чезнуть, оставивъ по себѣ горечь разочарованія (какъ оно и случилось).

Около этого же времени Д. В. перевелъ изъ *Грессе* (единственный его переводъ съ французскаго) довольно извѣстное стихотвореніе

„Вѣточка“¹⁾.

Въ безцѣнный часъ уединенья...
Въ тѣни дубравы молчаливой—
Видалъ ли ты, какъ вѣтръ игривой
Младую вѣточку сорветъ?....
Она віется, упадая
На зеркало ручейныхъ водъ,
И новый житель влаги чистой,
Съ потокомъ плыть принуждена....
Плыветъ—все новое встрѣчаетъ,
Все незнакомые края...
.
Такъ далѣй вѣточка плыветъ
И *путь невѣрный* свой свершаетъ,
Пока она *не утонетъ*
Въ пучинѣ *безпредѣльныхъ* водъ.

Самому Веневитинову принадлежитъ—(Мат., стр. 218)
заключительная, смѣлая, философская параллель:

Вотъ наша жизнь!—такъ къ *вѣрной* цѣли
Необоримую волной
Потокъ насъ всѣхъ отъ колыбели
Влечетъ до двери гробовой.

¹⁾ Стр. 65—66 (8—9).

Переводъ, по сличенію, довольно близокъ къ оригиналу ¹⁾.

Нельзя не замѣтить въ обоихъ цитованныхъ стихотвореніяхъ, а особенно въ первомъ значительнаго успѣха относительно гладкости стиха; языкъ тоже чистый и безъ примѣси „высокаго штиля“.

На этомъ мы заканчиваемъ обзорѣніе поэзіи изъ первой эпохи жизни поэта и переходимъ ко второй—жизни университетской и служебной.

¹⁾Ср. стр. 66—примѣчаніе. Ни въ одномъ изъ трехъ бывшихъ у меня подъ руками изданій сочиненій *Grasse* (Londres, 1751, 1758, 1765 in 16) въ двухъ томахъ—я не отыскалъ этого стихотворенія. Пятковский перепечаталъ его изъ *Galerie littéraire par Maigrot* (Mat. стр. 218).

Университетскіе годы Дм. Вл. текли среди постоянныхъ и неустанныхъ трудовъ и научныхъ занятій. Филологическіе, философскіе и словесные курсы онъ дополнялъ слушаніемъ лекцій по естественнымъ наукамъ. Такъ онъ занимался анатоміей и фізіологіей подъ руководствомъ профессора *Лодера*, и эти занятія имѣли на Дм. Вл. большое вліяніе. Черезъ два года (въ 1824 г.) 19 лѣтъ онъ былъ уже въ состояніи сдать экзаменъ, дававшій тогда право на производство въ высшіе чины.

По окончаніи курса Веневитиновъ¹⁾ поступилъ на дѣйствительную службу. По своей знатности, богатству, талантамъ и образованію онъ могъ разсчитывать на блестящую карьеру на любомъ поприщѣ. Напр., въ то время, военная служба была еще заманчивой; въ нее поступало много отлично образованныхъ людей; въ рядахъ русской арміи бывали и люди, какъ *А. С. Грибоедовъ*, *П. Я. Чадаевъ* и др. Но понятно, что человѣкъ такого склада ума, такого воспитанія и образованія, какъ Веневитиновъ, тихал, сосредоточенная натура, не могъ бы найти себѣ удовлетворенія и дѣятельности по душѣ въ военной службѣ¹⁾. Онъ избралъ себѣ довольно скромную службу

¹⁾ Сравни его косвенный отзывъ о военной службѣ въ «Посланіи къ Скарятину», живописцу, служившему въ драгунахъ (т. е. въ военной службѣ), гдѣ очертивъ пирушку, среди которой, быть можетъ, находится тогда его пріятель «на берегу Днѣпра», говоритъ слѣдующее:

...Быть можетъ...

Ж а л ѣ я мыслю о прежней тишинѣ,

въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ ¹⁾),— службу, дававшую въ послѣдствіи возможность перейти и въ самую Коллегію. Чуть ли не избралъ онъ этотъ родъ службы, отчасти, въ расчетѣ попасть въ будущемъ въ какое-либо русское посольство, и такимъ образомъ пожить за границей, ознакомиться въ точности съ иною жизнью, съ иными порядками, съ иною природою. Но несомнѣнно, что архивная служба была удобна для Веневитинова уже и тѣмъ, что не требовала отъ него пока разлуки съ матерью и „вѣрными друзьями“.

Склонность къ тихой, нешумной жизни, къ тихимъ кабинетнымъ занятіямъ, къ тихому, мирному дѣлу тоже, вѣроятно, играла не послѣднюю роль при выборѣ имъ служебнаго поприща. Вотъ его собственные слова изъ „Посланія къ *Сжартину*“, написаннаго въ слѣдующемъ году:

О другъ! мы разными стезями
Пройдемъ опредѣленный путь:
Ты избралъ поприще, покрытое трудами,—
Я захотѣлъ заранѣй отдохнуть;
Подъ мирной сѣнію оливы
Я избралъ свой пріютъ; но *жеребій мой счастливый*
Не долженъ славою мелькнуть:
У скромной тишины на лонѣ
Прокрадется безвѣстно жизнь моя,
Какъ тихая вода пустыннаго ручья.—

Ты вспомнишь о друзьяхъ, ты вспомнишь обо мнѣ;
Чуждаясь новыхъ сихъ веселій,....
...Промолвишь про себя: мы нѣкогда ушли
Шагать съ престоійностию, проказничать съ умомъ.
(Стр. 85). Стихотвореніе отъ 1825 года.

¹⁾ Нужно замѣтить, что въ Архивѣ служили тогда самые замѣчательные молодые московскіе люди («архивные юноши»): И. Кирѣевскій, Шевыревъ, Соболевскій и др. (т. I. соч. Кирѣевского, стр. 8).

Ты бодрый духъ обрекъ Беллонѣ,
И доблесть сильныхъ возлюбя,
Обрекъ свой мечъ кумиру громвой славы ¹⁾!

Но художникъ не можетъ быть солдатомъ;

Скарятину:

...Стана шумъ, войнскія забавы,
Все будетъ чуждо для тебя,
Какъ сна нежданна видѣнья,
Какъ міра новаго явленья.



¹⁾ Стр. 85 (17—18).

И въ Университетѣ, и на службѣ Веневитиновъ не покидалъ своихъ литературныхъ занятій: онъ умѣлъ находить время и для нихъ. Такъ, онъ перевелъ изъ *Макферсона* по французскому переводу (англійскихъ классиковъ Дм. Вл., вообще, могъ изучать лишь въ переводахъ, такъ какъ не обладалъ знаніемъ англійскаго языка ¹⁾ „Пѣснь Кольмы“, небольшой эпизодъ изъ поэмы мнимаго *Оссіана* „The songs of Selma“ ²⁾, гдѣ *Минона* поетъ предъ королемъ о несчастной Кольмѣ, ожидающей ночью на скалѣ въ бурю своего возлюбленнаго Сальгара. Веневитиновъ перевелъ только первую половину ³⁾ пѣсни. Несмотря на то, что переводъ сдѣланъ съ французскаго, онъ оказался по сдѣланному мною сличенію съ англійскимъ подлинникомъ довольно точнымъ.

Ужасна ночь, а я одна
 Здѣсь на вершинѣ одинокой

 Ужасно надъ моей главой

¹⁾ Стр. 17 (318) примѣч. 2-е.

²⁾ Ср. The poems of Ossian, transl. by James Macpherson (Tauchnitz Collection of Br. Authors, Band 116, 1847 г.) стр. 208—214. Содержаніе маленькой поэмы состоитъ въ изображеніи состязанія бардовъ въ пѣснопѣніяхъ на праздникъ въ честь вечерней звезды Selma. *Минона*, дочь *Тормана*, принимаетъ участіе въ состязаніи. Подлинникъ—въ прозѣ.

³⁾ Л. с. стр. 209.

Гремитъ перунъ, несутся тучи.
Куда бѣжать? гдѣ милый мой?
Увы, подъ бурю noctuam
Я безъ убѣжища, одна!
Блесни на высотѣ, луна,
Возстань, явися надъ горою!
Быть можетъ, благодатный свѣтъ
Меня къ Сальгару приведетъ....

.

Ужаснѣй громъ; ужаснѣй тѣнь;
Сильнѣе вѣтровъ завыванье,
Сильнѣе волнъ сѣдыхъ плесканье;
И гласа не слышать!
О вѣрный другъ, Сальгаръ мой милый!
Гдѣ ты? ахъ, долго ль мнѣ унылой
Среди пустыни сей страдать?.....

.

и т. д. ¹⁾.

Въ 1824 г. нашъ поэтъ начиналъ поэму изъ русской исторіи; изъ этой поэмы уцѣлѣло два отрывка. Поэтъ, бывши ²⁾ ребенкомъ въ г. Зарайскѣ, слышалъ преданіе о князѣ Федорѣ (изъ временъ нашествія татаръ), получившемъ предложеніе отъ Батя отдалъ ему, подъ условіемъ помилованія, въ наложницы свою прекрасную супругу Евпраксию; несогласившійся князь палъ въ битвѣ, а жена съ младенцемъ бросилась со стѣны, дабы избѣжать позора. Это трагическое событіе и пожелалъ поэтъ изобразить въ своей поэмѣ, но почему то не докончилъ ея, быть можетъ, не совладавъ съ темой.

¹⁾ Стр. 70, 71 (14—15).

²⁾ Стр. 9 (311).

Первый отрывок ¹⁾ заключаетъ въ себѣ обращеніе къ рѣкѣ Осетру и изображеніе зловѣщей кометы.

Шуми, Осетръ! твой берегъ украшенъ
Дѣлами славной старины...
Но кто надъ древнею рѣкою
Разбросилъ груды кирпичей,
Остатки древнихъ укрѣпленій,
Развалины минувшихъ дней?...
...Брань пылала въ сей странѣ,
Но бранныхъ нѣтъ уже...
...Прошло побѣды ликованье,
Умолянулъ побѣжденныхъ стонъ;
Одно лишь темное преданье
Вѣщаетъ о дѣлахъ вѣговъ
И вѣсть вокругъ нѣмыхъ гробовъ.

Взгляни, какъ новое свѣтило...
Поля Рязански озарило
Зловѣщимъ пурпурнымъ лучомъ...
Толпа средь княжескаго двора (sic)
Растетъ, тѣснится и шумить...
Несется разная молва.
...Иные предвѣщаютъ
Войну кровавую иль гладь;
....говорятъ,
Что скоро....
Раздастся звукъ трубы священной...
...На лицахъ суетѣрный страхъ,
И съ хладнымъ трепетомъ смятенья
Власы поднялись на челахъ (sic).

¹⁾ Стр. 67—68 (10—11).

Второй отрывок рисуетъ невеселый пиръ у князя
Федора ¹⁾).

II

Средь терема, въ покоѣ темномъ,
Подъ сводомъ мрачнымъ и огромнымъ....
....Князь Федоръ окруженъ толпою
Боаръ и братьевъ молодыхъ.
Но нѣтъ веселія межъ нихъ:
Въ борьбѣ съ тревогою нѣмою
Глубокой думою томясь,
На длань склонился юный князь....
Князья, боаре всѣ молчали—
Лишь чаши звонкія стучали,
И въ нихъ шипѣлъ кипящій медъ....
И Федоръ безъ отрады пьетъ.
Въ немъ сердце къ радости остыло:
.
Ты улетѣлъ, восторгъ счастливый,
И вы, прелестныя мечты,
Весенней жизни красоты!...
Давно ли онъ съ супругой милой
Одну лишь радость въ жизни зналъ!...
И часъ вечерняго досуга
Въ бесѣдѣ дружескаго круга,
Какъ чистый, быстрый мигъ летѣлъ.

1823 годъ Веневитиновъ началъ посланіемъ „Къ друзьямъ
на новый годъ“ ²⁾). Поэтъ увѣщаетъ своихъ друзей, нахо-

¹⁾ Стр. 68—70 (12—13).

²⁾ Стр. 72 (6—7).

дащихся въ Петербургѣ („среди Петропольскихъ затѣй“) не забывать старыхъ друзей и радостей, вмѣстѣ пережитыхъ,— не забывать музъ и звуковъ лирныхъ, „занятій сладостныхъ и мирныхъ“:

Друзья, насталь и новый годъ!
Забудьте старыя печали....
...Но не забудьте ясныхъ дней,
Забавъ, веселій легкокрылыхъ...,
И старыхъ, искреннихъ друзей (рефренъ)!

Живите новымъ въ новый годъ,
Покиньте старыя мечтанья,
И все, что счастья не дастъ,
А лишь однѣ родить желанья!
По прежнему....
Любите музъ и пѣсенъ сладость,
Любите шутки, игры, радость,
И старыхъ, искреннихъ друзей.

Друзья! встрѣчайте новый годъ
Въ кругу родныхъ, среди свободы. .
Но... Не забывайте *звуковъ лирныхъ,*
Занятій сладостныхъ и мирныхъ,
И старыхъ, искреннихъ друзей!

Весьма выдающимися произведеніями этого періода надо признать двѣ пьесы, почерпающія содержаніе свое изъ событій, современныхъ поэту,—изъ греческаго возстанія: „Отрывки (4) изъ неоконченнаго пролога: *Смерть Байрона*“, и „*Пѣснь Грека*“. Эти пьесы, рисуя намъ возрѣнія Вене-Витинова, показываютъ, что и онъ, подобно всѣмъ гуманнымъ, честно мыслящимъ людямъ того времени, глубоко и горячо симпатизировалъ возстанію угнетенной и поращенной націи.

Участіе Байрона, наиболѣе моднаго поэта того времени въ возстаніи, и самая смерть его, какъ извѣстно, придала много интереса текущимъ событіямъ, обратила на нихъ вниманіе самыхъ равнодушныхъ. Всѣхъ же тѣхъ, кто любилъ Байрона, кто считалъ его своимъ „учителемъ“, кто видѣлъ въ немъ наиболѣе полного и лучшаго представителя своей эпохи, выразителя современнаго духа, какъ громомъ поразила вѣсть объ его гибели. Богъ вѣсть, чѣмъ было вызвано участіе поэта въ возстаніи: одушевляли ли его одни лишь благородныя чувства, или то было, отчасти, и прихотью натуры, привыкшей къ бродячей жизни, ищущей все новыхъ и новыхъ неиспытанныхъ ощущений, или, наконецъ, не было ли у него и какой-нибудь задней мысли,—не совсѣмъ извѣстно. Но, во всякомъ случаѣ, неожиданная смерть окружила его память въ глазахъ потомства и, отчасти, современниковъ ореоломъ мученичества за идею, представила его въ наиболѣе выгодномъ для него свѣтѣ. Немудрено, что и нашъ юноша-поэтъ увлекся общимъ, царившимъ тогда въ передовой части общества настроеніемъ и задумалъ воспѣть смерть Байрона въ особомъ прологѣ, который остался почему то недоконченнымъ, и дошелъ до насъ въ отрывочныхъ отрывкахъ. Общій планъ этой пьесы неизвѣстенъ ¹⁾. I отрывокъ представляетъ собой монологъ Байрона, гдѣ онъ излагаетъ причины, якобы приведшія его въ Грецію:

I.

Къ тебѣ стремился я, страна очарованій!
Ты въ блескѣ снилась мнѣ, и ясный образъ твой...

¹⁾ Стр. 73 прим. или стр. 28 Смирдявскаго изд., I изд. 22.

На крыльяхъ радужныхъ леталъ передо мной.
Ты общала мнѣ отдать восторгъ цѣлебной,
Насытить жадный духъ добычею вѣковъ....
...Здѣсь думалъ я поднять таинственный покровъ
Съ чела таинственной природы....
...И въ океанѣ красоты
Забуть обманъ любви, забыть обманъ свободы.

Второй отрывокъ ¹⁾ включаетъ въ себѣ разговоръ „вождя Грековъ“ съ Байрономъ. Вождь, указывая ему на „вражьи корабли“, и предрекая имъ близкую гибель отъ сидящихъ въ засадѣ грековъ, велитъ ему:

Сынъ Сѣвера, готовься къ бою!

Байронъ: Я умереть всегда готовъ!

Вождь: Да, смерть сладка, когда цвѣтъ жизни
Приносишь въ дань своей отчизнѣ.

Онъ рассказываетъ далѣе, какъ онъ и товарищи подо-
жгли турецкіе корабли, ночевавшіе у „славнаго берега *Xio*“.

Взвилися молнии роковыя,
И вмигъ зажглись валы морскіе.
Громады кораблей взлетѣли,—
И все затихло въ безднѣ водъ.
Что жъ озарилъ лучъ ясный утра?—
Лишь опустѣлый океанъ,
Гдѣ изрѣдка обломокъ судна
Къ зеленымъ неся берегамъ,
Иль трупъ холодный и съ чалмою
Качался тихо надъ волною.

¹⁾ Стр. 73—75 (23—24).

Третій отрывокъ ¹⁾ представляетъ собой „хоръ“ Греговъ, (вѣроятно?) согласно приказанію вождя, плывущихъ топить турецкіе корабли:

Валы Архипелага
Кипятъ подъ злой ватагой;
Друзья, на корабляхъ
Вдали чалмы мелькають,
И мѣсяцы сверкають
На бѣлыхъ парусахъ.

Плывутъ рабы Султана....
Пусть ихъ несетъ отвага!
Сыны Архипелага
Имъ смерть пошлютъ во слѣдъ!

Четвертый отрывокъ—²⁾ также изображаетъ „хоръ“, оплакивающий Байрона, гибель котораго должна еще болѣе воодушевить смѣлыхъ борцовъ за свободу:

Орель! какой перунъ враждебной
Полетъ твой смѣлый прекратилъ?....
Реви уныло, бурный валъ:
Пусть Альбіона берегъ дальній,
Трепеща, слышитъ, что онъ палъ!

Стекайтесь, племена Эллады,
Сыны свободы и побѣдъ!
Пусть....
Надъ гробомъ грянетъ нашъ обѣтъ:

¹⁾ Стр. 75 (25).

²⁾ Стр. 75—76 (26).

Сражаться....
За счастье Греції, за мечь,
И въ жертву падшему герою
Луну поблекшую принести!

Таковыми же высокими поэтическими достоинствами обладает и „пѣснь грека“ ¹⁾, повѣствующаго о гибели всѣхъ его родныхъ подъ руками Турокъ и о его страшной мести за эти невозвратныя потери:

Подъ небомъ Аттики богатой
Цвѣла счастливая семья....
....Но турокъ злыя ополченья
На наши хлынули владѣнья....
Погибла мать, отецъ убить,
Со мной спаслась сестра младая.
Я съ нею скрылся, повторяя:
За все мой мечъ вамъ отомститъ! (рефрѣнъ)...

....Нашъ легкій челнъ помчалъ насъ въ море,
Пылало бѣдное село,....
....Сестра рыдала....
....Я припѣвалъ ей въ утѣшенье:
За все мой мечъ вамъ отомститъ!

Плывемъ, и при лунѣ сребристой
Мы видимъ крѣпость надъ скалой.
Вверху, какъ тѣнь, на башнѣ мшистой
Шагалъ турецкой часовой;
Чалма склонилася къ пищали....
....И вотъ въ рукахъ моихъ лежитъ
Безъ жизни дѣва молодая....
....Пристала къ берегу ладья,

¹⁾ Стр. 76—78 (27—29).

И надъ шумящею волною
Сестрѣ могилу вырылъ я.
....Подъ скалою трупъ зарыть.
Но на скалѣ сей....
Я начерталъ обѣтъ священной:
За все и т. д.

Съ тѣхъ поръ меня магометане
Узнали въ стычкѣ боевой....
....Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Все, все припомню въ часъ ужасной;
И всякій разъ, какъ мечъ блеститъ,
И падаетъ глава съ чалмою,
Я говорю съ улыбкой злою:
За все мой мечъ вамъ отомститъ!

[Послѣдніе стихи немного мелодраматичны и рисуютъ намъ вмѣсто грека какого то романтическаго злодѣя].

Въ противоположность разобраннѣмъ стихотвореніямъ— пьеса „Любимый цвѣтъ“, (посвященная сестрѣ поэта, Софіи), очень слаба, страдаетъ неясностью сюжета и несовершенствомъ формы.

Поэтъ заявляетъ, что, хотя

На небѣ всѣ цвѣты прекрасны,..
....Всѣ дышатъ горней красотой,

хотя онъ любитъ „цвѣтъ лазури ясный“, „цвѣтъ луны“, „цвѣтъ радуги прозрачной“¹⁾,

Но изъ цвѣтовъ любимый мой
Есть цвѣтъ денницы молодой....
....Онъ чистъ, какъ дѣвы взоръ стыдливой,
И ясенъ, какъ младенца сонъ²⁾.

¹⁾ Стр. 78—80 (30—32).

²⁾ Сравненія, напоминающія Бестужева-Марлинскаго.

Поэтъ обращается къ сестрѣ:

Когда.... Въ предѣлахъ тѣсной колыбели
....Ты почивала, но во снѣ,
Душой разгадывая вѣчность,
Встрѣчала ясную мечту
Улыбкой милою, прелестной ...
....Твой хранитель-гость небесной
Взмахнулъ таинственнымъ крыломъ,—
И тѣнь ночная пробѣжала,
На небосклонѣ заиграла
Денница пурпурнымъ огнемъ,
И лучъ румянаго разсвѣта
Твои ланиты озарилъ.
Съ тѣхъ поръ онъ вдвое сталъ мнѣ милъ....
....Храни его!... не даромъ онъ
На дѣвственныхъ щекахъ возженъ...
....Онъ—печать минуты ясной,
Залогъ онъ тайный, не земной.
....Межъ цвѣтовъ есть цвѣтъ святой,—
То цвѣтъ денницы молодой.

Къ этой же эпохѣ относятся посланія „*К. И. Герке*“, и цитированное (стр. 17—18 прим.) уже „*Къ Скарятину*“; *Герке* онъ посылаетъ одну изъ трагедій *Захаріи Вернера* и совѣтуетъ ему ¹⁾:

....Когда свободный отъ трудовъ
Ты сердцемъ жаждешь вдохновенья,
Гармоньи сладостной стиховъ,
Читай, мечтай, пусть предъ тобою

¹⁾ Стр. 80—81 (33—35).

Завѣса времени падеть....
....Взгляни, уже могучій геній
Расторгнулъ хладный мразъ могилъ....

Представляя одну изъ сценъ трагедіи, поэтъ такъ рисуетъ производимое ею впечатлѣніе:

Ты слушаешь—и слезы пали
На листъ съ пылающихъ ланить,
И чувство тихое печали
Невольно сердце шевелить.

И тутъ поэтъ переходитъ къ своимъ любимымъ мыслямъ:

Блаженъ, блаженъ, кто въ полдень жизни
И на закатѣ ясныхъ лѣтъ....
....Еще въ фантазіи живетъ,....
....Кто сочетаетъ съ сѣдиной
Воображенье молодое
И *разумъ* съ *пламенной* душой!

Въ волшебной чашѣ наслажденья
Онъ дна пуста не найдетъ
И всклизнетъ въ чувствахъ упоенья:
„Прекрасному предъловъ нтъ“! (курсивъ
подлинника)

Посланіе къ „Сварятину“ написано „при посылѣ ему водевиля“. Этотъ водевиль былъ написанъ поэткомъ для домашняго спектакля, и состоялъ изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ сценъ ¹⁾. Поэтъ извиняется предъ другомъ, что онъ „приноситъ ему въ даръ не плодъ высокихъ

¹⁾ Стр. 83 (16—18).

вдохновеній“, что „его лира звучала нестройной пѣснiю“, и что онъ промѣнялъ „въ безумьи улыбку музъ на смѣхъ Сатира“. Онъ напоминаетъ Сквартину, что тотъ и „самъ—прекраснаго искатель“, но:

Нерѣдко для проказъ забывъ восторгъ живой,
Кидая кисть,...
Предъ музами грѣшилъ наединѣ
И смѣлымъ углемъ на стѣнѣ
Чертилъ фантазiи игривыя созданья.

Поэтъ объясняетъ это тѣмъ, что

Воображенъе безъ оковъ,
Оно, какъ бабочка, игриво.

Но, добавляетъ онъ:

Не думай, чтобъ во мнѣ погасъ
Къ высокимъ пѣснямъ жаръ! Нѣтъ, онъ въ душѣ
таится,
Его пробудить вновь поэта мощный гласъ....
....Пусть это сонъ! меня онъ утѣшаетъ,
И я не буду унывать,
Пока судьба мнѣ позволяетъ
Восторгъ съ друзьями раздѣлять ¹⁾.

Намъ остается разобрать еще два сонета, написанные Д. В. въ Москвѣ. Въ первомъ изъ нихъ ²⁾ поэтъ обращается въ „Чистому Духу, источнику вдохновенья“, въ которому „на крыльяхъ любви несется“ его мысль.

¹⁾ Стр. 84 (17).

²⁾ Стр. 82 (19).

Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края!

Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной:
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной,
И мнѣ осталось надѣяться, любить!

Греми надеждою, греми любовью, лира!...
....И еслибъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ ээира,
И хаосъ задавилъ природу пустотой,—
Греми! Пусть сѣгуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой!

Несмотря на всю прелесть этого сонета, второй ¹⁾ еще превосходить его; въ немъ слышны, отчасти, и автобіографическія струны:

*Спокойно дни мои цвѣли въ долинахъ жизни;
Меня лелѣли веселіе съ мечтой;
Мнѣ міръ фантазіи былъ ясный край отчизны:
Онъ привлекалъ меня знакомой красотой.*

*Но рано пламень чувствъ, душевные порывы
Волшебной силою разрушили меня...*

....О муза! я позналъ твое очарованье!
Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость арыхъ волнъ....
....Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти полнъ?
Прости! питомецъ твой тобою погибаетъ,
И, погибающій, тебя благословляетъ!

Наконецъ, „Послание въ Рожалину“ ²⁾, „составляетъ“, по словамъ біографа ³⁾, „эпоху въ юности поэта“ и „начи-

¹⁾ Стр. 86 (20—21).

²⁾ Стр. 82—83 (36—37).

³⁾ Стр. 11 (312).

наетъ собою новый періодъ въ его жизни“. Рожалинъ былъ однимъ изъ членовъ кружка шеллинговцевъ. Посланіе, дѣйствительно, замѣчательно въ автобіографическомъ отношеніи; написано оно въ тяжелую минуту, когда „поэтъ былъ обманутъ однимъ близкимъ челоѣкомъ, долго скрывавшимъ свой истинный характеръ“ ¹⁾).

(Начальные стихи:

Я молодъ, другъ мой,—въ цвѣтѣ лѣтъ,
Но я извѣдалъ *жизни море*,
И для меня ужъ *тайны нѣтъ*
Ни въ пылкой радости, ни въ горѣ,

въ устахъ девятнадцатилѣтняго поэта невольно вызываютъ въ памяти Пушкинскіе стихи о Ленскомъ:

Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ].

Я долго тѣшился мечтой,
Звѣздамъ небеснымъ слѣпо вѣрилъ,
И океанъ безбрежный мѣрилъ
Своею утлою ладьей....
....И гордо плылъ, забывъ края.
И что жъ скрывалось подъ волною?
О камень грянулъ я ладью,—
И въ дребезги моя ладья!
Обманутъ небомъ и мечтою,
Я проглялъ жребій и мечты!....

Мы увидимъ скоро, какъ поэтъ переходитъ отъ такого

¹⁾ Стр. 11 (312).

наивнаго выраженія горя въ звукамъ, поистинѣ, надрывающимъ душу.

Заканчивая общій обзоръ поэтической дѣятельности поэта въ московскій періодъ его жизни, мы не можемъ не отмѣтить, что за эти немногіе годы университетской и служебной жизни юный поэтъ сдѣлалъ, благодаря изученію достойныхъ образцовъ, и благодаря постоянному упражненію большіе успѣхи. Выработка внѣшней формы окончена; въ нѣкоторыхъ пьесахъ, какъ въ тѣхъ же сонетахъ, она достигаетъ совершенства: стихъ гладокъ, порою блестящъ и ничуть не уступаетъ стиху лучшихъ представителей поэзіи того времени на Руси. Изъ поэтически настроеннаго мальчика выработался симпатичный лирическій юноша-поэтъ, который въ своихъ петербургскихъ стихотвореніяхъ скоро выважетъ всю глубину своего таланта.

Теперь намъ предстоитъ коснуться одного очень важнаго фактора въ послѣдующей судьбѣ поэта—его любви. Основательный, глубокий мыслитель-философъ, дѣльный критикъ и филологъ не избѣжалъ общей людской участи: возрастъ взялъ свое. Въ половинѣ 1825 года онъ влюбился ¹⁾. „Мы еще не имѣемъ права назвать положительно имя той, которая возбудила въ себѣ такую пылкую, но дѣтски-чистую страсть“, говоритъ Пятковский. Эту тайну въ 1876 году раскрылъ Некрасовъ въ своей поэмѣ „Княгиня М. Н. Волконская“. Избранная Веневитинова была княгиня Зинаида Волконская, урожденная княжна Бѣлосельская ²⁾. Вотъ что говоритъ въ своей поэмѣ Некрасовъ отъ лица героини, вѣдущей изъ Петербурга въ своему мужу въ ссылку—въ Сибирь:

Я скоро въ Москву прискакала
Къ сестрѣ Зинаидѣ. Мила и умна
Была молодая княгиня.
Какъ музыку знала! Какъ пѣла она!
Искусство ей было святыня.
Она намъ оставила книгу новеллъ,
Исполненныхъ граціи нѣжной.

¹⁾ Стр. 19 (319).

²⁾ Стихотворенія Некрасова, изд. 1879, томъ IV, часть II, стр. LXXXII, прим. 4-е.

*Поэтъ Веневитиновъ стансы ей пѣлъ,
Влюбленный въ нее безнадежно;
Въ Италіи годъ Зинаида жила
И къ намъ—по сказанью поэта—
„Цвѣтъ южнаго неба въ очахъ принесла“¹⁾.
Царица московскаго свѣта,
Она не чуждалась артистовъ: житье
Имъ было у Зины въ гостинной;
Они уважали, любили ее
И сѣверной звали Коринной²⁾....
Все вечеромъ съѣхалось къ Зинѣ моей:
....Писателей группа, любимыхъ тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тутъ были Одоевскій, В(язем?)скій, былъ
*Поэтъ вдохновенный и милый,
Поклонникъ кузины, чтѣ рано почилъ,
Безвременной взятый могилой.*
И Пушкинъ тутъ былъ³⁾.*

Любовь нашего поэта, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ такого глубокаго эстетика, какъ по натурѣ, такъ по воспитанію и образованію, носила высоко идеальный, чисто платоническій характеръ. Онъ не былъ бы въ состояніи увлечься одною наружной красою; его привлекала, преимущественно, общая ихъ обоихъ натурамъ сѣлонность къ изящному, прекрасному. Княгиня Волконская была одарена многоразличными способностями: талантливая музыкантша и пѣвица, она не лишена была и дара поэзіи, сочинивши цѣлую „книгу новеллъ“⁴⁾.

¹⁾ Стихъ Веневитинова—стр. 38 ниже.

²⁾ Стихъ Некрасова, изд. V. 1873 г. часть V стр. 302—303.

³⁾ Тамъ же, стр. 305.

⁴⁾ *Quatre Nouvelles. Par M-me la Princesse Zénéide Volkonsky.* Москва 1819 года. Собраніе ея сочиненій (на франц. и русскомъ языкахъ) вышло въ 1865 г. Paris и Carlsruhe.

Но она уже была замужня женщина и по лѣтамъ гораздо старше нашего юнаго (20 л.) поэта. Любовь Вeneвитинова поневолѣ должна была ограничиться одною дружбой и остаться на почвѣ платоническихъ мечтаній. Впрочемъ, княгиня Волконская неподдѣльно и искренно цѣнила своего поклонника и въ знакъ дружбы подарила ему вывезенный ею изъ Италіи перстень (отрытый въ Геркуланумѣ): съ этимъ перстнемъ Вeneвитиновъ не разставался вплоть до своей скорой смерти и воспѣлъ его въ особомъ стихотвореніи (см. ниже, стр. 41, 56—57).

Для того, чтобы уяснить себѣ возникновеніе и характеръ страсти поэта, разберемъ крайне важное въ этомъ отношеніи стихотвореніе „Элегія“¹⁾.

Волшебница, какъ *сладко тѣла* ты
Про дивную страну очарованья (Италію),
Про жаркую отчизну красоты!
Какъ я любилъ *твои воспоминанья*,
Какъ жадно я *внималъ* словамъ твоимъ,
И какъ *мечталъ* о краѣ невзвѣстномъ!

[Содержаніе этихъ мечтаній мы передадимъ ниже, стр. 39—въ разборѣ стихотворенія „Италія“].

Ты упиалась симъ воздухомъ чудеснымъ,
И рѣчь твоя такъ страстно дышетъ имъ!
На цвѣтѣхъ небесъ ты долго наглядѣлась,
И цвѣтѣхъ небесъ въ очахъ намъ принесла (см. выше,
стр. 37).

Душа твоя такъ ясно разгорѣлась
И *новый огонь въ груди моей зажгла!*

Итакъ, вотъ при какихъ обстоятельствахъ возникла любовь

¹⁾ Стр. 96—97 (79—80).

поэта, вотъ что его сблизило съ любимой женщиной, и что побудило его полюбить ее: сближеніе произошло на почвѣ идеальной, эстетической. Разгоряченное разсказами возлюбленной воображеніе поэта улетало въ ея любимую страну и рисовало послѣднюю въ самыхъ яркихъ и живыхъ краскахъ:

Италія ¹⁾, отчизна вдохновенья!
Придетъ мой часъ, когда удастся мнѣ
Любить тебя съ восторгомъ наслажденья,
Какъ я любилъ твой образъ въ свѣтломъ снѣ.
Безъ горя я съ мечтами распрощаюсь
И на яву, въ кругу твоихъ чудесъ....
....Младой душой по волѣ разыграюсь.
Тамъ радостно я буду пѣть зарю....
....Тамъ гордо я душою воспарю
Подъ пламеннымъ необозримымъ сводомъ....
....О міръ суетъ,—тогда отъ мыслей прочь!....
....Я буду жить въ минувшемъ средь пѣвцовъ,
Я вызову ихъ тѣни изъ гробовъ!
Тогда, о *Тассъ*, твой мирный сонъ нарушу,
И твой восторгъ, полуденный твой жаръ
Пролетъ и жизнь, и пѣсней сладкихъ даръ
Въ холодный умъ и сѣверную душу!

Какой же исходъ приняла страсть поэта? Для человѣка, душа коего доселѣ была всецѣло погружена въ глубокія мысли и поэтическія мечтанія, который до сихъ поръ—въ силу особыхъ условій почти не жилъ общею жизнью, не зналъ дѣйствительности, жилъ жизнью ученаго анахорета, вращаясь, по преимуществу, въ своемъ кружкѣ добрыхъ друзей, не извѣ-

¹⁾ Стр. 97—98 (77—78).

давши чувства любви, подобное чувство должно было быть роковымъ. Любовь при высокой общей нервной чувствительности и воспринчивости должна была зажечь не только „огнь“, а цѣлый пожаръ въ груди поэта. Притомъ, страсть оставалась не раздѣленною, а это еще болѣе, конечно, должно было раздувать пламя. Страстная натура, до поры-до времени заглушенная высшей умственной работой, сказывается:

Но ¹⁾ этотъ огонь *томительный, мятежной,*
Онъ не горитъ любовью тихой, пѣжной,—
Нѣтъ! онъ и *жжетъ*, и *мучитъ*, и *мертвитъ*,
Волнуется измѣнчивымъ желаньемъ,
То стихнетъ вдругъ, то *бурно закипитъ*,
И сердце вновь пробудится *страдаемъ*....

Остается лишь сожалѣть,

Зачѣмъ, зачѣмъ такъ сладко пѣла ты?
Зачѣмъ и я внималъ тебѣ такъ жадно
И съ *устъ твоихъ*, пѣвица красоты,
Пилъ ядъ мечты и страсти безотрадной!

Мало-по-малу поэтъ проникается сознаниемъ невозможности для него счастья раздѣленной любви.

Что счастье мнѣ? зачѣмъ оно?
Не тыль твердила, что судьбою
Оно лишь робкимъ здѣсь дано,
Что *счастья съ пламенной душою*
Нельзя въ семъ мѣрѣ сочетать,
Что для него *миѣ* не дышать..... ²⁾

¹⁾ «Элегія», стр. 97 (79—80).

²⁾ Стр. 95 «Къ моей богинѣ» (82) (79—80).

Въ началѣ октября 1826 года открылась вакансія въ Петербургѣ въ канцеляріи Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, и очистившееся мѣсто было предложено Веневитинову. Веневитиновъ принялъ его. Приходилось переѣзжать въ Петербургъ и оставить родимую Москву. Горько было 21-лѣтнему юношѣ повидать горячо любимую мать, тѣсный кружокъ вѣрныхъ друзей и милую. Но отъ перехода въ Петербургъ зависѣлъ дальнѣйшій ходъ карьеры, въ Коллегіи предстояла болѣе широкая и видная дѣятельность, нежели въ Московскомъ Архивѣ, открывалась надежда попасть впослѣдствіи куда-нибудь въ посольство. Кромѣ того, быть можетъ, онъ надѣялся убѣжать отъ своей мучительной любви и, разставшись съ возлюбленной,—среди новыхъ впечатлѣній и знакомствъ хоть немного ослабить свое чувство. Но поэтъ не убѣжалъ отъ своихъ мукъ: онѣ проводили его въ Петербургъ, остались въ его сердцѣ и сопровождали его до „безвременной могилы“. Какъ бы то ни было, Дм. Вл., скрѣпя сердце, оставилъ Москву. „Москву оставилъ я, какъ шальной“, пишетъ онъ изъ Петербурга“, „не знаю, какъ не сошелъ съ ума».

....Дружба въ горькій часъ прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя (перстень) залогомъ состраданья ¹⁾...

Старый другъ Веневитинова О. С. Хомяковъ и французъ Воше, секретарь гр. Лавалы, отпа внягини Трубецкой ²⁾, который только что провожалъ ее въ Сибирь къ сосланному мужу, были по-

¹⁾ Стр. 108 «Къ моему перстню» (56).

²⁾ ...И секретарь отца въ крестахъ
(Чтобъ наводить дорогой страхъ)...
Съ прислугой скачетъ впереди...

Некрасовъ, «Кн. Трубецкая».

путчиками Веневитинова въ Петербургъ. Проѣзжая черезъ Новгородъ, Веневитиновъ написалъ стихотвореніе „Новгородъ“, посвященное имъ княгинѣ А. И. Трубецкой¹⁾. Смысль этого стихотворенія отчасти напоминаетъ смыслъ (позднѣйшаго) извѣстнаго стихотворенія Губера на ту же тему.

....Ты ль предо мной, о древній градъ
Свободы, славы и торговли!
Какъ живо сердцу говорятъ
Холмы разсѣянныхъ обломковъ!
Не смогли въ нихъ твои дѣла,
И слава предковъ перешла
Въ уста правдивыя потомковъ....
....О Новградъ! въ вѣковой одеждѣ
Ты предо мной, какъ въ сѣдинѣ
Безсмертныхъ витязей ровесникъ.
Твой прахъ гласить, какъ бдящій вѣстникъ,
О непробудной старинѣ.
Отвѣтствуй, городъ величавый:
Гдѣ времена цвѣтущей славы?...
....Скажи: гдѣ эти времена?—
Онѣ далеко, ахъ, далеко!

Тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ Веневитиновъ испытывалъ непріятность, причиной которой послужило спутничество Воше, какъ лица подозрительнаго по своимъ близкимъ отношеніямъ къ декабристамъ; притомъ, и самъ поэтъ былъ друженъ съ семействами ссыльныхъ. Веневитиновъ попалъ подъ арестъ и просидѣлъ нѣсколько дней, чуть не испортивъ себѣ положенія еще болѣе своими чересчуръ искренними

¹⁾ Стр. 86—88 (43—45). Вариантъ: «Довольства, славы» и т. д.

отвѣтами ¹⁾. Здоровье же его пострадало такъ сильно, что эту недѣлю, по мнѣнію его племянника, едва ли не слѣдуетъ считать ближайшей причиною ранней смерти поэта (ср. въ „Русскомъ Архивѣ“, стр. 127).

Съ внѣшней стороны положеніе Веневитинова на первыхъ же порахъ стало блестящимъ. Начальники его *Бутеневъ* и, особенно, графъ *Лаваль* тотъ же часъ отмѣтили молодого человѣка и поручали ему самыя важныя дѣла ²⁾; онъ сразу вошелъ въ лучшіе дома столицы; и въ сферѣ литературной онъ завязалъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ, какъ напр., съ *Дельвигомъ* и *Козловымъ*. За нимъ ухаживали и другіе литераторы: „два журналиста (т. е. *Бумаринъ* и *Гречъ*) увивались около меня, какъ около липки; но скоро потеряли надежду добыть меду“ ³⁾. Но, спрашивается, каково было на сердцѣ поэта? Чувство неудовлетворенной любви по прежнему, если еще не сильнѣе грызло пламенную душу: поэтъ не забылъ „своей богини“:

Къ моей богинѣ ⁴⁾.

Не думы гордыя вздымають
Страстей исполненную грудь,
Не волны Невскія мѣшаютъ
Душѣ усталой отдохнуть.....
И взоръ блуждаетъ по брегамъ....
...Тогда не робкая тоска
Безсильнымъ сердцемъ обладаетъ
И тайный ропоть мнѣ внушаетъ....
Тебѣ повятевъ ропоть сей,
О Божество души моей!

¹⁾ Стр. 22 (322).

²⁾ Стр. 25 (324).

³⁾ Стр. 24.

⁴⁾ Стр. 94—96 (81—83).

Холодной жизнью безстрастья,
Ты знаешь, мнѣ ль дышать и жить?
Ты знаешь, мнѣ ль боготворить
Душой, не созданной для счастья,
Толпы привычныя мечты....
....Нѣтъ, нѣтъ! и теплые дни дружбы,
И дни горячіе любви
Къ другому сердце приучила:
Другой огонь они въ крови,
Другія чувства поселили....
....О будь благословенна мною!
Оно священо для меня,
Твое пророчество несчастья,
И, какъ завѣтъ, его храня,
Съ какимъ восторгомъ сладострастья
Я жду губительнаго дня
И торжества судьбы коварной!....
....Твое бѣ явленье, ангель милой,
Какъ даръ небесъ, остановило
Проклятье на моихъ устахъ!
Мою бы грудь исполнилъ снова
Благоговѣнія святого
Цѣлебный взглядъ твоихъ очей,
И снова бы въ душѣ моей
Воскресло силы наслажденье,
И счастья гордое презрѣнье,
И сладостная тишина!

Тщетно пытается поэтъ разсѣяться: онъ ѣздитъ на балы, танцуетъ, ухаживаетъ, посѣщаетъ маскарады, маскируется самъ и навѣщаетъ въ такомъ видѣ знакомыхъ ¹⁾). Онъ проводитъ вечера

¹⁾ Стр. 24 (323).

съ Дельвигомъ, „напѣвая пѣсни и швыряя другъ въ друга стихами“, тутъ же составленными, ибо Веневитиновъ, между прочимъ, обладалъ и талантомъ импровизаціи шутливыхъ стиховъ (еще въ Москвѣ онъ написалъ шутливый водевиль, см. выше, стр. 31). Но все напрасно: поэтъ не можетъ задушить въ себѣ чувство и убить любовь. Разсѣянiя онъ ищетъ и въ своихъ служебныхъ занятiяхъ: „я дружусь со своими дипломатическими занятiями“, пишетъ онъ въ декабрѣ 1826 г. ¹⁾), „но несмотря на множество занятiй, я всетаки нахожу время писать“ ²⁾). Да онъ и не могъ не писать: въ своихъ произведенiяхъ онъ отводилъ себѣ душу и изливалъ накупавшую въ немъ горечь. Онъ писалъ много; большая часть его произведенiй, и притомъ, лучшія и наиболѣе искреннiя изъ нихъ написаны въ Петербургѣ. Всѣ эти произведенiя чрезвычайно важны въ біографическомъ отношенiи. Въ нихъ впервые поэтъ достигаетъ полной своей оригинальности и самобытности; здѣсь онъ высказывается съ наибольшимъ жаромъ. По нимъ мы можемъ прослѣдить ходъ внутренней жизни поэта въ послѣдній періодъ его жизни—вплоть до рокового конца. Здѣсь кстати будетъ упомянуть о романѣ, начатомъ, но не доконченномъ ³⁾). Изъ него до насъ дошелъ одинъ только отрывокъ: „Три эпохи любви“, рассмотрѣнный нами въ главѣ о философскихъ произведенiяхъ Веневитинова ⁴⁾). Были набросаны еще нѣсколько главъ, но онѣ не попали въ печатныя изданiя: ибо, какъ говоритъ редакторъ перваго изданiя: „внѣ связи съ цѣлымъ онѣ теряютъ свое достоинство“. Взамѣнъ этого онъ въ своемъ предисловіи рассказываетъ общій планъ романа со словъ повойнаго

¹⁾ Стр. 24 (324).

²⁾ Стр. 25.

³⁾ Стр. 170—173 примѣч. или VII—XVI въ пред. ко II ч. перваго изд.

⁴⁾ Философія въ Россiи, т. II, стр. 6—7.

поэта. „Романъ сей былъ главнымъ предметомъ мысли Д. Веневитинова въ послѣдніе мѣсяцы его кратковременной жизни“. Содержаніе романа въ общихъ чертахъ таково: *Владимиръ Паренскій*, герой романа,—сынъ польскаго богача, магната, воспитывается по смерти отца у его друга, медика *Фриденгейма*, вмѣстѣ съ дочерью послѣдняго Бентою; между ними завязывается сначала тѣсная дружба, которая со временемъ переходитъ въ пламенную любовь. Въ университетѣ Паренскій всѣхъ удивляетъ своими успѣхами и съ особенною любовью занимается анатоміей ¹⁾); онъ любитъ погружаться „въ размышленія о началѣ жизни“ и стремится „разгадать тайную связь души и тѣла“. По окончаніи курса Паренскій путешествуетъ: „гонимый сомнѣніями, тревожимый мучительной жаждой познанія, онъ надѣялся, что жизнь дѣятельная, другое направленіе душевныхъ способностей разсѣять въ немъ неукротимые порывы мечты; что успѣхи свѣтскіе, честолюбіе, слава, плѣняющая людей, вознаграждать его нравственное мученіе и даруютъ ему успокоеніе и блаженство“,—слова крайне характерныя въ устахъ поэта, который чуть ли не намѣревался въ своемъ романѣ затронуть и отчасти изобразить процессъ своего собственнаго нравственнаго развитія ²⁾). Паренскій попадаетъ въ Россію и получаетъ блестящее мѣсто. Здѣсь онъ знакомится съ одною молодой дѣвушкой и влюбляется въ нее. Но она уже невѣста другого. Тогда Паренскій, движимый ревностью, сближается съ своимъ соперникомъ, товарищемъ по университету и даритъ ему отравленный образъ. Нареченный женихъ умираетъ, но передъ смертію завѣщаетъ этотъ образъ своей невѣстѣ. Она носитъ его на груди и тоже вскорѣ умираетъ отъ отравы. Такимъ образомъ, падаетъ не одна жертва, а двѣ. Паренскій

¹⁾ Изученіе анатоміи, видимо, очень сильно подѣйствовало на впечатлительнаго поэта, какъ оно впоследствии подѣйствовало и на А. И. Герцена.

²⁾ Сравни мнѣніе Пятковского, стр. 173, прим.

бѣжать изъ края, гдѣ его всюду преслѣдуютъ двѣ грозныя тѣни, и возвращается въ Германію. Онъ опять хочетъ при-
няться за свою любимую анатомію, но, очутившись однажды
случайно въ пустой залѣ одинъ предъ обнаженнымъ трупомъ
прекрасной женщины, онъ внезапно получаетъ отвращеніе
къ наукѣ. *Для него и все въ мірѣ мертво.* Онъ возвращается
къ своему опекуну, но избѣгаетъ людей, избѣгаетъ Бенты и
ищетъ уединенія. Бента же, не понимая перемѣны, находитъ
его однажды въ саду, высказываетъ ему свое участіе и при-
зывается въ любви; Паренскій овладѣваетъ ею: „отъ сей минуты
утрачено невинное счастье Бенты“. „Вскорѣ стыдъ и скорбь
выводятъ ее въ могилу“. Такимъ образомъ, влекомый отъ
преступленія къ преступленію, мучимый совѣстью и новыми
страстями, Паренскій, одаренный отъ природы качествами не-
обыкновенными, проводитъ молодые свои года. „Современемъ
всѣ страсти въ немъ перегорѣли, душевныя силы истощились.
*Онъ живой уже былъ убитъ и ничѣмъ не могъ наполнить пу-
стоту души*“.

Какъ видимъ, дѣло не обошлось безъ романтическаго
злодѣя; до извѣстной степени Паренскаго можно считать про-
то-типомъ будущаго Печорина, который, если и не совершаетъ
прямыхъ злодѣйствъ, то и не прочь задрапироваться въ ман-
тію „Демона“, „печальнаго духа зла“. Но изъ подъ злодѣя
Паренскаго неволью выглядываетъ добрый, искренній, идеаль-
ный юноша-поэтъ, жестоко мучимый, какъ и его герой, и не-
раздѣленною любовью, и жаждой познанія, и горькими сомнѣ-
ніями. Любовь какъ будто взволновала, подняла со дна души
всѣ таившіяся тамъ сомнѣнія и раздула ихъ. Отнынѣ душа
поэта испытываетъ уже терзанія разнаго рода. И поэтъ спѣ-
шитъ изливать свое душевное настроеніе въ стихахъ:

Души невидимый хранитель, (воскликаетъ онъ) ¹⁾
Услышь моленіе мое:

¹⁾ Стр. 90—91 «Моя молитва» (46—47).

Благослови мою обитель
И стражемъ стань у вратъ ея...
....Да не сразить меня стрѣлой
Измѣна мстительнаго свѣта.
Не отдавай души моей
На жертву суетнымъ желаньямъ,
Но воспитай спокойно въ ней
Огонь возвышенныхъ страстей...

Поэтъ хочетъ скрыть отъ чужихъ глазъ совершающуюся
въ немъ внутреннюю борьбу:

Уста мои сомкни молчаньемъ,
Всѣ чувства тайной осѣни!

Онъ боится встрѣтить въ людяхъ равнодушіе къ своимъ
страданіямъ:

Да взоръ холодный ихъ (чувства) не встрѣтитъ!

Онъ проситъ лишь одного:

Но въ душу влей покоя сладость,
Посѣй надежды сѣмена,

и,—такъ какъ онъ „презрѣлъ счастье“ —

отжени отъ сердца радость:
Она—невѣрная жена!

Далеко не по душѣ чувствуетъ себя поэтъ въ чужомъ
краѣ, вдали отъ родныхъ и друзей. Онъ встрѣчаетъ непони-
маніе въ окружающемъ его обществѣ, „посреди пустыхъ, хо-
лодныхъ, и напыщенныхъ собой“, онъ рвется мыслию назадъ
въ Москву и съ горя думаетъ найти утѣху и отвлечься отъ

своихъ невеселыхъ думъ въ историко-литературныхъ занятіяхъ. Вотъ что пишетъ онъ своему старому, искреннему другу:

Посланіе къ Рожалину ¹⁾.

Оставь, о другъ мой, ропотъ твой,
Смири преступныя волненья:
Не ищетъ въ чужѣ утѣшенья
Душа богатая собой.
Не вѣрь, чтобъ люди разгоняли
Сердечъ возвышенныхъ печали....

Печаль, по нынѣшнему воззрѣнію поэта, какъ бы по сущности сродна *возвышеннымъ сердцамъ*, „богатой душѣ“.

Гордись, что ими ты забытъ,—
Ихъ равнодушное безстрастье
Тебѣ да будетъ похвалой....

Затѣмъ онъ переходитъ къ себѣ, къ своему положенію:

О если бѣ могъ ты быстрымъ взоромъ
Мой новый жребій пробѣжать,
Ты пересталъ бы искушать
Судьбу неправеднымъ укоромъ.
Когда бѣ ты видѣлъ этотъ міръ,
Гдѣ взоръ и вкусъ разочарованъ,
Гдѣ чувство стынетъ, умъ окованъ,
И гдѣ тщеславіе—вумиръ;

¹⁾ Стр. 91—94 (49—52).

Когда бь въ *пустынь* многолюдной
Ты не нашель *души одной* ¹⁾;....
Здѣсь лаской жаркаго привѣта
Душа младая не согрѣта....
Никто не жалъ руки моей!
О если бы могли моленья
Достигнуть до небесъ скупыхъ,
Не новой чаши наслажденья,—
Я бь *прежнихъ дней* просилъ у нихъ!

[прежнихъ дней душевной невинности и беззавѣтнаго увлеченія наукой]

Отдайте мнѣ друзей моихъ,
Отдайте пламень ихъ объятій,
Ихъ тихій, но горячій взоръ,
Языкъ безмольныхъ рукожатій
И вдохновенный разговоръ....
....Но вѣтъ! не все мнѣ измѣнило;
Еще одинъ мнѣ вѣренъ другъ,
Одинъ онъ для души унылой
Друзей здѣсь замѣняетъ кругъ....
....²⁾ Онъ самъ не жертвуетъ страстямъ,
Онъ самъ не вѣритъ ихъ мечтамъ;
Но какъ созданія свидѣтель,
Онъ развернулъ всей жизни твань.
Ему порокъ и добродѣтель
Равно несутъ покорно дань....
Мой другъ, узналъ ли ты Шекспира? ³⁾

¹⁾ Ср. Рылѣвскіе стихи: «Ищешь... людей, а встрѣчаешь трупы хладныя, иль безсмысленныхъ дѣтей!»

²⁾ Прекрасная характеристика Шекспира.

³⁾ Нужно замѣтить, что именно Рожалинъ впервые обратилъ вниманіе Веневитинова на Шекспира (стр. 17 или 318).

Въ такомъ состояніи застаеъ его новый 1827 годъ,— послѣдній годъ его жизни. Поэтъ привѣтствуетъ его:

На новый 1827 г. ¹⁾

Такъ снова годъ, какъ тѣнь, мелькнулъ....
....И быстрымъ бѣгомъ упрекнулъ
Мою лѣнливую безпечность.
О еслибъ онъ меня спросилъ:
„Гдѣ плодъ горячихъ обѣщаній?“...
Я не нашелъ бы оправданій
Въ мечтахъ разсѣянныхъ моихъ!...
Клянусь тебѣ (году) въ прощальный мигъ:..
....Наступающему брату
Весь тяжкой долгъ свой доплачу!

Къ этому періоду жизни поэта относятся еще нѣкоторыя стихотворенія, не имѣющія прямого отношенія къ его жизни. Таковы, напр., „Три розы“ ²⁾, „Домовой“ ³⁾, „Крылья жизни“ ⁴⁾ и другія. „Три розы“ представляютъ собой какбы переработку прежняго стихотворенія „Любимый цвѣтъ“ (выше, стр. 29—30), но оно еще аллегоричнѣе и неяснѣе по сюжету и основной мысли.

Въ глухую степь земной дороги....
....Три розы бросили намъ боги:..
Одна подъ небомъ Кашемира
Цвѣтетъ близъ свѣтлаго ручья....
Ни день, ни ночь она не вянетъ,

¹⁾ Стр. 103—104 (74).

²⁾ Стр. 98—99 (58—59).

³⁾ Стр. 99—100 (62—63).

⁴⁾ Стр. 105—106 (75—76).

И если кто цвѣтокъ сорветъ,....
Свѣжѣ роза расцвѣтетъ.

Еще прелестнѣе другая:
Она, румяною зарей
На раннемъ небѣ расцвѣтая,
Плѣняетъ яркой красотой:..
....На мигъ одинъ она алѣетъ,
Но съ каждымъ днемъ цвѣтетъ опять.

Еще свѣжѣй отъ третьей вѣтвь,..
Ее для жаркихъ устъ лелѣетъ
Любовь на дѣвственныхъ щекахъ.
Но эта роза скоро вянетъ....
Не расцвѣтетъ опять она.

„Домовой“ — крайне странное стихотвореніе (для Веневитинова); до того оно не подходитъ подъ общій строй его поэзіи, что, читая его, не вѣришь въ принадлежность его нашему поэту. Оно изображаетъ, какъ въ молодой деревенской дѣвушкѣ является ночью на свиданіе ея любовникъ, и какъ дѣвушка выдаетъ его матери за „домового“. Стихотвореніе написано чисто во французскомъ игриво-эротическомъ жанрѣ.

„Что ты, Параша, такъ блѣдна?“ —
„Родная, домовой провлятый
Меня звалъ нынче у окна“....
„Ты не спала, Параша, ночь?“ —
„Родная, страшно; не отходить
Провлятый бѣсъ....
Въ снѣгахъ мнѣ шепчетъ: „отопри!“....
....„Параша, ты не весела?
Опять всю ночь ты прострадала?“
— „Нѣтъ. ничего: я ночь спала.“ —
„Какъ ночь спала? ты тосковала,

Ходила, *отпирала дверь*“—....
....„Я не видала домового!“....

„Крылья жизни“—тоже аллегорическое стихотворение,
задающееся цѣлью показать роль въ жизни—горя и радости.

Не знаетъ въ юности
Она (жизнь) усталости
И *радость* рѣзвую
Беретъ довѣрчиво
Къ себѣ на крылія....
...Но скоро тягостна
Ей гостья милая:
Устали крылышки,
И радость рѣзвую
Она стряхаетъ съ нихъ....
Печаль ей кажется
Не столь тяжелою....
И въ даль пускается
Съ подругой новою....
И вскорѣ падаетъ
Съ нихъ гостья новая.
И жизнь *усталая*
Одна безъ бремени
Летитъ свободнѣ....
И отпечатались
На легкихъ перышкахъ
Два цвѣта блѣдные:
Немного свѣтлаго
Отъ рѣзвой радости,
Немного темнаго
Отъ гостьи сумрачной....

Но самому поэту не суждено было достигнуть такого

безразличнаго въ горю и радости возраста жизни. Да и вопросъ еще, былъ ли онъ способенъ на это по натурѣ.

На свою натуру, на свой жизненный удѣлъ приноситъ онъ горькую жалобу въ стихотвореніи „Три участи“¹⁾.

Три участи въ мірѣ завидны, друзья!
Счастливецъ, кто вѣка судьбой управляетъ....
Вѣкамъ завѣщаетъ онъ замысль глубокой;
По смерти безсмертнаго зрѣютъ дѣла...

Завиднѣй поэта удѣлъ на земли....
Стѣснитъ ли сердце волненіемъ муки,
Онъ выплачетъ горе въ горячихъ стихахъ.

[Состояніе, очень знакомое нашему поэту]

Но вѣрите, о други, *счастливый стократъ*
Безпечный питомецъ забавы и льны:
Глубокія думы души не мутятъ....
И сердце увянетъ безъ муки сердечной—
О рокъ! что ты не далъ мнѣ этотъ удѣлъ?

Но не получивши отъ судьбы въ даръ третьяго удѣла, онъ хочетъ быть довольнымъ своимъ вторымъ—удѣломъ поэта. Отнынѣ онъ всецѣло хочетъ отдаться поэзіи, жить только въ ней, и для нея: онъ „приносить“ всѣ свои надежды и вдохновенія „въ жертву“ этой богинѣ:

Жертвоприношеніе²⁾.

О жизнь, коварная Сирена,
Какъ сильно ты къ себѣ влечешь!...

¹⁾ Стр. 106—107 (60—61).

²⁾ Стр. 104—105 (71—72).

....Ты вубокъ счастья подаешь,
Ты пѣсни радости поешь;

Но поэтъ болѣе уже не вѣрять жизни:

Да (Но?) въ кубкѣ счастья лишь измѣна,
И въ пѣсняхъ радости—все ложь....
Не мучь напраснымъ искушеньемъ
Груди истерзанной моей....
Тебѣ мои *скупыя* длани
Не *принесутъ покорной дани*,
И не тебѣ я обреченъ.
Твоей плѣнительной измѣной
Ты можешь....
Отнять покой, безопасность, радость
И осѣнить печалью младость,
Но не отынешь ты, повѣрь,
Любви, надежды, вдохновеній!
Нѣтъ! ихъ спасетъ мой добрый геній,
И не мои они теперь!

Всю свою духовную жизнь рѣшается поэтъ отдать любимому дѣлу:

*Я посвящаю ихъ отнынѣ
Навѣкъ поэзіи святой
И съ страшной клятвой и мольбой
Кладу на жертвенникъ богини!*

Но жизнь уже надоѣла, опостылѣла юношѣ:

Сначала жизнь плѣняетъ насъ ¹⁾:
Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ....
....Кой-что страшитъ издалека,

¹⁾ Стр. 107—108 (48) «Жизнь».

Но въ этомъ страхѣ наслажденье:
Онъ веселитъ воображенье....
....Но кончится обманъ игрой!
Мы привыкаемъ къ чудесамъ.
Потомъ на *все глядимъ мниво* (въ 22 года!)
Потомъ—и жизнь постыла намъ.
Ея загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

Душевные муки и боренія все растутъ и усиливаются, и сердце поэта раздражается, изливается въ отчаянныхъ вопляхъ:

Къ моему перстню ¹⁾ (подаренному З. Волконскою).

Ты былъ открытъ въ могилѣ пыльной,
Любви глашатай вѣковой,
И снова *пыли ты могильной*
Завѣщанъ будешь, перстень мой.
Но не *любовь* теперь....
....Надъ тобой, въ тоскѣ сердечной,
Святой обѣтъ произвела ...
Нѣтъ! *дружба*.... дала....
Тебя залогомъ *состраданья!*
О будь мой вѣрный талисманъ!
Храни меня....
Отъ *подкой жажды славы ложной,*
Отъ обольстительной мечты
И отъ *душевной пустоты!*
Въ часы холоднаго сомнѣнья
Надеждой сердце оживи,

¹⁾ Стр. 108—109 (56—57).

И если въ скорбяхъ *заточенья*
Вдали отъ ангела любви
Оно замыслить преступленье (?), ¹⁾
Ты дивной силой укроти
Порывы *страсти безнадежной*
И отъ *груди* моей мятежной
Свинецъ безумства отврати!
Когда же я въ часъ смерти буду
Прощаться съ тѣмъ, что здѣсь люблю,
Тогда я друга умолю,
Чтобъ онъ съ моей *руки холодной*
Тебя, мой перстень, не снималъ,
Чтобъ насъ и гробъ не разлучалъ....
...Вѣка промчатся, и быть можетъ,
Что кто-нибудь....

....тебя откроетъ вновь;
И снова *робкая любовь*
Тебѣ прошепчетъ суевѣрно
Слова *мучительныхъ страстей*,
И вновь ты другомъ будешь ей,
Какъ былъ и мнѣ, мой перстень вѣрной.

Такое же желаніе, еще въ болѣе сильной формѣ, выражаетъ поэтъ въ началѣ стихотворенія „Завѣщаніе“ ²⁾.

Вотъ гласъ *последняго страданья!*

[Поэтъ уже какъ будто предчувствуетъ свою близкую смерть]

Внимайте: воля *мертвеца*
Страшна, какъ голосъ прорицанья.
Внимайте: чтобъ сего кольца
Съ руки холодной не снимали (тѣ же слова)—

¹⁾ По мнѣнію племянника, здѣсь поэтъ намекаетъ на мысль о самоубійствѣ, возникавшую у него подъ арестомъ («Р. Арх.», стр. 124).

²⁾ Стр. 410—414 (53—55).

Пусть съ нимъ умрутъ мои печали
И будутъ съ нимъ схоронены!

Поэтъ какъбы уже прощается съ жизнью и дѣлаетъ завѣщаніе: онъ вспоминаетъ о своихъ дорогихъ друзьяхъ, мысль о коихъ составляетъ для него самое пріятное въ настоящую минуту:

Друзьямъ привѣтъ и утѣшенье:
Восторговъ лучшія миновенья
Мной были имъ посвящены!

А затѣмъ обращается къ той, которая ненамѣренно отравила ему жизнь:

Внимай и ты, моя богиня!
Теперь души твоей святѣня
Мнѣ и доступнѣй, и яснѣй.

Поэтъ, чувствуя приближеніе смерти, уже преборолъ свою любовь, какъ страсть:

Во мнѣ умолкнулъ гласъ страстей,
Любви волиѣбство позабыто.
Исчезла радужная мгла,
И то, что раемъ ты звала,
Передо мной теперь открыто.

[Эти слова отчасти рисуютъ намъ характеръ отношеній З. Волконской къ нашему поэту. Въ отвѣтъ на его пламенные рѣчи она, вѣроятно, указывала ему на то, что натурамъ не робкимъ, выдающимся не суждено встрѣтить счастье на землѣ:

Что счастья съ пламенной душою

- Нельзя въ семъ мірѣ сочетать, (выше, стр. 40)

и увѣряла его, что настоящее, *безплотное* счастье впервые наступает за гробовою доской въ царствѣ вѣчныхъ духовъ. Все это вполне вяжется съ господствовавшими тогда романтическими взглядами].

Но страсть поэта опять неудержимо прорывается.

Приблизься! Вот *могилы* дверь,
И *все позволено* теперь....
Я не боюсь *суждений* свѣта

[и на эту сторону дѣла, вѣроятно, указывала возлюбленная].

....Теперь могу тебя обнять,
Теперь могу тебя лобзать....

И снова этотъ порывъ упалаеть, и снова безсиліе:

Но *эту рѣчь ты позабуди!*
Въ ней тайный ропотъ изступленья:....
....Къ тебѣ одно, одно моленье:
Не забывай!....

Любовь такъ сильна, что и по смерти поэтъ желалъ бы, чтобы его подруга, признаваяся ему въ *любви безплотной*, не измѣняла ему въ мысляхъ:

Прочь увѣренья!....
Клянись.... *Ты вступи*, милый другъ,
Что за могильнымъ симъ предѣломъ
Душа моя простится съ тѣломъ
И будетъ жить, какъ вѣчный духъ,
Однимъ *нетльнѣемъ* одѣта....
....Сей духъ, какъ вѣчно бдящій взоръ,
Твой будетъ *спутникъ неотступной*,

И если *памятью преступной*
Ты *измѣнишь*... Бѣда! съ тѣхъ поръ
Я тайно облекусь въ укоръ;
Къ *душѣ* прилипну *въроломной*,
Въ ней пищу мщенія найду,
И будетъ сердцу грустно, томно,—
А я, какъ червь, не отпаду! ¹⁾.

Поэтъ рвался изъ Петербурга, гдѣ жизнь казалась ему все болѣе и болѣе невыносимою. „Молю Бога“ ²⁾, пишетъ онъ, „чтобы поскорѣе былъ миръ съ Персией; хочу отправиться туда и на свободѣ пѣть съ восточными соловьями“. Но ему не пришлось отправиться туда, гдѣ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ онъ встрѣтилъ-бы тоже вѣрную смерть среди мятежной толпы. Критическій періодъ его жизни не прошелъ ему даромъ и окончательно подорвалъ его физическія силы, уже подточенные и волненіями, и арестомъ, и чрезмѣрной работой умственной. Еще за мѣсяць до его смерти *Стурдза*, познакомившись съ нимъ ³⁾, „съ первой же встрѣчи призналъ въ немъ необыкновенныя дарованія, но тутъ же *замѣтилъ на его лицѣ признаки скорой смерти*“. Субъективное чувство тоже не обманывало поэта, и онъ уже видѣлъ наступающую смерть, какъ мы вправѣ заключить изъ разобранныхъ нами выше стиховъ ⁴⁾. Онъ ясно чувствуетъ, что ему не сдобровать.

¹⁾ Тѣма напоминаетъ позднѣйшее бурное стихотвореніе Лермонтова «Любовь мертвеца» (1840 г.)

²⁾ Стр. 24 (324).

³⁾ Стр. 27 (326).

⁴⁾ Пятковский, по нашему мнѣнію, не правъ, говоря о какомъ-то предвидѣніи В—ымъ лучшей и болѣе свѣтлой эпохи жизни (стр. 26—27), и ссылается на «эпоху думъ» въ «Трехъ эпохахъ любви». Третья эпоха,—эпоха думъ, началась для поэта еще въ Москвѣ, когда онъ, «на другомъ челѣ, въ другихъ очахъ прочелъ слѣды тѣхъ же чувствъ» — и съ радостью подалъ руку *существо родному* (стр. 173 или II, 44 перваго изд.).

Но поэтъ пытается утѣшить себя тѣмъ, что если ему и суждено умереть безъ поры-безъ времени, то онъ всетаки успѣлъ кое что совершить, и его дѣятельность не пройдетъ безслѣдно:

Души пророчества правдивы.
Я зналъ сердечные порывы,
Я былъ ихъ жертвой, я страдалъ
И на страданья не ропталъ;
Мнѣ было въ жизни утѣшенье,
Мнѣ тайный голосъ обѣщалъ,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь;
Онъ говорилъ: „когда-нибудь
Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
И слово сильное случайно
Изъ груди вырвется твоей.
Уронишь ты его не даромъ;
Оно чужую грудь зажжетъ,
Въ нее, какъ искра, упадетъ,
А въ ней пробудится пожаромъ“¹⁾.

Въ прекрасной пьесѣ „Поэтъ и другъ“²⁾ онъ какбы пытается разувѣрить себя въ своихъ опасеніяхъ, но общее мрачное настроеніе пересиливаетъ. Другъ доказываетъ ему:

Ты въ жизни только расцвѣтаешь....
....Зачѣмъ же ты въ душѣ молодой
Мечту коварную питаешь?

¹⁾ «Утѣшеніе» стр. 111—113 (69—70).

²⁾ Стр. 114—118 (86—89).

*Кто близокъ къ двери гробовой,
Того уста не пламенѣють,
Не такъ душа его пыла....*

Но поэтъ въ отвѣтъ ссылается на темныя предчувствія „вѣщуна-сердца“:

*Не муть мнѣ чувства: ихъ языкъ
Я понимать давно привыкъ,
И ихъ пророчества мнѣ ясны.
Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ міръ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься....*

На это другъ совѣтуетъ ему „не презирать дарами природы“:

Она желаніе святое
Сама зажгла въ твоей крови
И въ грудь для пламенной любви
Вложила сердце молодое.

Поэтъ:

Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный поднимаетъ....
....Тому, кто жребій довершилъ,
Потеря жизни не утрата,—
Безъ страха міръ покинетъ онъ.

Поэтъ уже свершилъ свое жизненное назначеніе. Ему больше нечего дѣлать въ мірѣ.

Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:

Тому—процвѣсть съ развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть,
Другому—рано умереть,
Но *жить за сумрачной могилой!*

Поэтъ опять повторяетъ свою любимую мысль: люди, выше толпы стоящіе въ духовномъ отношеніи, не наслаждаются жизнью, а страдаютъ, и изстрадавшись, безвременно гибнутъ. Другъ пытается разочаровать его въ значеніи загробной славы средь потомковъ.

Мой другъ, зачѣмъ *обманъ питать?*
Нѣтъ, дважды жизнь насъ не лелѣетъ.
Я то люблю, что сердце грѣетъ,
Что я своимъ могу назвать....
...А что за гробомъ,—то не наше:
Пусть величаютъ нашу тѣнь....
...И призракъ славой называютъ!

Поэтъ.

Нѣтъ, другъ мой, славы не брани:
Душа сроднилася съ мечтою;
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.

Онъ утѣшаетъ себя надеждою, что, быть можетъ, впоследствии, будутъ и старъ, и младъ читать его творенія, наслаждаться ими, и восклицать:

„Какъ я люблю его созданья!...
...Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!“

Сумрачно заканчивается стихотвореніе:

Сбылись пророчества поэта,
И другъ въ слезахъ въ началѣ лѣта

Его могилу посѣтилъ...

Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ! ¹⁾...

Въ началѣ марта 1827 г. поэтъ былъ на танцевальномъ вечерѣ у своего домохозяина *Ланского*, и распотѣвши послѣ долгихъ танцевъ, перебѣжалъ черезъ дворъ въ свою квартиру, легко одѣтый ²⁾. Ночь стояла холодная и сырая, Веневитиновъ сильно простудился и слегъ въ постель, которой суждено было стать его смертнымъ одромъ. Такъ и не удалось совершить ему замышляемой весною поѣздки въ Финляндію. Онъ схватилъ сильный брюшной тифъ; подточенный непосильной нервной работой, организмъ не долго боролся съ ужасною болѣзнью, и несмотря на искусное леченіе, черезъ 9 дней—15 марта 1827 г. поэтъ скончался на рукахъ своихъ друзей.

Сбылись пророчества поэта!

На смертномъ одрѣ поэтъ неслыханно мучился сознаніемъ своей quasi-виновности предъ матерью: „Ахъ, Боже мой“, повторялъ онъ, „какъ я виноватъ предъ матушкой: не могу двухъ строкъ написать!“ Словомъ, поэтъ умеръ такимъ же, какимъ и жилъ: добрымъ, искреннимъ, любящимъ юношею. Предъ смертью, согласно его „завѣщанію“ (выше, стр. 57), его другъ *Θ. С. Хомяковъ* надѣлъ ему, по разсказу *А. И. Тургенева* ³⁾, на палецъ извѣстное кольцо. Въ это время поэтъ пришелъ въ себя и спросилъ: „развѣ я вѣнчаюсь?“—„Нѣтъ“, отвѣчалъ торжественно Хомяковъ. Поэтъ разрыдался—и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ.

¹⁾ Стихъ этотъ вырѣзанъ на надгробномъ памятникѣ поэта въ Московскомъ Симоновскомъ монастырѣ.

²⁾ Стр. 27—28(326—327).

³⁾ Сувор. изд. стр. VII.

Смерть его причинила всѣмъ его друзьямъ и знакомымъ глубокое горе и вывезала, насколько онъ былъ всѣми любимъ.

Хомяковъ самъ заболѣлъ съ горя.

В. О. Одоевскій пишетъ: „душа разрывается отъ горя, я плачу, какъ ребенокъ“. *Ив. Ив. Дмитріевъ* сочиняетъ эпитафію:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской,
Надъ нею роза дышетъ,—
А старость дряхлою рукой
Ему надгробье пишетъ ¹⁾).

И въ литературѣ неоднократно были высказываемы глубокія сожалѣнія. Въ № VII „Московского Вѣстника“ за 1827 г. былъ напечатанъ „Поэтъ и другъ“ съ примѣчаніемъ: „Горькими слезами омочили мы это стихотвореніе...Друзьямъ его не имѣтъ уже полнаго счастья“... Критики *И. Кирѣевскій* и *Надеждинъ* крайне тепло отозвались обл. умершемъ поэтѣ.

Декабристъ *А. И. Одоевскій* посвятилъ его памяти свое стихотвореніе ²⁾):

Умирающій художникъ.

На смерть Веневитинова.

(Писано въ Петровской тюрьмѣ, 1831 года)

Всѣ впечатлѣнья въ звукъ и цвѣтъ,
И слово стройное тѣснились;
И музы юношей гордились

¹⁾ Стр. 28.

²⁾ Изд. стихотвореній, М 1890, стр 21—22.

И говорили: „онъ—поэтъ“!
Но нѣтъ; едва лучи денницы
Моей коснулись звеницы—
И свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ!
Плодь жизни свѣянъ недоспѣлой!
Нѣтъ! снова небесныхъ кистью смѣлой
Одушевить я не успѣлъ;
Гласъ пѣсни, мною недопѣтой,
Не дозвучить въ земныхъ струнахъ,
И я, въ ветлѣніе одѣтый,—
Ее дослышу въ небесахъ.
Но на землѣ, гдѣ въ чистый пламень
Огня души я не излилъ,
Я умеръ весь.... И грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могиль,
На черепъ мой остывшій ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ,
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира,
И не успѣлъ я въ стройный звукъ
Излить красу и стройность міра.

М. Веневитиновъ въ своей статьѣ („Русскій Архивъ“, 1885, 1, стр. 129) предлагаетъ разночтенія изъ напечатаннаго имъ подлиннаго письма А. И. Одоевскаго изъ Иркутска отъ 17 іюля 1836 г. къ своей теткѣ (стр. 128—130):

...И говорили: „онъ—поэтъ“!
*Но только первую страницу
Завѣтной книги онъ прочелъ,
И вѣчный сонъ затмилъ зеницу,
Гдѣ міръ такъ нѣжно, пышно цвѣлъ.*

*И замеръ вздохъ задумчивой печали
Съ вопросомъ жизни на устахъ.
Зачѣмъ же струны такъ дрожали?
Чего онъ не дозвучали,
Онъ допоетъ на небесахъ!
Но на землѣ, гдѣ въ яркій пламень
Огня души онъ не излилъ,
Онъ умеръ весь, и грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
На охладѣвшій черепъ ляжетъ и. т. д.*

*И не успѣлъ онъ въ ясный звукъ
Излить его душой разгаданнаго міра.*

Повидимому, это еще первый только набросокъ.

М. П. Погодинъ въ своей автобіографіи подъ рубрикою „Литературныя связи“ замѣчаетъ:

„Дм. Веневитиновъ принималъ живое участіе въ основаніи и первомъ изданіи „Московского Вѣстника“. Погодинъ сблизился съ нимъ тѣсно въ 1826 г., условился съ нимъ перевести вмѣстѣ „Геца фонъ Берлихингена“ и „Эгмонта“ Гёте, приготовилъ къ изданію альманахъ, составленный изъ лучшихъ произведеній иностранной словесности, который хотѣли назвать *Гермесомъ*. По настоянію Погодина Веневитиновъ началъ писать письма по философіи для кн. А. М. Т. Смерть его въ 1827 г. была первымъ чувствительнымъ несчастіемъ Погодина“¹⁾).

Какъ свято хранили друзья Веневитинова воспоминаніе о немъ, свидѣтельствуеъ книга Кёнига-Мельгунова:

Zehn Jahre sind nun verflossen, seit er in die Heimath seiner Ideale zurückgekehrt ist. Jedes Jahr an seinem Todes-

¹⁾ Біографическій Словарь Проф. М. Унив. II, стр. 273, 274.

tage versammeln sich die hinterbliebenen Freunde, um in tiefer Gemüthsversammlung den Tag und ein theures Andenken zu feiern ¹⁾). По свидѣтельству его племянника, 15 марта ежегодно поминалось за дружескою трапезою, на которой мѣсто Д. В. всегда оставалось пустымъ, въ теченіе болѣе 50 лѣтъ („Русскій Архивъ“, стр. 127).

Кн. Зинаида *Волконская* въ своемъ саду въ Римѣ поставила въ его честь особую колонну ²⁾ съ той же цитатой „Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ“ (см. выше, стр. 64, прим. 1). Кромѣ того, она посвятила его памяти стихотвореніе, которое мы приводимъ по статьѣ М. Веневитинова съ имѣющимся тамъ же русскимъ его переводомъ въ стихахъ:

L'artiste a posé son ciseau.
A son talent il rend hommage.
„Je suis content. Oui, mon travail est beau,
„Le style et la forme et l'ouvrage,
„Tout en est pur, tout en est sage,
„Tout le rend digne des dieux!“
Il dit, saisit le vase et vole au sanctuaire
Du dieu, qui répand la lumière;
Il le consacre.... Et le fils de Latonne
Sourit à ce don précieux.
La foule accourt, elle admire, s'étonne;
Chacun vient y verser des présents ou des vœux:
L'enfance y place ses jeux,

¹⁾ Н. Кoenig. Literarische Bilder aus Russland. Stuttg. u. Tübingen, 1837. Dritte Dichtergroupe (Wenewitinow. 171—178). Стр. 177.

²⁾ Ф. И. Буслевъ, Римская вила кн. З. А. Волконской (изъ моихъ воспоминаній; дат. 16 окт. 1895 г.) въ «Вѣстникѣ Европы» за 1896 г., т. I (351-й), январь (стр. 3—32), стр. 30: колонна № 7—Дмитрію Веневитинову.

Et le plaisir l'effleure de son aile;
La rêverie à l'oeil couvert et long
Y pose son voile fidèle,
Et le génie y jette une étincelle
Du feu, qui sort de son front.
Il est rempli.... La mort s'avance,
Elle approche.... Tout fuit, hors du temple on s'élançe,
Et la mort agite sa faux.
Elle frappe au hasard, elle brise, elle écrase....
Tout esf détruit.... Et les dons, et le vase
Réposent parmi les tombeaux.

(Русскій переводъ).

Сложилъ художникъ свой рѣзецъ.
„Доволенъ я!“ гордясь своимъ произведенъемъ,
Въ восторгѣ говорить творецъ:
„Всѣ чисто въ немъ, совершенно съ умѣньемъ:
„И стиль, и форма... все! Достойнымъ приношеньемъ
„Возможно мнѣ почтить боговъ!“
Схвативъ фіалъ, онъ къ храму поспѣшаетъ,
Свое созданье посвящаетъ,
И богъ, почтенный имъ, склоняется съ привѣтомъ
Надъ жертвой дорогой, плодомъ его трудовъ.
Идетъ во храмъ толпа, любитъ предметомъ
Искусства и въ него владеть свои дары:
Утѣхи чистыя младенческой поры
И звонкій смѣхъ забавъ и наслажденій.
Мечта въ него вперяетъ долгій взглядъ
Изъ подъ тумана сновидѣній;
Лучи того огня, которымъ свѣтитъ геній,
На немъ искрятся и горять....
Но все исполнено, и грозными шагами

Смерть близится, стучащая востями.
И передъ ней со страхомъ все бѣжить.
Пустѣть храмъ.... Безжалостной восою
Все разрушается—и жертвою святою
Наполненный фіалъ могилою сокрыть.

Русскій Архивъ за 1885 г, I, ст. 8, стр. 127—128
(прим.).



Попробуемъ теперь подвести общіе итоги всему сказанному и дать краткую характеристику. Мы можемъ быть въ этомъ случаѣ краткими, ибо основанія и равно какъ и руководящія мысли, были уже не разъ нами высказаны при самомъ разборѣ и анализѣ различныхъ произведеній Веневитинова. Какъ въ человѣкѣ, насъ поражаетъ въ немъ рѣдкая гармоничность натуры. Подъ гармоничною натурой мы понимаемъ такую психическую систему, въ коей всѣ элементы уравновѣшены, т. е. такого человѣка, всѣ душевныя способности котораго обладаютъ равною силою и равнымъ развитіемъ. Такою натурою и былъ нашъ поэтъ. Въ немъ почти одинаково сильны были и умъ, и чувство, и творческая способность фантазіи. Въ вѣрности нашего пониманія пошлемся на немного-восторженный отзывъ его друга, Ив. В. Кирѣевскаго, въ „Обозр. русской литер.“ за 1829 г. въ „Денницѣ“ за 1830 г. ¹⁾.

„Среди молодыхъ поэтовъ, *напитанныхъ* великими писателями *Германіи*, болѣе всѣхъ блестяль и отличался Д. В. Веневитиновъ. Онъ былъ созданъ дѣйствовать сильно на просвѣщеніе своего отечества, быть украшеніемъ его поэзіи, и можетъ быть, создателемъ его философіи. Кто вдумается съ любовью въ его сочиненія,кто въ этихъ разорванныхъ отрывкахъ найдетъ слѣды общаго имъ происхожденія, единство одушевляющаго ихъ существа, кто постигнетъ *глубину его мыслей, связанныхъ*

¹⁾ Соч. томъ I, стр. 32—33.

стройною жизнью души поэтической,— тотъ узнаеть философа, проникнутаго откровеніемъ своего вѣка, тотъ узнаеть поэта глубокаго, самобытнаго, котораго каждое чувство освѣщено мыслию, каждая мысль согрѣта сердцемъ; котораго мечта не украшается искусствомъ, но сама собою родится прекрасная; котораго лучшая цѣль— есть собственное бытіе, свободное развитіе его полной, гармонической души. Ибо природа щедро надѣлила его своими дарами, и ихъ разнообразіе соотвѣтствовала равновѣсіемъ. Оттого все прекрасное было ему родное. Оттого въ познаніи самого себя находилъ онъ разрѣшеніе всѣхъ тайнъ искусства, и въ собственной душѣ прочелъ начертаніе высшихъ законовъ и созерцалъ красоту созданія. Оттого природа была ему доступною для ума и сердца.... Созвучіе ума и сердца было отличительнымъ характеромъ его духа, и самая фантазія его была болѣе музыкаю мыслей и чувствъ, нежели игрою воображенія. Это доказываетъ, что онъ былъ рожденъ еще болѣе для философіи, нежели для поэзіи“. Это говоритъ Ив. Кирѣевскій, самъ философъ и одинъ изъ первыхъ людей своего времени.

Надеждинъ ¹⁾ говоритъ: „Веневитиновъ обѣщалъ въ себѣ то блаженное соединеніе свѣта и теплоты, ту гармонію красоты и истины, которая одна составляетъ печать истинной поэзіи“. Послѣ такихъ краснорѣчивыхъ характеристикъ намъ нечего много добавлять. Поэтъ и самъ понималъ свою натуру и высказывалъ это, какъ мы не одинъ разъ подчеркивали въ его стихахъ и прозѣ. Случайнымъ обстоятельствомъ было то, что какъ разъ въ это время господствовала теорія Шеллинга, проповѣдовавшая тоже внутреннее единство поэзіи и философіи; немудрено, что Веневитиновъ сталъ шеллингистомъ: онъ былъ уже имъ по своей натурѣ; это ученіе основывалось какъ разъ на подобныхъ натурахъ—и въ существованіи ихъ имѣла

¹⁾ «Телескопъ» за 1831 г., у Пятковского 30 (329).

своей *raison d'être*. Въ силу богатства своей природы онъ находилъ въ своей душѣ откликъ и большому числу явленій, находилъ болѣе, чѣмъ другіе, интересныхъ для себя предметовъ, а слѣдовательно, и болѣе посвящалъ—съ раннихъ поръ, времени и силъ духовной работѣ и развитію. Все шло хорошо, пока поэтъ оставался и жилъ въ мірѣ идеальномъ и воображаемомъ, въ мірѣ прекраснаго и истиннаго, искусства и наукъ, не соприкасаясь непосредственно съ дѣйствительною жизнью. Но первое же реальное чувство (любовь) переворачиваетъ его и становится источникомъ невыносимыхъ, смертныхъ мученій. Истощенный, надорванный организмъ и рано переутомленная душа не вынесли сильнаго порыва, охватившаго поэта такъ неудержимо именно потому, что до тѣхъ поръ всѣ условія его воспитанія и жизни, его служба и тѣсный кружокъ друзей, все отдаляло его отъ жизни и міра дѣйствительности. Ни тѣло, ни душа не устояли въ борьбѣ. Гармонія нарушается, одинъ элементъ—чувство получаетъ перевѣсъ, деспотствуетъ надъ остальной душевною областью, становится постояннымъ и неотвязнымъ содержаніемъ души—къ гибели ея.

Поэтъ не можетъ справиться съ собою, „выдернуть любовь“ изъ себя—по базаровски. Живи онъ еще въ другой вѣкъ съ иными возрѣніями, можетъ быть, дѣло еще приняло бы иной исходъ. Но то былъ вѣкъ самого разгара романтизма, вѣкъ *der Resignation*. Въмѣсто того, чтобы мужественно противустать своему чувству, поэтъ пускается въ мистическія размышленія о предопредѣленіи и т. д. Его возлюбленная, тоже дочь романтическаго вѣка—и тоже съ примѣсью мистицизма, не чувствуя въ себѣ любви къ юношѣ, начинаетъ втолковывать поэту, что „счастье дано лишь робкимъ“, что его „съ пламенной душою нельзя въ семь мірѣ сочетать“,—поэтъ покорно повторяетъ себѣ за нею:

Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься....

и приучается въ смерти видѣть себѣ спасеніе и счастье:

*То, что раемъ ты звала,
Передо мной теперь открыто.
Приблизься! вотъ могилы дверь!*

Ему его душа начинаетъ шептать:

Ты въ мірѣ молніей промчишься....

Онъ приходитъ къ убѣжденію, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, чья участь— „равно умереть“....

Онъ ретроспективнымъ, прощальнымъ взоромъ оглядываетъ свою краткую жизнь и такъ ее опредѣляетъ:

Мы всѣ равно читаемъ въ ней (природѣ),
Но кто, читая, понимаетъ?—
*Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
Былъ пламеннымъ жрецомъ искусства,
Кто жизни не щадилъ для чувства,
Вѣнецъ мученьями купилъ,
Надъ суетой вознесся духомъ,
И сердца трепеть жаднымъ слухомъ,
Какъ въ щелъ голосъ, изловилъ ¹⁾!*

Предъ смертью хочется увѣрить себя, что не напрасно же провелъ свой вѣкъ, хочется найти въ чемъ-либо, въ какой-либо сторонѣ своего бытія нравственное себѣ удовлетвореніе. Такого рода удовлетвореніемъ служить нашему юношѣ

¹⁾ Стр. 116 (88) «Поэтъ и другъ».

сознаніе небезплодности его поэтической дѣятельности. Здѣсь встаетъ будеть разсмотрѣть взгляды поэта на предназначеніе и обязанности поэтической души въ мірѣ. Разберемъ для этого нѣсколько его стихотвореній.

Послѣдніе стихи ¹⁾.

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;—
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣрай.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выпренныхъ уроковъ,
Съ маломомъ неба на земль.

Итакъ, истинныхъ поэтовъ немного; ихъ произведенія должны утолять „чистую жажду наслажденія“. На челѣ его тайна, на устахъ небесная пѣснь.

Поэтъ ²⁾.

Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья?...
....Ясный лучъ высокихъ думъ
Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ....
....На все безмолвно онъ взираетъ...

¹⁾ Стр. 118 (90).

²⁾ Стр. 89—90 (41—42).

Его богиня—простота,
И тихій геній размышленья
Ему поставилъ отъ рожденья
Печать молчанья на уста.

Сравни съ этимъ біографомъ: „Веневи́тиновъ не былъ „говоруномъ“, не любилъ „словесныхъ турнировъ.... и только съ близкими людьми могъ вступать въ живой, одушевленный разговоръ“.... „Я, разумѣется, молчу“, пишетъ самъ поэтъ брату, „и нужно прибавить, что я сталъ очень молчаливъ съ тѣхъ поръ, какъ тебя оставилъ“ ¹⁾....

....Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья,—
Все *тайна* въ немъ, все въ немъ молчить:
Въ душѣ заботливо хранить
Онъ неразгаданныя чувства.
Когда жъ внезапно что-нибудь
Взволнуетъ огненную грудь,—
Душа безъ страха, безъ искусства
Готова вылиться въ рѣчахъ
И блещетъ въ пламенныхъ очахъ.

„Поэтъ“, стр. 89 (42).

Таковъ портретъ поэта вообще, который Веневи́тиновъ рисуетъ съ себя.

....И снова тихъ онъ, и *стыдливый*
Къ землѣ онъ опускаетъ взоръ,
Какъ будто бѣ слышалъ онъ укоръ
За невозвратные порывы....

¹⁾ Стр. 23 (322—323).

Стыдливость поэта доходила до того, что его трудно было заставить сѣсть рядомъ съ незнакомою, или мало знакомою красивою женщиной; онъ становился крайне застѣнчивъ и робокъ ¹⁾. Посылая свое стихотвореніе «Домовой» (выше, стр. 52—53) въ Москву, поэтъ убѣдительно просилъ не показывать его „въ дамскомъ обществѣ“ ²⁾.

Въ стихотвореніи „Три участы“ ³⁾ „удѣлъ поэта“ рисуется такъ:

...Съ младенческихъ лѣтъ онъ сдружился съ природой,
И сердце Камены отъ хлада спасли,
И умъ непокорный воспитанъ свободой,
И лучъ вдохновенья зажегся въ очахъ.
Весь міръ облакаетъ онъ въ стройные звуки;
Стѣснитса ли сердце волненіемъ муки—
Онъ выплачетъ горе въ горячихъ стихахъ...

Свои поэтическія сомнѣнія поэтъ изображаетъ въ стихотвореніи XXXV. ⁴⁾

Я чувствую, во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья,
Но въ *темной* цѣли духъ парить...
Кто мнѣ укажетъ путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипитъ, какъ океанъ безбрежной....
....Иль вѣчнаго сомнѣнья полный,
Я буду горестно глядѣть
На перемѣчивыя волны,
Не зная, что любить, что нѣтъ?

¹⁾ и ²⁾ Тамъ же.

³⁾ Стр. 107 (60—61).

⁴⁾ Стр. 113—114 (84—85).

Открой глаза на всю природу,—
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ ¹⁾,—
Но дай имъ выборъ и свободу.
Твой часъ еще не наступалъ.
Теперь говнись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывной
Отзывной пѣсню отвѣчай!
Когда жь минуты удивленья,
Какъ сонъ туманный, пролетать,...
Смирится гордое желанье
Обнять весь міръ въ единый мигъ,
И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья.

Такова поэтическая программа, какую предназначиваетъ себѣ поэтъ. Но программа осталась программой и не дождалась полного выполненія, хотя поэтъ и замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ

Пою то радость, то печали,
То пылъ страстей, то жаръ любви,
И бѣглымъ мыслямъ простодушно
Ввѣряюсь въ пламени стиховъ... (тамъ же).

Значеніе поэта рисуется въ стихотвореніи:

„Утѣшеніе“.

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей

¹⁾ Почти ни одно стихотвореніе не обходится безъ романтическаго «тайнаго голоса».

Волшебной силой покорила...
...*Немногие* сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко, рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ...
...Но если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной,—
Повѣрь, недаромъ въ ней она;
Не теплится она бесплодно...
...Нѣтъ, что въ душевной глубинѣ,
Того не унесетъ могила:
Оно останется во мнѣ...
„Тайный голосъ“ общается:
 ...Когда-нибудь
Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
И слово сильное случайно
Изъ груди вырвется твоей.
Уровнишь ты его *недаромъ*:
Оно *чужую грудь зажжетъ*... [Стр. 111—113

(69—70)]

Въ этомъ одномъ сознаниіи и состоитъ все утѣшеніе, ка-
кое поэтъ уноситъ съ собой въ могилу:

(„Поэтъ и другъ“)

Мнѣ *сладко вприть*, что со мною
Не все, не все погибнетъ вдругъ,
И что уста мои вѣщали—
Веселья мимолетный звукъ,
Напѣвъ задумчивой печали
Еще напомнитъ обо мнѣ,
И *сильный стихъ не разъ встревожитъ*
Умъ пылкій юноши во снѣ,
И старецъ со слезой, быть можетъ,
Труды нелживые прочтетъ.

Онъ въ нихъ души печать найдетъ
И молвить слово *состраданья*:
„Какъ я люблю его созданья!
Онъ дышетъ жаромъ красоты,
Въ немъ *умъ и сердце согласились*,
И *мысли* полныя носились
На легкихъ крыліяхъ *мечты*.
Какъ звалъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!“
[Стр. 117 (89)].

Съ такими надеждами нашъ поэтъ скончался.

Прибавленія.

Считаемъ не лишнимъ дать мѣсто слѣдующему разсказу (о смерти Д. В. Веневитинова):

„Вообще Хомяковъ былъ одаренъ сильнымъ характеромъ. Я это могъ замѣтить при одномъ грустномъ случаѣ, сильно насъ огорчившемъ. Хомяковы были очень дружны съ малолѣтства съ Веневитиновыми. Старшій братъ, отличавшійся блестящими способностями, прекрасными качествами сердца и замѣчательнымъ поэтическимъ дарованіемъ, пріѣхалъ на службу въ Петербургъ и жилъ вмѣстѣ съ Хомяковымъ. Я съ нимъ познакомился передъ тѣмъ въ Москвѣ и оцѣнилъ все, чтѣ было въ немъ прекраснаго. Мы видались ежедневно, и эта кратковременная эпоха никогда не выдетъ изъ моей памяти: сколько въ ней было игривости ума, пылкости и прелести! Едва прошло *недѣли три* (!) съ пріѣзда его, какъ онъ занемогъ, и свачала болѣзнь казалась неважная, всего длилась 8 дней, и когда мы стали о положеніи его тревожиться—съ предвидѣніемъ опасности, врачъ удостовѣрялъ насъ положительно, что онъ скоро выздоровѣетъ и даже въ день кончины подтверждалъ свое мнѣніе. Черезъ нѣсколько часовъ все перемѣнилось, и тотъ же врачъ объявилъ намъ, что больной не проживетъ до другого дня. Надо было привести умирающаго къ сознанію его положенія. Это тяжелое порученіе принялъ на себя Алексѣй Степановичъ и исполнилъ его. Хотя онъ и былъ блѣденъ,

какъ смерть, но одна только тяжелая слеза выкатилась изъ его глазъ, посреди всѣхъ растроганныхъ присутствующихъ. Тутъ я могъ замѣтить силу этого характера, зная, до какой степени онъ нѣжно его любилъ“ ¹⁾).

Разборъ стихотвореній Д. В. Веневитинова имѣется въ статьѣ „Русскіе второстепенные поэты“, IV, Веневитиновъ, въ „Современникѣ“ за 1850 г., т. XXII, отдѣленіе VI, стр. 74—85; подп. А. А.

Н. В. Станкевичъ, игравшій въ слѣдующемъ поколѣніи Московскихъ юношей ту же роль, что Д. В. Веневитиновъ въ своемъ кружкѣ, высказываетъ о послѣднемъ, сравнивая его съ Пушкинымъ, Баратынскимъ и др. любопытное сужденіе: „Веневитиновъ (въ стихахъ) даже философствуетъ, но у послѣдняго есть, по крайней мѣрѣ, всегда теплота, истинное чувство, часто поэзія; но я усумнюсь сказать, чтобы въ немъ былъ зародышъ такого таланта, какой обнаружилъ Пушкинъ. У Веневитинова было художественно-рефлективное направленіе въ родѣ Гёте, и я думаю, что оно кончилось бы философіей, какъ у Гёте кончилось аллегоріею“.... (Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ. М. 1857. Переписка, стр. 274, письмо № 27—Т. Н. Грановскому изъ Аахена отъ 27 августа 1838 г.

„Вечеръ у княгини Зин. Волконской 27 декабря 1826 г.“ (см. выше, стр. 37), когда провожали кн. Волконскую въ Сибирь въ мужу, описанъ братомъ поэта А. В. Веневитиновымъ, сообщ. его сыномъ М. А. въ „Русской Старинѣ“ за 1875 г. (г. 6-й), апрѣль, стр. 822—827, ст. XI, „Листки изъ записной книжки“ „Русской Старины“.

¹⁾ Воспоминаніе объ А. С. Хомяковѣ—Н. А. Муханова (тов. мн. иностр. дѣль), стр. 244 въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1887 г., годъ 25-й, 2. ст. 5-я.

II.

Матеріалы для біографіи В. С. Печерина.

Списокъ сочиненій, которыя наиболѣе часто цитируются въ нашемъ этюдѣ.

В. Григорьевъ, Императорскій СПетербургскій Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, 1870.

М. Погодинъ, Школьныя воспоминанія (1814—1820 г.) Изъ моихъ записокъ. „Вѣстникъ Европы“ за 1868 г., т. IV, кн. VIII, августъ, стр. 605—630. Москва, 18 ноября 1859 г.

Нилъ Поповъ. Преданіе суду профессора В. С. Печерина. „Юридическій Вѣстникъ“ (изд. Московскаго Юридическаго Общества) за 1880 г. г. XII, № 5, май, III, стр. 77—81 (статья написана на основаніи „дѣла“ Московскаго Университетскаго архива, 1845 г., № 183).

„День“ за 1865 г., № 29 (Москва, 2 сент.—передовица), стр. 677—679 (двухстолбцовыя in 4°).

„Современный листокъ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ извѣстій“, вых. 2 раза въ нед. (газета, издаваемая при духовномъ журналѣ „Странникъ“ подъ ред. *А. Поповицкаго*), годъ третій, № 72 отъ 8 сентября 1865 г. „Русскій Католикъ“—(вторая передовица, занимаетъ стр. 2—4, трехстолбцовыя in 4°, половинныя, т. е. съ фельетономъ;

полныя 2 и 3 стр. и 1 столбецъ на 4-ой стр. 2¹/₂ столбца II страницы — перепечатка съ проп. изъ „Дня“ стиховъ, ¹/₂ ст. II-ой и ¹/₂ III—отъ себя, 2¹/₂ ст. III-ей и ¹/₂ IV-ой переп. изъ „Дня“ воспоминаній и ¹/₂ столбца IV-ой отъ себя). Статья эта пропущена у *Межова* въ его „Исторіи всеобщей литературы“.

„Современный Листокъ“, за тотъ же годъ, № 87 отъ 30 октября. Передовица. СПБ., 29 октября. „Еще нѣсколько словъ о г. Печеринѣ“. Стр. I и II. (Помѣщено письмо „одного очень уважаемаго нами лица“—стр. I, II, 1 столбецъ—и возраженія редакціи).

К. А. Аксаковъ, Воспоминаніе студентства (1832—1835 годовъ), „День“ за 1862 г. № 39, отъ 29 сентября, Общій отдѣлъ, стр. 2 (¹/₄ столбца)—5 (2¹/₂) столбца и № 40 отъ 6 октября, Общій отд., стр. 3 (2¹/₂ ст.)—7 (¹/₂ ст.).

А. И. Герценъ, Сочиненія, 1879 г., т. IX. Pater V. Petcherine. — Англія (1852—1855), стр. 255—271 (на стр. 261—271 переписка В. С. Печерина съ А. И. Герценомъ).

Ө. И. Буславъ. Мои воспоминанія. Изд. В. Г. фонъ-Бооля. М. 1897.

А. И. Никитенко. Дневникъ и воспоминанія, въ 3-хъ томахъ. СПБ. 1893.

О Печеринѣ упоминается также въ статьѣ D-r *Georg Schmid*, Das Professoren-Institut in Dorpat. 1827—1838. Eine Studie zur russischen Universitätsgeschichte, въ Russische Revue. Monatsschrift für die Kunde Russlands. Herausgegeben von *Carl Röttger*, XIX. B, St.-Ptrbg, H. Schmitzdorff, 1881 (стр. 136—166), августъ, на стр. 159, 161, 162.

Н. И. Пироговъ, Сочиненія, т. I. СПБ, 1887. „Вопросы жизни. Дневникъ стараго врача“ (5 ноября 1879—22 окт. 1881 г.).

Личность В. С. Печерина, проф. Московскаго университета, а потомъ эмигранта и католическаго священника, относится къ числу малоизвѣстныхъ для большаго круга публики. Только одинъ разъ—въ 1865 г. имя его появилось (по поводу присланныхъ имъ И. С. Аксакову письма и стихотвореній) на газетныхъ столбцахъ. Свѣдѣнія о немъ скудны и разсыяны по различнымъ источникамъ. Его біографіи не имѣется даже въ „Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета“, вышедшемъ къ 100-лѣтнему юбилею въ 1855 году. Настоящій этюдъ является первымъ опытомъ собиранія матеріаловъ о Печеринѣ. Главнымъ источникомъ для біографіи служили бы, конечно, его мемуары, которые, какъ сообщаетъ *Никитенко* (см. ниже стр. 174—175), имѣлись у племянника Печерина—*Полякова*. Всѣхъ, кто располагаетъ какими-либо матеріалами о Печеринѣ, не вошедшими сюда, или кто можетъ о немъ сообщить какія-либо литературныя данныя, авторъ покорнѣйше проситъ содѣйствовать улучшенію опыта біографіи Печерина своими указаніями, которыя будутъ приняты съ глубокою благодарностью.

I.

Жизнь до отправления въ Германію.

Владимиръ Сергѣевичъ Печеринъ, сынъ полковника, родился около 1808 г. Отецъ предполагалъ сдѣлать изъ него солдата и давалъ ему суровое воспитаніе; онъ обращался съ нимъ деспотически. Наряду съ тѣмъ его гувернеръ—швейцарецъ, ярый радикаль, подобно *Бушо*, гувернеру Герцена, напITYвалъ дитя самыми жгучими идеями. Ни то, ни другое не подходило къ натурѣ ребенка. Пламенная душа, пылкое воображеніе, большая воспримчивость были его отличительными свойствами. Ребенокъ нуждался въ мягкомъ и заботливомъ воспитаніи; а его то, повидимому, и недоставало. Здѣсь, по мнѣнію самого Печерина, вскрылись корни той душевной тревоги, которая терзала его всю жизнь неотступно и увлекла его на много опрометчивыхъ шаговъ. Деспотизмъ отца пробудилъ въ немъ ненависть ко всякаго рода нравственному гнету, который онъ часто смѣшивалъ съ господствомъ авторитета вообще. Радикаль-учитель не насадилъ въ его сердцѣ никакой религіи, но передалъ его воображенію социалистическія мечтанія.

Еще будучи студентомъ, Печеринъ обратилъ на себя вниманіе профессора *Грефе*, который былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Уваровымъ, какъ своимъ ученикомъ. Печеринъ возбуждалъ большія надежды еще въ эти годы и считался такимъ основательнымъ ученымъ, что попечитель *Бороздинъ*, освободивъ отъ слушанія нѣкоторыхъ лекцій, поручилъ ему

помогать барону *Розенкампфу*, писавшему свое замѣчательное изслѣдованіе объ источникахъ Кормчей книги. Нужно было разобрать греческую рукопись XII вѣка (изъ Императорской Публичной Библіотеки). Печеринъ составилъ VIII приложение къ труду Розенкампфа, вошедшее только во II его изданіе (Анастасевича). Печеринъ свелъ три текста юридическихъ главъ этой рукописи (греческій, латинскій, славянскій).

Войдя въ домъ Розенкампфа, Печеринъ познакомился съ его женою, нѣкогда блиставшей при дворѣ Александра I; это была замѣчательная женщина. Она полюбила молоденькаго ученаго филолога „чистѣйшею материнскою любовью“ и благотворно дѣйствовала на характеръ Печерина, стараясь смягчить и вообще перевоспитать его.

Памяти баронессы Розенкампфъ посвященъ единственный известный отрывокъ изъ мемуаровъ Печерина, написанный съ чрезвычайной теплотою, съ необычайнымъ изяществомъ и благородствомъ стиля.

Еще въ эти молодые годы (судя по отрывку изъ мемуаровъ) Печеринъ высказывается весь. Природная эстетичность натуры влечетъ его къ изученію словесности, и притомъ классической, подъ руководствомъ славнаго своего наставника Грефе. Въ то же время занятія рукописями, древностями даютъ ему возможность удалиться, уйти изъ современнаго міра. Онъ фантазируетъ надъ довѣренною ему рукописью, представляетъ себѣ монаха-византіяца, работающаго надъ ея изготовленіемъ, вдали отъ суеты и сутолоки. Вотъ, думалось Печерину, единственное убѣжище отъ деспотизма: запереться въ келью и разбирать старыя рукописи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ видно и высокое самолюбіе юноши, который обижался на то, что баронесса его взялась воспитывать. Между прочимъ подъ вліяніемъ баронессы онъ сталъ заниматься нѣмецкою литературою въ лицѣ ея главнѣйшихъ классиковъ *Гёте* и *Шиллера*.

Печеринъ окончилъ курсъ Университета блестяще—со степенью кандидата въ 1831 г.—по историко-филологическому факультету (одинъ изъ всего выпуска въ 11-ть человекъ)¹⁾. Благодаря протекціи Грефе, онъ сразу устроился очень хорошо. Онъ получилъ мѣсто старшаго учителя при I гимназій, а въ университетѣ мѣсто суббибліотекаря, да кромѣ того, былъ допущенъ по кафедрѣ латинскаго языка къ преподаванію въ качествѣ лектора²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Печеринъ выступаетъ и на литературное поприще; онъ печатаетъ въ „Сынѣ Отечества“ *Греча* и *Бумарина* статью о трагедіяхъ *Софокла* („*Антигонъ*“ и „*Аяксъ*“) и переводы стихотвореній Шиллера, както „*Дюенрамбъ*“, „*Пѣвцы древняго міра*“, „*Чужеземная дѣва*“, „*Желаніе лучшаго міра*“. Замѣтимъ, что свободолюбивый Шиллеръ былъ любимцемъ тогдашней русской радикальной молодежи, не одного Печерина, но и напр., Герцена и Огарева.

Кромѣ сотрудничества въ „Сынѣ Отечества“, Печеринъ помѣстилъ въ альманахахъ „*Невскомъ*“ *Аладина* и „*Кометѣ Бѣлѣ*“ свои переводы изъ греческой антологіи.

Эти переводы обратили на Печерина вниманіе *С. С. Уварова*, который и самъ когда то занимался вмѣстѣ съ Батюшковымъ переводомъ антологическихъ стихотвореній съ греческаго. Кромѣ того, Печерина сблизилъ съ Уваровымъ общій ихъ учитель Грефе. Грефе училъ Уварова по гречески и вмѣстѣ съ нимъ подготавливалъ къ изданію сочиненія поэта *Нонна*. Для Грефе у Уварова не было отказа ни въ чемъ (см. ниже, стр. 96—97.). Грефе, очевидно, рекомендовалъ Печерина, какъ ученика, продолжающаго научныя занятія своего учителя, потому что самъ

¹⁾ Григорьевъ, Приложенія, стр. LXXI.

²⁾ Григорьевъ, стр. 91 и Ссылки, примѣчанія 178 (Дѣло Совѣта за 1832 г. подъ № 23), стр. 30.

Грефе тоже спеціально займався греческою антологією и писалъ въ этой области. Ученое направленіе Грефе отразилось на его учепикѣ Печеринѣ.

Передъ молодымъ филологомъ открывалась блестящая карьера. Онъ, по его словамъ, „сдѣлался ужаснымъ любимцемъ Уварова“, началъ запросто ѣздить къ нему—на городскую квартиру и на дачу. Уваровъ не чуждался общенія съ профессорами; извѣстно, какъ принималъ онъ у себя въ своемъ Норѣчѣ—Погодина, Перевощикова и Давыдова, изъ которыхъ послѣдній даже описалъ это гостепріимство министра въ особой статьѣ. „Благородныя внушенія баронессы Розенкампфъ“, замѣчаетъ Печеринъ, „изглаживались мало по малу. Рабочья русская натура брала свое. Я стоялъ на краю зіяющей пропасти“.

Жизнь Печерина текла въ это время самымъ обыкновеннымъ для молодого петербургскаго чиновника образомъ. Онъ усердно посѣщалъ „маленькіе балики, волочился за барышнями и влюблялся во всякое сколько-нибудь пригожее личико“. Но скоро произошла перемѣна. 19 февраля 1833 г. министръ князь *Ливенъ* (піетистъ, извѣстный, между прочимъ, тѣмъ, что въ качествѣ Дерптскаго попечителя онъ разгромилъ богословскій факультетъ Дерптскаго университета и изгналъ изъ него раціоналистовъ, профессоровъ *Хетцеля*, *Зегельбаха* и *Бѣлендорфа*) пригласилъ Печерина къ себѣ и объявилъ ему объ его командировкѣ для научнаго усовершенствованія въ Берлинъ. И это отличіе, вѣроятно, не обошлось безъ протекціи Грефе. Въмѣсто Печерина преподавать латинскій языкъ на низшемъ университетскомъ отдѣленіи сталъ *А. И. Брутъ*¹⁾.

Отъѣздъ Печерина былъ принятъ его друзьями и знакомыми различно. Баронесса, послѣ смерти мужа впадшая

¹⁾ Григорьевъ, 94.

въ нищету, пришла въ восторгъ и съ жаркимъ участіемъ благословила юношу (ему было тогда 25 лѣтъ) на новый путь.

Зато опытный журналистъ *Н. И. Гречъ*, не безъ основаній прозрѣвшій въ Печеринѣ большія литературныя дарованія, уговаривалъ его не ѣздить за границу, а, оставаясь въ Россіи, заняться русскою литературой. Для нѣмецкой науки, если она потребуется, можно де и выписать свѣжаго нѣмца (на мѣсто Грефе) изъ Германіи. Самъ Печеринъ признаетъ правду въ совѣтѣ Греча. Несомнѣнно, что не ѣзди Печеринъ за границу, жизнь его приняла бы другой, болѣе нормальный оборотъ, и онъ, быть можетъ, принесъ бы болѣе пользы родинѣ, если не исключительно на поприщѣ литературы, то на какомъ-либо иномъ.

И вотъ Печеринъ вырвался изъ Россіи. Въ Берлинѣ его въ числѣ 16 другихъ членовъ профессорскаго института, подготовлявшихся въ Берлинѣ, подчинили присмотру ханжипіетиста проф. *Кранихфельда*, который шпионствовалъ за профессорантами даже на ихъ частныхъ квартирахъ. Печеринъ жаловался своему патрону, академику Грефе; къ этому времени на мѣсто Ливена министромъ сталъ Уваровъ, и молодыхъ русскихъ ученыхъ избавили отъ присмотра ханжи; ихъ отдали подъ надзоръ военнаго атташе, генерала *Мансурова*, честнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, какъ отзывается о немъ Печеринъ.

Еще до отправленія за границу Печеринъ свелъ знакомство, а потомъ и дружбу съ извѣстнымъ *А. И. Никитенкомъ*, впоследствии профессоромъ и цензоромъ, а тогда еще служившаго секретаремъ у попечителя уч. окр. *Бороздина*. Оба, и Печеринъ, и Никитенко, принадлежали къ одному кругу молодыхъ людей. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ дневника Никитенка за эти годы, касающихся Печерина.

Такъ, октября 8, 1832 г. (I, 304) по поводу случившагося „въ нашемъ кругу“ очень печальнаго происшествія (самоубійства Петра *Попова*), Никитенко съ Печеринымъ („мы съ П-нымъ“) „томились тяжелымъ предчувствіемъ“.

1832 г. февраля 6. (Обѣдъ въ честь юбилея, университетской годовщины—выпуска). „*Печеринъ* написалъ къ этому дню и прочелъ прекрасные стихи. Это человекъ съ истинно-поэтической душою. Въ немъ всѣ задатки доблести, но еще нѣтъ опыта въ борьбѣ со зломъ. Выйдетъ ли онъ въ заключеніе побѣдителемъ изъ нея?“ (Никитенко, т. I, стр. 296).

1833 г. января 2. „Вечеромъ былъ съ *Печеринымъ* въ театрѣ. Играли оперу-водевиль: „*Пажи Фридриха II*“—пустынькую, но довольно забавную пьесу, и „Разводъ“, интрига которой хорошо ведена“ (тамъ же, стр. 306).

Января 30. Никитенко былъ въ Большомъ театрѣ на „*Ричардъ*“ Шекспира въ переводѣ актера *Брянскаго*. „О Шекспиръ, Шекспиръ, къ какимъ варварамъ попалъ ты! На-

перечеть 8 или 9 человекъ во всемъ театрѣ, который былъ полонъ, изъясляли восторгъ: все прочее многолюдіе или безлюдіе было глухо, нѣмо, безъ рукъ: ни восклицанія, ни рукоплесканія! зато нашъ *Печеринъ* возвратился домой съ опухшими руками: но не жалѣлъ ихъ для великаго Шекспира!“ (тамъ же, стр. 310).

Christian Friedrich *Graefe*, сынъ пастора, родился въ Хемницѣ (Chemnitz) въ Саксоніи 1 іюля 1780 г.—умеръ въ Петербургѣ 12 декабря 1851 г. Послѣ заботливой домашней подготовки и семилѣтняго обученія на родинѣ въ лицей онъ въ 1799 г. поступилъ въ Лейпцигскій университетъ для изученія богословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ усердно занимался математикой, исторіей и древнеклассическою филологіею подъ руководствомъ G. Hermann'a и принималъ участіе въ его „греческомъ обществѣ“ наряду съ Thiersch'емъ, Seidler'омъ и Пассовымъ. Въ 1803 г. онъ выдержалъ экзаменъ на кандидата теологіи, а въ 1805 г. былъ промовированъ (28 февраля) въ Dr philos. (или, какъ ихъ тогда въ Лейпцигѣ называли, магистры). Нѣкоторое время онъ былъ въ самомъ Лейпцигѣ домашнимъ учителемъ, а въ 1806 г. по рекомендаціи Германна поступилъ воспитателемъ въ домъ лифляндскаго ландрата Карла Густава *Самсона фонъ Химмельстерна* (Urbs въ Лифляндіи), на третьей дочери котораго Хедвигъ Грефе потомъ женился. Въ 1810 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ греческаго языка при Петербургской духовной академіи. Благодаря сближенію съ попечителемъ С. Уваровымъ Грефе въ 1811 г. перешелъ въ Педагогическій Институтъ профессоромъ латинскаго языка; эту каѳедру въ 1815 г. онъ промѣнялъ на каѳедру греческаго языка. При преобразованіи Института въ Университетъ онъ удержалъ каѳедру за собою, а въ 1822 г. присоединилъ къ ней еще латинскую каѳедру

въ Университетѣ же и въ 1829 г. еще каедру греческой литературы при вновь основанномъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Академія наукъ въ 1818 г. избрала его въ члены-корреспонденты, а съ 1820 г.—въ дѣйствительные; съ 1821 г. Грефе еще сталъ служить въ Эрмитажѣ консерваторомъ кабинета антиковъ и монетъ, а съ 1840 г. состоялъ почетнымъ директоромъ Эрмитажа. Въ 1842 г. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Его работы относились къ критикѣ текста позднѣйшихъ греческихъ поэтовъ; онѣ показываютъ очень основательное знаніе греческаго языка и рѣдкостный талантъ для критики конъектуръ. Особенно замѣчательны: его изданіе *Dionysiaca* Нонна Паннопольскаго, и работы по тексту греческихъ буколикъ: Трифіодора, Колуѳа, Музея, Павла Силентіарія. Образцомъ новой обработки греческой антологіи должно было служить изданіе эпиграммъ Мелеагра Гадарскаго. Есть еще работы Грефе по греческой эпиграфикѣ, грамматикѣ, сравнительному языковѣдѣнію (преимущественно, греческому и славянскому языкамъ) и греческія стихотворенія на различные торжественные случаи.

Указатель его сочин. въ *Bulletin de la classe h=ph.* Акад. т. IX, р. 365 и слѣдующ.; ср. *Schiefner*, *Allg. Encycl. d. Wiss. u. K.*, S. I, B. 78, р. 50.

О близкихъ отношеніяхъ Уварова и Грефе (которые оба играли важную роль въ жизни Печерина) мы позволимъ себѣ привести весьма любопытныя воспоминанія *Θ. Н. Фортунова* (бывшаго директоромъ Олонецкой гимназій), который, учась въ 1830—33 гг. въ Петербургскомъ Университетѣ, тоже подобно Печерину, снискалъ себѣ большую привязанность Грефе.

Изъ этихъ воспоминаній („Русскій Архивъ“, т. VII, за 1869 г., стр. 305—340, „Воспоминанія о СПб-омъ университетѣ“) мы увидимъ, какъ настойчиво проводилъ Грефе своихъ любимцевъ, и какъ тепло относился къ нему Уваровъ.

„Обширнѣйшее предпринятое Грефе изданіе сочиненій *Нонна Паннопольскаго* напечатано въ 2 томахъ въ Лейпцигѣ. Нѣсколько лѣтъ огромную поэмѣ Нонна („Походъ Діонисія въ Индію“) читаль Грефе съ гр. *Уваровымъ*; это занятіе, начавшееся еще въ то время, какъ Сергій Семеновичъ былъ попечителемъ СПБ-аго уч. округа (1810—1821), продолжалось и тогда, какъ Уваровъ вслѣдствіе непріятныхъ отношеній къ *М. Л. Магницкому* и приверженцамъ его покинулъ должность попечителя и тѣмъ съ большею свободою и удобствомъ предался любимому занятію своему древними языками. Между прочимъ плодомъ этихъ занятій былъ трактатъ Уварова *Νοννος von Rannopolis der Dichter*, составляющій введене кь изданію сочиненій Нонна академикомъ Грефе ¹⁾.

Съ восторгомъ узналъ онъ въ 1833 г. о вступленіи С. С. Уварова въ управленіе министерствомъ нар. просвѣщенія; 40-лѣтнюю дружбу свою съ Грефе засвидѣтельствовалъ С. С. въ особомъ письмѣ къ секретарю академіи *П. Н. Фуссу*, посвященномъ воспоминанію о Грефе вскорѣ по его кончинѣ; оно читано было въ засѣданіи Академіи Наукъ 6 февраля 1852 г.: „Мои личныя сношенія“, писалъ гр. Уваровъ, „съ академикомъ Грефе, продолжавшіяся 40 лѣтъ, его вліяніе на мои собственныя занятія и глубокое уваженіе, которое я питалъ къ этому ученому эллинисту, возлагають на меня обязанность принести предъ лицемъ Академіи послѣднюю дань его памяти“.

Вступленіе Уварова въ управленіе мин. нар. просв. привѣтствовано было Грефе стихотвореніемъ, начинавшимся гораціанскими словами, которыми открьвается его VI сатира во II книгѣ, обращенная къ *Меценату*, его другу и благодѣтелю: *Nos erat in votis* (у *М. А. Дмитріева* въ стихотворномъ

¹⁾ О. Фортунатовъ, Воспоминанія о СПБ-омъ Унив., за 1830—1833 г. стр. 323 въ «Русскомъ Архивѣ», т. VII, за 1869 г.

переводъ этой сатиры на русскій языкъ: „Вотъ въ чемъ желанія были мои“). Сближеніе именъ Мецената и Уварова очень естественно, не только по сходству соотношеній римскаго поэта къ Меценату и проф. Грефе къ Уварову, но и по ожидаемои отъ Уварова пользѣ для распространенія просвѣщенія въ Россіи и по покровительству его словесности и наукамъ. Въ стихотвореніи поэтъ-профессоръ воспѣваетъ наступленіе золотого вѣка для наукъ въ нашемъ отечествѣ ¹⁾).

Я былъ свидѣтелемъ въ 1838 г., какъ достуиъ къ С. С. Уварову во всякое время свободенъ былъ для Грефе, и какъ исполнялись охотно министромъ нар. проsv. желанія его бывшаго руководителя по занятіямъ древнею греческою литературою. Мнѣ довелось быть въ сентябрѣ 1838 г. вмѣстѣ съ Грефе у тогдашняго попечителя СПБ-аго учебнаго округа, вн. *М. А. Дондукова-Корсакова*. Грефе просилъ поп—ля, чтобы оставлено было за мною съ полнымъ окладомъ жалованья преподаваніе греческаго языка въ Вологодской гимназій, введенное въ ней мною съ конца 1836 г. ²⁾; напрасно поп. доказывалъ проф—ру невозможность совмѣстить это преподаваніе за жалованіе съ должностію инспектора гимназій, занимаемою мною тогда въ Вологодской гимназій; напрасно въ подтвержденіе словъ своихъ ссылался попечитель на недавнее циркулярное предписаніе министра, воспреещающее денежное вознагражденіе директорамъ и инспекторамъ гимназій за преподаваніе какихъ-либо предметовъ во ввѣренныхъ имъ гимназійхъ,—Грефе настаивалъ на своемъ. Тогда попечитель сказалъ ему: „Обратитесь сами съ просьбою Вашею къ Сергію Семеновичу, и въ чемъ откажетъ онъ мнѣ на законномъ основаніи, то исполнить для Васъ, потому что у Сергія

¹⁾ Стр. 319.

²⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1835 г., 3, т. VII, сентябрь, № IX, отд. 1. Дѣйствія правительства. 2. Министерскія распоряженія, стр. CV, № 27, августа 4. О преподаваніи греческаго языка въ Вологодской гимназій.

Семеновича нѣтъ для Васъ закона“. Отъ попечителя отправился Грефе со мною къ министру нашему, безъ всякаго доклада прошелъ въ кабинетъ его, и я немедленно былъ приглашенъ туда же. С. С—чъ сначала объяснилъ Федору Богдановичу поводъ къ своему распоряженію ¹⁾, вслѣдствіе котораго не могъ я совмѣщать преподавательской за деньги обязанности съ должностью инспектора гимназіи, но тотчасъ же прибавилъ, что по желанію его онъ дѣлаетъ для меня исключеніе съ тѣмъ, чтобы жалованье, назначаемое учителю греческаго языка, получалъ я въ видѣ платы ²⁾.

Подробный перечень сочиненій Грефе помѣщенъ въ „Ученыхъ Запискахъ“ Академіи Наукъ по I и III отдѣленіямъ, 1852 г. на стр. 38—41; но едва ли въ это перечисленіе вошли всѣ сочиненія Грефе; по крайней мѣрѣ, я не нашелъ въ немъ того печатнаго стихотворенія на вступленіе въ управленіе министерст. народн. просв. Уварова, о которомъ говорено было мною выше. Большая часть этихъ сочиненій небольшого объема ³⁾.

Впрочемъ, замѣтимъ, что Грефе, покровительствовавшій Печерину, Фортунатову и И. Я. Соколову, вовсе не былъ особенно мягокъ душой и не одинаково относился ко всѣмъ своимъ слушателямъ и ученикамъ. Особенно не жаловалъ онъ казеннокоштныхъ студентовъ и въ лицо величалъ ихъ *ignobile genus sigonae* ⁴⁾ (подлый казенный людъ).

О близкихъ отношеніяхъ Грефе къ Уварову свидѣтельствуеъ еще Погодинъ.

¹⁾ Обязанность преподавать за деньги въ гимназиі считалъ мнѣ. Уваровъ несовѣстно съ должностью дир. или insp-ра на томъ основаніи, что они сами должны смотрѣть за точнымъ исполненіемъ должностныхъ обязанностей наставниками.

²⁾ Стр. 320.

³⁾ Стр. 323.

⁴⁾ Григорьевъ, Ссылки, примѣчанія и дополненія, № 120, стр. 25.

„Министръ Уваровъ имѣлъ самъ отличное классическое образованіе, зналъ хорошо латинскій и греч. языки, и писалъ разсужденія о классическихъ предметахъ (о которыхъ мнѣ даже отзывались съ большою похвалою, не говоря уже о цитатахъ, въ искреннемъ разговорѣ, Крейцеръ и Шлоссеръ въ 1835 г.). Училъ его профессоръ древней словесности, знаменитый эллинистъ и латинистъ *Грефъ*. Кто то, не довѣряя познаніямъ Уварова, сказалъ тогда, что Уваровъ древніе языки знаетъ пополамъ съ грѣхомъ.— „Нѣтъ“, отвѣчалъ я, „пополамъ не съ грѣхомъ, а развѣ съ Грефомъ“. Покаюсь въ этой остротѣ, совершенно несправедливой: Уваровъ зналъ языки вполне и самостоятельно ¹⁾“.

¹⁾ Стр. 613.

Изъ Записокъ В. С. Печерина.

47. Lowe Dominikstreet. Dublin. Октябрь 1869.

Эпизодъ изъ Петербургской жизни.

(1830—1833)

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Пушкинъ.

Бури улеглись—настала какая-то глупая тишина—точно штиль на морѣ. Въ воздухѣ было ужасно душно, все клонило ко сну. Я дѣйствительно начиналъ уже дремать. Мнѣ грезился какой-то вздоръ, какое-то счастье: жить въ уединеніи съ Греками и Латинами и ни о чемъ болѣе не заботиться... Вдругъ блеснула молнія, раздался громовый ударъ, разразилась гроза Июльской революціи... Воздухъ освѣжѣлъ, всѣ проснулись, даже и казенные студенты. Да и какъ еще проснулись! Словно Духъ Святой низошелъ на нихъ. Начали говорить новымъ, ютолѣ неслыханнымъ языкомъ: о свободѣ, о правахъ человѣка и пр. и пр. Да чего тутъ еще не говорили?!..... И мы этому юбродушно вѣрили. Sancta simplicitas!

Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не засыпалъ... Ахъ нѣтъ! виновать, грѣшный человѣкъ! Я проспалъ двадцать лучшихъ лѣтъ моей жизни (1840—1860). Да что же тутъ удивительнаго!

7*

786460

Вѣдь это не рѣдкая вещь на святой Руси. Сколько у насъ найдется людей, которые или проспали всю жизнь, или проиграли ее въ карты! Я и то, и другое сдѣлалъ: и проспалъ, и проигрался въ-пухъ.

Но въ *то время* случилось обстоятельство, надолго помѣшавшее мнѣ заснуть. Попечитель Бороздинъ позвалъ меня къ себѣ. „Вотъ видите, въ чемъ дѣло! Баронъ Розенкампфъ занимается изданіемъ Кормчей Книги. Ему надо разобрать и частію переписать греческую рукопись Номоканона. Вы можете ему помочь въ этомъ. Я освобождаю васъ отъ нѣкоторыхъ лекцій, а именно отъ лекцій Зябловскаго“.—Зябловскій былъ скучный и бездарный профессоръ довольно скучнаго предмета: *тогдашней* русской статистики. За то онъ ужъ и отомстилъ мнѣ на экзаменѣ, поставивъ мнѣ 3 вмѣсто ожидаемыхъ 4. Но, разумѣется, высшее начальство поправило эту ошибку, и я выдержалъ кандидатскій экзаменъ на славу.

Гдѣ-то, кажется, на Садовой, былъ большой деревянный домъ довольно ветхой наружности. Тутъ жилъ баронъ Розенкампфъ.

Каждое утро, въ 8-мъ или 9-мъ часу я являлся въ его кабинетъ и садился за свою работу. Это была прекрасная рукопись изъ Императорской Публичной бібліотеки, X-го или XI-го вѣка. Сколько я надъ нею промечталъ! Я воображалъ себѣ бѣднаго Византійскаго монаха въ черной рясѣ,—съ какимъ усердіемъ онъ вышпировалъ и разграфилъ этотъ пергаментъ! Съ какою любовью онъ рисуетъ эти строки и буквы! А между тѣмъ вокругъ него кишитъ безтолковая жизнь Византіи, доносчики и шпионы снуютъ взадъ и впередъ; разыгрываются всевозможныя козни и интриги придворныхъ евнуховъ, генераловъ и іерарховъ; народъ, за неимѣніемъ лучшаго упражненія, тѣшится на ристалищахъ; а онъ, труженикъ, сидитъ, да пишетъ... „Вотъ“, думалъ я,—„вотъ единственное убѣжище отъ деспотизма: запереться въ какой-нибудь кельѣ, да и разбирать старыя рукописи!“

Около 4-го часу приходилъ старый, бѣлый, какъ лунь, парикмахеръ и окостенѣвшими пальцами причесывалъ и завивалъ посѣдѣвшія кудри барона. Послѣ этого туалета баронъ вставалъ, бралъ меня за руку, и мы отправлялись на половину баронессы къ обѣду.

Баронесса Розенкамфъ была женщина лѣтъ за сорокъ или болѣе. Она была очень блѣдна, и какое-то облако грусти висѣло на ея челѣ; но видны были еще слѣды прежней красоты. Она, говорятъ, блистала при дворѣ Александра I. Баронъ занималъ важное мѣсто: онъ, кажется, былъ предсѣдателемъ законодательной комиссіи. Но съ воцареніемъ Николая они попали въ немилость и теперь жили въ совершенномъ уединеніи, оставленные и забытые прежними друзьями и знакомыми. Такъ, разумѣется, и быть должно.

Въ гостиной стоялъ великолѣпный рояль подъ зеленымъ чехломъ, но баронесса никогда до него не дотрогивалась. На стѣнахъ были развѣшены произведенія ея вѣсти, картины, бывшія нѣкогда на выставкѣ (между прочимъ я помню одинъ прекрасный Francesco d'Assisi); но эти картины были задернуты какимъ-то траурнымъ крепомъ. Баронесса все оставила, все забыла, и живопись, и музыку. Она не любила даже смотрѣть на эти предметы, напоминавшіе ей лучшее былое. Ея гордая душа вполне понимала смыслъ этихъ словъ Данта: *Nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria.*

Въ этомъ опальномъ домѣ господствовала оппозиція. Всѣ дѣйствія новаго правительства были беспощадно порицаемы. Когда мы читали въ „*Journal des Débats*“ о первыхъ неудачахъ русскаго оружія въ Польшѣ, баронъ качалъ головою и говорилъ: „Вотъ видите, такъ и выходитъ, что Горацій сказалъ правду: *vis consilii experts mole ruit sua!*“

Рѣдко кто заходитъ въ этотъ „забвенно брошенный“ (Пушкинъ о Михайловскомъ замкѣ) домъ, развѣ только иногда зайдетъ А. Х. Востоковъ, по какимъ-нибудь справкамъ для

Кормчей Книги. Только однажды, я помню, было нѣчто въ родѣ званого обѣда. Приглашены были старые друзья барона: пасторъ англійской церкви, докторъ Ло, португальскій консулъ, да еще кто-то третій. Поэтому случаю баронесса немноже прива- ридилась, подрумянилась, ея блѣдныя щеки оживились, она была очень мила, такъ что я почти въ нее влюбился. Надобно знать, что, въ качествѣ Петербургскаго юноши, я считалъ своимъ священ- нѣйшимъ долгомъ влюбляться во всякую сколько-нибудь при- гожую женщину..... А она меня дѣйствительно полюбила чистѣйшею материнскою любовью. Она усердно привалась за мое воспитаніе. „Ахъ! какъ жалко“, говорила она, „какъ жалко, что въ Петербургѣ нѣтъ средствъ для развитія молодого че- ловѣка“!

Я этимъ ужасно какъ обидѣлся. Мнѣ казалось, что мы съ нашимъ академикомъ Грефе звѣзды съ неба снимаемъ. А теперь, какъ подумаешь, такъ самому становится стыдно. Когда теперь припоминаю тогдашній петербургскій университетъ, то такъ и руки опускаются. Вѣдь дѣйствительно никакое самостоятельное развитіе не было возможно. Въ преподаваніи не было нечего *серьезнаго*: оно было ужасно поверхностно, мелко, пошло. Студенты заучивали тетрадки профессоровъ, да и самъ профессоръ преподавалъ по тетрадкамъ, имъ же зазубреннымъ во время оно. Да и теперь, по слухамъ, до меня дошедшимъ, немного лучше. Да что жъ это за напасть такая, что намъ наука вовсе не дается? А вотъ въ чемъ загадка: *законодательствуйте, сколько хотите, но ничто вамъ не пойдеть въ прокъ, если вы идете наперекоръ народному духу.* Для русскаго свѣжаго, прагматическаго народа надо бы преподаваніе ограничить предметами первой необходимости, прагматически- полезными для государственной жизни, напр., восточными языками, науками физико-математическими, медициною и чѣмъ еще? Юриспруденцію? Ну, тутъ, кажется, надо еще немноже подождать, когда у насъ будутъ законы, а то изъ чего

же тут хлопотать? Какое тут законовѣденіе, когда вы не увѣрены, что вчерашній законъ не будетъ завтра же отмѣненъ?.... А древніе то языки ужъ и подавно намъ не дались. И не удивительно! Россія вмѣстѣ съ Соединенными Штатами начинаетъ новый циклъ въ исторіи; такъ изъ чего же ей, съ особеннымъ *терпѣніемъ и любовью*, рыться въ какихъ-нибудь Греческихъ, Римскихъ, Вавилонскихъ или Ниневійскихъ развалинахъ! Она, пожалуй, сама сумѣетъ подготовить матеріалы для будущихъ археологовъ и филологовъ. Понятенъ энтузіазмъ къ древнимъ классикамъ въ началѣ 16-го столѣтія, когда Европа, выходя изъ средневѣковаго хаоса, не видѣла предъ собою другой путеводной звѣзды, кромѣ греческой и римской цивилизаціи.

Это невольно напоминаетъ мнѣ куріозный совѣтъ, данный мнѣ покойнымъ Н. И. Гречемъ, когда я зашелъ къ нему проститься передъ отъѣздомъ за границу. „Да изъ чего же это вы ѣдете учиться за границу? Вѣдь когда намъ понадобится нѣмецкая наука, то мы свѣжаго нѣмца выпишемъ изъ Германіи; а вы такъ лучше оставайтесь здѣсь, да займитесь русскою словесностью“. Что я не послѣдовалъ совѣту Н. И. Греча, въ этомъ, конечно, русская словесность ничего не потеряла; но все жъ таки не могу не сознаться, что въ словахъ его была доля правды, если подъ нѣмецкою наукою онъ разумѣлъ классическую филологію.

Но это мимоходомъ. Баронесса Розенкампфъ принадлежала къ чисто-романтической школѣ, и ея идоломъ былъ Гёте. У нея была прекрасная нѣмецкая бібліотека. „Вотъ вамъ Wilhelm Meisters Lehrjahre“, сказала она однажды: „читайте со вниманіемъ. Увѣряю васъ, что нѣтъ лучшей книги для окончательнаго развитія молодого человѣка“. Тутъ невольно улыбнешься. Wilh. Meisters Lehrjahre дѣйствительно могутъ развитъ въ молодомъ человѣкѣ—совершеннѣйшаго эгоиста. Да впрочемъ и самъ Гёте—не тѣмъ онъ будь помянутъ—былъ величайшій эгоистъ.

„Да умный человекъ не можетъ быть не плутомъ“.

Прошелъ годъ или два, баронъ окончилъ Кормчую Книгу и написалъ къ ней нѣмецкое предисловіе, гдѣ упомянулъ о моемъ сотрудничествѣ, и потомъ, какъ добрый работникъ,

Кончивъ тяжкую работу
Многотрудной жизни сей,

онъ слегъ отдохнуть, захворалъ и отошелъ на покой. Я проводилъ его на Невское кладбище. Повѣрите ли? Въ домѣ не нашлось *ста* бумажныхъ рублей для его похоронъ. Деньги выдали, кажется, изъ министерства народнаго просвѣщенія, по ходатайству старика Языкова. Баронесса распродала бібліотеку покойника и лучшую часть своей мебели, а изъ послѣднихъ денегъ еще дала, по обычаю, обѣдъ духовенству и нѣкоторымъ знакомымъ. Послѣ этого она перебралась на маленькую квартиру въ другой части города.

А я между тѣмъ поступилъ на службу. Меня сдѣлали лекторомъ и суббибліотекаремъ при университетѣ и старшимъ учителемъ въ I-й гимназіи. Началась жизнь Петербургскаго чиновника. Я усердно посѣщалъ маленькіе балки у чиновниковъ-нѣмцевъ, волочился за барышнями, писалъ кое-какіе стишки и статейки въ „Сынъ Отечества“; но что еще хуже—я сдѣлался ужаснымъ любимцемъ товарища министра просвѣщенія, С. С. Уварова, вслѣдствіе какихъ-то переводовъ изъ греческой антологіи, напечатанныхъ въ какомъ-то альманахѣ. Я началъ просто ѣздить къ нему на поклонъ, даже на дачу. Благородныя внушенія баронессы Розенкампфъ изглаживались мало-по-малу. Работѣнная русская натура брала свое. Я стоялъ на краю зіяющей пропасти.

Къ счастью, въ одно прекрасное утро, 19 февраля 1833 года, очень рано, министръ Ливенъ прислалъ за мною и,

сдѣлавъ мнѣ благочестивое увѣщаніе въ піетистическомъ стилѣ, отправилъ меня въ Берлинъ, гдѣ и поручилъ меня благимъ попеченіямъ отъявленнаго піетиста, профессора Кра-нихфельда, главы Берлинскихъ піетистовъ.

Разумѣется, нога моя никогда не была у Кранихфельда. Нѣкоторые изъ товарищей нашли нужнымъ, ради приличія, сдѣлать ему визитъ; но я настоялъ на своемъ и тотчасъ же написалъ отчаянное письмо къ академику Грефе, а черезъ него къ Уварову, что вотъ такъ и такъ, насъ, членовъ профессорскаго института, будущихъ профессоровъ Россіи, отдали подъ присмотръ какому-то Берлинскому ханжѣ, который шпионствуетъ за нами даже на нашихъ квартирахъ и пр. и пр. Письмо мое имѣло отличный успѣхъ. Къ этому времени Ливенъ вышелъ въ отставку, а на мѣсто его сдѣлался министромъ Уваровъ. Кранихфельда тотчасъ же отставили отъ должности, и за это ему дали Владимира, а насъ изъ духовнаго вѣдомства перевели въ военное, т. е. отдали подъ надзоръ честнѣйшему и благороднѣйшему человѣку, военному агенту генералу Мансурову.

Передъ отъѣздомъ въ Берлинъ я зашелъ проститься съ баронессою. Она тѣснилась въ маленькой квартиркѣ, но и тутъ ея отличный вкусъ и женскій тактъ удачно сгруппировали остатки прекрасной мебели, обставивъ ихъ разными милыми мелочами и роскошными цвѣтами, такъ что ея гостинная представляла видъ изящнаго будуара. Она очень похудѣла, стала еще блѣднѣе; но ея потускнѣвшіе глаза засверкали какою-то материнскою радостью, когда она узнала объ моемъ отъѣздѣ за границу. Съ какимъ жаркимъ участіемъ она меня благословила на новый путь, на новый подвигъ! Я въ послѣдній разъ поцѣловалъ ея руку.

Черезъ два года, въ 1835 г., я возвратился въ Петербургъ, съ какою неизлѣчимою тоскою въ сердцѣ, съ какими отчаянными планами для будущаго,—не здѣсь мѣсто объ этомъ

говорить. Иду по Невскому проспекту—попадается мнѣ на встрѣчу камердинеръ баронши.

—Ахъ, батюшка, Владимиръ Сергѣичъ! Не можете ли найти мнѣ какого-нибудь мѣста?

—Какъ мѣста? Да развѣ ты не у баронши?

—Какая тутъ баронша!—*Она умерла съ голоду!*

Гдѣ ее похоронили? Есть ли надъ нею какой-нибудь памятникъ? Помнить ли ее кто-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ?—Не знаю! Но мнѣ ея не забыть! Я не могу ей соорудить памятника; но пусть же хоть *эта* одна слеза благодарности каветъ на ея одинокую могилу! Вѣчная память незабвенной и несчастной баронессѣ Розенкампфъ, урожденной Бларамбергъ!

Выше (стр. 87) мы упомянули о сотрудничествѣ Печерина въ работѣ барона Розенкампа. Мы приведемъ вступленіе „въ VIII приложенію“ (которое принадлежитъ Печерину) въ „Обозрѣнію Кормчей книги“; изъ него мы получимъ понятіе о характерѣ работы Печерина. Это VIII приложеніе вошло только во II изданіе книги, которое постигла очень странная судьба. Оно было напечатано *Анастасевичемъ* въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, кажется, около ста экземпляровъ, десять изъ которыхъ были имъ разсланы разнымъ лицамъ; а остальные экземпляры сохранялись у него въ листахъ. Послѣ смерти Анастасевича въ 1845 г. всѣ его бумаги вмѣстѣ съ листами „Обозрѣнія Кормчей“ были проданы съ аукціона букинистамъ. Изъ числа уцѣлѣвшихъ листовъ *А. Д. Ивановскій* составилъ только нѣсколько экземпляровъ, вслѣдствіе чего эта книга составляетъ библиографическую рѣдкость ¹⁾.

Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ. Сочиненіе барона Г. А. Розенкампа. Второе тисненіе съ многими перемѣнами и прибавленіями. Начатое Сочинителемъ, а по кончинѣ его изданное В. А. Санктпетербургъ. Въ типо-

¹⁾ *А. Бурнезъ*, Описаніе рѣдкихъ россійскихъ книгъ. ч. III, стр. 144. Ср. у *Ветерова*, Критико-біографическій Словарь, I, стр. 524 (біографія В. Г. Анастасевича)

графіи Императорской Академіи Наукъ. 1839 года. Форматъ большая 4^o.

Приложеніе № VIII (котораго нѣтъ въ I-омъ изданіи 1829 г.) стр. 1—96. (Вступленіе стр. 1—3); Паратитлы, стр. 4—22; текстъ en regard, славян. и греч.,—внизу латинскій переводъ, всего 87 №№; текстъ новелль, стр. 23—96, также тройной текстъ, всего №№ 87, Описаніе греческой харатейной рукописи, находящейся въ С.-Петербургской Императорской библіотекѣ, и содержащей собраніе правилъ св. Отець 1—12 стр., а сочиненій въ ней 77. Рукопись XII вѣка на 362 листахъ.

Вступленіе (Барона Г. А. Розенкампа).

Изъ всего сказаннаго мною въ разныхъ мѣстахъ сего сочиненія явствуетъ, что въ нашу Кормчую, кромѣ правилъ соборныхъ, и правилъ Св. Отець, перешло еще восемь достопримѣчательныхъ отрывковъ греко-римскаго права, заключающихся въ главахъ 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48 и 49, которыя здѣсь означены буквами А, В, С, D, Е, F, G, H.

А.

Глава 42 есть извлеченіе изъ Новеллъ Іустиніановыхъ, которое, по свидѣтельству лучшихъ греческихъ рукописей, приписывается патриарху Іоанну Схоластику, или по крайней мѣрѣ, относится къ его вѣку. Въ Московской же харатейной рукописи, и въ разныхъ другихъ спискахъ Кормчей книги упоминается въ заглавіи о св. Григоріи Акраганскомъ, который, по свидѣтельству Кеве (Cave, Script. eccles. hist. litt. p. 517) былъ современникомъ Іоанна Схоластика. Въ семь извлеченій находятся, большею частію, тѣ самыя выписки изъ законовъ, которыя приведены въ цитатахъ къ собранію постановленій соборовъ, и къ Номоканону Іоанна Схоластика, и которыя были умножены другими цитатами.

Глава сія, кромѣ славянскаго языка, доселѣ ни на какомъ еще не была вполнѣ напечатана. Она состоитъ изъ 87 паратитлъ и изъ таковаго же числа мѣстъ, выписанныхъ изъ-

новелль буквально.—У Ассеманнія (Bibl. jur. orient. Tom III. Lib. III. Cap. XIII p. 451 sqq.) написаны прежде паратитла или заглавія, потомъ показано, хотя и не совсѣмъ точно, содержаніе первыхъ 13 текстовъ, изъ новелль заимствованныхъ; поелику же въ рукописяхъ Ватиканской бібліотеки, воими пользовался Ассеманни, находится пропускъ отъ 13 до 74 текста; то содержаніе пропущенныхъ статей означено имъ по Вѣнсвой рукописи. Выписки Ассеманнія не довольно точны, и никоимъ образомъ не въ состояніи замѣнить полного текста.

Ученый профессоръ Бинеръ равнымъ образомъ помѣстилъ паратитла сей главы въ превосходномъ своемъ твореніи *Geschichte der Novellen*, S. 170 до 173 и *Beilagen*, S. 585 до 597, соображая притомъ текстъ новелль съ другими списками.

Греческій текстъ вышеозначенныхъ главъ весьма важенъ для занимающихся римскимъ правомъ, въ разсужденіи объясненія разныхъ частей сего права, а поелику оный текстъ согласенъ съ обоими славянскими переводами, находящимися въ харатейныхъ славянскихъ рукописяхъ XIII вѣка, т. е. въ Рязанской и Московской: то я надѣюсь, что окажу нѣкоторую услугу ученой русской и иностранной публикѣ, напечатавъ вмѣстѣ съ славянскимъ, полные тексты—греческій и латинскій.

Славянскій текстъ сей главы заимствованъ изъ Рязанскаго списка, сходнаго съ печатною Кормчею. Важнѣйшія разности, замѣченныя между симъ переводомъ, и находящимся въ Московскомъ спискѣ, показаны на своемъ мѣстѣ; прочіе варианты предоставляются филологамъ.

Греческій текстъ взятъ изъ прекрасной греческой рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной бібліотекѣ. Сія рукопись имѣетъ то достоинство, что въ ней пополнены пропуски (отъ 13 до 74 текста Новелль), замѣченныя Ассеманніемъ. Съ рукописью сличены тексты, находящіеся какъ

у Веллія подъ заглавіемъ: *alia capita ecclesiastica* (Том. стр. 667) и *Constitutiones ecclesiasticae* (стр. 1322); такъ и въ Фотіевыхъ объясненіяхъ подъ заглавіемъ: *Κεῖμενα*.

Латынскій переводъ заимствованъ изъ Новеллъ, находящихся въ собраніи: *Codrus juris romanі*, и сличенъ съ текстами, помѣщенными въ упомянутой книгѣ Веллія, и съ примѣчаніями Ассеманнія.

Къ сему извлеченію присовокуплено также особенное описаніе вышеупомянутой греческой рукописи.

Надъ составленіемъ сего приложенія трудился Владиміръ Сергѣевичъ Печеринъ, молодой филологъ, образующійся въ С.-Петербуржскомъ университетѣ и подающій хорошія о себѣ надежды.

Настроение Печерина хорошо обрисовано въ помѣщаемомъ ниже письмѣ къ кузинѣ.

6 апрѣля 1831 г.

Дорогая кузина и другъ! Премного благодаренъ за Ваши два прелестныя письма, которыя оба дышатъ самой нѣжной дружбой.... Ахъ, чѣмъ болѣе я узнаю свѣтъ и людей (увы! я уже вижу жизнь во всей ея наготѣ), тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что только лицо Вашего пола можетъ намъ быть истиннымъ другомъ. Не примите этого за комплиментъ: это мое искреннее убѣжденіе, это для меня аксіома. Благодарю Васъ, милая кузина, за Ваше нѣжное ко мнѣ участіе.... Я боюсь, однако, чтобы безпорядокъ въ моихъ мысляхъ не отразился въ этомъ письмѣ. Я такъ теперь разсѣянъ; ни одного часа не остаюсь на мѣстѣ: то занятія у попечителя, то по дѣлу у ректора, то на вечерѣ у пріятеля. Что всего невыносимѣе, и что мѣшаетъ мнѣ установить нѣкоторый порядокъ въ своей жизни,—это неувѣренность, какъ разрѣшится моя судьба: о моемъ дѣлѣ еще не представлено Государю; произнесенное имъ „да“ или „нѣтъ“ рѣшитъ все. Съ другой стороны, отсутствіе всякаго стѣсненія въ занятіяхъ, сладкая лѣнь и отдохъ освѣжаютъ мои силы физическія и моральныя, ослабленныя усидчивой работой, и даютъ мнѣ возможность наслаждаться удовольствіями, до сихъ поръ мнѣ неизвѣстными. Два раза въ недѣлю я пользуюсь пріятнымъ обществомъ ба-

ронессы Розенкампфъ, женщины очень умной и образованной, хотя строгій критикъ могъ бы упрекнуть ее въ нѣкоторомъ педантизмѣ. Бѣольшую часть времени я провожу въ обществѣ одного изъ моихъ добрыхъ товарищей и его прелестной невѣсты; я очарованъ ихъ счастьемъ, но нисколько имъ не завидую: я не женюсь такъ скоро. Я уже познакомился съ свѣтомъ, но тѣмъ не менѣе думаю, что только въ женщинѣ можно найти истиннаго друга. „Несчастный!“ сказалъ бы я одному изъ себѣ подобныхъ, „ты хочешь усмирить бурю своего сердца на груди друга, какъ будто послѣдній не испытываетъ такой же бури! Нѣтъ! только нѣжная и кроткая душа женщины способна внести миръ въ сердце муцины, этой жертвы страстей и превратностей судьбы“!

Нѣтъ! милый другъ, мнѣ невозможно будетъ повидаться съ матушкой до моего отъѣзда, и гораздо лучше, если она увидится со мной послѣ моего возвращенія, когда я буду повышенъ чиномъ и буду имѣть болѣе правъ на уваженіе со стороны общества.

Какая сегодня прекрасная погода, совсѣмъ какъ среди лѣта! Я во фракѣ, безъ шинели прошелся по Невскому проспекту до самой Невы; мостъ уже навѣденъ, и рѣка чиста, какъ кристалль.

Въ №№ 7, 12 и 13 „Сына Отечества“ напечатаны мои небольшія статьи и, можетъ быть, появятся нѣкоторыя въ слѣдующихъ нумерахъ. „Желаніе лучшаго міра“, хотя это только переводъ стихотворенія Шиллера, вылилось у меня изъ глубины души.

Будьте здоровы, дорогая кузина, и не забывайте преданнаго Вамъ брата

В. Печерина.

PS. Вы, можетъ быть, не читаете „Сынъ Отечества“; поэтому посылаю Вамъ вышепомянутое стихотвореніе. Статья въ прозѣ о Софоклѣ, по объему, не умѣстится въ письмѣ.

(Слѣдуетъ стихотвореніе, которое см. на слѣд. стр. какъ въ № XIII—въ исправленномъ видѣ).

(„Русская Старина“, т. 72 за 1891 г., г. 22-й, декабрь, ст. VIII, стр. 617—618. Письмо адресовано къ двоюродной сестрѣ Владимира Сергѣевича—*Вѣръ Ѳеодоровнѣ Печериной* (1800—1852 г.), которая въ 1835 г. вышла замужъ за престарѣлаго сенатора Московскихъ департаментовъ *Николая Яковлевича Трегубова*, см. тамъ же, прим. на стр. 604 и 617. Сообщение *Алексѣя Владимировича Телесничаго*, помѣстившаго „Записки“ Ѳедора Пантелеймоновича Печерина (1737—1816), дяди В. С—ча, тамъ же, стр. 587—614: „Записки о моихъ предкахъ и о себѣ, на память дѣтямъ въ 1816 году слѣданныя“—главы I—V).

Меньшой и единственный братъ Ѳедора Пантелеймоновича Сергѣй Пантелеймоновичъ Печеринъ родился 17 мая въ 1781 г., служилъ въ военной службѣ—сначала въ гвардіи, потомъ въ Ярославскомъ мушкетерскомъ и 55 егерскомъ полкахъ; около 1806 г. женился на дочери статскаго совѣтника Пелагіи Петровнѣ *Симоновской* (Черниговской губерніи, Козелецкаго уѣзда въ селеніи Кобыжѣ); впоследствии въ отставкѣ проживалъ въ Одессѣ. У нихъ былъ единственный сынъ Владимиръ.

(Сообщеніе *А. В. Телесничаго* въ прим. на стр. 594 и 608 въ изданныхъ имъ „Запискахъ Ѳ. П. Печерина“ (1737—1816) въ „Русской Старинѣ“, т. 72 за 1891 г. ч. 22, декабрь, т. IV. О В. С. Печеринѣ свѣдѣнія невѣрны (тамъ же): 1) онъ не былъ откомандированъ за границу (немедленно послѣ окончанія курса въ 1831 г., и 2) вторичная поѣздка, изъ которой онъ не вернулся, была не въ началѣ 40-хъ годовъ, а въ 1836 г.).

Въ качествѣ приложений помѣщаемъ нѣсколько переводовъ изъ Шиллера, сдѣланныхъ Печеринымъ, въ томъ числѣ и „вылившееся изъ глубины души“ „Желаніе лучшаго міра“, при которомъ для образца и возможности сличить переводъ съ оригиналомъ прилагаемъ нѣмецкій подлинникъ.

Желаніе лучшаго міра.

(Изъ Шиллера).

Ахъ! Изъ сей долины тѣсной,
Хладною покрытой мглой,
Гдѣ найду исходъ чудесный?
Сладкій гдѣ найду покой?

Вижу: холмы отдаленны
Зеленью цвѣтутъ молодой....
Дайте крылья! Къ вождельной
Полечу странѣ родной!

Вижу, тамъ златые рдѣютъ
Межъ густыхъ вѣтвей плоды;
Зимни бури тамъ не вѣютъ,
И не вянутъ вѣкъ цвѣты.

Слышу звуки райской лиры,
Чистыхъ пѣніе духовъ,
И разносятъ вкругъ зефиры
Благовопія цвѣтовъ.

Вотъ челнокъ колышутъ волны.....
Но гребца не вижу въ немъ!....
Прочь боязнь! Надежды полный,
Въ путь лети! Ужъ вѣтеркомъ

Парусы надулись бѣлы.....
Вѣруй и отваженъ будь!
Въ тѣ чудесныя предѣлы
Чудный лишь приводитъ путь!

В. Печеринъ.

Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ. Томъ XVII (Сына Отечества часть 139-я, Сѣвернаго Архива 53-я). СПБ. 1831, № VII, отъ 12 февраля, стр. 423—424. IV, Стихотворенія.

То же стихотвореніе напечатано въ томѣ XVIII, СПБ, 1831, № XIII отъ 26 марта, стр. 378—379. V, Стихотворенія, 1. Тамъ оно расположено восьмистишіями (4 строфы), причемъ второе состоитъ изъ 4 и 3 четверостишія (третье поставлено послѣ четвертаго), а третье восьмистишіе вставлено вновь:

(стр. 379).

Ахъ! Какъ солнечный отраденъ
Вѣчный свѣтъ на тѣхъ лугахъ!
Усладительно прохладенъ
Тонкій воздухъ на холмахъ!
Но—увы! Передо мною

Воды яростно шумять,
Грозною катясь волною:
Духъ мой ужасомъ объять.

Четвертое восьмистишіе составлено изъ V и VI четверостишій. Перемѣнъ въ текстѣ никакихъ нѣтъ. Вторая редакція ближе къ тексту Шиллера:

Sehnsucht.

Ach, aus dieses Thales Gründen,
Die der kalte Nebel drückt,
Könnst ich doch den Ausgang finden,
Ach, wie fühlt' ich mich beglückt!
Dort erblick ich schöne Hügel,
Ewig jung und ewig grün!
Hätt ich Schwingen, hätt ich Flügel,
Nach den Hügeln zög ich hin.

Harmonieen hör ich klingen,
Töne süsßer Himmelsruh,
Und die leichten Winde bringen
Mir der Däfte Balsam zu.
Goldne Früchte seh ich glühen,
Winkend zwischen dunkelm Laub,
Und die Blumen, die dort blühen,
Werden keines Winters Raub.

Ach, wie schön muss sichs ergehen
Dort im ew'gen Sonnenschein!
Und die Luft auf jenen Höhen—
O wie labend muss sie sein!
Doch mir wehrt des Stromes Toben,
Der ergrimmt dazwischen braust;

Seine Wellen sind gehoben,
Dass die Seele mir ergraust.

Einen Nachen seh ich schwanken,
Aber, ach! der Fährmann fehlt.
Frisch hinein und ohne Wanken!
Seine Segel sind beseelt.
Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leihn kein Pfand;
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland.

[по Библиотеке deutscher und ausländischer Klassiker
(Leipzig, Bibliogr. Institut), *Schillers Werke*, Textrevision
von Heinrich Kurz, I. B., p. 152].

Диѳирамбъ.

(Изъ Шиллера).

Боги—повѣрьте—
Всегда къ намъ нисходятъ
Съ неба толпой:
Бахусъ едва лишь появится милый,
Входитъ съ усмѣшкой Амуръ легковрилый,
Фебъ величавый съ цѣвницей златой.

Ужъ близки, ужъ входятъ,
Блестая лучами,
И полно жилище
Земное богами.

Что, земнородный,
Я въ даръ принесу имъ—

Дивнымъ гостямъ?
Боги! даруйте мнѣ вѣкъ вашъ нетлѣнный!
Что могу дать вамъ я, слабый и бранный?
Ахъ, вознесите меня къ небесамъ!

Веселье живетъ лишь
Въ Зевеса чертогѣ,—
Вы съ нектаромъ чашу
Мнѣ дайте, о боги!

Дай ему чашу,
Геба! Поэту
Нектаръ возлей!
Очи омой ему чудной росой,
Да не трепещетъ предъ Стивса волною,
Да просіяетъ, какъ богъ, межъ людей!

Источникъ небесный
Шумитъ и играетъ.
И сердце спокойно,
И око сіяетъ!

В. Печеринъ.

Сынъ Отечества и Сѣв. Арх. томъ XIX (С. От. ч. 141-я, Сѣв. Арх. 55-я). СПб, 1831, № XV отъ 9 апрѣля, стр. 57—58, V, Стихотворенія, 1.

Пѣвцы древняго міра.

(Изъ Шиллера).

Гдѣ, скажите, пѣвцы тѣ могучи, гдѣ доблестны мужи,
Бои народовъ толпы словомъ плѣняли живымъ,

Кои съ небесъ божество низводили на землю, а смертныхъ
Духъ восхищали горѣ на пѣснопѣнья крилахъ?
Ахъ! есть нынѣ пѣвцы,—нѣтъ подвиговъ, радостно лирный
Гласъ пробуждающихъ,—ахъ! некому слушать пѣвца!
Древнихъ вѣвовъ пѣснотворцы! летало могучее ваше
Слово изъ устъ во уста, всѣхъ потрясая сердца;
Какъ предъ святынею, всякій предъ тѣмъ преклонялся, что геній
Словомъ живымъ сотворилъ, или волшебнымъ рѣземъ.
Пламень пѣвца возжигалъ сердечныя внемлющихъ чувства,—
Внемлющихъ чувства сердець пламень питали пѣвца,
И очищали, питаа! Счастливецъ, для коего внятно
Въ гласъ народа живомъ пѣсни звучала душа,
Коему въ жизни, извнѣ, божество-небожитель—являлось,
Нынѣ едва лишь, едва слышное въ глуби сердець.

В. Печеринъ.

Сынъ Отеч. и Сѣв. Арх. т. XIX. (Сына Отеч. ч. 141,
Сѣв. Архива—55-я). СПб, 1831, № XV отъ 9 апрѣля стр.
58—59, V. Стихотворенія, 2.

Чужеземная дѣва.

(Изъ Шиллера).

У бѣдныхъ пастырей въ селеньѣ
Являлась съ каждою весной
При первомъ жаворонка пѣньѣ
Дѣвица, чудная красой.

Гдѣ родина сей гостыи милой,
Отколь пришла, никто не звалъ;
Дѣвица скоро уходила,—
И слѣдъ прелестной исчезалъ.

Все радостью при ней дышало,
Все нѣжно къ ней сердца влекло;
Но робость тайную внушало
Величественное чело.

Съ собою грозды и лилеи
Несла она съ чужихъ полей,
Гдѣ блещетъ солица лучъ живѣе,
Гдѣ краше видъ природы всей.

И каждому она дарила
То пышный цвѣтъ, то плодъ златой:
И юноша, и старецъ хилый
Съ дарами каждый шелъ домой.

Всѣ гости еѣ равно пріятны;
Вотъ юная чета пришла,—
Еѣ дѣва самый ароматный
Цвѣтокъ съ улыбкой подала.

В. Печеринъ.

Сынъ Отечества в Сѣверный Архивъ, томъ XVIII (Сына
Отечества часть 140-я, Сѣвернаго Архива 54-я). СПб. 1831.
№ XII, отъ 19 марта, стр. 309—310. V. Стихотворенія, 1.

II.

Возвращеніе на родину, служба въ Москвѣ, эмиграція.

Никитенко продолжалъ поддерживать сношенія съ Печериннымъ и во время его заграничной командировки, и по его возвращеніи въ Россію. „Дневникъ“ Никитенка рисуеъ намъ то настроеніе, въ какомъ вернулся Печеринъ, и причины его мрачности. Печеринъ разувѣрился въ Россіи и былъ пораженъ непріязненнымъ отношеніемъ западно-европейцевъ къ русскимъ. Онъ, повидимому, съ этихъ поръ начинаетъ видѣть въ Россіи могущество, противное преуспѣванію духовной культуры, какъ высказываетъ онъ позднѣе въ своей перепискѣ съ *Герценомъ* (ниже, стр. 160). Никитенко хлопоталъ, чтобы оставить его въ Петербургѣ, но Печерина отправили въ Москву, мѣсто ему совершенно новое, гдѣ въ добавокъ еще рѣзче, чѣмъ въ Петербургѣ бросались въ глаза неевропейскія черты и явленія.

Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ „Дневника“ Никитенка.

21 іюня 1834 г. (I, 331).

„Посѣтилъ меня *Колмыковъ*, на дняхъ пріѣхавшій изъ Берлина. Онъ въ числѣ другихъ студентовъ былъ посланъ туда для усовершенствованія въ наукахъ. Черезъ него получилъ я письмо отъ Печерина.... Русскихъ вездѣ въ Германіи,

не исключая и Берлина, ненавидят. Знаменитый *Крейцеръ* самъ сказалъ Колмыкову послѣ взятія Варшавы, что отнынѣ питаетъ къ намъ рѣшительную ненависть. Одна дама пришла въ страшное негодованіе, когда нашъ бѣдный студентъ разъ какъ то вздумалъ защищать своихъ соотечественниковъ.— „Это—враги свободы“, кричала она, „это—гнусные рабы“!

Юля 17-го 1835 г. (I, 358—359).

„Возвратились изъ-за границы студенты профессорскаго института. У меня были уже Печеринъ, Куторга младшій, Чевилевъ. Колмыковъ пріѣхалъ прежде. Они отвыкли отъ Россіи и тяготеютъ мыслию, что должны навсегда прозябать въ этомъ царствѣ рабства. Особенно мраченъ *Печеринъ*. Онъ долго жилъ въ Римѣ, въ Неаполѣ, видѣлъ бѣдшую часть Европы и теперь опять заброшенъ въ Азію. По словамъ ихъ, ненависть къ русскимъ за границую повсемѣстная и вопіющая. Часто имъ приходилось скрывать, что они русскіе, чтобы встрѣтить пріятливый взглядъ и ласковое слово иностранца. Насъ считаютъ гуннами, грозящими Европѣ новымъ варварствомъ. Профессора провозглашаютъ это съ кафедръ, стараясь возбудить въ слушателяхъ опасенія противъ нашего могущества.

17(?) Князь-попечитель призывалъ меня на совѣщаніе, кого изъ возвратившихся изъ-за границы оставить при Петербургскомъ университетѣ.... Я предложилъ.... для греческой словесности Печерина, для латинской—Крюкова. Князь намѣренъ сильно настаивать, чтобы этихъ людей дали нашему университету, но мало надѣется отстоять Печерина и Крюкова. Другіе университеты тоже нуждаются въ профессорахъ“.

Ожидая возвращенія воспитанниковъ профессорскаго института, министръ народнаго просвѣщенія просилъ особою до-

кладною запискою ¹⁾ Государя Императора предоставить ему самому (а не университетамъ, какъ слѣдовало по уставу) „размѣстить сихъ ученыхъ *выгоднѣйшимъ* для правительства образомъ на основаніи имѣющихся въ министерствѣ положительныхъ и подробныхъ свѣденій о настоящемъ положеніи университетовъ“ ²⁾. 16 іюня 1835 г. Государь далъ свое согласіе. По мысли Министра (въ той же запискѣ) былъ составленъ подъ его предсѣдательствомъ особый комитетъ—„для справедливаго и безотлагательнаго размѣщенія ихъ по университетамъ по мѣрѣ надобности каждаго и по мѣрѣ успѣховъ, оказанныхъ“ „молодыми людьми“.

Комитетъ, въ составъ коего входилъ—по филологіи специалистомъ—Грефе, экзаминовавшій въ Академіи Наукъ—кандидатовъ и до отправления ихъ за границу, ³⁾ назначилъ имъ темы для пробныхъ лекцій. Лекціи читаны въ малой залѣ Академіи Наукъ въ продолженіе времени отъ 18 іюля до 5 сентября. ⁴⁾ Никитенко подъ 18 іюля отмѣчаетъ ⁵⁾, что онъ слушалъ пробныя лекціи *Куторми* и *Лунина* (по исторіи). Но онъ ничего не говоритъ о томъ, былъ ли онъ на лекціи своего пріятеля Печерина. Прилагаемъ конспектъ его лекціи.

Лекція кандидата филологіи Печерина (на латинскомъ языкѣ) на тему: „*Периклово надѣробное слово (λόγος ἐπιτάφιος) изъ Оукидида, кн. II, гл. 35—46.*“

¹⁾ Напечатана цѣликомъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1835 г., 3, т. VII, сентябрь, № IX, отдѣленіе III, Извѣстія о ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи (стр. 507—533) «О пробныхъ лекціяхъ университетскихъ воспитанниковъ, недавно возвратившихся изъ-за границы» на стр. 510—511.

²⁾ Тамъ же, стр. 511.

³⁾ Georg Schmid, стр.

⁴⁾ Журналъ Министерства, I. с., стр. 512.

⁵⁾ I т. стр. 339.

Въ первомъ отдѣленіи, составляющемъ введеііе въ лекцію,—разсужденіе *о подлинности рѣчей Фукидида*. Важнѣйшіе противники сего историка, называвшіе „рѣчи“ его вымышленными и противными исторической истинѣ. Опроверженіе ихъ мнѣнія: 1) единодушнымъ свидѣтельствомъ многихъ древнихъ писателей, даже самыхъ враговъ Фукидида; 2) откровеннымъ признаніемъ самого историка; 3) внутренними доказательствами, почерпнутыми изъ господствующаго въ цѣломъ сочиненіи духа; 4) сравненіемъ рѣчей Фукидида съ *нынѣшними парламентскими рѣчами*.

Во второмъ отдѣленіи—объясненіе случая, по которому было произнесено „надгробное слово“; о Периклѣ, какъ государственномъ мужѣ и ораторѣ. Изложеніе содержанія всей рѣчи съ критическими замѣчаніями на труднѣйшія мѣста и переводъ ея на русскій языкъ ¹⁾.

Вслѣдствіе распоряженія министра отъ 9 августа того же года: „По московскому университету“ назначень „преподавателемъ“ въ числѣ другихъ „воспитанниковъ“ профессорскаго института кандидатъ Печеринъ ²⁾.

¹⁾ Журналъ Министерства, стр. 523. Кромѣ Печерина, читалъ по латыни еще о греческой же словесности докторъ философіи Валицкій (позднѣе проф. Харьковскаго университета).

²⁾ Журналъ Министерства; тамъ же, отд. I. Дѣйствія правительства, 2. Министерскія распоряженія, опредѣленія и увольненія, стр. CVII.

Свѣденія о службѣ Печерина въ Московскомъ университетѣ мы почерпаемъ изъ статьи *Нила Попова*.

Въ засѣданіи Совѣта Императорскаго Московскаго университета 9 окт. 1835 г. (статья 7 протокола) заслушали правила испытанія прямо на доктора студентовъ II отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, учившихся въ Берлинскомъ Университетѣ, а вмѣстѣ съ ними кандидата *Печерина* и магистра Чвильева. Печерину испытаніе предполагалось, преимущественно, изъ предметовъ, прямо относящихся до филологіи ¹⁾. Опредѣлили: въ скорѣйшемъ времени приступить въ испытанію. Печерина опредѣлено экзаменовать по латыни изъ всѣхъ предметовъ, каковы: 1) энциклопедія филологическихъ наукъ, или систематическое обозрѣніе всей области филологіи, 2) греческія древности, 3) римскія древности, 4) исторія греческой литературы, 5) исторія римской литературы, а на русскомъ языкѣ экзаменовать по археологіи и исторіи искусства. Испытаніе, повидимому, соответствовало нынѣшнему экзамену на степень магистра древнеклассической филологіи.

Кандидатъ Печеринъ выдержалъ испытаніе на доктора, а вмѣсто тезисовъ изъ всей области филологической науки представилъ для публичнаго защищенія диссертацию:

Observationes criticae in universam Anthologiam Graecam ²⁾.

¹⁾ Нилъ Поповъ, прим. стр. 77.

²⁾ Съ дозволенія попечителя учебнаго округа князя *С. М. Голицына* отъ 12 декабря того же года—въ засѣданіи Совѣта отъ 18 декабря; Н. Поповъ, прим. стр. 78.

Мы видимъ, что по направленію своей научной дѣятельности и по своимъ интересамъ Печеринъ оставался вѣрнымъ ученикомъ Грефе и продолжалъ свои занятія греческою антологіею.

На основаніи степени Печеринъ былъ назначенъ исполняющимъ должность экстраординарнаго профессора греческаго языка и древностей на мѣсто *С. И. Ивашиковского*, а не адъюнктомъ по кафедрѣ греческой словесности, какъ сообщаетъ *Григорьевъ* ¹⁾.

Внѣшнее положеніе Печерина, какъ протеже Грефе и самого министра Уварова, было, несомнѣнно, самое блестящее. Но и внутренно онъ въ началѣ еще чувствовалъ себя сносно, быть можетъ, надѣясь найти себѣ отраду и сердечное успокоеніе въ наукѣ и одушевленномъ ея преподаваніи. И дѣйствительно, онъ „составилъ себѣ преподаваніемъ въ самое короткое время самую блестящую репутацію“ ²⁾. Но мало по малу подготавливалась въ немъ внутренняя буря, разразившаяся при скорбной катастрофой: Печеринъ эмигрировалъ и пропалъ изъ Россіи.

Объ его успѣхахъ на кафедрѣ и о замѣчательно благоприятномъ впечатлѣніи, какое онъ производилъ, мы имѣемъ много свидѣтельствъ. Погодинъ сообщаетъ:

„Товарищъ Крюкова, *Печеринъ* училъ въ университетѣ одинъ только годъ—и до такой степени умѣлъ возбудить въ студентахъ жаръ, что всѣ принялись за греческій языкъ, какъ преподаваемый, и въ *одинъ* годъ сдѣлали успѣхи невѣроятные, почти безъ приготовительныхъ познаній“ ³⁾.

¹⁾ Императорскій Санктпетербургскій Университетъ, стр. 37 (Ссылки, примѣчанія и дополненія), № 181.

²⁾ Григорьевъ, тамъ же.

³⁾ Стр. 616.

Ю. О. Самаринъ полагаетъ: „Лекціи Погодина не отличались художественною оконченностью и совершенною новизною лекцій Печерина“¹⁾.

В. В. Григорьевъ замѣчаетъ, что Печеринъ „составилъ себѣ преподаваніемъ въ самое краткое время самую блестящую репутацію“²⁾.

„Старый товарищ“ Печерина, напечатавшій его письмо, сообщаетъ: „Товарищи и бывшіе слушателями Печерина глубоко уважали его филологическія знанія; самъ онъ не покидалъ классиковъ въ самыя трудныя минуты жизни, и бывали случаи, что онъ отдавалъ послѣднюю копѣйку отъ своего спартанскаго обѣда, чтобы купить на Толкучемъ котораго-нибудь изъ любимыхъ имъ греческихъ писателей“³⁾.

Ө. И. Буславъ, бывший самъ слушателемъ Печерина, рассказываетъ:

„Профессоръ греческаго языка (ни имени его, ни отчества не припомню) былъ совсѣмъ молодой человекъ, самый юный изъ всѣхъ прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ товарищей, небольшого роста, быстрый и ловкій въ движеніяхъ, очень красивъ собою, во всемъ былъ изященъ и симпатиченъ, и въ привѣтливомъ взглядѣ, и въ мягкомъ, задушевномъ голосѣ, когда, объясняя намъ Гомера и Софокла, онъ мастерски переводилъ ихъ стихи прекраснымъ литературнымъ слогомъ.

Но къ несчастію мы пользовались его высокими дарованіями и свѣденіями очень недолго, менѣе года. Онъ вдругъ исчезъ изъ университета и изъ Москвы, а куда дѣвался—никто не зналъ. Такъ и простылъ его слѣдъ. Спустя года два—три

¹⁾ Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 4.

²⁾ Стр. 37.

³⁾ Русскій Архивъ, за 1871 г., стр. 1740.

дошелъ до меня слухъ, будто онъ гдѣ-то заграницею учительствуетъ или гувернерствуетъ въ какой-то фамиліи—русской или иностранной, неизвѣстно. Потомъ, спустя много лѣтъ кто-то говорилъ мнѣ, что нашего Печорина видѣли въ одѣяніи католическаго монаха, помнится, въ Бельгій“¹⁾).

Еще разъ вспоминаетъ Буслаевъ о Печеринѣ въ статьѣ „Вилла княгини З. А. Волконской“, стр. 10 въ Вѣстникѣ Европы“ за 1896 г. (г. 31), книга I, январь, ст. I. (стр. 5—32); не вошло въ отдѣльное изданіе „Моихъ Воспоминаній“, сдѣланное фонъ Бололемъ).

Свои ощущенія и чувствованія въ Москвѣ Печеринъ излагаетъ въ письмѣ къ попечителю округа, графу С. Г. Строганову, которое мы изложимъ ниже. Печеринъ не могъ, да и не желалъ приспособиться къ окружающей его средѣ. Онъ глубоко презиралъ своихъ коллегъ по университету, какъ людей безнравственныхъ, по его мнѣнію, отсталыхъ въ наукѣ, раболѣпныхъ предъ начальствомъ, жадныхъ до денегъ и отличій, не имѣющихъ никакихъ идеальныхъ интересовъ и мотивовъ. До сихъ поръ его поддерживала вѣра въ его науку, классическую филологію. Но теперь онъ разочаровывается и въ ней, онъ не былъ созданъ быть узкимъ специалистомъ; онъ начинаетъ отрицать высое значеніе науки съ точки зрѣнія общественности и нравственности. Позднѣе, какъ увидимъ, онъ и совсѣмъ отрекся отъ филологіи и сдѣлался даже противникомъ классическаго образованія.

Привыкши къ заграничнымъ порядкамъ, ознакомившись съ лучшими европейскими университетами, Печеринъ не могъ удовольствоваться Московскимъ университетомъ, гдѣ еще продолжали дѣйствовать нѣкоторые замѣчательные чудачи—представители „допожарной Москвы“. По студенческимъ воспо-

¹⁾ Стр. 129 (Буслаевъ пишетъ неправильно «Печоринъ»), ч. I, (эпоха дѣтства автора и его школьное обученіе), гл. IX .

минаніямъ мы можемъ возстановить силуеты двухъ такихъ чудаковъ-профессоровъ, на которыхъ, повидимому, самъ Печеринъ указывалъ Погодину (см. ниже, стр. 136), какъ на выходящихъ изъ рукъ вонъ: именно, его предшественника по кафедрѣ греческой словесности С. М. Ивашковского и В. М. Котельницкаго. Объ Ивашковскомъ говорятъ слушатели: Ѡ. И. Буслаевъ и К. С. Аксаковъ и др., о Котельницкомъ—Н. И. Пироговъ.

„Въ старшемъ поколѣніи къ первому разряду относятся профессора съ самаго начала столѣтія. Какъ люди, отжившіе свой вѣкъ, они удивляли и забавляли насъ своей оригинальностью и разными причудами, вмѣстѣ съ патріархальной простотою въ ихъ обращеніи со студентами, которымъ они обыкновенно говорили „ты“, и переходили на „вы“ только съ тѣми, на кого сердились. Вотъ образчикъ такихъ старожилыхъ чудаковъ.

Профессоръ греческой литературы Ивашковскій. Онъ являлся всегда въ высокихъ ботфортахъ и въ бѣломъ галстукѣ. Студенты, ожидая его на лекцію, непременно должны были всѣ до одного ходить взадъ и впередъ по аудиторіи, такъ чтобы Ивашковскій *незамѣтно* вошелъ въ нее и *незамѣтно* же смѣшался съ толпою, будто на толкучемъ рынкѣ. Сохраняя такое инкогнито, онъ, разумѣется, никому не кланялся, и мы не должны были замѣчать его присутствія. Задѣвать и тѣснить его въ толпѣ не только позволялось, но даже было ему пріятно. Когда мы потолкаемся такимъ образомъ минутъ 10, онъ станетъ у кафедры и, продолжая молчать, начнетъ медленно поворачивать голову въ ту и другую сторону и съ ласковою улыбкою поводитъ глазами на толпу. Это значитъ, что пора приниматься за дѣло. Мы, стуча и шумя, усаживаемся по скамьямъ, и когда наступитъ тишина и порядокъ, Ивашковскій, не торопясь, вслѣзаетъ на кафедру, и лекція начинается. Главною задачею нашею было, чтобы

вмѣстѣ съ профессоромъ прогулять если не всю лекцію, то, по крайней мѣрѣ, насколько возможно. На это были между нами гораздые молодцы, человѣка 2—3. Они умѣли подластиться къ нему и будто невзначай обронить словечко и исподволь втннуть его въ бесѣду, а онъ, очнувшись изъ забытья, сначала отвѣтитъ нехотя, а потомъ мало по малу разговорится. Цѣль достигнута; раздался звонокъ, и лекція благополучно покончена, а милый Ивашковскій, растерянно ухмыляясь, второпяхъ вышмыгнетъ изъ аудиторіи: „самъ, дескать, виновать, вперёдъ буду умнѣе“¹⁾).

„Изъ настоящихъ старыхъ профессоровъ былъ у насъ одинъ собственно—Сем. Март. *Ивашковскій*. Почти къ каждому слову говорилъ онъ: „будетъ“, чѣмъ *Бергъ* называлъ: „въ прякусу“. Когда я поступилъ на второй курсъ, то былъ не мало удивленъ порядкомъ его лекцій, въ особенности первую лекціей. „Идетъ Ивашковскій“! сказалъ кто-то. „Это ничего“! отъѣчали старые студенты, „онъ еще будетъ долго ходить по аудиторіи“. И въ самомъ дѣлѣ: Ивашковскій явился, одинъ изъ студентовъ—эллинистовъ подошелъ къ нему, завелъ съ нимъ разговоръ, и Ивашковскій началъ ходить съ своимъ собесѣдникомъ взадъ и впередъ по одной половинѣ аудиторіи, а по другой рассказывали студенты. Съ полчаса продолжалась прогулка; наконецъ Ивашковскій сѣлъ на кафедру, а студенты на лавки. Ив. молчалъ долго, какъ будто собираясь и не рѣшаясь заговорить, наконецъ, вдругъ сказалъ: „вѣрно *будетъ*, всякому студенту *будетъ*, имѣть *будетъ* табель“, и опять замолчалъ, и опять долго какъ бы не рѣшался заговорить; наконецъ сказалъ: „до слѣдующаго *будетъ* раза“,— и ушелъ. Всякая его лекція начиналась прогулкой, и для этого выбирался кто-нибудь изъ студентовъ-эллинистовъ. Читалъ Ив. не больше получаса; лекція заключалась въ переводѣ греческихъ писателей. Ив. кричалъ и переводилъ;

¹⁾ Буслаевъ, Мои воспоминанія, стр. 112—113.

кричалъ и переводилъ вслѣдъ за нимъ избранный студентъ, часто ничего не знавшій по гречески, и иногда догадываясь весьма неловко. Я помню одинъ такой переводъ. „И взялъ его“, кричалъ, переводя Ив. „Взялъ его“, повторилъ студентъ и прибавилъ „за волосы“, какъ видно, лучше не догадавшись. Ив. остановился: „гдѣ будетъ за волосы, тутъ нѣтъ будетъ за волосы“, сказалъ онъ, и переводъ пошелъ своимъ порядкомъ въ два голоса ¹⁾).

Еще два разсказа о Семенѣ Мартыновичѣ:

„Какъ истолкователь ученія Сократа и Платона, онъ не любилъ лжи, софизмовъ и шутокъ, которыми отличался его собратъ, преподаватель латинской стилистики. Однажды собрались наши ученые у Мерзлякова въ Сокольникахъ. Историкъ Горація и Саллюстія, зная рьяную натуру своего собрата, завелъ съ нимъ какой то споръ и всѣми мѣрами старался поддерживать ложное мнѣніе. Ревнитель истины разсердился и незамѣтно скрылся. Проходитъ часа два, какъ вдругъ увидѣли Семена Мартыновича въ окно, крупно шагающаго съ фоліантомъ подъ мышкою. Вошедши въ комнаты, весь въ пыли и потѣ, онъ съ торжествующимъ видомъ восклицаетъ, указывая на замѣченное мѣсто раскрывшагося фоліанта: „вотъ, *будетъ*, смотрите! Вѣдь я говорилъ, что моя правда!“ Таковъ былъ Семенъ Мартыновичъ! Ни по чемъ было прошагать ему 10 верстъ взадъ и впередъ, чтобы принесеннымъ изъ дому фоліантомъ опровергнуть ложную мысль, незаконно защищаемую“.....

„Всего интереснѣе были вопросы его изъ греческой словесности; онъ начиналъ, обращаясь къ которому-нибудь изъ студентовъ: „Что такое, *будетъ*, греческая словесность?“

— „Поле, Семенъ Мартыновичъ!“ громко отвѣчалъ вопрошаемый.— „Да, *будетъ*, поле,—но какое?“ И если студентъ

¹⁾ К. С. Аксаковъ. Воспоминанія студентства (1832—1835 г.)—«День» за 1862 г. № 40 отъ 6 октября, среда, стр. 4, столбецъ 1.

не вдругъ отвѣчалъ, то Ивашковскій подхватывалъ съ жаромъ и скороговоркою: „греческая словесность, *будеть*, поле,—и поле обширное, *будеть!*“..... и оставался очень доволенъ такимъ опредѣленіемъ“ ¹⁾).

„Мы мальчижами 14—17 лѣтъ ходили на лекціи своего и другого факультетовъ нерѣдко для потѣхи. И теперь безъ смѣха нельзя себѣ представить Вас. Мих. *Котельницкаго*, идущаго въ нанковыхъ, бланжевыхъ штанахъ въ сапоги (а сапоги съ висточками) съ кулькомъ въ одной рукѣ и съ фармакологією *Шпренгеля*, переводъ *Ловскаго* подъ мышкой. Это онъ, Вас. Мих. Котельницкій (проживавшій въ университетѣ) идетъ утромъ съ провизією изъ Охотнаго ряда на лекцію. Онъ отдаетъ кулекъ сторожу, а самъ ранехонько утромъ отправляется на лекцію, садится, вынимаетъ изъ кармановъ очки и табакерку, нюхаетъ звучно, съ храпомъ, табакъ и, надѣвъ очки, раскрываетъ книгу, ставитъ свѣчку прямо передъ собою и начинаетъ читать слово въ слово и притомъ съ ошибками. Вас. Мих. съ помощью очковъ читаетъ въ фармакологіи Шпренгеля, переводъ Ловскаго: „Клещевинное масло, *oleum gicini*,—*китайцы* придаютъ ему горькій вкусъ“. Засимъ владетъ книгу, нюхаетъ съ вхрапываніемъ табакъ и объясняетъ намъ, смиреннымъ его слушателямъ: „вотъ, видишь ли, китайцы придаютъ клещевинному то маслу горькій вкусъ“. Мы между тѣмъ, смиренные слушатели, читаемъ въ той же книгѣ: вмѣсто *китайцевъ*—*кожицы* придаютъ ему горькій вкусъ“. У Вас. Мих. на лекціи что ни день, то репетиція.—„Ну те ка, ты тамъ, *Пеше!*“ обращается онъ къ одному студенту (сыну нѣмецкаго шляпнаго мастера): „ты приходи: постой ка, я тебя вотъ изъ Тенара жигану. А! Что? небось, замаялся, а еще нѣмецъ! Ну те ка, ты, Пироговъ, скажи ка мнѣ, какъ французская водка по латыни?“

¹⁾ *А. И. Пыпинъ*. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. I, гл. II, стр. 63—64.

— „Spiritus gallicus!“

— „Молодець!“ ¹⁾.

На лекціяхъ отношенія наставниковъ нашихъ, по крайней мѣрѣ, чистокровныхъ русскихъ, были весьма патріархальныя: многіе изъ профессоровъ, както: *Мудровъ*, *Котельницкій*, *Сандуновъ* и др. говорили студентамъ „ты“, Мудровъ съ прибавкою „ты—душа!“ допускали на лекціяхъ и патріархальныя остроты надъ отдѣльными личностями и надъ цѣлою аудиторією ²⁾....

Фармакологія мнѣ представлялась, несмотря на всю несостоятельность ея представителя въ Московскомъ Университетѣ, В. М. Котельницкаго, весьма занимательною ³⁾“.

В. М. Котельницкій былъ, повидимому, въ московскихъ либеральныхъ кружкахъ „притчею во языцѣхъ“. Такъ о немъ, повидимому, идетъ рѣчь въ тройномъ письмѣ *Т. Н. Грановскаго*, *Я. М. Невърова* и *Н. В. Станкевича* къ *В. В. Григорьеву* изъ *Берлина* отъ 21 ноября (н. с.) 1837 г., гдѣ Станкевичъ, юмористически изображая яеобы нравственное паденіе Грановскаго, пишетъ о немъ, что онъ де „принялъ себѣ за идеаль челоуѣка и профессора К(отельницка?)аго и быстрыми шагами идетъ къ совершенству“, и на вопросъ, кто можетъ быть профессоромъ—хуже, чѣмъ Грановскій, отвѣчаетъ: „К(отельницкій)? Конечно, онъ покупаетъ лукъ на базарѣ, но здѣсь я подлости не вижу. По крайней мѣрѣ, онъ—честный отецъ семейства, не ёрникъ какой-нибудь!“ ⁴⁾.

¹⁾ Н. И. Пяроговъ, Посмертныя записки, ч. I, гл. 39 въ «Русской Старинѣ» за 1885 г. (г. 16), т. 45, янв., ст. I, стр. 42—43, или отд. изд. стр. 304—305 отъ 12 сентября 1881 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 49—50; отд. изд., стр. 314.

³⁾ Тамъ же, февраль, стр. 264, гл. 42, отд. изд. стр. 321.

⁴⁾ «Русская Бесѣда» за 1856 г., IV, Смѣсь, «Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ» (окончаніе) В. В. Григорьева, II, стр. 17 и 20.

Печеринъ и другіе его молодые товарищи не ладили не только съ „допожарными“: молодые профессора не сошлись и съ болѣе выдающимися людьми, какъ, напр., съ М. П. Погодинымъ. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ С. М. Соловьевъ:

„Когда пріѣхала толпа новыхъ профессоровъ изъ за границы, Крюковъ съ товарищами, то между ними и Погодинымъ началась явная вражда. Вражда эта происходила прежде всего изъ того, что манера Погодина, его цинизмъ произвелъ самое непріятное впечатлѣніе на этихъ новичковъ, привыкшихъ къ совершенно другимъ манерамъ. Потомъ, эти господа поонѣмчались, *jugabant in verba magistrorum*, и такъ какъ сначала главное право ихъ на мѣста, главное достоинство ихъ состояло въ заграничномъ образованіи, то естественно, что они гордились этимъ достоинствомъ, превозносили все тамошнее въ ущербъ здѣшнему. Это задѣло за живое Погодина, представителя славянофилизма въ университетѣ. Онъ сталъ называть молодыхъ русскихъ профессоровъ нѣмцами и даже говорить, что онѣмеченный русскій гораздо хуже, вреднѣе для Россіи, чѣмъ нѣмецъ, что отъ послыки молодыхъ русскихъ ученыхъ за границу происходитъ страшное зло для университетовъ и пр.

Понятно, какія пріятныя чувства возбудили въ молодыхъ профессорахъ подобныя мнѣнія: ихъ вражда разгорѣлась, и тѣмъ менѣе они могли шадить Погодина, что характеръ этого защитника Руси не могъ внушить имъ никакого уваженія“ ¹⁾.

¹⁾ Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева: гл. I. «Русскій Вѣстникъ». т. 242, годъ изд. 40-й, за 1896 г., февраль, статья II, стр. 24, 25.

Впрочемъ, и Погодинъ имѣлъ свои резоны. Объ этихъ своихъ отношеніяхъ онъ говоритъ въ цитированныхъ уже „Швольныхъ воспоминавіяхъ“:

„Я говорилъ имъ:... „тѣ профессоры, которыхъ вы теперь смѣняете: *Ивашковскіе, Котельницкіе* (см. выше стр. 128—134) и прочіе были вѣдь съ молоду также *ревностны*, также благоговѣли къ наукѣ, *также горѣли желаніемъ распространять истину*,—а чтоъ стало съ ними теперь въ ихъ *несчастной* средѣ? Увидимъ, чтоъ будетъ съ вами“. Это сказалъ я имъ, провожая ихъ отъ себя послѣ чаю, за оврагомъ на Дѣвичьемъ полѣ въ 1836 г. Пусть оставшіеся въ живыхъ это вспомнятъ. Къ несчастію, слова мои оказались пророчествомъ, и этому содѣйствовали многія причины, о которыхъ когда-нибудь послѣ.

Прошло съ небольшимъ десять лѣтъ, и изъ всѣхъ преобразователей остались съ наукою едва ли двое или трое, а теперь....

Это были неопытные студенты прямо съ лавокъ университета и духовныхъ академій, которые проучились въ Дерптѣ лѣтъ пять, да потомъ въ нѣмецкихъ университетахъ года по три и по четыре.....

Всѣ эти господа возмечтали быть преобразователями, и надменные филистерскою гордостью, объявили, что имъ предлежитъ начинать дѣло науки, которой до нихъ въ университетѣ будто не существовало, и что все старое должно подвергнуть остракизму!

Начальства увлеклись ими и бросились къ нимъ въ объятія: одинъ думалъ начать съ ними новую эру. Это—эра въ университетѣ! „Нѣтъ“, отвѣчалъ я, „а развѣ *ерз*!“¹⁾

¹⁾ Стр. 614.

Служба В. С. Печерина въ Московскомъ Университетѣ закончилась тѣмъ, что въ 1836 г. онъ отправился за границу на лѣтнія вакаціи и покинулъ Россію *навсегда*.

Никитенко отмѣчаетъ въ „Дневникѣ“:

23. декабря 1836 г. (I, 376).

„Печеринъ отправился въ отпускъ за границу въ іюлѣ на 2 мѣсяца и до сихъ поръ не возвращается. Судя по идеямъ, вторыя онъ еще здѣсь обнаруживалъ, онъ, должно быть, задумалъ совсѣмъ оставить Россію. Это все больше и больше подтверждается. На дняхъ получилъ отъ него письмо *Чижовъ*: онъ закликаетъ его прислать ему рублей 500, а въ крайнемъ случаѣ хоть 200. Но ни слова не говоритъ о своихъ намѣреніяхъ.

Мы составили по этому случаю совѣтъ, т. е. *Чижовъ*, *Геггардтъ*, *Полѣновъ* и я, и рѣшили послать ему съ брата по 100 р.—всего 400 для возвращенія въ Россію. Онъ теперь въ *Луано*, небольшомъ городѣ на границахъ Швейцаріи и Италіи“ (I, 377).

Герценъ такъ объясняетъ побѣгъ Печерина:

„Кругомъ глушь, молчаніе,—все было безотвѣтно, безчеловѣчно, безнадежно, и притомъ чрезвычайно плоско, глупо и мелко. Взоръ, искавшій сочувствія, встрѣчалъ лакейскую угрозу, или испугъ, отъ него отворачивались или оскорбляли его. Печеринъ задыхался въ этомъ неаполитанскомъ гротѣ рабства, имъ овладѣлъ ужасъ, тоска, надобно было бѣжать, бѣжать во что бы

ни стало... Для того, чтобы уѣхать, надобны деньги. Печеринъ сталъ давать уроки, свелъ свою жизнь на одно крайне необходимое, мало выходилъ, миновалъ товарищескія сходки, и накопивши немного денегъ, уѣхалъ.

Черезъ нѣкоторое время онъ написалъ графу *С. Строганову* письмо; онъ увѣдомлялъ его о томъ, что онъ не воротится больше. Благодаря его, прощаясь съ нимъ, Печеринъ говорилъ о невыносимой духотѣ, отъ которой онъ бѣжалъ, и заклиналъ его *беречь* несчастныхъ молодыхъ профессоровъ, обреченныхъ своимъ развитіемъ на тѣ же страданія, быть ихъ щитомъ отъ ударовъ грубой силы.

Строгановъ показывалъ это письмо многимъ изъ профессоровъ¹⁾.

Печеринъ писалъ (по французски) графу Строганову изъ Брюсселя отъ 23 марта 1837 г. (Переводъ заимствуемъ изъ „Русскаго Архива“ за 1870 г., годъ VIII, стр. 2134—2138, во дѣлаемъ сокращенія и нѣкоторыя стилистическія измѣненія). Онъ заявляетъ, что судьба его опредѣлена безвозвратно. *Почти съ дѣтства* надъ нимъ тяготѣетъ непостижимый рокъ (2134). Онъ повинуется неборимому влеченію *таинственной силы*, толкающей его въ неизвѣстной цѣли, которая сіяетъ блескомъ всѣхъ земныхъ величій. Онъ возвращался на родину, *убиюкиваемый сладкими мечтами*, но на границѣ онъ прозрѣлъ ожидавшую его будущность, прочиталъ зловѣщую надпись, которая красовалась надъ воротами Дантова ада.

„Вы призвали меня въ Москву.... Ахъ, графъ, сколько зла Вы мнѣ сдѣлали, сами того не желая! Когда я увидѣлъ эту *грубоживотную жизнь*, эти *униженныя существа*, этихъ *людей безъ вѣрованій, безъ Бога, живущихъ лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться, какъ животныя*,— этихъ *людей*, на чель которыхъ напрасно было бы искать

¹⁾ Герценъ, Сочиненія, т. IX, стр. 255—256.

отпечатка ихъ Создателя,—когда я увидѣлъ все это, я погибъ! Я видѣлъ себя обреченнымъ на то, чтобы *провести съ этими людьми всю мою жизнь*; я говорилъ себѣ: „Кто знаетъ? быть можетъ, время, привычка приведутъ тебя къ тому же результату: ты *вынужденъ* будешь спуститься до уровня этихъ людей, которыхъ ты *теперь презираешь*; ты будешь валяться въ *гряди ихъ общества*, ты станешь, какъ они, *благонамѣреннымъ старымъ профессоромъ, насыщеннымъ деньгами, крестиками и всякою мерзостью*“ (2135).

Тогда моимъ сердцемъ овладѣло *глубокое отчаянiе, неизлечимая тоска*. Мысль о *самоубійствѣ*, какъ черное облако, *вспылась надъ моимъ умомъ....* Оставалось только избрать средство. Я не зналъ, что лучше: застрѣляться ли, или *медленно погибнуть отъ развѣдающаго яда мысли*.

Я погрузился въ мое отчаянiе, я замкнулся въ одиночество моей души, я избралъ себѣ подругу, столь же мрачную, столь же суровую, какъ я самъ.... Этою подругою была *ненависть*. Да, я поклялся въ *ненависти вѣчной, непримиримой ко всему меня окружавшему!* Я делѣялъ это чувство, какъ любимую супругу, я жилъ одинъ съ моею ненавистью, какъ живутъ съ обожаемою женщиною. Ненависть—это былъ мой *насущенный хлебъ*, это былъ божественный нектаръ, коимъ я ежеминутно *упивался*.

Когда я выходилъ изъ моего одиночества, чтобы явиться въ этомъ *ненавистномъ мнѣ свѣтѣ*, я всегда показывалъ ему лицо спокойное и веселое, я даже удостоивалъ его улыбки.... Ахъ, я походилъ на того лаведемонянина-ребенка, который не *измѣнился въ лицѣ*, когда когти звѣря, скрытаго подъ его *одѣяниемъ*, терзали его внутренности.

Я сталъ въ прямой *разрѣзъ съ вещественною жизнью*, меня окружавшею: я началъ вести *жизнь аскетическую*; я питался *хлѣбомъ и оливками*, а ночью у меня были „*видѣнiя*“. (2136).

Далѣ Печеринъ сообщаетъ о прекрасной звѣздѣ (подъ которою онъ родился), каждый вечеръ ласкавшей своими лучами его лицо; она призывала его подчиняться ей.

„Въ одну изъ этихъ торжественныхъ ночей я услышалъ голосъ *моею Богомъ*, тотъ строгій, грозный голосъ, который потрясъ всѣ струны моего сердца. Этотъ голосъ прокричалъ мнѣ: „Что ты *тутъ* дѣлаешь? *Здѣсь нѣтъ будущности!* Встань! *Покинь страну своихъ отцовъ!* Возьми *Мое* святое знамя! Возьми *Мой тяжкій крестъ* и неси его, если нужно, до Голгофы! Ты падешь, но *имя твое будетъ записано* въ книгѣ живота между *именами величайшихъ мучениковъ человечества!*“ Я услышалъ этотъ голосъ и рѣшился.

Между тѣмъ мои *мнѣнія окрѣпли*; изъ подвижныхъ и текучихъ они перешли въ состояніе *окаменѣнія*. Они приняли форму жесткую, суровую, *пуританскую*. То были уже не отвлеченныя начала, которыя можно обсуждать хладнокровно съ той, и съ другой стороны. То была *живая вѣра, слѣпое, непоколебимое, фанатическое убѣжденіе*, то убѣжденіе, которое посылаетъ своихъ вѣрныхъ умирать на полѣ битвы, на кострѣ, на плахѣ.

Вскорѣ весь мой *катехизисъ* свелся къ этому простому выраженію: „*цѣль оправдываетъ средства*“. Я сказалъ себѣ: *Visogna esse volpe* о леопе. Мнѣ не позволяютъ быть *львомъ*; хорошо же, станемъ на время лисицею! Обманемъ своихъ тюремщиковъ! И *проклятіе* тѣмъ, кто меня къ тому принуждаетъ!“ (2137).

Обращаясь къ графу-попечителю, Печеринъ заявляетъ готовность отдать за него жизнь ... Но вѣдь Строгановъ лишь единичное лицо, и *человѣчество* имѣетъ болѣе правъ. „Я отрекся“, продолжаетъ авторъ, „отъ всякихъ чувствъ: у меня остались одни *правила*. Я служу *неумолимому* Божеству. На его алтарѣ я принесъ въ жертву то, что *человѣку* всего дороже: *отечество, родныхъ, друзей!* Я имѣлъ *мужество* отва-

заться отъ общественнаго положенія, весьма выгоднаго и обставленнаго всѣми прелестями вещественнаго довольства; я добровольно избралъ жизнь лишеній, жизнь *бродячую*, безпріютную, нерѣдко грозящую *голодною смертію!*“....

Графъ напоминалъ ему о *домѣ* и *чести*. Его долгъ повиноваться прежде всего убѣжденіямъ. „А моя честь?— Пусть ее мараютъ, если хотятъ! Какое мнѣ дѣло до *моей чести*, до моего *добраго* имени, только бы восторжествовало мое убѣжденіе! Ношу въ сердцѣ моемъ *глубокое предчувствіе великихъ судьбъ*. *Вѣрю въ свою будущность*, вѣрю въ нее твердо и смѣло“.

„*Юношеское* ли это *тщеславіе*“? задается вопросомъ Печеринъ. „Или *безмѣрное честолюбіе*? Или *безуміе*?— Не знаю — *Моя часъ* еще не настала“.

Провидѣніе никогда *не обманываетъ*. Сѣмена *великихъ идей*, бросаемаы Имъ въ нашу душу, всегда суть вѣрный залогъ прекрасной жатвы славы... *Слава!* Волшебное слово! Небесный призракъ, *ради котораго* я распинаюсь! О Провидѣніе! Прошу у Тебя лишь дня, *единого дня славы*, и дарю Тебѣ остатки моей жизни“!

Навѣки прощаясь съ графомъ, Печеринъ просить смотрѣть на его письмо, какъ на завѣщаніе *умирающаго*, потому что онъ умираетъ для всего, чтѣ когда-то было ему дорого. „Завѣщаю Вамъ мою любовь къ этимъ юношамъ, которыхъ небо поручило Вашему попеченію. Берегите эти прекрасныя, нѣжныя растенія! Защищайте ихъ отъ аввилона! Да сохранитъ Васъ Богъ, графъ“!....

Онъ просить забыть о его существованіи и бросить его. „Не довольно ли я заплатилъ за мой проступокъ, разорвавъ свой договоръ съ жизнью и со счастьемъ? Я извлекъ изъ своего измученнаго сердца нѣсколько капель крови и подписалъ окончательный договоръ съ діаволомъ, а этотъ діаволъ— *мысль!*“ (2138).

Печеринъ снова упоминается на страницахъ „Дневника“ А. В. Никитенка.

(30 дек. 1836 г.) ¹⁾.

„Былъ у министра. Онъ много говорилъ о Печеринѣ, поступкомъ котораго очень огорченъ, такъ какъ это, дѣйствительно, ставить его въ затруднительное положеніе. Какъ связать объ этомъ Государю? Кара можетъ сначала пасть на самого министра, потомъ на все ученое сословіе, а наконецъ, на систему отправленія молодыхъ людей за границу. Вѣдь у насъ довольно одного частнаго случая, чтобы заподозрить цѣлую систему, и министръ боится, чтобы такъ не было и на этотъ разъ“.

(Апрѣля 3. 1837 г.).

„Печеринъ написалъ письмо Чижову. Онъ сообщаетъ, что рѣшился навсегда оставить Россію, что онъ не созданъ для того, чтобы учить греческому языку, что онъ чувствуетъ въ себѣ призваніе идти за своею звѣздой, а звѣзда эта ведетъ его въ Парижъ“ ²⁾.

Вѣроятно, это письмо Печерина имѣлъ передъ глазами *О. М. Бодянский*. Въ его „Дневникѣ“ (1849—1850) ³⁾ подъ

¹⁾ Т. I, стр. 377.

²⁾ Тамъ же, стр. 386.

³⁾ Русская Старина, т. 60-й за 1888 г. (г. 19) ноябрь, ст. VII, стр. 413.

25 декабря 1850 г. замѣчено, что онъ разсматривалъ альбомъ Елизаветы Алексѣевны Долгоруковой. „Тутъ же предлинное прозаическое извѣстіе *Θ. Чижова* о другѣ его Печеринѣ съ приобщеніемъ стиховъ и *последняго письма* его къ Чижову. Письмо на французскомъ“ (языкѣ).

Въ качествѣ эпилога къ разсказу о профессорской службѣ Печерина намъ остается лишь коснуться суда и слѣдствія, производившагося надъ эмигрантомъ, что мы можемъ прослѣдить по указанной статьѣ Нила Попова.

По указу правительствующаго Сената отъ 24 ноября 1836 г. министръ народнаго просвѣщенія предложилъ черезъ попечителя учебнаго округа совѣту университета *исключить* Печерина изъ службы. Въ засѣданіи своемъ 27 января 1837 г. совѣтъ исключилъ Печерина и увѣдомилъ правленіе университета о прекращеніи жалованья и квартирныхъ ¹⁾. Кромѣ того, совѣтъ постановилъ: съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и съ приложеніемъ формулярнаго списка о службѣ Печерина сообщить московскому губернскому правленію, съ тѣмъ, дабы оно изъясненный поступокъ Печерина предало *законному* разсмотрѣнію *судебнаго* мѣста. Постановленіе исполнено 15 февраля того же года.

Дѣло молчало 8 лѣтъ.

Наконецъ уже 6 іюля 1845 г. попечитель округа увѣдомилъ совѣтъ университета, что генераль-адъютантъ *А. Ѳ. Орловъ* отнесся къ министерству народнаго просвѣщенія ²⁾: Государь Императоръ повелѣтъ ему соизволилъ—узнать, по

¹⁾ Н. Поповъ, стр. 78.

²⁾ Тамъ же, стр. 79.

какой причинѣ Печеринъ не подвергнуть отвѣтственности, опредѣленной въ подобныхъ случаяхъ законами.

Вслѣдствіе предложенія попечителя увѣдомить, что сдѣлано по дѣлу Печерина, и въ какомъ оно нынѣ положеніи, ректоръ запросилъ губернское правленіе, которое 1-го августа того же года отвѣтило, что дѣло передано на разсмотрѣніе бывшаго I департамента уголовной палаты. Нижеслѣдующій отвѣтъ уголовной палаты отъ 12 сентября совѣтъ представилъ черезъ попечителя министру.

Кандидатъ Владимиръ Печеринъ, исправляющій должность экстраординарнаго проф., былъ уволенъ въ отпускъ за границу въ Берлинъ съ 10 іюня по 22 іюля 1836 г., но въ срокъ не явился и не представилъ о себѣ никакого свѣдѣнія. Берлинскій посланникъ *Риботьеръ* на запросъ министра народнаго просвѣщенія отозвался, что онъ ничего не знаетъ о мѣстѣ пребыванія Печерина, который даже и не являлся въ канцелярію посольства. Въ палату были препровождены его формулярный списокъ и подписка въ 1833 г. съ обязательствомъ по возвращеніи изъ-за границы прослужить по учебной части не менѣе 12 лѣтъ. I департаментъ уголовной палаты сочинилъ Печерину вопросныя пункты ¹⁾ и сдѣлалъ распоряженіе о розыскѣ мѣстопробыванія Печерина, равно о высылкѣ его въ палату для отобранія отвѣтовъ. Московское губернское правленіе увѣдомило палату, что о *повсемѣстномъ розыскѣ* Печерина было сообщено во всѣ губернскія правленія, областныя правительства и войска Донскаго въ войсковое правленіе, а также предписывали здѣшней губерніи городскимъ и земскимъ полиціямъ, которыя на сіе отвѣтствовали, что по *розыскамъ*—*означеннаго* Печерина въ вѣдомствахъ ихъ *не оказалось*; почему палата 1838 г. мая 30 числа заключила: за несыскомъ Пе-

¹⁾ Стр. 80.

черяна впредь до открытія мѣста его жительства дѣло изъ числа нерѣшенныхъ исключить.

Министерство народнаго просвѣщенія передало отношеніе уголовной палаты министру юстиціи, который и отозвался, что „принялъ подлежащія мѣры къ возобновенію и правильному направленію означеннаго дѣла“, о чемъ предложилъ правительствующему Сенату. О семъ было сообщено университетскому совѣту, который въ засѣданіи 31 октября 1845 г. это „принялъ къ свѣдѣнію и пріобцилъ къ дѣлу“.

III.

Печеринъ—эмигрантъ.

Покинувъ Россію, Печеринъ, повидимому, хотѣлъ было применить сначала къ соціальнымъ и революціоннымъ движеніямъ. Изъ Лугано онъ, кажется, переехалъ въ Парижъ, отъ туда въ Цюрихъ, гдѣ добивался натурализаціи. Дѣло разрѣшилось переходомъ его въ католичество, принятіемъ монашества и поступленіемъ въ іезуитскій орденъ S. J. Такая его судьба была для всѣхъ знавшихъ его большою неожиданностію, и о ней были высказаны различныя сужденія. Вообще же этотъ періодъ изъ жизни Печерина вплоть до его смерти наименѣе извѣстенъ.

Герценъ такъ объясняетъ переломъ, произошедшій въ натурѣ и убѣжденіяхъ Печерина.

„Москва на нѣкоторое время замолкла о немъ, и вдругъ мы услышали съ какимъ то безконечно тяжелымъ чувствомъ, что Печеринъ сдѣлался іезуитомъ, что онъ на искусь въ монастырѣ. Вѣдность, безучастіе, одиночество сломили его: я перечитывалъ его „Торжество Смерти“ и спрашивалъ себя: „Неужели этотъ человѣкъ можетъ быть католикомъ, іезуитомъ? Вѣдь онъ уже ушелъ ... Зачѣмъ же ему такъ скоро понадобилась другая власть, другое указаніе?“

Разобщеннымъ показался себѣ, сыримъ русскій человѣкъ въ сортированномъ и по горло занятомъ Западѣ: ему было слишкомъ безродно. Когда веревка, на которой онъ былъ привязанъ, порвалась, и судьба его, вдругъ отрѣшенная отъ всякаго внѣшняго направленія, попала въ его собственныя руки, онъ не зналъ, что дѣлать, не умѣлъ съ ней управляться, и сорвавшись съ орбиты безъ цѣли и границъ, упалъ въ іезуитскій монастырь“¹⁾.

Иначе объясняетъ дѣло славянофильская редакція „Дня“ (Ю. О. Самаринъ и И. С. Аксаковъ), въ которой, благодаря посредству О. В. Чицова, Печеринъ чувствовалъ и высказывалъ симпатію:

„Владимиръ Печеринъ принадлежалъ къ той плеядѣ молодыхъ, блистательныхъ профессоровъ, которая въ 1835—40 годахъ такъ высоко подняла въ русскомъ обществѣ значеніе Московскаго университета. Въ одно время съ покойнымъ Крюковымъ пріѣхалъ въ Москву и Печеринъ: Крюковъ занялъ кафедру римской,—Печеринъ греческой словесности. Въ короткое время своего профессорства онъ успѣлъ внушить и слушателямъ, и товарищамъ чувства самой живой симпатіи. Строгій ученый, онъ соединялъ съ замѣчательной эрудиціей по части классической древней литературы—живое поэтическое дарованіе и нѣжную, хотя постоянно тревожную душу, болѣзненно-чутко отзывавшуюся на всѣ общественныя задачи своего времени, на всякую боль тогдашней русской дѣйствительности. Какова была эта дѣйствительность—пусть припомнятъ сами читатели. Направленіе мыслей его было атеистическое—общее почти всѣмъ его товарищамъ. Въ 1838 году поѣхалъ онъ за границу, не вернулся къ срову, и скоро затѣмъ узнали въ Москвѣ—сначала, что онъ увлекся крайними тео-

¹⁾ Герценъ, Сочиненія, т. IX, стр. 256, 257.

рїями европейскихъ революціонеровъ, а потомъ, что онъ поступилъ въ римско-католическій монашескій орденъ редемпторовъ.

Усилїя прїятелей вырвать Печерина изъ хитрыхъ сѣтей, въ которыя была уловлена его изнывавшая душа,—всюду исказавшая себѣ примиренїя, вѣчно томившаяся по истинѣ,—не увѣнчались успѣхомъ. „Я принесъ въ жертву Богу самое дорогое свое сокровище—волю“, сказалъ онъ тогда одному изъ ближайшихъ своихъ старыхъ друзей,—и съ страстію предалъ онъ себя въ безусловное повиновеніе волѣ своего хитраго и гнѣвнаго монастырскаго прїора!... „Плѣнить умъ въ послушаніе вѣры“ имѣло нѣчто плѣнительное для человѣка, котораго вичливость ума и гордость знанїя не только не привели къ успокоенїю, но едва было не привели въ нравственную пропасть,—на самомъ уже краю которой удержало его смутное религиозное чувство. Это то чувство и подмѣтилъ въ московскомъ атеистѣ зоркій глазъ католическаго священника. Истина и ея миръ явились Печерину въ видѣ латинской вѣроисповѣдной доктрины, и онъ сталъ ея жаркимъ адептомъ. Извѣстно, что римско-католическіе монахи, особенно іезуиты, владѣютъ необыкновеннымъ искусствомъ уловить и осѣтить душу; взявши однажды ее въ свои руки, они посредствомъ глубоко разсчитанной духовной дисциплины—выдѣлываютъ ее, какъ какую-нибудь овчину, мягчатъ, какъ лайку, выворачиваютъ, какъ перчатку, шарятъ въ ней, какъ въ своемъ собственномъ карманѣ, даютъ направленіе, какое имъ нужно и какое свойственнѣе ея природѣ,—а сама душа, при всемъ этомъ, не только не реагируетъ, но испытываетъ какое-то сладострастное наслажденіе—самоуниженїя, смиренїя, послушанїя! Мы слышали, мы даже читали въ одной книгѣ, напечатанной за границей, рассказъ, въ которомъ Печеринъ представлялся намъ совершенно такой погибшей жертвой римскаго прозелитизма. Уже болѣе 25 лѣтъ прошло со времени его обращенїя въ латинство,—и самому ему, по наве-

деннымъ нами справкамъ, теперь уже 57 или 58 годъ. Одно только невольно обращало на себя вниманіе: несмотря на то, что нашихъ русскихъ ренегатовъ за границею довольно, имя Печерина не смѣшивалось съ ихъ именами; онъ былъ и остался какимъ-то одиночнымъ явленіемъ, которое не запатнано было, сколько намъ извѣстно, никакимъ враждебнымъ дѣйствіемъ противъ Россіи и вызывало къ себѣ не презрѣніе, а чувство искренняго соболѣзнованія во всѣхъ, кто знавалъ Печерина прежде. Въ какой степени правы были эти послѣдніе, пусть судятъ теперь сами читатели: вотъ письмо, о которомъ мы упомянули въ началѣ ¹⁾ (см. ниже, стр. 161):

~~~~~

*Т. Н. Грановскій* сообщаетъ изъ Берлина извѣстному ориенталисту *В. В. Григорьеву*:

„Получилъ такую вѣсть о Печеринѣ: онъ живетъ въ *Цюрихъ* и къ новому году получить гражданство. Не хорошо!“ <sup>2)</sup>.

Ө. В. Чижовъ хранилъ память о своемъ несчастномъ другѣ и поддерживалъ съ нимъ сношенія.

Никитенко отмѣчаетъ въ „Дневникѣ“ подъ 8 октября 1841 г. <sup>3)</sup>.

---

<sup>1)</sup> «День» за 1865 г. № 29, Москва, 2 сентябрю, стр. 677 (два столбца) и стр. 678 (первый столбецъ).

<sup>2)</sup> *В. В. Григорьевъ*, Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. гл. II, стр. 19 въ «Русской Бесѣдѣ» за 1856 г., кн. IV, Смѣсь—тройное письмо Н. В. Станкевича, Т. Н. Грановскаго и Я. М. Невѣрова изъ Берлина отъ 21 ноября н. с. 1837 г.

<sup>3)</sup> Никитенко, т. I, стр. 422.

„Получены письма отъ *Чижова* изъ-заграницы. Ко мнѣ онъ писалъ изъ Дрездена, къ Гебгарду изъ Бельгіи. Онъ видѣлся съ *Печеринымъ*. Недалеко отъ *Литтиха* есть іезуитскій монастырь св. *Вита*. Въ него удалился Печеринъ и принялъ монашество. Итакъ, два прозелитизма разомъ: политическій и религіозный. Странный поворотъ! и какія потрясенія должны произойти въ душѣ человѣка, чтобы привести его къ такимъ результатамъ. *Чижовъ* говоритъ съ негодованіемъ о нравственномъ упадкѣ, въ какомъ засталъ нашего Печерина. Онъ принялъ не только идея своего званія, но и всѣ предразсудки его. *Чижовъ* полагаетъ, что его увлекли бѣдность и обольщенія іезуитовъ, которымъ онъ можетъ быть полезенъ своими обширными свѣдѣніями, особенно, по части филологіи. Изъ этого выходитъ, что поступокъ Печерина не есть слѣдствіе смѣлой, обдуманной рѣшимости и тверлаго убѣжденія, а только случайный выходъ изъ затруднительнаго положенія, подъ давленіемъ обстоятельствъ,—плодъ незрѣлой мысли. Онъ укорялъ *Чижова* и всѣхъ товарищей, въ особенности, *меня* (т. е. *Нивитенко*) за то, что мы потворствовали его самолюбію, внушая ему слишкомъ высокое мнѣніе о его дарованіяхъ. Но это, помимо всего другого, еще и несправедливо. По возвращеніи его изъ-заграницы я сильно возставалъ противъ его эгоизма и полуфилософіи, слѣдствіемъ чего даже было наше взаимное охлажденіе. Когда онъ уѣхалъ въ Москву занять тамъ профессорскую кафедру, отношенія наши были уже далеко не-прежнія. И всетаки я не могу притти въ себя отъ изумленія и не нахожу объясненія столь странному моральному явленію. Печеринъ—католическій монахъ! Это просто непостижимо! По истинѣ, горе человѣку, одаренному сильными чувствами и широкою мыслью—безъ равносильной имъ силы воли и характера“.

Ө. В. *Чижовъ* и послѣ этого имѣлъ свиданія съ *Печеринымъ*. Такъ онъ пишетъ *Н. В. Гоголю* изъ Парижа отъ



31 мая 1844 г.: <sup>1)</sup>. „Мнѣ надобно будетъ поѣхать въ одинъ городокъ близъ *Ахена*, чтобы повидаться съ Печериннымъ. Можетъ быть, мы бы съ Вами съѣхались“.

Самое любопытное воспоминаніе о свиданіи съ Печериннымъ въ Лондонѣ оставилъ *А. И. Герценъ*. Печеринъ въ тому времени уже возвысился и занималъ „видный постъ“ въ іезуитскомъ орденѣ, служба въ Англіи и Ирландіи. В. В. Григорьевъ въ 1870 г. указывалъ мѣстомъ его службы Дублинъ <sup>2)</sup>. Ив. Головинъ тоже свидѣтельствуетъ о высокомъ положеніи Печерина среди іезуитовъ въ Англіи и Ирландіи <sup>3)</sup>.

Свиданіе Герцена съ Печериннымъ состоялось 8 апрѣля 1853 г. Печерину тогда шелъ 46-й годъ. Случайно услыжавъ наканунѣ имя Печерина, Герценъ „вздрогнулъ при этомъ имени“ <sup>4)</sup>. Собесѣдникъ видѣлъ Печерина въ іезуитскомъ монастырѣ въ Лондонѣ. Герценъ лично не познакомился въ Москвѣ съ Печериннымъ (Герценъ былъ тогда въ ссылкѣ), но онъ „очень много слышалъ о немъ отъ *Рьдкина, Крюкова, Грановскаго*“. Герценъ отправился по данному адресу, разыскалъ іезуитское помѣщеніе и велѣлъ о себѣ доложить.

„Наконецъ вышелъ небольшой ростомъ, очень пожилой священникъ въ граневой шапкѣ и во всемъ одѣяніи, въ которомъ священники ходятъ въ монастыряхъ. Онъ шелъ прямо ко мнѣ, шурстя своей сутаной, и спросилъ меня чистѣйшимъ французскимъ языкомъ: „Вы желали видѣть Печерина?“

Я отвѣчалъ, что—я.

„Чрезвычайно радъ Вашему посѣщенію“, сказалъ онъ, протягивая руку, „сдѣлайте одолженіе, присядьте“.

---

<sup>1)</sup> Письмо напечатано въ «Русской Старинѣ», т. 63, 1889 г. августъ, стр. 363.

<sup>2)</sup> Ссылки, примѣчанія и дополненія, № 187, стр. 37.

<sup>3)</sup> *Iwan Golowin, Russland unter Alexander II*, стр. 252.

<sup>4)</sup> Т. IX, стр. 255.

„Извините“, сказалъ я, нѣсколько смѣшавшись, что не узналъ его: мнѣ въ голову не приходило, что встрѣчу его костюмированнаго,—„Ваше платье“...

Онъ слегка улыбнулся и тотчасъ продолжалъ: „Давно не слышалъ я никакой вѣсти о родномъ краѣ, объ нашихъ, объ университетѣ: Вы, вѣроятно, знали Рѣдина и Крюкова“.

Я смотрѣлъ на него: лицо его было старо, старше лѣтъ; видно было, что подъ этими морщинами много прошло, и прошло tout de bon, т. е. умерло, оставивъ только свои надгробные слѣды въ чертахъ. Искусственный, клерикальный покой, которымъ особенно монахи, какъ сулемой, замораютъ цѣлыя стороны сердца и ума, былъ уже и въ его рѣчи, и во всѣхъ движеніяхъ. Католическій священникъ всегда сбивается на вдову: онъ также въ траурѣ и въ одиночествѣ, онъ также вѣренъ чему то, чего нѣтъ, и утоляетъ настоящія страсти раздраженіемъ фантази.

Когда я ему рассказалъ объ общихъ знакомыхъ и о кончинѣ Крюкова, при которой я былъ, о томъ, какъ его студенты несли черезъ весь городъ на кладбище, потомъ объ успѣхахъ Грановскаго, объ его публичныхъ лекціяхъ,—мы оба какъ-то призадумались; что происходило въ черепѣ подъ гравленной шапкой,—не знаю; но Печеринъ снялъ ее и поставилъ на столъ. Разговоръ не шелъ. Sortons un peu au jardin, сказалъ Печеринъ, le temps est si beau, et c'est si rare à Londres.

„Avec le plus grand plaisir. Да скажите, пожалуйста, для чего же мы съ вами говоримъ по французски?“

„И то, будемте говорить по русски; я думаю, что уже совсѣмъ разучился“.

Мы вышли въ садъ. Разговоръ снова перешелъ къ университету и Москвѣ. „О“, сказалъ Печеринъ, „что это было за время, когда я оставилъ Россію: безъ содроганія не могу вспомнить“!

„Бѣдная страна (слова Печерина), особенно, для *меньшинства*, получившаго *несчастный даръ образованія*. А вѣдь какой *добрый* народъ; я часто вспоминаю нашихъ мужиковъ, когда бываю въ Ирландіи: они чрезвычайно похожи. Кельтійскій землепашецъ—такой же ребенокъ, какъ нашъ. Побывайте въ Ирландіи: Вы сами убѣдитесь въ этомъ“<sup>1)</sup>.

Такъ длился разговоръ Герцена съ Печеринымъ съ полчаса. При прощаньи Герценъ просилъ позволенія напечатать произведенія Печерина „Поликратъ Самосскій“, „Торжество смерти“ и др., если они ему попадутся. Печеринъ, относившійся къ этимъ произведеніямъ своей юности уже отрицательно, не далъ прямого отвѣта.

„А что же“, спросилъ Печеринъ, когда я прощался, „Вы мнѣ не привезли ничего изъ Вашихъ публикацій? я помню, въ журналахъ говорили года 3 тому назадъ объ одной книгѣ, изданной Вами, кажется, на нѣмецкомъ языкѣ? (Vom andern Ufer).“

„Ваше платье“, отвѣчалъ я, „скажетъ Вамъ, по какимъ соображеніямъ я не долженъ былъ привезти ее; примите это съ моей стороны за знакъ уваженія и деликатности“.

— „Мало Вы знаете *нашу терпимость и нашу любовь*; мы можемъ скорбѣть о заблужденіи, молиться объ исправленіи, желать его и во всякомъ случаѣ любить человѣка“.

Мы разстались.

Онъ не забылъ ни книги, ни моего отвѣта, и дня черезъ три написалъ ко мнѣ письмо *по французски*<sup>2)</sup>.

Я свезъ ему книги и черезъ 4 дня получилъ еще письмо<sup>3)</sup>.

На что я отвѣчалъ ему по русски<sup>4)</sup>.

---

1) Стр. 258—260.

2) Стр. 261.

3) Стр. 262.

4) Стр. 263. Письмо Герцена на стр. 264—266.

Черезъ двѣ недѣли я получилъ отъ о. Печерина письмо <sup>1)</sup>.

Я отвѣчалъ на другой день <sup>2)</sup>... Этимъ и окончилась наша переписка.

---

„Прошло два года. Сѣрая мгла европейскаго горизонта зардѣлась заревомъ крымской войны; мгла отъ него стала еще чернѣй, — и вдругъ среди кровавыхъ вѣстей походовъ и осадъ читаю я въ газетахъ, что тамъ то въ Ирландіи отданъ подъ судъ rever. father Vladimir Petcherine, native a Russian—за публичное сожженіе на площади протестантской библии. Гордый британскій судья, взявъ въ расчетъ безумный поступокъ и то, что виноватый—русскій, а Англія съ Россіей—въ войнѣ, ограничился отеческимъ наставленіемъ вести себя впредь на улицахъ благопристойно...

Неужели ему легки эти вериги?... Или онъ часто снимаетъ граненую шанку и ставитъ ее устало на столъ?<sup>3)</sup>“

---

<sup>1)</sup> Стр. 266, 271.

<sup>2)</sup> Стр. 269. Письмо Герцена, на стр. 269—271.

Убѣжденія Печерина въ томъ видѣ, какъ они сложились у него въ эпоху уже пребыванія въ католическомъ монастырѣ, и его взгляды на Россію отлично обрисовываются въ приводимыхъ ниже письмахъ въ А. И. Герцену:

(Переводъ съ французскаго).

Ж. М. Ж. А.

St. Mary's Clapham,

11 апр. 1853 г.

Я не могу скрыть отъ Васъ той симпатіи, которую возбуждаетъ въ моемъ сердцѣ слово свободы <sup>1)</sup>,—свободы для моей несчастной родины. Не сомнѣвайтесь ни на минуту въ искренности моего желанія—возрожденія Россіи. При всемъ этомъ я далеко не во всемъ согласенъ съ Вашей программой. Но это ничего не значитъ. Любовь католическаго священника обнимаетъ всѣ мнѣнія и всѣ партіи. Когда ваши драгоценнѣйшія упованія обманутъ васъ, когда силы міра сего поднимутся на васъ, вамъ еще останется вѣрное убѣжище въ сердцѣ католическаго священника: въ немъ вы найдете дружбу безъ притворства, сладкія слезы и миръ, котораго свѣтъ не можетъ вамъ дать. Пріѣзжайте ко мнѣ, любезный соотече-

---

<sup>1)</sup> Писано до освобожденія крестьянъ.

ственникъ. Я былъ бы очень радъ видѣть Васъ еще разъ до моего отъѣзда въ Гернсей. Не забудьте, пожалуйста, привести мнѣ Вашу брошюру <sup>1)</sup>).

(Переводъ).

J. M. J. A.

St. Pierre, Island of Guernsey. Chapelle Catholique,

15 апрѣля 1853 г.

Я прочелъ объ Ваши книги съ большимъ вниманіемъ. Одна вещь особенно поразила меня: мнѣ кажется, что Вы и Ваши друзья, вы опираетесь исключительно на философію и на изящную словесность (*belle littérature*). Неужели Вы думаете, что онѣ призваны обновить настоящее общество? Извините меня, но свидѣтельство исторіи совершенно противъ Васъ. Нѣтъ примѣра, чтобы общества основывались или пересоздавались бы философіею и словесностью. Скажу просто (*tranchons le mot*), одна религія служила всегда основою государству: философія и словесность, это—увы!—уже послѣдній цвѣтокъ общественнаго древа. Когда философія и литература достигаютъ своей апогеи, когда философы, ораторы и поэты господствуютъ и разрѣшаютъ всѣ общественные вопросы, тогда—конецъ, паденіе, тогда смерть общества! Это доказываетъ Греція и Римъ, это доказываетъ такъ называемая александрійская эпоха: никогда философія не была больше изощрена, никогда литература не была цвѣтущѣе,—а между тѣмъ это была эпоха глубокаго общественнаго паденія. Когда философія бралась за пересозданіе общественнаго порядка, она постоянно доходила до

---

<sup>1)</sup> Стр. 261—262. Герценъ не приводитъ французскихъ подлинниковъ писемъ Печерина, а только ихъ переводы.

жестокаго деспотизма, напр., въ Фридрихѣ II, Екатеринѣ II, Иосифѣ II и во всѣхъ неудавшихся революціяхъ. У Васъ вырвалась фраза, счастливая или несчастная, какъ хотите: Вы говорите, что „фаланстеръ есть не что иное, какъ преобразованная базарма, и коммунизмъ можетъ быть только видоизмѣненіемъ николаевского самовластья“. Я вообще вижу какой то меланхолическій отблескъ на Васъ и на Вашихъ московскихъ друзьяхъ. Вы даже сами сознаетесь, что вы всѣ—Онѣгины, т. е. что Вы и Ваши—въ отрицаніи, въ сомнѣніи, въ отчаяніи. Можно ли переродить общество на такихъ основаніяхъ?

Можетъ быть, я высказалъ вещь избытую, и которую Вы знаете лучше меня. Я это пишу не для спора, не для того, чтобы начать контроверсу; но я считалъ себя обязаннымъ сдѣлать это замѣчаніе, потому что иногда лучшіе умы и благороднѣйшія сердца ошибаются въ основѣ, сами не замѣчая того. Для того я это пишу Вамъ, чтобы доказать, какъ внимательно читалъ я Вашу книгу, и дать новый знакъ того уваженія и любви, съ которыми.....<sup>1)</sup>.

(Переводъ).

J. M. J. A.

St. Mary's Clapham,

3 мая 1853 г.

Я Вамъ отвѣчаю по французски по причинамъ, которыя Вы знаете. Не могъ писать я къ Вамъ прежде потому, что былъ обремененъ занятіями въ Гернсеѣ. Мало остается времени на философскія теоріи, когда живешь въ самой серединѣ

---

<sup>1)</sup> Отр. 262—263.

животрепещущей дѣйствительности; нѣтъ досуга разрѣшать спекулятивные вопросы о будущихъ судьбахъ человѣчества, когда человѣчество съ костями и плотію приходитъ изливаться въ вашу грудь свои скорби и требуетъ совѣта и помощи.

Признаюсь Вамъ откровенно, Ваше послѣднее письмо навело на меня ужасъ, и ужасъ очень эгоистическій, признаюсь и въ этомъ.

Что будетъ съ нами, когда *ваше* образованіе ( *votre civilisation à vous*) одержитъ побѣду? Для Васъ *наука*—все, альфа и омега. Не та обширная наука, которая обнимаетъ всѣ способности человѣка, видимое и невидимое,—наука такъ, какъ ее понималъ міръ до сихъ поръ; но наука ограниченная, узкая, наука матеріальная, которая разбираетъ и разсѣкаетъ вещество, и ничего не знаетъ, кромѣ его. Химія, механика, технологія, паръ, электричество, великая наука пить и ѣсть, поклоненіе личности (*la culte de la personne*), какъ бы сказалъ *Мишель Шевалье*. Если *эта* наука восторжествуетъ,—горе намъ! Во времена гоненій римскихъ императоровъ христіане имѣли, по крайней мѣрѣ, возможность бѣгства въ степи Египта: мечъ тиранновъ останавливался у этого непереходимаго для нихъ предѣла. А куда бѣжать отъ тиранства *вашей* матеріальной цивилизаціи? Она сглаживаетъ горы, прорываетъ каналы, прокладываетъ желѣзныя дороги, посылаетъ пароходы; журналы ея проникаютъ до каледныхъ пустынь Африки, до непроходимыхъ лѣсовъ Америки. Какъ нѣкогда христіанъ влекли на амфитеатры, чтобы ихъ отдать на посмѣяніе толпы, жадной до зрѣлищъ, такъ повлекутъ теперь насъ, людей молчанія и молитвы, на публичные торжища, и тамъ спросятъ: „Зачѣмъ вы бѣжите отъ нашего общества? Вы должны участвовать въ *нашей* матеріальной жизни, въ *нашей* торговлѣ, въ *нашей* удивительной индустріи. Идите витійствовать на площади, идите проповѣдывать политическую экономію, обсуживать паденіе и возвышеніе курса, идите работать на наши фабрики, направлять паръ и электричество. Идите предсѣдательствовать на нашихъ



пирахъ; рай здѣсь на землѣ,—будемъ ѣсть и пить: вѣдь завтра мы умремъ“! Вотъ что меня приводитъ въ ужасъ, ибо гдѣ же найти убѣжище отъ тиранства матеріи, которая больше и больше овладѣваетъ всѣмъ.

Простите, если я сколько-нибудь преувеличилъ темныя краски. Мнѣ кажется, что я только довелъ до законныхъ послѣдствій основанія, положенныя Вами.

Стоило ли покидать Россію изъ-за умственного каприза (*caprice de spiritualité*)? Россія именно начала съ науки, такъ, какъ Вы ее понимаете; она продолжаетъ наукою. Она въ рукахъ своихъ держитъ гигантскій рычагъ матеріальной мощи, она призываетъ всѣ таланты на служеніе себѣ и на пиръ своего матеріальнаго благосостоянія; она сдѣлается самою образованною страной въ мірѣ: Провидѣніе дало ей въ удѣлъ матеріальный міръ, она сдѣлаетъ рай изъ него для своихъ избранныхъ. Она понимаетъ цивилизацію именно такъ, какъ Вы ее понимаете. Матеріальная наука всегда составляла ея силу. Но мы, вѣрующіе въ бессмертную душу и въ будущій міръ,—какое намъ дѣло въ этой цивилизаціи настоящей минуты? Россія никогда не будетъ имѣть меня своимъ подданнымъ!

Я изложилъ свои идеи съ простотою для того, чтобы намъ уяснить другъ друга. Извините, если я внесъ въ слова мои излишнюю горячность. Такъ какъ я ѣду снова въ Ирландію въ пятницу утромъ, то мнѣ будетъ невозможно зайти къ Вамъ. Но я буду очень радъ, если Вамъ будетъ удобно посѣтить меня въ среду или въ четвергъ послѣ обѣда.

Примите и проч. <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Стр. 266—268.

Въ 1865 г. личность Печерина и его судьба были предметомъ обсуждения и даже полемики на столбцахъ русскихъ газетъ. Поводомъ къ тому было слѣдующее любопытное письмо Печерина.

Дублинъ, 1-го сентября 1865 г.

Милостивый государь!

Благородный духъ Вашего журнала давно привлекаетъ мое вниманіе—хотя, въ сожалѣнію, я не всегда имѣю случай читать его. Сверхъ того, тамъ часто встрѣчается дорогое для меня имя *Θ. В. Ч—ова*. Неизбѣжная судьбина—*ineluctabile fatum*—отдѣляетъ меня отъ родины, но прилагаемое стихотвореніе покажетъ Вамъ, что я не забылъ ни русскаго языка, ни русскихъ думъ. Я самъ не могу себѣ объяснить, для чего я посылаю Вамъ эти стихи. Это какое-то темное чувство—или просто желаніе переслать на родину хоть одинъ мимолетный, умирающій звукъ.

Примите увѣреніе въ томъ искреннемъ уваженіи, съ которымъ пребываю,

милостивый государь,  
вашимъ покорнымъ слугою

*Владиміръ Печеринъ.*

Г. Аксакову, издателю журнала газеты „День“.  
Въ письмо вложена визитная карточка:

Rev—d Vladimir Petcherine.  
47 Lower Dominick Street,  
Dublin.

Редакція „Дня“ не только опубликовала письмо и стихи Печерина, но и посвятила ему цѣлую сочувственную статью, уже выше (стр. 146—148) нами цитованную; приведемъ изъ нея еще нѣсколько выдержекъ.

Москва, 2 сентября.

Мы получили на дняхъ изъ-заграницы письмо, которымъ хотимъ подѣлиться съ читателями. Они будутъ намъ благодарны за это,—мы знаемъ; оно, безъ сомнѣнія, произведетъ на нихъ то же самое впечатлѣніе, что и на насъ. Это письмо прислано намъ изъ Дублина, отъ человѣка, который извѣстенъ намъ только по имени, по слухамъ, по тѣмъ воспоминаніямъ,—добрымъ воспоминаніямъ,—которыя оставила въ сослуживцахъ и ученикахъ его профессорская дѣятельность..... <sup>1)</sup>

Мы не знаемъ, найдется ли въ Россіи человѣкъ, которому глубокая скорбь этихъ искреннихъ, сердечныхъ, ароматическихъ стиховъ не выворотила бы всего сердца! Это братъ нашъ скорбитъ и страдаетъ, это родная намъ душа бьется, какъ птица въ клеткѣ, изнываетъ, гибнетъ и стонетъ! Онъ нашъ, нашъ, нашъ—даже подъ латинскимъ фрокомъ!—онъ имѣетъ полное право на наше участіе и состраданіе! Неужели нѣтъ для него возврата? Ужели поздно, поздно?... Ужели это скорбь бессильная, не способная уже ни вырваться изъ подъ при-

---

<sup>1)</sup> Стр. 677, I столбецъ.

вычнаго гнёта, ни отклониться живымъ дѣломъ раскаянія на призывъ горячей, всепрощающей любви? Русь проститъ заблужденія, которыхъ поводъ таеъ чистъ и возвышенъ, она оцѣнитъ страстную, безкорыстную жажду истины, она съ любовью раскроетъ и приметъ въ объятія своего заблудшаго сына! Да, „естъ народная святыня“, которая оцѣнитъ святымъ миромъ усталое, тревожное сердце, есть кровь родной, есть обширная, родная русская семья, которая приютитъ и приласкаетъ его израненную, больную, русскую душу... Но не во имя только кровной связи съ родиной зовемъ мы сюда Печерина. Не тамъ онъ искалъ и ищетъ истины и покоя, гдѣ бы могъ обрѣсти и истину, и покой. Онъ менѣе всего знаетъ истину православія—прежде вовсе ему, благодаря системѣ нашего воспитанія, незнакомой, а впоследствии заслоненной отъ него латинскою ложью. Пусть онъ познаетъ ее—здѣсь, среди родного народа, возросшаго подъ ея воздѣйствіемъ, и она освободитъ изъ рабскаго плѣна его умъ и волю и дастъ его жаждущей вѣры душѣ—истинное благо вѣры, миръ и свободу Христа.

Сколько благородныхъ умовъ, сколько душъ чистыхъ и прекрасныхъ, сколько силъ богатыхъ—уже истерала и продолжаетъ терять Россія! Что за причина той безмѣрной тоски, которая или гонитъ вонъ изъ нея далеко ея даровитѣйшихъ сыновъ, или поражаетъ преждевременною смертью самыя яркіе ея таланты, или побуждаетъ ихъ растрчивать въ постыдномъ мелочномъ мотовствѣ свои лучшія духовныя силы? Отъ того ли, что истина у насъ подъ спудомъ, и трудно пробиваться къ ней сквозь толстый слой формализма и лжи—отъ того ли, что въ Россіи нѣтъ свободы исканію истины, и нѣтъ довольно простора для жизни духа?... А какъ бы нужны были намъ такіе безумцы, которые способны безразсечно, сполна принести себя въ жертву святой истинѣ и всецѣло отдаться ея служенію! Какъ недостаетъ намъ людей—не мысли отвлеченной, не празднаго слова, но убѣжденія и подвига!.. Пусть однако горь-

кій опытъ научить русскихъ, оставившихъ русскую землю, что не найти русскому себѣ удовлетворенія и покоя въ міросозерцаніи Запада, и что дома оставлено ими неисчерпаемое, неразработанное и почти не початое еще сокровище народнаго духа!....

Да проститъ намъ отецъ Печеринъ, что мы напечатали его стихи! Мы, можетъ быть, оскорбили его скромность, но намъ дорого было—оправдать его въ общественномъ мнѣніи Россіи.—Мы вѣримъ, что голосъ его дойдетъ до сердца многихъ, и что со многихъ концовъ ея понесутся къ нему братскіе призывы! Мы вѣримъ, что истина скажется душѣ, такъ страстно взыскавшей истины, и что не погибъ онъ для насъ безвозвратно... Богъ да направитъ тебя въ обратный путь—къ намъ, нашъ бѣдный братъ!<sup>1)</sup>

„Современный Листокъ“, выходявшій тогда подъ редакцію *А. И. Поповичкало*, перепечаталъ (съ пропусками) стихи Печерина и воспоминанія редакціи „Дня“ и прибавилъ отъ себя нѣсколько теплыхъ словъ:

„Стихотвореніе и само по себѣ достойно вниманія; въ немъ съ большимъ чувствомъ выражено лучшее стремленіе природы человѣческой къ истинѣ, къ совершенству, и бесплодность этого стремленія, не руководимаго ученіемъ православной вѣры. Но еще большаго вниманія достойно стихотвореніе по своему происхожденію. Оно написано католическимъ священникомъ, монахомъ, который—русскій по происхожденію,... но бывши за границую, измѣнилъ православію и сдѣлался католикомъ. Эта измѣна не была дѣломъ какого-нибудь случая или расчета. Нѣтъ! авторъ напечатаннаго выше стихотворенія далеко отъ упрековъ въ расчетѣ; будучи профессоромъ Московскаго университета, онъ пользовался особеннымъ и всеобщимъ уваженіемъ именно за свое благородство, за свое горячее сердце, способ-

---

<sup>1)</sup> Стр. 679.

ное любить все прекрасное и самоотверженно стремиться къ нему. Но къ несчастію и обстоятельства жизни, и воспитаніе, и вся наша общественная обстановка привели его къ факту, поразившему изумленіемъ всѣхъ друзей его, къ принятію католичества, въ стремленіяхъ котораго онъ думалъ найти то, чего искала его душа и не находила нигдѣ вокругъ себя <sup>1)</sup>).

Мы не можемъ не выразить со своей стороны желаній, чтобы о. Печеринъ увѣрился въ своемъ добромъ чувствѣ къ покинutoй родинѣ; и если когда-нибудь наши строки дойдутъ до него, мы желали бы увѣрить его, что въ Россіи встрѣтятъ его самыя искреннія объятія всѣхъ истинно русскихъ людей, что здѣсь въ православіи и вообще въ истинномъ русскомъ міровоззрѣніи онъ найдетъ ту истину и красоту, къ которой онъ безысходно стремился до сихъ поръ <sup>2)</sup>).

Статья „Дня“ обратила на себя вниманіе какаго то уважаемаго „нами“ (редакціею „Современнаго Листка“) лица, которое пожелало выразить и свое мнѣніе о Печеринѣ. Это мнѣніе, ярко обличающее происхождение и точку зрѣнія автора, редакція „Современнаго Листка“ тоже помѣстила у себя, но прибавила еще и собственную, очень благородную отповѣдь, пріятно контрастирующую съ сухимъ и безсердечнымъ тономъ произведенія пера „уважаемаго лица“. Статья въ № 87 носитъ заглавіе „Еще нѣсколько словъ о г. Печеринѣ“. Хотя редакція и несогласна съ высказанными въ письмѣ мыслями, но письмо запечатано, „потому что эти мысли раздѣляются многими уважаемыми лицами“. Таковы то были тѣ „братскіе призывы“ и „искреннія объятія“, которыхъ ожидали для Печерина редакція „Дня“ и „Современнаго Листка“.

„Мысли“ эти таковы:

1) Обвиняя всѣхъ почти университетскихъ профессоровъ въ атеизмъ, неизвѣстный авторъ азвительно замѣчаетъ: „И

---

<sup>1)</sup> Ж 72, стр. 2 и 3.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 4.

вотъ не выдержала душа Печерина страшной для него дѣйствительности (народной вѣры въ Бога и признанія святости уставовъ, предписываемыхъ церковью), перелетѣла въ Англію, куда стекалось все безбожное и тревожное“ etc.

2) Въ латинствѣ Печ. провелъ болѣе 25 лѣтъ и все это время жилъ въ Англии. Что же онъ тамъ дѣлалъ? Откуда почерпалъ средства къ жизни?

„Молчаніе „Дня“ даетъ намъ право догадываться, что занятія его посвящаемы были извѣстному печальнику о благосостояніи Россіи—Герцену, что онъ вмѣстѣ съ Герценомъ звонилъ въ „колоколъ“. Но такъ какъ теперь „Колоколъ“ отъ усердія звонарей разбился, то Герценовы звонари распущены, и одинъ изъ нихъ—Печеринъ началъ чувствовать приступы *голода*: что дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ“?

3) Онъ напоминаетъ привольную жизнь на родинѣ, въ Россіи, душа его болѣзненно отзывалась на боль тогдашней дѣйствительности и думаетъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы брошенное имъ отечество вспомнило объ отступникѣ, сжалилось надъ нимъ и, позволивъ ему возвратиться въ среду печальной своей дѣйствительности, *утолило его голодъ*. „А вотъ какъ“, говоритъ онъ, „отзовусь я къ стариннымъ пріятелямъ стихотвореніемъ, въ которомъ выскажу, что я тотъ же Печеринъ“.

#### *Поиски красоты небесной....*

Напрасно, г. поэтъ, будете Вы искать этой красоты во мракѣ *безбожія*(!) и отступничества. Она для Васъ недоступна, пока сердце Ваше не согрѣется благодатнымъ лучемъ вѣры и не вознесется къ Богу вслѣдъ за Спасителемъ нашимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, котораго печать положена на Васъ Духомъ Святымъ въ нѣдрѣ православной церкви. Обозрите исторію Вашей жизни! Вы въ молодыхъ годахъ безбожіемъ своимъ попрали благодатные дары, полученные Вами въ купели крещенія; потомъ, увлеченные хитростію іезуитовъ, вздумали омытъ скверны своей души мутными и заразительными водами латинизма;

затѣмъ Вы убѣдились, что это омовеніе не только не приблизило васъ къ небесной красотѣ, но еще болѣе удалило отъ нея; и вотъ Вы снова пускаетесь отыскивать эту красу. Зачѣмъ же было оставлять Вамъ ее на первыхъ порахъ вашей жизни? Вы ищете ее, какъ чего то послѣдняго, а она въ васъ, и съ вами была первою. Она—въ проповѣди и жизни евангельской, возвѣщаемой Православною церковью. Блудному сыну, *начавшему нуждаться* на чужой сторонѣ, естественнѣе всего прійти въ себя и обратиться къ отцу тѣмъ самымъ путемъ, которымъ онъ удалился отъ отца, т. е. путемъ покаяннаго вступленія въ православную Христову церковь“ <sup>1)</sup>).

Редакція „Современнаго Листка“ возражаетъ:

„Мы несогласны съ тремя вещами, высказанными въ этомъ письмѣ; мы не понимаемъ недоразумѣнія автора относительно того, что могло тревожить какой-либо нѣжный, психическій организмъ въ нашей жизни, особенно въ сороковыхъ годахъ. Напомнимъ только автору нерѣдко весьма краснорѣчивыя филиппики „Дня“ противъ той фальши, которая проникла почти во всѣ стороны нашей жизни; пусть онъ переберетъ въ умѣ всѣ эти стороны жизни, гдѣ фальшь даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ?—Какъ должна дѣйствовать эта фальшь на впечатлительную натуру? Уже то одно, что Печеринъ былъ атеистомъ вмѣстѣ съ своими товарищами, должно было на самого него дѣйствовать болѣзненнымъ образомъ, потому что не могъ же онъ не видѣть, что его атеизмъ весьма не гармонировалъ съ его назначеніемъ, и лично не могъ онъ удовлетворить его душу, если только въ ней были какія-нибудь стремленія къ истинѣ и добру.

Потомъ мы находимъ, что предположеніе автора объ участи Печерина въ изданіи „Колокола“ не только ни на чемъ не основано, но и явнымъ образомъ противорѣчитъ всему тому,

---

<sup>1)</sup> № 87, стр. 1 и стр. 2, столбецъ 1.



что известно о Печеринѣ и о направленіи „Колокола“. Въ то время, какъ „Колоколъ“ дѣлалъ свою безумную пропаганду атеизма, въ это время Печеринѣ, какъ ревностнѣйшій католикъ, жегъ протестантскія библіи, за что и былъ призванъ въ англійскій судъ; и до сихъ поръ въ каждой строкѣ Печерина вы видите человѣка, который переполненъ религіознымъ чувствомъ, хотя и искаженнымъ въ лонѣ иезуитизма. Нѣтъ, между Печеринымъ и Герценомъ нѣтъ никакихъ чертъ внутренней симпатіи и стремленій къ одной и той же цѣли. Напротивъ, трудно найти гдѣ-нибудь большія противорѣчія, какъ между Герценомъ и Печеринымъ, и притомъ заподлинно извѣстно, что Печеринѣ никогда и ничего не писалъ о Россіи. Затѣмъ остается совершенно недоказаннымъ и даже тѣмъ же самымъ вполне опровергается предположеніе о побужденіи, которое заставило Печерина писать въ редакцію „Дня“.

Мы согласны только въ одномъ съ авторомъ письма, что Печеринѣ не иначе можетъ явиться въ Россію, какъ истиннымъ русскимъ—во всемъ, и между прочимъ, въ вѣрѣ. Да, Печеринѣ—католикъ будетъ чужимъ въ русской землѣ; а Печеринѣ—православный будетъ принятъ всѣми истинно русскими людьми съ распростертыми объятіями. И дай Богъ, чтобы это совершилось! это составляетъ одно изъ самыхъ горячихъ *желаній нашихъ* <sup>1)</sup>.

И послѣ 1865 г. Печеринѣ поддерживалъ сношенія съ своими русскими друзьями, какъ съ Ѳ. В. Чижовымъ и А. И. Никитенкомъ. Первый изъ нихъ помѣстилъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1870 г. <sup>2)</sup> отрывокъ изъ мемуаровъ Печерина и (онъ же, вѣроятно?) ниже приводимое письмо о классическомъ образованіи.

---

<sup>1)</sup> № 87, стр. 2, столбцы 2 и 3.

<sup>2)</sup> Роспись содержанію «Русскаго Архива» за первые тридцать лѣтъ (1863—1892), стр. 233, Чижовъ, и 117, № 2333 «Сообщено В. Ѳ. Чижовымъ».

Бывшій профессоръ классической филологіи В. С. Печеринъ сталъ въ послѣдствіи противникомъ классическаго образованія, особенно для русскихъ, какъ мы видѣли выше (стр. 103). Тѣ же мысли онъ развиваетъ и въ письмѣ изъ Дублина. Письмо замѣчательно по большому юмору.

Дублинъ, 22 Іюня нов. ст. 1871 г.

Ты очень мѣтко назвалъ себя *аскетомъ труда*: въ этихъ словахъ заключается вся суть современнаго міра, да этимъ же разрѣшается вопросъ между классиками и реалистами. Отъ классицизма все какъ-то пахнетъ монастыремъ, душною келью, книжнымъ ученьемъ, словопрениемъ, а отъ реализма вѣетъ свѣжій, утренній вѣтерокъ пробуждающейся новой жизни. Классицизмъ есть своего рода старовѣрчество. „Надобно изучать древніе языки!“ — „Очень хорошо, да зачѣмъ же непременно греческій и латинскій?“ — „Да потому, что такъ водилось испоконъ вѣку.“ — „Да, оно такъ было, пока не открыли санскритскаго языка, а теперь всякій знаетъ,.... что этотъ языкъ стоитъ гораздо выше и греческаго, и латинскаго: тутъ и формы языка обильнѣе и разнообразнѣе, и философія глубже, и поэзія шире и великолѣпнѣе, а религіозныя понятія почти тождественны съ христіанствомъ. Тутъ есть какое то недоразумѣніе. Древніе языки никакъ не могутъ быть цѣлью: они просто матеріалы, пособія для изученія лингвистики, исторія религіи и другихъ отраслей знанія. Правда, греческій и латинскій играли важную роль въ то время, когда все воспитаніе заключалось

въ такъ называемой *изящной словесности*; но это, слава Богу, давно уже прошло, и теперь развѣ только въ какой-нибудь семинаріи найдутся еще бурсаки, сочиняющіе хриіи и оды по всѣмъ правиламъ риторики и пѣтivities, по Аристотелю и Квинтилиану.

Ужъ дались вамъ эти древніе! Погодите немножко, и наша пора придетъ: мы тоже будемъ *древними*. На насъ тоже будутъ писать комментаріи. Надъ Пушкинымъ будутъ мучить бѣдныхъ мальчишекъ ни болѣе, ни менѣе, какъ ихъ теперь мучатъ надъ Горациемъ и Пиндаромъ. Какой-нибудь знаменитый филологъ передастъ имя свое потомству, поставивши *ъ* вмѣсто *е* въ древней рукописи нашего барда!

Vir doctissimus et illustrissimus N. N., verum reipublicae litterarum decus, eo quo pollet ingenii acumine, pro e, quod librariorum incuria irrepserat, nunc demum, Minerva afflante, *ѣ* feliciter restituit.

Vide Annot. ad *Puchkinii Opera omnia*. Editio nova et acuta, e Codice Mosquiensi vetustissimo adornata, notis variarum et indice copiosissimo instructa. Lipsiae. Apud *Teufelsdrickium* A. D. 2871.

Ну, а что касается до опасенія отъ нигилизма, то я предвижу вопросъ: гдѣ, въ какой странѣ изучали больше древнихъ классиковъ, какъ не въ Германіи, однако жъ она произвела Штрауса, Фейербаха. Все это сущій вздоръ! Вы напрасно хлопочете, господа: ходъ ума челоѣческаго затормозить нельзя. Еще прежде васъ Римская церковь попыталась было приостановить круговращеніе земли, объявивши его опаснымъ для вѣры и добрыхъ нравовъ (Decret. Sacr. Congreg. 1618); но на зло имъ земля все таки вращается на своей оси... *Er-pur si muove!*

Извѣстный аббатъ *Гомъ* (*Gaume*) написалъ цѣлую книгу *le ver rongeur*, чтобы доказать, что всѣ ужасы французской

революціи произошли отъ классическаго воспитанія; всѣ передовые революціонеры назывались Гравхами, Брутами, Луціями, и пр. Вотъ это другая сторона медали.

Бстата о нигилизмѣ. Въ священныхъ санскритскихъ книгахъ часто встрѣчается слово *Настика*, что буквально значитъ *нигилистъ*. И дѣйствительно, оно имѣетъ это значеніе въ устахъ благочестивыхъ брахмановъ. Итакъ наши нигилисты могутъ похвастаться древностію своего происхожденія. Давно ли зачѣмъ такъ далеко идти? Довольно раскрыть Библию: книга *Екклезіастъ*, очевидно, произведеніе отчаяннаго нигилиста...

Ничто не ново подъ луною:  
Что есть, то было, будетъ въ вѣкъ;  
И прежде кровь лилась рѣкою,  
И прежде плакалъ человѣкъ;  
И прежде былъ онъ жертвой рока,  
Надежды, слабостей, порока!

Мнѣ очень пріятно слышать, что большинство членовъ Государственнаго Совѣта на сторонѣ реализма. Бьюсь объ закладъ, что самые ревностные поборники древнихъ классиковъ имѣютъ самое поверхностное объ нихъ понятіе и, можетъ быть, знаютъ ихъ только по слуху.

Твой В. Печеринъ <sup>1)</sup>).

Любопытно, что Печеринъ ссылается здѣсь на аббата Гома. Это имя, приводимое въ качествѣ авторитета, достаточно показываетъ, какимъ вліяніемъ подпалъ Печеринъ.

Мы посвятимъ здѣсь нѣсколько строкъ этому Гому,

---

<sup>1)</sup> «Русскій Архивъ» за 1871 г., Смѣсь, № III, стр. 1740—1743.

представителю крайней реакціи даже между католическими монахами.

*Jean Joseph Gaume* родился въ *Fuans* (Doubs) въ 1802 г., умеръ въ 1879 г. Вступивъ въ *les ordres de bonne heure*, Гомъ былъ проф. богословія при маленькой семинаріи въ *Nevers*, затѣмъ при ней же директоромъ, каноникомъ и генеральнымъ викаріемъ при этой діоцезѣ. Въ Неверѣ же онъ началъ свою литературную дѣятельность въ ультракатолическомъ духѣ А. М. Д. Г. Нѣкоторое время онъ пробылъ въ 1841 г. въ Римѣ, гдѣ удостоился самаго лестнаго приѣма со стороны папы *Григорія XVI*, который произвелъ его въ кавалеры реформированнаго ордена св. *Сильвестра*. Возвратившись во Францію, Гомъ сдѣлался генеральнымъ викаріемъ Реймской діоцезы, потомъ Монтобанской и d'Aquila, а въ 1854 г. *Пій IX* пожаловалъ его въ римскіе прелаты съ титуломъ апостольскаго прототарія *ad instar participantium*. Отъ Пражскаго университета Гомъ имѣлъ степень D-g theolog.

Аббатъ Гомъ заставилъ заговорить о себѣ своею книгою *Le ver rongeur, ou Du paganisme dans l'éducation*, 1851, направленной противъ древнеклассической литературы; она имѣетъ цѣлю доказать, что классики, которыхъ мы изучаемъ въ школахъ, дѣлаютъ насъ язычниками; благодаря древней литературѣ, вся новая цивилизація—не христіанская, по мнѣнію Гома, а языческая: таковы и литература, и искусство. Чтобы найти *христіанскую* культуру въ ея чистотѣ, надобно искать ее въ періодѣ между Паденіемъ римской имперіи и Возрожденіемъ. До вторженія варваровъ христіанскіе авторы, живя среди язычниковъ, и говоря языкомъ своей эпохи, носятъ печать язычества. Всѣ отцы IV вѣка, блаж. Августинъ, св. Іоаннъ Златоустъ—язычники по формѣ. Съ XVI в. сказывается пагубный культъ древности, и съ этихъ поръ европейская философія, литература, искусство—языческія. Истинное христіанское искусство находится только въ средніе вѣка:

готическіе соборы, живопись *Giotto, Cimabue, Orcagna*, церковныя гимны, сочиненія *Бернарда* и *Бонавентуры*, стихи *Данте*— вотъ образчики. Св. Петръ въ Римѣ и мадонны Рафаэля— отпрыски язычества. Даже въ Боссюэтѣ видны слѣды изученія Тацита и Тита Ливія. Прежде чѣмъ давать классиковъ въ руки нашей молодежи, надо бы было ихъ заботливо очистить.

Вмѣсто Демосѳена, Вергилія и Цицерона надо знакомить юношу съ Альбертомъ Великимъ и Томой Аквинскимъ: „Склоните голову при этихъ именахъ!“ (восклицаетъ Гомъ) „я называю безсмертныхъ царей науки, литературы и искусствъ.“

Такія же идеи Гомъ проповѣдывалъ ранѣе въ книгѣ *Catholicisme dans l'éducation*; но „тогда общество, опьяненное сенсуализмомъ, слушало только сиренъ, которыхъ коварное пѣніе выело его на погибель“.

Единственнымъ средствомъ истребить *veggongeur* новыхъ обществъ Гомъ полагаетъ замѣну язычества въ воспитаніи христіанствомъ, паденіе (*déchéance*) авторовъ „профанныхъ“ и вступленіе въ права (*avénement*) Св. Писанія и Отцовъ церкви.

Къ Гому пристало еще нѣсколько прелатовъ. Извѣстный Монталамберъ также одобрилъ Гома: 6 февраля 1852 г. въ Академіи онъ объявилъ, что Возрожденіе вмѣстѣ съ Реформаціею было „бичемъ новаго міра“.

Но взгляды Гома встрѣтили и ожесточенныхъ противниковъ; такъ, напр., на него ополчился *H. Rigault* въ *Revue de l'instruction publique*. Оппозиція коснулась даже самого духовнаго сословія. Епископъ Орлеанскій *Duranloup* возражалъ, что изученіе древнеклассической литературы есть для духовенства его священное право, которое оно „стало бы защищать жизнью и кровью“. Аббатъ *Landriot* (потомъ епископъ Ларошельскій) въ своихъ *Recherches historiques* указалъ, что всѣ великіе мужи, которыми гордится церковь, образовывали себя въ общеніи съ язычниками: что дѣлали въ Аѳинахъ Григорій Назіанзинъ и Василій Великій? Они изучали Го-

мера, Гезіода, Демосеена, Геродота, Фукидида, Платона, Лисія. На необходимости изучать языческую культуру настаивали *Василій, Григорій Нисскій, Августинъ, Иеронимъ* и др.

---

Наконецъ, извѣстія о продолжающихся сношеніяхъ съ Печеринымъ мы встрѣчаемъ опять у Нивитенка, который подъ 28 сентября 1865 г. (вторникъ) отмѣчаетъ: „Получилъ премилое письмо изъ Дублина отъ Печерина“ <sup>1)</sup> и подъ 1 ноября (понедѣльникъ): „Письмо и фотографическая карточка отъ Печерина изъ Дублина. Сколько воспоминаній соединяется съ этимъ милымъ лицомъ, которое, судя по портрету, мало измѣнилось! Та же мягкость въ чертахъ, то же добродушіе, то же умное, оригинальное выраженіе во всемъ складѣ лица. А въ письмѣ его сколько наблюдательности, ума и знанія, приобрѣтеннаго наукою и опытомъ! О Россіи онъ говоритъ съ любовью, хотя не видно, чтобы онъ желалъ возвратиться въ нее. Да и.... но объ этомъ не хочется говорить даже съ самимъ собою“ <sup>2)</sup>.

Декабрь 3 (1867 г.). Воскресенье. „Былъ у меня *Полярковъ*, племянникъ Печерина. Онъ въ перепискѣ съ Печеринымъ и передалъ мнѣ его сердечный поклонъ. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ со словъ самого Печерина о причинахъ, возбудившихъ въ немъ ту психологическую тревогу, которая увлекла его изъ Россіи и сдѣлала католикомъ. Въ дѣтствѣ у него былъ гувернеръ швейцарецъ, ярый радикалъ, который пропиталъ его самыми жгучими идеями либерализма. А рядомъ

---

<sup>1)</sup> Т. III, стр. 48.

<sup>2)</sup> Т. III, стр. 56.

съ этимъ стояло деспотическое обращеніе отца, стараго полковника, который непремѣнно хотѣлъ сдѣлать изъ сына солдата. Поярковъ говорилъ мнѣ, что у него въ рукахъ мемуары Печерина, доведенные до момента отъѣзда его изъ Россіи. Онъ обѣщалъ доставить ихъ мнѣ при первомъ приѣздѣ изъ Кіева, куда его теперь посылаютъ председателемъ тамошней гражданской палаты<sup>1)</sup>.

---

---

<sup>1)</sup> Т. III, стр. 472.



Быть можетъ, всего глубже заглянуть въ сердце и душу Печерина позволяютъ его стихотворенія, гдѣ онъ съ поражающею силою высказываетъ свои чувствованія и сужденія о жизни и постигшей его участи. Приведемъ сначала его стихи изъ „Дня“.

Non! sa chaleur n'est pas toute glacée!  
De souvenir je le sens tressaillir....

*Demoutier.*

Не погибъ я средь крушенья,  
Не пришелъ еще мой часъ!  
И средь бурнаго волненья  
Мой свѣтильникъ не погасъ!

И подчасъ, какъ молнии, блещутъ  
Мысли юности моей,  
И въ груди моей трепещутъ  
Вдохновенья прежнихъ дней.

Чудится—плывутъ въ эфирѣ  
Звуки пѣсней удалыхъ,  
И волшебница на лирѣ  
Мнѣ поетъ о снахъ златыхъ.



Рано, рано съ утренней зарею  
Вышелъ я изъ хижины родной,  
И зеленый лѣсъ передо мною  
Раздвѣталъ весеннею красой.

На вѣтвяхъ алмазами сверкали  
Капли крупныя росы ночной,  
Дикіе цвѣты благоухали  
Въ пышномъ лонѣ зелени густой...

На соснѣ, соснѣ высокой  
Птичка дивная сидитъ,  
И ея живое око  
Прямо въ небеса глядитъ.

Встрепенулась и запѣла,  
И—весь лѣсъ безмолвенъ сталъ;  
Птичка пѣла, пѣла, пѣла,  
А я слушалъ и молчалъ.

Заливалась, разливалась,  
Будто соловей, она,  
И мнѣ пѣснь ея казалась  
Тайной грустію полна.

Райская была то птица  
И о раѣ пѣснь вела,  
И *туда* меня пѣвица  
И манила, и звала:

„Вѣчнымъ солнцемъ тамъ сіяетъ  
Правды незакатный свѣтъ!  
Тамъ любовь не умираетъ,  
И разлуки вовсе нѣтъ!

„О духъ, жаждою томимый,  
Тамъ тебя блаженство ждетъ!  
Тамъ струей неутомимой  
Истины потокъ течетъ.

„Тамъ полъ небомъ вѣчно чистымъ  
Будешь птичкою парить,  
Какъ пчела, изъ розъ душистыхъ  
Сладкій медъ ты будешь пить.

„Что тебѣ страна родная  
Межъ тумановъ и снѣговъ?  
Тамъ—свобода золотая,  
Жизнь эфирная духовъ!“

Птичка пѣла, пѣла, пѣла,  
А я слушалъ и—мечталъ;  
Быстро жизнь моя летѣла,  
Дни прошли—и я не зналъ.

---

И красуется, какъ прежде, въ пышной  
Зелени густой, могучій лѣсъ;  
Но пѣвицы дивной ужъ не слышно,  
И навѣки слѣдъ ея исчезъ.

Время хладною рукой сорвало  
Юности вѣнокъ съ главы моей,  
Все померкло—сердце перестало  
Вѣрить сладкимъ пѣснямъ вешнихъ дней...

---

Безпріютнымъ сиротою  
Я у хижины родной  
Постучался въ дверь влючкою—  
Мнѣ отвѣтилъ гласъ чужой:

„Кто ты, странникъ? изъ какого края?  
Гдѣ твой Богъ? и гдѣ твоя семья?....  
Или, можетъ быть, судьбина злая  
На изгнанье обрекла тебя?

„Есть народная святыня,  
Есть завѣтный кровъ родной,  
И семейство, какъ твердыня,  
Насъ хранить въ годинѣ злой.

„Неужель на бѣломъ свѣтѣ  
Некому тебя обнять,  
Пріютить, пригрѣть на сердцѣ  
И тебѣ „люблю“ связать“?

*Странникъ.*

Ахъ! повѣрь: и мнѣ не чужды были  
Ласки матери родной!  
И друзья мнѣ счастье сулили,  
И звѣзда свѣтила предо мной!

Но—я слышалъ гласъ Красы незримой:  
Этотъ гласъ меня очаровалъ.  
Я отца, и мать, и край родимой—  
Все на жертву ей отдалъ!

Гдѣ ты? гдѣ? Краса небесная!  
Гдѣ? въ какой странѣ тебя найду?

За горами-ль за высокими?  
За морями-ль за широкими?  
Всюду за тобой пойду!

Преодо мной вездѣ Она мелькала  
И манила за собой:  
Я за ней—Она вдругъ исчезала,  
Будто призракъ въ тѣмѣ ночной.

И теперь бездомнымъ сиротою  
Подъ-миру одинъ брожу,  
Сладкаго вездѣ ищу покою—  
И нигдѣ не нахожу...

Miltown park. авг. 1865 <sup>1)</sup>.

О „звѣздѣ“ и „голосѣ“, издавна звавшемъ Печерина, см. выше въ письмѣ къ гр. С. Г. Строгонову, стр. 140 и стр. 142 въ письмѣ къ Ѡ. В. Чижову.

Еще пластичнѣе и яснѣе выражены думы и чувства Печерина въ извѣстномъ стихотвореніи:

Прочь, о демонъ лучезарный,  
Демонъ счастья и любви!  
Искуситель—миръ коварный,  
Вспять страдальца не зови!

Хитрая сирена-младость,  
Давнихъ пѣсенъ мнѣ не пой!  
Кровныхъ узъ святая сладость,  
Мнѣ не внятенъ голосъ твой!

За небесныя мечтанія  
Я земную жизнь отдаю,

---

<sup>1)</sup> «День», стр. 678 и 679. 1 столбецъ.

И тяжелый крестъ изгнанія  
Добровольно я подъялъ.

Подъ вѣнкомъ моимъ терновымъ,  
Въ потѣ блѣднаго лица  
Подвигъ трудный и суровый  
Совершу я до конца.

И, какъ жертву примиренія,  
Я принести себя готовъ  
На алтарь твой всесожженія,  
О Превѣчная Любовь!

Жизни бурной тревоженія  
Претерпѣвъ, о мой челнокъ!  
Въ пристани уединенія  
Пріютися одинокъ!

Слышь! отъ всѣхъ концовъ вселенной  
Голосъ тайный вопіеть:  
„Все земное—прахъ! все тлѣнно!  
„Все, какъ дымъ, какъ тѣнь, пройдетъ!“

Этотъ вопль, повсюду слышный,  
Къ намъ изъ рода въ родъ гремитъ:  
Соломонъ въ чертогахъ пышныхъ  
„Суета суетъ“! гласить.

Карлъ, властитель величавый,  
Блескомъ царскаго вѣнца  
Утомленъ, отъ шума славы  
Скрылся въ кельѣ чернеца.

Тяжкую сложивъ порфиру,  
Саванъ смерти онъ надѣлъ,—

Взглядъ прощальныйъ бросаю въ міру,  
Заживо себя отпѣлъ <sup>1)</sup>.

---

---

<sup>1)</sup> Сообщено *Н. С. Тихонравовымъ* съ принадлежавшаго ему подлинника—  
въ «Русской Старинѣ», годъ VI, т. XIII, за 1875 г., июль, «Листки изъ запис-  
ной книжки Русской Старины», стр. 454—455.

## Прибавленія.

Къ стр. 105.

Профессоръ Кранихфельдъ въ Берлинѣ, подъ руководство котораго министръ князь Ливенъ послалъ русскихъ профессорскихъ стипендіатовъ, былъ довольно любопытная личность. Мы приведемъ здѣсь собранныя нами извѣстія.

Friedrich Wilhelm Georg *Kranichfeld* родился 30 авг. 1789 г. въ Hohenfelden (Тюрингенъ). Въ 1816 г. былъ практическимъ врачомъ въ Вѣнѣ, а въ 1818 г. поѣхалъ въ Константинополь врачомъ при австрійскомъ посольствѣ (до 1821 г.). Имѣлъ ученныя степени dr. med. et chir. и artis ophthalm. mag. Съ 1826 г. состоялъ при Берлинскомъ унив. экстраординарнымъ проф. (der Heilkunst), а кромѣ того, главнымъ городовымъ врачомъ для бѣдныхъ, „апробированнымъ врачомъ русскаго (съ 1822 г.) и австрійскаго государствъ“, врачомъ герцогини Кумберландской, архіатеромъ принца Кумберландскаго и королевскимъ придворнымъ медикомъ въ Берлинѣ. Отъ русскаго правительства получилъ чинъ надв. сов. и въ 1839 г. брилліантовое кольцо отъ Государя, а также былъ кавалеромъ великобр. ордена гвельфовъ. Въ 1828 г. онъ основалъ частную глазную поликлинику въ университет. зданіи, а въ 1834 г. основалъ свою больницу Hugiocomium. Въ 1837—1839 г. основалось въ Берлинѣ общество трезвости, предсѣдателемъ котораго выбрали Кранихфельда; съ этимъ



дѣломъ онъ связалъ всю свою остальную жизнь: имя его получило извѣстность именно на этомъ поприщѣ борьбы противъ алкогольной отравы. Онъ имѣлъ еще частное заведеніе для умалишенныхъ. Свѣденія о К-дѣ имѣются у Adolph Carl Peter Callisen, Medicinisches *Schriftsteller-Lexicon* der jetzt lebenden Aerzte, Wundärzte, Geburtshelfer, Apotheker und Naturforscher aller gebildeten Völker, Zehnter Band, Jou-Lal, Copenhagen, 1832, стр. 368—369, № 972 (ор. № 2162—2169b) и то же сочиненіе, Nachtrag (mit einigen Beiträgen von den Herren Doctoren: dem Hofrathe Choulant, und dem Archiater und Etatsrathe A. v. Schönberg), 29. Bd, His-Lem. Copenhagen, 1841, стр. 333—334 (ор. № 1873—1876). Тамъ же перечислены всѣ рецензіи на труды Крапихфельда. Ср. еще Gelehrtes Berlin, 1845, стр. 194 и Hirsch, Biographisches Lexicon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker, III B. Haab—Lindsley, Wien u. Lpz, 1886, стр. 542—543, ст. G. (Gurtl?—я).

1. Diss. pro facultate: *De dignitate medicaminibus nonnullis restituenda*. Berolini, typis ac. reg. sc. 1827. 6. 4<sup>o</sup>, стр. 62.

2. Beobachtungen über die med. *Wirkung der Phyllis amara praeparata*, besonders in hartnäckigen herpetischen Ausschlägen (извлечение изъ дисс.); gelesen in der med.=chir. Gesellschaft zu Berlin d. 22. April. 1831. Помѣщено (съ примѣчаніями Гуфеланда) въ *Hufelands Journ. d. Heilkd.*, Bd. 73, 1831, St. 5, Novbr, art. 4, p. 54—74.

3. *Verhalten der reinen Talkerde zum ätzenden salzsauren Quecksilber*, und daraus folgender Beweis, dass *Verunreinigung jener mit Kalk* durch dieses nicht entdeckt, dagegen aber die *Sauerkleesäure* in diesem Falle als *sicheres Entdeckungsmittel* angewendet werden kann—въ *Trommdorffs Journal. der Pharm.* Bd. 25, 1816, St. 1, p. 77—84.

4. Ueber den *Zustand der Heilkunde und der Apotheken in Constantinopel* тамъ же, N. Journ. Bd. 3. 1819. St. 1, p. 419—423.

5. Die schlechte *Medicinalverfassung im Orient*; Anekdoten, тамъ же, Bd. 4. 1820. St. 2, p. 439—446.

6. Der *Sommer 1819 im Orient*; *Wassermangel*; *das Jahr 1820*; Unruhen; über die *Jahreszeiten* daselbst im Allgemeinen, und über die *Fest*, тамъ же, Bd. 7. 1823, St. 1, p. 442—452.

7. Ueber die *Blausäure*, тамъ же, Bd 16. 1828. St. 2, p. 65—94.

8. Ueber das *Ghelingschik*, eine dem Vorgeben nach bloss Constantinopel und Umgebungen eigenthümliche *Krankheit* въ Petersburg. verm. Abhandl. der Heilk. Samml. 2. 1823. art. 2. p. 14—35 (авторъ ошибочно названъ *Krannichfeldt*).

9. Nachricht über die durch den Dr. *Civiale* in Paris ausgeführte *Methode*, den *Blasenstein in der Blase* selbst zu *zermahlen*, und auf natürlichem Wege aus derselben zu entfernen, въ *Rust*, Magazin für Heilk. Bd. 18. 1824 p. 253—273.

10. *Датскій* рефератъ о томъ же въ *Bibl. for Laeger*. Bd. 5. 1825. p. 42—61.

11. Ueber die *Notwendigkeit gründlicher pharmacol. Kenntnisse* zum Ueben einer glücklichen *Praxis* in der *Medicin* u. zur Förderung derselben als *Wissenschaft*. Ein am 13. Sept. in der Hufeland'schen Gesellsch. gehalt. Vortrag. Brln (Nicolay). 1833. gr. 8. 2 Bl. u. 43 S.

12. Ueber den *Unterschied des Geistigen im Weine und im Branntweine*. Darstellung: eines auf einem wissenschaftl. Irrthume beruhenden, zunächst die Mässigskeits-Angelegenheit betreff. Hindernisses menschl. Glückseligkeit, und Vorschläge zur Beseitigung desselben. Brl. (Thomé), 1838. 8. p. 65.

13. *Das Hygiocomium* od. Beschreib. eines med. Institutes für die Pflege des heilenden Gesunden im Kranken; nebst einer einleit. u. durch Tab. erläut. Uebersicht der gesammten Medicin, ihrem Inhalte, ihrer Bestimmung u. ihrem Werthe, so wie ihrer gegenwärt. Entwicklungsstufe nach. Theil I. Brl. gedr. und verl. v. G. Reimer. 1839. gr. 8. 20 u. 310. S. m. d. Berichtigg. nebst Titeltkupf., einem Grundrisse von dem Hygiocomium in Berlin, del. A. Fils, sc. C. F. Wolff und 1 lith. Tabelle entworfen v. Verf., lithogr. v. M. Weigel.

14. Отчеты о дѣятельности общества трезвости за 1839, 42, 44 гг. и т. д.

15. Nachrichten über das Berliner Hygiocomium и т. д. 1842 г.

16. Anthropologische Uebersicht der gesammten Ophthalmiatrie, 1841.

17. *Conspectus publicus morborum ophthalmicorum qui ...instituto policlinico ophthalm. privato suo.... ab a. 1830 usque ad a. 1842 tractati et sanati etc*, 1842.

18. Der ärzliche Volksfreund oder der Arzt in Dir. Eine Zeitschrift für die Gesundheitspflege (Jahrg. 1—4. 1842—1845 г.)

Кромѣ того, Крауцфельдъ былъ сотрудникомъ и помѣщаль статьи въ *Brandes*, Archiv des Apothekerver., *Hufeland*, Journ. d. Heilkunde и *Geiger*, Magaz. f. Pharmacie.

Любопытныя свѣденія о Кранихфельдѣ мы находимъ въ запискахъ Ник. Ив. Пирогова, который тоже состоялъ въ Берлинѣ подѣ его надзоромъ:

„Въ Берлинѣ мы были поручены нашимъ министромъ, княземъ *Ливеномъ*, нѣкоему ученому пѣтисту, проф. *Кранихфельду*. Это былъ окулистъ, завѣдывавшій частною главною клинкою, и вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ, если не ошибаюсь гигиены или чего то въ этомъ родѣ. Первомъ дѣломъ Кранихфельда было приглашеніе насъ къ нему на чай. Мы нашли у него за чайнымъ обществомъ, кромѣ жены, 3 или 4 дамъ и еще 2 или 3 пожилыхъ господъ. Тутъ изъ разговоровъ мы узнали, что Кранихфельдъ придерживается гомеопатіи.

— „Представьте себѣ“, говорилъ онъ намъ, „какъ случайные факты и наблюденія подтверждаютъ иногда ученія, въ глазахъ скептиковъ и вольнодумцевъ кажушіяся невѣроятными. Мы недавно вечеромъ сидѣли въ саду подѣ кустомъ цвѣтущей бузины—и на другой же день всѣ получили насморкъ и небольшой катарръ: *Similia similibus*. По моему опыту, нѣтъ болѣе надежнаго средства противъ простудныхъ катарровъ, какъ бузинный цвѣтъ“.

Поговоривъ и напившись чаю, и притомъ чисто нѣмецкаго (русскій чай былъ тогда еще рѣдкостью въ Берлинѣ и продавался дорого вмѣстѣ съ яврою, сладкимъ горошкомъ въ одной только русской лавкѣ), мы принялись по предложенію Кранихфельда за пѣніе псалмовъ; намъ роздали какія то брошюрки; одна изъ дамъ сѣла за фортепiano, и всѣ начали подпѣвать, кто какъ умѣлъ.

Это занятіе съ нѣкоторыми паузами продолжалось безъ малаго часа 2 и стало намъ прискучивать; но дѣлать было нечего, и пришлось оставаться до конца. Наконецъ, мы распростились съ твердымъ намѣреніемъ не приходить болѣе на чай къ Кранихфельду.

Все, что онъ для насъ сдѣлалъ во время своего инспек-

торства, состояло въ томъ, что онъ познакомилъ насъ съ нѣкоторыми изъ профессоровъ (напр., съ Гуфеландомъ)... Кранихфельдъ водилъ насъ, медиковъ, также къ *Русту*; но этотъ не принялъ насъ: мы узнали потомъ, что Кранихфельдъ былъ ему не понутру.....

Вскорѣ Кранихфельдъ не преминулъ отличиться слѣдующими подвигами.

Во первыхъ, онъ распорядился втайнѣ у хозяевъ нашихъ квартиръ, чтобы они не давали на руки ключей отъ входныхъ дверей, какъ это обыкновенно дѣлалось, когда квартирантъ отлучался вечеромъ и не надѣялся возвратиться рано домой. Всѣ ли наши хозяева получили отъ Кранихфельда эту инструкцію, не знаю; но одинъ изъ насъ, *Крюковъ* (потомъ проф. филологіи въ Москвѣ) случайно сдѣлалъ открытіе. Хозяйка его на требованіе Крюкова выдать ему ключъ отъ уличной двери на ночь сказала, что собственно она не должна бы этого дѣлать.

— „Это почему?“ спросилъ Крюковъ.

— „Да проф. Кранихфельдъ запретилъ“, отвѣчала она, улыбаясь.

Крюковъ не вытерпѣлъ, побѣжалъ къ Кранихфельду за объясненіемъ.

— „Я узналъ“, говоритъ ему Кранихфельдъ, „что вы часто отлучаетесь изъ дома ночью“, да потомъ—слово за слово, встрѣчая противорѣчія,—вдругъ и бухни:

— „Вотъ такіе то русскіе, г. Крюковъ, какъ Вы, и дошли до самого страшнаго изъ преступленій, до царевубійства!“

— „Царевубійства“! восклицаетъ Крюковъ,—„да мы, русскіе, никогда и не слыхивали у насъ о такомъ преступленіи“!

— „А смерть“.....? возражаетъ Кранихфельдъ.

— „Какъ! что Вы говорите, г. проф.“! горячится Крю-

ковъ, „да развѣ это могло быть! мы объ этомъ ничего не знаемъ и никогда не слыхали“!

Кранихфельдъ оцѣпенѣлъ, увидѣвъ, что попалъ въ про-  
сакъ.

Съ тѣхъ поръ онъ оставилъ и Крюкова, и всѣхъ насъ  
въ покоѣ.

Я опасался также встрѣтить въ Кранихфельдѣ второго  
Василія Матвѣевича *Первозчикова* (назировавшаго за профес-  
сорантами въ Дерптѣ), но напротивъ, Кранихфельдъ не могъ  
нахвалиться моимъ прилежаніемъ въ посѣщеніи госпиталей,  
анатомическаго театра и лекцій.

Лекціи Кранихфельда даже для того времени, когда  
еще сильно господствовали въ умахъ разныя философскія  
бредни, считались допотопными. Рассказывали, напр., о такого  
рода пассажѣ.

— „Природа“, утверждалъ Кранихфельдъ на одной лек-  
ціи, „представляетъ намъ всюду выраженіе трехъ основныхъ  
христіанскихъ добродѣтелей: вѣры, надежды и любви. Такъ,  
цѣлый классъ млекопитающихъ служитъ представителемъ пер-  
вой изъ нихъ—вѣры; земноводныя какбы олицетворяютъ на-  
дежду, а птицы любовь“.

Этотъ мистическій сумбуръ въ головѣ Кранихфельда не  
препятствовалъ ему однако же быть довольно порядочнымъ  
окулистомъ того времени. Онъ дѣлалъ отчетливо и довольно  
хорошо извлеченіе катаракта (хрусталика) и круга глазного  
зрачка и т. п.

Владычество Кранихфельда надъ нами продолжалось не-  
долго. Съ отставкою князя *Ливена* и съ вступленіемъ въ ми-  
нистерство гр. *С. С. Уварова* уволенъ былъ отъ насъ и Кра-  
нихфельдъ. Мѣсто его заступилъ генераль *Мансуровъ*; при  
немъ мы получили прибавку жалованья и освободились совер-  
шенно отъ нравственной опеки <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> *Н. И. Пироговъ*, Посмертныя записки. Въ Берлинѣ, LIX, стр. 518—  
21 въ «Русской Старинѣ» (г. 16-й) за 1885 г., т. 45-й, мартъ, ст. I. или отд.  
изд. стр. 407—409.

Въ 1868 г. Кранихфельдъ отказался отъ профессуры и, повидимому, покинулъ Берлинъ. О концѣ его жизни Гуртль ничего не можетъ сообщить (стр. 542). Изъ его стремленій и попытокъ на поприщѣ офтальміатріи и психіатріи, по мнѣнію Г., ничего не вышло, какъ и изъ почтенныхъ его стараній въ борьбѣ съ алкоголизмомъ: виною безуспѣшности является, кажется, его экцентрическій образъ дѣйствій и піетизмъ, возбуждавшіе подчасъ смѣхъ (стр. 543).

---

Къ стр. 132—134.

Василій Михайловичъ *Котельницкій* родился въ Москвѣ въ 1770 г. и былъ сынъ чиновника (губ. секр.); первоначальное образованіе получилъ въ университетской гимназій (гдѣ пробылъ 8 лѣтъ), а затѣмъ поступилъ въ 1789 г. въ студенты университета по медицинскимъ наукамъ. За успѣхи получилъ 2 серебряныя медали, а въ 1804 г. удостоенъ степени доктора медицины. Въ томъ же году избранъ совѣтомъ университета въ адъюнкты и преподавалъ сначала мед. химію по руководствамъ *Жанена* (съ нѣмецкаго перевод. проф. *Венсовичемъ*) и *Пленка*, потомъ фармакологию, фармацію, рецептуру и врачебную исторію по *Геккеру*, въ 1810 г. произведенъ въ экстраорд. проф., и въ томъ же году—ординарнымъ проф. врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности. Въ томъ же году былъ еще цензоромъ, потомъ съ 1814—1819 г. ученымъ секретаремъ по избранію конференціи Московской медико-хирургической академіи, съ 1819—1822 г. былъ членомъ училищнаго комитета; деканомъ медицинскаго факультета былъ избираемъ 5 разъ (1814, 1815, 1826, 1827 и 1830), въ 1826 г. былъ инспекторомъ надъ своекоштными студентами, а съ 1827—1828 г. инспекторомъ казенныхъ студентовъ. Съ 1822 г. былъ статскимъ совѣтникомъ. Въ 1835 г. былъ уволенъ съ полной пенсіею въ отставку и скончался въ Москвѣ 11 января 1844 г. (погребенъ на Дорогомиловскомъ кладбищѣ).

Единственнымъ научнымъ трудомъ Котельницкаго была его докторская диссертациа: 1) *De corporum combustione vitae*



animalium analoga, Diss. Inaug. Mosquae, 1804. Кроме того, онъ произнесъ 2) на торжественномъ собраніи университета 5 іюля 1819 г. „Слово о началѣ, успѣхахъ и постепенномъ усовершенствованіи химіи“; 3) перевелъ съ франц. Разсужденіе *Делароша*, „О врачебныхъ и хирургическихъ свойствахъ опія“, М. 1803 и 4) издалъ II часть Журнала Медико-физическаго Общества <sup>1)</sup>.

О Котельницкомъ любопытныя свѣдѣнія имѣются еще у Галахова: *Сто-одинъ*. Отъ окончанія университетскаго курса до начала педагогическихъ занятій (1826—1832). Изъ записокъ человѣка (ст. V), „Русскій Вѣстникъ“, т. 132 за 1877 годъ, ноябрь, III, стр. 76—82.

„Я упомянулъ о В. М. Котельницкомъ, посѣщавшемъ цензурный комитетъ (гдѣ одно время временно служилъ А. Д. Галаховъ). Здѣсь онъ познакомился со мною и почему то почувствовалъ во мнѣ особенное расположеніе <sup>2)</sup>. Въ 1826 г. онъ занималъ должность инспектора своекошныхъ студентовъ, но чрезъ годъ былъ поставленъ въ инспекторы надъ казенными, находившимися въ вѣдѣніи профессора прикладной математики Ѳедора Ивановича Чумакова,—говорю, „поставленъ“, такъ какъ перемѣна совершилась словеснымъ распоряженіемъ новаго попечителя, генераль-майора Александра Александровича Писарева. Котельницкій жаловался на трудность надзора за приходящими слушателями.

— „Понимаю!“ отвѣчалъ, смѣясь, попечитель: „твое брюшко мѣшаетъ дѣятельности. Ну что-жъ? Помѣняйся только съ Ѳедоромъ Ивановичемъ: ты будешь инспекторомъ надъ студентами, живущими въ стѣнахъ университета, а онъ займетъ твое мѣсто“.....

---

<sup>1)</sup> По статьѣ Ник. Богд. Анке въ Біографическомъ Словарѣ проф. и преп. Императорскаго Московскаго Университета, ч. I, стр. 430—431.

<sup>2)</sup> Стр. 77.

Итакъ переименованный по щучьему велѣнію изъ инспектора своекоштныхъ студентовъ въ инспектора казеннокоштныхъ, Котельницкій сталъ уговаривать меня вступить въ число его помощниковъ. Я сдался на уговоръ. Хотя должность субъ-инспектора не приносила никакого вознагражденія, но вѣдь и обязанности, съ нею соединенныя и очень точно изложенныя въ инструкціи, на самомъ дѣлѣ никогда почти не исполнялись, не потому, что служба была *gratis*, и слѣдовательно, не стоила труда, а потому, что и при окладѣ она не могла отправляться иначе <sup>1)</sup>. Что предписывалось помощникамъ инспектора? „Имѣть надзоръ за тишиною и пристойностію въ классахъ; смотрѣть, чтобы студенты приходили на лекціи въ форменной одеждѣ, слушниковъ же высылать изъ аудиторіи и въ спискахъ отмѣчать ихъ выбывшими“ (т. е. не бывшими на лекціяхъ). Правила очень простыя, но надобно представить себѣ характеръ тогдашнихъ отношеній студентовъ и къ инспекторамъ изъ профессоровъ, и къ субъ-инспекторамъ изъ окончившихъ курсъ кандидатовъ,—между которыми иные, какъ я, напр., были въ прошломъ году ихъ товарищами, чтобы понять, какъ на подобныя правила смотрѣли обѣ стороны. Эти отношенія отличались близостью, нестѣснительностію. Студенты не смотрѣли на инспектора, какъ на личнаго врага, съ одинаковымъ вкусомъ и любовью отыскивающего и крупныя, и мелкія провинности. Они не сторонились отъ него и не боялись его, но легко могли питать къ нему доброе расположеніе. Такимъ же инспекторомъ, какъ Котельницкій, они даже забавлялись и, не избѣгая съ нимъ встрѣчи—словно какой то бѣды, напротивъ, любили зрѣть его, какъ занимательный въ своемъ родѣ субъектъ. Самыя взысканія, соотвѣтственно характеру взыскивающихъ, не представляли обидно-раздражающихъ свойствъ.

---

<sup>1)</sup> Стр. 78.

Василій Михайловичъ былъ дѣйствительно *занятою*, всѣми искомою личностью. Не знаю, почему студенты прозвали его *Котельфисомъ*. Цѣлый цвѣль сказаній сложили они объ его профессорской и инспекторской карьерахъ и даже думали воспѣть его въ „Котельфисадѣ“. Читатель дозволить мнѣ подѣлиться съ нимъ нѣкоторыми подвигами героя этой предположенной, но не явившейся въ свѣтъ поэмы.

Начну съ его профессорства. Читалъ онъ фармакологию, руководствуясь сочиненіемъ Пленка, или какъ онъ говорилъ, „по Пленку“. Прочитавъ извѣстное число страницъ, онъ каждую лекцію заключалъ однимъ и тѣмъ же финаломъ: „вотъ какъ думаетъ господинъ Пленкъ; что касается до меня, то и я... того же мнѣнія“. Затѣмъ загибалъ уголокъ въ книгѣ, чтобы видѣть, откуда должна начаться слѣдующая лекція. Приносилъ онъ „господина Пленка“ въ заднемъ карманѣ фрака. Войдя въ аудиторію, онъ обыкновенно обращался къ ближайшему студенту: „ну-ка, батенька, ты—молодой человекъ, помоги достать книжку изъ кармана: у меня, старика, и руки ужъ не гибки, да и спина что то ломитъ“. Студентъ, разумѣется, помогаетъ охотно. Но однажды ради смѣха онъ, вынимая книгу, отогнулъ уголокъ и загнулъ новый—черезъ нѣсколько страницъ впередъ. Ничего не подозрѣвая, Котельницкій начинаетъ лекцію: „Въ прошлый разъ, господа, мы говорили о свойствахъ тростника; перейдемъ теперь къ его употребленію. *Изъ него строятъ дома...* то-есть, домики, дѣтскія игрушки, что продаются въ лавкахъ.... *Корабли...* ну да, тоже кораблики и лодочки для забавы ребятъ; вы, чай, видѣли, какъ въ деревняхъ мальчишки спускали такія лодочки на лужи и любовались ихъ плаваніемъ. *Въ вышину достигаетъ десяти и больше сажень, въ діаметръ бываетъ...* Э-э! господа, это что то не такъ! А вотъ что: по ошибкѣ, раскрылъ я книгу не на той страницѣ. Ну это не бѣда: сказанное о тростникѣ надобно разумѣть о дубѣ“ (слышаво отъ покойнаго *Θ. Л. Морошкина*).

Какъ профессоръ медицинскаго факультета, Котельницкій имѣлъ паціентовъ <sup>1)</sup>, но его врачебная практика была очень неважная. На этомъ поприщѣ первенствовали тогда терапевтъ — *Мудровъ* и хирургъ *Мухинъ*. Одно время Вас. Мих. читалъ лекціи въ нижнемъ этажѣ университетскаго флигеля, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщалась аптека. Окна аудиторіи выходили на улицу (Моховую): въ нихъ были уже выставлены внутреннія рамы. Разъ какъ то въ апрѣлѣ или въ маѣ, при самомъ началѣ лекціи раздалось на улицѣ похоронное пѣніе. Вас. Мих. остановился: „ну-ка, господа, посмотримъ, кто отправился *ad patres*“. Съ этими словами онъ, а за нимъ и всѣ студенты гурьбой встаютъ съ своихъ мѣстъ, растворяютъ окна и по-поясъ высовываются изъ нихъ. Хоронили какого то купца милліонера; за траурною колесницей тянулся длинный рядъ экипажей. Минуть чрезъ 20, когда аудиторія пришла въ порядокъ, проф. наивно замѣтилъ: „вотъ, господа, и видно, что не нашего брата работа, а либо *Мудрова*, либо *Мухина*; нашему брату-дураку такихъ богатыхъ тузовъ не дадутъ лѣчить!“ Онъ не сердился, если его слова производили *hilarité générale*; но иногда случалось ему, какъ говорятъ, входить въ амбіцію, и тогда онъ въ выговорѣ не стѣснялся. При одной изъ его простодушныхъ выходокъ какою то студентъ улыбнулся. „Чему жъ ты смѣешься, рябой чортъ?“ закричалъ онъ: „вотъ я тебя въ карцеръ засажу!“

Передадимъ еще пассажъ, сообщенный мнѣ главнымъ дѣйствовавшимъ въ немъ лицомъ, уважаемымъ *Г. Е. Щуровскимъ*. Съ малолѣтства любознательный и трудолюбивый Григорій Ефимовичъ и въ университетѣ не хотѣлъ оставлять праздными 2—3 свободныхъ часа, которые приходились между его обязательными лекціями. Онъ выбралъ Котельницкаго, безъ сомнѣнія, ради удобства, а не ради интереса лекцій. Однажды, какъ была назначена репетиція пройденнаго, одинъ

---

<sup>1)</sup> Стр. 79.

изъ студентовъ-медиковъ, *Щировскій*, не явился. *Щуровскій*, образецъ добросовѣстности, хотя и добровольный слушатель, пришелъ. Профессоръ, спросивъ того — другого, вызываетъ наконецъ Щировскаго. Глаза всѣхъ студентовъ обратились на Щуровскаго, который, будучи весьма застѣнчивъ, сконфузился и покраснѣлъ *jusqu'au blanc des yeux*, по французскому выраженію.

— „Господинъ Щировскій“! повторилъ Василій Михайловичъ.

Г. Е. Щуровскій рѣшилъ привстать съ мѣста и робко промолвилъ:

— „Я Васъ не слушаю, г. проф.“

— „Какъ смѣешь говорить, что не слушаешь меня? Коли ходишь ко мнѣ на лекціи, стало быть, слушаешь. Отвѣчай!“

— „Вы спрашиваете Щировскаго, а моя фамилія—Щуровскій“.

— „Экая важная разница! Одна только бурева! Отвѣчайка! Что, братъ, покраснѣлъ? Значить, не приготовился?!... То-то, господа, я вижу, онъ за васъ прячется, чтобы я его не замѣтилъ... Вотъ тебѣ за лѣность нуль.... будешь насъ знать и слушать!“

Такимъ образомъ отсутствующій Щировскій, благодаря присутствовавшему Щуровскому, получилъ наихудшую аттестацію.

Не меньше забавныхъ фактовъ представляла и исторія инспекторства Котельницкаго. Онъ, напр., считалъ какбы подвигомъ своей служебной ревности, если число посаженныхъ въ карцерѣ достигало двѣнадцати. Почему именно 12, а не меньше или не больше, мы никакъ не могли догадаться. И въ какихъ средствахъ ни прибѣгалъ онъ для укомплектованія этой таинственной цифры! Встрѣтится ему студентъ въ одномъ изъ университетскихъ корридоровъ—онъ тотчасъ къ нему:

— „Куда, батенька, идешь?“

— „На лекцію“.

— „Ну, нѣтъ, братъ, не надуешь! Ты просто слоняешься безъ дѣла или направляешь свои стопы въ трактиръ.... По глазамъ это вижу.... Пойдемъ-ка лучше со мной!“

— „Куда“?

— „Въ карцеръ!“

— „Помилуйте, Василій Михайловичъ, за что?“

— „Пойдемъ, пойдемъ! Я знаю за что... У меня же встати недостаетъ двѣнадцатаго“.

И засадить безъ дальнихъ разговоровъ. Это бы еще ничего. Плохо то, что, засадивъ, онъ по разсѣянности забывалъ срокъ наложеннаго ареста, и студенту приходилось голодать. Но въ такомъ случаѣ сторожъ, свывшійся съ обычаемъ инспектора, самосудомъ выпускалъ заключеннаго. Если корридорная вербовка не удавалась, Котельницкій отправлялся за ловлей на университетскій дворъ. Но тутъ дѣло выходило иначе. Арена была обширнѣй, и ловцу, довольно грузному и нелегкому на ходу, нельзя было состязаться съ юношами, быстроногими не хуже Ахиллеса. Попечитель, знавшій за инспекторомъ указанную слабость, любилъ обращаться къ нему съ вопросомъ: „Ну, сколько у тебя въ карцерѣ?“— „Двѣнадцать, Ваше Превосходительство“, отвѣчалъ этотъ съ само-довольствомъ.

Другую характеристичною слабостію Василія Михайловича было какое то дѣтски-наивное тщеславіе: онъ любилъ показать студентамъ свое превосходство предъ ними въ учености. Особенно претендовалъ онъ на знаніе химіи съ той поры, какъ прочиталъ одно изъ сочиненій Тенара, котораго еще не было въ нашихъ рукахъ. По праву инспектора посѣщать лекціи онъ чаще всего выбиралъ лекціи *Рейса*, читавшаго химію на латинскомъ языкѣ. Садился онъ въ это время не рядомъ съ профессоромъ, а по близости—къ студентамъ, чтобъ имъ подсказывать. И дѣйствительно, подсказывалъ шепотомъ, но не

съ цѣлю оказать помощь незнающему, вывести его изъ затрудненія, а единственно съ тѣмъ, чтобы показать себя всѣмъ сидящимъ. „Вотъ дескать, какъ мы знаемъ химію“, или какъ онъ верѣдно говаривалъ, „*химишку*“. Иногда онъ являлся и въ отсутствіе Рейса. Тогда онъ самъ предлагалъ вопросы. Если студентъ отвѣчалъ удовлетворительно, это ему не нравилось, и онъ обыкновенно замѣчалъ: „ты, братъ, не думай о себѣ много: вѣдь не велика еще важность вызубрить тетрадишку. Вотъ я тебя, постой-ка, изъ *Тенара* жигану! <sup>1)</sup> Посмотримъ, какъ то ты вывернешься?“ Студентъ, незнакомый съ *Тенаромъ*, хранилъ молчаніе. А *Василію Михайловичу* то и надо. Незнанію, которымъ успокаивалось его наивное тщеславіе, онъ радовался больше, чѣмъ обрадовался бы знанію! въ этомъ то и комизмъ: „что, братъ, прильпе языкъ въ гортани? Вѣдь я говорилъ: не важничай! мы сами химишку-то смыслимъ!“

Приведемъ еще нѣсколько собранныхъ нами данныхъ о *Котельницкомъ*.

О читаемыхъ имъ курсахъ *Шевыревъ* сообщаетъ:

«*Котельницкій* читалъ *Врачебное веществословіе* по *Шпренгелю*, *Шнейдеру*, *Вилліе* и *Гартману* и исторію медицины по *Геккеру*, и показывалъ студентамъ въ аптекѣ химико-фармацевтическіе опыты, а потомъ рецептуру по *Консбургу* и *Эбермейеру*; въ половинѣ 1835 г. прекратилъ онъ преподаваніе» <sup>2)</sup>.

Помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа графъ *Александръ Панинъ*, въ своей запискѣ о профессорахъ Московскаго университета (апрѣль 1831 г.) жалуется на

---

<sup>1)</sup> Касательно *Тенара* и «жиганія» см. выше, стр. 133 (у *Пирогова*).

<sup>2)</sup> *Шевыревъ*, *Исторія Московскаго университета*, гл. XI, стр. 550.

«нерѣшимость» декана медицинскаго факультета Котельницкаго <sup>1)</sup>, затрудняющую „письмоводительство“.

*С. С. Уваровъ* при посѣщеніи Московскаго университета замѣтилъ <sup>2)</sup>:

«Въ числѣ запоздавшихъ, большею частію устарѣвшихъ замѣтилъ я по медицинскому факультету *Мухина* и *Котельницкаго*; въ словесномъ—профессора греческой словесности. *Ивашковскаго* съ довольно хорошими, но не современными познаніями».

Одно словечко В. М. Котельницкаго сохранилъ намъ М. А. Максимовичъ въ письмѣ въ Погодину <sup>3)</sup>: «Къ Надеждину ты слышомъ, какъ говорилъ В. М. Котельницкій, *взгдчивъ*».

Когда *С. М. Ивашковскій* неожиданно расхрабрился и подалъ протестъ-доносъ противъ допущенія *Н. И. Надеждина* на кафедру, обвиняя его въ шеллингянствѣ, то даже В. М. Котельницкій подсмѣивался надъ нимъ въ своемъ обычномъ грубоватомъ тонѣ: «экую ты, братъ, *бомбу* пустилъ въ него!» <sup>4)</sup>.

*П. Прозоровъ* передаетъ слѣдующую весьма характерную для того времени сценку, въ которой принималъ участіе и Котельницкій. «Студенты (казенные), выведенные изъ терпѣнія (дурнымъ столомъ) экономическими злоупотребленіями,

---

<sup>1)</sup> Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ, за 1870 г., октябрь—декабрь, книга четвертая, М. 1871, V, Слѣсъ (стр. 214—219 «Памятная записка о профессорахъ» изд. О. Бодянскимъ) «Записка», стр. 218.

<sup>2)</sup> Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, гл. XIII, стр. 79.

<sup>3)</sup> Тамъ же. т. VI, гл. XII, стр. 94.

<sup>4)</sup> Тамъ же. т. III, гл. XL, стр. 303.



рѣшились не ходить въ столовую».... На разбирательство этого «заговора» явился ректоръ, инспекторъ, деканъ мед. фак. (К—ій) и свита субинспекторовъ. Коммисія заглянула и въ извѣстный № 11 (гдѣ обиталъ Бѣлинскій), «изъ котораго нѣкоторые ушли обѣдать въ *«Желтый»* или къ *«Сучку»* (студенческой трактиръ на Моховой противъ церкви Георгія), другіе были на пути идти туда же. Первому, бывшему ближе къ дверямъ, былъ сдѣланъ вопросъ, куда онъ идетъ. Тотъ отвѣчалъ, что идетъ обѣдать къ знакомымъ. «Отчего же Вы не обѣдали въ столовой?»—«Оттого, что столъ очень дурень», былъ отвѣтъ. «Почему же Вы знаете, что столъ дурень, если не ходили нынче въ столовую?»—«Слышалъ отъ тѣхъ, кто возвратился изъ столовой». Медицинскій деканъ сказалъ на отвѣтъ студента, что «не всякому слуху надо вѣрить». Студентъ возразилъ, что «не первый нынѣшній день дурна пища, а уже впродолженіе цѣлой недѣли». Этотъ отвѣтъ лично задѣлъ инспектора, который съ ѣдкостью спросилъ: «а чѣмъ васъ кормили до университета? Полагаю, вмѣсто говядины *варили тряпку* во щахъ»? Студентъ на такую колкость съ живостью отвѣчалъ, что «въ томъ заведеніи, гдѣ онъ учился, столъ былъ очень недурень». —«Такъ зачѣмъ же Вы ѣхали сюда и поступали *на казенный счетъ*?» сказалъ инспекторъ.—«Я ѣхалъ въ университетъ», отвѣчалъ студентъ съ улыбкой и съ тономъ ироніи: «не для однихъ *обѣдовъ*, а для образованія; но такъ какъ университетъ есть высшее учебное заведеніе въ государствѣ, то я предполагалъ, что и самое содержаніе будетъ соответствовать его значенію».—«*Въ солдаты* его!» отрывисто сказалъ ректоръ и обратился къ другому студенту, котораго счастливая физиономія съ перваго взгляда располагала въ его пользу. И отъ него былъ тотъ же отвѣтъ, что «пища нехороша».—«У него и лицо-то не такое, чтобы не пойти обѣдать» сказалъ деканъ какбы въ защиту упомянутаго студента: «эхъ, братцы!» при-

совокупилъ онъ: «всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ; я пришелъ васъ защитить» говорилъ онъ студентамъ тихо. «За этотъ *даръ* мы должны заплатить казнѣ *шестью* годами службы» возражали студенты. Видя, что всѣ наличные студенты 11 № твердо отвѣчаютъ, ректоръ удалился отъ насъ въ круглую залу. Что касается до декана, *защитника* студенческаго, то безъ преувеличенія можно сказать, что это былъ преоригинальный старикъ, о которомъ можно написать много прекурьезныхъ анекдотовъ. Для образчика приведу хоть два. Однажды, когда требовалось отъ преподавателей, по какому руководству они будутъ читать лекціи, по своему ли собственному, или другого какого извѣстнаго автора, онъ отвѣчалъ, что «будетъ читать *по Пленку*, что умнѣ Пленка то не сдѣлаешь, хоть и напишешь свое собственное». Въ другой разъ, когда стали при немъ хвалить молодого преподавателя, только-что возвратившагося изъ Италіи, онъ пренаивно отвѣчалъ: «Ну не хвалите прежде времени, поживетъ съ нами, такъ поглупѣтъ!»<sup>1)</sup>

Вспомнимъ безотрадный вопросъ М. П. Погодина (см. выше, стр. 136). „Что сдѣлалось съ ними въ ихъ *несчастной* средѣ?“ и судьбу *Ювскаго*: „А. А. Ювскій, принадлежавшій уже къ молодому поколѣнію, не обнаружилъ большой наклонности къ прогрессу по возвращеніи изъ-за границы: вмѣсто химіи—принялся за практику, и теперь обнаруживалъ предо мною равнодушіе въ наукѣ.

Я началъ по своему возражать, поставляя ему тотчасъ же въ примѣръ *дерптскій* университетъ. „Да съ „нашими *подлецами*“ ничего не подѣлаешь!“ былъ отвѣтъ<sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> П. Прозоровъ, «Бѣлинскій и Московскій университетъ въ его время (изъ студенческихъ воспоминаній) (стр. 1—14)—«Библиотека для чтенія», 1859 г., № 12, стр. 3—5.

<sup>2)</sup> Н. И. Широковъ, Сочиненія, I, стр. 388 (перваго изданія).

*Къ стр. 161 и 85.*

О Печеринѣ возникала газетная полемика одинъ разъ еще ранѣе указанной полемики между редакціями „Дня“ и „Современнаго Листка“ съ одной стороны, и „уважаемымъ лицомъ“—съ другой. Эта первая полемика (между М. Н. Катковымъ и М. П. Погодинымъ, „пошедшимъ тогда, по его собственному выраженію, къ Каткову «изъ поповъ въ дьяконы» («М. В.» за 1863 г. № 174, стр. 4, столб. II), была на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1863 г. Въ № 168 (пятница 2 августа 1863 г., годъ сто восьмой, стр. 1, столбцы  $\frac{3}{4}$  III—VI—шестистолбцовыя полныя страницы—и 2 стр. столбець  $\frac{1}{4}$  I) въ передовой статьѣ (Москва, 1-го августа) М. Н. Катковъ подвергъ разсмотрѣнію вопросъ о свободѣ религіозной и свободѣ совѣсти и о необходимости отдѣлять польскую національность отъ католической религіи; онъ находилъ возможнымъ позволить вернуться на родину католикамъ-рenegатамъ изъ русскихъ, напр., Печерину. Вотъ какъ онъ отзывается о послѣднемъ: (стр. 1, столбець V).

„Есть нѣсколько русскихъ людей, перешедшихъ въ католицизмъ, утратившихъ свои гражданскія права въ Россіи, живущихъ на чужбинѣ и поступившихъ въ духовенство. Мы припоминаемъ теперь одно имя, одного русскаго человѣка, который назадь тому слишкомъ 20 лѣтъ повинулъ свое отечество, принялъ католицизмъ и живетъ теперь священникомъ въ Дублинѣ. Это—человѣкъ съ замѣчательными способностями

и рѣдкимъ образованіемъ. Мы говоримъ о Печоринѣ <sup>1)</sup>. Онъ былъ профессоромъ въ здѣшнемъ университетѣ, но не долго, всего 6 мѣсяцевъ. Отправившись не надолго за границу, онъ остался тамъ навсегда. Съ нимъ былъ случай, который глубоко потрясъ его и навѣки рѣшилъ его участь. Это было въ католическомъ городѣ Брюсселѣ. Молодой человѣкъ, не получившій твердаго религіознаго воспитанія и легкомысленно относившійся къ предметамъ вѣры, онъ зашелъ въ церковь, чтобы посмѣяться и покощунствовать; онъ легкомысленно назвался на богословскіе споры, чтобы дать въ нихъ волю своему остроумію; но крѣпкій боецъ, съ которымъ онъ схватился, повергъ его во прахъ; монахъ-редемптористъ сумѣлъ найти доступъ въ его душу и тронулъ въ ней никогда дотолѣ не звучавшую струну религіознаго чувства. Впервые молодой вольнодумецъ почувствовалъ силу религіознаго убѣжденія, впервые обрѣлъ онъ въ себѣ способность молиться и обращаться ко Христу. Воспримчивый и пылкій, онъ весь предался новому могущественному чувству. Бросимъ ли мы въ него камень? укоримъ ли его за отпаденіе отъ православной церкви, которой онъ почти не зналъ, и къ которой онъ принадлежалъ только по имени? Онъ сталъ католикомъ, но онъ сталъ христіаниномъ. Убѣжденіе его было искренне и чисто; всѣ знающіе Печорина свидѣтельствуютъ о томъ. Образованный и развитый умъ спасъ его отъ изувѣрства, въ которое нерѣдко впадаютъ новообращенные. Онъ тихо исповѣдываетъ свою вѣру, молится, служитъ при больницѣ, утишая страждущихъ и напутствуя отходящихъ въ вѣчность. Но преданный дѣлу своего церковнаго служенія, онъ, можетъ быть, не безъ грусти вспоминаетъ о своемъ далекомъ отечествѣ. Неужели

---

<sup>1)</sup> Катковъ, Погодинъ и Буслаевъ (см. выше стр. 129) пишутъ вездѣ имя Печорина—Печоринъ, какъ оно произносилось.

какой-нибудь есендзь *Мацкевичъ*, предводительствовавшій шайками мятежниковъ въ Литвѣ, имѣеть болѣе правъ жить и священствовать въ Россіи, нежели, напр., Печоринъ?”

Погодинъ, ведшій тогда «Замѣтки» (о разныхъ предметахъ), рецензировалъ мнѣнія Каткова о свободѣ совѣсти вообще и о Печеринѣ въ частности. Въ № 174 («М. В.» суббота, 10-го августа 1863 г. — годъ сто осмой, «Замѣтки», 28-го іюля, IX, стр. 3, столбцы  $\frac{1}{4}$ , III и IV—VI и X— $\frac{1}{4}$ , VI стр. 3 и стр. 4, столбцы I и  $\frac{1}{2}$ , II) онъ въ главѣ X (стр. 3 и стр. 4 столб. I) замѣчаетъ о Печеринѣ слѣдующее:

„Прочелъ я вашу передовую статью о католицизмѣ и о прочемъ, 2 августа, и долженъ заявить, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ вами не согласенъ: вы увлеклись, имѣя предъ собою въ воображеніи фигуру любезнаго Печорина, и сдѣлали уступку, совершенно несогласную съ духомъ вашихъ послѣднихъ статей, мною вполне принимаемыхъ и одобряемыхъ. Я протестую противъ этой уступки въ вашей же газетѣ, а вы примите благодушно мой протестъ, въ доказательство, что ищете и желаете истины. Печоринъ же и подаетъ мнѣ первое оружіе для состязанія съ вами. Я зналъ и любилъ его, принявъ съ распростертыми объятіями, равно какъ и всѣхъ его товарищей, молодыхъ ученыхъ профессорскаго института, которые, пріѣхавъ къ намъ въ 1835 г. съ новымъ попечителемъ, хотя принесли университету много пользы на первыхъ порахъ, но и причинили много вреда, замѣшали наше старое доброе время, подобно Грекамъ, пріѣзжимъ съ Царевной Софіей Ѳоминичной. Печорину случилось мнѣ сказать послѣднее „прощай“ въ университетскихъ воротахъ, въ іюнѣ 1836 г., когда онъ, получивъ отпускъ въ правленіи, выходилъ со двора на улицу. Я живо помню, какъ мы остановились и обмѣнялись благожеланіями. Печоринъ былъ талантливъ необыкновенный: до него въ университетѣ никто не занимался по гречески, потому что профессоры этого времени

были—не тѣмъ будь помянуты—дуботолы. Печоринъ въ одинъ годъ сдѣлалъ то, что всѣ студенты принялись съ жаромъ учиться по гречески <sup>1)</sup>. Мнѣ очень было жаль, когда я услышалъ, что онъ остался за границею. Въ путешествіе 1839 г. я искалъ Печорина вездѣ въ Европѣ, думая убѣдить его къ возвращенію, и попалъ было на слѣдъ его въ Бернѣ, гдѣ онъ предъ тѣмъ содержалъ какую-то библиотечку, но послѣ Верна онъ скрылся у меня изъ виду.

„Неужели какой-нибудь всендзъ Мацкевичъ“, говорите Вы, „предводительствовавшій шайками мятежниковъ въ Литвѣ, имѣетъ болѣе права жить и священствовать въ Россіи, нежели, напр., Печоринъ“? О правахъ тутъ рѣчи не можетъ быть, но Печорина ни за что на свѣтѣ не пушу я жить и священствовать въ Россіи, потому что онъ привлечетъ къ себѣ прозелитовъ еще больше, чѣмъ къ греческому языку.

„Папскаго нунція“, говорите Вы, „мы не должны принимать... Чѣмъ принимать папскаго нунція, лучше не изгонять русскихъ людей, ставшихъ членами хотя чуждой намъ, но признаваемой нами церкви“.

Папскаго нунція принимать намъ не надо, но отъ своихъ отщепенцевъ сугубо и трегубо оборони насъ, Боже! Папскій нунцій, будь онъ самъ Тома Кемпійскій, Франсуа де Саль, Ласказасъ, Лакордеръ, не обратятъ у насъ никого, или очень мало, а Печоринъ, повторяю, обратитъ тысячи. Русскій католикъ, чѣмъ онъ выше, чище, умнѣе, лучше, тѣмъ онъ опаснѣе—особенно въ виду русской мягкости, легкости, восприимчивости—и невѣжества! Покажите Вы маленкое послабленіе въ этомъ отношеніи, и половина нашего высшаго сословія, особенно дамы, винутся въ объятія любезныхъ французскихъ аббатовъ! О съ какимъ остервенѣ-

---

<sup>1)</sup> Ср. выше стр. 127 то же утвержденіе Погодина.

ніемъ готовъ я былъ вцѣпиться въ волоса (извините!) какой-то Воронцовой или Бутурлиной, встрѣтивъ ее въ Римѣ съ молитвенникомъ въ рукахъ близъ Piazza di Spagna. Еще помню я горькую минуту въ моей жизни, когда, захавъ въ Дрезденъ въ одной самой дорогой и любезной для меня женщинѣ (героинѣ моихъ повѣстей)<sup>1)</sup>, услышалъ отъ ея швейцара, что она уѣхала въ католическую церковь!

....Но возвратимся къ мужчинамъ, принимающимъ католичество. Вы говорите въ защиту Печорина, „что воспріимчивый и пылкій, онъ весь предался новому могущественному чувству. Бросимъ ли мы въ него камень? укоримъ ли его?“ спрашиваете вы, „за отпаденіе отъ православной церкви, которой онъ почти не зналъ, и къ которой принадлежалъ только по имени?“ Укоримъ, укоримъ, отвѣчаю, и имѣемъ полное право укорить, точно какъ Астромова, Мартынова, еще болѣе, чѣмъ несчастныхъ прозелитовъ женскаго пола, зачѣмъ они, не имѣвъ понятія о своемъ исповѣданіи, въ первую минуту религіознаго пробужденія, бросились въ объятія встрѣчныхъ католиковъ, а не воротились домой спросить Филарета, Иннокентія, Горскаго и предъавить имъ свои сомнѣнія и недоумѣнія.

Вотъ ихъ вина, которой не искупятъ никакими подвигами.

„Ужъ если необходимо дѣлать выборъ, то лучше предпочесть прозелитизмъ католическій, чѣмъ прозелитизмъ безвѣрія и отрицанія“. Католикъ лучше невѣрующаго. Въ христіанскомъ религіозномъ смыслѣ такъ, но въ государственномъ смыслѣ русскій католикъ въ Россіи гораздо вреднѣе невѣрующаго: невѣрующій не пріобрѣтетъ прозелитовъ въ массахъ, а русскій католикъ, Печоринъ, имѣетъ много возможностей и надежды на успѣхъ, не только талантами и примѣрами, не только проповѣдуя, но и молча“.

---

<sup>1)</sup> Эта «героиня повѣстей» Погодина, кажется, княжна Александра Трубецкая (ср. Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. I, гл. XXIV, стр. 236—237).

М. Н. Катковъ въ виду столь рѣзко выраженнаго Погодинымъ мнѣнія о неизгладимомъ противорѣчїи между государственнымъ и христіанскимъ пониманіемъ одного и того же явленія, забилъ отбой и въ передовой статьѣ того же № (Москва, 9-го августа, стр. I <sup>1</sup>/<sub>4</sub> IV—VI и стр. 2, столбцы I и <sup>1</sup>/<sub>4</sub> II) сдѣлалъ нужныя оговорки (стр. 1, столбцы IV и V).

„Все хорошо съ умомъ, сказали мы, заговоривъ на дняхъ о религіозной свободѣ, и тутъ же сами, какъ намъ теперь доказываютъ, ума не спросились. Вотъ какъ трудно рѣшать сложные практическіе вопросы, и какъ легко попасть въ просакъ! М. П. Погодинъ, сочувствіемъ котораго мы очень дорожимъ, и которому въ то же время отъ души благодарны за его возраженія и замѣчанія, сильно журить насъ (см. ниже) <sup>1)</sup> за допущенную нами уступку началу религіозной свободы. Находя, что папскаго нунція допускать въ Россію не слѣдуетъ, онъ „сугубо и трегубо“ протестуетъ противъ допущенія отщепенцевъ отъ православной церкви. Печеринъ гораздо опаснѣе, по его мнѣнію, всѣхъ нунціевъ въ мірѣ,—и опасенъ онъ не только своею проповѣдью, но и своимъ молчаніемъ. Эти отщепенцы, по его мнѣнію, увлекутъ за собою множество русскихъ людей, особенно изъ высшаго общества. Такъ или иначе, мы изъ всѣхъ этихъ возраженій убѣждаемся только въ одномъ,—въ необходимости величайшей осторожности и осмотрительности при рѣшеніи общественныхъ вопросовъ. Недостаточно уяснить себѣ элементы дѣла отвлеченно,—необходимо при обсужденіи практическаго вопроса оцѣнить и взвѣсить разнообразныя условія и обстоятельства, съ которыми оно связано въ дѣйствительности. Вотъ почему всякое рѣшеніе въ общественныхъ дѣлахъ требуетъ всесторонняго обсужденія, изъ котораго нерѣдко можетъ обнаружиться, что та или другая, въ основаніяхъ своихъ, правильная мѣра мо-

---

<sup>1)</sup> Здѣсь—в ы ш е.



жетъ въ примѣненіи своемъ вести къ результатамъ, совершенно противнымъ ожиданію. Но, къ счастью, мы ничего не рѣшали и даже ничего не докладывали для рѣшенія. Мы только высказали мнѣніе, которое во всякомъ случаѣ не худо принять къ соображенію, хотя бы затѣмъ, чтобы по надлежащемъ соображеніи откинуть его и такимъ образомъ упростить и очистить дѣло, подлежащее обсужденію.... (столбецъ V).

М. П. Погодинъ негодуетъ на отщепенцевъ; но знаетъ ли онъ, что есть отщепенцы скрытые, которыхъ іезуиты благословляютъ обманывать и людей, и свою совѣсть, и Бога? Есть отщепенцы явные, и есть отщепенцы тайные. Нашъ возражатель негодуетъ на первыхъ, а что онъ скажетъ о послѣднихъ? И какое преподастъ онъ намъ средство противъ пропаганды, которая позволяетъ православному наружно соблюдать всѣ обряды его церкви, а внутренно отречься отъ нея и исповѣдывать папу?“ (столбецъ VI).

---

Извѣстія о Печеринѣ имѣются еще въ газетной статьѣ:

„Казанскія Вѣсти“. Газета политическая, общественная, литературная и коммерческая (годъ изданія первый), вторникъ, 22 января 1891 г. № 38, стр. 3. Маленькій фельетонъ—столбцы  $\frac{1}{2}$ , I (полная шестистолбц. страница)— $\frac{1}{2}$ , III. „Одинъ изъ русскихъ свитальцевъ“. Статья „Казанскихъ Вѣстей“ представляетъ выборки изъ статьи „Южнаго Края“.

„Южный край“ собралъ нѣкоторые матеріалы изъ воспоминаній Буслаева, Никитенка, Аксакова. Печерина полагаютъ уже, „вѣроятно, умершимъ“. Авторъ дѣлаетъ такое замѣчаніе:

„Ни Аксаковъ, ни Буслаевъ, ни Никитенко ничего не сообщаютъ о революціонно-политическомъ, если можно такъ выразиться, періодѣ заграничной жизни Печерина. Періодъ этотъ длился не долго: годъ, два—не больше. Его памятникъ осталось лишь нѣсколько стихотвореній, напечатанныхъ въ заграничныхъ изданіяхъ. Одно изъ нихъ „Подражаніе Гёте“, помѣщенное въ „Лютяѣ“ (Лейпцигъ, 1874 года), даетъ понятіе о томъ настроеніи, подъ влияніемъ котораго Печеринъ покинулъ Россію (столбецъ II):

Ты знаешь ли страну, гдѣ ловятъ соболей,  
Гдѣ вѣчный царствуетъ туманъ среди степей,  
Гдѣ солнце блѣдное не грѣетъ, не печетъ,  
Гдѣ только мохъ одинъ подъ (sic) тундрами растетъ?  
Ты знаешь ли ее? Пошелъ, пошелъ!

„Увлеченный идеалами и блескомъ запада, онъ ничего не видѣлъ въ ней (Россіи), кромѣ ужасовъ и мрака. Ея народныя святыни, ея прошлое, ея будущее—все это казалось Печерину чѣмъ то совершенно чуждымъ, и онъ ушелъ на западъ, думая обрѣсти тамъ истину и покой“.

„Печеринъ былъ именно однимъ изъ такихъ „скитальцевъ“, оторвавшихся отъ своей родной почвы въ поискахъ истины,—оторвавшихся потому, что они были слишкомъ пылки, чтобы примириться съ окружающей ихъ дѣйствительностью“ (столб. I).

„Нашелъ ли Печеринъ покой и удовлетвореніе въ вѣдрахъ латинства? Нѣтъ, до самой смерти онъ оставался бездомнымъ, тоскующимъ скитальцемъ. Онъ не сбросилъ себя добровольно наложенныхъ цѣпей, не свернулъ съ разъ избраннаго пути, но не дешево ему это стоило“.... (столб. II).

„Да, не нашелъ бѣдный Печеринъ покоя ни въ революціонныхъ броженіяхъ запада, ни въ орденѣ редemptоровъ. Но тщетно взывалъ къ нему И. С. Аксаковъ, убѣждая его вернуться на родину, отречься отъ „латинскихъ заблужденій“, искать спасенія въ „народной святынѣ“; Печеринъ ему не отвѣчалъ..... Что случилось съ нимъ, неизвѣстно. Теперь его, вѣроятно, уже нѣтъ въ живыхъ“ (столб. III).

Намъ кажется, что стихотвореніе „Подражаніе Гёте“, помѣщенное въ сборникѣ „Лютня II. Потаенная литература XIX столѣтія“. Лейпцигъ, стр. 204 (4 строфы по 6 стиховъ) приписано Печерину безъ основанія—единственно, повидимому, лишь потому, что тамъ же въ „Спискѣ стихотвореній по авторамъ“, стр. XI послѣ „Печеринъ В., Торжество смерти“ слѣдующая строка „Подражаніе Гёте“. Но въ списокъ вошли и анонимныя пьесы; въ качествѣ таковой приведено „Подражаніе“, какъ слѣдующее *по алфавиту* послѣ фамиліи Печеринъ (слѣд. строка Полежаевъ). Въ противномъ случаѣ (т. е. если бы „Подражаніе“ приписывалось въ „Лютнѣ“ Печерину) подѣ

фамиліей Печерина была бы проведена черта, а *второе* его произведеніе „Подражаніе“ было бы напечатано не подь словомъ „Печеринъ“, а подь „Торжество смерти“, какъ это сдѣлано съ Полежаевымъ, которому по списку принадлежать стихотворенія „Арестантъ“, „Имяниннику“, „Сашва“. На это авторъ статьи не обратилъ вниманія и характеризовалъ Печерина по чужому стихотворенію. Что касается текста стихотворенія, то для всякаго понимающаго дѣло очевидно: стихъ его—не печеринскій.



Память о несравненномъ учителѣ Печеринѣ жила въ московскомъ университетѣ долго еще послѣ его бѣгства. Известный русскій классикъ-филологъ (бывшій проф. казанскаго университета) Борисъ Ивановичъ *Ордынскій*, учившійся въ московскомъ университетѣ три года спустя, и знавшій Печерина, вѣроятно, лишь по слухамъ, упоминаетъ объ его преподавательскихъ талантахъ (вмѣстѣ съ поминкою о Брюковѣ), какъ показываетъ сохранившійся черновикъ одного его письма (сообщено генераломъ-лейтенантомъ Иваномъ Ивановичемъ Ордынскимъ, братомъ профессора).



Къ стр. 183—190.

Медикъ Кранихфельдъ, повидимому, имѣлъ родственниковъ въ Петербургѣ, черезъ которыхъ и поддерживалъ сношенія съ Россією. Одинъ Кранихфельдъ служилъ профессоромъ въ петербургскомъ университетѣ. Мы соберемъ здѣсь свѣдѣнія, имѣющіяся у В. В. Григорьева въ его книгѣ „Императорскій С-Петербургскій университетъ“ объ этомъ юристѣ Кранихфельдѣ,—во едино.

Александръ Ивановичъ Кранихфельдъ родился въ 1812 г., воспитывался въ 3-ей петербургской гимназій и петербургскомъ университетѣ, но *до окончанія* курса въ мартѣ 1830 г. былъ причисленъ ко II отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи, а въ октябрѣ 1831 г. отправленъ за границу профессорскимъ стипендіатомъ (стр. 163). Онъ вернулся въ Россію лѣтомъ 1834 г. и въ слѣдующемъ 1835 г. удостоенъ ученой степени доктора правъ безъ представленія диссертаций (защищалъ только „тезисы въ науки законовѣдѣнія“—стр. XII),—потому что профессорамъ, отправленнымъ за границу отъ II отд. Собственной канцеляріи, предоставлено было право подвергаться испытанію прямо на степень доктора, помимо магистерской, а „въ видахъ скорѣйшаго замѣщенія кафедръ по новому уставу“—не только держать экзаменъ прямо на доктора, но и защищать вмѣсто диссертаций

одни лишь тезисы, ими самими избранные (Ссылки, стр. 41, № 219). Въ декабрѣ 1835 г. Кранихфельдъ 23 лѣтъ отъ роду былъ опредѣленъ по кафедрѣ законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ экстраордин., а съ 1838 г. ординарнымъ профессоромъ. Въ 18<sup>36</sup>/<sub>37</sub> г. читалъ русскіе гражданскіе законы (особенные) по собственнымъ запискамъ на основаніи Свода законовъ (стр. 130 и 155). Въ 18<sup>37</sup>/<sub>38</sub> г. къ нимъ присоединилъ Кр. чтеніе законовъ о повинностяхъ и финансахъ, съ 1838—1841 г. читалъ одни послѣдніе законы, а съ 18<sup>41</sup>/<sub>42</sub> г. читалъ еще „Теорію государственныхъ финансовъ въ историческомъ ея развитіи и въ примѣненіи къ положительному законодательству“; съ 18<sup>43</sup>/<sub>44</sub> г. по самый конецъ своей профессуры въ университетѣ—по ноябрь 1861 г. ничего, кромѣ этой теоріи, не преподавалъ. Наибольшая часть его служебной дѣятельности принадлежитъ училищу Правовѣдѣнія. Съ 1857 г. Кранихфельдъ носилъ званіе заслуженнаго профессора (стр. 164). Въ литературѣ онъ оставилъ по финансовому праву двѣ университетскія актовыя рѣчи: 1) „Взглядъ на финансовую систему и финансовыя учрежденія Петра Великаго“ (отъ 1845 года) и 2) „О государственныхъ налогахъ, взимаемыхъ по доходу“ (отъ 1857 года). Въ 1843 г. для слушателей своихъ правовѣдовъ было имъ издано коротенькое „Начертаніе Россійскаго Гражданскаго Права въ историческомъ его развитіи“. Кранихфельдъ уволенъ былъ отъ службы при университетѣ по выслугѣ лѣтъ (Ссылки, стр. 77, № 503). На мѣсто его въ сентябрѣ 1861 г. былъ избранъ адъюнктомъ кандидатъ петербургскаго университета, магистръ политической экономіи и статистики Балтазаръ Омичъ Калиновскій 34 лѣтъ, который уже въ сентябрѣ 1862 г. былъ уволенъ, не успѣвъ прочесть ни одной лекціи—по причинѣ закрытія университета (Ссылки, стр. 48—49, № 310).

---

*Къ стр. 67—68.*

Книга Кёнига имѣется и въ русскомъ переводѣ Н. П. „Очерки русской литературы.“ СПБ. 1862. Цитированное нами мѣсто находится на стр. 132 этого перевода (о Веневитиновѣ вообще стр. 129—133).

---

Въ дневникѣ М. П. Погодина есть любопытная отмѣтка: на завтракѣ у него въ честь Мицкевича, прощавшагося съ Москвою (были Пушкинъ, Хомяковъ, А. Веневитиновъ, Щепкинъ, Верстовскій) .....„говорили—о Дмитріи Веневитиновѣ, о страсти его къ княгинѣ Волконской. Она искала въ немъ свѣжаго юношу..... Онъ боялся прикоснуться къ божественному идеалу. Она мелка“. Къ Шевыреву Погодинъ писалъ о томъ же утрѣ: „Много было сальнаго, которое не понравилось“ (у Н. П. Барсукова, т. II, гл. XXXIX, стр. 304 и 416, „Дневникъ“, 6 апрѣля, 27 марта 1829 г.).

---

Къ 191—201 стр.

За В. М. Котельницкимъ водилось, оказывается, пристрастіе къ лубочнымъ картинкамъ.

„Для своихъ разговоровъ о медицинѣ И. М. Снегиревъ имѣлъ собесѣдника и въ докторѣ медицины *В. М. Котельницкомъ*, съ которымъ онъ часто дѣлалъ прогулки въ окрестностяхъ Москвы и умѣлъ заинтересовать любознательность своего товарища по университету и по училищному комитету, показывая ему въ монастыряхъ разныя археологическія достопримѣчательности. Но видно, что медикъ - археологъ и самъ любилъ искусства, потому что Котельницкій показывалъ Снегиреву свое собраніе картинъ довольно хорошихъ мастеровъ. Извѣстна страсть Снегирева къ лубочнымъ картинкамъ.... Что сдѣлалось съ собраніемъ картинъ Котельницкаго, и уцѣлѣло ли оно для науки? изъ „Дневника“ (Снегирева) нельзя получить свѣденій“ <sup>1)</sup>....



<sup>1)</sup> Иванъ Михайловичъ Снегиревъ. Біографическій очеркъ А. Ивановскаго. СПб. 1871, стр. 81, 82.




*Къ стр. 128.*

Приведенный отзывъ Ю. О. Самарина находится въ газетѣ „Русь“ за 1880 г. (г. I), № I отъ 15 ноября, Литературный отдѣлъ, ст. 2. „Отрывокъ изъ университетскихъ воспоминаній“ (1834—1838), стр. 18—19 (малый кварталъ, по 3 полныхъ столбца на страницѣ), стр. 19, столб. 2.

---

*Къ стр. 84.*

„Дневникъ стараго врача“ Н. И. Пирогова помещается въ I томѣ его „Сочиненій“ перваго изданія и во II томѣ втораго изданія.





Вышли отдельными изданиями и находятся въ продажѣ:

1. Философія и Литература. Сборникъ статей (1888—1898). Томъ I. Казань, 1898 (172 стр.). Цѣна 1 р. 20 к.
- 2.—4. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Выпускъ I. Казань, 1899 (IV + 48 стр.) Цѣна 30 к. Вып. II. Казань, 1899 (VIII + 255 стр.) Цѣна 1 р. 65 к. Вып. III. Казань, 1900 (VIII + 256 стр.). Цѣна 1 р. 65 к.
5. О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ, 1894 (VIII + 248 стр.). Цѣна 2 р.
6. Отношенія искусства къ наукѣ и нравственности. Юрьевъ, 1895 (8 нум. + 82 стр.). Цѣна 75 к.
7. Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого и философская ихъ критика. Юрьевъ, 1897 (100 стр.). Цѣна 80 к.
8. О самосознаніи. Актовая рѣчь. Казань, 1898 (42 стр.). Цѣна 25 коп.
9. О понятіи бытія. Казань, 1898 (76 стр.). Цѣна 50 к.
10. Изъ исторіи критическаго индивидуализма. Казань, 1898 (51 стр.). Цѣна 35 коп.
11. Новая реконструкція монадологіи Лейбница. Юрьевъ, 1896 (16 стр.). Цѣна 20 к.
12. П. А. Висковатовъ. Сжатый обзоръ исторіи новой русской литературы съ библиографическими примѣчаніями. Издавъ (переработавъ и дополнивъ) Евгений Бобровъ. Дерптъ, 1892 (75 стр.). Цѣна 60 к.
13. Срѣмецъ. Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ. (Переводъ Евгения Боброва по заказу съ рукописи) СПб. 1894 (105 стр.). Цѣна 1 р.
14. Г. Тейхмюллеръ. Безсмертіе души. Философское изслѣдованіе. Переводъ А. К. Николаева подъ редакціею Евгения Боброва. Юрьевъ, 1895 (VIII + 200 стр.). Цѣна 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> р.
15. Г. Тейхмюллеръ. Дарвинизмъ и философія. Переводъ А. К. Николаева подъ редакціею Евгения Боброва. Юрьевъ, 1894 (VIII + 100 стр.). Цѣна 1 р.
16. и 17. Краткій отчетъ о занятіяхъ во время ученой командировки лѣтомъ 1897 года; и Тоже ... лѣтомъ 1898 г. съ приложеніемъ двухъ разсужденій: 1) О координальномъ бытіи и 2) Искусство и христіанство. Казань, 1900 (32 стр.). Цѣна 25 к.
18. Рецензія на „Свое Слово“ А. А. Козлова, № 5. Казань, 1899. (16 стр.) Цѣна 10 к.
19. Философскій элементъ въ сочиненіяхъ В. Г. Бѣлинскаго. Отзывъ о рукописномъ сочиненіи (20 стран.). Казань, 1900. Цѣна 15 коп.
20. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Томъ I. (VIII + 216 стр.) Казань, 1901. Цѣна 1 р.

Выписывающіе непосредственно отъ автора-издателя (Казань, Университетъ, профессору Евгению Александровичу Боброву) пользуются бесплатно пересылкой, а при выпискѣ двухъ или болѣе книгъ сразу—еще и уступкой съ нарицательной цѣны.

*Проф. Евгеній Бобровъ.*

---

# ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ

въ Россіи XIX в.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ТОМЪ II.



КАЗАНЬ

Типо-литографія Императорскаго Университета

1902.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Им-  
ператорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

ПАМЯТИ

Алѣксѣя Алѣксандровича

КОЗЛОВА.





Въ I части этого нашего труда (стр. 65—70 и примѣчанія) мы сгруппировали стихотворенія на смерть поэта Д. В. Веневитинова. Здѣсь приводятся еще два стихотворенія, посвященныя его же памяти.

### Вздохъ на могилѣ Веневитинова.

Какія думы въ глубинѣ  
Его души таились, зрѣли?  
Когда-бъ онѣ сказались (*вар.*: проискрились) вполне —  
Кого-бъ мы въ немъ, друзья, узрѣли?  
Но онъ, нашъ сѣверный поэтъ,  
Какъ юный лебедь величавый,  
Средь волнъ тоскуя, пѣсню славы  
Едва началъ — и стихъ средь юныхъ лѣтъ.

(Отъ 1830—31 гг.)

(Стихотворенія А. В. Кольцова, изд. Арс. И. Введенскаго, стр. 122).

---

### На смерть Веневитинова.

*Д ѣ в а.*

Юноша милый! На мигъ ты въ наши игры вмѣшался!  
Розѣ подобный красой, какъ Филомела, ты пѣлъ.  
Сколько любовь потеряла въ тебѣ поцѣлуевъ и пѣсень,  
Сколько желаній и ласкъ новыхъ, прекрасныхъ, какъ ты!



*Р о з а.*

Дѣва, не плачь! Я на прахѣ его въ красотѣ расцвѣтаю,  
Сладость онъ жизни вкусилъ, горечь оставилъ другимъ.  
Ахъ! и любовь бы измѣною душу пѣвца отравила!  
Счастливъ, кто прожилъ, какъ онъ, вѣкъ соловьиный и мой!

Бар. А. А. Дельвигъ.

---

Въ „Пушкинскомъ Сборникѣ“. Статьи студентовъ Московскаго университета подъ редакціею проф. А. И. Кирпичникова,“ М. 1900, есть рефератъ *Θ. Некрасова* „Д. В. Веневитиновъ, какъ поэтъ и критикъ,“ стр. 41—99, не представляющій, впрочемъ, ничего оригинальнаго.



## Оглавленіе.

|                                                                                        | <i>Стр.</i> |
|----------------------------------------------------------------------------------------|-------------|
| I. И. И. Давыдовъ и Ѳ. И. Буслаевъ . . . . .                                           | 3           |
| II. Генезисъ одной книги . . . . .                                                     | 46          |
| III. Нѣкоторыя свѣденія о научно-литературной дѣятельности Д. М. Велланскаго . . . . . | 86          |
| IV. Критическая дѣятельность Д. В. Веневитинова                                        | 150         |

### *Приложенія.*

|               |     |
|---------------|-----|
| I . . . . .   | 175 |
| II . . . . .  | 182 |
| III . . . . . | 187 |
| IV . . . . .  | 189 |
| V . . . . .   | 192 |





*Проф. Евгений Бобровъ.*

---

# ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ

ВЪ РОССІИ XIX В.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ТОМЪ II.





## I.

### И. И. Давыдовъ и Ѳ. И. Буслаевъ.

Имена, поставленные нами въ заголовкѣ этюда, знаменуютъ собою два поколѣнія въ рядахъ русскихъ подвижниковъ науки,—двѣ эпохи въ исторіи изученія русской словесности, языка и старины,—въ частности, два періода въ исторіи Московскаго университета. Какъ тотъ, такъ и другой были и воспитанниками, и профессорами Московской *alma mater*—вдобавокъ по той же самой кафедрѣ. Ѳ. П. Буслаевъ былъ ученикомъ и однимъ изъ преемниковъ И. И. Давыдова: многимъ, какъ увидимъ ниже, Ѳ. И., по собственному признанію, былъ обязанъ своему учителю. Но, какъ очень часто бываетъ, между представителями двухъ послѣдовательныхъ поколѣній, между „отцами“ и „дѣтьми“ дѣло не обошлось безъ столкновеній, безъ стычекъ и борьбы. О такомъ эпизодѣ изъ взаимныхъ сношеній Ѳ. И. Буслаева и И. И. Давыдова мы и вчлѣнены здѣсь рассказать, пользуясь различными свидетельствами.

Предоставимъ прежде всего слово самому Ѳ. И. Буслаеву, начертавшему подробныя характеристики большинства своихъ учителей, въ томъ числѣ И. И. Давыдова:

„Въ свое время онъ считался человѣкомъ очень образованнымъ, но не былъ спеціалистомъ ни въ одномъ изъ предметовъ, которымъ посвящалъ свои ученые занятія. Впрочемъ, тогда вообще господствовалъ энциклопедизмъ, и особенно въ нашемъ словесномъ отдѣленіи философскаго факультета. Каченовскій до своихъ лекцій о литературахъ славянскихъ нарѣчій по Шафарыку—читалъ намъ статистику Россіи на третьемъ курсѣ, а прежде того, еще до насъ—даже эстетику, хотя по призванію, какъ скептикъ, былъ онъ особенно расположенъ къ исторической критикѣ. Знаменитый профессоръ латинскаго языка Тимковскій, не стѣсняясь своею спеціальностью, издалъ Несторову лѣтопись по Лаврентьевскому списку. По слѣдамъ этого филолога, Иванъ Михайловичъ Снегиревъ еще при насъ читалъ лекціи римской словесности на старшихъ курсахъ, когда мы были на первомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ особенно любилъ заниматься русской народностью и стариною, о чемъ свидѣтельствуютъ его многочисленные труды по этимъ предметамъ. Давыдовъ былъ хорошею математикъ и знатокъ римской словесности, свободно и складно говорилъ по латыни. Какъ энциклопедистъ, онъ былъ достаточно подготовленъ для философіи, и до насъ читалъ лекціи по этому предмету, но еще больше простора для своихъ энциклопедическихъ свѣдѣній нашелъ онъ на поприщѣ педагогическомъ. Уже при насъ онъ былъ инспекторомъ такъ называвшагося тогда „холернаго“ заведенія, превращеннаго потомъ въ Александровское военное училище (что на углу Знаменки и Пречистенскаго бульвара), а въ 1847 году вовсе оставилъ профессорскую кафедру и водворился въ Петербургѣ, занявъ мѣсто директора педагогическаго института, переименованнаго теперь въ филологическій. Кромѣ того, состоя въ званіи ординарнаго академика, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ второго отдѣленія Императорской академіи наукъ.

Намъ онъ читалъ, на третьемъ и четвертомъ курсахъ,

теорію словесности по руководству Блера, которое онъ старался перестроить на новыхъ основаніяхъ философіи Шеллинга, по эстетикѣ его ученика Аста, и сверхъ того дополнилъ примѣрами изъ русской и изъ иностранныхъ литературъ. Эти лекціи, нами тогда составленныя со словъ Давыдова и по его программамъ, онъ издалъ въ двухъ томахъ и присовокупилъ къ нимъ третій, содержащій въ себѣ сочиненіе Августа-Вильгельма Шлегеля о драматической поэзи, въ сокращенномъ переводѣ Лавдовскаго, о которомъ я уже имѣлъ случай говорить вамъ, когда знакомилъ васъ съ нѣкоторыми изъ моихъ казеннокоштныхъ товарищей. Въ предисловіи къ первому тому переименованы мы всѣ, какъ участники въ составленіи этого изданія. Теперь рѣшительно не могу отличить, которую изъ левцій составлялъ я, а очень жаль, потому что это—была вторая моя работа, удостоившаяся печати; что же касается до первой, то о ней будетъ рѣчь впереди.

Впрочемъ, и изъ всего курса, за исключеніемъ Шлегелева сочиненія, я ровно ничего не помню, кромѣ отрывочныхъ эстетическихъ тезисовъ, основанныхъ, по философіи Шеллинга, на принципѣ противоположностей, которыя сливаются между собою въ примиряющемъ ихъ сосредоточіи, какъ на примѣръ: образъ и звукъ, а сліяніе ихъ—въ словѣ; такъ называемыя образовательныя искусства и музыка, а сліяніе ихъ—въ поэзи; эпосъ и лирика, а сліяніе ихъ—въ драмѣ<sup>1)</sup>.

Въ предисловіи къ I тому „Чтеній“, стр. III—IV Иванъ Ивановичъ Давыдовъ указываетъ, что въ изданіи I курса или тома принимали участіе студенты: *Буслаевъ*, *Іоаннесь*, *Новакъ* (о немъ см. у Буслаева, „Мои воспоминанія“, стр. 30—32), *Преображенскій*, *Самаринъ*, *М. Строевъ*; II же и III курсы эти томы обрабатывали студенты: *Адрѣ* (у Буслаева, стр.

---

<sup>1)</sup> „Мои воспоминанія“ академика О. П. Буслаева, стр. 119—121.



105—впослѣдствіи директоръ коммерческаго училища въ Москвѣ), Васьяновъ, Каменскій, *Катковъ*, Ключаревъ, Кодраковъ, Людоговскій, Миско и Нѣмцовъ.

„Изъ чтеній Ивана Ивановича“, продолжаетъ Буслаевъ, „живѣе сохранились въ моей памяти три эпизода, выходящіе изъ рамокъ общей системы курса. Такія отступленія на лекціяхъ были тогда въ обычаѣ и у другихъ профессоровъ, когда они чувствовали потребность подѣлиться съ нами тѣмъ, что въ данную минуту ихъ особенно интересовало. Одинъ изъ эпизодовъ состоялъ въ риторическомъ разборѣ предисловія Карамзина къ его Исторіи государства російскаго. Разборъ этотъ тогда произвелъ на меня сильное впечатлѣніе авторитетной строгостью въ неукоснительномъ преслѣдованіи нелогическаго сопоставленія и порядка мыслей при неточности ихъ выраженія, какъ въ отдѣльныхъ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; но и теперь на основаніи этого мастерскаго опыта полагаю, какимъ образцовымъ инспекторомъ и директоромъ учебныхъ заведеній могъ быть Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

Другой его эпизодъ былъ далеко не такъ удаченъ. Въ то время прогремѣлъ въ литературѣ и публикѣ нѣкій Бенедиктовъ своими звонкими и фигуристыми стихотвореніями, которыя какъ разъ совпали съ появленіемъ вычурной прозы Марлинскаго, еще не совсѣмъ заглушенной тогда, благодаря господствовавшему у насъ въ тридцатыхъ годахъ шовинизму. Увлечшись прелестью новизны и громкою молвою, Иванъ Ивановичъ горячо ускорилъ подѣлиться съ нами своимъ восторгомъ и принесть на лекцію стихотворенія Бенедиктова; прочиталъ изъ нихъ нѣсколько выдержекъ и превознесъ новоявленнаго поэта чуть не до уровня съ самимъ Пушкинымъ. Но Бенедиктовскій пустоцвѣтъ не продержался и одного года, завялъ и былъ выброшенъ за окно. Къ чести Давыдова я

долженъ сказать, что онъ настолько уважалъ себя, что откровенно сознавался въ своемъ увлеченіи.

Третій эпизодъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, свѣдѣтельствуя о примѣрномъ педагогическомъ тактѣ, съ каковымъ Давыдовъ умѣлъ пользоваться подходящимъ случаемъ для умственнаго развитія и усовершенствованія свихъ слушателей. Чтобы пріобрѣсти степень доктора, профессоръ петербургскаго университета Никитенко напечаталъ небольшую книжку и съ успѣхомъ защитилъ ея тезисы. Теперь не помню ни ея заглавія, ни содержанія, только хорошо знаю, что въ ней говорилось вообще объ изящныхъ искусствахъ, о прекрасномъ, о поэзіи, при полнѣйшемъ отсутствіи положительныхъ фактовъ. Давыдовъ роздалъ намъ нѣсколько экземпляровъ этого сочиненія, и когда мы внимательно прочли его, устроилъ для насъ въ своей аудиторіи, такъ сказать, „примѣрный“ диспутъ, въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ манѣвры примѣрно изображаютъ сраженіе. Профессоръ, укрѣпившись на каедрѣ, стойко защищалъ позицію, а мы вразсыпную громили крѣпость со всѣхъ сторонъ и разнесли ее въ пухъ и прахъ.

И по образованію своему, а можетъ быть, и по врожденной наклонности, Давыдовъ рѣшительно *предпочиталъ фило-  
лософское умозерцаніе* подробному разработыванію фактическихъ мелочей и, какъ философъ, ограничивая свои лекціи теорією словесности, вовсе и не занимался исторіей литературы. Онъ былъ убѣжденъ, что русская словесность въ настоящемъ ея смыслѣ начинается только со временъ Петра Великаго, а древне-русскимъ письменнымъ и старопечатнымъ памятникамъ не придавалъ никакого собственно-литературнаго значенія. Въ языкѣ Нестора или „Слова о полку Игоревѣ“ видѣлъ безсмысленную порчу церковно-славянской грамматики и хаотическое броженіе не установившихся, грубыхъ элементовъ русской рѣчи, а къ народному языку былинъ и пѣсень от-

носился съ презрительнымъ снисхожденіемъ. Какъ математикъ, онъ больше всего умѣлъ цѣнить точность въ соразмѣрности между словомъ и выражаемою имъ мыслию и не владелъ эстетическимъ чутьемъ настолько, чтобы въ неистощимобильныхъ сокровищахъ нашего языка подмѣчать разнообразіе въ колоритѣ и оттѣнкахъ, которые математической точности выраженія придаютъ ясность и наглядность пластической и живописной формы. Какъ академикъ строгого закала, онъ наблюдалъ безукоризненную чистоту слога и брезгливо выметалъ малѣйшую соринку, навѣянную изъ безыскусственной и обиходной разговорной рѣчи въ тѣсный кругъ языка книжнаго, заколдованный для профановъ законами свѣтскаго приличія.

Оканчиваю свои воспоминанія объ Иванѣ Ивановичѣ Давыдовѣ изъявленіемъ ему *моей сердечной благодарности*. По его указанію и совѣту, я впервые познакомился съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впослѣдствіе оказало рѣшающее вліяніе на мои ученыя работы.

Это было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта о средствахъ и различіи языковъ индогерманскихъ (т. е. индоевропейскихъ)<sup>1)</sup>.

И. И. Давыдовъ обращалъ, надо полагать, особенное вниманіе на даровитаго юношу Буслаева, старался быть ему полезнымъ, протезировалъ его и, введя его въ аристократическій домъ, далъ ему возможность завязать тѣ весьма вліятельныя знакомства и связи, которыя впослѣдствіи такъ пригодились Федору Ивановичу:

„Давыдовъ далъ мнѣ для изученія такъ называемую „Общую грамматику“ извѣстнаго французскаго филолога *Дю-Саси* въ нѣмецкой передѣлкѣ *Фатера* съ дополненіями

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 121—123.

изъ нѣмецкаго языка. Эту книгу я перевелъ всю сполна и добавилъ грамматическія подробности Дю-Саси и Фатера русскими и церковно-славянскими. Мой переводъ былъ одобренъ факультетомъ для напечатанія, но остался въ рукописи. По счастливой случайности она сохранилась у меня до послѣдняго времени, и недавно я отдалъ ее вмѣстѣ со всѣми моими лекціями въ рукописное отдѣленіе Московскаго музея, что на Знаменкѣ“....

„По окончаніи университетскаго курса я тотчасъ же по *рекомендаціи* проф. *И. И. Давыдова* и инспектора студентовъ *П. С. Нахимова* поступилъ домашнимъ учителемъ въ семейство гофмаршала барона Льва Карловича *Бѣде*“<sup>1)</sup>.

Несмотря на всѣ эти доказательства вниманія и отличія, *Ө. И. Буслаевъ* уже чрезъ 7 лѣтъ послѣ окончанія курса возмущился противъ своего учителя. Молодой, но окрѣпшій ученый далъ попробовать нѣсколько отставшему отъ движенія науки—эстетику и философскому грамматисту свое критическое *ex ungue leonem!* Къ сожалѣнію, *Ө. И. Буслаевъ* внесъ въ свою критику *studium et iram*, личный элементъ... вотъ какъ онъ самъ сообщаетъ объ этомъ, на старости лѣтъ рассказываясь въ юношеской своей продѣлкѣ со своимъ первымъ менторомъ въ обширной области лингвистики:

„Въ другой рецензіи я критически разбиралъ главу о мѣстоименіяхъ изъ общей или философской грамматики, которую составлялъ тогда для Академіи Наукъ *И. И. Давыдовъ*. Будучи вооруженъ достаточными свѣденіями по сравнительной грамматикѣ *Боппа* и по исторіи русскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій, я легко открылъ въ этой статьѣ значительные промахи. Этимъ, конечно, я не оскорбилъ бы своего наставника и профессора, которому былъ во *многомъ* обязанъ, если

---

<sup>1)</sup> Стр. 131.

бы выразился спокойно и прилично, а не запальчиво и насмѣшливо. Сверхъ того, угораздило меня задѣть *ею личность* довольно прозрачными намеками, которые кое-гдѣ я вставилъ *въ видѣ примѣровъ*, какъ употребляются мѣстоименія *синтаксически* въ цѣломъ предложеніи. Цензоръ не замѣтилъ этихъ непристойныхъ выходокъ и пропустилъ статью цѣликомъ; когда же онѣ были обнаружены и подхвачены злословіемъ, Ив. Ивановичъ не на шутку разсердился и обзывалъ меня *молокосомъ и нахаломъ*; впрочемъ, къ великой моей радости, впоследствии смиловился ко мнѣ“....<sup>1)</sup>

Ив. Ив. дѣйствительно былъ очень обиженъ. Черезъ 2 года, въ 1847 г. онъ уже изъ Петербурга писалъ М. П. Погодину, который жаловался на С. М. Соловьева, завязавшаго съ нимъ грубую полемику: „Вамъ прискорбно, что ученіе Вашъ поноситъ Васъ? А помните ли, *какъ мой ученикъ* поносилъ меня въ *Вашемъ же журналѣ*? Ужели Вы ожидаете благодарности отъ тѣхъ, кому Вы оказали добро?“ (Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. IX, стр. 142—143).

Указанная рецензія, помимо своего полемическаго характера, дающаго матеріалъ для опредѣленія причинъ раздора и личныхъ несогласій, имѣетъ большой интересъ: она сразу ставитъ насъ въ курсъ дѣла и показываетъ громадную разницу между двумя научными направленіями въ лингвистикѣ: прежнимъ—направленіемъ абстрактно-философскимъ (И. И. Давыдова) и нынѣ еще господствующимъ—*историко-сравнительнымъ*, однимъ изъ первыхъ представителей котораго у насъ на Руси былъ Ѡ. И. Буслаевъ, авторъ первой „Исторической грамматики русскаго языка“. Мы позволимъ себѣ изложить эту рецензію или приговоръ новой школы надъ старою, какъ любопытный эпизодъ изъ исторіи русской лингвистики.

---

<sup>1)</sup> Стр. 297.

*Матеріалы для русской грамматики.*

О мѣстоименіяхъ вообще и о русскихъ въ особенности. I-я статья по отдѣленію русскаго языка и словесности, напечатанная въ особомъ прибавленіи къ журналу *Bulletin Scientifique*, издаваемому отъ историко-филологическаго отдѣленія Императорской академіи наукъ. Москвитянинъ, за 1845 г. Часть II, № 2, февраль. Стр. 41—55 (отдѣлъ критики).

Статьею о мѣстоименіяхъ начинается изданіе Академической грамматики, честь составленія которой предоставлена Московской комиссіи; послѣдняя принимаетъ на себя разработку матеріаловъ со стороны философской и исторической (по образцу Гримма).

Ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія, что въ филологіи направленіе историческое и сравнительное не въ примѣръ важнѣе философскаго. Философская грамматика возможна только такая, которая основывалась бы на самомъ подробномъ изученіи лингвистическомъ (какъ понималъ *Гумбольдтъ*). Исключительно же философское направленіе терпимо быть не можетъ, ибо вызываетъ въ авторѣ несамостоятельность, а въ его системѣ втяжку.

Мысль, кажется, проста, а между тѣмъ до сихъ поръ часто случается слышать, будто бы тотъ (т. е. Давыдовъ), кто умѣетъ судить, напр., хоть объ искусствѣ по результатамъ эстетики *Бахмана* или *Гегеля*,—гораздо самостоятельнѣе и глубокомысленнѣе того, кто самъ изучаетъ изящныя произведенія путемъ историческимъ по памятникамъ, соображаясь съ *Винкельманомъ* и *Отфр. Миллеромъ* (какъ самъ Буслаевъ, изучавшій ис-

торію искусства за границую именно съ этими книгами въ рукахъ). *Такіе философствующіе теоретики* позволяютъ себѣ даже *издѣваться* надъ скромными изслѣдователями фактовъ, клеймятъ ихъ именемъ *людей недалекихъ*, для которыхъ будто бы частное явленіе ограничиваетъ весь умственный горизонтъ, и *которымъ вовсе недоступны высокія и отвлеченныя идеи* <sup>1)</sup>.

Если перевести изъ какой-нибудь нѣмецкой философской грамматики общія начала, и къ нимъ приклеить нѣкоторыя частныя явленія языка русскаго, то русская грамматика будетъ сколкомъ съ чужой, и, какъ подраженіе, не будетъ имѣть никакого значенія: *выписывать легко*. Намѣреніе взять за образецъ *Гриммову Историческую Грамматику* заслуживаетъ похвалы самой безпристрастной. Но вотъ въ чемъ бѣда. Философствующіе составители грамматическихъ теорій слишкомъ презираютъ нашу старину, говоря, что исторіи русскаго языка, что-нибудь *раціональное*, нельзя обосновать на ошибкахъ безграмотныхъ писцовъ. Нарушая непрерывную связь современнаго съ преданіемъ, эти господа противорѣчатъ и самимъ себѣ, ибо думаютъ видѣть въ грамматикѣ *завѣтъ* отъ предковъ (выраженіе И. И. Давыдова). Заднею потаенною причиною такихъ мыслителей, кажется, надобно, почестъ то, что легче жить *чужимъ умомъ*, нежели своими трудами. Нельзя же предположить, чтобы, ослѣпленные упрямствомъ, они не видѣли, что *тупо* всякое заморское *философствованіе* тамъ, гдѣ оно надувается натяжками объяснить частный фактъ, который можно уразумѣть только при условіяхъ мѣстныхъ и своевременныхъ, что, наконецъ, чужими глазами ничего не увидишь самъ и прозѣваешь множество замѣчательныхъ явленій <sup>2)</sup>.

Всѣми доказанное основаніе исторической критики то, что прошедшее надобно измѣрять его же мѣриломъ; его то и

---

<sup>1)</sup> Стр. 42—43.

<sup>2)</sup> Стр. 44.

не понимаютъ многіе грамотеи, которыхъ можно характеризовать именемъ *пуристовъ*. Они воображаютъ себя заключенными въ магическомъ кругу нѣкоторыхъ грамматическихъ правилъ, которыми стрѣляютъ во все, чтò имъ не по сердцу, *чего не понимаютъ*, или чтò изучить трудно; они порицали даже самого Пушкина за грамматическія ошибки противъ дюжинныхъ учебниковъ. Языкъ русскій кажется имъ уже мертвымъ, отжившимъ, какъ латинскій или греческій; потому то они даже хотѣли оцѣнить современный языкъ *цикломъ* (какъ они выражаются) образцовыхъ писателей, такъ чтобы уже никто не смѣлъ долѣе показать и носу изъ-за принятаго въ образецъ авторитета. Этотъ планъ былъ отвергнутъ Академіею.

Не признавая законности прошедшаго, они сковываютъ и будущее преуспѣяніе языка, ибо хотятъ наложить тяжелыя цѣпи на теперешнее употребленіе. О послѣдовательности своихъ началъ пуристы не думаютъ: они не понимаютъ слога образцоваго, ибо не разумѣютъ существенныхъ стихій онаго, источниковъ слога авторитетныхъ писателей, языка древняго, народнаго <sup>1)</sup>. Старина имъ кажется запустѣлымъ кладбищемъ бѣдняковъ, отъ коихъ не осталось ни роду, ни племени; народность же они не умѣютъ отличить отъ простонародности. Отстраняясь отъ неизмѣнной, стоячей народности, туристы не терпятъ въ слогѣ и движенія впередъ; хватаясь за школьную грамматику, они хлопотливо подмѣчаютъ, вѣтъ ли у писателя (если онъ выступаетъ изъ колеи дюжинныхъ писаекъ) ошибки противъ согласованія и управленія словъ. Они хотятъ учить тому, чтò всѣмъ извѣстно, и не учатся сами, думаютъ надъ всѣми господствовать и попадають въ просакъ. Съ тяжелой гордостью онѣ общаются построить науку о языкѣ русскомъ на общихъ, непреложныхъ законахъ слова.

---

<sup>1)</sup> Стр. 45.



человѣческаго. И подумаешь, что они изучили вконецъ всю современную лингвистику, и на ея основаніи полагають свое ученіе: а между тѣмъ они только *по наслышкѣ* знаютъ *Гримма* или *Ренуара* или даже самого *Добровскаго*. Чѣмъ же, если не равнодушіемъ и посредственностью, объясняется въ нашей литературѣ существованіе таковыхъ отступниковъ отъ всего, что „*хранитъ и утверждаетъ языкъ*“ <sup>1)</sup> (слова Давыдова).

Философская часть разсужденія о мѣстоименіяхъ по своему исключительному характеру стоитъ въ рѣшительной противоположности съ историческою грамматикою *Гримма*, хотя послѣдняя будто бы и принята въ образецъ. Оставивъ въ сторонѣ глубокомысленную философію языка *Гумбольдта*, и не сообщаясь съ историческою и сравнительною лингвистикою современною, авторъ слишкомъ увлекся ученіемъ *Беккера* (*Organism der Sprache* <sup>2)</sup>). Буслаеву кажется, что 1) значеніе мѣстоименій не опредѣлено во всей глубинѣ и точности; 2) потому раздѣленіе ихъ является какимъ то случайнымъ дробленіемъ безъ основной мысли: т. е. раздѣленіе не исходитъ изъ опредѣленія, согласуясь съ основаніемъ дѣленія; 3) не показано прямое отношеніе и связь мѣстоименій личныхъ и указательныхъ съ адвербіальными; 4) не обращено вниманія, какъ и почему мѣстоименія являются суффиксами именъ и родственны съ нѣкоторыми частицами, именно съ союзами и предлогами. Слѣдовательно, значеніе мѣстоименій въ языкѣ не объяснено въ надлежащей полнотѣ <sup>3)</sup>. Буслаевъ рекомендуетъ Давыдову ознакомиться съ трудами *В. Гумбольдта* (*Ueb. d. Verwandschaft der Ortsadverbien mit dem Pronomen*), *Боппа* (*Ueb. einige Demonstrativ - Stämme*) и съ „Логическими изслѣдованіями“ *Тренделенбурга*.

---

<sup>1)</sup> Стр. 46.

<sup>2)</sup> Стр. 47.

<sup>3)</sup> Стр. 48.

Для точнѣйшаго опредѣленія мѣстоименій слѣдовало бы обратить вниманіе на отношеніе къ понятію вообще—съ одной стороны, и къ личности говорящаго, съ другой. Имя и глаголъ выражаютъ представленія общія, мѣстоименія же еще общѣй. Напр., въ предложеніи: „это человекъ ученый“, <sup>1)</sup> всѣ понятія общія—и „этотъ“, и „ученый“, и „человѣкъ“; мѣстоименіе же „это“ можетъ означать всѣ предметы, какіе только говорящему угодно разумѣть. Отношеніе частное выражается ими потому только, что я *указываю* на извѣстное лице, притомъ схватываю всѣ общія эти понятія въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстную минуту, и потому что свою личность ставлю передъ тѣмъ, о комъ говорю. Слѣдовательно, въ мѣстоименіяхъ надлежитъ отличать обозначеніе самого общаго понятія отъ обозначенія личности говорящаго. Языкъ живетъ въ разговорѣ. Отсюда видно, почему мѣстоименія личные должны быть источникомъ прочихъ. Это то личное обособляющее отношеніе между говорящими и должно служить основаніемъ дѣленію мѣстоименій. Давыдовъ же объясняетъ ихъ только изъ логическихъ началъ.

Отношеніе мѣстоименій къ нарѣчіямъ Давыдовъ понимаетъ только внѣшнимъ, формальнымъ образомъ. По мнѣнію Буслаева, слѣдовало бы глубже вникнуть въ значеніе личныхъ мѣстоименій, и изъ нихъ самихъ вывести необходимость сродства съ нарѣчіями. Отличіе мѣстоименій личныхъ частію основывается на понятіи *мѣста* <sup>2)</sup>, и изъ этого начала можно бы глубже постигнуть смыслъ адвербіальныхъ мѣстоименій.

Такъ какъ философія языка основывается на историческихъ и сравнительныхъ изслѣдованіяхъ, то недостатки первой всегда зависятъ отъ недостатка послѣднихъ. Давыдовъ не обратилъ, напр., вниманія на значеніе мѣстоименія *онъ, оный*, <sup>3)</sup>

---

<sup>1)</sup> Стр. 49.

<sup>2)</sup> Стр. 50.

<sup>3)</sup> Стр. 50—51.

хотя это есть у Боппа (на 51 стр. прим. 1 опечатка Сорр.). Производства Давыдова отличаются оригинальностью безъ соображенія съ изслѣдованіями современныхъ лингвистовъ; напр., *который* онъ производитъ изъ *кто + іетеръ* и не отличаетъ его отъ *иже*. Ни къ чему не ведетъ и объясненіе „самъ“ или „самый“; не выясненъ и коренный звукъ *д* (означающій мѣсто) въ *туда, всегда* и т. д. <sup>1)</sup>). Давыдову слѣдовало бы припомнить общепринятые въ ученомъ мірѣ положенія, съ тѣмъ, чтобы или принять ихъ, или отвергнуть.

Неполно и сбивчиво выражено правило о вставкѣ придаточнаго *и* между предлогомъ и мѣстоименіемъ *имъ, ихъ, ими*. Вставляется *и* и передъ *его, ея, ей*; притомъ иногда не вставляется, хотя имѣется предлогъ. Напр., „*отъ его дружбы ожидай себѣ больше зла, чѣмъ отъ его неприязни*“ <sup>2)</sup>).

Несточно опредѣлены въ § 23 относительныя мѣстоименія: они объясняютъ не только подлежащее и сказуемое, но и другія части главнаго предложенія. Напр., не подходитъ къ правилу Давыдова: „*нельзя уважать челоуѣка, который вредитъ многимъ своими продѣлками*“ <sup>3)</sup>).

Ошибается Давыдовъ, исключая кельтскій языкъ изъ индогерманскихъ, вопреки Пиктету и Боппу. Да и вмѣсто *Индогерманскіе* всѣми принято называть языки *Индоевропейскими*. Впрочемъ, весь грѣхъ падаетъ на Беккера, котораго Давыдовъ здѣсь въ § 9 и 11 перевелъ слово въ слово; даже и ссылки выписалъ оттуда же и въ томъ же порядкѣ. Даже указаніе на Добровскаго сдѣлано по Беккеру. Неужели же нѣмцы должны учить насъ даже и тому, какъ разбирать славянскую грамматику?

---

<sup>1)</sup> Стр. 53.

<sup>2)</sup> Стр. 53. Вѣроятно, это сознаніе и побудило Буслаева выступить противъ Давыдова.

<sup>3)</sup> Стр. 54.

Несомнѣнно, между строкъ рецензіи Ѳ. И. Буслаева на трактатъ И. И. Давыдова можно прочесть много. Одной изъ причинъ гнѣва рецензента нельзя не видѣть въ томъ, что философствующій теоретикъ позволилъ себѣ издѣваться надъ Ѳ. И., какъ надъ *недалекимъ*(!) человѣкомъ, неспособнымъ къ абстрактному мышленію (см. выше, стр. 12), и считалъ себя лучшимъ знатокомъ искусства, изучавъ однако же одну лишь теорію. Зато и Ѳ. И. не щадитъ высокоумнаго граммотея-пуриста: его заморское философствованіе—тупо, онъ лишь выписываетъ изъ чужихъ, нѣмецкихъ грамматикъ, не понимаетъ новой историко-грамматической школы, разрушаетъ въ языкѣ связь съ презираемою имъ стариною, считаетъ русскій языкъ мертвымъ; Давыдовъ, отстраняясь отъ народности и древней письменности, не понимаетъ и живого развитія языка, хочетъ учить, и ничему самъ не учится, по наслышкѣ знаетъ Добровскаго и Гримма, выхватываетъ свои философско-лингвистическія начала изъ Беккера (даже и славистику) и не изучалъ В. Гумбольдта. Наконецъ Ѳ. И. прямо *указываетъ* (стр. 15 выше) на *личность* И. И.: это—человѣкъ ученый (иронія?), но „отъ его дружбы ожидай себѣ больше зла, чѣмъ отъ его непріязни“, и заключаетъ: „нельзя уважать (Давыдова), человѣка, который вредитъ многимъ своими продѣлками“.

Теперь для сравненія приведемъ другой отзывъ объ ученыхъ заслугахъ И. И. Давыдова, — официальную оцѣнку его

„Опыта русской грамматики“, произнесенную отъ лица II-го отдѣленія Императорской академіи наукъ адъюнктомъ ея И. И. Срезневскимъ.

---

II. (Отчетъ Имп. Академіи Наукъ по отд. русскаго языка и словесности за 1850 годъ), СПБ. 1851 г. Приложение II, стр. 51—52.

„Важность этого труда опредѣлится вполнѣ только практическимъ его примѣненіемъ къ надобностямъ житейскимъ, когда онъ будетъ наконецъ изданъ, и когда сдѣлается настольною книгою образованныхъ Русскихъ, нуждающихся въ повѣркѣ своихъ знаній отечественнаго языка, ручною книгою молодого поколѣнія, еще не упрочившаго себѣ правилъ разумнаго пользованія богатствами родного слова. «Опытъ» нашего сочлена явится въ свѣтъ не только, какъ трудъ ученаго, но и какъ произведеніе писателя, упрочившаго свою славу искусствомъ владѣть роднымъ языкомъ, какъ голосъ художника, который самъ высказываетъ, чѣмъ онъ руководствовался въ своихъ произведеніяхъ, когда облачалъ ихъ въ слово, и этому слову давалъ жизнь, понятную для всякаго Русскаго. Грамматика чисто ученая можетъ быть написана всякимъ ученымъ и выйдетъ изъ-подъ рукъ всякаго ученаго, не оставшаго отъ современнаго состоянія филологіи, тѣмъ лучше, чѣмъ богаче будетъ наблюденіями отгѣнковъ языка временныхъ и мѣстныхъ и ихъ умнымъ соображеніемъ и объясненіемъ. Грамматика практическая, грамматика живого языка образованнаго общества и литературы, можетъ имѣть истинный успѣхъ только тогда, когда написана писателемъ, котораго уму и вкусу привыкли довѣрять, въ которомъ знаніе

языка оправдалось умѣньемъ имъ пользоваться. Таковой именно практической грамматикой явится въ свѣтъ произведеніе нашего знаменитаго сочлена, подъ скромнымъ названіемъ «Опыта». Пусть въ ней будутъ и несовершенства, пусть и не все въ ней будетъ ново: несмотря на все это, она явится, какъ авторитетъ, заранѣе утвержденный, и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, какъ явленіе новое и въ высшей степени замѣчательное. Произведеніе Давыдова будетъ явленіемъ тѣмъ болѣе новымъ въ области литературы нашей, что оно будетъ первымъ въ своемъ родѣ по мысли и по выполненію“.

Мы привели заключеніе отзыва. Весь отзывъ цѣликомъ былъ еще разъ перепечатанъ въ книгѣ „Отчеты Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе съ его учрежденія“. СПб. 1852. За 1850 г. Приложение II, см. стр. 310—312. Отчетъ составленъ орд. акад. *П. А. Плетневымъ* и читанъ имъ въ публичномъ торжественномъ собраніи Академіи 29 декабря 1850 г.

Сравнимъ еще отзывъ А. В. Никитенка, „Моя повѣсть“, т. I, стр. 521, октябрь 1850 г.: (21) „Управл. министерствомъ (А. С. Норовъ) передалъ мнѣ секретно для разсмотрѣнія „Грамматику русскаго языка“ И. И. Давыдова—съ тѣмъ, чтобы я сдѣлалъ на нее свои замѣчанія“. (29) „Разсмотрѣлъ грамматику Давыдова. Въ ней самостоятельно только предисловіе и введеніе: остальное заимствовано изъ разныхъ уже существующихъ у насъ трудовъ по части языка. Вообще книга эта полезна для учащихся, но не для учащихся, ибо изложеніе ея крайне туманно, а введеніе напыщенно, отъ чего парализуются ея достоинства“.

Приступая къ разбору дальнѣйшихъ мотивовъ нападенія или вылазки **Ө. И. Буслаева** противъ своего учителя, мы можемъ отмѣтить, что, кромѣ личнаго раздраженія, **Ө. И.** чѣмъ могло руководить и чувство, такъ сказать, партійной вражды. Припомнимъ, что **Ө. И.** былъ излюбленнымъ протеже графа **С. Г. Строганова**, который и опредѣлилъ его въ Московскій университетъ—въ помощь **Степану Петр. Шевыреву**,—причемъ не отступилъ передъ препирательствомъ съ **С. С. Уваровымъ**, покровительствовавшимъ Шевыреву и его друзьямъ (объ этомъ любопытномъ препирательствѣ читай документы у **Н. П. Барсукова**, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, т. VII, стр. 157—159); тотъ же графъ **Строгановъ** ввелъ **Ө. И. Буслаева** впоследствии во дворецъ въ качествѣ преподавателя для безвременно опочившаго **Наслѣдника-Цесаревича Николая Александровича**. **Строгановъ** терпѣть не могъ **И. И. Давыдова** (см. ниже, стр. 37), протеже **Уварова**, съ которымъ былъ онъ самъ во враждѣ, и отъ котораго получилъ *сюр де грâсе* на мѣстѣ попечителя Московскаго учебнаго округа. Нападая на **И. И. Давыдова**, разоблачая истинный уровень его учености, **Ө. И. Буслаевъ** зналъ, что не дѣлаетъ неугодное своему благодѣтелю—графу **С. Г. Строганову**.

Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, въ этой схваткѣ „отцовъ“ и „дѣтей“ были и болѣе чистые мотивы, чѣмъ оскорбленное самолюбие и партійная вражда. Это была также борьба двухъ мировоззрѣній въ ихъ приложеніи къ спеціальной области

изученія языка: одно міровоззрѣніе стремилось создать раціональную систему языка,—систему, обоснованную на неизблѣмыхъ законахъ ума; и прекрасное признавало оно таковымъ только, если оно оправдывало апіорныя, заранѣ построенныя формулы нѣмецкой эстетики; другое міровоззрѣніе изъ живыхъ единичныхъ явленій и фактовъ языка, и только—на основаніи ихъ считало возможнымъ когда-либо потомъ построить общіе выводы: въ поискѣ за живыми и типичными явленіями новые лингвисты не брезговали (какъ прежніе „пуристы“) ни разговорнымъ народнымъ языкомъ съ его діалектами, ни старинною письменностію съ ея „безграмотностію“; настоящую степень развитія языка полагали они должнымъ изучать единственно въ связи ея съ цѣлою исторією языка и всей совокупностію старины; ту же общенсторическую точку Буслаевъ примѣнялъ и къ искусству, и къ прекрасному; его интересовалъ самый памятникъ, исторія и условія его возникновенія, его историческій *raison d'être*, а не его эстетическая цѣнность по §§ №№ курса эстетики Бахмана или Гегеля.

Эти два міровоззрѣнія *toto coelo* разнились между собой, и не имѣя никакихъ общихъ точекъ соприкосновенія, не могли не враждовать другъ съ другомъ. Каждое изъ нихъ: и философское, и историческое, имѣли и имѣютъ законное право на существованіе: они дополняютъ другъ отъ друга; но служа въ своей отдѣльности знаменами двухъ партій, они влекли своихъ поклонниковъ въ бой. Имѣя свои достоинства, оба страдали, благодаря разособленности другъ отъ друга, и важными недостатками: философъ-лингвистъ терялъ чутье жизни и въ настоящемъ, и въ прошломъ языка; историкъ, не имѣя готовыхъ формулъ и рубрикъ для обобщенія и сортировки явленій, терялся въ ихъ многообразіи и многочисленности, упускалъ лѣсъ изъ-за деревьевъ.



И. И. Давыдовъ обладалъ большими философскими дарованіями. Философъ-медикъ Д. М. Велланскій сообщалъ Н. И. Розанову, что, по его мнѣнію, „Давыдовъ болѣе М. Г. Павлова способенъ къ философскимъ воззрѣніямъ, и что онъ съ большими свѣдѣніями по части философіи“ <sup>1)</sup>. Наконецъ, И. И. Давыдовъ писалъ по философіи статьи и брошюры, былъ профессоромъ философіи, но, какъ извѣстно, въ самомъ началѣ своей карьеры въ 1826 г. пострадалъ и лишился каедръ, благодаря доносу (тогда еще флигель-адъютанта) того же графа С. Г. Строганова, усмотрѣвшаго въ его лекціяхъ по философіи вредъ.....

Ө. И. Буслаевъ не былъ рожденъ философомъ, не любилъ философію, мало зналъ ее: хоть и пытался заниматься ею, но безуспѣшно. Объ этомъ онъ самъ сообщаетъ въ „Воспоминаніяхъ“ съ рѣдкою откровенностью.

„Я готовился къ своему магистерству по предварительному взаимному соглашенію съ экзаменаторами. Они хорошо знали о моихъ успѣшныхъ занятіяхъ за границею и отнеслись ко мнѣ благодушно и снисходительно, не въ примѣръ другимъ, можетъ быть, отчасти и *изъ уваженія къ графу(!)* <sup>2)</sup>, который меня любилъ и жаловалъ, заботясь о моемъ образованіи. Ихъ было четверо: деканъ факультета Иванъ Ивановичъ Давыдовъ долженъ былъ экзаменовать меня изъ теоріи словесности и языка (изъ такъ называемой общей грамматики); Степанъ Петровичъ Шевыревъ—изъ исторіи иностранной и русской литературы; Осипъ Максимовичъ Бодянский—изъ славянскихъ нарѣчій, и Дмитрій Львовичъ Крюковъ—изъ философіи, такъ какъ спеціального профессора по этому предмету въ московскомъ университетѣ тогда не было.

---

<sup>1)</sup> «Философія въ Россіи», т. II, стр. 113.

<sup>2)</sup> Т. е. къ С. Г. Строганову.

Явиться съ отвѣтомъ на судъ передъ Давыдовымъ и Шевыревымъ я чувствовалъ себя вполне готовымъ. Но философія была для меня темнымъ лѣсомъ. Никогда не любилъ я отвлеченностей, не люблю и теперь. Крюковъ пощадилъ меня и назначилъ для экзамена изъ головоломной философіи Гегеля только эстетику и этимъ однимъ ограничилъ свои требованія<sup>1)</sup>.

Еще наввиѣе повѣствуетъ нашъ великій знатокъ русской „живой старины“ о своихъ философскихъ штудіяхъ въ отрочествѣ и о попыткахъ самостоятельнаго философствованія, дѣйствительно, совсѣмъ дѣтскихъ и неумѣлыхъ (стр. 84—85).

„Если съ семинаристами младшихъ классовъ я дѣлилъ свои игры и забавы, то риторы и философы нашего надворнаго флигеля приносили мнѣ существенную пользу, расширяя кругъ моихъ гимназическихъ свѣденій. Они познакомили меня съ двумя руководствами на латинскомъ языкѣ, принятыми тогда въ семинаріи. Это были: риторика Бургія и философія Баумейстера.

Русскіе учебники, по которымъ я проходилъ риторику и логику въ гимназій, достаточно подготовили меня къ пониманію обоихъ семинарскихъ руководствъ, которыя, сверхъ того, были мнѣ полезны, какъ практическое упражненіе въ латинскомъ языкѣ.

Тогда я былъ очень заинтересованъ философіею: „philosophisch gesinnt“, какъ говорятъ нѣмцы. Случайно увидѣлъ я у Дмитрія Осиповича Львова рукописныя лекціи Голубинскаго, впоследствии знаменитаго профессора философіи въ московской духовной академіи; выпросилъ ихъ у своего наставника и сталъ читать ихъ съ живѣйшимъ увлеченіемъ,

---

<sup>1)</sup> Стр. 276.

но *едва-ли съ толкомъ*. Меня особенно занимало философское учение о я и не-я, а также о пространствѣ и времени и о безконечномъ. Передамъ вамъ, сколько помню, какіе дѣлалъ я надъ собою *опыты для нагляднаго уразумѣнія* философскихъ терминовъ я и не-я. Напримѣръ: умъ—мой, чувство—мое, рука моя, но это все не есть я, то-есть не-я: что-же такое есть это загадочное, неуловимое я? Давай смотрѣться въ зеркало: вотъ и лицо съ глазами и носомъ, и грудь, и руки, и ноги, и весь я—все это не-я; такимъ образомъ оба эти термина начинаютъ спотыкаться и перепутываться въ моей головѣ, а я все смотрю на себя въ зеркало: и мое лицо кажется уже не моимъ, а чужимъ, и руки кажутся чужими, и весь являюсь я для себя чужимъ; это ужъ не я, а мой страшный двойникъ. Въ испугѣ я трясу головой, махаю надъ нею обѣими руками, будто гоню изъ нея дьявольское навожденіе, и бѣгу стремглавъ отъ своего страшнаго двойника на волю—подъ открытое небо. Что же касается до философіи о пространствѣ и времени и о безконечномъ, то въ ней обращалъ на себя мое вниманіе вопросъ о безконечномъ. Я ухищрялся разрѣшить его себѣ также путемъ *наглядности*. Для времени я бралъ настоящую минуту и отъ нея велъ самого себя и назадъ, въ безпредѣльное прошедшее, и впередъ, въ безпредѣльное будущее; то же дѣлалъ и для пространства, исходя отъ того пункта, гдѣ сижу или стою, и также направляясь мысленно назадъ и впередъ въ безконечную даль. Мнѣ очень понятно и ясно представлялась возможность вѣчно идти впередъ или вѣчно впередъ жить до безконечности и въ безконечности; но когда мысли мои обращались назадъ для пространства и времени, я никакъ не могъ представить себѣ вразумительно и наглядно ни безпредѣльности, ни безначальности, и становился втупикъ, а чѣмъ сильнѣе напрягалъ свои мысли и воображеніе, тѣмъ глубже тонулъ въ потемкахъ своей философской путаницы. Этотъ

умозрительный кошмаръ сильно меня озадачивалъ тогда и потому засѣлъ влиномъ въ моей памяти“.

Особенно интересно въ этомъ отрывкѣ стремленіе Бу-слаева къ „наглядности“ при уразумѣннн даже наиввлечен-нѣйшихъ философскихъ *понятій*. Символизация понятія въ *образъ* есть отличительная способность художника: эта ху-дожническая черта, противоположная строго-абстрактному философскому мышленію въ понятіяхъ, и была отличительною въ характерѣ Kunstenthusiast 'а *Θ. И. Буслаева*. *И. И. Да-выдовъ* былъ правъ: *Θ. И.* не былъ философомъ и Kunst-theoretiker, но былъ Kunsthistoriker.

Что касается философскаго образованія *Θ. Ив—ча*, то мы узнаёмъ, что онъ проходилъ философскія науки и въ гим-назін, и въ университетѣ. „Какой-то учебникъ логики и ри-торики *Кошанскаго* былъ у насъ въ рукахъ только во время класса, и мы шутя заучивали все, что было намъ надобно, со словъ преподавателя этихъ предметовъ, *Насона Петровича Естропова*. Въ логику забавляли насъ различные виды сил-логизмовъ, и мы любили между собою играть въ сориты, энтимемы, дилеммы и въ различные софизмы, завязывая и распутывая хитросплетенные узлы умозаключеній“ (стр. 60). „Моею охотою философствовать *Дм. Ос.* удачно воспользовался для практическихъ занятій въ латинскомъ языкѣ. Онъ читалъ со мною *Баумейстера* и изъ прочитаннаго и объясненнаго дѣлалъ мнѣ вопросы по латыни, и я долженъ былъ отвѣчать ему на томъ же языкѣ“ (стр. 85). „Собственно намъ, перво-курсникамъ, *Надеждинъ* читалъ логику по руководству шел-лингиста *Бахманна* очень толково, понятливо и ясно“ (стр. 123).

Рѣзкій отзывъ дѣлаетъ о философіи *Θ. И. Буслаевъ* въ пись-мѣ въ своему ученику, пажу, барону *Михаилу Львовичу Боде—* въ Петербургъ, изъ Москвы отъ 26 октября 1841 г. („Мои воспоминанія“, стр. 273): „Найду ли въ читателяхъ сочувствіе въ тѣхъ мысляхъ, которыми наполняются теперь всѣ мои думы (sic)?“

Вотъ вопросъ, который и занимаетъ, и спутываетъ меня! Пишутъ же въ нашихъ журналахъ *для кого-нибудь философскую галлматю*, немилосердно коверкая прусскую философію Гегеля! Образъ *моихъ* возрѣній, по крайней мѣрѣ, могъ бы быть *животворнѣ* для нравственнаго чувства и ближе къ душѣ“.

---

Для полноты объясненія, какъ возникла эта рецензія Ѳ. И. Буслаева, упомянемъ еще объ одномъ пикантномъ эпизодѣ (за 2 года передъ тѣмъ) изъ отношеній его къ И. И. Давыдову, сохраненномъ намъ М. Н. Катковымъ:

„Буслаевъ прилежно занимается своими археологическими и филологическими изученіями. Съ нимъ недавно случилась вотъ какая исторія. Онъ былъ у *И. И. Давыдова*; разговоръ коснулся книги *Павскаго*. „Что Вы о ней думаете“? спросилъ ученый мужъ.—„У меня кое-что набросано“, отвѣчаетъ Буслаевъ. — „Принесите мнѣ взглянуть Ваши замѣтки“. Буслаевъ ихъ приносить—и что же? Недѣли черезъ двѣ имѣть удовольствіе читать ихъ четко напечатанными въ „Москвитянинѣ“, въ критической статьѣ, подписанной именемъ Ив. Ив. Давыдова“<sup>1)</sup>.

Рецензія И. И. Давыдова на „Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка; три разсужденія“ протоіерея *Г. Павскаго*, дѣйствительно, появилась въ журналѣ „Москвитянинѣ“ за 1843 г.—въ трехъ книжкахъ, соотвѣтственно тремъ разсужденіямъ автора. I. статья помѣщена въ I части, № 2, въ отдѣлѣ „Критика“, ст. I, стр. 521—536 (I. Возрѣ-

---

<sup>1)</sup> Письма М. Н. Каткова къ А. Н. Попову (1843—1857), письмо № 2—отъ 20 февраля 1843 г. изъ Москвы, стр. 482 въ «Русскомъ Архивѣ» (т. 26-й) за 1888 г., II, 8, ст. 5.

ніе на развитіе языка вообще, стр. 523, II. Органическое звукообразование, стр. 529). II статья („Критика“, ст. II) — въ части II, № 3, стр. 195—206 (III. Составъ именъ существительныхъ, стр. 196, IV. Различные изгибы именъ существительныхъ, стр. 202). III статья (въ томъ же отдѣлѣ, ст. II) въ части III, № 5, ст. II, стр. 178—195. V. Общія свойства глагола, стр. 178 (съ особенною похвалою о теоріи *Θ. А. Ламтеншельда*, стр. 181—183). VI Система русскаго глагола, стр. 184. Подписано И. Д.

Воспользовался ли И. И. Давыдовъ замѣтками Буслаева, или нѣтъ, несомнѣнно, что и самъ И. И. очень усердно трудился надъ изученіемъ труда Павскаго. 23 февраля 1843 г. онъ писалъ Погодину, редактору „Москвитянина“: „Всю масленицу просидѣлъ надъ статьею: боюсь, чтобы она не отзывалась блинами. Съ протоіереемъ возиться не какъ съ своимъ братомъ. При томъ я только масленицу посидѣлъ надъ этимъ дѣломъ, а онъ, думаю, нѣсколько великихъ постовъ имъ занимался. Пріятно съ такимъ ученымъ было бесѣдовать“. Препровождая Погодину конецъ своей статьи—черезъ 2 мѣсяца, т. е. 23 апрѣля, Давыдовъ признается: „Измучилъ отецъ протоіерей; съ нимъ толковать *трудновато*. Надѣюсь, что завтра мы увидимся на экзамень Буслаева“<sup>1)</sup>.

Это сообщеніе имѣло бы особенную пикантность. Учитель, выманивающій у своего ученика его замѣтки передъ экзаменомъ, т. е. въ тотъ моментъ, когда онъ *не можетъ* отказать, и затѣмъ печатающій эти чужія замѣтки отъ своего имени, заслуживалъ бы полного отвращенія. Но намъ кажется, что этотъ плагиатъ (въ крайнемъ случаѣ, можно допустить, что И. И. воспользовался нѣкоторыми мыслями *Θ. И. Буслаева*, заимствуя ихъ изъ устной бесѣды) едва ли не относится къ области *сплетенъ*, какими всегда преизобилуетъ исторія всякаго

---

<sup>1)</sup> Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. VII, стр. 186.

университета.... Ознакомляясь съ рецензіей, мы скорѣе готовы приписать авторство ея самому И. И. Давыдову (напр., увлеченіе Беккеромъ и т. д.).

Возникновеніе такого гадваго слуха можно объяснить лишь тѣмъ, что за И. И-чемъ дѣйствительно водились многіе грѣхи и грѣшки, и что относительно его готовы были вѣрить всему. Повидимому, дѣйствительно, И. И. Давыдова трудно было уважать, какъ человѣка. О немъ гуляли по Москвѣ цѣлыя сказанія, имѣвшія въ большей или меньшей степени реальную основу. Что касается рецензіи на трудъ Павскаго, то самъ Буслаевъ, конечно, не преминулъ бы упомянуть объ этой исторіи, и разумѣется, не могъ бы столь примирительно относиться къ И. И—чу впоследствии....

Изъ богатой сокровищницы сказаній о дѣяніяхъ И. И. Давыдова почерпаемъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ. Не забудемъ, впрочемъ, что эти сказанія исходятъ, частію, изъ устъ его завлѣтыхъ враговъ—или личныхъ, или въ угоду графу С. Г. Строганову, который, хотя и не создавалъ себѣ блики льстецовъ, какъ это дѣлалъ С. С. Уваровъ, но, покровительствуя упорно лишь одной партіи въ университетѣ, какъ бы записывалъ себя въ ея ряды <sup>1)</sup>....

На особенную роль западниковъ, группировавшихся подъ крыломъ гр. С. Г. Строганова, и бывшихъ почти поголовно приверженцами нѣмецкой науки и философіи Гегеля, надо полагать, указываетъ О. М. Боянскій въ своемъ письмѣ къ М. П. Погодину: „Въ запискѣ своей поручаете Вы сказать мнѣ графу Строганову о томъ, какъ Вы думаете объ его дѣйствіи въ этомъ дѣлѣ и вообще объ отношеніяхъ его къ Вамъ и Вашимъ къ нему. Признаюсь, никогда не ждалъ я этой

---

<sup>1)</sup> К. Д. Кавелинъ свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ Н. П. Барсукову: «Графъ Строгановъ поддерживалъ въ университетѣ западную партію» (Н. и т. Погодина, т. IX, стр. 247).

чести отъ Васъ: развѣ я *въстопицки* какой, *переносчикъ*, посредникъ между спорящими лицами? Развѣ я *гегелистъ*? Нуждаюсь въ этихъ *нѣмецкихъ фортецахъ* для чего бы то ни было?“ <sup>1)</sup>.

---

Переходимъ къ повѣсти о дѣяніяхъ И. И. Давыдова. На первомъ мѣстѣ помѣстимъ рассказъ его ученика, а потомъ коллеги, С. М. Соловьева.

„Деканомъ факультета былъ И. И. Давыдовъ. Это былъ человекъ, бесспорно, очень даровитый, способный къ многосторонней дѣятельности, могшій принести большую пользу наукѣ, если бѣ посвятилъ ей всего себя. Но онъ посвятилъ всего себя удовлетворенію одной страсти — честолюбія — и честолюбія самаго мелкаго. Мало того, что, думая, хлопоча только о почестяхъ, онъ пренебрегъ наукою, скоро сдѣлался ученымъ отставшимъ, онъ продалъ дьяволу свою душу, ибо для достиженія почестей считалъ всѣ средства позволенными: ни по чемъ было ему очернить человека, загораживавшаго ему дорогу, погубить его въ общественномъ мнѣніи, ни по чемъ ему было унизиться до самой невообразимой лести предъ человекомъ сильнымъ и предъ лакеями человека сильнаго. Не обращая никакого вниманія на умственные и нравственные достоинства человека, онъ уважалъ только людей сильныхъ, могущихъ быть ему полезными или вредными.

Не имѣя ни вѣры, ни совѣсти, этотъ человекъ, смотря по надобности, притворялся самымъ благочестивымъ: равнодушный къ вѣрѣ съ равнодушнымъ къ ней министромъ *Уваровымъ*, онъ благоговѣнно молился на колѣняхъ съ набожнымъ министромъ *Ширинскимъ-Шихматовымъ*. Однажды ему нужно было снискать благосклонность нѣоторыхъ богомольныхъ

---

<sup>1)</sup> Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. VIII, стр. 153.



барынь: вотъ онъ явился въ ихъ общество; ходя по комнатѣ, пошелъ въ карманъ за платкомъ и, какъ будто неварочно выронилъ изъ кармана маленькую книжку. Ему ее подняли, и любопытная барыня спросила, что это за карманная книжка у профессора: оказалось, что это *Омы Кемпійскаго* „О подражаніи Христу“! <sup>1)</sup>).

Этотъ любитель *Омы Кемпійскаго* встрѣтилъ на своей дорогѣ *Каченовскаго*. Чтобы повредить ему, онъ прикинулся ему другомъ, сталъ безпрестанно къ нему ѣздить и уговорилъ его посѣщать клубъ, сталъ увлекать его туда безпрестанно, и это-то была главная цѣль его дружества: онъ началъ съ сожалѣніемъ рассказывать всѣмъ и каждому, что вотъ какое несчастіе! такой достойный ученый, какъ Каченовскій, пристрастился къ клубу, къ игрѣ, покинулъ семейство, науку, и онъ, Давыдовъ, изъ дружбы къ нему слѣдуетъ за нимъ, не покидаетъ его, ища случая отвратить отъ пагубной страсти.

Жалкое зрѣлище представлялъ изъ себя Давыдовъ, когда ждалъ чина или ордена; безпокойство и волненіе его не имѣли границъ. Даже узнавъ, что представленіе подписано Императоромъ, онъ не могъ успокоиться, спрашивалъ, не можетъ ли случиться, что курьера, везущаго орденъ или чинъ, постигло какое-нибудь несчастіе на дорогѣ, и не можетъ ли этотъ случай отдалить новое представленіе на неопредѣленное время; не бывало ли тому прежде примѣровъ? Получивъ первую звѣзду Станислава, Давыдовъ не постыдился объявить, что высшіе ордена производятъ удивительное дѣйствіе, что онъ чувствуетъ себя нравственно лучше, выше, получивъ звѣзду. Получивъ орденъ Владимира 2 степени, онъ встрѣтился съ профессоромъ Никитенко и началъ внушать ему, что во всей

---

<sup>1)</sup> Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева, гл. I; «Русскій Вѣстникъ», годъ 40-й, т. 242, февраль 1896 г., ст. II, стр. 13.

Россіи чрезвычайно мало людей, которые имѣли бы Владимірскую звѣзду въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника <sup>1)</sup>).

Но что было въ Давыдовѣ хуже всего—это страшная мстительность: пресмыкаясь передъ сильными, онъ требовалъ пресмыканія передъ собою отъ всѣхъ, которые были ниже, слабѣе его—и горе человѣку, въ которомъ онъ заподозрилъ чувства враждебныя къ себѣ, или, по крайней мѣрѣ, недостатковъ раболѣпства; понятенъ вредъ, который причинялъ Давыдовъ своимъ характеромъ: понятно, что нашлось много людей, которые соглашались предъ нимъ раболѣпствовать, получали чрезъ него мѣста, выгоды—и все это были люди дрянные; люди порядочные, не соглашавшіеся предъ нимъ раболѣпствовать, подвергались гоненію <sup>2)</sup>). Крайне вредно было его деканство тѣмъ, что онъ изъ низкихъ видовъ явно оказывалъ поблажку студентамъ—отецкимъ дѣтомъ, выводилъ ихъ, лаваль высшіе баллы, высшія степени не по достоинству, въ предосужденіе другимъ, болѣе достойнымъ, но отъ которыхъ деканъ не надѣялся получить ничего.

При страшномъ честолюбіи не оставлялъ удовлетворять и другой страсти—корыстолюбію: онъ сильно пользовался казеннымъ добромъ, когда былъ инспекторомъ университетскаго пансіона, любилъ брать и отъ студентовъ, т. е. отъ ихъ родителей—богатые подарки въ благодарность за покровительство сынкамъ.....

Я долженъ былъ слушать Давыдова съ перваго курса и слушалъ очень долго, потому что второй профессоръ—Шевыревъ былъ въ это время за границею. Содержаніемъ лекцій Давыдова было то, что уже мы знали изъ напечатаннаго въ

---

<sup>1)</sup> Стр. 14.

<sup>2)</sup> Возстановленное мѣсто въ примѣчаніи на стр. 54 статьи въ мартовской книжкѣ.

его „Чтеніяхъ о словесности“; книга извѣстна: слѣдовательно, мнѣ не нужно распространяться о ея достоинствѣ. Но Давыдову не хотѣлось читать слово въ слово по книгѣ, и потому онъ прибѣгалъ къ средству, возможному только для него, именно, цѣлый годъ переливать изъ пустого въ порожнее. Вся лекція состояла изъ набора словъ для выраженія извѣстнаго и преизвѣстнаго уже; студенты слушали сначала со вниманіемъ, ожидая, что же выйдетъ; подъ конецъ ничего не выходило,—и потому курсу Давыдова дали названіе „*Ничто о ничѣмъ* или теорія краснорѣчія“. Къ счастью профессоръ избавлялъ студентовъ отъ большого утомленія слѣдующимъ средствомъ: ему нужно было читать 2 часа сряду, но онъ приходилъ въ половинѣ перваго часа, уходилъ въ половинѣ втораго и читалъ только часть<sup>1)</sup>.

„Я сказалъ: Погодинъ смѣлъ на доброе дѣло<sup>2)</sup>: значить, въ немъ были побужденія къ добрымъ дѣламъ; это не былъ Давыдовъ, способный только *на одно дурное*, хотя съ другой стороны, даже и Давыдовъ не такъ оскорблялъ своимъ поведеніемъ, какъ Погодинъ, ибо у Давыдова не было такого цинизма, какъ у Погодина“.

Гр. А. Н. Панинъ, представившій попечителю московскаго учебнаго округа кн. С. М. Голицину записку о профессорахъ университета въ апрѣлѣ 1831 г., говоритъ о Давыдовѣ: „Ума палата, но смотреть въ лѣсъ отъ безнадежности его судьбы на поприщѣ наукъ“ („Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ“, за 1870 г. октябрь—декабрь, кн. IV, отд. V, Смѣсь, „Памятная записка“ (изд. О. М. Бодянскимъ, стр. 217).

---

<sup>1)</sup> Февраль, стр. 14—15.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 21—22.

*К. С. Аксаковъ* въ своихъ воспоминаніяхъ („Воспоминаніе студентства“ [1832—1835 годовъ] въ журналѣ „День“, за 1862 г., № 40 отъ 6 октября, Общій отд.): „О Давыдовѣ И. И. скажу только, что въ его напечатанномъ курсѣ есть слѣдующія слова: „О великихъ людяхъ пишемъ мы *длинными* стихами, потому что воображаемъ ихъ себѣ *большого* роста“ (стр. 4, столбецъ I).

Отъ него же узнаемъ, что И. И., когда нужно было, не прочь былъ замесивать и подмазываться даже къ студентамъ: „Въ 1835 г. праздновали день основанія университета.... мнѣ было 17 лѣтъ. Однажды Давыдовъ послѣ или прежде своей лекціи объявилъ мнѣ, что профессора просятъ меня написать стихи на этотъ день; Давыдовъ, говоря это, обнималъ меня—какъ то съ боку, называлъ „*товарищъ*“ (!) (стр. 6, ст. I).

Весьма характерно и столкновеніе И. И. Давыдова съ А. Д. Галаховымъ изъ-за „Христоматіи“. Здѣсь вполнѣ оправдывается мнѣніе С. М. Соловьева о злопамятности и мстительности И. И.—ча (стр. 31 выше):

„Уже при VI изданіи моей книги („Христоматіи“) въ 1853 г. грянулъ на нее громъ съ той стороны, откуда менѣе всего его ожидалось. Я жилъ въ Москвѣ, и экземпляръ моей книги, поданный въ цензуру, былъ отправленъ въ Спб на разсмотрѣніе директору педагогическаго института И. И. Давыдову, бывшему прежде инспекторомъ Александровскаго сиротскаго института въ Москвѣ, гдѣ и я состоялъ преподавателемъ. Въ то время я пользовался его благосклонностью. Но это чувство замѣнилось противоположнымъ съ тѣхъ поръ, какъ я по порученію *Я. И. Ростовцева*, начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, составилъ для нихъ конспектъ и программы русскаго языка и словесности. Указывая пособія, нужныя для ознакомленія съ этими предметами, я не включилъ въ ихъ число „Чтеній о словесности“, т. е. лекцій, читанныхъ Давыдовымъ въ Московскомъ университетѣ. Отсюда

гнѣвъ и немилость. Цензоръ задумалъ, если не совсѣмъ забраковать мою книгу, то, по малой мѣрѣ, задержать ее, поприжать. Я былъ поставленъ въ непріятное положеніе: экземпляровъ предыдущаго изданія оставалось немного, а приступать къ новому, не дождавшись цензурнаго разрѣшенія, было дѣломъ рискованнымъ. Подумавъ, я рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству Я. И. Ростовцева, въ то время бывшаго въ большой силѣ. И вотъ Давыдовъ, волей-неволей, хотя-нехота долженъ былъ исполнить мое желаніе. Просматривая возвращенный мнѣ экземпляръ, нѣтъ ли какихъ замѣчаній или перемѣнъ, я съ изумленіемъ остановился на отрывкѣ изъ „Похвальнаго Слова“ Карамзина Екатеринѣ Великой. Извѣстно, что въ этомъ словѣ авторъ обращается къ читателямъ съ воззваніемъ: „Сограждане!“ И что же? Это воззваніе вездѣ было зачеркнуто, какъ нѣчто запретное. Нельзя было удержаться отъ смѣха при мысли, до чего довела свою боязливость цензура: даже Карамзина чуть-чуть не причислила къ поклонникамъ революціи. При свиданіи съ Давыдовымъ я признался въ моемъ изумленіи. — „Чему жъ тутъ изумляться?“ отвѣчалъ онъ спокойно и равнодушно. „Въ настоящее время (1853 г.) и французы не смѣютъ говорить „сопсі-тоуен“. Дѣлать было нечего, реставрировать опальное слово не позволялось, и вотъ изъ 20 слишкомъ изданій моей „Русской Христоматіи“ въ *шестомъ* (т. I) похвальная рѣчь Карамзина Екатеринѣ такъ и осталась безъ *согражданъ*, благодаря перевороту, учиненному въ Франціи Наполеономъ III“<sup>1)</sup>.

О способахъ И. И.—ча воздѣйствовать на графа С. С. Уварова, знаменитаго наслѣдника по молодому богачу „Лу-

---

<sup>1)</sup> А. Галаховъ, «Исторія одной книги», стр. 566—567, «Историческій Вѣстникъ», г. 12-й, т. 44, 1891 г., июнь, ст. II.

куллу“, послушаемъ человѣка правдиваго и безпристрастнаго, проф. А. В. Никитенка.

„Профессоръ Давыдовъ въ большой милости у Уварова. Онъ добился этого *грубою лестью*, которую министр всегда принимаетъ съ простодушіемъ ребенка, чему нельзя не удивляться, ибо у него нельзя отнять ума, если не глубокаго, то во всякомъ случаѣ, сметливаго. Давыдовъ особенно завоевалъ его сердце статью о „Порѣчьѣ“, деревнѣ Уварова,—статьею тою льстивою, что она насмѣшила всѣхъ въ Петербургѣ, гдѣ нравы не такъ уже наивны, какъ въ Москвѣ. Уваровъ теперь принялъ здѣсь Давыдова съ распростертыми объятіями. Недавно онъ заставилъ его прочесть по одной лекціи въ Екатерининскомъ институтѣ и Смольномъ монастырѣ, объявивъ предварительно дѣвицамъ этихъ заведеній, что онѣ услышатъ „русскаго Вильмена“. Давыдовъ явился и не произвелъ ожидаемаго эффекта. Особенно не по вкусу пришелся онъ въ Смольномъ монастырѣ. Дѣлая тамъ обзоръ русской литературы, онъ отказалъ въ поэтическомъ дарѣ Державину и вовсе не упомянулъ о Пушкинѣ,—разумѣется, изъ желанія угодить Уварову, который никакъ не можетъ забыть „Лукулла“. Въ заключеніе Давыдовъ сказалъ, что всему въ Россіи даетъ живнѣ и направленіе министерство народнаго просвѣщенія. И все это въ присутствіи Уварова, который не покраснѣлъ и тогда даже, когда Давыдовъ торжественно объявилъ, что, если онъ (Давыдовъ) сказалъ что-нибудь хорошее, то обязанъ этимъ не себѣ, а присутствію его высокопревосходительства: самъ онъ (Давыдовъ) только „Мемнонова статуя, возбужденная лучезарнымъ солнцемъ“.

Послѣ лекціи Уваровъ подошелъ къ начальницѣ М. П. Леонтьевой и сказалъ ей: „Вѣдь Вы напишете Государю о моемъ посвѣщеніи?“ Затѣмъ онъ уѣхалъ и увезъ съ со-

бою оратора. А вѣдь и тотъ, и другой слывуть за умныхъ людей“<sup>1)</sup>.

Нелестны для И. И. Давыдова и отзвымы тоже серьезнаго и безпристрастнаго *А. Н. Аванасьева*, какъ извѣстно, въ своемъ безпристрастїи не пощадившаго въ своихъ воспомина- нїяхъ даже прославленнаго Т. Н. Грановскаго:

„*И. И. Давыдовъ* (теперь, въ 1855 г., директоръ педагогическаго института, предсѣдатель II отд. Академіи Наукъ) такой же былъ на своихъ лекціяхъ, какъ и въ изданныхъ имъ книгахъ: „Чтенія о словесности“: тотъ же напыщенный метафорическій языкъ, тотъ же подборъ ненужныхъ эпитетовъ и тотъ же въ сущности пустоцвѣтъ. Я раза два слушалъ его лекціи, читанныя полякамъ и состоявшїя въ критикѣ ихъ сочиненїй; помню, какъ о „Ревизорѣ“ Гоголя замѣтилъ онъ, что здѣсь есть сальныя сцены, какъ напр., Хлестаковъ ковыряеть въ зубахъ, а лакей Осипъ лежитъ передъ публикою на диванѣ. Какъ о человѣкѣ, о немъ носятя самые невыгодныя слухи и розказни о его низкопоклонничествѣ и интригахъ. Рассказываютъ, что *Лазарева* (именемъ котораго названъ Восточный въ Москвѣ институтъ) онъ цѣловалъ въ плечо; что женившись на *старости* лѣтъ на молоденькой институткѣ и произведя на свѣтъ сына, онъ письменно и словесно увѣрялъ графа *Серїя* Григорьевича Строганова, министра *Серїя* Семеновича Уварова, кн. *Серїя* Михайловича Голицина и кн. Гагарина, каждаго отдѣльно, что именно въ честь его-то и нарекъ своего сына „*Сертезмъ*“<sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Никитенко, Записки и дневникъ, I, стр. 425—426, подъ 16 января 1842 г.

<sup>2)</sup> А. Н. Аванасьевъ, Воспоминанїя (Московский университетъ—1843—1849 г.) гл. II, стр. 389—390 въ «Русской Старинѣ», т. III за 1886 г., августъ, ст. VI.

А. Д. Галаховъ („Сороковые Годы“, „Историческій Вѣстникъ“ за 1892 г., т. 47, январь, ст. V, гл. I—VI, стр. 126—152 и февраль, гл. VII—XII, ст. IV, стр. 396—415) сообщаетъ:

„Погодинъ обращался съ высшими лицами безъ боязни, говорилъ свободно, не понижая голоса, даже часто разнорѣчиво съ ними въ обсужденіи какихъ-либо вопросовъ. И. И. Давыдовъ изумлялся такой отвагѣ, особенно въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ другими лицами (въ числѣ которыхъ находился и М. П.) гостилъ у графа Уварова въ его Тускулумѣ, т. е. сѣлѣ Порѣчьѣ: „Я не позволю себѣ“, говорилъ онъ, „обращаться такъ развязно съ лицомъ, выше меня стоящимъ: какъ я могу забыть, что это лицо—министръ и мой начальникъ?“ Такъ рассуждалъ выдающійся профессоръ, имѣвшій уже генеральскій чинъ и звѣзду. У него и на мѣдной доскѣ, прибитой ко входной двери, было вырѣзано: *дѣйствительный статскій совѣтникъ* Иванъ Ивановичъ Давыдовъ“ (стр. 396—397).

„Всѣ знали, что графъ *С. Г. Строгановъ* не жаловалъ 4 профессоровъ, хотя по своимъ лекціямъ они стояли на видномъ мѣстѣ. Одинъ (*И. И. Давыдовъ*) отталкивалъ его *чрезмѣрнымъ самолюбіемъ и непрямыми путями* въ своихъ дѣйствіяхъ, другой (*Д. М. Перевошиковъ*)—непотизмомъ и хитростью, прикрываемой простотою „себѣ на умъ“; третій (*С. П. Шевыревъ*)—раздражительностію и педантизмомъ; четвертый (*М. П. Погодинъ*)—многостороннею, разбросанною дѣятельностію, мѣшавшею ему всецѣло посвятить себя избранному имъ предмету исторіи. Утверждали, будто графу не нравились эти лица потому, что къ нимъ въ особенности благосклонно относился министръ *С. С. Уваровъ*, бывшій съ нимъ не въ ладахъ. Можетъ статья, это и справедливо, но только отчасти, а не вполне. Обращеніе этихъ личностей съ ихъ меценатомъ при поѣздкѣ въ его подмосковное помѣстье Порѣчьѣ—заставляло многихъ пожимать плечами, особенно послѣ



статьи Давыдова въ „Москвитянинѣ“, повѣствующей о про-  
вожденіи времени въ означенномъ имѣніи. Прочитавъ ее,  
графъ Строгановъ при свиданіи съ авторомъ обратился къ  
нему съ такимъ вопросомъ: „Не знаете ли, *кто* написалъ эту  
*лакейскую* статью! Не думаю, чтобы она могла понравиться  
Сергію Семеновичу“ (стр. 128—129).

*М. П. Третьяковъ*, долгое время служившій въ канце-  
ляріяхъ университета и попечителя учебнаго округа, подтвер-  
ждаетъ извѣстіе (стр. 31, выше) С. М. Соловьева о коры-  
столюбіи и взяточничествѣ И. И. Давыдова:

„Я зналъ, да и всѣмъ было извѣстно, что инспекторъ  
пансіона *Давыдовъ* и помощникъ его *Чернявскій*, племянникъ  
Автонскаго, имѣли у себя въ комнатахъ отъ 10—15 челов.  
воспитанниковъ (благ. пансіона) за условленную плату. Эти  
воспитанники *какъ-то лучше* успѣвали въ ученіи и получали  
зато первыя награды. То же дѣлали и надзиратели, только  
въ маломъ видѣ. Бываетъ же время, когда и черное прини-  
мается за бѣлое“<sup>1)</sup>.

Замѣтимъ, впрочемъ, что *mutantur tempora—mutantur*  
*mores*: тогда на взятки профессора смотрѣли совсѣмъ иначе,  
чѣмъ теперь.... Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ, другъ М. П.  
Погодина, прекрасный латинистъ, изслѣдователь „Патерика“,  
былъ удаленъ изъ университета и лишенъ кѣдры по обви-  
ненію въ взяткахъ<sup>2)</sup>, причемъ молодые профессора „козно-  
дѣйствовали“. *Ф. Л. Дьяковъ* рассказываетъ, какъ по поступ-  
леніи въ университетъ онъ съ матерью ходилъ къ профессо-  
рамъ *М. М. Снегиреву* и *Н. Н. Сандунову* и приносилъ имъ

---

<sup>1)</sup> Имп. Моск. Ун. въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третья-  
кова (1799—1830), въ «Русской Старинѣ» за 1892 г., т. 75, сентябрь, стр. 534.

<sup>2)</sup> Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. V, стр. 378, запись въ  
«Дневникѣ» Погодина.

дары: тѣ брали не только деньгами, но даже „*полотенцами*“ (!) <sup>1)</sup>. Сандуновъ былъ научная сила и авторитетъ того времени, да вдобавокъ занималъ должность инспектора студентовъ. Профессора, происходившіе большею частью изъ бурсаковъ, приносили съ собою и въ университетъ нравы и обычаи, царившіе въ духовныхъ семинаріяхъ. Припомнимъ еще и другую язву въ университетскихъ нравахъ того времени—содержаніе профессорами пансіоновъ для приготовленія состоятельныхъ недорослей и помѣщичьихъ сынковъ въ студенты. Плата, напр., у Погодина, бралось не малая: 1500 руб. асс. въ годъ, а со студентовъ (поступившихъ въ университетъ) 800 р.—1500 р., *смотря по состоянію* <sup>2)</sup>. Самъ М. П. Погодинъ, сообщая министру С. С. Уварову, пишетъ: „...доходъ съ пансіонеровъ, которыхъ живетъ у меня всегда отъ пяти до десяти человекъ, и которые платятъ мнѣ по *два тысячи рублей* асс. за *приготовленіе* подъ моимъ руководствомъ къ *поступленію въ университетъ* и другія высшія учебныя заведенія“ <sup>3)</sup>.

Неизвѣстно, много ли могъ удѣлять времени своимъ многоплатящимъ пансіонерамъ тотъ же Погодинъ, ведшій постоянно по сту дѣль сразу. „Много хлопотъ и неприятностей доставлялъ Погодину и пансіонъ его, находившійся въ зависимости отъ университета (т. е. благодаря пріемнымъ экзаменамъ). „*Неприятные отзывы Дядьковского* (шеллинговца и профессора медицины)“, записываетъ онъ въ „Дневникъ“, „о моемъ мнимомъ наслѣдствѣ и *невниманіи къ пансіонерамъ, которые выходятъ студентами* по пословицѣ: „*рука руку моетъ*“. Съ чего взялъ такой вздоръ этотъ безумецъ? Онъ

---

<sup>1)</sup> Ф. Л. Лялюковъ, Студенческія воспоминанія (1818—1822), «Русскій Архивъ» за 1875 г. III, 41, ст. 10, стр. 377. «То было время сюрпризовъ, и съ пустыми руками не ходили. Матушка запаслась полотенцами хорошими съ вышивками и кружевами». Каждому профессору пришлось ихъ по полдюжину.

<sup>2)</sup> Н. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 203.

<sup>3)</sup> То же, т. VI, стр. 34.

меня знаетъ 20 лѣтъ! Что же скажетъ человѣкъ, не знающій и нерасположенный? Въ деревню. Сказываютъ, что *Давыдовъ* (т. е. конкуррентъ) вопилъ противъ меня у Павлова съ *ожесточеніемъ*: „Это—вертепъ у него, чему учать у него? и пр.“ Нѣтъ, въ деревню отъ этихъ мошенниковъ—и воображалъ свои труды тамъ“. Наконецъ, *Комаровскій* сообщаетъ Погодину, что профессорамъ запретится имѣть пансіонеровъ. „Въ такомъ случаѣ“, пишетъ Погодинъ, „я въ деревню. Можетъ быть, это — благоприятное указаніе судьбы“<sup>1)</sup>.

Замѣтимъ притомъ, что содержаніе этихъ пансіоновъ не могло обходиться особенно дорого. Пансіонъ Погодина часто переѣзжалъ въ его имѣніе Сѣрково, гдѣ продовольствовался, конечно, своими деревенскими продуктами и припасами. Что же касается надзирателей и преподавателей, то М. П. пристраивалъ къ себѣ въ пансіонъ людей нуждающихся и безъ мѣста: служили у него и Иринархъ Ивановичъ Введенскій, и П. С. Билярскій, и наконецъ даровитый ученый, но жалкій алкоголикъ, Юрій Ив. *Венелинъ*. Послѣдній былъ особенно полезенъ своему содержателю: онъ же сходилъ и за управляющаго имѣніемъ<sup>2)</sup>, наблюдалъ за жатвою, за починкою плотины, за продажею извести, рубкою лѣса, покупкою мяса и крупъ, продавалъ коровъ и т. д. Подконецъ же оборотливый Н. И. Надеждинъ пытался пристроить его у себя—въ корректоры для „Телескопа“, противъ чего бѣдный Венелинъ возмущался<sup>3)</sup>.

Когда запретили, наконецъ профессорамъ содержать пансіонеровъ, то Погодинъ рѣшилъ полатъ въ отставку. И тутъ орудовалъ И. И. Давыдовъ. Погодинъ писалъ Максимо-

---

<sup>1)</sup> Н. П. Барсуковъ, Ж. и т. Погодина, т. IV, стр. 202.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 58—59.

<sup>3)</sup> Тамъ же, стр. 167—169.

вичу въ Кіевѣ: „Экзамены ректоръ хотѣлъ производить подъ наблюденіемъ декановъ. Попечитель утвердилъ. Начались. Вдругъ на первый же день предложеніе, чтобы декановъ не было, и власть сосредоточилась въ рукахъ экзаменаторовъ, т. е. Давыдова и его подчиненнаго Снегирева и т. п. *Это устроилъ Давыдовъ, чтобъ пропустить своихъ.* Между тѣмъ экзаменами министръ остался недоволенъ. Вина и сворочена на тѣхъ профессоровъ, у коихъ есть пансіонеры. Присылается бумага, чтобы тѣ, кои будутъ имѣть пансіонеровъ, впредь *не участвовали на экзаменахъ.* Въ совѣтѣ *Давыдовъ* и Каченовскій указываютъ на меня. Ахъ, мерзавцы! Меня взорвало“...<sup>1)</sup>

Въ 1837 г. Погодинъ опять таки воюетъ съ И. И. Давыдовымъ изъ-за пансіона: (12 авг.) „Давыдовъ мои возраженія въ Комитетѣ приписываетъ тому, что *мои пансіонеры отстранены отъ продолженія экзамена.* Между тѣмъ какъ ему, подлецу, при самомъ началѣ я говорилъ, что *они не годятся.* Какова каналья, и руку жметъ! Въ типографію—и Давыдовъ тамъ. Руку жметъ. До меня онъ былъ у Строганова, къ которому залѣзаетъ.—(10 сент.) Смѣялся безъ памяти надъ глупостью Каченовскаго. Положительно и отрицательно. *Плутни* Давыдова.—(18 сент.) Въ университетѣ. Разказы о козняхъ, приписываемыхъ Давыдову, о намѣреніи ссорить Уварова съ Строгановымъ и прочія гадости.—(23 сент.) Перевощиковъ рассказываетъ о гадостяхъ Давыдова. Ни одинъ ректоръ не осмотрѣлъ ни одной переправки, а ихъ на 100 т. въ годъ. Каково! Все это общія плутни“! Въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ Погодинъ смягчаетъ свое мнѣніе: „Намъ казалось, что *всѣ интриги въ университетъ* происходятъ отъ Давыдова, чрезъ пѣсьмоводителей, которыхъ онъ всегда умѣлъ забирать къ себѣ въ руки, чрезъ Каченовскаго, который его

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 203—204.

слушался. Сколько тутъ было справедливаго, или сколько онъ былъ тутъ виноватъ, съ умысломъ и безъ умысла, Богъ знаетъ. А между тѣмъ это былъ человекъ примѣчательный и во многихъ отношеніяхъ достойный“<sup>1)</sup>.

Пансіоны и т. п. давали возможность скромнымъ адъюнктамъ съ жалованьемъ въ нѣсколько сотенъ р. въ годъ покупать 30-тысячные дома въ Москвѣ и приобретать стотысячныя имѣнія..... Язвѣ лихоимства и взяточничества болѣе или менѣе выдворилъ изъ Московскаго университета, повидимому, графъ С. Г. Строгановъ съ молодыми профессорами: въ этомъ его большая и несомнѣнная заслуга предъ отечественнымъ просвѣщеніемъ<sup>2)</sup>.

Закончимъ эпопею объ И. И-чѣ суммарною оцѣнкою его, которую произнесъ одинъ изъ его благодарныхъ учениковъ, И. П. Ключниковъ (—Θ—). Стихотвореніе сохранено въ „Воспоминаніи“ К. С. Аксакова, къ сожалѣнію, въ отрывкахъ (№ 40, стр. 4, столбцы I и II).

Въ немъ грудь полна *стяжанья* мукой,  
Полна *разчетовъ* голова,  
И тащится онъ за наукой,  
Какъ за Минервою сова.

*Сквернитъ* своимъ прикосновеньемъ  
Науку Божію *педантъ*.

---

<sup>1)</sup> Н. П. Барсуковъ. Ж. и т. II, т. V, стр. 48.

<sup>2)</sup> Но и при немъ существовалъ Н. П. Крыловъ, о которомъ А. С. Хомяковъ пишетъ: «Живъ Вошаши одержалъ, какъ кажется полную побѣду, и я этому бы очень радовался, если бы ученый не былъ такой ужасной взяточникъ» («Изъ писемъ А. С. Хомякова къ А. Н. Попову», № 13, отъ 13 дек. 1848 г. въ «Русскомъ Архивѣ» за 1884 г., II, 4, стр. 304). Крыловъ былъ знаменитый профессоръ римскаго права и деканъ юридическаго факультета (отъ 1839—1847 г., Біогр. Словарь, т. I, стр. 437).

Такъ швольникъ тѣшится обѣдней,  
Такъ *негодяй оффиціантъ* <sup>1)</sup>  
Ломаеть барина въ передней.

---

Учитель нашъ былъ истинный педантъ,  
*Сорокоумъ*,—дай Богъ ему здоровья!  
Манеры важныя,—что твой *оффиціантъ*,  
А голосъ,—что мычаніе коровье.  
Къ тому жъ талантъ, рѣшительный талантъ,  
Нѣтъ мало,—даже *геній пустословья* <sup>2)</sup>:  
Бывало, онъ часа три говорить  
О томъ, кто постигаетъ, кто творить.

---

Возьмемъ, бывало, оду для примѣра  
За голову и за ноги вдвоемъ  
И разберемъ по руководству Блера,  
Въ ней недостатки и красы найдемъ,  
*Что худо въ ней, что хорошо*,—оцѣнимъ,  
Чего жъ недостаетъ, своимъ замѣнимъ.



---

<sup>1)</sup> Такова была кличка И. И. Давыдова среди студентовъ.

<sup>2)</sup> Ср. выше, стр. 32, у Соловьева.

Повторяемъ, трудно было сохранить полное уваженіе къ И. И. Давыдову. Не сохранилъ его и С. М. Соловьевъ, обязанный ему, однако, за протекцію, ибо И. И. Давыдовъ устраивалъ его при университетѣ—въ пику М. П. Погодину, неразчетливо удалившемуся изъ университета какъ разъ во время, чтобы очистить путь своему молодому ученику и конкурренту. Не сохранилъ его и Ѳ. И. Буслаевъ.

Большую честь сердцу и благородству Ѳ. И.—ча дѣлаетъ то обстоятельство, что онъ потомъ черезъ 3 года послѣ своей вылазки послѣдовалъ мудрому правилу А. С. Пушкина:

„Наставникамъ, хранившимъ юность нашу, не помня зла, *за благо* воздадимъ“. Онъ первый сдѣлалъ шагъ къ примиренію. И. И. Давыдовъ въ своемъ отвѣтѣ на письмо Ѳ. И.—ча указалъ ему на свои заслуги; онъ де направилъ Буслаева на тотъ путь, на которомъ тотъ стяжалъ себѣ такую славу. Впрочемъ, это сознавалъ и самъ Буслаевъ (стр. 8, выше).

„Я былъ *кругомъ виноватъ* передъ своимъ наставникомъ И. И. Давыдовымъ въ дерзкихъ выходахъ, которыя себѣ позволилъ въ критикѣ на его статью о мѣстоименіяхъ. Теперь, чтобы очистить совѣсть, я послалъ ему въ Петербургъ свою диссертацию при письмѣ, въ которомъ *искренно прошу извинить* меня за нанесенное ему мною оскорбленіе. Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю его отвѣтъ въ письмѣ отъ 9 іюня 1848 г.

„Приношу Вамъ душевную благодарность за присылку мнѣ прекраснаго Вашего разсужденія: о вліяніи христіанства

на славянскій языкъ. Я думаю, на книгу Вашу такъ много сдѣлано возраженій во время диспута, что Вамъ скучно бы было возобновлять подобныя пренія въ письмѣ. Возраженія же вызываются и по новости, и по важности предмета. Сближеніе иудо-европейскихъ языковъ съ санскритскимъ нынѣ стало общимъ мѣстомъ университетскихъ, даже гимназическихъ преподавателей филологіи, но Вамъ принадлежитъ честь совершенно новаго дѣла: сличенія славянскаго перевода Библии съ готскимъ. Эта часть разсужденія весьма любопытна.

Еще благодарю Васъ за добрыя Ваши чувствованія ко мнѣ, возбуждаемыя въ Васъ, вѣроятно, воспоминаніями *о студенческой* Вашей жизни въ университетѣ. Дѣйствительно, я съ радостью вижу въ ученыхъ трудахъ Вашихъ то направленіе, какое я *старался* дать занятіямъ Вашимъ въ продолженіе курса. Тогда о *Бопль, В. Гумбольдтъ, Гриммъ* только въ Московскомъ университетѣ говорили на лекціяхъ, и именно на лекціяхъ русской словесности. Тутъ познакомились студенты и съ *Добровскимъ*, котораго славянская грамматика переведена по моему экземпляру. Правда, было время, когда Вы *не сознавали* этого, но теперь, въ періодъ нравственнаго сознанія, Вы не можете скрыть отъ самихъ себя того, что извѣстно всѣмъ и каждому изъ Вашихъ товарищей. Такова сила нравственнаго закона!

Желаю Вамъ новыхъ успѣховъ литературныхъ; съ истиннымъ уваженіемъ къ Вашимъ достоинствамъ имѣю честь быть Вашимъ почитателемъ—Иванъ Давыдовъ <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Стр. 311—312



## II.

### Генезисъ одной книги.

(„Россія“ О. В. Булгарина и сотрудничество въ ней Н. А. Иванова).

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго XIX столѣтія появилась любопытная книга подѣ слѣдующимъ заглавіемъ:

Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Ручная книжка для русскихъ всѣхъ сословій Оаддея Булгарина. СПБ. 1837.

Всего вышло 6 томиковъ: 4 части исторіи и 2 ч. статистики.

Положеніе вопроса всего лучше опредѣляется слѣдующими словами К. Н. Бестужева-Рюмина въ его „Русской Исторіи“, т. I, Введеніе, X, Научная обработка исторіи, стр. 231 (изд. 1872 г.)

„Въ 1836 г. появилось начало въ высшей степени замѣчательнаго труда „Россія“, которому не суждено было окончиться; онъ остановился на смерти Ярослава. Книга эта, подписанная *О. Бумаринымъ*, въ значительной степени, *если не вполнѣ*, писана *Н. А. Ивановымъ* (+1869), который былъ впоследствии проф. Казанскаго, а потомъ Дерптскаго университета. Книга эта, отличающаяся нѣкоторымъ чисто юношескимъ увлеченіемъ, построена на чрезвычайно вѣрной мысли

русская исторія должна быть изучаема въ связи съ славянскою и вообще европейскою; большая, хотя неупорядоченная начитанность, ясность мысли и талантъ изложенія выдвигаютъ высоко эту книгу“.

Примѣчаніе 75-е на стр. 231—232 прибавляетъ: „Вышло 4 т. О принадлежности Иванову см. „Заря“, 1871, № 4: „Четверги у Греча“, гдѣ *указана статья Крузе*. Изъ сочиненій Иванова укажемъ „о лѣтописяхъ и хронографахъ“ въ „Каз. Уч. Зап.“ 1843, кн. II и III и „Прогр. преп. Русск. ист.“ Д. 1869. (Подробный конспектъ, къ сожалѣнію, не оконченный). Самая злая критика на „Россію“ въ „Моск. Набл.“ 1837 г. (*О. М. Бодянского?*)“.

Много рѣшительнѣе развиваетъ свою мысль К. Н. Бестужевъ въ біографіи Ешевскаго, гдѣ онъ вспоминаетъ и о Н. А. Ивановѣ:

„Недавняя могила приняла въ себя этого замѣчательнаго человѣка, и я не могу удержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ. Обширный и многосторонній умъ, громадная память и необыкновенный даръ слова отличалъ его, какъ профессора. Онъ мало сдѣлалъ для науки; но въ этомъ виновата была, преимущественно, та обстановка, которую онъ нашелъ въ Казани: буйные, дикіе нравы господствовали въ студенчествѣ этого полувосточнаго города, и почти то же можно сказать и о нравахъ профессоровъ, а отчасти и всего общества казанскаго той эпохи, когда Ивановъ началъ свою дѣятельность. Но этого мало: университетъ былъ бѣденъ профессорами. Иванову пришлось занять нѣсколько кафедръ: онъ читалъ въ одно время русскую исторію и древности (едва ли это не единственный профессоръ, за исключеніемъ харьковскаго — *Успенскаго*, который читалъ русскія древности), всеобщую исторію (да еще съ особымъ курсомъ для юристовъ) и исторію философіи. Во всѣхъ этихъ предметахъ Ивановъ старался приносить съ собою самостоятельное знаніе, и от-

того ему не доставало времени выработать что-нибудь до той степени, чтобы выработанное могло быть напечатано. Печатно Ивановъ извѣстенъ мало, отчасти *и оттого, что лучшее его сочиненіе „Россія“ появилось подъ чужимъ именемъ, да еще подъ именемъ, не пользовавшимся въ литературѣ почетною извѣстностію* (стр. XII). Тѣмъ не менѣе по замыслу, да частію и по исполненію это—книга замѣчательная. Молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ Казани, гдѣ исторію слушалъ у Булыгина, большого чудака, отчасти скептика, человѣка, судя по нѣкоторымъ статьямъ и по рассказамъ, *весьма неглупаю, но мало образованнаго и мало даровитаго* <sup>1)</sup>, этотъ-то молодой человѣкъ, побывъ немного въ Дерптѣ, почтѣвъ кое-что, задумалъ перестроить русскую исторію: онъ первый поставилъ ее въ среду исторіи другихъ славянскихъ народовъ и связалъ съ общею исторіею Европы. Къ сожалѣнію, книга оканчивается на смерти Ярослава Владимировича; но самый планъ долженъ когда-нибудь пробудить даровитаго человѣка (?), заставить его (?) поработать и осуществить то, что бродило въ головѣ молодого дерптскаго студента, и что онъ покусился осуществить со всею дерзостію молодости, не подвѣрѣвающей ни обширности предмета, ни слабости еще неопытныхъ силъ. Эта книга, встрѣченная привѣтомъ Шафарика, была погребена для русской публики громовою рецензіею *О. М. Бодянскаго* въ „Москов. Наблюдателѣ“. Впослѣдствіи въ одномъ изъ примѣчаній къ своей докторской диссертациі О. М. воздалъ должное этой книгѣ; но было уже поздно: его рѣзкую статью въ журналѣ прочли всѣ, а диссертацию читали весьма немногіе. Отъ того, или отъ другого—все равно, но этотъ замѣчательно-даровитый человѣкъ не оставилъ по себѣ замѣтнаго слѣда. Позднѣйшія поколѣнія строго осудили Ива-

---

<sup>1)</sup> Странное противорѣчіе въ словахъ Бестужева-Рюмина: *весьма неглупъ, но мало даровитъ!*

нова: отголосокъ этихъ сужденій можно видѣть въ „Воспоминаніяхъ о С. В. Ешевскомъ“ А. С. Гацисскаго, Нижегород. Вѣд. 1865 г. № 23. Дѣйствительно, Ивановъ послѣднихъ годовъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть. Грустное чувство овладѣваетъ невольно, когда подумаешь о томъ, что разныя обстоятельства, вольныя и невольныя вины отнимали у русской мысли и русской науки не менѣ дѣятелей, чѣмъ и самая смерть <sup>1)</sup>“.

„Н. А. Ивановъ, читавшій русскую исторію, произвелъ на меня какое-то странное впечатлѣніе: онъ еще пользовался своей прежней славой, и я положительно, какъ ни силился, не могъ увлекаться его лекціями, казавшимися мнѣ холодными, *ходульными*, но молчалъ въ виду общаго поклоненія ему, которое однако мгновенно испарилось, когда со II семестра его замѣнилъ у насъ С. В. Ешевскій“ (Слова А. С. Гацисскаго въ статьѣ Н. Я. Агафонова, „Сборникъ въ память Гацисскаго“, I, стр. 33).

Изъ сказаннаго явствуетъ, что мысль К. Н. Бестужева Рюмина можно резюмировать такъ: „Россія“ есть произведеніе профессора Н. А. Иванова, написанное имъ, когда онъ жилъ въ Дерптѣ въ качествѣ профессорскаго стипендіата— и притомъ изданное подъ именемъ Ѳаддея Булгарина. Принадлежность этого сочиненія Иванову (стр. 47, выше) Бестужевъ основываетъ на статьѣ „Заря“, о которой будетъ у насъ рѣчь ниже (стр. 66—69). Самъ Бестужевъ ничего подлиннаго по этому дѣлу не знаетъ, и замѣтимъ, говоритъ лишь съ *чужихъ* словъ.

Всякій читающій знаетъ, конечно, о Ѳаддеѣ Булгаринѣ, „Видовѣ Фигляринѣ“, какъ его окрестилъ А. С. Пушкинъ.

---

<sup>1)</sup> Стр. XII—XIII. К. Бестужевъ-Рюминъ, Степанъ Васильевичъ Ешевскій, біографическій очеркъ при I части «Сочиненій С. В. Ешевскаго»; изд. К. Солдатенкова, М. 1870 г. Статья перепечатана при недавно вышедшемъ собраніи: «С. В. Ешевскій», Сочиненія по русской исторіи, стр. VIII—IX.

Менѣ известна личность Н. А. Иванова, и объ немъ мы вспомнимъ здѣсь важнѣйшія біографическія данныя.

---

Николай Алексѣевичъ Ивановъ (1813—1869), сынъ канцелярскаго служителя, родился въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1813 г. По окончаніи курса въ мѣстной гимназіи въ 1830 г. онъ поступилъ казеннымъ студентомъ въ Казанскій университетъ по словесному отдѣленію. Еще студентомъ онъ обратилъ на себя вниманіе попечителя *М. Н. Мусина-Пушкина*.

По окончаніи унив. курса со степенью кандидата въ 1833 г., онъ былъ посланъ въ Профессорскій Инст. въ Дерптъ, гдѣ и учился слишкомъ 5 лѣтъ. Еще въ Казани Ивановъ научился по нѣмцѣи. Въ Дерптѣ онъ уже овладѣлъ языкомъ настолько, что писалъ статьи политико-экономическаго и статистическаго содержанія въ *Dopriater Jahrbücher*. Эти статьи были одобрены ученою нѣмецкою критикою. Въ Дерптѣ Ивановъ познакомился съ Булгаринимъ.

Въ 1839 г. Ивановъ получилъ степень доктора философіи за диссертацию: *Cultus popularis in Rossia originis ac progressus adumbratio. Dopriati*. Преданіе говоритъ, что латинскій языкъ въ этой диссертациіи помогалъ обрабатывать В. И. Григоровичъ, хорошо знавшій по латыни, какъ воспитанникъ базилианской школы.

Въ 1839 г. Ивановъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ русской исторіи въ Казанскій университетъ на мѣсто умершаго Булыгина. Ему же было поручено и преподаваніе всеобщей исторіи.

Въ 1843 г. онъ сдѣлался ординарнымъ проф., а съ 1844 г. руководилъ занятіями по исторіи, географіи и статистикѣ въ Педагогическомъ институтѣ при Казанскомъ

университетѣ. Кромѣ университетскихъ лекцій, онъ читалъ и публичные курсы, както въ 1839—40, 43—44, 44—45 гг. Его чтенія привлекали много слушателей и доставляли большіе сборы. Съ 1850 г. Ивановъ теряетъ видное положеніе, какое занималъ ранѣе въ университетѣ. Несчастія (въ семейной жизни и по службѣ) преслѣдовали его. Впрочемъ, и его характеръ навлекалъ на него не мало неприятностей. Въ 1856 г. Ивановъ былъ переведенъ по той же каедрѣ въ Дерптскій университетъ, но покинулъ мѣсто и тамъ черезъ 3 года. Пробывши нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, Ивановъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Митавскую гимназію. Въ 1869 г. онъ снова былъ приглашенъ въ Дерптъ *доцентомъ* русскаго языка, но едва прибывъ туда, заболѣлъ и скончался 30 марта 1869 г.

Одинъ изъ его учениковъ, г. Евгений Бѣловъ въ „Древней и Новой Россіи“ за 1877 г. II, № 7, стр. 274—276 г., „Къ исторіи русскаго просвѣщенія“—посвятилъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ несчастному Н. А. Иванову. Онъ вспоминаетъ, что Ивановъ читалъ одно время и исторію философіи <sup>1)</sup>... „Въ первый разъ, въ курсѣ 1842—43 г. обратилъ онъ вниманіе на исторію философіи исторіи, а другой разъ на исторіюматію“... Къ числу наиболѣе содержательныхъ лекцій относятся лекціи о философіи исторіи Гегеля, которую онъ въ сожалѣнію не довелъ до конца. Вѣроятно, слушателямъ пришлось бы услышать какую либо замѣчательную лекцію о мнѣніи Гегеля касательно роли славянъ въ исторіи. Кажется, говоря о воззрѣніи Гердера на славянъ, онъ коснулся Гегеля, упрекнувъ его въ односторонности; курсы <sup>2)</sup> исторіи философіи и всеобщей исторіи много отнимали времени отъ его собственнаго предмета, т. е. русскаго исторіи“....

---

<sup>1)</sup> Стр. 275, столбецъ II.

<sup>2)</sup> Стр. 275—276.

„Его тяжелый характеръ много создалъ ему враговъ, много принесъ ему бѣды и горя при жизни, и мнѣ нѣтъ охоты говорить теперь объ этомъ предметѣ“.

Замѣтимъ еще, что Н. А. Ивановъ сыгралъ некрасивую роль на диспутѣ В. И. Григоровича, попытавшись—и безуспѣшно—провалить его и не допустить до магистерства. Любопытно, кромѣ того, еще то обстоятельство, что *Н. Н. Буличъ*, будучи студентомъ, писалъ на предложенную Ивановымъ тему о философіи Гегеля и получилъ золотую медаль, а это его къ философіи такъ приохотило, что по окончаніи курса онъ сталъ продолжать спеціальныя занятія по философіи, получилъ по этой наукѣ ученую степень магистра и былъ по кафедрѣ философіи адъюнктомъ вплоть до упраздненія ея съ передачей преподаванія философіи духовнымъ лицамъ.

Н. А. Ивановъ погибъ и умеръ отъ несчастія или „слабости“—алкоголизма.....

„Профессоръ Ивановъ тянетъ сиволдай: выпьетъ хоть пять жбановъ—только подавай!“ гласитъ студенческая пѣсня того времени (въ статьѣ Н. Я. Агафонова „Воспоминаніе“ и т. д., „Сборникъ въ память А. С. Гациссваго“, I; стр. 36—37).

Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію или слѣдствію о плагіатѣ, послушаемъ, что показываетъ по этому дѣлу самъ обвиняемый Ѡаддей Булгаринъ въ предисловіи къ I части статистики, стр. VII—XI.

„Для приведенія въ порядокъ этихъ матеріаловъ надлежало употребить много труда и имѣть предварительныя и основательныя свѣдѣнія. При моихъ занятіяхъ, *мнѣ* никакъ невозможно было исполнить *одному предположенный планъ* цѣлаго сочиненія въ столь короткое время. Долго искалъ я свѣдущаго и трудолюбиваго *сотрудника*, и наконецъ нашелъ его въ *Николаѣ Александровичѣ Ивановѣ*, кандидатѣ философскихъ наукъ Казанскаго университета, питомцѣ профессорскаго института при Дерптскомъ университетѣ. Къ избранію

Н. А. Иванова побудили меня помѣщенныя имъ въ ученомъ Дерптскомъ журн. (Dörpt Jahrbücher) превосходныя статьи (на Нѣмецкомъ языкѣ): О Нижегородской ярмаркѣ и вообще о внутренней торговлѣ Россіи, и о современномъ состояніи мануфактурной промышленности въ Россіи.—Статьи эти были похвалены въ Германіи знаменитымъ Шлоссеромъ (въ Heidelberg Jahrbücher) а первый современный Германскій Статистикъ, Шубертъ ссылался на труды г. Иванова въ своей Статистикѣ Европейскихъ государствъ.—Сверхъ того, г. Ивановъ, въ часы отдохновенія отъ постоянныхъ своихъ занятій науками написалъ много дѣльныхъ статей для „Сѣверной Пчелы“, которыя были похвалены въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. Н. А. Ивановъ тѣмъ охотнѣе принялъ мое предложеніе къ сотрудничеству, что это занятіе не только не отвлекало его отъ дѣла его университетскаго ученія, а напротивъ того, приближало къ ней, ибо Статистика составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ его курса. Г. Иванову даже пріятно было припоминать на чужбинѣ собранныя имъ свѣдѣнія о Россіи и дополнять ихъ новыми: въ каждомъ отдѣленіи наукъ познаніе Россіи должно быть первымъ и главнымъ предметомъ, потому что каждый Русскій обучается для того только, чтобъ быть полезнымъ Россіи по мѣрѣ своихъ способностей и по волѣ Отца-Государя.—При этомъ случаѣ почитаемъ нашею обязанностію упомянуть, что Н. А. Ивановъ обязанъ своимъ образованіемъ Казанскому университету и великодушнѣйшей заботливости попечителя Казанскаго университета Михаила Николаевича Мусина-Пушкина.

*Составивъ вмѣстѣ съ Н. А. Ивановымъ планъ Статистическаго обзрѣнія Россіи, я отдалъ въ полное его распоряженіе всѣ матеріалы и предоставилъ ему исполненіе.—Самъ я дѣйствовалъ, какъ редакторъ, и какъ хозяинъ дѣлаго сочиненія. Но какъ Н. А. Ивановъ долженъ былъ сообразоваться съ планомъ цѣлаго сочиненія и съ моими видами, и какъ мы*



предварительно совѣщались съ нимъ о каждомъ предметѣ, то я беру на себя *отвѣтственность* за всѣ могущіе встрѣтиться въ сочиненіи недостатки, и, по всей справедливости, представляю Н. А. Иванову заслуженное имъ право на похвалы за все хорошее. Я убѣжденъ, что всѣ благомыслящіе люди повторятъ вмѣстѣ со мною благодарность Н. А. Иванову за его полезный трудъ и за *его участіе со мною* въ дѣлѣ, столь близкомъ сердцу русскому.

Мы рѣшились съ Н. А. Ивановымъ основываться въ Статистическомъ обзорѣ главнѣйше на свѣдѣніяхъ, обнаруженныхъ самимъ Правительствомъ и на сообщенныхъ намъ рукописныхъ офиціальныхъ извѣстіяхъ о различныхъ предметахъ.—Предпочитая всему истину, мы говоримъ откровенно, что не можемъ похвалиться большимъ числомъ послѣднихъ. Видя чрезвычайныя затрудненія и потерю драгоценнаго времени при ходатайствѣ о полученіи самыхъ мало-важныхъ свѣдѣній, я вовсе отказался отъ этого источника и тѣмъ съ большею рѣшимостью, что все важное или возможное въ обнаруженіи сдѣлалось гласнымъ посредствомъ Журналовъ, издаваемыхъ Министерствами, или находится въ сочиненіяхъ частныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ текстѣ нашего Статистическаго обзора или въ исчисленіи пособій. Чтò закрыто по какимъ либо причинамъ для насъ, то закрыто и для всѣхъ.— Впрочемъ, мы убѣждены, что въ сочиненіи столь тѣснаго объема мы сообщаемъ довольно свѣдѣній для познанія Россіи.—Рама есть, каждый можетъ дополнить, по мѣрѣ своихъ познаній и собранныхъ свѣдѣній, недоступныхъ всѣмъ и каждому, и лежащихъ въ неизвѣстности на огромномъ пространствѣ Россіи. Мы просимъ всѣхъ и каждого сообщать намъ поправки и дополненія, которыя мы примемъ съ благодарностью и употребимъ на общую пользу.

Изъ частныхъ сочиненій мы заимствовали въ такомъ только случаѣ, когда сочинители описывали то, чтò сами на-

блюдали на мѣстѣ; но и тогда мы поступали съ самою строгою разборчивостью и ручаемся только за вѣрность данныхъ, за которыя ручается само Правительство.

Самыя занимательныя части статистики: народное просвѣщеніе, фабричная и мануфактурная промышленность и торговля—въпередѣ. Эти части будутъ у насъ обработаны полнѣе и отчетистѣе, потому что объ нихъ есть болѣе положительныхъ свѣдѣній.

Закрываю краткое предисловіе словами нашего древняго лѣтописца, повторяя ихъ отъ имени моего и отъ имени *сотрудника* моего Н. А. Иванова: „Отцы и братья, аще же гдѣ описахъ, не дописахъ, или переписахъ, чтите, исправляя, бога для, а не кляните“.

#### Θ. Буларинъ.

Такимъ образомъ Буларинъ ничего не говоритъ объ сотрудничествѣ Иванова по исторической части: по его словамъ, Ивановъ былъ его сотрудникомъ только по части статистики. Планъ, концепція цѣлаго труда принадлежатъ де самому Буларину.



Почти одновременно съ К. Н. Бестужевымъ-Рюмянымъ или немногимъ ранѣе то же самое обвиненіе въ плагиатѣ было возведено на Ѳаддея Булгарина еще и съ другой стороны. К. Н. Бестужевъ ссылался на статью «Зари», въ которой *указана* статья *Крузе* (стр. 47 выше). Другой доноситель, А. А. Котляревскій обвиняетъ Ѳаддея Б. со словъ самого потерпѣвшаго, т. е. Н. А. Иванова, но дѣло опять-таки сводится въ концѣ концовъ на ту же загадочную статью *Крузе*.

Статья А. А. Котляревскаго представляетъ собою собственно некрологъ Н. А. Иванова. А. А. Котляревскій зналъ несчастнаго алкоголика-ученаго въ самый печальный періодъ его жизни, въ періодъ полной, кажется, физической и духовной дезорганизаціи, когда Ивановъ, утративъ профессуру въ Дерптѣ, потерялъ затѣмъ и учительское мѣсто въ Митавѣ, находился безъ мѣста и только незадолго до смерти былъ избранъ въ помощники (доценты) А. А. Котляревскому, занимавшему тогда кафедру русской литературы при дерптскомъ университетѣ. Надобно полагать, что А. А. Котляревскій, какъ излюбленный (*тогда*, т. е. до франко-прусской войны) <sup>1)</sup> человекъ балтійской партіи, имѣвшій въ числѣ ея сторонниковъ въ университетѣ вліятельныхъ друзей, постарался пристроить, обезпечить жалкаго больного на его печальной старости. Но помощь пришла поздно.....

---

<sup>1)</sup> См. біографію А. А. Котляревскаго при IV томѣ его «Сочиненій» (нап. А. Н. Пыпинымъ), стр. ХСVIII—ХСІХ.

Некрологъ Н. А. Иванова былъ помѣщенъ въ „Санкт-петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1869 г. № 103. Другой некрологъ, посвященный памяти Иванова, имѣется въ „Иллюстрированной Газетѣ“, т. 23, за 1869 г. № 17.

Некрологъ А. А. Котляревскаго былъ затѣмъ перепечатанъ въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1869 г., часть 142, апрѣль, современная лѣтопись, стр. 263—266. Такимъ образомъ неправильно утвержденіе, будто этотъ некрологъ, появившись сначала въ „Журналъ М. Н. Пр.“, былъ потомъ *повторенъ* въ „СПБ. Вѣдомостяхъ“. Дѣло было совсѣмъ наоборотъ. Читавшій самъ статью въ „Журналъ“, конечно, замѣтилъ бы, что тамъ прямо (стр. 263 въ прим.) сказано: „изъ № 103 СПБ. Вѣдомостей“. Статья перепечатана и въ „Сочиненіяхъ“ А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 128—132.

Пораженный утратою человѣка, замѣчательнаго даже въ своемъ паденіи и убожествѣ, историка, когда то подававшего столь блистательныя надежды для русской науки, ученаго, обладавшаго превосходною школою и обширною эрудиціею, А. А. Котляревскій высказался объ опочившемъ очень тепло и отнесся къ его рассказамъ вполнѣ довѣрчиво. Вотъ что пишетъ Котляревскій по интересующему насъ вопросу.

„Изъ такой (дерптской) школы Ивановъ вынесъ не только основательное знакомство съ историческими источниками и критическую отчетливость, но и цѣльность общаго возрѣнія на историческія судьбы родной земли. Только при условіи этого общаго взгляда можно объяснить себѣ, что въ двадцатичетырехлѣтнемъ юношѣ возникла мысль написать сочиненіе, которое представило бы полную картину Россіи въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ; но *мысль*, конечно, и осталась бы мыслью за недостаткомъ средствъ къ приведенію ея въ исполненіе, если бы г. Булгарину не вздумалось обратить ее

въ свое прославленіе; онъ принялъ на себя доставить Иванову всѣ средства къ исполненію задуманнаго труда съ обязательствомъ, однако, чтобы сочиненіе вышло въ свѣтъ не подъ именемъ настоящаго автора, а подъ псевдонимомъ издателя. Молодой ученый былъ настолько чуждъ литературнаго самолюбія, что принялъ это условіе, и въ 1837 г. появилась такимъ образомъ „Россія“, 4 части исторіи и 2 части статистики. Объ Ивановѣ упомянуто только, какъ о сотрудникѣ по статистической части, а настоящимъ авторомъ объявленъ Булгаринъ. Дѣло прошлое: оба виновника лежатъ въ могилахъ, и можно, кажется, *объявить истину*, и безъ того, впрочемъ, *многимъ извѣстную*. Самъ Ивановъ *не любилъ* рассказывать объ этомъ происшествіи: на мои *неоднократные вопросы* онъ отсылалъ меня къ статьѣ проф. *Крузе* въ *Jenaische Allg. Literaturzeitung*, гдѣ, *по его словамъ*, описано все, какъ было; но *однажды въ добрую минуту самъ рассказалъ все дѣло*, прибавляя, что всетаки онъ обязанъ г. Булгарину доставленіемъ важнѣйшихъ литературныхъ пособій. Трудъ, о которомъ говоримъ, теперь забытъ многими, но едва ли потому, что онъ заслуживалъ забвенія, а, кажется, по милости своего *ложнаго паспорта*; по крайней мѣрѣ, такой глубокой знатокъ славянскаго міра, какъ *Шафарикъ*, въ свое время отозвался объ этомъ сочиненіи съ полнымъ уваженіемъ (см. „Часопись чешскаго музея“ 1837 г. стр. 372—374); да и теперь тридцатилѣтніе успѣхи науки не сдѣлали его совершенно лишнимъ<sup>1)</sup>.

Изъ разсказа А. А. Котляревскаго мы видимъ, что дѣло обстояло такъ. Онъ неоднократно задавалъ вопросы Иванову, касательно любопытнаго обстоятельства—его сотрудничества съ Булгаринимъ. Очевидно, что нѣкоторые слухи, полагавшіе авторство Булгарина въ „Россіи“ мнимымъ, еще ранѣе до-

---

<sup>1)</sup> Стр. 263--264 (Соч., т. II, стр. 129—130).

стигли до А. А. Котляревскаго, и онъ хотѣлъ теперь лично провѣрить правдивость этого слуха. Но—обратимъ вниманіе—Ивановъ *отпикивался* отъ *прямого* отвѣта и отсылалъ допросчика опять-таки *къ статьѣ Крузе*, гдѣ, по его словамъ, все *будто бы* разъяснено. Но однажды „въ добрую минуту“ (т. е. внѣ всякаго сомнѣнія, подъ наитіемъ „*добраго Вакха*“) онъ *все* рассказалъ, т. е. подтвердилъ слухи съ любопытною оговоркою о своей *непрекратившейся* благодарности Өаддею за „пособія“. На томъ, повидимому, А. А. Котляревскій и успокоился, повѣривъ разсказу „подобрѣвшаго“ Иванова,—но отыскалъ ли, *искалъ ли* онъ вообще статью Крузе, въ которой долженъ скрываться ключъ къ разгадкѣ? Статьи Крузе А. А. Котляревскій *не видалъ*; это явствуетъ изъ его ссылки: „по словамъ“ Иванова (стр. 58, выше); и если онъ искалъ ее, то, очевидно, не нашелъ; а можетъ быть, что онъ ея и не искалъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется несомнѣннымъ, что великій библиографъ и библиофилъ, — А. А. Котляревскій, обладатель громадной библиотеки рѣдкостей и авторъ „Опыта“, не преминулъ бы указать и цитировать статью Крузе (какъ цитируетъ рецензію Шафарива), если бы онъ ее читалъ—вообще, отыскалъ бы. Итакъ, замѣтимъ, А. А. Котляревскій повѣрилъ Н. А. Иванову *на слово* въ одну изъ его „*добрыхъ*“ минутъ, но *статьи Крузе самъ не зналъ*.



К. Н. Бестужевъ (стр. 47, выше) ссылался на статью „Зари“. Пора ознакомиться намъ и съ этимъ свидѣтельствомъ.

Авторомъ этой статьи, смѣло обвиняющей Оаддея Булгарина въ литературномъ воровствѣ, былъ старый его знакомый и сотрудникъ—Владимиръ Петровичъ *Бурнашевъ*.

В. П. Бурнашевъ родился въ 1809 г. и происходилъ изъ бѣдной, но образованной дворянской семьи; въ очень молодые годы—почти мальчикомъ онъ сталъ сотрудничать въ „Сѣверной Пчелѣ“ и въ „Сынѣ Отечества“ съ „Сѣвернымъ Архивомъ“,—т. е. въ изданіяхъ приснопамятныхъ *Н. И. Греча* и *Θ. В. Бумарина*. Онъ очень скоро вошелъ въ составъ редакціи и въ число ближайшихъ сотрудниковъ. Сотрудничалъ Бурнашевъ по преимуществу—въ отдѣлѣ политической экономіи, финансовъ, промышленности и мануфактуръ. Одновременно съ тѣмъ онъ служилъ въ различныхъ вѣдомствахъ и министерствахъ, както: военномъ, внутреннихъ дѣлъ, удѣловъ и т. д. Служилъ у почтеннаго (по своимъ освободительнымъ тенденціямъ) Д. Г. Бибикова (позднѣе Кіевскаго генераль-губернатора), но съ нимъ не поладилъ, служилъ у Л. А. Перовскаго и т. д. Черезъ Греча Бурнашевъ завязалъ очень обширныя знакомства со „всѣмъ Петербургомъ“—въ частности съ литературнымъ міромъ того времени, съ тѣми литераторами, которые тогда жили въ сѣверной столицѣ. Случайное знакомство привело его въ удѣльное земледѣльческое училище, находившееся въ завѣдываніи хитраго малоросса М. А. Бай-

кова. Черезъ нѣкоторое время Байковъ пригласилъ Бурнашева въ себѣ на службу въ помощники (на мѣсто Федора Ив. Сухомлинова). Земледѣльческое училище, посѣщенія его и служба тамъ привели Бурнашева къ новой специальности—агрономіи. Съ тѣхъ поръ его литературная дѣятельность принимаетъ почти исключительно агрономическій характеръ. Кромѣ „Сѣверной Пчелы“ и „Сына Отечества“, В. П. Бурнашевъ сотрудничалъ еще въ „Русскомъ Инвалидѣ“, въ „Журналѣ Общепользныхъ свѣдѣній“ у *А. П. Башуцкаго* и редактировалъ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія „Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества“; несмотря на большое число изданныхъ имъ сочиненій, его работа не спасла его отъ большой нужды, въ которой онъ и померъ 31 января 1888 г.

Бѣдность заставила В. П. *промышлять* литературой; поэтому въ нижеприведенномъ спискѣ мы увидимъ его сочиненія de omnibus rebus scibilibus et quibusdam aliis. Статей его еще никто не перечислялъ. Мы приводимъ книги и брошюры, вышедшія отдѣльно—по сочиненію С. А. Венгерова, Русскія книги, СПБ. 1899, т. III, стр. 318—319, дополняя ихъ своими указаніями. Замѣтимъ, что В. П. Бурнашевъ подписывалъ свои труды еще псевдонимами *Вадимъ Байдаровъ*, *Викторъ Бурьяновъ*, *Викторъ Басковскій* и *Борисъ Волжинъ* (не указаны у Венгерова).

---



*Труды В. П. Бурнашева.*

Горчица. О воздѣлываніи и уходѣ, какъ за кормовымъ и масличнымъ растеніемъ. Харьковъ 1889. Тип. Бирюкова. 8°. 16 стр. (400 экз.) ц. 20 к.

1) Очеркъ исторіи мануфактуръ въ Россіи. Соч. Вл—ръ Б—шевъ. СПБ, 1833. Тип. Греча. 8°. 1 нел. + 55 стр.

2) Описаніе удѣльнаго земледѣльческаго училища. СПБ, 1834. Тип. Греча. 8°. 100 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

а) Тоже. СПБ, 1839. Тип. Губерн. правл. 8°. XIII + 228 стр.

3) Дѣтская книжка на 1835 г., которую составилъ для умныхъ, милыхъ и прилежныхъ маленькихъ читателей и читательницъ Влад. Бурьяновъ СПБ, 1835. Тип. Департ. внѣшней торговли. 12°. 2 нел. + 417 стр. Ц. 2 р.

4) Награда добродѣтели и благопріявія. Новыя сказки для юношества обоого пола. 2 части (съ картинками). Пер. съ фр. Орестомъ Сомовымъ и Влад. Бурнашевымъ. Издано у книгопродавца бр. Матв. и Мих. Завиныхъ. СПБ, 1835. Тип. К. Крайя. 12°. ч. I. VIII (предисловіе В. Бурнашева) + 263 + 3 нел. (картинки); ч. 2-ая 216 + 2 нел. стр. (картинки). Ц. 2 р. 30 к.

5) Прогулка съ дѣтьми по земному шару. 2 ч. СПБ. 1836. Тип. Крайя. 16°. IV + IV + 311 + VI + 228 стр.

а) Тоже. Изд. 2-ое, испр. СПб, 1837. Тип. Греча. 16°. X+312+X+291 стр.

б) Тоже. Изд. 3-ье, испр. и доп., съ раскрашен. картою всего свѣта. СПб, 1844. Тип. Соломона. VII+400+347 стр. Ц. 1 р. 50 к.

6) Дѣтскій разскащикъ, или собраніе повѣстей, сказокъ, разсказовъ и театральныхъ піесъ, 2 части. Изд. А. В. Глазунова. СПб, 1836. Тип. Греча. 12°. 389+391 стр. Ц. 2 р. 85 коп.

7) Дѣтскія игрушки, театръ и камеръ-обскура. Книжка —гостинецъ. Съ картинками. СПб, 1837. Тип. Глазунова, Смирдина и К°. 16°. 230 стр. Ц. 1 р. 50 к.

8) Прогулка съ дѣтьми по Россіи. 4 части (съ 4 картинками). СПб, 1837. Тип. Россійск. Акад. 12° (XI+378+XIV+1 нен.)+(506+X+1 нен.)+(421+XI+1 нен.)+(391+XIII+1 нен.) стр.

а) Тоже. Изд. 2-ое, книгопрод. Жебелева исправленное и умножен., съ картинками, искусно иллюминированными. СПб. 1839. Тип. та же. 12°. XI+378+XIV; 506+X; 421+XI и 391+XIII стр. Ц. 4 р. 30 к.

9) Библиотека дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ. 4 части. СПб. 1837. Тип. Греча. 12°. Ч. I: 202 стр. 1838. Части: II, III, IV. 169, 170 и 174 стр. съ картинкой въ каждой части. Ц. 3 р.

10) Бесѣды съ дѣтьми о хозяйствѣ: домашнемъ, сельскомъ, мануфактурномъ, и о торговлѣ. СПб, 1837. Тип. Греча. 8°. 14+287 стр. Ц. 1 р. 40 к.

11) Совѣты для дѣтей, или разсказы занимательныхъ анекдотовъ, новостей, происшествій и другихъ назидат. примѣровъ, посвящен. сыновьямъ и дочерамъ. Новое соч. Г. Бульи, съ картинками. Изданіе бр. Заикиныхъ. Пер. съ фр.

В. Бурьяновъ (Бурнашевъ) СПб, 1838. Тип. Росс. Акад. 12°. 240 стр. + 6 нен. (съ картинками). Ц. 1 р. 50 коп.

12) Зимніе вечера, или бесѣды отца съ дѣтьми объ умственныхъ способностяхъ, нравахъ и проч. всѣхъ народовъ земного шара. Деппингъ. Перев. В. Бурьяновъ. СПб, 1838. 8°.

13) Новая энциклопедич. русс. азбука и общепользная дѣтская книга для чтенія. Составилъ по иностран. образцамъ, съ приуроченіемъ къ отечественному воспитанію Викторъ Бурьяновъ. Изд. Ив. Глазунова. СПб. 1838. Тип. Гавенберга. 12°. XII + 359 стр. и 10 картинокъ.

а) Тоже. Изд. 2-е, испр. и умнож. СПб. 1843 Тип. Жернакова. 16°. 338 стр. и 10 картинокъ. Ц. 1 р.

14) Прогулка съ дѣтьми по СПб. и его окрестностямъ. 3 части. СПб, 1838. Тип. „Главн. управл. путей сообщенія“ (части I и II) и тип. „Гуттенбергова“ (ч. III). 12°. 286 + 2 нен.; 381 + IV и II + 249 + 19 + 2 нен. стр.

15) Практич. руководство къ кожевному производству и всѣхъ его отраслей, съ обстоятельнымъ наставленіемъ, какъ устроить сельскій кожевенный заводъ. Со многими чертежами и фасадами. Изд. Вас. Полякова. СПб, 1843. Тип. Жернакова. 8°. 100 стр. Ц. 1 р.

16) Практич. руководство къ валяльно-войлочному производству. Съ чертежами. Изд. Вас. Поляковъ. СПб. 1844. Тип. Жернакова. 12°. 36 стр.; 2 нен. (чертежи) и 1 картинка. Ц. 75 к.

17) Практическое руководство къ гребенному и роговому производствамъ. Со многими чертежами. СПб, 1844. Тип. Жернакова. 8°. 3 + 57 + 3 стр. и 4 таблицы.

18) Опыт терминологич. словаря сельскаго хозяйства, фабричности, промысловъ и быта народнаго. 2 части. СПБ. 1843—1844. Тип. Жернакова. 8°. 487+415 стр. Ц. 3 р.

19) Воспоминанія объ эпизодахъ изъ моей частной и служебной дѣятельности (1834—1850) М. 1873. Тип. унив. 8°. 460 стр.

20) Салана въ образѣ красавицы. Основано на истинномъ происшествіи. СПБ. Тип. „Общественная Польза“. 1886. 8°. 195 стр.

21) Старо-рязанскій владѣ. Истинное происшествіе. Изд. ред. журн. „Досугъ и Дѣло“. СПБ. 1886. Тип. тов. „Общ. Польза“. 8°. 24 стр. (500 экз.) Ц. 15 к.

22) Кавалеристъ-дѣвица Александрова-Дурова. Изд. ред. журн. „Досугъ и Дѣло“. СПБ. 1887. Тип. тов. „Общ. польза“. 8°. VIII+255 стр. (2300 экз.) Ц. 1 р.

23) Отечественная война 1812 г. Съ картою и 30 портретами. Изд. ред. журн. „Досугъ и Дѣло“. СПБ. 1888. Тип. тов. „Общ. П“. 8°. 1+138 стр. (2000 экз.) Ц. 25 к.

24) Разказы о нар. войнѣ 1812 г. Изд. ред. журн. „Д. и Дѣло“. СПБ. 1888. Тип. тов. „Общ. П.“ 8°. 110 стр. (1200 экз.).

25) Перстъ Божій. Ист. разказъ. Изд. ред. журн. „Д. и Дѣло“. СПБ. 1889. Тип. тов. „Общ. Польза“. 8°. 1 нен. +238 (500 экз.)<sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Венгеровъ, Русскія книги, т. II, стр. 27, № 3808.

Приведенный список Венгерова, повидимому, далеко не полонъ. Не вошли книги, изданныя подъ псевдонимомъ *Борисъ Волжинъ*: Бесѣды Петербургскаго жителя о сельскомъ хозяйствѣ и домоводствѣ съ воспитанниками удѣльнаго земледѣльческаго училища, СПБ. 1838.

Деревенскій староста Миронъ Ивановъ. СПБ. 1837.

Руководство къ приготовленію молочныхъ скоповъ на училищной фермѣ.

Собраніе арифметическихъ задачъ съ примѣрами, заимствованными изъ практики земледѣлія и скотоводства.

Для насъ наиболѣе всего интересны отрывки изъ его мемуаровъ, которые онъ печаталъ въ разныхъ журналахъ:

Въ „Русскомъ Мирѣ“ за 1871 г. въ ноябрьскихъ № № есть его статья: „Мое знакомство съ И. Н. Скобелевымъ“.

„Русскій Миръ“ за 1872 г., № № 89, 91, 101 и 103. „Моя служба при Д. Г. Бибиковѣ“.

„Памятники новой русской исторіи“, сборникъ, издаваемый *В. Кашпиревымъ*, т. II, СПБ. 1872. В. Б. Изъ воспоминаній *Петербургскаго Сторожила*, стр. 33—102.—два эпизода. II. *Четверги у Н. И. Греча* (стр. 60—102) и есть та статья, на которую (выше, стр. 47) ссылался К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Статьи „Памятниковъ“ представляютъ собою сброшюрованные оттиски статей изъ журнала „Заря“, гдѣ помѣщена интересующая насъ статья В. П. Бурнашева: „За-

ря“ за 1871 г., годъ 3, апрѣль, № 4, ст. I, „Изъ воспоминаній Петербургскаго старожила“ В. Б. П. Четверги у Н. И. Греча, стр. 3—45.

„Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 г. и его пятничные литературные вечера“. *Петербургскаго Сторожила* В. Б. „Русскій Вѣстникъ“ за 1871 г., т. 95, сентябрь, стр. 250—283 (гл. I—V) и октябрь, стр. 599—636 (гл. VI—VIII; опечатка въ оглавленіи (стр. 2 тома 95-го: VI—IX), т. 96-й, ноябрь, ст. 5. стр. 133—203 (гл. IX—XIII).

„Воспоминанія объ эпизодахъ изъ моей частной и служебной дѣятельности (1834—1850) *Петербургскаго Сторожила*. „Русскій Вѣстникъ“ за 1872 г., т. 99, май, ст. 2, стр. 47—129 (гл. I—V), іюнь, ст. 5, стр. 647—716 (гл. VI—VIII); т. 100, іюль, ст. 2, стр. 69—155 (гл. IX—XIII), августъ, ст. 4, стр. 660—737 (гл. XIV—XVIII; опечатка въ оглавленіи: стр. I—гл. IX—XI вм. XIII и стр. 2., гл. XI вм. гл. XIV и—XVI вм. XVIII); т. 101, сентябрь, ст. 2, стр. 104—156 (гл. XIX—XXI), октябрь, ст. 3, стр. 555—613 (гл. XXII—XXIII), т. 102, декабрь, ст. 4, стр. 670—707 (гл. XXIV—XXVII). „Воспоминанія“ вышли и отдѣльною книгою.

В. П. Бурнашевъ, повидимому, не исполнилъ своего намѣренія продолжать свои мемуары. Онъ обѣщаль, напр. (т. 102, стр. 707), статью „Моя служба въ Удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ съ ея послѣдствіями“; но, кажется, эта статья не появлялась въ свѣтъ. Такъ же обѣщаны, но, сколько мы знаемъ, не напечатаны, а можетъ быть, и не написаны статьи: „Моя служба въ военномъ министерствѣ“ (т. 101, стр. 106) и „Петербургскія редакціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ“ (т. 102, стр. 676 и т. 95, стр. 620).

Мемуары Бурнашева весьма интересны, ибо тамъ собрано множество всякаго рода литературныхъ слуховъ, циркулировавшихъ въ редакціяхъ и въ публикѣ въ 30-е и 40-е годы.

Но насколько они достоверны, и въ какой мѣрѣ можно на нихъ ссылаться, это вопросъ совсѣмъ иной. Не вдаваясь въ подробную ихъ критику, отмѣтимъ лишь одну черту воспоминаній Бурнашева, рѣзко бросающуюся въ глаза: онъ постоянно съ очевидною насильственностью старается вмѣстить въ *одинъ* вечеръ событія, имѣвшія мѣсто въ различные періоды.

Вотъ почему авторъ статейки о Бурнашевѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“, кн. IX. стр. 42, совершенно правъ, говоря: „интересныя, но мало достоверныя *и полныя сплетенъ* „Воспоминанія Петербургскаго Сторожила“. Впрочемъ, и самъ авторъ знаетъ за собою грѣхъ недостоверности, ибо (т. 102, стр. 703) замѣчаетъ: „моихъ воспоминаній, основанныхъ лишь *на памяти*, способной иногда и *измѣнять мнѣ*“. Намъ же думается, что въ этихъ мемуарахъ дѣло не только въ *измѣнѣ* памяти, но подчасъ и въ произвольномъ *измѣненіи* ради большей пикантности и т. п.

Вотъ каковъ источникъ, изъ котораго К. Н. Бестужевъ-Рюминъ почерпнулъ свое безапелляціонное сужденіе о принадлежности „Россіи“ Булгарина—Н. А. Иванову. Послушаемъ же, что рассказываетъ В. И. Бурнашевъ объ интересующемъ насъ обстоятельствѣ.

---

„Въ одинъ изъ четверговыхъ вечеровъ, помню, *Булгаринъ* въ особенности важничалъ, чванился и надувался: и обычный шатъ его съ *Владимиромъ Строевымъ* во главѣ сильнѣе обыкновеннаго льнулъ около своего принципала и прославлялъ его знаменитость. Даже люди степенные и серьезные, не расположенные подличать предъ кѣмъ бы то ни было, а передъ Булгаринымъ въ особенности, не могли, однако, не выразить своего уваженія къ новому труду, который издавался тогда *отъ имени* Булгарина, объявлявшаго во всѣхъ газетахъ, что трудъ этотъ явится черезъ годъ или черезъ 1½; между тѣмъ для ознакомленія публики съ этимъ знаменательнымъ произведеніемъ были напечатаны въ „Сѣверномъ Архивѣ“ отрывки изъ него; то было обширное сочиненіе, которое должно было явиться въ свѣтъ подъ названіемъ „Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ“ въ 6 частяхъ. Причина, почему именно въ этотъ четвергъ Булгаринъ былъ, какъ говорится, выше лѣса стоячаго, заключалась въ томъ, что въ тотъ самый день въ редакціи полученъ былъ послѣдній номеръ того какого то иностраннаго журнала, въ которомъ глубокой знатокъ славянскаго міра, безсмертный *Шафарикъ*, съ полнымъ уваженіемъ отзывался объ отрывкахъ, напечатанныхъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“, съ простодушіемъ ученаго мужа *принимая ихъ за трудъ* Булгарина, и выражая только наивное удивленіе о томъ, что въ Булгаринѣ трудно было подозрѣвать такую обширную ученость. Это—можете себѣ представить, до какой



степени раздувало спѣсь Булгарина. Къ тому же восторги и восхваленія сонма льстецовъ усиливали его самообольщеніе. Булгаринъ носилъ отзывъ Шафарика въ карманѣ и то и дѣло всѣмъ показывалъ и читалъ его—въ подлинникѣ или въ переводѣ, сдѣланномъ однимъ изъ сыновей *Греча*; затѣмъ дня черезъ два, въ субботней „Всякой всячинѣ“ „Сѣверной Пчелы“ этотъ переводъ явился съ самовосхвалительными комментаріями Булгарина.

Изъ многочисленнаго общества, бывшаго въ этотъ четвергъ у *Греча*, одинъ только баронъ *Розенъ* скептически и недовѣрчиво относился къ труду Булгарина и къ славѣ, этимъ трудомъ уже порожденной <sup>1)</sup>. Онъ вообще скептически относился къ литературной и гражданской дѣятельности Булгарина, и всегда, когда послѣдній объявлялъ, что онъ въ своей субботней „Всякой всячинѣ“ ругнетъ какое-нибудь изъ произведеній барона, баронъ обращался къ *Н. И. Гречу*, котораго также не очень жаловалъ, и просилъ обыкновенно его о защитѣ своимъ нѣмецко-русскимъ акцентомъ, но рѣчью чисто-русскою безъ малѣйшаго германизма. Вотъ что мнѣ не разъ случалось слышать изъ отзывовъ *Розена* о Булгаринѣ: „Пожалуйста, скажите этому Вашему Булгарину, что я при первой встрѣчѣ сломаю стулъ объ его голову“.—„Только, пожалуйста, не однимъ изъ моихъ стульевъ, любезнѣйшій баронъ“, подхватывалъ забавникъ *Гречъ*, „я только-что обзавелся новою мебелью“. Но какъ бы то ни было, а дѣло въ томъ, что еще ни разу Булгаринъ не позволилъ себѣ манкировать чѣмъ бы то ни было вспылчивому остзейскому барону, и баронъ на основаніи этой своей неприкосновенности постоянно держалъ себя очень безъ чиновъ съ Булгаринимъ <sup>2)</sup>. *Розенъ* <sup>3)</sup> рѣши-

---

<sup>1)</sup> Стр. 90—91.

<sup>2)</sup> Стр. 77.

<sup>3)</sup> Стр. 91.

тельно утверждалъ, что надо имѣть эрудицію далеко не Булгарина, чтобъ написать то, что заключали въ себѣ напечатанные отрывки изъ „Россіи“, которымъ давалась усиленнѣйшая гласность чисто съ издательскими цѣлями, чтобъ временно завлечь публику. Баронъ шелъ далѣе и энергически при всѣхъ спорилъ съ Гречемъ и другими, увѣряя, что отрывки эти непременно *куплены* Булгаринимъ у какого-нибудь *бѣднаго ученаго въ Дерптѣ*. Впрочемъ, Гречъ при этихъ спорахъ отстаивалъ Булгарина далеко не съ особенною горячностью, а повидимому, единственно лишь потому, что не ловко же было ему отдавать своего такъ называемаго и считавшагося по наружности друга на съѣденіе его врагамъ. Но въ защитѣ его звучала для всякаго сколько-нибудь наблюдательнаго человѣка какая-то сатирическая и насмѣшливая нота. Замѣтно было, что Гречу кое-что извѣстно, но что онъ связанъ даннымъ словомъ хранить секретъ того далеко не искренно любимаго имъ человѣка, съ которымъ связала его судьба по какимъ-то неразгаданнымъ причинамъ, оставшимся, кажется, тайною и по смерти, какъ того, такъ и другого изъ этихъ, какъ ихъ въ то время называли, „Сіамскихъ близнецовъ“.

Въ 1837 г., т. е. 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> года послѣ того четвергова вечера, о которомъ здѣсь разсказано, вышла, наконецъ, эта затѣянная Булгаринимъ книга; заглавіе ея давало инымъ поводъ острять, называя книгу эту „Россія Булгарина“; другіе же съ напускною наивностью замѣчали, читая цѣну этого изданія: „Не дешево же Булгаринъ продаётъ Россію“. Последняя острота, кажется, создалась не безъ участія Греча, или, по крайней мѣрѣ, вышла изъ его дома. Но какъ бы то ни было, слава Булгарина, какъ историка и статистика, благодаря этой истинно замѣчательной книгѣ, крѣпчала и росла, поднимая все выше и выше его имя, такъ что даже самыя неблагоприятныя ему критики довольствовались лишь упор-

нымъ молчаніемъ, не смѣя сказать ничего основательнаго противъ этого сочиненія. Но вдругъ на горе Булгарину является въ Петербургѣ одинъ нумеръ литературной германской газеты *Jenaische Allgemeine Litteraturzeitung* со статьею дерптскаго профессора *Крузе*, который немилосердно сорвалъ съ Булгарина тотъ чужой нарядъ, въ какомъ онъ позволилъ себѣ щегольнуть, чтобы приобрѣсти незаслуженную репутацію ученаго европейскаго. Дѣло въ томъ, что въ числѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ Дерптскаго Профессорскаго Института былъ *Н. А. Ивановъ*, богатый талантами и эрудиціею, но, какъ водится, бѣдный средствами, который, будучи 24-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, возымѣлъ мысль написать сочиненіе, которое представило бы полную картину Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Но мысль, конечно, и осталась бы мыслью—за недостаткомъ средствъ къ приведенію ея въ исполненіе, еслибъ Булгарину не вздумалось обратить идею Иванова въ свое личное прославленіе; онъ принялъ на себя доставить Иванову всѣ средства къ исполненію задуманнаго имъ труда—съ обязательствомъ, однако, чтобы сочиненіе вышло въ свѣтъ не подъ именемъ настоящаго его автора, а подъ псевдонимомъ издателя. Молодой ученый былъ настолько чуждъ литературнаго самолюбія и такъ скуденъ матеріальными средствами, что принялъ это условіе; и вотъ въ 1837 г. явилась *его* книга, истинно знаменательная и прекрасная, но *подъ именемъ не его, а издателя ея*, *Ө. Булгарина*. Трудъ этотъ теперь несправедливо забытъ въ нашей литературѣ и читающей публикѣ; онъ и теперь съ пользою можетъ быть прочитанъ. Безъ сомнѣнія, причиною этого забвенія служить стоящее на немъ имя Булгарина, имѣвшаго такъ мало симпатій къ себѣ во всей читающей и мыслящей Россіи, хотя, будучи строго безпристрастнымъ, нельзя не сказать, что вѣдь въ свое время, лѣтъ около 50 передъ симъ Булгаринъ своимъ „Выжиганнымъ“ принесъ таки намъ изрядную пользу, разшевеливъ въ

публикѣ желаніе читать русскіе романы, впервые тогда появившіеся; какъ бы то ни было, статья профессора Крузе нанесла въ 1837 же году жестокій ударъ Булгарину, который принужденъ былъ послѣ этого скандала уѣхать изъ Петербурга, не докончивъ изданія своей „Россіа“, и долго, долго не возвращаться въ столицу“ <sup>1)</sup>).

---

---

<sup>1)</sup> Стр. 93.

Какъ мы видимъ, В. П. Бурнашевъ очень смѣло приписываетъ Ѳаддею Булгарину плагиатъ надъ книгою Н. А. Иванова. Но мы знаемъ, что источникъ этотъ довольно мутный,—и ссылаться на него, совершенно подчиняясь этимъ свѣдѣніямъ, какъ это сдѣлалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, по меньшей мѣрѣ, рискованно.

Но это „свидѣтельство“ Бурнашева теряетъ рѣшительно всякую цѣну, если внимательный читатель замѣтитъ, что весь рассказъ Бурнашева объ отношеніяхъ Иванова къ Булгарину—со словъ „мысль написать сочиненіе“ etc. (выше, стр. 72, строчка 12-я сверху)—13 строчекъ далѣе есть простая и дословная выписка изъ некролога Н. А. Иванова, составленнаго А. А. Котляревскимъ (Ср. выше, стр. 57, строчка 3-я снизу и стр. 58).

Итакъ извѣстіе Бурнашева, какъ мы видимъ, заимствовано у Котляревскаго, некрологъ котораго является единственнымъ первоисточникомъ.

Во всякомъ случаѣ, ни Бестужевъ, ни Бурнашевъ, ни Котляревскій не видали № Jenaische Allgemeine Litteraturzeitung, въ которомъ будто бы было помѣщено разоблаченіе плагиата, сдѣланное профессоромъ Крузе.

Источникъ сплетенъ указывается Бурнашевымъ: изумленіе Шафарика (выше, стр. 69) учености Булгарина породило недобѣріе къ его авторству, напр., въ баронѣ Розенѣ (выше, стр. 71). Булгаринъ жилъ подъ Дерптомъ, гдѣ тогда было

много *ученыхъ*, отъ которыхъ можно было бы позаимствоваться ихъ трудами. Булгаринъ былъ богатъ, а есть ученые бѣдные; значить, у нихъ можно сочиненіе *купить* и заставить ихъ деньгами же *молчать*. Настоящій дерптскій вѣмецъ не могъ бы написать „Россію“ изящнымъ литературнымъ *русскимъ* языкомъ; значить, былъ подкупленъ *русскій* ученый въ Дерптѣ, т. е. кто-либо изъ воспитанниковъ профессорскаго института. Булгаринъ самъ указалъ на Н. А. Иванова, какъ на сотрудника: Ивановъ занимался исторіею и статистикою и приобрѣлъ уже себѣ вѣкоторую извѣстность. Чего же проще предположить, что именно его то и обвѣгорилъ Ѳаддей Венедиктовичъ? Вотъ приблизительно тѣ ассоціаціи идей, которыя могли привести къ мысли о плагиатѣ и породить новый скверный слухъ о противномъ многимъ Булгаринѣ.

В. П. Бурнашевъ указываетъ на Н. И. Греча, „сіамскаго близнеца“ Ѳаддея Булгарина, который якобы зналъ его тайну и только не хотѣлъ ея выдавать. Не оставилъ ли онъ чего-либо относящагося къ нашему вопросу въ своихъ „Запискахъ“?

---

Всякій, кто читаль „Записки“ Н. И. Греча, знаетъ, что онъ вѣрно не любилъ своего „ляха“, какъ онъ величаетъ Ѳаддея Булгарина, и ничего, повидимому, не потаилъ изъ запаса своей памяти, что могло бы скомпрометтировать память „Видока Фигларина“. Не щадилъ своими знаменитыми островами онъ Ѳаддея при жизни и въ глаза, не пощадилъ его по смерти и въ своихъ „Запискахъ“. Онъ разоблачилъ его самыя неприглядныя дѣянiя и стороны характера. Не утаилъ бы Н. И. и исторiи съ плагиатомъ въ „Россiи“, если бы былъ въ немъ увѣренъ,—тѣмъ болѣе, что онъ рассказываетъ про своего друга Ѳаддея одну совершенно аналогичную, и даже прямо параллельную исторiю:

„Ему (Булгарину) хотѣлось заработать что-нибудь литературною работою. Онъ вздумалъ издать „Оды“ Горація съ комментаріями *Ежевскаго* и другихъ критиковъ; но самъ онъ зналъ по латыни очень плохо, просто сказать, зналъ этотъ языкъ, какъ какая-нибудь полька, посѣщающая католическую церковь. Ему помогъ одинъ мой родственникъ, и книжка вышла изрядная. *Ежевскій* и нѣкоторые другіе латинисты жаловались на заимствованіе ихъ примѣчаній, но *Булгаринъ оправдывался тѣмъ, что упомянулъ объ этихъ заимствованіяхъ въ своемъ предисловіи*“ <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Н. И. Гречъ, Записки о моей жизни, изд. Суворина, 1886, стр. 449.

Булгаринъ упоминалъ о позаимствованіяхъ въ предисловіи къ „Одамъ“ и считалъ себя совершенно правымъ, свободнымъ отъ упрека въ плагиатъ. Точно такъ же поступилъ онъ и въ предисловіи къ „Статистикѣ“ въ „Россіи“: онъ упоминалъ о сотрудничествѣ Н. А. Иванова. Не даетъ ли это намъ права провести аналогію плагиата и по отношенію къ „Россіи“? Но Гречъ и прямо высказалъ свое мнѣніе о „Россіи“: см. статью—„Исторія перваго энциклопедическаго лексикона въ Россіи“ (изъ записокъ Н. И. Греча) въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1870 г., г. VIII, № 7, столбцы 1247—1272 (сообщено изъ бумагъ Н. И. Греча):

.....„Булгаринъ, живя въ Дерптѣ, собиралъ разныя историческіе и статистическіе матеріалы о Россіи, *при помощи* проф. Н. А. Иванова (бывшаго потомъ въ Казани и наконецъ опять въ Дерптѣ), и *обмывши* ихъ мнимо патриотическимъ *соусомъ*, вздумалъ издать подъ заглавіемъ „Россія“ etc... Сочиненіе это ограничилось 4 томами и оказалось слабою, вялою компиляціею. Булгаринъ взялся не за свое дѣло“ (прим. при столбцѣ 1267).

Что же говоритъ здѣсь Н. И. Гречъ? Онъ вовсе не выдаетъ труда Ѳ. В. Булгарина за плагиатъ, а полагаетъ лишь, что тотъ, обрабатывая этотъ трудъ *самъ*, взялся не за свое дѣло. Участіе Иванова (не только въ статистической, но и въ исторической части) Гречъ принимаетъ, но лишь при *собираніи* матеріаловъ, но никакъ не въ *обработкѣ* (которая принадлежитъ Булгарину), т. е. приписываетъ Иванову гораздо меньше, чѣмъ самъ Булгаринъ, который признавалъ за Ивановымъ сотрудничество даже въ обработкѣ статистики. Значитъ, и столь недоброжелательный къ своему сотруднику и союзнику—и вообще злорѣчивый Н. И. Гречъ всецѣло признавалъ *авторство* (т. е. идею и принципы построенія



изложенія—*исторіи* во всякомъ случаѣ, ибо въ статистическѣи самъ Булгаринъ не признавалъ себя достаточно самостоятельнымъ) Булгарина и—замѣтимъ—даже вовсе не упоминаетъ о статьѣ Крузе, которой бы онъ не могъ не знать, если бы В. П. Бурнашевъ былъ правъ въ своемъ разсказѣ (выше, стр. 71).

Теперь мы видимъ, насколько вопросъ объ участіи Н. А. Иванова въ „Россіи“ Булгарина рѣшается „авторитетными“ свидѣтельствами К. Н. Бестужева, А. А. Котляревскаго и Н. И. Греча.....

---

Предшествующее наше изслѣдованіе можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

Нѣкоторая доля участія Н. А. Иванова въ собираніи матеріаловъ для книги „Россія“, а можетъ быть, и въ ея обработкѣ, участіе, которое призналъ даже самъ Ѳ. В. Булгаринъ въ предисловіи къ „Статистикѣ“, подало поводъ къ различнаго рода сплетнямъ въ литературныхъ кружкахъ. Плагіатъ былъ де разоблаченъ въ статьѣ дерптскаго профессора *Крузе*, хорошо знакомаго и съ Ивановымъ, какъ своимъ ученикомъ, и, вѣроятно, съ Булгаринымъ, какъ жителемъ Дерпта, втиравшимся въ ученые кружки. Въ печать эти слухи проникли уже по смерти Иванова—и притомъ двумя путями: 1) въ некрологѣ Иванова, составленномъ А. А. Котляревскимъ, который не разъ допрашивалъ его лично объ исторіи съ Булгаринымъ и добился отъ него упоминанія о статьѣ *Крузе*, и 2) въ мемуарахъ В. П. Бурнашева, тоже ссылавшагося на статью *Крузе*, но тоже ея не издававшего и, повидимому, все заимствовавшего изъ того же некролога у Котляревскаго. Тогда К. Н. Бестужевъ-Рюминъ смѣло положился на показаніе Бурнашева и помѣстилъ даже въ своемъ учебникѣ (см. выше, стр. 47), какъ положительный и доказанный фактъ, извѣстіе о плагіатѣ Булгарина, ссылаясь опять таки на статью *Крузе* по ссылкѣ (!) на него Бурнашева, взявшаго эту ссылку у Котляревскаго.

Для того, чтобы окончательно рѣшить вопросъ, необхо-

димо, слѣдовательно, разыскать статью Крузе, которая, однако, *никѣмъ* изъ ссылающихся на нее точно не цитируется—по той очень простой причинѣ, что они лишь *слышали* о ней, но никогда ее не видали.

Такъ мы и сдѣлали—стали разыскивать статью Крузе по цитатѣ: *Jenaische Allgemeine Litteraturzeitung* (!). Кто когда-либо видалъ эту газету, знаетъ, какъ легко отыскать въ ней—безъ указателя и безъ точнаго обозначенія—одну отдѣльную рецензію.

---

Карлъ Германъ Фридрихъ фонъ Крузе (1790—1866 г.) былъ профессоромъ исторіи при Дерптскомъ университетѣ съ 1828—1854 г. Свѣдѣнія о немъ и списокъ его сочиненій помѣщены у Recke u. Napiersky, Allgemeines Schriftsteller—und Gelehrten-Lexicon, В. II (G—K). Mitau, 1829, р. 566—567 и въ I томѣ Nachträge und Fortsetzungen, 1859, р. 335—342. Статьи объ Ивановѣ и Булгаринѣ въ спискѣ его трудовъ не числятся. Правда, сказано (стр. 341), что Крузе былъ со-трудникомъ и въ *Иенской*, и въ *Хальской* „Литературныхъ газетахъ“.

Затѣмъ я взялъ года Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung съ 1837 по 1842 г., т. е. перелистовалъ журналъ, листъ за листомъ—за 6 лѣтъ, перелистовалъ неоднократно, но *никакой статьи Крузе*, разоблачающей плагиатъ Булгарина надъ книгою Иванова, *не нашелъ!* Продолжать поиски въ 1843 г. и далѣе я считалъ уже безцѣльнымъ, ибо и Бурнашевъ указываетъ, якобы эта статья Крузе появилась въ Jenaische Literatur-Zeitung въ 1837 г. (выше, стр. 72—73).

Статьи Крузе попадаютъ въ „Иенской Газетѣ“ за 1837 годъ. Но о Булгаринѣ статьи Крузе здѣсь не имѣется.

Мы отыскали рецензію на трудъ Булгарина и въ „Иенской газетѣ“, но рецензію не Крузе, и не на русскій подлинникъ, а на нѣмецкій переводъ „Россія“.

— 3 —

Russland in historischer, statistischer, geographischer und literarischer Beziehung dargestellt von *Thaddaeus Bulgarin*. Ein Handbuch für Gebildete jeden Standes. Mit Genehmigung und unter Mitwirkung des *Verfassers* aus dem Russischen übersetzt von *H. v. Brackel*, Riga und Leipzig, bei Eduard Frantzen, 1839 (4 Rthlr). Вышелъ, сколько я знаю, одинъ томъ исторіи и одинъ томъ статистики.

Рецензія подписана А. Н. Л. и помѣщена въ № 90 Jenaische Allgemeine Literatur-Zeitung, Mai 1840, стр. 233—239. На стр. 234—235 стоятъ:

Die erste Abtheilung der Statistik hat eine allgemeine und eine besondere Einleitung in die russische Statistik, ihre Quellen und wichtigsten Hilfsmittel *gesammelt unter Mitwirkung des Gelehrten Ivanow*, welchen Dorpat für diese und andere gemeinnützige Wissenschaften bildete.

Разоблаченій никакихъ нѣтъ. Свѣдѣнія, очевидно, заимствованы изъ предисловія Булгарина (см. выше).

Принимая въ соображеніе, что Крузе, кромѣ Іенской, сотрудничалъ еще въ Халльской Газетѣ, которая тоже называется Allgemeine Literatur-Zeitung и издавалась одновременно съ Іенскою, я взялъ еще *шесть годовъ* Халльской газеты и тоже перелистывалъ ихъ, страницу за страницей—и съ тѣмъ же самымъ успѣхомъ, или вѣрнѣе, неуспѣхомъ: *никакой статьи Крузе, разоблачающей плагиатъ Булгарина, я не нашелъ.*

Равнымъ же образомъ я нашелъ и здѣсь рецензію на нѣмецкій переводъ „Россія“: Allgemeine Literatur-Zeitung. Halle u. Leipzig, за 1840 г. September, № 165, стр. 97—104 (двустолбцовая), № 166, стр. 105— $\frac{1}{2}$ 110. Рецензія подписана п. Въ № 165, стр. 101—102 мы читаемъ: Uebrigens dürfen wir es aber nicht unerwähnt lassen, dass Hr. Bulgarin die *Verarbeitung der von ihm gesammelten Data* nicht selbst übernommen, sondern dem Herrn *Iwanow* überlassen, mit dem er jedoch fortwährend über die Art der Verarbeitung Rücksprache genommen hat.

Разоблаченіи никакихъ нѣтъ и здѣсь. Свѣденія тоже изъ предисловія.

Любопытно, что рецензентъ *Ленской* газеты обратилъ вниманіе на помощь Иванова при *собираніи* матеріала, а критикъ *Халльской* газеты приписываетъ Иванову *обработку* данныхъ, собранныхъ *Бумаринымъ*.

Итакъ, статья Крузе, которую упоминають Котляревскій и (съ его словъ?) Бурнашевъ, несмотря на самые тщательные поиски, *не могла* быть мною отыскана. Да существовала она и вообще реально? Кто ее самъ видѣлъ или читалъ?

---

Предположимъ, что мнѣ, несмотря на неоднократные, самые тщательные поиски, не посчастливилось найти статьи Крузе, и она ускользнула отъ моего вниманія. Но, какъ мнѣ извѣстно, эту статью разыскивалъ и до меня еще одинъ ученый, съ которымъ мнѣ пришлось вести о томъ бесѣду. Это—почтенный славистъ *М. П. Петровскій*, который былъ лично знакомъ съ *Н. А. Ивановымъ*, слушалъ его курсы, и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма интересовался въ книгѣ „Россія“ мыслями о славянской исторіи. Ему очень хотѣлось опредѣлить настоящаго хозяина этихъ мыслей..... Но и его поиски статьи Крузе были, подобно моимъ, совершенно *тщетны*. *М. П. Петровскій* вообще склоненъ отрицать существованіе этой загадочной статьи. Хозяиномъ и владѣльцемъ идей „Россіи“ *М. П. Петровскій*, какъ передавалъ онъ мнѣ, готовъ считать скорѣе *Булгарина*, а не *Иванова*.

Я отклоняю отъ себя,—предоставляю специалистамъ по славянской исторіи—внутренній анализъ мыслей „Россіи“ и не стану разбирать, кому вѣроятнѣе онѣ могутъ принадлежать—*Н. А. Иванову*, или *Ө. В. Булгарину*. Одно кажется мнѣ безспорнымъ: предположеніе о полномъ плагиатѣ *Булгарина*, какъ его со словъ *Бурнашева* повторяетъ *К. Н. Бестужевъ*, нужно считать вполне неосновательнымъ. *Булгаринъ не укралъ* книги *Н. А. Иванова*. А въ какой мѣрѣ содѣй-

ствовалъ Н. А. Ивановъ Ѳ. В. Булгарину при собираніи матеріаловъ, или и при обработкѣ ихъ, и притомъ по одной ли статистикѣ, или также по исторіи, этихъ вопросовъ нельзя рѣшить окончательно—за недостаткомъ данныхъ. Все дѣло о сотрудничествѣ Н. А. Иванова въ „Россія“ Ѳ. В. Булгарина, вѣроятно, навсегда останется темнымъ.





### III.

## Нѣкоторыя свѣденія о научно-литературной дѣятельности Д. М. Велланскаго.

Имя Д. М. Велланскаго теперь довольно часто упоминается въ разныхъ статьяхъ и этюдахъ, гдѣ заходитъ рѣчь объ исторіи русской мысли, и въ частности объ одномъ эпизодѣ ея—шеллинговскихъ увлеченіяхъ. Но такъ какъ у насъ до сихъ поръ все еще, что касается области исторіи философіи въ Россіи, заботятся только о построеніи „общихъ схемъ“, опускаая предварительный, „чернорабочій“, но необходимый трудъ детальнаго и монографическаго изслѣдованія первоисточниковъ (Quellenstudien), то и, говоря о Велланскомъ, ограничиваются почти исключительно общими мѣстами, да нѣкоторыми случайными фактами, наудачу выхваченными изъ статьи *Н. И. Розанова*, представляющей неисчерпаемый источникъ для такихъ позайствованій <sup>1)</sup>.

Замѣчая этотъ недостатокъ подлинныхъ свѣденій о Д. М. Велланскомъ, мы уже дважды обращались къ этой личности и ея трудамъ, во II и III томахъ книги „Философія въ Россіи“.

---

<sup>1)</sup> О Н. И. Розановѣ см. «Философія въ Россіи», т. II, стр. 244—255.

Тамъ мы сопоставили по возможности полную библиографію и литературу предмета, собрали въ едино письма Д. М-ча и наконецъ впервые ознакомили читателя съ неизданнымъ еще, отысканнымъ нами, послѣднимъ трудомъ Велланскаго о животномъ магнетизмѣ, въ свое время не появившимся въ свѣтъ въ силу цензурнаго запрещенія. Тамъ же мы привели и полное описаніе содержанія этого сочиненія, и нѣкоторые изъ него отрывки. На этотъ разъ мы намѣрены представить нѣкоторые свѣденія о научно-литературной дѣятельности Д. М. Велланскаго, преимущественно, изъ ранняго ея періода.

Какъ извѣстно, Велланскій открылъ свое литературное поприще очень рано, еще студентомъ—переводомъ съ нѣмецкаго языка на русскій медицинскаго учебника. То были „Начальныя основанія врачебныя науки“ *Мецгера*. Будучи кандидатомъ медицины и хирургіи (т. е. не имѣя еще званія лекаря)<sup>1)</sup>, онъ къ Мецгеру прибавилъ еще переводъ большого учебника клинической медицины *Селле*.

При современныхъ успѣхахъ и прогрессѣ медицины вновь появляющіяся терапевтическія средства и теоріи рѣдко живутъ въ наукѣ долѣе нѣсколькихъ лѣтъ. Насколько же любопытно должно быть для современнаго медика ознакомиться съ учебниками медицины, употреблявшимися въ одномъ изъ главныхъ русскихъ разсадниковъ медицинскаго знанія—въ Медико-хирургической (нынѣ Военно-медицинской) академіи—за сто лѣтъ до настоящаго времени!

Ради экономіи мѣста мы должны при ознакомленіи съ этими учебниками довольствоваться немногимъ. Мы приведемъ лишь общіе планы обоихъ учебниковъ (Мецгера и Селле). Къ этому присовокупимъ краткія біографическія свѣдѣнія объ указанныхъ медицинскихъ авторахъ.

Исторія русской медицинскій терминологіи и номенклатуры, лексикографія русскаго медицинскаго языка—предметъ,

---

<sup>1)</sup> «Философія въ Россіи», т. II, стр. 62.

еще совсѣмъ не затронутый. А между тѣмъ даже и наши краткіе матеріалы, приводимые ниже, даютъ богатый матеріалъ для такого будущаго историческаго лексикона русской медицины. Для Wellansky-Forscher не можетъ не быть интереснымъ, что въ вѣкоторыхъ случаяхъ Д. М. являлся, повидимому, самъ творцемъ неологизмовъ и новыхъ терминовъ.

Иоганнъ Даниель *Metzger* родился 7 февраля 1739 г. въ Страсбургѣ, изучалъ тамъ же медицину подъ руководствомъ Лобштейна и въ 1766 г. удостоенъ степени доктора медицины по защитѣ диссертациа De primo raga nervorum (анатомическое описаніе обонятельныхъ нервовъ на основаніи собственныхъ изслѣдованій). При томъ же университетѣ онъ сталъ приватъ-доцентомъ, а затѣмъ принцъ Bentheim in Steinfurt назначилъ его своимъ лейбъ-медикомъ, надворнымъ совѣтникомъ и санитарнымъ инспекторомъ своей столицы. Въ 1777 г. онъ перешелъ въ кѣнигсбергскій университетъ профессоромъ и преподавалъ постепенно анатомію, физиологію, патологию, хирургію, въ особенности же судебную медицину. Умеръ онъ 16 сентября 1805 года.

Мецгеръ обладалъ трезвымъ умомъ и большими свѣдѣніями въ области медицины и естественныхъ наукъ. Особенно цѣнились его труды по судебной медицинѣ, както:

Gerichtlich-medicinische Beobachtungen, 2 тома. 1778, 1779.

Neue ger.-med. Beobachtungen, 1798.

Handbuch der Staatsarzneikunde, enthaltend die medicinische Polizei und gerichtliche Arzneiwissenschaft, 1787.

Ueber die Kennzeichen des Todes und den auf die Ungewissheit derselben gegründeten Vorschlag, Leichenhäuser zu errichten, 1792.

*Animadversiones ad docimasiam pulmonum*, 1787.

*Materialien für Staatsarzneikunde und Jurisprudenz*, 2 Stücke, 1792, 1795.

*System der gerichtl. Arzneiwissenschaft*, 1793—1798; V издание, приготовленное *W. H. G. Remer*'омъ, 1820.

*Gerichtlich-med. Abhandlungen* (какъ приложение въ третьему изданію „Системы“) въ 2 частяхъ, 1803, 1804.

Работы меньшаго объема появлялись либо въ университетскихъ изданіяхъ, либо въ *Vermischte med. Schriften* 3 т. 1781—84 и *Neue vermischte med. Schriften*, 1800.

Кромѣ того, существуетъ рядъ работъ Мецгера по анатоміи, физиологіи, хирургіи, практической медицинѣ и исторіи медицины.

Всѣ труды Мецгера перечислены въ *Bibliographie médicale*, VI, 268; у Энгельманна (не всѣ) въ *Bibliotheca med.-chir.*, 1848, 375—376.

Наконецъ, нужно отмѣтить брошюры и книги Мецгера, въ которыхъ онъ отзывался на дебатировавшіеся тогда медицинскіе вопросы общаго характера. Таковы:

*Ueber Irritabilität und Sensibilität als Lebensprincipien in der organischer Natur*, 1794 (противъ Броуна),

*Programma, quo somnambulismus magneticus hodie solemniter perstringitur*, 1787 (противъ Месмера и его послѣдователей).

*Ueber den menschlichen Kopf in anthropologischer Rücksicht*, 1803 (критика теоріи Галля).

Д. М. Велланскій перевелъ на русскій языкъ нижеслѣдующее сочиненіе Мецгера:

Grundsätze der sämtlichen Theile der *Krankheitslehre*. Ein Lehrbuch von D. Johann Daniel *Metzger*, Hofrath und der A. W. ordentl. Professor. Königsberg, 1792, bey Gottlieb Leberecht Hartung (съ виньеткой: Эскулапъ). Титулъ + Vorrede III—XII (подп. Ostermesse, 1792. М.) + Inhalt XIII—XVI + Einleitung 1—4 (12 §§) + тит. (I. Pathologie) + 7—50 (§§ 13—205) + тит. (II. Semiotik) 53—136 (§§ 1—480) + тит. (III. Therapie) 139—176 (§§ 1—190). Форматъ—8.

Въ патологiи: А). Nosologie, §§ 18—33 (стр. 8—11), В). Aetiologie, §§ 34—49 (стр. 11—15), С). Symptomatologie, §§ 50—66 (стр. 15—18), D). Verschiedenheiten der Krankheiten unter sich, §§ 67—166 (стр. 18—41), E). Zufällige Verschiedenheiten der Krankheiten, §§ 167—199 (стр. 41—49), F). Ursprünge der Krankheiten, §§ 200—204 (стр. 49—50), G). Wirkungen der Krankheiten—§ 205, стр. 50.

Въ семіотикѣ: I) Veränderte äussere Beschaffenheit des Körpers, §§ 27—64 (стр. 57—63), II) Lebensverrichtungen, §§ 65—128 (стр. 63—75) III) Thierische Verrichtungen, §§ 129—215 (стр. 75—89), IV) Natürliche Verrichtungen, §§ 216—268 (стр. 90—98), V) Geschlechts - Verrichtungen, §§ 269—301 (стр. 99—104). VI) Ausführungen, §§ 302—438 (стр. 104—127), VII) Von der Coction, Crisis und den kritischen Tagen, §§ 439—462 (стр. 127—132), VIII) Von der Bösartigkeit in Krankheiten, §§ 463—469 (стр. 132—134), IX) Kennzeichen des Todes, §§ 470—480 (стр. 134—136).

Въ репанiи: I) Heilkräfte der Natur, §§ 8—32 (стр. 140—145), II) Heilkräfte und Wirkungsart der Arzneymittel, §§ 33—101 (стр. 145—158), III) Die Indicationen, §§ 102—111 (стр. 158—160), IV) Aetiologische Classification der Krankheiten, und darauf anwendbare Heilmethoden, §§ 112—190 (стр. 160—176).

Теперь для сравненія мы приведемъ то же расположеніе содержанія и общій планъ сочиненія Медгера по его русскому переводу. Книга появилась подъ такимъ заглавіемъ:

Начальныя основанія всеобщихъ частей врачевныя науки. Учебная книга сочиненная Д. Іоанномъ Даниломъ *Медгеромъ*, надворнымъ совѣтникомъ и врачевнаго искусства ординарнымъ профессоромъ. Въ Кенигсбергѣ 1792 г. Перевелъ съ нѣмецкаго С. П. Медико-Херургической Академіи студентъ *Данило Веллански*. Иждивеніемъ Государственной Медицинской Коллегіи. Въ Санктпетербургѣ, 1799 года. Его Превосходительству Господину Тайному Совѣтнику, Его Императорскаго Величества дѣйствительному камергеру, Государственной Медицинской Коллегіи Президенту и Кавалеру *Василію Николаевичу Зимовьеву*, Милостивому Государю посвящается сей трудъ въ знакъ глубочайшаго почитанія, благодарности и преданности отъ переводчика.—Малая 8°, стр. 222 + 2 не вум. „оглавленіе содержанія“.

Послѣ введенія въ книгѣ изложена I) *патологія*, которая раздѣляется: А) *носологія* (стр. 11), В) *этіологія* (16), С) *симптоматологія* (21), D) различія болѣзней, каковыми бываютъ: 1) болѣзни живенныхъ силъ (26), 2) органическія болѣзни (31), 3) порчи соковъ (35) (остроты, недостатки каждой жидкости порознь), 4) неравное содержаніе между твердыми и жидкими частями (48); пороки въ сосудахъ, совратность жидкостей, ненадлежащее ихъ количество и непорядочное движеніе соковъ. Е) Случайныя различія болѣзней по 1) ихъ происхожденію, 2) мѣстопребыванію, 3) прохожденію, 4) степени, 5) свойству и 6) окончанію. F) Происхожденіе и G) Дѣйствія болѣзней.

II) *Семіотика* (стр. 70) излагаетъ: I) измѣненіе наружныхъ качествъ тѣла (лицо и его части, все тѣло и каждая часть онаго, цвѣтъ и теплота тѣла, положеніе и поступки больного), II) Живенныя дѣйствія (84) (біеніе сердца и

боевыхъ жилъ, дѣйствительные роды пульса, недовольно опредѣленные роды пульса, дыханіе), III) Животныя (стр. 99) дѣйствія; произвольное движеніе мышцъ: А) умноженное, Б) умаленное; употребленіе чувствъ, чувствительность вообще, поврежденіе чувственныхъ орудій, внутреннія чувства; IV) Естественныя дѣйствія (стр. 118), V) Дѣйствія пола (стр. 130): А) мужскаго и Б) женскаго, VI) Испражненія (стр. 137): кровотеченія, свойство вытекшей, или изъ жилы выпущенной крови, потъ, слюотеченіе, харкотина, моча, рвота, испражненіе низою, VII) О свареніи, переломѣ и переломныхъ дняхъ (165), VIII) О злости въ болѣзняхъ (172), IX) Признаки смерти (стр. 174).

III) *Терапія* трактуетъ о I) Спасительныхъ силахъ природы (178), II) О цѣлительныхъ силахъ и дѣйствіи лекарствъ (184), о ядахъ, III) Показаніяхъ (стр. 200) и IV) о расположеніи болѣзней, основанномъ на причинахъ и пристойныхъ къ тому способахъ лѣченія.



Христіанъ Готлибъ *Selle* (собственно *Sell*), врачъ и философъ, сынъ кузнеца, родился 7 октября 1748 г. въ Штетинѣ, ребенкомъ переѣхалъ въ Берлинъ, изучалъ у своего вотчина, аптекаря Кёлера, фармацію, готовился выселиться въ Швецію—аптекарскимъ помощникомъ, но случайно остался въ Берлинѣ, гдѣ и сдѣлался вольнослушателемъ медицинскаго факультета. Затѣмъ онъ изучалъ медицину въ Гёттингенѣ, гдѣ занимался спеціально учевіемъ о лихорадкѣ. Въ 1770 г. въ Халле С. получилъ степень доктора медицины за диссертацию *Methodi februm naturalis rudimenta*. Послѣ защиты ея онъ занимался вольною практикою въ Берлинѣ, издалъ переводы *Brocklesby*, *Medicinische und ökonomische Beobachtungen zur Verbesserung der Kriegslazarethe*, Berlin, 1772 и *Cadogan*, *Von der Gicht*, а также оригинальное сочиненіе *Rudimenta pyretologiae methodicae*, Berlin, 1773 (III изданіе 1789), доставившее ему извѣстность, и сразу троскратно переведенное на французскій языкъ—*Montblanc*, Lyon, 1802, *Clanet*, Toulouse, 1802 и *Nauche*, Paris, 1802 и 1817. Въ 1774 г. онъ сопровождалъ въ Петербургъ невѣсту Цесаревича Павла. По возвращеніи онъ сдѣлался врачомъ при князь-епископѣ Эрмеландскомъ съ пребываніемъ въ Heilsberg, но въ 1777 году отказавшись отъ этого мѣста, возвратился въ Берлинъ, гдѣ и прожилъ всю жизнь до смерти. Онъ умеръ въ 1800 г. 9 ноября отъ чахотки.

Въ Берлинѣ онъ былъ назначенъ врачомъ при Charité, гдѣ онъ собралъ матеріалы для своей *Medicina clinica oder Handbuch der med. Praxis*, имѣвшей за время 1781—1801 г. восемь изданій и переведенной на французскій языкъ *Coray*, 1796. Montpellier, и на латинскій Куртомъ *Шпретелемъ*, Berlin, 1797. Тамъ же Селле издалъ свои извѣстные *Neue Beiträge zur Natur-und Arzneiwissenschaft* (первыя 2 части, 1782, 3-я—1786), переведенныя на французскій языкъ *Coray*, Paris, 1796. По смерти Муцеля Селле сталъ лейбъ-медикомъ Фридриха Великаго, котораго онъ пользовалъ до самой смерти, и о которомъ онъ составилъ *Krankheitsgeschichte des höchstseligen Königs von Preussen Friedrich's II Majestät*. Berlin, 1786. Онъ былъ также лейбъ-медикомъ Фридриха-Вильгельма II. Въ 1798 г. онъ былъ назначенъ вторымъ директоромъ въ *Collegium medico-chirurgicum*. Съ 1786 г. Селле былъ членомъ королевской академіи наукъ и 10 лѣтъ (до самой смерти) состоялъ директоромъ ея философскаго класса.

Литературная дѣятельность Селле не ограничивалась медициною. Онъ извѣстенъ и въ философіи, какъ противникъ Канта и защитникъ „эмпиризма“.

Селле написалъ *Philosophische Gespräche*, 2 ч., Berlin, 1780, *Grundsätze der reinen Philosophie*, 1788, Berlin, и рядъ статей философскаго содержанія, помѣщенныхъ, частью въ *Berliner Monatschrift* (1783—90), частью въ „*Мемуарахъ*“; философскія соображенія имѣются и въ *Urbegriffe von der Beschaffenheit, dem Ursprunge und Endzwecke der Natur*, Berlin, 1776, и въ *Einleitung in das Studium der Natur und Arzneiwissenschaft*, тамъ же, 1777, II изд. 1787 г., французскій переводъ *Coray*, Montpellier, 1795.

Кромѣ того, Селле перевелъ еще нѣсколько книгъ съ французскаго языка на нѣмецкій и написалъ сочиненіе о животномъ магнетизмѣ (помѣщено въ *Berliner Monatschrift* за 1789 г.)

По смерти Селле *Merian* читалъ въ академіи *éloge* въ его честь.

Сочиненіе Селле, послужившее Велланскому для перевода, было, повидимому, въ Германіи очень распространено и пользовалось широкою извѣстностію. Въ подлинникѣ оно носитъ слѣдующее заглавіе:

D. Christian Gottlieb *Selle*, Königlichem Geheimen Rathes und Professors; der Königlichem Akademien der Wissenschaften zu Berlin und zu Stockholm, der Königl. Societät der Aerzte zu London und der Gesellschaft schweizerischen Aerzte; des Königl. Armendirectorii Mitgliedes und Arztes des Charitee-Hauses zu Berlin, *Medicina clinica* oder *Handbuch* der medicinischen Praxis. Siebente verbesserte Auflage. Mit Königl. Preuss. wie auch Churfürstl. Sächs. Privilegien. Berlin, 1797. Bei Christian Friedrich Himburg. Тит. (съ виньеткой: богиня подъ деревомъ льетъ изъ чаши) + III—IV (предисловіе) + Inhalt V—XVI + *Medicina clinica* 1—4 + тит. (Pathologische und therapeutische *Bestimmung* der Krankheiten) + 7—522 + тит. (Auswahl und nähere Bestimmung der *Arzneymittel*) + 525—526 + *Arzneymittel* 527—648.

Къ VIII посмертному изд. прибавленъ гравированный портретъ автора. Подъ нимъ печатно: Christian Gottlieb Selle. Geb. zu Stettin den 7. ten Oct 1748. Gest. in Berlin den 9. ten Nov. 1800. Титулъ тотъ же, но безъ виньетки. Achte, *unveränderte* Auflage. Mit Königlich—Preussischem Privilegium. Berlin, 1802 etc. Перепечатано страница въ страницу, за исключеніемъ Inhalt (V—XIV).

Переводъ Велланскаго вышелъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Практическая медицина или книга о познаніи и лѣченіи болѣзней человѣческихъ. Соч. Д. Христиана Готлиба Селле. Перевелъ съ нѣмецкаго, изъ седмаго изданія С. П. Медико-хирургической Академіи Кандидатъ Медицины и Хирургіи

*Данило Велланскій*. СПб, 1802, 8-<sup>о</sup>, 16 + 792 + 12 стр. (не-  
нум. „оглавление“). Второе издание вышло въ 1806 г. въ 8-<sup>о</sup>.

Ознакомимся теперь съ содержаніемъ книги. Она носитъ чисто практическій характеръ и разбита на множество отдѣльныхъ маленькихъ главокъ, изъ коихъ каждая посвящена какой-либо одной болѣзни,—нѣчто вродѣ нынѣшнихъ „самолѣчебниковъ“. Послѣ симптомовъ указывается терапія болѣзни и средства. Посмотримъ же, какія болѣзни извѣстны были нашимъ медикамъ сто лѣтъ тому назадъ, сколько бичей чело-  
вѣческаго здоровья они насчитывали.

Патологическое и Терапевтическое изъясненіе болѣзней.  
О лихорадкахъ: непрерывныя лихорадки, простая воспалительная л., гнилая л., послабляющія, желчныя лихорадки (воспалительная ж. л., гнилая ж. л.), слизистыя, неправильныя, скоротечная чувствительно-жильная л., тихая ч. л., перемежающіяся лихорадки (желчная, желчновоспалительная, желчногнилая, злая, продолжительная пер. лих.).

О лихорадочныхъ припадкахъ: жаръ, ознобъ, жажда, недостатокъ позыва на пищу, тошнота и рвота, вѣтры, запоръ брюха, поносъ, кровотеченіе, потъ, лихорадочная слабость, блѣнне, изумленіе (*stupor*), бредъ, сонливость (*sopor*), судороги, тоска. О воспаленіяхъ; жаба, воспаленіе легкихъ, колотье въ бокахъ (*pleuritis*), воспаленіе надлегочной плевры (*pleuropneumonia*), грудобрюшной преграды, печени, желудка, кишекъ, почекъ, мочевого пузыря, матки. Лихорадка съ рожею. Огненный вередъ (*carbunculus*). Сыпи. Моровая язва. Оспа; ложная оспа или лопуха. Корь; краснушки (*rubellae*). Пурпуровая лихорадка (*febris scarlatina*), кропивная л. (*febris urticata*), лих. съ просообразною сыпью (*f. miliaris*), пузырьчатая л. (*f. bullosa*), молочница (*aphthae*), кровавыя пятна (*petechiae*). Ревматизмы: скоротечный, продолжительный. Ломотныя болѣзни, ломоты (*arthritis*), подагра. Простуды (*catarrhus*); насморкъ (*coruza*), простудная жаба, прост.

кашель; ложное воспаление легкихъ. Кровавый поносъ (*dysenteria*), холера. Кровотеченіе (изъ рта—*stomacase*, изъ носа), кровохарканіе (*haemoptysis*), кровавая рвота. Непорядочное очищеніе, недостатокъ его, противоестественное кровотеченіе изъ дѣтор. женскихъ частей. Почечуйныя припадки (кровоавый текуцій почечуй, тек. слизистый п., п—й мочеваго ствола, слѣпой п.). Глисты или черви (мѣлкіе—*ascarides et trichurides*, круглыя—*lumbrici*, плоскіе—*taenia*). Желтуха. Любострастныя болѣзни (закоренѣлая люб. бол., шанкеръ, люб. бѣлая грыжа, люб. теченіе бѣли, паховикъ—*bubo*, люб. опухоль яичекъ, опухоль красной плоти—*phimosi et paraphimosi*, любострастное поврежденіе предстоящей желѣзы, люб—ья шишки—*condylomata*, пятнышки и любостр—я бородавки, люб. болѣзни костей). Цынга. Желваки (*scrophulae*). Аглинская болѣзнь (*rachitis*). Педартрокація (*paedarthrocace*). Продолжительныя сыпи (*exanthemata chronica*): золотуха (*crusta lactea*), тѣменица (*achores*), струць (*favus*), шолуди (*tinea capitis*), ковтунъ (*plica polonica*), лишай (*herpes*), чесотка, проказа (*lepra*), слововая кожа. Продолжительныя язвы: мѣстная хорошая язва (*ulcus locale benignum*), мѣстная злокачественная язва (*u. l. gravum*); язвы, отъ желчной остроты происходящія, любострастныя, цынготныя, скрофулозныя язвы. Разрѣшающій лишай (*herpes exedens*), ракъ (*caner*), костоѣдица (*caries*), антоновъ огонь (*gangraena*). Опухоли (пасочныя, ревматическая опухоль въ членахъ, скрофулозная оп. въ составахъ, костоѣдица въ позвонокахъ (*caries vertebrae*); водяныя опухоли, хладная оп. ногъ, повсюдная водяная болѣзнь и обрюзглость (*hydrops anasarca et leucorhegmatica*). Водяная болѣзнь брюшная, грудная; водяная б. брюшины, яичника (*ovarum*), маточная, мошовеи (*hydrops scroti*), яичекъ (*hydrocele*), головная (*hydrocephalus*), мозга; раздвоенная ость (*spina bifida*), вод. болѣзнь въ составахъ. Воздушныя опухоли, за-кожная возд. оп. (*emphysema*). Вѣтренная немочь (*tympanitis*).

Изнурительныя болѣзни (macies). Дѣтская сухотка (atrophia infantum), чувственожилыная чахотка, спинная сухотка (tabes idorsalis), старческое изнуреніе (marasmus senilis). Изнурительныя лихорадки (febres hecticae), чахотныя лих. Чахотка легкыхъ (phtisis pulmonalis), печеночная, селезенки, почечная, маточная, брижейки, кишечная. Чувственожилыныя болѣзни. Противность (antipathia), ипохондрія и истерика. Душевыя болѣзни: слабость памяти (amnesia), частное безуміе (amentia partialis), меланхолія и сѣумазбродство; судорги, сведеніе (crampus), подскакиваніе сухихъ жилъ, скрежетъ зубовъ (trismus), сардоновъ смѣхъ, песья корча (spasmus cynicus), пляска святаго Витія (chorea Sancti Viti), падучая болѣзнь или черная немочь (epilepsia), скоротечная пад. б. (eclampsia), злая судорга (garphania), столбнякъ (tetanus), дрожаніе (tremor), стянутае (contractura), головокруженіе (vertigo), обмороки, бессонница (agrypnia), сонливость, параличъ или разслабленіе въ тѣлѣ, пострѣль (aroplexia), изступленіе (ecstasis), неизмѣнимость (catalepsis), оцѣпѣненіе (catochus), бѣдніе во снѣ (somnambulismus), боязнь отъ воды (hydrophobia). Болѣзни каждой части порознь. Накожныя болѣзни: веснушки и чечевичники (ephelis et lentigo), розовая капля (gutta rosacea), летучій огонь, лишай (lichen), родимое пятно (naevus maternus), песья оспа (therminthus), ночницы (epinuctis), угри (vagus), мертвая сыпь (malum mortuum), прѣлость (intertrigo), сѣдателя (comedones), вшивость (phtiriasis). Головыя болѣзни: главоболѣніе (cephalalgia); воспаленіе мозговыхъ оболочекъ. Глазныя болѣзни: глазовоспаленіе (ophthalmia), пятна роговой оболочки, заваль въ сосудахъ соединительной плевы (pterygium), выпуклость или выпаденіе роговой оболочки (staphyloma), выступленіе глаза (ophthalmoptosis), глазная водяная бол. (hydrophthalmia), заворотъ рѣснишниковъ въ глазу (trichiasis) и двойственный рядъ рѣсницъ (distichiasis), выворотъ глазнаго вѣка къ наружи (ectropium) и заворотъ

онаго внутрь (*entropium*), ослабленіе верхняго глазнаго вѣка (*blepharoptosis s. ptosis*), раскрытіе глаза (*lagophthalmus*), истеченіе слезъ (*epiphora*) и гноеобразной жидкости изъ глазъ (*lippitudo*), бѣльмо (*cataracta s. suffusio*), порча и потемнѣніе стекловидной влажности (*glaucoma*), противуестественное разширеніе и несжимаемость зѣницы (*mydriasis*), темная вода (*amaurosis s. gutta serena*), слабое зрѣніе (*amblyopia*), ночная и дневная слѣпота (*hemeralopia et nyctalopia*), сугубозрѣніе (*diplopia*). Ушныя болѣзни: воспаленіе уха (*otalgia s. otites*), звонъ и шумъ въ ушахъ (*tinnitus et susurrus aurium*), глухота. Зубныя болѣзни: зубовыхожденіе (*dentitio*), зубоболѣніе (*odontalgia*). Шейныя болѣзни: зобъ (*bronchocele s. struma*), хрипота. Грудныя болѣзни: кашель, одышка (*asthma*), чиханіе, икота; давленіе во снѣ (*incubus*). Трепетаніе сердца. Болѣзни первыхъ путей. Трудное глотаніе; недостаточный позывъ на ѣду (*apogexia*), болѣзненный позывъ на ѣду, жженіе въ желудкѣ или изгара (*ardor ventriculi*), желудочная корча (*cardialgia*), колика, тошнота и рвота, поносъ (*diarrhoea*), кишечный поносъ (*fluxus coeliacus*), желудочный п. (*lienteria*), печеночный поносъ (*fluxus hepaticus*). Черная болѣзнь (*morbus niger*). Болѣзни мочевыхъ путей: боли, отъ камня происходящія, воспящаемое мочеиспусканіе, кровавое мочетеченіе (*mic-tus cruentus*), неудержаніе мочи, чрезмѣрное мочеиспражненіе, (*diabetes*). Болѣзни дѣтородныхъ частей. Хладная опухоль ногъ (*oedema pedum*), и повсюдная водяная болѣзнь (*anasarca*); водонзліаніе (*aquae profusio*). Кровоистеченіе (*sanguinis profusiones*). Выкидышъ (*abortus*). Сложность беременности съ другими болѣзнями. О болѣзняхъ роженицъ, питающихъ грудью и родильницъ. Ложныя боли или перехваты (*dolores spurii*). Трудныя роды (*partus difficilis*). Боли послѣ родовъ (*dolores post partum*). Родовое очищеніе (*fluxus lochiorum*). Отдѣленіе молока (*secretio lactis*). Млечныя переносы (*metastases lactis*). Родовая лихорадка (*febris puerperarum*). Воспа-

леніе матки (*inflammatio uteri*). Воспаленіе легкихъ (*inflammatio pulmonum*). Рожевая лихорадка (*febris erysipelacea*). Скоротечная падучая немочь (*eclampsia*). Меланхолія и сумасшествіе (*melancholia et mania*).

---



Указомъ Государственной медицинскоѣ коллегіи отъ 28 іюня 1801 г. <sup>1)</sup> было назначено послать за границу трехъ лекарей или кандидатовъ въ чужіе края съ наставленіемъ отъ коллегіи. Для этой цѣли конференція медико-хирургической Академіи избрала бывшихъ репетиторовъ: Семена Гаевского (будущаго лейбъ-медика и директора медицинскаго департамента), Михаила Крамарева (который на обратномъ пути въ Россію умеръ въ Копенгагенѣ) и Данила Велланскаго. Гаевскій и Велланскій возвратились на родину въ 1805 г. и были назначены помощниками профессоровъ.

Пребываніе за границею имѣло громадное и рѣшающее значеніе для склада научныхъ убѣжденій Велланскаго. Здѣсь —заграницею, въ Германіи и въ этотъ періодъ своей жизни онъ сталъ натурфилософомъ и приверженцемъ Шеллинга. Нѣкоторыя философскія познанія и подготовку Велланскій могъ вынести изъ лекцій Кіевской духовной академіи, гдѣ онъ сначала учился. „Самое ретивое прилежаніе и наиглубочайшее изученіе“, по словамъ доктора Максимилиана Гейне, друга Велланскаго и его некролога, <sup>2)</sup> „посвятилъ Велланскій за границею лекціямъ Шеллинга, сочиненія котораго до самой смерти были у него въ наибольшемъ почетѣ“. „Шеллингъ самъ обратилъ вниманіе <sup>3)</sup> на воспримчивый

---

<sup>1)</sup> «Философія въ Россіи», т. II, стр. 63.

<sup>2)</sup> Стр. 87.

<sup>3)</sup> Стр. 86.

умъ русскаго ученаго и *поощрялъ* его къ философскимъ занятіямъ“. „Самъ Шеллингъ далъ ему лестное свидѣтельство, что Велланскаго онъ считаетъ однимъ изъ своихъ *наиболѣе знающихъ и совершеннѣйшихъ учениковъ*“. И впоследствии еще (въ 1819 г.) нѣмецкіе ученые, напр. F. Weisse, удивлялись, по поводу сочиненія Велланскаго о животномъ магнетизмѣ, что „въ Россіи могутъ идти въ ровень съ нѣмецкою философіею новѣйшаго времени, тогда какъ англичане и французы, даже сами нѣмцы ея не понимаютъ“.

Заграницею же Велланскій завязалъ сношенія не только съ самимъ Шеллингомъ, но и съ его поклонниками, болѣе всего съ самыми вѣрными изъ нихъ, притомъ же, подобно самому Велланскому, державшимися на почвѣ естествовѣденія, т. е. съ *Океномъ* (сочиненія котораго Велланскій потомъ переводилъ и передѣлывалъ для русской публики: „О свѣтѣ и теплотѣ, какъ извѣстныхъ состояніяхъ всемірнаго элемента“, 1816 и „Обозрѣніе главныхъ содержаній философическаго естествознанія, начертанное изъ сочиненій *Окена*“, 1815) и *Стеффенсомъ*.

Овень слушалъ лекціи Шеллинга въ одно время съ Велланскимъ, какъ онъ самъ говорилъ лично П. Д. Шипулинскому въ бытность послѣдняго въ Цюрихѣ, спрашивая его съ живѣйшимъ любопытствомъ о бывшемъ однокурсникѣ своемъ. Въ послѣдніе годы профессорской службы Велланскаго, Овень писалъ къ нему. Въ Германіи Велланскій слушалъ курсы у Шеллинга и Стеффенса: идеи и взгляды ихъ на природу были для него основаніемъ и свѣтильникомъ *всѣхъ знаній*, приобретенныхъ заграницей. Явившись въ 1805 г. по минованіи срока путешествія въ Петербургъ въ медико-хирургическую академію на службу, онъ желалъ получить для профессуры кафедру философіи <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Розановъ, стр. 118.

Характеръ той необыкновенной эпохи въ исторіи нѣмецкой мысли, когда Велланскій штудироваль въ Германіи, всего лучше обрисовывается біографіями тогдашнихъ дѣятелей. Біографіи Шеллинга, Окена и Стеффенса весьма любопытны. Эти три лица оставались любезными Даниилу Михайловичу всю жизнь. Ихъ портреты висѣли у него на стѣнѣ его кабинета, и въ тѣ рѣдкіе минуты, когда онъ, какъ ему казалось, прозрѣваль (въ періодъ его слѣпоты), онъ, по его увѣренію, видѣлъ „какбы черезъ самую узкую трубочку именно портреты Шеллинга, Окена, Стеффенса“ <sup>1)</sup>. Ознакомимся же съ жизнью, напр., Стеффенса, пользуясь мастерскимъ очеркомъ извѣстнаго философа *Otto Liebmann*'а въ *Allg. D. В—іе*, т. 35, стр. 555—558.

Генрихъ Steffens, по происхожденію норвежець, по образованію, жизни и собственному выбору—нѣмецъ, многосторонне одаренный естествовѣдъ, философъ и поэтъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Шеллинга, старше его на 2 года, родился 2 мая 1773 г. въ *Stavanger*; онъ былъ сынъ хирурга, выселившагося изъ *Holstein*. Отець передалъ ему стремленіе къ кипучей внѣшней дѣятельности; мать, серьезная и благочестивая,—жажду глубокомысленнаго умозрѣнія и поэтическую мечтательность. Изъ *Stavanger* его отецъ перешелъ на службу въ *Trondhiem*, оттуда въ *Helsingör*, и потомъ въ *Копенгагенъ*, гдѣ умерла у него мать, весьма заботившаяся объ его религіозномъ воспитаніи. Благодаря частымъ перѣздамъ, школьное образованіе Стеффенса нерѣдко прерывалось. Съ 1790 г. онъ обучался въ Копенгагенскомъ университетѣ богословію; но начитавшись Бюффона и Линне, и будучи очень чутковъ въ природѣ, Стеффенсъ обратился къ естествовѣднію, специально къ

---

<sup>1)</sup> Н. Н. Розановъ. «Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ», «Русскій Вѣстникъ», т. 72, ноябрь 1867 г., ст. IV, стр. 103, прим.

минералогіи. Въ 1792 г. на средства ученаго общества онъ собираетъ моллюсковъ по западному берегу Норвегіи; на обратномъ пути оттуда претерпѣлъ на морѣ кораблекрушеніе, которое имъ описано позднѣе въ особомъ разсказѣ. Затѣмъ онъ жилъ въ Гамбургѣ и въ *Rendsburg* у отца въ уединеніи. Въ 1796 г. онъ сочинилъ свой первый нѣмецкій трудъ *Ueber die Mineralogie und das mineralogische Studium*, на основаніи котораго сталъ приватъ-доцентомъ при университетѣ въ Кійлѣ. Въ этотъ періодъ жизни онъ начинаетъ увлекаться изящною литературой и философіею, читаетъ Канта и Фихте; но „эпоху въ его жизни“ произвели, по призванію самого Стеффенса— извѣстныя письма Якоби о Спинозѣ. Черезъ Якоби онъ перешелъ къ собственному изученію теоріи Спинозы, весьма ему симпатичной, о Всеединствѣ міра. Послѣ потрясенія, вызваннаго смертью отца, возвратившись изъ Рендсбурга, онъ сталъ читать сочиненіе Шеллинга *Ideen zu einer Philosophie der Natur*, а также *Ueber die Weltseele*. Эти труды Шеллинга опредѣлили всю дальнѣйшую дѣятельность Стеффенса. Получивъ стипендію отъ датскаго правительства, онъ отправляется изъ Гамбурга въ 1798 г. черезъ *Harz* и Эрфуртъ въ Іену, проводитъ нѣсколько недѣль за геогностическими изысканіями въ Тюрингенскомъ лѣсу, изучаетъ въ уединеніи Фихте *Wissenschaftslehre* и возвращается въ Іену незадолго до пріѣзда туда А. В. Шлегеля и Шеллинга. Онъ слышалъ пробную лекцію Шеллинга о натурфилософіи и о необходимости познавать природу изъ ея единства. Увлеченный идеями Шеллинга, Стеффенсъ навѣстилъ его и завязалъ съ нимъ дружбу. Также посѣщалъ онъ лекціи Фихте, ходилъ въ гости къ Шлегелю и снискалъ благосклонность Гёте. Въ 1799 г. Стеффенсъ побывалъ въ Берлинѣ, гдѣ вошелъ въ сношенія съ Тикомъ, Шлейермахеромъ и Фр. Шлегелемъ, а отсюда поѣхалъ въ Фрейбергъ, чтобы продолжать свои занятія по минералогіи при тамошней горной академіи подъ руководствомъ

знаменитаго Вернера. Геогнозія Вернера и философія Шеллинга ужились въ душѣ Стеффенса. Плодомъ его думъ явился трудъ въ 1801 г.: *Beiträge zur inneren Naturgeschichte der Erde*.

Съ помощью не только своихъ спеціальныхъ познаній, но и поэтической фантазіи Стеффенсъ проводитъ здѣсь ту мысль, что природа созидаетъ постепенно, начиная неорганическими продуктами и процессами, и кончая свободною человѣческою личностью. Авторъ хотѣлъ „прослѣдить всѣ явленія жизни въ единствѣ природы и исторіи, и изъ единства обѣихъ—найти слѣды божественной цѣлесообразности въ величественномъ развитіи вселенной“. Это было основной темой его жизни. Шеллинговцы приняли сочиненіе Стеффенса съ восторгомъ.

Возвратившись на родину, Стеффенсъ прожилъ 2 года въ Копенгагенѣ. По предложенію шеллинговца Рейля его пригласили въ Халле ординарнымъ профессоромъ натурфилософіи, физиологіи и минералогіи. Въ сентябрѣ 1804 г. онъ вступилъ на прусскую службу и сталъ товарищемъ по службѣ Ф. А. Вольфу, Рейлю и Шлейермахеру. Прославленію Шеллинга посвящено его слѣдующее сочиненіе „*Grundzüge der philosophischen Naturwissenschaft*“, 1806 г. По свидѣтельству Фарнгагена фонъ Энзе (*Denkwürdigkeiten*), Стеффенсъ производилъ увлекательное впечатлѣніе на молодежь.

Послѣ Иены и Ауэрштедской битвы Наполеонъ закрылъ Халльскій университетъ. Стеффенсъ уволился въ отпускъ и два года пробылъ эмигрантомъ въ Гольштейнѣ, Гамбургѣ и Любеѣ, а въ 1808 г., когда университетъ былъ снова открытъ новымъ вестфальскимъ правительствомъ, хотя и влачилъ жалкое существованіе, вернулся на свою кафедру. Стеффенсъ принималъ участіе въ заговорахъ противъ правительства, подвергаясь опасности отъ шпионовъ.

Въ 1811 г. онъ получилъ приглашеніе въ Бреславль, которому и послѣдовалъ. Здѣсь онъ устроилъ физическій институтъ, читалъ лекціи по физикѣ и философїи, приготовилъ учебникъ по минералогіи и по прежнему интересовался политикою. Когда Фридрихъ Вильгельмъ III въ Бреславлѣ издалъ свое воззваніе, Стеффенсъ держалъ къ молодежи зажигательныя рѣчи и самъ объявилъ о своемъ рѣшеніи взяться за оружіе. Сорока лѣтъ, кабинетный ученый, отецъ семейства вступилъ въ ряды вольноопредѣляющимся съ правомъ носить офицерскую форму и продѣлалъ всю компанію 18<sup>13</sup>/<sub>14</sub> годовъ, былъ съ Блюхеромъ при Гросъ-Гершенѣ, Бауценѣ, Вартебургѣ, Лейпцигѣ, участвовалъ въ зимнемъ походѣ на Францію, а по взятіи Парижа былъ уволенъ въ маѣ изъ военной службы и украшенъ желѣзнымъ крестомъ за храбрость.

Возвратившись домой, онъ издалъ два политическія сочиненія: *Die gegenwärtige Zeit und wie sie geworden*, 1817 и *Caricaturen des Heiligsten*, 1819—21.

Затѣмъ онъ опять принялся за философїю: онъ издалъ „Антропологию“ въ 2-хъ томахъ, 1822, гдѣ человѣкъ изображается, какъ живое единство духа и природы, какъ микрокосмическій представитель вселенной. Книга написана совершенно въ духѣ Шеллинга и подкрѣплена фактами изъ физики, геологіи и физиологіи, но изобилуетъ фантастическими аналогіями и произвольною символическою. Это сочиненіе вызвало горячія похвалы, но также жестокія и рѣзкія рецензіи, напр., Гербарта.

Изъ Бреславля Стеффенсъ предпринималъ путешествія: напр., въ 1817 г. онъ съѣздилъ въ южную Германію, причѣмъ недѣлю прожилъ въ Мюнхенѣ у стараго друга и своего учителя Шеллинга, познакомился со старикомъ Ф. Г. Якоби и мистикомъ Францемъ фонъ Баадеромъ. Въ 1824 г. онъ слѣлалъ путешествіе по Скандинавіи.

Стеффенсъ очень часто вступалъ въ ожесточенную по-

лемику и не по философскимъ вопросамъ. Такъ онъ выступилъ противъ Яновой гимнастики, указывая на болѣе высокія этико-педагогическія основанія. Онъ выступалъ и за строгое лютеранство противъ распоряженій прусскаго правительства, созывалъ религиозныя собранія у себя въ Бреславлѣ и издалъ въ 1824 г. книгу *Von der falschen Theologie und dem wahren Glauben*. Свое вѣроисповѣданіе онъ высказалъ въ сочиненіи *Wie ich wieder Lutheraner wurde*, 1831. Борьба съ министерствомъ, которое обижало его, испортила ему положеніе въ Бреславлѣ, такъ что онъ неоднократно просился въ отставку, которая, однако, во вниманіе къ его заслугамъ, не была ему разрѣшаема.

Въ это время Стеффенсъ подъ старость принялся за беллетристику и написалъ нѣсколько романовъ и повѣстей, нашедшихъ себѣ у публики одобреніе, както *Die Familie Walseth und Leith* въ 3 т., 1827 и *Die vier Norweger* въ 6 томахъ, 1828. Въ нихъ недурны описанія сѣверной природы, а также тонкія психологическія наблюденія.

Стеффенсу, наконецъ, удалось таки вырваться изъ Бреславля. Кронпринцъ, будущій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV, благорасположенный въ Стеффенсу, настоялъ на его приглашеніи въ Берлинскій университетъ (уже 59 лѣтъ). 14 апрѣля 1832 г. онъ прибылъ въ Берлинъ. Здѣсь онъ читалъ лекціи по натурфилософіи, антропологии и философіи религіи. По прошествіи трехъ семестровъ онъ былъ избранъ въ ректоры. Но онъ не сближался со своими коллегами, державшимися уже совсѣмъ иного духа. Послѣднимъ научнымъ сочиненіемъ Стеффенса была „*Christliche Religionsphilosophie*“ въ 2 т., 1839. Затѣмъ онъ принялся за свою объемистую автобіографію, которая не безынтересна по описанію многихъ порядковъ и случаевъ того времени и по изображенію разныхъ выдающихся людей. Она появилась подъ заглавіемъ „*Was ich erlebte*“ въ 10 томахъ, Бреславль, 1840—1844. Умеръ Стеф-

фенсъ 13 февраля 1845 г. По его смерти вышли Nachgelassene Schriften von H. Steffens mit einem Vorwort von Schelling, 1846.

„Жизнь Стеффенса“ служила предметомъ обширнаго біографическаго этюда Ив. Вас. Кирѣевскаго (вошелъ въ II т. его „Полнаго собранія сочиненій“, стр. 58—171). Этюдъ ранѣе появлялся частями въ „Москвитянинѣ“; онъ составленъ именно на основаніи автобіографіи Стеффенса и состоитъ, преимущественно, изъ выдержекъ. Переводчикомъ твореній Стеффенса на русскій языкъ явился профессоръ Одесскаго Ришельевскаго лицея и цензоръ Ник. Дм. Курляндцевъ <sup>1)</sup>: „О постепенномъ развитіи природы“. Одесса, 1835.

---

<sup>1)</sup> О немъ см. «Философія въ Россіи», т. IV, стр. 93—98.



Д. М. Велланскій первый привезъ въ Россію философію Шеллинга: „я—*первый* возвѣстилъ Россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основанныхъ на еософическомъ понятіи, которое, хотя зачалось у Платова, но образовалось и созрѣло въ *Шеллингъ*“<sup>1)</sup>. Велланскій до конца жизни и своей литературной дѣятельности оставался вѣренъ Шеллингу, но нельзя сказать, чтобы его пропаганда сопровождалась большимъ успѣхомъ. Какъ извѣстно, Шеллинга (и Окена), притомъ—именно *физическія* теоріи шеллинговой натурфилософіи насадилъ въ Россіи (не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ) М. Г. Павловъ, привезшій эти идеи въ Россію 15 годами позже, чѣмъ Д. М. Велланскій. Объ натурфилософіи, говоритъ послѣдній, „въ Россіи до моего возвращенія изъ чужихъ краевъ, т. е. до 1806 г.“<sup>2)</sup>, не было ни малѣйшаго понятія“<sup>3)</sup>.

„Вотъ проходитъ 30 лѣтъ, какъ я въ Россійскомъ ученомъ мірѣ воюю, „аки гласъ въ пустынѣ!“ восклицаетъ Д. М. Велланскій въ 1834 г. „Съ начала ученые *старіки* злились на меня, говоря съ *презрѣніемъ*: „что за молокососъ явился къ намъ съ нѣмецкими бреднями!“ Теперь *новая* генерация

---

<sup>1)</sup> Письма его: «Философія въ Россіи», т. II, письмо № I (къ князю В. Ѳ. Одоевскому), стр. 221.

<sup>2)</sup> Собственно до 1805 г., года выхода въ свѣтъ «Пролозіи».

<sup>3)</sup> Письмо № VII (М. Г. Павлову), тамъ же, стр. 226.

ученыхъ. Птенцы, вылупившіеся подъ старыми насѣдками драхлой учености, не оперились еще, не вылетѣли изъ своего гнѣзда, и уже пищать на орловъ, парящихъ выше сферы ихъ зрѣнія!“

Первымъ опытомъ натурфилософской пропаганды въ Россіи была Д. М. Велланскаго „Пролюзія къ медицинѣ, какъ основательной наукѣ“, брошюра въ 79 стр. СПБ, 1805. „Пролюзія“, т. е. вступленіе, предуготовленіе—была написана очень фразисто. Особенно запала въ память читавшихъ одна изъ первыхъ же фразъ: „Уже довольно протекло времени, какъ Шеллингово огненное перо начало жечь бранныя селенія драхлой учености. И въ отечествѣ моемъ не видно еще ни одной искры отъ полезнаго сего пожара“ и т. д. Этотъ отрывокъ вошелъ въ „Исторію русской философіи“ архим. Гавриилъ, стр. 96. Это же „огненное перо“ все еще продолжаетъ горѣть и жечь въ рукахъ пишущихъ о Велланскомъ и въ наши дни. Слабости молодого писателя и крайности его увлеченій были весьма ѣдко отмѣчены тогда же, въ одной современной рецензій, съ которою мы и желаемъ ознакомить читателя, какъ съ любопытнымъ образчикомъ полемике начала прошлаго вѣка. Эта рецензія (не подписанная) появилась въ журналѣ Ивана Мартынова „Лицей“ на 1806 г. часть I, книжка I, отд. V, Критика, стр. 65—73. Критикъ полагаетъ:

Не мое дѣло входить въ существо книги: врачи должны сдѣлать ей достойный приговоръ. Но критикъ, не сказавши ничего о книгѣ Велланскаго—въ отношеніи ея къ словесности не исполнилъ бы своего долга журналиста. Издатель обязавъ хвалить то, что достойно похвалы, и осуждать, что не заслуживаетъ одобренія; обнаруживать недостатки, которымъ на первыхъ шагахъ рѣдко не слѣдуютъ молодые писатели—даже важнѣе, чѣмъ открывать совершенства, которыя легко чувствовать всякому. Часто плавающая вверху солома (по выра-

женію *Драйдена*) при всемъ множествѣ не бываетъ примѣтна для самыхъ проникательныхъ взоровъ.

Одно заглавіе уже болѣе походитъ на иностранное, чѣмъ на русское. Для чего не сказать: „Предувѣдомленіе къ врачебной наукѣ, сочиненное“ (такимъ то)? что значитъ „основательной наукѣ“? Прилагательныя, оканчивающіяся на *тельный*, замѣняютъ причастія дѣйствительнаго, возвратнаго или средняго залога. „Основательный“ будетъ къ стати, если употреблено вмѣсто „основывающій, служащій основаніемъ“. Поеліку же не сказано, *чему* служащій основаніемъ, то это подтверждаетъ, что слово употреблено, какъ мы привыкли, т. е. вмѣсто „имѣющій основательность“; и потому оно здѣсь вовсе излишне: ибо кто не хочетъ вѣрить, что всякая наука основательна? наводится подозрѣніе, что или всѣ науки не основательны, или нѣкоторыя изъ нихъ таковы.

Самой высокопарной лирической стихотворецъ не сказалъ бы вступительной фразы (объ „огненномъ перѣ Шеллинга, жгущемъ бранныя селенія дряхлой учености“). Къ чему такое витійство? Писатель врачебныхъ книгъ долженъ предлагать свои истины повѣствовательнымъ, простымъ слогомъ; онъ въ своемъ кругу—историкъ. Что пользы отъ такой громкой аллегоріи? Авторъ „въ маленькую свирѣлку изъ всего рта дуетъ“ (по словамъ греч. поэта). Таковы ли сочиненія Шеллинга, я не знаю.

Въ словѣ „огненное“ мы видимъ метафору, а въ словѣ „перо“ (орудіе вмѣсто вещи, имъ произведенной)—метонимію. Читая ихъ, мы чувствуемъ то, чего авторъ не хотѣлъ въ насъ произвести,—смѣхъ и негодованіе на то, что авторъ употребляетъ ребяческое краснорѣчіе. „Жечь“ употреблено для „огненнаго пера“, „бранныя селенія“ (старыя книги)—для слова „жечь“, „дряхлой учености“ для „бранныхъ селеній“—какой металеписисъ въ угодность „огненному перу“!

Аллегорія продолжается („въ отечествѣ моемъ не видно еще ни одной искры отъ полезнаго сего пожара“). Авторъ хочетъ сказать, что въ Россіи никто не бросилъ старую систему. Но то ли должно заключить изъ его словъ?

Шеллингъ „огненнымъ перомъ“—или его сочиненія опровергають старыя системы. „Не видно искры“ должно означать или то, что въ Россіи нѣтъ еще ни одного сочиненія, ни одной черты изъ сочиненій Шеллинговыхъ, или то, что въ Россіи ни одно еще сочиненіе Шеллингомъ не опровергнуто, что весьма забавно. Г. сочинитель или забылъ, или съ намѣреніемъ пренебрегъ правиломъ: *verba valent sicut pumti*.

Вооружимся терпѣніемъ и пойдемъ вслѣдъ за авторомъ, который, кажется, не хотѣлъ, чтобы его понимали. Идетъ рѣчь, напр., о новой щастливой „реформѣ“ (*перемѣнѣ* или *преобразованіи* можно было бы сказать). Не наше дѣло разсматривать, чья система справедливѣе, Шеллингова ли или старая, которой слѣдуютъ нѣсколько вѣковъ. Примѣчено, что и—въ науки съ нѣкотораго времени вералась мода одѣвать старое въ новый нарядъ и тѣмъ только и отличаться <sup>1)</sup>.

Критикъ, разсмотрѣвъ еще два мѣста, говоритъ: Мы разсмотрѣли только не болѣе 12 строчекъ, и то только изъ „предувѣдомленія“ сего сочиненія—и уже видимъ столько недостатковъ. Что-жъ будетъ, если строго разсмотрѣтъ все? Однако ознакомимъ читателей еще болѣе, чтобъ потомъ оставить на волю каждаго имъ заниматься.

Хотя авторъ говоритъ, что онъ помѣстилъ для сообразнѣйшаго представленія понятій и пристойности штиля „нѣкоторыя“ ученыя слова, но противъ слова *нѣкоторый* онъ весьма много погрѣшилъ: ученыя слова (греч. и лат.) щедрою рукою

---

<sup>1)</sup> Стр. 70.

разсыпаны почти безъ всякой нужды: одни можно бы замѣнить русскими, а другія—тоже иностранными, но принятыми уже въ употребленіе. Примѣры съ 1 стр. *сциенціальный* (свойственный наукѣ), *литеральные скрибенты* (?), *парадъ* науки, *объектъ*, *циркулируетъ*, *рефлексія*, механическая *материальность*, *форма* совершенства, *организмъ*, *идеальность съ реальностью*, *истріонъ* (пред. стр. 1)—вмѣсто шутъ, скоророхъ.

Какой слогъ происходитъ изъ такового набора иностранныхъ словъ, увидимъ, напр., на стр. 44: „Ежели бытіе *конкретнаго* въ самомъ себѣ безъ трехъ *деменсій*: *лонгитудинальной*, т. е. поверхностной, *массивной*, произойти не можетъ; то и *органическое*, *репрезентантъ* дѣятельнаго въ *насивномъ*, по тѣмъ же самымъ категоріямъ образуется и живетъ; а *схема* образованія органической природы представлена явственно въ ея *продуктахъ*“ и пр. и пр. Для кого написано сіе сочиненіе? Для ученыхъ ли, знающихъ латинскій языкъ? для нихъ лучше бы все написать на лат. языкѣ. Для ученыхъ ли, не знающихъ по латынѣ? Оно во многихъ мѣстахъ будетъ для нихъ непонятно. Для всѣхъ ли вообще, въ томъ числѣ и неученыхъ? Въ такомъ случаѣ надлежало бы писать такимъ языкомъ, который былъ бы всѣмъ понятенъ; въ настоящемъ же видѣ—оно сдѣлалось бесполезнымъ для всѣхъ.

Но въ семь сочиненіе, заканчиваетъ критику, я собралъ, по словамъ *Драйдена*, только самую малую часть соломъ; оставляю прочимъ искать въ немъ жемчугу.

Въ этюдѣ о М. Г. Павловѣ мы подробно изложили его полемическую схватку съ *Эмилиемъ Ленцемъ*<sup>1)</sup>. Эта полемика представила намъ много интереса, какъ борьба двухъ міровоззрѣній: философско-динамическаго и механическо-матеріалистическаго—въ приложеніи ихъ къ спеціальной области физики. Столь же любопытна и параллельная ей (имѣвшая мѣсто 20 годами ранѣе) полемика Д. М. Велланскаго съ знаменитымъ астрономомъ *Фр. Шубертомъ*. И здѣсь предъ нами борьба тѣхъ же двухъ міровоззрѣній: динамическаго и атомическаго—только приложенныхъ къ другой сферѣ, а именно къ астрономіи.

Статья Д. М. Велланскаго, съ которою мы намѣрены ознакомить читателя,—первая его журнальная статья, имѣетъ для біографа Д. М-ча особенное значеніе. Это есть первый опытъ изложенія его собственныхъ взглядовъ въ области общаго естествознанія, первый эскизъ или набросокъ его извѣстной „Физики“, вышедшей въ свѣтъ 17 годами позже. „Физика“ есть наиболѣе распространенное и самое главное сочиненіе Д. М. Велланскаго.

Статья, которую мы имѣемъ въ виду, есть: „О солнцѣ, свѣтѣ и теплотѣ“. Вѣстникъ Европы, издаваемый Владиміромъ *Измайловымъ*, М., 1814 г., часть 75-я, май, № 9, отд. II. Науки. Стр. 16—29. Датировано 1 марта 1814 г.

---

<sup>1)</sup> «Философія въ Россіи», т. II, стр. 193—210.

Статья написана по поводу статьи въ академическомъ мѣсяцословѣ. См. „Санктпетербургскій карманный мѣсяцословъ“. Печатано при Императорской Академіи Наукъ на лѣто 1814, которое есть простое, содержащее въ себѣ 365 дней; XXIV стр. + 312.

Его отдѣлъ: „Разныя сочиненія“ заключаетъ:

1) Продолженіе „Начертанія системы міра“— „Солнце“ (Въ оглавленіи ошибка: не съ 1, а со 2), стр. 1—128.

Это „Краткое начертаніе системы міра“, написанное очень популярно и удобопонятно, притомъ вполнѣ литературнымъ и весьма хорошимъ языкомъ, тянется черезъ много лѣтъ мѣсяцослововъ. Такъ въ „Мѣсяцословѣ“ за 1812 г. находимъ: „Краткое начертаніе системы міра“, стр. 35—206, заключающее слѣдующія статьи: О суточномъ движеніи земли, стр. 37, Годовое движеніе земли, 54, Система міра, 81, Кеплеровы законы, 108, Физическая астрономія, 135, Законъ нейдѣйственности, 137, О средоклонной силѣ солнца, 141, Законъ средоклонной силы, 143, Притягательная сила есть общее свойство вещества, 148, Она—то же, что и тяжесть, 151, О всеобщемъ тяготѣніи, 156, О вѣсѣ небесныхъ тѣлъ, 164, Эллиптическое движеніе планетъ, 181, О возмущеніяхъ эллиптическаго движенія, 187, О колебаніи земли и луны, 190, О приливѣ и отливѣ, 193, О воздушныхъ камняхъ, 197, О погодѣ, 202.

Мѣсяцословъ на 1813 г. заключаетъ въ себѣ: I). Краткое начертаніе системы міра (продолженіе), стр. 25—134, а именно: Топографія неба, 37, Земля, 38, Луна, 50. Мѣсяцословъ на 1815 г. посвящаетъ той же статьѣ (продолженіе) стр. 1—100; Венера—стр. 13, Меркурій—71 и Марсъ—84. На 1816 годъ: стр. 1—115, а именно, Юпитеръ—1, Сатурнъ, 47, Ураній, 95, О четырехъ новѣйшихъ планетахъ, 102. На

1817 годъ—стр. 25—200: О кометахъ—25, Число кометъ, 32, О путяхъ кометъ, 59, О физическомъ состояніи кометъ, 126. Мѣсяцесловъ на 1818 г. даетъ подъ тѣмъ же общимъ заголовкомъ статью: Планетная система, стр. 1—190. 1819 г. вмѣщаетъ „продолженіе“ той же статьи и трактуетъ „О неподвижныхъ звѣздахъ“, стр. 1—114.

Статья Велланскаго вызвала рѣзкую отвѣдь въ Мѣсяцесловѣ за 1815 г.: Смѣсь. „Ни мало не отвѣтъ на критику“, стр. 185—216. Авторъ не называетъ В-аго по имени: (стр. 188) „критикъ нашъ (когого мы для избѣжанія всякой личности, означимъ ученою буквою Д.....)“... Докторъ?—6 точекъ послѣ Д?

Санктпетербургскій карманный мѣсяцесловъ издавался съ 1812—1819 года астрономомъ Фр. (Фед. Ив.) *Шубертомъ*, а съ нѣмецкаго переводилъ статьи А. С. (*Александръ Севастьяновъ*) (Геннади, Словарь, т. II, стр. 368 по показанію Сопикова). Шубертъ былъ тогда очень знаменитый ученый.

*Friedrich Theodor (Theophilus) Schubert* родился 30 окт. н. с. 1758 г. въ Helmstädt, былъ съ 1780—1783 г. домашнимъ учителемъ, затѣмъ съ 1783—1785 г. ревизоромъ гапсальскаго уѣзда въ въ Эстляндіи. Въ 1785 г. онъ переходитъ въ академію наукъ географомъ, потомъ въ 1786 г. избирается въ адъюнкты, а въ 1789 г. и въ ординарные академики. Въ 1797 г. онъ нарисовалъ карту европейской и азіатской Россіи на 2 листахъ. При этомъ Шубертъ съ 1800—1819 завѣдывалъ библіотекою и мюнцкабинетомъ академіи, съ 1813 г. былъ почетнымъ членомъ Совѣта въ адмиралтействѣ. Въ 1816 г. Шубертъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Онъ скончался 21 окт. н. с. 1825 г. въ Петербургѣ.

Отмѣтимъ, что Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія была издана на счетъ Главнаго правленія училищъ „Популярная Астрономія“ Шуберта, переведенная на русскій языкъ по порученію попечителя округа С. С. Уварова профессоромъ



Главнаго педагогическаго института *Николаемъ Щеловымъ*.  
(*А. Вороновъ*, Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа съ 1715 по 1828 г., СПб. 1849, стр. 197. Журн. гл. пр. учил. 2 мая и 25 іюля 1818 г., 9 янв. 1819 г.).

Приводимъ списокъ научныхъ мемуаровъ и трактатовъ Шуберта, стяжавшихъ ему по справедливости, громкую научную славу.

(J. C. Poggendorff, Biographisch-literarisches Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wissenschaften. Zweiter Band. M.—Z., Leipzig, 1863, столбцы 850—852).

Theoretische Astronomie, 3 Bde. 4°, St.-Petersb. u. Riga 1798 (французское издание 1791), 3 Vol. 4°, St.-Peterburg. 1822.

Anleit. zu astronom. Beob., um d. Breite u. Länge d. Orte zu bestimm., 8°, Ib. 1803.

Geschichte d. Astronomie, 8°, ib. 1804.

Populäre Astronomie, 3 Bde. 8°, ib, 1804—10.

Vermischte Schriften, 3 Bde. 8°, Stuttg. u. Tübing. 1823—25.

De projectione sphaerae in superficiem conicam (Nov. Act. Acad. Petrop. II, 1788).

De projectione sphaerae ad determinandam aream maxime idoneam (Ib. id).

Annotationes ad theorema XVI, libr. V Pappi Alexandrini (Ib. III, 1788).

De curva loxodromica (Ib. IV, 1789).

De projectione sphaeroidis ellipticae geographica (Ib. V, 1789).

Projectio stereographica horizontalis seu obliqua (Ib., VI, 1790).

- Problemata duo astronomica (Ib., id).  
Projectio parvae superficiei telluris (Ib. VII, 1793).  
De cursu navis in sphaeroide elliptico (Ib. VIII, 1794).  
Réflexions sur les logarithmes imaginaires (Ib., id.).  
Problemata e methodo tangentium inversa (Ib. IX, 1795).  
Solutio dubii circa rectificationem curvarum (Ib., id.).  
Commentatio in Pappi Alexandrini theor. XVI, libr. IV  
(ib., X, 1797).  
De perturbatione motuum Martis (Ib., id).  
De variatione obliquitatis eclipticae et anni solaris (Ib., id).  
De inventione divisorum (Ib. XI, 1798).  
De perturbatione motus Urani diss. I et II (Ib., id.).  
Trigonometria sphaerica e Ptolemaeo (Ib. XII, 1801).  
Problemata ex doctrina sphaerica (Ib., id.).  
De evolutione sectionum cylindri (Ib., XIII, 1802).  
Supplementum ad theoriam lunae Eulerianam (Ib., id.).  
Sur les passages de Mercure sur le soleil dans le dix-neuvième siècle (Ib., id.).  
Fortsetz. u. Suppl. dazu (Ib. XIV. 1805).  
Théorie de Mars (Ib., id).  
Sur les perturbations de la nouv. planète par l'action de Jupiter (Ib., id).  
Observationes nonnullae in specula aedemiae institutae (Ib., id.).  
Continuatio dissertationis de curva loxodromica etc. (Ib., IV, 1806).  
Obss. de l'éclipse de Soleil le 11 Févr. 1804 etc. (Ib., id.).  
Animadversiones de methodo determinandi locum cometae ope projectionis (Ib., id.).  
Déterminations de la latitude et de la longitude de quelques endroits de l'Empire Russe (Ib., id).  
Détermination astronom. de quelques villes de l'Empire Russe (Mém. Acad. St.-Petersb. I, 1809 et IV, 1813).

- Demonstratio theorematis algebraici (Ib., II, 1810).  
Remarques sur quelques équations de la lune (Ib., id).  
Calcul des oppositions d'Uranus et de Saturne (Ib., id).  
Calcul des obs. de la grande comète de 1807 (Ib. id).  
Obs. faites à l'observatoire de l'acad. (Ib. III, 1811).  
Obs. méridiennes de la comète de 1811 (Ib. IV, 1813).  
De l'usage du micromètre annulaire (Ib. V, 1815).  
Réflexions sur la théorie du calcul différentiel (Ib. VI, 1818).  
Des Maxima et Minima d'une fonction des plusieurs variables (Ib., id).  
Calcul des obs. de la comète 1815 (Ib., id).  
Oppositions de Jupiter et occultations (Ib., id).  
Démonstration du théorème de Taylor (Ib., VII, 1820).  
De transformatione seriei in fractionem continuam (Ib., id).  
De l'aberration des étoiles fixes (Ib., id).  
Réflexions sur les points de rebroussement (Ib., VIII, 1822).  
Tables de la correction du midi (Ib., id).  
Passages de la comète de 1819 au méridienne; съ Wisniewsky'мъ (Ib. IX, 1824).  
Remarques sur la méthode des anciens, pour déterminer la parallaxe de la Lune (Ib., id).  
De quadratura superficierum curvarum (Ib., id).  
Réflexions sur les principes de la mécanique (Ib., X, 1826).  
De la précession en ascension droite et en déclinaison (Ib., id).  
Détermination de la position géographique de Bacou (Ib., id).  
De la solution des équations implicites à deux variables (Ib. XI, 1830, посмертная статья, равно и три послѣдующія)  
Da la sommation des suites (Ib., id).

- Nou èthode pour réduire des distances lunaires (Ib., id).  
De l'accourcissement des diamètres apparents du soleil et de la lune causé par la réfraction (Ib., id).  
Über d. Problem, vermittelt ausser d. Meridian gemess. Höhen, d. Polhöhe zu finden (Bode's Jahrb. f. 1790).  
Über d. Halbmesser d. Erdschattens bei Mondfinsternissen (Ib. 1794).  
Über d. Parallaxe d. Fixterne (Ib., id).  
Berechn. d. scheinbar. Gestalt d. Ringes vom Saturn (Ib., id).  
Von d. Perturbation d. Uranus (Ib., 1799).  
Über d. Veränder. d. Schiefe d. Ecliptik u. d. Sonnenjahrs (Ib., id.).  
Über d. Bewegung d. Planeten im Aether (Ib., 1802).  
Beitr. z. Berechn. d. Durchgänge d. unteren Planeten durch d. Sonne (Ib., 1803).  
Über d. Ptolemäische Mondstheorie (Ib., id).  
Über d. Vorübergänge d. Mercurus im 19. Jahrh. (Ib., 1804).  
Über d. Anzahl d. Fixsterne (Ib., 1805).  
Über d. Störungen d. neuen Planeten (Ceres) durch d. Jupiter (Ib., id).  
Astronom. Bemerkk. (Ib., 1806).  
Einige astron. Nachrr. (Ib., 1807).  
Beob. d. Sonnenfinsterniss vom 16. Aug. 1803 u. 11 Febr. 1804 (Ib., id).  
Berechn. d. wahren Zusammenkunft bei d. Sonnenfinsterniss vom 16. Aug. 1803 usw.; съ Wisniewsky'мъ (Ib., id).  
Astron. Beob. u. Nachrr. (Ib. id. u. 1808).  
Geogr. Lage verschiedn. Orte in Russland; Abweich. d. Magnetnadel usw. (Ib. 1809 u. 1811).  
Über d. Kepler'sche Problem (Ib., 1820).  
Berechn. d. wahren Anomalie e. Planeten aus d. mittleren bis zur 3. Potenz (Ib., id).

Über d. Marsstörungen (v. Zach's Mon. Corr. IV, 1801).

Кромѣ того, Шубертъ помѣстилъ нѣсколько астрономическихъ статей въ различныхъ русскихъ журналахъ и издавалъ по нѣмецки и по французски St. Petersburgischer Kalender, 8-<sup>o</sup>, von 1788 bis 1825 и St. Petersburger. Taschenkalender съ 1808 до 1818 г., а также St. Peterburgische Zeitung, fol., съ 1810 до 1825 года.

---

### О солнцѣ, свѣтѣ и теплотѣ.

Велланскій начинаетъ съ краткаго изложенія (стр. 16—18) теоріи *Шуберта* <sup>1)</sup> о существѣ солнца, свѣта и о дѣйствіи его на нашу землю. Шубертъ справедливо отрицаетъ горѣніе солнца, ибо солнце должно было бы, примѣтно уменьшаясь въ объемѣ, наконецъ превратиться въ пепель и головню. Солнечный свѣтъ, по его мнѣнію, отличается отъ свѣта, происходящаго при горѣніи земныхъ тѣлъ; лучи солнца сами по себѣ холодны, но грѣютъ землю ея же теплотворомъ, который они освобождаютъ изъ тѣлъ своимъ прикосновеніемъ и треніемъ съ атмосферою и поверхностію земли. Масса солнца—не жидкій свѣтотворъ, а холодная, твердая и темная масса, окруженная атмосферою свѣта. Шубертъ, отвергая теорію *Эйлера*, отдаетъ предпочтеніе *Невтоновой* теоріи о происхожденіи свѣта отъ солнца, подобно пахучему веществу, исходящему отъ курящагося свѣта. Вещество свѣта такъ тонко, что нельзя рѣшить, принадлежитъ ли оно тѣлесному міру. И въ 1000-чи лѣтъ не уменьшится поперечникъ солнца на 1 секунду. Солнце—какъ море, испускающее множество рѣкъ. Незамѣтно, чтобы вещество солнца хоть малѣйше убывало отъ безпрестаннаго истеченія. Солнце де возвращаетъ *себѣ*

---

<sup>1)</sup> Котораго, впрочемъ, Велланскій называетъ просто «Авторъ», и нигдѣ по имени.

*свою потерю* посредствомъ притягательной силы отъ кометъ, пробѣгающихъ по всей солнечной системѣ и вездѣ собирающихъ свѣтъ. Кромѣ того, солнце, теряя свой свѣтъ въ другія системы міровъ, притягиваетъ къ себѣ и чужой свѣтъ. Это обращеніе свѣта подобно кровообращенію и связываетъ всю вселенную въ одно цѣлое.

Велланскій полагаетъ <sup>1)</sup>, что эта мысль есть „неудачное покушеніе разума человѣческаго представить *механическимъ* образомъ то, что находится *внѣ* области механизма“. Разъ свѣтъ не состоитъ изъ какихъ-либо тонкихъ атомовъ и не принадлежитъ къ числу никакихъ ощущаемыхъ, то безъ всякаго значенія остается и матеріальное о немъ понятіе.

„Величайшее чудо Природы состоитъ въ томъ, что она въ явственнѣйшихъ своихъ видахъ пребываетъ сокровеннѣйшею“ <sup>2)</sup>. Огонь, свѣтъ, теплота, всѣ виды ощущаемой Природы суть внѣшнія токмо явленія внутренней сущности, не подлежащей чувственнымъ нашимъ понятіямъ. Сущность явленій ощутительныхъ одинаково непостижима и для простыхъ людей, и для тѣхъ ученыхъ, которые стараются узнать ее по чувственнымъ и механическимъ соображеніямъ: изъяснять ее чувственно—то же что ловить тѣнь, или отраженные въ зеркалѣ предметы считать вещественными. Нематеріальность свѣта доказывается тѣмъ, что онъ, вопреки физическому закону, свободно занимаетъ и проходитъ мѣсто, уже наполненное прозрачнымъ тѣломъ: воздухъ, вода, стекло и т. п. такъ пронизаемы для свѣта, что онъ заполняетъ занятое ими мѣсто, какъ совершенно пустое: а вѣдь два тѣла въ одно и то же время не могутъ занимать одного и того же мѣста. Нельзя согласить съ матеріальнымъ качествомъ и то, что свѣтъ отъ

---

<sup>1)</sup> Стр. 18.

<sup>2)</sup> Стр. 19

одного свѣтила, наполняя все пространство, не мѣшаетъ, чтобы его же наполнял свѣтъ отъ множайшихъ другихъ свѣтилъ, но не смѣшиваясь другъ съ другомъ. Какую бы упругой и тонкой матеріею свѣтъ ни былъ, онъ не могъ бы въ одно мгновеніе проходить и наполнять неизмѣримое пространство отъ неподвижныхъ звѣздъ до нашихъ глазъ. По этимъ и другимъ еще доказательствамъ свѣту нельзя приписать никакой вещественности <sup>1)</sup>. Но онъ и не ничтоженъ: онъ существуетъ очевидно и преимущественнѣе всякой матеріи. Объемля все освѣщаемое пространство, но не занимая ни малѣйшей въ немъ точки, и не требуя времени для прохожденія, свѣтъ безпредѣленъ. А въ веществѣ всякій атомъ занимаетъ свое мѣсто въ пространствѣ и проходитъ нѣкоторое время отъ одного мѣста къ другому: посему всякое вещество ограничено. Если свѣтъ (какъ и самъ III. сомнѣвается) не принадлежитъ къ тѣлесному міру, то онъ относится къ духовному міру: поэтому его невозможно ни словить, ни запереть, ни взвѣшивать, ни разлагать, ни составлять. *Свѣтъ есть духъ неорганической природы*, тотъ самый духъ, который въ собственномъ или духовномъ видѣ обнаруживается *мыслями человека*, какъ совершеннѣйшаго на землѣ *существа* въ органической природѣ <sup>2)</sup>.

Матеріалисты не могутъ увѣриться о невещественности свѣта потому, что они отнюдь не касаются неосязаемой и невидимой стороны природы, не касаются сущности свѣта, доступной только для умозрѣнія. Отсюда всѣ противорѣчія въ физическихъ теоріяхъ, т. е. отъ односторонности познаванія природы: всѣ явленія происходятъ отъ цѣлости, недѣлимой и единственной; не зная причины, не поймешь и ея дѣйствій.

---

<sup>1)</sup> Стр. 20.

<sup>2)</sup> Стр. 21.



Свѣтъ солнечный и свѣтъ отъ горѣнія земныхъ тѣлъ и электрическихъ дѣйствій—одинъ в тотъ же <sup>1)</sup>. По большей части, онъ соединенъ съ теплотою, но она (и такъ же не вещественна, и) есть особенное явленіе. Солнечные лучи, не будучи тѣлесными, не теплы и не холодны, и не трутся съ атмосферою и съ землею поверхностію, подобно свѣченію стали съ кремнемъ. При невещественности свѣта его истеченіе, разсѣяніе, его собираніе кометами—игра воображенія и произвольное опредѣленіе.

И солнце не горитъ, и кометы не изъ огненнаго вещества: ихъ свѣтъ не показываетъ настоящаго пламени, а болѣе имѣетъ видъ электрическаго сіянія. Кометы сіяютъ собственнымъ свѣтомъ, а не солнечнымъ, какъ планеты и ихъ спутники. Чрезвычайно скорый бѣгъ ихъ въ пространнѣйшемъ, неопредѣленномъ пути солнечной системы доказываетъ ихъ болшую неограниченность и меньшую зависимость отъ солнца. Кометы поѣтому должны быть гораздо превосходнѣе планетъ, движущихся медленнѣе—по извѣстному пути около солнца, которымъ онѣ освѣщаются и согрѣваются.

Механическіе способы (Невтоново истеченіе и Эйлерово сотрясеніе), какъ поверхностные, не могутъ объяснить происхожденія свѣта въ солнцѣ и согрѣтія онымъ земли. Сіяніе солнца и его дѣйствіе на планеты происходитъ *внутреннимъ органическимъ процессомъ солнечной системы, какъ единую живаю тѣла, образовавшася въ разные члены* <sup>2)</sup>. Въ самомъ солнцѣ представлена цѣлость солнечной системы; кометы и планеты съ ихъ спутниками суть части, дѣйствующія взаимно между собою: они принадлежатъ и влекутся въ солнцу, какъ части къ цѣлому.

---

<sup>1)</sup> Стр. 22.

<sup>2)</sup> Стр. 23.

Наружность сего совершеннѣйшаго организма видимъ мы въ самобытности каждаго изъ членовъ, въ ихъ разстояніи, движеніи и опредѣленномъ теченіи около главнаго ихъ центра. Внутренность состоитъ въ особливомъ веществѣ каждаго, въ свойственномъ оному произведеніи, въ сообразномъ вліяніи на составъ цѣлаго организма и въ извѣстной отъ онаго зависимости. Кометы и планеты—безъ солнца—что члены безъ головы, а солнце—безъ нихъ—голова безъ членовъ.

Свѣтъ солнца происходитъ вліяніемъ на оное планетъ, которыхъ теплота въ нихъ же самихъ происходитъ, но дѣйствіемъ солнца. Эта взаимность совершается электрическимъ образомъ <sup>1)</sup>. Солнце, какъ положительное тѣло съ отрицательнымъ, находится въ непрерывной электризаціи съ планетами. Внутреннее его состояніе обнаруживается свѣтомъ, который есть величайшая электрическая искра въ мірѣ. Солнце—безъ планетъ, тотчасъ бы угасло. Какъ въ солнцѣ свѣтъ, такъ происходитъ на землѣ теплота, которая есть произведеніе ихъ электрическаго дѣйствія съ отрицательной его стороны. Электрическій процессъ <sup>2)</sup> вообще есть живое дѣйствіе неорганическихъ тѣлъ (въ животномъ организмѣ оно же оазывается раздражительностію и движеніемъ). Электризація состоитъ въ дѣйствительномъ усиліи двухъ разнокачественныхъ тѣлъ притти изъ различнаго въ одинаковое качество, общее обоемъ. Нѣтъ никакой электрической матеріи; всѣ явленія электрическія суть наружныя произведенія внутренней перемѣны состава одного тѣла на счетъ и по мѣрѣ таковой же перемѣны въ другомъ.

Солнце въ электризаціи силится содѣлать себѣ планеты равнокачественными (притягиваніе планетъ, какъ однород-

---

<sup>1)</sup> Стр. 24.

<sup>2)</sup> Стр. 25.

ных частей къ цѣлому); свѣтъ его изъясняетъ происходящую въ немъ одинаковость центральнаго тѣла съ периферическими членами. Солнечный свѣтъ есть настоящій образъ единственной души міра, представляемой въ цѣлости его системы; свѣтъ отъ пламени на землѣ показываетъ душу токмо въ частномъ отраженіи <sup>1)</sup>).

Планеты также усиливаются быть одинаковыми съ солнцемъ, но въ собственномъ ихъ качествѣ. Поэтому въ нихъ два состоянія: одно, когда подвергаются могуществу солнца, другое, когда онѣ преимуществуютъ въ своей силѣ. Подъ экваторомъ владычествуетъ солнце (стремленіе земли къ солнцу, годовое обращеніе, всегдашняя дневная теплота на семь поясъ). Въ полосахъ господствуетъ сила земли (удерживается на оси, обращается вокругъ себя, холодъ). Подъ экваторомъ и полюсами состоянія земли постоянны, между экваторомъ и поворотными кругами—перемѣнны, смотря по преимущественному въ нихъ качеству экватора (лѣтомъ для сѣвернаго пояса, отчего и теплота) или полюсовъ (зимою стужа). Теплота и стужа не отъ особыхъ веществъ происходятъ, а суть внѣшнія явленія внутренняго состоянія земли относительно къ солнцу <sup>2)</sup>). Объясненія („обыкновенной физики“) присутствіемъ и отсутствіемъ теплотвора, тончайшаго вещества, неосновательны, когда мнимаго теплотвора нѣтъ и въ природѣ.

Свѣтомъ изъясняется сущность природы со стороны дѣйствія или духа, теплотою—со стороны бытія или тѣла. Теплота тѣлъ происходитъ отъ ослабленія связи атомовъ состава, и холодъ—отъ усилія той же связи. Теплота есть напряженіе къ разрушенію особенности тѣлъ и переходенію въ одинаковое жидкое состояніе. Холодъ состоитъ въ напряженіи тѣла къ

---

<sup>1)</sup> Стр. 26.

<sup>2)</sup> Стр. 27.

утвержденію своей особенності и пребыванію въ ней. Посему же въ теплотѣ тѣла расширяются, а въ холодѣ сжимаются. Горящее тѣло находится въ дѣйствительномъ разрушеніи своего состава; обнаруживаются при этомъ свѣтъ (начало дѣйствія) и теплота (единообразіе бытія матеріи).

Лѣтній зной и зимняя стужа не зависятъ отъ развитія изъ тѣлъ теплотвора, или сокрытія его въ тѣлахъ: онѣ суть слѣдствія различныхъ напряженій земли, которая лѣтомъ приходитъ въ состояніе, сообразное солнцу, а зимою пребываетъ въ усиленной особенності. Переменная температура и погода также зависятъ отъ непрерывнаго напряженія земли въ электрическомъ дѣйствіи ея съ солнцемъ.

Шубертъ правъ въ томъ, что мы не можемъ знать вещества солнца, но трудно повѣрить, чтобы удѣльная тяжесть его массы равнялась тяжести воды <sup>1)</sup>).

Вещество солнца, кометъ, планетъ и ихъ спутниковъ должно быть различно, отъ чего зависитъ отдѣльное пребываніе каждаго и взаимное ихъ дѣйствіе. Важность солнца въ системѣ міра и его наружное великолѣпіе требуетъ, чтобы его вещество и всѣ на немъ произведенія были *несравненно* превосходнѣе тѣхъ, изъ которыхъ состоитъ наша земля.

Докторъ Велланскій.

1 марта 1814 г.

Въ Санктпетербургѣ.

Эта подпись „докторъ“ и дала поводъ Шуберту (см. выше, стр. 117) называть его въ своемъ отвѣтѣ именно „докторомъ“.

---

<sup>1)</sup> Стр. 28.

Обратимся теперь еще къ двумъ трудамъ Д. М. Велланскаго, а именно къ его переводамъ учебниковъ *Г. Прохаски* и *Ф. Гартмана*.

Прохаска и Гартманъ были почетными членами Петербургской медицинской академіи <sup>1)</sup>, гдѣ Д. М. Велланскій состоялъ профессоромъ. Очевидно, что оба эти заграничные медика пользовались авторитетомъ въ Академіи, ибо по распоряженію конференціи въ руководство студентамъ, слушавшимъ у Велланскаго лекціи фізіологіи и патологіи, назначались именно учебники—фізіологіи Прохаски и патологіи—Гартмана <sup>2)</sup>.

Слѣдую общему плану, мы обратимся сначала къ жизни и трудамъ поименованныхъ свѣтилъ медицинской науки того времени.

---

<sup>1)</sup> Георгій Прохаска, Императорско-Королевскій Правленія Совѣтникъ и Вѣнскаго Унивѣрситета высшей Анатоміи и Физіологіи Профессоръ, былъ избранъ въ почетные члены академіи 5 августа 1814 г. (№ 49), а Филиппъ Карлъ Гартманъ, профессоръ патологіи и фармакологіи Вѣнскаго унивѣрситета—19 октября 1818 г. (№ 88). «Приложенія къ исторіи Императорской Военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) Академіи». 1798—1898. СПб. 1898; стр. 199, столбецъ 2, и 204, ст. 1.

<sup>2)</sup> «Философія въ Россіи», т. II, стр. 65.

Georg Prochaska родился въ Lispitz въ Моравіи 10 апрѣля 1749 г., на 18-мъ году получилъ степень доктора философіи, а затѣмъ посвятилъ себя изученію медицины въ Прагѣ и Вѣнѣ, былъ 2 года ассистентомъ въ медицинской клиникѣ *de Haën*'а и въ 1776 г. былъ промовированъ въ доктора медицины. При вѣнскомъ медицинскомъ факультетѣ онъ сталъ доцентомъ анатоміи и вмѣстѣ съ тѣмъ помогалъ офтальмологу Barth въ его работѣ и практикѣ. За два труда *De carne musculari tractatus* и *De structura nervorum* онъ получилъ экстраординарнаго профессора анатоміи въ 1776 г., а въ 1778 г. по рекомендаціи Барта выбранъ въ Прагѣ профессоромъ анатоміи и офтальмологіи, въ каковомъ званіи пробылъ 11 лѣтъ. Сначала преподавалъ Прохаска анатомію и физиологію, а потомъ ограничивался одною физиологіею. За это время онъ опубликовалъ *Quaestiones physiologicae, quae vires cordis et motum sanguinis per vasa animalia conserpunt* (гдѣ онъ пытался доказать, что давленіе отъ сокращенія сердца на кровяной столбъ простирается за предѣлы капиллярной системы, и что такимъ образомъ оно помогаетъ обратному теченію крови черезъ венозную систему) и *Adnotationes academicae continentes observationes et descriptiones anatomicas* (III fasc. 1780—1784). Третье изъ этихъ изслѣдованій трактуетъ о нервной системѣ. По мнѣнію Прохаски, дѣятельность ея можно уподобить электрическому возбужденію. Моторные нервы берутъ свое начало въ *centrum commune*—тамъ же, гдѣ оканчиваются чувствительные нервы; здѣсь то впечатлѣнія отъ внѣшнихъ воздѣйствій передаются или рефлектируются на двигательные нервы, причемъ уголъ отраженія не всегда равенъ углу паденія. Этого *centrum commune* нельзя искать только въ мозгу, ибо и у обезглавленныхъ лягушекъ обнаруживаются рефлекторныя движенія; значить, *sensorium commune* заключается и въ нервныхъ гангліяхъ и т. д. Неизвѣстно, былъ ли знакомъ Прохаска съ теоріями Декарта.

Но онъ первый занимался этими вопросами экспериментально и является достойнымъ предшественникомъ Marshall Hall'я. Въ 1791 г. Прохаска былъ приглашенъ въ Вѣну на мѣсто Барта профессоромъ анатоміи, физиологіи и офтальмологіи; но имѣя большую практику по глазнымъ болѣзнямъ, онъ ограничился преподаваніемъ одной физиологіи. Въ 1819 г. онъ достигъ предѣльнаго возраста для профессоровъ—70 лѣтъ и вышелъ въ отставку, а 17 іюля 1820 г. умеръ. Въ Вѣнѣ онъ издалъ свои *Institutiones physiologiae humanae* въ 1805—6 годахъ. Совершенная переработка этого сочиненія вышла въ 1820 г. подъ заглавіемъ *Physiologie oder Lehre von der Natur des Menschen*. Въ первой редакціи Прохаска весьма рѣшительно признаетъ анимистическую теорію Штала, родственную витализму, считая вмѣстѣ съ нимъ „душу за причину всѣхъ функций человѣческаго тѣла, происходятъ ли онѣ съ сознаниемъ, или и безъ него“. Согласно съ Рейлемъ,<sup>1)</sup> Прохаска называетъ силу, протекающую изъ аніма—*Lebenskraft*, жизненною силою. Но во второй редакціи онъ замѣчаетъ, что физическія (както: механическія, гидравлическія и т. п.) и химическія силы не составляютъ еще жизни, а жизненный принципъ или жизненная сила сводится на гальваническія полярности.

Такими же натурфилософскими размышленіями наполненъ его *Versuch einer empirischen Darstellung des polarischen Naturgesetzes und dessen Anwendung auf die Thätigkeiten der organischen und unorganischen Körper mit einem Rückblicke auf den thierischen Organismus*, 1815.

Въ сочиненіи *Bemerkungen über den Organismus des menschlichen Körpers und über die denselben betreffenden arteriösen und venösen Haargefäße nebst der darauf gegründeten Theorie der Ernährung*, 1810, Прохаска сообщаетъ свои

---

<sup>1)</sup> См. о Рейлѣ мое сочиненіе «Философія въ Россіи», т. V, стр. 90—91.

интересные опыты надъ явленіями диффузіи въ тканяхъ стѣнокъ артерій и предлагаетъ свои взгляды на образованіе костей.

Его лучшею работою А. Хиршъ считаетъ *Disquisitio anatomico-physiologica organismi corporis humani ejusque processus vitalis*, 1812; здѣсь онъ излагаетъ свою теорію о нервахъ спинного мозга, изъ которыхъ одни идутъ центрифугально, другіе—центрипетально. Здѣсь же Прохаска восклицаетъ: *Limites non constant, ultra quos progredi ingenio humano non datur.*

Въ *Schriften der Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften*, въ *Wiener Beiträge zur practischen Arzneykunde* и въ *Abhandlungen der K. K. Joseph. med.-chirurg. Akademie* имѣются еще статьи Прохаски по физиологіи, патологической анатоміи и офтальмологіи.

Прохаска встрѣчалъ при жизни мало похвалы и признанія. Послѣ смерти лишь признали въ немъ мыслителя и основательнаго ученаго, который пересоздавалъ науку не только философски, но и на почвѣ экспериментальнаго изслѣдованія.

Что касается интересующаго насъ учебника физиологіи, то Прохаска издалъ свое руководство сначала по латыни подъ заглавіемъ *Institutiones physiologiae humanae in usum praeflectionum conscriptae* въ 2 томахъ, Вѣна, 1805—6. Нѣмецкій текстъ этого сочиненія вышелъ, правда, не въ полномъ видѣ, еще ранѣе подъ заглавіемъ *Lehrsätze aus der Physiologie des Menschen* въ 2 томахъ, 1797, II изданіе въ 1802 г., и III-е въ 1810 г. Полная переработка руководства физиологіи вышла наконецъ въ 1820 г.—и съ нея то былъ сдѣланъ переводъ Д. М. Велланскимъ <sup>1)</sup>.

Въ предисловіи къ переводу, изданному въ 1822 г., Велланскій ни словомъ не упоминаетъ о прежнемъ переводѣ ла-

---

<sup>1)</sup> «Философія въ Россіи», т. II, стр. 78.



тинскаго изданія: „Наставленія естествословія человѣческаго для руководства при преподаваніи. Сочиненіе Г. Прохаски. Переводъ съ латинскаго“. 2 ч. СПБ. 1809. 8-<sup>о</sup>, 290 + 241 стр. Этотъ переводъ тоже приписывается Д. М. Велланскому, но вполне ошибочно, какъ доказали мы въ своей библиографической замѣткѣ <sup>1)</sup>. Переводъ съ латинскаго былъ сдѣланъ не Велланскимъ, а его соперникомъ и конкурентомъ Ясономъ Васильевичемъ Петровымъ (сыномъ извѣстнаго описца екатеринина вѣва). Ясонъ Петровъ въ 1809 г. по смерти профессора ботаники и фармакологіи Рудольфа, при которомъ Д. М. Велланскій состоялъ адъюнктомъ, перехватилъ у послѣдняго вакантную кафедру <sup>2)</sup>. За свой переводъ труда Прохаски Я. В. Петровъ получилъ 470 р. награжденія (стр. 77).

Переводъ Велланскаго вышелъ подъ такимъ заглавіемъ:

Физиологія или наука о естествѣ человѣческомъ. Сочиненіе доктора и профессора Георгія Прохаски, переведено съ Нѣмецкаго, изъ послѣдняго изданія 1820 года, академикомъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Даниломъ Велланскимъ. СПБ. 1822. 8-<sup>о</sup>. Титулъ + „Оглавленіе содержаній“—2 нenum. стр. + Предисловіе—4 нenum., + текста 634 стр. + „Опечатки“—2 нenum. стр. Всего 408 §§.

Предисловіе подлинника оставлено безъ перевода.

Въ подлинникѣ это сочиненіе озаглавлено такъ:

*Physiologie oder Lehre von der Natur des Menschen.*  
Von Dr. u. Prof. Georg Prochaska, k. k. N. Ö. Reg. Rath,  
des österreichisch-kaiserlichen Leopolds-Orden Ritter und mehrerer gelehrten Gesellschaften Mitglied. Wien, 1820.

Bei Carl Ferdinand Beck. Tit. + Vorrede III—XIV + Inhalts-Überblick XV—XVI + текста 608 стр. (Lettern und Druck von Anton v. Haykul) + Verbesserungen (1/2 стр.).  
Форматъ: 8.

---

<sup>1)</sup> «Философія въ Россіи», т. II, стр. 76—78.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 63—64.

*Erster Abschnitt.* Von der äussern Beschaffenheit des Menschen, §§ 1—18, стр. 1—13. *Zweyter Abschnitt.* Von den Bestandtheilen des menschlichen Körpers und ihrer Mischung, §§ 19—36, стр. 14—25. *Dritter Abschnitt.* Das Leben überhaupt aus den Gesetzen electricischen Processes abgeleitet, §§ 37—66, стр. 26—72. *Vierter Abschnitt.* Von den Nerven—und Seelenverrichtungen überhaupt, §§ 67—151, стр. 73—220. *Fünfter Abschnitt.* Von dem Kreislauf des Blutes überhaupt, §§ 152—187, стр. 221—268. *Sechster Abschnitt.* Von dem Athmen und dessen Nutzen für das Leben überhaupt, §§ 188—228, стр. 269—333. *Siebenter Abschnitt.* Von dem Ernährungs—oder Reproductionsprozesse überhaupt, §§ 229—319, стр. 334—474. *Achter Abschnitt.* Von der Zeugung überhaupt, §§ 320—386, стр. 475—575. *Neunter Abschnitt.* Von dem Alter überhaupt und seinen Eintheilungen, §§ 387—408, стр. 576—608.

Въ предисловіи къ переводу Прохаски учебника физиологіи Велланскій высказываетъ слѣдующія мысли:

Предметъ Физической антропологіи (которую обыкновенно называютъ физиологіею) есть познаніе естественныхъ свойствъ человѣка. Подобно другимъ физическимъ наукамъ, она имѣетъ неодинакій способъ изложенія одного и того же. Физиологическое сочиненіе дѣлится различно по различному понятію или *предубѣжденію разсматривающихъ оное*. Сочиненіе Прохаски въ нѣкоторыхъ училищахъ служитъ руководствомъ; оно гораздо совершеннѣе всѣхъ прежнихъ его изданій и болѣе способно для руководства въ физиологіи, особенно для медицинскихъ свѣденій. Последнее изданіе передѣлано сообразно *другому* понятію о жизни и дѣятельности человѣческаго организма, разсматриваемаго здѣсь болѣе въ связи съ общою природою и частными ея произведеніями. Но жизнь организма разсматривается въ однихъ видахъ дѣйствительнаго образованія, безъ всякаго отношенія къ понятію возможной ея сущ-

ности; а посему *все физиологическое изложение* остается *неудовлетворительным*. Животный организм не представленъ въ сообразіи и различіи его съ растительнымъ по происхожденію, состоянію и значенію ихъ въ природѣ. Дѣйствія чело-вѣческаго организма рассмотрѣны не въ надлежащемъ порядкѣ: слѣдовало бы начинать съ низшихъ и восходить къ высшимъ. Пищевареніе, отдѣленіе и питаніе, низшія дѣйствія, свойственныя и растеніямъ, изложены послѣ чувствованія и производнаго движенія, свойственныхъ только высшей жизни животныхъ. Однако, по обстоятельности изложенія (фізическихъ и химическихъ опытовъ, анатомическихъ и физиологическихъ наблюденій и т. п.) и обилію примѣровъ, сочиненіе Прохаски лучшее въ своемъ родѣ. Въ переводѣ не сдѣлано никакихъ замѣчаній, толкованій и прибавленій: они должны быть предоставлены изустному толкованію учащаго.

Отдѣленіе *первое* „Физиологій“ Прохаски трактуеть о внѣшнихъ качествахъ челоѣка. Отдѣленіе *II*—О составныхъ частяхъ челоѣческаго тѣла и смѣшеніи оныхъ (стр. 14). Отдѣленіе *третье* (стр. 28) имѣеть своимъ предметомъ „общую жизнь, происходящую по законамъ электрическаго процесса“. Отдѣленіе *IV* говоритъ о нервныхъ и душевныхъ дѣйствіяхъ вообще (79), объ ощущеніи, вкусѣ, обоняніи, слухѣ, зрѣніи, о внутреннихъ чувствахъ (179), мышечномъ движеніи, стояніи и хожденіи, о снѣ (222).

Въ отдѣленіи *пятомъ*: о кровообращеніи вообще (232), крови, сердцѣ, артеріяхъ и венахъ, о кругообращеніи крови въ особенности (260), о силахъ, приводящихъ кровь въ обращеніе, о различномъ движеніи крови (272). Предметомъ *шестого* отдѣленія служитъ разсужденіе о дыханіи и пользѣ онаго для жизни вообще, о воздухѣ, дыхательныхъ органахъ, о механизмѣ дыханія и различномъ употребленіи онаго, о разныхъ измѣненіяхъ въ дыханіи, о голосѣ, пѣніи и о рѣчѣ (328). Отдѣленіе *седмое* трактуеть о питательномъ или восстановительномъ процессѣ вообще (349), объ испаряніи, о

мочѣ, голодѣ и жаждѣ, пищи и питіи, жеваніи и глотаніи, пищевареніи и о происхожденіи млечнаго сока (*chylificatio*). При этомъ разсматриваются сальникъ (421), селезенка, поджелудочная желѣза, печень и желчь, кишечный каналь и дѣйствіе онаго. Затѣмъ говорится о всасываніи млечнаго сока и другихъ жидкостей (448), кровотвореніи, питаніи въ особенности, о происхожденіи жира и отдѣленіи соковъ. Отдѣленіе *осьмое* излагаетъ процессы половой жизни. Излагается теорія и факты: о рожденіи вообще (494), о различіи пола, мужскихъ и женскихъ дѣтородныхъ частяхъ, женскихъ грудяхъ, мѣсячномъ очищеніи, произведеніи и зачатіи плода и образованіи зародыша. Къ этому присоединено: объ уродливости зародыша (561), о жизни зародыша, о беременности и родахъ. Отдѣленіе *девятое*, наконецъ, имѣетъ общій характеръ: говорится о возрастѣ, и раздѣленіи онаго (600), о дѣтскомъ, юношескомъ и мужскомъ возрастѣ, о старости и смерти, объ измѣненіи человѣческаго тѣла послѣ смерти (626).

Philipp Karl Hartmann родился 20 января 1773 г. въ Heiligenstadt im Eichsfelde. Учился сначала въ Гёттингенѣ, потомъ въ Вѣнѣ у Петра Франка <sup>1)</sup> и въ 1799 г. получилъ здѣсь доктора медицины. Свою карьеру онъ началъ ассистентомъ у полицейскаго врача Барта, а потомъ въ 1803 г. онъ былъ назначенъ физикомъ при домѣ призрѣнія въ Mauersbach у Вѣны. Своими критическими трудами о броувианизмѣ и о новой натурфилософской школѣ онъ быстро обратилъ на себя вниманіе ученаго міра, и уже въ 1806 г. былъ приглашенъ въ Ольмюцъ профессоромъ теоретической и практической медицины при тамошнемъ лицее, а въ 1810 г. сталъ ректоромъ его. Въ 1811 году онъ былъ уже приглашенъ въ Вѣну ординарнымъ профессоромъ общей патологіи и ученія о врачебныхъ средствахъ. Въ 1814 г. его приглашали въ Россію, въ 1819 г. въ Боннѣ проф. мед. клиники, и въ 1823 директоромъ Charité въ Берлинѣ, но онъ отклонилъ всѣ эти приглашенія, а въ 1829 г. онъ сдѣлался въ Вѣнѣ же профессоромъ медицинской клиники при общей больницѣ, каковой профессуры онъ долго добивался. Многочисленныя служебныя занятія надорвали его силы; онъ умеръ отъ удара 5 марта 1830 года. Гартманъ отличался скромностью и общительностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣчательною энергіею въ проведеніи своихъ убѣжденій, что однако не

---

<sup>1)</sup> См. о П. Франкѣ мое сочиненіе «Философія въ Россіи», т. V, стр. 85—89. О Гартманѣ: Holger, Hartmann aus seinem Wirken geschildert, 1831, Wagner, Oratio funebris in sacris parentalibus P. C. Hartmanni, 1830, Wiener Zeitung, 1830, 188 (перепеч. въ Salzburg. med.—chir. Zeitung, 1830, II, p. 317). Работы Гартмана перечислены всѣ у Callisen, Lex., т. XXVIII, p. 396.

озлобляло его враговъ и противниковъ. Первые работы Гартмана были направлены противъ шеллинговцевъ и броуніанцевъ. *Analyse der neueren Heilkunde*, 2 части, 1802 рѣзко раскрываетъ ошибки и односторонность теоріи возбужденія (*Erregungstheorie*); Броунъ и Röschlaub, обративъ вниманіе на явленія организма, забыли, по мнѣнію Гартмана, о самомъ организмѣ и о матеріи: такъ какъ функція исходитъ изъ органовъ, то измѣненіе функцій предполагаетъ де необходимо—измѣненіе матеріи. Врагомъ натурфилософіи онъ выступаетъ въ статьѣ *Einfluss der Philosophie in die Theorie der Heilkunde* (*Salzb. med. - chirg. Zeitung*, 1805, № 28, 29, II, стр. 19—58); апіорное изслѣдованіе свело естествознаніе и медицину на ложные пути: только въ кантовомъ критицизмѣ можно де найти философскія положенія, годныя для обработки теоріи медицины. Эта же мысль проводится и въ *Beiträge zur Theorie der Heilkunde* (*Oesterr. med. Jahrb.*, 1813, II, Heft I, стр. 79, Heft 2, стр. 99): врачъ, желающій съ успѣхомъ теоретизировать, долженъ быть философомъ, изслѣдующимъ природу (*naturforschender Philosoph*).

Между его позднѣйшими трудами особенно замѣчательна *Theoria morbi seu pathologia generalis*, 1814, II изд. 1828, нѣмецкое изданіе 1823. Гартманъ изложилъ предметъ съ точки зрѣнія эклектика, и такъ удачно, что его учебникъ долгое время употреблялся вездѣ съ особенною любовью. Такъ же понравилась большинству и его опытная психологія *Der Geist des Menschen in seinen Verhältnissen zum physischen Leben oder Grundzüge zu einer Physiologie des Denkens*, 1820, 2-е изд., 1831. Кромѣ того, у Гартманна были еще разныя небольшія работы. Своя наблюденія въ Ольмюцѣ надъ тифомъ онъ изложилъ въ *Sicherungsanstalten und Verwahrungsmittel gegen ansteckende Nerven—und Faulfiber*, 1810 и *Theorie des ansteckenden Typhus und seine Behandlung*, 1812. Притомъ, онъ составилъ еще учебникъ *Pharmacolo-*

gia dynamica, 2 т., 1816, 2-е изд. 1829, сотрудничалъ въ обработкѣ австрійской фармакопей изд. 1812 и 1820 гг. и редактировалъ изданные вѣнскими профессорами 6 томовъ Beobachtungen und Abhandlungen aus dem Gebiete der practischen Heilkunde, 1819—28 и первые 9 томовъ Medicinische Jahrbücher des österreichischen Staates. Его лекціи по общей терапіи появились послѣ смерти въ 1835 году въ авоинномъ изданіи подъ заглавіемъ Therapia generalis и въ 1836 Institutiones medicae therapiae generalis съ примѣчаніями Krolz'a.

Учебникъ Гартмана, переведенный Д. М. Велланскимъ, вышелъ въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

Общая Паеологія Филиппа Карла Гартмана, Доктора и Профессора Медицины въ Вѣнскомъ университетѣ. Переведена съ нѣмецкаго академикомъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Даниломъ Велланскимъ. СПб. 1825 года, 8-<sup>о</sup>. Титулъ + 3 нenum. стр. „Предисловіе“ + 1 пустая стр. + 6 нenum. „Оглавленіе содержаній“ + текста 650 стр. + 2 нenum. „Погрѣшности“. Всего 865 §§.

Послѣ введенія предлагается опредѣленіе и раздѣленіе *общей паеологіи* (стр. 13), излагается ея исторія (18), раздѣляющаяся на двѣ эпохи (вторая начинается отъ „возстановленія наукъ“). *Первая часть*, общая носологія трактуетъ о болѣзни вообще (56) и о предметѣ, подверженномъ болѣзни (стр. 65). Слѣдуетъ общее раздѣленіе болѣзней на *динамическія* и *органическія* (механическія). *Первое* отдѣленіе разсматриваетъ: I) динамическія болѣзни вообще (76) и трактуетъ II) о болѣзняхъ органическаго образованія (103). Изслѣдуется: болѣзненное состояніе пищеваренія, неправильное превращеніе чуждыхъ веществъ въ организмъ и ненадлежащее кровотвореніе, болѣзненное состояніе образовательнаго процесса, зависящее отъ неправильнаго отдѣленія, болѣзненное питаніе плотныхъ частей тѣла, ненадлежащее испражненіе,

болѣзненное рожденіе. III) О болѣзняхъ органическаго движенія: болѣзненное движеніе клѣтчатой плевы, болѣзненное возбужденіе нервовъ и мышцъ. Отдѣленіе *второе* посвящено болѣзнямъ органическимъ (209): Нарушеніе цѣлости состава, органическіе недостатки касательно неправильной величины и несообразнаго вида органовъ, неправильная связь органовъ, неправильное ихъ положеніе, неправильное механическое содержаніе жидкостей къ ихъ сосудамъ.

Часть *вторая*, *симптоматологія* (249), посвящена болѣзненнымъ явленіямъ вообще. Отдѣленіе *первое* трактуетъ о болѣзненныхъ явленіяхъ въ *растительной* системѣ: I) болѣзненныя явленія въ дѣйствіяхъ пищеварительнаго канала, II) Припадки болѣзненнаго плотоуподобленія, III) О явленіяхъ болѣзненнаго дыханія; припадки голоса и рѣчи, IV) О болѣзненныхъ явленіяхъ въ кровообращеніи, V) О явленіяхъ болѣзненнаго отдѣленія, VI) Болѣзненное питаніе, VII) О припадкахъ болѣзненныхъ испраженій, разстройство кожной испарины и припадки болѣзненнаго мочеиспраженія, VIII) Припадки дѣтородныхъ дѣйствій въ а) мужскомъ и б) женскомъ полѣ. Отдѣленіе *второе* трактуетъ о болѣзненныхъ явленіяхъ въ *животной* системѣ: I) болѣзненныя явленія внѣшнихъ чувствъ, припадки осязанія, вкуса, обонянія и слуха (385), II) О припадкахъ мысленныхъ дѣйствій и состоянія духа, III) Припадки произвольнаго движенія мышцъ, IV) Припадки сна. *Общая исторія болѣзни* обвиняетъ I) мѣстныя содержанія болѣзни: 1) Содержанія болѣзней по ихъ мѣстопробыванію и распространенію въ организмѣ (417), Содержаніе болѣзни къ болящему лицу и 3) къ человѣческому обществу и членамъ онаго,—и II) Содержанія болѣзни относительно къ времени (427): 1) начало болѣзни во времени, 2) ея прохожденіе, 3) премѣненіе болѣзней во времени, 4) продолженіе и 5) исходъ болѣзни (446).



*Часть третья, этиология.* Отдѣленіе *первое* трактуетъ о *расположеніи* къ болѣзнямъ (466) (общее и особенное расположеніе къ болѣзни): I) Наслѣдственное и врожденное расположеніе, II) Расположеніе къ болѣзнямъ, зависящее отъ возраста, III) Болѣзненное расположеніе, зависящее отъ свойствъ пола, IV) отъ темперамента, V) тѣлосложенія. VI) отъ рода жизни и привычки (стр. 489). Отдѣленіе *второе* трактуетъ о *болѣзнетворныхъ вліяніяхъ*: I) Внѣшнія вредоносныя вліянія, А) Внѣшнія *динамическія* вліянія, вліяніе всемірныхъ содержаній на происхожденіе болѣзней (497), вліяніе Солнца на человѣческой организмъ, свѣтъ, электричество, внѣшняя теплота и стужа, болѣзненные вліянія атмосфернаго воздуха, годовыя времена и непогоды, климатъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о динамическихъ содержаніяхъ человѣка къ Землѣ и ея произведеніямъ: питательныя средства, пища, питье (573), вредное употребленіе лекарствъ, яды (584), заразительныя вещества или заразы. Затѣмъ разсматриваются В) Внѣшнія *механическія* вліянія (604). II) Внутреннія вредоносныя вліянія: А) внутреннія *динамическія* вліянія: вредное дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ, вредное вліяніе воображенія, ненадлежащее состояніе высшихъ способностейъ духа, вредное вліяніе нравственныхъ поступковъ на здравіе человѣка, произвольное движеніе мышцъ, наносящее вредъ, сонъ и бдѣніе, какъ причина болѣзни (629), злоупотребленіе похоти, произведенія дезорганизациі и неправильнаго образованія въ тѣлѣ (634). В) § 865, стр. 650. Внутреннія *механическія* поврежденія (движенія собственныхъ органовъ тѣла, измѣняющія мѣстныя содержанія онаго, накопившіяся жидкости, превратно образованныя плотныя части, каменныя сращенія).

Въ подлинникѣ книга озаглавлена такъ:

Ph. C. *Hartmann's*, Drs und K. K. Professors der Heilkunde an der Universität in Wien, Theorie der Krankheit, oder allgemeine Pathologie. Nach dem lateinischen Originale frey bearbeitet vom Verfasser. Wien, 1823. Gedruckt und im Verlage bey Carl Gerold. Vorrede III—VI (датировано In der Universität zu Wien, den 20. August 1822. Der Verfasser) + Inhalt VII—XXXVI + текста 644 стр. (865 §§).

Мы приведемъ здѣсь краткій обзоръ содержанія книги.

Einleitung (§ 1—17)—стр. 1—12. Титуль: Allgemeine Pathologie. Bestimmung und Eintheilung derselben (§§ 18—25), стр. 15—19. Geschichte der allgemeinen Pathologie (§§ 26—62), стр. 19—45. Literatur der Pathologie, стр. 46—55.

Allgemeine *Nosologie*. Von der Krankheit überhaupt (§§ 63—76), стр. 56—64. Von dem Subjecte der Krankheit (§§ 77—83), стр. 64—70. Allgemeine Eintheilung der Krankheiten (§§ 84—92), стр. 70—75. Erster Abschnitt. Von den dynamischen Krankheiten. Erstes Hauptstück. Von den dynamischen Krankheiten überhaupt (§§ 93—132), стр. 76—101, Zweytes Hauptstück. Von den Krankheiten der organischen Bildung (§§ 133—150), стр. 102—114, Krankhafter Zustand der Verdauung (§§ 151—162), стр. 114—125, Krankhafte Bildung, in so fern sie aus gestörter Assimilation und Blutbereitung hervorgeht (§§ 163—182), стр. 125—142, Krankhafter Zustand des Bildungsprozesses, begründet durch regelwidrige Secretion (§§ 183—199), стр. 142—157, Krankhafte Bildung, in so fern sie sich durch krankhafte Ernährung der festen Gebilde offenbart (§§ 200—215) стр. 157—170, Von der regelwidrigen Excretion in Beziehung auf den krankhaften Bildungsprozess (§§ 216—219), стр. 170—173, Von der krankhaften Zeugung (§§ 220—222), стр. 173—175. Drittes Hauptstück. Von den Krankheiten der organischen Bewegung (§§ 223—239), стр. 176—188,

Von der krankhaften Zellenbewegung (§§ 240—244), стр. 188—191, Von der krankhaften Nervenerregung (§§ 245—250), стр. 191—194, Von der krankhaften Muskelregung (§§ 251—255), стр. 194—197. Zweyter Abschnitt. Von den Organisationskrankheiten (§§ 256, 257), стр. 198—200, Erstes Hauptstück. Von den Verletzungen des Zusammenhanges (§§ 258—265), стр. 200—205, Zweytes Hauptstück. Von den Organisationsfehlern, welche sich auf regelwidrige Grösse und unverhältnissmässige Gestaltung der Organe beziehen (§§ 266—280), стр. 205—215, Drittes Hauptstück. Von der regelwidrigen Verbindung der Organe unter einander (§§ 281—285), стр. 216—219, Viertes Hauptstück. Von der regelwidrigen Lage der Organe (§§ 286—302), стр. 219—231, Fünftes Hauptstück. Von dem regelwidrigen mechanischen Verhältnisse der Flüssigkeiten zu ihren Gefässen (§§ 302—308), стр. 232—235.

*Symptomatologie*, Bestimmung der Symptomatologie (§§ 309—312), стр. 236 <sup>1)</sup>—238. Eigentliche Symptomatologie. Krankheitserscheinungen überhaupt (§§ 313—319), стр. 239—242, Erster Abschnitt. Von den Krankheitserscheinungen im vegetativen Systeme (§ 320), стр. 243, Erstes Hauptstück. Von den Krankheitserscheinungen in den Verrichtungen des Speisekanals (§§ 321—346), стр. 243—263. Zweytes Hauptstück. Von den Erscheinungen der krankhaften Assimilation (§§ 347, 348), стр. 263, 264, Drittes Hauptstück. Von den Erscheinungen des krankhaften Athmens (§§ 349—370), стр. 265—280, Die Symptome der Stimme und Sprache (§§ 371—377) стр. 280—283. Viertes Hauptstück. Die krankhaften Erscheinungen im Kreislaufe des Blutes (§§ 378—394), стр. 283—299, Fünftes Hauptstück. Die Erscheinungen krankhafter Absonderungen (§ 395—406), стр. 300—310, Sechstes Hauptstück Die Symptome der Ernährung (§ 407), стр.

---

<sup>1)</sup> Въ оглавленіи (стр. XV) опечатка: 237.

310, Siebentes Hauptstück. Die Symptome der Ausleerungen (§ 408), ctp. 311, Von den Erscheinungen gestörter Hautausdünstung (§§ 409—417), ctp. 311—319, Erscheinungen der Harnausleerung im krankhaften Zustande (§§ 418—442), ctp. 319—337, Achtes Hauptstück. Die Krankheitszufälle in den Geschlechtsverrichtungen. A. Beym männlichen Geschlechte (§§ 443—449), ctp. 338—344. B. Beym weiblichen Geschlechte (§§ 450—471), ctp. 344—358. Zweyter Abschnitt. Krankheitserscheinungen im animalischen Systeme (§ 472), ctp. 359, Erstes Hauptstück. Von den Krankheitserscheinungen der äussern Sinnlichkeit (§§ 473), ctp. 360, Von den Symptomen des Gemeingefühls (§§ 474—482), ctp. 360—366, Von den Symptomen des Tastsinnes, des Geschmackes und Geruches (§§ 483—486), ctp. 366—369, Die Symptome des Gehörsinnes (§§ 487—490), ctp. 369—371, Die Symptome des Gesichtsinnes (§§ 491—507), ctp. 371—383. Zweytes Hauptstück. Von den Zufällen, welche sich auf die Aeusserungen des Erkenntnissvermögens und des Gemüthes beziehen (§§ 508—521), ctp. 383 <sup>1)</sup>—394, Drittes Hauptstück. Die Symptome der willkürlichen Muskelbewegung (§ 522), ctp. 395—396, Viertes Hauptstück. Von den Symptomen, welche der Schlaf darbietet (§§ 523—526), ctp. 396—399. Allgemeine Geschichte der Krankheit (§ 527), ctp. 400, Erstes Hauptstück. Allgemeine Raumverhältnisse der Krankheit (§ 528), ctp. 400: 1) Verhältnisse der Krankheiten, welche durch ihren Sitz und durch ihre Ausbreitung im ergriffenen Organismus bestimmt werden (§§ 529—534), ctp. 401—404; 2) Verhältnisse der Krankheit zum erkrankten Individuum (§ 535) ctp. 405; 3) Verhältnisse der Krankheit zur menschlichen Gesellschaft und ihren Gliedern (§§ 536—542), ctp. 405—411. Zweytes Hauptstück. Die zeitlichen Verhältnisse der Krankheit (§ 543), ctp. 412: 1) Von der Entstehung der Krank-

---

<sup>1)</sup> Въ оглавленіи (стр. XXII) опечатка: 338.

heit in der Zeit (§§ 544—546), стр. 412—413; 2) Von dem Verlaufe der Krankheit (§§ 547—556), стр. 414—420; 3) Von dem Typus der Krankheiten (§§ 557—571), стр. 421—430; 4) Von der Dauer der Krankheit (§§ 572—573) <sup>1)</sup>, стр. 430—432; 5) Von dem Ausgange der Krankheit (§§ 574—592), стр. 432—449. *Aetiologie.* Allgemeine ätiologische Begriffe (§§ 593—601), стр. 450—454, Erster Abschnitt. Von der Krankheitsanlage (§ 602), стр. 455, Von der allgemeinen Krankheitsanlage des Menschen (§ 603), стр. 455—456, Von der besondern Krankheitsanlage (§§ 604, 605), стр. 456—457, Erstes Hauptstück. Von der erblichen und angeborenen Krankheitsanlage (§ 606), стр. 457, Zweytes Hauptstück. Von der durch das Alter bedingten Krankheitsanlage (§§ 607—616), стр. 458—463, Drittes Hauptstück. Von der Krankheitsanlage, welche aus den Eigenthümlichkeiten des Geschlechtes hervorgeht (§§ 617—620), стр. 464—468, Viertes Hauptstück. Von der Krankheitsanlage, in so fern sie vom Temperamente abzuleiten est (§§ 621—628), стр. 468—473, Fünftes Hauptstück. Von der mit dem Körperbau in Verbindung stehenden Krankheitsanlage (§§ 629—634), стр. 474—477, Sechstes Hauptstück. Von der durch die Lebensweise und Gewohnheit bestimmten Krankheitsanlage (§§ 635—638), стр. 477—479. Zweyter Abschnitt. Von den krankheiterregenden Schädlichkeiten (§§ 639—650), стр. 480 <sup>2)</sup>—486, Erstes Hauptstück. Von den äussern Schädlichkeiten. A. Von den äussern dynamischen Schädlichkeiten (§ 651), стр. 486, 487, Von dem Einflusse der kosmischen Verhältnisse auf die Entstehung der Krankheiten (§§ 652—653), стр. 487, 488, Von den ätiologischen Verhältnissen der Sonne zum menschlichen Organismus (§ 654), стр. 489, Von dem Lichte (§§ 655—658), стр. 489—491, Von der Elektrizität (§§ 659—665), стр. 492—

---

<sup>1)</sup> Опечатка § 773.

<sup>2)</sup> Въ оглавленіи (стр. XXVII) опечатка: 479

495, Von der äussern Wärme (§§ 666—681), стр. 495—511, Von den krankmachenden Einflüssen der atmosphärischen Luft (§§ 682—697), стр. 511—524, Von den Jahreszeiten und der Witterung (§§ 698—711), стр. 525—533, Von dem Klima (§§ 712—718), стр. 533—539 <sup>1)</sup>, Von den dynamischen Verhältnissen des Menschen zur Erde, ihren Erzeugnissen und Bewohnern (§§ 719—720), стр. 539—540, Von den Nahrungsmitteln (§§ 721—722), стр. 540—541, Von den Speisen (§§ 723—752), стр. 541—562, Von dem Getränke (§§ 753—763), стр. 563—572, Von den Arzneyen als Schädlichkeiten (§§ 764—766), стр. 572—573, Die Gifte (§§ 767—776), стр. 573—581, Von den Ansteckungsstoffen (§§ 777—793), стр. 581—596. B. Von den äussern mechanischen Schädlichkeiten (§§ 794—800), стр. 596—600. Zweytes Hauptstück. Von den innern Schädlichkeiten. A. Von den innern dynamischen Schädlichkeiten (§ 801). стр. 600—601. Von den Anstrengungen der Geistesthätigkeit in ihren ätiologischen Beziehungen (§ 802), стр. 601—602, Von dem Erkenntnisvermögen und dessen Verrichtungen in Bezug auf ihre ätiologischen Verhältnisse (§ 803), стр. 602, Von den nachtheiligen Wirkungen der äussern Sinne (§§ 804—807), стр. 602—605, Von dem Einflusse der Einbildungskraft auf die Erzeugung von Krankheiten (§§ 808—811), стр. 605—607, Von dem Missbrauche der höhern Geistesvermögen (§§ 812, 813), стр. 607—609, Von der nachtheiligen Macht der Gemüthsstände auf die Gesundheit des Menschen (§§ 814—828), стр. 609—618, Von der willkürlichen Muskelbewegung als Schädlichkeit (§§ 829—835), стр. 619—623, Vom Schläfe und Wachen, in ihrer Beziehung zur Erzeugung der Krankheit (§§ 836—839), стр. 623—626, Vom Missbrauche des Geschlechtstriebes (§§ 840 <sup>2)</sup>—845), стр. 626—628, Von den Er-

---

<sup>1)</sup> Опечатка въ оглавленіи (стр. XXX): 559.

<sup>2)</sup> Опечатка въ оглавленіи (стр. XXXV): § 480.

zeugnissen der Desorganisation und der regelwidrigen Vegetation als Schädlichkeiten (§§ 846—864), стр. 628—643, B. Von den innern mechanischen Schädlichkeiten (§ 865), стр. 643—644.

Несомнѣнно, что учебникъ Гартмана совсѣмъ не удовлетворялъ Д. М. Велланскаго. Ранѣе, когда физиологія, соединявшаяся прежде съ анатоміею, въ 1819 г. вмѣстѣ съ патологіею составили особую кафедру, онъ преподавалъ патологію по *собственнымъ* запискамъ <sup>1)</sup>. Потомъ же ему, очевидно, навязали учебникъ Гартмана, который имъ былъ и переведенъ для руководства студентамъ, но не безъ нѣкоторыхъ, повидимому, измѣненій текста, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ переводчикъ въ предисловіи къ книгѣ.

Предисловіе Велланскаго къ „Общей Патологіи“ Филиппа Гартмана кратко. Такъ какъ эта книга есть де руководство въ Медико-Хирургической Академіи, то необходимость и польза учащихся требовали изданія на русскомъ языкѣ, на которомъ и вообще нѣтъ такихъ сочиненій. Нѣмецкое изданіе 1823 г. лучше и полнѣе латинскаго отъ 1814 г. По особливому порядку въ раздѣленіи и способу изложенія предметовъ сочиненіе Гартмана *многими* признано способнымъ къ руководству въ публичныхъ наставленіяхъ. Оно весьма согласно съ *обыкновеннымъ* ученіемъ медицины, гдѣ не признаютъ господствующею *никакой системы*, и не слѣдуютъ исключительно *никакой секты*; но по примѣру *Эклектиковъ* избираютъ то, что кому покажется лучшимъ, основательнѣйшимъ и повятнѣйшимъ.

Будучи собрана и составлена изъ премногихъ древнихъ и новыхъ писателей, эта книга можетъ быть весьма полезна для молодыхъ врачей въ практическомъ ихъ занятіи, показывая имъ случаи, собранныя за многія времена разными опытными практиками-наблюдателями.

---

<sup>1)</sup> «Философія въ Россіи», т. II, стр. 65.

Переводъ вѣрно сходствуетъ съ оригиналомъ, но *странныя* изрѣченія автора всѣ замѣнены другими выраженіями, сообразнѣйшими ясности и чистотѣ слога, которыя стоили немалого труда *переводившему* (?) *оня* <sup>1)</sup>.

Такое неблагосклонное отношеніе Велланскаго къ книгѣ Ф. Гартмана объясняется отчасти тѣмъ, что въ нѣмецкомъ предисловіи къ своей книгѣ авторъ—Гартманъ довольно рѣзко выразился о натурфилософіи, какъ о направленіи крайнемъ и для медицины столько же вредномъ, сколько и простой, слѣпой эмпиризмъ. Гартманъ въ своемъ руководствѣ хотѣлъ одинаково избѣжать обѣихъ крайностей. Понятно, что воззрѣнія Гартмана не могли прійтись по сердцу столь горячему натурфилософу, какимъ былъ нашъ Д. М. Велланскій.

Гартманъ желаетъ: *meine Zuhörer sowohl gegen die Verirrungen einer äppigen Phantasie, die sich unter dem stolzen Nahmen philosophischer Speculation so vieler junger Aerzte in der neusten Zeit bemeistert, sie zu emphysematischen Riesengestalten verbildet, und ihrem edlern Berufe, heilbringend in das wirkliche Leben einzugreifen, gänzlich entzogen hat, als auch gegen das geistlose Anstarren einzelner Erscheinungen am kranken Organismus, zu welchem die von dem Lichte der Vernunft gänzlich abgewendete Empirie verführt, zu bewahren* (предисловіе, стр. V). Это предисловіе автора Велланскій оставилъ совсѣмъ безъ перевода, равно какъ и богатѣйшія литературныя указанія, какими Гартманъ заканчиваетъ каждый § текста.

---

<sup>1)</sup> Если Велланскій отъ себя замѣнялъ изрѣченія Гартмана, то онъ уже не переводилъ ихъ?!



## IV.

### Критическая дѣятельность Д. В. Веневитинова.

Литературная дѣятельность Д. В. Веневитинова, рано угасшаго поэта и философа, была весьма разносторонняя. Его жизнь въ связи съ его поэзіею мы уже изложили въ своемъ этюдѣ, вошедшемъ въ I томъ этой серіи. О его философскихъ статьяхъ мы трактовали во II томѣ нашего сочиненія „Философія въ Россіи“. Третьею такъ же очень любопытною стороною литературной дѣятельности Веневитинова были его критическія статьи, которымъ мы теперь посвятимъ свое вниманіе <sup>1)</sup>).

Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію критическихъ статей Д. В.—ча, необходимо указать на одинъ факторъ, игравшій весьма важную роль при образованіи его литературно-критическихъ взглядовъ и убѣжденій. Мы разумѣемъ его участіе въ тогдашнихъ московскихъ литературно-философскихъ кружкахъ, и главнымъ образомъ, въ литературномъ обществѣ *С. Е. Раича* и въ философскомъ обществѣ „Во

---

<sup>1)</sup> Касательно цитатъ замѣтимъ, что сочиненія самого Веневитинова цитируются нами по изданію, признаваемому лучшимъ—посмертному 1829—1831 г. въ 2 ч. (I ч.—стихотворенія, ч. II—проза), при чемъ въ скобкахъ мы ставимъ пагинацію по изданію Пятковского. Біографію Д. В. Веневитинова цитируемъ по послѣдней ея обработкѣ въ книгѣ «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія» А. П. Пятковскаго, II изд. 1888 г., ч. II, стр. 304—354; въ скобкахъ же приводятся страницы по ея прежней редакціи—при изданіи сочиненій Д. В. Веневитинова.

имя любомудрія“, собиравшемся у князя В. Θ. Одоевскаго. Философское общество повліяло на юнаго поэта-мыслителя Д. В. гораздо болѣе, нежели кружокъ Раича. Поэтому мы приведемъ здѣсь тѣ извѣстія объ этомъ любопытномъ философскомъ кружкѣ кн. В. Θ. Одоевскаго, которыя собраны *Н. П. Колотановымъ* въ его цѣнномъ трудѣ „*Біографія А. И. Кошелева*“, т. I, кн. II, гл. II, стр. 72—75:

„Отдѣлившееся отъ Раичевскаго общества меньшинство составило другое общество—болѣе интимное и солидарное, гдѣ сошлись главнымъ образомъ „архивные юноши“: братья Кирѣевскіе, Веневитиновы, князь Одоевскій, Кошелевъ, Шевыревъ, Соболевскій, Мельгуновъ; сюда же Веневитиновы ввели Рожалина и Максимовича. Погудинъ посѣщалъ это общество, но онъ всегда холодно относился къ чисто-философскимъ занятіямъ. Центромъ этого кружка былъ Д. В. Веневитиновъ, а собирались его члены обыкновенно въ квартирѣ князя Одоевскаго. Здѣсь господствовали Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Окенъ, Гёррессъ и др. Члены читали свои философскія сочиненія, но чаще и по большей части вели бесѣды о прочтенныхъ сочиненіяхъ нѣмецкихъ философовъ. Веневитиновъ прочелъ прозаическіе отрывки: „Скульптура, живопись и музыка“, „Утро, полдень и вечеръ“, „Анаксагоръ“, — единственное, что осталось напечатаннымъ изъ чтеній на этихъ бесѣдахъ (Венев. сочин., изд. Пятковскаго, стр. 151—164)<sup>1)</sup>. „Въ то время,—по словамъ Кошелева,—кружокъ совершенно предался изученію умозрительной философіи и считалъ христіанское ученіе годнымъ только для народныхъ массъ. Особенно высоко цѣнило общество Спинозу, творенія котораго оно ставило выше Евангелія и другихъ священныхъ писаній. Предсѣдателемъ общества былъ князь Одоевскій, а главнымъ ора-

---

<sup>1)</sup> Всѣ эти статьи изложены у насъ: «Философія въ Россіи», т. II, стр. 4—9.

тсромя—Дм. Веневитиновъ, который своими рѣчамп приводилъ въ восторгъ и заставилъ Кирѣевскаго выразиться, что Веневитиновъ „рожденъ болѣе для философіи, чѣмъ для поэзіи“. Кружокъ, собиравшійся у кв. Одоевскаго, былъ крайне оживленный; Алекс. Ив. говоритъ въ своихъ „Запискахъ“, что „далеко за полночь продолжались ихъ вечернія бесѣды и приносили несравненно болѣе пользы, нежели уроки профессоръ. Это былъ кружокъ тогдашней либеральной молодежи въ Москвѣ, неизвѣстно почему казавшійся подозрительнымъ и опаснымъ“. Такимъ признаётъ его обвинительная записка противъ Полевого, поданная въ III-е отдѣленіе 23 августа 1827 года: „Всѣ замѣченные въ якобинизмѣ москвичи: Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій—сотрудники „Телеграфа“. Покровители онаго—князь Вяземскій и бывший профессоръ Давыдовъ, самый отважный якобинецъ <sup>1)</sup>. Повсѣмъ извѣстіямъ, духъ молодежи въ Москвѣ весьма дуренъ. Соболевскій, побочный сынъ Соймопова, замѣченный въ весьма либеральныхъ правилахъ и извѣстный по письму сомнительнаго содержанія къ Кирѣевскому, прибылъ въ Петербургъ. Кирѣевскаго также ожидаютъ. Титовъ здѣсь служитъ въ Иностранной Коллегіи. Молодой человекъкъ развратныхъ правилъ. Извѣстный Соболевскій (молодой человекъкъ изъ Московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надо беречь, какъ дитя. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманъ—кн. Вяземскій и Полевой; пріятели—Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ и др. москвичи“ (Сухомлиновъ, „Истор. Вѣстн.“, III, стр. 522 и 523). Этимъ отчасти объясняется то особенное преслѣдованіе, которому подвергались славянофилы въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ, хотя знамя ихъ было вполне русское и благонадежное. Этимъ же доносомъ объясняется, по всей вѣ-

---

<sup>1)</sup> Ср. про этого «самого отважнаго якобинца» приведенное выше, стр. 26—43.

роятности, и нерасположеніе къ Александру Ивановичу покойнаго государя Николая Павловича, не разрѣшавшаго заслуженныя Кошелевымъ по службѣ награды. Александръ Ивановичъ принималъ самое живое участіе въ дѣятельности этого кружка. А. С. Норовъ, въ письмѣ отъ 14 іюня 1825 г., говоритъ: „Скажи мнѣ, началась ли у тебя переписка съ Веневитиновыми? Какъ люблю я вспоминать наши зимніе вечера по субботамъ! Скажу чистосердечно, этими бесѣдами я много приобрѣлъ,—болѣе, нежели книгами или собственнымъ размышленіемъ. Всего интереснѣе для меня были твои жаркія диссертациі съ Веневитиновымъ. Физіономіи одушевлены были энтузіазмомъ. Ты спорилъ чистосердечно, съ жаромъ дѣлалъ возраженія, но съ радостію и соглашался“.

Кружокъ молодежи остановился на Шеллингѣ, котораго философія получила тогда наибольшее распространеніе въ обществѣ. Питомцы университетскаго пансіона принесли шеллигинизмъ изъ своего учрежденія, гдѣ, какъ мы видѣли, посѣялъ его И. И. Давыдовъ; Кирѣевскій вынесъ его изъ дому и посвятилъ въ него Кошелева; Веневитиновыхъ познакомилъ съ нимъ Павловъ. Занятія Шеллинговою философіей для членовъ кружка, какъ для большинства русскихъ людей, мало увлекающихся отвлеченностью, были простою, но безъ сомнѣнія полезною гимнастикой ума. Только для Кирѣевскаго и Одоевскаго эти занятія имѣли существенное значеніе: для перваго это было необходимою стадіей серьезнаго философскаго изученія, которое продолжалъ онъ и впослѣдствіи; а для послѣдняго шеллигинизмъ составилъ заманчивый фонъ его литературныхъ произведеній.

Общество просуществовало до 14 декабря 1825 года, когда члены сочли необходимымъ его прекратить потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣнія полиціи, а также и потому, что политическія событія сосредоточили на себѣ вниманіе ихъ и всего общества. „Живо помню“,—разсказываетъ Александръ Ивановичъ,—„какъ послѣ этого несчастнаго числа

(14 декабря) князь Одоевскій созвалъ членовъ и съ особенною торжественностью предалъ огню въ своемъ каминѣ и уставѣ, и протоколы нашего общества Любомудрія“.

Веневитиновъ не ускользнулъ отъ обаянія, производимаго философіею; этому благопріятствовали и природная вдумчивость, и ревностныя занятія древними писателями; философское сѣмя падало уже на готовую почву. Горячій поклонникъ Платона не могъ не заинтересоваться и новою философіею, особенно еще въ блестящемъ изложеніи даровитаго оратора— М. Г. Павлова. Притомъ-же мистицизмъ Шеллинга родствененъ мистицизму Платона, и даже въ значительной степени заимствованъ у него, такъ что чтеніе Платона въ ранней юности, могущественно дѣйствуя на развитіе юноши, давало твердую и основательную подготовку для дальнѣйшихъ студій. Касательно Шеллинга отмѣтимъ, что Льюисъ, извѣстный англійскій философъ и критикъ, бывшій (стр. 612) лично знакомъ съ Шеллингомъ, и слушавшій его лекціи, приступая въ своей „Biographical history of philosophy“ (у меня былъ подъ руками нѣмецкій переводъ: G. H. Lewes, *Gesch. der Philos.*, цитирую Band. II, *Gesch. d. neueren Philos. Deutsch nach der IV. Ausgabe von 1871. Berlin, 1876*; Шеллингъ занимаетъ X эпоху: глава 2-я) въ изложеніи философіи Шеллинга, откровенно признается: „Der Leser muss sich nicht beklagen, wenn er das Folgende *nicht versteht*. Verständlichkeit characterisirt die deutsche Speculation nicht; und wir geben hier nur S.'s Worte, *ohne es zu unternehmen, ihre Dunkelheit aufzuklären* (стр. 618 примѣч.).

Шеллингъ сильно повліялъ на Д. Вл.-ча. Слѣды этого вліянія можно видѣть на его собственныхъ философскихъ произведеніяхъ; цвѣтистость языка, поэтичность изложенія, очевидно, навѣяны тѣмъ же Шеллингомъ. Одно, чѣмъ, однако, Д. В. рѣзко отличается отъ шеллинговцевъ, это— сильное стремленіе къ ясности и понятности изложенія (здѣсь ска-

зывается вліяніе Павлова). „Я самъ“, говоритъ онъ въ письмѣ къ княгинѣ Трубецкой <sup>1)</sup>, „начиная письма мои, прошу Васъ не забывать одного условія, и вотъ оно: если я на одну минуту переставу быть *яснымъ*, то изорвите мои письма, запретите мнѣ писать объ этомъ предметѣ“. Отчасти, конечно, эти слова объясняются тѣмъ, что письма были адресованы къ дамѣ, свѣтской женщинѣ, не привыкшей къ дикой терминологіи и варварскому изложенію нѣмецкихъ философовъ.

О дальнѣйшей участи членовъ кружка и нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ ихъ взглядахъ и симпатіяхъ (такъ, напр., политика скоро начала вытѣснять философію въ интересахъ юныхъ метафизиковъ) см. наше сочиненіе „Философія въ Россіи“, т. V, этюды III, стр. 150—156. Объ учителѣ же Д. В. Веневитинова по философіи—университетскомъ профессорѣ М. Г. Павловѣ см. въ томъ же сочиненіи, т. II, стр. 106—219, 239—243 и т. IV, стр. 18—92, 228—242.

Кромѣ М. Г. Павлова, въ числѣ университетскихъ профессоровъ, которыхъ лекціи слушалъ Д. В. Веневитиновъ, вельзя не указать еще и на *А. Θ. Мерзлякова*, съ которымъ Д. В. имѣлъ близкія сношенія. Но помимо личныхъ отношеній, (своими сочиненіями Мерзляковъ пробудилъ въ Веневитиновѣ критику господствовавшихъ эстетическихъ воззрѣній; М—овъ много способствовалъ уясненію его собственныхъ взглядовъ на дѣло, и такимъ образомъ сыгралъ не послѣднюю роль въ его развитіи. *А. Θ. Мерзляковъ* (1778—1830), сынъ далматовскаго мѣщанина. уроженецъ далекой окраины (Пермской губ.), самородокъ, по чистой случайности получившій образованіе, и ставшій профессоромъ поэзіи и краснорѣчія, и потомъ деканомъ словеснаго отдѣленія, былъ самъ человекъ недюжинный. Онъ былъ поэтъ и ученый. Какъ поэтъ, онъ прославился своими пѣснями, сочиненными въ подражаніе русскимъ на-

---

<sup>1)</sup> Ч. II, стр. 6—7 (173).

роднымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень (особенно, „Среди долины ровныя“) получили довольно широкое распространеніе и попали даже въ среду народа. Какъ ученый, онъ сталъ извѣстенъ своими публичными курсами словесности, читанными въ 1812 и 1816 годахъ; предназначая эти курсы для людей, не могшихъ въ силу служебныхъ обязанностей или по чему-либо другому—заняться спеціальнымъ изученіемъ словесности, онъ разсмотрѣлъ въ I курсѣ общую теорію поэзій и краснорѣчія, и частныя теоріи различныхъ родовъ сочиненій, а во II курсѣ примѣнилъ эти правила на практикѣ и представилъ подробные эстетическіе разборы всѣхъ извѣстнѣйшихъ русскихъ стихотворцевъ, начиная съ Ломоносова. Читенія пользовались громаднымъ успѣхомъ и до извѣстной степени сблизили университетъ съ обществомъ. Лекціи были посѣщаемы не только любознательною молодежью, но и дамами, сановитыми и чиновными людьми, также извѣстными литераторами и учеными. Кромѣ того, въ силу условій времени эти разборы произведеній отечественной литературы, читанные въ 1816 году, когда послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи появилась довольно сильная реакція противъ всего французскаго, бывшаго до тѣхъ поръ идеаломъ, и сталъ замѣтенъ подъемъ патріотическаго духа, удовлетворяли до нѣкоторой степени потребности общества, незнакомаго со своею словесностью, воспитаннаго на французскихъ образцахъ XVIII вѣка. Мерзляковъ еще заслуживалъ вниманія, какъ критикъ, и переводчикъ многихъ классическихъ произведеній древнихъ и новыхъ литературъ на русскій языкъ. Такъ, онъ перевелъ стихами съ итальянскаго Тассовъ „Освобожденный Иерусалимъ“, съ греческаго оды Пиндара, идилліи Теокрита, съ латинскаго переводилъ изъ Вергилія, Горація. Онъ же переводилъ изъ греческихъ трагиковъ Софокла, Эврипида, и приложилъ къ переводу разсужденіе „о началѣ и духѣ древней трагедіи“, на которое Веневитиновъ написалъ впоследствии критическій раз-

боръ. Мерзляковъ же издавалъ въ 1815 году журналъ „Амфіонъ“, гдѣ принимали участіе лучшія литературныя силы того времени, какъ-то Жуковскій, Батюшковъ, Вяземскій, Денисъ Давыдовъ и др., съ большинствомъ коихъ Мерзляковъ былъ связанъ тѣсно дружбой. Въ критическихъ разборахъ Мерзляковъ придерживался ложно-классической теоріи, но былъ способенъ наслаждаться и новѣйшими произведеніями въ романтическомъ духѣ, хотя иногда не могъ отдать себѣ логическій отчетъ въ красотахъ послѣднихъ. Такъ, по словамъ Шевырева, <sup>1)</sup> онъ плакалъ при чтеніи „Кавказскаго Плъника“ Пушкина, инстинктивно, сердцемъ, а не разсудкомъ, въ теорію проникая, чуя новое направленіе, и находя его прекраснымъ.

Веневитиновъ усердно посѣщалъ его лекціи, а особенно, частныя педагогическія собесѣдованія М-ва, гдѣ, вѣроятно, было чему поучиться. Впрочемъ, Д. В. былъ воспитанъ на настоящей, а не на ложной классической литературѣ, но въ то же время изучилъ лучшіе образцы новой романтической (въ общемъ смыслѣ термина) школы, былъ поклонникомъ Гёте и Байрона и даже Захарія Вернера. Онъ называетъ себя ученикомъ Байрона:

....И смѣлый ученикъ Байрона—

Я устремлюсь на крыліяхъ мечты....

[Ч. I, стр. 17 (84), посланіе „Къ Скварятину“]. Ср. отзывъ о Байронѣ въ „Разборѣ“ статьи Полеваго объ „Евг. Онѣгинѣ“: „Но для чего же всегда сравнивать его (Пушкина) съ Байрономъ, съ поэтомъ, который, духомъ принадлежа не одной Англій, а вашему времени, въ пламенной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и еслибъ могъ изгладиться въ исторіи частнаго рода поэзіи, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго“? [ч. II, стр. 48 (200)]. Смерть Байрона воспѣта Веневитиновымъ въ особомъ произведеніи <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Пятковскій, стр. 309 (7).

<sup>2)</sup> „Литература и просвѣщеніе въ Россіи“, т. I, стр. 24—28.



Онъ, естественно, не могъ подчиниться взглядамъ Мерзлякова и сталъ на собесѣдованіяхъ возражать профессору. По отзывамъ очевидцевъ <sup>1)</sup>, Дм. Вл. въ этихъ возраженіяхъ (между прочимъ, онъ препирался съ Мерзляковымъ и о Жуковскомъ, модномъ поэтѣ того времени) выказывалъ съ одной стороны полную самостоятельность и оригинальность взглядовъ, съ другой невольно обращалъ на себя общее вниманіе стройностью и логичностью своей рѣчи. Впрочемъ, несмотря на постоянныя словопренія, Веневитиновъ, вѣроятно, сошелся съ Мерзляковымъ на дружеской ногѣ, ибо онъ, видимо, относится въ своемъ разборѣ къ Мерзлякову съ уваженіемъ, начиная и кончая его, при всей строгости критики, изреченіемъ *Amicus Plato, sed magis amica veritas*; да и общій тонъ разбора далеко не тотъ, что, напр., въ полемикѣ съ Полевымъ: Веневитиновъ какъ будто боится обидѣть заслуженнаго и почтеннаго старика.

Обратимся теперь къ статьѣ Веневитинова „Разборъ <sup>2)</sup> разсужденія г. *Мерзлякова* о началѣ и духѣ древней трагедіи и проч., напечатаннаго при изданіи (въ 1825 г.) его подражаній и переводовъ изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ“. Юный ученикъ выступаетъ здѣсь противъ своего стараго учителя. Впрочемъ, Веневитиновъ, несмотря на полную самостоятельность мнѣнія, и даже порою рѣзкое его выраженіе, относится къ Мерзлякову очень почтительно, почти любовно. Онъ и начинаетъ тѣмъ, что „прискорбно возставать на мнѣнія вѣрнаго жреца отечественной словесности;—но чѣмъ отличнѣе заслуги М—ва, тѣмъ опаснѣе его ошибки по обширности ихъ вліянія“—и любовь ко истинѣ побуждаетъ его высказаться. Главную ошибку въ теоріи Мерзлякова авторъ видитъ въ „недостаткѣ теоріи“. Тотъ, кто чувствуетъ, не

---

<sup>1)</sup> Пятковскій. стр. 311 (9).

<sup>2)</sup> Ч. II, стр. 58—72 (181—191).

всегда можетъ отдать себѣ и другимъ *вѣрный отчетъ* въ своихъ чувствахъ. Въ разсужденіи нѣтъ систематическаго порядка. На первомъ же шагѣ онъ обличаетъ Мерзлякова въ незнаніи новыхъ теорій о происхожденіи трагедіи и комедіи, и предлагаетъ ему показать „развитіе обѣихъ изъ соединенія лирической поэзіи и эпопеи“; изъ этого слѣдовало бы, что онѣ неотъемлемо принадлежатъ человѣку, какъ необходимыя формы, въ которыя выливаются его чувства. Затѣмъ по поводу одной выходки Мерзлякова противъ романтизма онъ осмѣливается вступить за „честь нашего вѣка“. Новѣйшія произведенія не могутъ сравняться съ древними въ разсужденіи полноты и подробнаго совершенства; въ нихъ еще не опредѣлены отношенія частей къ цѣлому. Поэзія древнихъ превосходитъ новѣйшую въ совершенствѣ соразмѣрностей; но уступаетъ ей въ силѣ стремленія и въ обширности объема. Новая,—какъбы потокъ, рвется къ безконечному; древняя,—какъ ясное озеро, отражаетъ небо, эмблему безконечнаго. Науки и искусства еще не близки къ своему паденію, когда умы находятся въ сильномъ броженіи, стремятся къ цѣли опредѣленной и дѣйствуютъ по врожденному побужденію къ дѣйствию. Гдѣ видны усилія, тамъ жизнь и надежда.—Слѣдуетъ опроверженіе мысли Мерзлякова, что трагедіею мы обязаны мудрымъ правителямъ первобытныхъ обществъ. Тотъ, кто питаетъ въ сердцѣ страсть къ искусствамъ, страсть къ просвѣщенію, эту мысль отброситъ. Въ первобытномъ состояніи Греціи политика умѣла извлекать пользу изъ произведеній великихъ поэтовъ (напр., Гомера). Можно ли изъ сего заключить, что поэзія была орудіемъ правителей? Нѣтъ, она была принаровнена къ современнымъ правамъ и узаконеніямъ потому, что сама философія была въ то время болѣе правоучительною, чѣмъ умозрительною. Былъ ли Гомеръ философомъ? Вся философія Гомера заключается, кажется, въ ясной простотѣ разсказовъ и въ совершенной искренности чувствъ. Въ немъ

нѣтъ усилій ума, нѣтъ опредѣленнаго стремленія; но вездѣ видно вѣрное созерцаніе окружающаго міра, вездѣ слабая, но пророческія предчувствія высокихъ истинъ; онъ былъ зеркаломъ минувшаго, являлся въ атмосферѣ высокихъ, ясныхъ понятій, дышалъ свободнымъ чувствомъ красоты, въ пѣсняхъ своихъ открывалъ великолѣпный міръ со всѣми его отношеніями къ мысли человѣка. Въ заключеніе Веневитиновъ увѣряетъ, что, появивъ разсужденіе за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, то безспорно бы имѣло успѣшное вліяніе; но теперь уже можно требовать отъ литератора болѣе самостоятельности; одобряя въ общемъ повѣстическіе переводы М—ва, онъ указываетъ на пристрастіе къ архаизмамъ; чего нельзя сказать о прозѣ, которая всегда останется увлекательною.

Кромѣ полемики со своимъ учителемъ А. Θ. Мерзляковымъ, Д. В. Веневитиновъ имѣлъ случай высказать свои эстетическія воззрѣнія въ полемикѣ изъ-за Пушкина—съ Н. А. Полевымъ. Теперь остается намъ лишь изложить статьи о Пушкинѣ. Для этого предварительно надо коснуться исторіи сближенія Веневитинова съ Пушкинымъ.

Въ 1825 году по поводу напечатанной тогда I главы „Онѣгина“ Полевой помѣстилъ въ своемъ „Телеграфѣ“ (№ 5) <sup>1)</sup> рецензію, на которую отвѣчалъ Веневитиновъ своею замѣткою въ „Сынѣ Отечества“ № 8, что послужило началомъ дальнѣйшей полемики. Пушкину очень понравилась статья Веневитинова: „это единственная статья“, говоритъ онъ, „которую я прочелъ съ любовью и вниманіемъ. Все остальное или брань, или переслащенная дичь“. Приѣхавши въ 1826 г. въ Москву, Пушкинъ <sup>2)</sup> изъявилъ свое желаніе познакомиться съ крити-

---

<sup>1)</sup> Пятковскій, стр. 315 (49—50).

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 321 (20—21).

комъ; общій ихъ другъ Соболевскій, у котораго оставился Пушкинъ, исполнялъ его желаніе.

Былъ у Соболевскаго устроенъ литературный вечеръ, гдѣ читали „Бориса Годунова“<sup>1)</sup>: оба поэта здѣсь встрѣтились, и кажется, произвели другъ на друга хорошее и сильное впечатлѣніе. На другой же день Пушкинъ читалъ своего „Бориса“ у Веневитиновыхъ. Что Пушкинъ любилъ Веневитинова, видно изъ того, что по смерти послѣдняго Пушкинъ горько упрекала общихъ друзей: „Comment donc vous l'avez laissé mourir?“ Вліянію Веневитинова приписываетъ Анненковъ (хотя, быть можетъ, ошибочно) и созданіе Пушкинымъ довольно неудачной сцены между Фаустомъ и Мефистофелемъ. Веневитиновъ же, со своей стороны, незадолго до смерти написалъ цѣлое посланіе къ Пушкину<sup>2)</sup>.

Извѣстно мнѣ: доступенъ *Геній*  
Для гласа искреннихъ сердець.  
Къ тебѣ, возвышенный пѣвецъ,  
Взываю съ жаромъ пѣснопѣній.  
Разеѣй на мигъ восторгъ святой,  
Раздумье творческаго духа,  
И снисходительнаго слуха  
*Младую* Музу удостой!  
Когда пророкъ свободы смѣлый (*Байронъ*),  
Тоской измученный поэтъ,  
Покинулъ міръ осиротѣлый,....  
....Хвалебнымъ громомъ прозвучали

---

<sup>1)</sup> «Матеріалы» Анненкова, стр. 184, 1837 г.; у Пятковского, стр. 321 (21). На первомъ чтеніи были: Чаадаевъ, Кирѣевскій, М. Ю. Вѣдъгорскій. На второмъ—Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Баратынскій, Раичъ, Погодинъ, Шевыревъ и др.

<sup>2)</sup> Ч. I, стр. 64—66 (101—102).

Твои стихи ему во слѣдъ...  
Ты тише, слаще воспѣвалъ  
У Музъ похищеннаго Галла (*Андре Шенье*);  
*Волнуясь пѣснью твоей,*  
Въ груди восторженной моей <sup>1)</sup>  
Душа рвалась и трепетала.  
Но ты еще не доплатилъ  
Каменамъ долга вдохновенья:  
Къ хваламъ оплаканныхъ могилъ  
Прибавь веселья хваленья;  
Ихъ ждетъ еще одинъ пѣвецъ: (*Гётте*)  
Онъ нашъ—жилецъ того же свѣта....  
*Наставникъ нашъ*, наставникъ твой,  
Онъ кроется въ странѣ мечтаній—  
Въ своей Германіи родной.  
Досель хладѣющія длани  
По струнамъ бѣгаютъ порой....  
Досель въ немъ сердце не остыло,  
И вѣрь, онъ съ радостью живой  
Въ пріютѣ старости унылой  
Еще услышитъ голосъ твой,  
И можетъ быть, тобой плѣненный,  
Послѣднимъ жаромъ вдохновенный,...  
Въ восторгѣ дивнаго мечтанья  
Тебя, о Пушкинъ, назоветъ!...

Горячимъ почитателемъ Пушкина Веневитиновъ заявилъ себя и во французской статьѣ, написанной имъ уже въ Пе

---

<sup>1)</sup> Здѣсь Веневитиновъ какъ будто говоритъ о литературномъ на немъ воздѣйствіи Пушкина? Ср. въ полемикѣ съ Полевымъ: «Я не разъ читалъ съ чиненія Пушкина, и всегда наслаждался ихъ красотами».

тербургъ для Journal de St-Petersbourg<sup>1)</sup> (Analyse d'une scène détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin)<sup>2)</sup>, по приглашенію графа Лавалля, его начальника по службѣ<sup>3)</sup>. Прослѣдимъ ходъ мыслей въ этой статьѣ. Веневитиновъ начинаетъ съ того, что до сихъ поръ Пушкинъ жертвовалъ своею оригинальностью—удивленію предъ англійскимъ бардомъ Байрономъ; но при развитіи поэта необходимо, чтобы воздѣйствіе уже зрѣлой силы обнаружило предъ нимъ самимъ, какимъ возбужденіямъ онъ доступенъ. Первый толчекъ не всегда рѣшаетъ направленіе духа, но сообщаетъ ему полетъ, и въ этомъ отношеніи Байронъ былъ де для Пушкина тѣмъ же, чѣмъ были для самого Байрона бурныя приключенія его жизни. Нынѣ поэтическое воспитаніе г. Пушкина, повидимому, окончено. Независимость его таланта—вѣрная порука его зрѣлости. Поэтъ внесъ въ свое твореніе величавую строгость исторіи. Напечатанная сцена (изъ „Бориса Годунова“—въ Чудовомъ монастырѣ) со своей поразительною простотою и энергіею можетъ быть смѣло поставлена на ряду со всѣмъ, что есть лучшаго у Шекспира и Гёте. Личность поэта не выступаетъ ни на одну минуту: все дѣлается такъ, какъ требуютъ духъ вѣка и характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ этомъ дивномъ драматическомъ отрывкѣ античная простота является рядомъ съ гармоніею и вѣрностью выраженія—отличительными качествами стиховъ Пушкина. Мы видимъ, съ какимъ глубокимъ пониманіемъ литературныхъ достоинствъ произведеній Пушкина, съ какимъ признаніемъ ихъ говоритъ нашъ критикъ. Но онъ же, когда Полевой вздумалъ въ 1825 г. расхвалить Пушкина за первую пѣснь „Евгенія Онегина“ и

---

<sup>1)</sup> Статья напечатана не была въ Journal'ѣ: Пятковскій, стр. 324 (25).

<sup>2)</sup> Ч. II, стр. 73—78 (191—198).

<sup>3)</sup> Тамъ же у Пятковского.

исполнилъ это гиперболически и крайне неумѣло, — выступилъ съ рѣзко ограничивающимъ мнѣніемъ <sup>1)</sup> противъ „переслащенной дичи“ Полевого. Поводъ къ написанію своего отвѣта Веневитиновъ выставляетъ тотъ же, что и въ рецензійи книги Мерзлякова: обязанность всякаго благонамѣреннаго человѣка — замѣтить погрѣшности издателя и противиться потоку заблужденій, ибо „Московскій Телеграфъ“ имѣетъ много читателей, и несправедливое мнѣніе, въ немъ провозглашаемое, должно необходимо имѣть вліяніе на сужденіе многихъ. При этомъ онъ дѣлаетъ предположеніе, нѣсколько обидное для Полевого, что „перомъ его, можетъ быть, управляло, отчасти, и желаніе обогатить свой журналъ произведеніями Пушкина“. „Первая ошибка Полевого состоитъ въ томъ, что онъ полагаетъ возвысить достоинство Пушкина, унижая до чрезмѣрности критиковъ нашей словесности“. Въ статьѣ своей Полевой не предположилъ себѣ одной цѣли и рассуждалъ, не опираясь на одну основную мысль. Веневитиновъ хочетъ ограничиться одними „тѣми ошибками, которыя могутъ распространять ложное понятіе о Пушкинѣ и вообще о поэзіи“. Затѣмъ онъ переходитъ къ поставленной Полевымъ параллели между Байрономъ и Пушкинымъ. Кто отказываетъ Пушкину въ истинномъ талантѣ? Но для чего всегда сравнивать его съ Байрономъ, — съ поэтомъ, въ пламенной душѣ коего сосредоточивалось стремленіе цѣлаго вѣка. Всѣ произведенія его носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли — мысли о человѣкѣ въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предрасудками, врѣзавшимися въ его сердце, въ противорѣчій со своими чувствами. Характеръ его произведеній истинно новый, но въ твореніяхъ Пушкина „я не вижу пріобрѣтеній, подобныхъ Байроновымъ, „дѣлающихъ честь вѣку“. Онъ не только не подвинулъ вѣкъ, но просто

---

<sup>1)</sup> Ч. II, стр. 45—57 (198—206).

не отсталъ отъ него. Байронъ оставляетъ въ сердцѣ Пушкина глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ. Затѣмъ В. задѣваетъ причину романтической поэзіи, указавшую Полевымъ въ „неопредѣленномъ состояніи сердца“, и его склонность смѣяться надъ ложноклассическою теоріею. „Въ наше время не судятъ о стихотворцѣ по пѣтигѣ“. Но не забываемъ ли мы, что въ критикѣ основаніе должно имѣться положительное, что всякая наука положительная заимствуетъ свою силу изъ философіи, что и поэзія не разлучна съ философіей <sup>1)</sup>? Веневитиновъ опровергаетъ сравненіе „Евгенія Онѣгина“ съ музыкальнымъ саргиссіо и мифіеи Полевого, что до „Евгенія Онѣгина“ не было сносныхъ шуточныхъ русскихъ поэмъ; В. отрицаетъ пародность въ „Онѣгинѣ“ и приписываетъ національность „Руслану и Людмилѣ“. Онъ напоминаетъ, кромѣ того, что съ опредѣленностью ничего нельзя заключить о романѣ по первой главѣ его. Въ заключеніе Веневитиновъ повторяетъ, что „поэзія не есть неопредѣленная горячка ума“, „но имѣетъ въ себѣ самой постоянныя свои правила“. Въ статьѣ Полевого онъ „желалъ бы найти критику, болѣе основанную на правилахъ положительныхъ, безъ коихъ всѣ сужденія шалки и сбивчивы“. На этотъ спокойный, но уничижающій разборъ Полевой отозвался очень задорной антикритикою, вызвавшей новый „Отвѣтъ г. Полевому“ <sup>2)</sup>. Этотъ отвѣтъ написанъ совсѣмъ въ иномъ тонѣ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько такихъ-же мелочныхъ придирокъ въ словамъ, какъ и статья самого Полевого. Онъ упрекаетъ противника, что тотъ отвѣчаетъ ему слишкомъ поздно, и что „его антикритика не отвѣтъ литератора, а голосъ досады“. Послѣ нѣсколькихъ мелочныхъ возраженій онъ приходитъ къ тому обвиненію,

---

<sup>1)</sup> Дословно—мифіеи Шеллинга.

<sup>2)</sup> Изд. Пятковскаго, стр. 212—225. Въ первое изданіе 1831 г. этотъ «Отвѣтъ» не вошелъ.



которое заставило его „взять перо и отвѣчать“, именно: будто „онъ (т. е В) имѣетъ скрытное предубѣжденіе противъ Пушкина и „почитаетъ его не великимъ поэтомъ, а просто подражателемъ Байрона“ (220). Пушкинъ, по его мнѣнію, „пишетъ не съ памяти, но выражаетъ сильныя чувства, сильныя впечатлѣнія, поселенныя въ немъ самимъ вѣкомъ, наклоннымъ къ глубокой мечтательности, и Байрономъ, представителемъ своего вѣка“. Опъ „не думалъ писать противъ Онѣгина, возставалъ противъ разбора Онѣгина, не отказывалъ г. Пушкину въ похвалахъ, но вооружался противъ тѣхъ, которыя наполняли „Телеграфъ“. Опъ „почитаетъ бесполезнымъ писать противъ всякаго поэта“. „Я раздѣляю поэтовъ вообще на два класса: на хорошихъ и дурныхъ; хорошихъ читаю, перечитываю, и стараюсь опредѣлить себѣ ихъ характеръ; дурныхъ кладу въ сторону. Похвала изъ устъ неизвѣстнаго не польститъ поэту, но... я не разъ читалъ сочиненія Пушкина и всегда наслаждался ихъ красотами“. Отмѣтимъ въ этомъ отвѣтѣ и мнѣніе критика о народности. „Народность отражается не въ картинкахъ, принадлежащихъ какой либо особенной странѣ, но въ самихъ чувствахъ поэта, напитаннаго духомъ одного народа и живущаго такъ сказать, въ развитіи, успѣхахъ и отдѣльности его характера. Не должно смѣшивать понятія о народности съ выраженіемъ народныхъ обычаевъ“ (224). Здѣсь Веневитяновъ предвосхищаетъ ставшее въ наше время общимъ мѣстомъ опредѣленіе національности. И о второй пѣснн „Евгенія Онѣгина“ нашъ поэтъ помѣстилъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ за 1828-ой годъ коротенькую замѣтку <sup>1)</sup>. Вторая пѣснь по изобрѣтенію и изображенію характеровъ несравненно превосходитъ первой. Въ ней уже совсѣмъ исчезли слѣды впечатлѣній, оставленныхъ—Байрономъ. Характеръ Онѣгина при-

---

<sup>1)</sup> Ч. II, стр. 57 (223—226).

надлежитъ нашему поэту и развить оригинально“. Будучи въ Петербургѣ, и услышавши, что Улыбышевъ намѣревается бранить Пушкина, Веневитиновъ опять собирался полемизировать за Пушкина. „Я очиню перышко, говорилъ онъ, и мы перевѣдаемся“ (стр. 25 изд. Пятковского).

„На произведеніяхъ Пушкина наша критика развилась, окрепла и выросла“, говоритъ *С. С. Трубачевъ*: „Пушкинъ въ русской критикѣ“ (1810—1880), стр. 2. Статьи Веневитинова о Пушкинѣ играютъ въ этой литературѣ важную роль. Странно, что Трубачевъ проглядѣлъ всѣ статьи Веневитинова о Пушкинѣ, кромѣ маленькой замѣтки о II пѣсни „Евгенія Овѣгина“ (см. тамъ же, стр. 187—188).

Д. В. Веневитиновъ не успѣлъ развернуть всѣхъ своихъ силъ и въ полномъ ихъ размѣрѣ; но онъ далъ прекрасныя образчики своего таланта во всѣхъ трехъ областяхъ своей дѣятельности: и въ поэзіи, и въ философіи, и въ критикѣ.

Что касается общаго значенія дѣятельности Д. В. Веневитинова, то, хотя онъ и несомнѣнно обладалъ большими способностями къ мышленію философскому и вообще абстрактному, однако, философское наслѣдіе его не настолько велико, чтобы обезпечить ему видное мѣсто въ исторіи философіи не только общеевропейской, но даже и въ болѣе скромной области—исторіи философіи въ Россіи. Его философскіе трактаты имѣли значеніе болѣе для его сочленовъ по „Обществу Любомудрія“. Да и самый этотъ кружокъ необходимо разсматривать, прежде всего, какъ результатъ философской пропаганды того высокозамѣчательнаго человѣка, о заслугахъ котораго мы такъ скоро и съ такимъ легкимъ сердцемъ забыли: мы говоримъ о Михаилѣ Григорьевичѣ *Павловѣ*...

Въ нашей литературѣ Д. В. Веневитиновъ извѣстенъ болѣе всего, какъ поэтъ. Но онъ не обладалъ и такимъ громаднымъ поэтическимъ дарованіемъ, чтобы отвоевать себѣ мѣсто во всемірной литературѣ; даже въ отечественной онъ

можетъ занять лишь второразрядное мѣсто. Притомъ, эпоха, въ которую онъ выступилъ, была не особенно благопріятна: для него было не по силамъ состязаніе съ Пушкинымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ. Его поэтическая область была гораздо уже (онъ только лирикъ), онъ не обладалъ такимъ, какъ они, блестящимъ стихомъ. Но за нимъ нужно оставить одно: полную оригинальность и полную самостоятельность. Онъ какъ бы иностранецъ и стоитъ внѣ связи съ предшествующимъ развитіемъ русской литературы. Это объясняется его широкимъ, философскимъ и историко-литературнымъ образованіемъ, позволившимъ ему сбросить съ себя узкіе путы традиціи. Притомъ же онъ рѣзко отличается отъ другихъ нашихъ поэтовъ и тѣмъ, что тогда, какъ всѣ наши поэты (развѣ, за исключеніемъ Жуковского), преимущественно, находились подъ вліяніемъ французской (и отчасти) англійской литературы, Веневитиновъ—явился проповѣдникомъ германской словесности. (ср. мнѣніе Кирѣевскаго: „напитанный великими идеями германскихъ писателей“).

Въ пользу же самобытности нашего поэта говоритъ и то обстоятельство, что, когда Пушкинъ увлекъ за собою всѣхъ своихъ современниковъ, поэтовъ съ менѣе крупными дарованіями—даже юноша Лермонтовъ (замѣтимъ, что развѣ одинъ лишь Лермонтовъ могъ бы поспорить съ Веневитиновымъ по широтѣ литературнаго образованія)—повторяетъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ цѣлые стихи изъ Пушкина,—нашъ поэтъ остался вѣренъ себѣ, своему намѣченному пути, и не сдѣлался однимъ изъ членовъ „Пушкинской плеяды“. Но въ этомъ изолированномъ положеніи заключалась и невыгода для популярности поэта: не будучи достаточно сильнымъ, чтобы создать свою школу, свое литературное теченіе, и не принадлежа къ школѣ модной, онъ, естественно, остался въ сторонѣ, въ тѣни—и такъ—до нашихъ дней, не смотря на изящество

и выразительность своего стпха, на глубокую искренность своихъ чувствъ, на продуманность сюжетовъ.

Поэзія Веневитинова не оказала большого вліянія ни на современниковъ, ни на потомковъ, хотя онъ лично и надѣялся, какъ мы видимъ изъ стихотвореній, что его стихи не пройдутъ незамѣченными. Его поэзія должна была имѣть и общественно-историческое значеніе: для общества бесполезенъ поэтъ, „который наслаждается въ собственномъ своемъ мірѣ, котораго мысль вѣдъ себя ничего не ищетъ, и слѣдственно, *уклоняется отъ цѣли всеобщаго усовершенствованія*“, ищетъ онъ (стр. 153—изд. Пятк.).

Въ поэзіи Д. В. оставилъ самые большіе слѣды своей дѣятельности. Но если судить не только о дѣйствительномъ, но и о возможности, то, надобно признаться, что Веневитиновъ могъ бы стяжать себѣ обильнѣйшіе лавры въ области литературной критики. Правда, и здѣсь все таки нельзя согласиться съ размахистымъ и скороспѣлымъ обобщеніемъ *Ив. Иванова*: „Веневитиновъ оставилъ русской критикѣ почетное и богатое наслѣдство“ (Исторія русской критики, ч. I и II, стр. 416).

Кромѣ статей о Пушкинѣ и Мерзляковѣ, Д. В. Веневитинову принадлежитъ замѣчательный планъ журнала, который онъ собирався издавать со своими друзьями, сочленами по ранчевскому кружку. Общія сужденія о судьбѣ русской литературы и о желательномъ ея направленіи въ будущее время возложены Веневитиновымъ именно въ этомъ планѣ (стр. 24—32 или 164—169), содержаніе котораго мы приведемъ здѣсь.

Исходною мыслию служить то положеніе, что страсть къ познанію и необходимое желаніе дѣйствовать влекутъ человека къ „самопознанію“. Науки и искусства суть развитіе этой начальной идеи. Исторія убѣждаетъ, что сія цѣль человека есть цѣль всего человѣчества, а любомудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы. Съ этой точки зрѣнія каж-

дый народъ является отдѣльнымъ лицомъ, который всѣ свои нравственныя усилія, носящія особый, племенной характеръ, направляетъ къ самопознанію. Просвѣщеніе есть та степень, на который онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія. У всѣхъ *народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала отечественнаго*; ихъ произведенія, даже входящія въ составъ всемірныхъ приобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера. Примѣняя всѣ эти условія къ Россіи, мы получимъ, что русское просвѣщеніе есть *заимствованное*: отсюда это чувство подражательности и раболѣпство, отсюда совершенное отсутствіе свободы и истинной дѣятельности. Что же служитъ причиною такого печальнаго явленія?—Та быстрота, съ которою Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе литературы. Если бы развитіе русской мысли шло естественнымъ путемъ, то характеръ народа развился бы собственной своею силою и принялъ бы направление самобытное: мы получили форму литературы прежде ея сущности. Мы не можемъ похвалиться ни однимъ памятникомъ, который бы послѣдъ печать свободнаго энтузіасма и истинной страсти къ наукѣ. Современные журналы служатъ пищею нашему невѣжеству.

Затѣмъ Веневитиновъ высказываетъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и чрезвычайно глубокихъ мыслей о ходѣ развитія и общемъ характерѣ исторіи русской литературы. Псевдоклассицизмъ палъ; его слѣды остались лишь въ немногихъ твореніяхъ, которыя съ безсильною упорностью стараются представить прошедшее настоящимъ. Но мы отбросили французскія правила не оттого, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системою; правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли.

Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій этого была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. *Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ есть вѣрный признакъ его легкомыслія.* У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ и дѣлается орудіемъ безспія; у насъ чувство освобождаетъ отъ обязанности мыслить и отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія <sup>1)</sup>. Легче дѣйствовать на умъ, когда онъ пристрастился къ заблужденію, нежели, когда онъ равнодушенъ къ истинѣ. При такомъ положеніи дѣла представляется одно лишь средство къ возвращенію русской словесности на путь правильнаго развитія—совершенно остановить нынѣшній ходъ ея развитія и заставить ее болѣе думать, чѣмъ производить: для сей цѣли надлежало бы *устранить* Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, и *опираясь на твердыя начала философіи*, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, въ которой бы она видѣла свое предназначеніе. Такой цѣли удовлетворило бы сочиненіе, въ которомъ разнообразіе предметовъ представляло бы различныя примѣненія одной постоянной системы—т. е. *журналъ*, раздѣленный на двѣ части: теоретическую—изслѣдованія ума и свойствъ его (философскій отдѣлъ), и практической—примѣненіе общихъ началъ къ исторіи наукъ и искусствъ, причемъ надобно обратить особенное вниманіе на произведенія древняго міра,—ибо духъ древняго искусства представляетъ обильную жатву мыслей, безъ которыхъ новѣйшее искусство теряетъ большую часть своей цѣны <sup>2)</sup>. Въ философіи и въ философской критикѣ изящныхъ произведеній найдетъ Россія залогъ своей самобытности и нравственной свободы въ литературѣ.

---

<sup>1)</sup> См. выше, стр. 169.

<sup>2)</sup> Это даетъ Скабичевскому («Сорокъ лѣтъ русской критики») поводъ считать В-а предвѣстникомъ классицизма на Руси. Соч., т. I, стр. 351). Ср. однако выше, въ рецензій на сочиненіе Мерзлякова, стр. 139, гдѣ Веневитиновъ вступается «за честь нашего вѣка».

Такова, въ общихъ чертахъ, программа, намѣченная поэтомъ для предполагаемаго журнала. Вся она проникнута одною строго и блестяще проведенною мыслію: будущій журналъ, въ противность другимъ существующимъ, долженъ имѣть исключительно общественно-воспитательное значеніе.

Планъ журнала, рецензія на разсужденіе Мерзлякова и статьи о Пушкинѣ—вотъ наследіе Д. В.—ча въ области литературной критики. Если даже и согласишься съ мнѣніемъ Иванова („Исторія русской критики“, ч. I и II, стр. 421), что это—статьи „незначительныя по размѣрамъ, но въ высшей степени содержательныя“, и что „отголоски ихъ будутъ встрѣчаться намъ вплоть до самаго зрѣлаго періода критики Бѣлинскаго“, то всетаки нельзя не признаться, что оставленное наследіе Веневитинова даетъ право говорить не столько о наличномъ, сколько о возможномъ, поучаетъ насъ, сколько русская критика потеряла въ лицѣ Веневитинова.

Преувеличено, безъ сомнѣнія, также и другое мнѣніе Иванова (стр. 423): „Насъ часто поражаетъ *буквальное* совпаденіе идей Веневитинова и Бѣлинскаго, пуже этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, по какому пути направилась бы критика молодого автора“.

Во первыхъ, подобное совпаденіе вовсе уже не такъ часто и не такъ буквально. Да и что могла бы доказывать буквальность? Неужели Бѣлинскій списывалъ или заимствовалъ у Веневитинова? Могъ ли Бѣлинскій нуждаться въ такихъ заимствованіяхъ, когда объемъ и значеніе его критической дѣятельности въ неизмѣримое число разъ превосходятъ размѣры и значеніе критическихъ статей Веневитинова? Во вторыхъ, путь и идеи Бѣлинскаго, которые якобы превосхищены Веневитиновымъ, по мнѣнію Ив. Иванова, все же не были единственно возможными и не были кодексомъ абсолютной истины. Идеи Бѣлинскаго, во многихъ случаяхъ, неудовлетворительныя для нашей эпохи, часто являлись ошибочными и для своего времени.

И въ ту эпоху многое можно бы сказать основательнѣе и справедливѣе, чѣмъ было формулировано Бѣлинскимъ. А для Веневитинова было бы немного чести, если бы онъ постоянно предвосхищалъ идеи Бѣлинскаго, которыя потомъ оказывались невѣрными. Такая похвала плохая услуга Веневитинову.

Не *идеи* Бѣлинскаго должны или могъ предвосхищать Веневитиновъ, по нашему мнѣнію, а *мѣсто* Бѣлинскаго въ русской литературѣ и критикѣ, значеніе, авторитетъ Бѣлинскаго... И думается намъ, что, если бы дожилъ Веневитиновъ до тѣхъ великихъ литературныхъ явленій (кромѣ Пушкина), которыя пришлось оцѣнивать Бѣлинскому, то нѣрѣдко оцѣнка изъ устъ Веневитинова вышла бы иная и даже болѣе основательная. Мы думаемъ, что Веневитиновъ и по натурѣ, и по образованію былъ хорошо подготовленъ къ обязанностямъ критика. Веневитиновъ былъ самъ поэтъ, хорошо знавшій по собственному опыту условія творчества и набившій себѣ руку въ поэтической техникѣ. Онъ былъ мыслитель, получившій серьезную философскую подготовку, черпавшій свои знанія изъ первоисточниковъ, а не по наслышкѣ. Онъ обладалъ прекраснымъ знаніемъ языковъ и самостоятельно изучилъ въ подлинникахъ классическіе образцы и древнихъ, и новыхъ литературъ. Онъ получилъ отличное и широкое эстетическое воспитаніе и имѣлъ уже въ юности самобытные взгляды по эстетикѣ, подкрѣпляемые большою теоретическою начитанностью. Вотъ преимущества Веневитинова надъ Бѣлинскимъ. Наконецъ прибавимъ еще преимущества темперамента. Веневитиновъ въ 20 лѣтъ пишетъ спокойнѣе, обдуманнѣе, цѣльнѣе, законичнѣе, съ большимъ самообладаніемъ и осмотрительностью, чѣмъ „неистовый Виссаріонъ“, вѣчно переходившій отъ одного и крайняго увлеченія къ другому—столь же крайнему в писавшій подъ наитіемъ и вдохновеніемъ минуты... Веневитиновъ былъ бы серьезнымъ соперникомъ Бѣлинскаго по критической каюдрѣ... Но все это лишь возможности, и



притомъ возможности не оправдавшіяся. Бѣлинскій же при всѣхъ своихъ ошибкахъ и увлеченіяхъ отвоевалъ себѣ почтеннѣйшее и опредѣленное мѣсто въ исторіи русской литературы. Дѣятельность Бѣлинскаго есть не возможность, а уже свершившійся историческій фактъ, и притомъ фактъ огромной важности... Предъ факеломъ Бѣлинскаго меркнетъ скромная лампада двадцатидноголѣтняго Веневитинова...

---

## Приложенія.

*Къ стр. 50—52.*

Для характеристики нравственной личности Н. А. Иванова можетъ послужить еще одинъ прелюбопытный разсказъ:

„Въ 1852 г. осенью Казань посѣтилъ министръ народнаго просвѣщенія, вв. Ширинскій-Шихматовъ. Министръ прибылъ въ Казань около 10 сентября.... Онъ посѣтилъ многія лекціи... между прочимъ лекцію профессора Иванова....

Профессоръ Ивановъ зналъ свой предметъ превосходно и отлично читалъ всеобщую и русскую исторію, считался однимъ изъ лучшихъ профессоровъ того времени. Такъ какъ лекціи русской исторіи только что начались (съ открытіемъ учебнаго года), то Ивановъ читалъ изъ русской исторіи въ это время удѣльный періодъ, и конечно, въ присутствіи министра долженъ былъ продолжать упоманутый періодъ. Каково же было изумленіе студентовъ, когда въ присутствіи министра профессоръ вдругъ сдѣлалъ огромный скачекъ къ царствованію Императора Николая I и сталъ читать при мнѣ встрѣ о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Читалъ онъ увлекательно и закончилъ лекцію словами: „но поступки этихъ людей нужно оплакать кровавыми слезами“. При этомъ профессоръ вынулъ платокъ изъ кармана и сталъ утирать лившіяся изъ глазъ его слезы. Говорятъ, что примѣру про-

фессора послѣдовалъ министръ, а затѣмъ утирали слезы свои попечитель, ректоръ и прочія лица, сопровождавшія министра. Можетъ быть легко, что эти слезы, по крайней мѣрѣ, со стороны министра, были искреннія, такъ какъ онъ, сколько извѣстно, отличался не только въ высшей степени патріотическимъ, но и религіознымъ настроеніемъ и вообще принадлежалъ къ весьма впечатлительнымъ натурамъ. Результатъ пріема, устроеннаго профессоромъ Ивановымъ, былъ слѣдующій: министръ былъ въ высшей степени доволенъ лекціею Иванова, благодарилъ его и расцѣловалъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда министра профессоръ Ивановъ получилъ орденъ св. Анны 2-й степени, кажется, съ Императорскою короной<sup>1)</sup>.

Впрочемъ, и другіе преподаватели поревновали и тоже удружили министру:

„Инспекторъ первой гимназій ловкій *Сахаровъ* просто обворожилъ министра. Нужно замѣтить, что 14 сентября, день Воздвиженія—храмовой праздникъ въ университетской церкви и въ церкви I гимназій. Поэтому министръ наканунѣ праздника былъ у всенощной въ гимназической церкви. Инспекторъ гимназій Сахаровъ употребилъ все усилія, чтобы выставить вѣрнѣе его попеченію воспитанниковъ въ высшей степени религіозными. Говорятъ, что послѣдніе не только усердно молились, но даже при пѣніи „Великаго славословія“ стояли на колѣняхъ съ воздѣтыми къ небу руками и возведенными горѣ глазами. Результатъ былъ тотъ, что Сахаровъ вскорѣ по отъѣздѣ министра получилъ орденъ св. Анны II степени“<sup>2)</sup>.

„На университетскомъ актѣ была произнесена рѣчь

---

<sup>1)</sup> «За подполѣтія». 1841—1892. Воспоминанія о пережитомъ доктора А. П. Ильинскаго. Ч. I (1841—1854), гл. V, стр. 26 въ «Русской Старицѣ», г. 25, за 1894 г., т. 81, апрѣль, ст. I.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 27.

профессоромъ *Котельниковымъ*, читавшимъ въ университетѣ „чистую математику“. Темой рѣчи была избрана разница между временемъ Казани и Петербурга. Котельниковъ заключилъ свою рѣчь словами: „Итакъ, Казань счастливѣе Петербурга, потому что она раньше просыпается, раньше спѣшитъ въ храмы, чтобы принести молитву Царю Царей о здравіи и благоденствіи возлюбленнаго Монарха и всего Царствующаго Дома“. Конечно, рѣчь эта, не лишенная многихъ ораторскихъ приемовъ, очень понравилась министру“ <sup>1)</sup>.

Повидимому, рассказы доктора Ильинскаго довольно точны и заслуживаютъ довѣрія. Вотъ для сравненія окончаніе весьма любопытной рѣчи Котельникова (по печатному тексту):

„Въ ожиданіи сей вожделенной минуты возвращенія въ безсмертіе Отца, не пребудемъ въ уныніи. но паче же съ бодрымъ духомъ и съ упованіемъ на промыслъ Всевышняго будемъ переходить земное наше поприще. Особенно же мы, такъ называемые наставники, ученію которыхъ ввѣряется неопытное юношество, примемъ къ сердцу три слова: *Богъ, Царь, Отечество. Силь трезаннымъ копіемъ мы поразимъ змій лжеудрванія* и защитимъ святость нашего призванія. Провидѣнію угодно было поставить насъ на почетную ступень въ дѣствіѣ гражданственной жизни. Намъ досталась завидная участь быть дѣятелями на поприщѣ народнаго просвѣщенія, въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи. И если мы удалены на значительное разстояніе отъ центра Россіи, не посѣтуемъ на то. Такое удаленіе не препятствуетъ намъ освѣяться лучами любви и заботливости Помазанника Божія. Не въ сію-ли самую минуту мы зримъ среди насъ одного изъ Сановниковъ, предстоящихъ предъ Его трономъ?— Мужа - блюстителя Его священной воли: да развивается въ

---

<sup>1)</sup> Стр. 28.

юномъ поволюбивши самобытно Русскій духъ, да поучаясь чело-  
вѣческой мудрости, сохранить оно цѣломудріе разума и  
евангельскую простоту сердца, да обогащается разнообразными  
свѣдѣніями на пользу отечеству и ближнимъ— однимъ словомъ,  
да красуется Русская младость доблестями Русскаго. Его  
Сіятельство Г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія почтилъ  
насъ своимъ присутствіемъ: онъ прибылъ изъ за тысячи верстъ,  
дабы лично удостовѣриться въ нашемъ усердіи къ дѣлу на-  
шего служенія. Казань не забыта въ помыслахъ мужей госу-  
дарственныхъ, и по сей причинѣ, она не завидуетъ обѣимъ  
столицамъ. Она даже имѣетъ преимущество передъ ними въ  
томъ отношеніи, что, по восточному своему положенію, она ранѣе  
встрѣчаетъ восходъ солнца, слѣдовательно, *ранѣе отпра-  
вляется на службу Царскую*, ранѣе спѣшить во храмъ на мо-  
литву о сохраненіи дней обожаемаго нами Императора Никола-  
лая. Когда въ Казанскомъ Соборѣ въ Санктъ-Петербургѣ  
звучитъ двѣнадцать часовъ, въ тотъ самый моментъ въ Ка-  
занскомъ соборѣ въ Казани считается уже *одинъ часъ, пят-  
надцать минутъ, десять секундъ*.

Рѣчь и начинается словами: „Одинъ часъ, пятнадцать  
минутъ, десять секундъ, шесть десятыхъ долей секунды“. Да-  
лѣе авторъ размышляетъ:

„Кто изъ насъ, размышляя, напримѣръ, объ обществен-  
номъ благѣ, не дорожитъ каждою секундою, каждымъ мгно-  
веніемъ жизни Того, Кому 22-го августа, въ Православномъ  
Русскомъ Царствѣ, Святая Церковь испрашивала предъ пре-  
столомъ Всемогущаго многая лѣта? Кто изъ насъ не благо-  
словляетъ каждой минуты, которую посчастливилось употре-  
бить на исполненіе Воли Того, Кому въ теченіе цѣлой чет-  
верти столѣтія ниспосылалось благословеніе свыше на всѣ  
Его благія начинанія? Кто изъ насъ не ведётъ хронологиче-  
скаго счета, когда, созерцая развитіе вещественныхъ и ду-  
ховныхъ силъ нашего отечества, исполняемъ чувствомъ бла-

оговѣнной признательности къ Тому, Чьи дѣянiя предрекаютъ Ему въ исторiи удѣлъ безсмертiя? Кто изъ насъ не знаетъ, что наконецъ можно потерять всякой счетъ времени, если захотимъ высказывать все, что у Русскаго, при думѣ о Царѣ, бываетъ на-сердцѣ?—Не дерзая касаться этого святыща, я возвращаюсь къ началу нашей бесѣды“...

См. „Судьбы астрономической географiи Россiи въ благополучное царствованiе Государя Императора Николая I“. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собранiи Императорскаго Казанскаго университета, ординарнымъ профессоромъ прикладной математики, докторомъ философiи, *Петромъ Котельниковымъ*, 16 сентября 1851 г. Казань, 1851, стр. 3 и 41—42.

Возвращаясь къ Н. А. Иванову, мы должны отмѣтить еще его участiе въ исторiи *Мельгунова*.

Н. А. Мельгуновъ (о немъ см. монографiю *А. И. Кирпичникова*: „Между славянофилами и западниками“, „Русская Старина“ за 1898 г. (г. 29), т. 96, ноябрь, ст. IV, стр. 297—330 и декабрь, ст. IV, стр. 551—585) сообщилъ нѣмецкому литератору *Кенигу* свѣдѣнiя о русскихъ литераторахъ. Кѣнигъ издалъ книгу (H. Koenig, Literarische Bilder aus Russland, 1837), гдѣ невыгодно отозвался о Гречѣ и Булгаринѣ. Послѣднiе подняли противъ Мельгунова цѣлый походъ (см. у Кирпичникова, стр. 324 и далѣе) и на публичныхъ лекцiяхъ (Греча), и въ своихъ журналахъ, и въ заграничной печати: въ брошюрѣ: H. Koenig's Literarische Bilder aus Russland in ihrem wahren Lichte dargestellt von N. Gretsch, и въ статьѣ журнала Hamburger Correspondent.

Эта послѣдняя статья была подписана Iwanow. Н. А. Ивановъ жилъ въ это время въ Дерптѣ, уже творилъ съ Булгариннымъ „Россiю“ и успѣлъ сплестись со всею компанiею „Сѣверной Пчелы“ тѣсными узами. Хорошо владѣя нѣ-

мецкимъ языкомъ, Н. А. Ивановъ принялъ „особое“ порученіе Булгарина сдѣлать вылазку въ заграничной печати. Какова была статья Иванова по содержанію и тону, можно судить изъ письма Мельгунова въ Шевыреву изъ Москвы въ Римъ отъ 1(13) ноября 1838 г. <sup>1)</sup>: „повторено противъ меня все, что, помнишь, сказано въ первой статьѣ „Сѣверной Пчелы“ съ прибавкою *нѣсколькихъ подлостей*. Тутъ такъ же досталось и *тебѣ*, и особенно *Гоголю*... Про тебя Ивановъ говорить: авторъ плодовыхъ gelehrt sein sollenden Kritiken, которыхъ никто не читаетъ.... О Гоголѣ наговорены тамъ *мерзости*, что онъ освистанъ студентами и долженъ былъ со стыдомъ оставить кафедру. Что за *идина* (т. е. Ивановъ)!“

О немъ же Мельгуновъ въ своей апологіи „Исторія одной книги“, М. 1839 (брошюра была разослана при „Отечественныхъ Запискахъ“), стр. 15 замѣчаетъ: „Не знаю, въ *какихъ отношеніяхъ* г. Ивановъ находится къ литературной редакціи „Сѣверной Пчелы“; но изъ статьи явно, что онъ написалъ ее подъ вліяніемъ упомянутой газеты. Это отчасти повтореніе, отчасти распространеніе ея словъ, къ которымъ г. Ивановъ позволилъ себѣ прибавить два, три замѣчанія, которыхъ *добрая цѣль* показываетъ, что *есть* возможность *презойти* даже „Сѣверную Пчелу“ въ *деликатности и благородствѣ*“.

Н. А. Ивановъ въ угоду Гречу и Булгарину обругалъ даже вѣрнаго служителя „официальной народности“ и присяжнаго патриота С. П. Шевырева.

Любопытно, что Н. А. Иванова еще такъ мало знали въ литературныхъ кружкахъ, что Мельгуновъ называетъ Иванова въ письмѣ (стр. 326): „Ивановъ, *мнимый* или истинный“, а въ

---

<sup>1)</sup> Кирячниковъ, стр. 326.

брошюрѣ (стр. 15) „какой-то г. Ивановъ“. Очевидно, предполагали, что за этою общепотребительной фамиліею скрывается кто-либо изъ извѣстныхъ писакъ грече-булгаринской команды. Это мнѣніе самого Мельгунова ввело въ заблужденіе и Кирпичникова, который (стр. 556) упоминаетъ „отзывъ предполагаемаго Н. Иванова“ и (стр. 330) прямо полагаетъ: „съ псевдо-Ивановымъ Мельгуновъ раздѣляется только попутно“. Но это дѣло рукъ не псевдо,—а настоящаго Н. А. Иванова изъ дружины Булгарина,—Иванова, котораго нѣкоторые напрасно пытаются реабилитировать....

---



Къ стр. 39-й.

Н. П. Барсуковъ въ своей многотомной біографіи М. П. Погодина совершенно оставляетъ безъ изслѣдованія одну сторону его жизни (очень важную, однако, для пониманія нравственнаго характера Погодина), именно, его имущественныя обстоятельства и довольно быстрый ростъ его матеріальнаго благосостоянія. Между тѣмъ въ свое время ходили на этотъ счетъ разные слухи, несправедливость которыхъ желательно было бы видѣть не игнорированною, а доказанною...

Одна изъ самыхъ смѣлыхъ явныхъ нападокъ на Погодина была сдѣлана въ альманахѣ: „Первое апрѣля“ <sup>1)</sup>. (Н. П. Барсуковъ упоминаетъ объ этой вылазкѣ—т. VIII, стр. 354, но не сообщаетъ, въ чемъ она).

*Первое апрѣля*, Комическій иллюстрированный альманахъ, составленный изъ рассказовъ въ стихахъ и прозѣ, достопримѣчательныхъ писемъ, куплетовъ, пародій, анекдотовъ и пуфовъ, СПб. 1846, содержалъ вообще нѣсколько очень рѣзкихъ вылазокъ противъ славянофиловъ и представителей такъ называемой нынѣ „официальной народности“: приведены анекдоты о Шевыревѣ, приводящемъ въ восторгъ итальянскихъ

---

<sup>1)</sup> 1 апрѣля есть день всякаго рода шутокъ и мистификацій.

ящерицъ декламированіемъ стиховъ Пушкина, о Константинѣ Аксаковѣ, котораго будто бы на московскихъ улицахъ по его „русскому“ платью народъ принимаетъ за „настранца“ и— слѣдующій, злой рассказъ о Погодинѣ, который въ виду большой рѣдкости альманаха <sup>1)</sup> приводимъ цѣликомъ.

Погодина, какъ извѣстно, въ западническихъ кружкахъ величали Вѣдринымъ (погода—вѣдро), и на его „Путевыя Записки“ нападали жестоко. Въ Альманахѣ онъ такъ и поименованъ, только съ замѣною *в* черезъ *б*, т. е. Бедринымъ (стр. 23—26). „Отечественныя записки“ за 1846 г., т. 45, кн. 2, апрѣль, Библиографическая хроника, русская литература, № 152, <sup>3</sup>/<sub>4</sub> I столбца 87 стр.—89 стр. посвятили альманаху рецензію, гдѣ такъ о немъ отзываются (87, I): „Вся эта книжка не больше, какъ болтовня, но болтовня живая и веселая, мѣстами даже *лукавая и злая*. Вотъ, для образчика прозы два анекдота изъ „Перваго Апрѣля“. Перепечатано три, именно вышеупомянутыхъ анекдота (о Шевыревѣ, Погодинѣ—<sup>3</sup>/<sub>4</sub> I ст. 87 I ст. 88 и Аксаковѣ). Чтобы сдѣлать намекъ на Погодина еще прозрачнѣе, изъ Бедрина возстановили опять *Ведрина*.

---

*Какъ одинъ господинъ приобрѣлъ себѣ за безцѣнокъ домъ  
въ полтора ста тысячъ.*

Г-нъ Бедринъ, столь прославившійся своими путевыми записками, нажилъ себѣ домъ слѣдующимъ остроумнымъ и простымъ способомъ.—Жилъ въ Парижѣ русскій князь, который до самой смерти своей, послѣдовавшей на 73 году, бралъ уроки танцованія и фектованія. Учителя танцованія и

---

<sup>1)</sup> Даже у графа Е. Путятина, «Переключка Альманахамъ», стр. 43—44, № 160 онъ описанъ не по автописю: форматъ «Перваго Апрѣля» не 8(?), а 16.

фектованія являлись къ нему и тогда, когда онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ; къ нимъ выходилъ камердинеръ князя и платилъ имъ за урокъ, говоря, что „князь занятъ“. У этого князя былъ, между прочимъ, домъ, находившійся въ завѣдываніи управляющаго. Г-нъ Бедринъ съ свойственною ему любовью предложилъ однажды этому управляющему пять тысячъ съ тѣмъ, что бы тотъ написалъ князю, что домъ его сіятельства пришелъ въ ветхость и угрожаетъ паденіемъ. Управляющій, взявъ съ г. Бедрина предложенную имъ сумму впередъ (предосторожность, которую вообще совѣтуютъ употреблять съ г. Бедринымъ) поспѣшилъ исполнить невинную прихоть г. Бедрина. Сколь ни мало заботился князь о своихъ домахъ и помѣстьяхъ, извѣстіе управляющаго удивило его: онъ вспомнилъ, что четыре года тому назадъ, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ домъ свой въ цвѣтущемъ положеніи. По этому онъ написалъ письмо къ одному своему пріятелю - аристократу, въ которомъ просилъ осмотрѣть его домъ, и если донесеніе управляющаго справедливо, то велѣть ему поскорѣй продать домъ покуда и совсѣмъ не развалился, хоть за чтонибудь, и деньги немедленно выслать въ Парижъ. Пріятель-аристократъ далъ знать управляющему, что въ такой-то день въ такой-то часъ онъ пріѣдетъ осматривать домъ князя и чтобъ все было готово. Встревоженный управляющій поскакалъ къ г-ну Бедрину. Г-нъ Бедринъ, писавшій въ то время разсужденіе о добродѣтели, выслушавъ разсказъ управляющаго, не прискочилъ къ потолку единственно потому, что восторженное проявленіе радости не считалъ теперь для себя выгоднымъ; онъ ограничился тѣмъ, что поспѣшилъ включить въ свое разсужденіе о добродѣтели нѣсколько счастливыхъ строевъ, блеснувшихъ въ умѣ его во время разсказа, и какъ бы въ свою очередь почерпнувъ изъ разсужденія своего вдохновеніе для настоящаго случая, вскочилъ и съ жаромъ сказалъ управляющему нѣсколько словъ, *которыя ему послѣднему* <sup>1)</sup> *возвраща-*

<sup>1)</sup> Курсивъ подлинника.

тила всю бодрость. Въ назначенный день пріятель князя въ старой и дребезжавшей, но запряженной четверкой каретъ пріѣхаль осматривать домъ. Здѣсь все было уже готово, Штукатурка обвалилась; въ стѣнахъ были дыры чуть не на севозы; кругомъ мусоръ, щебень, обломки кирпича. Пріятель князя поморщился. Идутъ внутрь. Пріятель князя занесъ ногу на лѣстницу и остановился. Лѣстница вся на подпоркахъ; инныя ступени провалились, инныхъ нѣтъ вовсе. „Пожалуйте, ваше сіятельство!“ (пріятель князя былъ тоже сіятельный) говоритъ управляющій... „Ничего... ей Богу ничего! подпорки кажутся крѣпки; не могу вамъ доложить что теперъ, а то я еще вчера ходилъ, въ осмотру вашего сіятельства прибираль,—ничего, Богъ пронесъ! Пожалуйте.... вотъ что развѣ та подпорка.... да ничего.... ничего, Богъ милостивъ!“ Пріятель князя опрометью бросился вонъ, и написалъ въ Парижъ, что домъ до того гнилъ, что въ него и войти нѣтъ никакой возможности. Г-нъ Бедринъ купилъ домъ у управляющаго, получившаго приказаніе продать его хоть за что нибудъ, за 35 тысячъ, употребилъ двѣ тысячи на поправку лѣстницы и штукатурку стѣнъ, и теперь ему даютъ за него сто тысячъ, но онъ не хочетъ взять и цолутораста. Онъ перебирается туда—самъ. Желаящимъ нанять у него квартиры, совѣтуемъ торопиться, потому что опоздавъ, легко не найти ни одной свободной: многіе за честь почитаютъ жить въ домѣ г. Бедрина. Г. Бедринъ пользуется блестящею репутаціей, и въ самомъ дѣлѣ, разсужденіе его о добродѣтели написано пріятнымъ слогомъ и проникнуто чистѣйшею нравственностію.

Эта злобная выходка возмутила даже западниковъ, особенно московскихъ, напр., Н. А. Мельгунова и А. И. Герцена, который находилъ: „Чортъ знаетъ, кто это писалъ: все это и глупо, и скверно“, называлъ выходку о Погодинѣ „дрянною“, и писалъ, что она выходитъ „за предѣлы всякой деликатности“. Ср. у Н. П. Барсукова, т. VIII, стр. 355—356.

Что касается происхожденія клички Вѣдрина, то создана она Погодину А. И. Герценомъ. Вотъ что пишетъ онъ самъ:

„Шероховатый, неметеный слогъ Погодина, грубая манера бросать корноухія, обгрызенныя отмѣтки и нежеванныя мысли вдохновилъ меня какъ то въ старыя годы, и я написалъ въ подражаніе ему небольшой отрывокъ изъ „Путевыхъ записокъ Вѣдрина“. Строгановъ (попечитель), читая ихъ, сказалъ: „А вѣдь Погодинъ вѣрно думаетъ, что онъ это въ самомъ дѣлѣ написалъ“ (А. И. Герценъ, Сочиненія, т. VII, „Былое и думы“, т. I, стр. 309).

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1843 г., т. XXXI, Смѣсь, стр. 58—60 была помѣщена эта жестокая пародія на „Записки“ Погодина. Введеніе гласило между прочимъ: „Одинъ неизвѣстный литераторъ, впрочемъ, очень почтенный человекъ, г. Вѣдринъ, объѣхавшій съ большою пользою многія страны, намѣренъ издать въ весьма непродолжительномъ времени свои „Путевыя Записки“ какъ для покрытія *издержекъ, неминуемыхъ при путешествіяхъ*, такъ отчасти для пользы и удовольствія читателей“... Ср. у Н. П. Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. VII, стр. 76—79, гдѣ разсказана вся исторія. Въ Вѣдринѣ узнали Погодина сразу всѣ: и свои, и чужіе.

---

Къ 38-й стр.

Къ приведеннымъ выше — прибавимъ еще нѣсколько свидѣтельствъ о томъ, какъ въ эпоху „золотого вѣка“ университетскіе профессора поправляли свои дѣлишки насчетъ слушателей, учениковъ и нахлѣбниковъ.

„Полный до сего безпредѣльнаго уваженія къ профессорамъ, я сильно разочаровался *Сандуновымъ*, *Цвѣтаевымъ* и *Василевскимъ*. Я освѣдомился отъ *Кирьякова* и *Шостака*, что они и еще *Загряжскій*, да *Воронцы* двое, берутъ у указанныхъ лицъ частные уроки съ платою: Сандунову—15 р., Цвѣтаеву 12 р., Василевскому—меньше. Это, по общему говору студентовъ, означало, что всѣ эти слушатели при окончаніи курса выступаютъ кандидатами. Предполагая, по крайней мѣрѣ, въ Кирьяковѣ стремленіе къ бѣльшимъ знаніямъ, я не вѣрилъ и не слушалъ злорѣчія. Но, къ душевному прискорбію, мнимое злорѣчіе оказалось сущемою правдою. Всѣ, кромѣ одного изъ Воронцовъ, прошли кандидатами. Видно, овощи Курія Девтата не пришлись по желудку престарѣлыхъ профессоровъ“. (Записки Н. Н. Мурзакевича (1806—1883), гл. VII, стр. 272—273 въ „Русской Старинѣ“ за 1887 г., г. 18-й, т. 53).

*П. О. Вистенгофъ* (Изъ моихъ воспоминаній, „Историческій Вѣстникъ“, г. V, за 1884 г., т. XVI, май, стр. 329—353) сообщаетъ: „Подъ конецъ лѣта, передъ самымъ началомъ вступительныхъ экзаменовъ ко мнѣ пригласили на домъ ординарнаго профессора Московскаго университета *Ивашковскаго*, постоянно назначавшагося *экзаменаторомъ* греческаго языка, въ которомъ я былъ очень слабъ и страшился его болѣе всего. Профессоръ, давъ нѣсколько уроковъ, заранѣе

*предупредилъ* меня о томъ, что будетъ *спрашивать* на экзаменѣ, и *указалъ* то мѣсто въ греческой христоматіи, которое я долженъ былъ *вызубрить*“ (стр. 331). Въ Казани съ Вистенгофомъ было нѣчто подобное. „Я переѣхалъ жить на полное иждивеніе къ профессору *Фогелю*, постоянно содержавшему у себя студентовъ-нахлѣбниковъ за довольно *значительную* плату. Онъ, разумѣется, всегда поддерживалъ ихъ на экзаменахъ и при переходѣ изъ одного курса въ другой, ходатайствовалъ за нихъ и у другихъ профессоровъ... Отъ попечителя не укрылось мое переселеніе къ проф. *Фогелю* и новая замкнутая жизнь моя. Но прошествіи нѣкотораго времени *Мусинъ-Пушкинъ* встрѣтилъ меня при выходѣ изъ университета. Я повдвинулся ему. Онъ остановилъ меня и сказалъ довольно мягко:

„Ну вотъ! давно бы такъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что переѣхалъ на жительство къ профессору *Фогелю* и пережѣнилъ образъ своей сумасбродной жизни; теперь я попробую смотрѣть на тебя другими глазами“ (стр. 343—344).

---

„Деканомъ юридическаго факультета былъ *Н. И. Крыловъ*. Не смотря на его серьезное знаніе римскаго „*Самоката*“ (такъ онъ пластично желалъ изобразить стройную гармонию юридическаго римскаго быта), *Никита Ивановичъ* не принадлежалъ къ числу симпатичныхъ натуръ. Нѣсколько грубоватый, съ сохранившимися типичными чертами бурсава-семинариста, *Крыловъ*, весь погружившійся въ *Corpus juris* и его литературу, былъ вообще мало развитъ: вопросы и задачи жизни его не волновали, наука не облагородила; рассказывали, что въ качествѣ профессора онъ былъ *не прочь и отъ благодарности*, такъ что иной разъ его *отмѣтки* на экзаменахъ *иоражали*. Во хмѣлю *Н. И.* былъ *неспокоенъ*“. (*Н. Н. Колюпановъ*, Изъ прошлаго, гл. II, стр. 15, „Русское Обозрѣніе“ за 1895 г., мартъ). Ср. выше, стр. 42, прим. 2.

*Къ стр. 104—109.*

Какое впечатлѣніе производила личность, и самая наружность Стефенса, и какъ онъ читалъ лекціи, можемъ мы видѣть изъ нижеслѣдующаго сообщенія одного изъ его слушателей:

„Слушаю лекціи Стефенса объ антропологии: впечатлѣніе, которое онъ оставляютъ, такъ сильно, что поневолѣ забываешь о своемъ правѣ судить учителя и указывать ему мѣсто въ ряду другихъ философовъ; его рѣчь имѣетъ что-то выходящее за границы школы, что-то живое, существенно важное, неразгаданное,... неумѣстимое въ формулахъ, и потому дѣйствующее на умъ такъ же точно, какъ всякое увлекательное явленіе природы, или искусства. Потому не удивитесь, что Русскій, въ первый разъ услышавшій краснорѣчивую рѣчь, будетъ вамъ описывать не содержаніе лекцій Стефенса, а его самого. Представьте себѣ величественнаго старика, густые сѣдые локоны, правильныя строгія черты лица, живые, большіе глаза, которые загораются иногда огнемъ неподдѣльнаго восторга... Подобныя наружности чаще встрѣчаются на древнихъ Греческихъ медаляхъ и камеяхъ, нежели въ новѣйшихъ обществахъ. Съ первыхъ словъ его лекція стала непохожа на лекцію,—больше на бесѣду подъ яснымъ небомъ Аттики. Право, какъ будто бы невзначай сошлась толпа Аѳинскихъ юношей вокругъ Греческаго философа, и онъ



невзначай разговорился, а народъ и радъ, и боится, чтобы старикъ не кончилъ.. а онъ, кажется, намѣренъ сказать только нѣсколько словъ, и того и гляди уйдетъ, оглядываешься, нѣтъ ли кого изъ его учениковъ, чтобы удержать его вопросомъ или возраженіемъ... Стефенсъ не читаетъ курса, не ораторствуетъ, не преподаетъ, а просто бесѣдуетъ, и кажется, будто его не перерываютъ потому только, что неприлично, неестественно перервать такую одушевленную рѣчь. Мнѣ удалось слушать у насъ и въ чужихъ краяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ, одаренныхъ высокою простотою изложенія, но не въ одномъ не помню такого совершеннаго отсутствія всего книжнаго, такого умѣнья заставить забыть душную, кабинетную ученость, такого дара переносить свою аудиторію въ безконечный просторъ вселенной. Смотри на Стефенса, убѣдишься, что краснорѣчіе не то, что даръ произносить изящныя рѣчи. Стефенсъ говоритъ на языкѣ чужомъ, ищетъ словъ, иногда даже дѣлаетъ грубыя грамматическія ошибки; въ его произношеніи пѣмецъ всегда слышитъ Норвежскій акцентъ,—и при всемъ томъ едва ли кто изъ природныхъ Нѣмцевъ въ Берлинѣ такъ очаровываетъ своимъ словомъ. Чувствуешь, что не въ словѣ сила, не въ томъ, *что* говорится, а въ томъ, *кто* говоритъ, въ симпатическомъ, неизяснимомъ дѣйствіи его личнаго присутствія. Передъ вами стоитъ человекъ, котораго рѣчь дышетъ вдохновеніемъ времени, незабвеннаго для Германскихъ университетовъ, восторгомъ той эпохи творчества, когда воскресала и пластическая красота языческой Греціи, и поэзія среднихъ вѣковъ, и доблести древнихъ Германцевъ; онъ самъ живетъ высокою жизнію, которою жили Гёте и Шиллеръ, Фихте и Шеллингъ, которая изъ университетовъ разошлась по цѣлой Германіи и освободила ее.—Такой человекъ будетъ краснорѣчивъ, не смотря на нестройность періодовъ и даже грамматическія ошибки. Впрочемъ, надобно отдать честь и слушателямъ: сначала меня удивляло, какъ могутъ слушать и хвалить

Стефенса даже Гегельянцы; и отъ чего они не возстають, напрямѣрь, на отсутствіе строгой системы, даже на безпорядокъ его преподаванія. Дѣло въ томъ, что нашему брату трудно понять, что такое ученое направленіе Нѣмецкихъ студентовъ? Каждый талантъ, даже самый односторонній, находитъ здѣсь свое мѣсто и своихъ цѣнителей: между самыми крайними противоположностями гораздо больше общаго, нежели мы думаемъ. Духъ партіи ослѣпляетъ немногихъ и вообще обузданъ любовью къ общему дѣлу: студентъ прежде всего наслаждается наукою, а послѣ, и то съ Нѣмецкою осторожностію, составляетъ свое мнѣніе о профессорѣ; вообще здѣсь сильнѣе жажда знанія, нежели потребность имѣть собственное мнѣніе. Отъ того то, можетъ быть, и хорошія качества профессора узнаются прежде, чѣмъ недостатки“.

Приведенная выписка есть „отрывокъ изъ письма, полученнаго изъ Берлина отъ одного русскаго путешественника“; ова помѣщена въ статьѣ *И. В. Кирпѣвскаго*, „Жизнь Стефенса“, стр. 60—62 (Полное собраніе сочиненій, т. II, М. 1861).

---

Къ стр. 28.

Избитымъ и ходячимъ мѣстомъ стала у насъ постоянно повторяемая фраза о „блестящемъ періодѣ“ въ исторіи Московскаго университета и Московскаго учебнаго округа вообще подъ эгидою попечителя графа С. Г. Строганова. Однако, до сихъ поръ еще недостаточно обращаютъ вниманіе на то обстоятельство, что этотъ похвальный отзывъ несетя почти исключительно изъ устъ *одной* партіи, которую графъ С. Г. особенно протезировалъ, именно западной. А между тѣмъ нельзя забывать и другого *locus topicus: audiatur et altera pars*. Еще во время попечительства С. Г. Строганова находились люди, которые совѣмъ не находили этого періода „блестящимъ“ даже по сравненію его съ прежними періодами — патриархальнаго устройства университета. Такимъ правдолюбцемъ былъ, напр., тотъ же М. П. Погодинъ (загадочная натура, умѣвшая совмѣщать въ себѣ и пошлость, и высокіе порывы). Онъ безбоязненно рѣзалъ правду-матку въ глаза графу, который отплатилъ ему постепеннымъ удаленіемъ его изъ университета. „Убѣдившись, что двери Московскаго университета передъ нимъ навсегда закрылись, Погодинъ излил свою горечь въ письмѣ къ попечителю“ (Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина“, т. VIII, гл. XV, стр. 96). Напрасно біографъ успокаиваетъ читателя: онъ де имѣетъ достовѣрныя данныя, что письмо осталось въ портфель Погодина „безъ дальвѣйшаго движенія“ (стр. 100). Въ самомъ письмѣ

есть указаніе—въ началѣ и въ концѣ, что то же самое Погодинъ говорилъ графу устно, на словахъ... Непосыланіе письма, если было такъ, вовсе не возвышаетъ Погодина въ глазахъ читателя. Правда остается правдою, а Погодинъ умѣлъ ее говорить не одному гр. С. Г. Строганову. Указанное письмо весьма любопытно именно, какъ *altera pars*, необходимый, дополнительный голосъ въ хору панегиристовъ графа-попечителя:

...„Университетъ Московскій спитъ глубокимъ сномъ, какого никогда въ немъ не бывало. Ученой жизни между профессорами никакой. Уважите мнѣ хоть на одинъ трудъ, который бы занимался какой профессоръ, кромѣ нѣкоторыхъ старыхъ. Даже руководства не выдалъ никто. Въ десять лѣтъ пора бы сдѣлать это. Не выходило никакого перевода. Университетъ съ своей типографіей не издаетъ ничего, ни ученаго журнала, не издалъ никакой книги. Когда это бывало? Сочиненіе рѣчей ежегодныхъ подвергается величайшимъ затрудненіямъ.... Это о профессорахъ. Между студентами, кромѣ ученья тетрадокъ, участія, жизни также никакой!... Отчаянная мертвенность!... Литература убита. Никто въ Москвѣ ничего не пишетъ...., ссылаясь по русской лѣни на цензуру, которой ужаснѣе вообразить трудно... Одинъ журналъ <sup>1)</sup>, который цѣлая партія считаетъ официалнымъ, а между тѣмъ ни одного нумера не проходитъ безъ затрудненія, такъ что нѣсколько разъ я хотѣлъ уничтожить его <sup>2)</sup>.... Литература убита въ тѣхъ поколѣніяхъ, которыя воспитались подъ Вашимъ попечительствомъ: въ первые годы Вы просто *запрещали вслѣдствіе чепухыхъ навѣтовъ прихавшихъ юношей*. Никто изъ студентовъ не смѣлъ писать; кончивъ курсъ, они не могутъ уже писать, какъ ихъ профессора, ибо, чтобы писать хоро-

---

<sup>1)</sup> «Москвитинъ» самого Погодина.

<sup>2)</sup> Стр. 96.

шо, надо прежде писать дурно, а дурно писать совѣстно кандидату, какъ и профессору; они и обречены на всегдашнее безмолвіе. Когда я вышелъ изъ университета, одинъ острякъ сказалъ: „Ну вѣдь теперь Шевыреву и Давыдову съ Перевошиковымъ выходить срокъ, и графъ Строгановъ будетъ имѣть удовольствіе сказать, что онъ оставилъ университетъ безграмотнымъ!“

Московскій университетъ, храмъ русской словесности, безграмотный!—А согласитесь, что это такъ. Въмѣстѣ съ литературой убито и словесное отдѣленіе. Ужаснѣе его положенія нельзя придумать.... Вы выставляете *юридическое отдѣленіе*, которому уже и публика начинаетъ произносить судъ. Безграмотность есть еще самый сносный порокъ его... Студентъ—выучившій наизусть нѣсколько тетрадей и разучившійся писать по русски и читать по латыни. Это со всякимъ годомъ хуже. Если бы Вы отдали мнѣ Вашего камердинера лѣтъ пять тому назадъ, Вы имѣли бы теперь кандидата въ Вашимъ услугамъ, впрочемъ, даже имѣете подобныхъ.... Что Вы мнѣ говорите о гимназіяхъ? Неужели три человѣка, положимъ, отличные изъ каждой, могутъ служить мѣриломъ ихъ усовершенствованія.... Я знаю московскія гимназіи, въ коихъ *Васъ обманываютъ* даже до жалости!.. Знаю даровитыхъ Вашихъ педагоговъ, знаю, что происходитъ за ихъ кулисами, а Вы сидите въ царской ложѣ. Профессора знаютъ, что *ничѣмъ нельзя огорчить Васъ* болѣе, какъ *осужденіемъ* гимназій, и присутствуютъ молча на экзаменахъ и *хвалятъ по чувству самосохраненія*....

Вы говорите, что Вамъ и другіе говорятъ правду, и что имѣете средства узнавать ее, что всѣ утверждаютъ Васъ въ мнѣніи объ успѣхахъ. У Александра Македонскаго шея была немножко наклонена, и все войско стало кривить шею.... *Вы любите латинскій языкъ, хотя его не знаете, и всѣ учителя заплѣли въ рѣчахъ своихъ панегирики классическому образо-*

ванію, *которого ни духу, ни смысла не понимаютъ*. И былъ на актѣ въ гимназій, видѣлъ лица учителей!!

Заключу, какъ Карамзинъ сказалъ въ IX томѣ: „Отселѣ начало злу“, а такимъ образомъ: Вы пріѣхали съ гордою мыслью *начать новую эру*, я самъ думалъ такъ, и привезли *новыхъ людей*: все старое негодится, по Вашему мнѣнію, и профессора, и учителя... Вы роздали имъ мѣста, а изъ нихъ одинъ жену пояхъ, другой село купихъ, третій спихся, четвертый *проигрался* <sup>1)</sup>, пятый излѣнился, шестой одурѣлъ, *имъ—жизнь* поддерживать Ваше старое мнѣніе, а Вамъ *горько* разставаться съ своими мечтами.... *Богъ наказалъ Васъ за гордость* и не благословилъ Вашихъ трудовъ... Десять Вашихъ фаворитовъ оказались уже негодными и разлѣхались. *Съ каждымъ годомъ Вы будете* удостовѣряться и *во всѣхъ прочихъ*, ибо истина возьметъ свое. *Горько* Вы будете *плакать*, а мнѣ жаль Васъ, ибо я ненавижу Васъ умомъ, а сердцемъ болѣю о Васъ. Вы боитесь, какъ и многіе изъ нашихъ государственныхъ людей, держать при себѣ такихъ совѣтниковъ, которые публично могли бы приписать себѣ часть Вашихъ дѣйствій. и *остаетесь во власти посредственности*, которая всегда бываетъ *хитрые* способностей, и дѣлаетъ съ нами рѣшительно все, что угодно, подъ видомъ покорнѣйшаго исполненія Вашихъ приказаній. Нѣтъ, графъ, система *пагубная*. Если Вы будете слушать какаго бы то ни было дѣльнаго человѣка, всетаки слово будетъ принадлежать Вамъ большею частью, нежели ему, ибо безъ Васъ онъ не могъ же сдѣлать ничего. Меценатъ не поправлялъ стихотвореній Виргилія, за что *Вы беретесь* ежеминутно, а только доставлялъ ему возможность писать стихи, и имя его произносятся рядомъ съ Вирgiliемъ, Гораціемъ, Овидіемъ. Таковъ

---

<sup>1)</sup> Грановскій.

былъ и Муравьевъ. А Вы сами во все вступаетесь, *считая себя умнѣе всѣхъ*... Неужели такъ дурно, такъ отчаянно? Да, такъ дурно и такъ отчаянно, какъ на Кавказѣ. Но явился туда Ермоловъ, а можетъ быть, и Воронцовъ, все будетъ хорошо, и тѣ же люди будутъ не тѣ...<sup>1)</sup> Въ заключеніе двадцать человѣкъ университетскихъ профессоровъ я могу убѣдить подписать мою картулю, а другихъ двадцать заставить.

Не читайте моего письма такъ легко, какъ Вы меня слушаете, стараясь только отпарировать мои несвязные удары, въ чемъ Вы всегда успѣете, какъ свѣтскій умный человѣкъ!<sup>2)</sup>

---

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ родился въ Москвѣ въ 1793 г., воспитывался въ Институтѣ путей сообщенія, произведенъ въ офицеры въ 1811 г., служилъ въ арміи, былъ губернаторомъ въ Ригѣ и въ Минскѣ въ 1831 г.; произведенъ въ генераль-адъютанты въ 1835 г. и назначенъ въ томъ же году попечителемъ Московскаго учебнаго округа, каковымъ состоялъ съ 1835—1847 г. Послѣ этого—въ 1858 г. былъ Московскимъ генераль-губернаторомъ, а съ 1859 года занималъ высокій постъ воспитателя при Цесаревичѣ Наслѣдникѣ Николаѣ Александровичѣ. Состоялъ наконецъ членомъ Государственнаго совѣта. Умеръ 27 марта 1882 г. въ Петербургѣ. С. былъ одно время предсѣдателемъ Общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ, основатель Строгановскаго училища въ Москвѣ, членъ-учредитель Общества древней письменности.

О графѣ С. Г. Строгановѣ:

„Чтенія въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей“ за 1882 г., кн. 2, отд. I, стр. 1—10, 1883 г., кн. IV, отд. IV,

---

<sup>1)</sup> Стр. 99.

<sup>2)</sup> Стр. 400.

стр. 17—18 и „Русская Старина“ 1887 г., кн. IV, стр. 83—88 „Историческій Вѣстникъ“, 1882 г., кн. 5, стр. 476—477, „Газета Гатцука, 1882 г., № 14, „Нива“, № 22, „Московскія Вѣдомости“, № 88, 89, 94 и 96, „Современныя Извѣстія“, № 89 и 91, „Художественный Журналъ“, кн. IV, стр. 260, и „Свѣтъ“, № 70.

Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Выпускъ II, Русскіе писатели, умершіе въ 1882 г., стр. 47 (и прим. 3)—48, Выпускъ IV, стр. 7 и Выпускъ V, стр. 8.

Труды графа С. Г. Строганова:

О серебряныхъ вещахъ, найденныхъ во Владимірѣ и Ярославской губерніи въ 1836 и 1837 годахъ („Русскій Историческій Сборникъ, изданный Обществомъ исторіи и древностей“, М. 1840 г., т. IV, кн. 2 и 3).

Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ. М. 1849.

Русское искусство Віолле ле-Дюка и архитектура въ Россіи, отъ X по XVIII столѣтія. СПБ. 1878 г. съ XVI таблицами.

Полемика съ С. П. Шевыревымъ (изъ за Лухмановскихъ холстовъ Рафаэля) помѣщена въ февральскихъ №№ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1851 г.

Подъ руководствомъ графа изданы:

Древности Россійскаго государства. М. 1849—1853 г.

Записка князя Адама Чарторижскаго объ его политическомъ положеніи („Русскій Архивъ“, 1876 г., кн. I).

Главные пункты обвиненія, которые выставляетъ М. П. Погодинъ противъ С. Г. Строганова, суть слѣдующіе: 1) Строгановъ, пренебрежительно относясь къ старому университету, всю надежду свою возлагалъ на молодыхъ профессоровъ, которые, однако, не оправдываютъ его упованій. Ученая жизнь Университета заглохла. Даже юридическое отдѣленіе, которымъ Строгановъ особенно интересовался—болѣе, чѣмъ словеснымъ,—



не отличается. Въ гимназіяхъ попечителя обманываютъ, и дѣло поставлено хуже, чѣмъ прежде. Самъ Строгановъ, какъ личность, многого (напр., классицизма) не понимаетъ изъ того, чтò поддерживаетъ.

Онъ воображаетъ себя умнѣ всѣхъ, мѣшается во все, даже въ мелочи, думаетъ, что все устраивается по его предначертаніямъ, а самъ между тѣмъ находится во власти посредственности и слушаетъ—нелѣпыя навѣты юношей...

Трудно доказать, но трудно и окончательно опровергнуть справедливость упрековъ Погодина, ибо мы не имѣемъ еще достаточно фактовъ для рѣшенія вопроса.

Мы не думаемъ здѣсь писать біографію графа С. Г. Строганова или давать полную оцѣнку его дѣятельности. Мы просто приводимъ нѣсколько собранныхъ нами свидѣтельствъ и предоставляемъ читателю произнести свое сужденіе. Замѣтимъ, что графъ С. Г. Строгановъ могъ бы многое сдѣлать для своего округа, чтò даже было бы недоступно для всякаго другого, ибо, по свидѣтельству Ѳ. И. Буслаява, онъ „могъ дѣйствовать въ управленіи учебнымъ округомъ *вполнѣ самостоятельно и независимо* отъ... министерскихъ предписаній... благодаря милостивому расположенію, которымъ всегда пользовался со стороны Императора Николая Павловича, и всякій разъ сносился съ нимъ лично, когда не соглашался съ распоряженіями министра народнаго просвѣщенія („Мои воспоминанія“, стр. 305—306).

Насчетъ университета прибавимъ сюда слова того же М. П. Погодина въ его „Школьныхъ воспоминаніяхъ“ (1814—1820 гг.). Изъ моихъ записокъ, „Вѣстникъ Европы“ за 1868 г., т. IV, кн. VIII, августъ, стр. 614:

„Всѣ эти господа (новые профессора) возмечтали бытъ преобразователями и, надменные филистерскою гордостью, объявили, что имъ предлежитъ начинать дѣло науки, которой до нихъ въ университетѣ будто не существовало, и что все старое должно подвергнуть остракизму!

Начальства увлеклись ими и бросились имъ въ объятія: одинъ (т. е. Строгановъ) думалъ начать съ ними новую эру. Это—*эра* въ университетѣ! „Нѣтъ“, отвѣчалъ я, „а развѣ *еръ*“!

Еще объективнѣе судить М. П. Погодинъ о графѣ С. Г. Строгановѣ въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ: „Этотъ попечитель дѣятельный (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IX, стр. 248—250) и совершенно преданный своей обязанности. Съ утра до вечера онъ занимался Университетомъ по крайнему своему разумѣнію. Онъ умѣлъ возбудить къ себѣ уваженіе и даже *страхъ*, чему, разумѣется, содѣйствовало его имя, значеніе, *сила, богатство*. Профессоры и всѣ чиновники, сознавая его бдительное наблюденіе, старались быть исправными. Это очень важно. Съ студентами обходился онъ очень хорошо, входилъ въ ихъ состояніе, помогалъ имъ, былъ снисходителенъ, чѣмъ и приобрѣлъ ихъ расположеніе. Много помогъ ему въ этомъ отношеніи инсп. *П. С. Нахимовъ* (братъ севастопольскаго героя. Это, дѣйствительно, одипъ изъ тѣхъ скромныхъ дѣлателей, кои создали блескъ строгановскаго періода въ жизни университета), очень способный для исполненія этой должности. Система же его оставалась тогда *тайною* для большинства, и слѣдовательно, не могла подавать повода къ его обвиненію. На *профессоровъ* онъ смотрѣлъ, какъ на *орудія*, и покровительствовалъ только *своимъ*, т. е. привезеннымъ съ собою молодымъ путешественникамъ, съ которыми думалъ начать *новую эру* въ университетѣ. Всѣхъ старыхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ онъ старался стѣснять или *удалять*: меня, Дядьковскаго, Павлова <sup>1)</sup>, Перевощикова, Давыдова, Шевырева, Кубарева. Молодые профессоры, вѣроятно, *содѣйствовали* ему въ этомъ настроеніи и поддерживали его, но сами они недолго оставались на этой степени, да и онъ *не умѣлъ* поддержать въ нихъ того жара, съ которымъ они начали свое поприще.... *Ни одной* черты

<sup>1)</sup> Т. е. всѣхъ, кѣмъ блисталъ и славился старій университетъ

*добродушии* въ графѣ Строгановѣ я никогда не подмѣтилъ; кажется, это человекъ *сухой, эгоистъ, аристократъ и систематикъ*.

*Гимнази* при графѣ Строгановѣ находились въ *удовлетворительномъ* положеніи, потому что онъ занимался ими еще больше, чѣмъ университетомъ. Онъ имѣлъ *строгий* надзоръ за употребленіемъ казенныхъ денегъ, и при немъ тратить ихъ попусту для правленія было гораздо труднѣе.

Выбирать людей онъ не имѣлъ способности, и *выборъ* его большею частью были не только неудачные, но даже *нелѣпные*. Напримѣръ, я въ началѣ, при хорошихъ еще съ нимъ отношеніяхъ приставалъ къ нему о порученіи *Венелину* словенскихъ нарѣчій, а онъ доставилъ ему мѣсто инспектора въ Екатеринбургскомъ женскомъ институтѣ, къ чему онъ былъ совершенно неспособенъ. Послѣ онъ представилъ туда *Брашмана*, который одной своею фігурою, поселясь въ воображеніи молодыхъ дѣвушекъ, долженъ былъ, кажется, испортить нѣсколько поколѣній, имѣющихъ отъ нихъ произойти. Въ Воспитательный Домъ онъ представилъ *Армфельда*, также не очень пригоднаго по своей распущенности и лѣности.

Въ Дворянскомъ Институтѣ Ржевскій, провинившійся въ другомъ отношеніи, въ типографіи Грековъ не оправдалъ его ожиданій.

Въ университетѣ графъ Строгановъ не умѣлъ отличить искренней преданности наукѣ отъ *шарлатанства* и своекорыстныхъ цѣлей.

Отчужденіе его отъ меня смѣю считать несчастіемъ для русскаго просвѣщенія, ибо, оставаясь посредникомъ между имъ и министромъ,—съ полнымъ знаніемъ дѣла, усердіемъ и безпристрастіемъ я могъ бы принести много пользы.

Обвиню и себя, что не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго себѣ насилія и шель всегда напроломъ. Надо бы пожертво-

вать сколько нибудь своею гордостью и поприладиться ради общей пользы“ (тамъ же, стр. 250).

Весьма блестящую характеристику графа С. Г. Строганова во весь ростъ, со всѣми его достоинствами и недостатками далъ А. И. Герценъ, который близко зналъ графа, бывалъ у него запросто, несомнѣнно пользовался его благорасположеніемъ. Вотъ что онъ сообщаетъ намъ о личности Строганова, о томъ впечатлѣніи, какое тотъ производилъ:

„На мѣсто князя *Сергій* Михайловича Голицина поступилъ *Сергій* Григорьевичъ Строгановъ. Понятія Строганова, сбивчивыя и неясныя, были все же несравненно образованнѣе. Онъ хотѣлъ поднять университетъ въ глазахъ государя, отстаивалъ его права, защищалъ студентовъ отъ полицейскихъ набѣговъ и былъ либераленъ, насколько можно быть либеральнымъ, нося на плечахъ генераль-адъютантскій чинъ, и будучи смиреннымъ обладателемъ строгановскаго маіората. Въ этихъ случаяхъ не вадю забывать *la difficulté vaincue* .. Графъ Строгановъ иногда заступалъ постромку, дѣлался чисто—на чисто... възблжноно-грубымъ, особенно, когда у него разыгрывался желчный почечуй, но генеральской выдержки у него не доставало, и въ этомъ снова выражалась добрая сторона его натуры. Для объясненія того, что я хочу сказать, приведу одинъ примѣръ.

Разъ кончившій курсъ казенный студентъ, очень хорошо занимавшійся и опредѣленный потомъ въ какую то губернскую гимназію старшимъ учителемъ, услышавъ, что въ одной изъ Московскихъ гимназій открылась по его части вакансія младшаго учителя, пришелъ просить у графа перемѣщенія. Цѣль молодого человѣка состояла въ томъ, чтобы продолжать заниматься своимъ дѣломъ, на что онъ не имѣлъ средствъ въ губернскомъ городѣ. По несчастію Строгановъ вышелъ изъ кабинета желтый, какъ церковная свѣчка.

— „Какое Вы имѣете право на это мѣсто?“ спросилъ онъ, глядя по сторонамъ и подергивая усы.

— „Я потому прошу, графъ, этого мѣста, что именно теперь открылась вакансія“.

— „Да и еще одна открывается“, перебилъ графъ, „вакансія нашего посла въ Константинополь. Не хотите ли ее?“

— „Я не зналъ, что она зависитъ отъ Вашего Сіятельства“, отвѣтилъ молодой человѣкъ, „я приму мѣсто посла съ искренней благодарностію“.

Графъ сталъ еще желтѣе, однако, учтиво просилъ его въ кабинетъ.

У меня лично съ нимъ бывали прекуръзные сношенія; самое первое свиданіе наше не лишено того родного колорита, по которому съ разу узнается русская школа.

Вечеромъ какъ то во Владимирѣ сижу я дома за своей Лыбедью; вдругъ является ко мнѣ учитель гимназій, нѣмецъ, докторъ Іенскаго университета, по прозванію *Деличъ*, въ мундирѣ. Докторъ Деличъ объявилъ мнѣ, что утромъ пріѣхалъ изъ Москвы попечитель университета, графъ Строгановъ и прислалъ его пригласить меня завтра въ 10 часовъ утра къ себѣ.

— „Не можетъ быть; я его совсѣмъ не знаю, и Вы, вѣрно, перемѣшали“.

— „Это не возможно. Der Herr Graf geruhten auf's freundlichste sich bei mir zu beurkunden über Ihre Lage hier. Увы ѣдете?“

Русскій человѣкъ, я поборолся еще съ Деличемъ, убѣдился еще больше, что ѣздить совсѣмъ не нужно, и поѣхалъ на другой день....

Строгановъ звалъ меня, какъ рѣдкость, принадлежавшую прежде къ университету, какъ блуднаго кандидата. Ему просто хотѣлось меня видѣть и сверхъ того хотѣлось,—такова слабость души человѣческой,... похвастать передо мной своими

улучшеніями по университету. (Не забудемъ, что А. И. Герцена Строгановъ считалъ человѣкомъ своего круга и, разумѣется, не сталъ бы предлагать ему мѣсто „Константинопольскаго посла“).

Онъ меня принялъ очень хорошо. Наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ и скорымъ шагомъ дошелъ, до чего хотѣлъ. „Жаль, что Вамъ нельзя побывать въ Москвѣ, Вы не узнаете теперь университетъ; отъ зданія и аудиторій до профессоровъ и объема преподаванія, все измѣнилось“, и пошелъ, и пошелъ.

Я очень скромно замѣтилъ, чтобы показать, что я внимательно слушаю, и не пошлый дуракъ, что, вѣроятно, преподаваніе оттого такъ измѣнилось, что много новыхъ профессоровъ возвратилось изъ чужихъ краевъ.

— „Безъ всякаго сомнѣнія“, отвѣчалъ графъ, „но сверхъ того духъ управленія: единство, знаетъ, моральное единство“...

Впрочемъ, отдадимъ ему справедливость: онъ своимъ „моральнымъ единствомъ“ больше сдѣлалъ пользы университету, чѣмъ Земляника—своей больницѣ „честностію и порядкомъ“. Университетъ очень много обязанъ ему, но все же нельзя не улыбнуться при мысли, что онъ хвастался этимъ передъ человѣкомъ, сосланнымъ подъ надворъ за политическіе проступки. Вѣдь это стѣдить того, что человѣкъ, сосланный за политическіе проступки, безъ всякой необходимости поѣхалъ по зову генераль-адъютанта. О Русь! что же тутъ удивительнаго, что иностранцы ничего не понимаютъ, глядя на насъ!

Второй разъ я видѣлъ его въ Петербургѣ, именно въ то время, когда меня сослали въ Новгородъ. Сергѣй Григорьевичъ жилъ у брата своего, министра внутреннихъ дѣлъ. Я входилъ въ залу въ то самое время, какъ Строгановъ выходилъ. Онъ былъ въ бѣлыхъ штанахъ и во всѣхъ своихъ регаліяхъ, лента черезъ плечо; онъ ѣхалъ во дворецъ. Увидя меня, онъ остановился и, отведя меня въ сторону, сталъ спрашивать о моемъ дѣлѣ. Онъ и его братъ были возмущены безобразіемъ моей ссылки.

Это было во время болѣзни моей жены, нѣсколько дней послѣ рожденія малютки, который умеръ. Должно быть, въ моихъ глазахъ, словахъ было видно большое негодованіе или раздраженіе, потому что Строгановъ вдругъ сталъ меня уговаривать, чтобы я переносилъ испытанія съ христіанскою кротостью. „Повѣрьте“, говорилъ онъ, „каждому на свой пай достается нести крестъ“.

„Даже и очень много иногда“, подумалъ я, глядя на всевозможные кресты и крестики, застилавшіе его грудь, и не могъ удержаться, чтобы не улыбнуться.

Онъ догадался и покраснѣлъ: „Вы, вѣрно, думаете“, сказала онъ, „хорошо молъ ему проповѣдывать. Повѣрьте, что *tout est compensé*—по крайней мѣрѣ, такъ думаетъ Азаисъ“. Сверхъ проповѣди, онъ и Жуковский, дѣйствительно, хлопотали обо мнѣ, но...

Поселившись въ 1842 г. въ Москвѣ, я сталъ иногда бывать у Строганова. Онъ ко мнѣ благоволилъ, но иногда будировалъ. Мнѣ очень нравились эти приливы и отливы. Когда онъ бывалъ въ либеральномъ направленіи, онъ говорилъ о книгахъ и журналахъ, восхвалялъ университетъ и все сравнивалъ съ тѣмъ *жалкимъ* положеніемъ, въ которомъ онъ былъ въ мое время<sup>1)</sup>. Но, когда онъ былъ въ консервативномъ направленіи, тогда упрекалъ, что я не служу, и что у меня нѣтъ религіи, бранилъ мои статьи, говоря, что я развращаю студентовъ, *бранилъ молодыхъ профессоровъ*, толковалъ, что они его больше и больше ставятъ въ необходимость измѣнить присягѣ или закрыть ихъ каѳедры. „Я знаю, какой крикъ поднимется отъ этого, Вы первый будете меня называть вандаломъ“.

Я склонилъ голову въ знакъ подтвержденія и прибавилъ: „Вы этого никогда не сдѣлаете, и потому я Васъ могу искренно поблагодарить за хорошее мнѣніе обо мнѣ“.

---

<sup>1)</sup> Ср. выше, стр. 198—199.

— „Непремѣнно сдѣлаю“, ворчалъ Строгановъ, потягивая усъ и желтѣя, „Вы увидите“.

Мы всѣ знали, что онъ ничего подобнаго не предприметъ, за это можно было позволить ему періодически пострадать, особенно взявъ въ расчетъ его маіоратъ, его чинъ и почечуй“. (А. И. Герценъ, Сочиненія, т. VII, „Былое и думы“. т. I, стр. 346—351).

„Сторону ненаходчивости у Строганова, надъ которой часто зло подсмѣивался Чаадаевъ, я совсѣмъ напротивъ ставлю ему въ большое достоинство.

Говорятъ, что... послѣ февральской революціи увлекся и Строгановъ. Онъ будто бы настоялъ въ новомъ цензурномъ совѣтѣ на воспрещеніи пропускать что бы то ни было изъ писаннаго мною“ (стр. 352).

Что касается гимназій, то судьба ихъ у насъ въ Россіи—совсѣмъ еще не обслѣдована. Одно извѣстно намъ: что касается обращенія съ учениками, то порка процвѣтала при графѣ С. Г. Строгановѣ въ гимназіяхъ въ полномъ размѣрѣ. Въ самой Москвѣ въ I гимназіи, на глазахъ графа дѣйствовалъ извѣстный инспекторъ Василій Михайловичъ Поповъ, о сѣкуторскихъ подвигахъ коего повѣствовали мнѣ два величественные свидѣтели, тогдашніе ученики гимназіи—проф. А. А. Козловъ и генераль-маіоръ К. И. Дрожинъ.

Еще лучше обрисовывается положеніе дѣла въ гимназіяхъ, а именно невыносимый гнетъ, какой испытывали учителя, въ „Воспомнаніяхъ“ Буслаева. Онъ весьма трогательно рассказываетъ исторію своего гоненія, доведшаго его до полнаго отчаянія. Замѣтимъ, что Буслаевъ былъ отличнымъ учителемъ, спеціально занимался вопросами методики преподаванія русскаго языка, и самъ отыскивалъ новые методы, обладалъ прекраснымъ, уживчивымъ характеромъ, наконецъ, былъ излюбленнымъ протеже самого попечителя, графа С. Г. Стро-



ганова и даже жилъ у него въ домѣ, въ качествѣ воспитателя его сына. Но ничто не спасло его отъ директорской прижимки:

„Теперь поразскажу вамъ кое-что о моемъ учительствѣ въ III гимназіи... Дѣло, казалось бы, налажено, какъ быть должно, но именно съ этого то пункта и началась разладаца между мною и директоромъ Погорѣльскимъ. Онъ требовалъ настоятельно, чтобы я принялъ указанный *начальствомъ* учебникъ, и по его §§ въ послѣдовательномъ порядкѣ располагалъ свои уроки. Я наотрѣзъ отказался и продолжалъ идти своимъ путемъ. Съ тѣхъ поръ Погорѣльскій сталъ меня преслѣдовать и допекать. Бывало, придетъ ко мнѣ въ классъ и остается до самаго конца урока; усадется гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, а самъ чертитъ что то карандашомъ въ своей записной книжкѣ, взглянетъ на меня и покачаетъ головой, а то руками разведетъ. Послѣ урока позоветъ съ собой въ учительскую комнату и во время смѣны при другихъ учителяхъ примется давать мнѣ нагоняй по пунктамъ, которые онъ настрочилъ у меня въ классѣ. Я отстаиваю себя, препираюсь съ нимъ зубъ за зубъ и не уступаю ему ни на волосъ. Я потѣшался и злорадствовалъ всякій разъ, когда приводилось мнѣ при свидѣтеляхъ немножко поглумиться надъ ихъ принципомъ, котораго они такъ боялись, и чѣмъ больше онъ горячился, чѣмъ сдержаннѣе и вѣжливѣе я издѣвался.

Когда напечаталъ я свою работу о преподаваніи русскаго языка и слога, казенная служба потеряла для меня всякій интересъ. А мой директоръ все не унимался и пуще прежняго сталъ нападать на меня, оскорбляя въ моей ненавистной ему особѣ не просто своего подчиненнаго, но и несчастнаго автора бесполезной книги, переполненной никому ненужною всякою всячиной. Мнѣ стало наконецъ невтерпежь. III гимназія надоѣла мнѣ и опротивѣла до нельзя. Я завидовалъ даже извозчику, который подвозилъ меня къ ея крыльцу:

онъ поѣдетъ прочь на вольную волю, а меня запрутъ въ застѣнокъ, гдѣ будутъ пытать разными пытками....

*Высоко цѣня* достоинства Погорѣльскаго и всегда *относясь къ нему благосклонно*, графъ С. Г., разумѣется, зналъ отъ него самого о моихъ съ нимъ пререканіяхъ и ссорахъ и не разъ полусутоливо журилъ меня, внушая мнѣ быть почти-тельнѣе къ старшимъ и не раздражать болѣзненного человѣка, который и безъ того страдаетъ припадками желчи. Я оправдывался, какъ могъ, говорилъ, что директору гимназіи не подобаетъ выносить соръ изъ избы, да еще прямо въ кабинетъ самого попечителя учебнаго округа, что я не лѣварь и не могу отличить, когда человѣкъ ругается со злости, и когда отъ прилива желчи,—графъ разсмѣется и махнетъ рукой.

Въ 1846 г. я рѣшилъ бросить гимназію, а также и всякую другую службу въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, только опасался препятствій со стороны графа, да и совѣстно мнѣ было говорить съ нимъ объ этомъ... Будь у меня средства, я бы, кажется, совсѣмъ эмигрировалъ по слѣдамъ княгини Волконской или нашего профессора Печерина, который и году не усидѣлъ на кафедрѣ московскаго университета“ („Мои Воспоминанія“, ч. II, гл. XXIII, стр. 302—304).

---

Какой порядокъ вещей сложился въ гимназіяхъ при Строгановѣ, можно видѣть еще изъ сообщенія О. М. Бодянскаго, тоже протеже Строганова, который стоялъ даже подъ вліяніемъ этого хитраго малоруса. Разсказъ заимствуемъ изъ статьи Ив. Фр. Павловскаго, „О. М. Бодянскій въ его дневникѣ (1849—1850 г.)“ въ „Русской Старинѣ“ за 1888 г. (г. 19), ноябрь, т. 60, стр. 410 (запись 15 декабря):

„Вечеромъ зашелъ Николай Васильевичъ Закревскій, малороссіянинъ изъ Кіева, учившійся въ Дерптскомъ университетѣ, а потомъ служившій нѣсколько лѣтъ учителемъ въ Ригѣ русскаго языка, гдѣ и женился на нѣмкѣ. Послѣ перѣхалъ въ Москву и получилъ мѣсто старшаго наставника въ пансіонѣ при Рязанской гимназіи съ общаціемъ вслѣдъ за тѣмъ и мѣста учительскаго, но смерть попечителя Московскаго университета Д. П. Голохвастова, доставившаго ему это мѣсто, не допустила его до осуществленія второго. Находясь среди людей нерусскаго происхожденія: директора - нѣмца, окружившаго себя преимущественно своими соотчичами и поляками, тоже какъ то туда насланными, онъ принужденъ былъ подать въ отставку послѣ 8 мѣсяцевъ службы. Когда онъ однажды просилъ директора представить его къ должности учителя, тотъ отвѣтилъ ему вопросомъ:

„Какъ Вы хотите, чтобы я Вася представилъ къ этому мѣсту, когда *столько нѣмцевъ* безъ мѣста!“

Единственные русскіе въ этомъ посадѣ нѣмецкомъ были: онъ, инспекторъ Егоровъ и еще кто-то третій; но два первые вышли, а послѣдній на выходѣ; инспектора *до того тѣснили*, что онъ самъ перепросился въ другую гимназію (кажется, Тверскую).“

Такое своеволіе нѣмцевъ, несомнѣнно, объясняется тѣмъ довѣріемъ и расположеніемъ, какимъ пользовалась у графа „нѣмецкая наука“...

Графу С. Г. Строганову были присущи рыцарскія чувства; но у него же подчасъ проявлялись крайне странныя, несимпатическія черты, недостойныя человѣка съ его образованіемъ и положеніемъ: мелочность, злопамятство, мстительность, издѣвательство и гоненіе людей бѣдныхъ, слабыхъ, отъ него зависящихъ. Мы видѣли выше, стр. 201—202, какъ отнесся онъ къ бѣднягѣ - учителю, просившему мѣста. Еще болѣе поучительна исторія преслѣдованій великаго палеолога и ар-

географа П. М. Строева, ничѣмъ, кромѣ науськиваній со стороны О. М. Бодянского, не объясняемая. Всесильный графъ не побрезговалъ пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы великаго ученаго, и безъ того уже обиженнаго и неопѣннаго, лишить мѣста бібліотекаря Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ (секретаремъ Общества былъ тогда Бодянской).

„И вотъ при рукоплесканіи такихъ то цѣнителей и судей <sup>1)</sup> завязалась въ Обществѣ Исторіи и Древностей интрига, имѣвшая цѣлю свергнуть П. М. Строева съ должности бібліотекаря Общества. Для сего пущены были въ ходъ всѣ дозволенные и недозволенные способы. Добились даже того, что предсѣдатель Общества графъ С. Г. Строгановъ 31 декабря 1846 г. написалъ слѣдующее письмо Строеву: „Еще въ прошломъ году вы сами лично мнѣ обѣщались бывать въ бібліотекѣ Общества два раза въ недѣлю—въ извѣстные дни и часы для удовлетворенія гг. членовъ Общества, и кромѣ того, по обязанности бібліотекаря являться въ засѣданія Общества съ ключами отъ шкафовъ; но между тѣмъ и донинѣ не исполнили своего обѣщанія, а члены общества непрестанно жалуются на такое стѣсненіе съ вашей стороны. А потому Общество въ прошломъ засѣданіи (28 декабря 1846 г.) опредѣлило: просить васъ покорнѣйше представить въ слѣдующее засѣданіе свои объясненія по этому предмету, чтобы, рассмотрѣвъ ихъ, можно было принять ему свои мѣры для устраненія такого стѣсненія въ пользованіи членовъ бібліотекою Общества“.

Какъ бы возраженіемъ на эту официальную бумагу могутъ служить слѣдующія строки изъ письма М. П. Пого-

---

<sup>1)</sup> Какъ изгнанный изъ университета за взятки проф. латинскаго языка (см. выше, стр. 38) А. М. Кубаревъ, считавшій П. М. Строева «ничтожествомъ»!

дина къ Строеву: „Что за обязанность взяли вы на себя, и для чего сидѣть въ библіотекѣ? Развѣ не могутъ нуждающіеся относиться записками?“

Но Пав. Мих. хорошо понималъ, что дѣло вовсе не въ стѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ будто бы членами Общества. *Нужно было во что бы то ни стало очистить мѣсто библіотекаря, и Строеву оставалось покориться необходимости.* По полученіи вышеприведенной бумаги графа Строганова онъ въ радости враговъ своихъ просилъ увольненія отъ званія библіотекаря.

Въ ближайшемъ засѣданіи Общества (25 января 1847 г.) на мѣсто Строева въ библіотекари избранъ былъ *В. М. Ундольскій*, которому и поручили принять библіотеку въ присутствіи депутата *П. В. Хавскаго*. Повидимому, Пав. Мих. находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ своимъ преемникомъ; они дружески переписывались между собою, не смотря на то, что жили въ одномъ городѣ и чуть ли не по сосѣдству“... И Ундольскій неоднократно обращался къ Строеву съ просьбою выдать ему нужныя книги и рукописи.

„Не смотря однако на эти отношенія, Ундольскій, вѣдомствуемый завѣтымъ врагомъ Строева, Бодянскимъ (тоже однимъ изъ Строгановскихъ подручниковъ), былъ душою интриги; сдача библіотеки Общества сопровождалась для Строева *большими непріятностями*, причиною которыхъ былъ именно В. М. Ундольскій. *Не успѣли* еще подписать протокола 25-го января о сдачѣ библіотеки Общества, какъ П. М. Строевъ получаетъ *грозное письмо* отъ графа Строганова, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „такъ какъ Общество *по сію пору* не видитъ съ вашей стороны никакого начала, то я, желая *какъ можно скорѣе* доставить Обществу свободное пользованіе его библіотекою, рѣшаюсь *самъ* присутствовать при сдачѣ вами оной“. (Попечитель учебнаго округа находилъ время досаждать скромному археологу). Письмо это было отправлено 4 марта, а 18 го А. М. Кубаревъ съ *восторгомъ* писалъ

И. П. Сахарову: „Графъ Сергѣй Григорьевичъ самъ принимаетъ библіотеку у Строева“...

Но Строева не устрасило грозное письмо графа Строганова, и онъ спокойно отвѣчалъ ему: „На письмо Вашего Сіятельства (отъ 4 марта), мною сего утра полученное, имѣю честь отвѣтствовать: Протоколъ засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 25 января о сдачѣ библіотеки Общества г. Ундольскому подписанъ только 28 февраля и напечатанъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ вчера: слѣдовательно, *къ сдачѣ нельзя было приступить ранѣе нынѣшняго дня*. Библіотека въ порядкѣ, и я готовъ сдавать хоть сейчасъ: сдачу можно произвести въ четыре приема, но это будетъ зависѣть отъ степени расторопности новаго библіотекаря, въ которой я не такъ то увѣренъ. Намѣреніе Ваше, Сіятельный Графъ, присутствовать лично при сдачѣ библіотеки я *принимаю* не только съ живѣйшимъ удовольствіемъ, но съ особенной Вашему Сіятельству *благодарностью* и осмѣливаюсь за такое вниманіе нижайше вамъ поклониться. Въ пятницу 7-го марта, чтобы упредить пріѣздъ Вашего Сіятельства въ библіотеку, я явлюсь въ 12<sup>1/2</sup> часовъ и потомъ совершенно готовъ приходить къ сдачѣ хоть ежедневно“.

21 мая 1847 г. П. М. Строевъ, покончивъ сдачу библіотеки, развязался навсегда съ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ...

Впослѣдствіи самъ В. М. Ундольскій рассказывалъ *не безъ раскаянія*—близкимъ къ нему людямъ, что ему *вельно* было произвести приемъ библіотеки *самой стройнѣй*, что онъ и исполнилъ съ точностію.

Такъ печально закончилъ П. М. Строевъ свою почтенную дѣятельность въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, вѣчнымъ памятникомъ которой остается составленное имъ *Описаніе библіотеки Общества*....

А годъ спустя, когда Общество постигло крушеніе за

напечатаніе Флетчера, при которомъ слетѣлъ Бодянской и уцѣлѣлъ Ундольскій, тотъ же Кубаревъ пишетъ и тому, и другому, и третьему такой панегирикъ: „Графъ Строгановъ до такой степени былъ ослѣпленъ Бодянскимъ, что далъ ему власть дѣлать, что онъ хочетъ. Вѣрите мнѣ, что *нельзя было противорѣчить*, чтобы не подвергнуться *инѣ* графа. Объяснить себѣ такое пристрастіе можно только тѣмъ, что графъ *по незнанію дѣла*, видя, какъ Бодянской тискаетъ каждый мѣсяць по толстой книгѣ, считалъ его чудомъ учености“... (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, гл. XXI, стр. 431—434 *passim*).

Мы видѣли, какъ П. М. Строевъ сдавалъ библіотеку Общества; не такъ онъ ее принималъ:

„Строевъ при самомъ вступленіи своемъ въ библіотекари Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ встрѣтилъ разныя затрудненія. Библіотеку пришлось принимать отъ Е. Ѳ. Корша, который, не окончивъ сдачи, уѣхалъ въ С.-Петербургъ. Такъ что П. М. былъ поставленъ въ недоумѣніе: „какимъ образомъ долженъ онъ докончить пріемъ общественной библіотеки“? Вообще библіотекарство это принесло ему много непріятностей и огорченій.

31 янв. 1843 г. Общество, имѣя въ виду, что „библіотека его еще не описана, не смотря на многократные вызовы многихъ членовъ, опредѣлило: отнестись къ г. библіотекарю Общества П. М. Строеву официальной бумагою и просить его приступить къ описанію въ скорѣйшемъ времени, объяснивъ, что Общество не можетъ по многимъ причинамъ оставить ее въ такомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые члены, какъ напр., г. *Бодянской*, *требуютъ неотлагательно* доступа къ библіотецѣ“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды П. М. Строева, стр. 408).

Но за того же П. М. Строева судьба жестоко наказала графа С. Г. Строганова, какъ увидимъ ниже.

„Во дни секретарства Бодянского въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійск. былъ поднятъ вопросъ объ изданіи перевода сочиненія Флетчера „О государствѣ Россійскомъ“ etc.; *противъ* этого предпріятія Общества *возсталъ* П. М. Строевъ, доказывая, что это предпріятіе можетъ лишить Общество драгоценнаго права собственной цензуры; но за это *предвидѣніе* почтенный археографъ *испыталъ оскорбленіе* со стороны президента Общества. Подъ 4-мъ марта 1847 г. Погодинъ записалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Бѣляевъ рассказывалъ, какъ Строгановъ *прогналъ* Строева *изъ собранія*“. Слухъ объ этомъ скоро достигъ Петербурга, и И. И. Давыдовъ съ справедливымъ негодованіемъ писалъ Погодину: „Ему съ рукъ сошла и *дерзость* со Строевымъ, и тогда никто не двинулся съ мѣста, когда непременно должно было всѣмъ встать и выйти изъ собранія, оставивъ его съ секретаремъ и актуаріемъ“.

27 декабря 1847 г. князь М. А. Оболенскій представилъ Обществу подлинникъ и переводъ Флетчерова сочиненія, снабженный предисловіемъ, и по распоряженію предсѣдателя графа Строганова переводъ Флетчера былъ напечатанъ въ „Чтеніяхъ“. Книжка вышла въ октябрѣ 1848 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ находился въ это время въ Москвѣ и распорядился пріостановкою выдачи книжки, отобраніемъ уже розданныхъ экземпляровъ и вырѣзкою изъ нихъ статьи Флетчера. 27 ноября 1848 г. Общество было увѣдомлено, что Государь Императоръ повелѣлъ разсматривать изданія Общества на общемъ основаніи, что и было поручено цензору Флерову.

„Такимъ образомъ *оправдалось* предвидѣніе П. М. Строева, и Общество лишилось своего драгоценнаго права собственной цензуры“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. X, стр. 157—159 *passim*). Строгановъ же попалъ подъ опалу Государя и лишился мѣста.

Постоянное стремленіе графа С. Г. Строганова въ самовластію явственно проступаетъ и въ его дѣйствіяхъ въ каче-



ствѣ предсѣдателя Комитета, учрежденнаго въ 1844 г. въ Москвѣ для изданія Описанія Древностей Россійскаго Государства, членомъ котораго былъ назначенъ между прочимъ и Строевъ. На изданіе было отпущено 98,600 р. Положеніе дѣлъ въ комитетѣ отлично обрисовано Строевымъ въ его докладной запискѣ:... „Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я возобновленія засѣданій Комитета (за два года ихъ было всего 4), чтобы узнать свои обязанности и будущій ходъ дѣлъ; но до сего времени (то есть до 7 января 1846 г.) не было ни одного засѣданія, и какъ сказываютъ, *не будетъ*. Г. Предсѣдатель Комитета *поручилъ* составленіе текста, присмотръ за литографіею и вообще все изданіе книги „Древностей Россійскаго Государства“ членамъ Вельтману и Снегиреву, *назначивъ* первому 900 р., второму 600 р. ежегодно; а на г. Загоскина *возложилъ* обязанность казначея хранить получаемыя изъ Кабинета деньги и заносить въ шнуровую книгу расходы. До сего времени получено 12000 руб. сер. Все это мнѣ извѣстно *по дошедшимъ слухамъ*. Г. Предсѣдатель хранитъ молчаніе и въ засѣданія *не приглашаетъ*, члены дѣйствующіе отъ вопросовъ о дѣлахъ Комитета *уклоняются* рѣшительно. Положеніе мое совершенно странное: я членъ Комитета, отъ совѣщаній и занятій его *отстраненъ*, въ случаѣ же какой-либо отвѣтственности подвергаюсь ей *наравнѣ* съ участвующими. Согласенъ, что ничего подобнаго не произойдетъ, но чловѣку съ малымъ состояніемъ и большимъ семействомъ всякая боязнь извинительна: 98,600 руб. сер. приводятъ въ трепетъ невольно. Профессоръ Шевыревъ при свиданіи со мною очень недавно сказывалъ, что положеніе его, какъ члена комитета, совершенно такое же“.

По обстоятельствамъ, изъясненнымъ въ запискѣ, П. М. Строевъ просилъ уволить его отъ званія члена Комитета для изданія „Древностей Россійскаго Государства“ (Н. П. Бар-

сузовъ, Жизнь и труды П. М. Строева, гл. XXI, стр. 414—416 *passim*).

„Мепенатство“ графа С. Г. Строганова не можетъ не подвергнуться сомнѣнію, если мы вспомнимъ жестокую ненависть его къ философіи. Еще въ ту пору, когда онъ былъ офицеромъ, ему удалось, благодаря доносу, сильно повліять на судьбы этой науки въ Россіи. Случилось это такимъ образомъ:

„Въ 1826 г. Давыдовъ началъ было читать въ университетѣ философію по системѣ Шеллинга. Но послѣ пробной лекціи, напечатанной особенною книжечкой („О возможности философіи, какъ науки“), чтенія его не продолжались. На лекціи былъ находившійся въ Москвѣ по случаю коронаціи императора Николая I, графъ С. Г. Строгановъ, тогда еще флигель-адъютантъ, и направленіе и духъ чтенія признаны несогласными съ тогдашнимъ взглядомъ правительства на университетское преподаваніе“ (Н. Розановъ, Воспоминанія о Д. М. Велланскомъ, стр. 125—„Русскій Вѣстникъ“ за 1867 г., т. 72, ноябрь).

„На лекціи налагалось иногда veto, какъ, напр., на лекціи Давыдова.

Онъ прочелъ всего двѣ или три лекціи исторіи философіи; на этихъ лекціяхъ, между прочимъ, говорятъ (я еще не былъ тогда въ университетѣ), присутствовалъ пріѣзжій изъ Петербурга флигель-адъютантъ, и вслѣдствіе его донесенія будто бы лекціи были закрыты. Говорили, что въ нихъ проявлялось свободомысліе, противное... не знаю чему. Я не читалъ этихъ лекцій.

Гдѣ же, казалось бы, и проявляться свободомыслію, какъ не въ философіи? Но, какъ бы то ни было, лекціи были закрыты“. (И. А. Гончаровъ, Изъ университетскихъ воспоминаній. Какъ насъ учили, 50 лѣтъ назадъ, стр. 492. „Вѣстникъ Европы“ за 1887 годъ, апрѣль, или полное собраніе сочиненій, 1889 г., т. IX, стр. 7).

Еще подробнѣе о томъ рассказываетъ *Третьяковъ*:

„Въ маѣ мѣсяцѣ 1826 г. осматривалъ университетъ по Высочайшему повелѣнію новаго государя флигель-адъютантъ Е. В. гр. С. Г. Строгановъ. Случилось такъ, что въ это самое время проф. Давыдовъ читалъ вступительную лекцію свою „О возможности философіи, какъ науки“. Гр. Строгановъ, выслушавъ лекцію, запретилъ дальнѣйшее чтеніе объ этомъ предметѣ. Такое неожиданное распоряженіе флигель-адъютанта Строганова произвело на всѣхъ членовъ университета сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, я имѣю причину полагать, что Писаревъ имѣлъ отъ директора Языкова свѣдѣніе о томъ, что бывшій министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія вв. А. Н. Голицынъ въ 1825 г. доносилъ Императору Александру I-му, что открытое распространеніе философіи въ университетѣ ввергаетъ въ близкую опасность и церковь Господню, и отечественное правленіе, а потому умолялъ Государя уничтожить это зловерное ученіе въ самомъ его началѣ. Но при всемъ томъ Писареву не было извѣстно, этимъ ли донесеніемъ руководствовался гр. Строгановъ, или чѣмъ либо другимъ, а равно и о томъ, въ какомъ видѣ описалъ онъ Государю все касающееся университета, ибо въ скоромъ времени пронеслась въ Москвѣ вѣсть, что Писаревъ будетъ уволенъ отъ должности попечителя, и на мѣсто его поступитъ графъ Строгановъ“ (Воспоминанія Михаила Прохоровича Третьякова, Императорскій Московскій Университетъ въ 1799—1830 гг., гл. VII, стр. 545—546, „Русская Старина“ за 1892 г., т. 75, сентябрь).

Донось графа С. Г. Строганова имѣлъ очень прискорбныя послѣдствія. И. И. Давыдовъ, попавшій въ „отважные якобинцы“ (см. выше, стр. 152), измѣнилъ философіи и совершенно измѣнился также въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ нравственномъ упадкѣ склонившагося предъ грозой, слабого И. И. Давыдова не мало виноватъ вышеуказанный поступокъ графа, который былъ впрочемъ, какъ видно, принципіальнымъ гони-

телемъ философіи, ничуть не уступая въ этомъ отношеніи ни Магницкому, ни Рувичу, ни Карпѣву: „Я“, говорилъ онъ А. И. Герпену 7 января 1844 года (Сочиненія, Дневникъ, т. I, стр. 158), „*всѣми мѣрами буду противодѣйствовать гегелизму и нѣмецкой философіи. Она противорѣчитъ нашему богословію. На что намъ раздвоенность, два разные догмата, догматъ откровенія и догматъ науки? Я даже не приму того направленія, которое афишируетъ примиреніе науки съ религіею: религія въ основѣ*“. Благодаря инциденту съ Давыдовымъ, преподаваніе философіи въ Московскомъ университетѣ прекратилось чуть не на 20 лѣтъ. Даже потомъ, когда графъ самъ сталъ подумывать о замѣщеніи катедры философіи, какъ нарочно вышло, что было отказано лучшимъ кандидатамъ: *С. С. Гогоцкому, П. С. Авсееву, славянофилу И. В. Куртескому*, и былъ выбранъ бездарный невѣжда, съ духовно-академическимъ образованіемъ—*И. М. Терновскій* (братъ проф. П. М. Терновскаго), котораго самому же графу по жалобѣ студентовъ пришлось черезъ годъ уволить (см. V т. „Философіи въ Россіи“, стр. 36—37).

---

Печальное впечатлѣніе производитъ преслѣдованіе „опасныхъ славянофиловъ“:

„Когда диссертация К. С. Аксакова была напечатана, съ нею приключилась неприятная исторія. Строгановъ, по свидѣтельству Шевырева, „велѣлъ остановить ее черезъ полицію“. Дѣйствительно, 3 января 1847 г. Строгановъ писалъ Уварову: „Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1845 г. одобрено было къ напечатанію Совѣтомъ Московскаго университета писанное на степень магистра разсужденіе кандидата Аксакова подъ заглавіемъ: „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка“. Книга эта нынѣ вышла азъ печати, и одинъ

экземпляръ оной доставленъ ко мнѣ самимъ авторомъ. По разсмотрѣніи этого сочиненія я нашелъ въ немъ многія мысли и выраженія, отъ страницы 44 до 60, *весьма рѣзкія и неприличныя*, относящіяся до Петра Великаго и политическихъ его преобразованій. *Можетъ быть*, ученое содержаніе книги и допускаетъ такого рода сужденія о дѣйствіяхъ Великаго Преобразователя,—сужденія, выраженныя въ формѣ, не для всякаго доступной, но тѣмъ не менѣе я призналъ ихъ съ своей стороны вовсе неумѣстными и непозволительными—въ диссертациі, назначенной для публичнаго диспута; почему и предписалъ ректору Московскаго университета, пріостановивъ продажу оной, подвергнуть ее новой цензурѣ декана 1-го отдѣленія филологическаго факультета и выпустить при этомъ весь отдѣлъ, заключающійся отъ 44 до 60 страницы, а также предложилъ и здѣшнему цензурному комитету, чтобы ни въ одномъ изъ выходящихъ въ Москвѣ повременныхъ изданій не позволять никакихъ разборовъ помянутаго сочиненія. Для предупрежденія же могущихъ дойти досвѣдѣнія Вашего Сіятельства какихъ-либо извѣстій объ этой книгѣ *отъ посторонняго вѣдомства* я считаю долгомъ представить при семъ на Ваше благоусмотрѣніе одинъ экземпляръ оной, съ тѣмъ, что если Вы найдете нужнымъ сдѣлать относительно ея какія-либо *новыя* распоряженія, то я буду *ожидать* объ этомъ Вашего, Милостивый Государь, увѣдомленія. (Здѣсь Строгановъ какъ будто старается подстревнуть министра еще увеличить гоненіе на К. Аксакова отъ себя и запугиваетъ его возможностью вмѣшательства въ дѣло жандармской полиціи).

Вмѣстѣ съ симъ, имѣя въ виду направленіе нѣкоторыхъ С.-Петербургскихъ журналовъ, готовыхъ воспользоваться выходомъ подобнаго рода сочиненія, чтобы толковать и объяснять его къ соблазну другихъ, я полагалъ бы съ своей стороны необходимымъ, если бы противъ этого приняты бы та-

вія же мѣры, какія предложены мною Московскому цензурному комитету“.

Мы видимъ, что графъ С. Г. Строгановъ не удовольствовался тѣмъ преслѣдованіемъ, какое было воздвигнуто въ предѣлахъ Московскаго учебнаго округа, но хотѣлъ поразить книгу К. С-ча даже и въ *чужихъ* округахъ... Эти поступки удивили и огорчили брата гонимаго—Ивана Сергѣевича Аксакова, который писалъ 11 января 1847 г. своему отцу: „Я не думаю, чтобы графъ могъ поступить такъ! Дѣло гласно, и наступаетъ *серьезная развязка*, такъ что *не диспутъ* и участь книги меня занимаютъ, а *судьба автора*... Графа, вѣрно, кто-нибудь *подучиваетъ*“... (Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ, т. I, стр. 406—407).

Очевидно, въ обществѣ уже считали возможнымъ переселеніе автора *куда-либо*, подальше отъ Москвы. Но, благодаря Бога, дѣло обошлось не такъ плохо, какъ хотѣлъ графъ Строгановъ. 6 марта 1847 г. К. С. Аксаковъ съ успѣхомъ защитилъ свою диссертацию<sup>1)</sup>, надъ которою работалъ 5 лѣтъ, и которую читали въ факультетѣ 8 мѣсяцевъ.

Гоненію отъ графа С. Г. Строганова подвергался не только К. С. Аксаковъ, попавшій въ сферу его вліянія—въ университетъ, благодаря магистерскому экзамену и защитѣ диссертациі, но и другіе члены славянофильскаго кружка, какъ то: А. С. Хомяковъ. Правда, тутъ мотивы были нѣсколько иные. А. С. Хомяковъ, какъ членъ аристократическаго круга общества, отставной кирасиръ и *неслужащій* помѣщикъ, могъ позволять себѣ больше, чѣмъ другіе, и даль попробовать С. Г.—чу остроту своего языка.

---

<sup>1)</sup> Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VIII, стр. 343—344.

*П. Бартеневъ* сообщаетъ (при письмахъ *А. С. Хомякова* къ *А. Н. Попову*, между письмами № 13 и 14 („Русскій Архивъ“, г. 22, за 1884 г., II, 4, стр. 305) слѣдующее:

„Графъ *Блудовъ* спрашивалъ *Хомякова*, что за причина нерасположенія къ нему бывшаго попечителя. *Хомяковъ* въ отвѣтъ на это повинился въ невоздержности языка своего и рассказалъ, что однажды случилось ему поспорить съ графомъ *Строгановымъ*, который на замѣчаніе *Хомякова*, почему онъ не хочетъ чего то сдѣлать, отвѣчалъ: *Noblesse oblige!* *Хомяковъ* возразилъ ему слѣдующимъ апологомъ. Въ Парижѣ воспитывались два друга—островитянина съ *Отяити* и очень усердно учились. Обстоятельства потребовали одного изъ нихъ домой, и на своемъ островѣ онъ сдѣлался виднымъ дѣятелемъ. Прошли года. Другой островитянинъ докончилъ ученіе и тоже возвратился на родину. Бывшій парижскій пріятель очень ему обрадовался, но перервалъ первое же свиданіе, отозвавшись, что на этотъ разъ ему недосужно, и что онъ непременно долженъ отправиться на жертвоприношеніе, что будетъ закононѣсколько человекъ плѣнниковъ, и что его отсутствіе на такомъ торжествѣ невозможно.—„Помилуй“, говоритъ ему его другъ: „ты ли это? Какъ же ты можешь участвовать въ людоедствѣ?“—„Что дѣлать, мой милый! *Noblesse oblige!*“

О томъ же есть записъ *О. М. Бодянскаго* въ его дневникѣ подъ 21 декабря 1850 г.

„*А. С. Хомяковъ* на обѣдѣ у *Аксаковыхъ* рассказалъ анекдотъ (самимъ имъ выдуманный, но выданный за слышанный или вычитанный) на вечерѣ у графини *Апраксиной* въ присутствіи графа *С. Г. Строганова* о томъ, что на какомъ то островѣ велось исповонъ, кто вступалъ на престолъ царскій,—сѣсть непременно человека. Когда спросили разъ вступившаго только что на престолъ царя, каково нравится ему это кушанье, и что за причина такого страннаго вкуса, отвѣчалъ:

— „Оно вовсе мнѣ не по нутру, но видите, такъ ведется де изстари“.

Графъ и графиня *поняли намекъ* и съ тѣхъ поръ не жаловали анекдотиста, который прибавилъ:

— „И правду сказать, есть за что. Я никогда не могъ ужиться съ аристократами, никогда не покланялся имъ!“

— „За то, конечно“, поддержалъ *Свербеевъ*, „готовъ валяться въ ногахъ черни“.

Общій смѣхъ удовольствія разразился со всѣхъ сторонъ, даже самъ рассказчикъ видимо былъ доволенъ этимъ“ (Ив. Фр. Павловскій,—О. М. Бодянский въ его дневникѣ [1849—1850], „Русская Старина“, за 1888 г. [г. 19], ноябрь, т. 60, стр. 411).

---

Графъ С. Г. Строгановъ подводилъ славянофиловъ подъ гибель безъ всякаго сожалѣнія, распространяя о нихъ ложныя и несправедливыя мнѣнія даже предъ Царскимъ лицомъ.

„Графъ С. Г. Строгановъ такъ и оставилъ Московское попечительство, не узнавъ ближе Хомякова и друзей его, и предубѣжденный противъ нихъ не столько лично, какъ по *наветамъ* литературныхъ противниковъ Хомяковского ученія. Весною 1849 г. находясь въ Москвѣ во время праздника по случаю освященія кремлевскаго дворца (передъ Венгерскою войною), онъ не скрывалъ своего неодобренія къ ихъ дѣятельности. Во дворцѣ на вечерѣ у Государя за чаемъ, въ которому были приглашены немногіе, въ томъ числѣ графъ Д. Н. Блудовъ, Императрица Александра Теодоровна спросила: „Что это такое славянофилы? Я бы желала увидать ихъ“.— „Вашему Величеству не слѣдуетъ ихъ видѣть“, замѣтилъ графъ Строгановъ: „это—люди *опасные!*“— „Ну опасность то не очень велика“, возразилъ графъ Блудовъ, „такъ какъ *всѣ* они могли



бы помѣститься на одномъ этомъ диванѣ“. Разговоръ шель при Государѣ“<sup>1)</sup>). Замѣтимъ, что это было въ эпоху ожесточеннѣйшаго гоненія на славянофиловъ со стороны цензуры и III-го отдѣленія.

Ненависть графа не смолкала даже предъ холодною крышкою гроба и въ виду сырой могилы.

26 декабря 1846 г. умеръ извѣстный поэтъ, русакъ, патріотъ, славянофилъ—Николай Михайловичъ Языковъ. Шевыревъ почталъ его память статью, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ посвятить ему первую свою публичную лекцію; но въ этомъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе. „Не могу не передать тебѣ“, писалъ онъ Погодину,—„того горькаго, стѣсненнаго чувства, которое я испыталъ сегодня у Строганова. Приѣзжаю къ нему просить позволенія посвятить мою первую лекцію при возобновеніи курса—памяти Язикова и разбору его стихотвореній“.—„Нельзя, это будетъ *неумѣстно*“.—„Умеръ поэтъ, котораго оплакивать будутъ Жуковскій и Вяземскій, котораго пѣнилъ Пушкинъ. Я, какъ профессоръ словесности, прошу Васъ о томъ, чтобы Вы мнѣ позволили сказать публично о *заслугахъ литературныхъ* этого человѣка.—„Умеръ, ну такъ его и похоронили (sic). (Странный цинизмъ въ устахъ аристократа, графа С. Г. Строганова). Я не могу этого позволить. Это будетъ *précédent*. Послѣ этого пойдутъ рѣчи и *панегирики* въ университетѣ. Этого *никогда* не бывало“.—„Нѣтъ, прежде *всегда* бывало. Это—наша обязанность.“—„Я нахожу это *неприличнымъ*. Къ тому же послѣднія шесть лѣтъ онъ былъ въ *оппозиціи*!“—„Графъ, я не понимаю этого слова въ Россіи. Его не должно быть, какъ вѣтъ и понятія“.—„Помилуйте, я запрещаю самъ его стихи“.—„Какіе? „На памятникъ Карамзину“?—напечатаны!“—„Нѣтъ, не объ тѣхъ, а другіе. Словомъ, я *не желаю этого*“. (Всегдашняя замашка

---

<sup>1)</sup> Сообщеніе П. Бартенева, тамъ же, стр. 304—305.

его: sic volo, sic jubeo. И при всемъ томъ въ данномъ случаѣ С. Г. слѣпо исполнялъ внушенія западниковъ, не могшихъ простить покойному Языкову стихотворенія „Не наши“).— „Какъ угодно Вашему Сіятельству“.—Поклонъ, да и вонъ. Не могу быть спокойнымъ. Такъ мнѣ сталъ онъ тяжелъ. Пусть эта записочка сохранится у тебя въ томъ *прозномъ доносѣ*, который ты (т. е. Погодинъ) пишешь на нашего *усача* потомству“<sup>1)</sup>. Очевидно, пока былъ попечителемъ графъ С. Г. Строгановъ, на него нельзя было найти управы... и жаловаться можно было лишь—потомству!

Позднѣе графу С. Г. Строганову пришлось нѣчто въ своихъ мнѣніяхъ переимѣнить и на кое-что взглянуть иными глазами. Такъ г. Бартевевъ (тамъ же, стр. 305) свидѣтельствуеъ:

„Позднѣе графъ Строгановъ (пережившій Хомякова слишкомъ на 20 лѣтъ) значительно измѣнилъ свое мнѣніе о такъ называемыхъ „славянофилахъ“. Пишущему эти строки случилось слышать отъ него такой отзывъ про К. С. Аксакова: „Это былъ *святой* человекъ“. А вѣдь этого самаго „святого“ стараніями графа-попечителя чуть было не упекли въ качествѣ политически вреднаго человекъ (ср. выше стр. 219).

Безпощадно и неуставно преслѣдуя славянофиловъ, графъ усердно поддерживалъ западниковъ, особенно Т. Н. Грановскаго, который позже, однако, не одобрялъ его.

Мы видѣли, что графу пришлось измѣнить свое мнѣніе насчетъ славянофиловъ. Еще ранѣе онъ начинаетъ (уже утративъ власть надъ Московскимъ учебнымъ округомъ) разочаровываться въ нѣкоторыхъ западникахъ, и въ частности въ Грановскомъ, какъ о томъ свидѣтельствуеъ человекъ,

---

<sup>1)</sup> Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VIII, стр. 504—505.

близкій къ графу, О. М. Бодянской<sup>1)</sup> по поводу докторской диссертациі Гравовскаго объ аббатѣ Сюзерѣ (или Сугеріи):

„Графъ С. Г. Строгановъ перебралъ всѣ положенія (тезисы) диссертациі и нашелъ, что одно лишь изъ нихъ, собственно, достойно имени положенія, кажется, то самое, въ которомъ говорится объ отношеніи общинъ во Франціи къ монархіи, и въ заключеніи признался, что *теперь онъ лишь видитъ, что это профессоръ-декламаторъ, но не писатель*; что *чужое* онъ очень умѣетъ передать въ приличномъ видѣ, въ формахъ привлекательныхъ и т. п., *но самъ создавать, выразить созданное не въ состояніи* и вообще показываетъ неумѣнье, *неловкость обращаться съ перомъ*. Я внутренно сочувствовалъ ему, зная это давнымъ-давно“ (18 дек. 1849 г.). М. П. Погодинъ давно предсказывалъ это графу С. Г. Строганову (ср. выше стр. 195).

„Другіе хвалили этотъ диспутъ, но не безусловно, вообще же всѣ согласны въ томъ, что онъ былъ заранѣе подготовленъ и состоялъ во взаимномъ восхваленіи. Этого и надобно было ожидать, потому что обязанными возражателями (назначенными деканами заременно) были его два ученика С. М. Соловьевъ и П. Н. Кудрявцевъ, первый профессоръ русской исторіи, а второй—адъюнктъ докторанта. Кромѣ того, всѣ находили предметъ диссертациі „Аббатъ Сугерій“ слишкомъ частнымъ, мелочнымъ. Впрочемъ, говорятъ, что это заглавіе избрано было поневолѣ, и что диссертациія носила заглавіе „Объ общинахъ (communes) во Франціи“, но по распоряженію ректора (Черевощикова) измѣнено, какъ имя, такъ и многое другое въ ней, отчего она и сдузилась, обмелѣла. Я думаю, что богатаго содержаніемъ изслѣдованія ничто не можетъ довести до такой судьбы“ (19 дек.).

---

<sup>1)</sup> См. цитированную статью Павловскаго, стр. 398 и 400.

О томъ же диспутѣ О. М. Бодянской разсказываетъ (стр. 400, запись 19 декабря 1849 г.):

„М. А. Максимовичъ говоритъ о диспутѣ Грановскаго: безконечный напегирикъ отъ возражателей, такъ что сдѣлалось со стороны приторно. Да иначе быть не могло. Представьте, что деканъ (Шевыревъ) хотѣлъ было что-то замѣтить изъ недостатковъ диссертации, какъ вдругъ раздалась въ залѣ пальба хлопотками.“ — „Что же возражатель?“ — „Перемѣнилъ паруса, разумѣется. Говорятъ, что и у васъ что то подобное было съ Грановскимъ на его преніи магистерскомъ“.

„Тутъ я разсказалъ эту исторію“.

Особенно поучительно для характеристики графа его отношеніе къ М. П. Погодину, котораго онъ подвергалъ всякаго рода притѣсненіямъ, униженіямъ и наконецъ таки выжилъ изъ университета, очистивъ мѣсто его неблагодарному ученику, С. М. Соловьеву. Причины гоненія на Погодина были разнообразны. Погодину покровительствовалъ министръ С. С. Уваровъ, котораго терпѣть не могъ графъ С. Г. Строгановъ. Затѣмъ графъ, вѣроятно, презиралъ Погодина за его крестьянское происхожденіе (котораго, повидимому, Погодинъ имѣлъ слабость стыдиться <sup>1)</sup>). Погодинъ раскидывался: онъ занимался и наукою, и практикою, работывалъ сразу по сотнѣ темъ, торговалъ древностями и рукописями, покупалъ дома и заводилъ пансіоны: онъ не могъ преобразовать себя въ кабинетнаго „гелертера“, какими восхищался графъ. Несомнѣнно, шокировали графа и демократическія маперы Погодина: по опредѣленію С. М. Соловьева, <sup>2)</sup> Погодинъ былъ „*Болотниковъ*“ во фракѣ Министерства На-

---

<sup>1)</sup> Комично читать въ письмахъ и сочиненіяхъ Погодина, какъ онъ выражается о народѣ: «чернь».

<sup>2)</sup> Изъ незаданныхъ бумагъ С. М. Соловьева, «Извлеченія изъ записокъ, относящіяся къ 50 и 60-мъ годамъ», гл. I, стр. 22 въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. 242 (г. 40-й) за 1896 г., февраль.

роднаго Просвѣщенія“. Но самое непріятное для графа С. Г. Строганова: Погодинъ былъ изъ тѣхъ, кто „смѣлъ свое сужденіе имѣть“ и высказывалъ его не только рѣзко, но подчасъ даже и безтактно. Любопытно, что графъ, вообще считавшійся человѣкомъ прямодушнымъ, съ Погодинымъ какъ бы хитрилъ и скрывалъ себя, по крайней мѣрѣ, въ началѣ ихъ сношеній. Потомъ—графъ пересталъ уже стѣсняться и высказывалъ по отношенію къ „Болотникову XIX вѣка“ свою взбалмошность, самомнѣніе и самовластіе, не скрывая ихъ, и въ полномъ размѣрѣ. Въ „Дневникѣ“ Погодина мы находимъ любопытныя замѣтки.

Подъ 17 апрѣля—31 іюля 1837 г. „Откровенныя бесѣды съ графомъ Строгановымъ. Кажется, и любитъ, и вѣритъ, а выходитъ все не такъ. Онъ хочетъ быть всѣмъ и недоувѣрчивъ, и мнителенъ“.

Подъ 21 августа: „Цѣлый часъ просилъ графа Строганова о Чистяковѣ. Нѣтъ: попалось ему въ голову; возвышеніе гимназій и только. Не понимаетъ причинъ, ибо не знаетъ Русскихъ, но добръ и любезенъ“.

Подъ 21 сентября: „Къ графу Строганову. Очень любезенъ. Я опасался было, что не *говорятъ* ли ему обо мнѣ какихъ-либо *клеветъ*. Говорилъ съ нимъ о гимназіяхъ, онъ все слушаетъ. О церква“.

Подъ 3 октября: „Къ Строганову, для разсужденія о газетѣ и журналѣ. Слушаетъ, но не слышитъ.“

Подъ 2 ноября: „Строгановъ говорилъ Черткову, что я *унижаю себя изданіемъ книгъ*. Каково невѣжество! И каково *натолковано* ему“<sup>1)</sup>.

„Сказалъ ему просто, что я его не понимаю, и что онъ часто *поступаетъ дурно*. Досадовалъ на себя цѣлый вечеръ,

---

<sup>1)</sup> Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 15.

зачѣмъ говорилъ ему такъ искренно. Онъ впрочемъ разсказывается въ комплиментахъ, жметъ руку, увѣряетъ *въ любви и уваженіи*, изъ коихъ впрочемъ не шубу шить“ <sup>1)</sup>).

„Смѣялись съ Давыдовымъ нѣмецкимъ *privatissime*, кои заводятъ Нѣмцы, прокладывая дорогу нѣкоторымъ Русскимъ, и обманывая кругомъ слѣплого попечителя, который *считаетъ* себя зрячимъ“ (тамъ же, стр. 379).

Потомъ, однако, начались дѣйствія со стороны графа, по меньшей мѣрѣ, странныя, и несомнѣнно, недоброжелательныя.

Во время пребыванія въ Москвѣ въ концѣ 1837 г. Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича графъ С. Г. Строгановъ объявилъ Погодину, что Цесаревичъ „желаетъ получить отъ него письма о русской исторіи (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 165). „Въ концѣ 1838 г.“, повѣствуетъ самъ Погодинъ (тамъ же, стр. 175), „собравшись ѣхать въ чужіе края, я написалъ первое, вступительное письмо и передалъ его графу Строганову. О письмѣ я не имѣлъ никакого извѣстія. Вернувшись изъ чужихъ краевъ, я спросилъ графа о судьбѣ моего письма.

*Графъ Строгановъ.* Я не отправлялъ Вашего письма.

*Погодинъ.* Почему же?

*Графъ Строгановъ.* Потому что оно заключаетъ только введеніе. Я ожидалъ отъ Васъ *продолженія*, чтобы отправить *вмѣстѣ*.

*Погодинъ.* Да какой же смыслъ имѣло бы отправленіе двухъ писемъ съ одною почтою? Притомъ эти два письма имѣли бы совершенно различный характеръ. Вступительное письмо—лирическое. Въ немъ господствуетъ чувство, во-

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 378.

ображеніе. А—въ слѣдующемъ письмѣ должно начаться положительное разсужденіе. Они никакъ не могутъ быть отправлены вмѣстѣ, даже по самому содержанию.

*Графъ Строгановъ.* А я думалъ иначе.

*Погодинъ.* Прошу Васъ покорнѣйше возвратить мнѣ мое письмо.

*Графъ Строгановъ.* Извольте, я отыщу его въ своихъ бумагахъ.

„Послѣ я спрашивалъ у графа Строганова нѣсколько разъ, и всегда получалъ въ отвѣтъ, что онъ не находитъ письма. Наконецъ уже черезъ годъ, кажется, онъ возвратилъ мнѣ письмо. Перелистывая его, вдругъ нахожу я на оборотѣ послѣдняго листа собственноручную подпись графа Строганова: „Словъ много, мысль новая одна, да и то ложная!“

Тридцать лѣтъ это замѣчательное письмо пролежало подъ спудомъ и было наконецъ напечатано только въ 1867 году (тамъ же, стр. 176).

Спрашивается, для чего же нужно было графу Строганову извертываться и скрываться, когда онъ могъ прямо объяснить Погодину причины своего съ нимъ несогласія. И какое онъ имѣлъ право не отсылать письмо Погодина? вѣдь его желалъ прочитать самъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, который могъ бы согласиться и съ мнѣніями Погодина, а не графа Строганова. Но разъ мнѣніе было другое, а не его, графъ Строгановъ не далъ бумагѣ хода и самовольно задержалъ письмо, адресованное Наслѣднику и написанное по вызову послѣдняго.

Въ служебныхъ отношеніяхъ Погодинъ часто попадалъ между двухъ „пановъ“, министра и попечителя, и чувствовалъ, что отъ нихъ „драки его чубъ трещить“.

Въ отвѣтъ на письмо Погодина о продолженіи ему срока отпуска (въ заграничное путешествіе 1842 года) для *оффи-*

цѣльной поѣздкѣ въ Копенгагенъ—графъ С. Г. Строгановъ писалъ: „Имѣю честь увѣдомить, что какъ предположеніе о порученіи Вамъ посѣтить Копенгагенъ.... было сдѣлано отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія (т. е. С. С. Уварова), то о предположенной Вами (sic) поѣздкѣ въ Копенгагенъ *гораздо лучше* будетъ обратиться къ его высокопревосходительству, а я со своей стороны не могу дать подобнаго порученія, да и согласія моего на эту отсрочку, потому что она будетъ *вредна* (Погодинъ оцоздалъ всего на 6 недѣль) для университета, гдѣ Васъ ожидаетъ два курса студентовъ. Передъ отъѣздомъ Вашимъ, предвидя невозможность исполнить прежнее предположеніе ѣхать въ Копенгагенъ, Вы говорили, что будете довольствоваться (sic) свиданіемъ въ Веймарѣ съ протоіеремъ Сабининымъ <sup>1)</sup>. Какъ же Вы это забыли, *милостивый государь?* что же касается до страннаго недоразумѣнія, которому приписываете позднее доставленіе Вамъ заграничнаго отпуска, долгомъ считаю отвѣтствовать, что.... Вы получили его только 15 іюля, потому что *забыли просить* объ увольненіи своемъ *ближайшее свое начальство* (т. е. самого С. Г.). И полагаю, что приличнѣе было бы Вамъ, *милостивый государь*, возвратиться въ срокъ къ должности своей и отложить поѣздку Вашу въ Копенгагенъ до другого, болѣе благоприятнаго времени“. (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VII, стр. 46—47).

Письмо это отъ попечителя учебнаго округа, столь горячо протестовавшаго противъ научнаго предпріятія, порученнаго по службѣ профессору—волею министра („ближайшаго начальства“ для самого графа С. Г. Строганова, который все таки

---

<sup>1)</sup> Однако, надо провести маленькую разницу между свиданіемъ съ протоіереемъ Сабининымъ и поѣздкою въ Копенгагенъ, гдѣ Погодинъ долженъ былъ завязать научныя сношенія съ датскими учеными, печатавшими знаменитое изданіе Antiquitates Rossicae.



никакъ не хотѣлъ признавать въ С. С. Уваровѣ начальствѣ, за что въ послѣдствіи жестоко поплатился) не могло не смутить Погодина; но онъ, однако, скоро „пустилъ на вѣтеръ налетѣвшую *тоску*, которая по предмету своему не стоить моего вниманія“;—тѣмъ болѣе, что его жена прислала ему копію съ письма самого министра, писавшаго Погодину: „Вы не должны *безпокоиться* на счетъ срока Вашего возвращенія, имѣя *порученіе быть* въ Копенгагенѣ.... Будьте здоровы и возвращайтесь съ обновленными силами въ себя. Весь вашъ“ и т. д.

— „Ну не мило ли это письмо?“ замѣчаетъ жена Погодина: „на сердцѣ дѣлается теплѣе“ (тамъ же, стр. 47—48).

Однако, когда Погодинъ вмѣсто 22 сентября 1842 г. вернулся только 10 ноября, то вѣрно было считать опозданіе Погодина „по силѣ законовъ, *просрочкою*“ съ отиѣткою въ формулярѣ.

Но вскорѣ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ графа Строганова, что просрочка Погодина „произошла дѣйствительно отъ исполненія возложеннаго на него Министеромъ порученія войти въ сношенія съ Копенгагенскимъ Обществомъ Изыскателей Древности“ (тамъ же, стр. 61—62).

Какъ начальникъ Московской цензуры, графъ-попечитель тоже тѣснилъ и прижималъ издателя „Москвитянина“, М. П. Погодина <sup>1)</sup>.

Печатаніе „Похвальнаго Слова“ Погодина Карамзину встрѣтило затрудненіе въ Московскомъ Цензурномъ комитетѣ. М. А. Дмитриевъ, племянникъ знаменитаго И. И. Дмитриева, писалъ Погодину: „Увѣдомьте меня, любезный Михайла Петровичъ, успѣли ли Вы сладить какъ-нибудь съ цензурой?.... Долго ли терпѣть эти притѣсненія? И неужели *несчастливая* Москва не подъ тѣми же законами, подъ которыми Петер-

---

<sup>1)</sup> Ср. выше, стр. 193.

бургъ?... Въ Евангеліи сказано: „не бойтесь убивающихъ тѣло, а бойтесь убивающихъ душу“! *Строгановъ* и *Голохвастовъ* — убиваютъ душу. И Государь этого не знаетъ! онъ самъ покровительствовалъ *Карамзину*; а они преслѣдуютъ его память“ ( *Н. П. Барсуковъ*, Жизнь и труды *М. П. Погодина*, т. VIII, стр. 208—209).

---

*Погодинъ* въ своей замѣткѣ въ „*Москвитянинѣ*“ о русской промышленной выставкѣ, бывшей въ Москвѣ въ 1843 г. задѣлъ русскихъ ученыхъ политико-экономовъ, впрочемъ, довольно невинно, говоря въ обычномъ своемъ патріотическомъ тонѣ: „Политическою экономію, какъ и многими другими науками, занимаются у насъ incognito и не представляютъ никакого мнѣнія объ ея предметахъ во всеобщее поученіе. Только казанскій профессоръ *Горловъ* издаётъ въ свѣтъ свои изысканія и замѣчанія. Впрочемъ, ни изъ Кіева, ни изъ Харькова, ни изъ Москвы, ни изъ Петербурга не слышится отъ господъ профессоровъ и ихъ воспитанниковъ ни единого слова, какъ будто бы не существовало и каедръ.... Сколько любопытнаго могла бы сказать умная наука! А мы молчимъ!“

Эта замѣтка очень не понравилась графу *С. Г. Строганову*, и онъ, какъ всегда, не уважая чужого мнѣнія и не признавая за своимъ подчиненнымъ даже права имѣть иное мнѣніе, чѣмъ онъ самъ, сдѣлалъ *Погодину* выговоръ, такъ что *Погодину* пришлось еще письменно просить извиненія предъ московскимъ профессоромъ политической экономіи *А. И. Чивилевымъ*: послѣдняго сами его товарищи и единомышленники-западники считали бездарностью (онъ скоро сошелъ съ ученаго поприща), но онъ былъ протеже попечителя.... пришлось *Погодину* объяснять, что „наша ученая литература бѣдна, а эти слова сдѣлались общимъ мѣстомъ,“ что „молчаніе нашихъ

ученыхъ я почитаю непростительнымъ, вреднымъ, постыднымъ и стараюсь, ничьего не трогая лица, выражать это при всякомъ случаѣ.... Я сталъ теперь повторять Вамъ то, что я говорилъ графу.... Что же касается вообще до всего этого направленія (не писать и не печатать), подъ которымъ такъ ловко и благоприлично прячется *лжность, посредственность и ничтожество*, то я слишкомъ вооруженъ противъ него, и колотъ, шпынять etc. готовъ былъ прежде, буду и впредь, долже есмь“. Это благородное и смѣлое заявленіе Погодина въ его извинительномъ письмѣ Чивилеву есть своего рода *errug si puove* (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VII, стр. 272—275 *passim*).

Графъ С. Г. Строгановъ преслѣдовалъ Погодина не только какъ попечитель, какъ глава мѣстнаго цензурнаго комитета, но даже и какъ президентъ Общества Исторіи и Древностей. Любопытно дѣло объ изданіи Малороссійской лѣтописи. Погодинъ пишетъ: „Представилъ я Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ „Малороссійскую лѣтопись“ Велички и предложилъ ее напечатать, поруча изданіе по взаимному согласію—Бодянскому. Когда предложеніе было принято, я объявилъ своимъ условіемъ предоставленіе въ мою пользу сотъ двухъ экземпляровъ. С. Г. Строгановъ, какъ предсѣдатель, никакъ не хотѣлъ согласиться, <sup>1)</sup> говоря, что эти экземпляры повредятъ экземплярамъ издателя. Напрасно я возражалъ ему, что этого не можетъ быть, ибо, если изданіе пойдетъ, то какъ мои, такъ и его экземпляры продадутся одинаково; если же не пойдетъ, то останутся на нашихъ рукахъ одинаково. Спросите самого Бодянского, а плуть-хохолъ Бодянской молчалъ. Графъ Строгановъ же говорилъ, что его

---

<sup>1)</sup> Т. е. хотѣлъ, чтобы Общество пользовалось правомъ изданія совсѣмъ даромъ, не вознаграждая ничѣмъ владѣльца рукописи, Погодина.

нечего спрашивать, а Общество должно стараться о соблюденіи его выгодъ. Вышедъ изъ терпѣнія, я сказалъ:

*Погодинъ.* Если Общество не согласно на мои условія, то я отдамъ свою рукопись въ другія руки для изданія. Возвратите мнѣ ее.

*Графъ Строгановъ.* Нѣтъ, мы Вамъ ее не возвратимъ, Вы ужъ отдали ее Обществу.

*Погодинъ.* Помилуйте, какъ можете Вы *отнимать* у меня мою *собственность*?

*Графъ Строгановъ.* Что же Вы пойдете жаловаться на меня въ *надворный судъ*?

*Погодинъ.* Нѣтъ, жаловаться я не пойду, потому что при нашемъ ходѣ дѣлъ надворный судъ Васъ оправдаетъ, а меня обвинитъ, но неужели Вы думаете, что, *кромя* этого суда, нѣтъ никакого *другого*? Я запишу въ своихъ „Запискахъ“, что графъ Строгановъ среди бѣлаго дня *отнял* у меня мою рукопись.

*Графъ Строгановъ.* Какъ *попечитель*, <sup>1)</sup> не совѣтую Вамъ этого дѣлать (сказалъ онъ, крути свой усъ).

*Погодинъ.* Какъ профессоръ, я *совѣтую* Вамъ оставить такой образъ дѣйствій.

Этотъ любопытный діалогъ происходилъ въ университетѣ въ присутствіи И. И. Давыдова и О. М. Бодянского. Погодинъ послѣ этой схватки захворалъ. „Проснувшись, я не могъ поворотиться не однимъ своимъ членомъ, точно какъ бѣлъ отколоченъ палками по всему тѣлу. Вотъ чего стоилъ мнѣ этотъ споръ съ графомъ Строгановымъ“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VIII, стр. 150—152).

---

<sup>1)</sup> Въ странномъ преувеличеніи своей попечительской власти графъ хочетъ отнять у Погодина даже право жаловаться потомкамъ въ своихъ мемуарахъ—единственное утѣшеніе безсильнаго (ср. выше, стр. 223).

Хоть въ концѣ концовъ рукопись Погодину вернули, но не сразу. Бодянский хотѣлъ было ѣхать на родину. Графъ Строгановъ приказалъ ему:... „Малороссійская рукопись М. П. Погодина, принятая Обществомъ для напечатанія,.... можетъ оставаться у Васъ до Вашего отъѣзда; когда же отъѣздъ состоится, *доставьте мнѣ* ее на сохраненіе, и я тогда буду отвѣтчикомъ за цѣлость ея передъ Обществомъ и хозяиномъ оной“.... Самъ Бодянский пишетъ Погодину: „Я говорилъ и долженъ былъ говорить по самому уже дѣлу Графу и Вашему порученію о *требованіи* Вашемъ назадъ рукописи, которой я не имѣлъ права безъ его, какъ Предсѣдателя Общества, воротить Вамъ ее, и воротилъ лично по его же разрѣшенію“. Погодинъ писалъ: „*Лежа въ постели*, въ лубкахъ, при первомъ сознаніи я надиктовалъ письмо Бодянскому съ требованіемъ „Малороссійской Лѣтописи“, которую мнѣ онъ и прислалъ съ разрѣшенія своего патрона, *посовется* огорчать или раздражать больного.“ (Тамъ же, стр. 152, 153, 154).

Такъ Погодинъ возвратилъ себѣ свою собственность.

Одною изъ самыхъ непростительныхъ несправедливостей графа С. Г. Строганова является его выговоръ Погодину за изданіе Посошкова.

Какъ извѣстно, знаменитое твореніе Посошкова „О скудости и о богатствѣ“ было впервые найдено и издано М. П. Погодинымъ. Еще въ самомъ началѣ, когда вскорѣ послѣ открытія Погодинъ хотѣлъ читать о Посошковѣ лекцію въ университетѣ, графъ не разрѣшилъ ему, „чтобы она не произвела слишкомъ много эффекта, и не была растолкована криво“ (Н. П. Барсуковъ, *Жизнь и труды Погодина*, т. VI, стр. 315). Нужно замѣтить, что многіе (даже изъ самыхъ образованныхъ) знакомые Погодина „вознегодовали“ на него и на Посошкова „за его мысли о *крестьянахъ*“ (тамъ же, стр. 316).

Графъ С. С. Уваровъ ископоталъ Высочайшее согласіе на напечатаніе сочиненія Посошкова (стр. 317—319). Помѣстивъ

выписки изъ него въ „Москвитяинѣ“, Погодинъ издалъ все сочиненіе на счетъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое въ засѣданіи своемъ 21 февраля 1842 г. постановило „издать Посошкова на иждивеніе Общества въ пользу издателя въ числѣ тысячи двухсотъ экземпляровъ“ (стр. 320, 321—322). Труды Погодина по изданію Посошкова удостоились Высочайшаго благоволенія, разумѣется, по представленію графа С. С. Уварова. Какъ только узналъ графъ С. Г. Строгановъ о такомъ отличіи Погодину, доставленномъ ему Уваровымъ, онъ написалъ ему слѣдующее убійственное письмо:

„Въ 13 № Сѣверной Пчелы вышедшаго 1843 года нечаянно прочелъ я извѣстіе о Высочайшемъ благоволеніи, объявленномъ Вашему Высокоблагородію, за поднесеніе Государю Императору экземпляра изданной Вами книги „Сочиненія Ивана Посошкова“. Какъ мнѣ извѣстно, изданіе этой книги, которое состоитъ только въ *перепечатаніи* (стр. 321—322), произведено на счетъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, то я и считаю себя въ *необходимости* сдѣлать Вамъ, Милостивый Государь, *замѣчаніе*, что и *поднесеніе* ея, еслибъ оно признано было *нужнымъ* (т. е. самимъ Строгановымъ по его усмотрѣнію), должно быть сдѣлано отъ самого Общества, ибо оно только вправѣ располагать такимъ образомъ *своимъ изданіемъ*. (Такимъ образомъ, по Строганову, Погодинъ *только* перепечаталъ текстъ съ рукописи, а *издало* Общество. Что же значитъ „издать“?)

Сообщая Вамъ это замѣчаніе, я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, въ случаѣ, если не сдѣлано отъ Общества *какихъ-либо* неизвѣстныхъ мнѣ распоряженій, по которымъ изданіе сочиненій Посошкова *предоставлено* въ Вашу *собственность*, доложить содержаніе настоящаго предложенія моего въ первомъ имѣющемъ быть засѣданіи Общества, съ тѣмъ, чтобы, оно, руководствуясь общепринятыми

формами, не иначе представляло къ поднесенію *издаваемыхъ* имъ сочиненія Государю Императору, какъ чрезъ *посредство* своего президента.“

Это письмо Строганова оскорбило и взволновало Погодина такъ, что онъ даже разхворался. Оправдывая на себѣ приведенную малороссійскую пословицу <sup>1)</sup>, Погодинъ отвѣчалъ своему неумолимому начальнику: „На письмо Вашего сіятельства изъ Петербурга смѣю отвѣчать честь имѣю: 1) сочиненіе Посошкова составляетъ мою *собственность*, и издано мною, а не Московскимъ Обществомъ Исторіи, только на *изданіи* Общества, и это напечатано на заглавномъ листѣ—въ мою пользу, за чтò въ предисловіи и принесена благодарность Обществу. 2) Оно не состоитъ *только въ перепечатаніи*, какъ Вы изволите, въ *оскорбленію* моему, писать, а напечатано мною съ рукописи, *мною* найденной 3) Представлены они г. Министру, а не президенту Общества, потому что и въ *рукописи* были представляемы ему же для изпрошенія Высочайшаго соизволенія на напечатаніе. Получивъ разрѣшеніе отъ Г. Министра, а не отъ Общества, я не могъ, не имѣлъ права и не смѣлъ представлять напечатанное сочиненіе ни Обществу, ни президенту *на судъ*, по Вашимъ словамъ: признаютъ ли еще они *нужнымъ* поднесеніе, или вѣтъ, *Государю Императору*. Стрелая кровотеченіемъ изъ горла впродолженіи двухъ мѣсяцевъ предъ лицомъ всего университета, и читая лекціи, вопреки приказаніямъ почти всѣхъ членовъ медицинскаго факультета, а по единогласному ихъ приговору долженъ избѣгать всякаго волненія, если не хочу подвергнуть жизнь мою *опасности*. Вы можете судить сами, Ваше сіятельство, должны ли произвести волненіе и огорченіе такія *незаслуженныя* замѣчанія въ профессорѣ, который служитъ усердно и безпорочно сlishкомъ 20 лѣтъ, и который разстроилъ здоровье для службы учеными трудами,

---

<sup>1)</sup> См. выше, стр. 228.

коихъ ни одиъ личный врагъ его отвергнуть не смѣтъ? Въ самую *сладостную* минуту, какую только можете имѣть русскій гражданинъ и вѣрноподанный, въ минуту *Высочайшаго* благоволенія, Вы присылаете мнѣ съ *поспѣшностію* изъ Петербурга *строгий выговоръ*, прибавляя даже литературное *оскорбительное* и несправедливое замѣчаніе по поводу поднесенія той книги, которая доставила мнѣ неоцѣненное счастье! Вы изволите называть *только перепечатаніемъ* мое *открытіе*, которос я считаю счастливѣйшимъ въ моей жизни литературной.... Такія *последовательныя* дѣйствія въ продолженіи *трехъ лѣтъ* не только лишаютъ меня надежды на всякое снисхожденіе и пощаду со стороны Вашего сіятельства, еслибъ случилось мнѣ по свойственной человѣку слабости дѣйствительно преступиться, какъ журналисту и профессору, но и производятъ во мнѣ и семействѣ моемъ опасеніе за всю мою службу и самую *жизнь*.... Объ опасныхъ слѣдствіяхъ волненія для меня въ моей болѣзни можетъ засвидѣтельствовать Вамъ мой врачъ, профессоръ Иновемцевъ. По всѣмъ симъ причинамъ я нахожусь *вынужденнымъ* оставить университетъ <sup>1)</sup> и предупредить о томъ Ваше сіятельство. Просьбу *оффициальную* объ увольненіи я не подаю теперь потому только, что считаю себя *обязаннымъ* извѣстить заблаговременно о своемъ намѣреніи г. Министра, котораго просвѣщенному покровительству, вниманію и ободренію я одолженъ сколько, что готовъ принести какія угодно *ему* жертвы и читать лекціи хотя съ одра болѣзни, въ случаѣ его желанія. Въ ожиданіи же рѣшенія я умоляю Ваше сіятельство *внять* гласу *человѣколюбія* и освободить меня до моего облегченія отъ *выговоровъ* за такія дѣйствія, въ коихъ сами Вы, какъ нынѣ, не изволите быть *увѣренными*“ (тамъ же, стр. 322—323).

---

<sup>1)</sup> Quod для гр. С. Г. Строганова demonstrandum erat.



„Постоянные неприятности со стороны графа С. Г. Строганова, „если не возбудили, то по крайней мѣрѣ утвердили“ въ Погодинѣ мысль оставить на время университетъ и заняться исключительно русской исторіею.... Какъ бы то ни было, вопреки совѣта своей супруги, „со слезами и размышленіями“, Погодинъ 16 февраля 1844 г. подалъ въ университетскій совѣтъ просьбу объ увольненіи, которая была *принята*, и Погодинъ получилъ, несмотря на слухи, что Министръ его не отпускаетъ, полную отставку. Погодинъ писалъ своему другу Максимовичу: „Въ университетѣ старое по старому, а новое по большей части безумствуетъ. Я подалъ въ отставку—отойти отъ зла и сотворить благое, съ полною пенсіею“. Въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ, однако, Погодинъ признавалъ свою неосмотрительность; его прошенія объ отставкѣ только и добивались недоброжелатели. „Вообще этотъ шагъ долженъ я считать теперь совершенно опрометчивымъ и имѣвшимъ вредное вліяніе на гражданскую внѣшнюю мою жизнь“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. VII, стр. 288—291 *passim*).

Но картина перемѣнилась, когда графъ С. Г. Строгановъ неожиданно для себя самъ принужденъ былъ выйти въ отставку и лишиться своей власти и авторитета. Тутъ онъ перемѣняетъ тонъ и съ Погодинымъ, котораго около 6 лѣтъ обижалъ и унижалъ.

„Послѣ своего увольненія“, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „графъ С. Г. Строгановъ прожилъ въ Москвѣ въ совершенномъ уединеніи, оставленный почти всѣми. Разумѣется, при его гордости это было очень тяжело, и желчь у него копилась“. И. И. Давыдовъ на это замѣтилъ: „Все, что Вы пишете о бывшемъ попечителѣ, есть кара нравственнаго закона (Иванъ Ивановичъ очень любилъ ссылаться на „нравственный законъ“ — см. выше, стр. 45 въ письмѣ къ Ѳ. И. Буслаеву), отъ котораго никто укрыться не можетъ. Если въ немъ не исчезло собственное сознаніе, то какимъ онъ представляется самъ себѣ?“

Право, неизмовѣрно, что мы съ Вами пережили. Да Вамъ еще легче было пережить этотъ періодъ: Вы прежде сами сочувствовали графу Строганову и многого отъ него ожидали, хотя довольно посмотрѣть на него и поговорить съ нимъ нѣсколько минутъ, чтобъ разгадать, что это за птица! Не помани, Господи, грѣховъ нашей юности! Такъ Вы, тогда еще юные, ошибались и увлекались“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. IX, стр. 250—251).

Строгановъ начинаетъ осыпать ласками Погодина, котораго самъ выжилъ своими придирками изъ университета: онъ принимаетъ его „со всѣми возможными знаками ласки и пріязни“. „Нѣжности, оказанныя Вамъ графомъ Строгановымъ“, писалъ И. И. Давыдовъ, „принадлежать къ тысячѣ несообразностей и несовмѣстностей, антилогическихъ и антипсихологическихъ, которымъ мы бывали свидѣтелями, и сами испытывали; а насъ съ Вами сколько разъ онъ обижалъ и оскорблялъ? Такъ можно ли довѣрять этой спокойной наружности, подъ которою таится гибельный ядъ?“ (тамъ же, стр. 247—248).

Выше (стр. 199) мы видѣли, что графъ С. Г. Строгановъ, протежируя своихъ новыхъ профессоровъ, стремившихся водворить въ Москвѣ вывезенный ими изъ Германіи нѣмецкій духъ, неблагоклонно относился къ старымъ профессорамъ, какъ бы они ни были заслужены и талантливы. Такъ онъ тѣснилъ Павлова и выжилъ изъ университета, кромѣ М. П. Погодина, еще *Дядьковского*. Это былъ знаменитый медикъ и философъ шеллинговой школы, блиставшій на кафедрахъ университета и московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи. Въ 1835 г. его выгнали изъ университета по слѣдующему поводу. Разъ на лекціи онъ коснулся вопроса о *иженіи* труповъ, причемъ выяснилъ, въ какихъ слояхъ земли, и въ какихъ мѣстностяхъ трупъ не подвергается разложенію, а въ какихъ превращается въ мумію; указавъ на Березовъ, онъ добавилъ, что, тамъ найдя трупъ въ цѣлости, иной можетъ принять его

за нетлѣнныя *мощи*, принадлежація какому-нибудь *угоднику*. Вотъ объ этомъ то добавленіи и доложено было его врагами попечителю графу Строганову, какъ доказательство его *кощунства* надъ православною религіею. С. Г. Строгановъ предложилъ ему немедленно подать въ отставку. „Это былъ лишь внѣшній предлогъ интриги, давно веденной противъ Дядьковскаго: онъ долго велъ жестокую и упорную борьбу противъ *нѣмцевъ* какъ въ академіи, такъ и въ университетѣ“... Графъ С. Г., очевидно, спасалъ религію (выше, стр. 217) отъ философіи, православіе—по жалобѣ лютеранъ-нѣмцевъ (ср. выше, стр. 208 и 227).

Несправедливое удаленіе погубило Дядьковскаго. „Онъ бросилъ практику... началъ поивать отъ скуки,... а за тѣмъ явилась тяжкая болѣзнь, отъ которой онъ и умеръ въ Пятигорскѣ... Судя по отмѣткамъ въ его латинской библии, едва ли можно было обвинять его въ кощунствѣ“<sup>1)</sup>. А для понимающаго дѣло очевидно, что философъ-шеллинговецъ и не могъ кощунствовать....

Мы видѣли достаточное число примѣровъ, какъ обходился графъ съ людьми, ему почему-либо не нравившимися и имѣвшими въ такомъ случаѣ неудобство находиться въ сферѣ его власти и въ районѣ его вліянія. Если же лицо, вызывавшее неудовольствіе графа, не принадлежало въ числу его безответныхъ подчиненныхъ, графъ С. Г. Строгановъ прибѣгалъ даже въ доносъ:

„Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 г. П. И. Небольсинъ напечаталъ рядъ статей подъ заглавіемъ „Покореніе Сибири“. По поводу ихъ Погодинъ замѣтилъ: „*Именитые люди Строгановы* не заслуживаютъ вовсе той чести и славы, которую восписывали имъ русскіе историки; это были смѣшленные торгаши, которые умѣли пользоваться обстоятельствами и которые жертвовали казнѣ то, въ чемъ отказать не

---

<sup>1)</sup> Бывшее врачебной Россіи. Л. О. З м ѣ в а, стр. 56 (и прим.)—57.

могли“. „Это“, утверждалъ Погодинъ, — „я печаталъ *десять лѣтъ тому назадъ!* А Небольсинъ, предлагая теперь въ „Отечественныхъ Запискахъ“ описаніе „Покоренія Сибири“, доказываетъ подробно то же самое“.... Статьями Небольсина остался весьма недоволенъ графъ С. Г. Строгановъ, и на него, по свидѣтельству Погодина, „жаловался *официально*, какъ отвергающаго заслуги его предковъ“ (*Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 408 и 409*).

Мы видѣли, какъ графъ С. Г. Строгановъ велъ себя съ подвѣдомственными и подчиненными ему лицами. Но въ полномъ видѣ его гордость и нежеланіе признавать надъ собою даже власть самого министра, графа С. С. Уварова, выступаютъ въ ихъ борьбѣ, кончившейся довольно печально какъ для одного, такъ и для другого. Строгановъ лишился мѣста попечителя и званія предсѣдателя Общества исторіи и древностей, Уваровъ—въ концѣ концовъ даже министерскаго портфеля. Желаніе во что бы то ни стало противиться распоряженіямъ Уварова вовлекло С. Г.—ча даже въ противорѣчіе съ самимъ собою. И личною властью, и донесеніями по начальству графъ С. Г. въ свое время вредилъ славянофиламъ и подавлялъ ихъ литературную и общественную дѣятельность <sup>1)</sup>. Но когда его начальникъ Уваровъ приказалъ ему усилить надзоръ надъ славянофильскими тенденціями, что согласовалось со всѣмъ духомъ предшествовавшаго отношенія попечителя, послѣдній неожиданно мѣняетъ фронтъ и дѣлаетъ министру рѣзкую оппозицію. Но изъ самаго образа дѣйствій его и изъ официальныхъ объясненій видно, что онъ самъ не представлялъ себѣ ясно, чего онъ хочетъ; дѣло было такъ:

Политическія броженія вызвали циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 30 мая 1847 г., обращенный къ попечителямъ учебныхъ округовъ. Главною задачею этого циркуляра было—изложить значеніе *народнаго начала* въ видахъ правительства. Русская словесность въ чистотѣ своей

<sup>1)</sup> См. выше, стр. 217—223.

должна выражать безусловную приверженность православію и самодержавію. Вопросъ о Славянствѣ по отношенію въ Россіи представляетъ двѣ стороны, изъ которыхъ одну злонамѣренно могутъ употребить на возбужденіе умовъ и распространеніе опасной (это разумѣются славянофилы, которые благодаря указаніямъ самого же графа С. Г. Строганова (ср. выше, стр. 221) и товарища министра, князя П. А. Ширинскаго-Шихматова попали въ число крайне *опасныхъ* людей) пропаганды, преступной и возмутительной. Но словенству русскому должна быть чужда всякая примѣсь политическихъ идей; тогда остальнымъ началомъ, въ немъ сокровеннымъ, будетъ наше государственное начало, на которомъ неволебимо стоятъ тронъ и алтарь, собственно русское начало, русскій духъ, наша святыня. Въ заключеніи министръ возлагалъ свои особенныя надежды на московскій университетъ. Старый блюститель отечественнаго языка въ сердцѣ Россіи, предъ стѣнами священнаго Кремля, университетъ, безъ сомнѣнія, истребитъ вліяніемъ своимъ *необдуманные порывы* нѣкоторыхъ изъ прежнихъ его питомцевъ, *отдѣлвшихся* себя отъ *общихъ историческихъ мнѣній* не столько по какому-либо убѣжденію, сколько по *легкомыслію* и добродушной мечтательности.... Да слышится въ университетахъ имя русскаго, какъ слышится оно въ русскомъ народѣ, который, не мудрствуя лукаво, безъ *воображаемаго* словенства, сохранилъ вѣру отцевъ своихъ, языкъ, нравы, обычаи, или народность.

Здѣсь славянофилы почитаются легкомысленными мечтателями, отдѣлвшимися отъ исторіи. Но осуждая строго славянофильскія тенденціи въ пользу традиціонныхъ, циркуляръ въ то же время чисто по славянофильски указываетъ на народъ, сохранившій въ чистотѣ русскую народность: такова была путаница понятій въ то время. Людей же, именно отстаивавшихъ эту самую народность, какъ драгоценное наследіе, циркуляръ обвиняетъ въ преступной пропагандѣ и въ *отступленіи* отъ исторіи.

Во французскомъ письмѣ графъ С. С. Уваровъ сообщалъ графу С. Г. Строганову, что предметъ циркуляра очень тонкаго свойства и очень сложенъ. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы упрочить идею и предостеречь отъ *злоупотреблений*, на каковыя могло бы *соблазниться* юношество, легко увлекаемое воображеніемъ къ принятію видимостей за сущность. Строгановъ, усвоивъ себѣ смыслъ этой служебной бумаги, не приминетъ де содѣйствовать успѣху мѣръ, которыя въ сущности *предупредительны* и принимаются съ тою цѣлю, чтобы устранена была всякая возможность прибѣгать потомъ къ мѣрамъ другого свойства.

Изъ всѣхъ университетовъ, кромѣ московскаго, въ министерство народнаго просвѣщенія пришло извѣстіе о томъ, что приказаніе министра исполнено, о чемъ гр. Уваровъ и доложилъ Государю.

Но въ Москвѣ—всегдашній врагъ славянофиловъ, гр. Строгановъ почему то вдругъ оскорбился циркуляромъ министра и отказалъ своему начальнику въ повиновеніи, несмотря на Высочайшее одобреніе мыслей Уварова Государемъ. Въ рѣзкой, но весьма *неясно* изложенной *официальной* бумагѣ онъ заявляетъ Уварову, что онъ „не преминулъ бы донести о томъ его Императорскому Величеству и всеподданѣйше представилъ ему мое *собственное* мнѣніе объ этомъ *странномъ* и необычномъ способѣ касаться *двусмысленными* и неопредѣленными выраженіями до столь важнаго и щекотливаго вопроса“; онъ „*усумнился* придерживаться *строгому* смыслу этого предложенія и дѣйствовалъ по сдѣланнымъ мнѣ указаніямъ или лучше сказать, продолжалъ дѣйствовать такъ, какъ *мнѣ* казалось полезнымъ для блага ввѣреннаго мнѣ университета“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. IX, стр. 235—241 *passim*).

10 іюля 1847 г. И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Окружную бумагу отъ министра московскій попечитель еще

держитъ у себя, но теперь *принужденъ* выполнить предписаніе высшаго начальства. Какъ онъ къ *себѣ* не примѣняетъ того, что дѣлаетъ самъ съ начальникомъ? Что, еслибъ кто-нибудь изъ *его* подчиненныхъ не выполнилъ его предписанія?“ мѣтко спрашиваетъ Давыдовъ. Въ другомъ письмѣ И. И. Давыдовъ съ влорадствомъ писалъ Погодину же: „Циркуляръ, вѣрно, уже прочтенъ въ университетѣ. Досталось же извѣстному лицу за неисполненіе предписаній начальства! Здѣсь всѣ убѣждены, что послѣ этого извѣстная особа должна идти въ отставку. Такъ думаетъ даже братъ извѣстнаго лица. *Дай Богъ!* Мы съ Вами порадуемся за астронома и другихъ тружениковъ, которые избавятся *кошмара*. Кромѣ жестокаго выговора, напоминанія о подчиненности, возвращено ему донесеніе его, какъ не дѣльное и дерзкое“ (тамъ же, стр. 241, 242).

Императоръ Николай Павловичъ, не смотря на все расположеніе къ графу С. Г. Строганову, не могъ потерпѣть столь рѣзкаго нарушенія субординаціи. 3 августа 1847 г. графъ А. Ѳ. Орловъ писалъ гр. Строганову, что Государь Императоръ, прочитавъ его донесеніе министру, „изволилъ признать оное *въ высшей степени неприличнымъ* и не соответствующимъ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ обязанъ находиться *подчиненный* къ своему начальнику“. Донесеніе было возвращено и приложено при письмѣ—съ поставленіемъ на видъ, что С. Г. Строгановъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ былъ выходить изъ надлежащаго уваженія къ своему начальнику; вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣнялось въ обязанность немедленно исполнить циркул. предписаніе о славенофилахъ, данное Уваровымъ, и *предварительно* одобренное Его Императорскимъ Величествомъ. Въ концѣ графъ Орловъ указывалъ, что это сообщеніе сдѣлано черезъ него (а не черезъ статсъ-секретаря Тагѣева и не черезъ *непосредственнаго начальника* его, министра)—„единственно изъ уваженія къ особѣ Вашей и

той извѣстной преданности, которую Вы всегда питали къ Императорскому Величеству“. 3 ноября того же года графъ С. Г. Строгановъ подалъ уже въ отставку отъ мѣста попечителя, причемъ даже въ своемъ прошеніи не могъ воздержаться отъ выходокъ по адресу Уварова: „Это время довело меня до зрѣлаго убѣжденія, что понятія *мои* о службѣ Вашего Величества *не могутъ* сблизиться съ понятіями о ней Министра Народнаго Просвѣщенія. Опасаясь, что при постоянномъ *составаніи* съ графомъ Уваровымъ, я легко могу преступить границы, указанныя мнѣ служебными отношеніями, и *не чувствуя* себя способнымъ оставаться *безмолвнымъ исполнителемъ его направленій*“ etc. И. И. Давыдовъ въ письмахъ къ Погодину такъ комментировалъ происшествія: „Вы, безъ сомнѣнія, любопытствуете знать, какъ это случилось? Въ *гордости* и *надменности* своей Строгановъ думалъ, что его будутъ удерживать, или что дадутъ ему безсрочный отпускъ. Но колебанія не было ни минуты, и немедленно дано приказаніе представить кандидата. Въ одинъ день данъ указъ объ *отставкѣ* прежняго, на другой—назначенъ новый. Странная участь людей-эгоистовъ; паденію ихъ радуются и тѣ, которые ни мало не участвуютъ въ дѣлахъ университета.... Какой прекрасный урочъ гордости и невѣжеству!“... (тамъ же, стр. 241—244).

20 ноября того же года графъ С. Г. Строгановъ былъ уволенъ. Совѣтъ университета избралъ его своимъ почетнымъ членомъ, профессора съ 182 студентами и кандидатами поднесли ему (къ неудовольствію министра) альбомъ съ подписями.

Немудрено, что объ уходѣ Строганова сожалѣли западники вообще, и профессора западническаго направленія въ частности (не прозрѣвавшіе, что онъ съ высоты своего аристократизма видѣлъ въ нихъ лишь „орудія“, какъ говоритъ Погодинъ, см. выше, стр. 199). Чтò же касается славянофиловъ,



то въ сужденію Н. П. Барсукова <sup>1)</sup>, будто и они въ лицѣ Хомякова *тоже* выразили сожалѣніе, надобно дать разъясненіе: Хомяковъ сожалѣлъ объ уходѣ Строганова только потому, что на его мѣсто поступилъ попечителемъ пресловутый Д. П. Голохвостовъ. Его назначеніе Хомяковъ считалъ „мало, чѣмъ легче холеры“. Хомяковъ жалѣлъ *alma mater*, который „плохо придется отъ новаго опекуна“. Но въ лицѣ Строганова славянофилы терали только безпощаднаго врага. Разумѣется, западники и уходъ гр. Строганова изображали въ благородной формѣ: „Строгановъ... отвѣчалъ Уварову, что, находя исполненіе этого предписанія противнымъ своей совѣсти, онъ скорѣе готовъ выйти въ отставку“, писалъ Бѣлинскій (тамъ же).

За отпущеніемъ дѣло не стало. А. В. Никитенко отмѣчаетъ въ „Дневникѣ“ (т. I, стр. 493—494, апрѣль 25—1848 г.): „По мѣрѣ того, какъ въ Европѣ рѣшаются вопросы всемірной важности, у насъ тоже разыгрывается драма... невыразимо печальная для лицъ, съ нею сопрякосновенныхъ. Нѣсколько убогихъ литераторовъ съ *Бумаринымъ*, *Калашниковымъ* и *Борисомъ Федоровымъ* во главѣ—еще до европейскихъ событій пытались очернить въ глазахъ правительства многіе изъ нашихъ журналовъ, особенно „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“.

Но едва раздался громъ европейскихъ переворотовъ, какъ въ *качествахъ доносчиковъ* выступили и лица, гораздо болѣе *сильныя* и опасныя. Графъ С. Г. Строгановъ, бывшій попечитель московскаго университета, *движимый злобой* на министра народнаго просвѣщенія Уварова, который былъ причиною увольненія его отъ должности попечителя, представилъ Государю *записку* объ *ужасныхъ* идеяхъ, будто бы *господствующихъ* въ нашей литературѣ—особенно въ журналахъ, благо-

---

<sup>1)</sup> Стр. 246 тамъ же.

даря слабости министра и его цензуры. Баронъ М. А. Корфъ, желая свернуть графа Уварова, чтобы занять его постъ, представилъ другую—такую же записку. И вотъ въ городѣ вдругъ узнають, что вслѣдствіе этихъ доносовъ учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ морского министра князя *Меньшикова* и съ участіемъ слѣдующихъ лицъ: *Бутурлина*, *Корфа*, графа *Строганова* (брата бывшего попечителя), *Дезая* и *Дуббельта*. Цѣль и значеніе этого комитета были облечены *таинственностью*, и отъ того онъ казался еще *страшнѣе*. Наконецъ постепенно выяснилось, что комитетъ учрежденъ для изслѣдованія нынѣшняго направленія русской литературы, преимущественно журналовъ, и для выработки мѣръ обузданія ея на будущее время. *Паническій страхъ* овладѣлъ умами. Распространились слухи, что комитетъ особенно занятъ отыскиваніемъ вредныхъ идей коммунизма, социализма, всякаго либерализма, истолкованіемъ ихъ и *измышленіемъ жестокихъ наказаній* лицамъ, которыя излагали ихъ печатно, или съ вѣдома которыхъ онѣ проникали въ публику. „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, какъ водится, поставлены были во главѣ виновниковъ распространенія этихъ идей. Министръ Народнаго Просвѣщенія *не былъ* приглашенъ въ засѣданія комитета; ни отъ кого не требовали объясненій, никому не дали знать, въ чемъ его обвиняють, а между тѣмъ обвиненія были *тяжкія*. *Ужасъ* овладѣлъ *всѣми* мыслящими и пишущими. *Тайные доносы* и шпионство еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей“.

Итакъ, графъ С. Г. Строгановъ, якобы „меценатъ“, своимъ *доносомъ* по личной злобѣ на Уварова—былъ виновникомъ учрежденія тяжелой памяти Бутурлинскаго комитета, положительно сметавшаго русскую литературу съ лица земли—одинаково и славянофиловъ, и западниковъ. Къ характе-

ристивъ Никитенка добавлять нечего. Ударъ долженъ былъ разразиться даже преимущественно надъ западниками, недавними протеже графа С. Г. Строганова. А это и доказываетъ, что послѣдній не имѣлъ никакой общей принципиальной почвы ни съ западниками, ни съ литераторами вообще.

Въ „Дневникѣ“ Погодина подъ 17 апрѣля 1848 г. мы встрѣчаемся съ слѣдующею записью: „Просто Петербургъ не имѣетъ ни смысла, ни ума, испугался и потерялся и даже опасается Москвы, не будетъ ли чего тамъ; *доносы Строганова* и пр.“ (Н. П. Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. IX, стр. 281—282).

Очевидно, что графъ С. Г. Строгановъ энергично дѣйствовалъ черезъ брата въ связанномъ негласномъ комитетѣ цензуры надъ цензурою; на это мы встрѣчаемъ указанія Грановскаго. Протеже Строганова, Т. Н. Грановскій „смутилъ“ Погодина своими извѣстіями: „Встрѣтился вчера со мной на улицѣ Грановскій“, писалъ онъ Шевыреву, „и разсказалъ столько ужасовъ о Петербургѣ, теперешнемъ направленіи, что морозъ по кожѣ подираетъ.... Въ ужасномъ времени мы живемъ.... Я непременно уничтожилъ бы журналъ, не смотря на всѣ виды, если бы не опасался такою внезапностью подать поводъ къ обвиненіямъ и подозрѣніямъ. *О Строгановѣ* сказалъ *Грановскій*: „Онъ такія вещи сдѣлалъ въ послѣднее время, *которыя* *искупить* трудно. Булгарину орденъ, Гречь—тайный совѣтникъ.... О какое время! Совѣстно даже быть спокойну... Уваровъ сказалъ Грановскому, что все министерство народнаго просвѣщенія вообще было въ опасности.... Не говорите ни слова о литературѣ, ни о вліяніи ея. Мы сами были обвинены...“ (тамъ же, стр. 282).

Дѣйствительно, Комитетъ не шутилъ; 11 марта 1848 г. онъ пригласилъ редакторовъ, которымъ было объявлено: „Его Императорское Величество повелѣлъ предупредить редакторовъ, что за всякое дурное направленіе статей ихъ

журналовъ, хотя бы оно выражалось косвенными намеками, *они лично подвергнутся строгой ответственности, независимо отъ отвѣтственной цензуры*“ (тамъ же, стр. 282—283).

Строгановъ отомстилъ Уварову, но Уваровъ опять отомстил Строганову, лишивъ его званія предсѣдателя общества исторіи и древностей и подведя его подъ Высочайшій выговоръ. „Въ сентябрѣ (Никитенко, „Дневникъ“, т. I, стр. 495—496, декабрь 1) Уваровъ ѣздилъ въ Москву. Тамъшнее „Общество исторіи и древностей“, состоящее подъ предсѣдательствомъ Строганова, занималось въ это время печатаніемъ въ русскомъ переводѣ записокъ *Флетчера* (ср. выше, стр. 213). Изданіе это предпринято на основаніе статьи цензурнаго устава, разрѣшающей печатать безъ исключенія предосудительныхъ для Россіи мѣстъ, все, что пишется о ней до водворенія дома Романовыхъ. Графъ Строгановъ лично разрѣшилъ Записки Флетчера, въ которыхъ невыгодно говорится объ Іоаннѣ IV, Θεодорѣ и о разныхъ обрядахъ нашей церкви, что впрочемъ давно уже напечатано въ запискахъ *Бера*.... Уваровъ приказалъ остановить печатаніе и довелъ это до свѣдѣнія Государя. Послѣдовало повелѣніе: объявить графу Строганову строжайшій выговоръ черезъ московскаго генераль-губернатора. Это—неслышанный случай съ генераль-адъютантомъ. Говорятъ, что *Закревскій* не поцеремонился и послалъ къ графу Строганову квартальнаго надзирателя съ приглашеніемъ явиться къ нему для полученія выговора“... (А. В. Никитенко, Записки и „Дневникъ“ т. I, тамъ же). „Графъ Уваровъ сбросилъ графа Строганова съ мѣста попечителя въ московскомъ университетѣ. Строгановъ отомстил ему въ мартѣ, представивъ Государю записку о либерализмѣ, коммунизмѣ и социализмѣ, господствующихъ въ цензурѣ и во всемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ что графъ Уваровъ самъ едва удержался на мѣстѣ.... Строгановъ „нагадилъ“ Уварову, Уваровъ Строганову. Это въ порядкѣ вещей

на Святой Руси, гдѣ такія явленія только доказываютъ обычную и глубокую *безнравственность*, къ которой всѣ привыкли. Но за что погибла книга Флетчера—книга полезная для нашей исторіи? за что пострадалъ секретарь общества Боянскій, котораго велѣли удалить въ Казань? за что парализовано „Общество“, оказавшее не мало услугъ науѣ?“

Любопытно, что и доносъ на него Уварову графъ С. Г. Строгановъ приписалъ Погодину и Шевыреву, зная, что онъ заслужилъ съ ихъ стороны возможность мщенія черезъ одолѣвшаго въ довѣрїи Государя министра гр. С. С. Уварова, къ которому они оба были близки. Графъ вовсе не дѣлалъ изъ своихъ предположеній тайны, ибо этотъ скверный слухъ насчетъ Шевырева и Погодина живо разнесся по Москвѣ. См. у Н. П. Барсукова, *Жизнь и труды М. П. Погодина*, т. X, стр. 160—165, особенно, стр. 162—163, слова *А. Е. Студитскаго* („меморандумъ“ для гг. Погодина и Шевырева): „во все время пребыванія министра (Уварова) въ Москвѣ мы были вмѣстѣ съ нимъ, и *слѣдовательно*, строили разные ковы и ухищренія противъ гг. Президента (замѣтите, какъ Президента) и Секретаря Историческаго Общества. Развивая эту мысль, помянутый Президентъ (т. е. С. Г. Строгановъ) замѣтилъ, что „отъ Погодина онъ ожидалъ *всего*, но никогда не думалъ, чтобы Шевыревъ, котораго онъ всегда считалъ человѣкомъ добросовѣстнымъ, пожертвовалъ интересомъ дѣла—личной ненависти<sup>1)</sup>. Мнѣ это передано въ одномъ мѣстѣ, какъ общественный слухъ; въ другомъ—какъ обвиненіе, именно *высказанное* гр. Строгановымъ.... Между прочимъ, замѣтите, что для произнесенія этого обвиненія выбрана минута очень удобная: въ подробностяхъ оно высказано вскорѣ по полученіи бумаги изъ Петербурга, когда *печат-*

---

<sup>1)</sup> Однако, самъ онъ сдѣлалъ то же самое по отношенію къ гр. Уварову (см. выше стр. 246).

лтіе было“. *Клевета* эта до такой степени была распространена въ Москвѣ, что даже *Ю. Ѳ. Самаринъ* ей повѣрилъ“.... Повѣрилъ ей и *А. В. Нивитенко*.

Но и лишившись предсѣдательскаго кресла въ Обществѣ, гр. *С. Г. Строгановъ* не унимался. На засѣданіи 2 ноября 1848 г. онъ позволилъ себѣ выходку противъ гр. *С. С. Уварова*, о которой *Погодинъ* (тамъ же, стр. 176) пишетъ: „Къ *Шевыреву*, и поѣхали къ *Голохвастову* за совѣтами. *Строгановъ* назвалъ дѣйствіе министра *пристрастнымъ*. *Шевыревъ* вспылилъ и сказалъ ему такую жестокую рѣчь, что я испугался“.... *И. И. Давыдовъ* отзывался о томъ же: „Нѣсколько словъ о пресловутомъ Вашемъ засѣданіи, гдѣ (бывшій) Предсѣдатель позволилъ себѣ *дерзость*—назвать дѣйствія верховнаго начальника *пристрастными*. Вы съ *С. П. Шевыревымъ* вступились и показали *нелѣпность* дерзости; но вѣдь вы дѣла не кончили юридически. Слѣдовало или настоять, чтобъ этотъ эпитетъ былъ записанъ въ протоколъ, или оставить засѣданіе. Но вы не сдѣлали ни того, ни другого, изъ чего жъ хлопотали? Вотъ, до какой степени прежній Предсѣдатель, онъ же и попечитель, убилъ *самостоятельность и личность* каждаго, что въ его присутствіи всѣ забывали драгоцѣнное право *человѣчности*“.

Финалъ борьбы графовъ *Уварова* и *Строганова* былъ такой:

„Бывши у Государя“, говоритъ графъ *Строгановъ*, „послѣ обѣда я отошелъ съ нимъ къ камину, гдѣ, закуривъ сигарки, онъ спросилъ меня: „Что ты тамъ печатаешь такое?“ — „Государь“, отвѣчалъ я, „я печаталъ такое, что всегда готовъ напечатать. *Флетчерово* сочиненіе относится къ царствованію *Ивана Грознаго* и сына его *Феодора*; все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней, ничѣмъ не нее непохожей. *Уваровъ* по личной ко мнѣ враждѣ рѣшился надѣлать изъ этого шуму и представить

В. В-ву, какъ нѣчто зловерное. А я между тѣмъ напечаталъ его въ журналѣ ученаго Общества, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ, имѣвшаго весьма тѣсный кругъ читателей преимущественно, ученыхъ, изъ коихъ, когда объявлена была мною на послѣдній годъ подписка, однихъ архіереевъ изъявило желаніе получить его 33, т. е. изъ всѣхъ, къ кому было сдѣлано отъ меня отношеніе, только 2 не подписались<sup>1)</sup>. — Но и *архіереямъ не все можно позволять читать!* — „Такъ, Государь, но если ученымъ мы будемъ не позволять знать и худую сторону нашу, тогда и въ доброй—свѣтъ усомнятся“. — „Хорошо, хорошо“, подхватилъ тогда Государь, „мы все это уладимъ скоро, — и пострадавшій отъ Уварова *возвратится* непременно на свое мѣсто, когда тотъ не будетъ болѣе министромъ, а это, говорю тебѣ, скоро наступитъ! И точно, ровно черезъ годъ (20 окт. 1849 г.) Уваровъ не былъ уже болѣе министромъ“. Но и „пострадавшій“ не возвратился на свое прежнее мѣсто (*А. А. Кочубинскаго*, О. М. Бодянский въ его дневникѣ, „Историческій Вѣстникъ“, т. 30, дек. 1887 г., стр. 517). Не осуществились также его мечты стать на мѣсто Уварова министромъ народнаго просвѣщенія или президентомъ Академіи Наукъ.

„Разговаривая съ графомъ С. Г. Строгановымъ, пришли въ Министерству Народнаго Просвѣщенія и Академіи Наукъ. Если бы мнѣ когда привелось быть министромъ просвѣщенія, первое, на что обратилъ бы я свое особенное вниманіе, была бы Академія наукъ. Надобно, чтобы она была *чисто-русская*, изъ однихъ русскихъ. Чтѣ до того, что мы, конечно, во многомъ не можемъ еще тягаться съ другими? Со временемъ потягаемся и въ этомъ. А теперь—главное, чтобы мы воздѣлывали свое сами, а не чужими руками. Только *свой о своемъ* можетъ радѣть, какъ слѣдуетъ, а наемникъ—наемникъ“<sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Сборникъ Общества любителей русской словесности на 1891 г., М., стр. 125, «Выдержки изъ дневника О. М. Бодянскаго», сентября 24 дня 1834 г.



Февраля 18 дня (1855 г.). „Въ 2 часа отправился въ графу С. Г. Строганову, прибывшему утромъ 16-го изъ Петербурга. Я ему вручилъ книгу свою съ положеніями, рассказомъ о приѣмѣ ея попечителемъ 5 февраля и узналъ отъ него о разговорѣ его съ Наслѣдницей, спросившей, почему онъ не захотѣлъ стать на юбилей нашего университета. „Потому, что я вообще не охотникъ до комедій“, отвѣчалъ онъ, „а тѣмъ боже комедій торжественныхъ; безъ нихъ же это торжество не могло обойтись, судя по приготовленіямъ къ нему“; и тутъ же рассказалъ ей все, что только зналъ объ этомъ, съ чѣмъ она и согласилась вполне“ <sup>1)</sup>).

Неизвѣстно, такъ ли рассуждалъ бы гр. С. Г. Строгановъ, если бы онъ былъ самъ попечителемъ въ годъ юбилея.

Въ исполненіи должности воспитателя при безвременно ушедшемъ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ графъ С. Г. Строгановъ не снискалъ себѣ ни сочувствія, ни одобренія; а смерть Наслѣдника вызвала даже негодованіе противъ воспитателя, какъ въ ближайшихъ, такъ и въ отдаленныхъ кругахъ общества. Настроеніе общества можно прослѣдить по отміткамъ въ „Дневникѣ“ А. В. Никитенка.

7 апрѣля 1865 г., среда. „Вчера получены самыя прискорбныя вѣсти о Наслѣдникѣ: онъ умираетъ. Государь вчера отправился ѣхать къ нему. Въ такъ называемомъ интеллигентномъ обществѣ мало участія къ этой великой скорби отца Царя-Освободителя, но народъ будетъ глубоко огорченъ“

(Дневникъ, т. II, стр. 20, въ отд. изданіи *пропущено* (!) объ интеллигенціи) <sup>2)</sup>).

12. Понедѣльникъ... „Впервые услышалъ я прискорбную вѣсть о смерти Наслѣдника Цесаревича Николая Александр-

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 129.

<sup>2)</sup> Мѣсто восстановлено по «Русской Старинѣ» за 1891 г., т. 70, г. 22, стр. 637. Очевидно, что чья то заботливая рука послала «Записки» Никитенка. Нельзя не пожалѣть о столь тенденціозномъ кастрированіи важныхъ историческихъ матеріаловъ.



ровича... Грустно, очень грустно... Въ *публикѣ страшное негодование противъ графа С. Г. Строганова*. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлалъ онъ эти три года, которые провелъ при Наслѣдникѣ? Почему скрылъ онъ его болѣзненное состояніе, если о немъ зналъ, и почему не зналъ, если не зналъ?" (стр. 21).

13. Вторникъ. „Заходилъ къ Гончарову—Ничего!.... Вмѣстѣ посѣтовали и *побранили* гр. С. Г. Строганова“ (22).

19. Понедѣльникъ. „*Вездѣ почти единогласно слышишь укоризны* гр. С. Г. Строганову“ (23).

25. Воскресенье. „Поутру у Стасюлевича. Онъ три года былъ преподавателемъ исторіи у покойнаго Наслѣдника: Наслѣдникъ, говоритъ онъ, учился очень хорошо и вообще былъ прекрасный человекъ. Ста-чѣ не можетъ вспомнить о немъ безъ глубокой скорби и умиленія. Онъ показывалъ мнѣ тетради, въ которыхъ царственный юноша записывалъ свои уроки изъ исторіи <sup>1)</sup>. Видна особенная тщательность въ занятіяхъ. (Графа С. Г.) Строганова покойный наслѣдникъ *не любилъ*, да и *трудно* любить этого *холоднаго* и *сухого* человека.“

Вотъ образчикъ того, какъ въ народѣ смотрятъ на кончину Цесаревича Николая Александровича. Во время Ломоносовскаго обѣда въ залѣ Дворянскаго собранія возлѣ С—ча сидѣлъ какой то купецъ. Когда былъ провозглашенъ тостъ за Наслѣдника—тогда было извѣстно еще только, что онъ опасно боленъ—зала огласилась восторженными криками въ честь его и пожеланіями ему выздоровленія. Крики не умолкали въ теченіи пяти минутъ. С—ча это такъ тронуло, что у него показались слезы на глазахъ. Его сосѣдъ купецъ это замѣтилъ и спросилъ: „Видно, Вы очень любите Наслѣдника?“—„Да“, отвѣчалъ С., „потому что знаю его хорошо: я былъ его учителемъ“.—„Учителемъ?“ повторилъ купецъ:

---

<sup>1)</sup> Ср. «Исторію среднихъ вѣковъ», т. III, предисловіе, стр. V--XII («Изъ Прошедшаго»).

„Ну хорошо, что Вы были его учителемъ, а не *дядькою*, а то Васъ стоило бы *разорвать* на клочки!“ (24—25).

Май 20. Четвергъ. „Всѣхъ умнѣе, кажется, велъ себя докторъ *Здекауеръ*. Онъ еще въ январѣ объяснялъ Государю и Строганову, какъ сомнительно положеніе Наслѣдника, и какой осторожности и вниманія оно требуетъ. Н. Θ. Здекауеръ, между прочимъ, никакъ не совѣтовалъ ему купаться въ морѣ“ (стр. 29).

27. Четвергъ. „Графъ С. Г. Строгановъ, говорятъ, игралъ самую жалкую роль во время всей похоронной церемоніи: въ нему *никто* не подходилъ, никто не заводилъ съ нимъ рѣчи“ (32).

Отъ упрековъ, сыпавшихся тогда на графа С. Г. Строганова, пытается защитить его *Θ. А. Оомъ*.

„Сколько грѣха приняли на себя тѣ лица, которыя упрекали графа въ суровости, въ жестокости, въ излишнемъ напряженіи умственныхъ силъ Цесаревича! Почему при жизни его не спрашивали они его самого, страдаетъ ли онъ подъ этимъ нравственнымъ гнетомъ?... Мнѣ случилось прочесть письмо, въ которомъ приближенная къ Императрицѣ особа писала въ Москву, будто графъ не хотѣлъ даже проститься съ тѣломъ Цесаревича послѣ кончины его, ибо немедленно уѣхалъ домой, будто на другой день уже подоидя къ одру, на которомъ лежалъ безжизненный трупъ дорогого воспитанника, онъ костьюемъ своимъ приподнялъ вуаль, которою былъ прикрытъ ликъ его“ (Воспоминанія *Θедора Адольфовича Оома*, стр. 47 въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1896 г. (г. 34), III, 9, ст. II).

Однако и самъ *Θ. А. Оомъ* сообщаетъ такой фактъ:

„Пріѣхала Императрица (*Марія Александровна*) и вошла въ (умирающему) Цесаревичу. *Анна Ѳеодоровна Тютчева* стала требовать *священника* и распоряжаться безъ спросу и вѣдома тѣхъ, которые болѣе имѣли права на эти распо-

раженія. Графъ Строгановъ, нисколько не стѣсняясь, замѣтилъ ей: *Vous n'avez rien à dire et à faire ici; allez vous en.* Эти рѣзкія слова послужили поводомъ къ обвиненіямъ старика и къ измышленіямъ на его счетъ, которыхъ онъ, конечно, не заслуживалъ“ (тамъ же стр. 43).

Въ исторіи одного изъ величайшихъ дѣяній Царя-Освободителя—уничтоженіи крѣпостного права графъ С. Г. Строгановъ не только не показалъ сочувствія къ идеѣ Государя, столь отличавшаго его, но даже прямо применилъ къ группѣ тѣхъ ожесточенныхъ крѣпостниковъ, которые, видя свое дѣло благодаря безповоротному рѣшенію Императора проиграннымъ, пытались такъ или иначе противодѣйствовать намѣреніямъ правительства.

„На Москву было обращено вниманіе всей Россіи; отъ нея ожидали обороны дворянскихъ правъ и матеріальныхъ интересовъ. На ея силу надѣялись.

Въ члены тамошняго комитета наше крупное землевладѣліе, защищавшее освобожденіе крестьянъ по примѣру Англіи *безъ земли*, выслало такихъ своихъ представителей, каковы были князь *А. С. Меншиковъ* и графъ *С. Г. Строгановъ*. Оба они не могли равнодушно говорить ни объ освобожденіи крестьянъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно предполагалось, ни о *лицахъ*, участвовавшихъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Этимъ ревностнымъ защитникамъ англійскихъ началъ тогда и въ голову не приходило, чтобы дѣло могло разрѣшиться предоставленіемъ крестьянамъ земли въ собственность. Странная судьба нашихъ защитниковъ иностранныхъ порядковъ! Наши аристократы приходили въ негодованіе за то, что Государь не послушался ихъ и не освободилъ крестьянъ на основаніи *англійскихъ* началъ, а нашъ Государь во время пребыванія его въ 1874 г. въ *Лондонѣ* былъ предметомъ самыхъ торжественныхъ и самыхъ популярныхъ овацій именно за то, что онъ освободилъ крестьянъ съ землей.

Московскій комитетъ отрывалъ походъ противъ усадебной осѣдлости и въ одномъ изъ своихъ журналовъ постановилъ считать подъ „усадебной осѣдлостію“ однѣ только крестьянскія строенія. Государь принялъ московское дворянство въ послѣдній день пребыванія своего въ Москвѣ. При этомъ приемѣ онъ сказалъ довольно длинную, глубокопрочувствованную и энергическую рѣчь: „Мнѣ, господа, пріятно, когда я имѣю возможность благодарить дворянство, но *противъ совѣсти* говорить—не въ моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и въ сожалѣнію, благодарить васъ теперь не могу.... Когда вслѣдствіе вызова петербургской и литовскихъ губерній даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а московская губернія—не первая, не вторая, даже и не третья. Это мнѣ было прискорбно.... Помните, что на московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда сдѣлать для васъ все, что могу,—дайте же мнѣ возможность стоять за васъ... Я подъ усадебной осѣдлостію понимаю не однѣ строенія, но и всю (усадебную) землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы я могъ за васъ стоять. Этимъ вы *оправдаете* мою къ вамъ довѣренность“....

Рѣчь эта, какъ и слѣдовало ожидать, произвела на московскихъ дворянъ сильное впечатлѣніе. Едва ли не сейчасъ послѣ этой рѣчи князь А. С. Меншиковъ и графъ С. Г. Строгановъ оставили московскій комитетъ: по крайней мѣрѣ, въ спискѣ членовъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ, приложенномъ къ „Сборнику правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу“ внесены по Серпуховскому и Клиновскому уѣздамъ другія лица съ отмѣткой: „на мѣсто генераль-адъютантовъ графа Строганова и князя Меншикова“... („Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ“, глава V, стр. 418—420 въ „Русской Старинѣ“ за 1882 г., т. XIII, т. 34, май, ст. III).

*Н. П. Семеновъ* въ своемъ сочиненіи „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II“ (Томъ II-ой, Второй періодъ занятій) сообщаетъ тоже о роли графа С. Г. Строганова въ крестьянскомъ вопросѣ:

„Изъ лицъ, занимавшихъ тогда высшее положеніе въ государствѣ, мало сочувствовавшими освобожденію крестьянъ съ надѣломъ землею, Ростовцевъ считалъ князя П. П. Гагарина, М. Н. Муравьева, графа *С. Г. Строганова* и графа В. Н. Панина и конечно—по тому самому *не думая* о нихъ, какъ о своихъ преемникахъ, сообщая неоднократно, *чего* отъ нихъ ожидаетъ по отношенію къ крестьянскому дѣлу, когда оно будетъ проходить черезъ Государственный Совѣтъ“ (стр. 631).

„Петръ Семеновъ доложилъ (Государю), что совершенно въ иномъ отношеніи къ крестьянскому дѣлу, по мнѣнію Ростовцева (чѣмъ М. Н. Муравьевъ), находились графъ С. Г. Строгановъ и графъ В. Н. Панинъ, землевладѣльцы крупные, великодушные, не имѣющіе никакихъ личныхъ, мелкихъ, и тѣмъ болѣе корыстныхъ интересовъ въ этомъ дѣлѣ, готовые лично нести всякія матеріальныя жертвы для блага отечества и уже *помирившіеся* (sic) съ мыслию о *необходимости* освобожденія крестьянъ. Ростовцевъ былъ увѣренъ, что графъ Строгановъ никогда не будетъ энергическимъ оппонентомъ проекта Редаціонныхъ Коммиссій, что онъ даже ему сочувствуетъ (?) въ общихъ чертахъ, расходясь лишь въ нѣкоторыхъ, *весьма важныхъ*, однако, вопросахъ о способѣ надѣленія крестьянъ землею и о *вотчинной* полиціи“ (стр. 632).

„Послѣ кончины Ростовцова въ столицѣ носились слухи, что Государь предлагалъ занять мѣсто предсѣдателя Редаціонныхъ Коммиссій графу Сергію Григорьевичу Строганову (состоявшему тогда попечителемъ при въ Бозѣ почившемъ Наслѣдникѣ престола Николаѣ Александровичѣ), который отклонилъ отъ себя это назначеніе“ (стр. 663).

Любопытная книжка „Письма изъ Москвы“, 1882 г. (письмо I, отъ 28 мая, стр. 20) называетъ графа С. Г. Строганова „злымъ гениемъ реакціи—начиная съ 1866 г., когда онъ былъ призванъ на совѣтъ и наградилъ насъ между прочимъ министромъ народнаго просвѣщенія, бывшимъ тогда его протеже, а впоследствии врагомъ—графомъ Д. А... Графъ былъ также участникомъ засѣданія 8 марта 1881 года <sup>1)</sup> .

Графъ С. Г. Строгановъ избралъ многихъ талантливыхъ молодыхъ людей и устроилъ ихъ при университетѣ; но изъ-за него же Московскій университетъ потерялъ своего великаго воспитанника, *Н. И. Пирогова*, которому, не смотря на все его желаніе, не пришлось быть на Московской кафедрѣ. Вотъ какъ драматически объ этомъ рассказываетъ самъ потерпѣвшій:

„Первая новость, услышанная мною въ Дерптѣ, была та, что я покидаю остальную часть штата и прогуляю мое мѣсто въ Москвѣ. Я узналъ, что попечитель Московскаго университета, Строгановъ, настоялъ у министра объ опредѣленіи на кафедре хирургіи въ Москвѣ *Иноземцева*.

Первое впечатлѣніе отъ этой новости было, сколько помню, очень тяжелое...

Это онъ назначенъ былъ разрушить мои мечты и лишить меня, мою бѣдную мать и бѣдныхъ сестеръ перваго счастья въ жизни! Сколько счастья доставляло и имъ, и мнѣ думать о томъ днѣ, когда, наконецъ, я явлюсь къ нимъ, чтобы жить вмѣстѣ и отблагодарить ихъ за всѣ ихъ попеченія обо мнѣ въ тяжелое время сиротства и нищенства! И вдругъ всѣ надежды, всѣ счастливыя мечты, все пошло прахомъ!

Но чѣмъ же тутъ виноватъ Иноземцевъ?

---

<sup>1)</sup> Объ этомъ засѣданіи можно прочесть въ брошюрѣ Льва Тихонова, «Конституціоналисты въ эпоху 1881 г.» М. 1895, стр. 82—85.

Да развѣ онъ не зналъ моихъ намѣреній и надеждъ? развѣ онъ не слыхалъ отъ меня, что старуха мать и двѣ сестры ждуть меня съ нетерпѣніемъ въ Москву? Развѣ ему неизвѣстно было, что я отвѣчалъ на послѣдній вопросъ въ Берлинъ изъ Москвы?

Но онъ не могъ устоять противъ требованія и желанія Строганова? Во первыхъ это, вѣрно, не такъ: Иноземцевъ умѣлъ сдѣлать себя пріятнымъ и отъ природы снабженъ былъ средствами для этой цѣли; а во-вторыхъ, развѣ совѣсть и долгъ чести не требовали отъ товарища, чтобы онъ отказался отъ предлагаемаго, если на это предложеніе имѣлъ гораздо болѣе права не онъ, а другой?

*И какова заботливость начальства!*

Оно само выбираетъ, само назначаетъ человѣка, само узнаетъ отъ него, что онъ желаетъ дѣйствовать именно въ томъ университетѣ, гдѣ онъ получилъ образованіе, и гдѣ онъ былъ избранъ для дальнѣйшаго усовершенствованія—и что же? лишь только пришла бѣда, *болтзнь*, его *забываютъ* и спѣшатъ его мѣсто замѣнить другимъ! Да, этотъ другой понравился, *имѣлъ счастье* понравиться его сіятельству; а кто знаетъ, понравился ли бы еще я? Пожалуй, могло быть и еще хуже,—могло быть, что мнѣ, и здоровому, и прибывшему въ Петербургъ, вліятельный графъ *предпочелъ бы* моего товарища.... (Н. И. Пироговъ, Сочиненія, т. I, стр. 453—454, „Дневникъ стараго врача“).

На мѣстѣ попечителя московскаго учебнаго округа графъ сумѣлъ снискать себѣ симпатіи со стороны студентовъ. Здѣсь является свидѣтелемъ Ѡ. И. Буслаевъ (Мои воспоминанія, стр. 109—111).

„Послѣ двухлѣтнаго гнета подѣ ферулою Дмитрія Павловича Голохвастова, мы—студенты 1834 г. могли вполнѣ оцѣнить и радостно почувствовать на себѣ самихъ благотворную силу обновленія во всемъ строѣ университетской жизни. Предшественникъ графа Строганова, кн. Сергій Михайловичъ Голицынъ, знаменитый и первый вельможа въ Москвѣ и тоже любимецъ Императора Николая, былъ человѣкъ рѣшительно добрый и благотворительный,—но странное дѣло, ровно ничего для университета не дѣлалъ, а вполнѣ предоставлялъ Голохвастову дѣлать все, что угодно. Онъ даже какъ будто вовсе и не любилъ университета и при насъ въ теченіи 2 лѣтъ ни разу не былъ въ аудиторіяхъ на лекціи; только однажды посѣтилъ онъ нашу казенную столовую во время обѣда, прошелся взадъ и впередъ между столами, и закинувъ голову, смотрѣлъ по верхамъ въ потолокъ, на студентовъ же вовсе ни на кого и не взглянулъ. Графъ же Строгановъ чуть не каждый день посѣщалъ лекціи профессоровъ и внимательно слушалъ каждую сначала до конца, никогда не оскорбляя профессора преждевременнымъ



выходомъ изъ аудиторіи; а во время переходныхъ и выпускныхъ экзаменовъ любилъ знакомиться съ успѣхами и способностями экзаменующихся студентовъ и съ особеннымъ вниманіемъ и участіемъ слѣдилъ за тѣми изъ нихъ, которые были уже у него на примѣтѣ по дарованіямъ и прилежанію. Такихъ онъ прочилъ для будущаго ихъ назначенія въ профессора или въ учителя, какъ напр., Соловьева, Каткова, Селина, Кудрявцева, Шестакова, Кавелина, Ершова, Давыдова, Авилова. Столько же слѣдилъ онъ и за преподаваніемъ въ гимназій, и присутствуя на урокахъ, знакомился съ учителями и съ даровитѣйшими изъ учениковъ, изъ которыхъ многіе и потомъ всегда пользовались его вниманіемъ и покровительствомъ, какъ напр., *Басистовъ*, ученикъ II московской гимназій, впоследствии извѣстный педагогъ и литераторъ....

Графъ не оставлялъ безъ вниманія и низшихъ школъ, и посѣщая ихъ время отъ времени, лично наблюдалъ за успѣхами преподавателей, а иногда и учениковъ, съ которыми любилъ разговаривать, чтобы знакомиться съ ихъ способностями. Вотъ одинъ анекдотъ, который онъ самъ рассказывалъ мнѣ. Однажды въ какомъ то приходскомъ училищѣ онъ былъ на урокѣ изъ катехизиса. Дѣло шло о единомъ Господѣ Богѣ въ трехъ Ипостасяхъ. Законоучитель вызвалъ одного ученика лѣтъ 7 повторить сказанное и объясненное. Мальчуганъ, съ серьезною и спокойною миною, не стѣсняясь присутствіемъ начальства, медленно и твердымъ голосомъ передалъ ученіе о Богѣ Отцѣ, о Богѣ Сынѣ и о Святомъ Духѣ. Графъ, заинтересованный даровитымъ мальчикомъ, спросилъ его: „Ну, а какъ же ты самъ понимаешь, чтò такое Святой Духъ?“ — Мальчикъ подумалъ я, не торопясь, отвѣчалъ: „птица“. — „Какая же птица?“ воздерживаясь отъ улыбки, спросилъ графъ. Мальчуганъ опять подумалъ и такъ же медленно проговорилъ: „*курица*“. Съ трудомъ преодолая себя, чтобы не расхохотаться, графъ серьезно и ласково спросилъ его: „По-

чему же ты это знаешь, мой милый?— „А потому“—отвѣчалъ тотъ немедленно и съ увѣренностью, „что *самъ* видѣлъ на образѣ въ церкви“.

„Этотъ отвѣтъ“, присовокупилъ графъ къ своему разсказу, „окончательно убѣдилъ меня въ даровитости и въ смѣливой находчивости 7-ми лѣтняго ребенка. Дѣйствительно, на старинныхъ иконахъ символическій голубь не летитъ съ распростертыми крыльями, а стоитъ смирно, подобравъ и прижавши ихъ къ себѣ, и кажется какъ есть дворовою птицею, если намалеванъ неумѣлою рукою сельскаго иконописца“.

Въ первый же годъ своего попечительства графъ Строгановъ *оказалъ великую услугу* народному просвѣщенію, *примирилъ* Государя Императора съ Московскимъ университетомъ, который онъ не переставалъ держать въ опалѣ со времени печальной исторіи, окончившейся солдатчиною Полежаева и ссылкой Герцена. Николай Павловичъ называлъ нашъ университетъ „волчьимъ гнѣздомъ“, и когда случалось ему проѣзжать *мимо него, домо* оставался въ *дурномъ* расположеніи духа. Потому надобно признать за *особую* его милость къ графу Строганову, что онъ соблаговолилъ посѣтить вмѣстѣ съ нимъ Московскій университетъ и казеннокоштное общежитіе. Не знаю, какъ въ другихъ номерахъ, но въ нашемъ попечитель представилъ Государю всѣхъ насъ до одного, особенно рекомендуя въ некоторыхъ по успѣшнымъ занятіямъ въ той или другой специальности филологическаго факультета. Хорошо помню, что Шестаковъ (Сергій Дмитріевичъ), будущій профессоръ римской словесности, былъ рекомендованъ ему, какъ отличный латинистъ.

Графъ Строгановъ непременно долженъ былъ въ скорѣйшемъ времени *снискать расположеніе* Царя къ московскому университету, чтобы оправдать въ его глазахъ помѣщеніе своего собственнаго сына въ корпорацію студентовъ, которая до сего времени была заподозрѣна правительствомъ. Актъ

*примиренія* верховной власти съ университетскимъ преподаваніемъ блистательно завершентъ былъ всемілостивѣйшимъ рѣшеніемъ Государя Николая Павловича послать своего собственнаго сына и Наслѣдника-Цесаревича Александра Николаевича въ московскій университетъ—слушать лекціи анатоміи и фізіологіи у проф. *Эйброта*. Этотъ курсъ лекцій состоялся по зимѣ того же года и былъ читавъ спеціально для Цесаревича и его немногочисленной свиты въ одной изъ залъ стараго зданія университета—направо отъ воротъ“.

„Графъ С. Г. Строгановъ ничѣмъ не могъ лучше и полнѣе выразить своего довѣрія, уваженія и любви къ московскому университету, какъ тѣмъ, что немедленно по вступленіи въ должность попечителя онъ отдалъ въ него учиться своего старшаго сына и наслѣдника огромнаго майората, даже *рискуя* впасть въ немилость у Государя Николая Павловича, который очень *не жаловалъ* студентовъ“<sup>1)</sup>.

Для того, чтобы видѣть, почему студенты не могли не полюбить графа С. Г. Строганова за его гуманное съ ними обращеніе, посмотримъ, въ чемъ была разница, и какъ обращались съ ними другіе начальники.

„Помощники попечителя (князя Сергія Михайловича Голицина) графъ Панинъ и Д. П. Голохвастовъ. необузданные деспоты, видѣли въ каждомъ студентѣ какъ бы своего *личнаго врага*, считая насъ всѣхъ опасною толпою, какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣлаго общества. Они все добивались что то *сломить, искоренить*, дать всѣмъ внушительную острастку.

Голохвастовъ былъ язвительнаго, надменнаго характера. Онъ злорадствовалъ всякому случайному, незначительному студенческому промаху, и раздувъ его до тахітум'а, нахо-

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 107.

диль для себя особаго рода наслажденіе наложить на него свою кару.

Графъ Панинъ никогда не говорилъ со студентами, какъ съ людьми болѣе или менѣе образованными, что-нибудь понимающими. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на какихъ то мальчишекъ, которыхъ надобно держать непременно въ *еже-выхъ рукавицахъ*, повелительно кричалъ густымъ басомъ, командовалъ, грозилъ, страшалъ. И обѣимъ этимъ личностямъ была дана полная власть надъ университетомъ“ (П. О. Вистенофъ, Изъ моихъ воспоминаній. II, стр. 335, „Историческій Вѣстникъ“, г. V, за 1884 г., т. XVI, май).

„Какъ то однажды намъ дали знать, что графъ Панинъ неистовствуетъ въ правленіи университета. Изъ любопытства мы бросились туда. Даже Лермонтовъ молча потянулся за нами. Мы застали слѣдующую сцену: два казеннокоштные студента сидятъ одинъ противъ другого на табуреткахъ, и два университетскихъ солдата совершаютъ надъ ними обрядъ бритья и стрижки. Графъ, атлетическаго роста, принявъ повелительную позу, грозно кричалъ:

— „Вотъ такъ! стриги еще короче! Подъ гребешокъ! Слышишь!—А ты!“ обращался онъ къ другому: „чище брей! Не жалѣй мыла, мыль его хорошенько!“

Потомъ обратившись къ силащимъ жертвамъ, гнѣвно сказалъ:

„Если вы у меня въ другой разъ осмѣлитесь только подумать отпускать себѣ бороды, усы и длинные волосы на головѣ, то я васъ прикажу стричь и брить на барабанѣ, въ карцеръ сажать и затѣмъ въ солдаты отдавать. Вы вѣдь не дьячки! Передайте это тамъ всѣмъ. Ну! ступайте теперь!“

Увидавъ въ эту минуту нашу толпу, онъ закричалъ:

— „Вамъ что тутъ нужно? Вамъ тутъ нечего торчать! Зачѣмъ вы пожаловали сюда? Идите въ свое мѣсто!“

Мы опрометью, толкая другъ друга, выбѣжали изъ правленія, *проклиная* Панина.

Иногда эти *ненавистныя* намъ личности, Панинъ и Голохвастовъ, являлись въ аудиторію для осмотра, все ли въ порядкѣ. Объ этомъ давалось знать всегда заранѣе. Тогда начиналась бѣготня по корридорамъ. Субъ-инспектора, университетскіе солдаты суетились, и въ аудиторіяхъ водворялась тишина<sup>1)</sup>..... „Панинъ и Голохвастовъ, присутствуя на экзаменахъ, злорадствовали нашей неудачѣ“ (стр. 337).

А какъ поступалъ графъ С. Г. Строгановъ, мы видѣли уже выше (стр. 262—263). Приведемъ еще разсказъ одного студента, повинувшаго Медико-хирургическую Академію: его не принимали въ московскій университетъ.

— „Почему же?“ спросилъ я.

— „Въ Вашемъ аттестатѣ поведеніе названо „*хорошимъ*“.

— „Такъ что же?“

— „Съ такой аттестаціей принять Васъ нельзя“.

— „Да что же это значитъ? Вѣдь поведеніе названо *хорошимъ*.“

— „Это то и значитъ, что оно *нехорошо*“!

Слушая чиновника, я просто диву дался: „хорошо“ — значитъ „нехорошо“. Что за чепуха?

— „Что же мнѣ дѣлать?“ обратился я къ нему.

— „Ужъ, право, не знаю.“

— „Я поѣду въ Кіевъ, въ Харьковъ“...

— „Все равно, то же будетъ. Вотъ, еслибъ поведеніе Ваше было названо „*отличнымъ*“, тогда другое дѣло, а „хорошее“ поведеніе у насъ во всѣхъ университетахъ принято понимать *дурнымъ*.“

Теперь я только понялъ продѣлку (инспектора Академіи) *Шёнрока*, отъ котораго главнымъ образомъ—зависѣла моя

---

<sup>1)</sup> Стр. 336 тамъ же.

аттестация. Ему мало было того, что по его милости я прерывал свое образование: ему хотѣлось меня вовсе лишить его—иначе я не могъ понять поступка его со мною, да и теперь не могу. Мысль, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ мною въ Академіи, пропали даромъ, и что, не окончивъ курса, я ставлю себя въ неопредѣленное положеніе, что вся будущность моя гибнетъ, привела меня въ страшное волненіе, и я почти съ отчаяніемъ сказалъ чиновнику:

— „Да дайте же мнѣ ради Бога совѣтъ: что мнѣ дѣлать?“

— „Развѣ вотъ что: попробуйте сходить къ *попечителю*; по четвергамъ графъ принимаетъ всѣхъ: просите его“.

— „А если и онъ мнѣ то же скажетъ, если и онъ того же мнѣнія, какъ всѣ университетскія начальства?“

— „О нѣтъ, графъ—прекраснѣйшій человекъ и справедливый; Вы можете говорить съ нимъ откровенно: онъ это *любитъ*“.

Я поблагодарилъ чиновника и рѣшился сдѣлать попытку.

Въ первый же четвергъ, полный тревоги и самыхъ отчаянныхъ опасеній за свое будущее, явился я къ графу С. Г. Строганову. Меня провели къ нему въ кабинетъ. Передо мной былъ человекъ съ блѣднымъ, строгимъ лицомъ, въ правильныхъ чертахъ котораго отражались умъ, благородство и какое то спокойствіе твердаго, рѣшительнаго характера. Онъ сидѣлъ съ протянутою на стулъ перевязанною ногой, которую, какъ я узналъ послѣ, онъ незадолго передъ тѣмъ сломалъ. Подавъ ему прошеніе и аттестатъ, я робко прибавилъ, что мнѣ въ приемѣ отказали, и что я пришелъ просить его о свисхожденіи.

Графъ посмотрѣлъ мой аттестатъ и сказалъ: „Странно, господа: вы думаете, что, если вы не годитесь въ какомъ-либо высшемъ учебномъ заведеніи, такъ всетаки годны для

Московского университета; какое же вы составили о немъ повятіе?“

Хотя у меня и въ помышленіи не было ничего подобнаго, о чемъ говорилъ графъ, однако же, узнавъ уже, что такое по университетскому словарю значило „хорошее“ поведеніе, я затруднился сказать что-либо въ опроверженіе такого предположенія и молчалъ, думая только объ одномъ: что будетъ со мною, и куда я дѣнусь, если и онъ откажетъ мнѣ въ приѣмъ. Въ эти критическія минуты моего молчанія и размышленія графъ не спускалъ съ меня глазъ, смотря упорно и пытливо на мое смущенное лицо и наконецъ спросилъ: „Кавія у Васъ тамъ были исторіи, за что Вамъ дали такой аттестатъ?“

Не съ разу отвѣтилъ я. Что же я буду рассказывать, думалъ я про себя: лгать я не хочу, да и не могу,—а сказать правду значить окончательно погубить себя. Я молчалъ.

— „Вотъ видите ли“, сказалъ графъ *необыкновенно спокойнымъ и мягкимъ* тономъ,—„Вы пришли во мнѣ и прѣсите о снисхожденія, значить, Вы вѣрите тому, что я могу помочь Вамъ, и всетаки не хотите быть откровеннымъ“.

Этотъ *ласковый, душевный* тонъ, проникавшій прямо *въ душу*, котораго со времени моего студенчества мнѣ *ни разу* не приходилось еще слышать изъ *устъ начальства*, успокоительно подѣйствовалъ на меня; я ободрился и сказалъ: „Я хотѣлъ бы, Ваше сіятельство, быть съ Вами откровеннымъ, но опасуюсь, что откровенность эта внушитъ Вамъ обо мнѣ невыгодное мнѣніе: впрочемъ, если Вамъ угодно, я расскажу“.

— „Да, я хочу этого—говорите!“

Тутъ я коротко, но не пропустивъ ни одного важнаго обстоятельства, рассказалъ то, что со мной было (далъ субику tête à tête за дерзость по фізіономіи).

Графъ слушалъ, ни однимъ вопросомъ не прерывая меня, а когда я кончилъ, то также молча взялъ со стола ка-

рандашъ и поперекъ моего прошенія написалъ: „принять“. Передавая мнѣ бумагу, онъ сказалъ: „Надѣюсь, что Московскій университетъ не дастъ Вамъ повода къ такимъ поступкамъ; но надѣюсь также, что и Вы будете остерегаться отъ повторенія случившагося съ Вами“.

Разсказъ мой конченъ.

Сорокъ лѣтъ отдѣляютъ меня отъ того дня, когда *великодушная помощь* графа С. Г. Строганова отвела меня отъ края *бездны*, надъ которой я стоялъ, готовый *низринуться* и *погибнуть*; но еслибъ мнѣ суждено было прожить и еще столько же, то и тогда *благоговѣйная признательность* къ памяти этого *благороднѣйшаго* человѣка не изсябла бы изъ моего переполненнаго *благодарностью* сердца“. (NN., Тяжелыя времена (изъ воспоминаній доктора), стр. 320—322, „Историческій Вѣстникъ“, г. V, май, 1884 г., т. XVI).

Но, замѣтимъ, даже и въ отношеніи къ студентамъ не всегда бывалъ графъ столь милостивымъ, особенно, когда они приходили въ столкновение съ его любимцами. Такъ изъ-за Чивилева, предъ которымъ графъ заставилъ унижаться Погодина (см. выше, стр. 231—232), пострадалъ *А. А. Фетъ-Шеншинъ*:

„По неизвѣстнымъ соображеніямъ у насъ на словесномъ факультетѣ Чивилевъ читалъ политическую экономію... Заинтересованный совершенно новыми для меня точками зрѣнія на распредѣленіе цѣнностей между людьми, я весьма удовлетворительно приготовился изъ этого предмета. Замѣтилъ ли Чивилевъ, что я не очень усердно посѣщалъ его лекціи, но вышло совершенно неожиданное. Къ великой радости я взялъ билетъ № 1: опредѣленіе политической экономіи. Если бы я сказалъ только, что политическая экономія есть наука о народномъ хозяйствѣ, говорящая о производствѣ, сохраненіи и распредѣленіи цѣнностей, то и тогда экзаменаторъ могъ поставить мнѣ, вѣжета, не ниже средняго балла. Но Чивилевъ, сказавши: „не такъ!“ и заставивши меня отвѣтить вторично,



проговорилъ: „Если Вы не знаете перваго опредѣленія науки, то о дальнѣйшемъ не можетъ быть и рѣчи (sic)“, и съ этимъ вмѣстѣ поставилъ мнѣ единицу. Единица эта была для меня тѣмъ ужаснѣе, что по всѣмъ остальнымъ предметамъ, въ томъ числѣ и по греческой словесности, я получилъ удовлетворительныя отмѣтки. А тутъ изъ-за этой единицы приходилось оставаться другой годъ на второмъ курсѣ. Чивилевъ былъ *неумолимъ*. О переэкзаменовкѣ въ августѣ надо было просить попечителя, и вотъ, надѣвши парадную форму, въ треуголкѣ и въ шпагѣ, я отправился къ графу С. Г. Строганову.

Если память мнѣ не измѣняетъ, графъ принялъ меня, стоя на костылѣ, такъ какъ прошлой весною опрокинувшаяся подъ нимъ верховая лошадь переломила ему ногу.

— „Вы прѣсите о переэкзаменовкѣ“, сказалъ графъ: „но вѣдь экзаменные списки у меня, я сейчасъ Вамъ ихъ покажу. Я хорошо помню Ваши баллы. Хорошія отмѣтки изъ французскаго и нѣмецкаго я ни во что считаю, мой *камердинеръ* говоритъ по нѣмецки; <sup>1)</sup> изъ латинскаго б, — *еще бы* Вы на словесномъ факультетѣ не звали по латыни; а вотъ по гречески то у Васъ тройка, а изъ политической экономіи единица“.

— „Я явился къ Вашему сіятельству“, отвѣчалъ я, „не оправдываться, а просить о переэкзаменовкѣ въ августѣ изъ политической экономіи“.

— „Если бы“, отвѣчалъ графъ, „въ университетѣ былъ протянутъ канатъ, на которомъ Вамъ слѣдовало протанцевать, и Вы не протанцевали, — тѣмъ *хуже* для Васъ. Я *ничего* не могу для Васъ сдѣлать!“

Нечего говорить, съ какимъ тяжелымъ чувствомъ я отправился на лѣтнія вакаціи домой, гдѣ старался объяснить свою неудачу *капризомъ* Чивилева, чѣмъ объясняю ее и понынѣ“ (*А. Фетъ*, Ранніе годы моей жизни, М. 1893, стр. 180—182).

---

<sup>1)</sup> Объ этомъ камердинерѣ см. выше, стр. 194.

За Фета же графъ С. Г. Строгановъ распекалъ А. Д. Галахова (тамъ же, стр. 291): „Строгановъ свазалъ мнѣ“, передавалъ Галаховъ Фету: „И Васъ вызвалъ, чтобы замѣтить, что Вы въ своей христоматіи помѣстили стихотворенія Фета, не зная, можетъ быть, что онъ—студентъ!“—„Ваше сіятельство“, отвѣчалъ я, „я выбиралъ стихотворенія, заслуживающія, по моему мнѣнію, быть помѣщенными въ христоматию,—и виновать, не обращалъ вниманія на *положеніе* автора!“

Авторъ очерковъ и собиратель приведенныхъ матеріаловъ можетъ только радоваться, когда его труды пригодятся другимъ работникамъ на поприщѣ русской исторической науки. Правда, это пользованіе чужими трудами въ нашихъ газетныхъ и журнальныхъ рецензіяхъ практикуется въ довольно безцеремонной формѣ; въ примѣръ этого могу привести слѣдующіе факты. Какой то сотрудникъ нынѣ уже прекращенной газеты „Сѣверный Курьеръ“, подписавшійся „В. Перетцъ“, въ № 175 этой газеты (суббота, 29 апрѣля—12 мая 1900 г., стр. 2 (6 столбцовъ) и 3 (2 столбца) помѣстилъ фельетонъ „Русскій Скиталецъ“, гдѣ воспользовался моими матеріалами о В. С. Печеринѣ (въ I томѣ сего сочиненія) и воспользовался довольно неумѣло или невнимательно. Но тамъ онъ—хотя бы мимоходомъ, хотя въ подстрочномъ примѣчаніи, по всетаки указалъ на мою книгу, какъ на источникъ своей компіляціи. Совершенно неприличный характеръ носить, однако, другой его поступокъ. Въ той же моей книгѣ впервые, какъ и о самомъ Печеринѣ, собраны матеріалы о двухъ его сослуживцахъ и предшественникахъ, В. М. Котельницкомъ и С. М. Ивашковскомъ, известныхъ чудакахъ и оригиналахъ. Взявши собранныя мною (изъ мемуаровъ Буслаева, К. Аксакова, Пирогова и С. Соловьева) данныя и пристегнувъ

въ нимъ кое-что изъ воспоминаній Чалаго, то же лицо—В. Перетцъ—построило особую статейку „Изъ прошлаго высшей и средней школы“ („Сѣверный Курьеръ“, четвергъ, 13—26 апрѣля 1900 г., № 159, фельетонъ,  $\frac{1}{2}$  III— $\frac{3}{4}$  V столбца, главки III—IV). Здѣсь „авторъ“ не счелъ нужнымъ указать на меня, какъ на источникъ.... Приличное названіе своему поступку пусть подберетъ самъ г. Перетцъ. Главную роль, разумѣется, играетъ ожиданіе, что провинціальный профессоръ не можетъ услѣдить за всѣми столичными газетами и вступить за свою работу. И точно, я совсѣмъ случайно наткнулся на этотъ „трудъ“ поименованнаго газетнаго писателя. Во избѣжаніе повторенія подобныхъ неприятныхъ объясненій я покорнѣйше прошу и г. Пертца, и вообще всѣхъ читателей этой книги, ето захочетъ воспользоваться моими данными для печати,—оказывать мнѣ справедливость и цитировать меня, какъ автора или собирателя.

Проф. *Евгеній Бобровъ.*

---



**Вышли отдѣльными изданіями и находятся въ продажѣ:**

1. Философія и литература. Сборникъ статей (1888—1898). Томъ I. (172 стр.). Казань, 1898. Цѣна 1 р. 20 к.
2. О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ, 1894 (VIII+248 стр.). Цѣна 2 р.
3. Отношенія искусства къ наукѣ и нравственности. Юрьевъ, 1895 (8 нум.+82 стр.). Цѣна 75 к.
4. Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого и философская ихъ критика. Юрьевъ, 1897 (100 стр.). Цѣна 80 к.
5. О самосознаніи. Автографъ рѣчь. Каз., 1898 (42 стр.). Цѣна 25 к.
6. Изъ исторіи критическаго индивидуализма. Казань, 1898 (51 стр.). Цѣна 35 коп.
7. О понятіи бытія (76 стр.). Казань, 1898. Цѣна 50 к.
8. Новая реконструкція монадологіи Лейбница. Юрьевъ, 1896 (16 стр.). Цѣна 20 к.
9. П. А. Висковатовъ. Сжатый обзоръ исторіи новой русскои литературы съ библиографическими примѣчаніями. Издавъ (переработанъ и дополнилъ) Евгений Бобровъ. Дерптъ, 1892 (75 стр.). Цѣна 60 к.
10. Срѣмецъ. Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ. (Переводъ Евгения Боброва съ рукописи) (103 стр.). СПб. 1894. Цѣна 1 р.
11. Г. Тейхмюллеръ. Безсмертіе души. Философское изслѣдованіе. Переводъ А. К. Николаева подъ редакцію Евгения Боброва. Юрьевъ, 1895 (VIII+200 стр.). Цѣна 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> р.
12. Г. Тейхмюллеръ. Дарвинизмъ и философія. Переводъ А. К. Николаева подъ редакцію Евгения Боброва. Юрьевъ, 1894 (VIII+100 стр.). Цѣна 1 р.
13. Рецензія на «Свое Слово» А. А. Козлова, № 5. Казань, 1899. (16 стр.). Цѣна 10 к.
14. Философскій элементъ въ сочиненіяхъ В. Г. Бѣлиискаго. Отзывъ о рукописномъ сочиненіи. (20 стран.). Казань, 1900. Цѣна 15 коп.
- 15—16. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Томъ I. (VIII+216 стр.). Казань, 1901. Цѣна 1 р. Томъ II (VIII+272 стр.) Казань, 1902. Цѣна 1 руб. 70 коп.
- 17—21. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Выпускъ I. Казань, 1899 (IV+48 стр.). Цѣна 30 к. Вып. II. Казань, 1899 (VIII+253 стр.). Цѣна 1 р. 65 к. Вып. III. Казань, 1900 (VIII+256 стр.). Цѣна 1 р. 65 к. Вып. IV. Казань, 1901. (VIII+261 стр.). Цѣна 1 руб. 70 коп. Вып. V (IV+208 стр.). Казань, 1901. Цѣна 1 р.
22. Краткій отчетъ о занятіяхъ во время ученой командировки лѣтомъ 1898 г. съ приложеніемъ двухъ разсужденій: 1) О координальномъ бытіи и 2) Искусство и христіанство. Казань, 1900 (32 стр.). Цѣна 25 к.
23. Бытіе индивидуальное и бытіе координальное (IV+181 стр.) Юрьевъ, 1900. Цѣна 80 коп.

Выписывающіе непосредственно отъ автора - издателя (Казань, университетъ, профессору Евгению Александровичу Боброву) пользуются уступкой съ нарицательной цѣны.

*Проф. Евгений Бобровъ.*

---

# ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ

ВЪ РОССІИ ХІХ В.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

---

**ТОМЪ III.**



КАЗАНЬ

Типо-литографія Императорскаго Университета

1902.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Им-  
ператорскаго Казанскаго Университета

Деканъ *А. Смирновъ.*

Проф. Евгений Бобровъ.

ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНИЕ ВЪ РОССИИ.

**ТОМЪ III.**

---





## ОГЛАВЛЕНІЕ.

|                                                                  | <i>Стр.</i> |
|------------------------------------------------------------------|-------------|
| I. Затерянныя произведенія С. Т. Аксакова. . . . .               | 3.          |
| II. Дѣло Сочинскаго. . . . .                                     | 28.         |
| III. П. С. Нахимовъ. . . . .                                     | 68.         |
| IV. Къ исторіи русскаго масонства. . . . .                       | 101.        |
| V. Письма Г. П. Каменева къ С. А. Москотильни-<br>кову . . . . . | 109.        |
| VI. Сказанія о воровстолюбцѣ въ козлиной шкурѣ                   | 171.        |
| <i>Дополненія</i> . . . . .                                      | .           |
| О С. Я. Нечаевѣ. . . . .                                         | 182.        |
| О тѣлесныхъ наказаніяхъ. . . . .                                 | 185.        |
| О Каменевѣ. . . . .                                              | 190.        |





## I.

### Затерянные произведения С. Т. Аксакова.

Издатель сочинений С. Т. Аксакова въ предисловіи къ IV тому (СПБ., 1886) говоритъ:

„Что же касается до остальныхъ произведеній Сергѣя Тимоѣевича, напечатанныхъ въ журналахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ или же изданныхъ отдѣльными брошюрами, сдѣлавшимися въ настоящее время неважною рѣдкостью, то и они могли быть собраны только съ значительными затрудненіями. При этомъ, къ сожалѣнію, издатель никакъ не могъ найти пятого и окончанія шестого изъ „Драматическихъ Прибавленій“ къ „Московскому Вѣстнику“ 1828 года, составившихся С. Т. Аксаковымъ и состоявшихъ почти исключительно изъ его статей и замѣтокъ. Изъ этихъ „Прибавленій“ только 7-е и 8-е вошли въ составъ самого „Московского Вѣстника“, а остальные прилагались къ нему отдѣльными выпусками и потому рѣдко встрѣчаются въ экземплярахъ этого журнала, сдѣлавшагося такою библиографическою рѣдкостью, которой не имѣется даже въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Въ книжкахъ „Московского Вѣстника“, принадлежащихъ Императорской Академіи Наукъ, оказалось только четыре

первыхъ нумера „Прибавленій“, въ библіотекахъ же Московскаго музея и бывшей Чертковой ихъ вовсе нѣтъ. Не было ихъ также и въ тѣхъ частныхъ библіотекахъ, въ которыхъ обращался издатель, за исключеніемъ только одной, въ которой, хотя и нашлось три полныхъ экземпляра всего четырехлѣтняго изданія „Московского Вѣстника“, въ томъ числѣ одинъ принадлежавшій Г. Н. Геннадію и другой князю Вл. Ѡ. Одоевскому, но и въ этихъ экземплярахъ „Драматическія Прибавленія“ были безъ 1-го и 5-го нумера, а 6-ой оказался безъ окончанія.

Издатель надѣется, что съ выходомъ настоящаго тома, лица, у которыхъ могли бы найтись *5-е и конецъ 6-ю прибавленія*, не откажутъ ему въ сообщеніи этихъ рѣдкостей, которыя въ такомъ случаѣ будутъ перепечатаны имъ въ видѣ особаго дополненія къ его изданію“.

Въ новое изданіе „Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова“, 1896 г., т. IV, Литературныя и театральныя воспоминанія и произведенія ранняго періода, — никакихъ дополненій не вошло: „Драматическаго Прибавленія“ № 5 совсѣмъ не имѣется, а отъ № 6 есть лишь нѣсколько страницъ (412—421); оно обрывается на половинѣ фразы.

Мнѣ удалось розыскать эти затерянные произведенія С. Т. Аксакова въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, и я считаю необходимымъ перепечатать ихъ съ дипломатическою точностью, съ тою орѳографіею, интерпункціею и даже съ тѣми самыми опечатками, что и въ подлинникѣ.

Въ подлежащемъ мнѣ экземплярѣ „Московскаго Вѣстника“ за 1828 г. недостающія „Прибавленія“ переплетены при VIII части, заключающей 8 книжекъ: V „Прибавленіе“ послѣ V книжки, а VI послѣ VI-ой. Въ каждомъ „Прибавленіи“ по 20 страницъ съ особою пагинаціею, которая отмѣчена нами въ выноскахъ. Въ оглавленіи къ VIII части ничего о „Драматическихъ Прибавленіяхъ“ не говорится. Счетъ стра-

ницъ у журнала особый,—и даже цензора разные: подъ VI прибавленіемъ подписался С. Глинка, а подъ VI книжкой С. Аксаковъ. Въ VI „Прибавленіи“ страницы перепутаны при печати—идутъ такъ: (1—2), (15—16), (18—17—текстъ вверхъ ногами), (13—14), (3—4), (5—6), (11—12), (20—19—текстъ вверхъ ногами), (9—10), (7—8). Въ X книжкѣ журнала „Прибавленій“ уже вовсе нѣтъ.

---

## Драматическое прибавленіе

къ

Московскому Вѣстнику.

№ V.

*Благородный Театръ, Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ соч. М. Н. Заюскина.*

*Великодушіе Турецкаго Паши, большой пантомимный дивертисманъ соч. Г. Глушковскаго.*

(Сообщено \*).

Августа 20-го дня.

Мы не будемъ говорить о содержаніи Комедіи: Благородный Театръ;—оно извѣстно читателямъ Московскаго Вѣстника (смотри № 9); оно осталось въ памяти каждаго зрителя, видѣвшаго хотя одинъ разъ представленіе сей пьесы. А можно ли видѣвшему такое представленіе однажды, отказать себѣ въ удовольствіи <sup>1)</sup> посмотреть на пьесу въ другой и третій разъ? Явленія, подобныя явленію комедіи: Благородный Театръ, не часты въ Русской Словесности.

Осмѣливаясь излагать сужденія свои о театрѣ въ пу-

---

\*) Эта статья доставлена отъ неизвѣстнаго. Мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ ее, желая представить Публикѣ и артистамъ сужденія разныхъ лицъ, ибо въ суммѣ правда.

<sup>1)</sup> Стр. 2.

бличныхъ листкахъ, мы положили за непремѣнное для себя правило: говорить истину свободно, независимо отъ всѣхъ партій и всякихъ вліяній. Какъ люди, по всей вѣроятности мы не ускользнемъ отъ ошибокъ въ своихъ мнѣніяхъ, но въ оныхъ мнѣніяхъ съ чистосердечіемъ будемъ излагать свои собственныя мысли, свои собственныя чувствованія.

Отдавая должную справедливость большей части артистовъ, участвовавшихъ въ представленіи Комедіи, за удачное исполненіе на сценѣ ролей имъ данныхъ, мы не можемъ не замѣтить заблужденія того, кто ставилъ пьесу: Благородный Театръ. Мы обязаны обнаружить сіе заблужденіе потому, что нѣкоторые артисты раздѣлили его съ своимъ руководителемъ. Посошковъ написалъ комедію, роздалъ роли и учить играть свою труппу. Посошковъ глупъ, ставитъ себя въ драматическомъ искусствѣ выше Гаррика и Тальмы, и слѣдовательно не можетъ дать своимъ актерамъ истинной методы: такъ кажется думалъ тотъ, кто ставилъ пьесу, в потому присовѣтывалъ Олинкѣ, племянницѣ Любскаго и Наташѣ, питомцѣ его, на репетиціи въ комедіи Посошкова жеманиться, говорить на распѣвъ, отказаться отъ истины и простоты въ пѣрѣ и походить на выпускныхъ куколъ дурной Французской школы. Но такъ ли думалъ сочинитель Комедіи<sup>1)</sup>? посмотримъ: Г. Загоскинъ заставляетъ Посошкова восхищаться естественною игрою Вельскаго, заставляетъ говорить его, что натура есть первое и необходимое условіе на сценѣ, заставляетъ оправдать слова дѣйствіемъ: Посошковъ видитъ, что Вельскій въ самомъ дѣлѣ изъясняется въ любви Олинкѣ и принимаетъ это за репетицію своей комедіи. Слѣдовательно могъ ли Посошковъ научить Олинку и Наташу жеманиться, и подняться на ходули, столь отвратительныя и въ трагедіи? Ежели ученицы Посошкова должны были явиться въ карриатурѣ на сцену: то ставившему пьесу для карриатуры надлежало приискать иныя формы. Германія, колыбель естественности

---

<sup>1)</sup> Стр. 3.

во всѣхъ изящныхъ искусствахъ, есть также колыбель естественности каррикатурной. Туда надо было обратиться для заимствованія образцовъ въ настоящему случаю. Ложное мнѣніе объ естественности театральной простерлось въ Германіи до того, что на сценѣ ея часто видимъ натуру не человѣчества, а извѣстнаго какаго нибудь человѣка. Въ этомъ разумѣ нельзя не похвалить Г. Сабурова, съ совершенствомъ подражавшаго ухваткамъ, голосу и разговору одного покойнаго артиста, нѣкогда славившагося на Московскомъ театрѣ. Г. Сабуровъ въ каррикатурныхъ роляхъ заслуживаетъ неоспоримую похвалу, и въ роляхъ Посошкова былъ очень хорошъ, выполнилъ съ успѣхомъ почти все, чего требовалъ характеръ Посошкова, отъ артиста, изображающаго оный на сценѣ.

Г. *Щепкинъ* въ роляхъ Любскаго былъ <sup>1)</sup> прекрасенъ: мы видѣли въ немъ настоящаго мученика тщеславія. Рѣшимость Любскаго въ третьемъ актѣ пьесы выступить на театрѣ вмѣсто Лилѣва и одѣванье въ костюмъ въ началѣ четвертаго акта были торжествомъ нашего знаменитаго артиста. Въ сихъ двухъ мѣстахъ игры его, кажется, драматическое искусство ставить границы для художника и пишетъ роковыя слова: *nes plus ultra* \*).

Г-жа *Кавалерова*, представлявшая Любскую, была очень хороша. Лучшее мѣсто игры ея есть четвертое дѣйствіе: Любская узнала, что Олинька бѣжала съ Вельскимъ, и въ такую критическую минуту выбрала время разбравить мужа своего за его хлѣбосольство и намѣреніе веселить городъ спектак-

---

\*) Въ отношеніи къ послѣднему представленію похвала сія можетъ быть и совершенно справедлива. Это гѣмъ болѣе дѣлаетъ чести Г. Щепкину, что въ первый представленіи строгій и внимательный зритель очень могъ замѣтить: какъ высказывался иногда въ Любскомъ старый пріятель Транжирино-Богатовъ: могъ замѣтить излишній крикъ, излишнее движеніе рукъ и — изрѣдка, Малороссійское пропзношеніе буквы Г. *Прим. Л. Р. Т.*

<sup>1)</sup> Стр. 4.



лями. Кажется, не лзя вѣрнѣе изобразить гнѣва скупой женщины, рѣшившейся хоть однажды высказать то, что многіе годы лежало у ней на сердцѣ, какъ изобразила его Г-жа Кавалерова. Она есть артистка съ прекраснымъ талантомъ для <sup>1)</sup> ролей старухъ сердитыхъ, бранчивыхъ и живыхъ. Мы видѣли ее неоднократно съ отличнымъ удовольствіемъ въ Ябедѣ.

Г-жа *Кураева* въ ролѣ Кутерминой была бы не дурна, если бы знала свою роль: мнѣ кажется, что таланта ея достало бы для представленія злой сплетницы, раздраженной отказомъ въ ея просьбѣ.

Г. *Третьяковъ*, игравшій Волгина, совершенно понялъ характеръ добраго, но вспыльчиваго старика. Сцена съ Пошковымъ, принявшимъ Волгина за Прямова, шла быстро и удачно \*).

Г. *Живокини* въ ролѣ франта Лилѣва былъ вѣрнымъ представителемъ пожилыхъ модниковъ, на зло природѣ и времени, пробивающихся въ молодые люди. Съ удовольствіемъ видимъ ежедневные успѣхи сего молодаго Артиста, обременнаго ролями, и не безъ надежды жслаемъ ему тѣхъ блестящихъ успѣховъ, которыхъ достигаетъ талантъ и прилежное изученіе.

Г. *Ленскій*, хорошій Актеръ для ролей молодыхъ любовниковъ втораго разряда, былъ не на своемъ мѣстѣ въ ролѣ Вельскаго: видѣвшіе первое представленіе Комедіи: Благородный Театръ, не могли забыть того, что Вельскаго игралъ г. Мочаловъ.

Г. *Цыгановъ* въ ролѣ Бирюльбина былъ довольно хорошъ, но нѣсколько холоденъ. Ему <sup>2)</sup> надлежалобъ съ большимъ жаромъ принимать къ сердцу слова Кутерминой, увѣрившей

---

\*) Г. Третьяковъ, по нашему мнѣнію, не только понялъ, но и выполнилъ эту роль превосходно. *Прим. Л. Р. Т.*

<sup>1)</sup> Стр. 5.

<sup>2)</sup> Стр. 6.

его, что онъ на всю жизнь осрамится, если выступить на Театръ въ роль слуги.

Г. *Соколовъ* напротивъ того былъ довольно нехорошъ и роль *Честонова* отъ него пострадала; онъ совершенно не умѣетъ ладить съ большими монологами и походить на человѣка, который заучилъ прекрасные стихи, но рассказать ихъ не умѣетъ, а читаетъ весьма плохо.

Г. *Барановъ* ни мало не походилъ на *Извѣдова*. Холоденъ какъ ледъ, не ловекъ, какъ молодой Семинаристъ, и жеманень, какъ театральнй слуга; онъ ни на волосъ не понялъ своей роли. Замѣтимъ ему однажды навсегда, что незнаніе роли и хорошая игра—двѣ параллельныя линіи, которыя никогда не будутъ имѣть соприкосновенія.

Г-жа *Е. Иванова* играла *Олиньку* дурно. Обыкновенный разговоръ ея ничѣмъ не отличался отъ чтенія роли изъ комедіи *Посошкова*; замѣтимъ ей важную погрѣшность: она не переодѣлась въ четвер. Актѣ. Можно ли явиться не переодѣвшись тогда, какъ *Наташа* и *Посошковъ* предъувѣдомили вмѣстѣ съ *Любскимъ* и зрителей, что *Олинька* одѣлась прежде всѣхъ для спектакля.

Г-жа *Нагаева*, Актриса съ талантомъ, имѣетъ недостатокъ весьма замѣтный на сценѣ: она мало прилагаетъ трудовъ для усовершенствованія невѣрной своей дикціи. Въ описываемое нами представленіе она гораздо была ниже <sup>1)</sup> незатѣйливой своей роли и гораздо ниже игры своей во время перваго представленія *Комедіи: Благородный театръ*. Въ первый разъ у ней прекрасно вырвалось слово: *кричала!* при разсказѣ *Любскому* объ увозѣ *барышни* и собственныхъ усиліяхъ остановить похищеніе *Олиньки*. Въ послѣднее представленіе это слово пропало для зрителей.

Въ дивертисманѣ мы должны похвалить танцовщицъ *Харламову*, *Карнакову* и *Ситникову* и замѣтить, что Русской танцовщицѣ, *Богдановѣ*, есть артистъ общающій многое.

---

<sup>1)</sup> Стр. 7.

Онъ весьма красивъ въ танцахъ; но жаль, что не одаревъ силою.

N.

*Батюшкина Дочка, Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, князя А. А. Шаховскаго; Дядя на прокатъ, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, и дивертисманъ: Праздникъ Жатвы.*

Августа 23 дня.

Первое дѣйствіе есть картина капризовъ и бешенства батюшкиной дочки, Любови Осиповны. Не смотря на доброе сердце, все терпитъ отъ ея вспыльчиваго нрава: мать, Графиня Брезинская, сестра Лиза, самая кроткая дѣвушка, учителя и горничная Маша. Капитанъ морской службы, Рогдаевъ, давно влюбленный <sup>1)</sup> въ прелестную капризницу, знакомый отцу ея, (который самъ избаловалъ дочку), рѣшается ее исправить, согласясь съ Княземъ Сицкимъ, влюбленнымъ въ Лизу, и съ Машею. Сицкій душитъ Любовь Осиповну комплиментами, а Рогдаевъ (къ которому она не равнодушна) хладнокровно говоритъ ей рѣзкія истины. Второй актъ состоитъ изъ балета, въ трехъ дѣйствіяхъ: Со всемъ *приборомъ сатана*; туда заманили батюшкину дочку; она видитъ свое изображеніе въ бешеной Графинѣ. видитъ какъ всѣ зрители явно примѣтили въ ней Графиню; указываютъ на нее пальцами; она сердится, терзается. Въ третьемъ актѣ Любовь Осиповна почувствовала такъ сказать сама себя, приходитъ въ раскаяніе; Маша бѣжитъ за Рогдаевымъ, онъ приходитъ и видитъ, что Любовь цѣлуетъ его *портретъ*. Дѣло объясняется. Рогдаевъ снимаетъ завесу съ глазъ ея; въ истинномъ видѣ изображаетъ ея ха-

---

<sup>1)</sup> Стр. 8.

рактерь, ужасныя его послѣдствія, отърывается въ любви и получаетъ руку искренно раскаявшейся и твердо положившейся исправиться батюшкиной дочки.

Изъ содержанія этой комедіи, читатели могли увидѣть, что исправленіе Любви Осиповны невѣроятно, и что драматическаго дѣйствія въ этой пьесѣ мало; надобно прибавить, что въ этотъ разъ ее давали въ двухъ актахъ: средній былъ выкинутъ. Съ одной стороны пьеса выиграла: она слѣдалась не такъ растянута, (Балетъ продолжался около двухъ часовъ); а съ другой стороны для зрителя, не видавшаго балета, связь пьесы была прервана и <sup>1)</sup> конецъ вышелъ темень. Разговорный языкъ во всей пьесѣ большаго достоинства.

Любовь Осиповну, батюшкину дочку, Г-жа *Синецкая*,— играла очень хорошо, относительно къ своимъ средствамъ. Вся роль бешеной, избалованной дѣвушки разобрава и повята ея прекрасно; вездѣ, гдѣ требовались чувствительность и тонкость въ выраженіи, мы были совершенно довольны; но мы невидѣли вспыльчивости, бешенства. Органъ ея слабый \*) и не способный къ одушевленному измѣненію тоновъ, не выражалъ внутренней досады и гнѣва: въ ея движеніяхъ непримѣтно было живости, скорости, нетерпѣнія: необходимыхъ признаковъ этого характера. Первое дѣйствіе намъ показалось нѣсколько слабѣе и однообразнѣе въ исполненіи; второе гораздо лучше. Вообще примѣтно было изученье, искусство. Можетъ быть многимъ покажется наше сужденіе слишкомъ строго, но чтожь дѣлать, ежели намъ *такъ кажется*? Мы общались говорить искренно. Истинная Артистка, какъ Г-жа *Синецкая*, которая во многихъ первыхъ роляхъ, въ большихъ комедіяхъ, доставляетъ зрителямъ полное удовольствіе. вѣрно и благородною игрою, конечно не оскорбится нашими благо-

---

\*) Искусному произношенію Г-жи *Синецкой* надобно приписать, что каждое ея слово слышно, даже на большомъ театрѣ.

<sup>1)</sup> Стр. 9.

намѣренными замѣчаніями. Что же касается до всегдашняго старательнаго изученія и исполненія своихъ ролей, то съ этой стороны она заслуживаетъ совершенную благодарность публики.

<sup>1)</sup> Г. *Мочаловъ* роль Капитана Рогдаева игралъ не только, какъ Артистъ съ талантомъ, но и съ отличнымъ искусствомъ; по нашему мнѣнію это одна изъ совершеннѣйшихъ его ролей. Мы замѣтили, что по піесѣ Рогдаевъ долженъ быть старѣе, нежели какимъ его игралъ Г. Мочаловъ; что въ четвертомъ явленіи I-го акта напрасно погорячился онъ въ словахъ: „Графиня! капризы, вспыльчивость могутъ быть извинены воспитаніемъ, лишняя живость нрава молодостью; но несправедливость ничѣмъ, а неблагодарность“.... Также и во второмъ дѣйствіи: „Если вы меня принуждаете говорить, то я скажу вашему слишкомъ вспыльчивому нраву, который чуть не стоилъ жизни человѣку“..... Все это должно быть произнесено съ большею выразительностью, съ большею важностью и достоинствомъ, но безъ вспыльчивости: Рогдаевъ дѣйствуетъ умышленно. Длинный монологъ въ предпоследнемъ явленіи второго дѣйствія былъ рассказанъ г. Мочаловымъ—съ возможнымъ совершенствомъ, кромѣ слѣдующаго мѣста: „добрая матушка ваша всякой день плачетъ, и хотя очень васъ любитъ, но я увѣренъ что иногда принуждена провливать день нашего рожденія и память отца вашего“, которое было слабо въ отношеніи къ цѣлому. Этому не лзя извинить сценическою случайностію: это мѣсто сильнѣйшее, на немъ все основано, имъ достигается цѣль, а потому оно непременно должно быть сказано сильнѣе другихъ.

Графиню Брезинскую Г-жа *Кавалерова* играла очень хорошо: натурально и вѣрно.

<sup>2)</sup> Князя Сицкаго, роль впрочемъ ничтожную, игралъ г. *Сабуровъ*. Играть—нечего, но роль надобно было знать. Но наше дѣло судить, какъ должно смотрѣть на это начальство

---

<sup>1)</sup> Стр. 40.

<sup>2)</sup> Стр. 41.

театра, но по нашему мнѣнію незнаніе ролей есть знакъ неуваженія къ публикѣ. Г. Сабуровъ такъ привыкъ къ нему, что оно его несмушаетъ, а забавляетъ.

Г-жа *Нагаева* изрядно играла Машу, но могла бы играть гораздо лучше. Въ ней примѣтно малое упражненіе въ своемъ искусствѣ, и наче она не сказала бы *смѣтра* вмѣсто *смотря*; роль тоже не совсѣмъ была тверда. Мы съ сожалѣніемъ говоримъ это: г-жа Нагаева для ролей служанокъ имѣетъ рѣшительный талантъ.

Г-жа *Рудеиная* въ ролю Лизы совершенно непоходила на лицо, ею представляемое. Признаемся, что даже странно видѣть это на столичномъ театрѣ, и доказываетъ или невниманіе къ искусству или совершенную бѣдность.

Парикмахеръ Дюшонъ (*Г. Ленскій*), Англичанинъ Жемсонъ (*Г. Третьяковъ*), Италіанецъ Ремини (*Г. Живокини*), Нѣмецъ Глюкманъ (*В. Степановъ*) были вообще недурны, но Г. В. Степановъ игралъ совсѣмъ не пожилаго нѣмца, а какого то молодого Француза. Режисеръ, какъ видно, не позаботился и взглянуть, что Глюкманъ, отецъ семейства, выходитъ на сцену пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ.

Водевиль: *Дядя на прокатъ*, передѣланный съ Французскаго покойнымъ А. И. Писаревымъ, весьма забавенъ и хорошо играется. Прекрасные куплеты, веселость одушевляютъ всю пьесу <sup>1)</sup>. Вотъ содержаніе: Г. Дерсанъ, богатый молодой человекъ влюбленъ въ бѣдную благородную дѣвицу, Емилию Дорваль, ремесломъ портретную живописицу, у которой однако есть дядя въ Америкѣ, вѣроятно нажившій большое состояніе. Емилиа узнавъ отъ живущихъ съ ней въ одномъ домѣ, швеи Луизы и каретнаго подмастерья Вареоломея (которые другъ къ другу равнодушны), что Дерсанъ тихонько покупаетъ ея картины дорогою цѣною и платитъ за ея квартиру втрое, нежели сколько берутъ съ нее хозяева, почитая выше всего доброе имя, рѣшается съѣхать съ квартиры и

---

<sup>1)</sup> Стр. 12.

никогда не видаться съ Дерсаномъ. Онъ въ отчаяніи. Встрѣчается съ Томою Бонитомомъ, бывшимъ кучеромъ своего отца, который узнавъ, что вся надежда Дерсана основана на возвращеніи дяди Емилиі изъ Америки, предлагаетъ ему сыграть комедію и назвать его дядею, возвратившимся съ большимъ богатствомъ изъ Америки. Дѣло слажено и сначала идетъ очень хорошо, Емилиа повѣрила; но по несчастію Вареоломей въ самомъ дѣлѣ родной племянникъ Бонитону и узнаетъ его. Кое какъ обманъ скрываютъ, хотая увѣрить Вареоломея, что кормилица его подмѣнила, и что онъ слѣдственно не племянникъ богатому дядѣ; въ самое это время приносятъ письмо къ Бонитону, въ которомъ увѣдомляютъ, что ему возвращается мѣсто кучера дилижанса, прежде отнятое; самъ Бонитонъ ошибкою отдаетъ его прочестъ Емилиі. Истина открывается, Вареоломей восклицаетъ: „такъ ты былъ дядей только на прокатъ“ но Емилиа тронутая любовью <sup>1)</sup>, Дерсана обѣщавшая ему свою руку, *изъ опасенія разорить его*, соглашается вытти за него замужъ. Причина недостаточная, но для волевиля годится. Разговоръ очень хорошъ и болѣшая часть куплетовъ прекрасны. Послѣдній—особеннымъ отношеніемъ къ покойному Писареву, горестно отозвался въ сердцѣ его пріятелей. Мы видѣли, что одинъ почтенный артистъ на сценѣ не могъ удержаться отъ слезъ: вотъ куплеты:

Емилиа (къ зрителямъ).

Въ представленіи, какъ въ процесѣ,  
Судъ готовая произнестъ,  
Незабудьте, что въ піесѣ  
Кромѣ насъ, участникъ есть.  
Онъ рѣшенія ожидаетъ,  
Замѣчаньямъ будетъ радъ,  
И, повѣрьте, не желаетъ  
Брать успѣха напрокатъ.

---

<sup>1)</sup> Стр. 13.

Бонитова игралъ *Г. Щепкинъ*... искренно признаемся, что онъ приводитъ насъ въ затрудненіе! безпрестанно хвалить, того и гледи, что прослышемъ пристрастными его почитателями, не говоря уже о томъ, что нажужжить Сѣверная пчела; да и словарь похвальныхъ выраженій скоро истощится; порицать же его не за что. Есть у него одинъ неизмѣнный недостатокъ: произношеніе *нѣкоторой буквы*, но насмѣшники скажутъ, что мы *вытѣжжаемъ на одномъ глаголъ*. Дѣлать нечего; до улобнаго случая къ нему придратъся надобно сказать: Бонитова игралъ *г. Щепкинъ* прекрасно.

*Г. Живокини* въ ролю Вареоломея былъ недурень. Знаемъ его благоразуміе, и неопасаясь <sup>1)</sup> оскорбить его, скажемъ, что Рязанцевъ въ этой роли былъ превосходень. Счастливая его натура оказывалась тутъ въ полномъ блескѣ. Въ этой ролю, въ первый разъ замѣтили мы въ его игрѣ огонь. Отдавая полную справедливость стараніямъ *Г. Живокини*, задолгъ считаемъ напомнить ему: что простосердечіе неестъ глупость; а шутовство-не веселость. Онъ понимаетъ насъ.

*Г-жа Рѣпина*, въ ролю *Емилии Дорваль*, нѣтакъ была хороша какъ въ другихъ водевильныхъ роляхъ; это не ея родъ. Дѣвица Дорваль должна была казаться несравненно выше своего состоянія.

*Г-жа Лаурова* въ Луизѣ произвела на насъ непріятное впечатлѣніе: таланта много, а успѣха—мало. Явное не стараніе, явная не любовь къ искусству: играя такъ рѣдко, не знать роли; въ послѣднемъ право далеко превосходилъ ее *г. Сабуровъ*; прибавьте къ этому холодность, привычную на сценѣ ловкость, и вотъ и все, что составляло игру его въ ролю Дерсана.

Дивертисманъ былъ выполненъ очень хорошо.

Л. Р. Т.

---

<sup>1)</sup> Стр. 14.



*Жизнь игрока, трилогія и Волшебная флейта, балетъ.*

Августа 26 дня.

1) Чтобъ судить о драматическомъ представленіи предъ публикою, надобно нѣсколько разъ видѣть піесу, понять ее совершенно и наконецъ смотрѣть на нее, не увлекаясь ни мало содержаніемъ, затворивши путь къ сердцу, глазами *холоднаго критика*.—Я не принадлежу въ числу сихъ штатныхъ критиковъ, и скажу свое мнѣніе, основываясь только на воспоминаніяхъ.—Мнѣ не слѣдовало бы садиться не въ свои сани, но—у насъ такъ мало пишутъ еще о театрѣ, такъ мало оказываютъ книжнаго участія, что позволительно и проч.

Г. Мочаловъ въ роль Адольфа былъ превосходенъ, и особенно во второмъ дѣйствіи. Гордый, вспыльчивый страстный характеръ Адольфа былъ постигнутъ имъ совершенно. Съ какимъ отчаяніемъ говорилъ онъ о своемъ проигрышѣ, съ какою холодною досадою слушалъ отца, съ какою дерзостію оправдывался предъ полиціею, какъ гордо говорилъ въ своемъ домѣ съ постороннимъ человѣкомъ! Мы замѣтимъ только, что рассказывая Варнеру о своемъ проигрышѣ, онъ излишне старался тонами своего голоса выразить молчаніе, шопотъ бывшій между игроками, и проч.—Тутъ слишкомъ видна была придуманность, искусство.—Этотъ монологъ<sup>2)</sup> надобно бы было проговорить скорѣе; нѣкоторыя движенія однакожь были прекрасны, натуральны, на пр. при словахъ о томъ, какъ онъ приписывалъ мѣломъ свои куши и проч.—Очень натурально побѣждалъ было онъ, влекомый инстинктомъ, въ слѣдъ за отцемъ своимъ, когда сего послѣдняго повели въ комнату, и потомъ остановился.

Второе дѣйствіе—торжество Мочалова.—Странно было видѣть его, какъ онъ вышелъ, проигравшись, въ комнату своей жены и требовалъ у ней послѣднихъ денегъ; быстрота, съ ко-

---

1) Стр. 15.

2) Стр. 16.

торую преступникъ ловилъ малѣйшій поводъ обвинять жену въ преступленіи—передана было (sic) удивительно. То же должно сказать и о внезапной радости, которую почувствовалъ игрокъ при полученіи возможности опять играть,—о бешенствѣ при мысли о невѣрности жены. Замѣчу, что нѣкоторые монологи жены онъ выслушивалъ съ излишними измѣненіями въ лицѣ и глазахъ. Адольфъ вспыльчивъ. Онъ не дастъ ни одному чувству пробыть долго въ своемъ сердцѣ, и тотчасъ изливаетъ его въ словахъ. Удерживаться много, (что предполагается такимъ частымъ измѣненіемъ) для него невозможно.—Еще въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, кажется по полученіи денегъ отъ жены, онъ показалъ даже простосердечіе, какую-то невинную чувствительность, которую особенно способенъ выражать своимъ голосомъ Мочаловъ,—тутъ она была неумѣстна.

Въ третьемъ дѣйствіи—мѣста нѣкоторые были выражены удачно, но вообще—я видѣлъ<sup>1)</sup> въ Мочаловѣ человѣка убитаго несчастіями, даже добраго, а не *ожесточеннаго* преступника.—Съ трактирщицею онъ говорилъ очень униженно.—Я не знаю даже, должно ли было Адольфу показывать трепетъ, когда дочь его увидѣла кровь на его рукѣ. Какъ будто бы онъ не привыкъ къ преступленіямъ! Съ Варнеромъ Адольфъ не сошелся вдругъ не потому, чтобъ боялся новыхъ злодѣній, а потому что питаетъ къ нему ненависть за настоящее свое положеніе, которое приписываетъ ему и т. п.—По моему, Адольфъ тогда только долженъ показать раскаяніе, когда узнаетъ, что убитый—сынъ его: только это ужасное преступленіе могло потрясти его такъ, что увидѣлъ бездну, въ которую погруженъ былъ доселѣ:—до тѣхъ поръ онъ былъ слѣпъ.

Говорятъ, что Г. Каратыгинъ играетъ эту роль въ Петербургѣ съ отличнымъ успѣхомъ. Мнѣ случилось видѣть сего артиста только однажды, въ Сынѣ Любви, и мнѣ кажется, что въ третьемъ дѣйствіи онъ долженъ быть несравненно лучше Г. Мочалова, но во второмъ—едва ли не уступить ему.

---

<sup>1)</sup> Стр. 17.

Наши бон-тонные судии, видѣвшіе лучшихъ иностранныхъ артистовъ, толкуютъ безпрестанно, что въ игрѣ Г-на Мочалова не достаетъ благородства и проч.—Можетъ быть они правы, можетъ быть Мочаловъ не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, которые на старыхъ Европейскихъ театрахъ, сдѣланы уже отрицательными,—достоинствъ, такъ сказать, внѣшнихъ,<sup>1)</sup> которыя приобрѣтаются ученіемъ, знакомствомъ съ образцами,—но онъ имѣетъ душу, огонь, жизнь, такія, какія едва ли многимъ достаются въ удѣлъ, а это главное \*).

Скажемъ ему здѣсь еще одно замѣчаніе: онъ не хорошо управляется съ своими плечами, которыя часто у него вылаются слишкомъ впередъ.—Сутуловатость его, отъ которой также избавиться можно, хотя а la Демосеенъ, въ ролѣ Адольфа ему не мѣшаетъ.

Въ г-жѣ *Синецкой* мы видѣли добрую, терпѣливую, покорную своей судьбѣ женщину. Еще болѣе—безъ словъ ея было примѣтно, что она совѣстилась предъ людьми за тавого мужа, и готова была даже оправдывать его. Упреки ему наединѣ она дѣлала очень хорошо, также хорошо рѣшилась пожертвовать послѣдними своими деньгами. Подбѣгая къ столу, она какъ будто хотѣла *поскорѣ* спасти его. Хорошо были выражены удивленіе, оскорбленная честь при видѣ Варнера вв (sic) спальнѣ. Въ сценѣ съ сыномъ конвульсія были слишкомъ продолжительны и сильны, какъ и всегда у ней бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ также должно быть больше живости, чувствительности.

<sup>2)</sup>Г-на *Щепкина* въ ролѣ Варнера намъ было жалко видѣть. Въ первомъ дѣйствіи онъ такъ былъ похожъ на молодого систематическаго развратника, какъ въ второмъ на соблазни-

---

<sup>1)</sup> Стр. 18.      <sup>2)</sup> Стр. 19.

\*) Скажемъ здѣсь кстати тѣмъ, которые думаютъ, что Русскіе Артисты смотрятъ по большей части на искусство, какъ на ремесло: Г. Мочаловъ хочетъ, какъ мы слышали, нарочно съѣздить въ Петербургъ для того, чтобы видѣть Г. Каратыгина въ этой роли.

теля, то есть какъ добрый человѣкъ на злодѣя, какъ Транжирина на скупаго. Онъ очень старался, сообразно съ духомъ своей роли, говорить хладнокровно, протяжно, особенно въ началѣ монолога, но ни какъ не могъ окончивать ихъ не отрывисто, безъ отрывистыхъ движеній. Впрочемъ мы должны быть благодарны и за то, что онъ не былъ смѣшенъ; закричалъ же онъ на Амалію, когда та хотѣла убѣжать, замахнулся на Адольфа, когда тотъ бросился на него съ топоромъ—очень хорошо. Въ послѣднемъ случаѣ ясно было видно, что старшій злодѣй готовъ былъ защищаться изъ всѣхъ остальныхъ силъ.

Еще одно слово—зачѣмъ онъ явился въ лохмотьяхъ въ третьемъ дѣйствіи: на него было смотрѣть отвратительно. На сценѣ такая натура, кажется, не позволительна, и Г-нъ Щепкинъ гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы послѣдовалъ примѣру Г-жи Синецкой, которая одѣта была бѣдно, но опрятно.

Въ этомъ отношеніи должно также осудить желточерное лице и всклокоченные чернобурые волосы Г-на Мочалова въ третьемъ дѣйствіи, и растегнутую рубашку Г-на Волкова въ первомъ.

Г-нъ *Волковъ* зналъ свою роль очень твердо, и вѣрно не отступилъ ни на шагъ отъ того, что придумалъ передъ представленіемъ.—Все какъ по писанному, но нѣтъ натуры, а послѣдніе <sup>1)</sup> крики его переходятъ за границу всѣхъ нашихъ громкихъ криковъ. Даже голосъ измѣнилъ ему. Если въ самомъ дѣлѣ старикъ такъ кричалъ, то не мудро было умереть ему.

Г-нъ *Третьяковъ* разумѣется былъ больше похожъ на Русскаго дядю, чѣмъ на Французскаго, но игралъ недурно. Замѣтимъ, что у него несносный выговоръ буквы *и* вмѣсто *е*, на примѣръ *вчира* вмѣсто *вчера*, и т. п.—Онъ отчасти думаетъ, какъ и нѣкоторые его товарищи, что всякое слово должно произно-

---

<sup>1)</sup> Стр. 20.

силь съ удареніемъ, повывразительнѣе, нежели то бываетъ  
самомъ дѣлѣ, и потому какія-то самыя простыя слова въ перво  
дѣйствиі проианесъ такъ величественно, что не лзя было  
разсмѣяться.

Юный талантъ Г-на *Ленскаго* былъ не замѣтенъ въ ро  
сына: ему надобно бы гораздо съ большимъ нетерпѣніемъ р  
спрашивать трактирщика, съ большимъ участіемъ узна  
сестру и т. д.

Пожаръ былъ представленъ прекрасно.

N. N.

1828 года  
Августа 26 дня.

---

Въ типографіи Н. Степанова.

Печатать позволяется Москва, 1828 года, Августа 26 д  
Въ должности Предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Ком  
тета

*Сергій Ансаковъ.*

Въ изданіе сочиненій С. Т. Аксакова VI-е „Драматическое Прибавленіе“ вошло наполовину, именно безъ конца. Поэтому начало, имѣющееся тамъ, у насъ здѣсь не приводится.

*Женщина-Лунатикъ, опера-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ,  
Мужъ и Любовникъ, комедія въ одномъ дѣйствіи.*

Сентября 12.

Письмо къ Издателю Моск. Вѣстника.

1) Вамъ непременно угодно, почтеннѣйшій М. П., чтобы я письменно изложилъ мысли мои о вчерашнемъ представленіи, *Женщина-Лунатикъ*, водевиля передѣланнаго мною съ Французскаго. Хотя я было и заваялся писать объ игрѣ актеровъ; но изъ уваженія, которое вашъ дѣльный и пріятный журналъ внушаетъ во всѣхъ сподвижниковъ Русскаго слова\*), я не могу отказать вамъ; и пишу, какъ видѣлъ и какъ чувствовалъ.

Я вчера душевно наслаждался театральнымъ зрѣлищемъ (что со мною здѣсь и вездѣ рѣдко<sup>2)</sup> случалось): Г-жа Семенова обворожила, и, кажется, не одного меня, въ роляхъ *Женщины-Лунатикъ*. Игра ея была такъ же хороша и плѣнительна, какъ она сама. Она поняла характеръ роли, точно такъ, какъ, сообразуясь съ лучшими писателями о лунатизмѣ, я хотѣлъ его представить на Русской сценѣ: то есть не простенькой дѣвочкой (*ingénuité*), но разумною свѣтской дѣвицей, которую

---

\*) Приношу искреннюю благодарность за такое лестное мнѣніе: я почелъ бы себя счастливымъ, если бы дѣйствительно заслужилъ его. М. П.

1) Стр. 12.

2) Стр. 13.

сильная любовь, ревность и негодованіе, запечатлѣнныя скромностью въ пламенномъ сердцѣ, довели до лунатизма. Она говорила, дѣйствовала и даже молчала, не измѣняя, ни на одно мгновеніе, принятому ею характеру; и мрачная задумчивость ея прояснялась только порывомъ сжатой оскорбленнымъ самолюбіемъ страсти. Я не засталъ перваго явленія ея съ матерью; но сцена съ Лидинымъ заставила меня жестоко расквашаться въ моей мѣшкательности: въ ней Г-жа Семенова совершенно усладила отцовское сердце сочинителя. Стихи дуэта, прямо отъ души, мелодически, выливались изъ прелестныхъ устъ ея; а куплетъ упрековъ, на который отвѣчаетъ Лидинъ, даже воспламенилъ Г-на *Булахова*, и публика съ радостью увидѣла, что нашъ очень пріятный пѣвецъ, до сей поры тайлъ всю свою природную чувствительность; но и не этимъ однимъ пріятнымъ открытіемъ Московскій театръ, можетъ быть, одолженъ Г-жѣ Семеновой: благородство ея игры, входа, тѣлодвиженій, должны служить образцемъ нашимъ молодымъ артистамъ: она на сценѣ кажется настоящей благовоспитанной, выросшей въ<sup>1)</sup> лучшемъ обществѣ, Русской барышней, а не Парижской щеголихой, которая Французскимъ напѣвомъ, жеманствомъ и манерствомъ хочетъ увѣрить, что она большая Госпожа, и, къ несчастію, увѣряетъ даже и тѣхъ, которые вседневно видятъ невапыщеніе нашихъ большихъ госпожъ; однакожъ, я надѣюсь, что сравненіемъ манерства Парижанки съ пріятнымъ благородствомъ Русской, разувѣритъ хотя нашихъ дебютантовъ, и покажетъ имъ, чему они должны слѣдовать.

Г-жа *Семенова* во второмъ дѣйствіи такъ оживотворила собою идеаль своей роли, что казалось, будто настоящій лунатикъ не могъ иначе глядѣть, говорить и дѣйствовать; и только одно вѣрное и прелестное изображеніе природы могло произвести то впечатлѣніе, которое было ощутительно во всемъ

---

<sup>1)</sup> Стр. 14.

театрѣ. Мертвое молчаніе, всѣ взгляды, какъ бы въ самомъ дунатизмѣ, устремленные на одинъ предметъ, страхъ малѣйшимъ движеніемъ разбудить обворожительницу, и наконецъ общія рукоплесканія, вырванныя восторгомъ, явно показали торжество искусства и актрисы въ третьемъ актѣ. Г-жа Семенова, наряженная для свадьбы, явилась во всемъ блескѣ красоты, и, увлеченный сильнымъ соучастіемъ къ драматическому дѣйствію, я не могъ съ равнодушіемъ записнаго рецензента замѣчать всѣ мѣлкія погрѣшности, отъ которыхъ, въ цѣлой роли, прекрасно игранный, не можетъ ускользнуть и самый высокій талантъ; и признаюсь, что по моему понятію Г-жа Семенова кончила пьесу, <sup>1)</sup> какъ начала, т. е. очень близко къ совершенству. Чувствительность, лучшее свойство ея дарованія, видимо умиляла души зрителей, рѣчи и пѣніе ея доходили до сердца, всѣ слова стиховъ были одушевлены и слышны, не смотря на привычку ея, иногда слишкомъ смягчать нѣкоторыя литеры и особливо гласныя, что вредитъ естественности игры и произношенія; этотъ порокъ, въ сожалѣнію, очень непріятенъ для настоящаго Русскаго уха, и я боюсь, чтобы наши неопытные артисты, не очень заботясь о вѣрности выговора, не переняли его; а дурное какъ-то легче хорошаго перенимается, и отъ этого часто ранніе цвѣты Русскаго театра завядаютъ, не успѣвъ хорошенько разпуститься. Во всемъ, а всегда болѣе въ драматическомъ искусствѣ, передражнивать никуда не годится: самая лучшая копія всегда ниже своего оригинала; въ ней даръ артиста скованъ точностію подражанія, а копія съ копій, порабочая и унижая постепенно свободное и высокое искусство, доводятъ (sic) до обезьянства. Не отъ того ли сами Французы жалуется на упадокъ ихъ такъ называемой классической сцены? Почти всѣ прославляемые нынѣ актеры, принадлежатъ новымъ те-

---

<sup>1)</sup> Стр. 45.



атрамъ, на которыхъ природныя способности еще не задавлены и свѣжесть таланта не завалена поддѣлкою къ старому. Не подумайте, ради Бога, чтобъ я, какъ страстные любители совершенной безусловности, думалъ, что актерство не подлежитъ никакимъ правиламъ и приличіямъ. Нѣтъ искусства, которое бы не имѣло своей теоріи <sup>1)</sup> основанной на изученіи славныхъ образцовъ; нѣтъ великаго художника, который бы не заимствовалъ чего-нибудь у своихъ предшественниковъ: и въ семъ смыслѣ, Г-жа Семенова, въ роли Женщина-Лунатикъ, можетъ быть полезна питомцамъ Московскаго театра. Самый образъ ея одѣванья долженъ для нихъ служить примѣромъ. Я не говорю о богатствѣ и щегольствѣ платья: это зависитъ отъ денежныхъ средствъ; но о томъ, какъ оно сдѣлано и надѣто. Слишкомъ длинныя или короткія таліи, болѣе или менѣе открытыя плечи и спина, кудрявыя или плоскія прически, и прочія причуды моды, не всѣмъ равно пристали, и почти всегда неумѣренностію своею безобразяютъ сцену. Г-жа Семенова это почувствовала: всѣ три ея, впрочемъ модныя, наряды, были принаровлены къ ея росту, стану, лицу и театральной истинѣ; и хотя многіе замѣтили, что спальное платье было бы приличнѣе драматической истинѣ, безъ пышной двойной оборки; но и оно, оскорбляя нѣсколько разборчивость ума, не волеетъ безвкусіемъ глаза зрителей.

Поздравляя отъ всей души Госпожу Семенову съ заслуженнымъ успѣхомъ, я долженъ, по вашей волѣ, сказать нѣчто и о другихъ актерахъ, игравшихъ въ *Женщина-Лунатикъ*. Г. *Сабуровъ*, котораго, можетъ быть, не даромъ обвиняютъ въ нетвердомъ знаніи ролей, не ошибся однакожъ ни въ одномъ словѣ, ни памятью, ни смысломъ. Онъ игралъ хорошо, и если въ немъ не совсѣмъ былъ видѣнъ молодой человѣкъ самаго большаго свѣта: то, по крайней мѣрѣ, <sup>2)</sup> его веселость, прият-

---

<sup>1)</sup> Стр. 16.

<sup>2)</sup> Стр. 17.

нам болтливость и вѣтренность не впадали въ хвостовство Угарова съ товарищами. Г-жа *Кавалерова* вела свои сцены вѣрно и прилично. Представлявшіе роли матери и слуги такъ давно привыкли декламировать и играть по прежней методѣ, которая нѣкогда нравилась, что бесполезно дѣлать на нее замѣчанія, тѣмъ болѣе, что уже ни кто ей не подражаетъ; а Г-нъ *Булаховъ*;—радуитесь!—не смотря на излишнюю къ нему щедрость фивической природы, доказалъ очень ясно, что моральное его существо можетъ возвыситься до благороднаго искусства, которому онъ, до сей поры, посвящалъ одинъ свой пріятный голосъ. Онъ говорилъ вѣрно, толково и съ чувствомъ, слушалъ внимательно, содѣйствовалъ сценамъ искусно, и пѣлъ не однимъ горломъ, но и душою.

По окончаніи водевиля, зрители громко и единогласно вызывали прекрасную Петербургскую актрису; потомъ многіе стали кричать имя нашего плѣнительнаго пѣвца, но ихъ не поддерживали, и, кажется, напрасно: публика не отдала ему справедливости и не благоволила, заслуженнымъ ободреніемъ, внушить сильное желаніе дойти до того, чѣмъ онъ можетъ быть, если хорошенько захочетъ учить, понимать и чувствовать свои роли, и перестанетъ думать, что довольно и одного хорошаго голоса, чтобъ быть пѣвцомъ и актеромъ.

Имѣю честь быть и проч.

*Князь А. Шаховскій.*

---

<sup>1)</sup> *Еще нѣсколько словъ о Г-жѣ Семеновѣ.*

Во второй разъ по пріѣздѣ своемъ въ Москву Г-жа *Семенова* играла *Розу-Любовь* въ *Красной шапочкѣ* \*). (При-

---

<sup>\*</sup> Передъ оперою давали прескучную французскую комедію: Супружество на часъ. Публика угощается его (sic) не рѣдко, а эта пьеса такъ нелѣпа, что стояло бы ее сыграть еще хуже, нежели какъ ее разыграли. Каково!

<sup>1)</sup> Стр. 18.

знаемся откровенно, что, по нашему мнѣнію, эту пѣсню никогда не должно бы брать въ репертуаръ; въ сожалѣнію у насъ даютъ ее не рѣдко; и въ этомъ должно обвинять Дирекцію столько, сколько и Публику; матушки, тетушки и бабушки, привозятъ въ этотъ соблазнительный спектакль своихъ дочекъ, племянницъ и внучекъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти! Всѣ онѣ сидятъ препокорно въ ложахъ, слушаютъ и забавляются. Мы видѣли въ театрѣ многихъ моралистохъ (sic), которыя негодуютъ на Пушкина за вольности въ его стихотвореніяхъ: но тамъ онѣ въ книгѣ, въ мертвомъ писменн, а здѣсь въ дѣйствіи, со всѣми возможными очарованіями!).

Г-жа Семенова старалась представить молоденькую, виновную дѣвицу и во многихъ мѣстахъ успѣла. Такъ на примѣръ она очень хорошо выразила свое простосердечіе, когда ободряла воспитательницу; любопытство, когда проходила въ первый разъ мимо Барона, и вызвалась пропѣть ему пѣсню; досаду, когда мнимый пустынный началъ ей рассказывать не то, чего она хотѣла.

<sup>1)</sup> Вообще въ игрѣ Г-жи Семеновой много *искусства*, которымъ могутъ похвалиться немногіе наши артисты; видно, что она управляетъ собою, борется въ нужныхъ случаяхъ съ своею природою, и часто побѣждаетъ ее. Отсюда происходитъ разнообразіе въ игрѣ. Особенно все трогательное—глубокую горестъ, уныніе, тихій ропотъ, уккоризну, можетъ она выражать прекрасно, и очаровательные звуки ея доходятъ до сердца. Въ жестахъ она превосходна: у нея все натурально, прилично, благородно. Что сказать намъ объ ея наружности?—Это изящное на сценѣ.—Жалѣемъ, что она говоритъ съ напѣвомъ и несносно произноситъ нѣкоторыя буквы, на пр. *тумалъ* вмѣсто *думалъ*. Это, кажется, общее замѣчаніе Москвитянъ.

---

<sup>1)</sup> Стр. 19.

Въ Швейцарскомъ семействѣ *Г-жа Семенова* играла Эмелину, дочь Швейцарскаго пастуха, которой переселился изъ своей родины. Бѣдная, она оставила тамъ своего любовника и отъ того помѣшалась въ умѣ. Въ этой пьесѣ *Г-жа Семенова* удивительно, говорятъ, (намъ не удалось ее видѣть) отвѣчала отцу своему, которой ее спрашивалъ, всемъ ли она довольна? „Чегожь у меня не достаетъ? У меня и ты, батюшка, и ты, матушка, и.... и вы всѣ“.—Третье и извлекло слезы у зрителей. Всякой чувствовалъ, что бѣдная Эмелина оставила все свое счастье на родинѣ. Второе мѣсто по отличному выраженію—когда Эмелина слышитъ издали знакомую пѣсню на рожкѣ,—она поливала въ то время цвѣты; услышавъ звуки, содрогнулась, стала прислушиваться, и <sup>1)</sup> потомъ принялась спокойно за прежнее дѣло, какъ будто бы увѣрилась, что ее обманываетъ воображеніе; услышавъ звуки вновь, она удивилась уже меньше.—Прекрасно также была выражена несвязность мыслей въ разговорѣ съ Графомъ, желаніе возвратиться въ Швейцарію и вмѣстѣ опасеніе огорчить родителей въ двухъ словахъ къ отцу „уѣхать? А за чѣмъ?“—И все окончаніе перваго дѣйствія.—Мечтаніе съ Дурманомъ, котораго приняла было за своего любовника, было не вездѣ выдержано, и походка была выбрана неудачная.

N. N.

---

Въ Типографіи Н. Степанова.

Печатать позволяется Москва, 1828 года, Сентября 19 дня. Въ должности Предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета

*Сергій Глинка.*

---

<sup>1)</sup> Стр. 20.

## II.

### Дѣло Сочинскаго.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія и въ частности въ исторіи Петербургской медико-хирургической академіи есть одна (въ счастію одна только) кровавая страница. Это—казнь студента-фармацевта Яна (Ивана Павлова) Сочинскаго, приговореннаго военнымъ судомъ къ битью шпицрутенами и къ проведенію съвозъ строй за покушеніе на убійство профессора химіи С. Я. Нечаева, у котораго онъ неоднократно проваливался на экзаменѣ, почему и не могъ окончить курса.

*С. Я. Нечаевъ* окончилъ курсъ въ 1817 г. съ занесеніемъ его имени на мраморную доску (вмѣстѣ съ будущими своими товарищами, профессорами *Х. Саламономъ* и *О. Калининскимъ*,—Исторія Императорской Военно-медицинской академіи за сто лѣтъ, стр. 216). Нечаевъ „произведенъ въ лекари“ и получилъ свидѣтельство на золотую медаль (Приложенія въ Исторіи, стр. 220).

Въ томъ же году въ числѣ 10 человекъ (стр. 219) Нечаевъ былъ посланъ за границу для научнаго усовершенствованія въ математикѣ, химіи, фармаціи и минералогіи. 5 апрѣля 1818 г. Нечаевъ прибылъ въ Берлинъ (стр. 220). Занимаемая имъ впоследствии каеэдра физики и химіи (стр. 279—280) съ предварительнымъ объясненіемъ математики составила изъ прежде бывшихъ двухъ каеэдръ: а) математико-физики и б) химіи. Штабъ-лѣварь Нечаевъ, вернулся въ 1822 г. изъ за границы (послѣ пребыванія въ Германіи и Англіи), и ему тотчасъ же было поручено преподаваніе химіи (послѣ академика *Шерера* и его адъюнта *Киліана*) на правахъ исправляющаго должность профессора; а

въ 1828 г. онъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи; степень доктора медицины Нечаевъ получилъ въ 1829 г. <sup>1)</sup> Адъюнктами при немъ были: до 1830 г. *Е. Покровский*, а послѣ *Фольбротъ*, который уволился по прошенію въ концѣ 1835 г.; въ 1833 г. профессору химіи Нечаеву поручено и преподаваніе физики, а въ 1836 г. эти обѣ кафедры соединены въ одну. Руководствами по физикѣ были учебники *Мейера* и *Бедана*, а по химіи—записки самого Нечаева и учебникъ *Гесса*. Химическій кабинетъ былъ бѣдный, но Нечаевъ приобрѣлъ для него дорогіе платиновые приборы. Въ 1836 г. Нечаевъ вмѣстѣ съ профессоромъ Нелюбинымъ <sup>2)</sup> производили химическое изслѣдованіе воды источника, открывшагося на землѣ Александро-Невской Лавры, близъ бичевника; изслѣдователи сообщили конференціи, что въ водѣ содержится сѣрно-вислое желѣзо, известь и т. д. Въ 1837 г. по Высочайшему повелѣнію <sup>3)</sup> распоряженіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Нечаевъ былъ командированъ вторично въ Берлинъ и въ Лондонъ для того, чтобы 1) вошелъ въ ближайшее сношеніе съ тамошними знаменитостями, особенно *Митчерлихомъ*, принялъ бы дѣятельное участіе въ трудахъ ихъ по производству новѣйшихъ опытовъ физическихъ и химическихъ, осмотрѣлъ бы физическіе и химическіе кабинеты и лабораторіи въ отношеніи ихъ устройства и снабженія инструментами и снарядами; 2) чтобы онъ купилъ необходимѣйшіе инструменты физическіе и химическіе, 3) купилъ бы окулистическіе инструменты и 4) заказалъ бы акушерскіе инструменты.

Пребываніе за границей опредѣлено 3 мѣсяца; выдано, сверхъ содержанія, 5000 р. и на необходимыя покупки—10000 р. Большую часть времени Нечаевъ провелъ въ Германіи, работая у Митчерлиха; въ Лондонѣ онъ провелъ

---

<sup>1)</sup> Приложенія къ Исторіи, стр. 283.

<sup>2)</sup> Исторія, стр. 264.

<sup>3)</sup> Стр. 297—298.

2 недѣли и занимался у *Фарадея* опытами по электричеству и магнетизму. Нужные инструменты заказаны имъ на сумму 9019 р.; отправившись въ началѣ июня, онъ возвратился 19 сентября.

Кромѣ профессуры, *Нечаевъ* исполнялъ еще обязанности члена хозяйственнаго правленія въ 1832 г. (стр. 332) и ученаго секретаря Академіи съ 1836 г. (на мѣсто *П. Чаруковскаго*) по выбору Конференціи <sup>1)</sup>. „По свидѣтельству современниковъ, это былъ весьма образованный и талантливый профессоръ <sup>2)</sup>, отличный лекторъ и щеголь по внѣшности; экзаменовалъ онъ *чрезвычайно строго, слѣдствіемъ* чего было покушеніе на его жизнь со стороны студента-фармацевта *Сочинскаго*; это случилось въ засѣданіи Конференціи 10 сентября 1838 г., а въ октябрѣ проф. *Нечаевъ* оставилъ обязанности секретаря по собственному желанію. На его мѣсто по представленію *Виліе* назначенъ проф. *Эйхвальдъ*, исполнявшій уже обязанности ученаго секретаря въ *Виленской Медико-хирургической Академіи*; начало его дѣятельности совпадаетъ съ переходомъ Академіи въ вѣдѣніе Военнаго Министерства“.

Профессоръ *С. Я. Нечаевъ* оставилъ кафедру въ 1847 г., и на его мѣсто былъ избранъ основатель русской химической школы—профессоръ *Казанскаго университета Н. Н. Зининъ*. При кафедрѣ состоялъ и. д. адъюнгомъ съ 1839 г. *А. А. Измайловъ*: при *Нечаевѣ* онъ читалъ первую часть физики и математику, при *Зининѣ*—всю физику (стр. 400—401).

Обратимся теперь къ официальному разсказу о покушеніи *Яна Сочинскаго* (*Исторія Академіи*, стр. 315, прим. 1).

---

<sup>1)</sup> Стр. 274—275.

<sup>2)</sup> «Химію краснорѣчиво и при томъ съ опытами, при которыхъ помогалъ ему *Юлій Карл. Траппъ*, читалъ проф. *Ст. Як. Нечаевъ*.... *Нечаевъ* и *Спасскій* были лучшіе изъ русскихъ профессоровъ, у которыхъ студенты того времени многому научались («Записки» *Здекауера*, стр. 121).

„Сочинскій происходилъ изъ уроженцевъ бывшаго Царства Польскаго, коимъ доступъ въ Академію былъ разрѣшенъ лишь въ самое послѣднее время. Онъ былъ вначалѣ фельдшеромъ и обратилъ вниманіе Вилліе своею смѣтливостью; по распоряженію президента былъ зачисленъ въ число казенныхъ воспитанниковъ. Однако *вскорь* обнаружилась *недостаточная подготовка* Сочинскаго и *неспособность* (ср. ниже) его къ занятіямъ химіею; профессоръ этого предмета Нечаевъ ставилъ ему неудовлетворительныя отмѣтки; тогда воспитаникъ позволилъ себѣ „буйный поступокъ“, относившійся къ профессору, за что постановленіемъ конференціи 4 августа 1838 г. былъ уволенъ и обращенъ въ прежнее званіе съ опредѣленіемъ на службу внѣ Петербургской губерніи. Однако вотъ что произошло черезъ мѣсяць: въ засѣданіи 10 сентября, какъ записано въ протоколѣ, студентъ фармаціи 3 класса Иванъ Павловъ сынъ Сочинскій, войдя въ присутствіе конференціи, обойдя лѣвую сторону собранія и пришедши къ креслу ученаго секретаря, замахнулся на сего послѣдняго съ перочиннымъ ножомъ въ правой рукѣ, и въ готовности поразить проф. Нечаева, сказалъ: „Варваръ! ты обреченная моя жертва!“ но проф. Нечаевъ защитился отъ нападенія креслами; въ это же время сидѣвшій подлѣ проф. *Калинскій*, судя, вѣроятно, по неистовому виду Сочинскаго, схватилъ его за руки, и Сочинскій, не успѣвши удовлетворить своего намѣренія надъ Нечаевымъ, обратилъ свой ножъ на Калинскаго и ранилъ его въ животъ съ лѣвой стороны бѣлой линіи, пониже пупка, насквозь въ полость брюха; на смятеніе, отсюда происшедшее, позванные архиваріусомъ швейцаръ *Сухомутовъ* и унтеръ-офицеръ *Токаревъ* старались схватить Сочинскаго, но онъ, отбиваясь отъ нихъ, ранилъ обоихъ тѣмъ же ножомъ — швейцара въ грудь, а Токарева въ животъ. Сочинскій былъ наказанъ по приговору Генераль-Аудиторіата шпицрутенами и послѣ экзекуціи скоро скончался“.



Нельзя не пожалѣть въ видахъ полноты впечатлѣнія, что не сообщается здѣсь подробно, каковъ именно былъ „буйный поступокъ“ Сочинскаго, повлекшій за собою первое его суровое наказаніе. Кромѣ того, возбуждаетъ недоумѣніе объяснительная вставка самого референта, проф. *Косоротова*: „Вскорѣ обнаружилась недостаточная подготовка Сочинскаго и его неспособность къ занятіямъ химіею“. Во первыхъ, это было совсѣмъ не *вскорѣ*: Сочинскій уже успѣлъ пройти полный трехлѣтній курсъ фармаціи и даже отсидѣлъ еще четвертый, — повторительный годъ на III курсѣ; и не всегда проф. *Нечаевъ* ставилъ ему неудовлетворительныя отмѣтки, ибо Сочинскій безъ задержки перешелъ на III курсъ. Значить, его якобы неспособность, повидимому, обнаружилась лишь на *выпускномъ* экзаменѣ—черезъ 3 года—промежутовъ времени, который нельзя назвать „вскорѣ“. Если же Сочинскій и впрямь былъ неспособенъ, то зачѣмъ же его оставляли 4 года въ Академіи въ противность установленнымъ правиламъ, ибо еще въ 1823 г. Валліе, президентъ Академіи, предписалъ, чтобы малоспособные и нерадивые исключались въ теченіе академическаго курса—въ первые же 2 года: „поселику нельзя не предполагать, чтобы въ 1-й и 2-й классахъ не было лѣннихъ и нерадивыхъ воспитанниковъ или людей, не имѣющихъ никакой способности къ предназначенному званію, неупомяная о неисправимыхъ шалунахъ или людяхъ весьма тупоумныхъ, то надлежало бы составить немедленно подробное и точное означеніе всѣмъ такимъ воспитанникамъ, дабы безъ отлагательства времени возвратить ихъ въ первобытное состояніе, или, по крайней мѣрѣ, очистить отъ нихъ Академію, ибо дальнѣйшее пребываніе ихъ въ семъ заведеніи послужитъ только къ неминуемому вреду онаго“. Въ теченіи учебнаго года каждый классъ былъ порученъ надзору профессоровъ, которые представляли по третямъ года „классификаціи успѣшности воспитанниковъ съ особымъ обращеніемъ вниманія на

малоуспѣвающихъ (Исторія, стр. 303). Слѣдовательно, если Сочинскій оставался въ Академіи, то это—была вина исключительно самихъ профессоровъ и прежде всего проф. Нечаева, какъ профессора химіи, имѣвшаго ближайшее отношеніе къ „студентамъ фармаціи“, и какъ ученаго секретаря, въ число обязанностей котораго входило по § 61 Устава Академіи отъ 1835 г. <sup>1)</sup>: „д) представлять Конференціи: „о недостаткахъ или неудобствахъ, замѣченныхъ въ теченіи года по части учебной и о принятыхъ или предполагаемыхъ мѣрахъ для отвращенія сихъ неудобствъ“. Ср. приводимыя ниже сужденія одного изъ очевидцевъ *NN* (стр. 43).

Было время, была и возможность распознать Сочинскаго и его способности, потому что студентовъ фармаціи въ Академіи было очень немного: такъ по „Вѣдомости“ (Исторія, стр. 300—301) въ 1835 г. поступило всего 6 волонтеровъ и 1 казенный, а выпущенъ 1,—въ 1837 г., когда Сочинскій долженъ былъ кончать, поступило 2 казен. и 5 волонтеровъ, не выпущено ни одного и т. д.

Во вторыхъ, что значать „недостаточная подготовка“ и „неспособность къ занятіямъ химіею“? Неужели для изученія химіи надобно особенное предрасположеніе, специфическая наслѣдственность, какія-либо „прирожденныя идеи“? Въ наше время тысячи молодыхъ людей обоого пола разныхъ націй и лѣтъ изучаютъ химію въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и что то ничего не слышно про какую то „неспособность къ химіи“ (другое дѣло было бы общее тупоуміе, или же *лѣность*, въ которыхъ, однако, проф. Косоротовъ Сочинскаго не обвиняетъ....). Что же касается подготовки, то особой домашней подготовки по химіи не требовалось и до сихъ поръ не требуется. Дать химическое образованіе—дѣло

---

<sup>1)</sup> Приложенія къ Исторіи, стр. 62—63, глава VI. Устава.

учебнаго заведенія, Академіи: если же за 4 года ученикъ при спеціальному изученіи химіи обнаружилъ „недостаточную“ подготовку и даже послѣ повторительнаго курса не могъ получить средняго, „удовлетворительнаго“ или переводнаго балла, то это вина уже не одного ученика, а и учителя,—вдобавовъ, если послѣднему приходилось заниматься менѣе, чѣмъ съ десяткомъ лабораторныхъ учениковъ—фармацевтовъ: что же дѣлали въ лабораторіи самъ проф. и его лаборанты?

Но если эти „неспособность“ и „недостаточная подготовка“ не даютъ сами по себѣ никакой внутренней, логической обосновки, то самъ же референтъ опровергаетъ эти мотивы своими собственными словами (см. выше, стр. 30), за нѣсколько страницъ выше говоря, что Нечаевъ „экзаменовалъ *чрезвычайно строго, слѣдствіемъ чего* явилось“ покушеніе Сочинскаго. Стало быть, онъ самъ считаетъ главною причиною *чрезмѣрную строгость и требовательность* Нечаева.

Приведемъ здѣсь встать нѣсколько справокъ касательно положенія фармацевтовъ при тогдашней Академіи и получаемого ими образованія; присмотрѣвшись внимательно, мы убѣдимся, что образованіе фармацевта, прошедшаго полный курсъ, нельзя было называть недостаточнымъ.

По § 79 (гл. VIII Устава 1835 г., Приложенія въ Исторіи, стр. 64) фармацевты имѣли офиціальное названіе „*студентовъ фармаціи*“; по § 91 (стр. 65) „казенные воспитанники состоятъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и въ полномъ распоряженіи Академіи“. По § 85, „по фармацевтической части принимаются преимущественно тѣ, которые находились въ аптекахъ не менѣе 4 или, по крайней мѣрѣ, 3 лѣтъ съ знаніемъ *логики* и начальныхъ основаній *математики*, также *россійскаго* и *латинскаго* языковъ, по крайней мѣрѣ, столько, чтобы могли свободно переводить на *россійскій* языкъ латинскія диспенсаторіи“. По § 132 (стр. 71) „Студенты фармаціи, окончившіе курсъ ученія и при послѣд-

немъ испытанія причисленные къ первому, второму или третьему отдѣленію, производятся въ *гезели* 1, 2 и 3 отдѣленій; причисленные къ третьему отдѣленію не производятся въ провизоры, если на новомъ испытаніи не будутъ признаны достойными поступить въ высшее отдѣленіе. Оказавшіе отличные успѣхи, по выпускѣ изъ Академіи, проведя 3 года въ званіи гезеля при хорошей аптекѣ и получивъ одобрительную аттестацію, удостоиваются званія провизора“.

Итакъ, Сочинскаго послѣ четырехлѣтняго прохожденія наукъ проф. Нечаевъ не удостоилъ даже званія гезеля 3 разряда. Посмотримъ же, что тогда требовалось пройти, чтобы добиться званія нынѣшняго аптекарскаго помощника (Исторія, стр. 308—309): Въ I классѣ проходились: естественная исторія—6 ч., основанія математики и физики—4 ч. (Нечаевъ же), литература латинская и нѣмецкая по 2 часа и ботаническія экскурсіи 2 ч. въ недѣлю. Во II кл.: *химія* 6 ч., фармація и фармакогнозія—6 ч., *химическія* и фармацевтическія упражненія—2 ч., лат. и нѣм. лит. по 2 ч. и ботан. экск. по усмотрѣнію профессора. Въ III кл. *матерія медика* (т. е. нынѣшняя фармакологія, требующая уже знанія химіи) съ рецептурою—6 ч., химія 6 ч., фармація и фармакогноз.—6 ч., фарм. упражненія 1 ч., ежедневное упражненіе въ аптекѣ по очереди и ботаническія экскурсіи. „Фармацевтическіе воспитанники посѣщаютъ лекціи *вмѣстѣ* съ медицинскими и вмѣстѣ съ ними экзаменуются. ...При производствѣ въ гезели, сверхъ успѣховъ въ наукахъ, принимаются въ разсужденіе: поведеніе и искусство приготовить фармацевтическіе оффицинальные и магистральные препараты“.

Переходимъ къ своду частныхъ свидѣтельствъ по дѣлу Сочинскаго. Такъ о немъ упоминаетъ *Н. И. Пироговъ*, переведенный, впрочемъ, на кафедрѣ хирургіи изъ Дерптскаго университета въ Петербургскую Академію послѣ этого событія, и пишущій, стало быть уже по слухамъ.

„Надо было *потрясающему* событію произвести переполохъ для того, чтобы произошелъ потомъ поворотъ къ лучшему.

Какой то фармацевтъ изъ поляковъ, провалившійся на экзаменѣ и приписывавшій свою неудачу на экзаменѣ притѣсненію профессоровъ, принявъ предварительно ядъ (а по другой версіи—*напившись до пьяна*), вбѣжалъ съ ножомъ (перочиннымъ) въ рукахъ въ засѣданіе конференціи и нанесъ рану въ животъ одному изъ профессоровъ.

Началось слѣдствіе, судъ; приговоръ вышелъ такого рода: собрать всѣхъ студентовъ и профессоровъ медико-хирургической академіи и въ ихъ присутствіи прогнать виновнаго съвозъ строй, а академію для исправленія нарушеннаго порядка передать въ руки дежурнаго генерала Клеймихеля“ (*Н. И. Пироговъ*, Сочиненія, т. I, изд. 1887 г., „Вопросы жизни“, Дневникъ стараго врача, стр. 501—502).

Но самъ Пироговъ сообщаетъ тутъ же:

„Научный и нравственный уровень Петербургской медико-хирургической академіи въ концѣ 1830-хъ годовъ „былъ, очевидно, въ упадкѣ“... „Всѣ профессора... были изъ воспитан-

ниговъ этой же академіи, что конечно не могло не способствовать развитію nepотизма между профессорами, и какъ это нерѣдко случается, nepотизмъ дошелъ до такихъ размѣровъ, что въ профессора начали избираться исключительно почти малороссы и семинаристы одной губерніи“ (стр. 501).

Равнымъ образомъ о Сочинскомъ (хотя нѣсколько въ иномъ тонѣ) рассказываетъ и лейбъ-медикъ Е. И. В. Н. *Ө. Здекауеръ*, который, однако, тоже не былъ въ то время въ Петербургѣ, ибо, окончивъ курсъ въ Академіи въ 1838 г., уѣхалъ послѣ того за границу, откуда возвратился лишь въ ноябрѣ 1839 г. (его „Записки“, стр. 127).

„Передача академіи въ военное министерство произошла по слѣдующему грустному случаю.

На курсовомъ экзаменѣ въ іюнѣ 1838 г. бѣдный студентъ фармаціи, для котораго кончить курсъ и получить мѣсто аптекарскаго помощника былъ жизненный вопросъ, выдержалъ экзаменъ удовлетворительно изъ всѣхъ предметовъ, кромѣ химіи, и только по настоятельнымъ просьбамъ получилъ дозволеніе передержать экзаменъ изъ химіи.

Готовясь днемъ и ночью къ экзамену, онъ съ трепетомъ явился къ проф. *Нечаеву*, который, не соглашаясь на переэкзаменовку, уступалъ только ходатайству вице-президента, добродушнаго *Д. М. Велланскаго* и черезъ 5 минутъ срѣзалъ несчастнаго фармацевта. Блѣдный, съ отчаяніемъ въ душѣ онъ едва могъ выйти изъ конференцъ-залы. По окончаніи экзамена началась конференція. Вдругъ входитъ въ изступленномъ видѣ несчастный фармацевтъ и быстрыми шагами направляется къ тому креслу, гдѣ сидѣлъ ученый секретарь, т. е. *Нечаевъ*, который, узнавъ его, вскочилъ со своего мѣста, а обезумѣвшій студентъ бросился на рядомъ сидящаго, довольно тучнаго проф. *Калинскаго* и нанесъ ему рану перочиннымъ ножомъ въ животъ. Его тотчасъ схватили *безъ всякаго съ его стороны сопротивленія*, узнали, что онъ передъ своимъ преступленіемъ

принялъ для отравленія себя унцію свинцоваго сахара, дали ему рвотное и противоядіе и отправили его въ арестантское отдѣленіе сухопутнаго госпиталя. Рана проф. Калининскаго оказалась не опасною. Назначили по Высочайшему повелѣнію военный судъ, и несчастнаго фармацевта въ присутствіи студентовъ академіи прогнали съвозъ строй, причемъ многіе изъ невольныхъ зрителей падали въ обморокъ. Наказанный не вынесъ этого истязанія и умеръ отъ послѣдствій наказанія. Академію же для восстановленія въ ней дисциплины отдали подъ вѣдомство военнаго министерства. Грозный и строгій графъ П. А. Клейнмихель былъ назначенъ ея попечителемъ <sup>1)</sup>“.

Отмѣтимъ неточности разсказа: 1) покушеніе Сочинскаго было не сейчасъ же послѣ перевѣзменовки, и 2) Сочинскій не только не отдался „безъ всякаго сопротивленія“, но совершенно безцѣльно поранилъ, какъ сказано выше, двоихъ сторожей—солдатъ.

---

Всѣхъ обстоятельнѣе, точнѣе и съ поражающею силою разсказалъ о Сочинскомъ одинъ неизвѣстный очевидецъ—студентъ того времени, скрывшій свое имя подъ буквами NN.

„Судьба привела меня въ академію въ пору, можно сказать, самую неблагопріятную. Я съ разу натѣнулся, какъ говорится, на „исторію“, исходъ которой не остался безъ послѣдствій для порядковъ заведенія, и безъ того уже тяжелыхъ, но тутъ еще болѣе обострившихся. Разскажу, что случилось.

---

<sup>1)</sup> Записки Николая Федоровича Здекауера. Императорская Спб. Медико-Хирургическая Академія въ 1833—1863 гг., гл. II, стр. 127—128, «Русская Старина», г. 22, за 1891 г., т. 70, апрѣль, ст. V

Это было въ сентябрѣ 1838 г. утромъ. 1 числа, идя въ анатомическій театръ, находившійся въ особенномъ зданіи на берегу Невы, я долженъ былъ проходить мимо такъ называемой конференціи. Дворъ ея отдѣлялся отъ улицы желѣзной рѣшеткой. Смотрю: и дворъ, и улица полны студентовъ и народа; проѣздъ по улицѣ прекратился. Вся эта толпа волновалась и шумѣла, но узнать причину сборища среди общаго шума и смятенія не было никакой возможности. Наэлектризованный любопытствомъ, я поспѣшилъ къ товарищамъ, жившимъ у Волчкова, и вотъ что я узналъ тамъ. Казенный студентъ Сачинскій ворвался съ ножомъ въ залу конференціи, ранилъ швейцара, не хотѣвшаго впустить его, и бросился на профессора химіи Нечаева, сидѣвшаго возлѣ профессора частной патологіи Калининскаго, который, прикрывая собою Нечаева, былъ раненъ Сачинскимъ въ животъ, что виновнаго тотчасъ же арестовали, и что вслѣдствіе предварительно припятаго имъ яда, съ нимъ сдѣлалось дурно.

Вскорѣ послѣ моего прихода въ домъ Волчкова на мѣсто сборища пріѣхалъ оберъ-полицеймейстеръ и приказалъ студентамъ и народу разойтись подъ опасеніемъ немедленнаго ареста; всѣ разошлись.

Вслѣдъ за этимъ происшествіемъ недѣлю или двѣ, ужъ не помню теперь, лекцій, конечно, не было. Грустное событіе это, выходявшее изъ ряда обыкновенныхъ студенческихъ исторій, стало исключительнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ и дало поводъ къ самымъ разнороднымъ толкамъ относительно тѣхъ послѣдствій, къ какимъ могло повести оно. Черезъ нѣсколько дней изъ различныхъ слуховъ и свѣдѣній выяснились передъ нами слѣдующія подробности.

Сачинскій былъ человѣкъ лѣтъ около 35. Про него рассказывали, что во время возстанія поляковъ въ 1831 г., онъ чѣмъ то навлекъ на себя подозрѣніе нашего правительства и вслѣдствіе того нѣсколько лѣтъ содержался подъ арестомъ;



другіе говорили, что онъ служилъ рядовымъ въ какомъ то польскомъ уланскомъ полку, былъ взятъ въ плѣнъ и выси-дѣлъ нѣсколько лѣтъ въ Петропавловской крѣпости; насколько были вѣрны всѣ эти рассказы—не знаю. Получивъ свободу съ приказаніемъ избрать себѣ родъ жизни, Сачинскій поступилъ фармацевтомъ въ медико-хирургическую академію, по бѣдности—на казенный счетъ. Курсъ фармацевтической былъ трехгодичный; окончившій его получалъ степень *гезеля* или аптекарскаго помощника. Сачинскій благополучно добрался до III курса, но при выпускномъ экзаменѣ въ 1837 году, степени гезеля не получилъ, такъ какъ по химіи имѣлъ не-удовлетворительный баллъ. Проф. Нечаевъ отказался пере-экзаменовать Сачинскаго, несмотря на то, что тотъ просилъ его объ этомъ убѣдительно, ссылаясь на то, что профессоръ нашелъ же возможнымъ сдѣлать подобное снисхожденіе нѣ-которымъ другимъ его товарищамъ, представляя ему притомъ, что онъ человекъ крайне бѣдный, что мать и сестра его живутъ въ нищетѣ, что единственная забота его—доставить имъ кусокъ хлѣба, и что именно только поэтому ему такъ тяжело остаться еще на годъ. Несмотря на всѣ эти, казалось бы, уважительные доводы, Нечаевъ остался непреклон-нымъ, и Сачинскій, покоряясь жестокому приговору, остался, скрѣпя сердце, еще на годъ на третьемъ, т. е. послѣднемъ курсѣ фармацевтическаго училища.

Въ іюнѣ 1838 г. наступилъ опять экзаменъ изъ химіи, и опять Нечаевъ поставилъ Сачинскому неудовлетворитель-ный баллъ. Теперь бѣдняку приходилось уже очень плохо, такъ какъ по существовавшему въ то время закону,—не знаю, сохраняетъ ли онъ силу и теперь,—всякій казеннокоштный студентъ, пробывъ 2 года на одномъ и томъ же курсѣ, не удостоившись перевода въ слѣдующій, или не выдержавшій выпускного экзамена, назначался *фельдшеромъ* въ армію впредь до окончанія обязательныхъ 6 лѣтъ службы.

Опять Сачинскій явился къ Нечаеву, прося его позволить ему переэкзаменоваться передъ началомъ лекцій слѣдующаго полугодія, опять онъ представилъ ему всё побуждавшія его къ такой просьбѣ причины, и на этотъ разъ Нечаевъ согласился. Наступилъ конецъ августа. Сачинскій явился на экзамень, но Нечаевъ *опять-таки* поставилъ ему *неудовлетворительный* баллъ. Тутъ Сачинскій, дошедшій до отчаяннiя, рѣшился погубить себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и того, кто довель его до такого состоянiя. Во избѣжанiе всѣхъ послѣдствiй строгости закона, несчастный Сачинскій до приведенiя въ исполненiе своего намѣренiя принялъ яду,—но или за неимѣнiемъ средствъ, или по трудности добыть его—прибѣгнулъ къ свинцовому сахару—средству, слабо и медленно дѣйствующему. Послѣ неудачнаго нападенiя на Нечаева съ нимъ сдѣлалась рвота, но ему дали противоядiе, и онъ вскорѣ выдоровѣлъ, чтобы *погибнуть позорно и безвозвратно*.

Разсказъ мой основанъ на тѣхъ слухахъ, которые носились тогда между студентами академiи—не стою за ихъ вѣрность; немудрено, что факты доходили до насъ въ искаженномъ видѣ, такъ какъ результаты официальнаго слѣдствiя остались намъ неизвѣстными, а потому очень можетъ быть, что они разнились съ приведеннымъ мною разсказомъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ происшествiя проф. Нечаевъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны II степени, а Медико-Хирургическая Академiя, находившаяся до того времени въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ перешла въ вѣдомство министра военнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ были назначены *Клейнмихель* попечителемъ ея, а полковникъ *арестантскихъ командъ* (?) нѣкто *Шенрокъ*—инспекторомъ. Не стану приводить характеристики Клейнмихеля, ибо кто же изъ служившихъ въ царствованiе Николая I не знаетъ, или по крайней мѣрѣ, не слыхалъ, что такое былъ графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель. Но о Шенрокѣ нужно сказать нѣсколько

словъ. Это былъ сладенькій, гладенькій и *гаденькій* нѣмецъ, всегда и вездѣ застегнутый на указанное число пуговицъ. Вѣжливо и съ вѣчною улыбкою, тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ, онъ имѣлъ способность наговорить вамъ тысячу *оскорбительныхъ* и *возмутительныхъ* внушеній. Шенровъ былъ весьма обыкновеннымъ, зауряднымъ типомъ николаевскихъ временъ. Его постоянныя замѣчанія студентамъ относительно внѣшняго ихъ вида были просто невыносимы: то волосы длинны, то воротки; то фуражка на полвершка ниже, чѣмъ полагалось, то выше; то цвѣтъ сукна на курткѣ оказывается слишкомъ свѣтлымъ, то слишкомъ темнымъ и т. п. Всѣ эти замѣчанія сопровождались угрозою карцеромъ, причемъ обыкновенно изъяснялось сожалѣніе, что вы сами вынуждаете его къ такой крутой мѣрѣ. Словомъ сказать, человекъ этотъ своими рѣчами и манерами въ состояніи былъ *вывести из терпѣнія* самаго скромнаго студента. Прежній президентъ нашъ Вилье былъ *смѣненъ*; на его мѣсто былъ назначенъ старшій докторъ московскаго военнаго госпиталя, *Шлегель* — нѣмецъ добродушный, но крайне неспособный и *скудоумный*, не успѣвшій даже научиться говорить *по-русски*. Слабохарактерность его была причиною того, что онъ тотчасъ же по прибытіи въ академію сталъ орудіемъ лукаваго Шенрова, который завладѣлъ имъ совершенно.

По дѣлу Сачинскаго началось слѣдствіе. Конечно, онъ оказался кругомъ и *во всемъ виноватымъ*; и такъ какъ въ то время въ нашемъ судопроизводствѣ смягчающимъ обстоятельствомъ мѣста не было, то несчастнаго присудили лишить всѣхъ правъ состоянія и *прогнать сквозь строй*.

Оправдывать Сачинскаго было бы безуміемъ. Но одинъ ли онъ былъ виноватъ? Не отчаяніе ли привело его къ преступленію?

Нечаевъ, какъ профессоръ, имѣлъ неоспоримыя достоинства: онъ читалъ свой предметъ съ полнымъ знаніемъ дѣла

и увлекательно; его лекціи возбуждали въ студентахъ самый живой интересъ и никогда ни однимъ изъ нихъ не пропускались; опыты производилъ онъ съ примѣрною ловкостію и рѣдкимъ навыкомъ;—но вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человекъ желчный, раздражительный, *капризный*, *злопамятный*, и при экзаменахъ крайне *пристрастный*, такъ какъ отмѣтки свои имѣлъ обыкновеніе ставилъ подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое производила на него *физиономія* студента. Если съ одной стороны справедливость требуетъ признанія, что, благодаря ему, всѣ мы отлично знали химію, разумѣется, въ тѣхъ предѣлахъ, которые требуются это отъ ученика, то—съ другой, не слѣдуетъ также упускать изъ виду и того, что привычная придирчивость его погубила карьеру многихъ молодыхъ людей, что въ то время дѣлалось, конечно, безнаказанно. Если Сачинскій оказался *неспособнымъ* въ дѣлу, для котораго себя готовилъ, то развѣ Нечаевъ не могъ остановить его *ранѣе*? Фармацевты были обязаны слушать химію 2 года къ ряду и экзаменоваться изъ этого предмета уже на II курсѣ. Если Сачинскій оказался *неспособнымъ* при первомъ экзаменѣ, то не было никакой разумной причины предполагать, что онъ приобрететъ способность годомъ позже, и Нечаеву, конечно слѣдовало остановить его въ время,—тѣмъ болѣе, что Сачинскому, какъ казеннокоштному студенту, въ случаѣ дальнѣйшихъ его неуспѣховъ, угрожала 6-ти лѣтняя служба фельдшеромъ въ арміи. Но если Нечаевъ признавалъ Сачинскаго *способнымъ прежде*, то поступить съ нимъ такъ, какъ поступилъ онъ послѣ, было просто *жестоко*.

Никто изъ насъ—съ Сачинскимъ знакомъ не былъ, да и о существованіи того узнали мы только по несчастной его исторіи, тѣмъ не менѣе мысль объ ожидавшей его участи *страшно потрясла* насъ и во всѣхъ вызвала чувство глубокаго *саботнованія* о несчастномъ товарищѣ. Не трудно понять и представить себѣ всю тягость нравственнаго нашего состоянія

въ эти дни, когда еще такъ свѣжи были впечатлѣнія происшедшей исторіи, но судьба въ образѣ нашего начальства—не знаю, ближайшаго или высшаго—приготовила намъ новый ударъ, преисполнившій всѣхъ насъ сильнѣйшимъ *негодованіемъ* и ожесточенною *ненавистію* въ той власти, которая сочла себя въ правѣ за преступленіе одного—всѣхъ насъ, ни въ чемъ неповинныхъ, подвергнуть нравственной пыткѣ. Студентовъ заставили дать письменное обязательство *присутствовать* при варварской экзекуціи; въ противномъ случаѣ угрожали исключеніемъ изъ академіи съ лишеніемъ права поступить въ какое-либо учебное заведеніе въ предѣлахъ Россіи. Одна только болѣзнь избавляла студента отъ присутствованія на мѣстѣ казни, но предусмотрительное начальство распорядилось такъ, что льготой этой не было почти никакой возможности воспользоваться тѣмъ, кто захотѣлъ бы сказаться больнымъ. Не говоря уже о томъ, что студентъ, сославшійся на болѣзнь, долженъ былъ представить свидѣтельство не отъ врача только, но еще и отъ квартальнаго надзирателя, удостоверяющее сверхъ того еще частнымъ приставомъ, самое то распоряженіе объ этомъ было объявлено лишь только наканунѣ экзекуціи. Кто помнитъ нравы тогдашней полиціи, тотъ легко пойметъ, каковаго труда и какихъ издержекъ стоило бы студенту, не только здоровому, но и дѣйствительно больному въ какихъ-нибудь полдня достать себѣ подобное свидѣтельство. Что было дѣлать? Нѣсколько человекъ, которымъ обстоятельства позволяли, подали прошеніе объ увольненіи изъ академіи, но остальные, которыхъ вся будущность зависѣла отъ окончанія курса, должны были подчиниться жестокому приговору.

Наступилъ роковой день экзекуціи. Это было въ послѣднихъ числахъ октября 1838 г. Шелъ мелкій, осенній день, и весь городъ облекся густымъ, сѣрымъ туманомъ, который, наводя невыразимую тоску на душу, казалось, спосо-

бенъ былъ раздражить нервы даже самого беззаботнаго и спокойнаго духомъ человѣка. Чтобъ быть на мѣстѣ въ назначеннымъ 9 часамъ утра, мы поднялись до-свѣту, и терзаемые самыми горькими, самыми безотрадными, до мозга костей одуряющими ощущеніями, поплелись съ Выборгской стороны къ аракчеевскимъ казармамъ у Таврическаго сада. Шли пѣшкомъ: объ извожикахъ при нашемъ поголовномъ безденежьи нечего было и думать. Въ казармахъ, куда намъ ведѣно было собраться, встрѣтилъ насъ инспекторъ со спискомъ въ рукахъ и съ своей свернѣйшей и подлѣйшей улыбкой на лицѣ. Онъ сдѣлалъ намъ самую тщательную переписку и аккуратно отмѣтилъ тѣхъ, кого не оказалось. По окончаніи повѣрки насъ вывели на большой дворъ, гдѣ увидели мы два ряда гарнизонныхъ солдатъ съ барабанщиками на каждомъ концѣ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ другого отдѣленія казармъ вывели подъ конвоемъ Сачинскаго, одѣтаго въ сѣрый арестантскій халатъ. Проходя мимо насъ, онъ снялъ арестантскую шапку и поклонился намъ,—мы молча поклонились ему... Его поставили на одномъ концѣ между двухъ шеренгъ. Вслѣдъ за тѣмъ къ нему подошелъ аудиторъ—длинный, сухопарый господинъ въ мундирѣ и треугольной шляпѣ—и прочелъ приговоръ военнаго суда. Онъ стоялъ однавожъ такъ далеко, что голосъ его не доходилъ до насъ, и что онъ читалъ, мы не слышали,—да и не до того намъ было... По окончаніи этой процедуры несчастнаго Сачинскаго обнажили до пояса, руки привязали къ прикладу ружья, которое несли передъ нимъ два солдата, надъ шеренгами высоко поднялись шпирютены, раздался барабанный бой—и страдальца повели.. Послышался крикъ терзаемой жертвы. Я не выдержалъ: душившія меня слезы славили мнѣ грудь и горло, я истерически зарыдалъ и бросился къ дверямъ казармъ, откуда мы вышли.—чтобъ не слышать воплей, *раздиравшихъ душу*, но увидѣлъ двухъ солдатъ, преградившихъ мнѣ путь скрещенными

ружьями. Оказалось, что начальство наше и тутъ выказало свою *предусмотрительность*. Предвидя, что студенты не будутъ въ состояніи вынести сцены истязанія и, являсь на мѣсто казни по приказанію, всетаки попытаются увлечься отъ вида ея, они распорядились такъ, что начальникомъ экзекуціи въ дверяхъ казармъ были поставлены часовые съ приказаніемъ никого не пропускать со двора. Видя невозможнымъ укрыться, я вѣрѣе зажалъ себѣ уши и обернулся лицомъ въ стѣнѣ: криковъ я не слышалъ болѣе, но рокотъ барабановъ, чуть доходившій до слуха, давалъ мнѣ знать, что истязаніе еще продолжается. Долго я стоялъ такъ и ждалъ конца, но барабанный бой не прерывался; наконецъ въ ветерпѣніи и въ какомъ то отчаяніи я обернулся и увидѣлъ, что несчастнаго Сачинскаго возятъ уже на двухколесной тележкѣ и все еще продолжаютъ бить,—вопли умоляли, и только слышится свистъ шпицрутеновъ.... Я опять отвернулся, но тотчасъ почувствовалъ, что кровь будто отхлынула отъ сердца, въ глазахъ стало темнѣть, голова закружилась; я потерялъ сознаніе, мнѣ сдѣлалось дурно. Очнувшись, я увидалъ себя на казарменной нарѣ,—и первое, на чемъ остановились мои глаза, была опять-таки гладкая, безучастная чиновничья физіономія инспектора съ его вѣчной, отвратительной улыбкой. Злоба охватила меня,—и право не знаю,—*чего бы я не сдѣлалъ* съ этимъ ненавистнымъ мнѣ чelовѣкомъ. И чего хотѣлъ онъ?

Экзекуція кончилась, а вмѣстѣ съ нею и *жизнь* бѣднаго мученика. Молча отправились мы домой, спѣша оставить *вертепъ варварства* и безчеловѣчія. Печальный день! у насъ на Выборгской какъ будто все вымерло! на улицахъ тишина, безлюдье. Всѣ студенты сидѣли по своимъ угламъ, и томимые тоскливымъ чувствомъ, старались мысленнымъ взоромъ проникнуть въ свое будущее,—въ тѣ года, которые еще оставалось имъ провести въ академіи. Чего имъ ждать, что будетъ впереди?

Трупъ Сачинскаго былъ привезенъ въ больницу арестантскихъ ротъ, находившуюся на Выборгской сторонѣ. Нѣкоторые изъ студентовъ V курса, бывъ знакомы съ служившими тамъ врачами, отправились взглянуть на трупъ, и возвратясь, съ ужасомъ рассказывали, что межреберныя мышцы были пробиты до *грудной плевры*, которую можно было *видѣть*, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и она была разрушена до *самаго легкаго*. Тяжелая пора наступила для академіи. Новая администрація съ Клейнмихелемъ во главѣ ознаменовала ревность свою рядомъ нововведеній одно другого нелѣпѣе.....<sup>1)</sup>

Къ этому драматическому разсказу прибавимъ еще одинъ разсказъ, принадлежащій тоже очевидцу—извѣстному публицисту и ученому медику *Я. А. Чистовичу*, который былъ потомъ самъ профессоромъ судебной медицины при Академіи, а затѣмъ даже ея начальникомъ. Онъ тоже только-что поступилъ въ студенты въ годъ казни Сочинскаго.

„Но вотъ обмундировка кончена, и осталось только обновить ее. И обновили. Однажды утромъ студентовъ разбудили раньше 6 часовъ, приказали одѣться и повели куда-то черезъ Неву. Мы, новопріѣзжіе, еще не знали города, а спросить субъ-инспекторовъ, сопровождавшихъ насъ, не смѣли. Оказалось, что насъ привели на одинъ изъ огромныхъ дворовъ при аракчеевскихъ казармахъ для присутствованія при казни бывшаго студента академіи *Сочинскаго*. Его несчастнаго прогнали „съвозъ строй“, а намъ приказали смотрѣть на это. Ужасное было зрѣлище. Многие изъ студентовъ попадали въ обморокъ и уведены были на другой конецъ двора. Другіе какъ будто окаменѣли и автоматически двигались, куда ихъ

---

<sup>1)</sup> «Тяжелыя времена» (изъ воспоминаній доктора) NN, стр. 309—315 въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1884 г., V. г., т. XVI, май.



толкали. Тутъ я въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни видѣлъ, какъ гоняють „сквозь строй“.

Кто же это былъ *Сочинскій*, и какъ дошелъ онъ до такого страшнаго уголовнаго преступленія?

О немъ немногіе знали, а если и разговаривали, то говорили *шепотомъ*. Эта была одна изъ жертвъ жестокаго клейнмихелева самовластія.

Дѣло было вотъ въ чемъ.

Въ какой то воинской командѣ баронетъ Я. В. Вилліе встрѣтилъ умнаго, бойкаго и довольно образованнаго фельдшера по имени Сочинскаго. Фельдшеръ понравился ему, и Вилліе посовѣтовалъ ему поучиться годъ или больше, съ тѣмъ, чтобы поступить потомъ въ число студентовъ медико-хирургической академіи. Такъ и исполнилось. Сочинскій поступилъ въ академію, но съ перваго же дня не понравился ученому секретарю конференціи *С. Я. Нечаеву*.

Прошелъ годъ, и по истеченіи его Сочинскій не выдержалъ экзамена изъ химіи (у Нечаева) и оставленъ на другой годъ въ курсѣ. Когда прошелъ другой годъ, Сочинскій явился опять къ экзамену, но Нечаевъ публично сказалъ ему, что всякій экзаменъ бесполезенъ, потому что „Вы мнѣ не нравитесь, и я не допущу Васъ докончить курсъ въ академіи, а потому уходите изъ академіи“.

Что было дѣлать Сочинскому? Нечаевъ былъ всемогущъ. Президентъ Вилліе по старости не ѣздилъ въ академію и всѣ дѣла конференціи предоставилъ ученому секретарю. По этимъ двумъ причинамъ жаловаться было и бесполезно, и невозможно. А горе грызло и мучило его, не давая покоя. И онъ рѣшился развѣдываться съ Нечаевымъ своимъ судомъ.

Въ одну изъ субботъ (засѣданія конференціи обыкновенно собирались по субботамъ) онъ принялъ довольно большой пріемъ свинцоваго сахара, вооружился перочиннымъ ножомъ, вошелъ въ залу и бросился къ зеленому столу, чтобы

заколоть Нечаева. Но по волненію ли, или по начавшемуся дѣйствию ада онъ въ Нечаева не попалъ, а *нечаянно* попалъ въ профессора *О. Ф. Калининскаго* и слегка его ранилъ, а затѣмъ впалъ въ обморокъ. Опасность такимъ образомъ для профессоровъ миновала, но *необходимо было не дать умереть виновному*. Для этого проф. *И. В. Буяльскій* <sup>1)</sup> вскрылъ вену и вспырснулъ въ нее немного tartari emetici. Произошла рвота, и Сочинскій *возвратился къ жизни для мученій*.

Графъ Клейнмихель въ это время только что вступилъ въ должность попечителя академіи.

По его распоряженію Сочинскій сужденъ въ 24 часа и присужденъ сперва къ возвращенію его въ предыдущее состояніе, затѣмъ въ лишенію всѣхъ правъ и къ прогнанію сквозь строй черезъ 500 человекъ.

Студенты обязаны были присутствовать при этой казни, чтобы прониклись страхомъ къ безграничной власти графа Петра Андреевича Клейнмихеля.

Это было первое впечатлѣніе, сдѣланное на насъ, новичковъ, Академію. Впечатлѣніе—ужасающее и ошеломляющее. И тѣмъ болѣе ужасающее, что мы *не совсѣмъ* понимали его, а обратиться къ кому-либо за разъясненіемъ его мы не смѣли. Какъ куча дѣтей, или правильнѣе сказать, какъ стадо барановъ, пришли мы на аракчеевскій дворъ и жались другъ въ

---

<sup>1)</sup> Буяльскій и ранѣе былъ употребляемъ по деликатнымъ порученіямъ: такъ въ 1830 г. онъ былъ командированъ въ крѣпость Шлиссельбургъ для поданія помощи политическому преступнику Иличевскому, у котораго оказалась «опухоль на головѣ и на лѣвомъ боку, отчего стала усыхать лѣвая рука» (Исторія В. М. Академіи, стр. 271).—Не такъ поступилъ лекаръ Владимірсскій съ декабристомъ И. И. Сухиновымъ, котораго въ Сибири въ 1828 г. приговорили, за попытку бунта, къ 400 ударамъ кнута. Сухиновъ въ ночь передъ экзекуціей удавился. «Лекаръ, замѣтивъ въ немъ (какъ послѣ оказалось) признаки жизни, не подалъ на мѣстѣ никакой помощи, а велѣлъ нести за 1½ в. въ лазаретъ, гдѣ его положили на ледникъ» (Русскій Архивъ, за 1870 г., стр. 925).

другу. Да и къ кому обратиться? приведшіе насъ субъ-инспекторы и сами ничего не знали о томъ, зачѣмъ они привели насъ сюда, и что будутъ дѣлать съ нами. Обратиться же къ военнымъ офицерамъ, сновавшимъ по разнымъ частямъ двора, тоже не смѣли. Только когда раздались барабанная дробь и хлестанье прутьевъ по человѣческой спинѣ, сразу и мгновенно разъяснилось намъ, что это-то и есть „сквозь строй“, о которомъ приходилось иногда слышать мимолетные рассказы, не придавая этимъ рассказамъ никакого реальнаго значенія.

Кажется, вскорѣ послѣ этой казни смѣнился инспекторъ студентовъ штабъ-лекаръ *В. С. Петровъ*, и на его мѣсто опредѣленъ Ѳед. Ѳед. *Шёнрокъ*, а помощниками ему военные молодые офицеры (изъ арміи)<sup>1)</sup>.

*Л. З.* (тамъ же, предисловіе, стр. 452), издатель „Записокъ Чистовича“, замѣчаетъ, что Чистовичъ въ этотъ день сыгралъ среди товарищей весьма важную роль,—своей горячей рѣчью удержавъ ихъ отъ *неминуемой* вспышки. Объ этомъ подробнѣе мы находимъ въ изданіи того же автора:

„Былое врачебной Россіи“, *Л. Ѳ. Змѣевъ*. Книжка первая, СПБ, 1890, стр. 79—80.

„Отличной характеристикой тогдашняго студенческаго быта, участія и роли въ немъ Я. А. Чистовича, служатъ нѣкоторыя черты изъ его воспоминаній и одного его товарища. „Поступили мы въ академію въ бурномъ 1838 году,“ говоритъ *Д. Птуховъ*; „студенты волновались отъ плохого кормленія и невѣрной отмѣтки въ поведеніи.“ Черезъ нѣсколько дней новопринятымъ, впервые надѣвшимъ мундиръ, студентамъ пришлось присутствовать при прогнаніи сквозь строй товарища ихъ. „Впечатлѣніе, произведенное на студентовъ

---

<sup>1)</sup> «Записки доктора Я. А. Чистовича» (1838—1848), стр. 557—559 въ «Русской Старинѣ», 17 г., за 1886 г., т. 52, декабрь.

такую потрясающую сценою," продолжаетъ Д. П., „было ужасно; многіе падали въ обморокъ, другіе плавали, а третьи злились, скрежеща зубами и сжимая кулаки. Высокій, стройный, съ голубыми, томными глазами юноша, Чистовичъ, обратился къ товарищамъ съ умною и сердечною рѣчью; смыслъ ея примѣрно былъ таковъ: мы при самомъ вступленіи подверглись тяжкому испытанію, многіе изъ насъ упали духомъ, другіе же пришли въ крайнее раздраженіе; но неразумно унывать, неразумно и злиться безсознательно; мы не знаемъ прошлаго академіи и не вѣдаемъ всѣхъ грустныхъ обстоятельствъ, повлекшихъ за собой печальныя событія, мы—новички и не можемъ быть полноправными судьями въ неизвѣстныхъ намъ дѣлахъ; предоставимъ сужденіе о грустныхъ приключеніяхъ старшимъ курсамъ, а сами посвятимъ себя наукѣ, исключительно наукѣ, для которой мы стеклись съ разныхъ концовъ Россіи. Мягкая сердечная рѣчь эта повліяла чуднымъ образомъ—упавшихъ духомъ ободрила, разгоряченныхъ охладила, замолкли толпы о предстоящихъ бѣдахъ, и все пошло по старому, какъ по маслу. Такое вліяніе на товарищей, конечно, замѣчено было начальствомъ, оно стало благоволить къ нему, и Я. А. сдѣлался любимцемъ и начальства, и товарищей, за которыхъ сдѣлался ходатаемъ“.

„Къ этой, хотя и товарищеской, характеристикѣ добавлять нечего, такъ она ярко намѣчаетъ главныя выдающіяся свойства юноши, оратора и ходатая. Уважу тотъ психологическій фактъ. Тронутый, конечно, не меньше товарищей упомянутой сценою, въ порывѣ, молодой идеалистъ невольно заговорилъ—душа просилась наружу. Конечно, въ этомъ экспромтѣ не могло быть холодной, разумной, убѣждающей силы, но душевный порывъ горячей рѣчи электрически тронулъ и повернулъ массу. Этимъ невольнымъ и совершенно случайнымъ моментомъ опредѣлилась вся будущая студенческая, а ж. б. и дальнѣйшая жизнь“ (стр. 81).

Замѣтимъ встать, что въ той же книгѣ, „Былое врачевной Россіи“ помѣщены еще воспоминанія *М. Г. Соколова* „О Московской медико-хирургической Академіи“, гдѣ на стр. 42—43, тоже упоминается о казни Сочинскаго, но указано невѣрно, будто бы онъ ранилъ ученаго секретаря Льва Адамовича *Ясинскаго* (sic). Раненъ былъ проф. Калининскій, но онъ не былъ ученымъ секретаремъ академіи, которымъ былъ тогда Нечаевъ.

Случай съ Я. А. Чистовичемъ упомянуть еще въ книгѣ *А. К. Европина*, Историческій очеркъ кафедры судебной медицины съ токсикологіею при Императорской Военно-медицинской (бывшей медико-хирург.) академіи. 1798—1898 гг. дисс. на ст. д. Мед. СПб. 1898. Серія 1897/8 г., № 69, стр. 149.

---

Разсмотримъ теперь, на основаніи какихъ законовъ Янъ Сочинскій могъ быть приговоренъ военно-уголовнымъ судомъ къ прогнанію сквозь строй. Преступленія его должны быть классифицированы, 1) какъ покушеніе на убійство своего начальника при исполненіи служебныхъ обязанностей, произведенное въ присутственномъ мѣстѣ, и 2) какъ нанесеніе тяжкихъ ранъ начальнику (профессору) и двоимъ сторожамъ. Для опредѣленія характера преступленія, пониманія его, и мѣры наказанія за него, обратимся къ книгѣ „Сводъ военныхъ постановленій“, часть пятая. Уставъ военно-уголовный. СПБ. 1839, книга I. О преступленіяхъ и наказаніяхъ, и книга II, О военномъ судѣ.

„Покушеніемъ къ преступленію почитается намѣреніе учинить оное, когда намѣреніе сіе обнаружено такимъ дѣйствіемъ, коего необходимымъ слѣдствіемъ было бы совершеніе преступленія, если бы сіе совершеніе или не было остановлено собственною волею умышлявшаго, или не было отвращено какимъ-либо внѣшнимъ препятствіемъ“ (ст. 11, кн. I, раздѣлъ I, гл. I, отдѣленіе II, стр. 9—10).

„Прогнаніе сквозь строй замѣняетъ различные виды тѣлеснаго наказанія и соразмѣряется съ степенью преступленій“ (ст. 67 кн. I, раздѣла I, гл. II, 2) а) стр. 23—24). „Единственнымъ видомъ тѣлеснаго наказанія, присуждаемаго за различныя преступленія нижнихъ чиновъ, осталось нынѣ наказаніе шпицрутенами или прогнаніе сквозь строй“ (прим.).

„При опредѣленіи наказанія шпицрутенами воспрещается назначать мѣру наказанія прогнаніемъ чрезъ полеъ или баталіонъ, но должно полагать: столько то разъ чрезъ тысячу, или 500 человекъ“ (ст. 73, стр. 26, тамъ же).

„Нижніе чины не изъ дворянъ и не пользующіеся особенными правами состоянія, подвергаются наказанію шпицрутенами на слѣдующемъ основаніи: 1) За важныя преступленія, по коимъ общими Уголовными Законами положено, вмѣсто смертной казни, наказаніе кнутомъ, присуждаются они въ мирное время къ наказанію шпицрутенами по мѣрѣ содѣяннаго ими преступленія, но не болѣе однакоже 6 разъ чрезъ 1000 человекъ и къ ссылке въ Сибирь въ каторжную работу“.... (ст. 69, тамъ же, стр. 24—25).

„Когда въ Военно-Уголовномъ законѣ опредѣленъ родъ и видъ наказанія, но не опредѣлена мѣра онаго; тогда военный судъ опредѣляетъ мѣру наказанія, по мѣрѣ вины, а мѣру вины опредѣляетъ по обстоятельствамъ преступленія“... (стр. 84, кн. I, разд. I, гл. III, отд. I, стр. 29—30).

„Когда покушеніе на преступленіе само по себѣ составляетъ особое преступленіе, какъ напр., когда покушеніе къ нанесенію кому-либо вреда учинено будетъ поднятіемъ руки или оружія, тогда оно подлежитъ наказанію, за то особое преступленіе опредѣленному“ (ст. 93 кн. I, разд. I, гл. III, отд. III, стр. 32).

„Чѣмъ болѣе было въ преступленіи злого умысла, насилія и жестокости, а въ признаніи болѣе упорства и ожесточенія: тѣмъ болѣе вина преступника“ (ст. 99 кн. I, разд. I, гл. III, отд. V, стр. 34).

„За причиненіе кому-либо обиды въ присутственномъ мѣстѣ виновный наказывается, какъ за тяжкую обиду постановлено; дерзнувшій же ударить кого-либо рукою подвергается наказанію шпицрутенами“.... (ст. 184 кн. I, разд. II, гл. III, отд. I, стр. 63).

...„Оказавшіе сопротивление властямъ законнымъ вооруженною рукою подлежатъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію шпицрутенами и ссылкой въ каторжную работу“ (ст. 192 кн. I, разд. II, гл. III, отд. IV, стр. 65).

„Когда подчиненный подниметь на начальника руку или оружіе, или въ гнѣвъ противиться ему будетъ и схватитъ оружіе: тогда онъ наказывается, не смотря на то, причиненъ ли былъ симъ дѣйствіемъ вредъ или нѣтъ, лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, наказаніемъ шпицрутенами и ссылкой въ каторжную работу“ (ст. 237, кн. I, разд. II, гл. IV, отд. II, стр. 77).

„Въ оправданіе подсудимаго не пріемлется показаніе о личномъ оскорбленіи, нанесенномъ ему начальникомъ“... (ст. 238, тамъ же).

„Умышленный смертоубійца подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію шпицрутенами и ссылкой въ каторжную работу“ (ст. 376, кн. I, разд. II, гл. V, отд. I, 1, стр. 108).

„Покушеніе въ смертоубійству, приведенное въ исполненіе учиненіемъ нападенія и нанесеніемъ побоевъ или ранъ, хотя и не смертельныхъ, наказывается, какъ умышленное смертоубійство“ (ст. 378, тамъ же).

„Особенные виды смертоубійства суть:.... 2) убійство начальниковъ подчиненными и обратно“.... (ст. 387 кн. I, разд. II, гл. V, отд. I, 3, стр. 111).

„Особенные виды смертоубійства подлежатъ тѣмъ же наказаніямъ, какія положено за смертоубійство вообще“.... (ст. 388, тамъ же).

„Причиненіе тяжелыхъ ранъ или увѣчья... подвергаетъ... нижнихъ чиновъ наказанію шпицрутенами и ссылкой въ арестантскія роты“ (ст. 406, тамъ же, отд. III, стр. 114).

„Раны и увѣчья, хотя не смертельныя, но причиненныя



въ намѣреніи умертвить, признаются покушеніемъ на смертоубійство“ (ст. 407, кн. I, разд. II, гл. V, отд. III, стр. 114).

Изъ сопоставленія всѣхъ вышеприведенныхъ законовъ очевидно, что военные судьи и не могли, руководствуясь точнымъ смысломъ статей тогдашняго военно-уголовнаго кодекса присудить студента Я. Сочинскаго, приравненнаго къ нижнимъ чинамъ, къ иному наказанію, какъ къ лишенію всѣхъ правъ наказанія, ссылки въ каторжныя работы и наказанію шпицрутенами. Число ударовъ (по статьѣ 84) не опредѣлялось кодексомъ, а предоставлялось усмотрѣнію судей. Число, назначенное Сочинскому—500 ударовъ, было обычнымъ *minimum*’омъ. Число меньше 500 назначалось чрезвычайно рѣдко и не по суду, а, напр., въ видѣ усмирительно-дисциплинарной мѣры при крестьянскихъ возмущеніяхъ противъ помѣщичьей власти; эта мѣра налагалась командиромъ воинской части, посланной на экзекуцію („сѣкуцію“ по произношенію мужиковъ).

Само по себѣ наказаніе 500—стами ударовъ считалось сравнительно легкимъ, и переносилось безъ опасныхъ послѣдствій для организма. Но со времени нововведенія Аракчеева, реформировавшаго манеру битья шпицрутенами (см. ниже, стр. 62, у Ровинскаго), и при этомъ минимальномъ числѣ шпицрутены стали почти смертною казнью. Этимъ то и объясняется *exitus letalis* при экзекуціи Сочинскаго. Иные переносили шпицрутены тысячами, но Сочинскій былъ битъ именно по аракчеевской методѣ и даже при бывшихъ аракчеевскихъ казармахъ,—и былъ забитъ на смерть, искупивъ ею свое тяжкое преступленіе.

Нынѣшній читатель, вѣроятно, неясно представляетъ себѣ, что такое шпицрутены. Послушаемъ очевидцевъ.

„Что же касается до шпицрутенновъ, то я вполне ясно помню, что два экземпляра ихъ для образца были присланы (какъ я позже слышалъ) Клейнмихелемъ въ канцелярію

округа изъ Петербурга. Эти образцовые шпицрутены были присланы, какъ потомъ мнѣ рассказывали, при бумагѣ за красною печатью, при чемъ предписывалось изготовить по нимъ столько тысячъ, сколько потребуется. Шпицрутень— это палка, въ діаметрѣ нѣсколько менѣе вершка, въ длину сажень; это—гибкій, гладкій лозовый пруть“ (*Л. А. Стряковъ, Моя трудовая жизнь (1824—1875), „Русская Старина“, за 1875 г., т. 14, сентябрь, стр. 169).*

Наказаніе шпицрутенами изобрѣтено около 17 вѣка въ Германіи и примѣнялось первоначально среди ландскнехтовъ <sup>1)</sup>. Отличительною чертою этого наказанія служило то обстоятельство, что оно обращало всѣхъ сотоварищей въ палачей и заставляло принимать волею или неволею участіе въ жесточайшемъ истязаніи человѣка, подчасъ очень дорогого. Впрочемъ у нѣмцевъ не давали болѣе 6000 ударовъ; если осужденный не могъ уже ходить самъ, то его клали на скамейку, и бившіе маршировали мимо его (у насъ возили на телѣжкѣ между неподвижныхъ двухъ шеренгъ), а голову прикрывали войлочною шапочкой.

Въ числѣ другихъ даровъ западной культуры Петръ Великій счелъ необходимымъ пересадить на Русь и шпицрутены, чѣмъ вызвалъ черезъ 150 лѣтъ эпиграмму *Щербинь* (отъ 1860 г.):

Реформою своей стяжалъ онъ много славы:

Вѣдь онъ европеизмъ настолько къ намъ привилъ,

Что сущій искони *батога* нашъ величавый

*Шпицрутеномъ* нѣмецкимъ замѣнилъ <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> E. W r e d e, Die Körperstrafen bei allen Völkern, стр. 422—425. Рисунокъ, изображающіе казнь, имѣются тамъ же, стр. 423, и въ книгѣ Strafen der Russen, dargestellt in Gemälden und Beschreibungen von J. R i c h t e r und C. G. H. G e i s s l e r, Lpz., Drittes Blatt, Spiessruthenlaufen.

<sup>2)</sup> Полное собраніе сочиненій Н. Ѳ. Щербинь, 1873 г. стр. 322.

Шпицрутенамъ, въ сожалѣнію, въ Россіи съ легкой руки Петра I повезло, и они постепенно получили самое широкое распространеніе въ уголовной практикѣ военныхъ судовъ. Надъ усовершенствованіемъ битья шпицрутенами задумывались государственные русскіе люди съ высокимъ положеніемъ, напр., другъ Императора Александра I, Аракчеевъ. Значеніе шпицрутеневъ въ Россіи и даже ихъ необходимость доказываетъ ученый юристъ г. *Тимофеевъ*.

„Появленіе шпицрутеневъ въ Россіи было вызвано не простымъ подражаніемъ западнымъ обычаямъ и порядкамъ, но и *существенными домашними потребностями* („потребность въ шпицрутенахъ“ *sic!*). Признавая кнутъ позорнымъ наказаніемъ, исключаящимъ возможность оставаться въ рядахъ арміи, Петръ В. позаботился о замѣнѣ ввута для тѣхъ случаевъ, когда наказанному предстояло продолженіе прежней службы. Шпицрутены подходили подъ эти условія, потому что выполнялись не рукою палача, а *товарищами* осужденнаго, не лишали его добраго имени (?), а въ то же время были достаточно (*sic*) *примѣрны* и допускали по особенностямъ случая самое разнообразное примѣненіе, да и употреблялись въ культурныхъ западно-европейскихъ государствахъ, *примѣръ* которыхъ при начавшемся сформированіи арміи, конечно, долженъ былъ имѣть большое значеніе“... (Привать-доцентъ *А. Г. Тимофеевъ*, Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ, стр. 208). Однако, самъ же авторъ только что указалъ, что шпицрутены не простое заимствованіе, а „потребность“. Что касается „добраго имени“, будто бы сохранявшагося послѣ шпицрутеневъ, то на стр. 212 авторъ сейчасъ же указываетъ, что у солдатъ, наказанныхъ сквозь строй, нашивались на погонахъ тонкіе черные свурки, чтобы каждый могъ отличить ихъ отъ честныхъ солдатъ.

„Въ эпоху Николая I за отмѣною кнута, плетей и клейменія для военнотружущихъ, шпицрутены остались главнымъ,

даже единственнымъ видомъ тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду“... Сохраненіе шпицрутеневъ „зависѣло отъ желанія сохранить для военныхъ суровое, устрашающее наказаніе, которое въ то же время давало бы возможность оставить на службѣ наказаннаго солдата; плети въ томъ *объемъ*, въ какомъ они (sic) примѣнялись въ 30—40 годахъ, не были *достаточно примѣрны* (ibidem, 210).

„Предѣлъ наказанія шпицрутенами во время Петра Великаго выйдетъ въ 12000 шпицрутеневъ. Къ такому же числу ударовъ были приговорены „по безприкладному Ея Величества *милосердію*“ (Екатерины II) взамѣнъ смертной казни наиболѣе виновные солдаты, замѣшанные въ дѣло Мировича (1764), другимъ было назначено по 10000 ударовъ“... „Къ 12000 ударовъ въ 1818—1819 г. были приговорены и бунтовавшіеся военные поселяне (40 наиболѣе виновныхъ“....

„Въ царствованіе Николая I въ мирное время число ударовъ не должно было превышать 6000“,... но въ видѣ исключенія, съ Высочайшаго утвержденія „наказаніе могло дойти и до 12000 шпицрутеневъ. Въ этомъ размѣрѣ оно дѣйствительно назначалось за карантинныя преступленія взамѣнъ смертной казни. Указомъ 1827 г. на имя управляющаго Новороссіей и Бессарабіей графа Палена предписывалось за карантинныя преступленія наказывать шпицрутенами, „употребляя въ самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ 12 разъ черезъ 1000 ч.“ Эта замѣна считалась милосердіемъ сравнительно съ смертной казнью: повелѣвая наказать такимъ образомъ 2 евреевъ за карантинное преступленіе вмѣсто смертной казни, Императоръ Николай I написалъ на рапортѣ: „виновныхъ прогнать сквозь 1000 ч. 12 разъ. Слава Богу, смертной казни у насъ не бывало, и не мнѣ ее вводить“. „Едва ли это было смягченіемъ“, добавляетъ и самъ г. Тимофеевъ (стр. 206—207).

По указанію закона, битье шпицрутенами должно было производиться такъ („Уставъ военно-уголовный“):

„Осужденные къ наказанію сквозь строй шпицрутенами подвергаются этому наказанію преимущественно рано поутру на самомъ разсвѣтѣ, развѣ по особому случаю отъ начальства иначе приказано будетъ“ (ст. 505 кн. II, разд. II, гл. IX, отд. II, 3, стр. 137).

„Обрядъ наказанія шпицрутенами или прогнанія сквозь строй, есть слѣдующій: 1) Присужденный къ наказанію шпицрутенами выводится на мѣсто экзекуціи за конвоемъ одного унтеръ-офицера и 4-хъ рядовыхъ съ ружьями, изъ коихъ 2 идутъ передъ арестантомъ, и 2 позади его, а унтеръ-офицеръ впереди конвойныхъ. 2) Коль скоро все къ экзекуціи готово, то по командованіи на караулъ, Аудиторъ прочитываетъ приговоръ Военнаго Суда или конфирмацію начальства: по прочтеніи люди строятъ по командѣ шереножную улицу, арестантъ же, который во время чтенія долженъ находиться противъ середины баталіона, отводится на правый флангъ; за симъ, когда баталіонъ устроенъ, профосы или фурлейты, проходя между шеренгами, раздають прутья, которые рядовые и берутъ по одному на каждого человѣка, назначеннаго къ наказанію. 3) По раздачѣ прутьевъ, приказывается барабанщикамъ ударить дробь, и потомъ бой къ экзекуціи; по дробѣ арестантъ долженъ итти сквозь строй, а передъ нимъ унтеръ-офицеръ съ ружьемъ, обратя оное штыкомъ къ арестанту; причеиъ Штабъ-Офицеру, которому поручено произвести экзекуцію, и всѣмъ Офицерамъ и унтеръ-офицерамъ смотрѣть, какъ за порядкомъ, такъ и за тѣмъ, чтобы арестанту было учинено *неослабно* заслуженное имъ по суду наказаніе. 4) По окончаніи всей экзекуціи барабанщики бьютъ отбой, по которому рядовые бросаютъ прутья и строятся въ прежній порядокъ и отводятся на квартиры; арестантъ же отправляется,

буде нужно, въ госпиталь для пользованія“... (тамъ же, ст. 506; стр. 137—138).

*Прим...* 2) „Старшіе начальники обязаны быть при экзекуціяхъ для внушенія людямъ надлежащаго понятія о нравственности, о присягѣ и долгѣ содержать оную свято и ненарушимо и о нетерпимости въ службѣ Е. И. В. пороковъ и преступленій.—Офицеры войскъ, назначенныхъ для экзекуцій, обязаны быть для наблюденія надъ низшими чинами за *точнымъ исполненіемъ* опредѣленнаго виновному наказанія“... (стр. 138—139)

„При экзекуціяхъ надъ нижними чинами долженъ находиться Лекаръ для наблюденія, можетъ ли подвергшій себя наказанію выдержать положенное число ударовъ; въ противномъ случаѣ медицинскій чиновникъ вправѣ просить старшаго при экзекуціи начальника остановить наказаніе для отсылки преступника въ госпиталь; когда же онъ выздоровѣтъ, то для точнаго выполненія приговора надлежитъ сдѣлать ему вторичное наказаніе, при которомъ наблюдать то же, что и при первомъ разѣ. Въ таковыхъ случаяхъ госпитальные или полковые врачи, отсылая выздоровѣвшаго, должны именно увѣдомлять полкъ или воинскую команду, можетъ ли надъ преступникомъ окончена быть экзекуція, или по слабости сложенія тѣла не можетъ. Сообразно сему Полковой Командиръ или начальникъ частной команды вправѣ отсрочить экзекуцію, доколѣ преступникъ совершенно укрѣпится въ здоровьѣ; а ежели по увѣренію Лекаря, вовсе нельзя будетъ произвести экзекуціи, тогда объ отмѣнѣ оной навсегда представлять по командѣ“ (ст. 507, стр. 139).

*Прим....* „Буде (наказанный по суду) умереть, то приказавъ вскрыть тѣло, старшій докторъ составляетъ о немъ надлежащее судебное медицинское свидѣтельство, подписывая оное вмѣстѣ съ врачомъ, который вскрывалъ тѣло умершаго“... (стр. 139—140).

Наказаніе шпицрутенами изображалось и въ изящной литературѣ, напр. у *Д. К. Гирса*, Записки военнаго“ 1872, очеркъ II, „Зеленая улица“, стр. 56—76 и въ рассказѣ „Ятаганъ“ стр. 408—410 у *Н. Ф. Павлова*, „Три повѣсти“.

„Кромѣ пытокъ, которымъ подвергались обвиняемые при слѣдствіи, у насъ долгое время существовали еще жестокія тѣлесныя наказанія въ видѣ кнута и шпицрутеновъ, которыя представляли не только добавочную пытку уже при исполненіи судебного приговора, но во многихъ случаяхъ имѣли значеніе такъ называемой *квалифицированной смертной казни*. Еще кнутъ мало по малу сокращался въ числѣ ударовъ, а впослѣдствіи и вовсе размѣненъ на плети, которыя въ свою очередь сперва приведены въ систему, потомъ усовершенствованы и отрехощены и наконецъ со спины спущены на болѣе мягкія части; а шпицрутены—это дьявольское изобрѣтеніе бездушнаго нѣмца, въ самомъ дѣлѣ „стыдъ и укоризну чело-вѣчеству наносящее“,—шпицрутены не только оставались послѣ чело-вѣчнаго указа 1801 г., но еще прославились за это „благословенное“ время изобрѣтеніемъ новой *Аракчеевской* манеры битья, названной по имени *знаменитаго* государственнаго дѣятеля того времени. Съ этой манерой „проводка сквозъ строй въ гарнизонѣ“ свыше 500 ударовъ—часто равнялась смертному приговору; въ Москвѣ, напр., въ 50-хъ годахъ „гарнизонные“ гоняли сквозъ строй мѣщанина Васильева, который былъ судимъ военнымъ судомъ (по особому повелѣнію): ему дали всего 400 ударовъ, и онъ померъ на третью сутки. А что сказать о шпицрутенахъ „сквозъ тысячу двѣнадцать разъ, безъ медика“?—надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ея. Выстраивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицомъ въ лицу; каждому дается въ руки хлыстъ—шпицрутенъ; живая „зеленая улица“, только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки въ двумъ

ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпиртунень имѣлъ время оставить слѣдъ свой на „солдатской шкурѣ“; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ; разъ, два... и пошла хлестать *зеленая улица*, справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровавыя брызги.... „Братцы, пощадите!“.... прорывается сквозь глухую трескотню барабана; но вѣдь шадить значить самому тутъ же быть пороту,—и еще усердѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану; мѣстами кожа сваливается клочьями,—и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутками, безумно выкативъ оловянные глаза свои.... вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много,—живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ, взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпиртуновъ, и *рубятъ* кровавую кашу. Смолели стоны; слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалить, да трещать зловѣщія барабаны“..<sup>1)</sup> (*Д. Ровинскій*, Русскія народныя картинки, изданіе 1881 г., кн. V, стр. 322—324).

Художникъ *Л. А. Стряковъ* въ дѣтствѣ видѣлъ наказаніе военныхъ поселенъ за новгородское возмущеніе.

„Два баталіона солдатъ построены были въ два параллельныхъ другъ другу круга шеренгами лицомъ къ лицу. Каждый изъ солдатъ держалъ въ лѣвой рукѣ ружье у ноги, а въ правой—шпиртунень. Начальство находилось по срединѣ и по списку выкликало осужденныхъ.... Тотчасъ спускали у нихъ рубашки до пояса; голову оставляли открытою. Затѣмъ

---

<sup>1)</sup> «Посѣдѣлъ подь шумъ военный... А сквозь полкъ какъ проведутъ; —Только комъ окровавленный На тѣлѣжкѣ увезутъ». Н. П. Огаревъ, Стихотворенія, 1858 г., «Арестантъ», стр. 210.



каждаго ставили одинъ за другимъ, гуськомъ, такимъ образомъ: руки преступника привязывали къ примкнутому штыку такъ, что штыкъ приходился противъ живота, причемъ, очевидно, впередъ бѣжать было уже невозможно; нельзя такъ же и остановиться, или попятиться назадъ, потому что спереди тянуть за прикладъ два унтеръ-офицера. Когда осужденныхъ устанавливали, то подъ звуки барабана и флейты они начинали двигаться другъ за другомъ. Каждый солдатъ дѣлалъ изъ шеренги правой ногой шагъ впередъ, наносилъ ударъ и опять становился на свое мѣсто. Наказываемый получалъ удары съ обѣихъ сторонъ; поэтому каждый разъ голова его, судорожно откидывалась, поворачивалась на ту сторону, съ которой слѣдовали удары. Во время шествія кругомъ, по зеленой улицѣ слышны были только крики несчастныхъ: „братцы! помилосердствуйте, братцы, помилосердствуйте!“

Если кто при обходѣ круговъ падалъ и далѣе не могъ идти, то подѣзжали сани, розвальни, которыя везли солдаты: ввали на нихъ обезсиленнаго, помертвѣвшаго и везли вдоль шеренгъ; ударъ продолжали раздаваться до тѣхъ поръ, пока несчастный ни охнуть, ни дохнуть не могъ. Въ такомъ случаѣ подходилъ докторъ и давалъ нюхать спирту. Мертвыхъ выволакивали вонъ—за фронтъ.

Начальство зорко наблюдало за солдатами, чтобъ изъ нихъ кто-нибудь не сжалился и не ударилъ бы легче, чѣмъ слѣдовало<sup>1)</sup>.

Докторъ *Ильинскій* въ своихъ мемуарахъ тоже живо описываетъ битые шпицрутенами:

„Я присутствовалъ на этой ужасной экзекуціи (разбойниковъ *Быкова и Чайкина* въ Казани въ маѣ 1849 г.), превосходящей все, что человекъ могъ придумать звѣрскаго и ужаснаго: всѣ роды смертей и казней, всѣ пытки инквизиціи блѣднѣютъ предъ этимъ страшнымъ наказаніемъ. Кто видѣлъ его хотя разъ въ жизни, можетъ судить о томъ, какой

---

<sup>1)</sup> Сѣряковъ, стр. 171—172.

*неувядаемый и нетлennyй вѣнецъ сплелъ себя Императоръ Александръ I. отъмною тѣлесныхъ наказаній!* Но перехожу къ описанію самаго событія. Нужно замѣтить, что Быковъ былъ атаманомъ шайки, долгое время грабилъ и убивалъ, наводя страхъ на многіе уѣзды губерніи. Онъ неоднократно убѣгалъ изъ казематовъ и отличался свирѣпостью и нераскаянностію. Ему было присуждено 12,000 ударовъ шпидрutenами, а его сообщнику Чайкину въ виду чистосердечнаго раскаянія одна тысяча ударовъ была сбавлена, слѣдовательно, послѣдній былъ осужденъ на 11,000 ударовъ. Выйдя въ тотъ день на Грузинскую улицу, я былъ пораженъ невиданнымъ дотолѣ зрѣлищемъ: преступники, окруженные жандармами и войсками, при стеченіи несмѣтной массы народа, были везомы на позорной колесницѣ. Они сидѣли другъ противъ друга, у каждаго на груди была надпись: „убійца“.

Шествіе сопровождалось барабаннымъ боемъ, привлекавшимъ съ улицъ и изъ домовъ громадное количество народа, пристававшего къ шествію, направлявшемуся къ Арскому полю.

На этомъ громадномъ полѣ былъ выстроенъ цѣлый батальонъ мѣстнаго гарнизона подъ командою командира его, полковника *Корейши*. По близости выстроеннаго батальона лежали громадныя вучи заготовленныхъ для наказанія шпидрutenовъ. Какъ ни жестоки и ужасны были преступленія Быкова и Чайкина, но какъ люди, они всетаки заслуживали, если не сожалѣнія со стороны Корейши, то по крайней мѣрѣ не усугубленія присужденнаго неумолимымъ закономъ наказанія. Однако, Корейша превзошелъ строгость закона: шпидрutenовъ, по закону, должно входить три въ дуло ружья, но были заготовлены болѣе толстыя шпидрutenы, изъ коихъ, какъ тогда говорили, въ дуло ружья не помѣщалось даже и двухъ! Преступники сошли съ позорной колесницы и были напутствованы священникомъ, какъ предъ смертною казнью. Затѣмъ

ихъ быстро раздѣли, обнаживъ туловище до ягодицъ; руки того и другого были привязаны къ ружьямъ, за которыя каждаго преступника вели рослые, крѣпкіе и сильные солдаты. Преступники были блѣдны, но не потеряли присутствія духа, хотя по прочтеніи конфирмаціи на лицахъ обоихъ изобразился неописанный ужасъ. Перваго повели Быкова, а спустя нѣкоторое время Чайкина, такъ что оба шли другъ за другомъ, и получая удары шпидрутенами, испускали раздирающіе душу крики и стоны. Уже послѣ первой тысячи ударовъ спины ихъ побагровѣли, покрылись лоскутами изрубленнаго мяса и спекшеюся кровью, и вспухли, крики преступниковъ сдѣлались слабѣе, голосъ какбы отказывался имъ служить, и во рту у нихъ пересохло. Не смотря, однако, на все это, полковникъ постоянно побуждалъ исполнявшихъ экзекуцію солдатъ—бить преступниковъ сильнѣе. Онъ кричалъ во все горло: *„бейте крѣпче, недоямъ нѣтъ пощады!“* Тѣхъ же солдатъ, которыхъ замѣчалъ, немедленно отставляли изъ фронта, замѣняя ихъ другими, а виновныхъ въ слабости наносимыхъ преступникамъ ударовъ тутъ же наказывали тесакомъ по ягодицамъ, приподнявъ фалды мундира. Зрѣлище вообще было страшное и потрясающее. Быковъ и Чайкинъ извивались, подобно змѣямъ, желая облегчить страшную силу сыпавшихся на нихъ ударовъ, но мощныя руки ведущихъ ихъ мускулистыхъ солдатъ удерживали эти порывы. За наказуемымъ шелъ докторъ *Соколовскій* (городской врачъ и врачъ при гимназій). Быкову дали уже 5000 ударовъ. Соколовскій осмотрѣлъ его и, повидимому, нашелъ слабымъ, потому что преступника положили на телѣжку; двое солдатъ везли телѣжку, и наказаніе продолжалось. День былъ вѣтренный: сильный вѣтеръ съ громадными столбами пыли билъ въ спину наказуемыхъ, и пыль, смѣшиваясь съ кровью, текшею потоками изъ исполосованной и превращенной въ бифштексъ спины преступниковъ, покрывала сплошную и вспухшую на спиивъ

рану сѣрымъ налетомъ. Быкову на тѣлѣжѣ дали еще около 1000 ударовъ и затѣмъ прекратили наказаніе, такъ какъ теперь слышны были только слабыя, постепенно стихавшіе стоны его вмѣсто прежде раздававшихся отчаянныхъ и раздражающихъ душу криковъ. Въ толпѣ народа были слышны рыданія, какъ выраженія сожалѣнія къ преступникамъ, многіе плакали, другіе молились, многія женщины падали въ обморокъ, но все это заглушалось барабаннымъ боемъ. Такимъ же образомъ былъ наказанъ и шедшій поодаль отъ Быкова—Чайкинъ. Онъ оказался слабѣе своего атамана и изъ присужденныхъ ему 11,000 ударовъ прошелъ не болѣе 3000 и былъ положенъ на телѣжку, на которой дали ему еще 500 или 600 ударовъ. По прекращеніи наказанія обоихъ преступниковъ съ слабыми признаками жизни отправили въ городскую больницу для лѣченія, послѣ чего они по выздоровленіи должны были получить таки опять недоданное число ударовъ. Судьбѣ однако угодно было сжадиться надъ несчастными: оба они умерли въ тотъ же день“. (За полстолѣтія (1841—1892). Воспоминанія о пережитомъ доктора *А. И. Ильинскаго*, ч. I, гл. III, стр. 67—69 въ „Русской Старинѣ“ за 1894 г., февраль, 25 г., т. 81).

---

### III.

## П. С. Нахимовъ.

Два Нахимова, родные братья и оба моряки, прославили свое имя въ царствованіе Николая Павловича. Одинъ братъ (младшій) славный адмиралъ, Павелъ Степановичъ, запечатлѣлъ свой жизненный подвигъ кровью на твердыняхъ Севастополя. Другой братъ, Платонъ Степановичъ, вращался въ менѣ блестящемъ, менѣ громкомъ, но конечно, не менѣ плодотворномъ кругѣ дѣятельности. Въ должности инспектора студентовъ Московскаго университета онъ сумѣлъ сдѣлать свое имя почтеннымъ и незабвеннымъ для всѣхъ питомцевъ Московской alma mater. Историкъ русскаго просвѣщенія за 30—40 годы—не можетъ обойти исторію Московскаго университета, не можетъ при этомъ обойти и Платона Степановича.

Печатная исторія Московскаго университета—по условіямъ того времени, когда она появилась въ свѣтъ, къ сожалѣнію, составлена въ чрезчуръ оффиціально-сухомъ тонѣ: многое не досказано, многое смягчено, о многомъ умолчано. Но время и историческая справедливость дѣлаютъ необходимымъ появленіе новыхъ опытовъ исторіи Московскаго университета, болѣе соответствующихъ требованіямъ науки. Въ качествѣ матеріаловъ для такой будущей исторіи приводимъ мы сводъ собранныхъ нами матеріаловъ о жизни и

дѣятельности почтеннаго инспектора Платона Степановича Нахимова, сводъ свидѣтельствъ, почерпнутыхъ изъ разсказовъ и показаній его преданныхъ воспитанниковъ - студентовъ. Пусть это будетъ вѣнкомъ на могилу его, 50 лѣтъ тому назадъ привявшую въ себя его останки...

Сообщимъ сначала о внѣшнихъ рамкахъ его службы.

Платонъ Степановичъ *Нахимовъ*, изъ дворянъ Смоленской губ., Вяземскаго уѣзда, воспитывался въ морскомъ корпусѣ, куда поступилъ кадетомъ въ 1802 г., служилъ въ Морскомъ Вѣдомствѣ до 1827 г. и по болѣзни уволенъ въ отставку капитаномъ 2 ранга (т. е. подполковникомъ). Въ 1824 г. за отличіе былъ пожалованъ орденомъ Владимира IV степени. Возвратившись на родину, былъ отъ дворянъ выбранъ въ депутаты Вяземскаго уѣзда. Въ 1834 г. онъ опредѣленъ инспекторомъ студентовъ Московскаго университета, въ каковой должности состоялъ до начала 1848 г. За время 13<sup>1</sup>/<sub>2</sub> лѣтъ университетской службы 4 раза получалъ денежные награды и ордена Анны II ст., Анны II степени съ короною и Владимира III ст.

Часто хвораая, и „чтобы не разстроить здоровье еще болѣе“, Нахимовъ вышелъ въ 1848 г. въ отставку, а Московское дворянство, „узнавшее черезъ дѣтей о его рѣдкомъ добродушіи,“ „почтило его лестнымъ выборомъ въ главные смотрители“ Страннопріимнаго въ Москвѣ дома графа Шереметева. 24 іюля 1850 г. въ 2 часа пополудни Платонъ Степановичъ скончался, проживши болѣе 60 лѣтъ. 28 іюля происходило отпѣваніе его въ церкви при Шереметевской больницѣ, куда многочисленные друзья и почитатели Нахимова

собрались отдать ему послѣдній долгъ. Похороненъ онъ въ имѣніи жены въ Смоленской губерніи.

„Отправляя многотрудныя обязанности инспектора, Нахимовъ умѣлъ заслужить особое благоволеніе начальства и *сыновною* привязанность и благодарность студентовъ. И дѣйствительно, онъ заботился о студентахъ, какъ отецъ. Постоянно слѣдя за ихъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, онъ особенно благосклоненъ былъ къ *отличающимся* и давалъ имъ знать, что ихъ благонравіе и прилежаніе не ускользали отъ его вниманія. Свойство—чрезвычайно важное въ *начальникѣ* студентовъ. Безъ сомнѣнія, ученый, студентъ, трудятся для науки, изъ любви къ наукѣ; но всякій трудъ много поощряется вниманіемъ, и особенно это вниманіе нужно для поощренія прилежнаго студента въ многотрудныхъ занятіяхъ, которымъ онъ съ своей молодости предается не безъ самопожертвованія (*sic*). Платонъ Степановичъ имѣлъ обычай призывать окончившихъ отлично университетскій курсъ къ себѣ и освѣдомлялся о томъ, чему они намѣрены посвятить себя по полученіи диплома. Узнавши то или другое намѣреніе его воспитанника и одобрявъ его, онъ вызывался быть ходатаемъ молодого человѣка предъ Высшимъ Начальствомъ—и такимъ образомъ много содѣйствовалъ въ исполненію лучшихъ и благороднѣйшихъ предпріятій питомцевъ Московскаго университета.—Онъ всѣми силами старался помогать студентамъ *бѣднымъ*,—и такихъ много, которые обязаны его необыкновенному вниманію средствами для успѣшныхъ занятій въ университетѣ. Онъ *отечески* заботился о *чести* и доброй славѣ учащихся—и никогда неправый, но сильный не торжествовалъ надъ правымъ студентомъ.—Въ обращеніи съ *виновнымъ* онъ умѣлъ соединять справедливость съ снисходительностію—и сбившагося съ настоящаго пути легко и вѣрно направлялъ снова на этотъ путь.—Удивительное обстоятельство: я не зналъ ни одного-

студента, и до сихъ поръ не встрѣтилъ никого изъ питомцевъ университета, который бы на него пожаловался, который бы не сохранилъ его *навсегда* въ памяти и не вспоминалъ бы о немъ съ благодарностію. *Кротость, правдивость, необыкновенное доброжелательство* отличали характеръ Нахимова—и отличали его въ той степени, что онъ не имѣлъ недовольныхъ“.....

„Нахимовъ оставилъ университетъ; но остался твердо въ памяти у всѣхъ воспитанниковъ въ университетѣ, и никто не думалъ считать его чужимъ. Платонъ Степановичъ остался *нашимъ*, и поступивъ въ Страннопріимный домъ. Называя его, почти всѣ говорили: „*нашъ* Платонъ Степановичъ“. Такъ привлекло *добродушіе* этого человѣка сердца всѣхъ къ себѣ, что трудно было съ нимъ разстаться“....

„Студенты университета внесли тѣло нѣкогда бывшаго ихъ начальника въ храмъ; они же, не смотря на жаркій день, долго несли гробъ по пути отъ храма къ Дорогомилловской заставѣ“. (Алексѣй *Полунинъ*, Некрологъ, „Москвитянинъ“ за 1850 г., т. IV, № 15, августъ, кн. I. отд. V. Московская лѣтопись, стр. 52—54).

---

Переходимъ къ общимъ характеристикамъ Платона Степановича Нахимова.

„Не отличаясь ни дарованіями, ни образованностью, даже платившій дань Вакху, онъ по какому то благодатному инстинкту умѣлъ обращаться съ молодежью. Студенты любили его, какъ родного, хотя и посмѣивались надъ его наивностью. Много ходило о немъ анекдотовъ, не выдуманныхъ, а дѣйствительно бывшихъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, весьма характеристичный. Студентамъ запрещалось отпускать длинные во-



лосы, за чѣмъ, разумѣется, должны были наблюдать инспекторъ и его помощники. Одному изъ такихъ длинноволосыхъ Нахимовъ нѣсколько разъ говорилъ сходить къ цирюльнику, но все напрасно: студентъ общалъ, но не исполнялъ своихъ обѣщаній.— „Слушай“, сказалъ ему Нахимовъ, выведенный изъ терпѣнія: „если я еще разъ встрѣчу *тебя* (Нахимовъ, какъ и нѣкоторые изъ профессоровъ, обходился тогда безъ церемоніи; но студенты нисколько не обижались, что онъ *пустое* „вы“ замѣнялъ сердечнымъ „ты“) въ такомъ видѣ, то непремѣнно исключу изъ университета. Даю тебѣ *честное слово*. Понимаешь?“ — „Понимаю, Платонъ Степановичъ“. На другой или третій день Нахимовъ отправляется въ университетъ. Повернувъ съ Тверской улицы въ университетъ по Долгоруковскому переулку, онъ къ *ужасу* своему видитъ, что съ другого конца этого переулка, т. е. отъ Большой Никитской улицы, идетъ ему навстрѣчу означенный студентъ— и *не* остриженный! Бѣдный инспекторъ очутился между Сциллой и Харибдой. Сдержатъ свое слово— жалко студента; не сдержатъ—значить признать себя безчестнымъ. Положеніе бѣдовое; но добраякъ удачно изъ него вышель.— „Оборачивай назадъ, выѣзжай на Тверскую!“ кричить онъ кучеру: „скорѣе, разиня!“ Кучеръ исполнилъ приказаніе и тѣмъ спасъ студента отъ бѣды, а своего барина отъ безчестья“. (Галаховъ, „Сороковые Годы“, „Историческій Вѣстникъ“, за 1892 г., г. 13, т. 47, январь, стр. 130).

А. О. Писемскій, изображая московское студенчество въ своемъ романѣ „Взбаламученное море“, далъ портретъ Платона Степановича, портретъ, какъ увидимъ ниже, исторически вѣрный и подтверждаемый другими свидѣтелями. Идетъ разборка дѣла о скандалѣ въ театрѣ противъ пріѣзжей изъ Питера танцовщицы Андріановой. (Часть II, гл. IV, „Платонъ Степановичъ“).

— „Это что еще? А? Что вы еще придумали?“ говорилъ инспекторъ студентовъ въ своемъ флотскомъ мундирѣ, за-

стегнутомъ на всѣ пуговицы, горячася передъ стоявшими передъ нимъ въ довольно комическихъ позахъ студентами.... Впереди всѣхъ ихъ, впрочемъ, стоялъ Баклановъ (герой романа).

— „Позвольте, Платонъ Степановичъ!“ говорилъ онъ, прижимая руку къ сердцу и все больше и больше выступая впередъ.

— „А вотъ и нѣтъ!... Не позволю!“ говорилъ ему тотъ, въ свою очередь тоже съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— „Какъ же это?“

— „А такъ же! Ты скажешь два слова, а мнѣ послѣ тебя и говорить нечего будетъ“.

— „Странно!“ проговорилъ Баклановъ, пожимая плечами, и притомъ прибавилъ довольно громко вслухъ: „я не солдатъ, а Вы еще не *полковникъ*, чтобы говорить мнѣ „ты“!

— „Не полковникъ!“ произнесъ Платонъ Степановичъ, кидая на него свирѣпый взглядъ. Стрѣла была пущена прямо въ цѣль: полковничій чинъ былъ для него до самой смерти какою то *неосуществимою* мечтой.

— „Вы то это что? Вы то?“ накинулся онъ на Бирхмана. „Правительствомъ взяты, воспитаны, взлелѣяны,—и вотъ благодарность!... Вѣдь *солдатъ* на всю жизнь! на *всю* жизнь!“ прибавилъ онъ, грозно потрясая рукой. Онъ имѣлъ привычку—мрачную картину всегда еще больше поразукрасить; но Бирхмана это нисколько, кажется, не пробрало.

— „Не знаю, что я противъ правительства сдѣлалъ“, проговорилъ онъ.

— „А, не знаете!“ прикрикнулъ Платонъ Степановичъ, „а *вейнхандлунгъ*, такъ знаете“.

— „Вы сами то пуще не знаете!“ бухнулъ прямо Бирхманъ.

— „Я знаю... разумѣется“... произнесъ Платонъ Степановичъ какимъ то страннымъ голосомъ: улыбка, какъ онъ на старался скрыть, проскользнула по его лицу.

Баклановъ въ это время опять ужъ на него наступалъ.

— „Если теперь, Платонъ Степанычъ“....

— „Ну-съ!“ отвѣчалъ ему тотъ, совершенно позабывъ, что сейчасъ только запрещалъ ему говорить.

— „Если теперь писатель“, говорилъ Баклановъ: „изъ которыхъ, напр., Иванъ Андреичъ Крыловъ—*дѣйствительный статскій совѣтникъ*, Иванъ Иванычъ Дмитриевъ—*тайный совѣтникъ*“....

На словѣ „дѣйствительный“ и „тайный совѣтникъ“ онъ нарочно поприударилъ.

— „Ну, ну-съ!“ торопилъ его Платонъ Степановичъ.

— „И тѣхъ можно хвалить и *порицать*“, продолжалъ Баклановъ, „а какую-нибудь танцовщицу, которая умѣетъ только вертѣть ногами, нельзя!“

— „Тутъ не въ танцовщицѣ, сударь, дѣло! Тутъ *Императорскій* театр!“ крикнулъ Платонъ Степановичъ.

— „Да вѣдь Императора тутъ нѣтъ!“ возразилъ Баклановъ.

— „Онъ *невидимо* тутъ присутствуетъ!“ порѣшилъ Платонъ Степановичъ и опять слегка улыбнулся. „Вотъ соволликъ то!“ продолжалъ онъ, указывая на Ковальскаго и по возможности стараясь сохранить строгій тонъ: „по театрамъ ходить, а изъ греческаго единицы получаетъ“.

— „Да я знаю-съ, помилуйте, Платонъ Степановичъ, спросите-съ меня“, отозвался тотъ.

— „Есть мнѣ когда васъ спрашивать!“ сказалъ серьезнѣйшимъ образомъ Платонъ Степановичъ и потомъ вдругъ крикнулъ: „Ермоловъ!“ Въ дверяхъ появился солдатъ.

— „Вотъ возьми этого господина“, продолжалъ онъ, указывая на одного изъ медиковъ, „сведи въ цирюльню и остриги на мой счетъ. Вотъ тебѣ и четвертакъ!“ прибавилъ онъ и въ самомъ дѣлѣ подаль солдату четвертакъ.

— „Да какъ же это-съ?“ возразилъ было студентъ.

— „Не прощу! не прощу!“ закричалъ Платонъ Степановичъ, хватая себя за голову и мотая руками.

Студентъ—дѣлать нечего—пошелъ.

Волосы студенческіе были однимъ изъ мучительнѣйшихъ предметовъ для благороднаго Платона Степановича: насколько онъ по требованію начальства желалъ, чтобы они были острижены, настолько студенты не желали ихъ стричь.

— „Ну, что мнѣ съ вами дѣлать?... что?“ говорилъ онъ оставшимся предъ нимъ студентамъ, и какбы въ самомъ дѣлѣ недоумѣвая, что ему дѣлать.

— „Вы кто такой?“ обратился онъ тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ къ одному черноватому математику.

— „Я—русинъ, ваше высокородіе“, отвѣчалъ тотъ пѣвучимъ голосомъ.

Платону Степановичу отвѣтъ такой понравился.

— „На чужой сторонѣ, сударь, надобно скромно себя вести!“ сказалъ онъ ему и возвратился къ прежней своей мысли.

— „Что мнѣ съ вами дѣлать! Вы ступайте въ карцеръ на день, на 2, на 3!“ объявилъ онъ Бакланову.

— „Я пойди—пойду хоть на мѣсяць!“ отвѣчалъ тотъ, размахивая руками: „а ужъ *свои убѣжденія* имѣю и всегда буду имѣть!“

— „Свои убѣжденія!“ повторялъ ему вслѣдъ Платонъ Степановичъ: „а вы ступайте по домамъ!“ объявилъ онъ прочимъ студентамъ. „Вамъ еще *хуже* будетъ! *Еще!*... *Еще!*...“ повторялъ онъ неоднократно.

Что подъ этимъ: „еще хуже будетъ!“ онъ всегда разумѣлъ, для всѣхъ обыкновенно оставалось тайной.

— „Графу, я полагаю, доложить надо-сь!“ подошелъ къ нему и сказалъ сладкимъ голосомъ субъ-инспекторъ.

— „Знаю-сь!“ отвѣчалъ Платонъ Степановичъ съ досадой, и войдя на крыльцо, сейчасъ сѣлъ на своего неказистаго воя и поѣхалъ.

„Свои убѣжденія“, разсуждалъ онъ дорѣгой почти вслухъ; „и я бы ихъ имѣлъ, да вонъ тутъ господинъ живетъ!...“ и

онъ указалъ на генераль-губернаторскій домъ, — „тутъ другой!“ прибавилъ онъ и ткнулъ по воздуху пальцемъ въ ту сторону, гдѣ была квартира (жанدارмскаго) генерала Перфильева.

— „Свои убѣжденія!“ повторилъ онъ.

Здѣсь мы не можемъ пройти молчаіемъ: миръ праху твоему, *добрый* человекъ! Ты любилъ и *понималъ* юность! Ты былъ только ея добродушнымъ распекателемъ, а не губителемъ!“

Въ слѣдующей главѣ V: „Знай нашихъ!“ опять фигурируетъ добрый инспекторъ.

Протестуя противъ московской дирекціи, протезировавшей Андріанову, студенты рѣшили поднести подарокъ мѣстной, московской танцовщицѣ *Санковской*.

На бенефисъ Санковской студенты, боясь, чтобы ихъ не удалили изъ театра, сговорились придти прямо къ третьему акту.

„Платонъ Степановичъ, бывший въ театрѣ и сидѣвшій въ первомъ ряду креселъ, пока еще блаженствовалъ, потому что, сверхъ даже ожиданія его, все было совершенно тихо и благочинно. Помѣщавшійся въ третьемъ ряду субъ-инспекторъ былъ тоже спокоенъ и только по временамъ съ удовольствіемъ взглядывалъ на начальника.

Въ послѣднемъ актѣ наконецъ бенефициантка должна была дѣлать финальное соло—и вдругъ изъ всѣхъ дверей, въ креслахъ стали появляться студенческіе сюртуки. Платонъ Степановичъ завертѣлся на мѣстѣ и едва успѣвалъ повертываться туда и сюда.

По среднему проходу между креслами прошелъ Баклановъ. Платонъ Степановичъ *не утерпѣлъ* и погрозилъ ему пальцемъ; но тотъ сдѣлалъ видъ, какъ бы этого не замѣтилъ.

— „Браво, браво!“ рявкнула въ райкѣ компанія Финкеля.

— „Браво, браво!“ повторили за ними въ ложахъ.

Платонъ Степановичъ вскочилъ на ноги и, повернувшись лицомъ къ публикѣ, съ раскраснѣвшеюся и потерявшеюся

фізіономіей и безпрестанно повертывая голову точно за разлетавшимися птицами, сталъ глядѣть на раѣкъ, на ложи, на кресла,—а потомъ, какъ будто бы кто его кольнулъ въ задъ, опять обернулся къ сценѣ. Тамъ Баклановъ, перескочивъ черезъ барьеръ, отдѣляющій музыкантовъ, лѣзъ на возвышеніе въ капельмейстеру и что то такое протягивалъ въ рукѣ къ сценѣ. Бенефициантка въ это время раскланивалась передъ публикой.

— „Это—даръ *нашъ*! Примите его въ уваженіе Вашего высокаго дарованія!“ проговорилъ студентъ.

Бенефициантка приняла, поблагодарила съ граціозною улыбкой его и публику—и подаренную ей вещь надѣла на голову. Это былъ золотой вѣнокъ, блеснувшій небольшими, но настоящими брилліантами.

— „Браво! браво!. *Bis!*“ ревели въ публикѣ.

Платонъ Степановичъ махнулъ рукой и пошелъ изъ театра. Къ нему подошелъ субъ-инспекторъ.

— „Что прикажете дѣлать-съ?“

— „А что хотите! Вы умнѣй меня“, отвѣчалъ старикъ съ досадой и ушелъ.

Субъ-инспекторъ нашелъ возможность остаться только съ распущенными руками и съ потупленною головой. Въ публикѣ между тѣмъ неистовство росло“..

---

Платонъ Степановичъ Нахимовъ спасъ для русской литературы *С. А. Юрьева* отъ лютой участи, угрожавшей ему:

„Юрьевъ никогда не кутилъ и не разыгрывалъ германскаго бурша: онъ былъ слишкомъ полонъ внутренняго содержанія, да и поступилъ въ университетъ нѣсколько постарше. Разъ—не знаю, гдѣ и какъ, Юрьевъ напился и поѣхалъ въ театральннй маскарадъ въ костюмѣ „*кормилицы*“. Тамъ

почему то къ нему привязался старшій полицеймейстеръ: Юрьевъ ударилъ его и *сорвалъ* съ него *эполету*. Взяли Юрьева и ночью привезли въ университетъ. Платонъ Степановичъ велѣлъ посадить его въ варцеръ и надѣть на него *спрую шинель*. Дѣло выходило очень серьезное. На другой день Платонъ Степановичъ облекся въ парадную форму и поѣхалъ къ графу.— „Что это Вы, Платонъ Степановичъ, сегодня такой торжественный?“— „Съ просьбой къ Вамъ, графъ“.— „Очень радъ, въ чемъ дѣло?“— „Графъ, Вы не разъ требовали, чтобы я у Васъ чего-нибудь попросилъ; теперь вышло такое дѣло, что Ваша помощь *мнѣ* нужна; только впередъ дайте слово, что Вы исполните мою просьбу“.—

— „Хорошо, Платонъ Степановичъ, однако же, что Вамъ нужно отъ меня?“— „Графъ, Вы знаете, что я невозможно просить не буду,—такъ дайте впередъ Ваше графское слово“.— „Ну хорошо,—что?“ Платонъ Степановичъ разсказалъ о происшествіи, закончивши словами: „Графъ, *спасите* Юрьева! и *старикъ сталъ на колѣни*. Графъ *поморщился*, но обѣщавъ, послалъ за полицеймейстеромъ.— „Студентъ въ пьяномъ видѣ —нанесъ Вамъ оскорбленіе: онъ будетъ строго наказанъ, и я за него прошу у Васъ *извиненія*, но официальнаго дѣла, полковникъ, не заводите;—иначе Вы будете имѣть его не со студентомъ, а *со мною*!“ Юрьевъ отдѣлался трехдневнымъ арестомъ“ (Н. П. Колотановъ, Изъ Прошлаго, „Русское Обозрѣніе“ за 1895 г., г. VI, т. 32, апрѣль, стр. 530—531).

„Нахимова мы всѣ отъ души любили, да и онъ любилъ студентовъ, какъ своихъ дѣтей. Съ простотой, повидимому, нѣсколько суровой онъ соединялъ душу необыкновенно добрую и сердце мягкое; однимъ словомъ, онъ живо напоминалъ мнѣ прекрасный характеръ Максима Максимыча въ „Герое нашего времени“. Какъ военный человекъ, съ ранняго утра былъ онъ уже въ форменномъ сюртукѣ, застегнутъ на всѣ пуговицы, на вытяжку; волоса его были подстрижены, елико возможно низко—подъ гребенку, съ небольшимъ хохоломъ

спереди. Какъ морякъ, онъ любилъ выпить лишній стаканъ рома и всякій день уже съ утра бывало отдаеть этотъ долгъ старинной привычкѣ. Онъ осматривалъ всякаго студента, попавшагося ему на глаза, и если что было не по формѣ, тотчасъ же дѣлалъ распеканіе. На форму свыше требовалось отъ университетскаго начальства, чтобы оно обращало наиболѣе вниманіе. Покажутся ли сѣрые панталоны, бѣлые воротнички или голубой вантикъ, пущенный не на мѣстѣ, ради щегольства, или длинные волоса—краса, которой многіе такъ гордились, — Платонъ Степановичъ (котораго шутя называли *Флаконъ Стаканычъ*<sup>1)</sup>, намекая на любовь къ крѣпкимъ винамъ) пускался въ догонъ за ними или самъ, или посылалъ своихъ субъ-инспекторовъ; въ карцеръ онъ сажалъ весьма рѣдко, и дѣло кончалось наставленіемъ и угрозою посадить въ другой разъ въ карцеръ. Въ примѣръ, какъ должно носить волоса, онъ всегда указывалъ на свою собственную прическу.

О Платонѣ Степановичѣ постоянно ходили анекдоты, свидѣтельствовавшіе о его добротѣ и даже наивности<sup>2)</sup>.

„Необходимымъ дополненіемъ московскаго университета былъ инспекторъ Платонъ Степановичъ Нахимовъ. Благодаря множеству воспоминаній и рассказовъ современниковъ, понятенъ симпатичный образъ этого добраго и благороднаго человѣка, успѣшно, хотя своеобразно, оберегавшаго студентовъ отъ всякихъ внѣшнихъ опасностей. Но во всѣхъ рассказахъ о Платонѣ Степановичѣ Нахимовѣ бросается въ глаза отъѣнокъ чудачества, который закрываетъ истинное его значеніе. Правда, въ своихъ рѣчахъ и вообще внѣшнихъ приѣмахъ Платонъ Степановичъ былъ очень своеобразенъ, и часто эта своеобразность переходила въ то, чего нельзя не назвать чудачествомъ, но онъ цѣльнымъ своимъ образомъ оказывалъ

---

<sup>1)</sup> Ср. это прозвище въ книгѣ: Э к с ъ, На полпути, стр. 347.

<sup>2)</sup> А. Н. Аванасьевъ, Московскій университетъ (1843—1849 г.), «Русская Старина» за 1886 г., т. 51, стр. 359.



въ нравственномъ отношеніи *цивилизующее* значеніе на молодежь; студенты это понимали и цѣнили, и потому не обращали вниманія на чужачество Платона Степановича; Платонъ Степановичъ говорилъ студентамъ „ты“, но это было родственное сердечное „ты“; стоило Платону Степановичу узнать про студента что-нибудь, дурно рекомендуемое его нравственную сторону, и онъ рѣзко перемѣнялъ обращеніе. Холодно-вѣжливый, онъ переходилъ на „Вы“, но въ его глазахъ и во всей его осанкѣ сквозило такое презрѣніе и негодованіе, что эта холодная вѣжливость была гораздо непріятнѣе отправки въ карцеръ за разстегнутую пуговицу на скортукѣ. Студентъ, къ которому Платонъ Степановичъ обращался на „Вы“, крѣпко задумывался и, конечно, провѣрялъ себя строже, нежели обыкновенно, а товарищи, если разговоръ случайно происходилъ при другихъ, какъ то инстинктивно отшатывались отъ заклеянаго.

А вотъ два факта, которые ярко рисуютъ отношенія Платона Степановича къ студентамъ безъ всякой примѣсы чужачества. Во время революціи 1848 г. университетъ былъ сильно возбужденъ. Это было первое начало, когда въ эпоху 40-хъ годовъ въ массѣ студентовъ зародился интересъ къ социальнымъ вопросамъ. Устроился студенческій клубъ. Нанята была особая квартира, гдѣ и собиралось до 400 человѣкъ, доставали всѣ запрещенныя газеты и брошюры, шли оживленные толки. Вдругъ въ самомъ разгарѣ Платонъ Степановичъ прислалъ за вожаками клуба, которыхъ онъ безошибочно угадалъ, потому что вообще зналъ чуть не каждаго студента, а по чему-либо *выдающихся*—очень коротко. Платонъ Степановичъ вышелъ нѣсколько озабоченный и болѣе серьезный, чѣмъ обыкновенно.—„У васъ тамъ клубъ, господа?“—„Да, *есть*, Платонъ Степановичъ“.—„И, *конечно*, есть всякаго рода *запрещенныя* изданія?“—„*Есть*, Платонъ Степановичъ“.—„Ну такъ вотъ что я вамъ скажу, господа! Все это дошло до жандарм-

скаго начальства; не сегодня — завтра у васъ сдѣлають обыскъ; такъ вы клубъ этотъ немедленно закройте, все, что есть запрещеннаго, пришлите ко мнѣ, да не забудьте въ каждое такое сочиненіе вложить закладку, кому оно принадлежитъ: уляжется все,—стану *раздавать*, такъ, пожалуй, перемѣшаю. Да, пожалуйста, ведите себя поосторожнѣй! Вѣдь ни за грошъ пропадете. Послѣ одумаетесь, чужь эта сама изъ головы выпадеть, а ушлютъ кого-нибудь, *погубятъ* ни за грошъ—и на себя послѣ пенять станете, да и меня нехорошимъ словомъ помянете: вотъ, скажете, старикъ — *ротозѣй* не умѣлъ во-время *предупредить*“. И дѣйствительно клубъ мы закрыли, запрещенныя изданія съ закладками снесли Платону Степановичу, а онъ, когда все улеглось, возвращая ихъ назадъ, не перемѣшалъ.—Когда казенные студенты обѣдали въ своей столовой, Платонъ Степановичъ никогда не ходилъ; вдругъ онъ явился туда—въ общему изумленію. Добродушно переходилъ онъ отъ стола въ столу и разговаривалъ со студентами; отходя отъ одного изъ столовъ, онъ снова обернулся и сказалъ: „Ахъ, господа! я забылъ вамъ еще сказать вотъ что: когда вамъ нужно у себя въ номерѣ что-нибудь такое, что вы не хотите, чтобы до меня дошло, дѣлайте это, когда господинъ Р. ушелъ“. Затѣмъ Платонъ Степановичъ ушелъ изъ столовой. Р. былъ казенный студентъ изъ *семинаристовъ*; привыкнувши наушничать *отцу ректору*, онъ хотѣлъ примѣнить эту систему и къ Платону Степановичу, но не ожидалъ, конечно, такого исхода (Колюпановъ, стр. 538).

Единственное время, когда Платонъ Степановичъ позволялъ отступать отъ формы, было лѣтомъ на дачѣ. Дача для казенно-коштныхъ студентовъ „наималась въ окрестностяхъ Москвы, въ Зубовѣ, и туда переселялся П. С. со студентами. На дачѣ Платонъ Степановичъ даже *самъ* не соблюдалъ *формы*, ходилъ въ парусиномъ пиджакѣ, но съ

Владимиромъ на шеѣ, а студентамъ дозволялось хоть цѣлый день не снимать халата.

На дачѣ обыкновенно проживало много посѣтителей изъ своеюштныхъ,—это было что то въ родѣ казацкаго куреня; пришелъ, если нѣтъ знакомыхъ, объявилъ себя студентомъ, и живи, покамѣстъ желаніе есть. Даже Платонъ Степановичъ не обращалъ вниманія на новое лицо, являвшееся за обѣдомъ, и готовилъ не по комплекту, а по числу живущихъ“. Замѣтимъ впрочемъ, что и зимою, въ городѣ „благодаря Платону Степановичу жизнь въ казенныхъ камерахъ не представляла никакихъ стѣсненій и ни чѣмъ не отличалась отъ жизни на квартирахъ. Приходить и уходить можно было всегда, безъ всякихъ извѣщеній. По воскресеньямъ происходили вечера“.

(Коллюпановъ, стр. 17 и 18).

Въ роли заступника студентовъ Платонъ Степановичъ фигурируетъ еще въ слѣдующихъ разсказахъ:

„Однажды въ великій постъ, когда говѣли казенные студенты, поць *Терновскій* (о немъ см. V т. нашего сочиненія „Философія въ Россіи“, стр. 1—45) объявилъ на исповѣди двумъ студентамъ, что за какіе то важные грѣхи онъ не допуститъ ихъ къ причастію; студенты-грѣшники обратились къ Платону Степановичу; тотъ бросился къ Терновскому уговаривать его быть снисходительнѣе. Долго отговаривался Терновскій, наконецъ сказалъ: „Не могу... Иисусъ Христось свазалъ“... и уже былъ на готовѣ текстъ, каеъ Нахимовъ нетерпѣливо и почти съ отчаяніемъ прервалъ его: „Что Иисусъ Христось! что *графъ* то (С. Г. Строгановъ) сважеть?“ Это *послѣднее* возраженіе возымѣло силу—и студенты допущены были къ св. причащенію“ (*А. Н. Аванасьевъ*, Воспоминанія, стр. 359 въ „Русской Старинѣ“ за 1886 г., т. 51, августъ, VI ст., гл. I).

Какъ то въ Николинъ день (зимою) человекъ 5—6 студентовъ подъ предсѣдательствомъ *Θ. И. Буслаева*, какъ старшаго въ номерѣ, пировали въ знаменитомъ „Желѣзномъ“ трактирѣ. Перепились до того, что, поздневъ ночью добредши кой какъ ползкомъ—до университета, не могли подняться по лѣстницѣ въ свое помѣщеніе. Тогда Буслаевъ рѣшился на рѣзкую мѣру: „въ качествѣ *старшаго* между своими товарищами, я вмѣнилъ себѣ въ обязанность позаботиться о водвореніи ихъ на мѣсто жительства. По срединѣ двора передъ главнымъ входомъ былъ высокій столбъ; на немъ подъ навѣсомъ висѣлъ колоколъ, а отъ его языка внизъ спускалась веревочка. Я добрался до столба и *ударилъ въ набатъ*. Благоразумная мѣра оказалась дѣйствительною. Явилось нѣсколько солдатъ изъ нашихъ служителей, помогли намъ взобраться по лѣстницамъ и благополучно уложили насъ спать.

На другой день поутру, только что мы проснулись, Платонъ Степановичъ насъ требуетъ въ себѣ каждаго по одиночкѣ, только братьевъ Езерскихъ обоихъ вмѣстѣ. Несмотря на суровый видъ и рѣзкость голоса, во всемъ его существѣ чувствовалось мнѣ трогательное безпокойство,—точно онъ потерялъ какую дорогую вещь, или очень нужную официальную бумагу, и не можетъ найти, чего ищетъ. До сихъ поръ онъ считалъ меня самымъ примѣрнымъ по благонаравію студентомъ,—и вотъ теперь не можетъ вѣрить, не можетъ понять, чтобы я такъ преступно провинился. Онъ удивляется и жалѣетъ меня. Разумѣется, я сердечно раскаивался и вышелъ отъ него *со слезами на глазахъ*.

Не знаю, какой нагоняй далъ онъ другимъ. Вѣроятно, значительно рѣзче, чѣмъ мнѣ; но братья *Езерскіе* составляли исключеніе по своимъ умственнымъ и нравственнымъ достоинствамъ, и насъ очень интересовало, какъ ихъ приметъ инспекторъ, и какъ будетъ распевать. Онъ продержалъ ихъ долго, вонечно, жалѣлъ и стыдилъ ихъ столько же, какъ и

меня; наконецъ они являются въ номеръ,—*Феликсъ*, солидный и спокойный, какъ всегда, а *Игнатій* прыгаетъ, кривляется и хохочетъ до упаду.— „Ну что? что такое?“ спрашиваемъ его.— „Потѣха!“—кричитъ онъ, а самъ хохочетъ, передразнивая Платона Степановича: „а ужъ какъ я на Васъ надѣялся во всемъ, ужъ такъ-таки во всемъ ставилъ я васъ обоихъ въ примѣръ всѣмъ прочимъ студентамъ изъ Царства Польскаго; какъ же вамъ не стыдно, какъ не грѣшно измѣнить мнѣ, обмануть меня такую неслыханною шалостью? да вѣдь Вы, Игнатій, и старше другихъ, и должны держать себя разсудительнѣе и благоразумнѣе своихъ товарищей“.— „Да вѣдь это самое я и чувствовалъ тогда“, говорю ему, „и сколько могъ, воздерживался; вотъ и братъ тоже; но что же намъ было дѣлать? Между русскими товарищами мы, *поляки*, находились въ исключительномъ положеніи; и Вы, Платонъ Степановичъ, на нашемъ мѣстѣ не отказались бы отъ лишняго стакана: вѣдь вчера были *имянины* Государя Императора, все пили за его здоровье. Какъ же намъ то, полякамъ, было *отказываться* отъ такого тоста!“.... Ну, по добру, по здорову и отпустилъ насъ: „Довольно, убирайся съ своимъ братомъ! тебя не переговоришь никогда!“

По старинному обычаю Платонъ Степановичъ въ разговорѣ съ нами употреблялъ и „ты“ и „Вы“, смотря по расположенію духа, и по тому, съ кѣмъ изъ насъ, и о чемъ была рѣчь.

И подумайте только, что все это творилось въ царствованіе Императора Николая Павловича, знаменитое своей строгой дисциплиною, и безнаказанно спускались тавія шалости, доходившія до рѣшительнаго буйства! Насъ не выгоняли, не отдавали въ солдаты, и за пьяную никольщину, оглашенную *набатомъ*, никто изъ насъ и въ карцеръ не посидѣлъ. Платонъ Степановичъ только припугнулъ насъ *графомъ* (этимъ нарицательнымъ именемъ называли попечителя—графа С. Г.

Строганова): „Ну, а что скажетъ графъ, когда я ему доложу? Смотрите у меня, *берегитесь!*“ Это была его обычная фраза и самая высшая угроза“ <sup>1)</sup>).

На магистерскомъ диспутѣ *Т. Н. Грановскаго* присутствовалъ, конечно, и Платонъ Степановичъ „со всей своей командой сублинспекторовъ“. „Въ толпѣ послѣ очень слабого отвѣта Грановскаго послышались рукоплесканія. Платонъ Степановичъ, никогда не спускавшій глазъ съ графа, когда тотъ (въ высшей степени рѣдко) посѣщалъ университетъ, торопливо и боязливо сунулся въ его сторону. Графъ сидѣлъ, какъ надо, величавый, неподвижный и строгій, не озираясь по сторонамъ. Платонъ Степановичъ отошелъ, не подходя, и снова принялъ свою позу, грудью впередъ, а глаза устремлены на начальство: это значило, *можно!*“ (*Н. П. Колупановъ*, Изъ прошлаго, стр. 539—540 въ „Русскомъ Обзорѣннѣ“ за 1895 г. (г. VI), т. 32, апрѣль).

Иногда Платона Степановича его питомцы и надували.

П. С. хорошо зналъ, что казенный (студентъ) „Новакъ“ порядочно испиваетъ, и часто журилъ его, но относился къ нему милостиво и даже любилъ его, т. е. ужъ очень жалѣлъ и старался его исправить. Ему нравился веселый и разбитной нравъ Новака и искреннее, какъ ему казалось, даже слезное раскаяніе и обѣщаніе *исправиться*. Призывая его къ себѣ, П. С. встрѣчалъ его словами: „Опять пьянъ, смотри у меня (онъ всегда говорилъ Новаку „ты“)!“ — „Никакъ нѣтъ-съ, П. С., ни росинки во рту не было.“ — „Ну-ка, подойди, дыхни на меня!“ И затѣмъ начинается длинная процедура дыханія или *выдыханія*; Новакъ никакъ не можетъ широко раскрыть свой ротъ, а если и раскроетъ, не дышитъ, какъ слѣдуетъ—явственно,—точно сказочный дуракъ, котораго Яга-баба сажаетъ

---

<sup>1)</sup> Буслаевъ, Мои воспоминанія, стр. 15—17.

на лопату, чтобы бросить въ пылающую печь, а онъ не умѣетъ на лопатѣ усѣсться. Къ такимъ росказнямъ о себѣ Новакъ обыкновенно прибавлялъ: „Этотъ опытъ продѣлывалъ со мною П. С. всегда натошакъ, а послѣ обѣда никогда, потому—что, какъ извѣстно, и самъ любитъ выпить, и стало быть, моего духу не расчухаетъ“. Разъ Новакъ насъ потѣшилъ такой очевидно, выдумкой, будто онъ явился къ П. С.—чу совсѣмъ пьяный, лыка не вяжетъ—и на его вопросъ: „Ну чѣмъ же ты натрескался, пьяница этакая?“—„Да только *сладкой* водочкой“, будто бы отвѣчалъ Новакъ, желая, какбы смягчить свою вину.—„Эхъ ты, голытьба! Пилъ бы, по крайней мѣрѣ, *простую* сивуху.“—„Онъ“, присовокупилъ Новакъ, „такъ выразился, должно быть, не потому только, что сладкая водка мнѣ не по карману, а и потому, что она не пользительна для желудка, какъ ему самому хорошо извѣстно по опыту“.

Въ видахъ нравственнаго исправленія Новака П. С. заботился о его религіозной совѣсти въ исполненіи православныхъ обрядовъ; потому внимательно слѣдилъ, чтобы онъ посѣщалъ церковную службу. Новакъ пораньше заберется въ церковь и непременно какъ-нибудь юркнетъ въ глаза П. С.—чу, какъ только онъ появится, а затѣмъ тотчасъ же уходитъ. Однажды, возвращаясь отъ всенощной, П. С. на углу университета столкнулся съ Новакомъ, который, переходя Моховую, направлялся къ университету. Инспекторъ поймалъ студента съ полячнымъ и, не говоря ни слова, потащилъ его къ себѣ въ кабинетъ.—„Такъ то ты молишься за всенощной! ну, говори, пьяница, гдѣ ты былъ?“—„Я былъ на Никольской, въ греческомъ монастырѣ; тамъ ужъ очень умильно служатъ и поютъ хорошо“.—„А отъ своей *православной* (sic) всенощной ушелъ?“—„Помилуйте-съ, П. С., вѣдь и греческое служеніе такое же православное, какъ и наше; и равноапостольнаго князя Владимира обратили въ крещеную вѣру греческіе свя-

щенники, и Кирилль и Меодій съ греческаго же перевели намъ на церковный языкъ и обѣдню, и всенощную“. — „Полно врать то всю *ученость* и ступай вонъ!“ —

Таъ разсказывалъ намъ Новавъ; но мы мало придавали вѣры его розказнямъ. Вообще надо замѣтить, что въ анекдотахъ о Пл. С-чѣ много было *выдуманнаго* и *баснословнаго*; но въ нихъ была и значительная доля правды, которая вымышленныя подробности всегда освѣщала одной и той же идеею. Мы, старые студенты московскаго университета, въ своемъ *миломъ* Платонѣ Степановичѣ видѣли какбы воочию эпическаго героя русскихъ былинъ и высоко цѣнили въ немъ подвиги благодушія, *милосердія* и снисходительности, которыми онъ въ своей простотѣ и наивности могъ достигать того, что недоступно суровому правосудію съ его крутыми мѣрами “ 1).

„При поднесеніи перваго подарка тапцовщицѣ *Санковской* (см. выше, стр. 77) — сколько у меня было денегъ, и сколько я выручилъ отъ продажи всѣхъ своихъ вещей, не исключая *подушки*, я отдалъ на покупку этого подарка, а билетъ въ театръ забылъ купить. Занять не у кого; всѣ мои товарищи были чуть не въ такомъ же положеніи, какъ и я, — только были предусмотрительнѣе и запаслись билетами. Положеніе безвыходное. Куда же идти, какъ не къ Платону Степановичу?

— „Платонъ Степановичъ, одолжите мнѣ до первой присылки 10 р.“

— „На что тебѣ?“

— „Хозяинъ за квартиру требуетъ, держать не хочетъ.“

— „Вотъ выдумаль! Да мнѣ то какое дѣло? Ну, если каждый изъ васъ придетъ и попроситъ у меня 10 р., — гдѣ же я ихъ набираться буду?“

---

1) Бушлаевъ, «Мои воспоминанія», стр. 31—32.



— „П. С., да вѣдь пока никто же, кромѣ меня, не просить, а мнѣ вѣдь жить негдѣ—Вы подумайте!“

— „Ну ладно, пришли мнѣ твоего хозяина; я за тебя поручусь!“

— „Да онъ не пойдетъ, П. С.: онъ—генераль!“

Я, конечно, сочинилъ, рассчитывая на эффектъ: Пл. Ст., согласно военному артикулу, передъ генералами вытягивался, какъ какой-нибудь прапорщикъ. Я не ошибся; П. С. молча ушелъ и вынесъ мнѣ 10 р. Въ то же утро на сходеѣ студентовъ-санковистовъ я избранъ былъ депутатомъ увѣдомить театральную контору о поднесеніи вазы, а потомъ сказаться П. С—чу. Костюмъ мой всегда совершенно совпадалъ съ требованіями отчаяннаго бурша; меня умыли, остригли, надѣли чистый и щегольской мундиръ, посадили въ карету и отправили. Въ театральной конторѣ меня пригласили къ директору ея *Васильцевскому*, который былъ крайне любезенъ и все разсыпался на тему, какъ начальству пріятно, когда публика цѣнитъ артистовъ. Оттуда къ Платону Степановичу. Войдя въ его кабинетъ, и остановившись *у двери*, какъ это было заведено, я гордо обратился къ камердинеру его, Федору, часто препровождавшему меня, да и другихъ также—въ карцеръ.

— „Доложите Пл. С—чу: *депутатъ* пріѣхалъ!“

Слышу, изъ внутреннихъ комнатъ шлепаютъ туфли Пл. С—ча. Я принялъ величественную позу. П. С., выйдя и увидя меня, остановился и не могъ придти въ себя.

— „Ты! *Депутатъ!*“

— „Депутатъ, Платонъ Степановичъ!“

— „Да какой же ты депутатъ?“

— „Сегодня студенты подносятъ серебряную вазу Санковской и избрали меня, чтобы Васъ о томъ предупредить“.

П. С. вышелъ изъ себя; сжавъ кулаки, онъ бросился ко мнѣ и закричалъ:

— „Подай мнѣ назадъ мои *десять рублей!*“ Тамъ кончилось мое представленіе. П. С. аккуратно проводилъ вечеръ въ англійскомъ клубѣ, выпивалъ тамъ свой пуншъ, въ 11 часовъ возвращался и ложился спать: ни въ гости, ни въ театръ онъ не ѣздилъ, хотя его знала и уважала вся Москва. Вдругъ на этотъ разъ въ театрѣ появился П. С. въ полной формѣ и со всѣми орденами. Его обступили.

„П. С., Вы это какъ собрались? Да еще какъ нарядились, точно на праздникъ!“

— „Да-съ, на праздникъ: сегодня *нашъ* праздникъ; мы вазу подносимъ“, съ какой-то дѣтски-веселой улыбкой отвѣчалъ благодушный старикъ<sup>1)</sup>.

„Когда я въ ожиданіи вызова (на экзаменѣ) просматривалъ греческую книгу, круглолицый и рябоватый субъ-инспекторъ *Пантовъ*, проходя мимо скамеекъ, нагнулся ко мнѣ и сказалъ шепотомъ: „выбрейте Вашу *бороду!*“

Въ послѣднее время среди волненій я не подумалъ о туалетѣ и ничего не отвѣтилъ субъ-инспектору. Минуты черезъ двѣ Пантовъ снова повторилъ свое приглашеніе, но на этотъ разъ я, быть можетъ, съ раздраженіемъ, вполголоса отвѣтилъ: „ради Бога оставьте меня!“ Смотрю, Пантовъ прошелъ къ экзаменному столу и, склонившись къ уху инспектора, что то ему прошепталъ. Добрѣйшій Платонъ Степановичъ поднялъ руку, и глядя мнѣ въ лицо, издали призывно закивалъ указательнымъ перстомъ.

— „Вы являетесь въ университетъ небритымъ“, сказалъ инспекторъ, „да еще грубите субъ-инспекторамъ; ступайте сейчасъ наверхъ къ казеннымъ студентамъ и прикажите ци-

---

<sup>1)</sup> Колупановъ, стр. 545—546.

рульнику васъ обрить, а по окончаніи экзамена я васъ посажу въ карцеръ“.

Экзаменъ сверхъ ожиданія сошелъ благополучно: Меншиковъ поставилъ мнѣ четверку, а черезъ полчаса я былъ уже въ пріемной инспектора. Въ своихъ выговорахъ Платонъ Степановичъ впадалъ въ лирической безпорядокъ, и будучи гонителемъ стиховъ (см. ниже, стр. 91), иногда говорилъ стихами, вродѣ: „штаны (не форменные сѣрые), усы, волося! за эти чудеса—приходите ко мнѣ въ два часа!“

— „Вотъ Вы“, воскликнулъ онъ, „переходите на четвертый курсъ, а у меня жена, дѣти, графъ,—вотъ и въ карцеръ!“

*Спасеніе* заключалось въ словахъ: „П. С.! вѣдь Вы нашъ отецъ!“

— „Да вы то меня не жалѣете; ужъ такъ и быть, на этотъ разъ, ступайте, но впредь не попадайтесь!“<sup>1)</sup>

„Какъ университетское начальство отъ попечителя графа Строганова до инспектора П. С. Нахимова относилось къ студенческому стихотворству<sup>2)</sup>, можно видѣть изъ ходившаго въ то время по рукамъ шуточнаго стихотворенія Я. П. Полонскаго по поводу нѣкогого *Данкова*, писавшаго мизерные стишки—къ Масляной подъ названіемъ „Блины“, а къ Святой подъ названіемъ „Красное Яичко“, и продававшаго эти небольшія тетрадки книгопродавцу-издателю *Лонгинову* за 10-ти рублевый гонораръ.

Привожу самое стихотвореніе Полонскаго, насколько оно удержалось въ моей памяти.

---

<sup>1)</sup> *А. Фетъ*, Ранніе годы моей жизни, М. 1897, стр. 227—228.

<sup>2)</sup> Боязнь студенческаго стихотворства, несомнѣнно, явилась послѣ печальнаго исхода поэзіи А. И. Полежаева, автора «Имана-Козла» и «Сашки».

Второй этажъ, *Платонъ* сидитъ,  
Предъ нимъ студентъ Данковъ стоитъ.

— „Ну вотъ, я слышала, Вы—поэтъ:  
На масляницѣ сочинили  
Какіе то „Блины“, и въ свѣтъ  
По пять-алтынному пустили“.

— „Платонъ Степанычъ, я писалъ  
Затѣмъ, что чувствовалъ *призванье!*“

— „Призванье?! Кто васъ *призывалъ?*  
Я васъ не призывалъ, графъ тоже;  
Тожъ Дмитрій Павловичъ <sup>1)</sup>. Такъ кто же,  
Скажите, *кто* васъ призывалъ?“

— „Платонъ Степанычъ, я *пою*  
Въ пылу святого вдохновенья,  
И я мои стихотворенья  
Въ отраду людямъ продаю“.

— „Опять не то, опять Вы *врите!*  
Кто Вамъ мѣшаетъ дома *пѣть?*  
Мнѣ дѣла нѣтъ, что Вы поѣте.....  
Стиховъ то не могу терпѣть,  
Стиховъ то только не марайте!  
Я потому Вамъ говорю,  
Что мнѣ Васъ *жаль*. Теперь ступайте!“

— „Покорно Васъ благодарю! <sup>2)</sup>

„Разъ пришелъ къ П. С—чу хозяинъ трактира „Велико-  
британія“ (здѣсь постоянно кутили, пили и закусывали, играли

---

<sup>1)</sup> Голохвастовъ, помощникъ попечителя учебнаго округа. «Графъ»—  
С. Г. Строгановъ, попечитель.

<sup>2)</sup> *А. Фетъ*, Ранние годы моей жизни, М., 1893, стр. 210—211, гл. XXIV.

на биліардѣ—студенты, и трактиръ, находившійся какъ разъ около университетскихъ зданій—напротивъ экзерциргауза, считался и назывался *студенческимъ*) съ жалобой на какого то студента, который, забравши у него на порядочную сумму, не платитъ, да и еще требуетъ. П. С. отправился въ „Великобританнію“ самъ.

— „Ты задолжалъ, не платишь, да еще бузнишь“, сказалъ онъ студенту (П. С. всегда говорилъ студентамъ „ты“: въ этому всѣ привыкли, и насъ бы удивило, еслибъ онъ обратился иначе, съ вѣжливымъ „Вы“; всѣ знали, что это простота и привычка, а никакъ не грубость).

— „Я-съ, П. С., не собрался съ деньгами; я ему заплачу... а онъ просто грабитъ, цѣны беретъ хорошія, а еслибъ Вы видѣли, какая у него водка свверная, хоть не пей: вотъ извольте попробовать сами!“

П. С. взялъ рюмку и выпилъ: „Ахъ ты, мошенникъ“, закричалъ онъ на трактирщика, „такую то продаешь ты водку!“ и распекъ его, на чемъ свѣтъ стоитъ, а потомъ, обратясь къ студенту, сказалъ: „А ты бы лучше *ромъ* пилъ!“ Тѣмъ расправа и кончилась“.

По поводу „Британніи“ современникъ-студентъ замѣчаетъ:

„Это не та Британнія, любезный читатель, которая дуть теперь Индію, умильно поглядывая на Францію; это—простой трактиръ, стоявшій противъ самаго университета. Но въ описываемое время онъ не имѣлъ ничего трактирнаго; это былъ—*студенческій клубъ*. Его достопочтенное крыльцо изъ оновъ профессорской открыто было для взоровъ Платона Степановича. Оттого, жуя иного студента за рѣдкое посѣщеніе лекцій, онъ прибавлялъ иногда: „То-то! черезъ *проливъ* то часто плаваешь“. Проливомъ П. С. называлъ Мохо-

вую улицу, отдѣляющую университетъ отъ „Британіи“, подобно тому, какъ проливъ Кале отдѣляетъ твердую землю отъ настоящей Британіи“. („Отечественныя Записки“, за 1859 г., т. 122, январь, Студенческія воспоминанія, статья III, Театръ, стр. 3).

„Какъ то вошелъ П. С. въ ту комнату, въ которой висѣла чугунная лѣстница во всѣ этажи (въ промежуткѣ между лекціями мы обыкновенно собирались на эту лѣстницу поболтать и позѣвать) и увидѣлъ студента, который съ третьяго этажа перегнулся черезъ перила: „Вотъ, только упади“, закричалъ снизу П. С.: „такъ сейчасъ посажу въ карцеръ!“ Но кого бы посадилъ онъ въ карцеръ, еслибъ неосторожный студентъ упалъ съ 3-го этажа на каменный помостъ!!...

Въ 1847 г. гр. Строгановъ оставилъ университетъ, а вмѣстѣ съ нимъ покинулъ университетъ и Нахимовъ, который былъ сильно привязанъ къ графу и не хотѣлъ оставаться при новомъ попечителѣ; это надѣлало много толковъ въ Москвѣ, гдѣ университетскія новости всегда принимались въ сердце. Студенты искренно сожалѣли. Помню, какъ Платонъ Степанычъ обходилъ всѣ аудиторіи и прощался со студентами; пришелъ онъ и въ нашу аудиторію, и повидимому, хотѣлъ что то сказать намъ на прощанье, но на глазахъ его выступили слезы (этихъ слезъ никогда я не забуду!), и онъ только и промолвилъ слово „прощайте!“ съ просьбой не забывать его. У насъ, у самихъ заблестали на глазахъ непритворныя слезы... Нахимовъ умѣлъ всѣ неприятыя исторіи погашать въ самомъ ихъ началѣ; онъ былъ постояннымъ и самымъ ревностнымъ заступникомъ студентовъ передъ графомъ и даже передъ профессорами (во время экзаменовъ); его просьбы уважались, и нерѣдко полученная на экзаменѣ единица была ради его просьбы переправляема.

Разъ одинъ студентъ, получившій единицу чуть ли не

изъ медицины, обратился къ нему съ просьбой попросить за него.

— „Вотъ, теперь пристаешь“, сказалъ П. С., „а зачѣмъ не учился“?

— „Помилюте, П. С., я отлично знаю; ну хоть сами спросите“.

— „Да есть мнѣ когда васъ спрашивать!“ отвѣчалъ старикъ, не признаваясь, что въ медицинѣ онъ ни аза не смыслить; подошелъ къ профессору и упросилъ переправить отъ мѣтку.

Нахимовъ былъ избранъ въ директоры Шереметевской больницы; на этомъ мѣстѣ вскорѣ онъ и умеръ. Многіе студенты провожали его гробъ въ могилу; тогда же вышелъ и его литографированный портретъ, весьма похожій<sup>1)</sup>.

Сынъ Д. П. Голохвастова, преемника графа Строганова по мѣсту попечителя московскаго учебнаго округа, возражалъ Аванасьеву:

„Я вовсе не намѣренъ отрицать, что заслужившій всеобщую любовь и уваженіе П. С. Нахимовъ „былъ сильно привязанъ къ графу“; но неправда, „что онъ вмѣстѣ съ нимъ покинулъ университетъ и не хотѣлъ оставаться при новомъ попечителѣ“. При моемъ отцѣ онъ служилъ долѣе, чѣмъ при графѣ Строгановѣ, ибо поступилъ въ должность инспектора студентовъ, когда попечителемъ былъ не графъ, а князь С. М. Голицынъ, который вовсе не занимался университетомъ. Отецъ же мой былъ тогда помощникомъ попечителя, и Нахимовъ былъ избранъ и опредѣленъ въ должность именно имъ. Объ этомъ я имѣю цѣлую переписку моего отца съ Нахимовымъ,

---

<sup>1)</sup> Аванасьевъ, стр. 359—362.

съ Семеномъ Яковлевичемъ *Унковскимъ* (отцомъ адмирала, тогда директоромъ Калужской гимназіи), который указалъ ему на Нахимова, зная его, какъ стараго товарища по морской службѣ, и съ шуриномъ Унговскаго, *Ө. М. Бълкинымъ*, черезъ котораго шли начальные переговоры, потому что Бълкинъ, какъ мѣстный помѣщикъ, часто жывалъ въ Смоленской губерніи, а Нахимовъ, тамошній уроженецъ и тоже помѣщикъ, въ ту пору служилъ въ Смоленскѣ.

Я не могу опредѣлить, котораго именно числа Нахимовъ сдалъ должность инспектора студенто́въ; но онъ покинулъ университетъ *не вѣсть* съ графомъ, а только въ слѣдующемъ году, и не потому, что не хотѣлъ служить при новомъ попечителѣ, а потому, что здоровье его было плохо, должность была уже не по силамъ, а московское дворянство избрало его директоромъ Шереметевской больницы, что было для него выгодно́е, и покойнѣе.

(Д. Голохвастовъ, Къ исторіи Московскаго университета, Д. П. Голохвастовъ, стр. 246, Русскій Архивъ, г. 25, 1887 г., II, VI).

О той же сценѣ прощанія рассказываетъ еще одинъ современникъ, Колюпановъ.

„Я какъ теперь помню прощанье Платона Степановича. Въ 1849 г. графъ вышелъ изъ попечителей, не желая подчиняться тѣмъ стѣснительнымъ порядкамъ, которые вслѣдствіе исторіи Петрашевскаго по Высочайшей волѣ должны были быть введены въ университеты; Пл. С. не желалъ, да и не могъ оставаться безъ графа: они другъ друга дополняли и другъ безъ друга были немислимы. Но намъ ничего этого не было извѣстно. Вдругъ въ нашу аудиторію во время лекціи *Крылова* неожиданно вошелъ П. С. Онъ былъ неузнаваемъ; на немъ, какъ говорится, лица не было, куда дѣвалась его воинственно-начальственная осанка,—сгорбленный, чѣмъ то пришибленный.—„Прощайте, господа!“ сказалъ П. С.,



поклонился и вышелъ. Мы были ошеломлены и не понимали, что случилось. Въ перемѣну все разъяснилось,—и ужъ *на насъ* лица не оказалось! Въ ту же минуту появилась подписка, никто и не задумывался: бѣдные несли въ закладъ часы, богатые подписывали сотнями, со всѣхъ сторонъ слышались предложенія: „Вы еще не подписались; можетъ быть, у Васъ денегъ нѣтъ,—такъ я за Васъ подпишусь,—будутъ деньги,—отдадите!“ Въ 3 дни собрано было до 5000 р. Просили позволенія поставить бюстъ Пл. С—ча, но въ этомъ отказали; поднесли дорогой золотой кубокъ и альбомъ съ варточками студентовъ. Пл. С—ча Московское дворянство выбрало попечителемъ Шереметевской больницы, гдѣ онъ и оставался до самой смерти, вопреки желанію самого *гр. Шереметева*, прочившаго на эту должность своего родственника и однофамильца, служившаго въ качествѣ помощника попечителя. Поэтому Шереметевъ сократилъ жалованье попечителя съ 12,000 рублей на 6,000 р. Но соперникъ скоро сдѣлался почитателемъ Пл. С—ча, а *гр. Шереметевъ*, скоро его узнавшій, возстановилъ жалованье.—Въ университетѣ не водилось поздравлять инспектора. На первую же Пасху всѣ студенты университета въ мундирахъ явились съ поздравленіемъ къ П. С—чу, такъ что большой залъ весь наполнился посѣтителями. П. С. былъ очень тронутъ.—„Вотъ ужъ спасибо, господа, спасибо, вспомнили старика!“ А у самого на глазахъ слѣзы... Настали съ выходомъ *гр. Строганова* и Пл. С—ча другіе порядки; но мы были уже на IV курсѣ, послѣдніе могикане: насъ не трогали“...

Отмѣтимъ еще, что изъ всего университета только Грановскому и Пл. С—чу Нахимову досталась въ удѣлъ завидная тогда честь попасть въ члены англійскаго клуба по *единогласному* выбору; кромѣ ихъ двухъ, „этой чести никому не доставалось“ <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Колюпановъ, стр. 536—539.

„Инспекторъ студентовъ Московскаго университета, капитанъ 2-го ранга П. С. Нахимовъ связалъ свое имя съ исторіею университета очень просто: *глубокою добротою прекрасной души*. Можно положительно сказать, что въ продолженіи 13—лѣтней его службы не вышло изъ университета ни одного студента, который не унесъ бы о П. С—чѣ самыхъ чистыхъ воспоминаній. П. С. почти каждому оказалъ какую-нибудь спасительную, благотворную помощь; всѣ вообще видѣли въ немъ самаго вѣрнаго, самаго надежнаго оберегателя юности. Въ его внимательномъ, неусыпномъ надзорѣ не было ничего тяжелаго, жесткаго: все смягчало его добрая душа и благородство правилъ. 60—лѣтній старикъ умѣлъ, какъ немногіе, понимать увлеченіе юности, умѣлъ всегда отдѣлять простой порывъ молодыхъ силъ отъ дурнаго и порочнаго. Всѣ знали, что этотъ сѣдой, сердитый съ виду морякъ хранитъ въ себѣ непоколебимо-добрую душу, способную не осудить, а скорѣе снять съ виноватаго бремя проступка. Благородныя же движенія души ни въ комъ не находили такого сочувствія, уваженія, какъ въ П. С—чѣ. Все это поселяло въ юношахъ не только искреннюю къ нему любовь, но и глубокую, полную довѣренность. Случалось, что запутавшійся въ собственныхъ грѣхахъ студентъ, видя бѣду неминуемую, шель прямо къ П. С—чу и исповѣдывалъ передъ нимъ свои заблужденія. Отъ П. С—ча выходилъ онъ уже съ облегченнымъ сердцемъ, хотя и достаточно напуганный на будущее время.

Воля графа была непреложнымъ закономъ для П. С—ча: онъ понималъ глубокую нравственную силу, исходящую отъ лица попечителя, и благоговѣлъ передъ нимъ. Личность графа, главнымъ образомъ, чрезъ уста П. С—ча приходила въ соприкосновеніе съ студентами—з тутъ то, кажется, получала ту грозную, карательную силу, которой въ сущности не имѣла. „Графу доложу“, „къ графу представляю: что ты будешь передъ графомъ то говорить?“ грозилъ верѣдко П. С. Онъ

обыкновенно говорилъ студентамъ *ты* и вообще представлялъ изъ себя чрезвычайно строгаго и суроваго человѣча. Виновному никогда не позволялъ говорить, а тотчасъ препровождалъ въ карцеръ, потому что—объяснялъ иногда П. С.— „если *заговорить*, такъ оправдается!“ Въ самомъ то дѣлѣ нечего было оправдываться, потому что подсудимый почти всегда видѣлъ, что былъ кругомъ виноватъ. Иногда же П. С. дѣйствительно облекался неумолимою грозой и, надо правду сказать—нерѣдко достигалъ цѣли: *запугивалъ* студента ужасно. Грозно встрѣчая виноватаго, онъ говорилъ иногда съ какимъ то страшнымъ *равнодушіемъ*: „*Солдатъ!* ступай пока въ карцеръ, а потомъ ты солдатъ!“ и чтобъ дать всю достовѣрность такому приговору, *спѣшилъ* прибавить: „*графъ* велѣлъ—для примѣра!“ Это солдатство оканчивалось обыкновенно трехдневнымъ заключеніемъ въ карцерѣ. Но, если студенту удавалось „заговорить“, какъ выражался П. С.—если при этомъ можно было нѣсколько разъ сказать: „П. С.! *Вы—нашъ отецъ, благодѣтель, защита; вся надежда на Васъ!*“, старикъ рѣдко выдерживалъ, смягчался,—и *солдатство* оканчивалось, напри- мѣръ, такими словами: „Вотъ то-то! вѣдь я знаю, что вы меня любите,—да не бережете! Ну, а какъ высшее то начальство узнаетъ про твои проказы, да спроситъ: „А кто у нихъ *инспекторъ?*“—„*Нахимовъ*—инспекторъ.“—„Посадить Нахимова на *гауптвахту!*“ Вдругъ тебѣ нужда какая-нибудь случится, придешь ты къ П. С.—чу, спросишь: „Гдѣ Платонъ Степановичъ?“—Скажутъ: „Нѣтъ Платона Степановича!“—„Гдѣ жъ?“—„На *гауптвахтѣ!*“ Что ты будешь дѣлать безъ Платона то Степановича?!”

Ө. И. Буслаевъ рисуетъ намъ карательную дѣятельность П. С. Нахимова такъ:

„Для суда и расправы (за драку на лекціи ректора М. Т. Каченовскаго) предсталъ передъ нами и самъ инспекторъ, нашъ милый Платонъ Степановичъ. И какъ ему было все

это и горестно, и жутко! Ректоръ настаивалъ—Бецкаго немедленно выгнать изъ университета, а другому дать нагоняй и засадить въ карцеръ; но нашъ инспекторъ хорошо зналъ цѣну обоимъ и по своему смотрѣлъ на это дѣло. Въ тягостныя минуты суда, кажется, намъ одинаково было жаль и Бецкаго, и Платона Степановича.

Къ великой радости, наказаніе Бецкаго ограничилось карцеромъ, благодаря заступничеству инспектора передъ попечителемъ. Преступленіе было смягчено и низведено до мальчишеской шалости. Мы убѣдились, что *правосудіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть безъ грѣха подкупаемо состраданіемъ и милосердіемъ, и мы не стали отъ того хуже*... (Буслаевъ, стр. 119.).

„Однажды нѣсколько человѣкъ, бывшихъ студентами Московскаго университета и товарищами, случайно съѣхалось въ какомъ то дальнемъ уголку Россіи послѣ долговременной разлуки. Разумѣется, это былъ свѣтлый день въ ихъ жизни. Студенческіе годы, юность, университетъ возстали въ ихъ воспоминаніяхъ во всей поэтической красотѣ. Вмѣстѣ съ ними предсталъ и добрый образъ незабвеннаго П. С—ча. Тутъ же положили они послать ему за подписью всѣхъ письмо, въ которомъ, объяснивъ счастливую встрѣчу, свидѣтельствовали ему свою вѣчную, неизмѣнную благодарность. Старикъ берегъ это письмо, какъ святыню, и въ хорошія минуты не рѣдко показывалъ его студентамъ... Это былъ по истинѣ *чистый сердцемъ!*“ <sup>1)</sup>

„А ты, незабвенный, вѣчно дорогой сердцу пѣстунъ двѣнадцати университетскихъ поколѣній, ты, *отецъ и*

---

<sup>1)</sup> Н. Д. (17 іюля 1858 г.). Студенческія воспоминанія о московскомъ университетѣ (Посвящаются Дмитрію Дмитріевичу Кожухову). Статья первая. Въ аудиторіяхъ, стр. 85—86, «Отечественныя Записки», т. 119, за 1859 г., кн. VIII, августъ, отд. V, (въ оглавленіи опечатка, надо VI), Смѣсь, ст. II.

*благодѣтель нашъ, Платонъ Степановичъ*, какіе чистые, святыя рассказы о твоей благородной душѣ ходили по студенческимъ вельямъ! Имя твое будетъ вѣчно памятно московскому университету. Оно не даромъ стоитъ на рубежѣ двухъ вѣковъ его исторіи. Второе столѣтіе съ любовью смотритъ на прекрасный образъ этого человѣка, который такъ чисто, такъ благородно вель университетскую нравственность къ добру и чести. Стихія Чернаго моря ему была извѣстнѣе, конечно, чѣмъ тогдашнія теоріи дѣйствительности и разумности; но благородной натурѣ были понятны достоинство и святость науки; поэтому служащее ей юношество онъ любилъ, какъ отецъ, и уважалъ, какъ человѣкъ, богато одаренный нравственными чувствами: „*Если мы не поймемъ, такъ кто жъ пойметъ?*“ говаривалъ онъ, вступаясь за студентовъ. Слова его были родственны, близки каждому. Упреки его часто довели до слезъ весьма неслезливыя натуры. „*Всѣ меня любятъ, одинъ ты меня не бережешь*“—слова эти были ужаснѣе всякаго варцера и служили вѣрнымъ завѣтомъ къ исправленію“.

*Н. М.* „Студенческія воспоминанія о московскомъ университетѣ“ (посвящается Дмитрію Дмитріевичу Кожухову), статья вторая, Жизнь, стр. 15 (28 іюля 1858 г., въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1858 г., т. 120, вн. IX, сентябрь, отд. VI, Смѣсь, ст. I).

---

## IV.

### Къ исторіи русскаго масонства.

Изученію масонства въ Россіи положено солидное начало въ трудахъ Лонгинова, Ешевскаго, Пыпина, Пекарскаго. Но ихъ монографіи и статьи служатъ лишь камнями фундамента; самое зданіе еще не построено; исторія русскаго масонства—поле, еще почти нетронутое. Притомъ же эти труды касаются, преимущественно, масонства въ столицахъ. А между тѣмъ, какъ извѣстно, масонство было явленіемъ чуть ли не всероссійскимъ. Для исторіи масонства въ провинціи не сдѣлано ничего.

Въ Казани масонская ложа появилась довольно рано. Въ 1776 г. была основана въ Казани ложа *Восходящаго Солнца* <sup>1)</sup>, которая примыкала въ московскимъ ложамъ. Ни о дѣятельности этой ложи, ни о составѣ членовъ ея, мы извѣстій не имѣемъ.

Извѣстный казанскій дѣятель Савва Андреевичъ Москотильниковъ принадлежалъ къ числу масоновъ. По свидѣтельству его наслѣдницы, Прасковіи Константиновны Проскура-

---

<sup>1)</sup> С. В. Ешевскій. «Московскіе масоны восьмидесятихъ годовъ прошедшаго столѣтія», Сочиненія, ч. III, стр. 346.

ковой, С. А. передъ смертію уничтожилъ много бумагъ, въ томъ числѣ, кажется, масонскія. Однако, кое-что осталось и послѣ смерти, но въ сожалѣнію распродало. Уцѣлѣло въ бумагахъ С. А. Москотильникова нѣсколько лишь листочковъ, относящихся къ масонству. За то содержаніе ихъ весьма любопытно. Сохранились двѣ масонскія пѣсни, одно стихотвореніе и масонская рѣчь. Это—документы, весьма рѣдкіе.

Приводимая ниже пѣснь есть хоръ и гимнъ въ честь великаго мастера:

### Великому мастеру.

Кто цѣпью дружбы насъ ведетъ  
Въ святилище законовъ  
И кротко возжигаетъ свѣтъ  
Въ сердцахъ прямыхъ Масоновъ:  
Тому воспѣтъ велитъ не лестъ,  
Что онъ достоинъ братьевъ вестъ.

*Хоръ: Такому (дважды) слава, честь (дважды)!*

\*

\*                    \*

Кто учитъ должностямъ святымъ  
И самъ ихъ исполняетъ,  
Кто свѣтъ ученикамъ своимъ  
Охотно открываетъ,  
Кто преданъ долгу чести весь,—  
Того восхвалимъ, братья, днесъ!

*Хоръ: Такого (дважды) видимъ здѣсь (дважды)!*

\*

\*

\*

Кто въ семь пути предходить самъ  
И ревность тѣмъ сугубить,  
Кто сердце, братья, отдалъ намъ,  
И всѣхъ людей кто любить:

Къ тому взаимная любовь  
Должна воспламенять въ насъ кровь!

*Хорз:* Нашъ Мастеръ (*дважды*) есть таковъ (*дважды*)!

\*

\*

\*

Тебѣ согласныя сердца  
Усердну пѣснь взываютъ,  
Въ тебѣ и брата, и отца  
Всѣ братья обрѣтаютъ,

И каждый здѣсь тебѣ зоветъ:  
Дай, Боже, съ нами да живеть!

*Хорз:* Нашъ Мастеръ (*дважды*), много лѣтъ (*дважды*)!

### МОЯ ЖЪ МОЛИТВА.

Что ни зрю въ масонской ложѣ, <sup>1)</sup>  
Лишь письма безъ духа зрю.  
Покажи жъ и духъ мнѣ, Боже,  
Да живъ буду, не умру!

---

<sup>1)</sup> Въмѣсто слова «ложъ» употребленъ символъ — прямоугольникъ □. Что бы замаскировать риму третьяго стиха, «Боже», — поставленъ лишь одинъ инициалъ Б.



Духъ бо, рекъ Ты, оживляетъ,  
А письма, рекъ Ты жъ, губить,  
Чтò и опытъ подтверждаетъ:  
Я *ковромъ* почти убить

По причинѣ недостатка  
Въ объясненіи его;  
Напримѣръ: отвѣсь, лопатка—  
Иль коснуся ужъ всего:

*Ватерпасъ, луна, кругъ солнца,*  
*Наугольникъ, молотокъ,*  
*Циркуль, камни, три оконца,*  
*Полъ, доска, столы, цвѣтокъ —*

Чтò за смыслъ въ себѣ включаютъ,  
Я не знаю ничего;  
Мастера жъ мнѣ отвѣчаютъ,  
Что нельзя сказать сего.

Катихизисъ также самой,  
Разглагольствуя о семъ  
Лишь окольно, а не прямо,  
Говорить не знать о чемъ.

Иль прошу меня уволить  
Отъ прешрашной роли той,  
Волю чтобъ Твою исполнить,  
Жертвуя ей головой,

То есть, чтобъ иллюминатовъ  
Помраченныхъ просвѣтить,  
Показавъ очахъ сихъ гадовъ,  
Чтò ихъ можетъ постыдить,

Да тебя, **Христе!** признають  
**Богомъ и Творцомъ** своимъ,

И отнюдь да не вмѣняютъ  
Въ тварь подобострастну имъ!



Довольно убогіе вирши „Моя жъ молитва“ изображаютъ положеніе неофита или новичка въ дѣлахъ масонства, который съ нетерпѣніемъ спѣшитъ провикнуть въ орденскія тайны, но пока еще не удостоивается полного довѣрія и принятія въ число братій. Весьма любопытна въ заключеніи выходка противъ „Иллюминатовъ“ въ духѣ нетерпимости. Эта выходка показываетъ, что стихотвореніе есть своего рода фальсификація, т. е. что оно писано не новичкомъ, а именно старымъ братомъ, уже проникшимъ въ орденъ, и хорошо знающимъ, въ чемъ дѣло, и въ чемъ разница между истинными масонами, религіозными мистиками, и раціоналистами-иллюминатами.

---

Рѣчь, сохранившаяся въ бумагахъ Саввы Андреевича, очевидно, была кѣмъ то произнесена при отъѣздѣ одного изъ мастеровъ казанской ложи, г. С., переведеннаго на службу въ другой какой-либо городъ. Ораторъ отъ имени братій скорбитъ о разлукѣ, увѣраетъ въ неизгладимости памяти о немъ, передаетъ благія пожеланія и производитъ оцѣнку орденскихъ заслугъ уѣзжающаго мастера.

„Наступаетъ прискорбная для сердецъ нашихъ минута.— Она приближается.—Мы разстанемся съ высокимъ и любезнымъ нашимъ Мастеромъ и братомъ С....—Разстанемся, и можетъ быть, и надолго.—Тяжело! Крайне тяжело для искреннихъ и единомышленныхъ сердецъ; я чувствую въ полной

мѣрѣ сердечныя ваши движенія; чувствую ихъ и смѣшиваю собственную скорбь съ вашими вздохами, утѣшаясь священными сими чувствованіями, чувствованіями истинной и совершенной братской дружбы и приверженности.—Утѣшаюсь, говорю, ибо увѣренъ, что онъ всегда пребудетъ въ душахъ нашихъ, и мы у него не изгладимся; мы будемъ вспоминать любовь его къ намъ, слѣдовать его добродѣтелямъ, чтить его искренность, стараться о приобрѣтеніи тѣхъ священныхъ истинъ и познаній, которыми онъ преисполненъ; и въ награду усердія его къ усовершенствованію нашей слабости, потщимся, всѣми силами поборать добродѣтелямъ его.—И сіе желаніе наше, наше о томъ попеченіе будетъ залогомъ непремѣнныя нашея къ Вамъ любви и уваженія.—Вы обрѣли право на все сіе Вашею къ намъ любовію, Вашими о насъ заботами, наставленіями и взаимною искренностію.—Пріймите залогъ <sup>1)</sup> сей отъ насъ, залогъ совершенной нашей любви и благодарности.—Но мы не разстанемся съ Вами, душа Ваша пребудетъ въ насъ навсегда.—Ею будемъ управляемы, и духъ твой возвеличимъ. <sup>2)</sup> Слово твое, слово благодати, правды и любви прославится паче и паче въ храмѣ нашемъ и, повсюду между братіи нашей, тобою и духомъ твоимъ возрожденной и возвеличенной.—Да не скорбитъ впрочемъ душа твоя, любезный и высокій <sup>3)</sup> братъ, о разлученіи твоёмъ съ любезными твоему сердцу братіями.—Тебя отечество возвало.—Ты вѣрный сынъ онаго.—Послѣдуй гласу сему; не ослабѣвай въ подвигахъ для него.—Благодать Всевышняго архитектора вселенныя укрѣпитъ мышцу твою и прославитъ благая дѣянія твоя въ утѣшеніе сѣтующей нынѣ братіи твоей; здравіе твое пребудетъ невредимо, силы души и духа твоего не ослабнутъ до возрожденія тлѣнности твоей.

---

<sup>1)</sup> Не подарокъ ли ?

<sup>2)</sup> Слова этого вполнѣ разобрать нельзя.

<sup>3)</sup> Въ подлинникѣ: *л. и с.* братъ

Мы сего желаемъ тебѣ отъ искренности нашей. Братъ, прошу  
мнѣ помочь!“ <sup>1)</sup>

За „прощальною рѣчью“ помѣстимъ хоръ, также *про-*  
*щальный*, и выражающій тѣ же самыя чувствованія и по-  
желанія.

Прощаясь съ тобою,  
Любезный вождь и братъ,  
Желаемъ всей душою,  
Ты бѣ щастливъ былъ стократъ,

Чтобъ цѣлость здравія на вѣки сохранилъ,  
Духъ братства, духъ любви ты нашей не за-  
былъ,

И истинѣ святой  
Былъ преданъ всей душой!

Подъ сѣнью благодати  
Ты истину вѣщаль,  
Премудрости искать  
Духъ рвенія вселялъ,

И открывая путь ко лучезарну свѣту,  
Стремился самъ къ сему святѣйшему пред-  
мету,

Дабы насъ побудить  
Любовь къ нему хранить!

Теперь, любовь святая,  
Мы просимъ отъ тебя,  
Чтобъ братъ нашъ, отъѣзжая,  
Былъ здоровъ, хранилъ себя,

---

<sup>1)</sup> За рѣчью слѣдовалъ, повидимому, какой-то обрядъ.

На пользу общества въ трудахъ преуспѣвалъ,  
Полезенъ былъ бы всѣмъ и свято сохранялъ

Любовь къ святой любви  
И къ братіи по крови.

Приведемъ въ заключеніе двѣ строфы изъ любопытной оды „Религія“ самого Саввы Андреевича Москотильникова, которыя отлично рисуютъ мистически-масонскій характеръ его убѣжденій. Ода цѣликомъ до сихъ поръ не напечатана.

*Сынъ Вѣчности, прельщенный палъ,  
Склонися ко твари вождельнѣемъ.  
Онъ Светомъ прежде обладалъ,  
Былъ счастливъ Мудрости вожденьемъ,  
Имѣлъ безсмертіе въ удѣлѣ.  
Но Светъ во внутренность сокрылся,  
Составъ во тлѣнность превратился,  
И—Грѣхъ въ плодахъ своихъ созрѣлъ.*

---

Но если *Правда* изрѣкла  
Виновой Твари наказанье,  
И жизнь во смертность облекла—  
*Любовь* дала обѣтованье,  
Изгваннику присущей <sup>1)</sup> быть;  
*Крестомъ* очистить преступленья,  
И средствомъ *Отчая* влеченья  
Вновь къ жизни Смертность возродить.

За сообщеніе бумагъ приношу благодарность П. К. Проскураковой.

---

<sup>1)</sup> Т. е. не покидать его.

## У.

### Письма Г. П. Каменева къ С. А. Москотильникову.

Письма извѣстнаго казанскаго поэта Гавріила Петровича Каменева были напечатаны еще при жизни его корреспондента и друга, Саввы Андреевича Москотильникова, тоже поэта и переводчика Тасса и Аріоста. Впервые они появились въ статьѣ *Н. Второва*, въ I части сборника графа В. А. Содогуба „Вчера и сегодня“.

Получивъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію наследницы бумагъ С. А. Москотильникова и его воспитанницы *П. К. Проскуряковой* возможность сличить изданіе Второва съ подлинниками писемъ Каменева, мы убѣдились, что эти письма, столь цѣнныя и уже сыгравшія роль въ исторіи русской литературы, нуждаются въ переизданіи. Говоря строго, Второвъ издалъ не самыя письма Каменева, а только извлеченія мѣстъ изъ нихъ, показавшихся ему наиболѣе интересными. Одно письмо изъ сохранившихся совсѣмъ не было напечатано. Вотъ почему, встаетъ сказать, наша нумерація писемъ не вездѣ совпадаетъ со второвскою. Затѣмъ много было опускаемо разнообразнымъ соображеніямъ: изъ опасенія тогдашней цензуры, по мотивамъ назидательнымъ и т. д.

У насъ письма приведены цѣликомъ, за исключеніемъ одного. Къ сожалѣнію, одно письмо, бывшее въ рукахъ Второва, не сохранилось, и намъ пришлось взять его у Второва же по печатному тексту, не смотря на очевидные большіе пропуски въ немъ. Замѣтимъ также, что Второвъ откидывалъ все относившееся къ Казани и къ казанскимъ знакомымъ Каменева.

При всемъ желаніи дать строго-палеографическое изданіе писемъ, согласно съ нынѣшними научными требованіями, это оказалось невозможнымъ провести вездѣ—по причинамъ, которыя будутъ изъяснены ниже.

Всѣ письма печатаются съ подлинниковъ, кромѣ № XIV. Кое-гдѣ прибавлены пояснительныя примѣчанія.



## Первая поѣздка въ Москву.

### I.

Москва, 1799 года февраля 9 дня.

Милостивой Государь, и любезной другъ,  
Савва Андреевичъ!

съ часъ назадъ тому приѣхалъ я слава Богу въ Москву, и въ переездъ 800 верстъ, перетерпѣлъ я нужды, и досады более нежели иной на 8000 верстахъ.—Когда нибудь опишу вамъ всё подробнее, а теперь на худой квартирѣ въ зарядѣ въ мокрой и студеной комнатѣ едва достаеъ терпенія писать.—Судя по первымъ предметамъ мнѣ представляющимся едвали съ трудомъ повѣрить можно чтобъ я былъ въ Москвѣ —въ Москвѣ, куда лѣтъ съ пять сряду всё желаніи мои стремились.—Шумъ, дымъ—туманъ, звонъ, вотъ что въ зарядѣ,—по крайней мѣре улаждаетъ всё это надежда натти въ періодъ <sup>1)</sup> что нибудь лучшее,... впротчемъ при засвидѣтельствованіи вамъ и милостивой Государыне Аграфене Федоровнѣ моего почитанія остаюсь

вашимъ  
Покорнѣйшимъ слугой  
Г а в р и л а К а м е н е в ѣ.

---

<sup>1)</sup> Т. е. впередъ.



О доставленіи мнѣ писемъ, естли будете писать, попросите Василья Семеновича Потехина <sup>1)</sup>,—что то у васъ дѣлается по магистрату <sup>2)</sup>—и по думѣ.—Хотѣлось бы очень знать—Увѣдомте меня естли есть какія новости въ Казанѣ. Любопытство простиительно, естли жѣлаешь узнать о своей родинѣ.

*Адресъ на оборотѣ.*

Милостивому Государю  
Саввѣ Андреевичу  
господину  
Москотильникову

въ Казанѣ.

## II.

Москва, 1799 года, февраля 16 дня.

Милостивой Государь мой и любезной  
другъ Савва Андреевичъ!—

Живучи въ Москвѣ, стараюсь всячески ползоватся тѣми удовольствіями и пріятностями, которыми, безъ потерянія здоровья и безъ ущербу кошелька наслаждаться можно. Купилъ несколько русскихъ и немецкихъ книгъ. Боюсь московской полиціи прихожу въ 7 часовъ домой и читаю уединенно Карамзина или Державина, Хераскова освобожденную Москву <sup>3)</sup>, или бѣдность, и благородство души г. А. Коцебу <sup>4)</sup>... Въ

---

<sup>1)</sup> Торговалъ папскимъ товаромъ въ Казани и впоследствии былъ въ 20-хъ годахъ городскимъ головою.

<sup>2)</sup> С. А. Москотильниковъ былъ въ то время однимъ изъ секретарей городского магистрата, а Каменевъ—бургомистромъ.

<sup>3)</sup> Трагедія Хераскова.

<sup>4)</sup> Драма въ 3 д. М. 1798.

пятницу играли трагедію Владисана... <sup>1)</sup> пришедъ къ театру, взобрался я по 98 ступенямъ каменной лѣстницы въ верхнюю полтинную галерею—усталь, вспотѣлъ, втеснился кое какъ между дѣвками, мужиками, лакеями, подъячими и опустилъ глаза мои на рублевья партеры.—Вы безъ сомнѣнія подивитесь что я взмогнулъ въ полтинныя.—Въ семъ случае слѣдовалъ я совѣту моихъ знакомыхъ, по ихъ словамъ изъ верхней галереи видѣнъ театръ во всей его огромности, и пышности. Въ шесть часовъ, заиграла музыка, поднялся занавѣсъ, и я увидѣлъ печальную Пламиру при гробѣ Владисана. Г-жа Сахарова играла ету ролю—Витозара представлялъ Шушеринъ, Владисана Плавильщико въ—Вамира Померанцовъ—вотъ что я видѣлъ хорошаго и посредственнаго,—Сахарова играла неудачно—и если она во всѣхъ роляхъ такова, то Вѣра <sup>2)</sup> ее ничемъ не хуже. Шушеринъ, имѣетъ прекрасную талію, лицо, произношеніе, съ начало декламировалъ кажется не множо хладнокровно, но съ иптересомъ піесы постепенно прибавлялось въ немъ игры и жару. Стихи, говоритъ очень хорошо, ясно чувствительно. Въ иныхъ мѣстахъ дѣлаетъ чрезъ чуръ быстрыя переходы, изъ плавнаго вдругъ перѣбегаетъ въ скорому изъ громкаго къ тихому; только жесты его кажутся черезъ чуръ механическими, и часто хлопаютъ руками выше головы... Плавильщиковъ его толще играетъ пылко, отрывисто. Въ сильныхъ стихахъ шипко кричитъ. И хотя утверждаютъ здѣсь многіе, что голосъ его сильнее Шушерина, но мнѣ кажется, напротивъ. Владисана игралъ онъ безъподобно. Господинъ Шушеринъ лишь показался на театрѣ, забрили все <sup>3)</sup> въ ладоши, при каждомъ монологе почти при каж-

---

<sup>1)</sup> Трагедія Княжнина.

<sup>2)</sup> Казанская актриса изъ труппы Бобровскаго.

<sup>3)</sup> Т. е. всѣ; такъ и ниже. Шушерина прекрасно изобразилъ въ своихъ воспоминаніяхъ С. Т. Аксаковъ.

домъ стихе били къ стате и некъстате—но Плавильщикову аплодировали только въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ онъ своей игрой принудилъ бы и безъ рукова бить въ ладоши. Шушерина отмѣнно всѣ любятъ. Вотъ вамъ примѣръ: онъ запросилъ нанынешой годъ 3000 р. жалованья и 6 бенефисовъ. Медовскъ <sup>1)</sup> хотѣлъ отказать ему, но московская публика грозила не ездить въ театръ—и Шушеринъ получилъ то чего требовалъ.—О господинѣ *Померанцовъ* ничего не скажу, онъ былъ не здоровъ, игралъ Вамира слабо: и мнѣ кажется онъ не сотворенъ быть трагическимъ актеромъ, грудь у него слаба.—Я не видалъ его въ драмахъ—говорять что онъ неподражаемъ. Незнаю посмотримъ!—Голосъ и произношеніе господина Померанцова сходствуетъ очень съ нашимъ Афанасьевымъ.—Въ воскресенье видѣлъ я въ Збитенщикѣ <sup>2)</sup> *Ожогина*. Онъ игралъ Валдырева <sup>3)</sup>—вотъ актеръ! Дѣиствуетъ натурально. Кажется видишь настоящаго стариннаго вупца. Говорить безъ всякаго старанія безъ напряженія, а всіо смѣшно и всіо къ стате.—Надобно родится Ожогинымъ, чтобъ ему уподобится.—Вчера съ игралъ Сандуновъ комедію, *А для чегожь и не такъ* на свой цотъ. Было такъ тѣсно, что я чуть не изломался и не задохся. Недождавшись представленія, съ досадою кое какъ выбрался на свѣжей воздухъ, и пошолъ домой. Каретъ съ пятьдесятъ поехало отъ театра назадъ, свазываютъ игралъ прекрасно и собралъ, боле двухъ тысячъ.—Дѣло свое я окончалъ, и билѣтъ стараніемъ Андреяна Федоровича получилъ. Теперь осталось развести остальные письма погулять и ѣхать обратно въ Казань.

---

<sup>1)</sup> Содержатель театра.

<sup>2)</sup> «Сбитеньщикъ»—опера въ 3 д. *Я. Княжнина*, СПб, 1790

<sup>3)</sup> «Свадьба г. Волдырева», ком. опера въ 1 д. *В. Левшина*, СПб. въ 8.

Милостивой Государыне Аграфене Федоровнѣ свидѣ-  
тельству мое почтеніе.

Вашъ  
Милостивой мой Государь  
Поворнѣйшій слуга  
Гаврила Каменевъ.

Извините, что письмо не очень чисто пишу прямо на бѣло.

### III.

Москва, 1799 года февраля 22.

Милостивый Государь мой и любезной другъ  
Савва Андреевичъ!—

Былъ я у Куртенера и предлагалъ ему о перемѣнѣ книгъ,  
но онъ дѣлаетъ много затруднѣній, и видно что не хочетъ—  
Сельскія ночи <sup>1)</sup> для васъ куплены, и отданы въ переплетъ,—  
чтожъ касается до Сергея Федоровича <sup>2)</sup>, то я приѣмомъ его  
очень доволенъ, письмо отдалъ, и пилъ доброй реинвейнъ, и  
хорошее пиво—жалуются что вы рѣдко пишете, а Аграфена  
Федоровна рѣдко въ Москву ездитъ.—Окончавши дѣло—ску-  
т  
чаю, хочется скорее возврати ся въ Казань, къ тому же  
денегъ взялъ мало—жить безъ нихъ не лзя,—а занимать не  
пріятно!—

---

<sup>1)</sup> Сельскія ночи, въ пѣсняхъ; сочиненіе г. де ле Во; перев. съ франц.  
Т. Можайскій. СПб. 1786, въ 8, II изд. въ 1792 г. второе изданіе исправлено  
Богдановичемъ—и неудачно.—Сопиковъ, Опытъ, IV, стр. 191 (поэмы), № 8640 и  
8614 (опечатки вм. 8740 и 8741).

<sup>2)</sup> Повидимому, братъ жены С. А. Москотильникова—Аграфены Федо-  
ровны. Въ послѣднемъ, XIV письмѣ онъ обозначенъ уже умершимъ (стр. 152  
ниже).

Третьяго дни, день былъ ясной, вздумалось мнѣ воспользоваться пріятною погодой, и побывать въ томъ монастыре <sup>1)</sup>, въ окрестности коего жила некогда бѣдная Лиза <sup>2)</sup>.— Въ три часа за полдни пріехалъ я къ нему.—

Монастырь построенъ на горѣ, видъ хорошъ и окрестности расположены точно такъ какъ г. Кр: <sup>3)</sup> описываетъ, съ правой стороны верстахъ въ двухъ разстоянія, видна почти вся Москва.—Шесть или семь древнихъ башенъ покрытыхъ красноватою черепичею возвышаются по угламъ его—въ срединѣ двѣ пятиглавыя церкви, стариннаго вкуса, а подлѣ воротъ кельи въ два жилья, выкрашенныя желтою краскою... высокія стѣны съ покрытыми переходами, мрачностію подобны райфскимъ <sup>4)</sup>.—Монахи сей обители, живутъ кажется вѣселее и лучше, нежели въ бѣдной Лизѣ описано. Я видѣлъ въ нижнихъ комнатахъ, ломберновыя столы, зеленыя у окошекъ гардины и зеркала,—съ полуденной стороны, подъ самыми стѣнами, растетъ густой кустарникъ,—а саженьяхъ въ 80-ти, рошица; видно что та самая, близъ коей Лиза жила съ матерью—только очень, очень не густа, и наперечотъ небольшоше—пятидесяти деревь безпорядку разсѣянныхъ,—

Посмотревши внутренность монастыря, вышелъ я завороты.—Воздухъ былъ чистъ.—Видъ Москвы величественъ, солнце блистало ярко, на позлащенныхъ главахъ церквей ея, а более всего на главѣ высокой колокольни, Новоспасаго монастыря... Толстой монахъ, опершись объ надолбы, глядѣлъ отъ скуки на городъ, и дожидался вечерней молитвы.—Было 4 часа! Зазвонили колокола московскія,—протяжной, и заунывной зыкъ ихъ разлился по воздуху—монахъ перекрестился, по-

---

<sup>1)</sup> Симоновомъ.

<sup>2)</sup> Героиня повѣсти Карамзина.

<sup>3)</sup> Карамзинъ.

<sup>4)</sup> Ранеская пустынь близъ Казани.

шолъ въ монастырь,—и начался благовѣстъ къ вечернѣ.—А я поехалъ назадъ.—Вчера съ представляли новую комедію, *Нещастные*, сочиненія г. Коцебу <sup>1)</sup>. Всякой обманется въ сюжетѣ этой пьесы, по названію должна бы быть печальная; но вмѣсто того пресмешная. Сандуновъ, Померанцовъ, Сахаровъ, Плавильщиковъ и Ожогинъ въ ней играли. Содержаніе разскажу дома.—Играли также Ромео, и Юлію, Шушеринъ игралъ отъменно Ромео, и Сахарова Юлію.—Въ Сынѣ Любви <sup>2)</sup>, когда онъ былъ въ темницѣ, бросилъ ему незнаю кто то изъ кресель, полной кошелекъ серебряныхъ денегъ.—Какъ ево любить все, такъ это чрезвычайно.—Впротчемъ свидѣтельству мое почтеніе милостивой Государыне Аграфенѣ Федоровнѣ.—Остаюсь

Вашимъ  
Покорнѣйшимъ слугою  
Г: Каменевъ.

Въ среду на первой недѣле поста думаю изъ Москвы выехать.

---

<sup>1)</sup> Комедія въ 1 д., вышла въ двухъ переводахъ, Смоленскъ, 1802 Н. К.) и Москва, 1803.

<sup>2)</sup> Драма Коцебу въ 5 д. М. 1795 и другой переводъ, М. 1801.

## Вторая повѣдка въ Москву.

### IV.

Москва, 1800 г. сентября 19 дня.

Любезной другъ

Савва Андреевичъ

Три дни въ Москвѣ,—но не видалъ ничего пріятнаго. Гипохондрія какъ тѣнь вездѣ за мною слѣдуетъ—ни что не занимаетъ меня; ни множество народа, ни шумъ каретъ, ни разнообразіе предмѣтовъ—ничто.—Всѣ для меня пусто, все удовольствіи умерли. Я живу въ Москвѣ, и не вижу ее.

Сегодня былъ я у Ивана Володимировича <sup>1)</sup> и получилъ отъ него въ подарокъ экземпляръ о внутренней церкви <sup>2)</sup>, на французскомъ языкѣ. Книга сія переведена и печатана въ Петербургѣ дидотовскими литерами на прекрасной лощеной бумагѣ. Переплетъ сафьянной и обрѣзъ золотой.—Въ пятницу вѣлелъ онъ мнѣ притти въ сенатъ и хотѣлъ взять съ собой обѣдать въ Тургенеу <sup>3)</sup>, чтобъ познакомить съ Карамзинымъ и Измайловымъ, которые тамъ будутъ.—У

---

<sup>1)</sup> Лопухина.

<sup>2)</sup> Quelques traits de l'Eglise intérieure, СПб., 1799 (переводъ изъ Авіата).

<sup>3)</sup> Ивану Петровичу, директору Университета.

Куртенера лучшихъ книгъ ни какихъ нѣтъ, а у Рисса и Сосета остались однѣ романы. А Энгельбахъ прекратилъ во всё <sup>1)</sup> торговлю.—Театра еще не видалъ должно терпеть до четверга. Будутъ играть драмму *Отецъ Семейства* <sup>2)</sup> и балетъ.

Здоровье мое слабо.—Если я буду лежать на какомъ нибудь московскомъ кладбище; то вспоминайте иногда

вашего  
искренняго друга  
Г: Каменева.

Милостивой Государынѣ Аграфенѣ Федоровнѣ, Петру Петровичу, Федору Осиповичу <sup>3)</sup> и Ивану Ивановичу прошу свидѣтельствовать мое почтеніе.

P. S.) Пишите ко мнѣ о новостяхъ казанскихъ.—Можетъ быть, они развлекутъ меня.—

(*Адресъ*) Милостивому Государю  
Саввѣ Андреевичу  
господину  
Москотельникову.

## V.

Москва, 1800 года сентября 26 дня. <sup>4)</sup>

(вторникъ.)

Любезной другъ мой

Савва Андреевичъ!—

Здоровье мое начинаетъ поправляться! Безпрестанное движеніе, обращеніе съ людьми, ѣзда по улицамъ, и игра на

---

<sup>1)</sup> Т. е. вовсе.

<sup>2)</sup> Драма въ 5 д. пер. съ пѣм. Н. Сапдуновъ. М. 1784.

<sup>3)</sup> Ключекъ вырванъ.

<sup>4)</sup> Не ошибка ли, вмѣсто 25-го? См. дальше.



бильяртѣ, занимають меня съ утра до вечера.—Въ пятницу Иванъ Володимировичъ рекомендовалъ меня господину Тургеневу подѣ именемъ казанскаго *негосіянта* и *литтератора*. Я принять былъ очень благосклонно; и господинъ директоръ университета сказалъ мнѣ: что онъ за удовольствіе себѣ представляетъ, знать меня лично, хотя уже я какъ ему такъ и дѣтямъ <sup>1)</sup> его давно по переводамъ извѣстенъ.—Потомъ спросилъ меня въ шуткахъ, былъ ли я у *старосты російской литтературы* (т. е. у Хераскова) и наотвѣтъ Ивана Володимировича, что онъ меня еще съ нимъ не познакомилъ; препоручилъ онъ старшему сыну своему съѣздить со мною, и рекомендовать меня *десятнику литтературы* г. Карамзину, которой болень и ни куда не выезжаетъ.—Потомъ сѣли за столъ, въ продолженіе коего, говорилъ я съ дѣтьми его, о нѣмецкихъ авторахъ. Старшей <sup>2)</sup> любитъ страстно Гете, Коцебу, Шллера и Шписа. Онъ много переводилъ изъ нихъ, а особенно изъ Коцебу,—тамже познакомился я съ профессоромъ Геймомъ <sup>3)</sup> издателемъ новаго Лексикона.—Третьяго дни обѣдалъ я у Ивана Володимировича, гдѣ были г. Тургеневъ, и Поздѣевъ.... Послѣдному рекомендованъ я подѣ именемъ любителя литтературы, и званъ имъ къ себѣ.—Вечеромъ же былъ въ театрѣ, представляли *Школу злословія* <sup>4)</sup>. Роль Досажаевой играла изъ Петербурга новая актриса г-ж: Воробьева (однакожь не жена славнаго Воробьева, а другая).

---

<sup>1)</sup> Сынвья его: Андрей, Николай и Александръ Ивановичи.

<sup>2)</sup> Андрей Ивановичъ, рано умершій.

<sup>3)</sup> Иванъ Андреевичъ Геймъ, проф., и потомъ ректоръ московскаго университета. Здѣсь имѣется въ виду Лексиконъ, или словарь Нѣмецко-Російскій и Російско-Нѣмецкій, 2 ч., Рига, 1801,—новое изданіе, Лейпцигъ 1803—1805. Новымъ названъ онъ по сравненію съ Лексикономъ Аделунга, СПб. 1798.

<sup>4)</sup> Комедія—*Шеридана* въ 5 д. пер. съ Англинскаго М. Муравьева. С.-ПБ. 1795.

—Вчера съ Иванъ Волдиминовичъ бралъ меня съ собою объѣзжать въ г: Дмитревскому <sup>1)</sup> переводчику Томсоновой поэмы

*x*  
*четыре времени года.* Онъ служитъ экспедиторомъ при почтамтѣ. Тамъ я видѣлъ бригадира Чулкова, упражняющагося также въ переводѣ фселеновыхъ сочиненіи.—Весело жить въ Москвѣ человѣку молодому, съ здоровьемъ, съ деньгами, съ друзьями и подругами; онъ найдетъ тысячу удовольствій, которые будутъ питать его; но старикъ, и старикъ лѣтъ въ тридцать, ни имѣющему ни того ни другаго, веселѣе въ уединенномъ кабинетѣ, съ перомъ, съ книгою, и съ трубкой.—Вчерашной день получилъ я изъ Казани нѣсколько писемъ, искалъ отъ васъ но,—тщетно!.... Неужели растояніе нѣсколькихъ сотъ верстъ охладило ко мнѣ вашу дружбу.—

Живу <sup>2)</sup> въ Москвѣ и ничего еще не здѣлалъ. Обѣдаю ежедневно въ людяхъ и все въ 4 часа за полдень... Подумайте каково моему желудку.

Шесть дней съ ряду, лилъ здѣсь безперестанный дождь. Грязно какъ на Проломной <sup>3)</sup>. Влажной туманъ скрываетъ верхи кремлевыхъ башенъ, воздухъ сыръ, холоденъ. Вотъ пища для гипохондріи. Такая погода въ Лондонѣ, надѣлала бы работы Шпизу...

Здѣсь случаются почти ежедневно небольшіе пожары, а особливо по вечерамъ. Возвращаясь домой часто вижу надъ городомъ зарево. Но, все такъ покойно, такъ тихо, какъ бы ничего небыло. Ни въ набатъ, ни въ барабаны небыютъ а только въ трещотки, да это въ той части, гдѣ горить.... О бритые бороды сообщу вамъ странное замѣчаніе. Цирюльники неупотребляютъ здѣсь висточекъ, а мажутъ мыломъ рукой...

---

<sup>1)</sup> Четыре времени года; пер. съ пѣм. *Изъ Дмитревскій.* М. 1798, II изд. М. 1803.

<sup>2)</sup> Нѣсколько измѣненный почеркъ показываетъ, что Каменевъ продолжалъ письмо чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени.

<sup>3)</sup> Улицъ въ Казани.

Посмѣйтесь этому. Что городъ то норсвъ, что деревня то  
обычай.—Написалъ вамъ много всякаго вздору; будете ли вы  
такъ прилѣжны. Незнаю.—Прощайте...

Покорный вашъ слуга  
Г: Каменевъ.

Милостивой Государыне Аграфене Федоровнѣ прошу за-  
свидѣтельствовать мое почтеніе такъ же и милостивымъ Госу-  
дарямъ Федору Осиповичу <sup>1)</sup>, Петру Петровичу (если въ Казанѣ)  
и Ивану Ивановичу; дай Богъ—чтобъ вы все были здоровы.

## VI.

Москва, 1800 года сентября 27 четвертокъ.

Любезной другъ мой Савва Андреевич!

Въ 8 часовъ утра, я былъ у старшаго сына господина  
Тургенева. Онъ читалъ мнѣ нѣкоторые изъ своихъ переводовъ, въ  
томъ числѣ и *негровъ невольниковъ* <sup>2)</sup> славнаго Коцебу. Сей зна-  
менитой авторъ по приѣздѣ своемъ въ Петербургъ былъ предста-  
вленъ Государю, и принятъ имъ благосклонно. Онъ сочинилъ  
тамъ новую пѣсу. Въ ней выходитъ на сцену, Лейбъ Кучеръ <sup>3)</sup>  
Императора Петра III, которой по смерти монарха сего, живетъ  
болѣе тридцати лѣтъ въ крайней нищетѣ, скудости; но, на-  
конецъ достойнымъ сыномъ его извлекается изъ нещастія; и  
за прежнія заслуги и терпеніе, получаетъ награду. Пѣса по-  
нравилась государю. Сочинитель ея пожалованъ слѣдующимъ  
чиномъ, здѣланъ директоромъ петербургскаго нѣмецкаго те-

---

<sup>1)</sup> Повидимому, это тестъ Саввы Андреевича, т. е. отецъ его жены,  
Аграфены Феодоровны.

<sup>2)</sup> Драма въ 3 д. Смоленскъ, 1802 и другой переводъ, Москва, 1803.

<sup>3)</sup> Лейбъ-Кучеръ, драматическій анекдотъ. СПб. 1800.

атра, жалованья положено ему 1200 р. и сверхъ того получилъ еще дачу въ Лифляндіи, съ которой доходу 3000.— Вотъ торжество талантовъ!—Вотъ награда прославляющая щедроты Императора.

Пятница, 28.

Иванъ Петровичъ Тургеневъ далъ мнѣ читать *Spectateur du Nord* журналъ совершенно въ моемъ вкусѣ; въ немъ очень мало политическаго, а почти все литературные мелкіе піесы. Нѣкоторые изъ нихъ списалъ и посылаю къ Вамъ.— Сынъ его подарилъ мнѣ піеснъ г. Шиллера къ радости. <sup>1)</sup> Коцебу превозноситъ ее во многихъ своихъ сочиненіяхъ; и въ одномъ мѣсте говоритъ: что самъ геніи восторга писалъ ее. Для меня, она посредственна. Переведя ее на русской языкъ пришлю къ Вамъ любезному другу. Г. Лопухинъ подарилъ мнѣ новый переводъ Телемака г. Лубяновскаго <sup>2)</sup>, и французскую книжку *La presence de Dieu* печатанную въ Московской типографіи.—Ее превосходительство госпожа С п и р и д о в а, дочь покойнаго князя Щербатова, сочинителя російской исторіи, узнавши что я великой прозаистъ и—стихотворецъ, ввѣла меня въ уборную свою комнату, гдѣ сидѣвши за туалетомъ, читала съ часъ переводы свои и сочиненіи. Въ числѣ послѣднихъ отличается Вздо хъ писаный при полученіи извѣстія о кончинѣ ея родителя.—Въ театрѣ я видѣлъ *Дианино древо* <sup>3)</sup>. Купидона играла гж: Сандунова... Какая живость, ловкость!—Какой голосъ!... Въ партерахъ недалеко отъ меня стоялъ російской Гаррикъ г. Померанцовъ, и я съ подчасъ говорилъ съ нимъ: о Коцебу, о переводахъ піесъ его, о Шушеринѣ <sup>4)</sup>

<sup>1)</sup> Это знаменитое *An die Freude*, вдохновившее Бетховена.

<sup>2)</sup> Приключенія Телемака, сына Улисса, соч. г. Фенелона... вновь переведено съ подлинника, 2 ч. М. 3 изданія: 1800, 1803, 1810.

<sup>3)</sup> *Дианино древо*, опера въ 2 д. съ хорами, пер. съ итал. И. Д., СПБ. 1771.

<sup>4)</sup> Надписано надъ зачеркнутымъ „Плавильщикъ“.

находящимся нынѣ при петербургскомъ театрѣ, о Бобровскомъ, которой въ Воронежѣ, и проч:...

29 суббота.

Я былъ сегодня на Иванѣ великомъ.

Утреннѣе солнце, разгнало влажные тучи волнующіяся надъ Москвою. Лучи его уперлись въ золотыя куполы и кресты, возносящіяся между безчисленнымъ множествомъ домовъ и башенъ.—Воздухъ былъ тихъ, небо ясно, и величественная картина города, во всемъ огромномъ великолѣпнн распростерта была подо мною.—Сколько церквей! Сколько прекрасныхъ зданіи!... Близъ <sup>1)</sup> колокольни видна Грановитая палата, подлѣ ея храмъ с. Николая, съ одиннатцатью сіяющими главами; а далѣе, зеленѣется высокая кровля царскаго терема; гдѣ милые царевны воспитывались, и откуда видѣли одни высокіе стѣны и нахмуренное чело Ивана великаго—Москва рѣка блистающая въ лучахъ солнца, раздѣляетъ столицу сію, и препоясывается двумя мостами изъ коихъ одинъ каменной. Домъ Пашкова, домъ воспитательной, университетъ, андроньевская и новоспасская колокольни, церковь св. Мартина, монастырь Симоновъ съ высокими башнями рисующимися на горизонтѣ и множество другихъ мастерскихъ произведеніи архитектуры; возвышаются въ прекрасѣйшемъ безпорядкѣ изъ огромной кучи домовъ, построенныхъ въ обширной равнинѣ.—Вотъ картина интересная для зрителя!—

1 октября.—понедельникъ.

На прошедшихъ дняхъ я былъ въ театрѣ. Но никогда необманывался столь въ моемъ ожиданіи. Представляли—не нависть къ людямъ и р а с к а я н і е <sup>2)</sup>—вы удивляетесь...?

---

<sup>1)</sup> Далѣе писано измѣненнымъ почеркомъ—послѣ промежутка времени.  
<sup>2)</sup> Комедія въ 3 д. съ нѣм. М. 1796 и 1801. Переводъ Нв. Репьева, СПб. 1794.

—Напрасно. Скука была престрашная... Невзирая на сочиненіе: на Мейнау—Плавил. на Еилалію—Сахарову бывшую Сивевскую, на графа,—Померанцова, на Биттермана—Ожогина, на Петрушу—Сандунова, на Горста—Сахарова разыграли ее столь худо, и столь мало тронули сердце мое, что я пошелъ изъ театра съ твердымъ намѣреніемъ ни когда съ женой моей не примирятся...

2 октября. Вторникъ.

Вчера съ обѣдалъ я у г. Тургенева. Старшаго сына его было рожденіе. Тамъ я видѣлъ вице адмирала Плещеева сочинителя *Обозрѣнія Россійской имперіи* <sup>1)</sup> и цензора Прокоповича Автоvsкаго <sup>2)</sup>. Господинъ Тургеневъ говоря со мною между прочимъ упомянулъ, что напрасно я небылъ по сіе время у Хераскова; которой знаетъ что почитатель его творенія, и хочетъ меня видѣть.—Вы не повѣрите сколь это для меня лестно!—Вечеромъ заѣхалъ я въ трактиръ,—схватился на биліартъ, и плуты ограбили меня на полтину серебромъ—пожалѣйте о бѣдномъ!...

3 октября среда.

И вторая почта пришла—а отъ васъ ни строчки. Видно вы со всѣмъ меня забыли.—Это письмо посылаю я съ купцомъ Соснинымъ <sup>3)</sup> которой сегодня ѣдутъ въ Казань.—Взду-

---

<sup>1)</sup> *Обозрѣніе Россійской Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи. соч. Сергѣемъ Плещеевымъ. СПб.. 1786. Слѣдующія изданія, тамъ же, 1787, 1790, 1793, нѣм. пер. Лейца, М., 1787, фр. пер. 1796 и другой фр. М. 1804.*

<sup>2)</sup> Знаменитый впоследствии ректоръ и директоръ благороднаго университетскаго пансіона—«три Антона».

<sup>3)</sup> Повидимому, кунецъ не казанскій.

малъ я любезной другъ Савва Андреевичъ подать здѣсь въ апекунской совѣтъ прозбу о приготовленіи чрезъ полгода денегъ господина Крашенинникова,—а какъ къ сему нужно вѣрющее письмо отъ помощника моего въ апекѣ; то покорно васъ прошу написать его и засвидѣтельствовать въ магистратѣ. Если нужно вамъ видѣть билѣты то спросите; они у Иродіона Петровича. <sup>1)</sup>—

Свидѣтельствую мое почтеніе Милостивой Государынѣ Аграфене Федоровнѣ, братаца ее я видѣлъ и письмо отдалъ,— также прошу засвидѣтельствовать мое почитаніе милостивымъ Государямъ—Федору Осиповичу, Ивану Ивановичу, Петру Петровичу Николаю Семеновичу, и всѣмъ моимъ знакомымъ, кто обо мнѣ спросить. Остаюсь

вашимъ  
Покорнѣйшимъ слугой  
Г: Каменевъ.

*Часъ за полдень.*

Сію минуту пришелъ я отъ господина Карамзина. Онъ и Дмитревъ, которой былъ у него. Приняли меня очень хорошо подробности сообщу послѣ.—

~~~~~

Въ качествѣ приложенія къ этому письму слѣдуетъ выписка со стихами изъ упомянутаго французскаго журнала, поправившагося Каменеву. Приводимъ стихи съ его ореографіею.

¹⁾ Повидимому, это—купецъ Хворовъ.

Sur L'Homme.

Sonnet № 3 Spectateur du Nord.

Objet, digne a la fois de pitié, de colere,
Dont la bassesse etonne, ainsi que la grandeur!
Tyran de la nature, esclave de l'erreur
Qui joins l'orgueil extreme à l'extreme misere!

O toi, qu'en se jouant la main du createur,
Pour regner, pour servir, a jeté sur la terre;
Comment te definir? Ton etre est un mystere
Qui toujours te derobe à l'oeil observateur.

Je te vois tour à tour (contraste bien etrange!)
Planant au haut des Cieux ou plongé dans la fange
Ou brillant de Vertus, ou hideux de forfaits

O lumiere! O nuage! O profondeur extreme!
J'ai voulu tout connoitre et m'ignorois moi-même
Confus, desabusé, je doute... et je me tais.

Cromvel a Christine, Reine de Seede,
en lui envoyant son portrait.

Vers de Milton, traduits par Mr: l'abbe
Delille.

Astre brillaut du nord, intrepide Amazone,
L'exemple de ton sexe, et la gloire du trone!

Tu vois comme le casque, au declin de mes ans
D'un front déjà ridé couvre les cheveux blancs.
A travers cent perils, dans des routes sans trace,
Les destins triomphans ont conduit mon audace:
Un peuple entier remit ses droits entre mes mains:
Jaloux d'exécuter ses ordres souverains,
C'est pour lui que j'ai pris, que je garde les

armes;

Mais rassure ton coeur; l'auteur, de tant d'allarmes,
Cromvel dans ce Tableau se soumet à tes lois
Ce front n'est pas toujours l'épouvante des Rois.

P. S.) Мильтонъ и Делиль не тѣ которыхъ мы знаемъ.
Мильтонъ нынѣ славенъ въ Англіи своими мелкими піеса-
ми а—Делиль, говорятъ французской новой трагикъ.

VII.

Москва, 1800 года октября 10 дня.

Любезной другъ мой Савва Андреевичъ!

Въ прошедшемъ письмѣ я обѣщаль вамъ сообщить по-
дробности визита моего у господина Карамзина. Вотъ они:

Въ половинѣ двенадцатаго часа, съ старшимъ сыномъ
г: Тургенева, поѣхали мы на Никольскую улицу, и
взошли въ нижней этажъ зелененькаго домика гдѣ гос-
подинъ Карамзинъ нанимаетъ квартиру. Мы застали его
съ Дмитревымъ читающаго 5-ю и 6-ю часть его
путешествіи; которые теперь въ петербургской цензурѣ

и скоро вмѣстѣ съ московскимъ журналомъ ¹⁾ будутъ напечатаны. Увидѣвши насъ Карамзинъ всталъ изъ волтеровскихъ кресель, обитыхъ алымъ сафьяномъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку, и говорилъ: что Иванъ Володимировичъ давно ему обо мнѣ сказывалъ; что онъ любитъ знакомится съ молодыми людьми любящими литературу. И не давши мнѣ ни слова вымолвить, спросилъ не я ли присылалъ ему переводъ изъ Казани, и напечатанъ ли онъ, я отвѣчалъ и на то, и на другое какъ можно короче. Послѣ сего начался разговоръ о книгахъ, и оба сочинители спрашивали меня на перерывъ: какіе языки мнѣ извѣстны? гдѣ я учился? сколько времени? что переводилъ? что читалъ? и не писалъ ли чего стихами? Я отвѣчалъ, что перевѣлъ оду изъ Клейста ²⁾. Г: Дмитревъ, требовалъ наступательнымъ образомъ чтобъ я нѣсколько строфъ прочелъ ему, утверждая что онъ послѣднюю піэсу которую сочинялъ всегда наизусть помнитъ. Но я имѣлъ на тотъ разъ такое отсутствіе духа что невыговорилъ бы порядочно ни одного слова; и чѣмъ болѣе они приступали тѣмъ менѣе чувствовалъ въ себе способности ихъ удовольствовать (хотя всю оду наизусть помню) и наконецъ отказался слабостію памяти.—Карамзинъ спросилъ Тургенева перевѣлъ ли переписку Юнга съ Фонтевеллемъ изъ філософіи природы; и начали говорить о сей книгѣ, которой сочинителя господинъ Карамзинъ не любитъ. Вотъ слова его: этотъ авторъ можетъ только нравиться тому, кто имѣетъ *темную* любовь въ литературѣ. Опровергая мнѣніи другихъ самъ не говоритъ ничего сноснаго,

¹⁾ «Московскій Журналъ» издавалъ Карамзинъ въ 8 ч. 1791—1792 г. Въ это время Карамзинъ готовялъ второе изданіе «Журнала», которое и вышло 1801—1803 г.

²⁾ «Желаніе спокойствія».

ожидаешь много, приготовишься, а выдетъ вздоръ. Нѣтъ плавкости въ штиль, нѣтъ *зернистыхъ* мыслей: многое слабо, иное *плоско*, и онъ ничѣмъ не *бриллируетъ*.—Карамзинъ употребляетъ французскихъ словъ очень много. Въ десяти русскихъ вѣрно есть одно французское. *Имажинация, сентименты, tourment, energie, epithet, экспрессія, экселлировать* и проч: повторяетъ очень часто. Стихи съ рифмами называетъ *побѣжденною трудностью*. Стихи бѣлые ему нравятся—но говорить что если начнетъ писать, то заставитъ всѣхъ поражать себе.—По его мнѣнію русской языкъ несотворенъ для поэзіи... а особливо съ рифмами, что окончаніе стиховъ на глаголы ослабляетъ экспрессію.—Перебирая людей имѣющихъ въ Казани свои бібліотики, о васъ упомянулъ я, и сказалъ что вы трудитесь въ переводѣ Тасса. Да не стихами ли?.. спросилъ Дмитревъ. Я отвѣчалъ, что прозою съ перевода ле брюнова. И Карамзинъ призналъ етотъ переводъ самый лутчій.—Дмитревъ хвалилъ фонъ Визина, Богдановича. Но Карамзинъ былъ противнаго мнѣнія и когда первой читалъ нѣсколько стиховъ изъ поэмы на разрушеніе Лиссабона: переведенной какъ онъ говоритъ Богдановичемъ то онъ критиковалъ стихи:

Я живъ, я чувствую и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья.

называя ихъ слабыми, плоскими, и проч:... Онъ росту болѣе нежели средняго, черноглазъ, черноволосъ носъ довольно великъ, румянецъ неровной и бакенбартъ густой. Говоритъ скоро, съ жаромъ и перебираетъ всѣхъ строго. Жалуется на цензуру. Сожалѣетъ что неумѣлъ воспользоваться отъ своихъ сочиненіи, и называетъ ихъ своею *деревенкою*.—Дмитревъ росту высокаго, волосовъ въ головѣ мало. Косъ и худощавъ. Они живутъ очень дружно

и обращаются просто, хотя одинъ поручикъ, а другой генераль поручикъ.—Прощаясь со мной просилъ меня, чтобъ я чаще къ нему ходилъ.—

Третьяго дни въ 8 часовъ вечера я имѣлъ сильную лихорадку. Стужа разливалась по нервамъ. Напившись чаю я почувствовалъ жестокой жаръ и думалъ что это начало болезни, долженствующей умертвить меня. Ночь была ветрена, темна, дождь стучалъ въ оконницы, и на хтѣ вехтеры, которые кричатъ часы, ходя поулицамъ; осиплымъ своимъ голосомъ умножали тоску мою.—Если умру здѣсь, думалъ я. То развѣ одинъ Иванъ поплачетъ надъ моимъ трупомъ, и прежде нежели вы узнаете, что друга вашего нѣтъ насвѣте; зимніи вѣтеръ нанесетъ бугоръ снѣгу на могилѣ его.— — — Слава богу!.. съ зарею утра, взошла надежда на горизонтѣ отчаянія. Я имѣлъ сильной потъ, и теперь начинаю оправляться... О книгахъ писанныхъ вами порядочно не хлопоталъ.—

Прочеркнувши длинное тире, взглянулъ я на улицу которая очень уска, и увидѣлъ въ супротивномъ домѣ какого-гото полковника, Мосъеу. Она глядѣла долго на проходящихъ, и наконецъ съ предовольнымъ и безпечнѣйшимъ видомъ взвернула въверхъ брюхомъ на солнцѣ.—Вотъ думалъ я ты ищешь щастія! чтобъ получить его, то должно имѣть хвостъ, и обрѣзать уши.—Какой вздоръ!...—Прощайте.—

Милостивой Государыне Аграфенѣ Федоровнѣ желаю добраго здоровья, и щастія... Желаю чтобъ вы были веселы и благополучны. А я во всемъ посереднему, ни боленъ, ни здоровъ какъ былъ прежде да видно что такъ же буду и послѣ.—

Милостивому Государю Ивану Ивановичу благодарю за приписаніе.—Кладбищи правда вездѣ одинаковы: по

умѣреть въ столицѣ кажетса почтеннѣе нежели въ губернскомъ городѣ, а особливо для бывшаго бургомистра.—Петру Петровичу естли въ Казанѣ мое почтеніе: Матвѣю Григорьичу естли увидитѣ, Николаю Семенычу и протчимъ знакомымъ.

Вашъ покорный слуга Г: Каменевъ.

(притиска съ боку) боюсь кабы не прожить здѣсь до зимы.—

VIII.

Москва 1800 года октября 17.

Любезной другъ мой

Савва Андреевичъ!

На полученіе двухъ пріятныхъ отъ васъ писемъ, отвѣчаю вамъ нѣсколькими строчками. Притчиною тому мое нездоровье. Нарывъ на спинѣ случившеися и сопровождаемой другими болезнями, удалилъ отъ меня сонъ и принудилъ дней съ шесть сидѣть дома.—И такъ извините любезной другъ мой, что на этой почтѣ мало, но зато на слѣдующей можете быть больше поговорю съ вами.—Прощайте. Желаю вамъ добраго здоровья, такъ же и милостивой Государыне Аграфене Федоровнѣ желаю всякаго благополучія. А я остаюсь

вашимъ
навсегда покорнѣйшимъ слугою
Г: Каменевъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе милостивому Государю Федору Осиповичу, Ивану Ивановичу, Петру Пет-

ровичу съ благодарностію за приписку и всѣмъ знакомымъ
кто о мнѣ спросить.

Р. S. Если отъ магистрата будетъ требовать мещан-
ской староста или кто другой пашпорта для извѣстнаго вамъ
Елизарова, которой ныне здѣсь въ Москвѣ, то если можно,
не замедлите ему въ даче онаго, онъ меня просилъ, чтобъ
написать къ вамъ—и я обѣщаль будучи обязанъ ему за
нѣсколько маленькихъ услугъ.

(Адресъ на оборотѣ).

Милостивому Государю и
любезному другу

Саввѣ Андреевичу
господину
Москотельникову.

IX.

Москва, 1800 года, октября дня
(мѣсто числа не заполнено).

Мой любезной другъ Савва Андреевичъ!—

Третьяго дни я здѣлалъ второй визитъ г. Карамзину;
и принять имъ столь же хорошо какъ и въ первой. Сѣвши
въ волтеровскіе свои креслы; просилъ онъ меня чтобъ я сѣлъ
на диванъ, возвышенной не болѣе шести вершковъ отъ полу—
гдѣ какъ варла передъ гигантомъ въ уничижительнѣйшемъ
положеніи, имѣлъ удовольствіе съ часъ говорить съ нимъ.
Г. Карамзинъ былъ въ совершенномъ дезабильтѣ: бѣлой
банковой сертукъ на распашку, медвежьи большіе сапоги,

разстегнутая рубаха, и растрепанные волосы, перевязанные на головѣ косыпкою, составляли его одѣжду.—Говоря о новыхъ французскихъ Авторахъ, (которыхъ я очень мало знаю) совѣтовалъ мнѣ читать новѣйшіе романы, утверждая, что ничѣмъ неможно столь себя усовершенствоватьъ въ штилѣ, какъ прилѣжнымъ чтеніемъ оныхъ.—Совѣтовалъ мнѣ сочинить что нибудь въ нынѣшнемъ вкусѣ, и признавался что до изданія Московскаго Журнала много бумаги имъ перема-рано, и что не иначе можно хорошо писать, какъ писавши прежде худо и посредственно.—Журналъ его скоро выдетъ новымъ тисненіемъ; но только цензура не пропустила нѣкоторые піесы, находящіяся въ старомъ изданіи, какъ то: Барухъ или Варухъ и прочее.—Комнаты его очень хорошо убраны, и на стѣнахъ много портретовъ французскихъ и италіанскихъ писателей. Между прочими замѣтилъ я: Тасса, Метастазія, Франклина, Буфлера, дю Пати и другихъ бельлетристовъ.—Сколь онъ ни добръ, сколь характеръ его ни кротокъ; но
х
имѣеть многи непріятелей, которые изъ зависти ему вредить стараются. Нѣкто сочинилъ на него слѣдующую, глупую эпиграмму:

Былъ я въ Женевѣ, былъ я въ Парижѣ.
Спесью сталъ выше, разумомъ ниже.—

А на Бездѣлки его также кто то здѣлалъ стихи:

Собравъ свои творенья мелки,
Французъ изъ русскихъ надписалъ: „Мои без-
дѣлки“

А умъ прочтя сказалъ:
Немного дива,
Лишь надпись справедлива.

Г. Д м и т р е в ъ, почитатель, и другъ Карамзина, думая что послѣдніе стихи сочинены Ш а т р о в ы м ъ ¹⁾; отвѣчалъ на нихъ:

Коль разумъ чтить должны, мы въ образѣ Шатрова:
Насъ Боже упаси, отъ разума такова. —

Недавно я видѣлъ прекраснѣшшую дѣвушку подобную любезной Н. которая въ Казанѣ. Таже милая томность въ лазоревыхъ глазахъ ея, таже небесная улыбка, та же осанка, ловкость, прелести.—Однимъ словомъ естлибы я былъ Г л е й х е н ь ²⁾, съ восторгомъ, съ пламенемъ, прижалъ бы полныя груди ихъ, къ моему сердцу трепещущему, и съ развѣженнымъ чувствомъ, въ томномъ и сладкомъ упоеніи души страстной сказалъ бы:—я—щастливъ!—р а з у м ѣ т с я, е с т л и б ы н е имѣлъ супруги, которая дѣлаетъ жизнь мнѣ пріятною,—естлибы получилъ позволеніе, на двухъ жениться, и—естлибы,.. бездѣлица... не похожъ былъ на гнилое лыко.

Въ томъ же домѣ гдѣ я квартирую (на Устретенкѣ въ приходѣ Успенія въ Печатникахъ) живѣтъ майорша А л ф е р о в а, которая пріѣхала въ Москву лѣчится. Она имѣетъ дочь, изрядно воспитанную и собою красавицу. Проѣзжая мимо оконъ ея комнатъ всегда вижу ее за книгою или за клавесиномъ.—На прошелшей недѣле, когда я былъ очень боленъ, и въ сумерки облокотившись на столъ занимался

¹⁾ Николай Михайловичъ Шатровъ, перекладывавшій псалмы (1763+11 окт. 1841), сынъ плѣннаго перса Шатра, воспитывался въ домѣ Петра Алексѣевича Татищева.

²⁾ Герой одной поэмы, переведенной съ пѣмецкаго Каменевымъ.

своей гипохондріей—вдругъ входитъ хозяинъ дома—и—просить у меня того стола чтобъ положить на немъ умершую свою постоялку.—Я вскочилъ отъ страха—какъ? развѣ умерла она?... Да отвѣчалъ онъ сухо, и потащилъ столъ изъ комнаты.—Вотъ что дѣлаетъ параличъ!... бывши почти совершенно здоровою—умираетъ въ двѣ минуты!.. О жизнь, жизнь бѣдная! думалъ я. Одинъ тяжкой вздохъ, одна конвулзія!..—Смерть подниметъ съ скрыпомъ шлагъ баумъ вѣчности; и—странни въ, содрогнувшись пускается въ дальнѣй, въ дальнѣй путь, безъ пашпорта и подорожной ¹⁾.)—Нещастная дочь
м
ея, осталась въ жалко положеніи!—съ печали, она и по сіе время въ рукахъ лѣварей.

Вчера съ прочелъ я романъ *Dusseldorf ou le Fratricide* переведенный съ аглинскаго. Приключеніи хотя и обыкновенны, но, занимательны; а особливо театръ произшествіи.—Дѣйствіе въ Н о р в е г і и и въ Вѣне. Зимніе сцены, разваливающіяся замки, скелеты, описаны довольно ²⁾ разительными красками. Штиль очень не дуренъ, и много новыхъ фигурныхъ оборотовъ.—Теперь читаю *Celestine ou les epoux sans l'etre*. Въ ней раздраженный отецъ бѣсится, какъ въ Эвгеніи.—На прошедшей почтѣ получилъ я печальное извѣстіе о смерти моего Рабикана. Онъ важивалъ меня по горамъ и долинамъ; и спотыкаясь изрѣдка, наконецъ спотыкнулся на вѣки. Въ мирѣ да покоится прахъ его. А я буду донъ кшотствовать на Баярдѣ купленномъ послѣ Полянскаго.—
Книгъ хорошихъ ни у Куртенера ни у Рисса у Сосета

¹⁾ Писано далѣе послѣ перерыва, судя по почерку.

²⁾ Sic. Описка.

нѣтъ. Остались одни романы, да и то посредственные. Если не жалѣть денегъ то за 300 р. можно купить сочиненія волтеровы изъ партикулярной библіотеки, также и прочіе увражи заплатя въ двое; но денги, денги здѣсь очень дороги, и очень нужны. Безъ нихъ боюсь, чтобъ не сбылись сомвою стихи г. Аблесимова.—

Нѣтъ ума, да денегъ много
Таеъ не будешъ жить убого
А съ умомъ да безъ гроша
Не дадутъ воды ковша.

Милостивой Государыне Аграфене Федоровнѣ свидѣтельству мое почитаніе, Петра Петровича благодарю за приписки.—На будущей почтѣ постараюсь отвѣчать навихъ. Ивану Иванычу мой поклонъ.—Прощайте

вашъ покорной слуга Г: Каменевъ

Скоро писалъ я, писалъ безъ разбору,—
м
много ва навраля, всякаго вздору ¹⁾).

(*Обоку*) У Лукъяна Яковлича я былъ, и, хотя въ пудрѣ и кафтанѣ, но онъ почелъ меня за обыкновеннаго торгаша, и говорилъ только о товарахъ.—Матерія, очень интересная...

Х.

Москва 1800 года, октября 31 дня.—

Любезной другъ мой Савва Андреевичъ!—

Писма ваши на прошедшей почтѣ полученные, обрадо-

¹⁾ Рифма.—Читай «навралъ».

вали мое печальное сердце.—Почто ты тоскуешь? говорило оно! по что представляешь себе невозвратную, потерю удовольствіи?—Нѣтъ! ты имѣешь родныхъ! ты имѣешь друга!..

Бывши 8 дней боленъ, выѣзжалъ я редко изъ моей квартиры. Слабость здоровья, при сырой погодѣ увеличилась.—Три недѣли, какъ Москва не видала солнца. Небо пасмурно. Снегъ и изморось сыплется изъ темныхъ облаковъ носящихся въ воздухѣ. Моя квартира удалѣла ¹⁾ отъ центра столицы,—сквозь тусклые оконницы, посматриваю я на сухареву Башню, возносящую пирамидальной шпигъ своей, изъ кровли большого зданія. Она не далѣе отъ меня двухъ сотъ сажень; и бывши давнишнѣю невѣстою Ивана Великаго похожа на женщину въ огромныхъ фижмахъ.— — —

Тоска несносная! Естлибъ я имѣлъ ковѣръ самоліотъ, ни минуты бы здѣсь не медлилъ.—Иногда отчаиваюсь быть въ Казанѣ—думаю что долженъ остаться здѣсь на вѣки; но надежда подкрѣпляетъ изнуренное мое сердце, угѣшаетъ его какъ младенца;—однакожь, какъ бы то ни было, Коцебу правду говоритъ въ своемъ Леибъ-вучерѣ: что жизнь человеческая подобна збитню, не множокъ меду, да перцу, а прочее—вода.— — —Ахъ! естлибы я возвратился въ Казань благополучно, и увидѣлъ друзей любезныхъ, съ какимъ благоговѣйнымъ восторгомъ, принесъ бы жертву благодарности великому духу, управляющему судьбами смертныхъ! Естли бы я и окончилъ тамъ печальную жизнь мою, подтѣнью сосновой роци, покоился бы въ объятіяхъ общей нашей матери. И когда весеннее солнце, вызвало бы жителей города, въ пріятное мѣсто монастыря Хизическаго: когда молодая травка начала бы опушать камень на моей могилѣ:

¹⁾ Вѣроятно, «удалена».

тогда—о мысль утѣшительная!—тогда теплая слеза друга, канула бы на безмолвное вмѣстилище моего праха!— — —

Въ праздничные дни часто хожу я по соборамъ, во время обѣдн. Соборъ Архангельской иптасть мою меланхолю.—Въ темномъ, готическомъ зданіи, видишь множество царскихъ гробницъ по порядку уставленныхъ. Сіи монументы тлѣнности величества, покрыты темпомалиновымъ бархатомъ съ серебряными крестами. Священники отправляютъ въ полголоса панихиды; свѣчи пылаютъ; народъ теснится къ образамъ съ благоговѣйнымъ усердіемъ; зыкъ большаго колокола, раздается подъ сводами въ глухомъ завываніи—И я, чувствую, какое то печальное, но пріятное удовольствіе.—

Въ воскресенье представляли въ театрѣ Бобыля, ¹⁾ и билетъ Скитающіеся цыгане. Я три часа провелъ съ удовольствіемъ... Ожогинъ старосту, а Сахаровъ Бобыля играли безподобно. Сегодня надѣюсь видѣть *Владисана* а завтра оперу *Аптекарь и докторъ* ²⁾, бенефисъ Ожогина.—

Если судить въ Москвѣ по гербамъ, изображеннымъ на фронтонахъ публичныхъ зданіи, то мы имѣемъ государемъ Павла не перваго, но, десятаго—на щитахъ представляющихъ вензель, въ средине покоя почти вездѣ, поставлено І (десятеричное) даже на крыльце Грановитой палаты.

Пасмурная погода здѣсь небольшіе проказы здѣлала.— Въ понедѣльникъ я былъ у Г: Карамзина, и слышалъ отъ него, что одинъ изъ его пріятелей Баронъ Спренгъ-портъ застрѣлся. Онъ удивлялся его глупости, и не

¹⁾ Ком. въ 5 д. Петра Плавильщикова, СПб, 1792, II. изд. 1815.

²⁾ Аптекарь, опера въ 3 д. пер. съ итал. О. Розановъ, М, 1789.

понималъ какая бы притчина понудила 25 лѣтняго человѣка, полковника въ службѣ, барона, прекраснѣйшаго мужчину въ Москвѣ, щастливаго въ игрѣ, въ женщинахъ, извѣстнаго императору, награжденнаго отличными знаками—и въ цвѣтущемъ здоровьѣ, лишить себя жизни.—За ужиной въ половинѣ перваго былъ онъ весель, какъ нельзя больше, а въ половинѣ втораго лѣжалъ на полу съ раздробленною головою.—Послѣ его осталось 150 тысячъ денегъ векселями и наличными. Ожидая какого та письма изъ Стокхольма говаривалъ часто, что оно рѣшитъ судьбу его и видно, что оно получено имъ. Дни за три повторялъ во многихъ собраніяхъ, что—наскучилъ жизнью, и нивѣчемъ удовольствія не находитъ. Приѣхавши на канунѣ смерти своей къ графу Остерману ввѣлъ съ собою своего камердинера, и просилъ графа чтобъ онъ по отвѣздѣ его, неоставилъ етого вѣрнаго служителя. Да куды ты ѣдишь? спросилъ графъ. Въ дальнѣй путь отвѣчалъ онъ.—Да незастрѣлится ли хочешь?—Для чего жъ и не такъ, продолжалъ онъ улыбаясь, убить себя ничего не значить.—Послѣ его найдено письмо къ Салтыкову съ прозьбою, чтобъ похоронить его въ полѣ, какъ человѣка вайнесчастнѣйшаго въ свѣтѣ.——

Долго разсуждали мы съ господиномъ Карамзинымъ о самоубіиствѣ говорили о Спизѣ ¹⁾ которой умеръ недавно естественною, и о Крюковѣ, умершемъ чрезъестественною смертію. Говорили о вашемъ переводѣ Тасса, о его и моей гипохондріи, желали оба потерять жизнь параличомъ или апоплексіей, но—не пистолетомъ; и завидовали обычаю древнихъ, сожигавшихъ тѣла покойниковъ.—Я сидѣлъ у него болѣе часа перебирали разные матеріи, о которыхъ буду писать послѣ а теперь извините вашего покорнаго слугу Г: Каменева.—Милостивый государыне Аграфене Федоровнѣ мое

¹⁾ Т. е. Шпцѣ.

почтеніе также Ивану Ивановичу Петру Петровичу, и прочимъ моимъ знакомымъ—хотя побѣщаль¹⁾ и писать ко многимъ порознь, но вы часто все вмѣстѣ бываете слѣдовательно можете читая письма быть увѣрены, что хотя слова своего и несдержалъ, но не забываю васъ.—

XI.

Москва 1800 года ноября дня
(мѣсто числа не заполнено)

Любезной другъ мой Савва Андреевичь!—Письмо ваше съ переводомъ изъ Т а с с а, получено мною въ непрекраснѣйшемъ, и давно не бываломъ положеніи. Съ девяти часовъ утра, катаясь по московскимъ улицамъ для разныхъ покупокъ, заѣхали мы съ хозяиномъ квартиры моей (которой былъ по два раза въ Вѣнѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, и прочихъ германскихъ городахъ, и говорить несколько по нѣмецки) въ Троицкой,
м
русской трактиръ обѣдать; та , выпивши бутылку добраго вина, и двѣ бутылки аглицкаго и нашего національнаго пива, веселенько между собою разговаривали; и я похожъ былъ на того Каменева, котораго вы знали назадъ тому лѣтъ съ пять или болѣе. Но и въ такомъ расположеніи духа, забывъ я о казанскихъ моихъ пріятеляхъ; вспомнилъ что тогда былъ четвертокъ, и почта получаемая въ воскресенье, за грязью хотя еще и небывала, но въ четвертой день должна уже была притащиться; въ тотъ же мигъ послалъ къ Куртнеру. Иванъ принесъ большой пукъ писемъ, ихъ было десять, переводъ одиннадцатой; и—я, при шумѣ развлеченныхъ гостей, при расторопной суетливости трактирщиковъ въ красныхъ рубахахъ, при звукѣ органовъ, при бравотнѣ торелокъ,

¹⁾ Sic. Далѣ идетъ приписка сбоку.

ножей, и ложекъ, читалъ ихъ какъ реляціи, о переходѣ черезъ Чортовъ мостъ и Альпы.—Простите невоздержному вашему другу, что онъ нанесколько минутъ забылъ горе свое, и старину вспомнилъ.—Но долго-ли продолжается искусственная веселость?... Нервы виномъ натянутые скоро теряютъ свою упругость, теряютъ на то чтобъ ослабнуть болѣе, и кровь гоняемая по жиламъ, утомившись, ползетъ послѣ, какъ тинистая, гнилая вода въ болотѣ.—Въ шесть часовъ заѣхалъ я одинъ въ трактиръ Цареградской; и былъ уже совсѣмъ въ противномъ положеніи: ни пѣмцы, пьющіе пиво, и куряціе табакъ трубокъ въ сорокъ, ни шумные политическіе разговоры

x

ихъ, ни планы крепостей, черченныя на стола остатками пива, не развлекали моего унынія.—Прошедши комнату съ семь набитыхъ веселыми смертными, нашелъ я въ одной четырехъ музыкантовъ играющихъ, на арфѣ, скрипкѣ, гобоѣ, и флейтѣ. Я сѣлъ въ уголокъ софы, приворнуль, и слушалъ, какъ три нимфы радости ¹⁾ (которыхъ здѣсь очень много) аккомпанировали сихъ виртуозовъ. Они пѣли: Лишь только занялась заря, и солнце взошло вверхъ горы.—Музыка всегда возбуждала во мнѣ меланхолію,—а тогда разбудила и гипохондрію.—Съ навернувшимися на глазахъ слезами, сидѣлъ я пригорюнившись и думалъ: когда то взойдетъ для меня заря радости. Когда солнце удовольствіи, освѣтитъ стезю не пріятностей, по которой я пресмыкаюсь.....

На вопросъ мой г. Карамзину, гдѣ, и какимъ образомъ усовершенствовалъ онъ себя въ россійскомъ языкѣ; отвѣчалъ онъ мнѣ слѣдующее: „родившись въ деревнѣ, воспитывался „я въ Симбирскѣ, ходилъ въ пансіонъ, и читалъ много книгъ

¹⁾ Каменевъ переводитъ французское *Filles de joie*.

русскихъ. Приѣхавши въ Москву, учился въ домѣ профессора Шадена немѣцкому и французскому языкамъ. Началъ переводить, сочинять, и къ щастію познакомился съ Петровымъ. (молодымъ человѣкомъ, котораго подъ именемъ Агатопа оплакивалъ). Онъ имѣлъ вкусъ моего свежѣе и чище. Поправлялъ мои мараньи, показывалъ красоты авторовъ, и научилъ чувствовать силу и нѣжность выраженій. Вознамѣрясь вытти на сцену ¹⁾, я не могъ сыскать ни

х

одного изъ русски сочинителей, которой бы былъ достоинъ подражанія. И отдавая всю справедливосъ краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его *дикой, варварской*, во всѣ не свойственной нынѣшнему вкусу; и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ, сначала подражалъ имъ, но послѣ

ъ

писалъ уже своимъ, ни отъ кого не заимственнымъ ²⁾ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобъ не всегда, и не вездѣ держатся оборотовъ моихъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе. Въ письмахъ Измайлова ³⁾, замѣтилъ я нѣсколько періодовъ съ

х

меня копированны . Но ему простиительно, онъ порусски не читалъ ни чего, кромѣ Моихъ Бездѣлокъ.—

На смерть Барона, Князь Долгоруковъ ⁴⁾ сочинилъ Эпиграмму:

Баронъ Спренгъпортенъ застрѣлился,

Умы, толкуютъ такъ и сякъ.

Но я, у чувствъ моихъ спросился,

И заключилъ, что онъ—дуракъ.

¹⁾ Т. е. Карамзинъ хотѣлъ сдѣлаться не актеромъ, а драматическимъ писателемъ.

²⁾ Sic.

³⁾ О которомъ рѣчь на слѣдующей страницѣ.

⁴⁾ Иванъ Михайловичъ.

Въ воскресенье обѣдалъ я у господина Сахацкаго издателя Ипокрены и переводчика Политическаго Журнала. Онъ имѣетъ очень изрядную библіотеку, умную жену, любезныхъ дѣтей, и что всего лучше хорошіе доходы. Живѣтъ довольно открыто, знаетъ по немѣцки, по французски по латынѣ, человѣкъ лѣтъ въ 35, и меня привялъ отъменно ласково.—

—Въ понедѣльникъ вмѣстѣ съ Иваномъ Володимировичемъ я обѣдалъ у Тургенева. Говорили о ярмонкѣ которая учреждается въ Казанѣ и его превосходительство просилъ меня написать къ моимъ знакомымъ чтобы прислали копію съ этого указа.... о чемъ я къ вамъ адресуюсь, и прошу покорно.—Переводъ вашъ теперь у него—а послѣ покажу Карамзину, которой обѣщалъ мнѣ, здѣлать объ немъ свои замѣчанія.—На этой недѣлѣ надѣюсь быть у путешественника южныхъ странъ Россіи ¹⁾. Онъ живѣтъ подлѣ Ивана Володимировича. И письма его все всѣмъ нравятся. Критикуютъ мѣсто о кормилицѣ, а особливо здѣланную въ низу ремарку, почитаютъ преступленіемъ пятой заповѣди. Одна дама, любительница литературы, пишетъ изъ Петербурга къ своимъ знакомымъ... *что книжка эта всѣмъ бы хороша была, естлибъ небыло въ ней много т и т елз... а г. Измайловъ частенько объ нихъ поминаетъ, и*—это правда. Прилагаю вамъ письмо присланное ко мнѣ черезъ Казань изъ Тулы... Если вы его въ Казани не читали, то посмѣйтесь высокопарнымъ похваламъ, и лѣсти, которые ни чуть неумѣста... Здѣсь чрезвычайной туманъ носится надъ городомъ. Колокольни и церкви кажутся все безъ верховъ. Проѣзжая вчерашней день крепостью, я видѣлъ только одни ноги Ивана великаго.—Въ театрѣ во время представленія оперы *Чортъ самъ четвертъ* я небылъ. Говорятъ что она переведена съ французской *Diable*

¹⁾ «Путешествіе Владиміра Измайлова, въ полуденную Россію. въ письмахъ» М. 1802 и II изд., исправленное, 1805; нѣм. пер. Рихтера, Лейпцигъ, 1804

en quatre.—Милостивой Государыне Аграфене Федоровнѣ, Оринѣ Федоровнѣ ¹⁾, Ивану Ивановичу, Петру Петровичу, и Николаю Семенычу свидѣтельствую всемъ мое почтеніе, послѣдняго благодарю за письмо, и прошу извиненія что неотвѣчаю особо, притчиною ²⁾ тому лѣность, и недостатокъ времени... Писалъ много усталъ, да и бумага вся. Затѣмъ простите, и ожидайтѣ въ Казань в. п. с. Г: Каменева.—

XII.

Москва, „1800„ года ноября 12 дня.

Любезной другъ мой Савва Андреевич! Наконецъ въ столицѣ русскаго царства, показалась зима во всей суровости. Белая ея мантия развѣвается въ воздухѣ; снегъ сыплется на железные и черепичные кровли. Все въ шубахъ, въ саняхъ скачутъ по улицамъ, и изъ каретъ выглядываютъ красавицы, съ румяными щеками. При разслабленныхъ нервахъ стужа мнѣ несносна. Тринатцать градусовъ холоду заставляютъ меня сидѣть дома. И хотя утѣшаюсь тѣмъ, что каждой морозъ врѣпнѣтъ ледъ на волгѣ, и каждая снежинка стелетъ мнѣ путь къ любезнымъ друзьямъ моимъ; но тошно, тошно жить далеко отъ друзей милыхъ сердцу.—Въ Москвѣ, въ море существъ щастливыхъ, гдѣ каждое твореніе имѣетъ нѣчто, чѣмъ оно дышетъ, имѣетъ надежды, которыми питается, гдѣ каждая душа сливается съ другою ей подобною, гдѣ чувства сообщаются, дѣлятся, гдѣ хватаютъ жадно забавы жизни сей: тамъ брожу я съ печалію на лицѣ, съ тоскою въ сердце, брожу, и—несыщу ни одного человѣка, которому бы могъ пожавъ руку сказать: я страдаю.

Нѣтъ щастья для души, когда оно не въ ней.

¹⁾ Повидимому, сестра Аграфены Федоровны и свояченица С. А. Москотильникова.

²⁾ Далѣе—приписка сбоку.

Въ продолженіе моей болѣзни, имѣлъ я время здѣлать *Voyage autour de ma chambre* ¹⁾). Разсматривая картины, которыми комната увѣшена, мое вниманіе обратилось на исторію *блуднаго сына* представленную въ шести картинахъ. Подъ одною изъ нихъ подписано крупными буквами: *Vie debauché de l'enfant prodigue*. Блудной, развращенной сынъ съ тремя наемными граціями сидитъ за роскошнымъ столомъ, и между тѣмъ, какъ одною рукою держитъ повалъ съ виномъ кипящимъ, другою бараблитъ подъ косынку своей сосѣдки, гдѣ, на двухъ лилѣйныхъ полуглобусахъ развиваются розовые шипочки. Между тѣмъ какъ онъ томится въ чувствахъ, корыстолюбивая трактирщица, щипаетъ жадною рукою на столѣ его червонцы, и сыплетъ въ карманъ, толстѣющей отъ продажи не позволенныхъ удовольствій.—Было время; когда и я съ пламенными отъ вина щеками, присусеживался къ публичнымъ красавицамъ, сыпалъ полною горстью, нажитое отцомъ имѣнь, и большими глотками, вливалъ въ себя ядъ меня разрушающій.—Разсудокъ тогда удалился, не было благодѣтельной руки, которая бы повалъ у меня вырвала, не было благодѣтельнаго человѣка которой бы сказалъ: стой несчастной! Ты въ погибели своей спѣшишь!...

Въ скучной часъ, перевелъ я эпиграмму. *Exproptum*.

Когда Адамъ въ раю пріятность сна вкусилъ
Въ то время изъ ребра Богъ Евву сотворилъ
О бѣдной праотецъ!—Миръ начать неустройствомъ.
Твой первой сонъ тебе, послѣднимъ былъ спокой-
ствомъ.

(съ немъцкаго).

¹⁾ Путешествіе по моей комнатѣ; пер. съ фр. Василій Кражевъ, М. 1802. Каменевъ, вѣроятно, ознакомился съ этимъ сочиненіемъ *Ксааве де Метра* въ подлинникѣ.

Назадъ тому недѣли съ двѣ, въ самую сырую дождливую погоду былъ я въ Донскомъ монастырѣ, у бывшаго казанскаго жителя, отца игумна Геннадія ¹⁾. Высокіе зубчатые стѣны, и вискія непокрытые башни монастыря сего окружены рощей. Потемной лѣстницѣ, прошедши несколько пустыхъ комнатъ пробрался я въ его кельи; принять имъ какъ старой знакомецъ, потчиванъ чаемъ, виномъ и прочимъ.— Свучно было отцу Геннадію, когда въ разваливающеися Раифской пустынѣ, бродилъ онъ печально по мрачнымъ переходамъ стѣнъ, и слушалъ шумъ дремучаго лѣса въ ней примывающагося; но теперь, въ Москвѣ, духовнымъ цензоромъ съ жалованьемъ болѣе 600 руб: живѣтъ онъ довольно весело: разтолстѣлъ и переводитъ съ латынскаго: Т р а к т а т ь о про из хо ж ден і и с в я т а г о Д у х а.—

²⁾ Карамзинъ въ Эрфуртѣ видѣлъ самой большой колоколь Германіи; а я, нашолъ въ Москвѣ большой самоваръ Россіи въ пятнадцать ведеръ. Незнаю что лучше: одинъ беспокоитъ уши, а другой наполняетъ, и нѣжитъ желудокъ. Одинакой металлъ въ разныхъ видахъ.

Посмѣйтесь моимъ писмамъ, они подобны гишпанскому кушанью оллѣ подридѣ, составленному изъ разныхъ мясъ; или цырюльничьей сумѣ сшитой изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ. Какъ быть, не всякой пишетъ что надобно, иной пишетъ, что ему хочется, а отъ меня *не отземлетса право сказати* или говорить всякой вздоръ. Вотъ вамъ и—конклюдзіа.

¹⁾ Геннадій Челноковъ, съ 1 янв. 1794 г. игуменъ Кизическаго монастыря, съ 12 января 1795 г. префектъ и учитель философін; 12 ноября 1797 г. уволенъ.

²⁾ Далѣ измѣненнымъ почеркомъ писано послѣ перерыва.

Узнавши отъ Урванцова ¹⁾ которой въ Москвѣ, что въ наемникахъ Абрама Григорьича ²⁾ пригнали казачка, преданнаго се подвинулся новому Вестрису ³⁾.—Зима опять пришла и вмѣсто снега на улицахъ грязь.—И такъ напередълю простите. Свидѣтельствуйте мои поклоны и почтеніе милостивымъ государынямъ и милостивымъ государямъ, Аграфене Федоровнѣ и Аринѣ Федоровнѣ, Ивану Ивановичу, Петру Петровичу и всемъ знакомымъ, которые меня помнють чтожь касается до Федора Осиповича, предъ нимъ я неизвинительно виноватъ, что не отвѣчалъ на письмо его. Случилось такъ, что по вторника, московскіе мои пріатели завозили мои ⁴⁾ на зимне балы, отъ куда по другой разъ возвращаюсь въ... Заря за полночь; просыпаю долго, и вставши лѣжусь писать. Думаю что сіе признаніе послужитъ несколько въ моему оправданію, и оставить меня въ лестной надеждѣ ⁵⁾ о продолженіи знакомства, вашъ покорный слуга Г: Каменевъ.

Р. С. Переводъ вашъ еще у Ивана Владимировича.

XIII.

Москва, 1800 года ноября 21 дня.

Любимый другъ мой Савва Андреевичъ,—не отлежется право сказать, что удовольствіи въ Москвѣ разнообразны, а некоторые изъ народныхъ веселостей шумны и нахальны.

¹⁾ Степанъ Ивановича, кушца и судьи словеснаго суда.

²⁾ Ту из Пискунова.

³⁾ Звучавшій танцоръ.

⁴⁾ Вероятно, описка вмѣсто «меня».

⁵⁾ Далеко—пріиска союзу.

⁶⁾ Вероятно, вмѣсто «отлежится».

Назадъ тому съ недѣлю завезенъ я моими пріятелями на вольной балъ въ Цареградскомъ трактирѣ. Тамъ я нашелъ совершенную республику. И всякъ имѣющій право назвать себя человѣкомъ можетъ за серебряной рубль плясать, пѣть, вричать, и шалить, сколько ему угодно. Женской полъ составленъ сплошь изъ нимфъ венеринныхъ; и несколько отдѣленныхъ комнатъ служатъ храмомъ сей богини
. Ужинають въ 2 часа за полночь, а расходуются, въ пять а иногда и въ шесть часовъ утра. Въ числѣ женщинъ есть довольно изрядныхъ, и одна изъ нихъ
. Сѣвши подлѣ ея я началъ говорить съ нею: какъ ваше имя?—Анна. —гдѣ вы живете?—въ Бронной
. про- ницательнымъ взоромъ взглянулъ я въ глаза полукрасавицы, усмотрѣлъ въ нихъ какую то зло предзнаменующую томность: представились въ умѣ моемъ и вдругъ волненіе утихло: мертвое хладнокровіе заступило его мѣсто.—

Обѣдавши съ Иваномъ Володимировичемъ на прошедшей недѣле у Тургенева я читалъ стихи и рѣчь сочиненные въ университетѣ на день учрежденія сего училища въ честь Шувалова, первые Мерзлюковымъ, вторая Сахацкимъ.—Стиховъ подобныхъ имъ давно нечиталъ я на русскомъ языкѣ. Тургеневъ спросилъ меня которые мѣста мнѣ болѣе нравятся. Я сказалъ, что начало:

„Въ печальной тишинѣ, въ одѣждѣ гробовой
„Стопою медленной къ намъ день тотъ возвратился,

„Что общей радости, блаженства былъ виной
„И щастью росскаго Парнаса веселился.

И призываніе.

„О ты, что у гробницъ бесѣдуешь съ вѣвами
„Подруга, и сестра полунощи сѣдой
„Приди, о скорбь, приди, и пр:—

Я попалъ на его вкусъ давши замѣтить что послѣдніе стихи взяты изъ Юнга. Но онъ сказалъ мнѣ, что Мерзлюковъ никогда не читалъ его...—

Переводъ вашъ и посіе еще время, у Ивана Володимировича. На этой недѣлѣ отвесу къ Карамзину.—

Въ Москвѣ остается жить мало, слѣдовательно, и писать надобно не много, а беречь что видѣлъ и слышалъ до личнаго свиданія.—

Ивану Володимировичъ, и Спиридовъ получили въ прошедшее воскресенье мальтійскіе командорскіе кресты.

Милостивой Государынѣ Аграфинѣ Федоровнѣ, Ариѣ Федоровнѣ, и Милостивымъ Государямъ Федору Осиповичу, Ивану Ивановичу Петру Петровичу и прочимъ свидѣтельству мое почтеніе,

и оstackсь

вашимъ

Покорнымъ слугой

Г: Каменевъ.

Р. S. Въ прошедшѣе воскресенье играли въ театрѣ оперу *Аптекарь и докторъ* музыка прекрасная, и пѣвица здѣшней труппы актриса Насова пѣла божественно. Когда начинала она арію, я машинально оборачивалъ голову и прикладывалъ ухо, чтобъ не потерять ни одного измѣненія тона.

Слухъ мой въ первой еще разъ сто́ль вкусно потчиванъ.—
Сандуова поетъ хорошо но много искусства; а здѣсь—натура.

Писать было лѣнь и очень торопился

Извинитѣ!

Представьте себѣ, американскаго табаку здѣсь совсемъ
нѣтъ, а болезнью этой страны набиты все бо... ли.

(Притиска сбоку)

По совѣту докторовъ, стараюсь занять электрическую
силу, отъ тѣль его наполненны ^х будетъ ли польза—не
знаю.

Третья поѣздка въ Москву.

Подлинникъ не уцѣлѣлъ. Письмо берется изъ статьи Второва. Къ сожалѣнію, сдѣланы были, повидимому, большія сокращенія и выпуски (стр. 62—63, № XIII).

XIV.

Москва, 1802 г. іюня 11 дня.

Время течетъ здѣсь для меня довольно скоро и весело. Г. Коцебу говоритъ, что *скуки не знаютъ дураки, да мудрые*. Видно, попалъ я нынче въ число первыхъ.

Третьяго дня, въ послѣднее воскресенье недѣли Троицкой, въ день Всѣхъ Святыхъ, гуляли мы на Воробьевыхъ горахъ по наилучшему мѣсту изъ всѣхъ окрестностей престольнаго города. Тамъ, ходя по древней рошѣ, мѣрно насаженной, и по руинамъ дворца, строеннаго въ семнадцатомъ вѣкѣ царевною Софіею, восхищались романическою прелестью мѣста, изъ всѣхъ ею любимѣйшаго. Время, не щадящее ни сталь, ни мраморъ, давить мощною ногою мхомъ проросшіе камни сего строенія, а благодѣтельная природа украшаетъ его, и на красномъ, широкомъ, раздробившемся крыльцѣ зе-

ленѣють и шумать кудрявыя березки вдвое меня вышиною. Говорять, что властолюбивая Софья, удаляясь изъ Кремля, тѣснаго ея гордому сердцу, часто посѣщала дворець сей. Можетъ быть, ставала она на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, сматривала на распростертую по долинѣ столицу, на золотые орлы ея, на пирамидальныя ея башни. Можетъ быть, тамъ хитрая, непреклонная душа ея, носясь на необозримыхъ поляхъ возможности, теряясь въ изгибахъ тонкой политики, созидала алмазные замки, украшалась мысленно блистательною діадемою и исторгала скиптръ изъ дѣтскихъ, но мужественно рѣкъ безсмертнаго своего Брата..... (*повидимому большой пропускъ*).

Скоро отправлюсь я въ резиденцію Царя добраго; хотя въ ней и нѣтъ его, но я вижу радость столицы при его возвращеніи. Поѣду по тѣмъ станціямъ, гдѣ идеально блуждалъ Радищевъ и мечталъ перомъ своимъ, въ желчи обмакнутымъ, давать уроки властямъ. Связываютъ, что сочинитель „Водопада“ написалъ еще на манускриптѣ его путешествія:

„Вѣда“ твоя въ Москву со истиною сходна,
Некстати лишь смѣла, дерзка и сумазбродна.
Я слышу на коней ящикъ кричить: вирь, вирь!
Знать, русской Мирабо, поѣхалъ ты—въ Сибирь.

Вирь, видно, для риемы *Сибирь*.

Сегодня былъ я у С (ергѣя?) Θ (едоровича?), но не засталъ его дома; письмо взяла у меня жена его и сказывала, что онъ, назадъ тому семь недѣль, уѣхалъ въ тотъ свѣтъ, съ дорожною отъ водяной болѣзни, и по сіе время не писалъ еще къ ней ни строчки... (*опять пропускъ*).

Къ этимъ письмамъ присоединяемъ еще записочку Г. П. Каменева къ С. А. Москотильникову.

ХV.

Любезной другъ Савва Андреевич!

Стишки написанные мною вчера съ вамъ посылаю:

блеснулъ вдругъ молніи лучъ, ударилъ страшной
громъ.

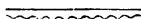
Судьбины гласъ прорѣкъ, сіи слова святыхъ:

Отъ нынѣ навсегда, щастлива будь Россія

И первый Александръ, будь первымъ ей Петромъ.

Г: Каменевъ.

21 марта.



Эти стихи появились въ печати — въ исправленномъ видѣ:

Экспромтъ.

Твердь неба потряслась—ударилъ страшный громъ;
Глаголь Судьбы изрекъ сіи слова святыхъ:
„Отнынѣ навсегда щастлива будь Россія!—
„И Первый Александръ будь Первымъ ей Петромъ.

20 марта.

Казань.

Г. Каменевъ.

Иппокрена или утѣхи любословія на 1801 г. часть де-
сятая. М. 1801. № 54, № статьи 5, стр. 32.

М. А. Дмитріевъ приводитъ тѣ же эпиграммы Шатрова
на Карамзина и И. И. Дмитріева на Шатрова нѣсколько въ
иномъ текстѣ („Мелочи изъ запаса моей памяти“, II изд.,
стр. 227):

Собравъ свои творенья мелки,
Русакъ вѣмецкой написалъ:
„Мои бездѣлки“.
А умъ, увидя ихъ, сказалъ:
„Ни слова! диво!
Лишь надпись справедлива!“

Шатровъ.

А я, хоть и не умъ, но тожь скажу два слова:
Коль будетъ разумъ нашъ во образъ Шатрова,
Избави Боже насъ отъ разума такова!

И. И. Дмитриевъ

Въ письмѣ VII (стр. 141 выше) идетъ рѣчь о В. В. Измайловѣ (котораго не надо смѣшивать съ его однофамильцемъ Александромъ Ефимовичемъ Измайловымъ). Владимиръ Васильевичъ Измайловъ (5 мая 1773 г. + 4 апр. 1830 года), московскій уроженецъ, былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей и подражателей Карамзина. Будучи очень образованнымъ человѣкомъ, онъ послѣ недолгой службы въ гвардіи вышелъ премьер-маіоромъ въ отставку, чтобы всецѣло отдаться литературѣ. Поселившись въ своей подмосковной деревнѣ, онъ въ 1799 г. отправился путешествовать на югъ Россіи; описаніе этого путешествія, „блѣдный оттѣнокъ“ карамзинскаго, и было первымъ русскимъ подражаніемъ „Писемъ“ „русскаго Стерна“. Въ 1804 г. Измайловъ издавалъ педагогическій журналъ „Патріотъ“. Участвовалъ также у Подшивалова въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“, у Карамзина въ „Аонидахъ“. Издавалъ въ 1814 г. „Вѣстникъ Европы“, въ 1815 г. „Россійскій Музеумъ“ и въ 1827 г. альманахъ „Литературный Музей“. Потомъ служилъ цензоромъ въ Москвѣ. Горячій поклонникъ Руссо, онъ пропагандировалъ идеи „своего любезнаго женева“. Не довольствуясь теоріею педагогики, онъ перешелъ и къ практикѣ, основавъ пансіонъ, который существовалъ недолго. Александръ I во вниманіе къ тому, что Измайловъ первый изъ природныхъ дворянъ посвятилъ себя воспитанію, далъ Измайлову Владиміра IV степени. Измайловъ считался хорошимъ переводчикомъ. Онъ

переводилъ Сегюра, Шатобриана (Атала), Мильвуа, Руссо (письма о ботаникѣ), Шамфора. Переводы въ прозѣ, 6 ч. вышли, М. 1819—1820. Оригинальныя его сочиненія: Вечеръ или семейственная прогулка, 1796, Ода на возшествіе на престолъ Александра I, М. 1801, Молодой философъ, М. 1802 и указанное „Путешествіе“. Объ Измайловѣ см. у Геннада, Справочный словарь, II, 50, Историческую Христоматию Галахова, II, IX, у Греча въ Опытѣ, стр. 349, у Вигеля въ Запискахъ, въ „Мелочахъ“ М. А. Дмитриева; М. Макаровъ, Дамскій Журналь, ч. 30, 1830 г., № 19 и Русскій Инвалидъ, 1830 г. № 124, Н. Иванчинъ—Писаревъ, Литературная Газета, 1830, 7. т., стр. 242—244, у Пятковскаго, Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія, т. II, стр. 98—100 „Очерки изъ исторіи русской журналистики“).

Книга, доставившая славу В. В. Измайлову, которую имѣеть въ виду Каменевъ, была „Путешествіе въ полуденную Россію“ (съ эпитафюмъ изъ du Paty: moi j'en rapporterai des sensations, des sentimens et des idées). Въ письмахъ, изданныхъ Владимиромъ Измайловымъ, М. ч. I, II и IV, М. 1800—1802 (безъ II части). Второе изданіе, М. 1805 всѣ четыре части, вышло въ сокращенномъ видѣ. Изліянія сентиментальныя ослаблены. Также многія иностранныя слова замѣнены русскими.

Мѣсто, которое, по словамъ Каменева, возбуждало недовольство современниковъ, находится (по I изданію) въ т. I, LXII письмѣ, стр. 325—327. „Николасъ. Описаніе нечаянной встрѣчи съ одною любезною женщиной“ (его кормилицей *Мариной*). Приведемъ наиболее характерныя мѣста подлинника. „Раздѣлите со мною самыя живѣйшія движенія души и самыя сладчайшія чувства природы“ (325).

„Уже пять лѣтъ тому, какъ судьба скрыла отъ меня въ неизвѣстное мѣсто одно милое существо, которое бываетъ для сердца дороже матери, дороже друга, дороже самой любез-

нѣйшей женщины въ мірѣ, о которомъ одно воспоминаніе приноситъ намъ улыбку радости и счастье цвѣтущихъ лѣтъ нашихъ. Я былъ разлученъ съ симъ драгоценнымъ существомъ, томился въ неизвѣстности и переставалъ уже надѣяться, чтобы небо возвратило его когда-нибудь бѣдному сердцу, которое сотворено кажется для потери“ (325—326). „Вообразите мое сладкое удивленіе, мой восторгъ, мою радость (327—398). Броситесь къ ней, заключить ее въ мои объятія, прижать къ груди моей ту, которая такъ долго носила меня на груди своей было, одно мгновеніе. Около часа пребывали мы безмолвны—держали другъ друга за руку—глядѣли другъ на друга... Ахъ, если бы такіе восторги могли часто посѣщать сердце человѣческое, то бы оно скоро истощилось.

Послѣ первыхъ волненій, послѣ перваго изступленія мы вошли въ домъ... Мы сидѣли обнимались, истощали всѣ сладчайшія имена языка человѣческаго, рассказывали, вспоминали и—трогались. Сладко, очень сладко быть близкимъ къ груди, которая насъ покоила въ младенствѣ, и чувствовать, какъ сердце другой матери бьется отъ радости вмѣстѣ съ сердцемъ другаго сына“ (329—330).

„Наконецъ надлежало разстаться, мы прощались, какъ мать и сынъ прощаются. Если бы вы видѣли, съ какимъ чувствомъ она меня провожала, съ какою нѣжностью и простотою трепала меня по щекамъ, съ какою ласкою, съ какимъ чувствомъ сказала мнѣ: *прости!* Любезная родительница! прости мнѣ! но сердце мое дѣлилось на сей разъ между двумя матерями“ (стр. 336—337). „Вы легко судить можете, что я остался прожить нѣсколько дней подъ одною кровлею съ моею Мариной, и въ сіи дни испыталъ я все, что есть утѣшительнаго въ теченіи мирной жизни“.... (стр. 333). „Ахъ! для чего не могу я выразить языкомъ всѣхъ тѣхъ минутъ, часовъ и дней, которые протекли для насъ, какъ одинъ

счастливой мигъ, быстро и весело!.. Сколько было страстныхъ движеній безъ всякой пламенной страсти!.. О Николаевъ! о любезной городъ! Я буду васъ помнить и въ самой вѣчности“ (стр. 335).

„Пусть важные мудрецы смѣются надъ сею слабостью, надъ сими подробностями, надъ сими мѣлочами, недостойными можетъ быть ихъ вниманія; но я пишу, что чувствовалъ— и не стыжусь“ (стр. 337).

Вотъ „Ремарка внизу страницы“, которую считали „грѣхомъ противъ V заповѣди“ (стр. 332).

„Нѣтъ нужды сказывать, что это не романъ. Путешествіе сего рода не терпитъ выдумки. Авторъ сихъ писемъ видѣлъ въ самомъ дѣлѣ свою кормилицу и—нечаянно. Кормилица была продана съ деревнею; ее нельзя было выговорить, по привязанности къ наслѣдственному врову и по связямъ семейственнымъ; послѣ того она переселилась въ Николаевъ со своею семьею, и была записана въ цехъ купцовъ, —за Государя, но это была тайна“.

Во II изданіи „Путешествія“ эта глава отнесена (1805 г.) ко II части, письмо IX, стр. 39—48. „Ремарка“ на стр. 44; выкинуты слова „но это была тайна“ и „выговорить“ замѣнено черезъ „исключить“.

Остальные объясненія, не умѣстившіяся подъ текстомъ писемъ, читатель найдетъ въ приложеніи, въ концѣ книги.



Скажемъ нѣсколько словъ о жизни автора приведенныхъ писемъ.

Въ основаніе мы владемъ, какъ самое надежное: 1) сообщеніе *Н. И. Второва*, Г. П. Каменевъ, въ сборникѣ гр. В. А. Соллогуба „Вчера и сегодня“, ч. I, стр. 29—64 (писано 22 ноября 1844 г.); оно составлено (стр. 33) изъ разсказовъ тогда еще жившаго ближайшаго друга Каменева, — С. А. Москотильникова, изъ разсказовъ нѣкоторыхъ родныхъ поэта, еще здравствовавшихъ, и по подлинныхъ бумагамъ Гавріила Петровича, которыя унаслѣдованы были также Саввою Андреевичемъ (стр. 32); 2) статью *Н. Я. Агафонова* (Я. Посадскаго): „По поводу статьи „Казанскій поэтъ Каменевъ“, — „Казанскій Листокъ“, II годъ изданія, № 69 отъ 28 марта 1889 г. (Вторникъ), фельетонъ, половина I страницы, 6 столбцовъ. Эта статья составлена (столб. I) на основаніи фамильныхъ бумагъ и семейныхъ преданій различныхъ дворянскихъ домовъ, бывшихъ въ родствѣ съ Каменевымъ, особенно же, Г. И. Горталова; 3) статью *Н. Я. Агафонова* (Я. Посадскаго) „Старыя купеческія фамиліи въ Казани. IV. Крупениковы“, „Казанскій Телеграфъ“, годъ изданія второй, № 342 отъ 14 апрѣля 1894 г. четвергъ, фельетонъ, половина страницъ 1—3 (по 6 столбцовъ), и № 343, пятница 15 апрѣля, фельетонъ, половина I стр. (6 столбцовъ)—окончаніе; о Каменевѣ см. № 342, стр. 2, столб. 4.

Родъ Каменевыхъ вель свое происхожденіе отъ татарскаго казанскаго мурзы, котораго вскорѣ послѣ взятія Казани окрестилъ царь Иванъ Грозный. Царь надѣлилъ новокрещеннаго мурзу двумя иконами, изъ которыхъ одна была царскаго ангела, Ивана Предтечи (хранилась у наслѣдниковъ Г. И. Горталова), а другая—Спасителя—находится въ Казани, въ домово́й церкви Крупениковыхъ (Аг., ст. I).

Ближайшіе предки поэта жили въ Свіяжскѣ, гдѣ и понынѣ фамилія Каменевыхъ не вымерла. Одинъ изъ носящихъ это имя поддерживаетъ пароходную линію между Казанью и Свіяжскомъ. Дѣдъ поэта, Григорій Каменевъ былъ родомъ изъ Свіяжска. Каменевы не попали въ дворяне, но оставались въ купцахъ. Правда, они принадлежали къ такому первогильдейскому купечеству, съ которымъ дворянство роднилось, какъ съ ровнею. По крайней мѣрѣ, какъ мы видимъ, вся почти родня поэта—дворянская. Каменевы владѣли и крѣпостными.

Отецъ поэта, Петръ Григорьевичъ Каменевъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ за умъ и честность. Второвъ (33) приводитъ слѣдующій разсказъ:

„Императрица Екатерина II, проѣзжая чрезъ Казань въ 1767 г., обратила на П. Г. Каменева особенное вниманіе и умѣла отличить его между многими. Въ то время былъ онъ бургомистромъ въ магистратѣ. Разсказываютъ, что, когда Императрица отѣзжала изъ Казани (она отправилась оттуда водой, внизъ по Волгѣ), то, садясь въ лодку, и не видя Каменева среди окружающихъ ее, спросила; „А что, неужели Каменевъ меня не проводитъ?“ П. Г., однакожъ, собрался проводить Императрицу до Симбирска и въ это время хлопоталъ на другой лодкѣ. Когда онъ по призыву Императрицы явился къ ней, она вынула шпагу изъ португеліи одного изъ стоявшихъ близъ нея придворныхъ и вручила ее Каменеву“.

Петръ Григорьевичъ въ послѣдствіи занималъ высокую должность президента Казанскаго губернскаго магистрата, какъ вырѣзано на его чугунной плитѣ. Торговалъ онъ парчею, бархатомъ и такъ называемымъ панскимъ товаромъ, имѣлъ каменные дома (Агафоновъ, ст. 6): 1) на Черноозерской улицѣ, на мѣстѣ нынѣшней унив. типографіи; этотъ домъ перешелъ потомъ къ его дочери—Дѣдовой, а отъ нея—къ Петру Андреевичу Манасеину; 2) нынѣшній Боратынскаго—на спускѣ отъ Гостиннаго Двора къ Черному Озеру, и 3) родовой домъ на Черноозерской же, на мѣстѣ Штаба военнаго округа. П. Г. Каменевъ имѣлъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей; такъ принадлежавшій ему человекъ Михайла Ивановъ былъ убитъ при нашествіи Пугачева, какъ обозначено въ вѣдомости („Ложный Петръ III“, СПб, 1809, ч. II, стр. 153; повторено у Пушкина въ „Исторіи Пугачевского бунта“, т. VI, изд. Морозова, стр. 112). Лавокъ и амбаровъ унаследовалъ поэтъ—19.

П. Г. Каменевъ былъ женатъ на Татьянѣ Ивановнѣ, рожденной Крохиной. Ея отецъ, Иванъ Васильевичъ Крохинъ, купецъ - старообрядецъ, былъ человекъ выдающійся. Пугачевъ, будучи въ Казани, обратилъ на него вниманіе и очень благоволилъ къ нему, часто навѣщалъ его, мылся въ его банѣ и молился въ его домашней моленной. Крохина очевидцы называли „первымъ вельможей“ у Пугачева. Жилъ Крохинъ въ своемъ домѣ (нынѣ Шашабриныхъ) на Георгіевской улицѣ. Замѣчательно, что оба родителя поэта, и отецъ, и мать, не имѣли долгаго вѣка, умерли 36 лѣтъ. Петръ Григорьевичъ родился 28 сентября 1740 года и умеръ 12 октября 1776 г., а жена его умерла 36 лѣтъ въ 1779 г.

Отъ брака Петра Григорьевича съ Татьяною Ивановною было трое дѣтей: двѣ дѣвушки и одинъ мальчикъ. Старшая дочь, Пелагея Петровна вышла въ послѣдствіи замужъ за дворянина Гавріила Ивановича Дѣдева, надворнаго совѣтника,

служившаго совѣтникомъ гражданской палаты. Сестра этого Дѣдова была замужемъ за Корсаковымъ, а дочь его, Прасковья Гавриловна, замужемъ за И. К. Горталовымъ.

Младшая дочь, Анна Петровна Каменева тоже вышла замужъ за дворянина, маіора Андрея Ивановича Апѣхтина, служившаго въ Казани городничимъ. Дочь ея, Александра, племянница поэта, и сама поэтесса, была супругою знаменитаго въ Казани профессора К. Ѡ. Фукса.

Младшимъ ребенкомъ въ семьѣ Каменевыхъ былъ будущій поэтъ, Гавріилъ Петровичъ. Пелагея была двумя годами старше сестры своей Анны, Анна же въ свою очередь двумя годами старше Гавріила, родившагося 3 февраля 1772 года.

Ранняя смерть обоихъ родителей (мать пережила отца всего тремя годами) оставила дѣтей малолѣтними круглыми сиротами: при смерти отца дѣтямъ было—дочерямъ 8 и 6 лѣтъ, а сыну 4 года; при смерти матери, Пелагеѣ было 11, Аннѣ—9, а Гавріилу всего 7 лѣтъ.

Надъ сиротами была учреждена опека, которая взяла въ свое завѣдываніе дома, хозяйство и торговлю. Опекунами состояли купцы: дядя, мужъ сестры отца поэта, Вѣры Григорьевны Александръ Алексѣевичъ Чекмаревъ и извѣстный въ то время Асафъ Семеновичъ Иноземцевъ.

Дѣтство Гавріила Петровича, какъ вся его жизнь (исключая три поѣздки въ Москву и Петербургъ), протекло въ Казани. Г. П. Каменевъ получилъ воспитаніе барское, дворянское, а не купеческое. Онъ не любилъ торговли (Второвъ, 33), хотя имѣлъ чинъ коммерціи совѣтника. Подобно другому русскому поэту—Г. Р. Державину, Г. П. учился у нѣмца *Вюльфинга*, содержавшаго лучшій въ то время въ Казани частный учебный пансіонъ, гдѣ учился вмѣстѣ съ дворянскими дѣтьми.

На счетъ этого ученія у нѣмца мы склонны отнести слабость Каменева въ русской ореографіи, очень рѣзко бросающуюся въ глаза при чтеніи его рукописей и при срав-

ненія послѣднихъ, напр., съ бумагами его друга, Саввы Андреевича Москотильникова, писавшаго безошибочно и безукоризненно правильно. Ученые у нѣмца заохотило молодого купческаго сына къ изученію нѣмецкой словесности и пробудило охоту къ литературнымъ занятіямъ вообще. Строго говоря, Г. П. Каменевъ никогда не считалъ себя купцомъ и торговцемъ. Большія, обеспеченныя средства давали ему досугъ и возможность почти всецѣло отдаться литературѣ.

„Впрочемъ, онъ не отказывался отъ выполненія общественныхъ обязанностей и служилъ нѣкоторое время по выборамъ купчества: сначала ратманомъ, а потомъ бургомистромъ въ магистратѣ (съ 1798 г.). Молодость свою провелъ онъ довольно бурно, въ кругу разгульной молодежи, и это, между прочимъ, имѣло вліяніе на раннее разстройство его здоровья. Но всего болѣе, какъ кажется, способствовали этому разныя семейныя огорченія: оно страстно любилъ одну дѣвушку, дочь иностранца — доктора; любовь эта, къ несчастію — въ глазахъ родственниковъ Каменева казалась едва не преступленіемъ; они никакъ не хотѣли, чтобъ онъ женился на бусурманкѣ, и сами составили ему *partію* по своимъ расчетамъ. Нужно ли говорить, что подобныя браки рѣдко бываютъ счастливы?“... (Второвъ, стр. 34).

Такъ объясняетъ дѣло Н. И. Второвъ. Иначе смотреть на то же обстоятельство Н. Я. Агафоновъ (ст. 3):

„Родственники, хотя и не одобряли брака его съ дочерью иностранца, но не препятствовали ему жениться на молодой, красивой барышнѣ Маріи Александровнѣ Подладчиковой“, которая была дворянкой, изъ пензенскихъ помѣщицъ.

Бракъ этотъ играетъ огромную роль въ жизни Г. П. Каменева. Н. Я. Агафоновъ основательно опровергъ нелѣпное мнѣніе, будто бракъ поэта былъ насильственный, будто его силой „окрутили на купецкій ладъ“. Нельзя забывать, что семья Каменевыхъ была уже не чисто — купческа, а полу-

дворянская, гдѣ не было болѣе мѣста дикимъ купеческимъ, патриархальнымъ обычаямъ. Притомъ, кто же изъ родныхъ „окрутилъ“ поэта? Отецъ и мать были уже въ могилѣ... кто же явился здѣсь Титомъ Титычемъ, самодуромъ? Наконецъ, не забудемъ, что и невѣста была не купеческая, безгласная дѣвушка, а барышня, красавица, образованная и воспитанная, выходившая замужъ за человѣка также весьма образованнаго. Кто же могъ скрутить, кто бы далъ скрутить дворянку, отдавая ее притомъ не за дворянина, а за купца? Намъ вмѣстѣ съ г. Агафоновымъ наиболѣе вѣроятнымъ кажется, что бракъ Гавріила Петровича основывался не на принужденіи, а наоборотъ, даже на нѣкоторой долѣ симпатіи жениха къ своей нареченной: участіе родныхъ могло выразиться, напр., въ указаніи на эту барышню, какъ на подходящую партію для богатаго, образованнаго купца, въ совѣтахъ и въ посредничествѣ, но никакъ не въ насильствѣ и принужденіи...

Впрочемъ, и самъ Второвъ не повиненъ въ той утрировке, какую позволили себѣ его комментаторы. Онъ не говорить о „купецкомъ ладѣ“. Онъ только какъ бы сомнѣвается въ симпатіяхъ поэта къ подысканной ему родными женѣ. Ему, конечно, было извѣстно *позднѣйшее* недовольство женою Каменева. Но это позднѣйшее недовольство ничуть не опровергаетъ возможности и даже вѣроятности первоначальной симпатіи Гавріила Петровича къ своей невѣстѣ и потомъ жевѣ. Недовольство это могло имѣть свои, болѣе или менѣе вѣскія причины, которыя и указываются у г. Агафонова (ст. 4):

„Гавріилъ Петровичъ, женившись на Подладчиковой, не пользовался семейнымъ счастіемъ: поэтъ, страстно любя жену — красавицу и славившуюся образованіемъ, не встрѣчалъ съ ея стороны взаимности. Вѣтреная женщина, она съ первыхъ лѣтъ замужества охладѣла къ мужу и вольностію поведенія отравляла нравственный покой его. Онъ тосковалъ, уходилъ грустный изъ дому. Всѣ лѣтнія ночи 1803 года бродилъ по

Бизической роцѣ. Умеръ—исхудалый физически и разбитый морально“.

Марія Александровна пережила своего мужа, и уже вдовою вступила во вторичный бракъ съ купцомъ Лазаревымъ. Отъ брака съ Гаврииломъ Петровичемъ она имѣла двухъ дочерей: Екатерину и Татьяну.

Екатерина Гавриловна вышла впоследствии замужъ за капитана Ивана Ивановича Рубанова, казанскаго помѣщика. Она скончалась въ 1828 г.

Значительно дольше жила ея сестра, несмотря на несчастную свою судьбу. Татьяна Гавриловна была замужемъ за купцомъ Родиономъ Петровичемъ Хворовымъ, домъ котораго стоялъ на мѣстѣ аптеки Грахе. Мужъ бросилъ ее. Вмѣстѣ съ со своею дочерью, Александрою Родионовною, Татьяна Гавриловна жила въ домѣ своей тетки, Пелагеи Петровны Дѣдовой, откуда молодая Хворова вышла замужъ за купца Константина Леонтьевича Крупеникова. Свой вѣкъ Татьяна Гавриловна дожила монахинею въ Казанскомъ монастырѣ и скончалась въ 1866 г. Внучка поэта, Александра Родионовна умерла раньше мужа, въ іюнь 1881 г.

„По дѣламъ своимъ, а кажется, отчасти и для разсѣянія Г. П ѣздилъ въ послѣдніе годы своей жизни въ Петербургъ и Москву; въ первомъ онъ былъ только одинъ разъ и короткое время, а въ Москву пріѣзжалъ раза три и жила тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ. Москва въ самомъ дѣлѣ должна была имѣть для него гораздо болѣе привлекательности: онъ былъ писатель, а тамъ были тогда главные представители литературы—Карамзинъ, Дмитріевъ и нѣкоторыя другія современные знаменитости.

Едва исполнилось ему 30 лѣтъ, и болѣзнь уже почти совершенно его разрушила; мрачное предчувствіе, что ему не долго остается жить на свѣтѣ, заронилось въ его душу и не оставляло посреди разсѣянной, шумной столичной жизни. По

возвращеніи въ Казань незадолго до его кончины съ нимъ былъ довольно странный случай“ (описанъ имъ самимъ и въ стихахъ, и въ прозаической статьѣ)—Второвъ, 34.

Предчувствіе его сбылось скоро: въ іюлѣ мѣсяцѣ 1803 года онъ скончался на 31 году отъ рожденія, въ домѣ—нынѣ Боратынскаго. Тѣло его погребено, по желанію его, въ тѣни сосновой рощи Кизическаго монастыря (Второвъ, 37).

О приведенной выше перепискѣ Каменева съ Москотильниковымъ, который былъ съ нимъ нѣкогда въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ, велъ съ ними переписку, и по смерти его получилъ всѣ оставшіяся послѣ него бумаги, Вт. гов.: „Имѣя случай перебирать эти бумаги, я нашель между прочимъ цѣлую связку писемъ Г. П., которыя онъ писалъ къ своему другу изъ Москвы.. Я принялся читать ихъ, сначала съ безотчетнымъ любопытствомъ, но потомъ нечувствительно такъ увлекся, что не могъ оторваться отъ нихъ, не перечитавъ всей связки. Въ этихъ письмахъ Г. П. подробно описываетъ своему другу все, чтѣ онъ видѣлъ въ Москвѣ, а видѣлъ тамъ онъ многое, какъ провинціалъ, въ первый разъ пріѣхавшій въ столицу, всѣмъ интересовавшійся и старавшійся ничего не пропускать безъ вниманія; тутъ у него и описаніе наружности Москвы, и разные анекдоты изъ тамошней жизни, и замѣтки о театрѣ, но всего болѣе рассказываетъ онъ о своемъ знакомствѣ съ литераторами и, между прочими, съ Карамзинымъ; объ немъ въ особенности сообщаетъ очень много любопытныхъ подробностей. Такое открытіе было настоящій владъ; я тогда же выпросилъ позволеніе списать эти письма и при случаѣ напечатать“ (стр. 32—33).

„Нельзя не удивляться тому, какъ языкъ этихъ любопытныхъ писемъ мало устарѣлъ еще для нашего времени. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы Г. П. Каменевъ жилъ долѣе, то онъ былъ бы весьма замѣчательнымъ писателемъ. Изъ этихъ писемъ даже можно замѣтить успѣхи его въ искусствѣ писать:

сравните только первыя изъ нихъ съ тѣми, которыя онъ писалъ въ послѣднее время... Видно, что онъ старался пользоваться совѣтами, данными ему Карамзинимъ.

„Жалко, что послѣднія его письма къ своему другу утратились...“ (стр. 63—64).

„Письма должны составлять главный интересъ предлагаемой статьи. Изъ нихъ.... несравненно лучше можно ознакомиться съ его личностію, его характеромъ, умственнымъ и душевнымъ образованіемъ. Письма Г. П.—чистая, непритворная исповѣдь сердца; онъ писалъ ихъ къ своему другу, въ той увѣренности, что, кромѣ людей, ему близкихъ, они никѣмъ не будутъ прочитаны, и вѣрно, далеко былъ отъ мысли, что они когда-либо напечатываются. Въ нихъ выразился онъ весь, каковъ былъ—со всѣми свойствами, дурными и хорошими, и по этому можете оцѣнять его прямо, по достоинству. Не смотря на наивность ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вы увидите изъ нихъ человѣка съ умомъ наблюдательнымъ, взглядомъ на вещи свѣтлымъ, безпристрастнымъ, душою нѣжною, любящею. Почти невозможно читать его письма безъ особеннаго участія, не полюбивъ его, не привязавшись къ нему всею душою“... (стр. 39).

Что касается общаго значенія поэзіи Каменева въ исторіи русской литературы, то весьма замѣчательно, что первый, кто обратилъ на него вниманіе, былъ нашъ національный гений поэзіи. Пушкинъ, по свидѣтельству А. А. Фуксъ, племянницы поэта, находясь въ Казани, высказалъ слѣдующее лестное мнѣніе:

„Пушкинъ, говоря о Русскихъ поэтахъ, очень хвалилъ роднаго моего дядю, Гаврилу Петровича Каменева, возвратился опять въ мой кабинетъ, чтобы взглянуть на его портретъ, и, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ, сказалъ: „Этотъ человѣкъ достоинъ былъ уваженія: онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, Русскіе

романтики должны привести должную дань его памяти: этот человек много бы сдѣлалъ, ежели бы не умеръ такъ рано“. Онъ просилъ меня собрать всѣ свѣдѣнія о Каменевѣ и обѣщаль написать его биографію“.

(Прибавленія въ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ. № 2, понедѣльникъ, 10 генваря 1844 года, II, Разныя извѣстія. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Казани (посвящается Еленѣ Николаевнѣ М вѣ). *Александра Фуксъ*, стр. 21).

Авторъ первой монографіи о Каменевѣ, Н. И. Второвъ опредѣлилъ его заслуги весьма вѣрно, и его характеристика и донныя ничуть не утратила своей цѣны и правдивости:

„О сочиненіяхъ Г. П. Каменева вообще можно сказать, что они имѣютъ характеръ, общій въ тогдашнее время, *сентиментальности*. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ я замѣтилъ уже прежде, проявляется зародышъ *романтическаго* элемента, заимствованный имъ, по всей вѣроятности, изъ нѣмецкой литературы, съ которою онъ былъ очень хорошо знакомъ“.

(стр. 39).

„Имя Г. П. Каменева едва ли многимъ знакомо. Оно принадлежитъ писателю, дѣйствовавшему на литературномъ поприщѣ въ эпоху важнаго переворота, сдѣланнаго Карамзинымъ, обнаруживавшему довольно замѣчательное дарованіе, но въ сожалѣнію, весьма скоро сошедшему съ этого поприща: смерть похитила его прежде, нежели дарованіе его приняло опредѣленное направленіе.

Писатель этотъ имѣетъ нѣкоторое право на наше вниманіе потому, что въ немногихъ произведеніяхъ, оставленныхъ имъ послѣ себя, въ первый разъ на Руси проявляется зародышъ романтическаго элемента, впоследствии такъ роскошно развившагося въ поэзіи Жуковскаго. Баллада его „Громвалъ“ была едва ли не первою, появившеюся въ нашей литературѣ. Теперь (1844 г.) она забыта совершенно; послѣ

балладъ Жуковскаго и Пушкина, конечно, она утратила для насъ все свое достоинство. Но въ то время, когда у насъ еще не кончилось господство такъ называемаго классицизма, когда еще въ ушахъ бѣдныхъ читателей раздавались громогласныя пѣснопѣнія, и пѣты изъ всѣхъ силъ пытались попасть въ Гомеры и Виргилии,—въ то время, говорю, баллада Каменева была явленіемъ очень отраднымъ; многіе восхищались ею, и она вошла даже въ „Образцовыя Сочиненія“, которыя теперь тоже почти никѣмъ не читаются“ (стр. 31—32).

Загаринъ (Левъ Поливановъ) въ своей монографіи о Жуковскомъ (В. А. Жуковскій и его произведенія), касаясь предшественниковъ Жуковскаго, говоритъ слѣдующее (стр. 29, 32, 35—36, 38):

„Съ поэтической формою баллады ознакомили русскихъ читателей Карамзинъ и Каменевъ (32)“.

„При всей грубости стиха „Громвалъ“ Каменева значительно поэтичнѣе опытовъ Карамзина. Это первообразъ фантастическихъ произведеній, которыя позднѣе такъ мастерски писалъ Жуковскій“ (стр. 35—36).

VI.

Сказанія о корыстолюбцѣ въ козлиной шкурѣ.

Не можетъ быть людей-козловъ!

А. Полежаевъ.

Въ двадцатыхъ годахъ среди учениковъ низшихъ и среднихъ духовныхъ школъ циркулировалъ слѣдующій рассказъ, который мы приведемъ въ передачѣ одного изъ тогдашнихъ семинаристовъ:

„Попросился къ попу ночевать прохожій; попъ отказалъ. Постучался къ дьячку. Принялъ дьячекъ, а въ ночь прохожій умираетъ и въ награду за гостепрѣимство объявляетъ предъ смертью, что на задворкахъ зарытъ котелокъ съ деньгами, который де и поручается гостепрѣимному хозяину. Послушалъ дьячокъ, нашелъ котелокъ и взялъ. Рассказываетъ батькѣ. Батьку взяла зависть: какъ бы котелокъ отжидить. Онъ убиваетъ козла, сдираетъ съ него шкуру, надѣваетъ на себя, идетъ ночью подъ окно къ дьячку, стучитъ копытомъ въ стекло и протягиваетъ глухимъ голосомъ: „отдай котелокъ!“ Разъ это и два. Со страхомъ рассказываетъ о ночномъ видѣннн дьячекъ попу.— „Положи котелокъ

на мѣсто“, совѣтуетъ попъ, „дѣло не чисто“. Послушался дьячекъ, положилъ котелокъ на мѣсто, а попъ туда. Береть котелокъ. Пришелъ съ котелкомъ домой радостный, снимаетъ шкуру,—ахъ нѣтъ! шкура то пристала. Подрѣзаетъ: кровь потекла—и больно. Солдатъ Тома, содержатель табачной лавочки, прибавляетъ рассказчикъ, видѣлъ, какъ этого попа провозили въ Петербургъ; народа собралось множество смотреть, и самъ Тома видѣлъ этого попа“.

(Н. Гиляровъ-Платоновъ. Изъ пережитого. Автобіографическія воспоминанія, ч. I, ст. 329).

На довольно опредѣленный источникъ происхожденія этой легенды указываетъ полякъ - цензоръ, Осипъ Пржецлавскій (Ципринусъ): „Въ половинѣ Октября 1825 г. въ Петербургѣ разнесся слухъ, что изъ какого то Малороссійскаго уѣзда привезли *попа* съ козлиною головою и рогами. Онъ тамъ у себя въ деревнѣ нарядился было въ шкуру *козла*, чтобы постргать одну бабу и отнять у ней найденный кладъ; но дьяволъ, котораго онъ въ этомъ костюмѣ представлялъ, распорядился такъ, что голова и шкура приросли къ тѣлу. Вотъ и привезли этого великаго грѣшника въ Невскій монастырь, и каждое утро и каждый вечеръ водятъ его на покаяніе въ Казанскій соборъ. Весь (какъ говорятъ о преобладающемъ большинствѣ) Петербургъ повѣрилъ этому драматическому разсказу. Въ теченія болѣе недѣли, мало того, что десятки тысячъ любопытныхъ стояли по нѣскольку часовъ подъ дождемъ по всей указанной дорогѣ, а другіе десятки окружали соборъ,—мало того: жилище митрополита осаждаемо было мѣняющимися по пѣлымъ днямъ десятками пышныхъ каретъ, большею частію, съ дамами высшаго общества. Они умоляли высокопреосвященнаго показать имъ корыстолюбиваго попа, оригинально наказаннаго за его *augi sacra fames*.

„И вотъ общественное мнѣнье!“.—
скажемъ съ Грибоѣдовымъ.

Не знаю, какъ монастырь избавился отъ каретныхъ посѣтительницъ и посѣтителей. Но съ пѣшею толпой полиція раздѣлалась безцеремонно. На восьмой уже день, когда послѣ многихъ увѣщаній народъ все еще не расходился и домогался попа, то привезли пожарныя трубы и стали обливать. Тутъ уже никакое любопытство не устояло противъ душей октябрьской воды. Всѣ разбѣжались и болѣе уже не собирались. Попъ и съ рогами канулъ въ воду, и общество стало мало по малу смеяться, что дескать, можетъ, его и совѣмъ не было.

Басня о попѣ-рогоносцѣ туманила Петербургъ за два мѣсяца до 14 декабря 1825 года. Слышно было, что будто бы изъ слѣдствія о декабристахъ открылось, что они пустили ее въ обращеніе для испытанія легковѣрія народа, который, какъ и войско, они замыслили морочить другими выдуманными ими нелѣпостями“ („Русскій Архивъ“, за 1872 г., г. X, стр. 1567—1568, Нѣсколько словъ по поводу отвѣта г. Берга г. Пржецлавскому).

Впрочемъ, и изъ этого сообщенія Циприяуса нельзя съ увѣренностью заключить, изобрѣлъ ли эту басню кто-либо изъ декабристовъ самъ, или же, воспользовавшись уже готовымъ народнымъ преданіемъ, пустилъ его только въ качествѣ пробнаго шара въ оборотъ.

Ходившимъ разсказомъ о попѣ въ козлиной шкурѣ воспользовался молодой поэтъ, студентъ московскаго университета Александръ Полежаевъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1826 г., № 11, май и іюнь, стр. 161—177 появилась за его подписью поэма „Иманъ-Козель“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея были цѣлыя строки и ряды строкъ—точекъ. „Рѣчь“ пояснялъ въ примѣчаніи на стр. 163: „Пропуски въ сей піесѣ сдѣланы самимъ Сочинителемъ“.

Полежаевъ переложилъ ходячій разсказъ въ стихи. Цензурныя строгости, конечно, требовали замѣнить попа. Какъ, по выраженію Некрасова, „перенесеніемъ дѣйствія въ Пизу спасался многотомный романъ“, такъ и Полежаевъ русскихъ замѣнилъ магометанами, а попа—Иманомъ, т. е. вѣроятно, Имамомъ, вообще духовнымъ лицомъ, по мусульманской религіи.

Н. А. Полевой („Московскій Телеграфъ“, 1832 г., № 11, іюнь, Русская литература, ч. 45, стр. 355—359) въ своей рецензіи на „Стихотворенія“ Полежаева сообщаетъ:

„Мы нарочно выписали отрывокъ изъ такого стихотворенія („Ночь на Кубани“), гдѣ виднѣе душа Поэта въ нынѣшнемъ его положеніи, а не въ томъ, когда написалъ онъ свое стихотвореніе *Иманъ-Козель*, нѣкогда напечатанное въ Вѣстникѣ Европы и, *надълавшее довольно шуму*. Впрочемъ, оно помѣщено и въ собраніи его стихотвореній. Если голосъ нашъ можетъ быть услышанъ Поэтомъ, мы посовѣтуемъ ему *не уни-*

жать своей лиры тѣми фантазіями, которыя надоѣли намъ въ нынѣшней пишущей братіи“ (358—359).

Несомнѣнно, смѣлое (по тогдашнимъ понятіямъ) стихотвореніе содѣйствовало популярности имени поэта. Но ограничилось ли дѣло однимъ „шумомъ“? Не былъ ли „Иманъ-Козель“ *одною* изъ причинъ разжалованія Полежаева изъ студентовъ въ солдаты? Это предположеніе получить тѣмъ большую силу, если только правда, что при слѣдствіи надъ *декабристами* открылась прикосновенность ихъ къ этому слуху, какъ рассказываетъ Пржецлавскій. „Иманъ-Козель“ появился почти въ то же самое время—и за нѣсколько мѣсяцевъ до разжалованія Полежаева. И неужели бѣда поразила его только за одну циничность и кой-какіе намеки въ поэмѣ „Сашка“? Не былъ ли привлеченъ къ дѣлу и „Иманъ-Козель“, какъ поэма, стоящая въ какой то зависимости отъ декабристовъ? Не найдено ли было въ „Иманѣ“ насмѣшки надъ духовенствомъ,—вина, еще болѣе усугублявшая „развратность“ его образа жизни и возврѣній?... Но, если Полежаевъ пострадалъ точно за одного лишь „Сашку“, то почему же именно *онъ* палъ очистительною жертвою за весь московскій университетъ, навлекшій на себя гнѣвъ? кто, чья рука позаботилась представить Императору именно Полежаевского „Сашку“, и какъ видно, съ нужными комментаріями?... Не было ли тутъ мести за „Имана-Козла“? Вотъ задачи для біографа А. И. Полежаева. Причины его гибели и отдачи въ солдаты еще ничуть не разъяснены и остаются въ исторіи русской литературы скорбною загадкой... Переходимъ къ обзорѣ стихотворенія „Иманъ-Козель“. Мы пользуемся и подлинникомъ, и изданіемъ Ефремова—Суворина, Спб., 1889, гдѣ эта поэма помѣщена на стр. 474—489, и примѣчаніе къ ней на стр. 543.

Полежаевъ ведетъ свой рассказъ якобы со словъ одного пріѣхавшаго араба по имени *Вримханъ Ханъ* (стр. 169 или 481). Дѣйствіе—въ деревнѣ недалеко отъ Триполи или Марокко.

Бѣднякъ Абдуль-Мелекъ, роя палкою песокъ, нашель жожа-
ный мѣшокъ, полный золотыхъ монеть. Абдуль разбогатѣль,
зажилъ роскошно, но скрывалъ источникъ богатства, говоря
одно: „Мнѣ Богъ послалъ“. Деревенскій Иманъ (стр. 166 или
478) скептически полагаетъ, что

не было примѣра,
Чтобъ за хорошія дѣла
Давалъ червонцы намъ Алла.

Онъ догадывается, что Абдулка нашель кладъ, и начи-
наетъ раскидывать умомъ, какъ-бы ему поживиться тутъ самому.

„Углубился въ размышленье,
Какимъ бы образомъ имѣнье
Себѣ Абдулово достать.....
Иманъ выходитъ изъ себя: (стр. 167)
Нѣтъ средства обмануть Абдула.
Гадалъ, гадалъ, и вдругъ мелькнула
Ему идея сатаны:
Пришельцемъ адской стороны,
Иль просто дьяволомъ съ когтями,
Въ козлиной шкурѣ и съ рогами
Абдула ночью напугать ¹⁾
И деньги дьяволомъ отнять.

— „Прекрасно, чудно, несравненно!“
Кричалъ стократно, восхищенной
Своею выдумкой, Иманъ:

¹⁾ У Ефремова: «напугать».

— „Какъ дважды два, мой вѣренъ планъ!“

Сказалъ, и разомъ все готово!
Козла здороваго, большова,
Въ хлѣву поспѣшно ободралъ,
На палкахъ шерсть его распялъ;
Сперва рукой, потомъ другою,
Потомъ совсѣмъ и съ головою
Въ него съ усиліемъ онъ влѣзъ,—
И сталъ прямой козелъ и бѣсъ!

— „Какъ, какъ? Иманъ—въ козлиной шкурѣ?

Не можетъ быть того въ натурѣ!“
Кричатъ пятнадцать голосовъ: (168)

— „Не можетъ быть людей-козловъ!“

Въ козла запрятался Иманъ.....
Въ козины лапы всунулъ ноги....
Съ когтями, бородой, хвостомъ—
И словомъ, сдѣлался козломъ (стр. 169).

Спустилась ночи колесница.....
Одинъ съ преступною душою, (стр. 170).
Въ одеждѣ бѣса и козла...
Одинъ лишь ты во мракѣ ночи,
Иманъ—чудовище, не спишь...
Корысти гнусной, злобы полной,
Ты—не Иманъ, а Вельзевулъ! (стр. 479—482)

Встревоженный Абдуль вдругъ слышитъ, что кто то стучится къ нему, дико воетъ за дверьми, скрипятъ и говорить ему хриплымъ голосомъ: къ нему пришелъ де его

другъ и братъ, именно *Адрамелехъ* — „Отдай назадъ, отдай мой кладъ!“

И снова грозный голосъ смѣха,
И визгъ, и скрежетъ роздались;
Крючки на двери потряслись;
Трещить она—валится съ гуломъ,
И предъ трепещущимъ Абдуломъ
Козель рыкающій предсталъ
— „Отдай мой кладъ!“ онъ закричалъ,
„Отдай!“ взревѣлъ громоподобно... (стр. 483)

Импровизованный чортъ—Иманъ-Козель упрекаетъ Абдулу въ неблагодарности: презрѣнный Адамовъ сынъ, онъ не почтилъ дьявола тратою подаренныхъ ему денегъ, не позналъ веселья пировъ и плѣна заманчивыхъ грѣховъ; ему—пророкъ угрюмый и сердитый, т. е. религія Магомета пріятнѣе. Поэтому:

„Впади, какъ прежде, въ униженье!
Отдай мой даръ, отдай мой кладъ
И будь готовъ за мною въ адъ!“ (стр. 171).

Абдулъ въ тоскѣ глубокой, ужасаясь ада, отдаетъ деньги.

Иманъ, схвативъ скорѣй мѣшовъ,
Лихимъ козломъ изъ дому скокъ:
Ему, какъ пухъ, златое бремя....
И безъ души домой бѣжить.
Примчался, винулъ деньги въ сѣно

И сталъ изъ дьявольскаго плѣна
Свой грѣшный трупъ освободять,
И такъ и сякъ тянуть и рвать
Бѣсовъ лукавыхъ облаченье.
Нѣтъ.... ни искусство. ни умѣнье,
Ничто ни мало не беретъ:
Козлина шерсть съ него нейдетъ;
Вертится, бѣсится, кружится...
Пытаетъ снять съ себя козла—
Нѣтъ силы... вожа приросла!... (стр. 172).

Поэтъ пытается объяснить такое чудо отчасти и естественнымъ путемъ (стр. 484 или 172): „*Сырос липнетъ на сухомъ*“.

Ревн, завистливый Иманъ,
Кляни себя и свой обманъ,
Терзайся, лей рѣкою слезы...
И шерсть козлиная съ тобою,
Пребудеть ввѣкъ, какъ съ сатанюю,
Которой съ радостію злой
Теперь летаетъ надъ тобой... (стр. 173).

Иманъ бѣжитъ въ гаремъ, къ женамъ; но и жены принимаютъ его за духа:

„Не мужъ явился къ намъ въ рогахъ,
Съ бородой и шерстію козливой;
Но духъ подземный, нечестивой,
Принявъ козла живого видъ,
Его устами говорить“.

Крикъ дѣтей, смятеніе женъ, визгъ и вой привлекають публику. Сонмы буйнаго народа нахлынули на дворъ въ Иману. Прибѣжалъ и Абдулка, требуя свою собственность: Иманъ удовлетворяетъ его требованіе.

„Теперь онъ—болѣ не Иманъ:
Его на петлю, на арканъ!“....
„Такъ награждаются обманы
И козлоногіе Иманы!“
Абдуль безжалостно твердилъ
И по селу его водилъ
Съ веревкой длинною на шею...

Поэтъ выводитъ мораль:

„Дитя мое! не дѣлай злого
И не желай себѣ чужого,
Когда не хочешь быть *козломъ*:
За зло вездѣ отплатятъ зломъ“ (176) ¹⁾.

Намъ остается коснуться лишь еще одного отголоска того же сказанія, заключающагося въ загадочной книжкѣ, вышедшей анонимно: Легенды Русскаго народа. Посвящается Его Превосходительству Павлу Михайловичу *Новосильскому*. Русскія простонародныя легенды (дополненныя восемью новыми), СПб. 1861. На страницахъ 9—10 въ разсказѣ „Завистливый“ имѣется такое заключеніе (совершенную безграмотность подлинника мы устранимъ):

„Сосѣдъ далъ мѣрочку, а былъ онъ куда завистливъ. И когда ушелъ младшій братъ съ мѣрочкою, онъ и давай думать, какъ бы ему эти деньги у нихъ отнять, да себѣ присвоить. Вотъ думалъ, думалъ онъ, да и придумалъ, что дѣлать нужно. Взялъ своего козла, зарѣзалъ его, снялъ съ него шеуру, со-

¹⁾ Въ Суворинскомъ изданіи поправлено: «заплатятъ».

всѣмъ и съ рогами, и съ хвостомъ; а какъ пришла ночь, надѣлъ онъ на себя шкуру, да и пошелъ къ двумъ братьямъ, которые кладъ нашли. Вотъ приходитъ онъ къ ихъ избушкѣ, стучится: тукъ-тукъ, тукъ, а въ избѣ и спрашиваютъ его братья: „кто тутъ? зачѣмъ?“— „Чортъ пришелъ за своимъ кладомъ!“ говоритъ братьямъ сосѣдъ. Братья поглядѣли въ окно и видятъ, что стоитъ чортъ съ рогами: схватили котелокъ съ деньгами, да и кинули его за двери. Вотъ тутъ-то сосѣдъ обрадовался, схватилъ котелъ съ деньгами, да и домой. Пришелъ онъ домой (отъ радости шкуру то снять позабылъ), высыпалъ всѣ деньги на столъ, да и давай ихъ считать. Позабылъ про свой нарядъ и сидитъ, какъ чортъ. Вдругъ приходитъ къ нему его жена ужинать звать—затѣмъ, что онъ изъ дома ушелъ безъ ужина. Только встала она на порогъ, испугалась, видя, что сидитъ чортъ, да такой страшный: упала и померла, не вымолвивъ слова. Мужъ тоже испугался, а догадаться не можетъ, чего жена его испугалась; да ужъ тогда догадался, когда о перегородку рогомъ задѣлъ; вотъ онъ сейчасъ и давай съ себѣ козлячью шкуру снимать; а она не тутъ-то было—нейдетъ прочь: приросла; рога тоже нейдутъ прочь, приросли; схватилъ онъ топоръ, чтобы срубить рога; и этого нельзя сдѣлать: больно! Бился, бился—да такъ на всегда и остался съ рогами“.

Сказаніе о жадномъ корыстолюбцѣ, переодѣвшемся въ козлиную шкуру, отъ которой онъ потомъ не могъ отдѣлаться, повидимому, широко разгуливало по Россіи, въ разныхъ мѣстахъ, въ разныхъ слояхъ общества и въ разнообразныхъ варіаціяхъ. Говоря словами А. Полежаева (стр. 176 или 488):

Неизгладимая былъ
Живетъ въ преданьяхъ и разсказахъ.

Приложенія и дополненія.

Къ стр. 28—30.

Приводимъ еще кой-какія подробности о проф. С. Я. Нечаевѣ—по книгѣ: „Матеріалы для исторіи Императорской Санктпетербургской Медико-хирургической Академіи, въ память пятидесятилѣтія ея, собранные ординарнымъ профессоромъ *Григоріемъ Прозоровымъ*“, С.-Пб. 1850 г. Ученые труды С. Я. Нечаева:

1) *De saloge animalī, Petropoli*, 1828 (стр. 296, гл. IX, Литература и ученныя занятія; физиологія и патологія).

2) „О цинхонинѣ и хининѣ“ въ „Военно-медицинскомъ Журналѣ“ за 1824 г.

3) „Растительный клей, какъ средство противъ отравленія сулемою“, тамъ же и за тотъ же годъ (стр. 238, фармація, фармакологія и рецептура).

4) „О химическихъ средствахъ къ открытію мышьяка при отравленіяхъ“. Труды Общества С.-Пб. Русскихъ Врачей (стр. 440).

Каеэдра Химіи. Послѣ академика Шерера химію преподавалъ за болѣзнію Шерера адъюнктъ - профессоръ, докторъ *Виліамъ*, который въ томъ же году (1822) былъ переведенъ въ кафедрѣ физиологіи и патологіи, а на его мѣсто определенъ въ должность адъюнкта возвратившійся изъ-за границы

Степанъ Нечаевъ, который съ 1823 г. по смерти Шерера преподавалъ химію и въ декабрѣ 1828 г. утвержденъ профессоромъ. Въ 1836 г. съ присоединеніемъ къ этой кафедрѣ математики и физики Нечаевъ, кромѣ химіи, преподавалъ и физику (стр. 253).

Послѣ Ив. Лобачевского Константинъ Молчановъ продолжалъ преподаваніе до 1836 г., въ которомъ при общемъ образованіи кафедръ, сообразно новому уставу академіи, математика и физика составили одну кафедру съ химіей, и ординарнымъ профессоромъ ея былъ Нечаевъ, а математику преподавалъ его адъюнктъ (стр. 252—253).

Химія была преподаваема проф. Нечаевымъ по *собственнымъ запискамъ* съ приложеніемъ фізіологіи, патологіи, судебной медицины и медицинской полиціи (стр. 269, гл. V).

По увольненіи Кайданова избранъ былъ въ должность ученаго секретаря *Прохоръ Чаруковскій*, отличавшійся основательностію ума и прямотіемъ; въ 1834 г. на мѣсто его поступилъ человекъ отличныхъ дарованій—Степанъ Нечаевъ (стр. 247).

Съ 1832 г. С. Нечаевъ—присутствующій членъ правленія (гл. VIII, стр. 289).

Въ 1844 г. для постановленія правилъ при замѣщеніи профессорскихъ кафедръ конференція назначила комитетъ изъ академиковъ Нечаева, Соломина, профессоровъ Бера, Зейдлица и Дубовицкаго (стр. 347—348).

Въ 1837 г. Нечаевъ былъ отправленъ за границу для личнаго сношенія съ германскими и англійскими физиками и химиками по части этихъ наукъ и для пріобрѣтенія покупкою инструментовъ и снарядовъ, необходимыхъ для академіи (стр. 260). Самымъ главнымъ средствомъ къ обогащенію учебныхъ пособій въ академіи служили Всемилоствѣйше назначенныя въ 1837 г. 10000 р. на пріобрѣтеніе разныхъ предметовъ для физическаго, химическаго, фармацевтическаго, акушер-

скаго и хирургическаго кабинетовъ. Конференція, составивъ каталогъ новымъ предметамъ, поручила своему ученому секретарю Нечаеву приобрести ихъ въ Лондонъ и Парижъ (стр. 286). Для физическаго кабинета куплено было проф. Нечаевымъ за границей 43 №№, изъ которыхъ 17—для электричества, магнетизма и гальванизма, 11—для теплородныхъ явленій, 2 для оптики, 2 для акустики, 2 для гидростатики, 2 для аэростатики, хлорометръ, 2 для газовъ, стеклянной посуды 4 (стр. 282; гл. VI).

Заслуженный профессоръ Степанъ Нечаевъ продолжалъ службу до 1847 г. сентября 3. Съ 1848 г. января 38 определенъ изъ Казанскаго Университета проф. Николай Зининъ.



Къ стр. 57.

Вотъ какъ судилъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ (битьѣ внудомъ, палками, розгами и шпицрутенами) одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей Николаевской эпохи митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ) Московскій:

„Вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи тѣлеснаго наказанія въ государствѣ стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства. Есть ли государство можетъ отказаться отъ сего рода наказанія, находя достаточнымъ болѣе кроткіе роды онаго: христіанство одобрить сію кротость. Есть ли государство найдетъ неизбѣжнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употреблять тѣлесное наказаніе: христіанство не осудитъ сей строгости, только бы наказаніе было справедливо и не чрезмерно.

Нѣкоторые полагаютъ, что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность. Нельзя думать, чтобы Господь Богъ чрезъ Моисея узаконилъ тѣлесное наказаніе виновному: „числомъ чотыредесять ранъ да наложить ему“ (Втор., XXV, 3), съ тѣмъ, чтобы это разрушительно дѣйствовало на нравственность Еврейскаго народа.

Полагаютъ, что тѣлесное наказаніе поражаетъ въ называемомъ высокое чувство чести. Въ силѣ сего возраженія противъ тѣлесныхъ наказаній многое препятствуетъ убѣдить-

ся. Преступникъ убилъ въ себѣ чувство чести тогда, когда рѣшился на преступленіе. Поздно падить въ немъ сіе чувство во время наказанія.

Тюремное заключеніе виновнаго менѣе ли поражаетъ въ немъ чувство чести, нежели тѣлесное наказаніе? Можно ли признать правильнымъ такое сужденіе, что виновный изъ-подъ розогъ идетъ съ безчестіемъ, а изъ тюрьмы съ честью?

Есть ли какое сознаніе подавляетъ виновнаго, производя въ немъ упадокъ духа и тѣмъ препятствуетъ ему возвыситься къ исправленію, то это сознаніе сдѣланнаго преступленія, а не понесеннаго наказанія. Имѣющіе случай обращаться съ совѣстью такихъ людей замѣчаютъ иногда, что они чувствуютъ внутреннее облегченіе, понеся унижительное наказаніе, симъ удовлетворяютъ правосудію, укрѣпляются въ надеждѣ небснаго прощенія и побуждаются къ исправленію. Прежде, когда тѣлесныя наказанія были суровѣе, приѣзжающіе въ Сибирь со страхомъ встрѣчались съ людьми, имѣющими клеймо на лбу и не имѣющими ноздрей; но тамошніе увѣряли, что это—люди честные и достойные полнаго довѣрія. Видно, тѣлесное наказаніе не препятствовало имъ изъ бездны преступленія возвыситься до совершенной честности. Неизвѣстно, такъ ли теперь? можетъ быть, не бывшіе подъ наказаніемъ не такой, какъ прежде, примѣръ подають наказаннымъ.

Но да возвратится слово на христіанскую точку зрѣнія. Апостолы, претерпѣвъ отъ Синедріона безвинно тѣлесныя наказанія, „идяку радующееся отъ лица собора, яко за имя Господа Іисуса сподобихася безчестіе пріяти“ (Дѣян. V, 41). Апостоль Павелъ пишетъ къ Коринтянамъ: „Трижды палицами биенъ быхъ“ (2 Кор., II, 25), не думая, что тѣмъ унижаетъ себя предъ ними; и такъ по христіанскому сужденію тѣлесное наказаніе само по себѣ не безчестно, а безчестно только преступленіе.....

Указано въ направленіи противъ тѣлесныхъ наказаній слѣдующее изреченіе: „Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію“.

Много указано свидѣтелей; жаль, что ни одинъ не наименованъ, и не показано, хотя о нѣкоторыхъ, что именно говорятъ они. Указаны даже и не существующіе. То, что мы называемъ святителями, въ нѣкоторыхъ исповѣданіяхъ не признается и не существуетъ.

Изъ того, что святители защищаютъ личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію, нельзя вывести никакого заключенія противъ тѣлесныхъ наказаній. Защищать личность существа, созданнаго по образу Божію, не значитъ защищать личность преступника.

И что значитъ: защищать личность человѣка? Не значитъ ли сдѣлать ее неприкосновенною? Но есть ли можно сдѣлать личность виновнаго неприкосновенною для розогъ, можно ли сдѣлать личность всякаго виновнаго неприкосновенною для оковъ?

Богодухновенные писатели защищаютъ личность созданнаго по образу Божію не отъ тѣлеснаго наказанія, а отъ порока и его послѣдствій. „Ты побіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти“ (Притч., XXIII, 14).

Есть мысли, блестящія нравственною красотою, такъ, что въ нихъ, какъ въ солнцѣ, не вдругъ можно усмотрѣть темное пятно, хотя оно и есть. Таково слѣдующее изреченіе: „Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія“. Прекрасно. Однако, если рассмотримъ внимательно, то въ семъ блистательномъ изреченіи найдется нѣкоторое пятно, т. е. нѣчто не истинное. Нельзя осудить *всякое* насильство *безусловно*. Если кто буйствуетъ неукротимо, то необходимо *насильство*, чтобы связать его. Если надобно поймать и задержать преступника, вора, разбойника: онъ, конечно, не допуститъ сего добровольно, а надобно употребить *насильство*, чтобы его схватить и сковать.

Такимъ образомъ, мысль блистательная, но не строго вѣрная, не общаетъ надежныхъ заключеній въ отношеніи къ вопросу о наказаніяхъ.

Слышно, что недавно въ Англии разсматриваемъ былъ вопросъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ военномъ званіи, и что тамошніе военачальники подали голосъ сохранить оное, не опасаясь разрушить въ войнахъ чувство чести, особенно для нихъ важное, и даже признались, что безъ сего имъ трудно было бы сохранить дисциплину въ нижнихъ военныхъ чинахъ.

Но слово уже выходитъ изъ предѣловъ предложеннаго вопроса.

„Время молчать“.

Государственное ученіе Филарета Митрополита Московскаго. *В. Н.*, М. 1883, отдѣлъ I, стр. 69—75, или изданіе второе—дополненное, М. 1885, стр. 88—94.

Суровость Филарета сказывается въ его извѣстномъ столкновеніи съ докторомъ *Θ. П. Гаазомъ*. „Филарету насучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя ходатайства Гааза о представствѣ комитета за „невинно-осужденныхъ“ арестантовъ.— „Вы все говорите, Ѳедоръ Петровичъ“, сказалъ Филаретъ, „о невинно-осужденныхъ.... Такихъ *нѣтъ*! Если человекъ *подвергнутъ* карѣ,—*значитъ, есть* за нимъ вина.....“ Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскопчилъ со своего мѣста.— „Да Вы о *Христѣ* позабыли, Владыко!“ вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе невиннаго. Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить... Филаретъ понижъ

головой и замолчалъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ томительной тишины всталъ и сказалъ: „Нѣтъ, Федоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои послѣдннныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ *меня* позабылъ!“.. благословилъ всѣхъ и вышелъ“ (А. О. Кони, Федоръ Петровичъ Гаазъ, изд. 1897 г., стр. 94—95).



Къ статью о Каменевъ.

Насчетъ Вюльфинга, въ пансіонѣ котораго обучался Г. П. Каменевъ, С. Т. Аксаковъ приводитъ слѣдующій разсказъ.

Въ Казани былъ частный благородный пансіонъ для особъ обоого пола г-на и г-жи *Вильфингъ*. Они не имѣли дѣтей, но воспитали бѣдную сироту, Марью Христофоровну *Кермикъ*, которая достигла уже совершенныхъ лѣтъ и была очень хороша собою. Въ эту Кермикъ влюбился молодой С. Т. Аксаковъ. М. Х. была дѣвица очень тихая и скромная, такъ что всѣ ея обожатели, которыхъ было не мало, вздыхали по ней въ почтительномъ отдаленіи. Вдругъ является въ Казань проѣздомъ какой то путешественникъ, шведскій графъ, знакомится съ Вильфингами, всѣхъ очаровываетъ, ѣздитъ къ нимъ всякой день и проводитъ съ ними время отъ утра до вечера. Это былъ человекъ лѣтъ 35-ти, красивой наружности, умный, ловкой и бойкой, говорившій на всѣхъ европейскихъ языкахъ, владѣвшій всѣми искусствами и сверхъ того сочинитель и въ стихахъ и прозѣ. Въ три дня Вильфинги сошли отъ него съ ума; черезъ недѣлю влюбилась въ него М. Х., а еще черезъ двѣ недѣли онъ женился на ней и увезъ съ собою въ Сибирь, куда ѣхалъ для какихъ то ученыхъ изслѣдованій по порученію правительства въ сопровожденіи чиновника, которой служилъ ему переводчикомъ, потому

что графъ не понималъ ни одного русскаго слова. Горько было Вильфингамъ разстаться съ своею воспитанницею, которую они любили, какъ родную дочь, но счастье ея казалось такъ завидно, такъ неожиданно, такъ высоко, что они не смѣли горевать. Дочь булочника—а теперь жена графа, обожаемая мужемъ, человѣкомъ, осыпаннымъ всеми дарами образованности и природы! Отъ такого происшествія и не нѣмцы сошли бы съ ума. Но увы! скоро загадка объяснилась. Мнимый графъ былъ самозванецъ, отъявленный плутъ и негодяй, весьма извѣстный своими похождениями въ Германіи, по фамиліи *Ашенбреннеръ*, бѣжавшій отъ полицейскихъ преслѣдованій въ Россію, принявшій русское подданство, проживавшій у насъ въ разныхъ западныхъ губерняхъ нѣсколько лѣтъ, попавшійся во многихъ мошенничествахъ и посланный на жительство въ Сибирь; чиновникъ, сопровождавшій его, былъ точно чиновникъ, но—полицейскій, носившій какую то нѣмецкую фамилію, который везъ его секретно въ Иркутскъ, чтобы сдать съ рувъ на руки подъ строжайшій надзоръ губернатору. Все это было какъ то скрыто отъ Вильфинговъ и отъ публики. Въ переводчикѣ же путешественникъ не нуждался, потому что очень хорошо говорилъ по русски, какъ узнали послѣ. Онъ самъ увѣдомилъ съ дороги Вильфинговъ о своемъ обманѣ, къ которому заставила его прибѣгнуть „всесильная любовь“; разумѣется, называлъ себя жертвою клеветы враговъ, надѣялся, что будетъ оправданъ и вознагражденъ за невинное страданіе. Марья Христофоровна сама писала, что она все знаетъ, но тѣмъ не менѣе благодарить Бога за свое счастье. Наконецъ кто-то прислалъ Вильфингамъ печатныя похождения мнимаго графа въ 2 томахъ, написанныя имъ самимъ на нѣмецкомъ языкѣ. Это былъ настоящій Видокъ того времени. Старики Вильфинги неутѣшно сокрушались. Что сдѣлалось впоследствии съ Марьей Христо-

форовной, я ничего узнать не могъ —Такъ печально кончилась первая моя сердечная склонность“, замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ (Сочиненія, изд. 1886 г., т. II, стр. 295—297, Воспоминанія, Университетъ).

Совершенно неправильнымъ считаемъ мы такое освѣщеніе жизни Г. П. Каменева, будто бы центральное и рѣшающее значеніе имѣлъ для него его несчастный бракъ. Любовь къ иностранкѣ разгорѣлась де особенно *послѣ* брака, онъ де возненавидѣлъ жену и получалъ вообще ироническое отношеніе къ женщинамъ, сталъ пить и развратничать. Вино и разгульныя оргіи едва не погубили его; но поэта спасъ С. А. Москотильниковъ, привлекшій его къ кружку своихъ друзей и къ литературнымъ интересамъ, причемъ однако Каменевъ будто бы вовсе не интересовался масонствомъ. Здѣсь что ни указаніе, то и ошибка. Пилъ и развратничалъ Каменевъ, по обычаю всѣхъ богатыхъ купеческихъ сынковъ, да еще попавшихъ въ компанію тогдашнихъ провинціальныхъ молодыхъ дворянчиковъ,—но пилъ еще до брака въ ранней молодости и тогда уже успѣлъ окончательно надорвать и расшатать свой организмъ.

Очевидно, въ бракъ онъ вступилъ, уже значительно изнашившись, что, быть можетъ, способствовало и охлажденію къ нему его жены. О своемъ раннемъ губительномъ развратѣ говоритъ въ письмахъ самъ Г. П., равно и о „угасающемъ своемъ мужествѣ“—еще не доживши до 30 лѣтъ. Однако, ироническаго отношенія къ женщинѣ въ его письмахъ не замѣтно. С. А. Москотильниковъ, привлекшій его въ кругъ своихъ знакомыхъ, Чернявскаго, Арцыбашева, Бобровскаго, Зиновьева и А. Л. Крупеникова, не могъ не ознакомить его

и масонствомъ, которое составляло главный умственный и сердечный интересъ самого Москотильникова. Да и Каменевъ, будто бы не увлекавшійся масонствомъ, однако, изображается „полетѣвшимъ во слѣдъ“ И. В. Лопухину, одному изъ главныхъ масоновъ того времени, который побывалъ въ Казани. И будучи въ Москвѣ, Каменевъ вращается почти исключительно въ масонскомъ кружкѣ и черезъ масоновъ вообще попадаетъ въ кругъ литераторовъ.

Объ отношеніи Г. П. Каменева къ петербургскимъ литераторамъ, въ частности къ Вольному Обществу любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ „Періодическомъ Изданіи“ Общества, ч. I, С.-ПБ, 1804, гдѣ помѣщена его исторія и еще краткая, другая исторія. Изъ казанцевъ по рекомендаціи Языкова были приняты Н. С. Арцыбашевъ (стр. XIV)—и Черневскій (стр. XIX). Въ засѣданіи 30 августа 1802 г. „получило общество новаго члена г. Коммерціи Совѣтника Каменева, жительствоющаго въ Казани“. Онъ вступилъ стихами: 1) „Графъ Глейхенъ“, переводъ съ нѣмецкаго Русскимъ размѣромъ и 2) „Громвалдъ“—особымъ дактилическимъ размѣромъ (стр. 8). Въ бытность свою въ Петербургѣ Каменевъ лично ознакомился съ сочленами, а 3 сентября 1803 г. Общество было уже увѣдомлено „черезъ письмо Г. Языкова, бывшаго въ сіе время въ Москвѣ, о кончинѣ своего члена Г-на Каменева, послѣдовавшей 25 іюля“ (стр. 14). Оба стихотворенія (стр. XI) Каменева названы маленькими стихотворными поемами, заслуживающими вниманіе, „по плавности своего стиля“.

Мы отмѣтили выше (стр. 110 и 163), что Г. П. Каменевъ писалъ очень безграмотно. Хотя мы и старались передать всѣ особенности письма нашего поэта, однако мы перечислимъ здѣсь все, наиболѣе бросающееся въ глаза:

- 1) *ь* и *ъ* смѣшиваются.
- 2) Имена существительныя средняго рода въ именительномъ и винительномъ падежахъ множественнаго числа пишутся съ окончаніемъ *и*.
- 3) Окончаніе неопредѣленнаго наклоненія съ возвратнымъ мѣстоименіемъ—*тся* (безъ *ь*).
- 4) не сливается съ глаголомъ.
- 5) Точки не всегда проставляются, а иногда замѣняются тире, запятыми, точкою съ запятою.
- 6) Надъ нѣкоторыми словами ставятся титла и надстрочныя буквы (*х*).
- 7) Надъ *и* не ставится иногда краткой (*й*).
- 8) По *нѣмецкому* обычаю надъ буквами *и* и *и* въ знакъ ихъ удвоенія ставится тире.
- 9) Послѣ точки не ставитъ Каменевъ прописной буквы.
- 10) Въ собственныхъ именахъ прописныя буквы не ставятся.

Замѣтимъ еще, что слова, написанныя *крупно* въ оригиналѣ, мы печатали *разрядкою*, а слова *подчеркнутыя* набраны *курсивомъ*. Слова крупныя и подчеркнутыя набраны курсивомъ и въ разрядку.

Н. И. Второвъ, первый издатель писемъ, сдѣлалъ въ нихъ большія купюры. Притомъ кое-что въ его текстѣ прямо невѣрно: одно смягчено въ угоду цензурѣ, другое не разобрано: вмѣсто, напр., *штилъ* у него: *истинъ*. Кромѣ того, Второвъ вездѣ провелъ ореографію *своего* времени, которая уже разнится отъ нынѣшней; нѣкоторые случаи его ореографіи неудачны: въ *дезабилѣ* (*склоняеть*).

Н. С. Тихонравовъ говоря о предшественникахъ Жуковского, замѣчаетъ (Сочиненія, т. III, 1, стр. 428 и прим. 140, 141 на стр. 67: „Въ небольшое драматическое произведеніе „Ночеходецъ или Лунатикъ“ вставлена баллада въ стихахъ о Леонардѣ и Блондинѣ“ („Иппокрена“). Другая прозаическая баллада „Вильямъ и Маргарита“ помѣщена въ VI томѣ „Иппокрены“ (428—429). Эти баллады появились въ свѣтъ ранѣе балладъ Каменева и, несомнѣнно, были уже въ рукахъ Жуковского—пансіонера. Г. Загаринъ, говоря о русской балладѣ до Жуковского, не упоминаетъ объ этихъ первыхъ послѣ Карамзина, балладахъ, очень близкихъ по стилю къ балладамъ Жуковского. „Вильямъ и Маргарита“ есть переводъ шотландской баллады *Sweet William's Ghost* изъ *Thomas Percy, Reliques of Ancient english poetry collected etc, London, 1759, стр. 227.*

Прибавляемъ еще нѣкоторыя объясненія о лицахъ и предметахъ, упоминаемыхъ въ письмахъ Г. П. Каменева:

О урожденной *Спиридовой*, женѣ сенатора М. Г. князя Щербатова, упоминаетъ въ своихъ „Запискахъ“ *Я. И. де Самленъ*, хваля ея почтеніе къ тещѣ („Русская Старина“ за 1882 г., т. 36, декабрь, стр. 455).

О Чулковѣ:

„При всей умѣренной цѣнѣ, при подручности типографскихъ средствъ и бесплатности статей, изданіе „Друга Юношества“ не могло, однако, особенно при началѣ обойтись безъ особаго денежнаго пособия: отставной бригадиръ Вас. Вас. Чулковъ ссудилъ потребую сумму, тщательно скрывши свое имя“. *И. Безсоновъ*, М. И. Невзоровъ, стр. 102, „Русская Бесѣда“, 1856, III (Жизнеописанія).

На стр. 128 и 134 упоминаются французскіе писатели Делиль, Буффлеръ, Дю-Пати. Вотъ краткія о нихъ свѣдѣнія:

Аббатъ Жакъ *Демиль* (Delille) — 1738 + 1813, проф. Французскаго Коллежа (лат. языка), авторъ дидактическихъ

поэмъ и переводчикъ на франц. языкъ Георгикъ и Энеиды Вергилія, „Потеряннаго Рая“ Мильтона и *Essay of man* Попа. Изъ его оригинальныхъ произведеній особенно славилась *Les jardins* (переводъ Воейкова „Сады“ 1814 и 1816), „Французскія Георгики“, „Деирамбъ на безсмертіе души“, *La pitié*, *L'Imagition* и т. д. Былъ болѣе версификаторомъ, чѣмъ поэтомъ, — но будучи яркимъ представителемъ современнаго вкуса, воспѣвая пастушескихъ и пейзажныхъ, пользовался вниманіемъ двора Маріи-Антуанеты; во время революціи уѣзжалъ въ Англію, но въ 1802 г. вернулся въ Парижъ и до самой смерти пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

Кавалеръ Станиславъ (маркизъ де) *Буффлеръ* (*Bufflers*) 1737 + 1815, сынъ *Dame de Volupté*, Маріи Буффлеръ и капитана польской гвардіи маркиза Ремьенкура. Былъ во французской военной службѣ, служилъ губернаторомъ въ Сенегалѣ, потомъ состоялъ депутатомъ Національнаго Собранія, а въ 1792 г. эмигрировалъ въ Пруссію ко двору Фридриха-Вильгельма II. При Наполеонѣ Буффлеръ вернулся на родину и былъ членомъ новаго Института. Главные труды его: *Lettres du chevalier Boufflers à sa mère sur son voyage en Suisse* (1770), эротическая поэма *Le Coeur*, сказки *Le Derviche* и *Aline, reine de Golconde*, *Poésies et pièces fugitives*, *Essai sur les gens de lettres*.

Президентъ Шарль-Маргеритъ-Жакъ-Баптистъ Мерсье-Дюпати (*Dupaty*)—1746 + 1788, юристъ, генераль-адвокатъ, президентъ парламента въ Бордо. Отличался свободными воззрѣніями и ратовалъ противъ жестокости уголовныхъ наказаній; особенно славилась его *Réflexions historiques sur les lois criminelles*, 1788. Писалъ еще *Discours sur l'utilité des lettres* и *Eloge de chancelier de L'Hôpital*. Большую славу снискалъ онъ себѣ своими *Lettres sur l'Italie*, 1785, однимъ изъ главныхъ образчиковъ новаго жанра и „сентиментальнаго путешествія“.

Каменевъ читалъ (стр. 136) романъ *Célestine, ou La Victime des préjugés, par Charlotte Smith; traduit de l'anglais sur la seconde édition, par la Citoyenne R. (Rome). Paris, 1795*, 4 тома. Имѣется и на русскомъ языкѣ: Целестина или Философка Альпійскихъ горъ, новѣйшая исторія; переводъ съ французскаго, СПб, 1791. Но это, повидимому, другое сочиненіе.

Упомянутая переписка Фонтенеля и Юнга имѣется и въ русскомъ переводѣ: Письма Фонтенеля и Юнга, перев. съ франц. *Вышеславцовымъ*, М. 1801.

Театральныя пьесы, какія смотрѣлъ и читалъ Каменевъ:

А для чего-жъ и не такъ, въ 1 д. перевелъ съ французскаго Михайло Маваровъ, М. 1803.

Евгенія, комедія въ 5 д. г. Бомарше, переведена съ французскаго *Ник. Путниковымъ*, М. 1770 и II изд. 1788.

О переводѣ театральныхъ пьесъ Коцебу *М. А. Дмитриевъ* сообщаетъ слѣдующее, „Мелочи изъ запаса моей памяти“, изд. II, стр. 50—51).

„Августъ Коцебу былъ у насъ переведенъ почти весь. Было время, что только его пьесы и игрались на нашихъ театрахъ: это было въ восьмисотыхъ годахъ. Ихъ ставилъ и въ театрѣ, и книгопродавцамъ, по большей части, Алексѣй Фед. *Малиновскій*, который былъ тогда еще секретаремъ въ Архивѣ иностранной коллегіи. Онъ самъ не зналъ ни слова по нѣмецки. Ихъ переводили большею частью чиновники Архива; онъ исправлялъ слогъ и печаталъ, или отдавалъ за деньги *Медоксу*, содержателю тогдашняго театра.—Любимыя пьесы публики были „Сынъ любви“ и „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“.

Актера Померанцева, который такъ нравился Каменеву, очень любилъ Н. М. Карамзинъ: „Эмилию Галотти“, трагедію Лессинга, перевелъ Карамзинъ въ 1788 г. именно для Поме-

ранцева (Погодинъ, Карамзинъ, т. I, стр. 62). „Померанцевъ, нашъ Гаррикъ, нашъ Моле, нашъ Эвгофъ, ни въ какой роля“, пишетъ Карамзинъ, „столько не удивляетъ насъ своими дарованіями, какъ въ роля Одоарда... Пусть покажутъ намъ актера, который превзошелъ бы Померанцева въ игрѣ глазъ, въ скорыхъ перемѣнахъ лица и голоса (180—181)... „Графиню Орсину представляетъ г-жа Марья Синявская съ великимъ искусствомъ, и я увѣренъ, что самъ авторъ былъ бы доволенъ ея игрою“ (182)... „Эмилиа Галотти, конечно, не сойдетъ съ Московскаго театра, пока не сойдутъ съ него г. Померанцевъ и г-жа Синявская“ (183—изъ рецензіи въ „Московскомъ журналѣ“).

Неоднократно упоминаемый *Куртнеръ* былъ французскій книгопродавецъ, родомъ изъ Страсбурга, поселившійся въ Москвѣ съ 1785 г. Его сынъ былъ лекторомъ французскаго языка при Московскомъ Университетѣ. Біографія послѣдняго помѣщена въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей, т. I, стр. 445—446.

Въ книгѣ *В. Моркова*, Историческій очеркъ русской оперы, СПб, 1862, мы находимъ нѣкоторые свѣдѣнія объ актерахъ и пѣсакъ того времени. Ожогинъ и Сахаровъ были первые тенора московской сцены, Насова и Синявская—примадонны (стр. 13—14). „Сбитеньщикъ“ соч. А. Я. Княжнина, музыка капельмейстера Булана, выдержалъ безчисленное множество представленій (33); „Диаволо древо“—опера, пер. съ итальянскаго, музыка Мартини (40). „Цыгане на ярмаркѣ“, опера, пер. съ итальянскаго, музыка Паезиелло (67). Впрочемъ, балетъ „Цыгане“ упоминается въ книгѣ Александра Плещеева „Нашъ Балетъ“, II изд., стр. 47.

Василій Ипатовичъ *Полянскій* (упом. на стр. 136) былъ секретаремъ Академіи Художествъ, живалъ за границей, былъ другъ Вольтера и ѣздилъ къ нему въ Ферней. Полянскій пожертвовалъ въ I каз. гимназію много книгъ. Сестра его Наталья Ипатовна была замужемъ за Иваномъ Осиповичемъ Юшковымъ, воллежскимъ ассесоромъ и председателемъ Казанскаго верхняго суда. О Полянскомъ писалъ въ „Воспоминаніяхъ о Казани“ Иванъ Второвъ въ 1842 году. Статья вошла въ „Казанскія Губернскія Вѣдомости“, прибавленія, за 1843 г., № 50, см. стр. 322—324.

Вышли отдѣльными изданіями и находятся въ продажѣ:

1. О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ, 1891 (VIII+248 стр.). Цѣна 2 р.
2. Отношенія искусства къ наукѣ и нравственности. Юрьевъ, 1895 (8 немум.+82 стр.). Цѣна 75 к.
3. О самосознаніи. Актовая рѣчь. Каз., 1898 (42 стр.). Цѣна 25 к.
4. Изъ исторіи критическаго индивидуализма. Казань, 1898 (51 стр.). Цѣна 35 коп.
5. О понятіи бытія (76 стр.). Казань, 1898. Цѣна 50 к.
6. Новая реконструкція монадологіи Лейбница. Юрьевъ, 1896 (16 стр.). Цѣна 20 к.
7. Г. Тейхмюллеръ. Безсмертіе души. Философское изслѣдованіе. Переводъ А. К. Николаева подъ редакціею Евгенія Боброва. Юрьевъ, 1895 (VIII+200 стр.). Цѣна 1½ р.
8. Г. Тейхмюллеръ. Дарвинизмъ и философія. Переводъ А. К. Николаева подъ редакціею Евгенія Боброва. Юрьевъ, 1894 (VIII+100 стр.). Цѣна 1 р.
9. Рецензія на «Свое Слово» А. А. Козлова, № 5. Казань, 1899. (116 стр.). Цѣна 10 к.
10. Рецензія на рукописное сочиненіе: Переписка съ де-Боссомъ, какъ матеріалъ для характеристики философіи Лейбница. Казань, 1901 (12 стр.). Цѣна 10 коп.
11. Краткій отчетъ о занятіяхъ въ время ученой командировки лѣтомъ 1898 г. съ приложеніемъ двухъ замѣтокъ: 1) О координальномъ бытіи и 2) Искусствѣ и христіанствѣ. Казань, 1900. (32 стр.). Цѣна 25 к.
12. Бытіе индивидуальное и бытіе координальное. (IV+181 стр.) Юрьевъ, 1900. Цѣна 80 коп.
13. Философія и литература. Сборникъ статей (1888—1898). Томъ I (172 стр.). Казань, 1898. Цѣна 1 р. 20 к.
14. Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого и философская ихъ критика. Юрьевъ, 1897 (100 стр.). Цѣна 80 к.
15. П. А. Висковатовъ. Сжатый обзоръ исторіи новой русской литературы съ библиографическими примѣчаніями. Издалъ (переработалъ и дополнилъ) Евгеній Бобровъ. Дерптъ, 1892 (75 стр.). Цѣна 60 к.
16. Срѣмецъ. Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ (Переводъ Евгенія Боброва съ рукописи) (103 стр.). СПб. 1894. Цѣна 1 р.
17. Философскій элементъ въ сочиненіяхъ В. Г. Бѣлинскаго. Отзывъ о рукописномъ сочиненіи (20 стран.). Казань, 1900. Цѣна 15 коп.
- 18—20. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы изслѣдованія и замѣтки. Томъ I. (VIII+246 стр.). Казань, 1901. Цѣна 1 р. Томъ II (VIII+272 стр.) Казань, 1902. Цѣна 1 руб. 70 коп. Томъ III (IV+199 стр.). Казань, 1902. Цѣна 1 р. 20 к.
- 21—26. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Выпускъ I. Казань, 1899 (IV+48 стр.) Цѣна 30 к. Вып. II. Казань 1899 (VIII+253 стр.). Цѣна 1 р. 65 к. Вып. III. Казань, 1900 (VIII+256 стр.). Цѣна 1 р. 65 к. Вып. IV. Казань, 1901. (VIII+264 стр.). Цѣна 1 руб. 70 коп. Вып. V (IV+208 стр.). Казань, 1901. Цѣна 1 р. Вып. VI (IV+48 стр.). Казань, 1902, цѣна 30 коп.

Выписывающіе непосредственно отъ автора - издателя (Казань, университетъ, профессору Евгенію Александровичу Боброву) пользуются уступкой съ нарицательной цѣны.

Проф. Евгеній Бобровъ.

ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ

въ Россіи XIX в.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ТОМЪ IV.

Цѣна 2 рубля.



КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1903.

Проф. Евгеній Бобровъ.

ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ

ВЪ РОССІИ ХІХ В.

МАТЕРІАЛЫ,

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ТОМЪ ІV.



КАЗАНЬ

Типо-литографія Императорскаго Университета

1902.

• Печатано по опредѣленіи историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

Проф. Евгений Бобровъ

ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВѢЩЕНІЕ ВЪ РОССИИ XIX В.

ТОМЪ IV.

1870

1871

1872

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
I. Литературная дѣятельность В. С. Печерина	3.
II. С. А. Москотильниковъ, какъ литераторъ	75.
III. Изъ переписки и бумагъ С. А. Москотильникова	198.
IV. Къ исторіи «Арзамаса» («Видѣнія» Морелле и Блудова)	254.
V. И. П. Мятлевъ и народное остроуміе	276.
<i>Дополненія.</i> Къ біографіи В. С. Печерина	286.
Къ статьямъ о Веневитиновѣ	298.
«Драматическія Прибавленія» С. Т. Аксакова	305.
Дополненія о М. Г. Павловѣ и пр.	311.

I.

Литературная дѣятельность В. С. Печерина.

Первую попытку собрать матеріалы для біографіи и характеристики высоко-интересной, но очень мало извѣстной личности проф. В. С. Печерина представляла наша статья о немъ, вошедшая въ I томъ сего сочиненія. Обративши въ той статьѣ преимущественное вниманіе на возможно полное сопоставленіе біографическихъ данныхъ о Печеринѣ, мы почти не касались тамъ его литературной дѣятельности.

Продолжая собираніе матеріаловъ о Печеринѣ, мы нынѣ въ состояніи нѣкоторымъ образомъ восполнить указанный пробѣлъ ¹⁾.

Начало литературной дѣятельности Владимира Сергѣевича относится къ тому періоду его жизни, когда онъ служилъ еще въ Петербургѣ—до отправленія за границу въ качествѣ профессорскаго стипендіата—старшимъ учителемъ

¹⁾ Приводимыя ниже цифры относятся къ страницамъ I статьи о Печеринѣ въ первомъ томѣ этого нашего труда.

при I гимназiи, а при университетѣ лекторомъ латинскаго языка и помощникомъ библіотекаря (стр. 88). Въ научномъ направленiи Печеринъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ своего учителя, профессора и академика, Христіана Фридриха *Грефе* и предметомъ своихъ спеціальныхъ штудій по классической филологіи избралъ греческую антологию. Это обратило на него особенное вниманіе тогдашняго попечителя С. С. Уварова (стр. 89), ученаго филолога, ученика Грефе. Поэтическая жилка влекла Печерина къ стихотворной передачѣ греческихъ антологическихъ пьесъ на родной языкъ. Уваровъ когда то и самъ, вмѣстѣ съ Батюшковымъ, трудился надъ такими же переводами ¹⁾, которые были напечатаны въ альманахѣ барона *А. А. Дельвига* „Сѣверные цвѣты“ на 1825 г. Очень удачные переводы Печерина тоже появились въ печати въ альманахахъ семью годами поздѣе, а именно въ „Невскомъ Альманахѣ“ *Аладына* на 1832 г. (стр. 134—136) и въ „Кометѣ Бѣлы“ *Погодина* на 1833 г. (стр. 251—258).

Но и послѣ этого Печеринъ не оставлялъ занятій антологіею вообще и переводовъ изъ нея въ частности. Въ 1845 г. уже по возвращеніи изъ ученаго путешествія за границу онъ защищалъ въ Москвѣ диссертацию *Observationes criticae in universam Anthologiam graecam* (стр. 126), а въ 1838 г. въ плетневскомъ „Современникѣ“ появилась анонимная статья, очевидно, принадлежащая Печерину, быть можетъ, даже составляющая переработку его выше названной диссертациі ²⁾. Въ текстъ статьи въ качествѣ примѣровъ и доказательствъ вставлено много переводовъ отдѣльныхъ антологическихъ стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя взяты изъ указанныхъ альманаховъ, но кое-гдѣ поправлены, а другія пере-

¹⁾ См. сочиненія Батюшкова, изд. Л. Н. Майкова, т. I, стр. 284—290, ж СХІІІ, (13 пьесъ) и прим. стр. 421—434.

²⁾ «О греческой эпиграммѣ», «Современникъ» за 1838 г., ч. XII, стр. 72—88.

ведены въ первый разъ. Изъ приводимыхъ ниже переводовъ Печерина первыя 6 приведены по „Невскому Альманаху“, а прочія по „Кометѣ Бѣлы“—съ добавленіемъ вариантовъ изъ статьи „Современника“. Въ заключеніе приведены переводы, имѣющіяся въ статьѣ объ „эпиграммѣ“, но не бывшія еще въ альманахахъ. Добавимъ, что греческимъ текстомъ Печеринъ пользовался въ классическомъ изданіи греческой антологіи *Якобса*.



1.

Гдѣ Пракситель? Гдѣ нынѣ Поликлета искусныя длани,
Нѣкогда въ мраморный ликъ жизни вливавшія огнь?
Кто благовонныя вудри Мелиты, кто огненныя очи,
Шей прелестныя блескъ кто изваяетъ рѣзцемъ?
Гдѣ ваятели?... Славны гдѣ Зодчіе?... дѣвы прекрасной
Образу нуженъ и храмъ, какъ истукану боговъ.

2.

Въ даръ посылаю тебѣ, Родоклея, вѣнокъ: изъ прекрас-
ныхъ
Вешнихъ цвѣтовъ для тебя, милая, самъ его сплелъ.
Есть тутъ лилеи и розы душистыя, есть анемоны,
Нѣжный, душистый нарцисъ, блѣдныя фіалки цвѣты ¹⁾.
Ими чело ²⁾ увѣнчавъ, перестань, о краса, быть надменной:
Кажь сей вѣнокъ, ты цвѣтешь,—такъ же увянешь, какъ
онъ!

¹⁾ фіалки. Чело.

²⁾ Ими свое (стр. 81)

3.

Очи, Мелита, твои—очи Геры, а руки—Паллады,
Пафії—бѣлая грудь, ноги—Θемиды молодой!

Счастливъ, кто видитъ тебя; трикратно блаженъ, кто
услышитъ;
Полубогъ, кто полюбитъ тебя; равенъ Зевесу—суп-
ругъ.

4.

Ужъ распустились фіалки, цвѣтеть уже жаждущій влаги
Нарцисъ, вдоль по горамъ, лиліи стройны цвѣтутъ;
О Зенофила! взгляни: уже Грацій любимица роза,
Милый Эроту цвѣтокъ, прелесть весны, разцвѣла!...
Что вы напрасно, долины, красуетесь пестрымъ уборомъ?
Всѣхъ вашихъ пышныхъ цвѣтовъ краше дѣвица
моя.

5.

Къ милымъ отчизны брегамъ приближаяся, „завтра“
сказалъ я:

„Долгій и бурный мой путь кончится; пристань
близка!“

Но не сомкнулись уста еще,—море, какъ адъ, потемнѣло,
И сокрушило меня слово пустое сіе ¹⁾).

¹⁾ И сокрушило меня. Слово пустое одно

„Завтра!“ съ надеждою смѣлой ¹⁾, вѣщать не дерзай: Неме-
зида
Всюду настигнетъ тебя, дерзкій карая ²⁾ языкъ.

6.

Весело блещетъ мой кубокъ, какъ будто гордятся, Зе-
нофила,
Что прикоснулся къ твоимъ сладкорѣчивымъ устамъ...
Жребій завидный!... ахъ! еслибъ, обнявъ меня нѣжной
рукою,
Страстнымъ лобзаньемъ ты всю душу испила мою!
Съ Греческ. II—изъ.

Изъ греческой Анеологiи.

Эпиграммы изъ Мелеагра.

1.

Спишь, Зенофила, мой нѣжный цвѣтокъ?... Ахъ!
еслибъ я нынѣ,
Въ сладостный сонъ превратясь, въ очи прокрался
твой

¹⁾ съ надеждою отважно

²⁾ накажетъ языкъ (стр. 80).

Такъ, чтобъ и тотъ, кто Зевеса могущія вѣжды смы-
каетъ,
Мнѣ уступилъ!... я бѣ одинъ вѣчно тобою владѣль!

2.

Чашу, и примолви: „за здравіе Геліодоры!“

Молви, и съ чистымъ виномъ сладкое имя смѣшай,
И вчерашній вѣнокъ, еще влажный отъ кудрей душис-
тыхъ

Милой, ты, въ память ея, мнѣ возложи на главу...
Видишь-ли? слезы роняетъ и роза, влюбленныхъ подруга,
Плачетъ, что нѣтъ ея здѣсь въ страстныхъ объятъ-
яхъ моихъ.

3.

Клей—поцѣлуй твои, Тимаря, огонь—твои очи:

Взоромъ сжигаешь однимъ, вяжешь лобзаньемъ жи-
вымъ.

4.

Быстрый мой вѣстникъ, комаръ, полети! на ушко Зе-
нофилѣ,

Нѣжно коснувшись ея, эти слова ты шепни:

„Онъ тебя ждетъ, и не можетъ уснуть; а ты, друга забывши,
Спишь!“—Ну лети же скорѣй! Ну, пѣснопѣвецъ,
лети!

Но берегись! потихоньку скажи, не то—мужа разбудишь;
Съ мужемъ воспрянуть ревности муги съ одра.

Еслижъ её приведешь, то въ награду тебя я одѣну
Львиною кожей, и дамъ въ руки тебѣ булаву.

5.

Вѣчно въ ухахъ раздаются Эрота пріятные звуки,
Ово желаніямъ въ даръ сладкія слезы несетъ;
Нѣтъ мнѣ покоя ни ночью, ни днемъ, и отъ чаровъ (sic)
любовныхъ,
Врѣзанъ глубоко, въ душѣ образъ знакомый горить.
О легкокрылы Эроты! какъ хищники, вы налетѣли—
Ахъ! отлетите на мигъ, дайте душѣ отдохнуть!

6.

Горе! не сладостный бракъ, но Аидъ, Клеариста, су-
ровый—
Дѣвственный поясъ тебѣ хладной рукой развязалъ.
Поздней порой, у невѣсгы, предъ дверью растворчатой,
флейты
Сладко звучали; отъ нихъ брачный покой весь
гремѣлъ;
Утромъ—весь домъ огласился рыданіемъ, и Гименея
Пѣсни веселыя влилъ въ стонъ обратился глухой;
Факелы тѣ жъ и невѣстѣ у храмины брачной свѣтили
И усопшей на путь въ мрачное царство тѣней.

7.

Горькія слезы въ Аидъ безотраднѣй сѣвозъ хладную
землю,

Милая, шлю тебѣ въ даръ, прежней останки
любови;
Горькія слезы лютя на прахъ твой, какъ жертва свя-
тая,
Въ память желаній живыхъ, въ память нѣжнѣйшей
любови.
Нѣтъ! и по смерти тебя Мелеагръ не забудетъ, и
вѣчно
Тяжкій, напрасный мой стонъ будетъ Аидъ огла-
шать.
Горе мнѣ! горе! гдѣ милый цвѣтокъ мой... Все смерть
погубила!
Свѣжую розу мою пепель могильный покрывъ.
О! умоляю тебя, земля, человѣковъ всѣхъ матеръ,
Тихо на лоно твое бѣдную дѣву прими.

Эпиграмма Антипатра.

(Нереиды оплакиваютъ разрушеніе Коринѳа)

Гдѣ красота твоя, городъ Дорійскій, Коринѳъ луче-
зарный?
Гдѣ твоихъ башенъ вѣнцы? древни сокровища гдѣ? ¹⁾
Гдѣ величѣнные храмы боговъ, гдѣ чертоги, гдѣ жены,
Отрасль Сезифа, и тьмы ²⁾ гражданъ на стогнахъ
твоихъ?

¹⁾ древни стяжанья твоя?

²⁾ Пышноубранныя? тьма.. (стр. 79).

Даже слѣда отъ тебя не осталось, городъ несчастный!
Лютая, все обхвативъ, жадно пожрала война.
Мы лишь однѣ, Океана безсмертныя дщери, остались,
Чтобы надъ прахомъ твоимъ, какъ алкіоны, сте-
нать.

Горячій ключъ.

Здѣсь, подъ яворовъ тѣню, Эроть почиваль утомлен-
ный
Въ сладкомъ снѣ, къ ключёвымъ Нимфамъ свой
факель склонивъ ¹⁾).
Нимфы шепнули другъ дружкѣ: „Что медлимъ? ²⁾ пога-
симъ свѣтильникъ!
Съ нимъ погаснетъ огонь, сердце палящій людей!“
Но свѣтильникъ и воды зажегъ: съ той поры и понынѣ
Нимфы, любовью горя, воды кипящія льютъ.

На смерть кузнечика.

Звонкій кузнечикъ, тебѣ у богатаго дома Алхида
Болѣ не пѣть, не видать свѣтлаго солнца тебѣ!

¹⁾ Къ нимфамъ струящихся водъ факель горящій склонивъ.

²⁾ «Что медлитъ?» (стр. 76).

Ты далеко улетѣлъ, по лугамъ ты порхаешь Плутона:
Тамъ съ Прозерпины цвѣтовъ сладкую росу ты
цѣшь.

Нъ Мінску.

О Мінскъ! въ тебѣ пристань обрѣлъ корабль моей
жизни,
И послѣдній души вздохъ посвящаю тебѣ.
Юноша милый! повѣрь мнѣ—влянуса твоими очами—
(Свѣтлыя очи твои даже глухимъ говорятъ):
Если ты взглядъ отуманенный бросишь—зима предо
мною;
Весело взглянешь—кругомъ сладкая блещетъ весна.

Статуя Александра Великаго.

Дивный ликъ Александра, взоръ огненный, мужества
полный,
Чуднымъ искусствомъ Лизиппъ въ мѣди сей мощ-
ной явилъ.
Мнится, онъ, очи на небо вперивъ, громовержцу вѣ-
щаетъ:
„Мнѣ подвластна земля! ты, Зевсъ, Олимпомъ вла-
дѣй!“

Огненный взоръ Александра и весь его ликъ вели-
чавый

• Дивнымъ искусствомъ Лизиппъ въ мощной сей мѣ-
ди явилъ (вариантъ изъ „Современника“, стр. 77).

(Изъ „Современника“ другая эпиграмма).

Дивный искусствомъ художникъ, Лисиппъ, Сивіонскій
ваятель!

Смѣлая длань!... Посмотри! дышитъ огнемъ твоя
мѣдь.

Ликъ Александра—великаго!... Нѣтъ! недостойны укора

Персы: тельцу ль устоять противу мощнаго льва?
(стр. 78).

Зевсъ и Эротъ.

Зевсъ Купидону грозитъ: „Отыму я, дитя, твои стрѣлы!“

Мальчикъ въ отвѣтъ: „А тебя—въ лебедя вновь
обращу!“

Надгробная.

Сабнъ, сынъ Дикѳоновъ, Акѳанянинъ здѣсь почиваетъ:

Праведныхъ сладкій покой смертью назвать не
держай.

На статую Зевса Олимпійскаго.

Или богъ съ неба сошелъ показать тебѣ образъ свой,
Фидій,
Или ты самъ въ небеса бога узрѣть возлетѣлъ.

В. Печеринъ.

Эпиграммы изъ „Современника“.

Трупъ Леонида кровавый, увидѣвши, Ксерксъ-побѣдитель,
Дивную доблесть почтивъ, самъ багряницей одѣлъ.
Мертвый тогда возгласилъ Спартанскій герой незабвенный:
„Нѣтъ, не приму никогда должной предателю мзды!
Щитъ—украшенье могилъ моей: прочь, одежды персидски!
Я спартанцемъ хочу въ царство Айдеса придти“.
(стр. 78).

Прохожій.

Что ты, орель, воссѣдишь на гробницѣ? Повѣдай, зачѣмъ ты
Пламенны очи вперилъ въ звѣздны чертоги боговъ?

Орелъ.

Образъ ты видишь Платона души, на Олимпъ возле-
тѣвшей;
Тѣло жъ покоится здѣсь въ лонѣ родныя земли
(стр. 80).

Здѣсь я, страдальца, Доблестъ, сажу на могилѣ Аякса,
Кудри обрѣзавъ съ главы, прахомъ покрытая вся,
Тяжкой печалью въ душѣ пораженная: въ станѣ Арги-
ванъ
Хитрый, коварный обманъ доблести силу попрагъ
(стр. 80).

Второю (послѣ переводовъ изъ греческой антологіи) стадією литературной дѣятельности В. С. Печерина были его стихотворные переводы изъ Шиллера. Шиллеръ былъ тогда любимцемъ всей русской радикально мыслящей молодежи. Печеринъ переводилъ изъ Шиллера пьесы, частью, относящіяся къ своей специальности—древнему міру, какъ то: „Дионисіада“ и „Пѣвцы древняго міра“, частью общаго содержания, какъ то: „Чужеземная Дѣва“ и знаменитое „Желаніе лучшаго міра“. „Это „Желаніе“, какъ писалъ переводчикъ своей кузинѣ (т. I сего сочиненія, стр. 113), „хотя только переводъ стихотворенія Шиллера, вылилось у меня изъ глубины души“. „Пѣвцы“ были переведены Печеринимъ на русскій языкъ впервые; остальные пьесы были переводимы и до него.

Переводы помѣщались въ журналѣ „Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ“ Н. И. Греча и Ѳ. В. Булгарина—за 1831 г.

1) „Желаніе лучшаго міра“. Томъ XVII („Сына Отечества“ часть 139, „Сѣвернаго Архива“ 35-я), № VII, отъ 12 февраля, стр. 423—424, IV, Стихотворенія. Пополненная редакція перевода того же стихотворенія—т. XVIII, № XIII, отъ 26 марта, стр. 378—379, V, Стихотворенія, 1. Ранѣе эта пьеса была переводима *Жуковскимъ*, „Вѣстникъ Европы“ за 1813 г., ч. 68, № VII+VIII, стр. 197, *Загорскимъ*, „Литературные Листки“, 1824, III, стр. 193, *Губеромъ*, „Телескопъ“, 1831, V, стр. 43.

2) „Чужеземная дѣва“. Т. XVIII („Сына Отечества“ ч. 140, „Сѣвернаго Архива“ ч. 54), № XII, отъ 19 марта, стр. 309—310, V, Стихотворенія 1. Ранѣе переведено: *Нечаевымъ*. Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, 1825, ч. V, стр. 289 (Страница“), *И. Вилановымъ* („Дѣвица изъ чужбины“), „Сынъ Отечества“ за 1820 г., ч. 66, стр. 128, *Межаковымъ* („Чудесная гостя“), „Славянинъ“, 1827 г., ч. IV, стр. 298, *Шкляревскимъ* („Дѣва изъ Чужбины“), Стихотворенія, 1831, стр. 23.

3) и 4) „Диѳирамбъ“ и „Пѣвцы древняго міра“, т. XIX („Сына Отечества“ ч. 141, „Сѣвернаго Архива“ ч. 55), № XV, отъ 9 апрѣля, стр. 57—58 и 58—59, Стихотворенія, 1 и 2. Прежніе переводы „Диѳирамба“: *Вимельма*, „Сынъ Отечества“, 1817 г., ч. 41, № 17, стр. 152, *Жуковскаго*, „Славянинъ“, 1827 г., ч. 3, стр. 269, *В. К. К—ма*, „Астраханская Флора“, 1827, стр. 85.

Не смотря на точность передачи и музыкальность стиха въ переводахъ Печерина, издатель сочиненій Шиллера на русскомъ языкѣ, Н. В. Гербель не воспользовался ни однимъ Печеринскимъ переводомъ. Въ его собраніе вошли: „Желаніе“ въ переводѣ *Жуковскаго* и самого *ГерBELя*, „Незнакомка“ и „Пѣвцы“ въ переводѣ *ГерBELя*, „Диѳирамбъ“ въ переводахъ *Фета*, *В. Алферьева*, *М. Михайлова*, *Жуковскаго* („Явленіе Боговъ“) и *Струговщикова* („Олимпійскіе гости“).

Переводы Печерина приводимъ вмѣстѣ съ подлинниками Шиллера—для образца и возможности сличить переводъ съ оригиналомъ.

Нѣмецкіе тексты мы приводимъ по Bibliothek deutscher und ausländischer Klassiker (Leipzig, Bibliogr. Institut), *Schiller's Werke*, Textrevision von *Heinrich Kurz*, I B.

Желаніе лучшаго міра.

(Изъ Шиллера).

Ахъ! Изъ сей долины тѣсной,
Хладною покрытой мглой,
Гдѣ найду исходъ чудесный?
Сладкій гдѣ найду покой ?
Вижу: холмы отдаленны
Зеленю цвѣтутъ молодой...
Дайте крылья! Къ вождельбной
Полечу странѣ родной!

Вижу: тамъ золотыя рдѣютъ
Межъ густыхъ вѣтвей плоды;
Зимни бури тамъ не вѣютъ,
И не вянутъ вѣкъ цвѣты.
Слышу звуки райской лиры,
Чистыхъ пѣніе духовъ,
И разносятъ вкругъ зефиры
Благовопія цвѣтовъ.

Ахъ! Какъ солнечный отраденъ
Вѣчный свѣтъ на тѣхъ лугахъ!
Усладительно прохладенъ
Тонкій воздухъ на холмахъ!
Но—увы! Передо мною
Воды яростно шумятъ,
Грозною катясь волною:
Духъ мой ужасомъ объять.

Вотъ челнокъ волепшутъ волны...
Но гребца не вижу въ немъ!...
Прочь боязнь! Надежды полный,
Въ путь лети! Ужъ вѣтеркомъ
Парусы надулись бѣлы...

Вѣруй и отваженъ будь:
Въ тѣ чудесные предѣлы
Чудный лишь приводитъ путь!

Sehnsucht.

Ach, aus dieses Thales Gründen,
Die der kalte Nebel drückt,
Könnt ich doch den Ausgang finden,
Ach, wie fühlt' ich mich beglückt!
Dort erblick ich schöne Hügel,
Ewig jung und ewig grün!
Hätt ich Schwingen, hätt ich Flügel,
Nach den Hügeln zög ich hin.

Harmonieen hör ich klingen,
Töne süßer Himmelsruh,
Und die leichten Winde bringen
Mir der Däfte Balsam zu.
Goldne Früchte seh ich glühen,
Winkend zwischen dunkelm Laub,
Und die Blumen, die dort blühen,
Werden keines Winters Raub.

Ach, wie schön muss sichs ergehen
Dort im ew'gen Sonnenschein!
Und die Luft auf jenen Höhen—
O wie labend muss sie sein!
Doch mir wehrt des Stromes Toben,
Der ergrimmt dazwischen braust:

Seine Wellen sind gehoben,
Dass die Seele mir ergraust.

Einen Nachen seh ich schwanken,
Aber, ach! der Fährmann fehlt.
Frisch hinein und ohne Wanken!
Seine Segel sind beseelt.
Du musst glauben, du musst wagen,
Denn die Götter leihn kein Pfand;
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland (S. 152).

Чужеземная дѣва.

(Изъ Шиллера).

У бѣдныхъ пастырей въ селеньѣ
Являлась съ каждою весной
При первомъ жаворонка пѣньѣ
Дѣвица, чудная красой.

Гдѣ родина сей гостыи милой,
Отволь пришла, никто не зналъ;
Дѣвица скоро уходила,—
И слѣдъ прелестной исчезалъ.

Все радостью при ней дышало,
Все нѣжно къ ней сердца влекло;
Но робость тайную внушало
Величественное чело.

Съ собою грозды и лилеи
Несла она съ чужихъ полей,
Гдѣ блещетъ солнца лучъ живѣе,
Гдѣ краше видъ природы всей.

И каждому она дарила
То пышный цвѣтъ, то плодъ златой:
И юноша, и старецъ хилый
Съ дарами каждый шелъ домой.

Всѣ гости ей равно пріятны;
Вотъ юная чета пришла,—
Ей дѣва самый ароматный
Цвѣтокъ съ улыбкой подала.

Das Mädchen aus der Fremde.

In einem Thal bei armen Hirten
Erschien mit jedem jungen Jahr,
Sobald die ersten Lerchen schwirrten,
Ein Mädchen, schön und wunderbar.

Sie war nicht in dem Thal geboren,
Man wusste nicht, woher sie kam,
Und schnell war ihre Spur verloren,
Sobald das Mädchen Abschied nahm.

Beseligend war ihre Nähe
Und alle Herzen wurden weit;

Дoch eine Würde, eine Höhe
Entfernte die Vertraulichkeit.

Sie brachte Blumen mit und Früchte,
Gereift auf einer andern Flur,
In einem andern Sonnenlichte,
In einer glücklichern Natur.

Und theilte Jedem eine Gabe,
Dem Früchte, *Jenem* Blumen aus;
Der Jüngling und der Greis am Stabe,
Ein Jeder gieng beschenkt nach Haus.

Willkommen waren alle Gäste;
Doch nahte sich ein liebend Paar,
Dem reichte sie der Gaben beste,
Der Blumen allerschönste dar (S. 3).

Диѳирамбъ.

(Изъ Шиллера).

Боги—повѣрьте—
Всегда къ намъ нисходятъ
Съ неба толпой:
Бахусъ едва лишь появится милый,
Входитъ съ усмѣшкой Амуръ легковѣрный,
Фебъ величавый съ цѣвницей златой.

Ужъ близки, ужъ входятъ,
Блестая лучами,

И полно жилище
Земное богами.

Что, земнородный,
Я въ даръ привнесу имъ—
Дивнымъ гостямъ?
Боги! даруйте мнѣ вѣкъ вашъ нетлѣнный!
Что могу дать вамъ я, слабый и бранный?
Ахъ, вознесите меня къ небесамъ!

Веселье живетъ лишь
Въ Зевеса чертогѣ,—
Вы съ нектаромъ чашу
Мнѣ дайте, о боги!

Дай ему чашу,
Геба! Поэту
Нектаръ возлей!
Очи омой ему чудной росой,
Да не трепещетъ предъ Стикса волною,
Да просіяетъ, какъ богъ, межъ людей!

Источникъ небесный
Шумить и играетъ.
И сердце спокойно,
И око сіяетъ!

Dithyrambe.

Nimmer, das glaubt mir,
Erscheinen die Götter,

Nimmer allein.

Kaum das ich Bacchus, den Lustigen, habe,
Kommt auch schon Amor, der lächelnde Knabe,
Phöbus, der Herrliche, findet sich ein.

Sie nahen, sie kommen,
Die Himmlischen alle,
Mit Göttern erfüllt sich
Die irdische Halle.

Sagt, wie bewirthe ich,
Der Erdgeborne,
Himmlischen Chor?
Schenket mir euer unsterbliches Leben,
Götter! Was kann euch der Sterbliche geben?
Hebet zu eurem Olymp mich empor!

Die Freude, sie wohnt nur
In Jupiters Saale;
O füllet mit Nectar,
O reicht mir die Schale!

Reicht ihm die Schale!
Schenke dem Dichter,
Hebe, nur ein!
Netz ihm die Augen mit himmlischem Thau,
Dass er den Styx, den verhassten, nicht schaue,
Einer der Unsern sich dünke zu sein.

Sie rauschet, sie perlet,
Die himmlische Quelle,
Der Busen wird ruhig,
Das Auge wird helle (S. 164).

Пѣвцы древняго міра.

(Изъ Шиллера).

Гдѣ, скажите, пѣвцы тѣ могучи, гдѣ доблестны мужи,
Кои народовъ толпы словомъ плѣняли живымъ,
Кои съ небесъ божество низводили на землю, а смертныхъ
Духъ восхищали горѣ на пѣснопѣнья крилахъ?
Ахъ! есть нынѣ пѣвцы,—нѣтъ подвиговъ, радостно лирный
Гласъ пробуждающихъ,—ахъ! некому слушать пѣвца!
Древнихъ вѣковъ пѣснотворцы! летало могучее ваше
Слово изъ устъ во уста, всѣхъ потрясая сердца!
Какъ предъ сватынею, всякій предъ тѣмъ преклонялся, что геній
Словомъ живымъ сотворилъ, или волшебнымъ рѣзцемъ.
Пламень пѣвца возжигалъ сердечныя внемлющихъ чувства,—
Внемлющихъ чувства сердце пламень питали пѣвца,
И очищали, питая! Счастливецъ, для коего внятно
Въ гласъ народа живомъ пѣсни звучала душа,
Коему въ жизни, извнѣ божество-небожитель являлось,
Нынѣ едва лишь, едва слышное въ глуби сердцецъ!

Die Sanger der Vorwelt.

(1795).

Sagt, wo sind die Vortrefflichen hin, wo find ich die
Sanger,
Die mit dem lebenden Wort horchende Volker ent-
zuckt,
Die vom Himmel den Gott, zum Himmel den Menschen
gesungen,
Und getragen den Geist hoch auf den Flugeln des
Lieds?

Ach! noch leben die Sanger; nur fehlen die Thaten, die
Lyra
Freudig zu wecken, es fehlt, ach! ein empfangendes
Ohr.
Gluckliche Dichter der glucklichen Welt! Von Munde
zu Munde
Flog, von Geschlecht zu Geschlecht euer empfunden-
denes Wort.
Wie man die Gotter empfangt, so begrusse Jeder mit
Andacht,
Was der Genius ihm, redend und bildend, erschuf.
An der Glut des Gesangs entflamnten des Horers Ge-
fuhle,
An des Horers Gefuhl nahrte der Sanger die Glut—
Nahrt' und reinigte sie! Der Gluckliche, dem in des
Volkes
Stimme noch hell zuruck tonte die Seele des Lieds,
Dem noch von Aussen erschien, im Leben, die himmlische
Gottheit,
Die der Neuere kaum, kaum noch im Herzen ver-
nimmt (S. 275—276).



Особеннымъ сочувствіемъ современниковъ извѣстнаго лагеря пользовалась поэма В. С. Печерина „Торжество Смерти“, къ которой мы и переходимъ. Она была написана въ періодъ крайняго увлеченія автора идеями атеизма, матеріализма и революціи. Разумѣется, въ Россіи она не могла увидѣть свѣтъ въ печати, но распространялась въ спискахъ. Не можетъ быть она вполне напечатана и теперь еще,—и мы ниже приводимъ изъ нея лишь нѣкоторые отрывки. Всего характернѣе то, что и самъ Печеринъ, отвратившись отъ идей своей бурной юности, и покрывшись монашескою сутаной, отрекся и отъ этого своего произведенія, какъ видимъ мы изъ разговора его съ А. И. Герценомъ.

Герценъ, находившій въ этой поэмѣ достоинства, хотѣлъ ее напечатать въ своихъ изданіяхъ и просилъ у автора при личномъ свиданіи разрѣшенія. Вотъ какъ онъ объ этомъ рассказываетъ:

„Собираясь оставить Печерина, я сказалъ ему:

— „У меня есть просьба къ Вамъ“.

— „Что такое? сдѣлайте одолженіе“.

— „У меня были въ рукахъ въ Петербургѣ нѣсколько Вашихъ стихотвореній; въ числѣ ихъ есть трилогія „Поливать Самосскій“, „Торжество смерти“ и еще что-то; нѣтъ ли у Васъ ихъ, или не можете ли Вы мнѣ ихъ дать?“

— „Какъ это Вы вспомнили *такой вздоръ!* Это—*незрѣлыя ребяческія* произведенія *иного* времени и *иного настроенія*“.

— „Можетъ“, замѣчалъ я, улыбаясь, „*поэтому то* они мнѣ и нравятся. Да есть они у Васъ, или нѣтъ?“

— „Нѣтъ, гдѣ же!...“

— „И продигтовать не можете?“

— „Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!“

— „А если я ихъ найду гдѣ-нибудь въ Россіи,—печатать позволите?“

— „Я, право, на *эти ничтожныя* произведенія смотрю, точно будто *другой* писалъ; мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, какъ больному до бреда послѣ выздоровленія“.

— „Когда Вамъ дѣла нѣтъ, стало, я могу печатать ихъ, положимъ, безъ имени?“

— „Неужели эти стихи Вамъ *нравятся до сихъ поръ*?“

— „Это мое дѣло; Вы мнѣ скажите, позволяете мнѣ ихъ печатать или нѣтъ?“

Прямого отвѣта онъ и тутъ не далъ; я пересталъ приставать¹⁾.

¹⁾ Герцень, Сочиненія, т. VIII, стр. 260—261.

Торжество смерти.

За синимъ за моремъ, въ далекой землѣ,
Сошлись молодцы пировать въ февралѣ.
Тарелки брызжать, и стаканы звенать,
И вольныя рѣчи, сверкая, кипятъ.
Дверь настезъ,—съ гуслѣми вошелъ старичекъ,
И всѣмъ поклонился, и сѣлъ въ уголокъ.
За нимъ съ самопрялкой старуха вошла,
Съ собой для потѣхи вота привела.
Ерошится воть и сверкаетъ хребтомъ,
Сердито мурлычетъ и машетъ хвостомъ.
Усѣлась старуха—прядеть и поеть:
Подъ музыку пляшетъ, мурлыкая, воть.

Старуха (поеть въ носъ).

Пряжа тонкая, прядися!
Веретенышко, вертися!
А веревочка, плетися!
Тру—ру, тру—ру, тру—ру!

Котъ.

Мяу, мяу, голубокъ!

Не гуляй, другъ, одинокъ!
Мяу, мяу, молодцы!
Прячьте въ воду всѣ концы!
Мяу, мяу, мяу, мяу, мяу!

И старецъ пустился на гусляхъ' играть,
Съ присвѣстомъ, съ прищѣлкомъ пошелъ прищѣ-
вать:

Старикъ.

Ай, веревочка свивается,
Ай люли, ай люли!
Въ узелочекъ заплетается,
Ай люли, ай люли!
Да на шейбу надѣвается,
Ай люли, ай люли!

Старуха.

Пряжа тонкая, прядися!
Веретенышко, вертися!
А веревочка, плетися!
Тру—ру, тру—ру, тру—ру!

Котъ.

Мяу, мяу, сѣрый вотъ:
Кошечка на крышкѣ (sic) ждетъ!
Мяу, мяу, чижикъ мой,
Сидя въ влѣткѣ, смирно пой!
Мяу, мяу, мяу!

Старикъ (забависто).

Ахъ, головуши вы удалія,
По французской модѣ завитія!
Вамъ не долго почивать
На подушечкахъ пуховыхъ,
Вамъ не долго погулять
Въ мягкихъ шапочкахъ бобровыхъ!
Ай, веревочка свивается,
Ай люли, ай люли!
Въ узелочекъ заплетается,
Ай люли, ай люли!
Да на шейку надѣвается,
Ай люли, ай люли!

Старуха.

Пряжа тонкая, прядися!
Веретенышко, вертися!
А веревочка, плетися!
Тру—ру, тру—ру, тру—ру!

Котъ.

Мяу, мяу, воть глядять:
Чижики въ клеткѣ не сидять.
Мяу, мяу, чижь запѣль,—
Чижики нашъ котикъ съѣль.
Мяу, мяу, мяу, мяу!

Старикъ (забависто).

Ахъ, вы—шейки бѣлоснѣжныя,
Дѣти барскія—вы, вѣжныя!

Галстучки пеньковые,
Други, покидайте,—
Галстучки шелковые
Къ зимѣ припасайте.
Ай, веревочка свивается.....

(Тутъ баринъ, схватясь за бутылку, сказалъ:)
„Перестань, старый чортъ: ты мнѣ скуку нагналъ!
Старуха, не пой! а ты, котъ, не пляши!
А лучше, старикъ, ты намъ сказку скажи!“
Старушка и котикъ затихнули вмѣгъ;
И началъ имъ сказочку баять старикъ.

Сказка

о трехъ новыхъ годахъ.

Въ одинъ вечерокъ (настаетъ новый годъ)
Гурьба молодцовъ на попойку идетъ.
Вино и шипитъ, и звѣздится въ кубкахъ,
И младость бунтуетъ въ могучихъ сердцахъ.
Вино черезъ край начинается ужъ течь;
Течетъ черезъ край и широкая рѣчь.
Свобода и доблесть у всѣхъ на устахъ,
И пѣсня лихая на звонкихъ струнахъ.
И каждый орлинымъ полетомъ летитъ,
И смѣло грядущему въ очи глядитъ.....

.
А вотъ и опять настаётъ новый годъ,
И кучка друзей на пирушку идетъ!
Да только не всѣ собрались пировать:
Одинъ за бостонъ, а другой—почивать.

Другой говорить: „не приду я, друзья:
Жена у меня и большая семья“.

А третій: „вѣдь я—человѣкъ должностной,
И мнѣ-ль куликать съ молодежью пустой?“

И вино ужъ не льется рѣвкой,

И не слышно ужъ пѣсни лихой:

А только собравшись кружкомъ,

Всякъ шепчется съ другомъ тайкомъ.

А вотъ и опять настаетъ новый годъ—

Да что то нието на пирушку неидеть.

А въ темной конурѣ горить огонекъ.

Въ конурѣ сидитъ молодецъ одинокъ.

Вино на дубовомъ столѣ не кипитъ;

На столикѣ кружка съ водицей стоитъ;

И заперты крѣпко затворы дверей,

Чтобъ не было въ комнатѣ лишнихъ гостей.....

„И жавронокъ въ небѣ, какъ въ вѣткѣ, поетъ;
По зелену полю гуляетъ народъ.

Тамъ будешь, дружокъ, припѣваючи жить,

Пока ангелы стануть въ трубы трубить“.

Теперь—слава Богу!—дошли до конца.

За это мнѣ дайте стаканчикъ винца.

Не корите, друзья, за рассказъ мой плохой;

Таковъ ужъ обычай на Рѹси святой:

Веселую пѣсню за здравье начнемъ,

А послѣ—на вѣчную память сведемъ.

А вамъ я желаю: безъ муъ и заботъ,

Не разъ, господа, повстрѣчать новый годъ!

Валеріанъ.

На вотъ тебѣ чарка! Да къ чорту ступай,—
И дьявольскихъ сказокъ намъ больше не бай!

Красавица-дѣвица! арфу настрой,
Балладу, романсъ или пѣсню пропой!

Эмилія (строить арфу).

Тра—ла—ла—ла—ла—ла....
Я знаю балладу изъ новыхъ временъ,
Какъ съ войскомъ Донъ-Педро вошелъ въ Лисса-
бонъ.

Валеріанъ.

Ты спой намъ балладу, гдѣ слезы и кровь,
И смерть, и война, и дѣвицы любовь,
Гдѣ русскій дерется до смерти за честь,
Свершивъ надъ тираномъ священную мечь!

Эмилія.

Я вовсе не знаю баллады такой:
Довольно вамъ будетъ и пѣсни простой!

Пѣсня

о русскомъ юношѣ.

Какъ цвѣточекъ, отягченный
Утренней росой,
Вся въ слезахъ, склонивъ головку,
Дѣвушка идетъ.

Прохожій.

Душенька, мнѣ сердце рвется,
Глядя на тебя!

Раздѣли со мною горе:
Другъ несчастнымъ—я!

Дѣвушка.

Подъ стѣнами Сантарема
Мой сердечный палъ!
Онъ, какъ левъ, за честь Маріи
До конца стоялъ.
На широкомъ полѣ битвы
Огонекъ горитъ;
На широкомъ полѣ битвы
Рыцарь мой лежитъ.
Капуцинъ пришелъ съ дарами...
„О святой отецъ!
Разрѣши мнѣ душу! Близокъ,
Близокъ мой конецъ!
И послѣдному моленью
Воина внемли:
Обо мнѣ на Русь Святую
Вѣсточку пошли!
Тамъ сидитъ моя невѣста,
Ждетъ въ слезахъ меня...
О святой отецъ! скажи ей,
Какъ скончался я.
Ты скажи, что я до гроба
Милую любилъ,
Умеръ съ вѣрой и за вольность
Душу положилъ.“

Пѣвица въ раздумьи склонилась челою
И бросила арфу—и слезы ручьемъ!

Валеріанъ.

Красавица-радость! Что случилось съ тобой?
Какъ можно заплавать отъ пѣсни пустой?!

Эмилія (вполголоса).

На широкомъ полѣ битвы
Огонекъ горитъ;
На широкомъ полѣ битвы
Рыцарь мой лежитъ...

И снова въ раздумьи замолела краса,
И бѣлымъ платочкомъ закрыла глаза.

Валеріанъ.

Красотка-душа! Ты не плачь, не тужи,
А лучше намъ горе свое расскажи!

Эмилія.

Онъ спитъ на поляхъ, Каталонскихъ поляхъ:
Два камня сѣдые, да крестъ въ головахъ.
Я птичкой у матушки въ домѣ жила,
Невинна, рѣзва и тпеславна была.
Онъ увидѣлъ меня—онъ мнѣ сердце отдалъ—
И несчастный! любви за любовь ожидалъ.
Онъ—бѣдный художникъ, поэтъ молодой,—
А я родилась большой госпожей.
Онъ въ раздумьи гулялъ подъ окошкомъ моимъ,—
Я, глядя съ балкона, смѣялась надъ нимъ.
Онъ презрѣнья не снесъ; онъ былъ нѣженъ ду-
шой,—

И покинулъ нашъ городъ, и бросился въ бой,
Гдѣ рать собиралась Испаніи всей,
Гдѣ „вольность“ кричали при звукѣ мечей.
Прощаясь, онъ руки ко мнѣ простиралъ
И долго слезами порогъ обливалъ...
Я смѣялась, стояла съ другимъ у окна,
Равнодушна, какъ мраморъ,—какъ ледъ, холодна.
Онъ палъ на поляхъ, Каталонскихъ поляхъ:
Два камня сѣдые, да крестъ въ головахъ.....
Онъ письмо предъ кончиной ко мнѣ написалъ
И слезное мнѣ ожерелье прислалъ.

ПИСЬМО ЭДМУНДА КЪ ЭМИЛИИ

(съ посылкою стихотвореній его).

Души моей царица! Ожерелье
Вамъ посылаетъ Вашъ пѣвецъ молодой:
Быть можетъ, Вамъ на брачное веселье
Поспѣетъ мой подарокъ дорогой.
Не правда ль? Жемчугу богатое собранье?
Смотрите: крупно каждое зерно;
И каждое зерно—слеза, воспоминанье,
И куплено слезой кровавою оно...
Не плавалъ я среди морей опасныхъ,
Не въ пропастяхъ сокровищъ Вамъ искалъ,
Не звонкимъ золотомъ червонцевъ ясныхъ
Вамъ ожерелье покупалъ.
Изъ сердца глубины, при свѣточа сіяньи,
Съ слезами пѣснь моя лилась въ полночный часъ:
Изъ этихъ пѣсенъ, слезъ, живыхъ воспоминаній
Я ожерелье набиралъ для Васъ.
Какъ должную Вамъ дань, съ улыбкою небрежной

Примите эту нить стиховъ и слезъ моихъ:
Такъ боги въ небесахъ приѣмлютъ безмятежно
Куренье и мольбы отъ алтарей земныхъ“.

Красавица дальше не въ силахъ читать,—
И начала плакать и горько ¹⁾ вздыхать...
Но гости не требуютъ вздоховъ пустыхъ:
Имъ надобно пѣсень, видѣній живыхъ.
И нехотя арфу пѣвица беретъ,
И пѣсню о нѣжной графинѣ поетъ:

ПѢСНЯ О ГРАФИНѢ ТУРНѢ ²⁾.

Въ Тѣченѣ, въ лѣсахъ Богемскихъ
Замокъ на скалѣ стоитъ,
И подъ нимъ спокойно Эльба
Воды свѣтлыя струить.
Тамъ графиня молодая,
И уныла, и блѣдна,
Къ небу очи подымая,
На скалѣ стоитъ одна...
„Егеръ, егеръ мой прекрасный!
Посмотри: на небесахъ
Высоко ужъ мѣсяцъ ясный;

¹⁾ Тяжко. Вар.

²⁾ Содержатель гостиницы въ Течинѣ рассказывалъ мнѣ исторію графини Турнѣ. Молодая, прелестная 18—лѣтняя дочь владѣтельнаго графа Турна чахнетъ отъ безнадежной любви къ прекрасному графскому егерю. Отецъ каждый годъ возитъ ее на теплыя воды—все напрасно! Она, видимо, умираетъ. Идя пѣшкомъ по живописной долині и имѣя въ виду замокъ Турнѣ, я мечталъ это стихотвореніе. Жалѣю, что прекрасный матеріалъ не достался въ руки болѣе искуснаго художника,

Тихо въ замкѣ и въ садахъ...
На террасу удалимся!
Тамъ, въ бесѣдкѣ при лунѣ
Насладимся, насладимся
Мы любовью въ тишинѣ!“

Егеръ.

Ахъ, *Эльвира!* Вы—графиня!
Кто же я?—Вассаль простой!
И любовь моя погубить
Драгоценный Вашъ покой.
Недоступный надъ долиной
Замокъ графскій вознесенъ:
Недоступною судьбиной—
Я съ Эльвирой разлученъ!

Графиня.

Пусть мой замокъ превышаетъ
Башни дальнихъ городовъ:
Всѣ препоны побѣждаетъ
Всемогущая любовь!
А когда въ бореньи съ міромъ
Ей побѣда измѣнить,
Какъ Колумбъ, она изъ міра
Обветшалаго летить,
И подъ грознымъ ураганомъ
Смѣлый пробивая слѣдъ,
За могильнымъ океаномъ
Новый открываетъ свѣтъ!

А вотъ одиноко графиня сидитъ,
Въ раздумьи, въ тоскѣ про себя говорить:

„Для графа и для егеря одно
Сіяетъ солнце надъ богемскими скалами;
Для графа и для егеря равно
Струится Эльба межъ зелеными лугами.
Святая Дѣва! Чѣмъ виновна я,
Что краше онъ и тѣломъ, и душою,
Чѣмъ всѣ бароны, графы и князья
Съ ихъ титлами, съ ихъ пышностью златою?
Какъ пышно локоны его густые
Віются подъ возвышеннымъ челомъ!
И какъ онъ милъ въ зеленомъ казакинѣ
Съ своимъ ружьемъ двуствольнымъ за плечемъ!
Печальный жребій свой давно я знаю;
Забуть его вовѣки не могу,
Разбить приличій цѣпи не дерзаю,—
И смерти я съ покорностію жду...
Чье сердце строгіе законы свѣта
Желѣзной раздробять рукой,—
Тотъ лишь въ прохладной ночи гроба
Найдетъ цѣлительный покой!
Къ чему, родитель, нѣжныя заботы?
Ужъ Ангель смерти надо мной парить,
И блекнуть отъ холоднаго дыханья
Младья розы дѣвственныхъ ланить...

Валеріанъ.

Друзья! Чтобъ достойно окончить сей пиръ,
Въ театръ поспѣшимъ: тамъ фантазіи міръ!
Насъ опера ждетъ и волшебный балетъ:
Посмотримъ, что нынче покажетъ позѣть!

Театръ.

Занавѣсъ еще не поднятъ. Актеръ выходитъ на аван-
сцену и говорить:

Прологъ.

Почтеннѣйшіе господа!
Сегодня мы имѣемъ честь
Представить: „Новое видѣнъе,
Столицы древней разрушенъе“,
Иль называемый иначе:
„Языческій Апокалипсисъ“,
Дивертисментъ полуволшебный,
Творенъе юнаго поэта,
Еще сокрытаго для свѣта...
Директоръ не жалѣлъ издержекъ,
Чтобъ поддержать сію піасу
И проивзвестъ эффесть, какъ должно:
Онъ много выписалъ машинъ
И кучу новыхъ декораций,
И всѣхъ богинь, за исключеньемъ Грацій.
Почтеннѣйшіе господа!
Вы снисхожденъе окажите
Поэту и актерамъ,—
И трудъ нашъ общій наградите
Рукоплесканій хоромъ.

(Увертюра. Колокольчикъ звенить. Занавѣсъ подымается.
Театръ представляетъ воздухъ и заливъ Іонійскаго моря.
Вдали виденъ древній, великолѣпный городъ. *Немезида* съ
бичемъ въ рукахъ сидитъ на воздушномъ престолѣ, окру-
женная подземными духами мщенія.

Немезида.

Въ трубы громкія трубите:
Вѣтры всѣ ко мнѣ зовите!

Духи (трубятъ).

Собирайтесь, собируйтесь!
Вѣтры, съ запада слетайтесь! (*трижды*).
Гласъ правдивой Немезиды
За столѣтнія обиды
Васъ на мщеніе зоветъ:
Вѣтры, вѣтры, всѣ впередъ!

Вѣтры прилетаютъ со свистомъ и шелестомъ и, какъ покорные рабы, ложатся у ногъ Немезиды.

Немезида (потрясая бичемъ).

Вѣтры, море обхватите,
Море къ небу всколыхните,
Вздуйте волны, подымите,
И какъ горы, покатите!...

.

Вѣтры рѣзвыми прыжками изъясляютъ свою радость, лизжутъ ноги Немезиды и потомъ пляшутъ, присвистывая.

Хоръ вѣтровъ.

Пойте и пляшите, други,

Въ рѣзвые свивайтесь круги:
Мщенья, мщенья часъ насталь!
Люгый врагъ нашъ, ты пропаль!
Какъ гигантъ, ты сталь предъ нами,
Нась съ презрѣньемъ оттольнулъ
И желѣзными руками
Волны въ пропастьхъ замкнулъ,

Часто, часто осаждали
Мы тебя съ полкомъ валовъ
И позорно отступали
Отъ гранитныхъ береговъ!
Но теперь за всѣ обиды
Бичъ отмщаетъ Немезиды!
Что? и намъ пришла пора?
Ха, ха, ха, ура! ура!

Музыка играетъ галопъ. Вѣтры улетаютъ попарно—въ бурной пляскѣ. Являются на воздухѣ мирияды сердець, облитыхъ кровью и пронзенныхъ кинжалами.

Хоръ сердець.

Въ грудяхъ юношей мы бились
За свободу, правоту,
Къ безконечному стремились,
Обожали красоту...

.
Да прольется жъ надъ симъ градомъ
Мщенья вѣчнаго фіалъ!

О святая Немезида,
Да отмститса вамъ обида! (*трижды*)

Немезида ударяетъ бичомъ. Буря начинается. Отдаленные раскаты грома, молнія; вѣтры воютъ, море стонетъ, скалы глухо отъливаются; морскія птицы стаями летятъ къ берегу; волны, вынырнувъ изъ бездны, поднимаютъ головы къ небу и цѣлуютъ края ризы его (?). Являются мириады факеловъ, погасшихъ и курящихся.

Хоръ факеловъ.

Богъ зажегъ насъ, чтобъ сіяли
Мы средь сѣверныхъ ночей,—
И мы съ радостью пріяли
Огнь отъ божескихъ лучей...

.

О святая Немезида,
Да отмстится намъ обида! (*трижды*)

Немезида ударяетъ бичемъ. Большой военный корабль крутится въ водоворотѣ, разбивается о скалу и исчезаетъ въ волнахъ...

Хоръ звездъ.

Чистой доблести свѣтила,
Мы взошли на небеса,—
И съ надеждой обратили
Къ намъ отечество глаза...

.

О святая Немезида,
Да отмстится намъ обида! (*трижды*)

Являются блѣдныя тѣни воиновъ, покрытыя кровью и прахомъ: на головахъ у нихъ терновые вѣнки, перевитые лаврами, а въ рукахъ—переломленные мечи.

Хоръ воиновъ.

Крѣпо мы за вольность бились,
За всемірную любовь;
Но мечи переломились,
И изсякла въ жилахъ кровь!
Къ намъ народы обратили
Очи, смутныя отъ слезъ,—
Но,—бесильныя!—просили
Только мщенья у небесъ!

.
Изрекли ужъ Эвмениды
Приговоръ свой роковой,
И съѣира Немезиды
Поднята ужъ надъ тобой!

О святая Немезида,
Да отмститесь намъ обида! (*трижды*)

Немезида.

Подымается съ престола, и одною рукою потрясая бичемъ, а другою указывая на городъ, говорить:

Часъ отмщенья наступаетъ:
Море стогны покрываетъ,
И какъ поясъ, обвиваетъ

Стѣны крѣпкія дворцовъ,
Храмы свѣтлыя боговъ.

Поликратъ Самосскій

ВЫХОДИТЬ на плоскую кровлю іонійскаго дворца.

О народъ, народъ, молися!
Къ небу вознеси свой гласъ:
За грѣхи караетъ насъ
Бога вышняго десница!

Хоръ утопающаго народа.

Не за наши,—за твои
Богъ караетъ насъ грѣхи...

.

И кометы вѣковой
Хвостъ вѣетъ за тобой,
Навѣвая смертный холодъ;
Очи въ кровь потоплены,
Какъ затмѣніе луны.
Погибаемъ, погибаемъ!...

.

Небо (гремя съ высоты).

И нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!

Земля (глухо откликаясь).

Аминь!

Послѣдній приливъ моря,—городъ исчезаетъ.

Небо и Земля (въ одинъ голосъ).

Аминь!!!

Волны въ торжественныхъ колесницахъ (sic) скачутъ по развалинамъ древняго города; надъ ними въ воздухѣ парить Немезида, и потрясая бичемъ, говоритъ:

Мщенье неба совершилось:
Все ¹⁾ волнами поглотилось!
Сѣверные льды сошли.
Карагенъ, спокойно шли
Прямо въ Индью корабли:
Нѣтъ враждебныя земли!

Музыка играетъ торжественный маршъ. Являются всѣ народы, прошедшіе, настоящіе и будущіе, и поклоняются Немезидѣ.

Хоръ народовъ.

Преклоняемся, смиряемся,
О богиня, предъ тобой,
И какъ дѣти поучаемся
Чтить любви законъ святой!

¹⁾ Слово, произвольно поставленное вмѣсто какого-то «мудренаго» собственного имени.

Навазуются гордыня
И народовъ, и царей,
И равно сѣчетъ богиня
Флотъ, и лодку рыбарей!

Всѣ народы, настоящіе, прошедшіе и будущіе, соединяются съ служебными духами Немезиды и вмѣстѣ съ ними составляютъ большой балетъ. Буря утихаетъ, и надъ гладкою поверхностью моря—съ Востока подымается вѣчное солнце. Музыка играетъ тихій маршъ. Небо и земля посылаютъ взаимныя привѣтствія. Занавѣсъ опускается.

Въ заключеніе тѣ же актеры имѣютъ честь представить

Торжество смерти.

(интермедія).

Занавѣсъ подымается. Театръ представляетъ вселенную во всей ея красотѣ и великолѣпіи. Большой балетъ; небесныя тѣла проходятъ въ стройной плясѣ подъ музыку мірозданія.

Является *Смерть*—прекрасный юноша на бѣломъ конѣ. На плечахъ его развѣвается легкая бѣлая мантия; на темно-русыхъ вудряхъ вѣнокъ изъ подснежниковъ.

Небо, и земля, и народы земли и прочихъ планетъ сопровождаютъ Смерть съ громкими восклицаніями:

Vive la mort! vive la mort! vive la mort!

Смерть.

Обновляйся ликъ природы,—
Ветхій міръ, пади во прахъ!
Вспряньте, юные народы
Въ свѣжихъ вольности вѣнкахъ!

Юные народы тѣснятся около Смерти, обнимаютъ ея
волѣна, цѣлуютъ ея серебряныя шпоры и позолоченныя стре-
мена!

Vive la mort! vive la mort! vive la mort!

Хоръ юныхъ народовъ

поеть.

Веселитесь! Спаситель,
Царь нашъ, міра искупитель,
Въ свѣтломъ торжествѣ грядеть!
Аллилуія, аллилуія, аллилуія!

.....
Міръ, тобою обновленный,
Пѣснь хвалы тебѣ поеть:
Аллилуія, аллилуія, аллилуія!

1. Полухоріе.

.....
Царствуй, царствуй, богъ веселый,

.
Богъ свободы, богъ движенья,
Вѣчнаго преображенья!

Богъ все сокрушающій,
Богъ все воскрешающій,
Богъ все созидающій!
Аллилуія, аллилуія, аллилуія!
Ветхое, ничтожное,
Слабое и ложное
Предъ тобой падеть!
Вольное, младое,
Творчески живое
Смертью разцвѣтетъ!
Аллилуія, аллилуія, аллилуія!

II. Полухоріе.

Посмотри: скалы сѣдыя
Распахнулись предъ тобой,
И источники живые
Скачутъ серебряной струей.
Ступишь ты,—и разцвѣтаютъ
Пышно изъ могилъ цвѣты;
Изъ цвѣтовъ вѣнки сплетаютъ
Новобрачныя четы.
Надъ могилою спокойной
Радость буйная шумить,
И обнявшись, въ пляскѣ стройной
Дѣва съ юношей летить.

Весь хоръ.

Насъ исхитившій отъ тлѣнья
Средь темницы и оковъ,
Гласъ прими благодаренья!...

А когда мы подъ влюкою
Духомъ склонимся во прахъ,
Боже, дивною рукою
Обнови насъ въ сыновьяхъ!

Vive la mort! vive la mort! vive la mort!

Процессія удаляется. Музыка замираетъ въ неопредѣленныхъ звукахъ. Актеры и зрители исчезаютъ, какъ тѣни. Поэтъ одинъ со свиткомъ въ рукахъ стоитъ на древнихъ развалинахъ. Богъ смерти является ему въ образѣ черноокой венеціанки.... Поэтъ предъ кончиной еще разъ беретъ арфу и прерывающимся голосомъ поетъ.

Пѣснь умирающаго поэта.

Гори, гори, мой факель томный!
Но вспыхни предъ концомъ живѣй!
На мой ты жребій грустный, темный
Сіянье тихое пролей!
Вся жизнь моя—одно желанье,
Несбывшійся надежды сонъ,
Или художника мечтанье,
Набросанное на картонъ.

И страждущая грудь делѣть
Видѣній дивную семью:
Рука дрожить, языкъ нѣмѣть
Осуществить мечту мою.
Созданье вѣчное готово
И рвется изъ груди поэта...
Кто скажетъ творческое слово?—
И разольется море свѣта!
Давно въ груди поэта рдѣть
Россіи свѣтлая заря:
О, выньте изъ груди зарю—
Пролейте на небо Россіи!

Поэтъ начинаетъ бредить:

О, дайте предъ кончиной
Пѣснь громкую пропѣть:
Я съ пѣснью лебединой
Хотѣлъ бы умереть!
Гремитъ на полѣ ратномъ
Побѣды крикъ въ рядахъ,
И я въ крови съ булатнымъ
Мечемъ паду во прахъ!
И счастья Россіи
Залогъ вамъ—кровь моя!
И всѣ грѣхи Россіи
Омоетъ кровь моя!
Мое въ сердце въ урну
Съ почтеньемъ положите
И русскимъ эту урну
Въ день славы покажите!
Хоругвь твоя заблещетъ,
Потомство, предо мной,

Мой пепелъ затрепещеть
Подъ крышкою гробовой.....
Я силой благодатной
Прольюся на Россію.....

.

Поэтъ умираетъ, не докончивъ куплета. Занавѣсъ упа-
даетъ съ шумомъ—для кого? Поэтъ былъ послѣдній актеръ
и послѣдній зритель.

Поэмою „Торжество смерти“, которая представляет наибольшее оригинальное произведение Печерина, дорожил не одинъ Герценъ. Собратъ послѣднаго по оружію и вѣрный другъ до гроба, Н. П. Огаревъ тоже придавалъ этому произведенію, какъ симптому эпохи, важное значеніе, какъ видно изъ его словъ:

„Во время притаенія общественнаго вопроса лучшіе люди, т. е. наиболѣе образованные, тѣ, которые не могли ни пристать къ успокоившейся толпѣ, ни уйти въ чувство собственной отчужденности отъ человѣческаго міра,—ушли въ науку—и въ отвлеченныя стремленія. Это направленіе было естественно. Поневоля приходилось спрашивать: чтò и какъ? И лучшіе люди принялись за разработку теоріи. Практика требовала своего.. Правительство терпѣло научную дѣятельность“ (стр. LXXVI, LXXVII).

„Собственно научная дѣятельность не произвела дѣйствительныхъ талантовъ въ поэзіи. Для этого у нея не было живой связи съ жизнью. Поэзіи приходилось не отливаться на живыя впечатлѣнія, а изобрѣтать ихъ вслѣдствіе теоріи. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ она еще применила было къ общественному вопросу въ „Торжествѣ Смерти“ Печерина; но рукопись не вышла изъ предѣловъ тѣснаго кружка друзей и не отозвалась въ публикѣ. Облечь теоретическое пониманіе жизни и общественной будущности въ поэму и разомъ высказать отчаяніе въ исходѣ общественной жизни—шло человѣку съ развитымъ научнымъ пониманіемъ и задыхающемуся подъ тяжестью его времени. Поэма, не смотря на ея отвлеченность, обличала сильный поэтический талантъ, который могъ бы развиваться. Какимъ образомъ авторъ ея погибъ хуже всѣхъ смертей, постигшихъ русскіхъ поэтовъ

погибъ равно для науки и для жизни, погибъ заживо, одѣвшись въ расу іезуита, и отстаивая дѣло мертвое и враждебное всякой общественной свободѣ и здравому смыслу?... Это остается тайной; тѣмъ не менѣе мы со скорбью смотримъ на смрадную могилу, въ которой онъ преступно похоронилъ себя. Воскреснетъ ли онъ въ живое время русской жизни, или ему пріятнѣе жечь протестантскія библіи въ Ирландіи?... Какъ знать? Если внѣшнее чудо могло столкнуть его живого въ гробъ, то внутренняя сила можетъ и вырвать изъ него. Появивше не только христіанская мысль, но необходимость для всего человѣчески-искреннаго“.

Поэма Печерина относится къ 1837 или 38 году. (LXXVII—LXXVIII).

Иначе смотреть на эту поэму *Ф. Г. Достоевскій*. Въ своемъ романѣ „Бѣсы“ онъ рецензируетъ ее, приписывая ей авторство своему герою, оставшему либеральному профессору сороковыхъ годовъ Степану Трофимовичу Верховенскому. Достоевскій не придаетъ никакого серьезнаго значенія аллегоріи Печерина и передаетъ ее содержаніе въ таковой юмористической формѣ:

„Это—поэма не безъ поэзіи и даже не безъ нѣкотораго таланта, странная, но тогда (то-есть вѣрнѣе въ тридцатыхъ годахъ) въ этомъ родѣ часто пописывали. Разсказать же сюжетъ затрудняюсь, ибо, по правдѣ, ничего въ немъ не понимаю. Это какая-то аллегорія въ лирико-драматической формѣ и напоминающая вторую часть Фауста. Сцена открывается хоромъ женщинъ, потомъ хоромъ мужчинъ, потомъ какихъ-то силъ, и въ концѣ всего хоромъ душъ, еще не жившихъ, но которымъ очень бы хотѣлось пожить. Всѣ эти хоры поютъ о чемъ то очень неопредѣленномъ, большею частію, о чьемъ-то проклятіи, но съ отгѣнкомъ высшаго юмора. Но сцена вдругъ перемѣняется, и наступаетъ какой-то „Праздникъ жизни“, на которомъ поютъ даже насѣкомыя, является черепаха съ какими-то латинскими сакраментальными

словами, и даже, если припомню, пропѣлъ о чемъ-то одинъ минераль,—то-есть предметъ уже вовсе неодушевленный. Вообще же всѣ поютъ непрерывно, а если разговариваютъ, то какъ-то неопредѣленно бранятся, но опять таки съ отъѣнгомъ высшаго значенія. Наконецъ, сцена опять перемѣняется, и является дикое мѣсто, а между утесами бродитъ одинъ цивилизованный молодой человѣкъ, который срываетъ и сосетъ какія-то травы, и на вопросъ феи: „зачѣмъ онъ сосетъ эти травы?“ отвѣтствуетъ, что онъ, чувствуя въ себѣ избытокъ жизни, ищетъ забвенія и находитъ его въ сокѣ этихъ травъ, но что главное желаніе его—поскорѣе потерять умъ (желаніе, можетъ быть, и излишнее). Затѣмъ вдругъ вѣзжаетъ неописанной красоты юноша на черномъ конѣ, и за нимъ слѣдуетъ ужасное множество всѣхъ народовъ. Юноша изображаетъ собою смерть, а всѣ народы ея жаждутъ. И, наконецъ, уже въ самой послѣдней сценѣ вдругъ появляется Вавилонская башня, и какіе-то атлеты ее, наконецъ, достраиваютъ съ пѣсней новой надежды, и когда уже достраиваютъ до самаго верху, то обладатель, положимъ, хоть Олимпа, убѣгаетъ въ комическомъ видѣ, а догалавшееся человечество, завладѣвъ его мѣстомъ, тотчасъ же начинаетъ новую жизнь съ полнымъ проникновеніемъ вещей. Ну, вотъ эту-то поэму и нашли тогда опасною“.

Что касается до источниковъ этой поэмы В. С. Печерина, то одинъ изъ нихъ уже указанъ Достоевскимъ: II ч. „Фауста“ Гёте. Вторымъ источникомъ, на нашъ взглядъ, является мистерія А. В. Тимоеева „Послѣдній день“, т. е: вселенной. Коснемся этого любопытнаго произведенія, а также и самого автора.

Алексѣй Васильевичъ Тимоѣевъ (Тимофеевъ), сынъ губернскаго секретаря, родился 15 марта 1812 г. въ г. Курмышѣ Симбирской губерніи, учился (по свѣдѣніямъ казанскаго университетскаго архива) своекоштнымъ полупансіонеромъ въ казанской гимназіи съ 1825 года, окончилъ курсъ 26 іюня 1826 г., поступилъ въ казанскій же университетъ по словесному отдѣленію 13 іюля 1827 г., а утвержденъ студентомъ 6 сентября того же года, но 24 сентября уже переведенъ на нравственно-политическое отдѣленіе, гдѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ 26 іюня 1830 г., не имѣя еще 19 лѣтъ. Съ 1831 г. служилъ въ Петербургѣ по удѣламъ помощникомъ столоначальника—до 1834 г., когда вышелъ въ отставку и совершилъ заграничное путешествіе. Съ 1835 г. служилъ опять въ Петербургѣ въ редакціи „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, и въ 1843 г. перешелъ въ Одессу въ канцелярію къ генераль-губернатору графу М. С. Воронцову, потомъ возвратился въ Петербургъ, служилъ столоначальникомъ въ Министерствѣ Юстиціи; въ 1849 г. назначенъ въ Уфу губернскимъ прокуроромъ. Здѣсь Тимоѣевъ прослужилъ 4 года, потомъ вышелъ въ отставку, жилъ два года подъ Москвой, въ имѣніи своей жены, урожденной Свищевой. Въ 1856 г. переѣхалъ въ Москву и поступилъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій къ генералу-губернатору, графу А. А. Закревскому. Въ 1870 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (*Н. В. Гербель*, „Христоматія для всѣхъ“, изд. 1873 г., стр. 434—441).

Литературная дѣятельность его протекала подъ эгидою Сенковскаго, Греча и Булгарина, которые ставили его въ уровень съ Пушкиннымъ (Пятковский, Изъ исторіи нашего умственнаго и общественнаго развитія, т. II, стр. 216). Писалъ онъ и прозой, и стихами, сотрудничалъ въ „Сынъ Отечества“, „Библіотекѣ для чтенія“ и „Маякѣ“, а также и выпускалъ свои труды отдѣльными книжками. Въ 1837 г. вышли его

„Опыты“ въ 3 томахъ съ портретомъ. Его дѣятельность литературная продолжалась съ 1832—1843 г. Послѣ этого онъ замолкъ вплоть до семидесятыхъ годовъ, когда выпустилъ въ свѣтъ большое сочиненіе „Микула Селяниновичъ“ въ 2 т. (1876).

Вышедши въ отставку, Тимоѣевъ переѣхалъ въ Петербургъ. Скончался у себя въ имѣніи въ Саратовской губерніи, въ іюль 1883 года. И. И. Панаевъ зналъ А. В. Тимоѣева еще въ его поэтическую пору. „О Тимоѣевѣ“, пишетъ онъ, „ходили странные слухи: живя на дачѣ въ Парголовѣ одно лѣто, онъ вырылъ, говорятъ, какую-то *пещеру* и въ ней читалъ и писалъ, возбуждая къ себѣ любопытство дачницъ, которыя прозвали его „парголовскимъ пустынноикомъ“. Тимоѣевъ былъ высокъ ростомъ, красивъ и немного туповатъ на видъ. Онъ говорилъ неестественно тихо, и какъ то вдохновенно закатывалъ глаза подъ лобъ. Онъ не въ шутку вообразилъ, что онъ поэтъ, добродушно повѣривъ мистификаціи Сенковского“ („Литературныя воспоминанія“, стр. 151).

Музу его можно (кромѣ нѣкоторыхъ удавшихся пѣсенъ въ народномъ духѣ, както: „Борода ль моя, бородушка“, очень популярный романсъ) назвать *нелѣпо*-романтической. Свои якобы грандіозные замыслы онъ воплощалъ въ „мистеріяхъ“, которыя доставили ему и его покровителю—Сенковскому насмѣшки. Напр., въ пародіи на балладу Жуковского „Смальгольмскій баронъ“ мы читаемъ:

Фантастическій бѣсъ въ кацавейкѣ своей,
Потирая руками, гулялъ.
Слышенъ стукъ у дверей—и на зовъ: „Ну, скорѣй!“
Въ кабинетъ Тимоѣевъ вбѣжалъ.—
„Подойди, мой *уродецъ*, поэтъ мой *плохой*!
Ты мнѣ *три года* другъ и родня.

Будь мнѣ предавъ душой, а не то — чортъ съ
тобой,

Пропадешь ты, какъ песь, безъ меня!...

Но обмануть ты не былъ ли глупой мечтой,

Напримѣръ, хотъ *мистерій* своихъ?

Ты невольно порой—охъ, раздуй те горой!

Съ панталыку сбиваешься въ нихъ!—

„Не *мистерилось* мнѣ, не писалъ я пять дней,

А все видѣлъ и слышалъ я самъ“...

— „Ахъ ты, *Миоъ Тимошеичъ*, изъ лыка ты спишь!

Мнѣ ты смѣешь совѣты давать!“

(*К. А. Бахтуринъ*, Баронъ Брамбеусъ. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, изд. Полевого, СПБ. 1888 г., стр. 557—559). Никитенко такъ описываетъ Тимошова:

„Встрѣтилъ недавно Тимошова, бывшаго нѣкогда литераторомъ, но уже давно не появлявшагося въ печати. Я не видѣлъ его лѣтъ 15 и насилу могъ узнать. Липо его, нѣкогда довольно пріятное, теперь точно опухло и заплыло жиромъ. Онъ женился, разбогатѣлъ, взявъ за женой огромное имѣніе, не служить, отъѣдается и отпивается то въ своихъ деревняхъ, то въ Москвѣ. Это былъ большой писака! Писаніе у него было родъ какого то животнаго процесса, какъ бы совершавшагося безъ его вѣдома и воли. Онъ мало учился и мало думалъ. Какъ подъ мельничными жерновами, у него въ мозгу все превращается въ стихи, и стихи выходили гладкіе, иногда даже въ нихъ присутствовала мысль,—во все-таки, кажется, безъ вѣдома автора. Журналы наполнены были его стихами. Онъ издалъ три тома своихъ сочиненій съ портретомъ—и вдругъ замолчалъ и скрылся куда то. Но вотъ теперь выплылъ съ семьей, съ деньгами и съ брюхомъ—уже безъ стиховъ. Впрочемъ, виновать, стихи есть. У него со временемъ развилось странное направленіе: онъ писалъ и пряталъ все написанное. У него полны ящички исписанной

бумаги, которые онъ мнѣ разъ показывалъ.

— „Что же Вы не печатаете?“ спросилъ я его.

— „Да такъ“, отвѣчалъ онъ: „вѣдь я пишу, потому что пишется“.

Несмотря на это, онъ однако любитъ кому-нибудь читать свои произведенія“.

(А. В. Никитенко, Записки и дневникъ, т. II, стр. 35—36, 28 марта 1856 г.).

Въ приведенныхъ отрывкахъ поэмы Печерина нельзя не замѣтить пародирующаго, ироническаго тона. Объектомъ для пародіи и послужила напечатанная въ 1834 г. (а „Торжество Смерти“ писано, повидимому, въ 1837 г., см. выше, стр. 56) въ „Библиотекѣ для чтенія“ мистерія „Послѣдній день“; это станетъ ясно, если мы сравнимъ поэму Печерина съ нижеприводимымъ содержаніемъ мистеріи А. В. Тимофеева („Опытъ“, т. I, стр. 305—347).

Сцена изображаетъ прелестную долину. Разсвѣтъ, небо ясно, легкій вѣтерокъ, благоуханіе цвѣтовъ и пѣніе птичекъ. Посреди долины за столами пируютъ. Вдали городъ, деревни, поля. Предсѣдатель пира проситъ Эмму спѣть, чтобы прогнать дремоту. Эмма воспѣваетъ наслажденіе и приглашаетъ ловить часы. Общее настроеніе, вновь поднятое, портитъ видъ похоронъ. Но предсѣдатель предлагаетъ удалить тревогу разсказами о счастливыхъ моментахъ каждаго изъ пирующихъ. Одинъ юноша высказываетъ довольство судьбою и удовлетвореніемъ физическихъ потребностей. Другой юноша напоминаетъ о бранной славѣ, третій видитъ счастье въ любви, четвертый — въ деньгахъ, для пятаго оно — въ поэзіи — и то счастье непостоянное. Всеобщую тревогу возбуждаетъ заря на *западъ*, даже цѣлое зарево, хотя нѣтъ еще солнца. Предсѣдатель предполагаетъ, что дѣло объяснится само собою. На тему о счастья начинаютъ разсуждать женщины: одна жалуется, что у нея дѣти, другая признаетъ себя несчастной, что нѣтъ у нея дѣтей. Третья, четвертая, пятая мечтаютъ о суетѣ, о по-

клонвикахъ, о тапцахъ, о балахъ, выѣздахъ и т. д. Шестая: „принимать всегда прелата, и я бѣ счастлива была!“. Пожилой мужчина резюмируетъ всѣ женскія изъясненія: „илъ самъ чортъ не сгломонитъ!“ Эмма объясняетъ, что для нея все счастье въ Генрихѣ, предсѣдателѣ пира. Далѣе излагаютъ свое пониманіе счастья пожилые мужчины. Одинъ хочетъ быть славнымъ вельможею, другой желаетъ спокойнаго, идиллическаго уголка, третій мечтаетъ о тепломъ мѣстечкѣ. Старикъ былъ бы доволенъ здоровыми зубами. Еще одинъ заявляетъ, что счастья вообще нѣтъ; другіе, что счастье—въ паштетахъ или въ швейцарскомъ сырѣ; наконецъ: „наше счастье—вино!“ Вотъ появляется „старикъ въ рубищѣ“, объявляющій конецъ міра и убѣждающій покаяться. Его высмѣиваютъ и даже прогоняютъ.

Затѣмъ излагаетъ свое мнѣніе предсѣдатель. Мысль его такова: „у всякаго свое здѣсь счастье, и счастья нѣтъ ни у кого!“ Хотя онъ вездѣ бывалъ, и все извѣдалъ, но „счастье все его бѣжало“. Его томила скука—и самое царство, и слава не удовлетворили его. Съ радостью покинувъ престоль, онъ радъ, что его выбрали въ предсѣдатели пиршествъ. Теперь: „во время, въ пору, кстати, вотъ счастья нашего девизъ!“. Восходитъ солнце, но и на западѣ заря становится все багровѣе. Старикъ изъ присутствующихъ начинаетъ изображать ужасное паденіе нравственности; преступленія растутъ. Предсѣдатель говоритъ, что всегда такъ было—съ тѣхъ поръ, какъ среди шести людей, составлявшихъ единое семейство, оказался одинъ братоубійца. Появляются танцовщицы, которыя и пляшутъ, и поютъ, порознь и хоромъ, умоляя Сатурна пощадить „Венеринъ садъ“.

„Вдругъ раздается ужасный ревъ. Со всѣхъ сторонъ появляются дикіе звѣри и, повѣся головы, взрывая когтями землю (sic), идутъ къ пирующимъ. Танцы прерываются. Всѣ въ ужасѣ соединяются въ одну беспорядочную группу. Крикъ,

шумъ, суматоха. Звѣри подошедши къ людямъ, начинаютъ ласкаться къ нимъ. Ужасъ переходитъ въ изумленіе“ (стр. 336 — 337).

У тигра глаза налились кровью, шерсть стоитъ щетиной, а онъ лижетъ руку и какъ будто молить о приютѣ. Собутыльники хотятъ расходиться. Солнце начинаетъ меркнуть; на западѣ появляется другое—необыкновенной величины; тусклое, багровое, оно идетъ прямо къ первому. Повсюду водворяется необыкновенная тишина. Пирующие, блѣдные, совершенно разстроенные, стоятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ. Предсѣдатель считаетъ другое солнце простою кометою и требуетъ вина. Но пирующие даютъ тягу, бѣгутъ домой; нѣкоторые хотятъ отдавать имѣніе нищимъ и идти къ пастору. Всѣ окрестности наполняются народомъ въ перемежку со звѣрями. Вода превращается въ кровь. Оба солнца, сошедшись, сливаются въ одно, и вдругъ раздвинувшись огненною полосою по всему небу, разрѣзываютъ его отъ одного конца до другого. Потомъ полоса исчезаетъ, и небесный сводъ становится чернымъ, какъ смоль. Съ земли наконецъ поднимаются густая облака черного тумана; повсюду глубокой мракъ и торжественная тишина, прерываемая стонами, ревомъ и скрежетомъ зубовъ. Гробы раскрываются съ трескомъ; мертвые встаютъ и присоединяются къ живымъ; земля колеблется. Въ разныхъ мѣстахъ вспыхиваютъ вулканы.

Предсѣдатель и Эмма спасаются на утесѣ. Эмма боится, но ея другъ любитъся чудной картиною разрушенія міра и подробно описываетъ ее. Онъ смотритъ и на людей, которые прежде ругались небомъ, а теперь ползутъ, глотая прахъ и пыль, и въ униженіи просятъ жизни.

И что жъ? Для этихъ то презрѣнныхъ,
Для этихъ нищихъ—этотъ стройный,
Прекрасный, безконечный міръ

Разрушить!—Нѣтъ! Для наказанья
Дѣтей не разрушаютъ царствъ!

Эмма ужасается, но онъ все резонерствуетъ: „пускай
все гибнетъ!“... „Смерть

Не пощадитъ тебя за то,
Что ты трепещешь передъ нею.

Наконецъ онъ утѣшаетъ ее тѣмъ, что, „когда воскресли
мертвецъ, живые не погибнуть“, а самъ все любитъ видами,
пока вѣтеръ не срываетъ ихъ обоихъ съ утеса! они кружатъ
ся въ туманѣ и исчезаютъ.

Съ земли начинается подыматься кровавый столбъ. Кру-
гомъ его летаютъ огни въ видѣ огромныхъ молній. Далѣе со
всѣхъ сторонъ черный мракъ.

Запѣваетъ „хоръ огненныхъ духовъ“, рекомендующій
себя, какъ „порожденіе сѣмени древа, зла и огня“; эти духи
молятъ сотворить судъ надъ ними и человѣкомъ. Другой
„хоръ духовъ въ кровавомъ столбѣ“ выдаетъ себя за кровь
невинныхъ убитыхъ, слезы сиротъ и стоны рабовъ. Эти
молятъ Бога о призрѣніи и защитѣ; третій „хоръ черныхъ
духовъ“, „порожденіе сѣмени древа, крови и зла“, молитъ
сотворить судъ между ними и человѣкомъ (стр. 343—345).

Наконецъ земля затрещала страшно и раскололась въ
нѣсколькихъ мѣстахъ. Изъ огромныхъ разсѣлинъ вспыхи-
ваетъ огонь съ сѣрнымъ, удушливымъ дымомъ. Огонь освѣ-
щаетъ толпы народа, скопившагося во мракѣ и изрыгающаго
хулы и отчаяніе.

Кровавый столбъ, поднявшись до самаго неба, упирается
въ него. Земля загараются. Небо разверзается; сокрушенный
его сводъ со страшнымъ звономъ сыплется по воздуху хрус-
тальными осколками.

Съвозъ отверстія пробивается ослѣпительный свѣтъ.
Раздается „хоръ праведниковъ“:

Свѣте нашъ тихій,

Богъ и владыка
Неба, земли!
Дверь милосердыя
Намъ—недостойнымъ,
Грѣшнымъ рабамъ,
Въ небѣ отверзи,
И покаянье
Наше прими!

Небо падаетъ цѣлою пеленою. Со всѣхъ сторонъ необыкновенное сіяніе. Земля разрушается въ одно мгновеніе ока и милліонами пылающихъ обломковъ летитъ въ преисподнія бездны. Въ свѣтломъ воздухѣ видны миріады людей, и съ громовымъ эхомъ раздаются въ пространствѣ уничтоженной вселенной

звуки страшной трубы.

(Опыты Т. м. ф. а. Спб, 1837, ч. I, стр. 305—347).

Поступивши въ монахи, отказавшись ради аскетическаго подвига отъ науки и искусства, В. С. Печеринъ, конечно, совершенно перемѣнилъ и взглядъ на прежнюю литературную свою дѣятельность. Но врожденное призваніе къ поэзіи и творчеству, разумѣется, не могло умереть. Несмотря на вѣскольво пренебрежительный отзывъ о своихъ произведеніяхъ (въ разговорѣ съ А. И. Герценомъ, см. выше, стр. 29), В. С., повидимому, отъ времени до времени пописывалъ стихи, и притомъ на своемъ родномъ языкѣ. Это обваружилось въ 1865 г. ¹⁾, когда В. С. прислалъ И. С. Аксакову, редактору газеты „День“, свои стихи, которые должны были показать, что поэтъ „не забылъ ни русскаго языка, ни русскихъ думъ“. Стихи чрезвычайно сильно подѣйствовали на отзывчиваго и благороднаго Ивана Сергѣевича. Печатавъ пьэсы Печерина, онъ воскликнулъ: „Мы не знаемъ, найдется ли въ Россіи чело-вѣкъ, которому глубокая скорбь этихъ искреннихъ, сердечныхъ, ароматическихъ стиховъ не выворотила бы всего сердца!“

Въ этихъ стихотвореніяхъ Печеринъ съ поражающею силой высказываетъ свои чувствованія и сужденія о жизни и постигшей его участи.

¹⁾ См. I т. сего труда, стр. 161.

Non! sa chaleur n'est pas toute glacée!
De souvenir je le sens tressaillir...

Demoutier.

Не погибъ я средь крушенья,
Не пришелъ еще мой часъ,
И средь бурнаго волненья
Мой свѣтильникъ не погасъ!

И подчасъ, какъ молнии, блещуть
Мысли юности моей,
И въ груди моей трепещуть
Вдохновенья прежнихъ дней.

Чудится: плывуть въ эфирѣ
Звуки пѣсней удалыхъ,
И волшебница на лирѣ
Мнѣ поётъ о снахъ златыхъ.

Равно, равно съ утренней зарею
Вышелъ я изъ хижины родной,
И зеленый лѣсъ передо мною
Разцвѣталъ весеннею красой.

На вѣтвяхъ алмазами сверкали
Капли крупныя росы ночной,
Дикіе цвѣты благоухали
Въ пышномъ лонѣ зелени густой...

На соснѣ, соснѣ высокой
Птичка дивная сидитъ,

И ея живое око
Прямо въ небеса глядитъ.

Встрепенулась и запѣла,
И—весь лѣсъ безмолвенъ сталъ;
Птичка пѣла, пѣла, пѣла,
А я слушалъ и молчалъ.

Заливалась, разливалась,
Будто соловей, она,
И мнѣ пѣснь ея казалась
Тайной грустію полна.

Райская была то птица
И о раѣ пѣснь вела,
И *туда* меня пѣвица
И манила, и звала:

„Вѣчнымъ солнцемъ тамъ сіяетъ
Правды незакатный свѣтъ!
Тамъ любовь не умираетъ:
И разлуки вовсе нѣтъ!

„О духъ, жаждою томимый,
Тамъ тебя блаженство ждетъ!
Тамъ струей неутомимой
Истины потокъ течетъ.

„Тамъ подъ небомъ вѣчно чистымъ
Будешь птичкою парить,
Какъ пчела, изъ розъ душистыхъ
Сладкій медъ ты будешь пить!

„Что тебѣ страна родная
Межъ тумановъ и снѣговъ?
Тамъ—свобода золотая,
Жизнь ээирная духовъ!“

Птичка пѣла, пѣла, пѣла,
А я слушалъ и—мечталъ!
Быстро жизнь моя летѣла;
Дни прошли—и я не зналъ.

И красуется, какъ прежде, въ пышной
Зелени густой, могучій лѣсъ;
Но пѣвицы дивной ужъ не слышно,
И навѣки слѣдъ ея исчезъ.

Время хладною рукой сорвало
Юности вѣнокъ съ главы моей:
Все померкло—сердце перестало
Вѣрить сладкимъ пѣснямъ вешнихъ дней...

Безпріютнымъ сиротою
Я у хижины родной
Постучался въ дверь влюкою—
Мнѣ отвѣтилъ гласъ чужой:

„Кто ты, странникъ? изъ какого края?
Гдѣ твой Богъ? и гдѣ твоя семья?...
Или, можетъ быть, судьбина злая
На изгнанье обрекла тебя?“

„Есть народная святыня,
Есть завѣтный кровъ родной,
И семейство, какъ твердыня,
Насъ хранить въ годивѣ злой:

„Неужель на бѣломъ свѣтѣ
Некому тебя обнять,
Приютить, пригрѣть на сердцѣ
И тебѣ „люблю“ сказать?“

Странникъ.

Ахъ! повѣрь: и мнѣ не чужды были
Ласки матери родной!
И друзья мнѣ счастье судили,
И звѣзда свѣтила предо мной!

Но я слышалъ гласъ Красы незримой;
Этотъ гласъ меня очаровалъ:
Я отца, и мать, и край родимой—
Все на жертву ей отдалъ!

Гдѣ ты? гдѣ, Краса небесная!
Гдѣ? въ какой странѣ тебя найду?
За горами-ль за высокими?
За морями-ль за широкими?
Всюду за тобой пойду!

Предо мной вездѣ Она мелькала
И манила за собой:
Я за ней—Она вдругъ исчезала,
Будто призракъ въ тѣмѣ ночной.

И теперь бездомнымъ сиротою
Подъ-міру одинъ брожу,
Сладкаго вездѣ ищу покою—
И нигдѣ не нахожу...

Miltown park. авг. 1865.

Н. С. Тихонравовъ въ своихъ бумагахъ сохранилъ намъ еще одно стихотвореніе В. С. Печерина, быть можетъ, лучшее произведеніе его музы.

Прочь, о демонъ лучезарный,
Демонъ счастья и любви!
Искуситель—міръ коварный,
Вспять страдальца не зови!

Хитрая сирена-младость,
Давнихъ пѣсень мнѣ не пой!
Кровныхъ узъ святая сладость,
Мнѣ не внятень голосъ твой!

За небесныя мечтанія
Я земную жизнь отдалъ,
И тяжелый крестъ изгнанія
Добровольно я подъялъ.

Подъ вѣнкомъ моимъ терновымъ,
Въ потѣ блѣднаго лица
Подвигъ трудный и суровый
Совершу я до конца,

И, какъ жертву примиренія,
Я принести себя готовъ

На алтарь Твой всесожженія,
О Превѣчная Любовь!

Жизни бурной тревоженія
Претерпѣвъ, о мой челнокъ!
Въ пристани уединенія
Приютися олинковъ!

Слышь! отъ всѣхъ концовъ вселенной
Голосъ тайный вопіеть:
„Все земное—прахъ! все—тлѣнно!
„Все, какъ дымъ, какъ тѣнь, пройдетъ!“

Этотъ вопль, повсюду слышный,
Къ намъ изъ рода въ родъ гремитъ:
Соломонъ въ чертогахъ пышныхъ
„Суета суетъ!“ гласить.

Карлъ, властитель величавый,
Блескомъ царскаго вѣнца
Утомленъ, отъ шума славы
Скрылся въ кельѣ чернеца.

Тяжкую сложивъ порфиру,
Саванъ смерти онъ надѣлъ,—
Взглядъ прощальный бросивъ міру,
Заживо себя отпѣлъ.



На основаніи приведеннаго выше матеріала мы можемъ придти къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ относительно литературной дѣятельности В. С. Печерина.

Поэтическое содержаніе и эстетическое настроеніе, а также потребность творчества были глубоко заложены въ натурѣ Печерина. Но литературная дѣятельность никогда не занимала перваго мѣста въ его жизни. Сначала центромъ и средоточіемъ силъ служила для Печерина научная дѣятельность на поприщѣ избранной спеціальной—классической филологіи. Во вторую половину жизни все поблѣднѣло предъ прозелитскимъ жаромъ монашества и католической пропаганды. Поэзія и въ тотъ, и въ другой періоды его жизни служила то дополнительнымъ токомъ, то выраженіемъ недостающаго. Притомъ въ началѣ В. С. Печеринъ ищетъ поэтическаго содержанія внѣ себя и предпочитаетъ переводы; во II-мъ періодѣ онъ творить свое.

Переводы—и очень удачные—сдѣланы были Печеринимъ изъ греческой антологіи и изъ Шиллера.

Греческія эпиграммы и антивизирующія стихотворенія Шиллера дополняли научныя занятія по классической древности и давали исходъ поэтическимъ склонностямъ. Недостающее въ жизни отражалось въ переводѣ стихотвореній Шиллера, посвященныхъ не воспѣванію древняго міра, а выраженію стремленій къ неороманическому идеалу, какъ *Sehnsucht*.

Собственныя произведенія Печерина распадаются на два отдѣла: „Торжество Смерти“ выражаетъ настроеніе поэта въ

переходную пору его жизни, на рубежѣ между ученымъ, социалистомъ, изгнанникомъ и монахомъ. Недовольство смѣняется то смѣхомъ, то картинами болѣзненно развитой фантазіи. Дальнѣйшія произведенія рисуютъ тяжелые моменты въ позднѣйшей жизни монаха, когда въ немъ пробуждалась неудовлетворенность даже и этимъ образомъ жизни. Если и поэма, и стихотвореніе о „странникѣ“ порою грѣшатъ противъ формы, то значительнаго и всесторонняго совершенства достигаетъ нашъ поэтъ въ своей послѣдней пьесѣ, выражающей тихое Resignation и постепенное успокоеніе въ лонѣ иночества и самоотреченія.



II.

С. А. Москотильниковъ, какъ литераторъ.

Почтенный казанскій дѣятель, виднѣйшій представитель мѣстной интеллигенціи въ теченіи первой половины XIX в., Савва Андреевичъ Москотильниковъ (1768—1852) былъ извѣстенъ, преимущественно, какъ переводчикъ *Тассо* „Освобожденнаго Іерусалима“, и какъ авторъ нѣсколькихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ казанскихъ изданіяхъ. А между тѣмъ онъ писалъ много и трудился весь свой долгій вѣкъ неутомимо, но значительное большинство его литературныхъ произведеній осталось въ рукописи.

Главнѣйшими источниками для ознакомленія съ литературной дѣятельностію Саввы Андреевича служатъ статьи, появившіяся вскорѣ послѣ его смерти въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, часть неофициальная, понедѣльникъ, 9 февраля 1853 г., № 7 (цензоръ, профессоръ *И. Симоновъ*, редакторъ неофф. части *И. Березинъ*), стр. 52 и 53, и № 8 (окончаніе), 16 февраля, стр. 59, а также № 9, 23 февраля, стр. 67 а. Статья была написана по бумагамъ, доставленнымъ въ редакцію Иваномъ Григорьевичемъ *Горемыкинымъ* (52 б, 59 а), другомъ покойнаго.

Общее сужденіе о трудахъ Саввы Андреевича дано въ статьѣ слѣдующее:

„Конечно, обзрѣвая печатные и непечатанные, находящіяся у насъ въ рукахъ труды Саввы Андреевича, мы не имѣемъ основанія придавать особенное значеніе провинціальному писателю, заслужившему нѣкоторую извѣстность себѣ только переводами, въ то время, когда на литературномъ полѣ работалъ незабвенный Н. М. Карамзинъ, но приговоръ нашъ не будетъ пристрастенъ и неоснователенъ, если мы признаемъ въ С. А. Москотильниковѣ довольно искуснаго стилиста и трудолюбиваго переводчика, умѣвшаго выбирать для своего труда возвышенные сюжеты“ (53 а и б),

Изъ трудовъ его перечислены: басни „Два фигляра“, „Волкъ и Лисица“, ода на коронованіе Александра I. и др., и упомянуто (53), что безъ имени автора въ изданіяхъ Новикова помѣщено нѣсколько мелкихъ статей, переводныхъ съ французскаго. Изъ рукописей упоминаются „неоконченный эскизъ драмы изъ испанской жизни“, „Мои Воспоминанія“ (нынѣ уже утрачены) и письмо изъ Москвы. Изъ двухъ послѣднихъ статей (59 а) обѣщано отрывки помѣстить въ томъ же журналѣ; но они не были напечатаны. „Для ознакомленія читателей съ поэтическимъ образомъ воззрѣнія и съ выраженіемъ С. А—ча“, приведена I строфа оды къ Религіи (8 стиховъ—на стр. 59 б). Даны свѣдѣнія еще объ одномъ трудѣ С. А. Москотильникова, нынѣ тоже утраченномъ; а именно одинъ изъ знакомыхъ покойнаго переводчика „Освобожденнаго Іерусалима“, казанскій купецъ *Г. Е. Дежаревъ* сообщилъ въ редакцію Губ. Вѣдомостей остававшееся неизвѣстнымъ доселѣ начало перевода Псалмовъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Псалтирь, или книга псалмовъ, на славено-русскій языкъ преложенная и съ переводомъ Богослововъ Женевской Церкви, соглашеннымъ съ еврейскимъ текстомъ, свѣршенная С. Москотильниковымъ, 1820 и 1828, Казань. Въ этой рукописи переведено только восемь псалмовъ: въ предисловіи переводчикъ объявляетъ, что онъ въ основаніе для своего пере-

вода взялъ переводъ Остервальдовъ, и что онъ „составилъ оный (характеръ слога, приличный предмету) изъ кореннаго славянскаго, приведеннаго въ конструкцію употребительнаго російскаго языка“ (67 а).

Получивъ благодаря любезности Прасковіи Константиновны Проскуряковой, наслѣдницы Саввы Андреевича, доступъ къ его бумагамъ, я успѣлъ ознакомиться съ тѣмъ, что еще уцѣлѣло. Литературное наслѣдіе покойнаго оказалось довольно богатое. Память Саввы Андреевича дорога для всякаго казанца, дорожащаго культурными традиціями своего города. Но намъ сдается, что литературная дѣятельность С. А. Москотильникова, къ сожалѣнію, оставшаяся подъ спудомъ, имѣла значеніе болѣе широкое, нежели одно только мѣстное... Вотъ почему мы извлекаемъ изъ бумагъ Москотильникова литературныя пьесы, наиболѣе выдающіяся по своему достоинству. На первомъ планѣ мы должны поставить его трагедію „Останъ“, написанную С. А.—чемъ еще въ Ярославлѣ.

Ярославль, какъ извѣстно, былъ колыбелью русскаго театра, и традиціи Волкова, надо полагать, жили тамъ долго. Весьма естественно, что творчество молодого автора выразилось прежде всего на поприщѣ драматургіи.

Всѣ пьесы печатаются съ рукописей, автографовъ Саввы Андреевича, заключающихся въ двухъ переплетенныхъ тетрадахъ (1) трагедія, 2) стихотворенія) и въ нѣсколькихъ переплетенныхъ тетрадахъ.

Трагедія написана въ царившемъ тогда ложно-классическомъ духѣ шестистопнымъ ямбомъ и съ соблюденіемъ трехъ единствъ. Для нынѣшняго вкуса, черезъ 116 лѣтъ послѣ написанія, въ языкѣ трагедіи, несомнѣнно, окажутся нѣкоторыя погрѣшности противъ правильности, чистоты, а также противъ версификаціи; но для справедливаго сужденія мы должны сравнить трудъ С. А.—ча съ пьесами его современниковъ. На російской сценѣ главенствовалъ тогда А. С. Сумароковъ со своими трагедіями: но какъ у этого „російскаго Вольтера“, такъ и у

большинства его послѣдователей, представителей русской трагедіи въ XVIII в., мы найдемъ стихи, пичѣмъ не лучше стиховъ С. А. Москотильникова.

Интрига піэсы съ психологической и сценической стороны проведена ловко и умѣло; авторъ обнаруживаетъ знаніе театра. Герой—Останъ есть настоящій трагическій герой, ведущій борьбу до послѣдней возможности, но гибнущій подъ ударами рока невинною жертвой. Любовь къ Эмиръ заглушила въ его сердцѣ дикую жажду отмщенія за смерть родителей, погубленныхъ Драгутомъ. Но гуманность и пощала врагу обращаются на гибель самому Остану. Несчастная случайность, недоразумѣніе лишаетъ его дорогого существа. Напрасно ищетъ онъ смерти; его заставляютъ жить, и недавній могущественный побѣдитель на глазахъ зрителя превращается въ безпомощнаго, сломленнаго неумолимою судьбой человѣка. Послѣдняя сцена построена съ большимъ мастерствомъ, и опускающійся занавѣсъ оставляетъ зрителя растроганнымъ и въ тяжеломъ настроеніи.

Нѣсколько безцвѣтнѣе очерчена его возлюбленная—Эмира; но и у нея очень хорошо обрисована борьба между привязанностью и преданностью къ отцу, съ одной стороны,—и любовью къ врагу, губящему и ея отца, и все ихъ государство—съ другой. Гуманность побѣдителя подкупаетъ было ея сердце, и она прощаетъ Остану причиненныя имъ несчастія. Но трупъ отца, наводящій Эмиру на ложную мысль о коварствѣ и предательствѣ со стороны любимаго ею Остана, вызываетъ фатальный взрывъ негодованія.

Каррикатурнымъ для нашего XX в. является, конечно, Драгутъ съ его ничѣмъ ненасытимою злобою и местию. Но мы не смѣемъ осуждать автора; онъ остался только вѣренъ современнымъ ему образцамъ и вкусамъ, т. е. создалъ настоящаго трагическаго „злодѣя“ былыхъ временъ.

Такимъ же непремѣннымъ атрибутомъ трагедіи, какъ „злодѣй“, являются наперсники, наперсницы, „вѣстникъ“ и т. д.

Большой талантъ автора не можетъ не стать для насъ очевиднымъ, если мы вспомнимъ, что при написаніи трагедіи ему было всего 18 лѣтъ. На переплетѣ тетради значится: № 102 (слѣдовательно, у автора была цѣлая библіотека), е numero librorum Sabbae Moscotilnicov 1787 anno ianuarii I diei.

Что касается имени „Останъ“, то оно могло быть заимствовано изъ слѣдующей книги:

Поповъ Михайло. Старинныя диковинки, или удивительныя приключенія славенскихъ князей, содержащія исторію храбраго Свѣтлосана; Вельдюзя, Полотскаго князя; прекрасной Милославы, славенской княжны; Видостана, индійскаго Царя; *Остана*, Древлянскаго Князя; Липовсая, Скива; Руса, Бориполка, Левсина и странскаго чародѣя Карачува. Новое (III) изданіе, М. 1794; первое, СПб, 1770—1771, II изд., СПб, 1778 въ 3 частяхъ.

О С Т А Н Ъ .

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ

Саввы Москотильникова.

1786 года.

Дѣйствующія лица.

Останъ, государь Персидскій.

Драгутъ, владѣтель Индійскій.

Эмира, дочь Драгутова.

Сеангиръ } наперсники { **Остановъ**.
Гаметъ } { **Драгутовъ**.

Азема, наперсница Эмиры.

Вѣстникъ.

Воины { **Остановы**.
{ **Драгутовы**.

Дѣйствіе въ столичномъ Индіи городѣ, въ царскомъ домѣ.

ОСТАНЪ. ТРАГЕДІЯ.

Д Ъ Й С Т В І Е І-е.

Явленіе первое.

Драгутъ и Гаметъ.

Драгутъ.

Возможно-ль къ твоему совѣту мнѣ склониться,
И можно-ль съ лютымъ мнѣ злодѣемъ примириться,
Которой, съ дерзостью въ страну пришедъ сію,
Вспалаетъ гнѣвъ къ нему и ненависть мою?
Нѣтъ, нѣтъ! не буду я толико униженнымъ
И силою его не буду устрашеннымъ!
Иль, мнишь, не въ силахъ я противника попать
И горды замыслы Остана обуздать?

Гаметъ.

Въ Индіи многими днесъ овладѣвъ странами,
Персидскіе полки подъ сими ужъ стѣнами;
Останъ, что отъ тебя за слабаго почтенъ,
Отмщенемъ дышущій и злобой воспаленъ,
Паденьемъ городу престольну угрожаетъ
И мечь свою на томъ лишь онъ остя ановтеъ,

Родитель чтобъ ево ему былъ возвращень,
Которой въ бывшую войну тобой плѣненъ.
Не знаетъ онъ еще о смерти Артаксаса...
Но естли будетъ знать, то можетъ, ополчася,
Источникъ бѣдствія во Индію излить,
Сей градъ, сію страну всю въ пепель превратить.
Почто жъ въ толико намъ ввергаться разворенье,
Когда возможность есть сыскать себѣ спасенье?
Скажи, что Артаксасъ поднесъ еще живеть,—
И ежели Останъ отъ странъ сихъ отойдетъ,
Отца его прервать ты обѣщай плѣненье
И мирное потщисъ содѣлать заключенье.

Драгутъ.

Мнѣ миръ съ нимъ заключить? мнѣ гнѣвъ свой прекратить?
Мнѣ дерзкому себя Остану покорить?
Повѣрь, что низости такой въ семъ сердцѣ нѣтъ!
Драгутъ ни передъ кѣмъ изъ смертныхъ не падеть.
Знай, Гаметъ, самъ Останъ раскается въ стремленьѣ,
Когда руки моей познаетъ пораженье.

Гаметъ.

Разсѣянье полковъ и слабость нашихъ силъ
Днесъ требуютъ того—и тако рокъ судилъ;
Намъ нужно дѣйствіе столь малаго обмана.
Чтобъ удалить отъ мѣстъ сихъ страшнаго Остана.
Потомъ ты, государь, когда желашь мстить,
Собравъ полки, враговъ возможешь поразить
Въ срединѣ ихъ земли, самъ бывши безопаснымъ.

Драгутъ.

Нѣтъ, другъ мой, не могу я быть на то согласнымъ;
И имя мира мнѣ всю внутренность язвить:
Обманщикомъ же, знай, Драгутъ не можетъ быть—
Притворство таково трусливымъ лишь пристойно;

Но душъ великихъ то нимало не достойно.
Я злобу вѣчную во сердцѣ семъ храню,
И сей строптивый родъ я праведно гоню.

Гаметъ.

Но въ злѣхъ что тебя толивой принуждаетъ?

Драгутъ.

Все нынѣ, Гаметъ все ужъ таинство познаеть.
Гульнара, Персскою владѣвшая страной,
Цвѣтуща въ красотахъ, была любима мной;
Остановъ мнѣ отецъ соперникъ былъ во страсти —
И ахъ!—жестокая къ несносной мнѣ напасти,
Любѣйшаго врага Драгуту предпочтивъ,
Соединилась съ нимъ, престоль ему вручивъ.
Толквимъ будучи ударомъ пораженну,
Суди, какъ можно мнѣ не быть ожесточенну:
Какъ можно мнѣ сіе, о Гаметъ, позабыть?
Какъ за сію врагу обиду не отмстить?
Досада, ярость, стыдъ и въ мщенію стремленье,
Изгнавъ любовь, во мнѣ содѣлали селенье.
Собравши вѣйска, всѣхъ я Персовъ раззорилъ
И тронъ, враждебный мнѣ, попралъ и низложилъ.
Стремясь Гульнарѣ мстить за злѣйшую обиду,
Я въ скорости сыскалъ ту адскую Эмениду;
Тутъ съ жадностію въ грудь ея вонзивъ винжалъ,
Отмщенья въ сладостяхъ я звѣрскихъ утопалъ.
Персіанъ кровь тогда лилась вездѣ рѣками,
И люта смерть надъ ихъ носилась полями.
Не бывъ доволенъ тѣмъ, злодѣя своего,
Чтѣ былъ причиною терзанья моего,
Плѣнивши, въ Индію привелъ я въ заточенье
И чаялъ получить во злости утѣшенье.
Но могъ ли чаять я, враждебный чтобъ Останъ,

Сей лютой моего спокойствія тираннъ,
Спасенный бывъ досель, былъ столько мнѣ опаснымъ,
И ставъ усердіемъ возженъ, къ отцу столь страстнымъ,
Съ мечемъ противъ меня возстать помышлялъ?
Но я, когда ево намѣренье узналъ,
Убилъ тогда врага, не быть чтобъ принужденнымъ
Отца Останова содѣлать свободеннымъ, —
И чтобъ лютая тѣмъ Остана поразить,
Хочу ему сіе убивство я открыть.

Гаметъ.

Прости, о государь, что дерзко столь вѣщаю,
Что я словамъ твоимъ противиться дерзаю:
Усердіе къ тебѣ мое тому виной.
Хоть мщенья злостна страсть владѣтъ днесъ тобой,
Но можетъ ли оно причиной быть напасти
Отечества и злой твоихъ народовъ части?
Не хочешь пожалѣть любезну дочь, друзей
И всю сію страну для ярости твоей,
На время малое не хочешь свободиться
Отъ страсти твоя и смыслу покориться.

Явленіе второе.

Преміе и воинъ.

Другъ.

Зачѣмъ сей воинъ здѣсь? что хочетъ онъ сказать?

Воинъ.

Остановъ посланный желаетъ здѣсь предстать.

Другъ.

Представь его! (*воинъ уходитъ*) Мой другъ! Злодѣи здѣсь

явятся:

Дай помощь, Гаметъ, мнѣ отъ мщенья удержаться,
Стремленьемъ коего выпить во мнѣ вся кровь.
О ненавистный родъ несносныхъ мнѣ враговъ!

Явленіе третіе.

Драгутъ, Гаметъ, Останъ (*въ видѣ посла своего*) и Свангиръ.

Останъ.

Владѣющъ сильными Персидскими странами,
Останъ гласитъ тебѣ моими днесъ устнами.
Уже пять лѣтъ прошло, родитель какъ его
Подъ игомъ угнетенъ плѣненья твоего;
И столько жъ лѣтъ почти, какъ Персы раззоренны,
Какъ въ пепелъ грады ихъ тобою превращенны,
И какъ невинныхъ вопль проникнулъ до небесъ,
Какъ сына мать, лишась, лила источникъ слезъ.
Онъ хочетъ знать, имѣлъ причины ты какія
Низвергнуть въ Персію бѣды толико злыя?

Драгутъ.

Кто смѣлость далъ тебѣ, столь дерзко чтобъ вѣщать,
И ты ли можешь мнѣ законы подавать?
Коль сила и война мнѣ первенствó вручила.
Такъ изъ рабовъ меня закона исключила;
О томъ жалѣю я, что дерзостный Останъ,
Сокрывшись, не былъ мной въ тьму вѣчну ниспосланъ.

Останъ.

Но онъ, противъ кого Драгутъ толико злобенъ
И смерти матери драгой ему виновенъ,
Тебѣ прощаетъ, лишь...

Драгутъ.

Останъ меня прощаетъ!

Останъ! и прахомъ бывъ, вѣщать мнѣ то дерзаетъ!
Когда бъ онъ въ сихъ мѣстахъ явился предо мной,
Я скоро далъ бы знать ему, кто онъ таковой!

Останъ.

Не чти Остана ты толико униженнымъ,
Но днесъ ево рувой страшися быть сраженнымъ!

Сеаниръ (тихо Остану).

Постой и воздержись!

Драгутъ.

Страшиться мнѣ его!

Но что вина ко мнѣ прихода твоего?
Что требуетъ Останъ?

Останъ.

Чтобъ Артавсасъ, плѣненный,
Былъ поданнымъ своимъ и сыну возвращенный.
Сего днесъ отъ тебя Персидскій просить царь,
Сіе онъ почитать въ безцѣнный будетъ даръ.
Склонись, и вся вражда межъ вами прекратится,
Склонись—и вѣчный миръ съ сповоиствомъ возвратится!
Останъ готовъ есть все прошедшее забыть,—
Коль хочешь ты, готовъ тебѣ онъ другомъ быть;
Отца ево конецъ лишь сдѣлай заключенью
И, свободивъ, отдай печальному владѣнью.

Драгутъ.

Мнѣ свободить врага, что сердце мнѣ язвить!
Не знаетъ сынъ его, о чемъ онъ говоритъ.
Льзя ль быть мнѣ къ такову прошенью прелоненнымъ?
Довольно: онъ—мой врагъ и вѣчно будетъ плѣннымъ!
Надежды нѣтъ ему сей паки видѣть свѣтъ!

Останъ.

Такъ ты не хочешь быть великодушнымъ?

Драгутъ.

Нѣтъ!

Останъ.

Коль просьбой не былъ ты къ щедротѣ преклоненнымъ,
Такъ можешь ты въ тому быть силой принужденнымъ:
Въ сей часъ на сихъ поляхъ узришь твоихъ враговъ,
Всѣхъ подданныхъ твоихъ повергшихъ въ смертный ровъ.
Какъ воды Индовы ихъ кровью обогрятся,
И стѣны какъ сіи и зданья раззорятся,
Какъ жители меча подъ остріемъ падутъ,—
Такъ будетъ, можетъ быть, не столь жестокъ Драгутъ!

Драгутъ.

Довольно я терпѣлъ! Страшися, дерзновенный,
Чтобъ не былъ громомъ ты Драгутовымъ сраженный!
Поди и возвѣсти, что весь Остановъ страхъ
Щитаю я въ мечту и самый мелкій прахъ;
Лишь только вынетъ мечъ, покажетъ лишь движенье,
То будетъ клясть свое онъ дерзкое стремленье,
Узнавши, что отецъ...

Останъ.

Его ты умертвишь!

Ахъ! сколько сямъ, увы! Остана поразишь,
Которому отца дни столько драгоценны,
Что, естли бы могли тѣмъ быть они спасенны,
Онъ далъ бы жизнь свою! Ахъ! Естли бы ты зрѣлъ,
Какъ страждетъ онъ, то бъ быть тиранномъ не хотѣлъ!

Драгутъ.

Онъ страждетъ! Радуюсь, я онымъ утѣшаюсь,
Я удовольствованъ и мщеньемъ насыщаюсь!
Хотѣлъ бы я, чтобъ сей несносный мой злодѣй
Бъ отцу его посланъ рукою былъ моей.—
Стенаетъ онъ: спѣши, умножь ево стенанье,
Скажи ему, рази, умножь ево терзанье,

Пушкой онъ болѣе мученья ощутить,
Узнавъ, что Артаксасъ Драгутомъ ужъ убить!
(уходитъ).

Явленіе четвертое.

Останъ и Свангиръ.

Останъ.

Что слышу? Онъ убить!... Пстой, злодѣй лютейшей!
Останъ отмститъ тебѣ, отмститъ сей мечъ острѣйшей...
Ужъ нѣтъ ево, ужъ нѣтъ!... О врагъ!... Лишаюсь силъ...
Почто свирѣпой рокъ мя жизни не лишилъ?
Мучитель, варваръ злой, влеки мой духъ изъ тѣла:
Когда душа твоя столь люта быть умѣла,
Когда родителя возмогъ ты поразить,—
Что медлишь сына съ нимъ его соединить?
Исторгни сердце... нѣтъ! ты долженъ сей рукою
Послаться самъ къ нему, покрыться вѣчной тьмою.
О Артаксасъ! здѣсь твой врагомъ разсыпанъ прахъ,
Ты умерщвленъ, увы! въ враждебныхъ сихъ мѣстахъ:
Въ сей день Останъ тебѣ гробницу въ нихъ возставитъ,
И мщеніе его враговъ твоихъ подавитъ;
Свирѣпа смерть ихъ всѣхъ косою своею ссѣчетъ,
И кровь злодѣйская ручьями потечетъ;
Всѣ зданія сіи и стѣны возвышенны,
Въ которыхъ аспиды лютейши поселены,
Творенья пышныя, что славою цвѣтутъ,
Тиранну гробомъ ставъ, разсыпанны падутъ!
Разрушимъ, истребимъ се адское селенье...
Родитель, днесъ ты мной получишь отомщенье!
Пойдемъ... куда спѣшу, куда я устремленъ?

Ахъ, Сеангиръ, весь духъ мой возмущенъ!
Днесъ мститъ родителя врагамъ я помышляю—
А самъ предъ нимъ, я самъ преступникомъ бываю..
Двишься ты? дивись: въ сей часъ познаешь ты,
Что сталъ рабомъ Останъ враждебной красоты!

Сеангиръ.

Что режъ? но вѣмъ, скажи, вѣмъ духъ твой нынѣ страстенъ?
Кому герой и царь Персидскій днесъ подвластенъ?

Останъ.

Познаешь все, мой другъ; познаешь! Нѣтъ, стыжусь—
Жалѣй о мнѣ, жалѣй: я въ бездну золь влежусь.
Во время нашего въ семъ градѣ пребыванья,
Какъ ожидали мы съ врагомъ моимъ свиданья,—
Въ теченье оныхъ дней я видѣлъ въ сихъ мѣстахъ
Предметъ, мнѣ пагубный, цвѣтущій въ красотахъ.
Дѣвица то была, Остану неизвѣстна:
Величественный видъ, осанка той прелестна,
Мгновенно поразивъ любви мена стрѣлой,
Мой духъ и сердце, ахъ! взяла въ плѣнъ вѣчно свой.
Такъ, такъ, мой другъ, ково считалъ ты за героя,—
Тово лишила ужъ на вѣкъ она покоя!
Въ смятенѣ, возмущенѣ, не зная, что начать,
Дерзнулъ ей, Сеангиръ, въ тотъ самой часъ сказать:
— „Богиня! ахъ, почто въ мѣстахъ сихъ обитаешь,
И красотой своей почто ихъ озаряешь,
Пороковъ гнѣсныхъ гдѣ обитаетъ мракъ:
Достойны ль, чтобъ на нихъ ты обращала зракъ?
Послѣдуй мнѣ, спѣши, оставь сіе селенье,
Тиранству боги гдѣ хотятъ послати мщенье!“
Но что... я вдругъ отъ ней, какъ громомъ, былъ сраженъ:
— „Пришлецъ, какъ можешь быть толико дерзновенъ?
Съ какою смѣлостью страны сей врагъ вѣщаетъ!
Или не знаетъ ужъ, что мнѣ онъ предлагаетъ.

Бѣги отъ глазъ моихъ, толико дерзокъ бывъ,
И пользуйсь, отъ меня прощенье получивъ!“
Хотѣлъ вѣщать: ея не зрѣлъ я предъ собою,—
Ушла, и весь мой духъ похитила съ собою.

Сеангиръ.

Того ли требуетъ родитель отъ тебя,
Чтобъ погружалъ въ любви порочной ты себя?
Искоренить враговъ ты днесь предпринимаешь,
А кровью ихъ плѣненъ, ее ты обожаешь;
Но что? къ безвѣстной ты почувствовалъ любовь,
Которая твою волнуетъ столько кровь.
Послѣдуй разуму, порока удалися,—
Не страстью таковой, но мщеньемъ воспалися!

Останъ.

Я знаю, Сеангиръ, что должность преступилъ,
Но можно ль избѣжать, что рокъ опредѣлялъ?
Родитель мой, позволь имѣть мнѣ утѣшенъе
Въ сей слабости... Чего прошу!..

Сеангиръ.

О преступленъе!

Иль влятвы ты забылъ ужъ, данная тобой,
Злодѣевъ истребить отмстительной рукой?
Забылъ и то, какъ мать убійцы умертвили,
Какъ кровію ея чертоги омочили—
И раззореніе несчастныхъ Персскихъ странъ,
Которыхъ тронъ и скиптръ Драгутомъ былъ погранъ?
Увидь, се кровію родитель обагранный
Гласъ въ сыну своему возноситъ утомленный:
„Того ль я отъ тебя, о сынъ мой, ожидалъ,
Чтобъ ты, забывъ меня, въ любви утопалъ?
Или не зришь мои окровавленны раны,
Которыми мою отъяли жизнь тиранны?
Почто за мя врагамъ доселѣ не отмстишь?“

Останъ.

Отищу, родитель мой, и вскорѣ ты узришь
За смерть и кровь твою—злѣевъ кровь пролиту,
Разсыпанну сію столицу знамениту;
Взнесется къ облакамъ враждебна града дымъ:
Пойдемъ, и изъ него домъ смерти сотворимъ.
Родитель, укрѣпи мнѣ въ сердцѣ добродѣтель!
Клянусь убійцамъ мстить!

(Къ Сеанширу).

Ты буди въ томъ свидѣтель!

Явленіе пятое.

Тѣ мѣ и воинъ.

Воинъ.

Великій днесъ Драгутъ сказать меня прислалъ,
Чтобъ ты изъ града вонъ изъйти поспѣшалъ:
Не хочеть онъ разить, бывъ честью воспящаемъ,
Но яростью къ врагамъ онъ, бывши воспаляемъ,
За малу медленность готовъ явить свой гнѣвъ.

Останъ.

Что можетъ учинить сей злѣбнѣйшій мнѣ левъ?
Иду изъ града вонъ, чтобъ паки возвратиться;
Пусть знаетъ онъ, что здѣсь чрезъ часъ Останъ явится
Съ оружіемъ своимъ и мстительнымъ мечемъ—
Карать враговъ своихъ и съ лютымъ ихъ царемъ:
Покроетъ мертвыми онъ городъ сей тѣлами!
Пойдемъ, отищеньемъ днесъ чтобъ грянуть надъ врагами!

Конецъ перваго дѣйствія.



Д Ъ Й С Т В І Е П-е.

Явленіе первое.

Эмира и Азема.

Азема.

Ужъ три дни вижу я Эмиры зраць смущень.
Иль духъ печалью твой какою возмятень?...
Вдыхаешь ты: ахъ, что, скажи, того виною?
Возрастши съ младыхъ лѣтъ во дружествѣ со мною,
Почто ты чувствіевъ не ввѣришь мнѣ своихъ?

Эмира.

Не множь вопросами ты горестей моихъ!
Иль мало мнѣ причинъ днесъ лити слезны тови,
Коль небеса ко мнѣ, несчастной, столь жестоки,
Паденьемъ коль враги отечеству грозятъ
И къ смерти согражданъ моихъ мечи острятъ?
Ужъ городъ сей они полками окружаютъ
И ахъ! безжалостно Индійцевъ погубляютъ.
Такъ можно ль быти мнѣ нечувственной къ сему,
Погибель настоять воль роду моему?

Азема.

Похвально отчества оплакивать намъ бѣдства;
Но мы къ спасенію еще имѣемъ средства,
И, можетъ, въ скорости сихъ будемъ зрѣть враговъ,
Посѣченныхъ мечемъ Драгутовыхъ полковъ.
Въ сей часъ онъ воинства ко брани устрояетъ,
И бодрый духъ его надеждой всѣхъ питаетъ.
Посланныкъ со тщетой Персидскій возвращень.

Эмира.

Ужъ нѣтъ его!

Азема.

Но чѣмъ Эмиры духъ смятенъ?
Скажи мнѣ, что еще? ты взоры отвращаешь.....

Эмира.

Почто, жестокая, меня ты вопрошаешь?
Движенье сердца, ахъ! мой взоръ тебѣ явить...
Увы... оставь меня! могу ль спокойна быть?

Азема.

Иль стала болѣе Эмира огорченна
При имени врага...

Эмира.

...врага! Чѣмъ я сраженна?

Почто толико мнѣ жестока часть моя?
О строги небеса!.. но чѣмъ смущаюсь я?
Иль тѣмъ несчастлива уже Эмира стала,
Что чувствій отъ себя пріятныхъ не прогнала,
И воображаетъ что безвѣстнаго красу?
Но—ахъ! я плѣнъ уже красы сея несу.

Азема.

Ты любишь... но кого? Родъ Персовъ, намъ несносный?!
Какой любви жаръ возжегъ тебя поносный!

Эмира.

Азема, ахъ! почто еще меня томить?
Во власти ли моей престать его любить?
Онъ встрѣтился со мной, я имъ была плѣненна,
И вольность имъ моя на вѣкъ ужъ похищенна!
Казалось, что и онъ, Эмиръ какъ вѣщаль,
Со склонностію страсть такую жъ ощущалъ;
Изъ устъ его лилась любви въ меня отрава,
Предъ кою ничто—величество и слава!
Но я, ему—увы! суровой взглядъ явивъ,

Оставила, любовь презрѣніемъ покрывъ...
Презрѣнъемъ! о судьба! къ чему меня приводишь?
Или другой себѣ ты жертвы не находишь?
Виновна я, когда, несклонность зря мою,
Любезной страждетъ днесъ и множить скорбь свою.
Ахъ! гдѣ ты, гдѣ? приди, увидь, какъ я терзаюсь,
И въ плѣнъ отдавса твой, спокойствія лишаюсь.

Азема.

Престани суетны, царевна, слезы лить:
Пристойно ли тебѣ безвѣстнаго любить?
Иль знаешь ты, что онъ горитъ къ тебѣ во страсти?...
Не знаешь!.. такъ почто ввергать себя въ напасти?

Эмира.

Ахъ! естлибъ ты была любовью возженъ,
То бъ мыслей сихъ тогда была удалена.
Азема! въ томъ меня днесъ сердце увѣряетъ,
Что онъ ко мнѣ любовь такую жъ ощущаетъ.
А ежели—не такъ, и ежели любовь
Не можетъ воспалить дражайшу ону кровь,
Какое будетъ то Эмирѣ пораженъ!

Явленіе второе.

Премніе, Драгутъ и Гаметъ.

Драгутъ.

Индійскихъ воиновъ въ геройскомъ ополченъѣ
Изъ града вонъ испелъ днесъ сынъ мой на враговъ;
Мы въ скорости узримъ ихъ множество полковъ
Попрано на поляхъ подъ градными стѣнами
И кровь злодѣйскую, текущу здѣсь ручьями...
Что вижу? слезы льешь? о чемъ тебѣ стевать?
Скажи, чего еще Драгуту ожидать?

Эмира.

Мидасъ исшелъ на брань. Ахъ! сердце предвѣщаетъ
Напастъ, которой мнѣ рокъ лютый угрожаетъ.
Родитель мой! увы! мнѣ братъ дражайшій миль,
И слухъ, что онъ пошелъ на брань, мой духъ пронзилъ.
Ахъ! ежли смерть его своей ссѣчетъ восою,
И ежели пораженъ падеть во время бою,
Эмирѣ будетъ то несноснѣй всякихъ бѣдъ.

Драгутъ.

Пустою страстію твой духъ себя мятеть:
Стремленье дерзкое злодѣевъ не ужасно;
Хотя они свой рогъ возносятъ, но напрасно:
Онъ скоро будетъ стерть, въ сей часъ познають месть,
Которую они достойны сугъ понестъ.

Эмира.

Но тайнства судебъ отъ смертныхъ сокровенны,—
И можетъ быть, враги, что днесъ отъ насъ презрѣнны,
Побѣду одержавъ посредствомъ сей войны,
Причиной будутъ, ахъ! паденья сей страны.
Прости, родитель мой, что дщерь сіе вѣщаетъ;
Увы! мой духъ ужъ страхъ безвѣстной ощущаетъ.
Предчувство пагубно хотъ тщуся одолѣть,
Но днесъ не въ силахъ я спокойствія имѣть!

Драгутъ.

Сія ль прилична мысль царя Индійска дщери?
Престань, и слезный токъ съ печалью ты умѣри:
Стыдись сей слабости, иль дочерью не будь,
И низка столько бывъ, Драгута позабуди!
Героя могутъ ли тронуть какія бѣдства?
Къ спасенію своему вездѣ онъ сыщеть средства:
Коль паче можетъ ли страшить его война?
Хотя бъ вселенная была ополчена,

Хоть злостный мнѣ бы ровъ былъ оной предводитель,—
Драгутъ бы и тогда остался побѣдитель!

Явленіе третье.

Премніе и вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Врагами, государь, твой нынѣ сынъ убить.

Драгутъ.

Убить!...

Эмира.

Увы!

Вѣстникъ.

Въ сей градъ ужъ люта смерть спѣшить,
Твой подданный народъ косою пожинаетъ
И Индовы берега ихъ кровью обагрятъ;
Разбито воинство уже у самыхъ вратъ
Отчаянно едва спасаетъ здѣшній градъ.

Драгутъ.

Останъ, воль жестоко меня ты симъ сражаешь!
Но въ скоромъ времени ты самъ, злодѣй, познаешь,
Познаешь, что Драгутъ ничѣмъ не побѣжденъ.
Вѣщай мнѣ, какъ мой сынъ былъ въ брани убиенъ.

Вѣстникъ.

Уже враги въ стѣнамъ симъ были приближены;
Ихъ острые мечи блистали вознесенны,
Оружья звукъ и грубъ вездѣ ужъ здѣсь шумѣлъ,—
Какъ храбрѣйшій Мидасъ изъ града вонъ испелъ,
Кипящій мужествомъ, преслѣдуемъ полками,

И съ нимъ ужасна смерть явилась надъ полями:
Стремясь по воздуху, тамъ тучи стрѣль летятъ
И множествомъ своимъ, какъ мглой, день ясный тмятъ.
Какъ левъ, противъ враговъ стремленье обращаетъ
Твой сынъ и въ бѣгъ коня чрезъ поле понуждаетъ;
Стѣсненныхъ онъ разить мечемъ своимъ враговъ:
Катятся шѣломы, главы, лѣтся кровь;
Какъ громы, отъ небесъ съ перунами летащи,
Удары такъ его, Персіановъ разящи,
По войску раздались, чиня врагамъ уронъ;
Убивство лютое воздвигло тамъ свой тронъ.
Межъ тѣмъ какъ въ войскѣ брань острѣйшая пылала
И алчно многіе народы пожирала,
Останъ со множествомъ своихъ на брань спѣшить;
Какъ пламень, взоръ его въ свирѣпости горитъ.
Какъ множество вѣтровъ Борей жестоивъ гонитъ,
Какъ сильный вихрь, крутясь, древа окрѣплы ломитъ,
Какъ злой въ пустыни тигръ, дѣтей своихъ лишентъ,
Свой простираетъ бѣгъ въ стремленье, раздраженъ;—
Такъ лютый вождь враговъ Индіанъ поражаетъ
И путь себѣ по ихъ онъ трупамъ отверзаетъ;
Позналися отъ всѣхъ удары сей руки,
И нудилися въ бѣгъ Индійскіе полки.
Мидасъ тогда, познавъ силъ нашихъ ослабленье,
И въ сердцѣ на враговъ стѣснивши огорченье,
Боязнью воинство и слабостью коритъ
И ополченіе ко брани вновь крѣпитъ,
Враговъ своихъ мечемъ удары отвращаетъ
И поле храбростью своею возвращаетъ.
Потухшій воспылалъ въ войнскихъ жаръ сердцахъ,
И вновь съ обѣихъ странъ боролся смерти страхъ;
Громчая звукъ мечей въ эфирѣ разносился,
И копей трескъ во слухъ ужаснѣе разился.

Смоченна кровью персть вздымалася въ воздухъ;
Тамъ ужасъ обиталъ, пронзающъ смертныхъ духъ.
Останъ, узрѣвъ свою побѣду воспященну
И силу нашихъ войскъ во мужествѣ стѣсненну,
Позналъ того вину и въ скорости коня
Къ Мидасу обратилъ, толпы мечемъ гоня.
Достигнувъ, руку онъ стремительно возводитъ,
Разить; но равной здѣсь отпоръ себѣ находить.
Какъ грома страшныя разятся межъ собой,
Такъ битва ихъ, гремя, прервала битву вой;
Удары ихъ мечей и мужественна сила
Обѣихъ взоры силъ на оныхъ обратила.
Съ ударомъ каждаго легла страшна смерть,
Но друга другъ они не въ силахъ были стерть;
Оружіе лишь въ ихъ сраженіи только блещеть,
Подъ ними, мнилось намъ, земля, стона, трепещеть;
Всѣ силы изнуря, перерываютъ бой
И другъ на друга взоръ кидаютъ страшный свой;
Потомъ сраженіе вновь—лютая начинаютъ,
Еще жестчай себя мечами поражаютъ.
Ослабшій наконецъ твой сынъ упалъ отъ ранъ,
И смерти жертвой ставъ, врагами былъ погранъ.
Лишась начальнива, Индійскіе народы
Клонятся, какъ трава жестокостью погоды:
Ихъ трупы по полямъ повержены лежать,
Оставшіе жъ едва сей защищаютъ градъ.
Ступай, о царь! твое присутствие тамъ потребно,
Злодѣевъ чтобъ сдержатъ стремленіе враждебно;
Геройствомъ собраны, тебя гражданае ждутъ,
Которые на все съ царемъ своимъ идутъ:
Умреть, иль побѣдить!

Драгутъ.

Иду на бранно поле

Разить враговъ...

Эмира.

Ахъ! воля и ты въ таковой же долѣ,—

Пожертвуешь собой жестокимъ симъ звѣрямъ
И смертью сдѣлаешь вонецъ дражайшимъ днямъ,—
Въ какія ввержеша сей градъ и всѣхъ напасти!

Драгутъ.

Но слава́ я моей не дамъ съ державой пасти:
Почувствуютъ Останъ и всѣ его полки,
Вкушая люту смерть, удары сей руки;
Хоть боги сами бы на мя кидали стрѣлы,
Хоть громы бѣ надо мной небесны возгремѣли,
Хотя бѣ врагомъ мнѣ былъ правитель самъ небесъ,—
То бѣ мрачный я, съ собой подвигши Тартаръ весь,
Свирѣпъ, ожесточень, съ богами бѣ я сразился
И противъ ихъ самихъ идти не усумнился...
Я слышу стонъ, я зрю пролиту сына кровь:
Се онъ, низвергнутый злодѣемъ въ смертный ровъ,
Се кровь гражданъ моихъ, спекаяся, дымится,
И злости жертвой ставъ, кипящая, вурится!
—Жди, злой тиранъ, себѣ за то достойной мзды:
Ты въ скорости сберешь жестокости плоды;
Уже готовится убивству отомщенье,
И въ скорости его познаешь пораженье;
Днесъ адъ ужъ на тебя разверъ свои уста!

Явленіе четвертое.

Преміе и воинъ.

Воинъ.

Индѣйцы прогнаны, разломаны врата,

И въ сей же часъ Останъ симъ градомъ овладѣтъ,
Когда своимъ Драгутъ на помощь не приспѣтъ.

Драгутъ (Гамету).

Пойдемъ, мой другъ, пойдемъ противныхъ силу стертъ
И громомъ ярости надъ ними возгремѣтъ!

Явленіе пятое.

Эмира и Азема.

Эмира.

Азема! онъ ушелъ! разстроень весь мой духъ,
Надежды гласъ въ моихъ ужъ чувствахъ потухъ.
Родитель! узреть ли когда тебя Эмира,
Или тобой на вѣкъ оставлена я сира?
Почто, о боги, вы жестоки столько мнѣ,
За что готовите погибель сей странѣ?
Скончалъ животь мой братъ, въ опасности родитель;
Почто жестокой сей Индѣйскій раззоритель,
Почто сей лютый врагъ во варварствѣ своемъ
Не погрузилъ свой мечъ кровавый въ сердцѣ семъ?
Не зрѣла бъ граду я погибели грозящей,
И мой толико духъ растерзанный, томящей!

Азема.

Почто тебѣ себя въ отчаянье ввергать,
И отягченный духъ почто еще терзать?
Иль вовсе лишены надежды мы спасенья,
Когда геройскія съ Драгутомъ ополченья
Днесъ въ мужествѣ своемъ сей защищаютъ градъ?
Хоть то себѣ возьми намѣсто ты отрадъ,
Сколь въ свѣтѣ щастія случаи здѣсь превратны,
И, можетъ, въ скорости къ намъ придуть дни пріятны.

Эмира.

Ахъ, лъзя ли щастливой когда Эмиръ быть,
И лъзя ли ужъ судьбы удары отвратить,
Когда побиты всѣ Индѣйскіе герои,
Когда вломились въ градъ уже враждебны вой,
Коль кровью согражданъ поля напоены,—
Такъ могутъ ли враги ужъ быть побѣждены,
И можно ль намъ сея избавиться напасти?

Азема.

Враги подвержены въ сраженьѣ равной части,
И ихъ избитыя въ поляхъ лежать тѣла:
Къ побѣдѣ жъ ихъ одна Мидаса смерть ввела.

Эмира.

Мидаса смерть мой духъ, какъ громомъ, поражаетъ....
Но что еще мое днесъ сердце ощущаетъ,
И чѣмъ еще моя встревожена душа?...
Азема! рокъ меня, вновь бѣдствіемъ страха,
Убитымъ тотъ предметъ мнѣ въ мысляхъ вображаетъ,
Къ второму мой духъ любовію пылаетъ.

Азема.

Ахъ! время ли тебѣ...

Эмира.

Жестокая! твой взоръ

Во страсти мнѣ явить премножество укоръ.
Такъ, я стыжусь ея; но я уже невластна
Разрушити тотъ плѣнъ, душа въ кой взята страстна.
Мой духъ расторгнуть весь въ различныя страны,
Бѣды я въ воихъ зрю вездѣ возвращены;
Не зная, что начать, мой страшно умъ томится,
И въ скорости душа съ симъ тѣломъ разлучится.

Азема.

Пойдемъ во храмъ боговъ, имъ жертвы принесемъ:

Они всемошны суть и въ бѣдствіи твоємъ
Содѣлають тебѣ желанно облегченье
И, можетъ, прекратятъ и скорби, и мученье.

Эмира.

О щедрые цари сего пространна міра!
Отъ васъ ждетъ помощи несчастная Эмира:
Вы можете скончать мой слезный токъ и стонъ—
Иль духъ несчастнѣйшій изъ тѣла вынуть вонъ!

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III-е.

Явленіе первое.

Эмира и Азема.

Эмира.

Чего намъ ждать? увы! я тщетно возсылала
Мольбы къ богамъ и въ нихъ спасенія искала.
Я зрѣла: жертвы дымъ, въ эфиръ не возносятся,
Всю жертву помрачалъ, вокругъ ея крутятся;
Во мракѣ ужасномъ свой грозный взоръ кумиры,
Являя всѣмъ, бѣды вѣщаютъ днесъ Эмиры.
Азема, поспѣши и принеси мнѣ вѣсть,
Живетъ ли мой отецъ, дана ль злодѣю мечь,
Иль градъ съ народомъ сей Индійскимъ погибаетъ?

Явленіе второе.

Эмира (одна).

Мятецца весь мой духъ, и сердце обмираетъ;
Минуту каждую грозить мнѣ новый страхъ,
И въ бурныхъ я плыву безъ помощи волнахъ;
Пристанница мнѣ нѣтъ въ пучинѣ сей ужасной,
Въ которой, погружень, мой гибнетъ разумъ страстной.
О боги, коими обширный созданъ свѣтъ!
Иль жертвы вамъ другой, кромѣ Индійцовъ, нѣтъ?
Когда же днесъ они предметомъ гнѣва стали,
Почто вы жизнь мою доселѣ не скончали?
Стократно бѣ щастливѣй во смерти рокъ былъ мой:
Не зрѣла бѣ смерти я любезна брата злой,
Не зрѣла бѣ я свое отечество въ напасти
И не горѣла бы, увы! въ постыдной страсти...
Что слышу?... вопль и звукъ мечей мнѣ въ слухъ разятъ!
Чѣмъ небеса еще, несчастной, мнѣ грозятъ?
Родитель! не вотще ль тебя я ожидаю?
Убить ты! ахъ! почто сіе я воображаю?
Погибели его мнѣ—смерти слухъ лютей,
И драгоцѣннѣе мнѣ жизнь ево моей.....
Увы! сбылось сіе! мой духъ уже трепещетъ,
Ужъ злобный рокъ на мя ударъ сей страшный мечеть!
Что, что мнѣ днесъ начать?...

Явленіе третье.

Эмира и Азема.

Эмира.

Азема... ахъ! твой видъ

Безъ рѣчи мнѣ твоей ужасно духъ разить.

Скажи...

Азема.

Во градѣ семь ужасное смятенье,
И только видно лишь Индійцовъ умерщвление.
Остань, вездѣ скача, сѣчетъ своимъ мечемъ,
Погибель нанося гражданамъ здѣшнимъ всѣмъ;
Во всѣхъ мѣстахъ смерть, вопль, жестокия тревоги,
И, можетъ быть, враги въ сіи взойдутъ чертоги.

Эмира.

Но знаешь ли, въ какой родитель мой судьбѣ?
Скажи, скорѣй скажи, извѣстно ль то тебѣ.

Азема.

Я слышала, одни убитымъ почитаютъ;
Другіе, вопія, что живъ онъ, увѣряютъ,
И что спѣшитъ свой домъ и дочь свою спасать.
Въ смятенѣ жъ не могла я истину узнать.

Эмира.

Судьба! почто во мнѣ толико ты жестока?

Азема.

Въ опасности понестъ тягчайши казни рока,
Потребно скрыться намъ.

Эмира.

Возможно ль скрыться гдѣ?
Коль небеса разятъ, спасенья нѣтъ нигдѣ!
Нетерпѣливо, знай, я смерти ожидаю.
Пусть придутъ здѣсь враги, пусть кровь мою прольютъ,
Пусть сердце страждуще изъ тѣла извлекутъ—
И тѣмъ освободятъ Эмиру отъ мученья!...
Но се они ужъ здѣсь; я слышу вопль смятенья.
Рази, свирѣпой рокъ! готова въ жертву я!
Дражайша брата кровь на полѣ пролія,
Что медлишь мя терзать, убійца и мучитель?
Какой явится мнѣ предметъ?... ахъ! мой родитель!

Явленіе четвертое.

Премніе и Драгутъ съ воннами своими.

Драгутъ.

Совершилось всё!

Эмира.

Ахъ! сколько сіи намъ страшны дни,

О боги!

Драгутъ.

Боги... Злѣй мнѣ фуріевъ они!

Всего лишень, однимъ я только утѣшаюсь,

Что взоромъ дщери я дражайшей наслаждаюсь.

Ты, ты того виной, что бой я прекратилъ,

И алченъ зрѣть тебя, я мѣсто уступилъ.

А безъ того бѣ, Драгутъ хотя вкусилъ бы смерть,

Но мужества во мнѣ сей страхъ не могъ бы стерть:

Я съ славой умеръ бы въ геройскомъ защищенѣ

И гнусно бѣ не бѣжалъ, оставивши сраженье;

Но, ахъ! узрѣть тебя, жива ли ты, узнать,—

Знай, то меня теперь принудило бѣжать!

Эмира.

Увы! Родитель мой, воль грозна намъ судьбина!

Въ отраду мнѣ одна осталася кончина.

Почто ты далъ мнѣ жизнь? къ чему она нужна,

Когда я столько бѣдъ сносить принуждена?...

Но се ужъ здѣсь враги!... о часть моя сурова!

Явленіе пятое.

Премніе, Останъ, Сваигиръ и войны Остановы.

Останъ (съ обнаженнымъ мечемъ).

Не скроешься, злодѣй, и мзда тебѣ готова:
Сей мечъ теченье дней тиранскихъ прекратить
И мщеньемъ за отца Остана усладить!

Эмира (отвращая ударъ).

Постой! коль жертвы ты какой себѣ желаешь,
Смягчи, ахъ! лютость мной, которой ты пылаешь;
Вотъ грудь моя, рази,—а пощади отца!
Рази меня, не дай мнѣ зрѣть его вонца!

Останъ (узнавъ Эмиру).

Что вижу я?

Драгутъ.

Сражай, насыться, кровопийца,
И побѣдитель бывъ, будь срамный ты убійца!
Отъемли у меня, что можешь отнять;
Но твердость ты мою не силенъ всколебать!
Иль мнишь мя устрашить, во гробъ свергая мрака?
Знай, муки большей нѣтъ мнѣ, твоего какъ зрака.
Представь отца и все, что можешь вообразить,
Чтобъ пущей злобой могъ ты чувства упоить:
Жесточе ударяй мечемъ симъ изощреннымъ,
Коль мнишь, что я могу быть мужества лишеннымъ.
Отмщай отца, что мной.....

Останъ (вознося руку).

Ты примешь должну мечь!

Эмира.

Могу ль тебя, могу ль я къ жалости привести,
И тронуть ли тебя горчайши слезны токи?
Иль чувствія въ тебѣ, какъ камень, ахъ! жестоки?

Останъ.

Ужъ поздно умолять,—онъ долженъ умереть!

Драгутъ.

Я долженъ: поражай, мнѣ свѣтъ несносно зрѣть,
Коль первенство судьбой дано злодѣю люту,
Противно щастье коль превратное Драгуту.
Рази! что медлишь? иль поднять страшишься мечъ,
Чтобъ побѣжденнаго уже врага посѣчь?....

Яришься ты: на то съ презрѣньемъ я взираю,
И зря въ тебѣ врага, тебя пренебрегаю!

Останъ.

Довольно! въ сей же часъ свои ты скончаешь дни:
Мнѣ нужны въ месть тобой убитаго они!

Эмира.

Мучитель, злобной тигрь! ты жизнь мою отъемлешь:
Иль гласу жалости въ жестокости не внемлешь?
И звѣри лютые чувствительнѣй тебя!
Иль мнишь героемъ быть, героя погубя,
Кой, будучи лишенъ послѣдня защищенья,
Тебѣ не дѣлаетъ малѣйша противленья?
Ахъ! сжался, зри мое отчаянье и стонъ:
Отъ тягости судьбы моей исходитъ онъ;
Зависитъ отъ тебя быть варваромъ, тиранномъ,
Иль зрѣть чувствительну къ тебѣ мя въ дарѣ данномъ.

Останъ.

О боги! что начать? весь умъ разсѣянъ мой,
И ахъ! я не могу ужъ властвовать собой!
Вы, войны, Драгута взявъ, ведите
И въ крѣпкія врага оковы заключите!

Драгутъ.

Хоть тысячью цѣпей меня отяготишь, —
Но вольность духа, знай, во мнѣ не премѣнишь!

Явленіе шестое.

Останъ и Сеангиръ.

Останъ.

Судьба! въ чему меня, къ чему ты привлекаешь?
Ты страшныхъ бѣдствій мнѣ пучину открываешь.
Я сталъ врагомъ отца!.. о рокъ!... ахъ! зри, мой другъ,—
Въ какихъ днесь пропастьхъ мой блѣднть страстный духъ.
Познай, ахъ! Сеангиръ! познай, что дочь злѣя
Въ любви мой мучить духъ, симъ сердцемъ овладѣя.

Сеангиръ.

Что рекъ?

Останъ.

Вспомни, какъ въ чертогахъ прежде сихъ
Я видѣлъ впервые причину мукъ моихъ,
Что красотой меня своею поразила
И страсть во мнѣ въ себѣ любви воспалила.
Эмира то была!

Сеангиръ.

И ею ты горншь?

Ахъ! государь, или порока въ томъ не зришь?
Сей варваръ, кѣмъ она на свѣтъ произведена,
Есть врагъ, которымъ мать Остана убиенна,
И кой пресѣкъ отца тебѣ дражайша дни.
Престанъ любить ее и страсти прогони,
Которыя тебя толико покорили,
Что должный мщенья жаръ въ злѣю утушили.

Останъ.

Но кто бы, видя токъ, пролитый изъ очей,
Толь красныхъ, не явилъ сей слабости моей!

Жестокосердый другъ! ты видѣлъ то волненье,
Ты видѣлъ, въ яростномъ какъ злобы напряженьѣ
И руку на врага въ отмщенію вознесъ,—
Хотѣлъ разить: увы! исполненная слезъ,
Эмира предъ меня стремительно предстала:
— „Онъ—мой отецъ!“ рекла,—и твердость всколебала:
Ты зрѣлъ, какъ я, его словами раздражень,
Вновь подыалъ мечъ; но ахъ! ей паки былъ сражень!
Драгугъ—отецъ ея, убійца Артаксаса!....
Стремятся на меня всѣ бѣдства, съединяся.

Сеанмиръ.

Такъ ты уже себя любви покорилъ?

Останъ.

Жестовой! хочешь ты, чтобъ я тиранномъ былъ?
Ахъ! Естли бъ вѣдалъ ты, что царь твой ощущаетъ!
Сраженный рокомъ, духъ мой страждетъ и стонаетъ.
Я долженъ мстить врагу, я долженъ острый мечъ
Въ злодѣйску грудь вонзить и дни его пресѣчь;
Но слезы, коихъ мнѣ и капля драгоцѣнна,
Велятъ, чтобъ мной была отмщенья злость забвенна.
Могу ль нещастія Эмиры быть виной,
Которыя красы боготворимы мной?
Когда ее узрю, стенаньемъ отягченну,
Готовъ ей жертвовать—хотя бы всю вселенну!

Сеанмиръ.

Но боги, воини влялсѣ врагамъ ты мстить
И за родителя злодѣйску кровь пролить,
Снесутъ ли таково сей клятвы преступленье,
Которымъ ты нанесъ ихъ власти оскорбленье?
Они не преминутъ свой гнѣвъ съ небесъ послать,
Чтобъ клятвъ преступника достойно наказать.

Перуны ихъ гремятъ ужъ надъ твоей главою:
Страшись! зри тѣнь отца, забвеннаго тобою:
Се онъ, вончаяся врагомъ отъ данныхъ ранъ,
— „Доволь“, гласить, „доволь еще живетъ тираннъ?
Но, ахъ! мой сынъ, себя въ пороки повергая,
Мнѣ жизнь отъемлетъ вновь, лютьѣ поражая!“

Останъ.

Такъ должно мнѣ уже оружьемъ мщенья быть,
Мнѣ должно жизнь свою съ Эмирой погубить?
Довольно! ты узрѣшь, въ отчаянье стѣсненна,
На жизнь Драгутову Остана устремленна:
Я умерщвлю его, я кровь его пролью!
Но въ слѣдъ за нимъ и самъ окончу жизнь мою!
Такъ! въ сей же часъ пойду, исторгну духъ я злостный,
Во грудь его свой мечъ вонзивши смертоносный!
Нѣтъ, нѣтъ! не жди, о рожь! сей жертвы отъ меня,
Чтобъ мной Эмира, ахъ! лишилась свѣтла дня:
Скорѣе все, что есть на свѣтѣ, потеряю,
А нежелъ тѣ красы, которы обожаю.

Сеангиръ.

И ты ужъ не герой, которымъ прежде былъ!
Ты честь свою и все, любя ее, забылъ:
Гдѣ дѣлось мужество, гдѣ лавры прежней славы,
Чудились коей всѣ сосѣднія державы?
Не стало ужъ ея: Остана я не зрю!

Останъ.

Коль ты бѣ измѣрилъ жаръ, которымъ я горю,
Ты бѣ зрѣлъ, укоръ ли я иль жалости достоинъ;
Я слабъ противиться красамъ.

Сеангиръ.

Се храбрый воинъ,

Который прежде былъ никѣмъ не побѣжденъ,—
О чести небрежетъ, Эмирой бывъ плѣненъ!
Ея лишь только онъ заразы исчисляетъ
И днесь родителя безъ мщенья оставляетъ!

Останъ.

Но должно ль мщенья злость невинности сносить?
Пусть виненъ есть Драгутъ; но мнѣ не возвратить
Отъ адскихъ нѣдръ отца, когда отмщенье злобно—
Однимъ ударомъ жизнь двоихъ скончать удобно!
И есть ли онымъ я дражайшія лишусь,
Такъ, сердце се пронзивъ, я кровью оболуюсь;
Пошлю къ родителю я жертвы сей куренье:
Пусть оной тѣнь его получить отомщенье.
Ахъ! нѣтъ, не принуждай меня во злости сей,
Коль можетъ кончить дни она драгой моею!....
Оставь меня собрать разсѣянные мысли;
Оставь, и самъ полки Персидскихъ войскъ исчисли.

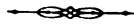
Явленіе седьмое.

Останъ (одинъ).

Къ чему прибѣгнуть мнѣ, и что теперь начать,
Что мнѣ пристанищемъ средь бурныхъ волнъ избрать?
О пагубный мнѣ градъ! чертоги, полны бѣдствій!
Какихъ мнѣ ожидать, средь васъ живущи, слѣдствій?
Эмира! вся моя надежда есть въ тебѣ,
Отрады отъ тебя я нынѣ жду себѣ.....
Но что? я—врагъ ея, я—бѣдъ ея причиной:
Бываль ли кто гонимъ столь лютою судьбиной?...
Нѣтъ! я пойду и все ей въ жертву предложу,
Всѣхъ подданныхъ ея отъ плѣну свободу;

Отдавъ корону ей моихъ завоеваній,
Или не получу отъ ней своихъ желаній?
Иль нечувствительна Эмира можетъ быть
И не восхощетъ мнѣ руки своей вручить?
Пойду, и въ ней найду искомую отраду,
И можетъ быть, моихъ мученій всѣхъ награду!

Конецъ третьяго дѣйствія.



Д Ъ Й С Т В І Е IV-е

Явленіе первое.

Эмира и Азема.

Эмира.

Почто тебѣ моихъ слезъ токи осушать,
Коль небеса мнѣ ихъ судили проливать?
Я вижу: и сама со мною ты стенаешь;
Но, ахъ! напастей всѣхъ моихъ еще не знаешь.
Открыта ужъ тебѣ Эмирина любовь,
Что пламенемъ сію зажгла несчастнымъ кровь.
Не знала прежде я, кто муѣ моихъ причина;
Но въ сей лютѣйшій часъ жестокая судьбина
Открыла мнѣ его... страшусь сказать... Остань!...

Азема.

Остань тобой любимъ!

Эмира.

Ты помнишь, сей тиранъ,
Подъ именемъ посла въ мѣстахъ сихъ какъ явился,
Въ то время въ сердце онъ мое еще вселился.

Невѣдомымъ тогда Эмирѣ страстной бывъ,
Былъ сноснымъ мнѣ, свое величество сокрывъ;
Но что? какимъ была я громомъ поражена,
Въ свирѣпствѣ зрѣть его и злобѣ принуждена.
Любви предметомъ бывъ, открылся мнѣ злодѣй,
Похитившій, что мнѣ дражайше въ жизни сей:
Убийца брата, врагъ родителя, гражданства,
И полный лютаго къ Индіянамъ тиранства...
Увы! могу ль сіе названіе давать
Тому, кого мой духъ не въ силахъ проклинать?
Онъ милъ еще, и ахъ! къ стыду и злой напасти
Избавить не могу себя поносною страсти.

Азема.

Мнѣ мнится, что и онъ то жъ чувствуетъ къ тебѣ;
Конечно, любить онъ: вообрази себѣ,
Какъ, въ злости варварства къ убивству устремленный,
Отъ взора твоего казался онъ смятенный:
Готовъ ужъ былъ разить,—но, просьбу внявъ твою,
Онъ руку удержалъ въ стремленіи свою.

Эмира.

Нѣтъ, нѣтъ! онъ большее злодѣйство умышляетъ,
И, можетъ, для того дни смерти отлагаетъ,
Дабы лютейши могъ намъ бѣдствія нанести.
Ты зришь, коливу онъ питаетъ въ сердцѣ мечь.

Азема.

Но, можетъ, мечь сія любовью утишится,
И къ намъ спокойствіе минувше возвратится?

Эмира.

Что жъ дѣлать мнѣ велишь?

Азема.

Употребить любовь
Къ спасенію отца, ей одолѣть враговъ:

Коль будетъ и Останъ сей страстію палимымъ,
Не можетъ быти онъ въ тебѣ неупросимымъ.

Эмира.

И ты велишь любить отечества врага,
Кой кровью обагрилъ здѣсь Индовы брега!..
Сколь лестно бы сіе Эмирѣ было страстной—
Нѣтъ, нѣтъ! онъ—варваръ злой въ жестокости ужасной,
Что ненавиждѣть мнѣ должно, а не любить!

Азема.

Но естли будетъ онъ согласенъ свободить
Родителя, прервать народовъ сихъ плѣненье
И царству возвратить сему успокоенье,
Не оправдаешь ли сама ты той любви,
Которая горитъ давно въ твоей крови?

Эмира.

Вотще, Азема, ты о семъ напоминаешь
И суетной меня надеждой обольщаешь:
Мнѣ рокъ судилъ однихъ напастей ожидать
И лютыхъ бѣдствіевъ въ пучинѣ утопать.
Какъ бытіе мое на свѣтѣ разрушится,
Тогда несчастіе Эмиры прекратится...
Но вотъ ужъ здѣсь тотъ врагъ, что ровомъ намъ посланъ.

Явленіе второе.

Тѣ жъ и Останъ.

Останъ.

Или чудовищемъ въ глазахъ твоихъ Останъ?...
Страшатся всѣ меня, какъ тигра убѣгаютъ.

Эмира.

О небо, чѣмъ еще судьбы меня сражаютъ?

Останъ.

Что должно дѣлать мнѣ? приблизиться страшусь!
Ахъ! нѣтъ, неволею къ красамъ ея влегусь.

Эмира.

Не приближайсь ко мнѣ, врагъ отчества, злой варваръ,
Котораго родилъ свирѣпствующій Тартаръ!
Иль жизни окончатъ ты хочешь дни моей?
Се жертва предъ тобой: напейся крови сей!

Останъ.

Такъ варваръ твой—Останъ! о имя, мнѣ ужасно!
И ты, мой коей духъ и сердце днесь подвластно,
Названьемъ хочешь симъ растерзанна терзать
И къ смерти дней драгихъ возможешь призывать?
Немилосердая, или моихъ движеній
Не хочешь видѣть ты, не зришь моихъ волненій,
Которымъ стала ты, прекрасная, виной,
Любовью воспаливъ днесь духъ ослабшій мой?

Эмира.

И можешь съ симъ ко мнѣ, предстать мнѣ, дерзновенный,
Тиранствомъ дышущій и злобой напоенный.
Ты можешь предлагать Эмирѣ о любви,
Нещастнѣйшихъ гражданъ омытый во крови,—
Ты, коего рука мечъ острый погрузила
Въ грудь брата моего и дни его затмила,
И вѣмъ родитель мой короны днесь лишень!
О боги! для чего досель онъ не сраженъ?...
Ахъ! что вѣщаю я!.. Мнѣ сердце измѣняетъ!..
Нѣтъ, нѣтъ, сокройсь: мнѣ взоръ твой муки причиняетъ.

Останъ.

Я знаю, я—твоихъ нещастій всѣхъ виной:

Моей нанесены здѣсь бѣдствія рукой,
Мной кровію сіи чертоги обогрѣны;
Но, естли бъ я возмогъ суровства, мной творенны,
Загладить—и тебя во щастьѣ прежнемъ зрѣть,
И чтобъ названія тиранна не имѣть:
Я всѣмъ бы жертвовалъ! Ахъ! сжался надъ несчастнымъ,
Которой, нынѣ ставъ тобой безмѣрно страстнымъ,
Отмщеніе свое въ сіи часы клянетъ,
Возмогъ коль учинить дражайшей онымъ вредъ.
Ничѣмъ я предъ тобой себя не оправдаю,
Но съ жизнью самъ себя на судъ тебѣ вручаю;
Иль могутъ чувства сихъ красотъ суровы быть,
И могутъ страстнаго къ мученью осудить?...
Корону, царску власть, народы побѣжденны,
И кои нынѣ мной—къ несчастію—плѣненны,
Тебѣ я возвращу... жестокая, молчишь?
Не отвѣчаешь мнѣ... почто меня томишь?

Эмира.

Великодушье коль обѣщано неложно,
И естли таковымъ Остану быть возможно,
Такъ можешь, чаю, ты мое прошенье внять
И дщери страждущей родителя отдать;
Но взоръ мнѣ твой явить, что льщуся я напрасно:
Возможетъ ли внимать чудовище ужасно,
И варваръ можетъ ли великодушнымъ быть,
Принудилъ что меня толико бѣдъ сносить!

Останъ.

Ты—варварка, не я! стократно ты лютяя,
Тобою страстнаго укорами терзая.

Эмира.

Но естли любишь ты, почто жъ не внемлешь мнѣ?
Почто не возвратишь монарха сей странѣ?

Ахъ! сжался надо мной, хоть для ради любви;
Или пролей уже несчастной токъ сей крови.

Останъ.

Чего ты требуешь?.. о боги, злѣйшей рокъ!
Ты паче мѣры мнѣ въ сіи часы жестокъ.
Эмира! требуй жизнь мою, коль хочешь, въ жертву,—
Но свободить врага...

Эмира.

Такъ зри Эмиру мертву:
Довольствуйся, тираннъ! (*падаетъ въ руки Аземъ*)

Останъ.

Что вижу? смерть въ очахъ
Начертана ея. Какой грозить мнѣ страхъ!
Эмира! ты безъ чувствъ! чего я днесъ лишаюсь!..
Приди въ себя, возстань! На все я соглашаюсь:
Свободенъ твой отецъ!

Эмира.

Свободенъ... иль мечта?..

Останъ.

Нѣтъ! не мечта: твоя рушила красота
Оковы и его прервала заключенье,
Повергши въ лютое Остана преступленье

Эмира.

Льзя ль преступленіемъ щедроту называть,
Которою себя ты хочешь украшать?
Ты далъ мнѣ жизнь: или о томъ уже жалѣешь?

Останъ.

Колико расслаблять ты страстный духъ умѣешь! (*къ Аземъ*)
Скажи, чтобъ былъ Драгутъ въ мѣста сіи введенъ.

Явленіе третіе.

Останъ и Эмира.

Останъ.

Что сдѣлать я хочу? къ чему я приведенъ?
Я должность пренебрегъ страстямъ во угожденье
И позабылъ отца, оставивши отмщенье.
Такъ быть должно сему: любовь мнѣ то велить,
Мнѣ пламень тотъ—уоставъ, мой коимъ духъ горить.
Ахъ! сколько ты властна надъ сердцемъ симъ, плѣненнымъ
И страстію къ тебѣ безмѣрной уязвленнымъ—
Но естли я въ тебѣ въ награду жертвы сей
Томленіе одно найду души моей,
Въ какую бездну золь повергнусь я тобою!

Эмира.

Отъ смерти ставъ твоей избавлена рукою,
И бѣдства коль мои ты благостью пресѣкъ,
Я благодарною остануся на вѣкъ;
Не варварства твои въ семъ будутъ вображеньѣ,—
Но чтить твое всегда я буду снисхожденье.

Останъ.

Ты благодарною къ Остану хочешь быть,
Ты хочешь симъ мои томленья наградить.
Ахъ! сколько мало мнѣ утѣхъ ты обѣщаешь!
Жестова! ты моимъ стваньямъ не внимаешь,
Не зришь любви моей, не зришь, какъ стражду я,
Ставъ вольности лишенъ тобою моя.

Эмира.

Ты хочешь, чтобы я тѣ чувствія открыла,
Которыя досель во сердцѣ семъ таила,

И чтобъ любовь.... ахъ! что ослабша изрекла!..
Увы!... хоть прежде я сокрыть ее могла,—
Но днесъ... О рокъ! почто ты въ сихъ мѣстахъ явился?
Узнай!... мой духъ уже давно тобой плѣнился!...

Останъ.

И такъ ужъ я щастливъ! иль только сладкой сонъ
Въ мечтанье прекратилъ страданья мнѣ и стонъ?
Нѣтъ, нѣтъ! я въ явѣ зрю... судьба, часы щастливы!
Ты чувствуешь любовь и чувства горделивы...

Эмира.

Ты слабости узналъ днесъ духа моего;
Но болѣе не жди признанія сего,
И чувства коль въ тебѣ не столько ужъ суровы,
Се здѣсь родитель мой: разрушь его оковы!

Явленіе четвертое.

Прежніе и Драгутъ (*въ цѣпяхъ*) и воины.

Останъ.

Разрушу ихъ! (*въ сторону*) О рокъ!.. и я преступникъ сталъ!
Почто я не могу?... нѣтъ, я ужъ предпріялъ... (*Къ Драгуту*)
Забывъ содѣланны тобою разоренья
Въ несчастной Персіи, забывши угѣсненья
И Артаксаса смерть, ты коей виненъ былъ,
И коей ты меня родителя лишилъ,—
Я, все простивъ тебѣ, изъ плѣну свобождаю
И для нея тебѣ корону возвращаю.
Прими то отъ твоей властителя судьбы!

Драгутъ.

Ты мнѣ властителемъ! иль мы тебѣ рабы?
Похитивъ городъ сей чрезъ гнусное тиранство,

Желаешь и меня присвоити въ подданство?
Знай! царь—Драгутъ всегда, и духъ свободный сей
Не знаетъ никогда царя судьбы своей.
Ты мнимой щедростью Драгута унижаешь:
Отдай' лишь мечъ;—тогда изъ опыта познаешь,
Что я могу себѣ корону возвратить;
Но отъ врага ее гнушаюсь получить!

Останъ.

Остави тщетное свое ожесточенье
Богамъ, ты коимъ днесъ чинишь сопротивленья!
1) Прошло величество, и тронъ твой низложенъ;
Но онъ коль мной тебѣ быть можетъ возвращень,
Коль вмѣсто злобы зришь мя къ дружеству готовымъ,—
Почто столь быть тебѣ въ упорности суровымъ,
И варварствомъ почто тебѣ меня корить,
Коль щедростью его хочу я наградить?
Колѣкимъ варварствомъ ты, прежде упоенный,
Къ убивству Персовъ былъ во злобѣ устремленный?
Не паче ли тебя тиранномъ должно звать,
Когда въ жестокости ты могъ животъ отнять
Безсильныя жены, лишенной защищенья...
То—мать моя была!... волико огорченья!
И что еще? о злость! похищенный во плѣнъ,
Родитель мой тобой былъ люто умерщвленъ.
Онъ умерщвленъ тобой, а я тебѣ прощаю!
Ахъ! сколько я предъ нимъ преступникомъ бываю!
Не раздражай меня; но въ часть свою вмѣстись,
Иль мщенья моего вторично ты страшишь!

Драгутъ.

Ты долженъ мстить: почто жъ досель не поражаешь?

1) Отъ стиха «Прошло величество» и до стиха «Не раздражай меня» отмѣчено въ подлинной рукописи особыми знаками.

Иль недостойнымъ мя руки своей считаешь?
О рокъ! къ чему Драгутъ днесъ приведенъ тобой!
Останъ! узнай: я врагъ всегда лютѣйшій твой:
Мнѣ щедрости твои съ тобой равно несносны;
А естли бѣ получилъ я дѣры столь поносны,
То бѣ смерть тебѣ за нихъ наградою была!

Эмира.

Но естли дщерь тебѣ поднесъ еще мила,
И естли ты любовь къ ней прежнюю питаешь,
Почто же бѣдствіи прервати отвергаешь?
Возможно ль смертному противитъ судьбамъ?
Не паче ль должно чтить уставы оныхъ намъ?
Или не внемлешь ты граждѣнъ несчастныхъ стона,
Кой можешь прекратить, когда со властью тропа,
Днесъ возвращаема, не отречешься взять.

Драгутъ.

Престанъ къ тому, престанъ Драгута принуждать!
Мнѣ гнусно быть врагу щедротой одолженнымъ,
Отъ благодарности бывъ столько отдаленнымъ;
И ежели за скиптръ враждой я заплачу,
Какую честь отъ той измѣны получу?

Останъ.

Тавъ кто жъ тебѣ претитъ вражду сію оставитъ—
И тѣмъ спокойствіе народовъ сихъ возставитъ?

Драгутъ.

То жъ само, что тебя въ сей градъ ввело съ мечемъ
Возстати на меня,—съ различьемъ только тѣмъ,
Что пламень сей во мнѣ дотоль не прекратится,
Доволь злодѣевъ родъ изъ жизни истребитъ!

Останъ.

Когда въ упорствѣ ты своемъ толико твердъ,
Останъ не можетъ быть ужъ больше милосердъ:

Суровостью твоей мнѣ чувства возвращенны—
И оной предъ отцемъ избавленъ я измѣны.
Свободы нѣтъ тебѣ!

Эмира.

Ты пакъ сталъ жестошь!

Останъ.

Быть должно таковымъ, когда...

Эмира.

О лютый рокъ!
Почто жъ ты прежде льстилъ надеждой мнѣ сладчайшей,
Или, чтобъ послѣ влить мнѣ въ сердце ядъ горчайшей?

Останъ.

Онъ самъ противится спасенью своему:
Коль будетъ столько гордъ, нѣтъ вольности ему!

(уходитъ, и воины за нимъ).

Явленіе пятое.

Драгутъ и Эмира.

Эмира.

Могу ль я на тебѣ сіи оковы видѣть,
Которыя и ты бѣ былъ долженъ ненавидѣть?

Драгутъ.

Я ненавижу ихъ; но пасть передъ врагомъ
Всего несноснѣй мнѣ, и—есть ли въ томъ одномъ
Искать мнѣ надлежитъ себѣ освобожденья,
Я лучше всѣ стерплю тягчайшія мученья,

А нежелъ своего величества лишусь:
Пусть знаетъ онъ, что я нещастья не боюсь!

Эмира.

Но онъ не требуетъ, чтобъ духомъ униженнымъ
Ты палъ къ ногамъ его, а—сердцемъ умягченнымъ
На мѣсто, имъ въ сей градъ взнесенныхъ прежде, золь
Онъ отдаетъ тебѣ со властію престоль.
Суровства нѣтъ ужъ въ немъ, и я не вижу злыбы.

Драгутъ.

Незлюбенъ! Онъ рожденъ изъ тигровой утробы.
Или забыла ты, какъ въ лютыхъ сихъ часахъ
Смерть подданныхъ моихъ повергла на поляхъ,
Какъ мечъ его, въ крови Мидаса обагренный,
Немилосердо съѣлъ народы побѣжденны,
Ручьями коихъ кровь, со Индомъ соединясь,
Тиранство шумомъ волнъ гласить, къ морямъ стремясь?
Свирѣпства огонь еще здѣсь въ ужасѣ пылаеть,
И варварство враговъ градъ здѣшній наполняетъ.
Забыла ты! но я не въ силахъ то забыть,
Не въ силахъ лютому злодѣю другомъ быть.
Онъ вольность мнѣ отдасть: знай въ саму ту минуту
За дѣры онъ свои кончину приметъ люту:
Сія рука... но что? Измѣнникъ буду я...
О жестокайша часть судьбины моя!

Эмира.

Его ужъ нынѣ къ намъ суровство сокращенно;
Такъ сердце для чего твое ожесточенно?

Драгутъ.

Тебѣ ль меня, тебѣ ль прилично уворять?
Велѣнью ты должна родителя внимать.

Эмира.

Ахъ! Если бъ я къ тебѣ усердемъ не пылала

И жизнь твою своей дорожке не считала,
Ты бь не былъ просьбою моею отягощенъ!
Коль ты не можешь быть съ Останомъ примиренъ,
Позволь хоть мнѣ ему принести мое прошенье,
Чтобъ онъ прервалъ твое въ оковахъ заключенье.

Драгутъ.

Поди! Пускай мои оны узы разрѣшить
И за злодѣйство мечь себѣ возстановить!

(Эмира уходитъ).

Явленіе шестое.

Драгутъ (одинъ).

Къ чему я приведенъ жестокими судьбами!
Свободы я лишень, отягощенъ цѣпями,
И въ тѣхъ еще мѣстахъ, которыми владѣлъ,
И гдѣ могуществомъ и славою процвѣлъ,—
Я долженъ зрѣть народъ со мною свой въ неволѣ
И долженъ зрѣть врага на собственномъ престолѣ,
Врага лютейшаго, что сердце мнѣ грызеть;
И я досель еще, досель зрю дневный свѣтъ!
Мнѣ стала жизнь моя днесь всѣхъ мученій злѣя...
Нѣтъ, нѣтъ! надлежитъ жить, чтобъ наказать злодѣя:
Пусть сниметъ онъ сіи оковы съ рукъ моихъ,
Пусть онъ скончаетъ тѣмъ теченье дней своихъ,
Пусть кровь его рукой Драгутовой пролетитъ,
И онымъ власть моя вторично вознесется!
О! Если бь я возмогъ желанье совершить,
Возмогъ бы мечъ въ груди враждебной погрузить!
Съ какою бь радостью я кровью сей питался,
Когда бь мой лютой врагъ мной дней своихъ лишился!

Но что я говорю? Пришли ужъ тѣ часы,
Что смертной остріе познаетъ онъ косы!
О боги мщенія, цари жилищъ подземныхъ,
Придите въ помощь мнѣ изъ пропастей претемныхъ,
Подвигните съ собой въ сей часъ ужасный адъ
И влейте въ сердце мнѣ острѣйшій злобы ядъ,
Взнесите руку вы къ удару смертоносну,
Лютеѣ чтобъ извлечь Остана душу злостну,
И тѣмъ отмстивъ врагу, во славу чтобъ возстать,
Иль дни мои скорѣй несносны окончатъ!

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V-е.

Театръ представляетъ ночь.

Явленіе первое.

Останъ (одинъ).

Сокройся отъ меня, ужасно привидѣнье:
Престань меня терзать, не мучи воображенье!...
Но ты преслѣдуешь, ты гонишься за мной?...
Куда мнѣ скрыться, гдѣ сыскать себѣ покой...
Я вижу: Артаксасъ въ крови своей трепещетъ,
Кинжалъ въ груди его; онъ взоры томны мечетъ;
Онъ, испуская духъ, вѣщаетъ мнѣ: „Злодѣй,

Я вновь теперь сраженъ измѣною твоей!
Ты врагъ мнѣ сталъ! "... О гласъ, мой страшно духъ разящій!
Я—врагъ родителя, врагъ, тѣнь его томящій...
Но что мѣшаетъ мнѣ злодѣйску грудь пронзить
И кровь тиранскую за кровь отца пролить?
Пойдемъ, пошлемъ врага въ пучину вѣчной ночи,
Сразимъ!.. но какъ мнѣ зрѣть драгой сомкнуты очи?
Ударомъ симъ она повернется во адъ....
Я вижу, тѣнь ея, я зрю померкшій взглядъ,
Съ которымъ къ небесамъ ослабшій гласъ возноситъ
И мнѣ за варварство и злость отмщенья просить.
Тиранъ! можешь ли суровымъ столько быть
И можешь ли ты то, что любишь, погубить?
Не внемлю ничему; исчезни, сожалѣнье:
Иду въ крови врага омыти преступленье!—
Прочь, прочь, чудовище! Что хочешь ты начать?
Драгута умертвивъ, Эмиры жизнь отнять,
Повергнуть въ бездну, что мнѣ въ свѣтѣ драгоцѣнно,
И чувствіе во что мое переселенно,
Все въ жертву лютому отмщенію пожертъ—
И въ утѣшеніе себѣ оставить смерть!...
Нѣтъ, силъ не достаётъ: оставь мнѣ то, родитель!
Могу ль изъ мстителя я сдѣлаться мучитель?
Сей злобы нѣтъ во мнѣ.. ахъ! что я говорю:
Я самъ, я самъ свое злодѣйство нынѣ зрю;
Мнѣ люты фуріи духъ, сердце раздрааютъ;
Сія мѣста вину Остана возглашаютъ....
Я слышу громъ небесъ, ужаснѣй стала ночь..
Мечтаніе одно другое гонить прочь..
Се страшный тѣни видъ тьму мрачну разсѣкаетъ:
Се Артаксасъ чело мнѣ грозное являетъ.
Родитель мой.... Что зрю?

Явленіе второе.

Останъ и Драгутъ (съ обнаженнымъ мечемъ).

Драгутъ.

Готовься въ тотъ же мракъ

Сойти! твой скоро днесъ померкнетъ злостный зракъ:

Умри, иль защищайся!

Останъ.

Какимъ ты позволеньемъ

Пришелъ въ сіи мѣста съ столь дерзостнымъ стремленьемъ?

На то ли я тебѣ оковы разрѣшилъ,

Чтобъ ты мнѣ за сіе злодѣйствіемъ платилъ?

Нещастный! удались, оставь меня спокойнымъ,

Коль хочешь данныя свободы быть достойнымъ!

Драгутъ.

Какъ? Мнѣ спокoitся? Мнѣ въ подлости стенать?

Не думай, чтобъ себя столь могъ я унижать!

Свобода мнѣ твоя лишь ненависть вспалаетъ:

Отъ сей руки Драгутъ свободы ожидаетъ.

Ты долженъ обнажить днесъ свой къ сраженью мечъ

И тѣмъ: иль дни врага Останова пресѣчь,—

Иль сихъ нещастныхъ странъ ставъ бѣдствія виною,

Низвергнуться во адъ Драгутовой рукою!

Останъ.

Къ чему меня ты днесъ стремишься принуждать:

Ты тщишься жаръ щедротъ въ Останѣ потушать

И хочешь, чтобы я, тебя избавивъ смерти,

Вновь руки восхотѣлъ къ суровости простерти.

Чего тебѣ желать, коль скиптръ и царска власть

Мной отданы тебѣ, воль я пресѣчь напасть?..

Драгутъ.

Жестовой врагъ! почто о томъ напоминаешь,
Почто дарами ты мнѣ чувства терзаешь?
Знай: гнусны мнѣ они, равно съ моимъ врагомъ!
Просиль ли я тебя, просиль ли я о томъ?
А естли дочь сіи мнѣ дѣры испросила
И въ гибели твоей меня вооружила,
Таеъ долженъ защищать мечемъ свою ты честь!

Останъ.

Я защищу ее: въ сей часъ ты примешь мечь,
Въ сей часъ узрить Драгутъ ужасны двери гроба!
Распространяйсь во мнѣ суровства презня злоба
И изостри мой мечъ, лютѣй чтобъ поразить....
Нѣтъ! прочь! не принуждай меня столь злобнымъ быть!

Драгутъ.

Почто сей жалостью ты робость покрываешь,
Котору въ подлости своей ты ощущаешь?

Останъ (хватаяся за мечъ).

Нѣтъ силъ сего снести! Познаешь ты, злодѣй,
Что робости Останъ не знаетъ низкой сей.

(Сражаются, и Останъ поражаетъ Драгута).

Свергайся въ вѣчну ночь!

Драгутъ.

Ты щастливъ сталь, и роуъ,
Чтò столько былъ къ моимъ нещастіямъ жестоуъ,
Окончивъ дни мои, тебѣ вручилъ побѣду!

Останъ.

Къ лютѣйшимъ бѣдствамъ мнѣ и жесточайшу вреду!

Явленіе третье.

Прежніе, Сеангиръ и воины.

Сеангиръ.

Гласъ ужасный и вопль въ сей часъ мой слухъ пронзиль...
Какой предметъ я зрю? и ты уже отмстиль?

Останъ.

Отмстиль.... И что еще? зри жертву вождельвну,
Которой ты хотѣлъ, зри грудь его пронзенну,
Зри страшный лютаго отмщенія предметъ:
Исполнилъ я—хотя неволей—твой совѣтъ!
Но я клянѹ его, клянѹ ударъ нещастный,
Которымъ всѣхъ утѣхъ Останъ лишился страстный.
О, естли бѣ могъ я жизнь Драгуту возвратить!

Драгутъ.

Не требую сего, и не желаю жить!
Единымъ лишь теперь, единымъ я томлюся,
Что, не сразивъ враговъ, со свѣтомъ разстаюся.
Въ теченье дней моихъ стремился я къ тому,
Чтобъ месть свою явить злодѣю моему,
И ненавистнаго чтобъ рода истребленьемъ
Сей пламень погасить; но естли пораженьемъ
Жестокія судьбы послѣдній часъ мнѣ сей,—
Уму: однако, знай, что злобы огонь моей
И смертію нивакъ не можетъ потушиться:
Онъ долженъ и во гробъ со мною ниспуститься....
Ужъ меркнетъ свѣтъ.. Мой зракъ покрыла темнота:
Разверзлись мрачныя мнѣ вѣчности врата.....

Явленіе послѣднее.

Премнѣ, Эмира и Азема.

Эмира (узръвъ Драгута).

Что вижу я?

Драгутъ.

Прости! (*умираетъ*).

Эмира.

Ты жизнь свою кончаешь.....

О злѣйшій часъ!... Тираннъ! коль адомъ ты пылаешь!
Что медлишь поразить досель Эмиры грудь
И въ тѣни тѣмъ отереть родителя мнѣ путь?
О боги! есть ли гдѣ злодѣйствія подобны?
И тигры къ такову свирѣпству неудобны,
Какимъ мучитель сей явился упоенъ,
Ни самый адскій зѣвъ!..

Останъ.

Такъ я ужъ осужденъ
Лютѣйшимъ варваромъ въ глазахъ твоихъ казаться?
О если бъ предъ тобой возмогъ я оправдаться!

Эмира.

И ты еще, злодѣй, еще дерзаешь льстить?
Кто изъ тиранновъ могъ толико злобенъ быть!
Ты лютости огнемъ и злобы ядомъ дышешь,
И память варварства пролитой кровью пишешь,—
Той кровью, коя мнѣ любезнѣе моей;
Такъ, слався въ свѣтѣ семъ жестокостью своей,
Боторая никакъ не сродна человѣку,—
И будь страшилищемъ по семъ—градушу вѣку.

Останъ.

Но страсть моя къ тебѣ велить ли быти тѣмъ
Любовнику, чтѣ днесъ живетъ въ плѣну твоємъ?

Въ несносномъ пламени Эмирою пылая,
Могу ль я злобнымъ быть, любовь позабывая?

Эмира.

Любовь.... О, сколько бъ я довольною была,
Когда бъ она врага тиранскій духъ возгла!
Терзаніе твое мнѣ было бъ во отмщенье,
Коль безуспѣшно ты ввергался бы въ мученье...
Но что я говорю? я ту жъ питаю страсть,
И свергшися тобой въ лютейшую напасть,
Клянупь тебя, увы! и вкупѣ обожаю,
Стыжусь, но тщетно сей я пламень погашаю:
Мнѣ нѣтъ довольно силъ избавиться любви....
Нѣтъ, нѣтъ! Мѣста сія, обагрены въ крови
Родителя, что ты днесь предалъ умерщвлению,
Довольно подадутъ мнѣ силъ ко одолѣнью
Поносной страсти сей и вложить въ руки мнѣ
Кинжалъ, которымъ я перейду къ другой странѣ!

(вынимаетъ кинжалъ и закалается).

Останъ.

Эмира! ахъ, постой!.. о рокъ!

Эмира.

Я умираю!

Въ отмщенье жъ тѣнь мою Остану оставляю:
Пускай съ Драгутовой она, соединясь,
Со фуріями рветъ твой духъ, въ него всеясь!
Пусть страхъ предметовъ сихъ всегда тебѣ предходить:
Эмира въ томъ хотя отмщенье находить.
Родитель мой! во мракъ я слѣдую тебѣ;
Спокойно кончу жизнь, благодаря судьбѣ,
Что болѣе сего меня не поражаетъ....
Мой тѣло духъ уже на вѣки оставляетъ.

Останъ.

Она скончала жизнь... Чего я днесъ лишень!
О небеса! какимъ я громомъ пораженъ!..
Мой умъ отходить прочь, вся кровь во мнѣ хладѣть,
Летить изъ тѣла духъ, и сердце каменѣть..
Эмира! ахъ! куда, куда сокрылась ты?
Гдѣ въ безднѣ погребла свои ты красоты?...
Ужъ нѣтъ тебя, ужъ нѣтъ!.. судьбы мои свирѣпы!
Въ какой спѣшишь ты мракъ, въ каки идешь вертепы?...
Постой меня, постой: я слѣдую съ тобой!..
Мой меркнетъ зракъ: о рокъ! что сдѣлалось со мной!
(упадаетъ въ руки предстоящихъ).
Соврылся свѣтъ отъ глазъ... предметы помрачались...
Или съ Эмирой въ гробъ всѣ твари испустились?
Или Останъ уже отъ міра отдаленъ—
И въ темныхъ пропастяхъ во адѣ заключенъ?...
Гдѣ я?

Сеанмуръ.

Ахъ! Государь, познай сіи чертоги
И расточенный смыслъ свой собери!

Останъ.

О боги!

Почто ударомъ симъ разите вы мой духъ?
Мной жизни свѣтъ, увы! дражайшія потухъ!
Я варваръ сталъ—лютой звѣрей въ пустыняхъ дикихъ:
И тѣ не дѣлаютъ сихъ злостей превеликихъ.
Я мщеньемъ паче мѣръ насытымъ упоенъ,
Въ крови невинныхъ былъ сихъ гражданъ погруженъ:
Свирѣпства моего въ мѣстахъ сихъ огонь пылаеть
И стоны къ небесамъ несчастныхъ возсылаеть;
Спокойство ихъ отсѣкъ и щастіе съ царемъ,
И мясь любовникъ быть, въ неистовствѣ своемъ
Сразивъ отца, повергъ съ нимъ въ гробъ свою дражайшу
И съ нею погубилъ утѣху, мнѣ сладчайшу!
О вровожаждаща родителева тѣнь!

Тобой затмился, ахъ! драгой Эмиры день!...
Но что бесплодно я днесъ жалобы теряю:
Почто я жизнь мою несносну продолжаю?
Стремись, мой духъ, стремись любезныя во слѣдъ!

*(возноситъ руку, чтобъ заколоться; но мечъ
отнимаютъ).*

Почто мѣшаете вы мнѣ оставить свѣтъ?
Онъ мнѣ несносенъ сталъ, какъ я лишень всего,
Что было живота милая моего;
Коль варварствъ я моихъ не въ силахъ вида зрѣти,
Мнѣ гнусна стала жизнь: хочу теперь умрети!
Вооружись, вся тварь, на пагубу мою,
И поразивъ мой духъ, исторгни жизнь мою!
Пошлите, боги, громъ, перунами разите,
Пошлите огонь и весь составъ мой истребите!
Разверзися, пожри меня, свирѣпый адъ!
Лютѣйша будетъ казнь на мѣсто мнѣ отрадъ.
Отмстите гѣнь, что мной убивствомъ поражена;
По смерти мнѣ ея несносна вся вселенна!

Конецъ трагедіи.



Стихотворенія.

БАСНЬ.

Два Филляра.

Въ прошедши времена одинъ изъ тѣхъ людей,
Что хитростью своей

Превраты чудны намъ являютъ—

И тѣмъ народъ увеселяютъ:

Одинъ—я говорю—изъ нихъ

Не рѣдко забавлялъ

И удивлялъ

И городъ, и деревни

Различіемъ чудесъ.

Узрѣвъ сіе, невѣжды древни

Подумали, что тутъ проворить бѣсъ.

Товарищъ, въ таковомъ искусствѣ превосходный,

Услышавъ гласъ народный

И множество ему сплетаемыхъ похвалъ,

Завидуя, скучать ужъ сталъ;

Къ тому жъ увѣренъ бывъ,

Что, знаніе его съ своимъ сравнивъ,

Найдетъ всё маловажно,

И такъ на дѣйствіе отважно

Въ негодованіи собранію предсталъ

И зрителямъ вѣщаль:

„Не стыдно ль вамъ прельщаться
„Бездѣлками его?
„Какъ можно имъ сравняться
„Со преимуществомъ искусства моего?
„И воль слова мои невѣрны передъ вами,
„На самомъ дѣлѣ то увидите глазами!“—
„Въ хитрѣйшихъ я дѣлахъ—отличный руководѣй!“
Соперникъ возглашаетъ

И съ гордымъ видомъ выступаетъ
Въ толпу собравшихся людей.
Тамъ, окруженный всѣми, ставъ,
И нѣчто въ варварскихъ словахъ пробормотавъ,
Во ожиданіи стоящему народу

Картъ показалъ володу;

Потомъ ее жъ проворно въ верхъ пустилъ

И въ птицу превратилъ;

А далѣе предметъ узрѣли новъ:

Вдругъ нѣсколько шаровъ

Пропавшей птицы мѣсто занимали

И такъ же скоро исчезали.

За симъ

Явилось имъ

Летаще яйцо, и разны превращенья,

Достойны удивленья;

Явилось много новыхъ штукъ,

Что дѣлали хвалу его проворству рукъ.

Противникъ же его, въ надменіи высококомъ,
Презрительнымъ на все взираетъ окомъ;

И яво чародѣй,

Выходитъ предъ людей;

Обряду онаго никакъ не забываетъ,

Какой въ подобныхъ дѣйствіяхъ бываетъ.

И между тѣмъ, какъ всякой ждалъ

Явленій съ жадностью: „Возьмите“, онъ сказалъ,
Подавъ имъ зеркало чудесно;

„Не будетъ ли оно для васъ прелестно,

„Когда являемое имъ

„Угодно вамъ почтить вниманіемъ своимъ?“

Чрезъ множество ужь рукъ то зеркало несется,—

И кто бы ни смотрѣлъ, не можетъ наглядѣться,

Столь много находя въ себѣ красотъ,

Достоинствъ и добротъ!

Потомъ хитрецъ, замѣтивши въ собранъѣ

Секретаря, что въ разысканъѣ

Пандектовъ и судовъ свой вѣкъ препроводилъ,—

Сему вручивъ бумагу, говорилъ:

„Прими, мой другъ, въ подарокъ вексель сей!

„Отъ искренности всей

„Тебѣ его вручаю

„И въ благодарность мнѣ единственно желаю,

„Чтобъ ты слегка хоть дунулъ на него;

„А больше ничего!“

Лишь только дунулъ, въ мигъ всѣ буквы здѣсь пропали,

И тщетно ихъ глаза его искали:

Бумагу видитъ онъ въ рукахъ своихъ одну,

Отъ цифровъ и нулей совсѣмъ оголену.

Мошенникъ награжденъ подобными жъ дарами;

Но вмѣсто кошелька,

Которой подала Волхва ему рука,

Веревка предъ его явилася глазами!

Во удивленье было всѣмъ,

Въ искусствѣ какъ своемъ

Онъ столько счастливо металъ въ игрѣ костями,

Что деньги всѣ и съ кошельками

Отъ общества всего

Нашлись въ карманѣ у него.

„Взгляните Вы на сей прелестнѣйшій портретъ“,
Сказалъ онъ одному, кто близъ его стоялъ:
Хоть былъ онъ юныхъ лѣтъ,
Но слабость здравія въ немъ блѣдный цвѣтъ являлъ,—

„Сіе твореніе прекрасно
„Тебѣ на вѣкъ подвластно“.
Едва лишь Волхвъ изрекъ,

Съ восторгомъ сладостнымъ тотъ юный человекъ
Изображенъе принимаетъ.
Но что онъ зреть?

Портретъ свой видъ
Въ тотъ часъ теряетъ:

Въ замѣнъ лица прелестнаго сего
Въ рукахъ явился у него

Пилюлями наполненный сосудъ!

Понявъ загадку, всѣ захохотали тутъ.

Пригоршню шелеговъ схватилъ старикъ скупой,
Которы у него въ червонцы превратились:

Онъ взоръ на нихъ кидаетъ алчный свой;

Но, ахъ! еще не насладились

Глаза его симъ зрѣлищемъ прекраснымъ,

Какъ словомъ громогласнымъ
Ужъ Чародѣй имъ перейти велить
Къ его наслѣднику младому!

Послушны бывъ сему приказа грому,

Они свой видъ
Прекрасный потеряли—

И шелегами вдругъ, какъ прежде были, стали.

Противоборець, удивленъ

Таковыми чудесами,
Нашелся принужденъ

Своими произнесть устами,

Что онъ охотно уступаетъ

Сопернику, достойному похвалъ,
Что онъ подобнаго досель еще не знаетъ.

„Я вижу“, онъ сказалъ,
„Что ты не иначе способность приобрѣлъ,
„И столько въ дѣлѣ рукъ своихъ успѣлъ,
„Какъ опытомъ извѣдавъ всѣ обманы.
„Не нужны для тебя всѣ фокусны стаканы:
„Обманываю я по временамъ людей,—
„Обманываешь ты, въ году сколь видимъ дней.

Писана въ Ярославлѣ 1786 года.

Эта басня, повидимому, есть не оригинальное произведение Саввы Андреевича, а переводъ. Другой переводъ, который мы приводимъ здѣсь для сравненія, принадлежитъ казанскому же поэту, Николаю Мисаиловичу Ибрагимову:

Фигляръ и пороки.

Заморскій фокусникъ ухватками фиглярства
Гремѣлъ по всей Москвѣ средь черни и боярства:
Ну чортъ, дескать, его искусствомъ надѣлилъ,
Иль тайно самъ его руками шевелилъ.
Вотъ невзначай Порокъ въ газетномъ прибавленъѣ,
Увидѣлъ о его проказахъ объявленъе,
И ревности нося внутрь сердца уязвленъе,
Шастъ на позорище, и въ голось: „Господа!
„На споръ, на споръ иду съ симъ мастеромъ предъ вами,
Кому между двоими нами,
По силѣ вашего суда
И приговора,

Впрядь одному носить названіе провора“.—

„Исфоль, мой рать тятца съ тфой

Прить славна пуплика такой!“¹⁾

Пробормоталъ отвѣтъ осанистый нѣмчина,
Собранію живнулъ и шаркнулъ въ знакъ начина.

Вотъ шарикъ съ стола беретъ въ виду гостей:

Разжалъ—они исчезли изъ горстей,

А вмѣсто шариковъ вдругъ—карты очутились,

И лентъ въ катушки обратились.

Потомъ коробочки пустыя, изподъ два,

Невидимо наполнились пшена.

Тутъ вазетъ кошелекъ и руки всѣмъ пустыя:

Тряхнулъ—посыпались монеты золотыя.

И изъ того жъ пустого кошелька

Его художная рука

Достала нѣсколько ячекъ

И вылутила—птичекъ.

Всѣ, словомъ, дивности, съ рифалемъ²⁾ въ переборъ,

Представилъ публикѣ въ позоръ,

Какими въ зданіяхъ лубошныхъ при качеляхъ

Морочать о Святой иль Троицкой недѣляхъ.

Тогда соперникъ въ свой чередъ

Смирненно выступилъ въ передъ,

Исполнилъ должныя приемы и обряды,

Расклалъ свои снаряды.

Вотъ зеркало ко всѣмъ чудесное вертитъ:

И кто въ него ни поглядитъ,

Оно обворожаетъ

¹⁾ Т. е. Изволь, я радъ тягаться съ тобой
Прядь славной публичкой такой.

²⁾ Ривалемъ, т. е. соперникомъ. Нѣмцы французское *е* охотно выговариваютъ, какъ свое *фau*.

Надеждой сладкой всѣхъ;
Всякъ въ будущемъ воображаетъ
Авось, удачу и успѣхъ.

Потомъ со знавами подслуги и заботы
Поддѣльное письмо своей работы
Въ оффиціи приказному вручилъ
И дунуть на него просилъ.
Лишь только сдѣлалъ: „фукъ“ сговорчивый подъячій,
Вдругъ на губы ему вскочилъ замокъ
висячій
Съ минуту посмѣшивъ народъ,
Расколдовалъ опять голодный ротъ.

Тутъ вытащилъ, врехтя, и на столѣ поставилъ
Корзину, винами и ромомъ полныхъ, флягъ,
И нѣсколько въ нее пакетовъ картъ прибавилъ:
Махнулъ—явился врестъ окровавленныхъ шпагъ.

Потомъ рукою мѣткой въ руку ловку
Мошну мошеннику метнулъ,
Тотъ цапъ, разжалъ, взглянулъ—
Анъ держитъ съ петлею веревку.

Тутъ обратясь съ жезломъ къ кому то не изъ баръ,
Прибывшему... подъ судъ съ глухова воеводства:
„Возьмите, говоритъ, сей талисманъ господства,
„Сей Государевой довѣренности даръ“.
Но только лишь за жезлъ Граблинъ ухватился,
Въ сѣкиру жезлъ въ ружѣ дрожащей превратился.

Потомъ взвалилъ на столъ огромный пень,
И взоръ остановя на тучномъ Езуитѣ,
Сказалъ: „честной отецъ! приблизьтесь и троните“.—
Лишь только тронулъ пень смиренникъ и степень ¹⁾,

¹⁾ Т. е. степенникъ.

Онъ рассыпается въ драгія вина, снѣли.
И полнить запахомъ пріятнымъ домъ *камеди*.

Порокъ воробочку игорныхъ взялъ костей
И по правамъ удачнаго обмана
Всѣ деньги отъ гостей
Переметались въ глубь его кормана.

Тутъ вынулъ маленькой портретъ
И подалъ моднику, которой въ цвѣтѣ лѣтъ
Смотрѣлъ уныло
И видѣлъ хило:

„Не правда ль, что сіи черты
Видъ совершенной красоты?
Вотъ взоры пламенны и нѣжны,
Вотъ груди бѣлоснѣжны!

Возьмите же, я вамъ красавицу дарю“.
Тотъ взялъ съ кивкомъ, съ словцомъ: „благодарю!“
И къ носу поднося портретецъ, жмурить вѣки:
Что жъ видить на рукѣ?—конфеты.... изъ аптеки!

Червонецъ, спрятанный въ кошну ростовщика,
Вмигъ самъ-тридцать разкрытый уродился;
И шелегъ самъ-тридцать въ рукахъ его сына
Изъ тѣхъ червонныхъ очутился.

Въ рукахъ порока сей златой кружокъ
Хозяина или гостей съ соизволенья—
Принять всѣ образы, какъ оборотень, могъ,
Окромъ—къ ближнему любви и сожалѣнья;
И что ни видѣли, являвшееся вновь,
Ни мало съ прежнимъ не имѣло сходства.

Порокъ снискалъ себѣ всеобщую любовь
И въ мастерствѣ почтенъ достойнымъ превосходства;
Фигляръ и самъ признался напрямки,

Какъ бѣдный ни стыдился,
Что онъ въ ученики
Къ пороку не годился.

(Изъ Ге.).

Николай Ибрагимовъ.

Труды Казанскаго Общества любителей отечественной словесности. Книга первая. Казань, 1815, стр. 283—286, XXVI, Басни, 8.

Мы не могли опредѣлить, кто тотъ иностранный писатель Ге, котораго басня была переведена Москотильниковымъ и Ибрагимовымъ. Напрасно искали мы оригинала въ *Fabeln und Lehrgedichte Геллерта*. Переводъ Ибрагимова, хотя и позднѣйшій, повидимому, ближе къ подлиннику, но по литературнымъ достоинствамъ далеко уступаетъ переводу С. А. Москотильникова.

О Д А

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I-му.

Въ знакъ благодарности Сочинителя
За Всевысочайшую милость.

Расторглись массы грозныхъ тучъ:
На свѣтлояхонтовомъ сводѣ
Златой блистаетъ солнца лучъ;
Всѣ дышетъ радостью въ природѣ,
Съ улыбкой все встрѣчаетъ день.
Въ вертепы скрылась мрачна тѣнь;
Мечтанья, призраки ночные
И мглою облеченный страхъ,
На черныхъ врановыхъ крылахъ
Несутся въ пропасти земныя.

Къ намъ свѣтъ низлился съ теплотой—
И твари снова оживились;
Предметы съ новой красотой
Предъ око смертнаго явились.
Восторгомъ духъ его объять,
Сердечны чувства въ немъ горять
Къ Творцу міровъ благоговѣнемъ.
Порядокъ, стройность естества
Въ благихъ намъ свойствахъ БОЖЕСТВА
Неложнымъ служатъ увѣренъемъ.

Но чей мы образъ въ солнцѣ зримъ?—
МОНАРХЪ! ТЕБЯ изображаетъ
Оно восходомъ намъ своимъ;
Оно живить и освѣщаетъ,
Мракъ нощи гонить предъ собой:
Россійскій край блаженъ ТОБОЙ;
ТЫ добрымъ дни даешь златые,
Съ Небесъ ТЫ свель Астреинъ вѣкъ;
ТОБОЙ сталъ счастливъ человѣкъ,
Войдя въ права свои святыя.

ТЫ въ милостяхъ, въ наградахъ щедръ;
Но—еслибъ къ гибели несчастныхъ
Изъ Адскихъ зло, возникнувъ нѣдръ,
Явилось въ видахъ здѣсь ужасныхъ,—
Перунъ разить его готовъ.
ТВОЙ правый судъ есть судъ боговъ:
Вельможа гордый съ безпомощнымъ
Предъ нимъ не разнствуютъ ничѣмъ;

Во гнѣвъ праведномъ ТВОЕМЪ
Достойна мечь грозить порочнымъ.

Злосчастный нѣбогда Калась—
Слѣпаго жертва суевѣрства!—
Подвигнулъ Музъ Фернейскихъ гласъ
Противу лжи, противу звѣрства:
Великій *Генриха* Пѣвецъ,
Коснувшись глубины сердець,
Склонилъ Европу удивленну
Возстать противу общихъ золь:
Поставить истинѣ престоль,
Почтить природы власть священну.

Калась на Сѣверѣ другой
ТВОЕ владычество прославилъ:
Гонимъ разгнѣванной судьбой,
Онъ въ лютыхъ мукахъ жизнь оставилъ;
А варварство, гордясь, рекло:
„Для пользы общей нужно зло;
„Потребенъ бичъ и истязанье,
„Гдѣ разумъ правду слабъ познать:
„Коль ревность должно показать,
„Невинной гибнетъ пусть въ терзаньѣ!“—

О Ангелъ мира! Царь сердець!
Возмогъ ли ТЫ безъ содроганья,
Благій бывъ подданныхъ Отець,—
Внять гласу крови и страданья?

Ахъ, нѣтъ!—ТВОЙ скиптръ виновнымъ мститъ
И пламенны перуны мечеть....
ЕКАТЕРИНА зреть съ небесъ
На токъ пролитый горькихъ слезъ...
И кто жъ изъ злыхъ не вострепещеть?

Монархъ! Ты—образъ БОЖЕСТВА:
Ты въ дѣйствіяхъ Ему подобенъ;
Какъ извергъ гнусный естества,
Погибнетъ тотъ, кто въ сердцѣ злобенъ;
Но слабыхъ различишь отъ злыхъ.
Хоть слабость въ слѣдствіяхъ своихъ
Вредна для общаго блаженства,—
Различна въ чувствахъ съ зломъ она.
Въ удѣлъ намъ брѣнность лишь дана:
О! коль мы чужды совершенства!

Я судъ ТВОЙ истинный воспѣлъ,
Я робкими дерзнулъ устами
Вѣщать гремящихъ славу дѣлъ—
Вѣщать но лиры мнѣлъ струнами,
Или звучащей музъ трубой
Воспѣть достойно предъ ТОБОЙ?
Одни лишь пылки ощущенья,
Въ моемъ разливши сердцѣ жаръ,
Принестъ ТЕБѢ стремятся въ даръ
Сей слабый знавъ благодаренья.

ТВОЕЙ державною рукой
Отъ стрѣлъ вражды спасень я нынѣ;

Исчезли бѣдства предо мной,
И я въ восторгѣ рекъ Судьбинѣ:
„Ты мнѣ съ улыбкой кажешь видъ;
„Я счастливъ: всё мнѣ то твердить;
„Но милостей чтобъ быть достойнымъ,
„Дай больше средствъ полезнымъ быть,
„ЦАРЮ, Отечеству служить
„И пѣть на лирѣ гласомъ стройнымъ!“



Писана въ Казани 1801-го года.

Пѣвецъ вооружался противу зла и былъ за то награжденъ; но зло скрытно его преслѣдовало—и наконецъ чрезъ осмнадцать лѣтъ сыскало случай явно отмстить ему жестокимъ образомъ.

Эта ода С. А. Москотильникова относится къ извѣстному запрещенію пытокъ Императоромъ Александромъ I по поводу случая гибели одного обвиняемаго, но невиннаго, въ Казани при полицейскомъ розыскѣ. Указъ отъ 27 сентября 1801 г. (Полное Собрание Законовъ, т. 26, № 20022), данный въ Москвѣ послѣ коронаціи (15 сентября), былъ воспѣтъ Г. Р. Державиннымъ въ особой одѣ „Милость“, откуда мы заимствуемъ IX строфу.

Сквозь вратъ проходитъ соврѣнныхъ
Всеобщая къ тебѣ любовь;
Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ
Пролитую слезу и кровь;
И какъ елень въ жаръ къ току водну
Стремится жажду утолять,
Такъ челоуѣчества ты въ стону
Спѣшишь, чтобъ ихъ скорѣй унять.

(Академическое издание Я. К. Грота, т. II, № 76, стр. 385—386).

СОНЪ ДРУГА

(Г. П. Каменева),

написанный имъ предъ своею кончиною, и въ послѣдствіи пережившимъ его другомъ исправленный.

Рдяное солнце въ облакѣ мрачномъ
Скоро сокрылось отъ глазъ:
Всё приумолкло, всё приуныло,
Дремлютъ лѣса.

Ночь въ колесницѣ черной, печальной
Тихо съ востока летитъ,
Влажныя тѣни стелеть на землю;
Тускнеть рѣка.

Скуки унылой тяжкое бремя
Душу мою тяготить;
Скорби жестоки, горести чуетъ
Сердце мое.

Сердце тоскуетъ, слезы лютя
Градомъ изъ томныхъ очей:
Всё будто кажетъ, всё предвѣщаетъ
Близку мнѣ смерть.

Въ хижину мирну въ милой подругѣ
Съ смутной душою спѣшу
Въ нѣдрахъ покоя, кроткой дремоты
Горе забыть.

Въ длинной одеждѣ, блѣдень, печалень,
Персть приложивши къ губамъ,
Сонъ опускаетъ черную ризу
Мнѣ на глаза.

Съ духомъ смущеннымъ я засыпаю;
Сердце хладѣетъ во мнѣ.—
Мрачные виды взору открылись:
Ужась и страхъ!

Въ пасмурный вечеръ, съ трепетомъ въ чув-
ствахъ
Я на владбищѣ сажу;
Камни надгробны, смерти жилища
Окрестъ меня.

Заревнымъ цвѣтомъ небо покрыто,
Смотрить кровавымъ лицомъ;
Въ рдяномъ пространствѣ око не видать
Звѣздъ и луны.

Въ воздухѣ душномъ всё увядаетъ,
Блѣкнетъ, на чтò ни взгляну;
Древнія сосны зноемъ томятся—
Ноютъ—молчатъ;

Воздухъ, сгущенный паромъ зловоннымъ,
Грудь мою тяжко тѣснить;
Въ лютомъ мученьѣ чувствую близко
Горькую смерть.

Камни надгробны вдругъ потряслися:
Скорбный услышалъ я вздохъ;
Глухо и томно онъ отозвался
Въ сердцѣ моемъ.

Въ робости, въ страхѣ могъ ли примѣтить,
Вздохъ сей отколь произошелъ?—
Вижу: открылась хладна могила
Близко меня.

Вижу: выходить медленнымъ шагомъ
Страшный мертвецъ изъ нея:
Въ гробной одеждѣ, въ саванѣ бѣломъ
Мнѣ предстаётъ.

Я ужаснулся: волосы дыбомъ
Встали надъ блѣднымъ челомъ.
Тѣнь, подошедши, гласомъ могильнымъ
Мнѣ прорекла:

„Вздохъ этотъ тяжкой, чадо печали!
„Въ слухъ твой проникъ изъ земли.
„Стонетъ природа, тлѣнью предавшись:
„Се твой удѣлъ!

„Скоро и ты здѣсь, въ нѣдрахъ безмолвныхъ
„Матери нашей земли—
„Скоро здѣсь будешь въ тѣсной могилѣ
„Съ нами лежать“.

ЭПИТАФІЯ ДРУГУ.

Въ комъ нѣвогда пылалъ небесный, чистый пламень,
Кто былъ любимецъ Музъ, кто добродѣтель чтить,
Кто сладость дружбы зналъ, несчастнаго любилъ,—
Того оставшій прахъ здѣсь вроетъ хладный камень.

Но даръ ВСЕВЫШНЯГО—свѣтъ, въ мракѣ заключенный,
Бъ источнику его изъ тлѣна возлетѣлъ.
О другъ! напрасно ты, унынемъ отягченный,
Въ природѣ смерть одну и разрушенье зрѣлъ.

Первый изъ сихъ двухъ куплетовъ вырѣзанъ на камнѣ,
покрывающемъ гробъ покойнаго коммерціи совѣтника Гаврилы Петровича Каменева. И Сонъ, и Эпитафія писаны въ 1803 году.

Основа слѣдующихъ небольшихъ стиховъ составила въ сонъ. Сочинителю мечталось, что онъ разговариваетъ съ приятелями о потерянномъ другѣ, и пробудясь, онъ спѣшилъ выразить сей мечтательный разговоръ.

А я?—ни слова?—Нѣтъ! что было, всё скажу.
Я послѣ столькихъ лѣтъ какъ будто бы гляжу.

На милыхъ; съ милыми какъ будто бы пирую;
По вкусу, будто бы, по запаху я чую
Пырячи яйца, съ груздями пирожовъ,
Иль Керестурьевской говядины горшокъ.
Вотъ Венъ де Ринъ!—а здѣсь въ бутылкѣ золотится
Нектаръ, что съ береговъ Британскихъ къ намъ струится.
Приправа жъ лучшая—въ душѣ двоихъ друзей,
Чуждавшихся всегда Лукулловыхъ затѣй.

Писано въ 1831 году.

БОРИСУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ МАНСУРОВУ,

въ день его Ангела — 2 Маія 1811 года.

Дщерь юна времени, вѣнчанна красотой,
Вливая духъ и жизнь въ творенья обновленны,
Грядеть, и розами путь стелеть предъ собой:
Подобно дни твои, намъ столько вождельны,
Да процвѣтають вновь до самыхъ позднихъ лѣтъ!
И каждый новый годъ намъ радость принесеть.

Кончину этого губернатора, правившаго Казанью съ 1804
—1814 г., съ которымъ, какъ видно, Савва Андреевичъ стоялъ въ добрыхъ отношеніяхъ, почтилъ онъ слѣдующимъ некрологомъ:

Казань, 21-го Октября.

На сихъ дняхъ лишилась Казань почтеннѣйшаго своего
Господина Гражданскаго Губернатора и Кавалера Бориса

Александровича Мансурова, которой управлявъ Казанскую Губернію близъ одиннадцати лѣтъ, скончался текущаго Октября 15-го дня въ 10 часовъ по полудни на шестьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія.

18-го дня сегожь Октября въ Казенный Губернаторскій домъ собравшееся на выносъ Духовенство, Генералитетъ, Гражданскіе, Военные, Ученыхъ и прочихъ отдѣленій чиновники и Гражданство, сопровождали тѣло покойнаго въ Каедральный Благовѣщенскій Соборъ со всѣми сему печальному случаю приличными обрядами и почестями. Предъ гробомъ, поставленнымъ подъ балдахиномъ несены были Гг. Губернскими Прокуроромъ и Стряпчими всѣ знаки отличія покойнаго въ предшествіи по порядку Господина правящаго должность Казанскаго Гражданскаго Губернатора, Вице-Губернатора и Кавалера Федора Петровича Гурьева со всѣми Гражданскими чиновниками и Гражданствомъ, при многочисленномъ стеченіи народа по всѣмъ тѣмъ улицамъ, гдѣ продолжалось погребательное шествіе. По совершеніи Божественной литургіи Божоявленской церкви Протоіерей Петръ Талиевъ сказывалъ приличную проповѣдь, изъяснивъ живыми чертами доблести почтеннаго мужа, коего общество лишилось: и когда окончанъ былъ духовный обрядъ погребенія, тогда рыданіе ближнихъ и слезы горести всѣхъ бывшихъ при томъ въ полной мѣрѣ возвѣстили общее и нелицемѣрное сѣтованіе. Тѣло покойнаго предано землѣ въ монастырѣ Кизическомъ, при гробѣ отца его, бывшаго нѣкогда въ Казани Оберъ-Комендантомъ.

Сей нынѣ преставившійся, достойный мужъ, отъ юности посвятивъ себя Отечеству, во время царствованія *Екатерины Великой* служилъ подъ знаменемъ Орловъ Россійскихъ. Преходя постепенно воинскія достоинства и отличивъ себя геройскими подвигами, чувствовалъ въ цѣлую жизнь свою слѣдствія почтенныхъ ранъ, полученныхъ имъ за Отечество. Въ Бозѣ почивающая *Великая Монархия* наградила подвиги его

помѣстями въ Польскихъ Губерніяхъ; а въ нынѣшнее вожде-
ное царствованіе ввѣрено ему по воли *Государя Императора*
управленіе Казанской Губерніи. Миролюбіе и кротость были
отличительными чертами его характера. Во время продолжитель-
ной и мучительной болѣзни, тогда уже престалъ онъ заниматься
предмѣтами должности, когда истощенныя силы совершенно
ему измѣнили и его послѣднія *желанія* заключались въ
томъ, чтобъ миръ и доброе согласіе сохранились по смерти
его между чиновниками, препоручая достойнѣйшихъ изъ нихъ
оставленнымъ письмомъ благости Августѣйшаго *Монарха*.

Миръ праху твоему почтенный мужъ! и любовь народ-
ная соорудитъ тебѣ памятникъ въ сердцахъ своихъ!

(Сообщено отъ Г. Совеѣтника Губернскаго Правленія
С. А. Москотильникова и съ благодарностью здѣсь помѣ-
щается).

(Казанскія Извѣстія, № 43, Суббота, Октября 24-го дня,
1814 года, стр. 537—538).

НАДПИСЬ къ картинѣ при случаѣ торжественія возста-
новленія мира въ Европѣ. 1814.

Россія! громъ тебѣ вручили небеса;
Народамъ судишь ты, враждебну власть караешь,
Европѣ миръ даришь, блескъ тронамъ возвращаешь:
Въ тебѣ открылъ Творецъ намъ правды чудеса.

НА СМЕРТЬ знакомыхъ, мужа и жены—(*Серебряннико-
выхъ* вупцовъ?), любившихъ другъ друга столь много, что пос-
лѣдняя не перенесла потери перваго.

О нѣжная чета! и смерть, взмахнувъ косою,
Любовью связанныхъ сердець не раздѣлила:
Подруга вѣрная за милымъ воспарила
Въ селеня вѣчности.—Почтимъ ихъ прахъ слезой!

О Д А

На день коронованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I,

писанная въ Сентябрь мѣсяцъ 1814-го года.

Творца міровъ верховна власть,
По вѣчнымъ мудрости законамъ
Царей и царствъ измѣривъ часть,
Даетъ и блескъ, и силу тронамъ:
Онъ сѣнію всемогущихъ крыль
Избранный Свой народъ покрылъ—
Народъ, Имъ къ славѣ вознесенной!
Онъ скипетръ *АЛЕКСАНДРУ* далъ
И гласомъ вротости воззвалъ
Златые дни для полвселенной.

Насталъ для Россовъ новый вѣкъ (1);
Въ порфиру ангель облеченный
Торжественно съ престола рекъ:
„Внемлите сей обѣтъ священный,
„Что я предъ небесами далъ:
„Я правиломъ себѣ избралъ

„Въ слѣдъ шествовать *ЕКАТЕРИНЫ* (2):
„Да благость съ истиной святой
„Текутъ, обнявшись, предо мной—
„Сравнять пути сего стремнины“.

Ты рекъ—и грозный изувѣръ,
Сомнѣньемъ, страхомъ ¹⁾ порожденный,
Законныхъ чуждъ, открытыхъ мѣръ,
И мракомъ тайны облеченный,
Отъ насъ со стономъ отлетѣлъ (3);
Несчастный узникъ свѣтъ узрѣлъ:
Забвенъ отъ смертныхъ и природы,
Лобзалъ къ нему простерту длань
И слѣзы благодарны въ дань
Принесъ творцу его свободы.

Ты рекъ—и общества уставъ
На вѣкъ закономъ утвердился (4);
Мгновенно духъ народныхъ правъ
Вездѣ свободой оживился.
Свобода! вѣрный другъ царей,
Когда подъ сѣнію твоей
Траяны, Титы, Антонины
Порокамъ страшны лишь однимъ,—
О! какъ вліяніемъ твоимъ
Прославленъ вѣкъ *ЕКАТЕРИНЫ!*

¹⁾ Печатный текстъ: Сомнѣньемъ, страхомъ въ свѣтъ рожденный,

Ты рекъ—и просвѣщенья храмъ
Величіемъ облекся новымъ;
Обширнымъ Азіи странамъ,
Борея областямъ суровымъ
Наукъ пролился яркій свѣтъ,
И гдѣ лишь только Россѣ живеть,
Явились новые лица (5);
Аиины въ сѣверъ пренеслись,
И лирны звуки раздались,
Сведя съ небесъ къ намъ вѣкъ Астрей.

Тринадцать вратъ свой къ югу взоръ
Склонялъ небесный сынъ Латовы;
Тринадцать вратъ веселый хоръ
Съ дарами щедрыя Помоны
День счастья общаго встрѣчалъ,
Когда чело твое вѣнчалъ
Творецъ помазаньемъ священнымъ,
Когда во плесахъ Кремль шумѣлъ,
Когда пѣснь радости воспѣлъ
Народъ твой съ сердцемъ восхищеннымъ.

И протекли тринадцать лѣтъ,
Въ пучинѣ канувъ безконечной!
Всѣ въ вѣчности стремить полеть
Въ сей жизни смертныхъ быстротечной;
Но славѣ благотворныхъ дѣлъ
Безсмертіе дано въ удѣлъ:
Вотъ душъ небесныхъ утѣшенье!
Достойна пища вотъ сердцецъ!

Тогда блистающій вѣнецъ
Царей не тщетно украшенье.

Нѣтъ! слава та не есть мечта,
И будетъ вѣчна въ родъ изъ рода.—
Монархъ! тмочисленны уста
Тебя зовутъ отцемъ народа;
Тебѣ въ сердцахъ воздвигнуть храмъ,
Въ сердцахъ курится оиміамъ;
Сердцами Россовъ ты владѣешь;
Любовь—тебѣ ограда, щитъ,
И громъ враговъ твоихъ сразить—
Враговъ?—но ты ихъ не имѣешь!

Прошли тѣ смутны времена,
Когда Европа, вихремъ брани
Во всѣхъ концахъ потрясена,
Твои вооружила длани;
Когда Россійскіе Орлы,
Стремясь среди палящей мглы,
Права народовъ защищали (6),
Когда сыны твои съ тобой,
Безстрашной шествуя ногой,
На смерть и ужасы дерзали.

Прошелъ уже тотъ грозный годъ,
Обильный бѣдствіями, славой,
Когда, варая смертныхъ родъ,
Судьба стезей вела кровавой

Атлду Сеинскихъ береговъ.
Но тщетно тысячи громовъ
Носились Росса надъ главою:
Ты въ крѣпости пройскихъ силъ
Врага попрадъ и низложилъ,
Отверзь Европѣ дверь къ покою (7).

Такъ каменной горы хребеть,—
Когда багряны тучи рдѣютъ,
Во мракахъ края солнца свѣтъ,
Когда тифоны воздухъ рѣютъ,
Стихійный разрушая строй,
И бездна яростной волной
Въ утесы съ ревомъ ударяетъ—
Недвижимъ, въ крѣпости своей
Смѣется гнѣву бурныхъ дней
И силы вихрей презираетъ.

Молчить оружіемъ звукъ, мечей:
На крылахъ легкаго зефира
Во свѣтѣ радужныхъ лучей
Слетѣлъ къ намъ кроткій ангелъ мира—
И съ нимъ всѣхъ радостей соборъ.
О! какъ его прекрасенъ взоръ!
Съ какимъ восторгомъ другъ природы
Его внимаетъ нѣжный гласъ!—
Пришелъ къ намъ вождѣнный часъ,
Пришелъ утѣшить смертныхъ роды!

Въ смиренной хранилѣ моей
Къ тебѣ душою возлетаю,

Тебя, избранный изъ царей.
На лиръ скромной пѣть дерзаю.
Пусть щастьемъ буду я забвень:
Но, чувствомъ общимъ увлечень,
Пою и сердцемъ, и устами
Блаженство, славу нашихъ лѣтъ;
Со мной вѣщаетъ цѣлый свѣтъ:
„Безсмертенъ Александръ дѣлами!“

1)—1801 годъ, какъ начало столѣтїа, ознаменовался воцаренїемъ *Александра* Благословеннаго ¹⁾).

2)—Высочайшїй Манифестъ при ²⁾ восшествїи на престолъ.

3)—Упраздненїе Тайной Экспедиціи.

4)—Подтвержденїе особымъ Высочайшимъ Манифестомъ Дворянской ³⁾ Грамоты и Городоваго Положенїа.

5)—Учрежденїе университетовъ и другихъ учебныхъ ⁴⁾ заведенїй.

6)—Войны, бывшія въ 1805 и 1807 годахъ.

7)—Послѣдняя война съ Франціею ⁵⁾ и паденїе Наполеона Бонапарте.

Сочинитель не смѣлъ, по несовершенству труда, поднести оды своей Государю Императору, но доволь-

¹⁾ Печатный текстъ: 1)—1801 годъ, какъ начало девятинадесять столѣтїа, ознаменованъ былъ восшествїемъ на престолъ *Государя Императора Александра I-ю*.

²⁾ Манифестъ, изданный при...

³⁾ данной Благородному Дворянству Грамоты...

⁴⁾ . . . и прочихъ ученыхъ. . . .

⁵⁾ . . . съ Франціею . . . въ печатномъ текстѣ нѣтъ.

ствовался только напечатаніемъ оной въ I части Трудовъ Казанскаго Общества любителей отечественной словесности въ 1815 году ¹⁾).

Б А С Н Ъ .

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

Волкъ, видя, что пастухъ овецъ своихъ стрижеть,
Лисицъ говорилъ: „Что, кумушка, ты скажешь:
„Ужель тому ушей ослиныхъ не привяжешь,
„Съ скотины кто своей вдругъ кожи не сдереть?“
Лиса, подумавши, дала ему отвѣтъ:
„Коль правду, куманѣкъ, сказать не постыдимся,
„Мы оба въ пастухи съ тобою не годимся:
„Съ привычкой нашею кто стадо сбережетъ?“

Писана въ 1815 году ²⁾).

Р Е Л И Г І Я .

О ты, небесъ любезна дщерь,
Источникъ чистыхъ наслажденій,
Вводящая ко свѣту дверь
Черезъ силу вышнихъ вдохновеній,
Союзъ творенія съ Творцемъ!
Грядущаго въ залогъ ты вѣка
Уставлена для человѣка
Его Владыкой и Отцемъ.

¹⁾ III. Ода, стр. 82—86 и примѣчанія—стр. 87.

²⁾ Напечатана въ «Трудахъ Казанскаго Общества любителей отечественной словесности», книга первая, стр. 286—287 XXVI, Басни, 9.

Религія! тебя мечтой

Безумецъ нарицать дерзаетъ;
Прельщено сердце суетой
Твоихъ сокровищницъ не знаетъ!—
Возможно ль? чадо Божества,
Предметъ верховнаго Завѣта,
Послѣдню гасить искру свѣта,
Въ корѣ завившись вещества!

Ужель природы стройный чинъ,

Гдѣ—солнцъ ли блещутъ мириады,
Или цвѣтеть пустынный кринъ,
Альпійскихъ ли хребтовъ громады,
Иль скрытый въ брени кристалль,—
Всѣ умъ, всемощіе являетъ,—
Ужели намъ не возвѣщаетъ
ТОГО, вселенну КТО создалъ?

Живая сила бытія

И мысли присное теченье
Твердить, что существую я.
Единство чувства, разсужденье—
Ужель смѣшенье грубыхъ тѣлъ?
Ужели сущность нераздѣльну,
Въ своихъ желаньяхъ безпредѣльну,
Законъ стихійный произвелъ?

Хотя бъ въ порокахъ я погрязъ,
Страстьми, соблазномъ увлекаемъ:
Гремящій въ сердцѣ слышу гласъ,

И имъ бываю осуждаемъ;
Иль зло тщусь лживо оправдать
Священной истины правами,—
Но тщетно бѣ и злодѣи сами
Ее дерзнули отрицать!

Сихъ истинъ корень гдѣ жъ сокрытъ,
Всегда, всемѣстно неизмѣнныхъ?
Ужели *Свѣтъ* не озаритъ
Существовъ, познать ЕГО рожденныхъ?
Есть БОГЪ, есть данный ИМЪ законъ,
Что всё въ природѣ печатлѣеть:
Хоть огонь подъ пепломъ скрытно рдѣеть,
Откроется въ сіяньѣ онъ.

И сущностей противныхъ брань
Въ себѣ нерѣдко ощущаю;
Возложивъ свою на рало длань,
Тогда жъ вспять взоры обращаю:
Душею добродѣтель чту,
Въ ней чая прочнаго блаженства;
Но, чуждъ прямаго совершенства,
Гоню и призракъ, и мечту!

Что жъ сихъ противностей виной?
Какой источникъ заблужденья?
Почто я самъ дѣлюсь съ собой
Между безсмертія и тлѣнья?
Сію глубокую тайну мнѣ
Связуетъ *СЛОВО ОТКРОВЕННО*;

Мое въ томъ сердце убѣжденно,
Что я—изгнанія въ странѣ.

Сынъ Вѣчности, прельщенный палъ,
Склонясь ко твари вождельнѣемъ.
Онъ *Свѣтомъ* прежде обладалъ,
Былъ счастливъ *Мудрости* вожденьемъ,
Имѣлъ безсмертіе въ удѣлѣ.
Но *Свѣтъ* во внутренность сокрылся,
Составъ во тлѣнность превратился,
И—*Грѣхъ въ плодахъ своихъ созрѣлъ*.

Но—если *Правда* изрекла
Виновой твари наказанье,
И жизнь во смертность облекла—
Любовь дала обѣтованье
Изгнаннику присущей быть:
Крестомъ очистить преступленья
И средствомъ *Отчая* влеченья
Вновь въ жизни смертность возродить.

Вотъ въ чемъ религіи предметъ!
Вотъ *Мудрыхъ* многоцѣнный *Камень*,
Что благо высшее даетъ,
Изъ *тмы* изводитъ *Свѣта* пламень,
Побѣдный намъ дарить вѣнецъ,
Міры сближаетъ раздѣленны!
И—въ ней единой сокровенны
Временъ Начало и Конецъ.

Писано въ 1817 году.

ПОСЛАНИЕ

Къ графу Д. И. Хвостову

Любимецъ нѣжныхъ Музъ, почтенный мой Хвостовъ!
Въ престольный Градъ Петра отъ Волжскихъ береговъ
Я духомъ преношусь бесѣдовать съ тобою.
О чемъ же?—Иль ума парящаго игрою
Воздушный хороводъ составить изъ Сильфидъ?
Иль въ повѣсти сказать, чѣмъ славенъ древній Книдъ?
Нѣтъ!—тягостью заботъ, какъ ношей, угнетенный,
Могу ль туда полетъ направить дерзновенный,
Гдѣ гений важетъ намъ въ идеяхъ чудеса?
И такъ я обращусь къ себѣ: что небеса
Для жизни сей въ удѣлъ напутственный мнѣ дали,
Когда на Дскѣ Судебъ мой жребій начертали?
Каковъ я внутренно, какимъ являюсь внѣ?
Какой дорогой шель отъ дѣтства къ сѣдинѣ?

Не знатенъ родомъ я. Но честность коль едина
Достоинствомъ прямымъ быть можетъ гражданина,
Которой ближнимъ въ вѣкъ не наносилъ вреда:
Родитель мой почтенъ въ душѣ моей всегда.
Онъ несъ тяжелый крестъ и, предавъ Провидѣнью,
Покорствовалъ во всемъ Его опредѣленью.

Прими, дражайша тѣнь, сыновни слезы въ дань!
Твоя въ младенчествѣ меня водила длань;
Твоя примѣрна жизнь—тѣ истинны священны,
Тѣ правила *любви*, тобою мнѣ вперенны,
На коихъ зиждется блаженства вѣчный храмъ,
И вси лишь одни угодны небесамъ,

Во свѣтѣ чистыхъ душъ тебя мнѣ представляютъ:—
И горести, какъ парь предъ солнцемъ, исчезаютъ.

Какъ быстро протекли безпечности лѣта!—
Отверзлись предо мной въ жизнь смутную врата.
Безъ опытовъ, съ душой, невѣдущей обмановъ,
И тѣхъ надъ мнѣніемъ мечтательныхъ тиранновъ,
Что вѣсютъ каждый шагъ, и взглядъ, и выборъ словъ,
Я жертвой былъ плутовъ, иль глупыхъ гордецовъ:
На дѣйствія мои ядъ зависть проливала,
А дружба ложная мнѣ ковы соплетала.
Но царскій гласъ враждой гонимаго воззвалъ;
Царь осмиблассный чинъ мнѣ въ ободренье далъ.
Съ тѣхъ поръ служу Царю чиновникомъ губернскимъ;
Стрегу я истину, и покушеньямъ дерзкимъ
Преграды полагать священнымъ долгомъ чту;
Законъ совѣсти не ставлю за мечту.
Мятежныхъ случаевъ, сколь можно, избѣгая,
И мирный въ жизни кровь всему предпочитая,
Пріемныхъ не любя—гдѣ потъ пройметъ, иль дрожь—
Страшился я служить въ столицѣ у вельможъ.
Я время съ должностью дѣлю, или съ друзьями;
Или у комелька досужными часами
За трубой табаку бесѣдную съ собой:
Товарищъ мнѣ—Баконъ, а часомъ—Громобой.
Служу давно уже въ одномъ, не скучась, чинѣ;
Хоть хвалятъ—орденомъ не крашусь и понинѣ.
Что жъ въ этомъ странности?—Слѣпаго счастья сынъ
Нерѣдко иногда высокъ, какъ исполинъ!

Вотъ вѣрный списокъ мой! черты всѣ справедливы;
Не въ мѣсту иногда питомцы Музъ болтливы;

Но хоть минуту симъ, почтенный мой, займись:
Гдѣ должно—пожалѣй, а индѣ—улыбнись.

• Писано 1818 года.

Б А С Н Ъ.

ТИГРЪ-ПРАВУЧИТЕЛЬ.

Что кровожаденъ *Тигръ*, что онъ чрезмѣрно злобенъ,
И только лишь терзать слабѣйшу тварь способенъ,
Хотя бъ я не сказала, о томъ извѣстенъ свѣтъ.
Въ природныхъ качествахъ для звѣря нѣтъ порока;
Но Тигръ—по случаю, или по власти роза,
Что подъ луною всѣмъ удѣлы раздаеть—
Какимъ-то образомъ въ звѣряхъ поотличился:
У *Ламы* взялъ колпакъ, наставникомъ явился.
Онъ добродѣтелей вѣщаль о красотѣ,
Гремѣлъ противъ грѣха отверстыми устами,
Училъ терпѣнію, душевной простотѣ
И кротость прославлялъ, любиму небесами.
Оселъ въ избыткѣ чувствъ горячи слѣзы лилъ,
Ученью мудрости въ толпѣ звѣрей внимая;
Но быстроока *Рысь*, получше примѣчая,
Тотчасъ увидала, каковъ наставникъ былъ.
„Слова, какъ сотъ!“ рекла: „но съ рыла кровь струится.
„Кто жъ можетъ кротости у Тигра научиться?“

Читатель! знаешь ли, къ чему такой примѣръ?
Нерѣдко видимъ мы, какъ злобный лицемеръ

О доблестяхъ души разговоромъ слухъ плѣняетъ;
Но самъ себѣ всегда дѣлами измѣняетъ.

Писана въ 1818 году.

НАДПИСЬ къ портрету Т а с с а.

Духъ вѣченъ, волю дѣтей для вѣчности раждаетъ,
Творить—и въ міръ чудесъ съ собой насъ преселяетъ.

Того жъ года.

Х О Л Е Р А.

Холера къ намъ пришла: о страшный гнѣвъ природы!
Какимъ подобіемъ вѣрнѣй изобразить
Сей бичъ, которымъ Богъ караетъ грѣшныхъ роды?—
Таковъ тиранновъ* гнѣвъ, колю можно примѣнить:
Несчастны жертвы сей во мракѣ поядаетъ:
Холерой кончивъ жизнь, всякъ будто исчезаетъ.

Панглось! „всѣ въ лучшему“ ссававъ, ты—явной лжець!
Лишь тѣмъ ты правъ, что смерть здѣсь всѣмъ бѣдамъ конецъ.

*Разумѣется, не у насъ и не нынѣ. Но Сочинитель въ холеру лишился единственнаго своего слуги ¹⁾, послѣ коего остались малолѣтнія сироты; страдалъ самъ отъ простуды, и воображеніе на все предъ нимъ навидывало чорный крепъ.

Писано 1830 года.

¹⁾ Константина Федоровича Пушкарева, отца Прасковіи Константиновны Проскуряковой.

Д Е Р Ж А В И Н У .

Латонинъ сынъ, воспѣвъ Титановъ древню брань,
Орфея (1) нѣкогда исполниль вдохновенья:
Въ природѣ видѣль сей небесъ простерту длань,
И чувствомъ окрыленъ къ Творцу благоговѣнья,
Его величіемъ свой гимнъ одушевилъ:
Идею *Вѣчности* въ умъ *смертнаго* вмѣстилъ.

А Пиндаръ, звучною восхитясь славой дѣлъ,
Талантъ свой посвятилъ подвижникамъ Элиды:
Борьбу, ристанія на стройной лирѣ пѣлъ,
И состязался самъ съ питомкой *Пизриды* (2).
Любви, веселостей былъ другъ Анакреонъ:
Пріятель, миль его свободный, легкій тонъ!

Но—къмъ *Безсмертіе души*, къмъ *БОГЪ* воспѣтъ,
Фелицу славилъ кто, и отъ чудесъ творенья
Вознесся мыслію въ Несотворенный Свѣтъ,
Кто привлекательной игрой воображенья
Прелестныхъ Грацій къ намъ на сѣверъ преселилъ:
Тотъ лиру трехъ одинъ своею замѣнилъ.

Писано въ 1832 году.

(1). Древніе въ своей мистикѣ представляли Аполлона, воспѣваго на Олимпѣ побѣду Юпитера надъ Титанами. Орфей, творецъ священныхъ гимновъ, былъ допущенъ къ тайнствамъ, въ которыхъ преподавалось ближайшее познаніе Бога и природы.

2) Корина Теспійская состязалась о первенствѣ съ Пиндаромъ на Олимпійскихъ играхъ въ Элидѣ.

На обновленіе Казанскаго Памятника.

Потомокъ храбрыхъ, зри! Се новой дѣпотой
Облекся Памятникъ ихъ вѣчной, громкой славы!
Дай руку, Музульманъ! Любви союзъ святой
— — — — — сынъ одной державы. ¹⁾

МОСКВА, 13-го Августа 1805 года.

Мой милой другъ, Герасимъ Кириловичъ!

Протившись съ вами и со всѣмъ тѣмъ, что въ Казани для меня любезно, казалось, я остался одинъ между небомъ и землею; казалось, что порвалось звено, связующее меня съ прочими существами, и я почувствовалъ пустоту въ моемъ сердцѣ, избалованномъ нѣгою любви и дружбы.

Въ семъ состояніи мыслей и чувствъ проѣхалъ я довольно медленно берегъ рѣки Волги до *Васильева*, и пьяныя дѣти трезваго Харона переправили меня на другой берегъ. Скоро повозка моя увязла въ горахъ песка, и уставшія лошади не могли ея вытащить, несмотря на то, что я всталъ и тѣмъ уменьшилъ, какъ Вы и сами знаете, самую большую часть ея тяжести ²⁾! Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ обозъ; я надѣялся, что человѣкъ не можетъ отказать въ помощи человѣку; но ожиданіе мое было обмануто—и при всѣхъ убѣжденіяхъ даже заплатить имъ легчайшею русскою монетою за извлечение меня изъ сыпучей пучины, ни одинъ изъ спавшихъ ямщиковъ не имѣлъ жалости къ моему неприятному положенію: не хотѣлъ разстаться съ сномъ и пожертвовать на нѣсколько минутъ успокоеніемъ долгу человечества за пять рублей.—Успокоеніе на голомъ пескѣ подъ однимъ покровомъ темной ночи, когда мы и на возвышенныхъ мас-

¹⁾ Недостающее срѣзано при переплетѣ тетради—автографа поэта. Обновленіе памятника было въ 1831 г., а 2 окт. 1832 г. было его вторичное освященіе, причемъ было большое торжество и обѣдъ отъ попечителей памятника, купцовъ *Л. Ф. Крупеникова* и *П. И. Котелова*. (Историческое описаніе памятника етс. архим. *Гавриила*, Казань, 1833, стр. 24 и 27).

²⁾ Пронія.

сахъ нѣжнаго пуха рѣдко его имѣетъ..... Какія это грубыя существа!

Истопивъ всѣ силы, и не подавшись ни одного шагу впередъ, принужденъ я былъ послать моего Михайлу въ Свіяжскъ для истребованія почтовыхъ лошадей въ добавокъ къ прежнимъ.— Ямщикъ, со мною ѣхавшій, между тѣмъ растянулся на песокъ и захрапѣлъ изо всей силы; а я—въ продолженіи четырехъ часовъ не могъ сомкнуть глазъ ни на одну минуту. Наконецъ возвратился Михайла съ извѣстіемъ о жестокосердіи Свіяжской почтовой экспедиціи, которая, не сочтя своею обязанностію вытаскивать проѣзжихъ изъ песковъ, отказала въ посылкѣ лошадей: и едва сыскался одинъ челоуѣколюбивой черемисинъ, который за полтора рубли приѣхалъ изъ Свіяжска съ парюю лошадей, припрягъ ихъ и помогъ мнѣ доѣхать до города, за что я заплатилъ ему вдвое противу выпрошенной цѣны; и пусть Богъ ему платитъ такъ же сугубо за всякое доброе дѣло!

Другая уже почъ по выѣздѣ моемъ изъ Казани облекала природу мраками, и я ѣхалъ Чебоксарскими лѣсами. Все меня окружающее пребывало въ безмолвіи; одно шепетаніе листьевъ, одинъ глухой звукъ замоченнаго дождемъ колокольчика, прерывая глубокое молчаніе, терялись въ воздушномъ пространствѣ, и сердце мое ощущало священннй трепетъ. Если бъ я въ семь уединеніи увидѣлъ чувашенина, приносящаго въ дубравѣ жертву Киреметю, вѣрно бы вмѣстѣ съ нимъ преклонилъ колѣна предъ божествомъ лѣсовъ—и не погрѣшилъ бы, принося дань почитанія Всемоуцеству, являющемуся намъ и во мракахъ ноци, и въ сіяніи солнца.

При выѣздѣ моемъ въ Нижегородскую губернію вдругъ представилась мнѣ дорога, обсаженная березами. Это сдѣлало на меня очень пріятное впечатлѣніе: и какъ что моему мнѣнію, красота и благо должны бъ быть синонимами, то мнѣ вздумалось вообразить, что я въѣзжаю въ царство Астреи, но я скоро былъ выведенъ изъ заблужденія: сборъ болѣе 15—во

съ души на наемъ почтовыхъ лошадей, а, по рассказамъ нѣ-
которыхъ, до 30—ко. простирающейся; поставка десяти паръ
Васильскимъ городничимъ за 300 и сдача другимъ по 250 р.;
жалобы крестьянъ на неравность земскихъ повинностей по
казирзамъ исправниковъ; небреженіе или, можетъ быть, и по-
тачка начальника, которой ни одного изъ подобныхъ неголя-
евъ не только не отдавалъ подъ судъ, но и не удалялъ подъ
видомъ увольненія отъ должности, и наконецъ своевольства
казачьихъ пикетовъ, гдѣ даже и съ меня просили на коман-
ду—все сіе убѣдило меня, что Казанская губернія лучше
многихъ.

Я не заѣзжалъ въ Нижней и тѣмъ сберечь для себя
нѣсколько часовъ, чтобы замѣнить медленность отъ неудоб-
ства дороги, которая и по наступившему ненастью, и по пес-
чаности грунта Владимирской губерніи дѣлалась, чѣмъ далѣе,
тѣмъ хуже. Едва дотащился я по пескамъ до Муромскаго
перевоза, гдѣ протянутой чрезъ рѣку канатъ служить вмѣсто
кормчаго и весель; паромъ наполненъ былъ разными фигу-
рами, и ямщикъ мой скоро началъ разговоръ съ знакомымъ
ему мельникомъ, коего рыжая борода окладисто разстиралась
по широкой груди. Нечувствительно дошли до изъясненія
причинъ, по которымъ на казенныя суда нынѣ менѣе нани-
маются рабочихъ людей, нежели прежде; и по мнѣнію мель-
ника, это было дьявольское навожденіе, которое научило дви-
гать суда машинами.— „Чортова сила вездѣ нынѣ дѣйствуетъ!“
продолжалъ рыжебородый мельникъ: „и какую же приносить
пользу? правда, что подрядчикамъ дешевле обходятся постав-
ки; но между тѣмъ сколько бы людей можно было занять
прежними способами и доставить имъ пропитаніе“. Подиви-
тесь, любезной другъ, и крайнему суевѣрію, и смѣшанному
съ нимъ здравомыслію!

Наскучивъ безпокойствомъ дороги, я надѣялся взять въ
Муромѣ хотя маленькій отдыхъ. Спрашивалъ моего ямщика,
есть ли тамъ какой-нибудь трактиръ, и онъ увѣрилъ меня,
что есть; а мельникъ съ патріотическимъ самолюбіемъ под-

твердилъ, что я въ Муромскомъ каменномъ трактирѣ найду всякое кушанье—и даже чай, если мнѣ будетъ угодно. Я спѣшилъ вѣзхать въ городъ; скоро увидѣлъ замаранной, каменной домъ съ разбитыми въ верхнемъ этажѣ стеклами и лотокъ черныхъ калачей. У дверей нижняго жилья меня впускаютъ въ пустую комнату съ одною скамьей и столомъ топорной работы, гдѣ вѣтеръ дулъ изо всѣхъ угловъ; спѣшу послать Мпхайлу, чтобъ изготовили мнѣ кушанье или, по крайности, испекли пироговъ; но мнѣ сказываютъ, что, кромѣ калачей, ничего нѣтъ; а естли мнѣ надобна селянка или пирогъ съ рыбою, то бѣ подождать до зимы, возвращающей въ Муромской трактирѣ изобиліе, и возвышающей его въ достоинство харчевни. Сколько я бравилъ Муромъ,—этотъ городъ, славящейся древностію въ бытописаніяхъ Россіи, и сколько доволенъ былъ, услышавъ, что я всѣ удобства отдохновенія могу найти во Владимирѣ, гдѣ есть домъ Благороднаго Собранія, надежное пристанище проѣзжихъ.

Наконецъ вѣзжаю въ столицу древняго княженія, вхожу въ клубъ, гдѣ отводятъ мнѣ парадную гостинную комнату; но въ коей не было ни однихъ канапе для отдохновенія; въ коей пышность владимирскаго дворянства доказывалась двумя липовыми ломберными столами и обломанною люстрою. Спрашиваю, какъ поздно бываетъ ужинъ; но отвѣтствуютъ, что его нѣтъ; требую, чтобъ, по крайности, изжарили мнѣ пару рабчиковъ; но говорятъ, что ихъ во всемъ городѣ сыскать не можно; а въ замѣнъ сего недостатка утѣшалъ меня передъ окнами владимирской пѣвецъ съ черною бородою, точная копія покойнаго Петра Матвѣича Степанова—и звукъ балалайки еще болѣе возвышалъ прелести похмѣльной мелодіи! Приготовили однакожь между тѣмъ жаренова цыпленка, подали бутылку жидкаго краснаго вина, назвавъ его пышнымъ именемъ Ш а т о-М о р г о, и я послѣ ужина, проѣхавъ не болѣе, какъ въ пять минутъ все то, что есть лучшаго въ населеніи Владимира, пустился далѣе.

„И такъ къ чему было опредѣлять станціонныхъ смотрителей, если и при ихъ глазахъ бѣдной путешественникъ не избавленъ отъ грабительства ямщиковъ подмосковныхъ? Для чего я заплатилъ въ казну 46 р. съ копѣйками, когда полорожная не обезпечила меня отъ безстыднаго ихъ корыстолюбія?“ Такъ думалъ я за семьдесятъ пять верстъ отъ Москвы, гдѣ учтливой почталіонъ извинялся предо мною, что лошади, бывшія въ разгонѣ, еще не возвратились, и гдѣ ямщики сосѣдственной станціи взяли съ меня двойные прогоны за четыре лошади.—День клонился къ вечеру, небо покрывалось тучами, и я призывалъ бурю къ отмщенію за меня жаднымъ головорѣзамъ. Скоро природа въ громовыхъ трескахъ отвѣтствовала, что мое желаніе исполнено; дождь шумѣлъ, предметы скрылись во мракахъ; однѣ только молніи, сверкая, водили робкой взоръ по черной дорогѣ; на ямщикѣ не осталось ни одной сухой нитки—но за что жъ страдалъ мой бѣдной Михайла? Въ четыре часа, вон казались столькими же днями, едва успѣлъ я переѣхать семнадцать верстъ и остановился почевать въ *Буньковъ*, откуда на утро принужденъ былъ заплатить до Москвы болѣе тринадцати рублей; но раздраженный мой духъ, по крайности, утѣшался тѣмъ, что станціонный ямщикъ, не доѣхавъ осьми верстъ, потерялъ цѣлую треть изъ своихъ разсчетовъ.

Во время проѣзда С. А. Москотильникова губернаторомъ въ Нижнемъ (1804—1812) былъ Андрей Максимовичъ *Руновскій*, а во Владимирѣ (1802—1812) князь Иванъ Михайловичъ *Доморукій*. Въ біографіи послѣдняго, составленной *М. А. Дмитриевымъ* (изд. II, М. 1863, стр. 75—76) имѣются свѣдѣнія о Собраніи, „Редутъ“ (какъ его называли), бывшемъ предметомъ особенныхъ заботъ старшины этого клуба, Дмитрія Петровича *Дурова*, воспѣтаго княземъ въ комедіи „Дурюломъ“. О Дуровѣ ср. еще въ „Капищѣ моего сердца“ (изд. II, 1890), стр. 105—106 (27 октября).

ПИГМАЛИОНЪ,

ЛИРИЧЕСКАЯ СЦЕНА

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

ЖАНА ЖАКА РУССО.

Театръ представляетъ мастерскую комнату скульптора; по сторонамъ видны куски мрамора, группы и неотдѣланныя статуи; далѣе представляется другая статуя, скрытая подъ завѣсою изъ легкой и блистательной матеріи, украшенною бахрамами и гирляндами. Задумавшійся Пигмалионъ сидитъ, облокотясь въ положеніи безпокоющагося и печальнаго человѣка. Вдругъ потомъ вставъ, беретъ со стола орудія, къ его искусству принадлежащія, дѣлаетъ нѣсколько ударовъ рѣзцомъ по нѣкоторымъ изъ его недодѣлковъ, отступаетъ и смотритъ на оныя съ видомъ недовольнымъ и унылымъ.

Пигмалионъ.

Нѣтъ здѣсь ни души, ни жизни! Это одинъ только хладный камень; изъ него ничто и никогда не можетъ быть произведено!

О способность! О талантъ! Гдѣ вы? что съ вами сдѣлалось?—Потухъ жаръ, меня воспламенявшій, мое воображеніе оледенѣло, и мраморъ исходитъ хладенъ изъ рукъ моихъ. Пигмалионъ не творитъ уже боговъ и сталъ ни что иное, какъ обыкновенный художникъ. Подлѣя орудія, преставшія быть орудіями славы моей,—я васъ оставляю: не посрамляйте болѣе рукъ моихъ!

Онъ бросаетъ съ негодованіемъ орудія свои, потомъ нѣсколько времени прохаживается въ размышленіи и, сложивъ руки.

Что я сталъ? какая странная произошла во мнѣ перемѣна?—

Тиръ, городъ пышный и цвѣтущей! памятники искусствъ, коими ты блещешь, меня уже не привлекаютъ; я потерялъ вкусъ, съ воимъ прежде удивлялся имъ. Сообщество художни-

ковъ и философъ сдѣлалось мнѣ скучнымъ. Обращеніе съ живописцами и стихотворцами не имѣетъ для меня пріятностей. Почести и слава не возвышаютъ души моей; похвалы тѣхъ, кои прославлены будутъ потомствомъ, уже меня не трогаютъ; самое дружество потеряло для меня всѣ свои прелести.

И вы, юные предметы, совершеннѣйшія произведенія природы, коимъ искусство мое подражать дерзало, и по стезямъ коихъ удовольствіе влекло меня безпрестанно; прелестные образцы, воспламенявшіе меня вдругъ любовію и творческимъ воображеніемъ! превзошедъ васъ, я сдѣлался къ вамъ равнодушенъ.

Садится и разсматриваетъ все вокругъ себя.

Въ этомъ мѣстѣ, посвященномъ искусству моему, будучи удерживаемъ непостижимымъ очарованіемъ, я неспособенъ ничего дѣлать и не могу отселѣ удалиться. Прехожу заблуждающими шагами отъ одного предмета къ другому; мое слабое орудіе не познаетъ своего правителя, и эти грубыя произведенія, оставленныя робкому ихъ несовершенству, не ощущаютъ уже той руки, которая нѣбогда ихъ одушевляла.

Встаетъ стремительно.

Такъ, такъ! — Я лишился творческаго духа. — Столь молодъ еще, я пережилъ мое дарованіе!...

Но какой это внутренній жаръ, меня пожирающей? что такое меня воспаляетъ? какъ! въ томности погасающаго духа чувствуютъ ли эти движенія, эти порывы бурныхъ страстей, это непреодолимое безпокойство, это внутреннее волненіе, меня возмущающее, и коего причины я не постигаю?

Я страшился, чтобъ удивленіе собственному творенію моему не навлекло разсѣянности мыслей въ трудахъ моихъ, и я скрылъ его подъ эту завѣсу. Мои недостойныя руки дерзнули покрыть этотъ памятникъ ихъ славы. Съ того времени, какъ я его не вижу, я сталъ болѣе смущенъ, но не внимателенъ.

Сколь мнѣ любезно, сколь драгоцѣнно становится это бессмертное произведеніе. Когда мой погасшій духъ не будетъ

болѣе раждать ничего великаго, прекраснаго, достойнаго меня,— я тогда покажу мою Галатею и скажу: „вотъ мое твореніе!“... О моя Галатея! Когда я всего лишусь, ты мнѣ останешься, и я буду утѣшенъ.

Приближается къ завѣсу, потомъ отдалается; идетъ опять, и приближаясь, останавливается, смотритъ на нее и вздыхаетъ.

Но почто скрывать ее? что въ томъ пользы? вовлеченному въ праздность, почто мнѣ похищать у себя единое утѣшеніе разсматривать лучшее изъ моихъ твореній? можетъ быть, не осталось ли въ немъ какого-либо недостатка, мною не примѣченнаго: можетъ быть, предупѣю я присовокупить нѣчто къ ея украшенію. Столь прелестному предмету ни въ какой воображаемой пріятности не должно имѣть недостатка.—Можетъ быть, этотъ самой предметъ оживить мое утомленное воображеніе. Должно его увидѣть; должно снова разсмотрѣть его.—Что я говорю?—Ахъ! я его еще не разсматривалъ: я только ему удивлялся.

Намъпревается поднять завѣсу и покидаетъ ее, какъ бы утраченный.

Я не знаю, какое движеніе испытываю, прикасаясь этому покрывалу. Ужась меня объемлетъ: вается, касаюсь я святылицу нѣкоего божества..... Пигмаліонъ! Это—камень; это произведеніе рукъ твоихъ.—Что нужды?... повлоняются въ нашихъ храмахъ богамъ, изъ той же составленной матеріи, и такими жъ произведеннымъ руками.

Въ трепетъ подьмлетъ завѣсу и, покланяясь, простирается предъ статуею Галатеи, поставленной на пьедесталъ весьма маломъ, утвержденномъ на возвышеніи, образованномъ нѣсколькими полуциркульными степенями.

О Галатея! прими мое повлоненіе! такъ, я обманулся: я желалъ сдѣлать тебя нимфою, но произвелъ божество! Сама Венусъ не столько прекрасна, какъ ты!

Тщета, слабость человѣка!— я не могу удержаться отъ удивленія собственному моему творенію; упоаясь самолюбіемъ, обожаю самого себя въ томъ, что я образовалъ. — Нѣтъ! никогда ничего столь прекраснаго не являлось въ природѣ: я превзошелъ твореніе боговъ.

Какъ? столько красотъ произошло изъ рукъ моихъ! и такъ руки мои имъ прикасались—и такъ мои уста могли—я примѣчаю недостатокъ. Эта одежда много покрываетъ наготу: должно здѣсь болѣе выразить; прелести, скрываемаыя ею, должны быть лучше означены.

Беретъ молотокъ и рѣзецъ; поспѣ, тихо приближаясь, всходитъ съ колебаніемъ по ступенькамъ къ статуѣ, которой онъ, кажется, не смѣетъ коснуться; наконецъ, поднявъ уже рѣзецъ, вдругъ останавливается.

Какой трепетъ! какое смущеніе! едва удерживаю рѣзецъ въ колеблющейся рукѣ моей.... не могу—не смѣю—нѣтъ, нѣтъ, я все испорчу!

Ободряется и, наложивъ рѣзецъ, производитъ ударъ, но, объятый ужасомъ, роняетъ его и произноситъ великій крикъ.

Боги! я чувствую, что трепещущее тѣло отражаетъ рѣзецъ.—

Сходитъ въ трепетъ и замѣшательствѣ.

Тщетной страхъ! безразсудное ослѣпленіе!—нѣтъ!—я не прикоснусь ей; боги меня ужасаютъ: безъ сумнѣнія, она посвящена уже въ санъ ихъ.

Снова разсматривая статую.

Что хочешь ты перемѣнить?—смотри, какія новыя хочешь дать ей прелести?—Ахъ! Одно только совершенство есть въ ней—недостатокъ! Божественная Галатея, при меньшемъ совершенствѣ тебѣ ничего бъ не доставало!

Съ чувствительностію.

Но тебѣ недостаетъ души: твой образъ не можетъ безъ нея быть.

Съ усугубленною чувствительностію.

Сколь же душа, сотворенная для оживленія такого тѣла, должна быть прекрасна!

Останавливается долгое время и потомъ, съвзъ, говоритъ томнымъ и измѣняющимся голосомъ.

Какія смѣю я возраждать желанія? Какое безумное хотѣніе? чѣмъ такое я чувствую?—О небо! Завѣса оболыщенія ниспадаетъ, и я не смѣю взирать во внутренность моего сердца оно бы гнусно явилось предо мною.

Долгое молчаніе въ глубокомъ уныніи.

И такъ вотъ та благородная страсть, которая приводитъ меня въ заблужденіе: итакъ, для этого неодоушевленного предмета я не могу удалиться отъ себя.—Мраморъ, камень! безобразной и грубой составъ, образованной этимъ желѣзомъ!—Безразсудной! войди въ самого себя; трепещи о себѣ—смотри на твое заблужденіе, смотри на твое безуміе! - Но нѣтъ—

Стремительно.

Нѣтъ! я не потерялъ разсудка; нѣтъ! я не заблуждаюсь; нѣтъ! я ни въ чемъ себя не укоряю.—Не безжизненный мраморъ меня плѣняетъ, но живое существо, ему подобное, образъ, которой представляетъ онъ моему взору; въ какомъ бы мѣстѣ ни былъ этотъ обожаемый образъ, какое бъ ни украшалъ онъ тѣло, и какая-бъ рука его ни сотворила: къ нему устремятся всѣ желанія моего сердца. Такъ! безумство мое состоитъ только въ различеніи красоты; единое мое преступленіе—въ чувствительности къ ней! Итакъ, нѣтъ здѣсь ничего, для меня постыднаго!

Съ уменьшеною живностью(sic), но всегда съ страстью.

Какія пламенные стрѣлы кажутся стремящимися изъ этого предмета, чтобъ возжечь мои чувства и возвратиться съ душою моею къ ихъ источнику! Увы, онъ неподвиженъ и холоденъ въ ту самую минуту, когда мое сердце, воспаленное его прелестями, желало бы оставить мое тѣло, чтобъ разгорячить его. Я въ изступленіи своемъ чувствую возможность исторг-

нутъся внѣ самого себя; я чувствую возможность дать ей жизнь и оживотворить ее моею душою. Ахъ, пусть умретъ Пигмаліонъ, чтобъ жить въ Галатеѣ!—Что изрекъ я? О небо! Если бъ я сталъ ею, я бъ не увидалъ ея болѣе, я бъ не былъ уже тотъ, кто ее обожаетъ.—Нѣтъ, пусть живетъ моя Галатея, пусть не буду я ею! Ахъ, пусть буду я всегда другой, чтобъ всегда желать быть ею, чтобъ ее видѣть, чтобъ ее любить, и быть любимымъ ею!—

Въ изступленіи.

Смятеніе, желанія, бѣшенство, безсиліе, ужасная любовь, гибельная любовь!—Ахъ! весь адъ вмѣщается въ волнующемся моемъ сердцѣ.—Боги всеильные!—Благодѣтельные боги!—Боги народа, познавшіе слабости человѣковъ!—Ахъ, вы сколько являли чудесъ для меньшихъ причинъ: взгляните на этотъ предметъ, взгляните на мое сердце, будьте справедливы и достойны вашихъ жертвенниковъ!

Съ восхищеніемъ болѣе умиленнымъ.

И ты, высочайшая сущность, скрывающаяся отъ чувствъ, и едиными сердцами ощущаемая; душа міра, начало всякаго бытія; ты, которая любовію подаешь согласіе стихіямъ, жизнь—веществу, чувствованіе—тѣламъ, и образъ—всякому существу, священный огонь, небесная Венусъ, кою все сохраняетъ и возрождается безпрестанно! Ахъ! гдѣ твое равновѣсіе? гдѣ твоя распространительная сила? гдѣ законъ природы въ чувствованіи, кое я испытую? Гдѣ твоя живительная теплота въ безсиліи тщетныхъ моихъ желаній? весь твой пламень сосредоточенъ въ моемъ сердцѣ, и хладъ смерти—въ этомъ мраморѣ: я гибну отъ излишества жизни, коей ему недостаетъ.—Увы, я не ожидаю чуда: оно существуетъ и должно престать; порядокъ возмущенъ, природа оскорблена! Возврати ея законамъ владычество ихъ, возстанови благотворное ея теченіе и источи равно божественное твое вліаніе! такъ, двухъ существъ недостаетъ въ полнотѣ вещей: раздѣли имъ этотъ пожирающій пламень,

который сожигаетъ одного, не оживляя другого.—Ты образовала рукою моею эти прелести и эти черты, ожидающія только чувствованія и жизни; отдай ей половину моей, отдай ей всю, если то нужно: для меня довольно существовать въ ней. О ты, удостоивающая улыбкою жертвоприношенія смертныхъ! что не чувствуетъ, то не воздастъ тебѣ почестей: распрости твоя славу съ твоими твореніями. Богиня красоты, удали отъ природы поношеніе, чтобъ столь совершенный образецъ былъ подобіемъ ничтожества.

Восходитъ опять по ступенькамъ съ чувствованіемъ увѣренія и радости.

Мои чувства ко мнѣ возвращаются. Какое неожиданное спокойствіе! Какая печальная бодрость меня оживляетъ! Смертный жаръ сожигалъ кровь мою: бальзамъ увѣренія и надежды разливается по моимъ жиламъ; кажется, я возраждаюсь.

Итакъ, чувствованіе нашей зависимости служитъ нѣкогда къ нашему утѣшенію. Сколько бъ ни были несчастны смертные, но когда призовутъ боговъ, спокойствіе къ нимъ возвращается.—

Но ложное упованіе обманываетъ виновниковъ несмысленныхъ желаній. Увы! въ состояніи, въ какомъ нахожусь я, призываютъ все, и ничто насъ не внимаетъ. Надежда, обольщающая насъ, есть безразсуднѣе самого желанія.

Постыжденный толики заблужденіями, я даже не смѣю болѣе возвратъ на причину; обращая взоръ мой на этотъ пагубной предметъ, я чувствую новое смущеніе; трепетаніе сердца занимаетъ во мнѣ духъ, тайный ужасъ меня останавливаетъ.—

Горькая иронія.

Ахъ, смотри, несчастный, будь неустрашимъ: осмѣлься возвратъ на статую!

Онъ видитъ ее оживляющеюся и отвращается, объятый ужасомъ, и съ стѣсненнымъ отъ горести сердцемъ.

Что я видѣлъ? Боги, что мнѣ казалось видѣть? цвѣтъ живности, пламень въ очахъ, самое движеніе — недовольно было надѣяться чуда:—къ довершенію бѣдствія, наконецъ я его увидѣлъ!

Крайнее уныніе.

Нещастной! И такъ это совершилось.... твоё изступленіе достигло своего послѣдняго предѣла: твой разумъ такъ же оставляетъ тебя, какъ и твоя способность!—не оплачивай его, Пигмаліонъ! Утрата его скроетъ твоё посрамленіе.

Жестокое негодованіе.

Очень много щастія влюбленному въ камень содѣлаться мечтателемъ!

Оборотясь, видитъ, что статуя движется и сходитъ по ступенькамъ; онъ бросается на колѣни, возводитъ взоръ и руки къ небесамъ.

Безсмертные боги! Венусъ! Галатея! о чудо изступленныя любви!

Галатея, прикасаясь къ самой себѣ, произноситъ: „Я“.
Пигмаліонъ восхищенный.

Я!

Галатея, еще трогая себя.

Это—я!

Пигмаліонъ.

Восхитительное мечтаніе, достигшее даже до моего слуха! ахъ! не оставляй никогда чувствъ моихъ!

Галатея, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, и прикасаясь къ мрамору.

Это—не я!

Пигмаліонъ въ волненіи, въ восхищеніяхъ, едва удерживаемыхъ, слѣдуетъ глазами за всѣми ея движеніями, слушаетъ ее, смотритъ на нее съ ненасытнымъ вниманіемъ, которое едва дышать ему позволяетъ.

Галатея приближается къ нему и смотритъ на него;

онъ стремительно встаетъ, простираетъ къ ней руки и смотритъ на нее съ восторгомъ. Она кладетъ на него руку; онъ трепещетъ, беретъ сію руку, прикладываетъ ее къ своему сердцу и потомъ осыпаетъ ее пламенными поцѣлуями.

Галатея со вздохомъ: Ахъ! еще „я“!

Пималіонъ. Такъ, дражайшій и прелестный предметъ! Такъ, достойное и совершеннѣйшее твореніе руки моей, моего сердца и боговъ: это—ты! Это ты одна; я тебѣ отдалъ все мое бытіе и буду жить единою тобою!

Конецъ.

Столпотвореніе.

(Изъ *Мерсье*).

Когда міръ, водами потопа еще упоенный, возникалъ изъ развалинъ своихъ, новые жители опустошенной земли узрѣли себя въ совершенной наготѣ на бесплодныхъ прибрежіяхъ; но когда къ сей бѣдности присоединился страхъ, когда слышался въ отдаленности громъ, вторичнымъ пораженіемъ имъ угрожающій, тогда, совкупленные чувствомъ ужаса, они возлѣли руки къ небесамъ и вѣщали одинъ другому, что есть превыше ихъ страшное и сокровенное Могущество, неограниченно владычествующее надъ браннымъ ихъ бытіемъ.

Такъ мысля, я заснулъ, и въ мечтѣ видѣлъ разсѣянныхъ въ сокрушеніи духа смертныхъ, кои, убѣгая ревущихъ волнъ, взлѣзали на крутизны высочайшія; но и здѣсь яростная стихія преслѣдовать ихъ еще не преставала.

Наги были сіи несчастные, и измѣряли бездну водъ взоромъ отчаянія; самый слабый ударъ грома, хотя уже скончавающагося, казалось, опять возвращался для довершенія гибели тѣхъ, которыхъ пощадилъ море, воснящее своимъ удаленіемъ. Сіе обширное и исполняющее душу горестію наводненіе являлось чѣмъ то болѣе страшнымъ, нежели пламень, по земли влущающійся: сія влажная пучина, гдѣ всё дремало въ недвижимо-сти, сіи стоячія и чернѣющіяся воды, кои подмывали коря

последнихъ растений, украшавшихъ землю, кои поглощали и ихъ вѣтви, и ихъ плоды, представляли зрѣлище повсемственнаго (sic) опустошенія, и сей необозримый разливъ поражающаго ужасомъ.

То была комета, внезапно воды свои съ грознымъ ревомъ пролившая: птицы небесныя не обрѣтали болѣе мѣста, гдѣ бы могли успокоиться; растительная почва земли, въ жалкомъ видѣ растворенная, вездѣ катила иль громадами. Я увидѣлъ Столпъ, сооруженный объятый страхомъ земнородными,—въ намѣреніи обезопасить себя отъ подобнаго бѣдствія. Сей памятникъ ихъ слабости и ихъ безумія остался недовершеннымъ; сей исполинскій Столпъ представилъ въ себѣ одно лишь ознаменованіе тщетныхъ замысловъ и ничтожнаго предпріятія; сіи торопливые здатели были остановлены въ пылу ихъ дерзкой надежды, когда Вышній раздѣлилъ языки столь утонченными и столь различными измѣненіями, что всякое согласное начинаніе содѣлалось для нихъ вовсе невозможнымъ.

Довольно внятно вѣщалъ имъ Божій гласъ: „Идите! „провожайте дни свои, каждый въ мирѣ, не утомля себя „трудами, толико бесполезными!“ Но смертные не уразумѣли уроковъ Божественной мудрости; и тогда открылось зрѣлище, величайшаго достойное посмѣянія: каждый хотѣлъ воздвигнуть свой собственный столпъ, хотѣлъ воздвигнуть досязующій до небесъ; и многіе изъ нихъ, едва успѣвъ возвысить зданіе свое на нѣсколько локтей, вообразили себя уже вознесшимися въ превыспренность, потому что горы въ отдаленности казались ниже параллельной точки ихъ зрѣнія.

Всѣ сіи зодчіе, въ нестройномъ разгласіи вопіюще, что они поставили надежнѣйшую и никакимъ опасностямъ не подверженную—для восхода на небо лѣствицу, взаимно другъ друга во лжи изобличали; каждый, держась на верху столпа своего, взывалъ: „Теките ко мнѣ! я ближе всѣхъ въ „гор-

нимъ обителямъ!“ Иной утверждалъ, что солнце, безъ сомнѣнія, есть искомый Богъ, луна—супруга, а звѣзды—дѣти его; другіе, болѣе чувственностію ослѣпленные, преклоняли колѣна предъ воломъ, овномъ, или голубицею; однимъ словомъ: всѣ изобрѣли для себя грубыя божества; но еще пагубнѣе было то, что каждый жрецъ, выставяя себя предъ истуканомъ, тяготящимъ столпъ его, хотѣлъ купно съ нимъ быть обоготворяемымъ; каждый жрецъ возглашалъ: „Поражайте, пронзайте остриемъ меча всѣхъ неповорныхъ: это—злочестивцы!“ И при воплѣ сихъ изувѣровъ неистовство влекло на закланіе жертвы, тщетно умолявшія, чтобъ допустили ихъ создать столпъ по ихъ собственному чертежу!

Безчисленны виды безумія, мечтавшаго приносить кумирамъ своимъ богочтительную дань! Высота столпа произвела закруженіе въ головахъ слабыхъ, и не осталось того уродливаго образа, которой бы не явился предметомъ поклоненія съ торжественнѣйшими обрядами: каждый жрецъ имѣлъ языкъ особенный, и поступь, отличную отъ поступи своего сосѣда: иной плясалъ, иной держалъ руки въ горизонтальномъ протяженіи; сей стоялъ, не трогаясь ни однимъ членомъ, а тотъ возбранялъ себѣ и пищу, и питіе, находя странную добродѣтель въ прильпечіи кожи къ костямъ; нѣкоторые даже рѣзали у себя кусками тѣло: и сіи изступленные покушались убѣдить другихъ къ подражанію.

Наконецъ: я видѣлъ глупости народныя отъ волхвовъ фараоновыхъ до святоши гробницы Медардовой; слышалъ крикъ фигляровъ; ханжей, расколочальниковъ, заклинателей, чародѣевъ и предвозвѣстниковъ судьбы, произносимый каждымъ на высотѣ столпа своего: какая смѣсь! какое неспосное разгласіе!

Далѣе—видѣлъ я мураго, которой съ спокойнымъ духомъ вѣщала окружавшимъ его, что Вселенная есть Храмъ Божества: ясность неба сообщалась душѣ его, и при сравне-

ніи всѣхъ столповъ, человѣками созданныхъ,—съ неизмѣримымъ кругомъ тверди, сей мгновенно преобразовался въ мысляхъ моихъ въ истинный Храмъ, гдѣ Богъ отрываетъ Себя намъ весьма ощутительно: небеса — предѣлъ сей священной Скинии, и ея безконечное, ея поразительное величіе не имѣетъ ничего излишняго ни для Природы, ни для вездѣсущности Творца, оную содержащаго.

Вознесите выше и выше своды и куполы храмовъ, которыми гордится зодчество; присовокупите еще мыслію къ отважности сооруженія: какъ ничтожно все сіе будетъ предъ сводомъ Храма, вездѣ и всегда отверстаго, гдѣ каждый изъ человѣковъ можетъ, возведя взоры свои, обожать Непостижимаго и повлнаться Ему въ духѣ и истинѣ!

Рукотворенный Храмъ въ извѣстное токмо время освѣщаемъ бываетъ возженными свѣтильниками; но они меркнутъ и истощеваются; они требуютъ возобновленія: здѣсь есть свѣтильникъ — пучина, свѣта неистощимая! — и когда лучи его обратятся на гемисферу, намъ противоположную, въ тотъ самый часъ заступаетъ мѣсто его несчетное множество иныхъ свѣтильниковъ, открывающихъ предъ окомъ смертнаго безпредѣльную обширность сіяющаго велелѣпія: душа, объятая удивленіемъ, или безмолвствуетъ въ восторгѣ своемъ, или молится!

Сии разноцвѣтныя облака, горизонтъ препоясующія, и воихъ полупрозрачности и нѣжнымъ переливамъ тѣней висть никогда въ совершенствѣ подражать не можетъ, малоцвѣтнѣе ли цвѣтосмѣшеній, искусствомъ производимыхъ съ толикими усиліями?

Но въ семъ, столь высоко сцентрированномъ (sic) Храмѣ гдѣ алтарь? гдѣ священнодѣйствующій? И тотъ, и другой соединены въ сердцѣ человѣка, если совѣсть его чиста, безхитростна и невинна: на семъ алтарѣ человѣкъ можетъ воскресить предъ Богомъ еиміамъ хвалы и поклоненія, можетъ принести всеблаговому Творцу своему благодарную жертву за

способности, коими обогащена душа его, за божественный пламень, его озаряющий, за неоцѣненное достоинство познавать и любить Подателя сихъ обильныхъ даровъ; человѣкъ-жертвоприноситецъ передаетъ Ему все свое существованіе и посвящаетъ оное на то, чтобъ хвалить и обожать.

Древній Поэтъ научалъ израильтянъ прославленію величества Божія, и мнѣ послышалось, что за нимъ повторяютъ: *Господи Боже мой! возвеличился еси зѣло; во исповѣданіе и въ величїю облеклся еси; вся премудростїю сотворилъ еси.— Яко взятъ великолѣтіе Твое превыше небесъ!*

При семъ восклицаніи я узрѣлъ всѣ человѣческіе столпы превратившимися въ колоннады, помосты, своды, подпоры и украшенія. Альпы заключились подъ симъ величественнымъ сводомъ; лучезарное солнце освѣтило неизмѣримую окружность, въ которой терялись взоры; но всё въ совокупности составило одинъ священный Храмъ, и прекраснѣйшія изреченія Соломона проникли въ слухъ мой: *Аще небо и небо небеси не довлѣютъ Тебѣ—и коими паче домъ сей, его же создахъ!*

Гласъ, тако вѣщающій, содѣлался столь крѣпокъ, столь гремѣющъ, столь величественъ, что мои чувственные органы не могли вмѣстить оный безъ чрезвычайнаго потрясенія, и я проснулся...

Приводимъ теперь эскизъ или планъ драмы изъ испанской жизни. Сюжетъ былъ набросанъ Саввою Андреевичемъ лишь въ видѣ канвы, и дѣло на этомъ остановилось. По крайней мѣрѣ, въ бумагахъ нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ на то, чтобы сюжетъ этотъ былъ потомъ имъ обработанъ и изложенъ въ цѣломъ произведеніи. *И. Г. Горемыкинъ* (см. выше, стр. 75) считалъ этотъ набросокъ эскизомъ драмы. Самъ С. А. называетъ де Мендозу героемъ „повѣсти“. Нѣтъ сомнѣнія, что сюжетъ при его обработкѣ въ драму доставилъ бы нѣсколько благодарныхъ сценъ. Сравнивая этотъ набросокъ съ драмою

„Останъ“, мы должны отмѣтить въ качествѣ весьма характерной особенности, что въ противоположность первой псевдоклассической и языческой трагедіи С. А—ча, здѣсь въ этой драмѣ выдвигается на первый планъ благотворное и смиряющее значеніе христіанской религіи. Судя по бумагѣ и титламъ, набросокъ относится къ первымъ годамъ XIX в.

Донъ *Иеронимо де Мендоза*, 1-й герой повѣсти.

Донна *Аврелія де Пизарро*, его любовница.

Донъ *Гонзалво де Капрара*, его врагъ.

Донъ *Себастьяно де Капрара*, отецъ сего послѣдняго.

Отелло,

Его товарищъ, } исполнители злодѣянія.

Графъ де Мендоза, министр правосудія.

Дрѣйствіе въ Толедѣ и въ замкѣ де Капрара въ горахъ при источникахъ Таго. Иеронимо и Гонзалво—товарищи въ университетѣ. Успѣхи перваго поселяютъ въ послѣднемъ¹⁾ зависть и вражду. Оба ищутъ руки Авреліи, коей предпочтеніе къ Иеронимо, усугубивъ вражду Гонзалво, побуждаютъ его къ мщенію. Онъ беретъ твердое намѣреніе сдѣлать обоихъ несчастными: во время прогулки нападаетъ съ сообщниками; двое злодѣевъ похищаютъ Аврелію; но Иеронимо поражаетъ его смертельно и самъ принужденъ скрыться въ то время, какъ домъ его сожигаютъ исполнители жестокихъ предпріятій Гонзалва, и онъ, лишаясь всего имѣнія, остается безпомощнымъ. Во время препровожденія Авреліи громъ убиваетъ одного изъ злодѣевъ; Отелло раскаивается, служитъ Авреліи для развѣдыванія обстоятельствъ и свидѣтельствуетъ предъ правосудіемъ. Между тѣмъ до полученія успѣха она скрывается въ неизвѣстности. Себастьяно по привезеніи тѣла его сына въ его замокъ погребаетъ оное въ подземельѣ и влянется мстить. Убѣгающій Иеронимо случайно приходитъ въ

¹⁾ Описка: Успѣхи перваго поселяютъ въ первомъ..

его замокъ: не зная хозяина, привлекается въ откровенности. Себастьяно узнаетъ врага; не открывая себя, изъясняетъ притворное соболъзнованіе, предлагаетъ убѣжище, но во время ужина даетъ усыпляющее питіе, и Иеронимо просыпается, заключенный въ гробницахъ, гдѣ Себастьяно, представъ, открывается ему и усугубляетъ его страданіе, сказавъ, что прахъ убитой имъ Авреліи соединенъ съ прахомъ его сына для отомщенія. Малая пища продолжаетъ въ семь жилищъ ужаса дни несчастнаго, которой, *покоряясь религи*, удерживается отъ самоубійства. По долгомъ времени неизвѣстный персонажъ подь маскою является и изрекаетъ, что онъ долженъ или соотвѣтствовать страсти, которую къ нему почувствовала дочь Себастьяна, имѣвъ случай его узнать, или умереть; Иеронимо избираетъ послѣднее: пьетъ изъ сосуда, подносимаго неизвѣстнымъ персонажемъ, питіе, почитаемое имъ ядомъ. Чувства теряются, подобно распространяющемуся хладу смерти; но просыпается въ объятіяхъ Авреліи; узнаетъ, что правосудіе открыло истинныхъ преступниковъ, что отчаянный Себастьяно прекратилъ жизнь, что у Себастьяна не было дочери, но напротивъ того—Аврелія, успѣвшая въ своихъ намѣреніяхъ, хотѣла болѣе удостовѣриться въ его любви и испытала чрезъ предпріятый ею способъ его твердость. Графъ де Мендоза объявляетъ имъ благоволеніе короля, вознаграждающаго ихъ всѣхъ достояніемъ преступника.

Кромѣ приведенныхъ выше, есть еще другіе переводы Саввы Андреевича. Въ литературѣ С. А. Москотильниковъ отмѣчается, какъ переводчикъ Т. Тасса „Освобожденнаго Иерусалима“. Переводъ этотъ (съ гравюрами) выходилъ въ 2 томахъ и двумя изданіями, 1819 и 1820—21 г. (по указанію Геннади). Нашъ поэтъ всю жизнь работалъ надъ улучшеніемъ перевода и собирался еще разъ его переиздать. Сохранилась большая рукопись; автографъ *in folio* въ 2 частяхъ: I часть—21 тетрадь и

II часть въ 9 тетрадахъ (частію брульонъ, не переписанный). Новый переводъ былъ сдѣланъ уже не съ французскаго перевода, какъ прежде, а прямо съ *итальянскаго* подлинника. На рукописи проставленъ 1836 г., который потомъ переправленъ на 1840. Такъ какъ эта рукопись уже никогда не будетъ напечатана, то мы ознакомимъ читателя съ нѣкоторыми отрывками изъ предисловія, начала и конца поэмы.

Аллегорія Поэмы.

Торквато Тассо въ предварительномъ своемъ разсужденіи объ аллегоріи поэмы вообще, сказавъ нѣсколько словъ о твореніяхъ извѣстнѣйшихъ пѣснотворцевъ, подъ привлекательнымъ покровомъ пѣснотворческаго вымысла представляющихъ уму внимательному истинны высокія, такъ изъясняетъ потомъ Аллегорію Иерусалима Освобожденнаго (*слѣдуетъ самая Аллегорія*) Вотъ мысли Тасса! я счелъ нужнымъ Аллегорію Поэмы его употребить взамѣнъ Предисловія, оставляя впрочемъ объ анализѣ силъ, или способностей души, и о дѣйствіяхъ ихъ судить психологамъ.

Пѣснь первая.

Содержаніе.

Богъ посылаетъ въ Тортозу ангела, и Годфридъ собираетъ потомъ къ себѣ христіанскихъ князей. Здѣсь сіи знаменитые герои единогласно избираютъ его верховнымъ вождемъ надъ всѣми иными вождями. Онъ хочетъ прежде всего обзрѣть полки свои въ ихъ ратномъ устройствѣ, и, обзрѣвъ, идетъ съ ними по пути, ведущему къ Сіонскимъ стѣнамъ. Между тѣмъ грозная о его нашествіи вѣсть смущаетъ царя Палестинскаго.

I.

Пою благочестную брань и полководца, освобождавшего великій Гробъ Христовъ. Много подвизался онъ и силами разума, и крѣпостію мышцы; много претерпѣлъ для содержанія знаменитаго пріобрѣтенія! И тщетно Адъ возсталъ противу его; и тщетно ополчились народы Азіи и Ливіи. во едино совокупившіеся: небо покровительствовало ему и собрало подъ священныя знамена разсѣянныхъ его сподвижниковъ.

II.

О Муза, не на Геликонѣ изъ лавровъ скорогибнущихъ украшеніе на главу себѣ соплетающая, но въ небесахъ—тамъ, гдѣ гремятъ совоспѣванія вѣчной радости,—увѣнчанныхъ златымъ сіяніемъ звѣздъ немерцающихъ! Ты вдохни въ грудь мою твой небесный жаръ; твоимъ удостой озарить свѣтомъ мое пѣснословіе: проси мнѣ, если отчасти прикрою я въ немъ истину цвѣтами и придамъ красоты другія къ красотамъ твоимъ!

III.

Ты вѣдаешь, что смертный съ жадностію бѣжитъ туда, гдѣ ласковый Парнассъ обильнѣе разливаетъ свои сладости; ты вѣдаешь, что истина, прелестями витійства облеченная, влечетъ къ себѣ и покоряетъ сердца строптивѣйшія. Такъ представляемъ мы болѣзнію одержимому младенцу края сосула, сладкою влагою орошенныя: счастливо обманутый, вкушаетъ онъ горькіе соки—и жизнь обрѣтаетъ въ своемъ заблужденіи.

(Конецъ).

141.

Владѣтель Самарсанды, никогда не склонявшій велиаго сердца своего къ постыдному уничиженію, какъ скоро

услышалъ имя, славою пронесенное отъ жаркихъ степей Египта до хладнаго небосклона Медвѣдицы: „Слаюсь,“ отвѣчалъ, „вотъ мое оружіе! И я долженъ симъ почтить твои доблести. Но побѣда надъ Алтаморомъ не одну честь приносить побѣдителю: къ лавру, тебя увѣнчавшему, присоединить она и богатство многое.“

142.

„Нѣжная супруга во мзду свободы моей предложить тебѣ жемчугъ свой и золото царства Самаркандскаго.“ — „Нѣтъ!“ возразилъ Годфридъ на слова его: „Небо не вложило въ грудь мою сердца корыстолюбиваго; храни для себя все, что шлютъ берега Индіи, и чѣмъ богата Персія: не способенъ я полагать въ цѣну жизнь человѣка, и не для мѣны или вупли, но для побѣды пришелъ я въ Азію“.

143.

Умолеть; и поручивъ плѣнника своимъ тѣлохранителямъ, продолжаетъ погоню за бѣгущими. Спѣшать послѣдніе укрыться въ окопахъ; но и тамъ—не спасеніе, а смерть себѣ обрѣтаютъ. Тотъ же часъ взять уже станъ и закипѣлъ убійствомъ: кровь течетъ ручьями отъ шатра къ шатру, обгагрятъ добычу и портитъ громады пышностей, служившихъ украшеніемъ гордымъ варварамъ.

144.

Такъ восторжествовалъ Годфридъ; и солнце не закатилось еще. Градетъ побѣдитель съ воинствомъ въ освобожденный Градъ—жилище божественнаго Искупителя; и не слагая съ себя окропленной кровію невѣрныхъ мантии, входитъ въ Храмъ со своими знаменитыми сподвижниками. Здѣсь посвящаетъ приобретенные имъ трофеи Вышнему: здѣсь, простершись предъ великимъ Гробомъ, заключаетъ исполненіе обѣта благодареніемъ.

Осталось неизвѣстнымъ, что, кромѣ Тасса, С. А. Москотильниковъ принимался еще и за переводъ *Аріюста*. Сохранилась рукопись, автографъ in 8^o съ такимъ заглавіемъ: „Неистовый Роландъ. Героическая поэма Г. Аріюста. Переводъ съ французскаго, книга четвертая. Въ Казанѣ. 1821 года.“ Рукопись—бѣловая, и повидимому, предназначалась къ печати. Имѣются пѣсни 34—46 на 464 стр.; утеряны листы 65—66, 79—80, 113—128 и 431—432. Приведемъ начало и конецъ. Переводъ цѣликомъ, разумѣется, никогда не увидитъ свѣта.

Начало.

Гнусныя Гарпіи, алчныя и ненасытныя чудовища! Устремясь на Италію, преданную заблужденіямъ и гибельной слѣпотѣ—безъ сомнѣнія, въ наказаніе за ея преступленія—вы оставляете въ жертву ужасамъ глада нѣжную мать съ младенцомъ ея, тщетно простирающихъ къ вамъ невинныя руки свои, и въ одинъ разъ пожираете всё, что было бы достаточно пропитать ихъ пѣлые годы. О! какъ виновенъ тотъ, кто первый отверзъ вамъ пути, чрезъ столько вѣковъ загражденные, и коими внезапно вринулись всѣ язвы и поврежденія, съ того времени заразившія Италію! Вринулись они—и добрые нравы, всё, что составляетъ пріятности жизни, исчезло: сладкій миръ изгнанъ съ тѣхъ дней изъ отечественной страны нашей, и, можетъ статья, на долгое время оставлена она всѣмъ бѣдствіямъ, какія влекутъ за собою голодь и брань. Такъ! бѣдствія сіи продолжатся, пока мать, погруженная въ горести, не разбудитъ усыпленныхъ чадъ своихъ жестокимъ потрясеніемъ, укорить ихъ въ забвеніи священнѣйшихъ должностей—и возопіетъ: „Или нѣтъ между вами Каласовъ и Зефовъ, которые избавили бы трапезы наши отъ чудовищъ сихъ, и водворили прежнюю безопасность, подобно тому, какъ великодушные сыны Борея возвратили ее Финею, или, какъ мужественный Астольфъ потомъ монарху Еѳіопія?“

Всѣ приведены были въ изумленіе и негодованіе безпримѣрною его дерзостію: перестали ѣсть, перестали пить, перестали и говорить, ожидая, что скажетъ рыцарь сей. Приближась къ Карлу и Ротеру, онъ обратился къ послѣдному и сказалъ грознымъ и суровымъ голосомъ:

„Я—Родомонтъ, король Срацынскій, и пріѣхалъ вызвать тебя на битву. Прежде, нежели солнце сокроетъ въ водахъ лучи свои, я хочу доказать предъ всѣми, что ты, невѣренъ бывъ своему государю, которому измѣнилъ, и какъ вѣроломецъ, — недостойнъ занимать мѣсто съ храбрыми рыцарями, окружающими тебя. Хотя стыдъ твой явенъ, потому что ты отступилъ отъ вѣры своей,—но я и еще намѣренъ огласить оный на полѣ сраженія, чтобъ изобличить тебя предъ лицомъ цѣлой вселенной. Когда здѣсь есть кто-нибудь, которой бы захотѣлъ сразиться со мною вмѣсто тебя, я вызываю его; когда мало одного, пусть соединятся многіе. Я поддерживаю противу всѣхъ, что не сказано мною ничего ложнаго“.

Вотъ весьма любопытныя философскія замѣтки С. А. Москотильникова, рисующія его міровоззрѣніе.

1.

Мы вѣримъ, что земля имѣетъ движеніе, хотя видимымъ обращеніемъ солнца и круга звѣзднаго иное получаемъ на чувства наши впечатлѣніе; вѣримъ потому, что сіе послѣднее противорѣчитъ заключеніямъ разума:—для чего жъ отвергать нравственныя истины, когда ими только разрѣшаются противорѣчія въ существѣ человѣческомъ?

2.

Требуютъ математическихъ и чувственныхъ доказательствъ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ; но образы мысли и внутреннихъ ощущеній математически опредѣлены быть не

могутъ: напротивъ того, ими опредѣляются математическія аксіомы. Наука о тѣлахъ имѣетъ свои границы, и гдѣ онѣ ованчиваются, тамъ начинается другой рядъ истинъ, столько же сомнѣнію не подверженныхъ, какъ и то, что *я существую*.

3.

Вида гармоническія отношенія въ цѣломъ и частяхъ его, должно предполагать планъ въ законахъ существъ; совершеннѣйшія изъ оныхъ одарены самодѣятельностію, ощущеніемъ бытія своего и разумомъ; кто жъ дерзнетъ отрицать принадлежность сихъ преимуществъ первоначальной Причинѣ въ высочайшей степени? Итакъ, верховный Разумъ не только сотворилъ міръ, но сохраняетъ его и управляетъ имъ; ибо допускать бездѣйствіе сего разума по сотвореніи есть противорѣчить тѣмъ понятіямъ, кои сами собою представляются о разумѣ.

4.

Но безчисленные виды, подъ коими являются сущности, бытіе имѣющія, утомляютъ напряженное вниманіе слабого человѣка. Мысль, при возрѣннн на неизмѣримость творенія переносящаяся отъ безконечно великаго къ безконечно малому, представляетъ тысячи различныхъ образовъ существованія. И если во всемъ, подверженномъ близкому испытанію чувствъ моихъ, я встрѣчаю поразительное различіе, то какая бездна открывается воображенію, заблуждающему въ миріадахъ системъ солнечныхъ!—и я дерзаю опредѣлить Неизреченнаго! Я дерзаю Неизмѣримаго заключить въ предѣлы понятій моей организаціи, теряющейся въ безпредѣльномъ морѣ существованій!

5.

Съ тѣхъ поръ, какъ по мѣрѣ возраста я началъ рассуждать о впечатлѣніяхъ, производимыхъ предметами, организація животнаго царства всегда была для меня поразительна.

Какая печать развитія силъ, толико различныхъ въ своихъ свойствахъ! Какая постепенность отъ невинности агнца, жу-ющего траву, до злобной жадности плотояднаго тигра,—отъ пернатыхъ, съ радостнымъ пѣніемъ встрѣчающихъ восходящее солнце, до тѣхъ, кои, убѣгая свѣта, кроются во мракѣ; отъ питающихся нѣжными соками цвѣтовъ до сосущихъ въ нѣдрахъ земли ядовитую влажность, отъ порхающей бабочки до вьющаго тенеты паука! О какъ удивительна работная хранина природы! Не знаю, по какому внутреннему чувству видъ паука отлично дѣйствовалъ непріятнымъ образомъ на мое воображеніе, а особливо съ того времени, когда въ одну ночь я видѣлъ во снѣ большое сего рода насѣкомое, прямо спускающееся ко мнѣ по длинной его нити, и въ слѣдующее за тѣмъ утро сердце мое жестоко уязвлено было открытіемъ злопамѣреннаго человѣка, разрушившаго домашнее мое спокойствіе. Нѣкогда, разбирая прекрасно выработанныя фигуры въ Естественной исторіи Суринама, я увидѣлъ изображеніе тарантула, сосущаго маленькую колибри,— и въ страшномъ содроганіи я бросилъ книгу съ тѣмъ, чтобъ избавиться отъ ненавистнаго зрѣлища. О таинство, смиренно чтимое носящими его твое! Коль глубоко твое основаніе! И гдѣ кончится высота твоя?

Текстъ. Не бойтесь отъ убивающихъ тѣла, души не могущихъ убить.

Его уже нѣтъ на свѣтѣ — но сколько живыхъ, другимъ образомъ отравляющихъ дни мои!

6.

Нравственное зло существуетъ. Оно имѣетъ источникъ свой въ самодѣтельности и волѣ разумныхъ существъ: каковы жители, таково и мѣсто пребыванія. Не найдемъ ли мы точной мѣры и подобій въ томъ, что называемъ физическимъ зломъ, и не откроемъ ли отношеній его къ нравственному?

7.

Глупость двояка. Глупость природныхъ недостатковъ или неосторожности разнится отъ глупости порока, которой далеко отъ мудрости, какъ небо отъ земли. Нигдѣ она столько не явна, какъ въ самолюбіи. Стоитъ только наблюдать движенія сего родителя пороковъ, чтобы иногда самому себѣ казаться достойнымъ посмѣванія.

Знаменіе Іоны, бывшаго три дни во чревѣ китовомъ, еже дается по слову Христову вопрошавшимъ его книжникамъ, ибо —вѣщаетъ Онь—и Сынъ человѣческій пребудеть три дни въ нѣдрахъ земли,—важеться, имѣть сходство съ притчею о женѣ, сокрывшей квасъ въ трехъ сажаяхъ муки, „дондеже вскислоша вся“. Христіанинъ, спогребаяющійся Іисусу крещеніемъ! И ты три раза погружаемъ былъ въ водѣ и нареченъ чадомъ царства Божія.

Прибавимъ еще замѣтку, навѣянную чтеніемъ мистива Я. Бѣма, съ которымъ Савва Андреевичъ, не знавшій нѣмецкаго языка, ознакомился въ французскомъ переводѣ.

При чтеніи Іакова Бема *l'Aurore naissante* главы 5-й de la substance corporelle, de l'être et de la propriété d'un ange, мнѣ показалось странно сравненіе ощущеній человѣческихъ, посредствомъ пяти чувствъ производимыхъ, съ дѣйствіями по тому жъ порядку въ существѣ *Превысочайшаю*. Законъ чувствъ, воими получаютъ впечатлѣнія, есть законъ ограниченной твари. Даже самъ человѣкъ превышаетъ сего закона, когда онъ изъ чувственныхъ впечатлѣній выработываетъ отвлеченныя понятія, служащія пищею его духу, которой есть единственное подобіе Творца.—Развѣ, можетъ статься, сочинитель имѣлъ въ предметѣ, что все чувственное есть образъ

неподлежащаго чувствамъ,—что все видимое есть оболочка невидимаго; но и въ семъ случаѣ законъ раздѣльныхъ впечатлѣній представляетъ уму ограниченность существа, сему закону подверженнаго, и съ вездѣсущностію, вседѣятельностію и всемоціемъ, не измѣряемыми ни временемъ, ни мѣстомъ, въ понятіи соединенъ бытъ не можетъ. Если бы существо въ прохожденіи бытія своего получило другую организацію, впечатлѣнія такъ же слѣдовали бы особеннымъ путемъ. Сколько бѣдна наша пятичувственная организація, то доказываетъ намъ невозможность проникнуть во внутреннія свойства даже тѣлесныхъ вещей.—Я страшусь и помыслить, чтобъ сей набожный сочинитель имѣлъ мысль соединить *Бога* нераздѣльно съ натурою, или чтобъ натура во всѣхъ своихъ (?) была то, что мы представляемъ себѣ въ понятіяхъ о высочайшемъ Существовѣ.

III.

Изъ переписки и бумагъ С. А. Москотильникова.

Какъ намъ извѣстно, многіе казанскіе археологи и историки принимались писать біографію своего замѣчательнаго земляка, С. А. Москотильникова. Но по разнымъ причинамъ эта задача остается невыполненною и по сіе время. Между тѣмъ съ теченіемъ времени богатое собраніе бумагъ Саввы Андреевича, бывшее въ рукахъ его наслѣдницы, Прасковіи Константиновны Проскуряковой, не увеличивалось, а въ значительной степени уменьшалось: самыя важныя для біографіи документы постепенно утрачивались. Съ потерю этихъ данныхъ писаніе біографіи становится все труднѣе и труднѣе. Многіе періоды жизни С. А. Москотильникова за неимѣніемъ достаточнаго числа свѣдѣній останутся навсегда неизвѣстными или неосвѣщенными.

Однако, и въ томъ видѣ, въ какомъ собраніе бумагъ С. А. Москотильникова находится нынѣ, оно, если не представляетъ всѣхъ нужныхъ матеріаловъ для подробнаго жизнеописанія, то заключаетъ весьма много любопытныхъ и интересныхъ фактовъ. Вотъ почему въ дополненіе къ предшествующей статьѣ мы сочли нелишнимъ въ качествѣ матеріаловъ для біографіи С. А. Москотильникова и для культурной исторіи того времени, сообщать здѣсь наиболѣе любопытные документы изъ переписки и прочихъ его бумагъ, располагая ихъ, насколько можно, въ хронологическомъ порядкѣ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи первыхъ лѣтъ службы С. А. Москотильникова нужно считать слѣдующій документъ.

№ 1.

А т т е с т а т ь. (№ 186).

По указу Ея Императорскаго Величества данъ сей находившемуся при дѣлахъ генераль губернаторскихъ Нижегородскаго Намѣстническаго Правленія губернскому регистратору Саввѣ Москотильникову, втомъ, что онъ вступя вслужбу Ея Императорскаго Величества изкупцовъ первѣе въ Ярославской городской магистратъ 1782 марта 14 копейстомъ, гдѣ производимъ былъ 1783 апреля 2-го подканцеляристомъ и 784 маія 1-го канцеляристомъ, а потомъ изтребованъ былъ вканцелярію ярославскаго и вологодскаго г-на генераль-губернатора 786-го августа 19 помѣщенъ вштатъ вологодской гражданской палаты напоследокъ же опредѣленъ vzdѣшнее намѣстническое правленіе 788 августа 22 и во ономъ того 788 годовъ ноября 20 числа награжденъ чиномъ губернскаго регистратора; во всѣ продолженіе здѣсь служенія своего отличилъ себя оказанною въ исполненію возлагаемыхъ на него должностей ревностію, непосредственными впроизводствѣ дѣлъ успѣхами и похвальнымъ повѣденіемъ; вчемъ отдавая ему должную справѣдливость свидѣтельствую насемъ подписа-

ніемъ моимъ приложеніемъ герба моего печати. Вниземъ Новѣгородѣ, Апреля 8-го дня 1793 года.

Ея Императорскаго Величества Всемило-
стивѣйшей Государыни моей генераль
поручикъ правитель Нижегородскаго на-
мѣстничества и кавалеръ Иванъ Бела...

Слѣдующія письма относятся къ знаменитому процессу 1801 г., повлекшему за собой запрещеніе пытокъ ¹⁾). Посланный на слѣдствіе флигель-адъютантъ баронъ *П. Р. Альбедиль* завязалъ съ Саввою Андреевичемъ отношенія, продолжавшіяся весьма долго. Баронъ Альбедиль и впослѣдствіи былъ защитникомъ казанскаго поэта.

15 ноября 1801.

№ 2.

Мой любезный другъ Савва Андреевичъ!

Мнѣ весьма лестно сообщать моимъ друзьямъ извѣстія, которыя могутъ имъ принести истинное удовольствіе.—Забываясь крайне о критическомъ положеніи, въ которое вы поставлены послѣдними обстоятельствами, старался я сколько возможно изторгнуть всеподданнѣйшую вашу просьбу изъ кучи бумагъ коими наполнены канцеляріи статсъ-секретарей, и довести ее до высочайшаго воззрѣнія. Но не успѣвъ въ томъ чтобъ она миновала заведенной очереди рѣшился прибѣгнуть къ самому Михайлѣ Нивитичу Муравьеву, и хотя кратко но выразительно изъяснивъ состояніе ваше просилъ убѣдительноше Его Превосходительство. Къ нечаянному моему удовольствію получается отъ него дни черезъ три сообщеніе къ Генералу Прокурору съ изображеніемъ высочайшаго повелѣнія чтобъ васъ опредѣлить въ Казани страпчимъ уголовныхъ дѣлъ. Судите о моей радости которая тѣмъ непритворнѣе, чѣмъ искреннѣе то участіе, которое принималъ я всегда въ вашихъ обстоя-

¹⁾ Ср. выше, стр. 146.

тельствахъ.—Но какъ въ Сенатѣ здѣлано уже опредѣленіе о всѣхъ страпческихъ мѣстахъ, то я нѣсколько было посумнилъ-ся о дѣйствительномъ исполненіи Монаршей воли, потому *наипаче*, что Сенатъ объявляемый объ васъ отъ Генер. прокурора указъ, долженъ принять съ замѣчаніемъ и возраженіемъ основаннымъ на положеніи августа 1-го въ которомъ предписано въ опредѣленіи къ мѣстамъ сообразоваться съ чиномъ ищущихъ оныхъ. Однакоже Александръ Андреевичъ приказалъ заготовить докладную Государю записку, испрашивая въ оной, чтобъ Его И. В. благоволилъ дать сенату подписной объ васъ указъ. И тогда можно будетъ поздравить васъ, что вы первый опредѣлены къ мѣсту съ отступленіемъ отъ положеннаго правила.—Сколько бы былъ я радъ, естли-бы и Федоръ Осиповичъ получилъ исполненіе своего желанія. Благосостояніе моихъ искреннихъ пріятелей имѣло бы вліяніе и на мое собственное счастье. Прощайте.

(*Адресъ на оборотъ*) Саввѣ Андреевичу
Москотильникову.

№ 3.

22 Ноября.

Что я предвидѣлъ, то и сбылось, мой любезный другъ Савва Андреевичъ! Когда приготовленъ былъ докладъ отъ Генерала - прокурора, какимъ образомъ сообразить назначеніе васъ въ Губ. страпчіе съ положеніемъ Августа 1-го, то я успѣлъ чрезъ моихъ благодѣтелей добиться того, что въ докладѣ приобщено было мнѣніе о дачѣ вамъ чина сему мѣсту соотвѣтственнаго. И къ полному моему удовольствію вышла высочайшая резолюція о произведеніи васъ въ коллежскіе ассессоры; о чемъ и объявленъ вчера указъ Сенату, съ тѣмъ, чтобъ опредѣленному отъ Сената въ Казань страпчимъ уголовныхъ дѣлъ, дать другое мѣсто при первой ваканціи. Но это оказалъ-ся Берштель. Не хотѣли обидѣть старика и отпа семей-

ства; и потому дано отъ Александра Андреевича предложеніе Сенату о оставленіи его стряпчимъ казенныхъ дѣлъ, а Миллера оставить впредь до опредѣленія.—Искренне поздравляя васъ съ симъ новымъ знакомъ Моваршаго къ вамъ благоволенія, которое вѣроятно будетъ основаніемъ вашего благосостоянія на грядущее время, долгомъ считаю предварить васъ, что къ скорѣйшему и успѣшнейшему произведенію сего дѣла, далъ я на вашъ щотъ нѣкоторыя обѣщанія которыя надѣюсь не отречетесь вы исполнить, потому наипаче что по настоящему посту будете вы имѣть нѣкоторую связь съ канцеляріею нашею, и что современемъ можно вамъ надѣяться не выѣзжая изъ Казани поступить въ Губ. Прокуроры.—Прощайте! любите меня какъ и прежде

NB. Ея высокоблагородію, Г-жѣ Коллежской Ассессоршѣ, высокопочтенной супругѣ Казанскаго стряпчаго уголовныхъ дѣлъ и пр. и пр. милостивой Государынѣ Аграфенѣ Федоровнѣ поворнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое низжайшее почитаніе; и извинить меня, что я можетъ быть не весь прописалъ титулъ.

Оба письма съ широкою черной каймою вложены въ бумагу, на которой дрожащимъ почеркомъ (старческимъ) Саввы Андреевича написано: „Эти два письма пріятеля моего К...евскаго заключаютъ въ себѣ и правду и ложь. Онъ хотѣлъ выставить себя дѣйствующимъ лицомъ, и воспользоваться благодарностію будто бы для другихъ.

Но я уже зналъ, что ходатаемъ за меня былъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, и рѣшительная воля Государя Императора наградить меня и чиномъ и мѣстомъ, тогда какъ Генераль-Прокуроръ выставлялъ къ тому препятствія“¹⁾.

¹⁾ См. письмо № 8, стр. 218 ниже.

Слѣдующій документъ бросаетъ печальное освѣщеніе на порядки, господствовавшіе тогда въ губернскихъ учрежденіяхъ. Мы увидимъ, что за господа хозяйничали въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ даже въ такомъ центрѣ, какъ Казань, и какими средствами пользовались, чтобы выжить неподходящаго вмѣ—по своей неподкупной честности С. А. Москотильникова, которому, несмотря на Монаршее благоволеніе, опять угрожала опасность попасть подъ судъ. Здѣсь же содержатся любопытныя автобіографическія данныя объ обстоятельствахъ, при какихъ С. А. переехалъ въ Казань.

№ 4.

Высокоблагородному Господину надворному совѣтнику и казанскому губернскому прокурору Александръ Николаевичу Овцыну

Казанскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго коллежскаго assessора Москотильникова

прошеніе.

Извѣстно мнѣ, что по рапорту вашему къ его Высокопревосходительству Господину генералу - прокурору, посланному при первомъ отправленіи въ правительствующій сенатъ производившагося во исполненіе Всевысочайшаго именнаго Его Императорскаго Величества указа въ казанской гражданской палатѣ дѣла объ открывшихся въ Казанѣ противозаконныхъ истязаніяхъ, правительствующій сенатъ, обратя оное въ палату для нѣкоторыхъ дополненій, предписалъ учинить выправку, когда, и за что я, удаленъ бывъ губернскимъ правленіемъ отъ исправленія секретарской въ здѣшнемъ городомъ магистратѣ должности, преданъ сужденію въ палату уголовного суда, и рѣшено ли чѣмъ именнаго сіе дѣло, или остается въ нерѣшеніи. Въ послѣдствіе чего гражданская па-

лата и требовала о семь свѣденія отъ губернскаго правленія и палаты уголовнаго суда.

Надѣюсь я, что о невинности моей по тому предмету, которой отъ бывшаго здѣсь въ Казанѣ господина гражданскаго губернатора *Муханова* употребленъ былъ предлогомъ къ преданію меня подъ судъ, засвидѣтельствовала уже палата уголовнаго суда, отдавая мнѣ всю справедливость въ учиненномъ ею по дѣлу сему рѣшенію; но какъ опредѣленіе губернскаго правленія, 2-го числа іюля прошлаго 1801 года о отрѣшеніи меня отъ магистрата послѣдовавшее, основано на такихъ причинахъ, кои, удалены бывъ отъ прямой истины, удовлетворяли только личному на меня помянутаго господина гражданскаго губернатора неудовольствію, и неправильность заключенія губернскаго правленія открыта быть можетъ тѣми жъ самыми обстоятельствами, изъ коихъ собраны были выправки въ крайне отвлеченномъ видѣ: слѣдовательно, къ поспѣшнѣйшему отвращенію незаслуженнаго мною нареканія, и къ предупрежденію могущихъ иногда по сему предмету прозойти излишнихъ переписокъ я поспѣшаю вамъ, какъ начальнику, съ конемъ имѣю честь по должности моей раздѣлять труды, представить мое оправданіе въ нижеслѣдующемъ:

1-е) Служеніе мое при господинѣ управлявшемъ должность нижегородскаго и пензенскаго генераль-губернатора сопровождаемо было неоднократно о награжденіи меня чиномъ правительствующему сенату представлеціями, свидѣтельствовавшими о безпорочности, прилежаніи и способностяхъ моихъ. Въ семь же самомъ видѣ отправлялъ я и секретарскую должность въ нижегородскомъ городскомъ магистратѣ, изъ коего въ 1793-мъ году уволенъ былъ на нѣкоторое время въ Казань для свиданія съ престарѣлымъ родителемъ моимъ, находившимся въ болѣзни. Перемѣна воздуха и осеннее время подвергли меня здѣсь немаловременной болѣзни, въ продолженіи чего увѣдомился я, что нижегородской городской магистратъ принялъ уже на мѣсто мое другого. По выздоровле-

ни, желая службу мою продолжать въ казанской губерніи на тотъ конецъ, дабы имѣть легчайшіе способы къ попеченію о родителяхъ моемъ съ его семействомъ, подалъ я просьбу о опредѣленіи меня къ должности въ казанской казенной палатѣ, гдѣ бывшей тогда господинъ казанскій вице-губернаторъ *Лантевъ* удостовѣрилъ меня о заступленіи секретарскаго мѣста. Но какъ на посланное изъ оной въ нижегородское губернское правленіе сообщеніе о томъ, вѣтъ ли къ перемѣщенію моему каковыхъ-либо препятствій чрезъ долгое время не было получасемо увѣдомленія: слѣдовательно, побуждаемый нуждою содержанія семейственнаго, и рѣшился я по убѣдительному приглашенію присутствующихъ казанскаго городского магистрата принять на себя правленіе въ ономъ секретарской должности съ утвержденіемъ губернскаго правленія. Но присутствующіе нижегородскаго городского магистрата, едва согласившіеся даже и къ временному меня увольненію, хотя скоро по истеченіи оному сроку приняли на мѣсто мое въ секретари другого, однако жъ желали вытребовать меня въ Нижней и тѣмъ принудить заступить прежнее мѣсто. Слѣдствіемъ сего былъ поланной отъ нижегородскаго магистрата въ тамошнее губернское правленіе по случаю вышеизъясненнаго требованія здѣшной казенной палаты рапортъ, въ коемъ, сверхъ обязанности меня сдачею дѣлъ, покусились оболгать меня, будто бы я имѣлъ на рукахъ своихъ нѣкоторое число денегъ изъ магистратской суммы, и въ вѣщшему усугубленію видовъ для привлеченія меня въ Нижней собирали свѣденія еще о всѣхъ партикулярныхъ на мнѣ долгахъ безъ всякой просьбы о томъ кредиторамъ моихъ, коихъ я потомъ безъ посредства нижегородскаго магистрата удовольствовалъ. Съ сего то самого рапорта нижегородское отъ здѣшняго губернскаго правленія требовало о высылкѣ меня въ Нижней; противу чего въ поланномъ объясненіи возразилъ я, что невозможно было остаться у меня ни малѣйшему количеству изъ магистратской суммы, сколько по порядку, въ законахъ предписанному для

храненія оной, столько и по каждомѣсячному чрезъ уѣзднаго стряпчаго суммѣ сей свидѣтельству, каковое даже въ самое время отпуска моего изъ Нижняго въ Казань въ первыхъ числахъ августа 1793 года происходило; открылъ клевету и тѣмъ самымъ, что въ числѣ показуемыхъ якобъ оставшимися у меня денегъ включены и такія, кои въ магистратъ во все время служенія моего не поступали; присовокупилъ къ сему и о несовмѣстной услужливости магистрата, учинившагося требователемъ частныхъ одолженій безъ воли заимодавцевъ, равно какъ и то, что, когда уже магистратъ по болѣзни, удержавшей мое на срокъ возвращеніе, самъ принялъ въ секретари къ себѣ другого, которой и вступилъ въ производство всѣхъ дѣлъ, у меня бывшихъ, то не было никакой обязанности моей, оставя мѣсто, къ коему я былъ принятъ, возвращаться для сдачи дѣлъ, находившихся въ распоряженіи преемника моего; и сіе объясненіе мое отъ казанскаго въ нижегородское губернское правленіе отправлено было въ августѣ мѣсяцѣ 1794-го года; неизвѣстно мнѣ, обратило ли оное на присутствующихъ нижегородскаго магистрата за поступокъ ихъ строгость закона. Но прекращеніе несправедливаго требованія и глубокое въ разсужденіи меня молчаніе сдѣлались совершеннымъ доказательствомъ невинности моей. Итакъ не было никакой причины казанскому губернскому правленію поставлять мнѣ въ порокъ такой случай, въ которомъ только имѣлъ я несчастіе быть оклеветаннымъ, а тѣмъ паче все сіе обстоятельство учиненною справкою представить въ инакомъ совершенно видѣ; однако жъ оное, желая сдѣлать певинность мою сумнительною, въ резолюціи своей не только сказало, будто бѣ я противу обнесенія въ удержаніи магистратскихъ денегъ оправдывался неучиненіемъ имъ свидѣтельства, но и заключило, будто бѣ о службѣ моей по нижегородской губерніи нѣтъ никакого свѣденія; хотя, напротивъ того, видѣло даже изъ вышенъясненнаго сообщенія губернскаго правленія,

что я службу мою въ Ярославлѣ и въ Нижнемъ продолжалъ съ похвалою; а господинъ губернаторъ по случаю третичнаго правительствующему сенату о награжденіи меня чиномъ въ прошломъ 1798-мъ году представленія имѣлъ при дѣлахъ своихъ формулярной о службѣ моей списокъ, учиненной съ дажныхъ мнѣ аттестатовъ.

2-е) Казанской городовою магистратъ, издавна по многому числу дѣлъ содержа двухъ секретарей, лѣтъ съ пять тому назадъ принялъ въ сотоварищи мнѣ одного отрѣшеннаго изъ вятскихъ приказныхъ служителей. Онъ скоро по разнымъ своимъ видамъ началъ противу меня заводить разныя интриги, пользуясь неопытностью присутствующихъ. Чувствительныя во многихъ случаяхъ огорченія, присовокупясь къ истощенію силъ моихъ отъ немалыхъ по должности трудовъ, побудили меня просить отъ оной увольненія, которое въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1798-го года и получилъ. Сей вятчанинъ и другой таковой же, принятый на мое мѣсто, по неудовольствію ко мнѣ перваго изъ нихъ, до вторичнаго меня по послѣдовавшемъ отрѣшеніи ихъ въ магистратъ приглашенія, дѣлали все то, чѣмъ только могли нанести мнѣ вредъ, и по случаю требованія губернскимъ правленіемъ отвѣта о недѣятельности магистрата по двумъ вексельнымъ дѣламъ секретаря *Гаврикова* съ мѣщанами *Смирновымъ* и *Пушиковымъ* внушили присутствующимъ магистрата къ мнѣному оправданію объясниться, будто бы сихъ дѣлъ отъ прежнихъ присутствующихъ, да и отъ меня въ сдачу не получили. Губернское правленіе предписало магистрату взять о семъ отъ меня и отъ прежнихъ присутствующихъ отвѣтъ. Я доказалъ, что не только дѣла сіи поступили къ новымъ присутствующимъ, но и производство по онымъ при нихъ имѣло свое теченіе. Магистратъ, обнаруженный въ клеветѣ, сокрывъ подробности моего о семъ доказательства, рапортовалъ только правленію о теченіи оныхъ дѣлъ; а правленіе въ резолюціи своей апрѣля 4 числа 1800 года заключило „сообщить

въ 1-й департаментъ палаты суда и расправы, чтобъ благоволила о утайкѣ оныхъ дѣлъ, о ложныхъ магистрата донесеніяхъ и самыхъ неисполненіяхъ, изслѣдуя, съ виновными поступить по законамъ“. И такъ взысканіе съ оклеветателей и подтвержденіе въ полной мѣрѣ невинности моей зависѣло отъ рѣшенія палаты; но по Всемилоствѣйшему манифесту, прошлаго 1801 года апрѣля 2 дня состоявшемуся, съ уничтоженіемъ дѣла все сіе осталось въ безгласности. Однако жъ губернское правленіе, собирая всѣ виды къ учиненію послѣдняго обо мнѣ заключенія, не усумнилось сказать, вопреки явной истины, будто бѣ упущеніе по изъясненнымъ двумъ дѣламъ болѣе относилось ко мнѣ.

3-е) Оное правленіе сему жъ основаніемъ поставило учиненное имъ магистрату за неполное представленіе о наложеніи на домъ мѣщанина *Коровина* ареста подтвержденіе; но ошибка, не навлекшая вреда, и самымъ выговоромъ довольно уже наказанная, едва ли бы уже за Всемилоствѣйшимъ Государя Императора манифестомъ долженствовала употреблена быть средствомъ къ отягощенію судьбы моей.

4-е) Изъясненные мною во 2-мъ отдѣленіи сего прошенія происки двухъ вятскихъ моихъ въ магистратѣ преемниковъ распростерлись до того, что сей магистратъ въ доношеніи палатѣ суда и расправы оклеветалъ меня утратою по одному дѣлу рѣшительнаго опредѣленія. Но какъ дѣло сіе прежде утвержденія подписомъ рѣшенія достигло окончанія своего поданными отъ обѣихъ сторонъ мировыми просьбами, которыя внесены были тогда жъ въ докладной реестръ, и отмѣчена была судейскою рукою резолюціи о почисленіи дѣла рѣшеннымъ, а потомъ и въ генеральномъ журналѣ такъ-вая жъ учинена была; то для учиненія клеветы своей вѣроятно уничтожили сію резолюцію, какъ въ докладномъ реестрѣ, такъ и въ генеральномъ журналѣ перепискою вновь цѣлыхъ тетрадей, и утверждали, будто бѣ мировыя просьбы оставлены были мною безъ доклада, весь же свой доносъ ос-

новали на отысканной и представленной отъ нихъ заготовленной мною бумагѣ, въ каковомъ видѣ надлежало быть рѣшенію сего дѣла. Палата, найдя правильнымъ принятіе по одному мировыхъ прошеній, оправдала меня за собственнымъ ихъ въ клеветѣ признаніемъ; но въ разсужденіи заготовленія мною предварительныхъ бумагъ къ учиненію рѣшеній сдѣлала мнѣ подтвержденіе о исправленіи должности моей согласно съ закономъ. Не спорю, что я заготовлялъ сіи имѣющія въ себѣ содержаніе рѣшенія бумаги прежде отмѣтки судейской резолюціи, къ чему я по необходимости принужденъ былъ неопытностію присутствующихъ магистрата, не имѣющихъ способности въ полной мѣрѣ исполнить правило, въ указѣ 1767 года декабря 11 числа изображенное. Но бумаги сіи прежде исполненія законнаго обряда не могли назваться рѣшеніями, и казалось бы, что сіе обстоятельство, уже преданное тѣмъ же Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ забвенію, не должноствовало служить къ учиненію предосудительнаго обо мнѣ заключенія.

5-е) Губернское правленіе, требовавъ отвѣтъ отъ городского магистрата въ медленности по дѣлу о вексельной коммерціи совѣтника *Плаксына* на мѣщанинѣ *Киреевѣ* претензіи и въ непоказаніи онаго по вѣдомостямъ въ числѣ нерѣшенныхъ, хотя видѣло изъ рапорта магистрата, что оно рѣшено было собственнымъ должника признаніемъ и за силою 1740-го года указа не подлежало къ сочиненію особаго протокола, а требовало одного только исполненія и потому между не получившими рѣшенія дѣлами не числилось, но заключило резолюціею 6-го апрѣля прошлаго 1801 года одного меня отдать за сіе подъ судъ, отвращенной полученнымъ въ скорости потомъ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ. Нельзя отрицать въ семъ случаѣ личнаго ко мнѣ неблаговоленія: ибо если бы и подлинно отзывъ магистрата былъ неправиленъ, то одного меня подвергать исключительному наказанію не было ни малѣйшей причины.

6-е) Сіе неблаговоленіе въ яснѣйшихъ чертахъ открывается изъ дѣла о взысканіи съ цеховаго *Кузнецова* слѣдующихъ Приказу общественнаго призрѣнія денегъ ста одиннадцати рублей съ копейками, которое было въ производствѣ по магистрату у другого секретаря. Правленіе видѣло, что я, получивъ предписаніе губернскаго прокурора, взялъ сіе дѣло изъ экспедиціи сотоварища моего, открылъ по немъ пріятіе и присвоеніе внесенныхъ отъ Кузнецова денегъ бывшимъ повѣтчикомъ *Керштеннымъ*. По моему единственно докладу взяты надлежащія мѣры къ возвращенію оныхъ, и я не упустилъ ничего того, что требовалось моею должностію; но со всѣмъ тѣмъ оное правленіе по сему самому дѣлу заключило сдѣлать выписку о мнимыхъ неисправностяхъ моихъ. А съ чего уже въ послѣдней его резолюціи сказано, будто бы по сему дѣлу означается слабое мое смотрѣніе за порядкомъ производства дѣлъ, того я и доразумѣть не могу, тѣмъ болѣе, что по распоряженію магистрата я надъ экспедиціею другого секретаря никогда никакого властнаго надзора не имѣлъ.

7-е) Губернское правленіе обвиняло меня даже и въ томъ, что экзекуторъ онаго, бывая иногда для надзиранія въ магистратѣ, не заставлялъ меня тамо въ девятомъ часу, но удалило отъ вниманія своего, что я, сверхъ магистратскихъ по экспедиціи моей дѣлъ, обязанъ былъ находиться для исправленія таковой же должности въ городскомъ сиротскомъ судѣ и городской шестигласной думѣ, а иногда заниматься даже и особенными отъ градскаго общества порученіями, что все требовало удѣленія каждодневно нѣкотораго времени отъ бытности въ магистратѣ. А что дѣйствительно я былъ озабоченъ всѣми сими исполненіями, то извѣстно изъ отношеній магистрата губернскому правленію и изъ учиненнаго бывшимъ казанскимъ гражданскимъ губернаторомъ господиномъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ *Казинскимъ* о награжденіи меня чиномъ правительствующему сенату представленія. Итакъ не было никакой основательной причины винить ме-

ня въ удѣленіи нѣсколькихъ часовъ для прочихъ должностей, мнѣ порученныхъ.

8-е) По дѣлу купецкой жены *Селивановой* со свекромъ ея, купцомъ *Уткинымъ*, бывшему въ разсмотрѣніи избранныхъ медиаторовъ, невинность моя уже засвидѣтельствована рѣшеніемъ палаты уголовного суда. Засвидѣтельствовано такъ же и то, что я вмѣсто приписываемаго мнѣ господиномъ гражданскимъ губернаторомъ *Мухановымъ* отклоненія дѣла сего отъ окончанія, былъ примирителемъ сей распри и достигъ такового жъ конца въ прочихъ дѣлахъ; почему мнѣ и остается присовокупить только, что сіе то самое Селивановой съ Уткинымъ дѣло подвигло на неблагорасположеніе ко мнѣ помянутаго господина губернатора Муханова, входившаго примѣтнымъ образомъ въ защищеніе просительницы, какъ то видѣть можно изъ сущности самого дѣла, и почтавашаго меня препоною къ совершенію ея намѣреній. Сей то самый случай былъ основаніемъ отчужденія меня отъ должности, о чемъ постановленная 2-го числа іюля прошлаго 1801 года въ присутствіи губернскаго правленія резолюція наполнена между прочимъ такими упреками, какими благомыслие и чувствительность едва ли и самого виновнаго отяготить рѣшится.

Угнетенный, не имѣющій надежды преклонить сердце огорченнаго начальника, я двумя просьбами испрашивалъ отъ городского магистрата дать мнѣ засвидѣльствованныя копіи какъ съ указа о семъ губернскаго правленія, такъ и съ другихъ документовъ, а особливо съ нѣкоторыхъ помянутаго господина губернатора Муханова предложеній, къ открытію изъ всего того невинности моей и напрасно претерпѣваемаго нареканія, но не могъ дождаться на сіи просьбы никакого удовлетворенія. Ободрялъ себя внутреннимъ увѣреніемъ въ незаслуженіи упрека. Но твердость моя подверглась жестокому опыту, и я содѣлался отягощенъ немаловременною болѣзнію. При выздоровленіи жъ употребленъ бывъ господи-

номъ флигель-адъютантомъ и кавалеромъ барономъ *Альбедилемъ* въ порученномъ ему отъ Государя Императора дѣлѣ, я удостоился Всевысочайшаго благоволенія.

Двоекратно рекомендованъ былъ я отъ нижегородскаго губернскаго начальства за способность мою, поведеніе и успѣхи въ службѣ къ награжденію чиномъ; двоекратно аттестованъ отъ здѣшняго магистрата отличнымъ образомъ; но къ достовѣрности о томъ прилежаніи и исправности, съ какою я проходилъ должность мою въ ономъ магистратѣ, ничто столько послужить не можетъ, какъ присылаемыя о теченіи дѣлъ вѣдомости, изъ сравненія коихъ можно усмотрѣть все то замѣшательство и неуспѣшность, какимъ подвергся магистратъ со времени выбытія моего при множественномъ числѣ дѣлъ, въ него вступающихъ, и къ отвращенію коихъ Вы нынѣ по начальству своему пеклись принять надлежащія мѣры. Вамъ извѣстно правленіе мною нынѣшней моей должности, извѣстенъ мой характеръ, мой образъ мыслей и мое поведеніе. Отъ Васъ, яко имѣющаго въ виду всѣ упражненія, сопряженныя съ моимъ званіемъ, зависитъ засвидѣтельствованіе, есть ли что-либо въ поступкахъ и дѣлахъ моихъ, сходное съ заключеніемъ губернскаго правленія.

По всѣмъ симъ причинамъ покорнѣйше прошу собственнымъ обзорніемъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, кои значатся въ справкѣ губернскаго правленія, удостовѣриться въ невинности моей и представить начальству, куда слѣдуетъ, дабы по случаю внесенія въ дѣло о истязаніяхъ, истребованнаго палаткою, обо мнѣ свѣденія не закрыты были предъ лицомъ верховнаго правительства подлинныя обстоятельства, служащія къ моему оправданію.

Сентября

1802 года (*даты числа нѣтъ*).

Несмотря на столь тяжелыя служебныя обстоятельства, Савва Андреевичъ не покидалъ своихъ литературныхъ заня-

тѣмъ и приготовлялъ къ изданію сборникъ, куда должны были, кромѣ его собственныхъ, войти еще произведенія его друзей: *Г. П. Каменева, Н. С. Арцибашева и И. И. Черныяскаго*. Сборникъ не увидѣлъ свѣта, но сохранилось предисловіе и посвященіе къ нему — брульонъ. Судя по почерку и бумагѣ, набросокъ относится къ началу прошлаго XIX в.

№ 5.

Духъ, любимецъ небесъ, распространяющій окрестъ себя благость и просвѣщеніе, достоинъ алтарей, созидаемыхъ не изъ хладнаго мрамора, но изъ пламенныхъ чувствованій, сердечной благодарности. Почтенный патриотъ! мы въ тебѣ признаемъ сего благотворнаго духа, и почитая тебя, чтимъ самую добродѣтель. Пусть ласкательство, превлоняясь предъ тщеславнымъ истуканомъ, ищетъ за сіе мзды въ мечтательныхъ надеждахъ. Далече убѣгая столь презрительнаго побужденія, мы приносимъ тебѣ дань истиннаго усердія.

Въ слабыхъ начаткахъ ты, конечно, не будешь искать совершенства, тебя достойнаго, но не откажешь благосклоннымъ принятіемъ ободрить упражняющихся въ успѣхамъ, съ ихъ силами соразмѣрнымъ, не откажешь, чтобъ имя твое содѣлалось первымъ украшеніемъ труда, тебѣ посвящаемаго
отъ Сочинителей.

Читатель! ты видишь плоды упражненій четырехъ членовъ маленькаго круга.

Подъ мирнымъ кровомъ простоты, далеко устранивающейся отъ шума, сопровождающаго блестящую пышность, въ тѣ сладкія минуты, когда нѣжное дружество, раздѣляя ощущенія сердецъ, между собою близкихъ, приводило въ забвеніе превратности жизни, когда въ тихой бесѣдѣ душа, разстроганная изображеніемъ или великихъ дѣлъ, возвышающихъ чело-
вѣчество, или зла, бросающаго черную тѣнь на картину нрав-

ственного бытія, предавалась попеременно и пріятнымъ восторгамъ, и горестнымъ впечатлѣніямъ, полнота сихъ чувствованій образовала собранныя здѣсь опыты упражненій четверыхъ жителей Казани. Читатель! различіе состояній не различило нашихъ склонностей, и естьли при недостаткахъ, свойственныхъ начинающимъ, ты найдешь что - нибудь могущее занять тебя, естьли нахмуренное чело критики не лишатъ надежды въ одобреніи, вторая книжка будетъ слѣдовать за первую.

№ 6.

С. А. Москотильниковъ стремился завязать сношенія и съ иногородними литераторами: такъ онъ интересовался дѣятельностію Петербурскаго Вольнаго Общества любителей словесности наукъ, и художествъ. Въ статьѣ „Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной дѣятельности А. Х. Востокова“ (Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія, за 1890 г., ч. 268, мартъ, стр. 93—94, № XIV) мы находимъ слѣдующее.

17-го іюня 1805 г. членъ *Н. С. Арцыбашевъ* представилъ переводъ въ прозѣ первой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“ отъ имени губернскаго стряпчаго въ Казани, *С. А. Москотильникова*, который желалъ быть избраннымъ въ корреспонденты Общества. Разсмотрѣть этотъ переводъ было поручено *А. Х. Востокову*, который представилъ о немъ слѣдующій отзывъ, читанный въ засѣданіи Общества 1-го іюля 1805 года:

„По препорученію Общества разсматривалъ я „Первую пѣснь „Освобожденнаго Іерусалима“, переводъ съ французскаго“, присланный изъ Казани г. Москотельниковымъ, объявившимъ чрезъ г. Арцыбашева желаніе участвовать въ трудахъ Общества.

Кромѣ сего опыта трудовъ его, извѣстенъ намъ г. Москотельниковъ одною одою, помѣщенною между сочиненіями г-дъ Каменева, Арцыбашева и Чернявскаго, въ тѣхъ тетра-

дахъ, кои доставлены были Обществу отъ г-на Языкова; и я по однимъ тѣмъ стихамъ далъ бы голосъ на принятіе г. Москотельникова въ корреспонденты нашего Общества.

Но въ разсужденіе представляемаго имъ нынѣ опыта, во-первыхъ пожалѣемъ, что переведенъ не съ самаго оригинала, а съ какого то французскаго перевода. Освобожденный Иерусалимъ и прежде съ французскаго жъ переведенъ извѣстнымъ Мих. Поповымъ¹⁾, почему и надлежало бы сличить переводъ г. Москотельникова съ переводомъ Попова и при томъ знать, который именно изъ разныхъ французскихъ переводовъ служилъ образцомъ тому и другому. Изъ сего бы можно было вѣрнѣе оцѣнить доброту каждаго. Но рецензентъ не имѣлъ у себя ни одного изъ французскихъ переводовъ, ни также русскаго, сдѣланнаго Поповымъ. Онъ читалъ когда то сей послѣдній и помнить, что начиненъ славянщиною. О переводѣ г. Москотельникова нельзя этова сказать, а развѣ только найдутся въ немъ галлицизмы и другія несправности, на-примѣръ:

Страница 1. „Пою священную войну и полководца, освободившаго гробъ Спасителя“. По русски бы лучше сказать: полководца, освободившаго Спасителевъ гробъ.

Страница 2. „Такъ, се будешь ты, начальствующій ихъ легіонами“ съ французскаго *Oui, se sera toi*. По русски: ты будешь, и проч.

Страница 8. „Небесныя могущества“, то-есть, ангели. По русски: силы небесныя.

Страница 9. „Да будетъ онъ, провозгласили они, душа нашихъ предпріятій и да начальствуетъ нами“. По русски: да будетъ онъ душею предпріятій нашихъ и да начальствуетъ надъ нами.

Страница 10. „Слава разноситъ повсюду вѣсть сего знаменитаго избранія“— вѣсть о семъ знаменитомъ избраніи.

¹⁾ Освобожденный Иерусалимъ, въ 20-ти пѣсняхъ. Соч. Тасса. Пер. съ фр. Михайла Попова. 1771. Изд. 2-е М. 1787.

Страница 11. „И тотъ и другой изшедъ, изъ сѣни ола-рей, прикрыли бранными шлемами длинныя власы ихъ“—свои власы.

Страница 13. „Утолить жажду, его пожирающую la soif qui le devore“ употребительнѣе переводится: жажду снѣдающую или томящую.

Страница 18. „Между тѣмъ бдительный полководецъ не изъять опасности; но она сокрыта во глубинѣ его сердца“—не изъять опасенія, надлежало бы сказать.

Страница 19. „Возрастшій посреди сраженій“—возросшій посреди сраженій. Можетъ быть это ошибка переписщика.

Страница 20. „Въ радости созерцають они ихъ избавителей и братьевъ“—своихъ избавителей и проч.

Также въ собственныхъ именахъ многое недосмотрено; въ одномъ мѣстѣ переведено Ренальдъ, въ другомъ Ренодъ; вмѣсто Генуи написано Женева; вмѣсто Кипра Критъ.

Въ заключеніе скажу: поэму, какова Освобожденный Иерусалимъ, если переводить прозою, то ужъ не иноку, какъ прозою Февелона или Хераскова. Юля 1-го дня 1805 г.

Ц. А. В.

(т. е. Цензоръ Александръ Востоковъ).

Съ этимъ отзывомъ согласились и другіе цензоры, и Савва Андреевичъ въ засѣданіи 15 юля 1805 г. избранъ былъ въ корреспонденты Общества.

Переписка съ барономъ П. Р. Альбедилемъ.

Родъ Альбедилей (собственно *Альфендилей*) ведетъ свое начало изъ Италіи. Выходцы этой фамиліи поселились въ XIV в. въ Лифляндіи, а въ XVIII ст. вѣтвь этого рода перенеслась въ Швецію, гдѣ въ 1720 г. Альбедили были возведены въ баронское достоинство. Баронъ Петръ Романовичъ (1764—1830) былъ сынъ русскаго гофмейстера. Любимецъ императора Александра I, цѣнившаго его открытый нравъ,

П. Р. служилъ въ разныхъ придворныхъ званіяхъ: гофмаршаломъ, вице-президентомъ придворной конторы, управляющимъ гофъ-интендантской конторою. Объ его командировкѣ въ Казань см. выше, стр. 200. Письма П. Р. Альбедила писаны безграмотно.

№ 7.

(Автографъ).

Москва октября 1-го дня 1801 года.

Милостивой Государь мой! Сава Андреевичъ. На представленіе мое Государь соизволилъ васъ пожаловать въ титулярные совѣтники ¹⁾; равнымъ же образомъ Господина подпоручика Унгебаура принять въ службу и опредѣленъ въ штатъ провѣянской,—жене несчастнаго, также цеха портного Мухина, назначенно ежегодно каждому 150 р.—Прошу всемъ тымъ известить, а васъ за скромность, и труды особенно благодарю и поту (?) по первой почтѣ ваши данныя бумаги присланы быть имѣють. Вашъ покорнѣйшій слуга баронъ Альбедилъ.

Его благородію

Саввѣ Андреевичу

Москотилникову

въ Казанѣ.

№ 8.

Государь мой Сава Андреевичъ! По моему возвращенію изъ Штокголма ваше письмо которое съ штафѣтомъ пущенно после получилъ, когда уже Дмитрей Прокофьевичъ Трошинскій мнѣ сказалъ что ваше прошеніе *Государю* донесенно и на оно Сенату *потверженіе* вышло, естли васъ поделу выновнымъ нашли, *почему отвѣту, и никакого оправданіи отъ васъ не отобрали.*—Когда я васъ употребылъ къ отысканіе

¹⁾ С. А. былъ тогда губернской секретарь и былъ произведенъ черезъ чинъ. См. С. М. Шпилевскаго, Заботы Имп. Александра I о Казани, стр. 6.

истенны, то уже противорѣчить Губернаторское на васъ пред-
ставленіе; *будтъ* вы спокойны, *зладеи* ваши и все тѣ кото-
рые стараются васъ *аклевать* явственныя доказательствы
ваши ихъ совершенно накажутъ, ибо настоящѣе дело переина-
чить нетъ средство выдумать! — Потому и не *тревожьтесь*, а
делайтѣ противу техъ—свое замѣчаніе, а явственными доказа-
тельствами прописавъ подробно пишитѣ къ Дмитрію Прокофь-
евичу равнымъ образомъ, и меня уведомитѣ, долженъ притомъ
вамъ сказать я часто бываю *впосилькѣ*, втакомъ случае по
экстронности вамъ нужно Д: П: давать знать, и онъ вамъ бла-
готворитѣль чрезъ коего вы второе награжденіе получили;—
между прочимъ я извѣстился, господинъ Столбовской всему
признается и предъ Государемъ преступленіе и какіе онъ *на*
тотъ случай — начальническое повѣленіе имѣлъ, желаетъ от-
крыть.—Если это правда, дайтѣ бедному случай себя оправ-
дать, и тойже дорогою свое прошеніе отправить, да за изве-
стіемъ мнѣ тоже дать знать;
всемъ вашимъ домашнимъ мое почтеніе, *надейтесь* сколько
сихъ моихъ посредствомъ своимъ васъ неоставлю *незабывать*
вашего Слугу П: Альбедиль.

С: П:

апреля 27-го дня

1802.

№ 9 (*Черновое*).

Милостивый Государь,

Баронъ Петръ Романовичъ,

Девятнадцатый уже истекаетъ годъ, какъ Ваше Пре-
восходительство отыскали меня въ казанскомъ моемъ уедине-
ніи и употребили при возложенномъ тогда на Васъ отъ Ав-
густѣйшаго Монарха порученіи открыть убійцевъ несчастной
жертвы въ Казанѣ. Я самъ тогда стоналъ подъ желѣзнымъ
игломъ угнѣтавшего меня неправосудія; но Вы простерли ко
мнѣ *благодѣтельную* Вашу руку—и милости Государя Импе-

ратора измѣнили судьбу мою. Я помнилъ обѣщаніе, изліявшееся отъ чувствительнаго сердца Вашего, что Вы будете всегда моимъ благодѣтелемъ; но до сихъ поръ не хотѣлъ быть въ тягость великодушнѣйшему изъ человѣковъ.

Нынѣ гонитъ меня мщеніе, и эпоха казанскихъ пытокъ слилась черезъ незамѣтные переходы съ эпохою казанскихъ доносителей. Многіе случаи соединялись между собою въ теченіи времени, и причины, повидимому, малозначущія, раждали важныя слѣдствія. Вотъ что заставило меня описать случаи публичной жизни моей въ ихъ связи, начиная съ мало-важныхъ приключеній неопытной молодости, и повторяя тѣ, которые извѣстны уже Вашему Превосходительству. Безъ предъидущихъ нельзя объяснить послѣдующихъ.

Благодѣтель мой! не поскучайте прочесть меморіаль, при семъ прилагаемый, изъ котораго увидите адскіе замыслы на мое погубленіе. Въ крайности моей прибѣгаю къ Вашему защищенію и предаю въ Ваши руки судьбу мою. Я всего долженъ страшиться отъ ненависти, клеветы и предубѣжденія, которое тѣмъ удобнѣе въ незнающихъ меня поселить было можно, что я, по склонности моей къ уединенію и занятіямъ кабинета, всегда удалялся тщеславныхъ обществъ. И хотя увѣренъ въ правотѣ моей, хотя увѣренъ въ томъ, что не могу быть обвиненъ Вышнимъ Правосудіемъ: но могу потерпѣть отъ скороспѣшнаго довѣрія неосновательнымъ представленіямъ по уваженію лицъ; могу умереть отъ продолжительнаго стѣсненія подъ ничтожными или сомнительными предлогами. Уже и теперь слабая грудь моя начинаетъ чувствовать признаки убійственной болѣзни; а бѣдность стоитъ за мною съ ужаснымъ бичемъ ея. О! ежели бы не имѣлъ я подруги, которой страданія терзаютъ сердце мое!—оно бы могло еще наслаждаться спокойствіемъ.

Ваше Превосходительство! не откажите и не замедлите Вашу мнѣ помощь. Сдѣлайте, какое Вамъ угодно и, въ какомъ болѣе для меня безопасности, употребленіе изъ мемо-

ріала моего, и самъ Богъ, Верховный Покровитель невинности, да управить путь его изъ рукъ Вашихъ!—Писавъ самую истину, я могу опасаться только того, чтобы не узнали преждевременно тѣ, до кого сіе касается. Злоба дерзка и на многое изобрѣтательна. Вотъ что побудило меня вложить письмо и меморіаль въ большой пакетъ съ книгою моего перевода и запечатать въ качествѣ посылки чрезъ тяжелую почту на имя графа Дмитрія Ивановича Хвостова, которой по своей благосклонности ведетъ иногда со мною переписку и пересылается книгами; если жъ бы я отправилъ съ наружною надписью на имя Вашего Превосходительства, то могъ бы навлечь сомнѣніе по незабытому здѣсь случаю.

Осчастливьте меня принятіемъ въ Вашъ кабинетъ перевода моего въ воспоминаніе переводчика. Онъ также не можетъ похвалиться счастіемъ, какъ и творецъ оригинала ¹⁾). Заглавность изданія была причиною ошибокъ, о которыхъ, кромѣ печатнаго при концѣ каждой части указателя, я вложилъ особливныя записочки, гдѣ было нужно. Переводъ и еще поправленъ, и второе изданіе, которое готовится въ московской университетской типографіи, будетъ совершеннѣе перваго.

О незаконномъ постановленіи казанской уголовной палаты, которое изволите увидѣть изъ меморіала, донесъ уже губернский прокуроръ князь Дмитрію Ивановичу Лобанову-Ростовскому; сдѣлайте милость, убѣдите его къ защитѣ моей, которой я не надѣюсь въ Казанѣ, не смотря на очевидность безпримѣрнаго неправосудія. Графъ Викторъ Павловичъ, зная меня, можетъ быть, также не откажетъ въ своемъ покровительствѣ, коль скоро узнаетъ истину, но я не могъ къ нему адресоваться открытымъ образомъ по обстоятельствамъ.

Не писалъ я ничего о содержаніи меморіала моего и къ почтенному знакомцу моему графу Дмитрію Ивановичу Хвостову; отъ благорасположенія Вашего зависитъ, должно

¹⁾ Т. е. *Tasso*.

ли о чемъ предварить его. Я увѣренъ въ доброй душѣ его!

Еще покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство! Не откажите успокоить хотя нѣсколькими строчками страждущаго въ угнетеніи и разрѣшить, не нужно ли мнѣ принять другихъ мѣръ, хотя знаю, что открытый путь можетъ представить множество затрудненій отъ руки сильныхъ. Будущую службу мою, безъ которой по недостаточному состоянію моему обойтись не могу, предоставляю во власть Вышняго Промысла, и если угодно будетъ Августѣйшему Монарху моему, не отрекусь, куда бы онъ меня ни благоволилъ назначить.

Съ моимъ совершеннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію честь имѣю пребыть навсегда

Марта
1820 года.
Казань.

Вашего Превосходительства,
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшій слуга
Савва Москотильниковъ.

№ 10.

(Отпускъ).

Милостивый Государь,
Баронъ Петръ Романовичъ!

Съ чувствомъ живѣйшей признательности получилъ я почтеннѣйшее письмо Вашего Превосходительства, тогда какъ уже совѣстился беспокоить васъ моими хлопотами; и исполняя благодѣтельную волю вашу, спѣшу на оное отвѣтствовать.

По пріѣздѣ въ Казань покойнаго г. сенатора *Соймонова* я подаль ему прошеніе и оправдательную записку: въ первомъ открывалъ всю связь казанскихъ интригъ, кои, продолжаясь съ 1814-го по 1819 годъ, были причиною терпи-

мыхъ мною неприятностей¹⁾; а въ послѣдней дѣлалъ подробное возраженіе на представленіе г.г. сенаторовъ о мнимыхъ безпорядкахъ Губернскаго Правленія. И какъ г. Соймоновъ готовился тогда ревизовать оное, то я просилъ его при семъ удобномъ случаѣ воззрѣть на самыя дѣла, меня оправдывавшія, на оставшіе признаки трудовъ моихъ, пока не коснулось еще ихъ время, все поядающее, и представить вышней власти о разрѣшеніи моей участи.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ того г. Соймоновъ удовольствовался только препровоженіемъ просьбы и записки моей въ Казанскую Уголовную Палату для общаго съ дѣломъ разсмотрѣнія; и тогда то отзывался онъ Вашему Превосходительству о готовности его *доставить мнѣ всю возможную и скорую защиту въ открытіи моей невинности.*

Между тѣмъ Казанское дворянство и чиновники²⁾ избрали меня членомъ въ учрежденный тогда Комитетъ, долженствовавшій заняться устройствомъ городскихъ доходовъ и полиціи. Г.Г. сенаторъ Соймоновъ и гражданскій губернаторъ сомнѣвались, должно ли допустить сей выборъ, но наконецъ уступили надобности и обще³⁾... По возвращеніи г-на Соймонова изъ Екатеринбургa читано было ему изготовленное Комитетомъ Положеніе, которымъ онъ остался крайнѣ доволенъ, и при отъѣздѣ въ С.-п.бургъ, прощаясь со мною, удостовѣрилъ меня, что онъ истинно расположенъ сдѣлать мнѣ добро⁴⁾, воль скоро случай къ тому представится. Положеніе, подписанное уже по его отбытіи, отправлено къ нему чрезъ г. правящаго должность Гражданскаго Губернатора, и Комитетъ формально просилъ поставить на уваженіе вышшаго началь-

¹⁾ *Зачеркнуто:* плачевной судьбы многихъ.

²⁾ *Зачеркнуто:* многочисленною подпискою.

³⁾ Уголокъ оторванъ. *Зачеркнуто:* необходимости, требовавшей употребленія небольшихъ моихъ способностей, а особливо свидѣній, опытностей прибрѣтенныхъ.

⁴⁾ *Зачеркнуто:* ходатайствовать за меня.

ства какъ успѣшныя труды мои, такъ и благонамѣренность, опытами доказанную.

Въ то жъ самое время возложено было на Комитетъ обревизовать Градскую Думу въ трехлѣтнихъ ея дѣйствіяхъ, что также требовало съ моей стороны немалыхъ трудовъ; во г. Соймоновъ по полученіи о томъ донесенія, кажется, недоволенъ былъ, что обревизованіе кончилось однимъ только дѣйствительнымъ исправленіемъ недостатковъ Думы, а не громкою на бумагѣ отдачею членовъ ея подъ судъ. Сіе неудовольствіе можно было замѣтить изъ нѣкоторыхъ вопросовъ его о предметахъ, вѣроятно, имъ недосмотрѣнныхъ.

Скоро послѣ отбытія г. Соймонова я избранъ отъ дворянства депутатомъ въ Квартирную Коммисію, оставаясь при томъ и членомъ Комитета для уравнианія городскихъ повинностей. Тщетна однако жъ была надежда моя на данное обѣщаніе; и наконецъ я узналъ, что учрежденный по представленію г. Соймонова временный Департаментъ предварительно опредѣленъ заняться прежде слѣдствіями о чиновникахъ земской полиціи, а по оковчаніи всего того приступить къ разсмотрѣнію о бывшихъ членахъ Губернскаго Правленія. Неизвѣстно мнѣ, утвердилъ ли г. Соймоновъ сіе предположеніе, но, безъ сомнѣнія, имѣлъ оно въ виду своемъ изъ полученныхъ имъ донесеній. Чего жъ мнѣ оставалось ожидать, когда и по сихъ поръ ни одно дѣло по уѣздамъ еще не приблизилось къ концу своему?

Въ своей крайности я вынужденъ былъ принести всеподданнѣйшую просьбу мою блаженной памяти Государю Императору, и сославшись на оправдывающее меня торжественнымъ образомъ довѣріе цѣлаго общества, умолялъ о порученіи кому-либо изъ начальствующихъ лицъ разсмотрѣть бумаги, мною г. Соймонову поданныя, умолялъ о разрѣшеніи моей участи и дозволеніи употребить послѣдніе дни жизни моей на служеніе отечеству. Августѣйшій Монархъ, милостиво

принявъ просьбу мою, тогда жъ приказалъ г. Статсъ-Секретарю увѣдомить меня, что она по Высочайшему Его Величества повелѣнію препровождена въ Комитетъ гг. Министровъ на разсмотрѣніе.

Комитетъ г.г. Министровъ, слѣдуя обыкновенному теченію дѣлъ, не рѣшился на истребованіе къ себѣ бумагъ, поданныхъ мною къ г. Соймонову, но опредѣлилъ, возложить на попеченіе г. министра юстиціи, чтобъ дѣло мое приведено было къ окончанію въ самоскорѣйшемъ времени. Опредѣленіе сіе удостоено Высочайшаго утвержденія, и потому въ февралѣ мѣсяцѣ минувшаго 1825 года г. министръ юстиціи сдѣлалъ палатѣ о разрѣшеніи и рѣшеніи дѣла съ донесеніемъ ему о послѣдующемъ строжайшее предписаніе, и съ тѣмъ купно поручилъ губернскому прокурору имѣть особенное за исполненіемъ сего наблюденіе.

Временный Департаментъ, хотя бы долженъ былъ приступить къ соображенію съ донесеніями гг. сенаторовъ поданнаго уже мною г. Соймонову оправданія, на точномъ основаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта о чиновникахъ Архангельской губерніи, 1824 года 3-го мая Высочайше подтвержденнаго, но, считая мое оправданіе партикулярною запискою, разсудилъ дать мнѣ вопросныя пункты: по многосложности предметовъ составилъ ихъ, можетъ быть, по недостаточности соображенія, не въ полномъ видѣ, и я, принужденъ бывъ на данные вопросы повторять то же, что объяснилъ въ оправданіи, — почелъ за нужное изъяснить о предметахъ, не включенныхъ въ вопросы. Сдѣлали послѣ того дополненіе, и въ сей перепискѣ протекло нѣсколько мѣсяцевъ. Сколько можно знать подсудимому, теперь, кажется, собираетъ Департаментъ исправки, но, занимаясь болѣе одними проформами, едва ли распространилъ на всѣ существенныя части свое требованіе, изъ чего также должно произойти замедлительнымъ дополненіямъ. Я долженъ былъ по

необходимости обратиться съ просьбою къ губернскому прокурору о приближеніи дѣла къ скорѣйшему окончанію.

Жестоко угнетаетъ меня и та мысль, что Департаментъ даже и по собраніи справокъ найдется въ затрудненіи судить о вещахъ, превышающихъ власть его. Предразсудокъ и постороннія вліянія вовлекли г.г. сенаторовъ въ дѣйствія, отяготившія судьбу невинныхъ, и какъ осмѣлится нижее мѣсто выставить истину въ ея существенномъ видѣ? Для сего нужна рѣшительность, нуженъ умъ, нужно сердце, выше обыкновеннаго. Я бѣденъ—и при всемъ томъ мелочная зависть смотритъ на меня непрямыми глазами; а это не бездѣлица.

Вотъ, благодѣтель мой, въ какомъ я нахожусь положеніи! Мнѣ уже пятьдесятъ девятой годъ, и однако жъ съ приближеніемъ старости нѣтъ никакой перспективы къ спокойствію. Если нѣтъ другихъ кратчайшихъ мѣръ къ перемѣнѣ моей участи, то по крайности одно слово Ваше сильно будетъ убѣдить господина генераль-губернатора въ пользу мою: можетъ быть, онъ рѣшится сдѣлать то, чего не сдѣлалъ покойный г. Соймоновъ, и вознаградитъ мое терпѣніе исходатайствованіемъ мнѣ должности, приличной лѣтамъ моимъ и семейственнымъ отношеніямъ.

№ 11.

Милостивый Государь мой Савва Андрѣевичъ!

Г. Полковникъ Трескинъ, бывъ у меня здѣсь лично, объяснялъ мнѣ непріятное положеніе ваше;—о чемъ я крайне сожалѣю и желалъ бы помочь вамъ; но услышавъ, что для разсмотрѣнія дѣла до васъ касающихся составлена особая коммисія—нахожусь въ затрудненіи до окончанія оной ходатайствовать здѣсь о мѣстѣ для васъ, потому болѣе, что какъ я полагаю, вы и надлежащаго себѣ свидѣтельства теперь по-

лучить не можете.—Слѣдовательно остается вамъ, ожидать окончанія Коммиссіи, и потомъ самимъ сюда въ С.-Петербургъ пріѣхать,—тогда уже я пріятнымъ удовольствіемъ себѣ поставлю ходатайствовать къ доставленію вамъ здѣсь мѣста по вѣдомству моего управленія, которое бы васъ могло успокоить.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего Высокоблагородія
Поворный Слуга
Б: П: Альбедиль.

(собственноручная только подпись)

С.-Петербургъ.
Декабря 28-го дня
1821 года.

Адресъ на оборотъ.
Его Высокоблагородію
Милостивому Государю моему
Саввѣ Андрѣвичу
Москательничкоу
въ *Казань.*

№ 12.

Милостивый Государь мой, Савва Андрѣвичъ!

Нѣкогда Г. Сенаторъ Соймоновъ отзывался ко мнѣ, что когда дѣла бывшей въ Казани слѣдственной Коммиссіи по предположенію его, представленному на утверженіе высшаго Начальства, воспримутъ надлежащее теченіе, то онъ вмѣнитъ себѣ въ обязанность доставить вамъ всю возможную и скорую защиту въ открытіи вашей невинности. Не получая же давно отъ васъ никакихъ извѣстій и постоянно принимая участіе въ положеніи вашемъ, я вызываю васъ, Милостивый Государь мой, увѣдомить меня, въ какомъ состояніи дѣло ваше и отъ

кого разсмотрѣніе онаго нынѣ болѣе зависить, и находитесь ли вы отъ всѣхъ преслѣдованій свободными.

Съ Истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть
Вашего Высокоблагородія
Покорнѣйшимъ слугою
б: П: Альбедиль
(только подпись собственною
рукою)

20-го Генваря 1826 г.
Его Высокоблагородію
С. А. Москотильникову.

№ 13.

**Воззваніе къ обитателямъ Назанской губерніи при слухѣ
о вшествіи непріятели въ Москву.**

Друзья и братья! если вѣрять молвѣ, если измѣрять зло по чувствамъ робкихъ душъ, нѣдро царства русскаго уже растерзано рукою хищнива: варвары, слишкомъ двадцать лѣтъ обгадряющіе землю кровію, коихъ чело запечатлѣно богоотступничествомъ, а сердце исполнено предательства и разврата, дерзостно вступили въ мѣста, свято нами чтимыя. Мрачныя тучи дыма надъ пылающею Москвою возносятся къ гнѣвнымъ небесамъ, и кровь—не чуждыхъ, но кровь русская, и оскверненные храмы вопіють о мщеніи.

Народъ русскій! ты не забылъ Пожарскаго и Минина; дѣла предковъ твоихъ гремѣли донинѣ въ потомствѣ; современныя царства еще недавно трепетали при имени Суворова—и ты ли подклонишь выю подъ яремъ рабства? Доблественные потомки древнихъ побѣдителей Азіи, наши братья и соотечественники! Чтя Бога и правду, вы ли допустите возобладать вами оскорбителямъ всякой святыни? О! если не кипитъ сердце ваше при сей ужасной мысли, если оно хлад-

но къ ея впечатлѣніямъ, знаете ли, что васъ ожидаетъ? Клятвопреступное присвоеніе достоинства вашего, стѣсненіе промышленности, искаженіе чистоты нравовъ подъ игомъ соблазнитель и поруганіе невинности подъ жезломъ неправосудія! Ахъ! какъ вострепещутъ хладныя кости прародителей вашихъ при сей безднѣ воли и уничтоженія потомковъ своихъ—кости, донныя покоившіяся въ землѣ мирной!

Нѣтъ, друзья и братья! если и одно о томъ воображеніе заставляеть васъ содрогаться; если ощущеніе собственного достоинства для васъ не чуждо, и если свобода вамъ драгоценна, вы еще можете поставить преграду злу совокупными усилиями. Отважная рѣшительность способна произвести дѣла великія. Да будетъ вамъ примѣромъ твердость Испанцовъ, горсти народа въ сравненіи съ нами, но народа, уже нѣскольکو лѣтъ посрамляющаго алчнаго властолюбца—въ возмездіе за его измѣну и вѣроломство. Двигнемся—и тысячи къ намъ присоединятся! Защитить отечество, быть незабвенными въ потомствѣ, насъ благословляющемъ, и даже умереть за вѣру и согражданъ своихъ—есть подвигъ, сопровождаемый чувствованіемъ превыше всякаго другаго, и Богъ, съ именемъ Котораго мы вооружимся, оправдаетъ успѣхомъ достохвальное предпріятіе.

Н.В. Казанцы готовы были жертвовать и жизнію, и имѣніемъ отечеству: послали нарочнаго для развѣданія о положеніи нашихъ войскъ и непріятеля, но полученный чрезъ сего нарочнаго отъ графа Толстаго изъ Нижняго словесный отвѣтъ успокоилъ движенія.

1812. Сентябрь.

С П И С О К Ъ

съ письма къ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому, по вступленіи его въ 1814 году въ званіе Министра Юстиціи.

Богъ, Которой управляетъ жребіемъ царствъ, полагаетъ вѣсь, число и мѣру дѣламъ человѣческимъ, и по мановенію Коего все является во время свое,—избралъ любезное отечество наше къ совершенію великаго переворота въ Европѣ, провелъ его по стезямъ тернистымъ къ безсмертной славѣ, и —что всего болѣе исполняетъ душу сладостнымъ чувствованіемъ—явилъ торжество кроткой добродѣтели надъ гордостію бѣсновавшагося властолюбца.

Августѣйшій Монархъ нашъ, положивъ основаніе прочному спокійствію христіанскихъ народовъ, съ усугубленными силами предается теперь попеченію о благѣ подданныхъ, давно уже принесшихъ ему въ даръ пылающія любовію сердца свои. Нѣкоторыя измѣненія въ образѣ внутренняго управленія, или въ способахъ, на коихъ утверждается общее и частное благосостояніе, не будутъ ли плодомъ отеческихъ его помышленій и усердія истинныхъ патріотовъ, совѣтъ его составляющихъ?

Если позволено человѣку, посвятившему себя на служеніе отечеству—и хотя въ маломъ кругѣ дѣйствующему по мѣрѣ силъ своихъ, но восхищающемуся всѣмъ тѣмъ, что изящно и истинно, всѣмъ тѣмъ, что носить на себѣ печать благотворительности,—изъяснить мысли свои о нѣкоторыхъ предметахъ, въ настоящемъ вещей положеніи обращающихъ его вниманіе: то предъ вѣмъ другимъ онъ можетъ съ увѣренностію чистой совѣсти предстать для сего, какъ не предъ Вами, почтеннѣйшій благодѣтель человѣчества—въ полной надеждѣ, что, если мысли сіи при улучшеніи ихъ умами возвышеннѣйшими мо-

гутъ принести хотя малѣйшую пользу, то обратятся въ дѣло и достигнутъ цѣли своей; если же зрѣлая опытность найдетъ оныя несообразными или съ истинною пользою, или съ возможностью исполненія, то не причтутся въ дерзость изложившему ихъ, но преданы будутъ съ свисходительнымъ неопытной ревности его извиненіемъ—всегдашнему молчанію.

На точномъ исполненіи законовъ основывается благоденствіе народа, успѣхи земледѣлія и промышленности, и вѣрное доставленіе общей государственной массѣ тѣхъ потребностей, кои заимствуетъ она изъ частныхъ источниковъ, безъ ихъ истощенія. Важно, почтенно званіе гражданскаго чиновника, на какой бы то ни было степени, сколько по симъ отношеніямъ, столько и потому, что характеръ его долженъ быть примѣромъ нравственнаго усовершенствованія; что имѣющій власть наблюдательную или судебную надъ дѣянiami человѣческими самъ долженъ являться безпорочнымъ въ своихъ дѣянiяхъ. Изрекающій приговоръ надъ присвоившимъ себѣ чуждое достояніе, или нарушителемъ священныхъ обязанностей общежитія, долженъ быть свободенъ отъ внутреннихъ самому себѣ упрековъ въ подобныхъ нарушеніяхъ. Съ сими расположеніями чиновниковъ духъ закона можетъ разливать животворную силу свою въ великомъ тѣлѣ государства и въ членахъ его.

Публичныя должности возлагаются на людей двоякаго рода: благородное дворянство составляетъ первый, а къ другому принадлежатъ всѣ тѣ, которые отличными способностями и заслугами приобрѣтаютъ довѣріе начальства. Первые, большею частію, имѣютъ наслѣдственное состояніе; и таковыхъ единственнымъ предметомъ, единственною душевною нуждою долженствуетъ быть честь и ревность къ пользѣ общей, безъ всякихъ влеченій необходимости къ обезпеченію жизни своей. Послѣдніе, какъ любимыя чада природы, ведомыя Промыс-

ломъ въ образованіи своихъ способностей, конечно, не менѣе одушевляются честію и благородными побужденіями, но съ тѣмъ вмѣстѣ необходимость налагаетъ на нихъ тягостную обязанность помышлять, если не о устроеніи своего состоянія, то по крайности объ удовлетвореніи нуждамъ своего семейства.

Оклады годоваго жалованья, получаемаго гражданскими чиновниками въ губерніяхъ, по Высочайшему Учрежденію образованныхъ, принаровлены къ тѣмъ штатамъ, коимъ протекло болѣе полувѣка. Въ то время они, можетъ статья, были достаточны, если не съ избыткомъ для семейственнаго содержанія, то, по крайней мѣрѣ, для первыхъ жизненныхъ потребностей; можетъ статья, болѣе, нежели достаточны для челоуѣка одинокаго: но потомъ, и особливо со времени великихъ, перемѣнъ, порожденныхъ Революціею, симъ буйственнымъ исчадіемъ своевольнаго ума, измѣнилось положеніе вещей; далеко превзошло ту мѣру отношеній, въ какихъ прежде находились взаимныя потребности; и цѣна всего нужнаго къ жизни, возвышаясь въ постепенной прогрессіи, болѣе, нежели въ десять разъ уже превосходитъ ту, какаѣ за тридцать лѣтъ предъ симъ существовала.

Избравъ для примѣра среднее между высшаго и нижняго состояніе, представимъ себѣ гражданскаго чиновника въ губерніи, получающаго отъ 600 до 800 руб. годового оклада, и которой, кромѣ своего мѣста, другихъ доходовъ не имѣетъ. Какъ благомыслящій гражданинъ, избѣгая разсѣянной жизни, онъ составилъ для себя семейство, по необходимости долженъ имѣть услугу и снабдить себя тѣми принадлежностями, которыя придають благопристойную наружность; а безъ таковой онъ не можетъ избѣжать пренебреженія. Но въ чемъ должны состоять способы удовлетворить симъ потребностямъ, когда посредствомъ ремесленникъ, приобрѣтая столько жъ своими трудами, и не озабочиваясь равными нуждами, имѣетъ не болѣе, какъ одно только пропитаніе?

Человѣкъ, облеченный публичною должностію, можетъ прилежнымъ оной исполненіемъ быть полезнымъ для многихъ, не въ однихъ только общихъ предметахъ, но и въ тѣхъ, гдѣ обязанности званія его имѣютъ отношеніе къ справедливому сохраненію частной пользы, можетъ служить совѣтомъ и дѣломъ своему ближнему, гдѣ позволяетъ истина; и если благодарность принадлежитъ къ ощущеніямъ существа нравственнаго, то можетъ изъ сего заимствовать способы для жизни своей. Но онъ произнесъ торжественно, предъ лицомъ Бога, въ священномъ храмѣ правосудія клятву не имѣть въ виду таковой благодарности; руки его связуются строгимъ закономъ; и хотя бы внутреннее убѣжденіе совѣсти представляло ему, что мечъ закона обнажается только противъ злоупотребленій; что запрещенія оваго не простираются до невозможнаго, и что скромность, какъ естественное слѣдствіе общей признательности, будетъ покровомъ для того, кто не былъ никогда въ тягость человѣчеству,—но если чувства его нѣжны и разборчивы, если въ религіи онъ видитъ нѣчто болѣе, чѣмъ преданія человѣческія: не долженъ ли онъ терять уваженіе въ самому себѣ за нарушеніе клятвы, которую онъ никогда не считалъ донимъ только наружнымъ средствомъ обузданія? не долженъ ли заключить въ сердцѣ своемъ горестъ, раждаемую обстоятельствами, противными душевнымъ его расположеніямъ?

Но, если бы злоба и зависть, столь часто преслѣдующія дѣянія человѣческія, вооружились противу сего чиновника; если бы дерзнули характеръ его омрачать клеветою, и—что не была бы уже клевета—порицать въ нарушеніи закона: онъ увидѣлъ бы себя въ необходимости, или употребить въ своему защищенію постыдную ложь, или, какъ преступникъ, предаться ужасной казни, не говоря уже, что и одно предубѣжденіе было бы роковымъ для него ударомъ. Наконецъ, если онъ не былъ столько поврежденъ въ сердцѣ, чтобъ службу

почитать лишь способомъ къ обогащенію, бѣдность въ старости содѣлается неизбѣжнымъ его жребіемъ.

Таково положеніе всѣхъ тѣхъ, коихъ жизнь зависитъ отъ службы, и однѣ только душевныя свойства различаютъ ихъ. Но какое острое зрѣніе можетъ услѣдить въ семъ извилистомъ лабиринтѣ за поступками каждаго? Какую черту положить человѣкъ, угнетаемый желѣзнымъ игомъ необходимости, самъ для себя между дозволеннымъ и недозволеннымъ, на которой остановились бы его дѣйствія? и какимъ образомъ исполнять будетъ строгую должность правосудія надъ нарушителями закона, коего предписаніямъ въ полной мѣрѣ удовлетворить онъ чувствуетъ самого себя не въ силахъ?—*Иже есть безъ црѣха въ васъ, перше верзи камень наю.*

Итакъ, если благоустройство внутренняго управленія и точное исполненіе законовъ должно быть основаніемъ народнаго благоденствія; если общественная нравственность много зависитъ отъ примѣровъ, и характеръ гражданскаго чиновника можетъ имѣть вліяніе на кругъ его дѣйствованій; если потребно сдѣлать его почтеннымъ въ глазахъ другихъ и своихъ собственныхъ: нужно обезпечить жизнь его пристойнымъ образомъ и извлечь его изъ того тягостнаго положенія, въ которомъ нужда есть сильнѣйшимъ для него закономъ.

Исчислить жизненныя потребности чиновника, въ точномъ отношеніи къ его званію, къ обстоятельствамъ той страны, гдѣ онъ имѣетъ свое мѣстопробываніе, и къ различію губернскихъ городовъ съ уѣздными; привести все сіе въ сложность, и назначить годовой окладъ, которой бы поставилъ его въ счастливую средину между недостаткомъ и излишествомъ, есть дѣло, подлежащее благодѣтельнымъ попеченіямъ верховной власти; а ближайшее средство къ изобрѣтенію источниковъ для удовлетворенія сему новому расходу состоитъ въ томъ, чтобъ всю сумму для чиновъ и служителей, составляющихъ губернское управленіе по исполнительной, судебной и экономической части обратить въ земскую повинность цѣлой губерніи.

Сумма сія, при назначеніи достаточныхъ для каждаго чиновника окладовъ, не была бы въ тягость ни гражданству, ни поселянамъ. Всѣ состоянія почувствовали бы въ скорости благотворныя слѣдствія сего учрежденія тѣмъ болѣе, что честь и добродѣтель въ первенствующихъ чиновникахъ воздѣйствуютъ съ полною свободою при обезпеченіи ихъ содержанія; а пороки не будутъ имѣть ни малѣйшаго извиненія: всякое въ оному посползованіе наказывается съ усугубленною строгостію, и лихоимецъ представится чудовищемъ предъ очами каждаго благомыслящаго. Нѣтъ ничего, столь сильнаго въ направленіи дѣйствій человѣческихъ, какъ общее мнѣніе: но не должно ли оно въ самой натурѣ вещей имѣть свое основаніе?

Простите мнѣ великодушно, Ваше Высочайшее превосходительство, если мои душевныя ощущенія завлекли меня далѣе моихъ обязанностей! Предпріятіе мое не есть плодъ вичливости разума, желающаго отличить себя, но истекаетъ изъ сердца, пригнѣпленнаго къ добру, хотя и слабого въ существенномъ онаго исполненіи. Если Вы, Милостивый Государь, удостоите принять строки сія съ свойственнымъ Вамъ снисхожденіемъ, Ваша благосклонность ободритъ меня къ употребленію малой и несовершенной опытности моей по возможности для той цѣли, къ которой долженъ стремиться каждый почитатель Бога и истины.

Далѣе слѣдуетъ письмо Ивана Ивановича *Черныяскова*, профессора русскаго языка и исторіи въ Виленскомъ университетѣ. Черныяскій когда-то вмѣстѣ съ Каменевымъ, Арцибашевымъ и Москотильниковымъ образовывалъ одинъ дружескій кружокъ, и тоже, вѣроятно, былъ масонъ (см. выше, стр. 213).

№ 15.

Милостивый Государь

Савва Андреевичь!

И такъ, полвѣка совершилось въ глазахъ нашихъ. Сколько разнообразныхъ явленій, сколько происшествій,

сколько чувствованій волновало нашу душу, и потрясало бранный нашъ составъ?

Будемъ благодарить Бога подавшаго намъ столько радостей, подавшаго силы перенести столько горестей. Сколько друзей, сколько враговъ равнолѣтнихъ съ нами не видятъ уже солнца. Да почиетъ прахъ и тѣхъ и другихъ въ мирѣ. *Pascitur in vivis livor, post fata queiscit.* Вражда—удѣлъ жизни.

Видѣли, что было съ нами, незнаемъ, что случится впередъ. Не ужели же будемъ страшиться? И размышленія нашей юности и опыты полвѣка научили насъ съ полною довѣренностію ввѣряться благому Промыслу.

Будемъ только достойны его, а впрочемъ *ab quo fata trahunt, virtus secura sequetur.*

Содержаніе дружескаго письма, скажете вы, слишкомъ важно. Правда, но могъ ли я заняться маловажнымъ при воспоминаніи 12-го и 30-го Января. Такъ Савва Андреевичъ— съ Богомъ впередъ въ другую половину вѣка. Можетъ быть, событія первой послужатъ содержаніемъ сладостной, нравоучительной, легкой нашей бесѣды во второй половинѣ вѣка. *Ainsi soit—il.*

Вашъ на всегда
Иванъ Чернявскій.

Р. S. Касательно уплаты истраченныхъ денегъ нашимъ родственникамъ, есть ли иначе нельзя, мы беремъ оную на себя. Но только постарайтесь Савва Андреевичъ чтобъ она была разложена на нѣсколько лѣтъ и по крайней мѣрѣ на три года. Годовую часть, мы доставимъ тотчасъ по требованію.

Не имѣя собственныхъ дѣтей, Савва Андреевичъ горячо любилъ двухъ сестеръ—воспитанницъ, Анастасію и Прасковію Константиновну Пушкаревыхъ (см. выше, стр. 167). Отношенія воспитателя къ обѣимъ дѣвочкамъ ярко обрисовываются прилагаемыми письмами.

№ 16.

Милой въ Альбомъ.

„Святая цѣпь любви—небесной, не земной
Мою съ твоей душой давно соединила!“
Такъ дѣва юная мнѣ съ чувствомъ говорила.
Я тожъ сказала—и вотъ—сошлась зима съ весной!
гг. Сопѣльныхъ и Свирѣльныхъ.

№ 17.

Безцѣннѣйшій Папинька!

Наступилъ день Вашего Ангела, день столь радостный для меня и столь нетерпѣливо ожидаемый! Прихожу къ Вамъ съ сердцемъ, исполненнымъ нѣжнѣйшихъ чувствованій дѣтской любви и живѣйшей признательности за Ваши родительскія обо мнѣ попеченія, и спѣшу представить Вамъ искреннѣйшее поздравленіе съ драгоценнымъ для меня днемъ Вашего Ангела! Отецъ Небесный да услышитъ мои усерднѣйшія моленія, къ Нему возсылаемая о Вашемъ долголѣтіи и благополучіи—да изліетъ на Васъ свои неизреченныя милости и продлитъ Вашу жизнь на многія годы, для счастья моего и всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ несказанное утѣшеніе пользоваться Вашею пріязнью. Удостойте, безцѣннѣйшій Папинька! благосклонно принять это искреннее изъясненіе дѣтской любви и глубочайшаго уваженія, всеми преисполнены къ Вамъ душа и сердце Вашей почтительной дочери, и утвердить ихъ Вашимъ священнымъ благословеніемъ.

№ 18.

(Писано Анастасіей Константиновной).

Безцѣнный Батинька! съ Днемъ Ангела Васъ поздравляю,
Но изъясню ли то, чего душой желаю?
Прекрасенъ свѣтлый день, природы съ нимъ свѣтла:
Дай Богъ, чтобъ Ваша жизнь тамъ радостна была!
Весенніе луга красуются цвѣтами;
Дай Богъ, чтобъ Ваша жизнь цвѣла такъ между нами!
Я знаю, Батинька, какъ любите Вы насъ:
Желаю, чтобъ и я—такъ утѣшала Васъ!
Мой благодѣтель сей привѣтъ отъ Настиньки примите
И въ свой день Ангела меня Вы обоймите!
Моленіе мое, о Боже нашъ, внемли
И благодѣтелю—все доброе пошли!

№ 19.

Отвѣтъ (собственноручный)

Саввы Андреевича.

О Настенька! О милой другъ!
Ты, съ Ангеломъ меня поздравя,
Желала мнѣ въ сей жизни благъ;
Желала также быть сама мнѣ утѣшеньемъ.

* *
*

И я тебѣ желаю благъ!
Ни знать не нужна, ни богатство.
Будь добродѣтельна, умна:
Тогда ты будешь мнѣ великимъ утѣшеньемъ.

№ 20.

Другъ мой, милая Настенька!

Благодарю тебя за любовь твою. Будь увѣрена, что и я тебя люблю, какъ мою родную, и очень радъ, ежели ты довольна своимъ положеніемъ: ничего столько не желаю, какъ того, чтобъ ты и Паша были счастливы. Нѣтъ нужды въ богатствѣ: была бы только надежда на Бога, а Онъ никогда не оставляетъ вѣряющихъся Ему: я это испыталъ въ теченіи цѣлой жизни.

Посылаю тебѣ на постъ Четвероевангеліе. На первой недѣлѣ будетъ къ намъ новый начальникъ Сергій Павловичъ Шиповъ: его хвалятъ, а каковъ точно будетъ, увидимъ.

Порфирія Ивановича поцѣлуй за меня и скажи всѣмъ вашимъ мое почтеніе. Паша теперь, слава Богу, здорова и въ пансіонѣ, а послѣ завтра пріѣдетъ ко мнѣ. Будьте и вы всѣ здоровы. Этова истинно желаетъ

Твой и сердцемъ и душою С. Москотильниковъ.
24 февраля 1841 г. Казань.

Слѣдующее письмо (черновикъ) адресовано, повидимому, какому то масону.

№ 21.

Милостивый Государь

Иванъ Игнатьевичъ!

Я читалъ почтенное письмо ваше къ Борису Александровичу. Нѣкоторыя въ немъ выраженія подтвердили увѣренность мою, что мы, несмотря на жребій жизни, разлучающій насъ мѣстнымъ пребываніемъ, другъ друга взаимно помнимъ, и что души наши (:есть ли это угодно великому Пастыреначальнику:) навсегда познакомились. Примите, мой почтенный другъ, сіе нелѣстное увѣреніе въ моей къ вамъ сердечной привязанности, съ которою другое васъ наименованіе никакъ несомѣстно.

Для духовной гордости, сего потаеннаго змѣйка, кроющагося въ сердцѣ человѣческомъ, льстиво изъ устъ вашихъ слышать похвалу. Но—почтенный другъ, я бы тогда имѣлъ на нее право, естлибъ кресты въ жизни моей переносилъ безъ роптанія. И естли нынѣ вхожу въ училище преданности, то потому, можетъ быть, что они очень легки, и при всемъ томъ мало еще имѣю той сердечной кротости, которая благословляетъ орудія, къ наложенію креста Промысломъ употребляемыя. Правда, что за нѣсколько лѣтъ имѣлъ я довольно тяжкія, но къ стыду моему признаться долженъ, что не употребилъ ихъ въ тогдашнее время къ смиренію, покорствующему подъ десницею, наказующею меня, хотя послѣ ощутительно въ сердцѣ моемъ и даже очевидно испыталъ истинну сихъ словъ: „наказуя наказа мя Господь; смерти же не предаде мя“. Я преисполненъ въ душѣ моей благодарности къ Максиму Ивановичу Невзорову за сочиненія госпожи Гіонъ (*письмо не окончено*).

Надъ Саввою Андреевичемъ разразилась новая бѣда, и онъ попалъ подъ уголовный судъ. Долго ждалъ несправедливо обвиненный оправданія—и наконецъ обратился съ прошеніемъ на *Высочайшее Имя*. Къ этому процессу и относятся письма къ барону Альбедилю, №№ 9—12, см. выше, стр. 218—227.

№ 22.

Господину Коллежскому Совѣтнику Москотильникову, утруждавшему Государя Императора всеподданнѣйшею своею просьбою, о разсмотрѣніи оправданій его о безвинномъ преданіи его суду и объ освобожденіи его отъ онаго,—симъ по волѣ Его Величества объявляется, что прошеніе то, по Высочайшему повелѣнію, внесено въ Комитетъ гг. Министровъ на разсмотрѣніе.

№ 1469. Ст. Петербургъ. 27 Ноября 1824 г.

Статсъ-секретарь Муравьевъ.

СПИСОКЪ

со всеподданнѣйшаго прошенія моего покойному Государю Императору Александру I-му, посланнаго въ Ноябрь мѣсяцѣ 1824 года.

Всемиловѣйшій Государь!

Пять лѣтъ уже стражду я, и стражду безвинно, потому только, что имѣлъ враговъ:—имѣлъ ихъ частію и по тѣмъ давнишнимъ происшествіямъ, которыя осчастливили меня твоею Монаршею милостию при случаѣ отправленія въ Казань барона *Албедилля*.

Непріятности, возродившіяся между бывшимъ Казанскимъ гражданскимъ губернаторомъ графомъ Толстовымъ и нѣсколькими изъ дворянъ, были послѣдуемы ревизією гг. сенаторовъ, и я, какъ губернской чиновникъ, увлеченъ былъ въ общее для многихъ бѣдствіе. Ни то—что при всѣхъ изысканіяхъ не нашлось въ цѣлой губерніи никого, мною обиженнаго; ни то—что при всѣхъ домогательствахъ неблагонамѣренности не нашлось никого, кто бы покусился даже и оклеветать меня въ преступленіи, на которое всего болѣе обращается строгость закона; ни мое недостаточное состояніе—явный признакъ того, что я никогда не считалъ службу способомъ къ обогащенію—не могли защитить меня. Дѣламъ губернскаго правленія данъ превратный толкъ; покрыто молчаніемъ всё, противорѣчившее предпріятымъ намѣреніямъ; и предвасудокъ вовлекъ въ заблужденіе людей, можетъ быть, добрыхъ, но дѣйствовавшихъ по направленію другихъ.

Между тѣмъ, прежде еще окончанія ревизіи, сысканъ случай наклонить меня къ подачѣ просьбы объ отставкѣ. Исполнивъ то въ надеждѣ успокоить моихъ недоброжелателей, скоро увидѣлъ я, что симъ только болѣе обезоружилъ себя, лишась средствъ дѣйствовать по губернскому правленію къ заблаговременному опроверженію неправильныхъ обвиненій.

По восполнѣдованіи Высочайшаго твоего указа объ уничтоженіи учрежденной въ Казани по представленію гг. ревизоровъ Слѣдственной Коммисіи, и по прибытіи г. сенатора Соймонова, я подалъ ему въ Ноябрь 1882 года прошеніе, изъясняющее весь постепенный ходъ возникшихъ въ Казани раздоровъ, приложилъ подробную записку, основывая мое оправданіе на подлинныхъ актахъ губернскаго правленія и на очевидной истинѣ: просилъ воззрѣть на обстоятельство, съ перваго даже взгляда невинность мою открывающія, и представить высшему правительству о разрѣшеніи моей участи.—Г. сенаторъ могъ бы легко по слѣдамъ, еще не истребленнымъ всепосядающимъ временемъ, болѣе удостовѣриться въ томъ при производимомъ тогда имъ обревизованіи губернскаго правленія; но онъ только препроводилъ просьбу мою и записку для общаго съ дѣломъ разсмотрѣнія въ Уголовную Палату, въ которой такъ, какъ и въ составившемся потомъ Временномъ оной Палаты Департаментѣ, къ сему и донынѣ приступа еще не сдѣлано. Не смѣю роптать: онъ, можетъ быть, почиталъ себя не въ правѣ поступить иначе.

И самое общее мнѣніе меня торжественно оправдывало. Въ 1823 году я избранъ отъ дворянства членомъ въ Комитетъ, учрежденный тогда въ Казани для уравненія городскихъ повинностей, а послѣ того таковымъ же въ Квартирную Коммиссію; и затрудненія, какія представляло при сихъ случаяхъ мое положеніе, должны были уступить общему всей

публики желанію. Комитетъ, имѣвшій въ числѣ членовъ своихъ и губернскаго предводителя дворянства, отдалъ справедливость благонамѣреннымъ трудамъ моимъ и формально просилъ губернское начальство о исходатайствованіи вышшаго на оныя возрѣнія.

Тяжко, Государь, быть подъ судомъ невинному! И одна форма обыкновеннаго теченія таковыхъ дѣлъ есть уже для него по своей продолжительности жестокое и не заслуженное наказаніе. Семейственныя горести, бѣдность—однѣ онѣ подавать сѣдѣющую главу мою, прежде нежели достигну я до того радостнаго дня, когда оправданъ буду правосудіемъ человѣческимъ.

Александрѣ дано Промысломъ разсѣкать неразрѣшимые узлы Гордіевы.—Прекраснѣйшій іероглифъ древности, хотѣвшей изобразить благотворное могущество монарха!—Прости, Государь, сравненію, къ которому прибѣгаетъ пылавая чувствительность твоего вѣрноподданнаго! Весна дней моихъ увѣнчана была твоею милостію, и ужели во гнѣвѣ твоемъ скончается жизнь моя? Повели кому-либо изъ начальствующихъ разсмотрѣть и удостовѣриться въ истинѣ представленнаго мною оправданія. Удостой освободить меня отъ постыднаго нареканія быть подъ судомъ, удостой отверсть мнѣ путь къ посвященію послѣднихъ лѣтъ моихъ на службу тебѣ и отечеству!

№ 24.

Отношенія Саввы Андреевича къ женѣ обрисовываются ниже приводимую духовной ея.

Духовная жены С. А. Москотильникова.

Во имя Отца, и Сына и Святого Духа: Аминь!

Я нижеподписавшаяся, Коллежская совѣтница Агрипина Ѳеодорова дочь Москотильникова, находясь въ болѣзненномъ

положеніи, и не зная, угодно ли будетъ Вышнему продолжить жизнь мою, нынѣ завѣщаю любезному супругу моему Коллежскому Совѣтнику Саввѣ Андреевичу Москотильникову домъ, принадлежащій мнѣ по крѣпости, въ которомъ мы жительствоуемъ, и всё, что я ни имѣю, какъ то: малое число крѣпостныхъ людей и движимое имущество, съ предоставленіемъ на его попеченіе заплатить за меня извѣстные ему долги, въ томъ числѣ и ту сумму, которая, бывъ взята мною заимообразно при покупкѣ дома, еще до нынѣ остается незаплаченною по снисходительному терпѣнію заимодавцевъ. Знаю, что долги сіи едва ли не превосходятъ цѣну всего мною завѣщаваемаго, и что сіимъ самымъ имѣніемъ, приобретеннымъ мною, а не наследственнымъ, я обязана его жъ ко мнѣ благорасположенію и любви; но любезный супругъ мой проститъ мнѣ невозможность оставить ему болѣе въ воспоминаніе той, которая сорокъ лѣтъ раздѣляла съ нимъ и горести, и радости жизни. Сіе завѣщаніе, учиненное мною въ твердомъ разумѣ и памяти, и на будущее время, если Богъ продлитъ еще жизнь мою, не должно подлежать никакому измѣненію; а зарукоприкладствовать оное вмѣсто себя за неумѣніемъ мною писать довѣряю Духовному Отцу моему. Марта 20 дня 1829-го года. Къ сему духовному завѣщанію вмѣсто завѣщательницы Коллежской Совѣтницы Агрипины Θεодоровой Москотильниковой учинившей оное въ твердомъ разумѣ и памяти, по ея прошенію за неумѣніемъ еѣ писать, Духовной Отецъ ея Града Казани Тихвинской Церкви Протоіерей Георгій Покровскій руку приложилъ.

Что сіе духовное завѣщаніе означенною Коллежскою Совѣтницею Аграфеною Федоровою по мужѣ Москотильниковою учинено въ твердомъ разумѣ и памяти и по ея прошенію за неумѣніемъ ея писать, зарукоприкладствовано духовнымъ ея Отцемъ въ томъ свидѣтельствую подписуюся Коллежскій совѣтникъ Иванъ Христофоровъ сынъ Германовъ.

Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь, коллежскій совѣтникъ Ермолай Ивановъ сынъ Камашевъ I.

Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь титулярный совѣтникъ Лука Алексѣевъ сынъ Левитскій.

Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь Титулярный совѣтникъ Степанъ Филипповъ сынъ Кудравцевъ(?).

№ 25.

1829 года Маія 17 дня по указу Его Императорскаго Беличества въ Казанской Палатѣ Гражданскаго Суда слушано прошеніе Коллежскаго Совѣтника Саввы Андрѣева Москотельникова, при которомъ представя сіе духовное завѣщаніе просилъ о утвержденіи онаго и о выдачѣ ему обратно, причемъ изъясня, что завѣщательница жена ево минувшаго 1829 года Апрѣля 11 дня померла завѣщанному имѣнію объявилъ цѣну всего на восемь тысячъ триста шестидесятъ рублей изъ коей суммы недвижимаго имѣнія на шесть тысячъ восемьсотъ шестидесятъ рублей. По распоряженію сей Палаты отъ подписавшихся подъ означеннымъ завѣщаніемъ рукоприкладчика города Казани Тихвинской Церкви протоіерея Георгія Повровскаго и свидѣтелей, отобранны надлѣжащимъ порядкомъ показанія, коими они помянутое завѣщаніе утвѣрдили во всей силѣ, причемъ Казанская Градская Полиція донесла, что завѣщательница Москотельникова померла Апрѣля 11 числа. По чему 1829 г. Октября 15 дня *опредѣлено*: По разсмотрѣніи представленнаго духовнаго завѣщанія ничего въ немъ противозаконнаго не оказалось, споровъ противу онаго и запрещенія на имѣніе завѣщательницы не открылось, да и представлено въ узаконенный срокъ почему утвержда оное завѣщаніе во всей его силѣ, записать въ крѣпостную книгу и выдать просителю Коллежскому Совѣтнику Москотельникову съ роспискою, причемъ взыскать съ него Москотельникова съ объявленной имъ недвижимоу имѣнію суммы шести тысячъ восьми сотъ шестидесяти рублей заисключеніемъ изъ оной

слѣдующей ему по закону 7-й части девять сотъ восемьдесятъ рублей съ *остатнаго* затѣмъ количества пяти тысячъ восьмисотъ осьмидесяти рублей, слѣдующіе казнѣ пошлины двѣсти тридцать пять рублей дватцать копѣекъ за актъ десять рублей и за листъ бумаги на которомъ помянутое завѣщаніе по суммѣ завѣщанному имѣнію должно быть писано дватцать рублей, съ цѣны же движимому имѣнію на основаніи указа 1827 года октября 1-го дня пошлинъ не взыскивать. Въ слѣдствіе чего по взысканіи вышеписанныхъ денегъ всего двухъ сотъ шестидесяти пяти рублей дватцати копѣекъ, сіе духовное завѣщаніе и выдается ему Г. Москотельникову съ росписою. Маія 23 дня 1830 года. Дворянскій Заседатель Алексей Стражевъ.

Секретарь Ефимъ Колом—
Губернскій Регистраторъ Покровскій.

С. А. Москотильниковъ втеченіе своей долгой службы пользовался симпатією и вниманіемъ своихъ начальниковъ. Приведенная записка принадлежитъ губернатору Стрекалову.

№ 26.

Поздравляю васъ Савва Андреевичъ съ монаршею милостию, весьма радъ что служба ваша и труды достойно вознаграждаются.

10 января
1838 года.

Стрекаловъ.

Послѣднія письма относятся къ тому печальному періоду жизни Саввы Андреевича, когда онъ наконецъ вышелъ въ отставку и долгое время—1½, года не получалъ ни жалованья, ни пенсіи, а потому впалъ въ большую нужду; былъ принужденъ распродавать свое имущество,—и даже свое лучшее утѣшеніе, свою богатую библіотеку. Письма писаны старческимъ, дрожащимъ почеркомъ, по прежнему крупнымъ, но разбираемымъ съ большимъ трудомъ.

№ 27.

Скажите, почтеннѣйшій Константинъ Осиповичъ, угодно ли вамъ оставить у себя Philosophie de la Nature? Если угодно, то пришлите за нее деньги 50 р., а если нѣтъ, то возвратите книгу, вмѣстѣ съ каталогами, которые, кажется, вамъ не нужны.

Вашъ покорнѣйшій
слуга, С. Москотильниковъ.

17 Юня
1846 г.

№ 28.

Отвѣтъ на предгидущее.

Прошу Васъ покорнѣйше, почтеннѣйшій Савва Андреевичъ, (?) что я до сихъ поръ не успѣлъ возвратить Вамъ каталога и Philosophie de la nature. О книгахъ Вашихъ я предлагалъ Матвею Демьяновичу, но онъ не находитъ ихъ нужными для библіотеки, а Philosophie de la nature я никакъ не успѣлъ прочитать и благодарю Васъ за желаніе доставить мнѣ это удовольствіе.

Съ истиннымъ уваженіемъ къ Вамъ имѣю честь пребыть Вашъ покорнѣйшій

слуга К. Александровъ.

P. S. Пришлите ко мнѣ человѣка часовъ въ 5 пополудни.

Константинъ Осиповичъ Александровъ-Дольникъ служилъ въ канцеляріи губернатора; это—извѣстный другъ Николая Ивановича Второва. Матвѣй Демьяновичъ Завилѣйскій былъ тогда вице-губернаторомъ въ Казани.

№ 29.

(Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Льву Алексѣевичу Перовскому).

Ваше Высокопревосходительство,
Милостивѣйшій Государь!

Служивъ шестьдесятъ лѣтъ Престолу и Отечеству, и въ теченіи многихъ лѣтъ занимая мѣсто Совѣтника въ Казанскомъ Губернскомъ Правленіи, по моимъ правиламъ я не только не прибрѣлъ себѣ никакого состоянія, но вынужденъ былъ продать единственный мой домъ, даже войти въ долги, отпустить числящіяся за мною по формулярному списку двѣ души дворовыхъ людей, и употребить деньги на прожитокъ, по недостатку жалованья, опредѣленнаго прежними штатами.

Съ начала 1845 года наступилъ семдесятъ осмой годъ моей жизни; здоровье мое совершенно разстроилось, а зрѣніе померкло отъ непрестанныхъ трудовъ. Я былъ боленъ нѣсколько недѣль и постомъ въ минувшемъ Апрѣлѣ подалъ просьбу объ отставкѣ, объяснивъ въ ней, что я не имѣю никакихъ способовъ ни къ продовольствію себя съ моими домашними, ни къ платежу необходимою навлеченныхъ долговъ, кромѣ жалованья и столовыхъ денегъ, штатомъ, во 2-й день минувшаго Генваря Высочайше утвержденнымъ, Совѣтнику Губернскаго Правленія предоставленныхъ, и съ прекращеніемъ или уменьшеніемъ сего содержанія, одна горькая нищета будетъ послѣдствіемъ ничѣмъ не очерненной службы и потери зрѣнія.

Г. Вице-Губернаторъ объявилъ мнѣ, что просьба моя, чрезъ г. Военнаго Губернатора съ формулярнымъ о службѣ моей спискомъ и ходатайствомъ объ удовлетворительной пенсіи, представлена къ Вашему Высокопревосходительству, и съ тѣмъ вмѣстѣ убѣдилъ продолжить занятія мои по должности. Я исполнилъ его желаніе, хотя, при усиленномъ напря-

женіи не одинъ разъ подвергался опасному приливу крови въ глазамъ. Наконецъ, 13 іюня объявленъ мнѣ указъ Правительствующаго Сената объ увольненіи меня согласно прошенію моему отъ службы, но о назначеніи пенсіи донинѣ я ни отъ кого извѣщенія не имѣю.

Ваше Высокопревосходительство!

99 статья устава предполагаетъ зависящее отъ Высочайшей воли исключеніе изъ общихъ правилъ о пенсіяхъ. Устойте обратитъ благосклонный взоръ на службу, безпечно продолженную долѣе полувѣка, чему немного примѣровъ, и въ моемъ бѣдственномъ положеніи спасите меня отъ нищеты, столь убійственной въ глубокой старости! (тѣмъ болѣе горестной, что судьба ввѣрила моему попеченію одну безпомощную сироту, по талантамъ ея нѣжно мною любимую, и которая, кромѣ Бога и меня, другой опоры себѣ не имѣетъ).

Уповаю на Вашу справедливость и на Ваше великодушіе, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностью честь имѣю пребыть

Вашего Высокопревосходительства
всепокорнѣйшій слуга.

№ 30.

(Адресъ)

Его Высокоблагородію Милостивому Государю Петру Ивановичу Полю, Г-ну Полицеймейстеру. Въ С.-Петербургѣ (письмо-брульонъ писано рукою Прасковьи Константиновны).

Милостивый Государь,
Петръ Ивановичъ!

Прослуживъ шестьдесятъ лѣтъ престолу и отечеству, я тогда только подалъ просьбу въ отставку, когда помрачились глаза мои отъ безпрестанныхъ трудовъ моихъ. Несмотря

на то, что я имѣлъ способности и пользовался всегда довѣріемъ начальства, я ничего не приобрѣлъ службою, потому что не поступалъ противу чести и совѣсти. Итакъ по бѣдности моей просилъ обратитъ мнѣ въ пенсіонъ полное содержаніе совѣтника по послѣднему штату.

Уже полтора года, какъ я отставленъ, уже полтора года, какъ прекратилось мнѣ жалованье; я задолжалъ и дошелъ до послѣдней крайности. На три письма мои Левъ Алексѣевичъ черезъ губернатора отвѣчалъ два раза, что я буду немедленно увѣдомленъ о пенсіонѣ моемъ по утверженіи онаго Государемъ Императоромъ, но и до сихъ поръ я остаюсь безъ всего. По старому знакомству покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь: не откажите справиться, если можно, и увѣдомить меня, чего и скоро ли могу я надѣяться. Симъ много обяжете того, кто съ совершеннымъ къ Вамъ почитаніемъ и таковою жъ преданностію всегда пребудетъ

Вашъ, Милостиваго Государя,
Покорнѣйшій слуга.

Октября 17-го 1846-го года.

Казань.

№ 31.

Милостивый Государь
Савва Андрѣевичъ

На почтеннѣйшее письмо ваше отъ 17-го Октября, поспѣшаю и имѣю удовольствіе увѣдомить васъ Милостивый Государь, что о назначеніи за службу вашу пансіона по 428 руб. серебромъ въ годъ, положеніе Комитета Гг. Министровъ, Высочайше утверждено 22-го Октября прошедшаго мѣсяца; о чемъ, въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ и сообщеніе отъ Г. Министра внутреннихъ дѣлъ Казанскому военному Губернатору для надлежащаго распоряженія.

Съ симъ вмѣстѣ покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи и совершенной преданности, съ коими на всегда честь имѣю быть

вашимъ
Милостиваго Государа
покорнѣйшимъ слугою
Петръ Поль.

8-го Ноября 1846.
С. Петербургъ.

№ 32.

Духовное завѣщаніе даетъ вамъ яркую картину печальнаго матеріальнаго положенія, въ какомъ находился С. А. въ послѣдніе годы своей долгой жизни.

Копія съ духовнаго завѣщанія Статснаго Совѣтника и Кавалера Саввы Андреевича Москотильникова.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа; аминь. Я, нижеподписавшійся, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Савва Андреевичъ Москотильниковъ на семьдесятъ осьмомъ году жизни, въ слабомъ положеніи здоровья, но въ полныхъ силахъ ума и въ твердой памяти, симъ духовнымъ завѣщаніемъ объявляю что я все благопріобрѣтенное мною, скудное мое движимое имущество, въ чемъ бы ни заключалось, по смерти моей оставляю въ полное распоряженіе моей любезнѣйшей приемной дочери изъ Казанскаго мѣшанства, дѣвицѣ Прасковьѣ Константиновнѣ, въ вѣтахъ частнаго благороднаго пансіона, гдѣ она получила свое образованіе, названной по воспитателѣ Москотильниковою. Надѣюсь, что сего имущества, по превращеніи онаго посредствомъ продажи или залога въ наличныя

деньги, достанетъ на скромное погребеніе моего тѣла по христіанскому обряду и на платежъ нѣсколькихъ долговъ, о которыхъ она, какъ ближайшій другъ мой, совершенно извѣстна. Затѣмъ весь остатокъ, если таковой быть можетъ, завѣщаю ей въ собственность, какъ должную награду за ея дѣтскую ко мнѣ преданность и въ память нѣжно-любившаго ее воспитателя. Къ сему жъ принадлежитъ и квитанція Казанскаго Уѣзднаго Казначейства, въ двухъ стахъ сорока рубляхъ ассигнаціями, внесенныхъ мною и отправленныхъ въ сохранную казну на обезпеченіе платежа податей и другихъ повинностей за одну изъ двухъ душъ дворовыхъ людей, по послѣдней ревизіи за мною по г. Казани написанныхъ, за которыхъ однако жъ всѣ подати и повинности мною платимы были бездомочно. Изъ означенныхъ дворовыхъ людей вучеру Степану Прокофьеву съ его второбрачною женою и рожденнымъ послѣ ревизіи сыномъ давно уже выдана мною отпускная, а Марка Афанасьевъ, ремесломъ столяръ, послѣ ревизіи женился на вдовѣ изъ свободнаго состоянія, и оба отпущены безоброчно для снисканія здѣсь въ городѣ собственными трудами себѣ содержанія. Сихъ послѣднихъ предоставляю исполнительницѣ моего завѣщанія, по ея волѣ или продать кому-либо въ населенное имѣніе или просить о принятіи ихъ въ казну съ выдачею за нихъ узаконенной суммы, и дать имъ отпускную по надлежащему. Ей оставляю литературные труды мои, и ей же передаю для храненія мои служебные акты, дипломъ на званіе члена Общества любителей наукъ, словесности и художествъ и Казанскаго любителей отечественной словесности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и бронзовую медаль 1814 года, какъ памятникъ участія моего въ славѣ отечественной. Не могу ничего завѣщать многочисленнымъ семействамъ братьевъ моихъ по отцѣ, но рожденныхъ отъ другой матери. Еще съ малолѣтства разлученный съ родителемъ, когда онъ вступилъ во второй бракъ, я оставленъ былъ соб-

ственному о жизни моей попеченію, а по смерти родителя, братья мои, одни наслѣдовавъ, промышленнымъ его заведеніемъ приобрѣли отъ поташнаго завода капиталъ многотысячный, были несравненно богаче меня, и если положеніе нѣкоторыхъ измѣнилось впоследствии, я не имѣю способовъ къ улучшенію ихъ жребія. Вотъ мое оправданіе. Представить по смерти моей сіе духовное завѣщаніе къ утвержденію, куда слѣдуетъ, въ законный срокъ поручаю вышепоименованной приѣмной моей дочери, или кому она отъ себя доверитъ. Января 1845 года къ сему духовному завѣщанію Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Савва Андреевъ Москотильниковъ руку приложилъ. Сіе духовное завѣщаніе, съ точныхъ словъ завѣщателя, писалъ Губернскій Регистраторъ Александръ Яковлевъ сынъ Канцеровъ. Что сіе Духовное завѣщаніе Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Саввою Андреевичемъ учинено въ здоровомъ умѣ и твердой памяти и подлинно подписано его рукою, въ томъ, свидѣтельствуя, подписуюсь духовный отецъ его, Казанской Николо-Ляпуновской церкви Священникъ, Константинъ Павловъ Полетаевъ. Свидѣтельствую, что сіе духовное завѣщаніе учинено въ здоровомъ умѣ и твердой памяти и подписано собственноручно Статскимъ Совѣтникомъ Саввою Андреевичемъ сыномъ Москотильниковымъ Казанскій Вице-Губернаторъ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Матвій Демьяновъ сынъ Завѣлейскій. Въ томъ же свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ Надворный Совѣтникъ Иванъ Афанасьевъ сынъ Сокольскій.

Въ вышеприведенныхъ документахъ и письмахъ заключается не мало данныхъ не только для біографіи С. А. Москотильникова, но и для изображенія картины культурнаго состоянія провинціального русскаго общества въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ, равно и по исторіи города Казани.

Недавно стала выходить въ свѣтъ исторія города Москвы, составляемая почтеннымъ ученымъ *И. Е. Забѣлинымъ* по весьма широкой программѣ, имѣющей охватывать всѣ жизненныя проявленія Москвы на всемъ протяженіи ея многовѣковой исторіи.

Подобная исторія Казани пока еще, къ сожалѣнію, немислима: и не собраны матеріалы, и то, что собрано, мало обработано. Но если когда-либо такая исторія будетъ написана, и если въ этой книгѣ будетъ отведена глава и культурной исторіи нашего города, то одна изъ почетнѣйшихъ страницъ такой главы будетъ, несомнѣнно, посвящена тому лицу, о коемъ трактуютъ собранные нами матеріалы,—С. А. Москотильникову.

IV. Къ исторіи «Арзамаса»

(„Видѣнія“ МОРЕЛЛЕ и БЛУДОВА).

Какъ извѣстно, внѣшнимъ поводомъ къ основанію Арзамасскаго Общества послужила піеса *Д. Н. Блудова*, написанная въ 1815 г. въ защиту *В. А. Жуковскаго*, на котораго напалъ князь *А. А. Шаховской* въ своей комедіи „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды“. Сочиненіе *Д. Н. Блудова* „Видѣніе въ какой то оградѣ“ считаютъ подражаніемъ піесѣ французскаго аббата *Morellet*, „*La Vision de Charles Palissot*“. Къ сожалѣнію, никто до сихъ поръ не занялся сопоставленіемъ этихъ двухъ піесъ, чтобы опредѣлить степень зависимости одной отъ другой и сравнительное ихъ достоинство. Такое сличеніе затруднялось еще тѣмъ, что Блудовское „Видѣніе“ оставалось въ рукописи (напечатано теперь *В. И. Саитовымъ* въ „Остафьевскомъ архивѣ впазей Вяземскихъ“, въ примѣчаніяхъ къ I тому, стр. 409—413).

Піеса Морелле появилась въ 1760 г. въ самый разгаръ борьбы между французскимъ дворомъ и энциклопедистами. Довольно подробное описаніе интересующаго насъ эпизода можно найти въ книгѣ *И. И. Иванова*, „Политическая роль французскаго театра“, М. 1895, стр. 104—107 и 358—374. Презрѣнный писака *Памиссо* (1740—1814), вставши подъ защиту двора и министровъ „старога режима“, сдѣлалъ нѣсколько весьма рѣзкихъ и въ высшей степени оскорбитель-

ныхъ вылазокъ противъ лучшихъ и передовыхъ тогдашнихъ французскихъ писателей, преимущественно, противъ *Ж. Ж. Руссо* и кружка энциклопедистовъ, пытаясь ихъ осмѣять въ нѣсколькихъ комедіяхъ, изъ которыхъ „Философы“ были апогеемъ неприличія. „Философы“—хищные обманщики, будто бы пытающіеся эксплуатировать довѣрчивыхъ простаковъ. Они готовы подраться между собой, когда интересы ихъ сталкиваются. Наконецъ грязныя продѣлки ихъ обнаруживаются, и ихъ прогоняютъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ является на сцену на четверенькахъ въ видѣ протеста противъ цивилизаціи. При написаніи своей пьесы Палиссо воспользовался комедіей *Мольера* „Ученныя женщины“, а въ текстѣ вставилъ массу выдержекъ изъ сочиненій энциклопедистовъ, извращая и коверкая ихъ.

Одинъ изъ второстепенныхъ энциклопедистовъ, аббатъ *Андре Мореллѣ* (1727—1819) былъ такъ возмущенъ этою наглою и скандальною выходкой Палиссо, что выпустилъ убійственный памфлетъ на комедію Палиссо подъ формою ея „Предисловія“. Остальныя обстоятельства будутъ ясны изъ приводимыхъ нами мѣстъ изъ первоисточника, воспоминаній самого Морелле.

„Г. Палиссэ поставилъ свою комедію „Философы“, гдѣ *Гельвецій, Руссо, Дидро, Даламберг* и др. были выведены на сцену, какъ плуты, враги всякаго авторитета и разрушители какой бы то ни было морали. Я присутствовалъ на второмъ представленіи вмѣстѣ съ *Мальзербомъ*. Тогда я проживалъ неподалеку отъ театра... Въ негодованіи я вернулся домой,— и почти однимъ разомъ, въ теченіе большей части ночи я написалъ „Предисловіе къ комедіи „Философы“.

Я долженъ здѣсь признаться: въ этомъ сочиненіи я значительно переступаю границы литературной шутки по отношенію къ Палиссэ, и еще теперь я за свои прегрѣшенія, нельзя сказать, чтобы не испытывалъ угрызений совѣсти; но кое-чѣмъ можно нѣсколько извинить мою ошибку. Всѣ тамъ приведенные мною факты изъ жизни Палиссо я получилъ отъ человѣка, пользовавшагося хорошей репутаціею честности, *la Condamine*. За два дня до того я обѣдалъ у него съ г. *Trudaine*. Не говорили ни о чемъ иномъ, какъ о новой піесѣ, которой первое представленіе уже состоялось. Онъ отвелъ меня въ простѣнокъ между окнами (*embrassure*) и сказалъ мнѣ: „Хотите ли знать, чтѣ за человѣкъ нынѣ разыгрываетъ кавалера нравовъ и религіи? вотъ исторія его жизни“. Въ то же время онъ прочелъ мнѣ небольшое сочиненіе въ формѣ *des Quand*, гдѣ Палиссо былъ обрисованъ съ ногъ до головы. Память моя тогда была довольно вѣрная. Я зналъ *Лякондамина* за хорошаго человѣка и хорошаго ловца (*fureteur*)—и

даже не слишкомъ легковѣрнаго для любопытнаго. Факты, имѣ собранныя, очень естественно умѣщались въ рамку, которая предо мною открылась.

На слѣдующее утро я отнесъ мой набросокъ къ *Даламберу* и *Тюрго*, моимъ единственнымъ конфидентамъ. Они нашли его очень хорошимъ. Тюрго контрассигнировалъ мое произведеніе, и я послалъ его въ Ліонъ къ *Jean - Marie Bruyset*, книгопродавцу, моему земляку и другу. Онъ уже напечаталъ мнѣ *les Si*, и *les Pourquoi* и „Всеобщую молитву“ (*La Prière universelle*). Черезъ нѣсколько дней онъ вернулъ мнѣ мое сочиненіе напечатаннымъ. Я роздалъ экземпляры нѣсколькимъ разносчикамъ (кольпортѣрамъ). Брошюра чрезвычайно быстро разошлась, ее читали повсюду: и въ Тюйлери, и въ Пале-Рояль видѣли группы читателей, смѣющихся взрывами смѣха (*aux éclats*). Я заботливо скрывалъ себя. Но все-таки мнѣ не удалось избѣгнуть самому читать „Предисловіе“ въ нѣсколькихъ домахъ, гдѣ за мной признавали талантъ хорошаго чтеца, и я повсюду слышалъ, что брошюра великолѣпна, при чемъ не былъ принужденъ что-либо изъ нея уступать, дабы не обнаружить (*déceler*) себя.

Къ несчастію мой триумфъ былъ преходящимъ. Въ свой памфлетъ я помѣстилъ принцессу *de Robesp*, молодую и хорошенькую женщину. Впрочемъ я, не называя ея, сказалъ только:

„И увидятъ, какъ важная барыня, очень больная, пожелаетъ вмѣсто всякаго утѣшенія передъ смертью,—присутствовать на первомъ представленіи и скажетъ: „Видѣста очи мои мщеніе“.

Чтобы понять эти слова, надобно знать, что г-жа Робекъ, которая старалась выказывать (*affichait*) большую ненависть ко всему, что называли „философами“, подверглась уже жестокому нападенію въ предисловіи къ *Fils naturel* Дидро: ибо съ этихъ поръ знали, что это онъ позволилъ себѣ дойти

до такого увлеченія. Она была въ бѣшенствѣ: она приняла ПалиссѸ, преодолѣла всѣ препятствія, какія полиція противопоставляла представленію его произведенія; наконецъ, умирая отъ чахотки, и харкая кровью, она пришла на первое представленіе подъ руку съ авторомъ и принимала его въ своей ложѣ, откуда ей пришлось уйти въ 4-мъ актѣ.

Это покровительство открытое, аффишированное, казалось мнѣ, удобно могло быть отмѣчено въ маленькомъ памфлетѣ, разъ оно было столь публичнымъ. Однако это и было слово, которое навлекло на меня *lettre de cachet*; съ нимъ меня взяли и отвели въ Бастилю, гдѣ я пробылъ 2 мѣсяца безъ всякаго общенія.

Шуазель любилъ (тогда или прежде) Робекъ. Она умерла. Палиссо мою шутку, гдѣ ей попало, адресовалъ ей, какъ „отъ автора“, — жестокость, на которую я былъ неспособенъ. Она потребовала у Шуазеля мщенія. Начались розыски. Разносчикъ (*colporteur*) продалъ меня.

Коммисаръ и эжемптъ полиціи, арестовавшіе меня, потребовали мои бумаги; я выдалъ имъ безъ затрудненій три другихъ маленькихъ сочиненія, которыя я приготовлялъ для слѣдующихъ недѣль, потому что я разошелся (*en train*) и продолжалъ бы охоту еще долго. Это дало поводъ Вольтеру при извѣстіи о моемъ задержаніи сказать: „Жаль, что такой хорошій офицеръ попалъ въ плѣнъ въ началѣ кампаніи“.

Мое плѣненіе окончилось въ послѣдніе дни августа. Своей свободою я обязанъ *Мальзербу*, маршалу *Нюэю* и особенно женѣ маршала *Люксанбура*. Имъ я обязанъ тѣмъ, что меня не выгнали изъ Парижа, — идея, которую было внушили Шуазёлю нѣкоторые покровители Палиссо. Я долженъ еще сказать, что на мое несчастіе г-жа Робекъ, которую я не могъ считать столь больною, потому что она была на комедіи, умерла приблизительно чрезъ двѣ недѣли послѣ моего заключенія; а это не замедлило поднять противъ меня всѣхъ чув-

ствительных (sensibles) женщин и всѣхъ придворныхъ, которые повторяли, что это я ей нанесъ смертельный ударъ, и что на мнѣ слѣдуетъ показать примѣръ. Къ счастью я нашелъ защитниковъ и былъ освобожденъ“...

(Mémoires inédits de l'abbé Morellet. Deuxième édition, considérablement augmentée. Tome I. Paris, 1822. Chap. IV, p. 89—93).

Приведемъ теперь самый текстъ памфлета Морелле по его *Mélanges de littérature et de philosophie*, Paris, т. II, 1818, стр. 1—12. Морелле снабдилъ свое произведение такимъ „предувѣдомленіемъ“:

„Авторъ помѣщаетъ слѣдующую пьесу въ число „прегрѣшеній юности“—*Delicta juventutis*, и по этой именно причинѣ онъ откинулъ бы ее изъ настоящаго собранія, если бы она не составляла части исторіи литературы XVIII в., и если бы она не была сохранена съ сочиненіями Вольтера—того же времени въ сборникѣ подъ заглавіемъ *Facéties ragieuses*; такимъ образомъ она была черезчуръ распространена, чтобы можно было надѣяться ее совершенно уничтожить. Но, перепечатывая ее, нужно было исключить изъ нея сильныя обвиненія и преувеличенія, какія общественная молва и, безъ сомнѣнія, духъ партіи распространили противъ автора пьесы „Философы“, который, конечно, былъ очень тяжело виноватъ предъ тѣми, кого этимъ именемъ называли, но котораго не слѣдовало побороть тѣмъ же орудіемъ, какое употреблялъ онъ самъ. Авторъ „Видѣнія“, связанный съ издателями *Энциклопедіи*, въ которую онъ поставлялъ нѣкоторыя статьи, заслуживалъ извиненія за то, что онъ хотѣлъ защитить ихъ въ глазахъ правительства отъ того рода преслѣдовагій, какое противъ нихъ возбуждали. Но, защищая дѣло своихъ друзей—и свое собственное, онъ сознается, что преступилъ законныя предѣлы, и проситъ, чтобы эта пьеса была печатаема не въ иномъ видѣ, какъ она вошла въ это изданіе“.

Предисловіе

къ комедіи „Философы“ или *Видѣніе Шарля Палиссд.*

И въ первый день мѣсяца января года отъ Р. X. 1760 сидѣлъ я у себя въ комнатѣ въ улицѣ Basse-du-Rempart, и не имѣлъ нисколько денегъ.

И я сказалъ: „Охъ, кто дастъ мнѣ краснорѣчіе г-на Шаумеіх¹⁾, легкость Бертье, и глубину Фрерона? И я напишу хорошую сатиру, и продамъ ее за 400 франковъ, и въ Пасхѣ подарю себѣ новый камзолъ“.

И я вращалъ эти мысли въ своемъ умѣ, и я услышалъ голосъ, называвшій меня по имени, и былъ я охваченъ страхомъ, потому что я боюсь, даже когда я одинъ, и голосъ ободрилъ меня и сказалъ мнѣ:

„Я избралъ тебя изъ тысячи, чтобы освятить театр французской комедіи, чтобы сдѣлать изъ него училище религіи, и чтобы побороть тамъ философію, какъ до сего дня тамъ поборали смѣшное.“

„И комедія станетъ назидательнымъ зрѣлищемъ, и капуцины станутъ туда посылать своихъ послушниковъ, и настоятели семинарій — молодыхъ своихъ влрековъ, и благочестіе будетъ примирено съ театромъ, какъ уже примирили его съ разумомъ²⁾.“

¹⁾ О *Шомен* см. у В. А. Бильбасова, Дидро въ Петербургѣ, СПб., 1884, стр. 289—290, примѣчаніе № 30. Шомен умеръ въ Москвѣ, гдѣ былъ школьнымъ учителемъ.

²⁾ Намекъ на сочиненіе епископа du Ruу, брата г. де Помпийяна, подъ заглавіемъ «О благочестіи, примиренномъ съ разумомъ» (de la Dévotion réconciliée avec l'esprit), о которомъ Даламберъ говаривалъ, что это — la réconciliation portande (примиреніе притворное).

„И станутъ отнынѣ распознавать набожныхъ по ихъ постоянному пребыванію (*assiduité*) въ комедіи и по рукоплесканіямъ, какія они тебѣ будутъ расточать,—а людей нерелигіозныхъ и философовъ,—по презрѣнію, съ какимъ они будутъ относиться къ твоей пьесѣ и къ ея поклонникамъ.

„И ты разрисуешь гнусными красками философію, и ты обвинишь философовъ въ томъ, что у нихъ нѣтъ ни доброй нравственности, ни честности, что они подстрекаютъ къ мятежу и ненавидятъ правительство: и въ твою пользу я заставлю замолчать законы, которые строго осуждаютъ (*proscrivent*) клевету.

„И ты преувеличишь ошибки тѣхъ немногочисленныхъ, которые въ метафизическихъ трудахъ своихъ черезчуръ далеко пошли въ свободѣ мысли, и отравишь ядомъ то, что они скажутъ истиннаго.

„И ты станешь убѣждать своихъ зрителей, что люди всегда похожи на свои книги, потому что на этомъ ты самъ еще выиграешь: ты не будешь обезславленъ болѣе, нежели твои произведенія.

„И ты дашь понять, что у всѣхъ тѣхъ, кого зовутъ философиями, убѣжденія одни и тѣ же, чтобы заблужденія одного кого-нибудь сдѣлали ненавистными всѣхъ прочихъ.

„И наименованіе философіи будетъ на французскомъ языкѣ обидою: и когда увидятъ, какъ кто-либо приноситъ другому вредъ, скажутъ: „это—философъ!“

„И, чтобы назначать на мѣста въ академіяхъ, не станутъ болѣе спрашивать, какія у кандидатовъ сочиненія, а—это ихъ духовникъ; и у дверей въ залу повѣсятъ кружку (*tronc*) и кропильницу, и приѣмныя разсужденія будутъ проповѣди противъ безвѣрія (*incrédulité*).

„И пригласятъ колоніи испанскихъ и португальскихъ монаховъ, дабы возстановить простоту вѣры и чистоту нравовъ изъ вѣковъ невѣжества, и чтобы искоренить философію, —учредить нѣсколько трибуналовъ св. инквизиціи.

„И ничего не стануть печатать, что не будет одобрено тремя докторами богословія изъ Коимбры или Саламанки и четырьмя инквизиторами.

„И каждый годъ будетъ по малевькому *auto da fé*, гдѣ стануть сжигать въ изо браженіи (*in effigie*),—но это только въ теченіе первыхъ лѣтъ,—извѣстное число литераторовъ во спасеніе и поученіе прочимъ.

„И когда ненавистный свѣтъ этой проклятой философіи окончателно будетъ затушенъ, и всѣ знаменитые люди, которые теперь посреди васъ, разсѣятся по Голландіи, Пруссіи, Англіи, вы всѣ возликуете и скажете:

Enfin tout philosophe est banni de céans,
Et nous n'y vivrons plus qu'avec d'honnêts gens!

„Наконецъ всякій философъ отсюда изгнанъ—

И мы останемся поживать только съ честными людьми“¹⁾.

И твоя именно комедія произведетъ эти великія событія.

„И я сказалъ голосу: „Какъ же исполнится слово твое? вѣдь я не знаю театра: у меня нѣтъ иной извѣстности, кромѣ, какъ черезъ философовъ, на которыхъ я написалъ мои „Маленькія письма“ (*Petites lettres*). Моя трагедія *Zarès* была извѣстна лишь по II акту; моихъ „Опекуновъ“ (*Tuteurs*) забыли вплоть до имени; а за то, что въ Нанси я написалъ пьесу „Оригиналы“, которая неизвѣстна до сего дня, меня едва не выгнали изъ академіи“.

И голосъ продолжалъ: „Не бойся ничего! Я пребуду съ тобою, и я дарю твое пьесѣ счастливый успѣхъ; и мѣтръ *Алиборонъ*, по прозванію *Фреронъ*, членъ Анжерской академіи, поможетъ тебѣ въ работѣ, и авторъ *Сасонас* (*Моро*), котораго я вдохновила, и *Авраамъ Шапмеиш*, и авторъ апологіи *Сентъ-Бартелеми* (*Савеугас*), котораго я наименовала сыномъ мо-

¹⁾ Два стиха изъ комедіи «Философы».

имъ, и авторъ рѣчи, которая 10 марта будетъ произнесена во французской Академіи (Помпидьянъ).

„И ты соберешь эпиграммы начальниковъ клермонской коллегіи, и декламации Journal'я de Trévoix, и клеветы изъ *Année littéraire*, и тонкости „Кауаковъ“ и аргументы *Gazette ecclésiastique*, и остроты твоихъ болтуній, и черты краснорѣчія изъ епископскихъ посланій.

„И ты возьмешь избитую интригу, и ты сопоставишь нѣсколько сценъ, одну подлѣ другой; и эти сцены будутъ либо пустыя мудрствованія, либо грубыя клеветы, либо возмутительныя нападки на личности; и ты назовешь это „Философы“.

„И ты прочтешь свою пьесу монсеньёру епископу В. (Du Roy) прежде представленія, и онъ найдетъ ее очень поучительною.

„И увидятъ одну большую барыню, очень больную (мадамъ де Р.), желающую вмѣсто всякаго утѣшенія, прежде, чѣмъ умереть, присутствовать на первомъ представленіи твоей пьесы и она скажетъ:

„Нынѣ отпускаеши рабыню твою, Владыко, съ миромъ, яко видѣста очи мои мщеніе“.

„И эта большая барыня въ своемъ завѣщаніи откажетъ сумму на благочестивыя цѣли—на покупку сотни билетовъ въ партерѣ на каждое представленіе твоей комедіи,—и билеты будутъ распределены для большей славы Бога и твоей—между людьми, которые обяжутся аплодировать; и чтобы быть еще болѣе увѣреннымъ въ ихъ голосахъ, ты въ заключеніи скажешь черезъ одного изъ твоихъ актеровъ, что „старинный вкусъ еще держится въ партерѣ“.

„И дворъ, и городъ захотятъ посмотрѣть твою комедію, и толпа тамъ будетъ больше, чѣмъ на первыхъ представленіяхъ „Заиры“, и удвоятъ полицейскій нарядъ, и продается, когда напечатаютъ, твоей пьесы 20,000 экземпляровъ.

„И хотя бы твоя пьеса была безъ интереса, хотя бы она была жалка и плоска, мои слуги станутъ рукоплескать зловредностямъ, какія ты расточишь, и мы сдѣлаемъ людей образованныхъ—смѣшными, а философовъ ненавистными.

И я сказалъ голосу: „Я въ рукахъ твоихъ, что глина въ рукахъ горшечника; но начальство (magistrats) не захочетъ дозволить представленія моей комедіи, и чтобы этотъ родъ зрѣлицъ укоренился въ нашемъ народѣ; актеры не пожелаютъ ее играть, и если ее представлять, то я подвергаюсь случайности, что меня прикончитъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кого я оскорбилъ“.

И голосъ продолжалъ: „Имѣй увѣренность! я предъ тобой изглажу всѣ затрудненія; могущественные люди станутъ покровительствовать твоей пьесѣ и спрячутся за нее; и для тебя одного отклонятся отъ обыкновенныхъ полицейскихъ законовъ; и не позволятъ на сценѣ представлять притворство, скандалъ, плутовство, глупости и т. п., но одну только философію разрѣшать.

„И актеры возлюбятъ денежки болѣе, нежели честь, и не станутъ ожидать, чтобы ихъ силой принуждали играть твою пьесу; и если кто изъ ихъ товарищей (дѣвица Claiçon) представитъ имъ, что они утратятъ дружбу литераторовъ, которыхъ они почитали, они найдутъ хорошимъ, что ты на самомъ ихъ театрѣ нападаешь на этого нескромнаго цензора; и ты сообщишь своимъ актерамъ, что эти плуты - философы нашли себѣ приверженцевъ даже среди актрисъ.

„И чтобы обезопасить тебя противъ исправленія, котораго ты долженъ бояться, ибо тамъ, гдѣ законы молчатъ, возвращаетъ себѣ право насиліе, я ожесточу спину твою, какъ горбъ верблюдовъ Мадіана и Эфа, и кожу твою, словно шкуру дикихъ ословъ (онагровъ) въ пустынѣ.

„И если ты такимъ образомъ исполнишь мои желанія, хотя бы ты и былъ наималѣйшей среди литераторовъ, ты

сразу станешь знаменитостью, и на тебя будут показывать пальцемъ, и скажутъ: „Вотъ авторъ пьесы: „Философы“! вотъ онъ!“ Ибо твой малый духъ я избралъ, дабы побить геній,— и невѣжество твое, чтобы обезславить знаніе.

И друзья литературы не захотятъ болѣе принимать тебя у себя на дому, какъ до твоей комедіи; но они спросятъ, что ты за человѣкъ, и что дѣлалъ ранѣе, чѣмъ написалъ комедію „Философы“.

„И расскажутъ имъ, какъ ты приходишь изъ уроженцевъ Нанси, и какъ ты съ раннихъ поръ творилъ невеликія произведенія и великія глупости.

„И какъ ты составилъ комедію въ Лотарингіи, гдѣ ты вывелъ на сцену женщину, почтенную и по роду, и по талантамъ, г-жу дю Шатле (Châtelet), и философа, которому ты не достоинъ развязать шнурки у башмаковъ (Ж. Ж. Руссо); и какъ честные люди, твои земляки, хотѣли выгнать тебя изъ Нансійской академіи, и какъ философъ, котораго ты и обругалъ, и еще обругаешь, былъ твоимъ представителемъ.

„И какъ посреди пѣвоей оргіи ты отрекся отъ христіанства передъ однимъ изъ твоихъ товарищей (Poinsinet).

„И какъ Фреронъ, членъ Анжерской академіи, нашелъ тебя годнымъ способствовать его великимъ намѣреніямъ, и взялъ тебя къ себѣ въ пору лаять съ нимъ и надругаться надъ талантами и геніемъ.

„И когда такимъ образомъ соберутъ твои дѣянія и подвиги и нѣсколько ознакомятся съ твоими малыми твореніями, то удивятся, какъ это ты-то сталъ апостоломъ нравственности и защитникомъ религіи; и ты отвѣтишь, что рвеніе покрываетъ множество прегрѣшеній, и что больше значитъ быть доказчикомъ, чѣмъ невѣрующимъ, и больше клеветникомъ, нежели философомъ,—и твой отвѣтъ найдутъ хорошимъ.

„И если тебя спросятъ, кто тебя послалъ, и кто тебѣ приказалъ писать твою комедію, ты скажешь, что это я, и я сейчасъ дамъ тебѣ себя знать, и открою тебѣ глаза.

И голосъ пересталъ вѣщать, и я почувствовалъ, что какъ-бы облако разсѣвается предъ моими зрачками, и я узрѣлъ маленькую женщину, одѣтую въ разноцвѣтное платье, и она была въ прическѣ конца царствованія Луи XIV; и она держала въ правой рукѣ стилетъ, а въ лѣвой—четки, и съ руки ея свѣшивались на лентахъ—кресты разныхъ орденовъ, командорскіе жезлы, бархатныя судейскія шапочки, много митръ, патенты всякаго рода и большое количество кошелевковъ.

И она дѣлала много гримасъ.

И глаза ея были опущены, и она смотрѣла внизъ и назадъ себя съ безпокойствомъ.

И я видѣлъ, что она замѣтно росла, пока я на нее глядѣлъ, и я сдѣлаю предположеніе, что чрезъ малое время она будетъ сильна и могущественна.

И на лбу ея было написано: *Н а б о ж н о с т ь п о л и т и ч е с к а я*, и на груди ея: „Я ж д у“.

И я распростерся у ногъ ея, и она дала мнѣ одинъ изъ кошелевковъ, и она положила мнѣ на голову руку, и я почувствовалъ себя одушевленнымъ ея духомъ, и я сѣлъ писать—свою комедію „Философы“, какъ отсюда само собой понятно (*comme il s'en-suit*).

~~~~~

Перейдемъ теперь къ памфлету Д. Н. Блудова, направленному прогивъ князя А. А. Шаховскаго и А. С. Шишкова.

## Видѣніе въ какой-то оградѣ,

изданное обществомъ ученыхъ людей.

Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable.

*Предувѣдомленіе отъ издателей.*

Общество друзей литературы, забытыхъ Фортуною и живущихъ вдали отъ столицы, собиралось по назначеннымъ днямъ въ одномъ Арзамасскомъ трактирѣ. Тамъ члены Общества за столомъ, покрытымъ ветхою скатертью и не обремененнымъ блюдами, проводили вечера въ разговорахъ о предметѣ, ими любимомъ; никогда не ссорились, но часто спорили, и споры ихъ иногда продолжались до утра. Случилось, что въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, возлѣ ихъ скромной академіи, за тонкою перегородкою, ночевалъ какой-то пріѣзжій, никому незнакомый въ Арзамасѣ. Но вдругъ, въ срединѣ ночи, спокойствіе литературнаго разговора было нарушено страннымъ шипѣньемъ и бормотаньемъ какъ будто сквозь сонъ. Эти чудные звуки выходили изъ комнаты пріѣзжаго, а любопытство—порокъ не однихъ женщинъ. Оно возбудилось въ Арзамасскомъ ученомъ обществѣ. Одинъ молодой членъ подошелъ къ перегородкѣ, за нимъ другіе. Широкая щель открыла передъ ними догорающій ночникъ, постелю и тучное тѣло

ихъ сосѣда<sup>1)</sup>. Онъ былъ погруженъ въ крѣпкій сонъ, но сонъ не мѣшалъ ужасному волненію. Долго чудесный проѣзжій вертѣлся подъ одѣяломъ, наконецъ спустился съ постели и началъ бродить по комнатѣ. Бока его раздувались отъ одышки, потъ лился съ него градомъ, ежеминутно у него вырывались невнятные слова; но вдругъ онъ остановился, размахнулъ руками и, не просыпаясь, даже не переставая храпѣть, громкимъ голосомъ прокричалъ реляцію о какомъ-то видѣніи. Потомъ, безъ отдыха и продолжая спать, онъ повторилъ ее въ другой, въ третій, въ четвертый разъ и наконецъ столько разъ, что члены Общества успѣли записать всѣ слова его отъ перваго до послѣдняго. Общество почитаетъ обязанностью сообщить сіе видѣніе публикѣ. Само по себѣ оно не весьма любопытно; но не можетъ ли послужить дополненіемъ къ исторіи магнетическаго сна? Что касается до сочиненій и авторовъ, о которыхъ грезилъ проѣзжій, то, вѣроятно, они не существуютъ. По крайней мѣрѣ, ни имена сихъ авторовъ, ни ссоры ихъ не дошли до свѣдѣнія мирныхъ литераторовъ Арзамаса.

*Видѣніе въ какой-то оградѣ.*

И было въ лѣто второе отъ Лейпцигской битвы, въ мѣсяцъ третій, въ день пятый на десять, и былъ въ Словесницѣ и видѣлъ въ Словесницѣ мерзость и запустѣніе, и отъ чтенія стиховъ моихъ пронзилъ меня хладъ полунощи.

И вотще обращалъ я взоры мои одесную и ошую и по стѣнамъ обнаженнымъ чертога, и по сѣдалищамъ, и по лавкамъ, и не было ни друговъ, ни соглядатаевъ.

И чтеніе стиховъ моихъ достигало середины, и всѣ словесные братія уснули вмалѣ, и смутился я духомъ моимъ, и помыслилъ: „Возстану, иду во свояси“.

И былъ я въ оградѣ Словесницы, и встрѣтила меня буря зѣльна и была вьюга отъ страны сѣверной и отъ по-

<sup>1)</sup> Князь А. А. Шаховской.

морія, и отъ Москвы, и отъ Волги, и снѣгъ осыпалъ меня, бѣлый, какъ волна агнцевъ юнчихъ, и дрожалъ я, какъ листья древа проклятаго.

И началъ я глаголатъ въ сердцѣ моемъ и сказалъ: „Нѣтъ надежды на счастье, и лишился я всѣхъ опоръ моихъ; и разсердилъ я слѣпца Эдипа, и раздражилъ я безумца Леара, и надобѣлъ я прочимъ друзьямъ моимъ; и нѣтъ уже друзей у меня, и нѣтъ денегъ, и есть заимодавцы“.

И влялъ я судьбу мою, творящую напереворъ мнѣ во всѣхъ дѣлахъ моихъ, ибо слезливъ я въ сатирахъ своихъ и забавенъ въ своихъ трагедіяхъ; и хочу я, чтобъ смѣялись надъ врагами моими, и смѣются одни враги мои; и люблю я красавицу, и уродъ мнѣ любовница; и пишу я стихи, и стихи мои—проза.

И вздохнулъ я отъ глубины утробы моей, и воскликнулъ я гласомъ великимъ и тонкимъ: „О, кто стихамъ моимъ дастъ игривость и легкость Мѣшкова, и силу тельца Барабанова, и чистоту двухъ Хлыстовыхъ!“<sup>1)</sup>

„И дерзну я, и возгремлю сатирами, и напишу я сатиру на моихъ благодѣтелей; и преложу я сатиру въ комедію, и комедію начиню я балетами, и за казенный убытокъ возьму изъ казны я пятьсотъ рублей, и не заплачу я долговъ моихъ“.

„И что помышляю о радостяхъ? Уже не блистать мнѣ въ листьяхъ и на сценѣ; уже прежнія чада главы моей скончались тихою смертію, и новыя чада родятся полумертвыя“.

И умолю я, и восплакалъ я, какъ послѣ успѣха чужой трагедіи, и положилъ я руки мои на чрево мое, и очи мои сокрылись въ ланитахъ моихъ.

И се слышалъ я въ десномъ ухѣ моемъ нѣкій гласъ охрипый и рѣзкій, какъ гласъ вѣтра въ ущеліяхъ горныхъ, какъ гласъ чтеца на Словесницѣ.

---

<sup>1)</sup> Александръ Семеновичъ Шишковъ, Петръ Матвѣевичъ Карабановъ, Хвостовы Александръ Семеновичъ и графъ Дмитрій Ивановичъ.

И помыслилъ я: „Се не Мѣшковъ ли глаголетъ?“ и озрѣлся я, и узрѣлъ сквозь оконце Мѣшкова, предъ столомъ спящаго.

И гласъ охрипый шепталъ мнѣ на ухо шее; и озрѣлся я и узрѣлъ единую колесницу ветхую и внималъ единому храпу конскому.

И страхъ зѣлный напалъ на меня, и воздымались останки власовъ моихъ, и помышлялъ я о бѣгствѣ, и чрево мое давило ноги мои, и былъ я недвижимъ, какъ ходъ комедій моихъ.

И сказалъ мнѣ гласъ охрипый: „Не бойся!“ И испугался я больше прежняго.

И снова сказалъ мнѣ гласъ охрипый: „Не бойся, озрися вспять и зри, и узришь!“

И подъялъ меня какъ духъ бурный, и подвигнулъ меня, и сталъ я чревомъ къ дому Словесницы, и не узрѣлъ я дома Словесницы.

И на мѣстѣ дома Словесницы узрѣлъ я нѣкій міръ извращенный, и тамъ, въ сумракѣ странномъ, предметы мѣняются въ видахъ своихъ, и маки тамъ кажутся розами, и за оніміамъ курится тамъ ельникъ, и гуща квасная тамъ кажется нектаромъ, и толокно тамъ—амброзія, и гудки почитаются лирами.

И носился въ туманѣ свитокъ великій, какъ ветхій столбецъ Приказа посольскаго, и развивался столбецъ, и по малу ишшелъ изъ столбца чудный призракъ во образѣ старца.

И явился мнѣ старецъ въ лучахъ изъ замерзлыхъ сосулекъ, и лицо его было, какъ древняя хартія, и волосы его, какъ снѣгъ вешній, съ багрянымъ пескомъ перемѣшанный.

И старецъ возсѣлъ на два мѣха изъ кожи воловѣй, и исполнены мѣхи корнями словесъ, и предъ мѣхами сидящій, обнимая колѣна мрачнаго старца, внималъ ему и дѣлалъ его, какъ чадо избранное, и вѣщаль мнѣ призракъ: „Чадо второе, приди и внимай мнѣ!“

„И почто смущаешься духомъ, и почто ужасаешься скудости мыслей, и что плачешь надъ бесплодіемъ главы твоей? И духъ твой не зависить отъ мыслей, и даръ твой не требуетъ знаній, и даръ твой питается чувствомъ единымъ, живущимъ вѣчно въ тебѣ и во мнѣ.

„И оное чувство и сушитъ насъ, и пучить, и грызетъ насъ, и движетъ, и не престанетъ возбуждать насъ, и мы не станемъ писать, доколѣ будетъ чуждое счастье, доколѣ будутъ терзать насъ успѣхи ума;

„И когда погибнуть таланты, и когда глупость возсядетъ на судилище вкуса, и тогда мы умольнемъ, и увы! не придетъ сіе время!

„И онымъ чувствомъ безсмертнымъ умертвилъ ты геній, создавшій въ Россіи трагедію, и почто есть другіе? О, чадо! Ополчись и успѣвай, и завидууй, и уязвляй!

„И напиши нѣчто и назови сіе нѣчто комедіей, и раздѣли сіе нѣчто на пять тетрадей, и тетрадь назовется дѣйствіемъ.

„И хвали проевъ русскихъ, и усыпи ихъ своими хвалами, и тверди о славѣ Россіи, и будь для русской сцены безславіемъ, и русскій языкъ прославляй стихами не русскими.

„И подражай Молиеру, и никто не узнаетъ Молиера, и превращай тонкое въ грубое, и забавное въ сонное, и Селимену въ знакому Буянова;

„И то не главное въ твоей нареченной комедіи; но омочи перо твое въ желчь твою и возненавидь кроткаго юношу, дерзнувшаго оскорбить тебя талантами и успѣхами;

„И разъярись на него бесплодною яростью, и лягни въ него десною рукою твоею и твоей грязью природной обрызгай его и друзей его:

„И представь не то, что въ немъ есть, но чего ты желалъ бы ему; и, чтобъ онъ казался глупцомъ, ты вложи въ него умъ свой, и стихи его да завянутъ въ рукахъ твоихъ,



какъ цвѣты отъ куренія смраднаго, и заснетъ онъ спокойно подь шумомъ ругательствъ твоихъ;

„И въ день оный придетъ къ тебѣ храбрость чудесная, и потъ хладный покроетъ тебя и стихи твои и достигнетъ до зрителей;

„И ты будешь остороженъ и мудръ, и соберешь ты полчище вѣрное, и будутъ въ томъ полчищѣ тридцать кресель и сто мѣстъ за креслами и пять-на-десять воинственныхъ женъ и сто воиновъ пѣшихъ:

„И поставится полчище отъ верху чертога до низу и отъ десныя страны и до шуя, и отъ скрипиць и до предверія, и единый воинъ, какъ бѣсомъ движимый, приблизится къ спокойнымъ врагамъ твоимъ и вопьется въ спящаго юношу;

„И, внимая мнимымъ стихамъ твоимъ, всѣ зрители будутъ переходить постепенно отъ жалости къ гнѣву и отъ гнѣва къ презрѣнью и отъ презрѣнія ко сну;

„И во всеобщемъ усненіи вознесется громъ дружины твоей, и громъ не разбудитъ зрителей, зане еще будутъ тянутъ стихи твои;

„И когда отыдутъ стихи твои, и се враги твоя воскликнутъ: „И сперва да явится онъ, усыпитель нашъ, да приметъ дань благодарности за благодѣяніе неумышленное“;

„И будетъ дружина твоя плескать тебѣ по найму и презирать тебя даромъ, и будетъ Словесница, зѣвая, хвалить тебя;

„И ты будешь одинъ восхищаться собою и съ умилениемъ скажешь: „Се нынѣ день торжества, и свершилось мщеніе, и безъ барыша я отыду въ домъ свой, но съ миромъ, и всѣмъ глупцамъ миръ“.

И престагъ вѣщать старецъ, и вложилъ онъ мнѣ въ сердце главу зми малой, и наполнился я духа старчаго, и престоало видѣнное, и сбудется.

---

Въ обѣихъ приведенныхъ пьесахъ центральное мѣсто занимаетъ „видѣніе“. У Морелле этотъ являющійся призракъ есть аллегорическая фигура политической реакціи, у Блудова же—отдѣльное, реальное лицо, Шишковъ. Во французской сатирѣ литераторъ Палиссо изображенъ излагающимъ въ видѣ предисловія къ комедіи тѣ обстоятельства, коими сопровождалось ея написаніе. У насъ—передаютъ якобы подслушанную „реляцію“ князя А. А. Шаховского, будто бы находящагося въ „магнетическомъ снѣ“. Русская варіація въ естественности уступаетъ французскому подлиннику. Внѣшняя библейская форма удержана и у Блудова.

Громадное различіе замѣчается въ точкѣ зрѣнія на предметъ и въ общемъ значеніи сатиры.

Морелле жестоко нападаетъ на личность Палиссо; онъ искусно комбинируетъ всѣ данныя его біографіи и создаетъ отталкивающую, уничтожающую карикатуру, строгую вѣрность которой, однако, самъ потерпѣвшій не можетъ отрицать. Всею силою своего благороднаго негодованія обрушивается Морелле на подлаго и продажнаго пасквилянта, имѣющаго за собою за то внѣшнюю силу и могущество. Морелле уничтожаетъ личность противника, но его интересуется не самая эта личность; его оружіе направлено не на жалкаго и презрѣннаго Палиссо, а на ту всемогущую партію, которая не побрезговала воспользоваться услугами темной личности якобы для защиты оскорбляемой религіи и нравственности. Морелле въ лицѣ Палиссо поражаетъ дворъ Людовика XV, угрызшій

въ неслыханномъ развратѣ—и тѣмъ не менѣе выдающій себя поборникомъ добрыхъ нравовъ, облыгающій „философовъ“, мнимыхъ враговъ цивилизаціи и добра. Наша русская сатира избрала себѣ несравненно болѣе скромную задачу. Перунъ мечется не во французскихъ грозныхъ дѣятелей политической реакціи, преслѣдующей науку и литературу, готовой разсадить „философовъ“ по тюрьмамъ и Бастильямъ. „Видѣніе“ въ какомъ то градѣ имѣеть цѣлю высмѣять двухъ довольно добродушныхъ литературныхъ дѣятелей, поклонниковъ стараго вкуса, осмѣливающихся не восторгаться безусловно всѣми поэтическими твореніями молодежи. И самъ авторъ Д. Н. Блудовъ—далеко не Морелле по убѣжденіямъ и характеру дѣятельности, да и Шишковъ съ Шаховскимъ не Палиссо, а въ общемъ люди не безъ заслугъ.

Морелле, уничтожая Палиссо, больно поражалъ развращенныхъ герцоговъ и епископовъ, стоявшихъ у кормила правленія. Стрѣлы остроумія Блудова задѣваютъ только личности Шишкова и Шаховского, какъ представителей обветшавой „Словесницы“, т. е. „Бесѣды любителей русскаго слова“; поэтому сатира Блудова, строго говоря, есть, по преимуществу, сатира характера не общественнаго, а личнаго.

Личность Палиссо обрисована во весь ростъ и главнымъ образомъ со стороны внутренней и нравственной. Сатира Блудова не такъ сильна по чувству и не такъ глубока по содержанію, какъ французская. Соответственно этому, и личности двухъ старцевъ осмѣяны со стороны внѣшности. Съ особенною любовью Блудовъ смѣется надъ толщиной Шаховского, надъ его тонкимъ голосомъ, надъ увѣнчанными глазами и т. д. У Шишкова высмѣяны его охриплый голосъ, цвѣтъ лица, сѣдые его волосы (!). Изъ душевныхъ свойствъ и обстоятельствъ жизни потерпѣвшихъ подверглись осмѣянію у Шаховского задолженность, неуспѣхъ его собственныхъ театральныхъ піесъ (неправда!) и вздохъ зависти при успѣхѣ

чужихъ, сожительство съ „уродомъ“, актрисою Катериной Ежовою, трусость; у Шишкова задѣты его любовь къ корнесловію и его „старчій духъ“, сродный зміѣной головѣ....

Сравнивая „видѣнія“ Морелле и Блудова, мы не можемъ не притти къ тому заключенію, что русская сатира, уступая французской по глубинѣ содержанія, художественности формы и силѣ чувства, стоитъ значительно ниже ея какъ по широтѣ замысла, такъ и по степени важности общественнаго и литературнаго значенія.

О происхожденіи этой піэсы Блудова *Ф. Ф. Вителъ* сообщаетъ слѣдующее (Записки, изд. 1892 г., ч. IV, стр. 172): „Для полученія наслѣдства Блудовъ когда то ѣздилъ въ Оренбургскую губернію. Дорогой случилось ему остановиться въ Арзамасѣ; рядомъ съ комнатою, въ которой онъ почевалъ, была другая, куда нѣсколько человѣкъ пришли отужинать, и ему послышалось, что они толкуютъ о литературѣ. Тотчасъ молодое воображеніе его создало изъ нихъ общество мирныхъ жителей, которые въ тихой, безвѣстной долѣ своей посвящаютъ вечера сужденіямъ о предметѣ, который тогда исключительно занималъ его. Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ и о другомъ, проведенномъ со мною, подало ему мысль библейскимъ слогомъ написать нѣчто подъ названіемъ „Видѣніе въ какой то оградѣ“. Арзамасскіе любители словесности въ одно изъ своихъ вечернихъ собраній слышатъ странный шорохъ въ сосѣдней комнатѣ; Шаховской въ магнетическомъ снѣ бродитъ по ней; они прислушиваются, а онъ рассказываетъ, какъ въ памятную намъ бурную ночь вздумалось ему остановиться передъ окошкомъ опустѣвшей залы дома Державина, и какія чудеса ему тамъ привидѣлись. Потомъ принимается онъ исповѣдывать всѣ тайны, но всѣмъ извѣстные грѣхи свои. Писано было отиѣнно забавно, а для Шаховского съ товарищами довольно язвительно“.

## У. И. П. Мятлевъ и народное остроуміе.

(„Разговоръ барина съ Аеонькой“).

Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ пользовался популярностью въ литературныхъ кругахъ, а также у нѣкоторой части читающаго общества И. П. Мятлевъ („Ишва Мятлевъ“, какъ его окрестилъ Лермонтовъ). Особенно нравился созданный имъ типъ степной помѣщицы, Курдюковой, ѣздящей по заграницамъ и сыпящей разсказами на французско-нижегородскомъ нарѣчьи, пополамъ съ русскимъ языкомъ. Разсказы этой барыни самъ Лермонтовъ готовъ былъ затвердить „отъ слова до слова“. Мятлевъ въ легкихъ стихахъ смѣялся вообще надъ аристократичаньемъ дурнаго тона, надъ французящими русскими интеллигентами, отставшими отъ своего родного, русскаго, не понимающими Россіи и своего собственнаго народа.

Изъ стихотвореній въ этомъ родѣ распространенностью пользовался „Разговоръ барина съ Аеонькой“, напечатанный впервые въ III томѣ сборника А. Ф. Смирдина „Сто русскихъ литераторовъ“, 1845, стр. 126—130. Баринъ спрашиваетъ своего бѣглаго двороваго, Аеоньку объ его жизни на волѣ и о состояніи своей деревни; тотъ отвѣчаетъ ему каламбурами, которые баринъ принимаетъ за чистую монету.

Бѣлинскій вообще относился строго къ твореніямъ Мятлева, но объ его „Разговорѣ“ высказалъ слѣдующее весьма вѣрное сужденіе (Сочиненія, изд. 1860 года, т. IX, стр. 470):

„Разговоръ барина съ Аеонькой дѣйствительно хорошъ, и потому, впрочемъ, что не сочиненъ г. Мятлевымъ, а списанъ имъ со словъ какого-нибудь Аеоньки, почему и отличается тѣмъ особеннымъ юморомъ, который такъ свойственъ людямъ этого сословія, когда они разсуждаютъ о барахъ“.

Бѣлинскій угадалъ въ этомъ случаѣ. Мятлевъ почти цѣликомъ, дословно записалъ шуточный діалогъ, ходячій въ народѣ. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ табellarнаго сравненія „Разговора“ Мятлева съ слѣдующимъ разговоромъ изъ собранія *А. Н. Аванасьева* „Русскія народныя сказки“, т. III, изд. II, 1873 г., стр. 396—397, статья 230, „Хорошо и худо“, вариантъ с. Обѣ редакціи приемованы. Приемъ у насъ отмѣченъ курсивомъ.

---

Разговоръ барина съ Аеонькой.      Хорошо и худо.

*Баринъ.*

Здравія желаю, гг. *сенаторы!*

Я прихожу изъ банковской *кон-*  
*торы—*

Не французскій, не нѣмецкій,  
человѣкъ *россійскій,*

Приношу вамъ поклонъ *низкій.*

Эй, малый!

Жены моей *приданой,*

Кривой *крѣпостной,*

Удѣлая головка, долбленой *глазъ:*

Много ли *васъ?*

*Аеонька.*

Одинъ!

*Баринъ.*

А это ты, Аеонька!...  
Ты, который бѣжалъ, когда я  
женился?  
Да куда жъ ты сокрылся?

— Аеонька! гдѣ былъ-  
побывалъ, какъ отъ  
меня бѣжалъ?

*Аеонька.*

А я, съ позволенія Вашего, въ  
деревнѣ Вашей подь овиномъ  
сидѣлъ.

— Въ вашей, сударь, деревнѣ—  
у мужика подь овиномъ  
лежалъ.

— Ну, а кабы овины то  
вспыхнули?

— Я бѣ его прочь отпихнул!

*Баринъ.*

Дуракъ! А если бѣ этотъ овины  
сгорѣлъ?

— А кабы овины то заго-  
рѣлся?

*Аеонька.*

Я бы, съ позволенія Вашего,  
вышедши, руки погорѣлъ!

— Я бы, сударь, погорѣлъ!

*Баринъ.*

Позвольте, гг. сенаторы, какой  
онъ грубиянъ!

— Стало, ты мою деревню  
знаешь?

Ну, скажи, пожалуйста, Аеонька:  
ты жилъ въ моей деревнѣ—  
какъ мои мужики живутъ?

— Знаю, сударь.

— Что, богаты мои мужички?

*Аеонька.*

Зажиточно.

*Баринъ.*

Да какъ зажиточно?

*Аеонька.*

Да очень зажиточно!

*Баринъ.*

Да какъ же, братецъ мой, за-  
житочно?

*Аеонька.*

А такъ зажиточно,  
Что въ семи домахъ одинъ то-  
поръ:

— Богаты, сударь! у семи дво-  
ровъ одинъ топоръ,  
да и тотъ безъ топорща.

— Что жъ они съ нимъ дѣ-  
лають?

По утру дрова *рубятъ*,  
А вечеромъ въ булакъ *трубятъ*.

— Да въ лѣсъ ѣздить, дрова  
*рубятъ*: одинъ то дрова рубить,  
а шестеро въ булакъ *трубятъ*.

*Баринъ.*

Позвольте, гг. сенаторы!  
Слѣдовательно, мои мужики—  
плотники и музыканты.  
Ну скажи, пожалуста, Аеонь-  
ка, какъ у меня хлѣбъ  
уродился?

— Хорошъ ли хлѣбъ у насъ?



*Авонька.*

Хорошо-съ!

*Баринъ.*

Да какъ хорошо?

*Авонька.*

Да очень хорошо.

*Баринъ.*

Да какъ же, братецъ ты мой,  
хорошо?

*Авонька.*

А такъ хорошо,  
Что волосъ отъ *колоса*—  
Не слышать дѣвичья *голоса*;  
Снопъ отъ снопа—  
Столбовая верста,  
А копна отъ копны—  
Цѣлый день ѣзды!

*Баринъ.*

Позвольте, гг. сенатѣры!  
Слѣдовательно, мой хлѣбъ хо-  
рошо уродился.  
Что же, Авонька, хлѣбъ то  
мой продали,  
Или сюда везутъ?

— Хорошъ, сударь! Снопъ съ  
снопа—будетъ цѣлая верста;  
копна отъ копны—день ѣзды!

— Гдѣ жъ его склади?

— На вашемъ дворѣ, на печ-  
номъ столбѣ!

— Хорошее это дѣло!



*Аюонька.*

Да очинно пьяна.

*Баринъ.*

Да какъ же, братецъ мой, пьяна?

*Аюонька.*

Да такъ пьяна,  
Что, если *старость* поднести,  
Да его милость тройнымъ по-  
лѣномъ оплести,  
То его милость и со двора не  
свести.

— *Вамъ, сударь, ковшомъ*  
*поднести, да четвертнымъ по-*  
*лѣномъ сверху оплести, такъ*  
*и со двора не свести.*

*Баринъ.*

Позвольте, гг. сенаторы!  
Какой онъ грубиянъ!

Изъ сравненія этихъ двухъ редакцій мы убѣждаемся, что перемѣны, внесенныя въ народную тему „Разговора“ Мятлевымъ отъ себя, весьма незначительны. Они всѣ сводятся вотъ къ чему. Въ началѣ прибавлено обращеніе барина къ какому то „сенаторамъ“, заявленіе о приходѣ изъ банка, гдѣ, надо полагать, баринъ раздобывалъ денегъ, и признаніе себя русскимъ челоуѣкомъ. Оклика Аюоньки и запроса, сколько людей, нѣтъ у Аюанасьева, но они имѣются въ другомъ народномъ пересказѣ „Разговора“, которой мы приведемъ ниже. Затѣмъ въ самомъ діалогѣ вставлены три раза Мятлевымъ *повторенія* вопросовъ: о степени зажиточности мужиковъ, о хорошемъ уро-

жаѣ и о пьяности браги; еще внесены комичные выводы барина о томъ, что его мужики—музыканты, и что хлѣбъ уродился хорошо, да замѣчанія о грубiанствѣ Аеоньки. Полѣно, которое предлагаютъ поднести *барину*, Мятлевъ назначаетъ старостѣ—вѣроятно, въ угоду цензурѣ. Эти несущественныя вставки, замѣтимъ, *расширяютъ* объемъ разсказа. Но самый народный разсказъ остался у Мятлева совершенно безъ измѣненій—даже со всѣми приемами.

Для того, чтобы лучше убѣдиться въ народномъ происхожденіи мятлевскаго „Разговора барина съ Аеонькой“, приведемъ еще одинъ народный вариантъ, сохраненный у *С. В. Максимова*; и кое въ чемъ дополняющій вариантъ Аеанасьева.

„Между шутками наибольшимъ уваженіемъ пользуется слѣдующій діалогъ въ родѣ театральнаго представленія, разыгрываемаго обыкновенно барскими лакеями. Разговариваютъ двое: одинъ одѣтъ бариномъ, другой рванымъ лакеемъ. Разговоръ этотъ вездѣ почти одинъ и тотъ же.

*Баринъ:* Аеонька Новой!

*Аеонька:* Чего, Баринъ голдой?

*Б:* Много ли *васъ* у насъ?

*А:* Одинъ только я, сударь.

*Б:* Стой, не расходишь: я буду повѣрять—всякаго въ ремесло какое назначать, въ Питеръ на выучку посылать. Отчего ты, мошенникъ, бѣжалъ?

*А:* Вашу милость за волосы подержалъ.

*Б:* Я бы тебя простилъ, а, можетъ, и наградилъ: въ острогъ бы тебя посадилъ!

*А:* Я, сударь, не зналъ,—а то бы еще дальше забѣжалъ!

*Б:* Гдѣ жъ ты это время проживалъ?

*А:* Да все въ вашей новокупленной деревнѣ—въ сараѣ пролежалъ.

*Б:* А! такъ ты и новокупленную деревню мою знаешь? Скажи-ко, братъ, каково крестьяне мои живутъ?

*А:* Хорошо живутъ, баринъ: у семи дворовъ одинъ топоръ.

*Б:* Какъ же они, мошенникъ, дрова то рубятъ?

*А:* Одинъ рубитъ, а семеро въ трубы трубятъ. А вотъ хлѣбъ у нихъ, баринъ, хорошъ уродился.

*Б:* А каковъ въ самомъ дѣлѣ?

*А:* Колосъ отъ колосу не слышать дѣвнчья юлосу; копка отъ копны на день ѣзды—а какъ тише поѣдешь, такъ и два дни проѣдешь.

*Б:* А что они съ нимъ сдѣлали?

*А:* А взяли, собрали, истолкли да и поставили подъ печной столбъ просушить. Да несчастьицо, сударь, повстрѣчалось.

*Б:* Какое?

*А:* Были у нихъ двѣ кошки блудливы: пролили лоханку, хлѣбъ то и подмочили.

*Б:* Что же они съ нимъ сдѣлали: неужто такъ и бросили?

*А:* Нѣтъ, баринъ: они сварили пиво, да такое чудесное, что, если Вамъ его стаканъ поднести да сзади четвертиннымъ полѣномъ оплести, такъ будетъ плести.

Вотъ и театръ доморощенный; но монологъ этотъ смѣшилъ дѣвокъ до хохоту, а на почтенныхъ лицахъ вызывалъ лишь легкую улыбку, да и то въ деревняхъ, что называлось прежде, вольныхъ, т. е. у крестьянъ государственныхъ“.

(*С. Максимовъ*, Лѣсная глушь. Картины народнаго быта, т. II, Спб. 1871, стр. 48—49, статья „Крестьянскія посидѣлки въ Костромской губерніи“, описаніе святочной вечеринки“).

Этотъ вариантъ Максимова кончается тамъ же, гдѣ и редакція Мятлева. Аонасьевскіе варианты идутъ далѣе. Аонасьевъ повѣствуетъ о разныхъ промыслахъ, въ какихъ онъ прибѣгалъ во время своего житья на волѣ. По отношенію къ Аонасьевской передачѣ редакція Мятлева представляетъ лишь первую часть ея. Но Максимовскій рассказъ показываетъ, что

въ народѣ ходила и краткая редакція, совершенно соотвѣтствующая по объему и предмету повѣствованія—той редакціи, которая была слышана и записана Мятлевымъ.

На основаніи всего изложеннаго выше, нельзя не признать совершенно ошибочнымъ такое сужденіе новѣйшаго біографа Мятлева, А. *Амфитеатрова* (при трехтомномъ изданіи Югансона, 1894 г., т. I, стр. XXVII—XXVIII):

„Бѣлинскій при всей своей антипатіи въ таланту Мятлева не отказался признать печать народности на „Разговорѣ барина съ Аеонькой“. Предположеніе, будто этотъ разговоръ записанъ съ натуры, *ошибочно!* Юмористическіе диспуты въ такомъ родѣ весьма многочисленны, разнообразны и по большо́й части очень длинны. Мятлевъ же далъ намъ *совершенно самостоятельный вариантъ*, попытавшись въ немъ *кратко и сжато* (!) изложить *всѣ* типическія особенности народнаго остроумія этихъ глумливыхъ каррикатуръ на халатное барство и продувную дворню“.

Бѣлинскій вовсе *не* ошибся въ своемъ предположеніи, что „Разговоръ барина съ Аеонькой“ былъ подслушанъ Мятлевымъ, и съ нѣкоторыми несущественными добавками записанъ именно съ натуры. Редакція Мятлева, какъ мы видѣли выше, какъ разъ совершенно не самостоятельна, а рабски воспроизводитъ народный діалогъ; притомъ она не передаетъ *всѣхъ* типическихъ особенностей его остроумія, ибо воспроизводитъ лишь начало, первую часть діалога, но передаетъ его не сжато и не кратко, а наоборотъ, въ распространеніи и въ расширеніи, благодаря собственнымъ несущественнымъ вставкамъ Мятлева.

---

## Дополненія.

### *Къ біографіи В. С. Печерина.*

Приведемъ еще нѣкоторыя вновь собранныя нами извѣстія о жизни этого эллиниста-монаха.

Любопытныя свѣдѣнія о предкахъ и родственникахъ Владимира Сергѣевича имѣются въ мемуарахъ его родного дяди: „Записки о моихъ предкахъ и о себѣ, на память дѣтямъ въ 1816 г. сдѣланныя въ 5 главахъ“. Составлены онѣ *Федоромъ Пантелеймоновичемъ Печеринымъ* (1737—1816), братомъ отца нашего писателя, и напечатаны Алексѣемъ Владимировичемъ *Телесницкимъ* въ „Русской Старинѣ“, т. 72, 1891 г. (г. 22), декабрь, ст. VIII, стр. 587—614.

О родѣ Печериныхъ или Печерскихъ дядя профессора, Федоръ Пантелеймоновичъ Печеринъ сообщалъ слѣдующее (стр. 587):

„Предки мои, по прозванію *Печерскіе*, выѣхали въ Россію изъ Польши; но кто именно изъ нихъ, и въ которомъ году выѣхалъ,—неизвѣстно. Въ званіи были нѣкоторые купеческомъ. Печеринымъ писаться сталъ дѣдъ мой Федоръ Ивановичъ“. Когда его двоюродный братъ, баронъ Василій Петровичъ *Постыловъ* представилъ его Государю Петру I, послѣдній, приподнявъ ему волосы, падавшіе ему на лобъ, произнесъ: „Въ этомъ маломъ будетъ путь!“ Елизавета 24 февраля 1737 г. произвела указомъ Федора Ив. Печерина изъ лакеевъ въ

мундшенки съ жалованьемъ отъ вотчинной канцеляріи по 40 р. въ годъ (стр. 588). Потомъ Ѳ. И. былъ обермундшенкомъ (обязанность его была подавать питье Государынѣ при столѣ). Его жена была сидѣльницей при Императрицѣ (укладывать спать и говорить, пока не уснетъ). Елизавета очень благоволила къ Ѳ. И. Печерину, называла его „дядею“; когда она замѣчала, что онъ, стоя при ней, дремалъ во время ужина, говорила: „Дядя спать хочетъ: пора вставать!“ и сама выходила изъ-за стола. У Ѳедора Ивановича былъ сынъ *Пантелеймонъ Ѳедоровичъ* или *Пантій*, воспитанникъ въ Пажескомъ корпусѣ. Онъ постоянно былъ при дворѣ и пользовался милостью Императрицы и И. И. Шувалова. По смерти Елизаветы Государь Петръ III приказалъ дать знать Печерину Ѳ. И-чу и другимъ кѣкоторымъ придворнымъ, что онъ не любитъ *стариковъ-большихъ париковъ*, и что ему угодно ихъ отставить съ награжденіемъ чиномъ генераль-майора; Ѳ. И. отвѣчалъ: „Что намъ за честь, ежели нечего будетъ ѣсть!“ И Государь приказалъ дать имъ по 700 душъ. Но по случаю скорого паденія Петра III Ѳ. И. Печеринъ не успѣлъ получить ни чина, ни денегъ (стр. 589—591).

Сынъ его и дѣдъ поэта, Пантелеймонъ Ѳедоровичъ былъ выпущенъ изъ корпуса поручикомъ въ 1764 г. и отставленъ капитаномъ въ 1770 г.; съ 1775 г. служилъ по полиціи въ Москвѣ, въ IX части (стр. 592—593). Былъ женатъ на Вѣрѣ Владимировнѣ *Дружининой* и выдалъ дочь за капитана А. Д. *Аристова*. Служилъ П. Ѳ. потомъ еще засѣдателемъ верхняго суда въ Рязани (стр. 600).

Младшій его сынъ и отецъ поэта, *Сергій Пантелеймоновичъ* родился въ 1781 г. и служилъ въ военной службѣ. Около 1806 г. женился на дочери статскаго совѣтника *Симоновскаго* (въ селеніи Кобыжчѣ Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи); впоследствии полковникомъ въ отставкѣ С. П. проживалъ въ Одессѣ. У него былъ единственный сынъ



Владимиръ, профессоръ (стр. 608, прим.) Старшій братъ С. П—ча и дядя поэта, Ѳедоръ Пантелеймоновичъ (тоже не чуждый литературѣ, какъ переводчикъ книгъ: „Новый Робинзонъ“, „Храмъ Мадры“, „Цвѣтовъ на гробъ Людовика XVI“, „Французскій или новый Жилблазъ“; онъ учился у профессора Матвѣя *Гаврилова*) служилъ въ Преображенскомъ полку каптенармусомъ (стр. 599) и выпущенъ сержантомъ (1792—1794 г.), а въ 1795 г. переименованъ въ капитанъ. Въ 1796 г. назначенъ въ Казань землемѣромъ по генеральному межеванію. Еще ранѣе, въ 1792 г. онъ бывалъ въ Казани у своего дяди, *И. С. Ильина*, служившаго совѣтникомъ Казенной палаты. Въ Казани Ѳ. П. пробылъ до 1803 г., когда Межевая контора отсюда переведена была въ Вятку (стр. 607). Ѳздилъ въ Москву, гдѣ и нашелъ брата Сергѣя, изъ полку въ отпускъ прѣхавшаго. Съ нимъ вмѣстѣ отправился Ѳ. П. въ деревню, а оттуда и съ бабушкой въ Егорьевскъ, гдѣ утвердили раздѣлъ имѣнія (стр. 608). Женатъ былъ Ѳ. П. на урожд. *Ясинской* и умеръ въ 1835 г. въ званіи члена Московской межевой канцеляріи (стр. 604). Дочь его, Вѣра Ѳедоровна (1800—1852) вышла въ 1835 г. замужъ за московскаго сенатора Николая Яковлевича *Треубова* (прим. на стр. 617). Поэтъ-профессоръ (моложе ея на 8 лѣтъ) поддерживалъ съ ней дружбу и переписку. Одно его письмо къ ней приведено у насъ въ I части сего труда на стр. 112—113.

---

О студенческихъ годахъ В. С. Печерина другъ его юности (въ тотъ же кружокъ входили еще *А. В. Никитенко* и *Ѳ. В. Чижовъ*), *Дм. Вас. Полъновъ*, племянникъ тогдашняго попечителя петербургскаго округа, *К. М. Бороздина*, сообщаетъ:

„Изъ студентовъ университета, окончившихъ курсъ во время попечительства Бороздина, онъ особенно поддерживалъ

*А. В. Никитенка*, которому и далъ ходъ, *Ө. В. Чиждова*, нынѣшняго московскаго дѣятеля, а въ началѣ своего поприща занимавшаго кѣедрю математики въ званіи адъюнкты-профессора, *В. Печерина*, котораго онъ высоко ставилъ за его способности къ изученію языковъ. Прибавимъ къ нимъ покойнаго *В. С. Порошина*“ (стр. 74, изъ письма *Д. В. Полънова* къ *М. П. Погодину* отъ 19 іюня 1869 г. Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. 1869, т. I, приложенія, или стр. 62—63 въ „Очеркъ жизни и дѣятельности *Д. В. Полънова*,” сост. *И. Хрущовымъ*, Спб., 1879, приложенія).

*К. М. Бороздинъ*, изъ числа первыхъ нашихъ палеологовъ и археологовъ, былъ женатъ на дочери извѣстнаго друга *Г. Р. Державина*—*Н. А. Львова*—*Прасковѣ Николаевнѣ*, которая воспитывалась у „барда *Екатерины*“, ходила за нимъ до смерти и описала его кончину (изд. *Я. К. Грота*, т. VIII, стр. 993). *В. С. Печеринъ* хвалилъ державинскіе переводы изъ *Анакреона* (тамъ же, стр. 758).

„Существуетъ предсказаніе, что Петербургъ когда-нибудь погибнетъ отъ воды, и что море его зальетъ. Лермонтовъ, одаренный большими самородными способностями къ живописи, какъ и къ поэзіи, любилъ чертить перомъ и даже кистью видъ разъяреннаго моря, изъ-за котораго подымалась оконечность Александровской колонны съ вѣнчающимъ ее ангеломъ. Въ такомъ изображеніи отзывалась его безотрадная, жаждавшая гора фантазія“ (Воспоминанія графа *Влад. Александр. Солоуба*, Спб. 1887, стр. 43). Это предсказаніе, по видимому, было извѣстно и *В. С. Печерину*.

Замѣтимъ еще, что въ нѣкоторыхъ спискахъ поэма *Печерина* озаглавлена такъ: „*Rot-rouggi* или чего хочешь, того просишь!—для февральскаго праздника 1834 года“.

---

Сотрудничая въ журналахъ *Н. И. Греча*, *Владимиръ Сергѣевичъ* началъ себѣ приобрѣтать нѣкоторую извѣстность,

какъ писатель. Нѣкій провинціалъ („Петербургъ въ 1831—1832 гг. по письмамъ провинціала. Изъ писемъ *И. В. Росковшенка*“, „Русская Старина“, г. 31, за 1900 г., февраль, т. 101, ст. XI, стр. 480) пишетъ отъ 2 октября 1831 г.:

„На дняхъ познакомился съ однимъ поэтомъ, который участвуетъ въ „Сынѣ Отечества“, *Печеринымъ*. Онъ здѣсь въ университетѣ, кажется, читаетъ латинскій языкъ. Онъ обожаетъ Шиллера и живетъ въ мѣрѣ идеаловъ. Самъ онъ, кажется, въ литературномъ отношеніи много значить“.... и отъ 22 октября 1831 г.: „я обязанъ своей лѣни, что незнакомъ (?) до сихъ поръ съ Печеринымъ“ (стр. 482).

Насчетъ отправленія В. С. Печерина за границу въ ученую командировку мы нашли слѣдующее сообщеніе у *Н. М. Колмакова*, „Домъ и фамилія графовъ Строгоновыхъ“ (1752—1887), гл. V, стр. 84—85 въ „Русской Старинѣ“, г. 18, за 1887 г., т. 54, апрѣль, ст. IV:

„Мы твердо помнимъ то время, когда С. Г., живя въ Петербургѣ, назначенный въ 1835 г. попечителемъ московскаго университета, собиралъ отовсюду свѣдѣнія о талантливыхъ молодыхъ людяхъ, любящихъ науку и въ особенности исторію.

Разговаривая съ нимъ по этому предмету, и зная, какъ студ. Спб-скаго унив., что окончившій въ ономъ курсъ науку *Грановскій* посвятилъ себя исключительно исторіи и уже написалъ статью о евреяхъ, я указалъ ему на *Грановскаго* и *Печерина*, какъ на способнѣйшихъ молодыхъ людей.

Рекомендація моя, какъ юнаго студента, не остановила графа; онъ, увѣрившись въ правдивости моихъ словъ, немедленно вызвалъ Грановскаго и Печерина, предложилъ имъ ѣхать за границу и потомъ занять катедры въ московскомъ университетѣ. Послѣдствія всего этого извѣстны.

Но добавимъ, что графъ не только искалъ и поощрялъ талантливыхъ и способныхъ молодыхъ людей къ наукѣ и вообще на полезный трудъ: нѣтъ, онъ дѣлалъ болѣе сего. Онъ слѣдилъ за сими молодыми людьми и научалъ ихъ держаться

добра и быть достойными гражданами Россіи... Въ подтвержденіе сего скажемъ, что Печеринъ, избранный имъ на кафедру, кажется, классической литературы (sic) въ Москвѣ, въ послѣдствіи измѣнилъ своему назначенію. Отправившись за границу, онъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ не пожелалъ возвратиться въ отечество и остался тамъ. Графъ *несказанно скорбитъ объ этомъ*, пишетъ къ нему, напоминаетъ ему о долгѣ и совѣтуетъ возвратиться въ отечество. Но все было тщетно: Печеринъ остался за границую.“

Не можемъ не выразить своего сомнѣнія по поводу этого разсказа. Выходитъ, что всею своею профессорскою карьерою Печеринъ былъ обязанъ Н. М. Колмакову, который порекомендовалъ его графу С. Г. Строганову!! Намъ сдается, что Печеринъ при своихъ связяхъ ничуть не нуждался въ протекціи строгановской, а тѣмъ паче—колмаковской. Печеринъ былъ любимецъ попечителя К. М. Бороздина (см. выше), гдѣ его поддерживалъ секретарь Бороздина, А. В. Никитенко; въ качествѣ еще студента Печеринъ стяжалъ особенное покровительство профессора и академика *Х. Ф. Грефе*. Кромѣ того, переводы изъ греческой антологіи обратили на Печерина милость С. С. Уварова, вскорѣ занявшаго мѣсто министра народнаго просвѣщенія, и стоявшаго подъ сильнымъ вліяніемъ Грефе (I ч., стр. 95—98). Наконецъ министромъ въ то время былъ балтъ, свѣтлѣйшій князь Карлъ Андреевичъ *Ливенъ*, а Грефе самъ былъ женатъ (стр. 93, тамъ же) на балтійкѣ, лифляндской дворянкѣ, Хедвигѣ Карловнѣ *Самсонъ фонъ Химмельшерна*, и какъ нѣмецъ-академикъ, несомнѣнно, долженъ былъ быть близокъ въ министру, остзейскому дворянину. Въ своихъ мемуарахъ (тамъ же, стр. 104—105) Печеринъ не говоритъ, кто за него ходатайствовалъ на счетъ командировки, но по смыслу контекста и цѣлага разсказа ясно, что этимъ Печеринъ обязанъ, преимущественно, Грефе и Уварову, которымъ онъ и писалъ изъ за - границы о своихъ занятіяхъ; ни однимъ словомъ онъ не упоминаетъ о графѣ С. Г. Строгановѣ, у кото-

раго потомъ служилъ въ Москвѣ. Протекція Колмакова могла пригодиться Грановскому, не имѣвшему другихъ связей, но, не смотря на всѣ увѣренія рассказчика, его „твердая память“ ему, очевидно, измѣнила касательно Печерина. Притомъ, если бѣ Печеринъ точно далъ обязательство отслужить свою профессорскую стипендію въ Московскомъ университетѣ, то былъ бы прямо изъ за-границы и посланъ туда. А между тѣмъ, по сообщенію А. В. Никитенка (ч. I сего труда, стр. 123) попечитель, князь Дондуковъ-Корсаковъ сильно настаивалъ на назначеніи Печерина (и Крюкова) не въ Московскій, а именно, въ его родной, Петербургскій университетъ; въ Москву же Печеринъ попалъ лишь потому, что и „другіе университеты тоже нуждаются въ профессорахъ“. При вопросѣ о размѣщеніи вернувшихся изъ-за границы профессорскихъ стипендіатовъ по различнымъ университетамъ, Московскій попечитель дѣйствительно могъ требовать Печерина къ себѣ на пустовавшую кафедру греческой словесности. Это и могъ имѣть въ виду эмигрантъ Печеринъ, 23 марта 1837 г. писавшій изъ за-границы французское письмо графу С. Г. Строганову, какбы упрекая его: „Вы *призвали* меня въ Москву... Ахъ, г. графъ, сколько зла Вы сдѣлали, сами того не желая!“ (I ч. сего труда, стр. 138).

---

Ко времени службы В. С. Печерина профессоромъ Московскаго университета относятся слѣдующія замѣтки:

*С. П. Шевыревъ*, совершенно обошедшій Печерина въ „Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей“, въ „Исторіи Московскаго университета“ (стр. 559) замѣчаетъ, что кандидатъ Печеринъ служилъ въ 1836 г. до начала іюня.

*Д. В. Волуевъ* пишетъ *И. В. Кирпичевскому* 21 ноября 1835 г. (Татевскій Сборникъ *С. А. Рачинскаго*, Спб., 1899, ч. I, ст. IX, стр. 104):

„Университетъ поправляется, и особенно словесное отдѣленіе: новые два профессора—греческаго и латинскаго, *Печеринъ* и *Крюковъ* отличные, а философію будетъ чптать *Надеждинъ*, котораго выпишутъ изъ чужихъ краевъ“.

---

Изъ бумагъ *В. П. Барышниковъ*, бывшаго до 1837 г. чиновникомъ особыхъ порученій при Московскомъ генералъ-губернаторѣ, князѣ *Д. В. Голицинъ* („Русскій Архивъ“, за 1901 г., кн. 3, стр. 527—528) мы ознакомились съ „Извѣтми *И. М. Снегирева*“, профессора латинской словесности при университетѣ и изслѣдователя русской старины. Ничто же сумняся, почтенный профессоръ доносилъ, что въ Москвѣ существуетъ два тайныя общества: въ одномъ начальникомъ проф. *И. И. Давыдовъ* (!), въ другомъ *С. Т. Аксаковъ*. Наружно они ведутъ борьбу, но на самомъ дѣлѣ оба общества суть члены одного, главами котораго являются митрополитъ *Филаретъ* (sic) и *М. М. Сперанскій*! Въ приложенномъ спискѣ среди членовъ фигурируютъ все—коллеги *Ивана Михайловича*, профессора (528): *Чивилевъ*, *Иноземцевъ*, *Филомаѳитскій*, *Печеринъ*, воспитанникъ *Сперанскаго* (sic); эта выдумка должна была, надо полагать, доказывать особенную зловредность *Печерина*, воспитанника самого главы этого тайнаго общества), *Крюковъ*, воспитанникъ *Уварова* (!), *Павловъ*, *Надеждинъ* и т. д., словомъ всѣ молодые, сколько-нибудь выдающіеся профессора, особенно побывавшіе за границей. Неизвѣстно, имѣла ли какія-либо послѣдствія эта ябеда....

---

Къ эмигрантскому періоду жизни *В. С. Печерина* относятся замѣтки: въ 1860 г. ѣздилъ въ Англію для свиданія съ *В. С. Печеринымъ* *Ө. В. Чижовъ*, его давній другъ („Русскій Архивъ“ за 1896 г., т. I, стр. 385, письма *А. О. Россетъ*).

---

У Герцена въ его журналѣ отъ 15 марта 1863 г., № 159, стр. 1317(6), отмѣчено, что въ „общій фондъ (для пособія нуждающимся эмигрантамъ) полученъ отъ В. Печерина 1 фунтъ стерлинговъ“, а въ № 36, стр. 298 отъ 15 февраля 1859 г. редація просила прислать для „Полярной Звѣзды“ списокъ стихотвореній Печерина: „Торжество смерти“, „Полиэратъ Самосскій“, „Годовщина“.

Г. Хрущовъ въ своей брошюрѣ „Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полѣнова“, Спб. 1879, сообщаетъ (прим. 3 на стр. 23): „О Печеринѣ сохранились воспоминанія знавшихъ его людей, какъ о человѣкѣ, выходящемъ изъ ряду по силѣ ума и количеству глубокихъ познаній... Онъ еще въ молодыхъ годахъ удалился за границу, перешелъ въ католичество и *нынѣ находится въ Ирландіи въ санѣ епископа.*“ Тамъ-же приведены отрывки изъ писемъ „лучшаго друга Дмитрія Васильевича“, Ѳ. В. Чицова, писавшаго ему въ 1873 г. по поводу юнаго поколѣнія: „Припомни начало *пятницы* у Никитенка: тоже всё было юное поколѣніе, всё ломающее, но не лихо, правда, въ меньшемъ объемѣ ломки“ (на этихъ пятницахъ бывалъ и Печеринъ), и въ томъ же году; „Третьяго дня я получилъ письмо изъ Дублина отъ Печерина, въ которомъ къ тебѣ (т. е. къ Д. В. Полѣнову) относятся слѣдующія строки: „Жаль, что ты не писалъ мнѣ прежде, что остановишься у Полѣнова; я бы просилъ тебя отдать ему отъ меня низкій поклонъ; я очень хорошо его помню, какъ самаго любезнаго и солиднаго собесѣдника въ кругу Никитенка“.

29 августа 1842 г. Ѳ. В. Чицовъ писалъ А. В. Никитенку изъ Остенле:

„Третьяго дня я разстался съ Печеринимъ, пробылъ у нихъ въ монастырѣ почти сутки. Онъ, кажется, очень и очень доволенъ своимъ положеніемъ, и это мнѣ тоже доставило удовольствіе. Вникнувши въ ихъ бытъ, я понялъ его довольство: обстоятельства и самолюбіе воспитали въ немъ страсть къ дѣятельности. За нею онъ бросался повсюду, и

не справляясь съ своими силами, поднимая на плечи тяжести, налагаемая не убѣжденіемъ, а безпредѣльно высокимъ понятіемъ о себѣ, и низкимъ—о людяхъ, онъ падалъ подъ ними на каждомъ шагу. Разумѣется, по общему порядку вещей, вездѣ виноваты были люди—одни за то, что при его появленіи не подняли знамя свободы и не провозгласили его своимъ диктаторомъ, другіе—за то, что при первомъ его словѣ не сдѣлали его представителемъ европейской учености и не разослали объявленія по всему міру, какъ о Пикѣ Мирандолійскомъ, а преспокойно заставили учить за  $\frac{1}{2}$  франка—и то снисходя къ его бѣдности. Сѣвернавыцъ-люди цѣнятъ только то, что приносятъ имъ существенную, нравственную или физическую пользу, и не вѣрятъ на слово. Является онъ въ монастырь; монахамъ того и надобно. Первое, онъ—образованный человекъ, и на него можно указать, какъ на заблудшаго сына, обратившагося къ католицизму не по дѣтской простотѣ, а по убѣжденію, увидѣвъ въ немъ единственный источникъ святой истины. Второе,—греко-россійскаго исповѣданія, о чемъ было возвѣщено во всѣхъ газетахъ. Третье, онъ превосходно знаетъ древніе и новѣйшіе языки. Они его поняли превосходно. Говорятъ ему: „Сынъ плоти, ты думаешь здѣсь найти отдыхъ; не такъ мы смотримъ на жизнь нашу: каждая минута наша посвящена на служеніе Богу. Онъ предписываетъ намъ пути дѣятельности, и каждый шагъ нашъ есть шагъ человечества“. Почти это говорилъ мнѣ монахъ изъ братіи Печерина. Ему только того и надобно. Но—говорятъ они, „испыталъ ли ты себя, достанетъ ли у тебя силъ исполнить высокое назначеніе“? И вотъ пища самолюбію и надменности! Испытай себя, тебѣ годъ на испытаніе. Оно состоитъ въ безусловной покорности души и тѣла; каждую недѣлю долженъ ты отдавать отчетъ и въ твоихъ дѣйствіяхъ, и въ твоихъ помышленіяхъ; всегда неожиданно одинъ изъ братіи имѣетъ право спросить тебя о твоихъ мысляхъ и чувствахъ.



Къ этому присоедините строгое веденіе и наблюденіе въ пищѣ, питіи и всѣхъ мелочахъ жизни. Все это открыло имъ Печерина всего совершенно, что, впрочемъ, и не трудно. Они увидѣли, что онъ жаждетъ дѣятельности, но въ то же время не имѣетъ ни малѣйшей воли; конечно, уму его дано обширное поприще науки, именно его лингвистикѣ; лишь только онъ вздумаетъ зайти далѣе, монахъ улыбнется и говоритъ: „Этого мы не ожидаемъ, нѣтъ: для нашего высокаго назначенія мало дѣтскихъ силъ человѣческихъ“. Это все Печеринъ самъ мнѣ рассказывалъ, разумѣется, смотря на это съ другой точки зрѣнія. Чувствамъ дана полная свобода. Волѣ ни одного шагу, ни полшагу, а онъ только того и желалъ. Мы говорили съ нимъ все по-французски; по русски онъ говорилъ неохотно; въ тому же, по правиламъ монастырскимъ, во всякомъ дѣйствіи, выходящемъ изъ общаго хода, непремѣнно долженъ быть свидѣтель изъ братіи. Не знаю, подчиняясь ли этому правилу, или желая избѣгнуть глазъ на глазъ нашего разговора, только онъ не оставался со мною ни на минуту; однажды онъ пришелъ, а *брата* его не было тутъ; онъ тотчасъ же пошелъ за нимъ,—и тотъ уже сказалъ, что это не необходимо. Въ религиозныхъ понятіяхъ мы сошлись, но не могли сойтись съ исключительностію ихъ одѣяній (?) и съ тѣмъ, что, какъ онъ говоритъ: „Богъ оцѣнитъ наше самопожертвованіе и вознаградитъ насъ“. Я говорю: „Господа, развѣ вы не вознаграждены такъ хвалимымъ вашимъ спокойствіемъ“? Не знаю, шута ли, или вправду, они очень приглашали меня быть ихъ братомъ. Я говорю: „Нѣтъ, господа: мнѣ Богъ далъ другое служеніе“. Они мнѣ предлагали даромъ учить меня по-голландски и по-испански; я принялъ ихъ предложеніе и сказалъ, что воспользуюсь имъ при случаѣ.

Жаль мнѣ одного, что Печеринъ не христіански говоритъ, когда дѣло коснется до образованности Россіи и до формы нашей религіи“.

(„Русская Старина“, 30-ый годъ изданія, т. 100, за 1899 г., ноябрь, стр. 367—368).

Относительно времени смерти В. С. Печерина полагають, что онъ скончался въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго XIX вѣка.

---

## *Къ статьямъ о Д. В. Веневитиновѣ.*

Мѣсто изъ Оссіана, переведенное Веневитиновымъ, было переводимо еще *Н. И. Гнѣдичемъ* и *П. А. Катенинымъ*. Въ сочиненіяхъ Гнѣдича, изд. 1884, т. I, стр. 8—23 имѣются „Красоты Оссіана или пѣсни въ Сельмѣ“; слова Кольмы на стр. 11—12. „Въ Сочиненіяхъ и переводахъ въ стихахъ“ Павла Катенина, 1832 г., ч. II, пѣсни Сельмы занимаютъ стр. 5—17, причемъ пѣснь Кольмы помѣщена на стр. 6—7. Замѣтимъ еще, что ту же пѣснь Кольмы въ 1799 году стихами переводилъ на русскій языкъ еще *А. Х. Востоковъ*; переводъ его не сохранился (см. *В. И. Срезневскій*,—Замѣтки Востокова о его жизни, СПб. 1901, стр. 16 и 62).

Приведемъ еще два стихотворенія на смерть Д. В. Веневитинова.

### **Разговоръ на гробѣ поэта.**

#### *Посѣтитель.*

Веди меня, честной отецъ,  
На гробъ священный, гдѣ пѣвецъ  
Уснулъ такъ рано вѣчнымъ сномъ.

#### *Пустынникъ.*

Но говорите вы о комъ?

#### *Посѣтитель.*

Гдѣ Веневитинова гробъ?

*Пустынникъ.*

Ну, какъ не знать! да, вотъ сугробъ.  
Идти не безпокойно ль вамъ?  
Не привыкать ужъ грѣшнымъ намъ...  
Ходить по снѣгу не впервой.  
Вонъ, за рѣшеткою простой,  
Весь снѣгомъ занесенный камень.

*Посѣтитель.*

И не горить священный пламень  
На гробѣ томъ, гдѣ ты сокрытъ,  
Любимецъ дѣвственныхъ Харитъ!

*Пустынникъ.*

Вѣдь онъ схороненъ здѣсь недавно.  
Намъ матушка его исправно  
Гостинцы возить, дай Богъ ей!  
Насъ помнить милостью своей.  
Какая жъ добрая, ей Богу...  
Ну что прочистить бы дорогу:  
Пройти нельзя—лѣнивцы все!  
Житье-съ въ монастырѣ, житье!

*Посѣтитель.*

Простите мнѣ вопросъ нескромный:  
Когда житейской жизни (?) волны  
Носили Васъ по морю бѣдъ,  
Зналъ ваше имя: но объѣтъ  
Предъ небомъ Вы произнесли,  
Простившись съ радостями земли;

Съ тѣхъ поръ я видѣлъ Васъ едва ли.  
Скажите же, какъ Васъ назвали,  
Въ безплотный постригая чинъ?

*Пустынникъ.*

Всеминогогрѣшный Валентинъ.

*Посѣтитель.*

А! Валентинъ... вотъ Вы съ мечтами  
Разстались навсегда; а нами  
Играетъ жизнь, какъ вѣтръ перомъ.

*Пустынникъ.*

Не сказано ль: кто Божій домъ  
Селеній грѣшныхъ паче любить,  
И ради истины святой  
Свою кто душу волю погубить,  
Блаженный обрѣтетъ покой?...

*Посѣтитель.*

Да, да, и Вы получше стали.

*Пустынникъ.*

Мы чужды въ сихъ стѣнахъ печали,  
И монастырскій хлѣбъ при томъ  
Подъемистъ, сударь; чудо ль въ томъ?

*Посѣтитель.*

Но все мірскими же руками  
Поля засѣяны, хлѣбъ снять,

И все лишь поселянъ трудами  
Живемъ; они насъ богатятъ.  
Молитва жъ есть души свѣтило,  
Да озарить дневной нашъ трудъ.

*Пустынникъ.*

Но чрезъ священное горнило  
Проходить хлѣбъ сей, и несутъ  
Мольбы святыхъ благословенье  
Общепольнымъ всѣмъ трудамъ.  
Вотъ Сергій былъ монахъ—спасенье  
Онъ Руси даровалъ, князьямъ;  
Святительской своей рукою  
Двухъ иноковъ благословилъ;  
Побѣда куплена цѣною  
Его молитвъ—

*Посытитель.*

И Русскихъ силъ!

*Пустынникъ.*

Такъ не совсѣмъ же бесполезны  
Отшельники?

*Посытитель.*

Кто жъ говорить?

*Пустынникъ.*

Всѣ насъ злословятъ. Царь небесный!  
Но нами этотъ свѣтъ забыть.

*Посѣтитель.*

А между тѣмъ какъ, прозябая,  
Вы мертвой жизнью на гробахъ,  
Цвѣтами темными вѣнчая  
Подъ урнами сокрытый прахъ,  
Любви и дружбы чувства скрыли  
Подъ черной расой — мы двоихъ  
На *Божью ниву* <sup>1)</sup> проводили;  
Мы живы, а судьба для нихъ  
Чело свое разоблачила.

*Пустынникъ.*

Такъ воля Вышняго судила....  
Кому изъ родственниковъ ихъ  
Придетъ чреда, у насъ готово  
Другое мѣсто. Божье слово  
Не мимо идетъ, что всякъ часъ  
Нежданной смертію для насъ  
Грозить — о Господи, мой Боже!

*Посѣтитель.*

Поэтъ! Твое прекрасно ложе:  
Но въ темной хранилѣ своей  
Ты не окованъ; мавволей  
Не бременить священный прахъ,  
Эфирнымъ тѣломъ облеченный:

---

<sup>1)</sup> Нѣмецкое *Gottesacker* мнѣ кажется выразительнѣе нашего: *кладбище*.  
*Прим. Соч.*

Онъ ужъ давно на небесахъ;  
А смертный, сладко обольщенный,  
Мечтаетъ, въ гробъ заключивъ,  
Что, перстью мирно опочивъ,  
Ты здѣсь подъ каменной доскою,  
Чтобы служить смѣшной игрою  
Его фантазіи пустой.  
Нѣтъ, не таковъ же жребій твой!

*Пустынникъ.*

Душа его теперь у Бога.

*Посѣтитель.*

Къ Нему вездѣ и все дорога!  
Мы тѣломъ, духомъ вѣчно съ Нимъ;  
И мы, безумцы, дорожимъ  
Воспоминаніемъ, слезою,  
Когда вселенная съ душою  
Въ сліяніи мы, волю жизнь сія  
Есть урна тайная Твоя,  
Гдѣ самъ во всемъ перегораешь.

*Пустынникъ.*

Конечно такъ: не примѣчаешь,  
Какъ смерть придетъ; но мы горимъ,  
Какъ передъ образомъ святымъ  
Въ лампадѣ огонь—

*Посѣтитель.*

Не предъ бивотомъ



Горите вы сихъ стѣнъ подѣ сводомъ,  
Но..... (*Ударяютъ въ колоколъ*)

*Пустынникъ.*

Я слышу колокола звонъ:  
Къ вечерни послѣшу. Простите.  
Монаха келью посѣтите.

*Посѣтитель.*

Нѣтъ, мнѣ пора. Но я опять  
Сберуся къ вамъ, какъ время будетъ.

*Пустынникъ.*

Молю, да съ Вами вѣкъ пребудеть  
Ею святая благодать!

*М. Лихонинъ.*

(„Московский Телеграфъ“ за 1829 г., ч. 27, стр. 40—45).

---

*На кончину Д. В. Веневитинова.*

Природа вновь цвѣтеть, и роза нѣгой дышетъ!  
Гдѣ жъ юный нашъ пѣвецъ? Увы! подѣ сей доской;  
А старость дряхлая дрожащею рукой  
Ему надгробье пишетъ!

(Сочиненія И. И. Дмитріева, изданіе А. А. Флоридова,  
1893 г., т. I, стр. 252, № 209. Стихотвореніе 1827 года,  
напечатанное въ 1842 г.).

---

## „Драматическія Прибавленія“ С. Т. Аксакова.

С. Т. Аксаковъ съ раннихъ лѣтъ былъ страстнымъ любителемъ театра. Онъ имѣлъ обширныя знакомства среди тогдашнихъ актеровъ и драматурговъ, о которыхъ оставилъ весьма цѣнныя воспоминанія, пытался самъ писать для театра (переводилъ изъ Мольера), выступалъ на любительскихъ „благородныхъ“ спектакляхъ и наконецъ писалъ рецензіи о театральныхъ представленіяхъ (сгруппированныя нынѣ въ IV томѣ полнаго собранія его сочиненій).

Къ „Московскому Вѣстнику“, издававшемуся М. П. Погодинымъ при соучастіи членовъ такъ называемаго „веневиновскаго“ кружка, С. Т. Аксаковъ, который имѣлъ въ этомъ журналѣ отношенія, какъ его цензоръ, сдѣлалъ опытъ прилагать особое прибавленіе, состоявшее исключительно изъ театральныхъ рецензій. Заглавіе этому приложенію было „Драматическое Прибавленіе“. Прилагались они въ „Московскому Вѣстнику“ съ іюня 1828 г., и вышло ихъ всего 6 книжекъ. VII-е и VIII-е „Прибавленія“ вошли уже въ составъ самого журнала. Въ октябрѣ изданіе „Драматическихъ Прибавленій“ прекратилось.

Издатель сочиненій С. Т. Аксакова въ предисловіи къ IV тому (Спб., 1886) указалъ, что собраніе мелкихъ статейъ Сергѣя Тимофеевича стоило ему немалыхъ затрудненій. Въ

частности ему не удалось найти V-го и окончанія VI-го „Драматическихъ Прибавленій“. Отдѣльныя тетрадки ихъ обыкновенно не переплетались вмѣстѣ съ книжками журнала, а потому онѣ и не сохранялись, утрачивались. Полнаго экземпляра „Московского Вѣстника“ съ „Драматическими Прибавленіями“ не оказалось *нигде*: ни въ частныхъ бібліотекахъ, ни въ Императорской Публичной, ни въ Московской Румянцевскаго музея и бывшей Чертковской. Въ Академіи Наукъ нашлись четыре первыя тетради, а по экземплярамъ покойныхъ бібліофиловъ, Г. Н. Геннади и князя В. Ѳ. Одоевскаго удалось возстановить начало шестой тетради (рецензіи *N. N.* на „Сына Любви“, драму въ 5 дѣйствіяхъ Коцебу, и „Хлопотуна“, водевилъ Писарева,—*N* на „Каваду“, комедію князя А. А. Шаховскаго, „Лучшій день въ жизни“, оперу Малышева, „Урокъ жена-тымъ“, комедію Шаховскаго же и „Зефиръ“, балетъ Дюпора, рец. *N.* и письмо кн. Шаховскаго къ издателю „Московскаго Вѣстника“ о представленіи водевиля Шаховскаго „Женщина-Лунатикъ“, обрывающееся въ найденномъ экземплярѣ на полу-фразѣ: „Онъ игралъ хорошо (Сабуровъ), и если въ немъ не совсѣмъ былъ виденъ молодой человѣкъ самого большого свѣта, то, по крайней мѣрѣ“....

Такимъ образомъ въ изданіе сочиненій С. Т. Аксакова 1886 года вошли лишь „Драматическія Прибавленія“ № I—IV, VII и VIII и начало VI-го. № V-й совершенно отсутствуетъ. Въ заключеніе издатель выразилъ надежду, что лица, у которыхъ могли бы найтись V-ое и конецъ VI-го „Прибавленія“, не откажутъ ему въ сообщеніи этихъ рѣдкостей, которыя въ такомъ случаѣ будутъ перепечатаны имъ въ видѣ особаго дополненія къ его изданію.

Мнѣ удалось имѣть въ рукахъ, вѣроятно, *unicum*, полный экземпляръ „Московского Вѣстника“ за 1828 г. со всѣми переплетенными вмѣстѣ съ журналомъ „Драматическими Прибавленіями“. Въ свое время я предлагалъ копію съ этой ненаходимой рѣдкости издателю сочиненій С. Т. Аксакова.

Но, вопреки своему приглашенію, выраженному печатно, издатель, г. Мартыновъ не воспользовался моимъ предложеніемъ.

Послѣ того, въ 1896 году вышло новое „Собраніе сочиненій С. Т. Аксакова“, уже не въ Петербургѣ, и не у Мартынова, а въ Москвѣ у А. А. Карцева. И въ это изданіе, въ IV томъ „Драматическія Прибавленія“ вошли не въ полномъ видѣ, т. е. по прежнему, безъ V-го и безъ конца VI-го „Прибавленія“. Здѣсь предисловія никакого не имѣется.

Затерянные „Драматическія Прибавленія“ увидѣли наконецъ свѣтъ (вторично) въ моемъ трудѣ „Литература и просвѣщеніе въ Россіи“, т. III, стр. 3—27. Тамъ я отпечаталъ и недостававшее, но мною разысканное, V-е „Прибавленіе“, и конецъ VI-го, начиная съ письма князя Шаховскаго.

Теперь, когда „Драматическія Прибавленія“ находятся предъ нами вновь въ полномъ видѣ, можно приступить къ рѣшенію вопроса, что въ нихъ принадлежитъ *самому* Сергѣю Тимоѣевичу, и что именно должно быть перепечатываемо въ полномъ собраніи его сочиненій.

Издатель собранія 1886 года полагалъ, что „Драматическія Прибавленія“ состояли *почти исключительно* изъ статей и замѣтокъ Сергѣя Тимоѣевича. Теперь, особенно съ отысканіемъ недостававшихъ „Прибавленій“ очевидно, что издатель былъ неправъ. Разсмотримъ составъ каждой тетради „Драматическихъ Прибавленій“:

№ I заключаетъ въ себѣ рецензія: „Панъ Твердовскій“, волшебная опера въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе М. Н. Загопкина, новая музыка А. Н. Верстовскаго; представленіе 10 іюня 1828 г. (подписана *М.*; есть примѣчанія *S*, т. е. Шевырева); конецъ рецензіи, начиная со слова: „Г. Лавровъ игралъ роль Твердовскаго безъ искусства“ подписанъ „Любитель русскаго театра“ (это есть псевдонимъ самого С. Т. Аксакова); наконецъ: „Модная Лавка“, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ,

сочиненіе И. А. Брылова, „Леонъ и Тамаида“, балетъ. Рецензія подписана *N. N.* Итавъ, въ № I „Прибавленій“ участвовало всего *четыре* человѣка.

№ II заключаетъ всего одну рецензію „Любителя русскаго театра“ на представленіе 19 іюня: „Отелло или венеціанскій мавръ“, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Есть примѣчаніе Погодина.

№ III заключаетъ рецензію „Любителя русскаго театра“ на спектакль 3 іюля: опера „Панъ Твердовскій“ и—, Пять лѣтъ въ два часа, или какъ дороги утки“, опера-водевиль въ 2 д. перед. съ фр. Писарева.

Въ № IV „Драматическихъ Прибавленій“ *Л. Р. Т.* (т. е. „Любитель русскаго театра“) помѣстилъ рецензію на спектакль 22 іюля: „Пожарскій“, трагедія въ 3 д. (Крюковскаго) въ стихахъ и водевиль „Король и Пастухъ“ въ 1 д. съ дивертисманомъ (переводъ съ фр. кн. Шаховскаго).

Въ № V имѣется рецензія *N.* на представленіе 20 августа: „Благородный Театръ“, комедія въ 4 д. въ стихахъ соч. М. Н. Загоскина и „Великодушіе Турецкаго Паши“, большой пантомимный дивертисманъ соч. г. Глушковскаго. При рецензіи отмѣтка „Сообщено“ и примѣчаніе: „Эта статья доставлена отъ неизвѣстнаго. Мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ ее, желая представить Публикѣ и артистамъ сужденія *разныхъ* лицъ, ибо въ суммѣ правда“. При статьѣ есть 2 примѣчанія *Л. Р. Т.* Въ томъ же № рецензія *Л. Р. Т.* на спектакль 23 августа: „Батюшкина дочка“, ком. въ 3 д. въ прозѣ, кн. Шаховскаго, „Дядя на прокатъ“, комедія-водевиль въ 1 д. (передѣлка съ франц. А. И. Писарева) и дивертисманъ „Праздникъ жатвы“. Потомъ идетъ еще рецензія *N N.* на спектакль 26 августа: „Жизнь игрока“ трилогія и „Волшебная флейта“, балетъ. Итавъ въ этомъ № у С. Т. Аксакова *два* сотрудника.

Въ № VI рецензія *N. N.* на представленіе 31 августа: „Сынъ любви“, драма въ 5 д. Коцебу и „Хлопотунъ“, воде-

виль, передѣл. съ фр. А. И. Писарева. Слѣдующая рецензія на представленіе 4 сентября: „Какаду“, комедія въ 1 д. въ стихахъ, кн. Шаховского, „Лучшій день въ жизни“ опера-водевиль, въ 2 д. перев. съ франц. Малышева, „Урокъ лунатикъ“, ком. въ 1 д. въ стихахъ кн. Шаховского, „Зефиръ“ балетъ въ 1 д. Дюпора—подписана *N.* и отмѣчена „Сообщено“. Потомъ идетъ рецензія кн. Шаховского на спектакль 12 сентября: „Женщина-лунатикъ“, опера-водевиль въ 3 д. передѣл. съ франц. кн. Шаховского и „Мужъ и любовникъ“ ком. въ 1 д.; рецензія—въ формѣ письма къ издателю „М. Вѣстника“, Погодину. Это былъ первый дебютъ на гастроли пріѣхавшей въ Москву Семеновой. Такъ же есть и о второмъ ея дебютѣ сообщеніе *N. N.* подъ заглавіемъ: „Еще нѣсколько словъ о г-жѣ Семеновой“, игравшей въ „Красной Шапочкѣ“ Розу-Любовь и въ „Швейцарскомъ семействѣ“ Эмелину. Въ этомъ № „Прибавленій“ С. Т. совсѣмъ не участвовалъ своими статьями.

Въ VII и VIII №№, вошедшихъ въ составъ „Московского Вѣстника“ №№ 19—20, всѣ рецензіи принадлежатъ *N.*: на спектакль 11 сентября „Аристофанъ“, историческая ком. въ 3 д. въ стихахъ кн. Шаховского, и „Пять лѣтъ въ два часа“, опера-водевиль Писарева (есть примѣчаніе *A. P. T.*), *N* же на 19 сентября: „Пустодомы“, ком. въ 5 д. въ стихахъ кн. Шаховского, и его же „Новая суматоха или женихъ чужихъ невѣстъ“, опера; на 16 сентября „Сватъ не впопадъ“, комедія-водевиль въ 1 д. перев. съ фр. Ленскаго, „Альцеста или Сошествіе Геркулеса въ адъ“, большой героическій пантомимный балетъ въ 4 д. Дидло; на 3 октября: „Лукавинъ“, ком. въ 5 д. въ стихахъ, передѣл. съ англійскаго Писарева, — „Пурсоньякъ Фалалей или Рухусъ Пумперникель въ новомъ видѣ“, водев. въ 1 д. перев. съ фр. кн. Шаховского и разнохарактерный дивертисманъ. Значить, и въ этихъ №№ С. Т. Аксаковъ не участвовалъ.

Подводя итоги, мы видимъ, что С. Т. Аксакову въ „Драматическихъ Прибавленіяхъ“ принадлежатъ только №№ II—IV; въ № VI—VIII онъ не участвовалъ вовсе; въ №№ I и V—С. Т. участвовалъ, но не одинъ, а съ другими со-трудниками.

На основаніи этого подлежатъ включенію въ *полное* собраніе сочиненій Сергѣя Тимоѣевича только тѣ рецензіи, которыя принадлежатъ ему лично, да еще тѣ, которыя, хотя писаны не имъ, но снабжены его примѣчаніями. Подпись самого С. Т. Аксакова—„Любитель русскаго театра“, или инициалы этихъ словъ: *Л. Р. Т.* Кроме него, участвовалъ въ „Драматическихъ Прибавленіяхъ“ кн. А. А. Шаховской, *М., N., NN.*—четыре человекъ. Погодинъ и Шевыревъ, подобно Аксакову, иногда снабжали чужія статьи примѣчаніями.

Перепечатывать въ будущемъ „полномъ“ собраніи сочиненій С. Т. Аксакова *безусловно* надо слѣдующее:

1) конецъ рецензіи на оперу „Панъ Твердовскій“—со словъ: „Г. Лавровъ игралъ“ и т. д. Къ спектаклю 10 іюня относится только написанное Аксаковымъ. Начало есть разсужденіе *М.* (объ этой оперѣ вообще).

2) Рецензія на „Отелло“.

3) Рецензія на спектакль 3 іюля: опера „Панъ Твердовскій“ и „Пять лѣтъ въ два часа“.

4) Рецензія на „Пожарскаго“ и „Короля-пастуха“.

5) Рецензія на „Благородный театр“, комедію Загоскина и „Великодушіе турецкаго паши“, на „Аристофана“ (примѣчанія Аксакова) и рецензія на „Батюшкину дочку“, „Дядя на прокатъ“ и „Праздникъ жатвы“.

Все остальное содержаніе „Драматическихъ Прибавленій“, какъ не принадлежащее С. Т. Аксакову, и какъ совершенно не представляющее нынѣ само по себѣ никакого интереса,—безъ ущерба для дѣла можетъ быть оставлено безъ дальнѣйшаго перепечатыванія.

---

## Дополненія о М. Г. Павловѣ.

Будучи инспекторомъ Московскаго университетскаго пансіона, М. Г. Павловъ обратилъ свое особенное вниманіе на даровитаго юношу, учившагося тамъ, будущаго великаго поэта, *М. Ю. Лермонтова*. Онъ интересовался его усиліями даже по рисованію и хранилъ у себя удачные его рисунки (Біографія Лермонтова, составленная П. А. Висковатовымъ, стр. 40). Павловъ даже хотѣлъ помѣщать въ своемъ журналѣ ученическія сочиненія Лермонтова, какъ о томъ сообщаетъ самъ поэтъ въ концѣ 1828 г. своей тетевѣ Марьѣ Акимовнѣ Шанъ-Гирей (Сочиненія, изд. Висковатова, т. V, стр. 375): „Я продолжалъ подавать сочиненія мои Дубенскому, а Геркулеса и Прометея взялъ инспекторъ, который хочетъ издавать журналъ „Калліопу“ (подражая мнѣ!), гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ.—Каково Вамъ покажется? Павловъ мнѣ подражаетъ, перенимаетъ у... меня!... стало быть... стало быть... но выводите заключенія, какія Вамъ угодно“...

Въ 1831 г. М. Г. Павловъ читалъ лекцію *опытной физики у себя* (П. В. Анненковъ, Н. В. Станкевичъ, Переписка, стр. 3, письмо къ Ян. Мих. Невѣрову, № 1).

*Ю. Ѡ. Самаринъ* замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ 1834—1838 г.г. (газета „Русь“ за 1880 г., № 1 отъ 15 ноября; стр. 18, столбецъ 3): „Въ то время лекціи читались какъ-то безъ всякаго плана... проф. Павловъ вмѣсто полнаго курса физики прочелъ намъ объ одномъ гальванизмѣ“.

*М. Н. Лонтиновъ* сообщаетъ („Современная Лѣтопись“, № 14, апрѣль 1862 г., четвергъ, стр. 28): „Въ Петербургскомъ университетѣ въ 30-хъ годахъ экзаменаторъ физики, которая преподавалась тамъ по *Щеллову*, спросилъ прежде всего у одного пришедшаго на пріемный экзаменъ юноши: „По какому руководству Вы учились?“—отвѣтъ былъ: „По физикѣ *Павлова*!“ Услышавъ это, экзаменаторъ поставилъ юношѣ 0 и не хотѣлъ даже спрашивать его“.



Столь же неблагоприятно, какъ петербургскіе ученые, относились къ знаменитому московскому профессору и петербургскіе критики. *Сенковский* (Сочиненія, т. IX, стр. 297—298) въ рецензіи на „Геодезію“ *А. Болотова* говоритъ: „Коротко сказать, это—противоположный полюсь „Курса сельскаго хозяйства“ г. *Павлова*: читая ихъ, невольно придетъ вамъ въ голову, что они бились объ закладъ, одинъ, кто изложитъ науку такъ, чтобы и неопытный человѣкъ, руководясь его книгой, сдѣлался въ нѣсколько пріемовъ опытнымъ практикомъ, другой, кто представитъ дѣло въ такомъ видѣ, чтобы и самый опытный хозяинъ, прочитавъ его книгу, всталъ втупикъ и согласился бы, что сельское хозяйство несравненно мудренѣе египетскихъ іероглифовъ“ (Ночи Плюмь-Султанъ-Багадура, ночь седьмая, отъ 1838 г.).

---

*Къ тому III сего труда*: Проф. С. Я. Нечаевъ, упоминаемый въ статьѣ о Сочинскомъ, былъ также редакторомъ статей по физикѣ и химіи въ „Лексиконѣ“ Плюшара (т. I, 1835 года, стр. VI).

Въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“ (томъ Ибакъ—Ключаревъ, стр. 410) въ біографіи Г. П. Каменева допущена крупная ошибка: „Родители не разрѣшили ему вступить въ бракъ съ любимой имъ дѣвушкою, дочерью иностранца-доктора, а принудили его жениться по ихъ выбору“. Отецъ поэта Каменева умеръ, когда послѣднему было четыре года; мать при своей смерти оставила сына семи лѣтъ. Въ моментъ вступленія поэта въ бракъ не было въ живыхъ ни его отца, ни матери, а стало быть, и некому было ни разрѣшать, ни принуждать поэта.

---



**Вышли отдѣльными изданіями и находятся въ продажѣ:**

1. О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ, 1891 (VIII+248 стр.). Цѣна 2 р.
2. Отношенія искусства къ наукѣ и нравственно-сти. Юрьевъ, 1895 (8 нум.+82 стр.). Цѣна 75 к.
3. О самосознаніи. Актовая рѣчь. Каз., 1898 (42 стр.). Цѣна 25 к.
4. Изъ исторіи критическаго индивидуализма. Казань, 1898 (51 стр.). Цѣна 35 коп.
5. О понятіи бытія (76 стр.). Казань, 1898. Цѣна 50 к.
6. Новая реконструкція монадологіи Лейбница. Юрьевъ, 1896 (16 стр.). Цѣна 20 к.
7. Г. Тейхмюллеръ. Везмеріе души. Философское изслѣдованіе. Переводъ А. К. Николаева подъ редакціею Евгенія Боброва. Юрьевъ, 1895 (VIII+200 стр.). Цѣна 1½ р.
8. Г. Тейхмюллеръ. Дарвинизмъ и философія. Переводъ А. К. Николаева подъ редакціею Евгенія Боброва. Юрьевъ, 1894 (VIII+100 стр.). Цѣна 1 р.
9. Рецензія на «Свое Слово» А. А. Козлова, № 3. Казань, 1899. (16 стр.). Цѣна 10 к.
10. Рецензія на рукописное сочиненіе: Переписка съ де-Боссомъ какъ матеріалъ для характеристики философіи Лейбница (12 стр.). Казань, 1901. Цѣна 10 коп.
11. Краткій отчетъ о занятіяхъ во время ученой командировки лѣтомъ 1898 г. съ приложеніемъ двухъ разсужденій: 1) О координальномъ бытіи и 2) Искусство и христіанство. Казань, 1900. (32 стр.). Цѣна 25 к.
12. Бытіе индивидуальное и бытіе координальное. (IV+181 стр.) Юрьевъ, 1900. Цѣна 80 коп.
13. Философія и литература. Сборникъ статей (1888—1898). Томъ I (172 стр.). Казань, 1898. Цѣна 1 р. 20 к.
14. Этическія воззрѣнія графа А. Н. Толстого и философская ихъ критика (100 стр.) Юрьевъ, 1897. Цѣна 80 к.
15. П. А. Висковатовъ. Сжатый обзоръ исторіи новой русскои литературы съ библиографическими примѣчаніями. Издалъ (переработалъ и дополнилъ) Евгеній Бобровъ. (75 стр.) Дерптъ, 1892. Цѣна 60 к.
16. Срѣмецъ. Календарный вопросъ въ Россіи и на Западѣ (Переводъ Евгенія Боброва съ рукописи) (105 стр.). СПб. 1894. Цѣна 1 р.
17. Философія Парменида. Отзывъ о рукописномъ сочиненіи (16 стр.). Казань, 1903. Цѣна 10 к.
18. Философскій элементъ въ сочиненіяхъ В. Г. Бѣлинскаго. Отзывъ о рукописномъ сочиненіи (20 стр.). Казань, 1900. Цѣна 15 коп.
- 19—22. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в. Матеріалы изслѣдованія и замѣтки. Томъ I. (VIII+216 стр.). Казань, 1901. Цѣна 1 р. Томъ II (VIII+272 стр.) Казань, 1902. Цѣна 1 руб. 70 коп. Томъ III (IV+199 стр.) Казань, 1902. Цѣна 1 р. 20 к. Томъ IV (IV+302 стр.) Казань, 1903. Цѣна 2 р.
- 23—28. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Выпускъ I. Казань, 1899 (IV+48 стр.) Цѣна 30 к. Вып. II. Казань 1899 (VIII+255 стр.) Цѣна 1 р. 65 к. Вып. III. Казань, 1900 (VIII+256 стр.) Цѣна 1 р. 65 к. Вып. IV. Казань, 1901. (VIII+264 стр.) Цѣна 1 руб. 70 коп. Вып. V (IV+208 стр.) Казань, 1901. Цѣна 1 р. Вып. VI (VIII+48 стр.) Казань, 1903. Цѣна 30 коп.

Выписывающіе непосредственно отъ автора - издателя (Казань, университетъ, профессору Евгенію Александровичу Боброву) пользуются уступкой съ нарицательной цѣны.









8 JAN 19 1974

